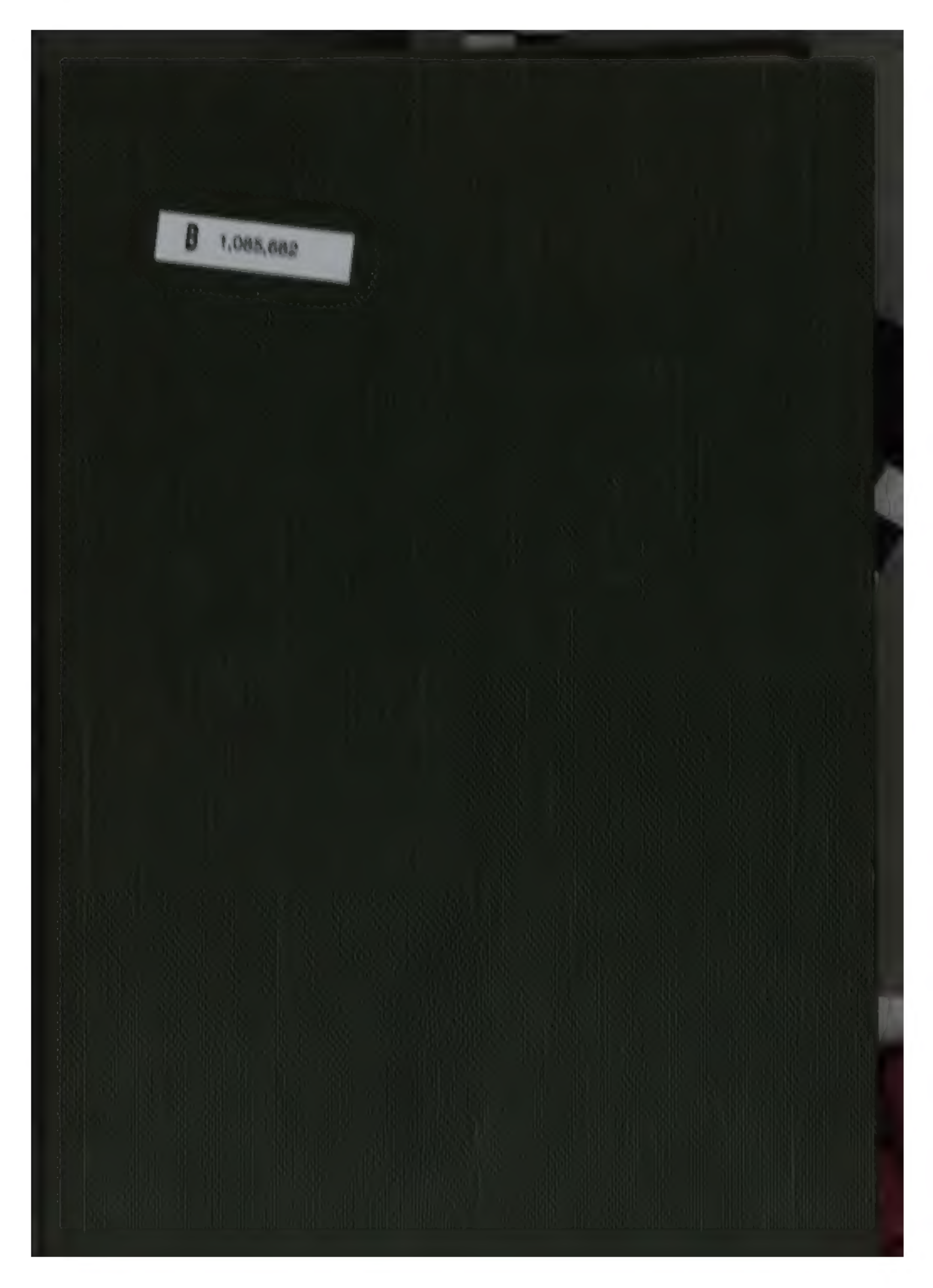
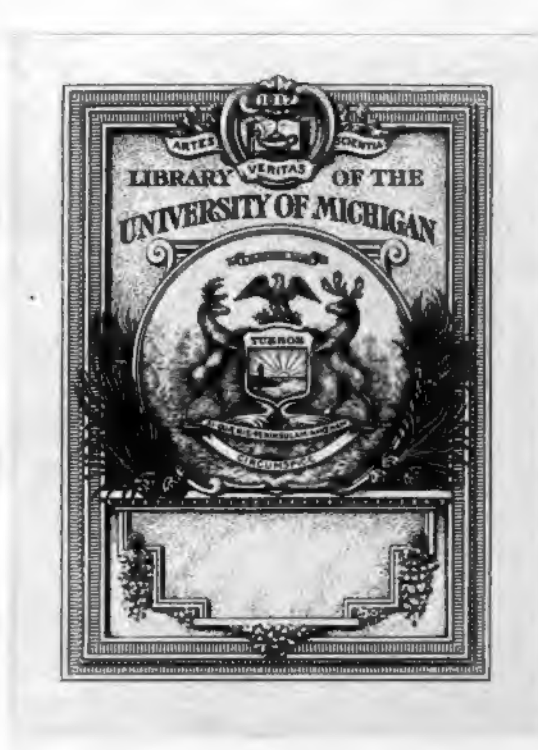

B 1,085,682

ARTES
VERITAS
SCIENTIA
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
TUEBOR
CIRCUMSPICE

ΒΥΖΑΝΤΙΝΑ ΧΡΟΝΙΚΑ

ΤΟΜΟΣ ΔΕΥΤΕΡΟΣ

НТІЙСКІЙ ВРЕМЕННИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

льевскаго и В. Э. Регеля
кадемика. Пр.-Доц. Спб. Университета.

МЪ II. 2

7253

BYZANTINA XPONIKA

ΤΟΜΟΣ ΔΕΥΤΕΡΟΣ

ВИЗАНТІЙСКІЙ ВРЕМЕННИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

при

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

подъ редакціею

В. Г. Васильевскаго и **В. Э. Регеля**

Ординарнаго Академика. Пр.-Доц. Спб. Университета.

ТОМЪ II.

2

Съ 9 рисунками.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1895.

КОММИССІОНЕРЪ:

С.-Петербургъ. К. Л. Риккеръ, Невскій пр. 14. | Leipzig. C. Ricker, Königsberger Str. 20.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, декабрь 1895 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Ἐκδίδοται τύποις ἐγκρίσει τῆς Αὐτοκρατορικῆς Ἀκαδημείας τῶν Ἐπιστημῶν.
Ἐν Πετρουπόλει, μηνὶ δεκεμβρίῳ ἔτους 1895-ου.
Ὁ ἰσόβιος γραμματεύς, ἀκαδημεικὸς Ν. Δουμπρόβιν.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРАГО ТОМА.

ΠΕΡΙΕΧΟΜΕΝΟΝ ΤΟΥ ΔΕΥΤΕΡΟΥ ΤΟΜΟΥ.

Отдѣлъ I.

ΜΕΡΟΣ Α'.

Изслѣдованія и матеріалы.

Μελέται καὶ ὕλαι.

Стр.

Отдѣлъ II.

1. 2. Критика и Библіографія.

Α′. Β′. Βιβλίων ἐπικρίσεις καὶ βιβλιογραφία.

Стр.

3. Новыя книги поступившія въ Редакцію.

Отдѣлъ III.

ΜΕΡΟΣ Γʹ.

Мелкія замѣтки и извѣстія.

Μικραὶ ἀνακοινώσεις.

3. Новыя книги поступившія въ Редакцію.

Отдѣлъ III.

ΜΕΡΟΣ Γ'.

Мелкія замѣтки и извѣстія.

Μικραὶ ἀνακοινώσεις.

Стр.

ОТДѢЛЪ I.

О нѣкоторыхъ трудахъ Димитрія Хоматіана, какъ историческомъ матеріалѣ.

II[1]).

Послѣдніе годы архіепископствованія Димитрія Хоматіана, его письмо къ Мануилу Комнину Дукѣ, синодальное рѣшеніе по дѣлу двухъ солунскихъ архонтовъ, трактатъ по наслѣдственному праву. Оправдательное слово Сервійскаго епископа къ патріарху Герману. Новыя данныя для исторіи политическаго и церковнаго разрыва между Никейской имперіей и Эпирско-Солунскимъ государствомъ. Время уничтоженія латинскаго Королевства. Споръ двухъ солунскихъ гражданокъ о виноградникѣ въ «оградахъ» и пр.

По господствующему нынѣ мнѣнію, архіепископствованіе Димитрія Хоматіана кончилось вскорѣ послѣ 1222-го года, не позже начала второй четверти XIII вѣка[2]). Мнѣніе это высказано и поддерживается учеными, ошибочно полагающими, какъ мы уже видѣли, что Хоматіанъ занялъ архіепископскій престолъ еще до конца XII вѣка, т. е. на двадцать, приблизительно, лѣтъ раньше, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. По устраненіи этой ошибки, естественно, возникаетъ предположеніе, что нашъ архіепископъ святительствовалъ гораздо далѣе начала второй четверти XIII вѣка. Такое предположеніе вполнѣ подтверждается нѣкоторыми документами Мюнхенскаго Сборника, по-

1) См. Византійскій Временникъ, т. I, стр. 319.

2) Zachariae von Lingenthal, Beiträge zur Geschichte der Bulgarischen Kirche. S.-Petersburg. 1864, 24—25. Голубинскій, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей и пр. 291, 124. Пальмовъ, Новыя данныя къ вопросу объ учрежденіи сербской архіепископіи 422—423 прим. 2-е. Не лишнимъ считаемъ отмѣтить при этомъ, что Albert Battandier, выпустившій въ свѣтъ занимающій насъ посмертный трудъ Питры, снабдивъ его французскимъ предисловіемъ, доказываетъ въ послѣднемъ, что Хоматіанъ архіепископствовалъ около конца XII-го и въ первыхъ двухъ десятилѣтіяхъ XIII-го вѣка. Pitra, Analecta sacra et classica, spicilegio Solesmensi parata vol. VI, Préface p. XXII—XXIV.

казывающими, что ихъ авторъ жилъ и дѣйствовалъ не только до самого конца царствованія Ѳеодора Эпирскаго, т. е. до плѣненія послѣдняго Іоанномъ Асѣнемъ въ 1230-мъ году, но и въ первые годы правленія его брата и преемника Мануила Комнина, приблизительно до 1234 г. Въ настоящей главѣ мы и займемся разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ документовъ, именно такихъ, хронологію которыхъ можно опредѣлить довольно точно.

Остановимся прежде всего на документѣ № 117, озаглавленномъ въ латинскихъ указателяхъ къ Мюнхенскому Сборнику — ad Comnenum Theodori fratrem[1]) и имѣющемъ въ текстѣ этого сборника такое надписаніе: *«О второбрачныхъ и о томъ, что изъ имущества ихъ дѣтей отъ перваго брака они получаютъ, по наслѣдству, въ полную собственность* (κατὰ δεσποτείαν), *и что лишь во временное пользованіе* (κατὰ χρῆσιν). Подъ этимъ надписаніемъ помѣщено слѣдующее письмо[2]), которое и приводимъ въ переводѣ съ небольшими пропусками.

«Осмѣливаюсь донести, владыко мой святый, что въ дни прежде царствовавшаго (προβεβασιλευκότος) брата твоей царственности и государя моего, господина Ѳеодора, нами сдѣлано синодальное рѣшеніе (συνοδικὸν ψηφηφόρημα) по прошенію господина Константина Лампета относительно его зятя по сестрѣ Хамайдраконта, вступившаго во второй бракъ (по смерти первой жены, сестры Константина Лампета). Рѣшеніе это согласно законамъ опредѣляетъ, что Хамайдраконтъ имѣетъ право на пожизненное пользованіе материнскимъ имуществомъ умершаго своего сына отъ первой жены, и что по смерти его это материнское имущество должно перейти къ законнымъ наслѣдникамъ названнаго его сына. Ибо вступающій во второй бракъ совершенно лишается права на наслѣдственное владѣніе родительскимъ (въ данномъ случаѣ материнскимъ) имуществомъ умершаго своего *чада*— таково ограниченіе правъ втораго брака—и можетъ только пользоваться такимъ имуществомъ до конца своей жизни. Противъ указаннаго нашего рѣшенія теперь противостали нѣкоторые, заявляя, что оно сдѣлано неправильно. Мы же, познакомившись съ содержаніемъ (τὴν περίληψιν) этого заявленія, приготовили возраженіе (ἀντίρρησιν), составленное изъ имѣющихъ законную силу постановленій. То, что въ указанномъ синодальномъ опредѣленіи (σημειώματι) изложено нами въ общихъ чертахъ, мы подробно развили въ этомъ возраженіи, выяснивъ,

1) Въ изданіи Питры стр. 820, 887.

2) Тамъ же, столб. 501—4.

какія имущества подвластныхъ дѣтей (ὑπεξουσίοις ἁρμοζόντων) могутъ получать по наслѣдству въ полную собственность первобрачные, какія же второбрачные.... Поелику палата твоей царственности не бѣдна людьми, украшенными всякой мудростью, то прошу, чтобы ими были подвергнуты изслѣдованію наши мнѣнія по сему дѣлу и если будутъ найдены составлёнными какъ должно, согласно законамъ, то да будетъ дано имъ утвержденіе твоей державы, чтобы право сдѣлалось явнымъ и чтобы Лампетъ не былъ лишенъ того, что ему принадлежитъ. Я убѣжденъ и, думаю, безошибочно, что въ какую бы высшую или низшую инстанцію, въ какое бы правовѣдное учрежденіе ни было представлено наше рѣшеніе, въ послѣднемъ врядъ ли будетъ отыскано какое-нибудь упущеніе. Ты же, державнѣйшій мой владыко, будь снисходительнымъ къ намъ за то, что мы не можемъ совершить должнаго поклоненія святой твоей царственности. Изъ препятствій, мѣшающихъ намъ (сдѣлать это), самымъ важнымъ является болѣзнь, которою мы, несчастные, обречены на тяжкія страданія».

Приведенное тутъ письмо, какъ видно изъ его содержанія, адресовано несомнѣнно *царю*[1]) Мануилу Комнину Дукѣ, занявшему Солунско-Эпирскій престолъ весною 1230-го года. Судя по заключительнымъ словамъ, въ которыхъ авторъ, указывая на удручающіе его недуги, извиняется въ томъ, что не могъ еще отдать должнаго поклоненія новому правителю, можно, кажется, безошибочно относить составленіе письма къ первому году правленія Мануила, т. е. къ 1230—1231 гг. — Что оно не случайно, не по ошибкѣ попало въ сборникъ трудовъ Димитрія Хоматіана, а дѣйствительно писано послѣднимъ, это явствуетъ изъ нижеслѣдующаго.

Въ Мюнхенскомъ сборникѣ сохранились и тѣ документы, которые по указанію этого письма были составлены его же авторомъ и по тому же самому дѣлу, именно: *синодальное рѣшеніе*, составленное въ царствованіе Θеодора, и *возраженіе*, писанное при преемникѣ послѣдняго, Мануилѣ. Въ синодальномъ *рѣшеніи*[2]) мы находимъ прямое

1) Довольно распространенное мнѣніе, что Мануилъ не носилъ царскаго титула, а довольствовался титуломъ деспота, оказывается несостоятельнымъ. Въ нѣкоторыхъ документахъ Мюнхенскаго сборника, имѣющихъ оффиціальный характеръ и писанныхъ въ первые годы правленія Мануила, послѣдній называется *царемъ*. См. изд. Питры № 106, ст. 451, 456. *Царемъ* названъ Мануилъ и въ обнародованномъ академикомъ Васильевскимъ письмѣ Анкирскаго митрополита къ Іоанну Асѣню (отъ 1233 г.). См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1885 г. мартъ 48, 54.

2) Въ изданіи Питры № 38, столбцы 165—172.

указаніе на то, что дѣло К. Лампета и Хамайдраконта разсматривалось въ синодѣ болгарскаго архіепископа[1]). Кромѣ того, изъ этого рѣшенія мы узнаемъ, что К. Лампетъ и его зять Хамайдраконтъ (Θеодоръ) были жителями города Солуни и принадлежали къ высшему классу его населенія[2]): Хамайдраконтъ тутъ названъ Солунскимъ архонтомъ (Θεσσαλονικεῖ ἄρχοντι), а Константину Лампету данъ титулъ μεγαλεπιφανέστατος[3]) κυρὸς, указывающій, что и онъ (Лампетъ) былъ архонтомъ. Указанія эти не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что занимающее насъ здѣсь синодальное рѣшеніе принадлежитъ несомнѣнно болгарскопу архіепископу и составлено въ послѣдніе годы царствованія Θеодора Комнина, во всякомъ случаѣ нѣсколькими годами позже завоеванія послѣднимъ Солуни, которое (завоеваніе), какъ увидимъ далѣе, произошло не раньше мая 1223-го года.

Перейдемъ къ *возраженію*, которое, припомнимъ, было написано одновременно съ письмомъ къ Мануилу и, повидимому, служило приложеніемъ къ названному письму. *Возраженіе* это помѣщено въ видѣ отдѣльнаго памятника, подъ № 151, около конца Мюнхенскаго сборника, статьи котораго, нужно сказать, размѣщены не въ хронологическомъ ихъ порядкѣ. Оно занимаетъ около 23 столбцовъ[4]) и заключаетъ въ себѣ обширный трактатъ, авторъ котораго, развивая свое мнѣніе, изложенное въ общихъ чертахъ въ синодальномъ опредѣленіи и въ письмѣ къ Мануилу, подтверждаетъ его большими выписками изъ Василикъ и нѣкоторыхъ новеллъ, а также изъ толкованій юристовъ-комментаторовъ: Θалелея, Θеодора Гермополитанскаго, Симватія и «совершителя великихъ дѣлъ» (ἀξιάγαθος καὶ μεγαλεπήβολος) Евстафія, патриція Ромейскаго. При этомъ дѣлаются ссылки на Θеофила, *мудрѣйшаго* Гарида и *дивнаго* Итала. Кромѣ памятниковъ свѣтскаго законодательства и мнѣній юристовъ, авторъ цитируетъ

---

1) Въ этомъ памятникѣ приведено дословно прошеніе К. Лампета, которое начинается такими словами: «Παναγιώτατέ μου δέσποτα ἀρχιεπίσκοπε πάσης Βουλγαρίας καὶ ὑμεῖς οἱ συμπαρόντες πανιερώτατοι ἀρχιερεῖς καὶ δεσπόται μου.

2) Изъ другихъ подробностей, сообщаемыхъ синодальнымъ опредѣленіемъ о спорѣ между двумя солунскими вельможами, узнаемъ, что у Хамайдраконта (Θеодора) отъ первой его жены, сестры К. Лампета (Кали), былъ только одинъ сынъ, который умеръ вскорѣ послѣ смерти матери и до вступленія отца во второй бракъ. На послѣднемъ обстоятельствѣ, повидимому, Хамайдраконтъ основывалъ свои притязанія на материнское имущество своего умершаго сына.

3) Совершенно такой же титулъ Хоматіанъ даетъ *архонту Николаю Чахину*: μεγαλεπιφανέστατος ἄρχων Νικόλαος ὁ Τζαχίνος, см. у Питры столб. 75. — Въ другихъ случаяхъ онъ титулируетъ архонтовъ — μεγαλοδοξώτατοι. 105, 429 и пр.

4) Въ изданіи Питры 589—612.

тутъ еще и правила св. Василія Великаго, а также правила древнихъ помѣстныхъ соборовъ — Анкирскаго, Неокесарійскаго и Лаодикійскаго. — Уже ученый аппаратъ, а также пріемы изслѣдованія и стиль разсматриваемаго возраженія свидѣтельствуютъ, что послѣднее вышло изъ подъ пера Димитрія Хоматіана. На это имѣется и прямое указаніе въ надписаніи памятника, гласящемъ такъ: τοῦ αὐτοῦ μελέτη περὶ α' γάμου καὶ β', ἅμα δὲ καὶ ἀντίρρησις πρὸς τοὺς λέγοντας ἰσοστατεῖν τὸν δεύτερον γάμον τῷ πρώτῳ εἰς τὴν κληρονομίαν и пр.

Слово τοῦ αὐτοῦ, поставленное тутъ вмѣсто имени автора занимающаго насъ *возраженія*, ясно указываетъ, что послѣднее составлено авторомъ предшествующаго ему въ Мюнхенскомъ сборникѣ памятника № 150, который, какъ сейчасъ увидимъ, принадлежитъ несомнѣнно нашему архіепископу[1]).

Только что названный документъ № 150, писанный, по нашему мнѣнію, также въ царствованіе Мануила Комнина Дуки, представляется весьма любопытнымъ по своему содержанію и заслуживаетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія[2]). Онъ содержитъ въ себѣ *апологію* Сервійскаго епископа, подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть не епископа Сербіи, какъ думалъ Питра[3]), а епископа города Серви (Сельфидже), лежащаго недалеко отъ сѣверо-восточной границы Өессаліи[4]) и ничего общаго съ Сербіей не имѣющаго.

Апологія эта помѣщена въ Мюнхенскомъ сборникѣ съ слѣдующимъ надписаніемъ: «*Оправдательное слово* (λόγος ἀπολογητικός) *къ*

1) Въ Мюнхенскомъ сборникѣ имѣется и другое подобное возраженіе, писанное на ту же тему и по совершенно такому же поводу, касающемуся аналогичнаго дѣла двухъ жителей города Верроя. Но оно гораздо короче и изложено не въ видѣ отдѣльной статьи, а въ письмѣ къ царю Өеодору, брату и предшественнику Мануила. Письмо это, писанное, повидимому, въ послѣдніе годы царствованія Өеодора, помѣщено тутъ подъ № 26 (ст. 109—118) съ такимъ надписаніемъ: Πρὸς τὸν βασιλέα κυρὸν Θεόδωρον τὸν Δοῦκαν περὶ προνομιῶν τῶν εἰς δευτέρους γάμους οὐκ ἐρχομένων καὶ τῶν δευτερογαμούντων, ὅτι οὐ δεσπόζουσι τὴν μητρικὴν τῶν παίδων ὕπαρξιν, καὶ περὶ ἀχρησίας νόμων, καὶ περὶ τοπικῆς συνηθείας, καὶ παραδρομῆς χρόνου διὰ κατοχῆς. Эти два памятника (№№ 26 и 151) интересны, между прочимъ, потому, что въ нихъ имѣются отголоски борьбы обычая, или же законодательства иконоборствовавшихъ императоровъ, съ принципами Юстиніановскаго права (Василикъ).

2) Въ изданіи Питры, столбцы 577—588 № 150.

3) Тамъ же, стр. 790, 808, 810. Нелишнимъ считаемъ припомнить, что такое смѣшеніе Серви съ Сербіей, дѣлаемое нерѣдко и другими современными учеными, дѣлалось и въ отдаленную старину Сербскимъ переводчикомъ Зонары, а еще раньше Константиномъ Багрянороднымъ.

4) Довольно подробное описаніе Сервійской *каазы* см. въ книгѣ Верковича, Топографическо-этнографическій очеркъ Македоніи. СПБ. 1889, стр. 214—221.

святѣйшему Константинопольскому патріарху господину Герману и его синоду, составленное какъ бы отъ лица (γεγονὼς ὡς ἐκ προσώπου) *Сервійскаго епископа, подчиненнаго Солунской митрополіи, но рукоположеннаго имъ*, ὑπ' αὐτοῦ (авторомъ слова), *по требованію обстоятельствъ, потому именно, что въ Солуни господствовали Латиняне, и его митрополитъ, вслѣдствіе этого, находился внѣ предѣловъ своей епархіи».*

Приведенное тутъ заглавіе, какъ и вообще дѣло, вызвавшее составленіе апологіи, казалось Питрѣ темнымъ, historia satis obscura, obscura res historica [1]). По нашему мнѣнію эта *исторія* объясняется вполнѣ удовлетворительно содержаніемъ апологіи, а также другимъ документомъ (№ 78) мюнхенскаго сборника, писаннымъ нѣсколько раньше и заключающимъ въ себѣ актъ избранія и рукоположенія Сервійскаго епископа, несомнѣнно того же самаго, отъ лица котораго составлена апологія. Этотъ актъ (№ 78) носитъ такое надписаніе: πρᾶξις γενομένη ἐπὶ ψήφῳ καὶ χειροτονίᾳ ἑτέρας ἐπαρχίας ἀρχιερέως. γινομένη ὑπ' αὐτοῦ, μηνὶ μαΐῳ ιβ' ἰνδ. ια' [2]). Встрѣчающееся тутъ выраженіе γινομένη ὑπ' αὐτοῦ объясняется предшествующимъ (въ Мюнхенскомъ сборникѣ) *акту* документомъ № 77, въ которомъ имѣемъ письмо къ новопоставленному Сервійскому епископу, начинающееся словами: Δημήτριος, ἐλέῳ Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος τῆς πρώτης Ἰουστινιανῆς καὶ πάσης Βουλγαρίας τῷ ἱερωτάτῳ ἐπισκόπῳ Σερβίων [3]). Прибавимъ еще, что занимающій насъ здѣсь памятникъ (№ 78), принадлежащій несомнѣнно Димитрію Хоматіану, составленъ, какъ показываетъ его содержаніе, въ царствованіе Θеодора Комнина. Зная все это, не трудно объяснить и значеніе хронологической даты 12-го мая 11-го индикта, которою помѣченъ этотъ памятникъ. Въ теченіе той части архіепископствованія Хоматіана, которая совпадала съ временемъ правленія Θеодора, только одинъ разъ приходился 11-й индиктъ, а именно съ 1-го Сентября 1222 года по 1-е Сентября 1223-го.—Отсюда явствуетъ, что посвященіе Сервійскаго епископа совершено Хоматіаномъ несомнѣнно въ Маѣ 1223-го года.

1) Питра 577 прим. 2, 826 прим. 2, ср. 808 прим. 5. Покойный кардиналъ намѣревался посвятить этому дѣлу обстоятельное изслѣдованіе въ своихъ Prolegomena къ Мюнхенскому сборнику, которыя не успѣлъ однако написать.

2) У Питры № 78, столбцы 335—336. Ср. и стр. 810, гдѣ ошибочно замѣчено: Exordium hic solum habemus synodicae actionis. По нашему мнѣнію, суть дѣла объ избраніи и рукоположеніи Сервійскаго епископа изложена здѣсь вполнѣ.

3) У Питры № 77 ст. 329—334.

Городъ Сервія издавна входилъ въ составъ Солунской епархіи [1]), зависѣвшей отъ Константинопольской, въ данное время Никейской патріархіи, и находившейся, слѣдовательно, внѣ предѣловъ болгарской церковной области. Этимъ то и объясняется указаніе вышеприведеннаго надписанія на то, что *актъ* касается избранія и рукоположенія ἑτέρας ἐπαρχίας ἀρχιερέως, архіерея чужой епархіи.

Никейскій патріархъ и въ частности Солунскій митрополитъ, проживавшій, по случаю латинской оккупаціи, гдѣ-то за границею своей епархіи, были сильно оскорблены этимъ нарушеніемъ ихъ правъ, но нѣкоторое время должны были терпѣливо переносить нанесенную имъ обиду или ограничиваться простыми протестами, на которые мало обращалось вниманія. Имъ представился, однако, наконецъ благопріятный моментъ, которымъ они поспѣшили воспользоваться, и привлекли къ отвѣтственности антиканонически посвященнаго Сервійскаго епископа, поставили даже вопросъ объ его низложеніи [2]). Дѣло это, начатое, повидимому, при особенно благопріятномъ оборотѣ дѣлъ для враговъ опальнаго епископа, было направлено косвеннымъ образомъ и противъ Димитрія Хоматіана, которымъ было совершено антиканоническое посвященіе. Это-то и побудило Хоматіана изготовить для Сервійскаго епископа занимающую насъ апологію, въ которую, какъ увидимъ, онъ внесъ кое-что и pro domo sua.

Апологія изложена въ формѣ судебной защитительной рѣчи, составленной по всѣмъ правиламъ ораторскаго искусства. Для насъ представляетъ интересъ главнымъ образомъ историческая ея часть, въ которой излагаются обстоятельства, вызвавшія необычное посвященіе Сервійскаго епископа. Содержаніе этого историческаго очерка, занимающаго около трехъ столбцовъ (578—580), въ общихъ чертахъ таково.

Послѣ того, какъ латиняне захватили весь почти (греческій) западъ, за исключеніемъ Болгарскаго удѣла (τῆς Βουλγαρικῆς ἄνευθεν λήξεως), тамошніе законные архіереи покинули свои епархіи и удалились въ

1) Въ спискѣ архіерейскихъ каѳедръ, составленномъ въ царствованіе Льва Мудраго, около конца IX-го вѣка, Сервійское епископство (ὁ Σερβίων) уже значится въ числѣ 12-ти епископствъ, подвѣдомыхъ солунскому митрополиту.

2) Высказываемыя тутъ соображенія основываемъ на общемъ характерѣ содержанія апологіи и въ частности на слѣдующихъ выраженіяхъ, стоящихъ въ началѣ ея: Καιρὸς ἄρτι.... εὑρέθη τοῖς ἐμὲ ζητοῦσιν, ἐμφανὴς ἐγενόμην τοῖς ἐμὲ ἐπερωτῶσιν ἢ ἀνακρίνουσιν.... ἰδοὺ τοίνυν ἐγὼ, καὶ δέξασθε, οἱ ἐμοὶ κριταὶ, τὴν ἡμετέραν ἀπολογίαν, ἵνα εἰ μὲν ἔγκριτος γένηται, τῆς εὐθύνης ἡμᾶς ἀπολύσητε· εἰ δ᾽ ἴσως ἀποφώλιος λογισθείη, τὸ δοκοῦν τῇ τῆς θέμιδος ὀρθοτομίᾳ ψηφίσησθε.

чужіе края [1]), гдѣ нѣкоторые изъ нихъ и окончили свою жизнь. Общаго бѣдствія не избѣгла и Сервійская церковь, священноначальникъ которой также выселился, подобно другимъ, за границу и тамъ скончался. Люди, подпавши подъ латинскую власть, изнемогали подъ ея желѣзной палицей (ὁ δέ γε λαὸς τῇ σιδερᾷ ῥάβδῳ τῆς ἐφισταμένης ἐξουσίας ἐτρύχετο), и многіе отступили отъ церковныхъ обычаевъ и преданій отцовъ, частью по невѣжеству своему, частью же для избѣжанія несносныхъ насилій тирановъ. Но вотъ въ западныхъ странахъ погибшей ромейской власти принялъ начальство Θеодоръ изъ рода Дуковъ, Ангеловъ и Комниновъ, который, мужественно возставъ противъ латинянъ (ταῖς Λατινικαῖς ὁρμαῖς κραταιῶς ἀνθιστάμενος), многихъ изъ нихъ выгналъ изъ занятыхъ ими странъ, между прочимъ и изъ Сервійской области. Присоединивъ послѣднюю къ своимъ владѣніямъ, *освободитель* (т. е. Θеодоръ) озаботился дарованіемъ ей священноначальника, который бы утвердилъ расшатанные умы, возвратилъ бы на путь истины заблудшихъ и подобающими священнодѣйствіями бы очистилъ то, что было осквернено латинскимъ нечестіемъ (τὸ μεμολυσμένον τῆς Λατινῶν βδελυγμίας). Но Солунскій митрополитъ, отъ котораго зависѣло поставленіе такого епископа, находился въ чужихъ странахъ и не явился на призывъ Θеодора. Послѣднему не могли помочь въ этомъ дѣлѣ и остававшіеся еще на своихъ мѣстахъ викарные епископы Солунскаго митрополита, вслѣдствіе боязни предъ грозящей бѣдой [2]). Узнавши изъ древней церковной исторіи, что въ подобныхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ дѣлались нарушенія строгихъ каноническихъ предписаній, Θеодоръ обратился къ Иллирійскому, или болгарскому синоду [3]) и его предсѣдателю, которыхъ не

---

1) Утвержденіе это не совсѣмъ вѣрно; нѣкоторые изъ греческихъ епископовъ *запада* оставались въ своихъ епархіяхъ и послѣ завоеванія послѣднихъ латинянами. См. слѣдующее примѣчаніе.

2) Считаемъ нелишнимъ привести здѣсь подлинныя слова памятника. Указавъ, что солунскій митрополитъ οὐδ' ὅλως παρῆν καὶ γὰρ ὑπερόριος ἦν, апологетъ продолжаетъ такъ: (Θеодоръ) ἀποβλέπει πρὸς τὰ λείψανα τῆς ὑπερορίας, δηλαδὴ τοὺς ὑπ' ἐκεῖνον ἀρχιερεῖς· οἱ δὲ, τὸ τῆς θείας γραφῆς προσφόρως εἰπεῖν, ἔθεντο σκότος ἀποκρυφὴν ἑαυτῶν, τῆς Θεσσαλονίκης ἐν παραβύστοις ἐγγωνιάζοντες καὶ τὴν ἐνισταμένην, ὡς ἐξὸν ἦν, κακίαν ἀποκρυπτόμενοι. Col. 579. — Изъ этихъ словъ видно, что въ 1223 г., когда шелъ вопросъ о посвященіи епископа для только что освобожденнаго отъ латинянъ Сервійскаго округа, въ другихъ частяхъ Солунской области, находившихся еще подъ властью латинянъ, оставались нѣкоторые греческіе епископы, не удалявшіеся, значитъ, въ чужіе края. Съ нѣсколькими такими греческими епископами мы встрѣтимся не много ниже.

3) Πρόσεισιν ὑπερορίῳ συνόδῳ καὶ τῷ προκαθημένῳ ταύτης τῇ τῶν Ἰλλυριῶν ἱεραρχῶν

коснулось латинское завоеваніе, и предложилъ имъ избрать и рукоположить необходимаго Сервійской области епископа. Синодъ этотъ, мѣстопребываніе котораго находилось тогда во владѣніяхъ Θеодора, сначала отклонилъ сдѣланное ему предложеніе,[г] не желая нарушать преданія отцовъ исполненіемъ воли правителя. Послѣдній, однако, не переставалъ настаивать на своемъ предложеніи, то просьбами, то угрозами (τὰ δὲ βιάζων), то указаніемъ на мірскія замѣшательства и на созданное ими ненормальное положеніе вещей. Вслѣдствіе этого и принимая во вниманіе опасность, угрожавшую церковнымъ обычаямъ и спасенію Сервійскаго населенія, названное священное собраніе уступило наконецъ настоятельнымъ просьбамъ Θеодора, избрало и рукоположило предстоятеля Сервійской церкви. Далѣе въ разсматриваемой апологіи приводится, на восьми столбцахъ, изъ священнаго писанія и исторіи церкви длинный рядъ примѣровъ нарушенія св. заповѣдей, совершавшагося съ благою цѣлью. Перечисленіе названныхъ примѣровъ завершается тонкимъ намекомъ на то, что и Виθинская Никея вынуждена была сдѣлать такое же нарушеніе строгой каноничности, присвоивъ себѣ царское и патріаршее достоинство, которыми прежде украшалась славная Византія (ἔνδοξος Βύζας).

Замѣтивъ при этомъ, что приведенные имъ примѣры стоятъ внѣ всякаго порицанія, апологетъ высказываетъ увѣренность, что и его поведеніе, вызванное затруднительными обстоятельствами и имѣвшее въ виду достиженіе благой цѣли (τῆς ἀρίστης οἰκονομίας), не заслуживаетъ осужденія.

Исторія посвященія Сервійскаго епископа излагается и въ актѣ 1223-го года (№ 78), но гораздо короче и въ одномъ пунктѣ несогласно съ апологіею. Въ апологіи, какъ мы видѣли, говорится, что предложеніе Θеодора относительно посвященія Сервійскаго епископа сначала было отклонено болгарскимъ Синодомъ и его предсѣдателемъ Д. Хоматіаномъ, который только вслѣдствіе настойчивыхъ требованій и даже *угрозъ* правителя согласился исполнить волю послѣдняго. Въ актѣ же совершенно напротивъ сказано, что предложеніе это было встрѣчено и исполнено съ необыкновенной готовностью и предупредительностью: οὐδὲ παρηκόους εὗρεν ἡμᾶς ὁ ζηλωτὴς οὗτος καὶ θεοκυβέρνητος Κομνηνός.... ἀλλὰ τὸν λόγον προθέμενος, ἔσχε ἡμᾶς ὡς εὐλόγῳ

δηλαδὴ, τῇ καὶ τὴν τῶν Βουλγάρων, ὕστερον κληρωμένῃ ἐπίκλησιν· ἀσάλευτα γὰρ ἐς δεῦρο ἔκειτο ταύτῃ. Столб. 579.

καθήκοντι τούτῳ συντρέχοντας[1]). Указанное разногласіе между этими двумя памятниками, писанными или, по крайней мѣрѣ, редактированными однимъ и тѣмъ же лицомъ, Димитріемъ Хоматіаномъ, чрезвычайно важно для опредѣленія времени составленія апологіи, упоминающей о настойчивыхъ требованіяхъ и *угрозахъ* Ѳеодора. Невозможно допустить, чтобы Димитрій Хоматіанъ и Сервійскій епископъ, столь много обязанные Ѳеодору и столь близко стоявшіе къ нему, рѣшились высказать въ его правленіе такой отзывъ о немъ, да еще въ рѣчи, имѣющей оффиціальный характеръ и обращенной къ Никейскому патріарху и его синоду. Указанное тутъ соображеніе невольно склоняетъ къ мысли, что апологія писана не въ царствованіе Ѳеодора. Къ такому заключенію ведетъ и слѣдующее обстоятельство. Апологія, какъ мы видѣли, была вызвана привлеченіемъ Никейскою патріархіей къ суду поставленнаго по желанію Ѳеодора епископа. А такое энергическое вмѣшательство Никейцевъ во внутреннія дѣла, хотя бы и церковныя, Солунско-Эпирской державы было невозможнымъ во вторую половину царствованія Ѳеодора, который находился тогда въ крайне непріязненныхъ отношеніяхъ къ Никеѣ.

Считаемъ нелишнимъ остановиться нѣсколько на этихъ отношеніяхъ, о которыхъ Мюнхенскій сборникъ сообщаетъ намъ кое-какія новыя данныя. Послѣднія не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что враждебные замыслы Ѳеодора Эпирскаго относительно Никеи начали проявляться раньше, чѣмъ думаютъ нѣкоторые историки[2]). На это явно указываетъ находящееся въ Мюнхенскомъ сборникѣ письмо Димитрія Хоматіана «къ всечестному во инокахъ и сыну великаго жупана Сербіи Киръ Саввѣ», поставленному Никейскимъ патріархомъ въ автокефальные архіепископы Сербіи. Въ названномъ письмѣ, писанномъ несомнѣнно въ 1220 г., Хоматіанъ, доказывая неканоничность посвященія новаго архіепископа, выставляетъ на видъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что послѣднему недостаетъ царскаго утвержденія, причемъ восклицаетъ[3]): «да и гдѣ теперь царство, которому вмѣстѣ съ другими (прерогативами) принадлежитъ и таковая выдающаяся привиллегія? Многіе властвуютъ теперь по (разнымъ) мѣстамъ, но ни одинъ не имѣетъ *подлиннаго царскаго достоинства*» (πολλῶν ἄρτι

1) Питра, столбцы 335—336.

2) Гопфъ 251, Папаригопуло V, 54 и другіе относятъ ихъ начало къ 1222-му г., ко времени занятія Никейскаго престола Іоанномъ Ватаци.

3) Въ изданіи Питры столбцы 381—390, № 86. См. и Пальмова, «Новыя данныя къ вопросу объ учрежденіи Сербской архіепископіи» стр. 436, 437.

κατὰ τόπους ἐξουσιαζόντων καὶ μηδενὸς ἀποσώζοντος ἀκέραιον τὸ τῆς βασιλείας ἀξίωμα). Эти слова, высказанныя въ 1220-мъ году Хоматіаномъ, стоявшимъ такъ близко въ Θеодору, показываютъ намъ, что послѣдній началъ оспаривать права Никеи на Византійское наслѣдство еще при жизни перваго Никейскаго императора Θеодора Ласкариса, скончавшагося въ 1222-мъ году. По смерти Ласкариса, когда *римскій скипетръ* наслѣдовалъ зять его Іоаннъ Ватаци, человѣкъ не очень знатнаго происхожденія, отважный эпирскій правитель, считавшій себя потомкомъ Комниновъ, Дуковъ и Ангеловъ, смѣло уже выступилъ противъ притязаній Никейцевъ, присвоивъ себѣ ту миссію, которую они считали своимъ достояніемъ. Счастье благопріятствовало Θеодору. Въ теченіе двухъ, трехъ лѣтъ, между 1222 и 1225 гг., онъ уничтожилъ послѣдніе остатки латинскаго господства въ Солунской области, распространилъ свою власть и далеко на востокъ по направленію къ Константинополю, захвативъ сдѣланныя тамъ пріобрѣтенія Никейцами, которые съ позоромъ были изгнаны имъ изъ Адріанополя въ 1224 г. Около этого же времени Θеодоръ принялъ царскій титулъ, чѣмъ торжественно объявилъ себя единственнымъ законнымъ претендентомъ на Византійскій престолъ, возстановленіе котораго тогда представлялось очень близкимъ.

Провозглашеніе Θеодора царемъ, какъ мы узнаемъ изъ одного письма Димитрія Хоматіана, которымъ былъ вѣнчанъ и миропомазанъ новый царь, происходило *по единодушному рѣшенію* находившихся въ предѣлахъ Солунско-эпирскаго государства членовъ синклита, духовнаго сословія и всего многочисленнаго воинства[1]).—Указанное тутъ свидѣтельство Хоматіана подтверждается актомъ провозглашенія Θеодора царемъ отъ имени епископовъ, сохранившимся

---

1) См. второе письмо Хоматіана къ патріарху Герману, № 114. Въ изданіи Питры стр. 488—490. Считаемъ нелишнимъ привести относящіяся сюда мѣста изъ этого письма. Σκέψις γέγονε κοινὴ τῶν ἐν τῇ δύσει περιληφθέντων ἀπό τε τῆς συγκλήτου βουλῆς καὶ τῆς ἱεραρχικῆς τάξεως, ναὶ δὲ καὶ σύμπαντος τοῦ στρατιωτικοῦ μυριοπληθοῦς ὄντος, τῇ χάριτι τοῦ Θεοῦ, προβληθῆναι εἰς βασιλέα τὸν ἀναγεγραμμένον Δοῦκαν κυρὸν Θεόδωρον, ἅμα δὲ καὶ χρισθῆναι... τῆς κοινῆς τοίνυν ταύτης σκέψεως καὶ ὁμοβουλίας ἔργον γέγονεν ἡ χρίσις τούτου τοῦ ἐν ἡμῖν αὐτοκράτορος, ἣν δὴ καὶ προεκρίθημεν ἡμεῖς γνώμῃ πάντων ἱερουργῆσαι, ὡς τὴν ὑπεροχὴν ἔχοντες ἀπὸ τῆς τοῦ καθ' ἡμᾶς θρόνου μεγαλειότητος (οὕτως οὐχ ἡμεῖς μόνοι, θεσπέσιε δέσποτα, τὸν βασιλέα ἐχρίσαμεν). Нѣкоторымъ объясненіемъ къ первымъ двумъ строкамъ приведенной здѣсь выписки изъ письма Хоматіана можетъ служить встрѣчающееся въ этомъ же письмѣ указаніе на то, что послѣ завоеванія Константинополя латинянами многіе изъ членовъ синклита удалились на *западъ*, такъ что провозглашеніе Θеодора царемъ не произошло безъ участія συγκλήτου βουλῆς.

въ замѣчательномъ Порфирьевскомъ сборникѣ, но, къ сожалѣнію, еще не изданнымъ [1]). Мы могли познакомиться съ содержаніемъ его, благодаря обязательной услугѣ В. Э. Регеля. Въ этомъ интересномъ памятникѣ говорится, что всѣ епископы, всѣ предстоятели высшихъ и низшихъ престоловъ западнаго удѣла рѣшили провозгласить Өеодора царемъ, миропомазать и вѣнчать его, *увѣровавши*, что только онъ одинъ вправѣ носить царскій титулъ и какъ потомокъ разныхъ царей, и какъ неусыпный стражъ, испытанный воинъ, безчисленными трудами и подвигами возстановившій древній христіанскій порядокъ въ западныхъ странахъ, освободивъ послѣднія отъ безбожныхъ латинянъ и Гемскихъ (Балканскихъ) Скиөовъ [2]).

Такимъ образомъ, политическій разрывъ Өеодора съ Никеею сопровождался и церковнымъ разрывомъ между западными греческими архіереями и Никейской патріархіею, признававшею только за Никейскимъ правителемъ право носить царскій титулъ. И этотъ разрывъ, однимъ изъ болѣе раннихъ послѣдствій котораго было несомнѣнно и занимающее насъ необычное посвященіе Сервійскаго епископа въ 1223-мъ году, продолжался до самаго конца правленія Өеодора.

Въ теченіе этого времени была сдѣлана только одна попытка къ политическому сближенію между Солунско-эпирскимъ государствомъ и Никеею, а также къ возстановленію церковнаго единенія между греческимъ западомъ и востокомъ. Но она не увѣнчалась успѣхомъ вслѣдствіе того, что Никеею были предъявлены по этому дѣлу такія требованія, которыя были отвергнуты Өеодоромъ и преданными ему западными архіереями. Весьма цѣнныя извѣстія о названной попыткѣ и о неудачномъ исходѣ ея сообщаетъ намъ имѣющаяся въ Мюнхенскомъ сборникѣ любопытная во многихъ отношеніяхъ переписка

---

1) В. Г. Васильевскій, Описаніе Порфирьевскаго сборника византійскихъ документовъ. С.-Петербургъ 1885 г., стр. 16 (Извлечено изъ отчета Императорской Публичной Библіотеки за 1883 г.). См. и Ж. М. Н. Просвѣщенія 1885, мартъ 17—20,

2) Καὶ τοῦτον μόνον βασιλέα ὁμολογοῦμεν, καὶ τοῦτον στέφομεν, καὶ τοῦτον χρίομεν. Съ приведенными здѣсь и въ предъидущемъ примѣчаніи новыми данными о провозглашеніи Өеодора царемъ любопытно сопоставить разсказъ Акрополиты объ этомъ же предметѣ, гласящій такъ: «.... Өеодоръ Комнинъ.... облекся въ порфиру и сталъ носить красныя сандаліи, хотя на него сильно возсталъ за это митрополитъ Солунскій Константинъ Месопотамитъ, за что этотъ защитникъ каноническихъ постановленій подвергся многимъ напастямъ и гоненіямъ. Но архіепископъ болгарскій Димитрій согласился возложить на него царскую корону, говоря, что онъ самозаконенъ и не обязанъ никому давать отчета (въ своихъ дѣйствіяхъ) и потому можетъ помазывать на царство кого бы, когда бы и гдѣ бы онъ ни захотѣлъ». Акрополита гл. 21 русс. перев. стр. 39.

Димитрія Хоматіана съ Никейскимъ патріархомъ Германомъ[1]), происходившая, по нашему мнѣнію, въ послѣдніе два-три года правленія Θеодора [2]). Этою неудачною попыткою, по всей вѣроятности, было вызвано и извѣстное громоносное письмо къ патріарху Герману Керкирскаго митрополита Георгія Вардана, а также находящееся въ Порфирьевскомъ сборникѣ посланіе къ Герману другаго изъ вліятельнѣйшихъ во время Θеодора западныхъ митрополитовъ, Іоанна Навпаксткаго [3]). Сюда же, повидимому, относится и слѣдующее смутное указаніе Г. Акрополиты: «императоръ (Іоаннъ Ватаци) согласился считать его (Θеодора) вторымъ послѣ себя и участникомъ царской власти, оставилъ его владѣть своею землею съ условіемъ, чтобы онъ ни на что другое не простиралъ своихъ притязаній [4]), а онъ между тѣмъ *усиливался все болѣе и болѣе* (насчетъ императора Іоанна)».

Къ этому прибавимъ еще, что въ Мюнхенскомъ сборникѣ имѣются три письма №№ 15, 69, 77, писанныя Димитріемъ Хоматіаномъ къ посвященному имъ епископу, когда послѣдній уже управлялъ Сервійской епархіею [5]). Изъ нихъ мы узнаемъ, что Сервійскій епископъ послѣ посвященія своего довольно долго поддерживалъ связи съ Димитріемъ Хоматіаномъ, обращаясь къ нему за наставленіями или получая отъ него порученія, что̀, конечно, было бы невозможно, если бы привлеченіе названнаго епископа къ суду Никейской патріархіи послѣдовало вскорѣ послѣ его посвященія.

На основаніи вышеизложенныхъ данныхъ, касающихся политическаго и церковнаго разрыва между Никеею и Солунско-эпирскимъ государствомъ, мы не сомнѣваемся, что занимающая насъ апологія Сервійскаго епископа писана послѣ 1230-го года, при преемникѣ Θеодора Мануилѣ. Послѣ занятія послѣднимъ Солунскаго престола

---

1) Переписка эта состоитъ изъ трехъ писемъ, изъ коихъ два (№№ 112, 114) принадлежатъ Хоматіану, а одно (№ 113) патріарху Герману. Въ изданіи Питры столбцы 481—498.

2) Ср. Пальмова, Новыя данныя и пр. стр. 422, 423.

3) Васильевскій, Обновленіе болгарскаго патріаршества при царѣ Іоаннѣ Асѣнѣ въ 1235 г. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1885, мартъ 42, 49.

4) Акрополита гл. 21, русскій перев. стр. 40. Сравн. и въ Исторіи Никифора Григоры кн. 2, гл. 2.

5) См. въ изданіи Питры столбцы 67—68 (№ 15), 301—306 (№ 69), 329—334 (№ 77). Ср. и № 21. Всѣ эти письма писаны несомнѣнно послѣ 1223-го года, но, по видимому, не позже 1230-го. Питра (308) думаетъ, что Сервійскому (по его мнѣнію, Сербскому) епископу было адресовано и письмо № 70 (305—308), не имѣющее адреса. Такое мнѣніе не подтверждается содержаніемъ этого, замѣтимъ мимоходомъ, весьма любопытнаго письма.

описанныя выше отношенія Солунско-эпирской державы къ Никеѣ быстро измѣнились въ такомъ направленіи, при которомъ привлеченіе Никеею Сервійскаго епископа къ отвѣтственности являлось весьма естественнымъ дѣломъ.

Не будемъ останавливаться на этой перемѣнѣ, причины и характеръ которой превосходно выяснены В. Г. Васильевскимъ [1]) на основаніи, главнымъ образомъ, неизданныхъ документовъ Порфирьевскаго сборника. Замѣтимъ только, что въ 1232 году въ Эпирско-Солунское государство, съ согласія новаго его правителя, Мануила, былъ присланъ патріархомъ Германомъ Анкирскій митрополитъ Христофоръ, въ качествѣ экзарха и патріаршаго мѣстоблюстителя, для возстановленія прерванныхъ при Θеодорѣ сношеній греческаго запада съ Константинопольской (Никейской) патріархіей, другими словами, для возстановленія власти послѣдней въ западномъ ея удѣлѣ. При этомъ Анкирскому митрополиту было вмѣнено въ обязанность обратить особенное вниманіе на «исправленіе патріаршихъ правъ на западѣ» и на обузданіе «хищниковъ, стремящихся себѣ присвоить то, что имъ не принадлежитъ» и т. п. [2]). Экзархъ этотъ, встрѣтившій поддержку въ новомъ Солунско-Эпирскомъ правительствѣ, широко воспользовался данными ему полномочіями, какъ видно, между прочимъ, изъ того, что онъ не затруднился нанести какія-то весьма чувствительныя оскорбленія Навпактскому митрополиту Іоанну Апокавку, одному изъ самыхъ вліятельныхъ, какъ мы уже замѣтили, въ правленіе Θеодора западныхъ іерарховъ. Само собою разумѣется, что этотъ мѣстоблюститель и экзархъ Никейскаго патріарха Германа не могъ не остановиться на вопросѣ о Сервійскомъ епископѣ, тѣмъ болѣе, что незаконное посвященіе послѣдняго совершено было Димитріемъ Хоматіаномъ, причинившимъ Никеѣ въ царствованіе Θеодора особенно большія непріятности. Мы не сомнѣваемся, что поднятіе вопроса о Сервійскомъ епископѣ было однимъ изъ первыхъ дѣлъ патріаршаго экзарха, и что занимающая насъ апологія, вызванная этимъ дѣломъ, была написана Димитріемъ Хоматіаномъ несомнѣнно въ 1233 году.

Къ сказанному нами объ историческомъ значеніи *апологіи* и тѣсно связаннаго съ нею *акта* рукоположенія Сервійскаго епископа позволимъ себѣ прибавить еще, что въ этихъ двухъ памятникахъ мы нахо-

1) Въ вышеозначенной статьѣ — «Обновленіе болгарскаго патріаршества» и пр., помѣщенной въ двухъ книгахъ Ж. М. Н. Пр., за мартъ и апрѣль 1885 г.

2) Тамъ же, мартъ, 40, 43, 44, 47 и пр.

димъ цѣнныя указанія и по вопросу о времени занятія Θеодоромъ Эпирскимъ Солуни, столицы Латинскаго королевства. По весьма распостраненному теперь, общепринятому почти, мнѣнію, событіе это имѣло мѣсто въ 1222 году [1]). Такому мнѣнію, неоснованному, нужно замѣтить, на какихъ-нибудь, несомнѣнныхъ данныхъ, противорѣчатъ указанные два документа, изъ которыхъ узнаемъ, что Солунь находилась еще въ рукахъ латинянъ во время посвященія Сервійскаго епископа, посвященія, происходившаго въ маѣ 11-го индикта. Правильная сохранность и точность указанной тутъ даты, соотвѣтствующей, какъ мы уже видѣли, маю 1223-го года, подтверждаются тѣмъ обстоятельствомъ, что враждебныя дѣйствія Латинскаго императора Роберта и папы Гонорія III противъ Θеодора, вызванныя изгнаніемъ латинянъ изъ Солуни, начались въ 1224-мъ году. Зная изъ достовѣрныхъ историческихъ свидѣтельствъ, касающихся этихъ враждебныхъ дѣйствій [2]), что Солунь несомнѣнно уже находилась въ рукахъ Θеодора около начала 1224 г., и сопоставляя хронологическія показанія этихъ свидѣтельствъ съ показаніями *апологіи* и, въ особенности, *акта* 12 мая 1223-го года, мы, кажется, вправѣ утверждать, что послѣдній ударъ Солунскому королевству былъ нанесенъ Θеодоромъ въ лѣтніе или же въ осенніе мѣсяцы 1223-го года.

Разсмотрѣнные уже въ настоящей главѣ документы приводятъ къ заключенію, что Димитрій Хоматіанъ оставался на архіепископскомъ престолѣ въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ правленія Мануила Комнина Дуки, до 1233 года включительно. Такой выводъ подтверждается и другимъ документомъ Мюнхенскаго Сборника, писаннымъ нѣсколько позже апологіи Сервійскаго епископа и также заслуживающимъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія. Онъ помѣщенъ въ Мюнхенскомъ Сборникѣ подъ № 106 съ такимъ надписаніемъ [3]):

«О свидѣтельствѣ архіереевъ и пресвѣтлыхъ (ἰλλουστρίων), *то есть сановниковъ, о дѣлахъ, судимыхъ царемъ, о дѣйствительномъ и мнимомъ страхѣ, о срокѣ для заявленія протестовъ противъ угрозъ и*

---

1) Hopf. Gesch. Griechenl. 250; Herzberg, Gesch. der Byzantiner 398, и др. — Насколько намъ извѣстно, изъ новѣйшихъ историковъ только Рамбо, и то въ самое послѣднее время, усомнился въ правильности этой даты, которую и замѣнилъ 1223-мъ годомъ, не указавъ однако своихъ основаній. См. его новый трудъ по Византійской исторіи, напечатанный въ Histoire générale du IV siècle à nos jours. Paris 1893 II, p. 860.

2) См. у Гопфа, тамъ же.

3) Въ изданіи Питры столбцы 447—462.

насилій (περὶ χρόνου παραγραφῆς φόβου ἢ βίας), *объ обычаѣ, общей молвѣ* (περὶ συμφήμου φήμης) *и свидѣтеляхъ*».

Памятникъ этотъ посвященъ спору о наслѣдствѣ между двумя солунскими гражданками: *Ораею*, дочерью умершаго Романа Логара, и ея мачихой Калею *Сахликиною*, второю женою Логара, у котораго отъ нея не было дѣтей. Споръ возникъ вскорѣ по смерти Логара, скончавшагося во время господства Латинянъ въ Солуни, но былъ улаженъ вмѣшательствомъ родственниковъ и нѣкоторыхъ другихъ почтенныхъ людей, въ числѣ которыхъ находился и Неофитъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи епископомъ Іерисскимъ, Ἱερισσοῦ[1]). Люди эти помирили мачиху съ падчерицей, подѣливъ законно между ними спорное имущество, о чемъ былъ составленъ и раздѣльный актъ (διάλυσις ἔγγραφος) въ маѣ 1-го индикта 6721 г. (=1213). Затѣмъ прошло болѣе 20 лѣтъ, въ теченіе которыхъ латиняне были изгнаны изъ Солуни и тамъ послѣ нихъ царствовали Ѳеодоръ (Эпирскій) и его преемникъ Мануилъ. Въ теченіе столь многихъ лѣтъ Орая, вышедшая замужъ еще при жизни отца, успѣла выростить дочь Марію и выдать ее за Димитрія Кравофоку, снабдивъ приданымъ, въ которое входилъ и виноградникъ, находившійся въ мѣстности, именуемой *Ограды*, ἐν τῇ περιοχῇ τοῦ τόπου τοῦ ἐπιλεγομένου ἀγράδη[2]). — За все это время мачиха Ораи, Каля Сахликина, не подавала никакихъ признаковъ недовольства раздѣльнымъ актомъ 1213-го года Но вдругъ, уже въ царствованіе Мануила, она вздумала опротестовать эту мировую сдѣлку, заявивъ, что свое согласіе на нее дала изъ страха, внушеннаго ей насиліями господствовавшихъ тогда въ Солуни латинянъ, главнымъ образомъ управлявшаго Солунской митрополіей латинянина Гарина (Γαρίνου)[3]), который потребовалъ будто бы въ свою пользу

1) Какъ увидимъ далѣе, названный тутъ Неофитъ занималъ Іерисскую епископскую каѳедру около 1235-го года, когда происходили тѣ столкновенія Аѳонскихъ иноковъ съ какимъ-то Іерисскимъ епископомъ, или митрополитомъ, о которыхъ говорится въ извѣстномъ Аѳоно-Ватопедскомъ отрывкѣ покойнаго епископа Порфирія. См. Исторію Аѳона III, 2, стр. 81, 618, и Ж. М. Н. Пр. 1885, апрѣль, 215.— Намъ кажется, что встрѣчающіяся въ разсматриваемомъ документѣ указанія относительно этого Неофита и отношеній къ нему болгарскаго архіепископа могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ на названный отрывокъ, который, несомнѣнно, заключаетъ въ себѣ дѣйствительную историческую основу, искаженную домыслами позднѣйшихъ книжниковъ.

2) Это — несомнѣнно славянское названіе *ограды* (огороды), какимъ и теперь южные славяне именуютъ загородные сады и т. п.

3) Этотъ латинянинъ Гаринъ (Guarin) былъ избранъ въ Солунскіе архіепископы около 1210 года и утвержденъ папою Иннокентіемъ III въ 1212 г. Гопфъ, Gesch. Griech. 232.

сто перперовъ изъ имущества умершаго Логара и въ обезпеченіе этой претензіи наложилъ секвестръ на домъ умершаго. На основаніи такого заявленія Сахликина вчинила противъ Ораи искъ, разбиравшійся сначала въ Солунской митрополіи, которою тогда управлялъ нареченный митрополитъ Іосифъ, еще не получившій архіерейскаго посвященія (ὑποψήφιος γὰρ τηνικαῦτα ἐτύγχανεν ὢν), потомъ у Солунскаго губернатора (δουκί) Алексѣя Пигонита, затѣмъ въ царскомъ судѣ παρὰ τῷ βήματι τοῦ.... δεσπότου καὶ βασιλέως κυροῦ Μανουὴλ τοῦ Δοῦκα. Въ первыхъ двухъ мѣстахъ искъ Кали Сахликины былъ признанъ неосновательнымъ. Но царскій судъ поступилъ совсѣмъ иначе: онъ объявилъ раздѣльный договоръ 1213-го года недѣйствительнымъ, не счелъ даже нужнымъ входить въ разсмотрѣніе этого акта, составленнаго во время латинянъ [1]); повѣрилъ заявленію Сахликины о насиліи послѣднихъ и призналъ искъ ея, который она подтвердила присягой, подлежащимъ удовлетворенію. Послѣ этого въ домъ Ораи явился Солунскій *Кастрофилаксъ* съ своими *цаконами* [2]) и передалъ Сахликинѣ какъ этотъ домъ, такъ и виноградникъ *Оградскій*, который, какъ мы уже знаемъ, былъ отданъ Ораею въ приданое ея дочери, женѣ Кравофоки.

Тутъ слѣдуетъ замѣтить, что заявленіе Сахликины о насиліяхъ латинянъ и внушенномъ ей этими насиліями страхѣ было подтверждено въ царскомъ судѣ только однимъ свидѣтельскимъ показаніемъ, именно показаніемъ Іерисскаго Неофита, того самаго, который находился въ числѣ почтенныхъ лицъ, содѣйствовавшихъ заключенію мировой сдѣлки, совершенной въ 1213 году, когда онъ еще не былъ епископомъ.

Нѣсколько времени спустя послѣ того, какъ рѣшеніе царскаго суда было уже приведено въ исполненіе, царь Мануилъ, узнавши отъ Солунскаго митрополита Іосифа, тогда уже посвященнаго [3]), и отъ

1) Μηδὲ ἀναγνωσθέντων ἐπὶ τοῦ δικαστηρίου, ὅτι διλαδὴ ἐπὶ τῆς τῶν λατίνων ἐφημερίας γεγόνασι (столб. 451).

2) Терминъ τζακόνοι, который первоначально былъ племеннымъ названіемъ, употребленъ здѣсь въ значеніи гарнизоннаго отряда, какъ у Константина Багрянороднаго и въ нѣкоторыхъ сербскихъ памятникахъ XIV-го вѣка. Иречекъ, Исторія Болгаръ, Одсс. изд., 154. Сравн. и замѣтки о *Цаконахъ* въ предисловіи г. Лопарева къ житію св. Евдокима. Памятники Древней письменности № XCVI, стр. X—XI.

3) Упоминаніе объ этомъ Іосифѣ, который сначала (въ 1233-мъ г.) является только *нареченнымъ*, а черезъ нѣкоторое время (весной 1234 года) уже посвященнымъ Солунскимъ митрополитомъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія въ виду того, что о Солунскомъ митрополитѣ того времени, кажется, ничего не было извѣстно. Припомнимъ еще, что къ указанному нами тутъ 1233-му году относится пребываніе въ Солунско-эпирскомъ государствѣ анкирскаго митрополита Христофора, который былъ

нѣкоторыхъ другихъ богобоязненныхъ людей объ обидѣ, учиненной названнымъ рѣшеніемъ Ораѣ, и познакомившись съ имѣвшимися у послѣдней документами, крѣпостными актами, уничтожилъ это рѣшеніе, приказавъ подвергнуть дѣло новому разсмотрѣнію въ судѣ Солунскаго митрополита, что и было исполнено. Солунская митрополія, повидимому, и на этотъ разъ рѣшила надѣлавшій столько шума споръ въ пользу Ораи и ея зятя Кравофоки. Но послѣдній почему то не успокоился на этомъ, а поспѣшилъ отправиться въ мѣстопребываніе болгарскаго архіепископа и обратился къ послѣднему съ просьбой — разсмотрѣть дѣло и дать свое заключеніе относительно рѣшенія, вынесеннаго царскимъ судомъ противъ него и его тещи: εἴτε εὐλόγως καὶ κατὰ νόμους, εἴτε μή, γέγονεν ἡ κατὰ τῆς ἐμῆς πενθερᾶς καὶ ἐμοῦ ἐξενεχθεῖσα ἀπόφασις (столб. 454—5).

Просьбу свою къ болгарскому архіепископу Кравофока изложилъ въ довольно обширной запискѣ [1]), которая приведена дословно въ разсматриваемомъ документѣ и изъ которой главнымъ образомъ позаимствована нами вышеизложенная исторія исковаго дѣла Сахликины. Въ запискѣ Кравофоки встрѣчаются и другія подробности относительно этого дѣла, изъ которыхъ мы считаемъ нелишнимъ отмѣтить здѣсь слѣдующія, заключающія въ себѣ нѣсколько новыхъ данныхъ для исторіи господства латинянъ въ Солуни.

Въ опроверженіе извѣстнаго заявленія Сахликины, признаннаго въ царскомъ судѣ основательнымъ, Кравофока рѣшительно заявляетъ, что въ 1213 г., когда былъ совершенъ раздѣльный актъ относительно имуществъ Логара, о насиліяхъ Солунскихъ латинянъ вообще и въ частности Гарина не могло быть и рѣчи, ибо де «ясно, какъ говорится, и слѣпому (δῆλον γὰρ ὁ λέγεται καὶ τυφλῷ), что въ то время Солунскимъ Королевствомъ управляла *государыня Марія* [2]), вдова Бонифація

посланъ Никейскимъ патріархомъ, между прочимъ, съ тѣмъ, чтобы «производить тамъ и совершать все то, что приличествуетъ патріаршему престолу». Не имъ ли совершена была хиротонія Іосифа? См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1885 г. апрѣль 215, въ прим. мартъ 55.

1) Она начинается такими словами: Παναγιώτατέ μου δέσποτα ἀρχιεπίσκοπε πάσης Βουλγαρίας, καὶ ὑμεῖς πανιερώτατοι ἀρχιερεῖς.

2) Западные источники называютъ ее *Маргаритою*, но у грековъ она была извѣстна подъ именемъ *Маріи*. См. у Акрополиты гл. 8 и у Порфирія, Исторія Аѳона III, 2, стр. 73—74. О томъ, что Марія (Маргарита) покровительствовала православному духовенству и грекамъ вообще, извѣстно и изъ другихъ источниковъ, особенно изъ исторіи Никиты Хоніата. См. и извѣстія Порфирія о благодарномъ отношеніи аѳонскихъ иноковъ къ памяти доброй царицы Маріи, Καλὴ Μαρία, тамъ же.

Монферратскаго, бывшая раньше женою блаженнопочившаго царя Исаака Ангела. Въ Солуни губернаторствовалъ тогда, по ея назначенію, Георгій Франкопулъ, «мужъ греческій» [1]), которому было ею приказано заниматься разбирательствомъ жалобъ совмѣстно съ тамошними (греческими) архіереями: Китрскимъ, его братомъ Верройскимъ, а также Кассандрійскимъ, Стримваконом, Кампанійскимъ и Адрамерскимъ, Филагріемъ [2]). Они ежедневно собирались въ великой церкви св. Богородицы для производства суда. При такомъ положеніи вещей никто въ Солуни не могъ де терпѣть обиды и страшиться за свою судьбу. Относительно управлявшаго тогда Солунской Митрополіей латинянина Гарина Кравофока тутъ утверждаетъ, что онъ получилъ съ дома умершаго Логара не сто перперовъ, какъ увѣряла Сахлиника (μὴ γένοιτο!), а только 12-ть. Да и они были взяты Гариномъ не произвольно, а въ силу существующаго у латинянъ, хорошо всѣмъ извѣстнаго церковнаго обычая брать съ домовъ умершихъ лицъ, находившихся подъ ихъ церковною властью, извѣстную сумму.

Переходя къ рѣшенію болгарскаго архіепископа по изложенному въ запискѣ Кравофоки дѣлу, мы остановимся лишь на болѣе интересныхъ для насъ мѣстахъ этого рѣшенія, занимающаго, нужно сказать, около восьми столбцовъ (455—462).

Архіепископъ тутъ прежде всего подвергаетъ строгому осужденію членовъ царскаго суда, указывая, что они при разсмотрѣніи настоящаго дѣла нарушили весьма существенныя правила судопроизводства и постановленія матеріальнаго права. Далѣе, какъ бы отвѣчая нѣкоторымъ лицамъ, не одобрявшимъ уничтоженіе царемъ Мануиломъ рѣшенія, сдѣланнаго въ его судѣ (подъ его же, кажется, предсѣдательствомъ) и уже приведеннаго въ исполненіе, архіепископъ останавливается на вопросѣ о царскихъ прерогативахъ (ὁ βασιλεὺς νόμοις οὐχ ὑποκεῖται), а также обязанностяхъ (ὀφείλει ὁ βασιλεὺς κατὰ

1) Столб. 454, 462.

2) Около начала XIII-го вѣка подъ вѣдомствомъ Солунскаго митрополита находилось 11-ть епископовъ (въ концѣ IX-го в., какъ мы имѣли случай уже указать, было 12-ть). Благодаря извѣстнымъ отношеніямъ Бонифація Монферратскаго и особенно его жены Маріи (Маргариты) къ *грекамъ*, большая часть этихъ епископовъ удержалась въ своихъ епархіяхъ послѣ занятія послѣднихъ латинянами. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ показываетъ разсматриваемый документъ, оставались на своихъ мѣстахъ и въ 1223-мъ году. Что касается православнаго Солунскаго митрополита, который въ 1213-мъ году проживалъ гдѣ то въ чужихъ краяхъ, какъ мы узнали изъ исторіи рукоположенія Сервійскаго епископа, то онъ, повидимому, былъ вынужденъ покинуть свою епархію, по всей вѣроятности, вскорѣ послѣ водворенія въ ней власти латинянъ и латинскаго архіепископа.

νόμους πολιτεύεσθαι) и путемъ выясненія сущности тѣхъ и другихъ доказываетъ, что царь «совершилъ превосходное, заслуживающее похвалы и достойное его благочестія дѣяніе, отмѣнивъ свое рѣшеніе (τὴν ἑαυτοῦ ψῆφον) и приказавъ подвергнуть дѣло новому разсмотрѣнію.

По рѣшенію архіепископа, раздѣльный договоръ 1213-го года долженъ сохранить свою силу. Заявленіе Сахликины, что ея согласіе на указанный договоръ было вынуждено страхомъ передъ насиліями латинянъ, ничѣмъ не подтверждено. Свидѣтельство Іерисскаго епископа въ пользу этого заявленія не имѣетъ никакого значенія[1]), во первыхъ, потому что оно единственное[2]), во вторыхъ, потому что дано безъ соблюденія предписанныхъ закономъ формальностей[3]), въ третьихъ, потому что архіереи, будучи равными по достоинству *пресвѣтлымъ* сановникамъ, *сенаторамъ*[4]), не обязаны давать свидѣтельскія показанія, да и должны воздерживаться отъ этого изъ уваженія къ своему сану[5]). Выставленныя Кравофокою противъ заявленія Сахликины доводы архіепископъ признаетъ основательными. При этомъ онъ изъясняетъ, что полученіе латинскимъ архіепископомъ Гариномъ 12-ти перперовъ съ дома умершаго Логара основывалось на латинскомъ обычаѣ, хорошо извѣстномъ тогда Солунянамъ, и, какъ таковое, не могло носить характера насилія и внушать страхъ Сахликинѣ.

Въ разсматриваемомъ рѣшеніи мы находимъ и одно особенно важное для насъ мѣсто. Тутъ архіепископъ указываетъ, что со времени изгнанія изъ Солуни латинянъ, которыхъ Сахликина, по ея словамъ, такъ боялась, прошло уже болѣе десяти лѣтъ (δέκα πλέον ἤδη ῥυέντων ἐνιαυτῶν), въ теченіе которыхъ ей не кого было страшиться, такъ какъ тамъ царствовалъ Θеодоръ Дука, а послѣ него началъ царствовать Мануилъ. Она же только на десятомъ году (ἐν δεκάτῳ ἔτει) этого совершенно безопаснаго для нея времени возбудила настоящее дѣло, несмотря на то, что закономъ установленъ двухлѣтній

1) Столбцы 457, 458. Въ цитируемыхъ тутъ мѣстахъ разсматриваемаго памятника сказывается какое то личное нерасположеніе болгарскаго архіепископа къ Іерисскому епископу Неофиту.

2) При этомъ дѣлается ссылка на 31-ю главу 1-го отдѣла 21-ой книги *Василикъ*, гдѣ говорится.... ἑνὸς δὲ μαρτυρία οὐκ ἔσται δεκτὴ ἐν οἱαδήποτε δίκῃ, κἂν συγκλητικὸς εἴη.

3) Приводится 13-ая глава 1-го отдѣла 3-ей книги Василикъ, гдѣ изложенъ порядокъ отобранія свидѣтельскихъ показаній отъ епископовъ.

4) Οἱ ἀρχιερεῖς κατῖσον τοῖς συγκλητικοῖς.

5) Οἱ γὰρ ἀρχιερεῖς, ὡς ὁ νόμος διαγορεύει, καθὰ δὴ καὶ ἰλλούστριοι καὶ ὑπερβεβηκότες αὐτοὺς, οὔτε ἑκόντες οὔτε ἄκοντες μαρτυροῦσι.... Ἵνα τὸ ὑπερέχον αὐτῶν καὶ σεβάσμιον μὴ κατευτελίζηται καὶ ὑβρίζηται. Законъ не приводится.

средствъ для заявленія протестовъ противъ раздѣльнаго договора какою-либо изъ сторонъ, которая дѣйствовала при этомъ подъ вліяніемъ страха или же сдѣлалась жертвою какого-нибудь обмана или злого умысла.

Зная, что Солунь отнята была у латинянъ Θеодоромъ Комниномъ во 2-й половинѣ 1223-го года, мы на основаніи только что приведенныхъ здѣсь хронологическихъ указаній, точность которыхъ не можетъ вызывать никакого сомнѣнія, можемъ смѣло утверждать, что дѣло, возбужденное протестомъ Сахликины, началось въ 1233-мъ году.

Есть возможность опредѣлить съ достаточной приблизительностью и хронологію главныхъ моментовъ хода этого дѣла, которое, какъ мы знаемъ, до поступленія его на судъ болгарскаго архіепископа разсматривалось въ пяти другихъ мѣстахъ: въ Солунской митрополіи, у Солунскаго губернатора, въ царскомъ судѣ, въ кабинетѣ царя и вторично въ Солунской митрополіи. Тутъ намъ могутъ помочь нѣкоторыя подробности, встрѣчающіяся въ разсматриваемомъ документѣ и пропущенныя нами при изложеніи главнаго содержанія послѣдняго.

Изъ этихъ подробностей мы узнаемъ[1], что когда Орѣ было приказано царскимъ судомъ явиться въ великую церковь св. Богородицы, чтобы присутствовать тамъ при принесеніи ея противникомъ присяги, она не захотѣла подчиниться этому приказанію, заявивъ съ горечью, что Сахликина не должна присягать по дѣлу, правильно, законно и безъ всякаго насилія рѣшенному уже двадцать два года передъ тѣмъ (πρὸ ἐτῶν εἴκοσι δύο ἤδη καλῶς καὶ νομίμως καὶ δίχα βίας ἠγωνισμένου διελύσατο). За это озлобленную женщину заперли въ монастырь, откуда черезъ нѣсколько дней силой потащили въ названную церковь. Тогда же и Кравофока, заподозрѣнный, по видимому, въ подстрекательствѣ тещи къ сопротивленію властямъ, былъ посаженъ въ тюрьму. Изъ послѣдней онъ въ скоромъ времени какъ-то ухитрился уйти, но послѣ этого, во избѣжаніе горшаго наказанія, долженъ былъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ скитаться гдѣ-то вдали отъ родного города, испытывая большія невзгоды отъ стоявшей тогда суровой зимы (ἐπὶ τριμήνῳ καιρῷ, καὶ ταῦτα χειμῶνος δριμυτάτου ἐνισταμένου).

Нѣтъ сомнѣнія, что конецъ трехмѣсячнымъ бѣдствіямъ Кравофоки, происходившимъ или, по крайней мѣрѣ, начавшимся въ зимнюю пору, былъ положенъ уничтоженіемъ разорительнаго для него и его

1) См. столбцы 451, 452.

тыщи рѣшенія царскаго суда. А если такъ, то на основаніи приведенныхъ подробностей о злоключеніяхъ Кравофоки мы вправѣ думать, что дѣло, возбужденное Сахликиною, какъ уже было сказано, въ 1233-мъ году, разсматривалось въ царскомъ судѣ около начала слѣдующаго 1234-го года, уничтоженіе же рѣшенія этого суда происходило въ весенніе мѣсяцы того же года. — Приведемъ еще одно хронологическое указаніе занимающаго насъ документа. По словамъ послѣдняго, Кравофока вмѣстѣ съ своей запиской представилъ болгарскому архіепископу и опредѣленіе (σημείωμα) протэкдика Солунской митрополіи Константина [1]), показывавшее, что вторичное разсмотрѣніе дѣла въ Солунской митрополіи, послѣдовавшее, какъ мы уже знаемъ, вскорѣ послѣ отмѣны рѣшенія царскаго суда, происходило въ іюнѣ того же самого года (сентябрьскаго), въ которомъ дѣло это, немного спустя, разбиралось въ болгарскомъ синодѣ (κατὰ μῆνα Ἰούνιον τῆς ἐνισταμένης ἐπινεμέσεως).

Приведенное указаніе является особенно цѣннымъ для насъ. Имъ вполнѣ подтверждается сказанное выше о томъ, что уничтоженіе рѣшенія царскаго суда происходило въ весенніе мѣсяцы, повидимому въ маѣ 1234-го года. Кромѣ того, оно не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что разсмотрѣніе дѣла въ болгарскомъ синодѣ происходило послѣ іюня, но никакъ не позже сентября, т. е. въ іюлѣ или же въ августѣ того же самого 1234-го года. Къ этому времени, слѣдовательно, относится и составленіе занимающаго насъ здѣсь документа.

Такому выводу не противорѣчитъ вышеупомянутое заявленіе Ораи о томъ, что со времени составленія раздѣльнаго акта 1213 года и до разсмотрѣнія дѣла въ царскомъ судѣ протекло двадцать два года. Оно, правда, расходится съ нашимъ выводомъ, приблизительно, на одинъ годъ, — нужно замѣтить, однако, что отъ заявленія, сдѣланнаго обиженною женщиною въ минуты сильнаго аффекта, нельзя и ожидать

---

1) Питра (стр. 818, прим. 2) предполагаетъ, что подъ упоминаемымъ здѣсь протэкдикомъ Константиномъ подразумѣвается Константинъ Арменопулъ (Harmenopulus), составитель извѣстнаго *Шестокнижія* или *ручной книги законовъ*, который также былъ *солунскимъ экдикомъ*. Но не говоря уже о томъ, что въ Шестокнижіи Арменопула находится, между прочимъ, распредѣленіе или списокъ каѳедръ императора Андроника младшаго Палеолога, мы имѣемъ свидѣтельство патріарха Филоѳея, показывающее, что Константинъ Арменопулъ составилъ свое Шестикнижіе около 1345 года, т. е. болѣе ста лѣтъ спустя послѣ составленія разсматриваемаго здѣсь документа. См. Остроумовъ, Введеніе въ правосл. церк. право 547, 573. Флоринскій, Памятники законодательной дѣятельности Душана 291, 298. Krumbacher, Geschichte der Byzant. Litteratur 62.

такой точности, какою отличаются другія хронологическія указанія, на которыхъ мы основали свой выводъ. Въ заявленіи Ораи надбавка нѣсколькихъ мѣсяцевъ или даже и цѣлаго года является болѣе чѣмъ возможною. Раздраженная женщина весьма легко, напримѣръ, могла включить въ указанное ею число лѣтъ (22-хъ) около восьми мѣсяцевъ 1213-го сентябрьскаго года, истекшихъ до мая, когда былъ составленъ раздѣльный актъ. При такомъ весьма естественномъ, кажется, объясненіи заявленія Ораи, послѣднее скорѣе говоритъ въ пользу нашего вывода.

И такъ, повторяемъ, встрѣчающіяся въ разсмотрѣнномъ памятникѣ (№ 106) хронологическія указанія, большею частію весьма опредѣленныя, даютъ возможность относить составленіе этого памятника къ іюлю, или же къ августу 1234 г. — Что и онъ принадлежитъ архіепископу Димитрію Хоматіану, изъ-подъ пера котораго вышли письмо къ Мануилу Комнину, около 1231 г., и апологія Сервійскаго епископа, около 1233 г., въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Въ Мюнхенскомъ сборникѣ мы не могли найдти такихъ документовъ, относительно которыхъ можно было бы предполагать съ какою нибудь увѣренностію, что они писаны позже 1234—1235 г. Принимая, съ другой стороны, въ соображеніе высказанныя Хоматіаномъ, въ письмѣ къ Мануилу (около 1231), жалобы на удручавшіе его тогда недуги, по видимому — старческіе, мы кажется вправѣ думать, что архіепископствованіе его, начавшееся около конца 1216-го года, окончилось вскорѣ послѣ 1234-го.

М. Дриновъ.

Харьковъ 1894 года
28 декабря.

О Тайной Исторіи Прокопія.

Болѣе 250 лѣтъ длится споръ по поводу Тайной Исторіи. Ея извѣстность всегда выходила за предѣлы круга лицъ, занимавшихся исторіей VI вѣка. Тѣмъ не менѣе, ея разработка не далеко ушла впередъ со времени изданія Алеманна. Главною причиной является вопросъ о ея подложности. Традиціонный взглядъ на эпоху Юстиніана и вытекавшее отсюда предубѣжденіе противъ содержанія Тайной Исторіи воспитали сомнѣнія Эйхеля и продлили ихъ — съ нѣкоторыми видоизмѣненіями — до нашихъ дней. Между тѣмъ, вопросъ о принадлежности Тайной Исторіи Прокопію представляется уже рѣшеннымъ. Первый Тейффель въ сжатомъ, но цѣнномъ этюдѣ возсталъ противъ «фантастической критики» и далъ программу для дальнѣйшаго изученія вопроса о подлинности и для рѣшенія его въ утвердительномъ смыслѣ. Капитальный трудъ Дана разработалъ рѣшающій аргументъ о тожествѣ личности съ полнотою, почти исчерпывающею матеріалъ, представляемый сочиненіями Прокопія. Монографія Дана, однако, имѣетъ свои недостатки. Данъ не изучаетъ Прокопія въ связи съ эпохой, хотя признаетъ необходимость этого пріема. Во всемъ трудѣ встрѣчаются 3—4 ссылки на хроники. Изъ этого главнаго недостатка рождаются производные. Міровоззрѣніе Прокопія получается отвлеченнымъ отъ среды, въ которой оно было воспитано. Данъ не примѣнилъ съ достаточной полностью историческаго метода изученія, разбирая внутренній міръ Прокопія, какъ психологическую загадку. Хронологическая работа Haury показала, сколько предвзятыхъ убѣжденій осталось въ трудѣ Дана. Его главное положеніе — принадлежность Тайной Исторіи Прокопію — подверглось сомнѣнію, недостаточно, впрочемъ, обоснованному, въ Analecton Леопольда Ранке. Его взглядъ

не остался одинокимъ. Въ виду этого обстоятельства, всякое новое изученіе Тайной Исторіи должно заняться пересмотромъ вопроса о подлинности Тайной Исторіи. Это была наша первая задача.

Вопросъ о подлинности связанъ съ вопросомъ о достовѣрности содержанія. Если доказано, что Тайная Исторія исходитъ отъ современнаго эпохѣ писателя, притомъ отличавшагося отъ другихъ позднихъ греческихъ историковъ жизненностью и сравнительною широтою взгляда (ср. Praefatio Нибура къ Боннскому изданію Агаѳія), то этимъ исключается возможность отвергать ея извѣстія апріорнымъ путемъ. Съ другой стороны, какъ главный аргументъ противъ принадлежности Тайной Исторіи Прокопію, выступала предполагаемая недостовѣрность или невозможность ея содержанія. Ближайшее изученіе вопроса о подлинности показываетъ, что послѣднія сомнѣнія въ принадлежности Тайной Исторіи Прокопію могутъ быть устранены только внимательнымъ изученіемъ ея содержанія въ связи съ эпохой.

Такой работы для всего содержанія Тайной Исторіи еще не было предпринято. Разбору извѣстій о времени Юстина посвящено изслѣдованіе Гундлаха: Quaestiones Procopianae, 1861. Между тѣмъ, чувствуется потребность въ такой работѣ. Къ VI вѣку приблизилось детальное критическое изученіе, съ Моммсеномъ во главѣ. Появился рядъ спеціальныхъ изслѣдованій, которыя пользуются данными Тайной Исторіи и тѣмъ даютъ возможность привлечь для ея оцѣнки новый матеріалъ. Во-вторыхъ, слѣдуетъ примѣнить къ Тайной Исторіи современные пріемы изученія. Нѣтъ нужды задаваться цѣлями обвиненія или оправданія Прокопія. Требуется понять и, по возможности, объяснить извѣстія Тайной Исторіи. Другими словами, во-первыхъ, нужно указать, какіе именно факты авторъ могъ разумѣть въ своихъ маловѣроятныхъ обвиненіяхъ; напр., если Прокопій говоритъ о продажѣ должностей или взяточничествѣ Юстиніана, то требуется опредѣлить о какихъ явленіяхъ идетъ рѣчь. Во-вторыхъ, Тайная Исторія содержитъ множество гиперболъ, нелѣпыхъ обвиненій, страстныхъ выраженій ненависти. Нельзя пренебрегать ни одной строчкой современнаго эпохѣ писателя: сама его страстность есть цѣнный историческій фактъ. Всякое невѣроятное извѣстіе слѣдуетъ объяснять, какъ продуктъ извѣстнаго настроенія, и, по возможности, указать, изъ какихъ круговъ общества оно исходитъ или можетъ исходить. Это не мыслимо безъ тщательнаго изученія эпохи. Въ третьихъ, для оцѣнки Тайной Исторіи прибавились новые источники. Главная цѣнность

труда Алеманна заключается въ его обильныхъ заимствованіяхъ изъ рукописныхъ сокровищъ, бывшихъ у него подъ руками. Его ссылки въ родѣ: «in Vaticanis codd. mss. legi» имѣли значеніе источника. Теперь все это напечатано, и комментарій «многоученаго, но тенденціознаго Алеманна» долженъ занять свое почетное мѣсто въ архивѣ разработки Тайной Исторіи. Съ тѣхъ поръ источники получили новыя изданія. Особенно хорошо изданы юридическіе — Сводъ и сборники новеллъ. Много было нужно труда и знанія, чтобы собрать нужное изъ позднѣйшихъ компиляцій, опредѣлить хронологическій порядокъ не датированныхъ конституцій и привести источники въ тотъ видъ, въ какомъ они являются въ изданіяхъ Крюгера или Цахаріэ фонъ-Лингенталя. Въ началѣ XIX г. появился болѣе полный текстъ «De magistratibus» Іоанна Лида. Сухое, болтливое, безталанное изложеніе этого археологическаго трактата пріобрѣтаетъ значительную цѣнность въ тѣхъ главахъ, гдѣ авторъ переходитъ къ описанію собственныхъ несчастій и судебъ вѣдомства praefectus praetorio. Въ этихъ мѣстахъ сочиненіе Лида пріобрѣтаетъ характеръ и значеніе мемуара. Его пониманіе вещей несравненно уже и блѣднѣе, чѣмъ у автора Тайной Исторіи, но не въ одномъ случаѣ «De magistratibus» содержитъ цѣнныя данныя для повѣрки Тайной Исторіи. Менѣе значенія имѣетъ появившійся въ недавнее время (1889) полный переводъ сохранившагося текста «Записокъ о восточныхъ святыхъ» монофизита Іоанна Ефесскаго: въ томъ вопросѣ, гдѣ извѣстія Іоанна имѣютъ рѣшающее значеніе — въ вопросѣ объ отношеніи Ѳеодоры къ монофизитамъ — Прокопій отсылаетъ къ своему послѣдующему изложенію. За то у Іоанна встрѣтимъ извѣстіе, подтверждающее знаменитыя показанія Тайной Исторіи о прошломъ императрицы Ѳеодоры.

Въ настоящей первой статьѣ мы приступимъ къ пересмотру вопроса о подлинности и связанныхъ съ нимъ еще болѣе частныхъ задачъ критическаго изученія Тайной Исторіи. Правда, мы не видѣли рукописей, хранящихся въ библіотекахъ Италіи и Парижа. Извѣстна потребность въ новомъ и лучшемъ изданіи Прокопія и, въ частности, Тайной Исторіи. Но примѣръ Дана показываетъ, что можно рѣшить вопросъ о подлинности, не зная, повидимому, и числа рукописей [1]). Притомъ, намъ кажется возможнымъ не дѣлать той работы, которою,

1) Ср. Dahn, Procop von Caesarea, 53 съ Pélissier, Les amis d'Holstenius (Mélanges d'archéologie et d'histoire d'Ecole Française de Rome 1887) p. 97, note. В. Васильевскій, Обозрѣніе трудовъ по византійской исторіи I 1890, стр. 107.

по слухамъ, заняты другіе. Существуетъ мнѣніе, что вопросъ о подлинности остается нерѣшеннымъ (ср. въ русской литературѣ книгу г. Курганова: Отношенія между церковною и гражданскою властію въ византійской имперіи. Казань. 1880). Все еще повторяется — полностью, или съ измѣненіями — отрицательный взглядъ Ранке на принадлежность Тайной Исторіи Прокопію, особенно въ Англіи (Bury, Oman, Mallet), а также въ новой русской статьѣ г. Димитріу. Мы не можемъ смотрѣть на вопросъ о подлинности иначе, какъ на рѣшенный, съ достаточной опредѣленностью, уже со времени труда пр. Дана[1], и потому настоящій пересмотръ вопроса не можетъ имѣть интересъ новизны въ своемъ главномъ результатѣ: все таки мы считаемъ свою работу, въ области настоящаго вопроса, оправдавшейся, если намъ дѣйствительно удастся подтвердить старые, не всегда достаточно доказанные, взгляды и, наконецъ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ придти къ выводамъ и предположеніямъ, не высказаннымъ ранѣе.

I.

Скоро послѣ изданія текста «Тайной Исторіи» Алеманномъ, кустосомъ Ватиканской библіотеки[2], появился въ разныхъ мѣстахъ Европы рядъ полемическихъ сочиненій, направленныхъ и противъ самого памятника, и противъ комментаріевъ къ нему издателя: по характеру своего содержанія Тайная Исторія оказалась пригодной для того, чтобы и въ XVII вѣкѣ возбуждать политическія страсти, служа орудіемъ въ литературной борьбѣ легистовъ и куріалистовъ.

Въ то время сочиненія Прокопія, особенно его исторія Персидскихъ, Вандальскихъ и Готскихъ войнъ Юстиніана, пользовались на Западѣ заслуженной извѣстностью: распространенныя въ подлинникѣ и переводахъ, онѣ поддерживали славу создателя «Corpus iuris», дополняя его священный для юристовъ образъ чертами монарха-завоевателя. Память о Юстиніанѣ была вдвойнѣ священна для легистовъ: и они, и ихъ противники помнили, что образецъ всѣхъ государей умѣлъ держать римскихъ епископовъ въ должныхъ предѣлахъ, что императрица Ѳеодора могла воздвигнуть на одного изъ папъ тяжкое гоненіе: за то, съ противной стороны, кардиналъ Бароній не щадилъ

1) То же мнѣніе высказалъ пр. Г. С. Дестунисъ въ предисловіи къ русскому переводу Persica.

2) Procopii Caesariensis Viri Illustris Ἀνέκδοτα. Arcana Historia qui est liber nonus historiarum. Ex bibliotheca Vaticana Nicolaus Alemannus protulit, latine reddidit, notis illustravit... Lugduni. 1623. Fol.

для ея характеристики ни бранныхъ словъ, ни обвиненій въ ереси, и сомнѣвался въ православіи самого Юстиніана. При такихъ условіяхъ является — притомъ изъ Ватикана — злой памфлетъ противъ всей политики, противъ личностей Юстиніана и Θеодоры, исходящій отъ того самого Прокопія, чье имя, казалось, было навсегда связано съ военной славой царствованія Юстиніана. Тайная Исторія была хорошимъ оружіемъ въ рукахъ куріалистовъ; самъ Алеманнъ, далеко не упуская изъ вида научныхъ требованій въ изданіи и объясненіи памятника, не забылъ въ то же время сдѣлать изъ него соотвѣтственное употребленіе въ борьбѣ съ защитниками государственнаго авторитета, указавъ, насколько непріятно было для юристовъ изданіе Тайной Исторіи. Столкновеніе между священной памятью Юстиніана и достовѣрностью историка его завоеваній было неразрѣшимо и неизбѣжно. Юристы, жившіе при европейскихъ дворахъ, не могли оставить Алеманна безъ отвѣта. Французъ Триворъ, англичанинъ Ривій, нѣмецъ Эйхель, не считая тѣхъ, чьи сочиненія вполнѣ теперь забыты, увидѣли въ поступкѣ Алеманна обиду, нанесенную всѣмъ королямъ и монархамъ, занесли Тайную Исторію въ число «venena Vaticana», съ раздраженіемъ напали на личность и политическую тенденцію Алеманна, затѣмъ на изданный имъ памятникъ и на авторитетъ Прокопія — Iustinianomastix. Прежде Бароній обвинялъ Θеодору и Юстиніана въ еретичествѣ; теперь юристы, отвергая обвиненія Тайной Исторіи, какъ юридически не доказанныя, объявили Прокопія язычникомъ, не заслуживающимъ довѣрія, не соглашаясь, очевидно, съ Алеманномъ, помѣщавшимъ терпимаго и скептически настроеннаго Прокопія въ ту категорію равнодушныхъ къ церковнымъ интересамъ политиковъ, къ которой относились они сами. Тѣмъ не менѣе, ударъ, нанесенный Алеманномъ, не былъ еще отраженъ: Тайная Исторія, какъ бы мало довѣрія ни заслуживалъ ея авторъ, продолжала существовать и носить имя Прокопія. Разрѣшить затрудненіе, вызванное ея изданіемъ, притомъ безъ ущерба имени обоихъ — и Юстиніана, и Прокопія, могла только гипотеза о подложности Тайной Исторіи. Правда, Алеманна нельзя было заподозрить въ грубой мистификаціи уже потому, что о рукописяхъ Тайной Исторіи ходили въ ученыхъ кругахъ слухи, ея существованіе было извѣстно изъ Свиды, и на нее уже ссылался жившій при Францискѣ I французскій археологъ Жиль [1]).

---

1) Petri Gyllii, De Bosporo Thracio libri tres. I c. 1, III c. 4. (въ изданіи Bandurі, Imperium Orientale sive Antiquitates Constantinopolitanae. Parisiis. 1711).

Оставалось возможнымъ предположеніе, что поддѣлка могла состояться раньше, что первоначальный текстъ могъ быть искаженъ интерполяціями или самимъ Алеманномъ, или еще въ Византіи, — и однимъ изъ первыхъ оппонентовъ Алеманну, Эйхелемъ [1]), дѣйствительно было высказано такое предположеніе.

Таково полунаучное, полупублицистическое происхожденіе старинняго и многихъ занимавшаго спора о принадлежности Прокопію изданнаго Алеманномъ текста. Разсмотримъ аргументы Эйхеля, освободивъ ихъ, по возможности, отъ полемическихъ формъ, въ которыхъ они были выражены, благодаря публицстической тенденціи автора, согласно съ обычаями прежнихъ doctorum rixae.

Эйхель очевидно различаетъ [2]) вопросъ о томъ, написалъ ли Прокопій Тайную Исторію, отъ другого: тотъ ли самый текстъ дошелъ до насъ и былъ изданъ Алеманномъ? По обоимъ пунктамъ Эйхель высказываетъ свои подозрѣнія, но останавливаясь на подлинности Тайной Исторіи попутно, не рѣшается ни на тотъ, ни на другой дать опредѣленно отрицательные отвѣты [3]). Что касается вопроса о принадлежности Тайной Исторіи Прокопію (оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о возможности интерполяціи), то Эйхель полагаетъ, что въ пользу принадлежности могутъ быть приведены вообще только два аргумента, и то недостаточно убѣдительныхъ [4]): извѣстіе Свиды и сходство языка Тайной Исторіи съ языкомъ тѣхъ сочиненій Прокопія, въ подлинности которыхъ не возникаетъ сомнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, никто изъ болѣе близкихъ къ Прокопію писателей не знаетъ Тайной Исторіи (хотя объ Евагріѣ и Зонарѣ Эйхель выражаетъ сомнѣніе на основаніи ихъ рѣзкихъ отзывовъ о правленіи Юстиніана, которые Алеманнъ даже счелъ возможнымъ предпослать тексту Тайной Исторіи въ качествѣ argumentum). Послѣ Свиды упомянулъ о Тайной Исторіи Никифоръ Каллистъ, но у него не было въ рукахъ ея текста. Это

---

1) Ἀνέκδοτα seu historia arcana Procopii Caesariensis Nicolao Alemanno defensore primum ex bibliotheca Vaticana prolata nunc plerisque in locis συγχρόνων testimoniis falsitatis convicta ab Ioanno Eichelio professore Helmstadiensi. Helmstadii 1654. Praefatio, cc. (XI). XII. XIII. XV. XVI in.

2) c. XII: (ex Suidiano testimonio) aliud.. colligere non licebit, nisi quod a Procopio scripta quaedam sint Anecdota; an vero ea sint, quae N. Alemannus dedit, nondum eo ipso est probatum. Multis enim modis interpolari ea potuisse quis ignorat?

3) c. XVI: sed esto (liber Anecdotorum) Procopii Caesariensis; quamvis id nullo certo argumento ostendi possit, multo minus metus ille removeri, Anecdota non esse interpolata.

4) c. XIII med.

видно, по мнѣнію Эйхеля, изъ того, что онъ считаетъ Тайную Исторію за «recantatio» по отношенію къ прежнимъ «похваламъ» Прокопія, обращеннымъ къ Юстиніану, а такими похвалами могутъ считаться только «Постройки»; но второе сочиненіе написано, по мнѣнію Эйхеля, четыре года спустя послѣ Тайной Исторіи. Какое же опроверженіе, recantatio, можетъ имѣть своимъ объектомъ позднѣйшее произведеніе? Этотъ аргументъ Эйхеля представляется неубѣдительнымъ, такъ какъ Никифоръ могъ говорить съ своей точки зрѣнія позднѣйшаго читателя. Итакъ, продолжаетъ Эйхель, извѣстіе Свиды остается единственнымъ оправданіемъ для тѣхъ, кто принимаетъ принадлежность Тайной Исторіи Прокопію: хотя Свида жилъ значительно позже Прокопія, всетаки онъ хорошо зналъ Тайную Исторію и «недурно» передалъ суть ея содержанія. Но извѣстіе Свиды, продолжаетъ Эйхель, доказываетъ только то, что у Прокопія было сочиненіе названнаго имени, а не то, чтобы Алеманномъ было издано именно оно: текстъ многими путями могъ подвергнуться интерполяціи[1]). Конечно, Эйхель не могъ заявить никакихъ серьезныхъ подозрѣній противъ издателя — онъ зналъ, что и ранѣе публикаціи Алеманна рукописи Тайной Исторіи были извѣстны въ ученыхъ кругахъ[2]), о чемъ мы уже говорили выше; однако Эйхель рѣшается поставить на видъ, что издатель Notitiae dignitatum Панчироли (имѣвшій въ рукахъ одинъ изъ списковъ) приводитъ въ латинскомъ переводѣ такую цитату изъ Тайной Исторіи, которая не находитъ себѣ точнаго подлинника въ изданномъ у Алеманна текстѣ. Замѣчаніе Эйхеля не основательно; соотвѣтственное греческое мѣсто сыскать не трудно[3]), и сличеніе, произведенное между нимъ и цитатой Панчироли, не позволяетъ замѣтить такой разницы, которая не могла бы вытекать изъ неточности перевода. Въ связи съ этимъ Эйхель указываетъ на рѣдкость рукописей и настойчиво[4]) выдвигаетъ впередъ подпольный характеръ сочиненія. Наконецъ, аргументъ о сходствѣ языка a priori отвергается Эйхелемъ на томъ основаніи, что, зная языкъ, ничего нѣтъ легче, какъ поддѣлаться подъ рѣчь и стиль изученнаго автора. Наоборотъ, продолжаетъ Эйхель, если сравнить Тайную Исторію съ безспорными сочиненіями Прокопія по способу обращенія съ матеріаломъ и по выбору послѣдняго, то бросится въ глаза безпорядокъ въ изложеніи, общій легкомысленный и злобный характеръ содержанія Тайной Исторіи, въ

1) c. XII. 2) Ibid. 3) An. p. 161. Bonn. 4) c. XV.

сравненіи съ противоположными качествами признанныхъ сочиненій Прокопія. Аргументы о стилѣ и композиціи видимо намѣчены, но совершенно не развиты у Эйхеля. На этомъ кончаются его доказательства. Мы видимъ, что Эйхель не много сдѣлалъ для критической разработки вопроса. Его аргументами являются недостовѣрность содержанія, безпорядокъ формы, небрежность стиля, намѣчаются внѣшнія доказательства подложности: предполагаемое несходство цитатъ, вызывающее мысль объ интерполяціи, рѣдкость рукописей. Его послѣдователи — мы увидимъ это ниже — старались обосновать свое мнѣніе о подложности на доказательствахъ именно послѣдняго рода. Сомнѣнія Эйхеля остановились передъ извѣстіемъ Свиды, хотя онъ въ то же время не придавалъ никакого значенія такому важному факту, какъ сходство языка спорнаго и несомнѣнныхъ сочиненій Прокопія. Въ концѣ концовъ онъ только признавалъ возможность интерполяціи извѣстнаго Свидѣ и потому принадлежащаго Прокопію текста.

Несмотря на то, что доказательства Эйхеля были не разработаны, а его выводы были предположительны и шатки, выраженное имъ сомнѣніе нашло для себя благопріятную почву, являясь наиболѣе удобнымъ выходомъ изъ противорѣчія между инвективами Тайной Исторіи и общимъ взглядомъ на эпоху Юстиніана. Возможность считать подложнымъ если не весь текстъ, то неопредѣленную часть его, почти сводила къ нулю значеніе источника, разстроившаго привычныя представленія, и такимъ образомъ разрубала Гордіевъ узелъ. Съ появленіемъ книги Эйхеля изсякла первая полемика, вызванная публикаціей Алеманна, закончился рядъ направленныхъ противъ Тайной Исторіи «defensiones Iustiniani», почти столько же важныхъ для историковъ политическихъ идей XVII вѣка, какъ для византинистовъ. Обсужденіе Тайной Исторіи вступило въ болѣе спокойный фазисъ, перейдя на страницы компендіевъ, исторій литературы, юридическихъ трактатовъ. Въ теченіи конца XVII столѣтія, XVIII и начала XIX высказанъ былъ длинный рядъ мнѣній о цѣнности Тайной Исторіи и о принадлежности ея Прокопію, которыя удобно прослѣдить по библіографическимъ перечнямъ Фабриція и Дана [1]). Эти отзывы — среди нихъ попадаются примыкающіе ко взглядамъ Эйхеля все съ меньшими и меньшими ограниченіями — или совсѣмъ не аргументированы, какъ, напримѣръ, отзывы Монтескье и Гиббона, признававшихъ авторомъ Тайной Исто-

1) Fabricii Bibliotheca Graeca, libri V pars II, sive volumen sextum. Hamb. 1714. P. 255 sqq. Dahn, Procopius von Caesarea. Berlin 1865. Anhang IV B.

ріи Прокопія, или сопровождались доводами, не основанными на достаточномъ изученіи предмета. Таковъ, повидимому, весьма поверхностный мемуаръ Левекъ де-Равальера[1]). Обѣщанныя Томазіемъ и фирмой Эльзевировъ критическія изданія Прокопія не появились, Парижское не ставило себѣ большихъ задачъ въ этомъ случаѣ, и до XIX вѣка вопросъ о подлинности Тайной Исторіи не получилъ надлежащаго отвѣта, не выходя изъ того положенія, въ которомъ онъ былъ оставленъ Эйхелемъ.

Критическое изученіе Тайной Исторіи и, въ частности, вопроса о ея подлинности началось съ появленія въ 1847 году[2]) замѣчательнаго этюда Тейффеля о Прокопіѣ. Въ этой статьѣ впервые былъ высказанъ рѣшительный, хотя детально и не разработанный, взглядъ въ пользу принадлежности Прокопію изданнаго Алеманномъ текста. По мнѣнію Тейффеля, въ подлинности Тайной Исторіи не могло бы возникнуть ни малѣйшаго сомнѣнія, еслибы всегда сознавались законы научной критики. Онъ указываетъ, впрочемъ очень бѣгло, на удивительное знакомство автора Тайной Исторіи съ большимъ историческимъ трудомъ Прокопія, возможное только для автора «Исторіи войнъ»; на то же самое міровоззрѣніе, религіозно-фаталистическій прагматизмъ, понятія о возмездіи, суевѣрія, на тѣ же самые обороты рѣчи, погоню за общими мѣстами, любимыя выраженія, на тотъ же стиль, только болѣе небрежный, наконецъ, на «полновѣсное» свидѣтельство Свиды. Противъ этихъ, намѣченныхъ Тейффелемъ, положеній была направлена диссертація лютеранскаго теолога Рейнкенса[3]).

Придавъ болѣе научную форму критическимъ замѣчаніямъ Эйхеля и прибавивъ нѣсколько своихъ собственныхъ, Рейнкенсъ представилъ наиболѣе полный сводъ аргументовъ, доказывающихъ, что Тайная Исторія принадлежитъ перу позднѣйшаго фальсификатора и ложно приписывается Прокопію. Считая, что доказательства, опирающіяся на характеръ самого заподозрѣннаго сочиненія, имѣютъ за собою лишь бо̀льшую или меньшую вѣроятность, а прямымъ доказательствомъ являются свидѣтельства посторонникъ источниковъ, Рейнкенсъ придаетъ большое значеніе молчанію современныхъ Прокопію

1) Levesque de la Ravalière, Reflexions contre l'idée générale (?) que Procope est l'auteur de l'Histoire secrète de Iustinien. Рефератъ о немъ въ Histoire de l'Académie royale des inscriptions et belles lettres, XXI (1754), p. 73—75.

2) Schmidts Zeitschrift für die Geschichtswissenschaft, VIII 38—79. (Studien und Charakteristiken 1871, 2 Ausg. 1889).

3) Anecdota sintne scripta a Procopio Caesariensi, inquiritur. Vratislaviae 1858.

или близкихъ къ нему по времени писателей. По его мнѣнію, нельзя объяснять этотъ фактъ недоказанною гипотезой о тайномъ характерѣ сочиненія, какъ это дѣлаетъ Алеманнъ. Такая гипотеза, доказываетъ Рейнкенсъ, не подтверждается ни самымъ именемъ 'Ανέκδοτα, потому что оно было приставлено издателемъ на основаніи Свиды и не сохранилось въ дошедшихъ рукописяхъ; ни prooemium къ Тайной Исторіи, которое не даетъ права предполагать, что авторъ желалъ скрыть свое сочиненіе,—уже по той причинѣ, что авторъ ничего не хочетъ скрывать въ Тайной Исторіи, судя по его заявленію въ томъ же prooemium (сомнительный аргументъ); ни нестройное изложеніе, за которымъ Алеманнъ усматривалъ «Procopium paene furtim scribentem». Молчаніе близкихъ къ Прокопію, по времени, писателей не можетъ быть ослаблено, по мнѣнію Рейнкенса, позднѣйшими извѣстіями Свиды и Никифора. Мало того, именно между посторонними источниками Рейнкенсъ думалъ найти рѣшающій аргументъ противъ принадлежности. Ему пришло на мысль сравнить введеніе къ труду Агаѳія съ введеніемъ къ Тайной Исторіи. Авторъ послѣдней признается, что онъ ожидалъ смерти обличаемыхъ имъ лицъ, потому что писать правду при ихъ жизни ему было бы опасно, изображая ихъ худшими изъ людей и разрушителями государства. Не подразумѣвалъ ли его Агаѳій, говоря о современныхъ ему историкахъ, льстящихъ живымъ и поносящихъ мертвыхъ правителей, въ извѣстныхъ фразахъ своего вступленія? Рейнкенсъ не думаетъ, чтобы Агаѳій намекалъ въ нихъ на Прокопія. Вѣдь Агаѳій всегда съ уваженіемъ отзывается о Прокопіѣ, какъ историкѣ, и полагаетъ, что главный его трудъ законченъ 553 годомъ, такъ что Агаѳій знаетъ изъ сочиненій Прокопія только Исторію Войнъ. Рейнкенсъ заключаетъ изъ этого, что Агаѳій, зная, судя по prooemium, о существованіи Тайной Исторіи и не приписывая ея Прокопію, тѣмъ самымъ «защитилъ его память отъ этого пятна». На такой аргументъ Рейнкенса можно отвѣтить, что если бы Агаѳій желалъ защитить своего литературнаго учителя отъ роняющей его репутацію поддѣлки, то выбралъ бы иной способъ защиты, только не умолчаніе. Нѣтъ достаточныхъ основаній видѣть въ неопредѣленныхъ фразахъ prooemium Агаѳія намекъ на автора Тайной Исторіи, мысль о необходимости для историка безпристрастія къ живымъ и мертвымъ является обычною во вступленіяхъ къ историческимъ произведеніямъ древности[1]). Вообще, аргументъ

1) Eckardt, De Anecd. Proc. Caes. (Regim. 1860) p. 31 сравниваетъ съ Tac. Ann. I, 1.

Рейнкенса вызываетъ представленіе о слѣдующихъ возможностяхъ: или Агаѳій совсѣмъ не намекаетъ на Тайную Исторію—тогда аргументъ, конечно, совсѣмъ не имѣетъ мѣста,—или дѣйствительно намекаетъ. Въ послѣднемъ случаѣ, Агаѳій, во 1-хъ, могъ не считать Прокопія авторомъ Тайной Исторіи, вопреки ея собственнымъ показаніямъ,—но тогда какой же смыслъ могутъ имѣть слова Агаѳія о современныхъ ему лицемѣрныхъ историкахъ, объявляющихъ своимъ девизомъ правду, какъ это, дѣйствительно, высказываетъ Прокопій въ prooemium къ Исторіямъ Войнъ? Въ такомъ случаѣ аргументъ Рейнкенса внутренне не состоятеленъ. Если же, предполагаемъ послѣднюю возможность, Агаѳій и зналъ Тайную Исторію, и считалъ Прокопія ея авторомъ, то это было бы аргументомъ не противъ подлинности, но за нее.

Далѣе Рейнкенсъ развилъ предложенный Эйхелемъ аргументъ о недостаточности рукописныхъ данныхъ. Во-первыхъ, говоритъ онъ, списки сочиненій Прокопія совсѣмъ не содержатъ Тайной Исторіи, которая попадается въ рукописяхъ только отдѣльно отъ «Войнъ» и «Построекъ». Всѣхъ извѣстныхъ списковъ Тайной Исторіи Рейнкенсъ насчитываетъ пять, изъ которыхъ два, принадлежавшіе Екатеринѣ Медичи и Пинелли (судя по словамъ Алеманна) пропали, а остальные, кромѣ Миланскаго, повреждены. Намъ не извѣстно, насколько вѣренъ счетъ дошедшихъ рукописей у Рейнкенса, который самъ рукописями не занимался, и насколько точно его извѣстіе объ ихъ поврежденности. Въ третьихъ, продолжаетъ Рейнкенсъ, на заголовкахъ дошедшихъ списковъ Тайной Исторіи, кромѣ того же Миланскаго, не стоитъ имени Прокопія. Изъ всего этого Рейнкенсъ заключаетъ, что рукописныя данныя настолько недостаточны, что не даютъ права ссылаться на ихъ существованіе при доказательствѣ принадлежности Тайной Исторіи Прокопію. Однако, всѣ эти три пункта безъ труда опровергаются защитниками подлинности. Первый фактъ, отсутствіе Тайной Исторіи въ спискахъ безспорныхъ сочиненій Прокопія, объясняется тѣмъ, что Тайная Исторія была издана отдѣльно отъ другихъ сочиненій Прокопія, если только вообще была когда либо издана, т. е. распространена одновременно въ значительномъ количествѣ списковъ. Требовать имени Прокопія на заголовкѣ странно, «отъ этого авторъ Тайной Исторіи могъ себя избавить»[1]), отожествляя себя са-

1) Dahn, 53 Anm. 1.

мымъ очевиднымъ образомъ съ авторомъ Исторіи Войнъ, ссылаясь на нихъ, упоминая о Кесареѣ, какъ о своей родинѣ, о своихъ личныхъ наблюденіяхъ въ Африкѣ во время экспедиціи Велисарія и т. д. Наконецъ, рѣдкость списковъ Тайной Исторіи сама по себѣ не говоритъ ни за, ни противъ подлинности, но во всякомъ случаѣ ослабляетъ силу только что приведенныхъ соображеній. Рейнкенсу остается перенести свою критику на вопросъ о внутреннихъ признакахъ тожества — о формѣ и содержаніи Тайной Исторіи.

Прежде всего онъ обращается къ аргументу о сходствѣ языка. Онъ приводитъ апріорное сужденіе Эйхеля о легкости поддѣлки, указываетъ, что стиль Прокопія не можетъ быть названъ оригинальнымъ, а это обстоятельство усугубляетъ возможность поддѣлки. Рейнкенсъ обращается противъ слегка намѣченныхъ, приведенныхъ нами выше, замѣчаній Тейффеля о сходствѣ стиля, отвѣчая на нихъ, что особенныя выраженія легко замѣтны и потому доступны поддѣлкѣ; сентенціозность и погоня за общими мѣстами свойственна Агаѳію и другимъ историкамъ того времени; наконецъ, любимыя Прокопіемъ выраженія, у другихъ писателей не употребительныя, всего два-три раза встрѣчаются въ Тайной Исторіи. Отвѣтъ на эти замѣчанія находимъ у Дана, разработавшаго аргументъ о сходствѣ языка. Другое, намѣченное Тейффелемъ, доказательство—существованіе въ текстѣ Тайной Исторіи неоднократныхъ явныхъ и скрытыхъ ссылокъ на Исторію Войнъ—можетъ доказать, на взглядъ Рейнкенса, только извѣстную ловкость фальсификатора. Притомъ, соотвѣтствіе между содержаніемъ Тайной Исторіи и «Войнъ», по его мнѣнію, болѣе замѣтно въ мелочахъ, чѣмъ въ крупныхъ фактахъ, и ссылки слѣдуютъ безъ порядка. Этого своего утвержденія о бездоказательности ссылокъ Рейнкенсъ не разработалъ, ссылаясь на свое послѣдующее изложеніе, которое не оправдываетъ ссылки. Одинаково поверхностно Рейнкенсъ обошелъ указанное Тейффелемъ сходство міровоззрѣнія автора Тайной Исторіи и автора Исторіи Войнъ; по его мнѣнію[1]), напротивъ, крайнее суевѣріе перваго не позволяетъ отожествить его съ Прокопіемъ. Рейнкенсъ переходитъ къ содержанію Тайной Исторіи. Какъ извѣстно, оно именно дало поводъ возникнуть сомнѣнію въ ея подлинности. Если бы различіе между спорнымъ и завѣдомо подлинными сочиненіями Прокопія было указано подробно и обстоятельно, то оно

1) Reinkens, p. 29.

могло бы послужить если не доказательствомъ подложности—безъ помощи другихъ аргументовъ недостовѣрность для того не достаточна, — то условіемъ, увеличивающимъ вѣроятность поддѣлки. Но Рейнкенсъ не разработалъ достаточно для своей цѣли вопросъ о предполагаемой несостоятельности содержанія Тайной Исторіи. Онъ ограничился указаніемъ, что prooemium заставляетъ Прокопія сознаться, что онъ утаилъ истину въ томъ самомъ сочиненіи, гдѣ онъ (тоже во введеніи)[1]) призналъ ее своимъ руководящимъ принципомъ и единственнымъ идеаломъ; представленіе автора Тайной Исторіи о личности Юстиніана до такой степени противоположно тому, какое можно себѣ составить по «Войнамъ» и «Постройкамъ», что авторомъ всѣхъ трехъ сочиненій никакъ нельзя признать одно и то же лицо; наконецъ, характеръ Юстиніана въ изображеніи Тайной Исторіи будто бы даже психологически не возможенъ[2]). Эти положенія недостаточно обоснованы Рейнкенсомъ.

Не останавливаясь на изложенномъ, онъ считаетъ возможнымъ указать на предполагаемые слѣды поддѣлки. Во-первыхъ, говоритъ Рейнкенсъ, ссылки на другія сочиненія Прокопія чаще попадаются въ первыхъ пяти главахъ, чѣмъ въ остальныхъ; съ 21-й главы ссылокъ болѣе не встрѣчаемъ, говоритъ Рейнкенсъ, хотя къ тому были удобные случаи (какіе именно, онъ не указываетъ). Вѣрно, что въ первыхъ пяти главахъ ссылокъ встрѣчается почти столько же, сколько въ остальныхъ, но это объясняется, съ бо̀льшимъ правомъ, содержаніемъ первыхъ пяти главъ, излагающихъ исторію Велисарія и его жены на фонѣ событій, передаваемыхъ Исторіей Войнъ; съ переходомъ къ фактамъ внутренней политики Юстиніана, ссылки на Исторію Войнъ, вполнѣ понятно, встрѣчаются рѣже[3]). Въ мѣстахъ ссылокъ, продолжаетъ Рейнкенсъ, особенно часто встрѣчается любимая Прокопіемъ перифраза γενέσϑαι ξυνηνέχϑη, ξυνέβη и т. п., такъ что возникаетъ мысль, нельзя ли въ этихъ мѣстахъ усматривать невольные слѣды работы подражателя. И это подозрѣніе Рейнкенсъ высказываетъ въ такой же общей формѣ, безъ ссылокъ, какъ и только что отмѣченное. Дѣйствительно, въ мѣстахъ ссылокъ авторъ Тайной Исторіи охотно употребляетъ названную Геродотовскую перифразу, какъ

1) Pers. I p. 10_{17}.

2) Reinkens, p. 13—14. 17—24. 25.

3) An. 12_{14} 13_{15} 16_{12} $21_{6\cdot16}$ 23_{1} 30_{2} 36_{14} 39_{4} $41_{5\cdot15}$ 45_{20} 47_{2} $73_{6\cdot13}$ 78_{10} 79_{4} $96_{10\cdot19}$ $105_{4\cdot9\cdot13}$ $111_{12\cdot15}$ 117_{15} 119_{16}. Ср. 113_{12} 136_{21}.

это еще Алеманъ замѣтилъ; но и во всемъ вообще текстѣ Тайной Исторіи она попадается такъ часто, что за всякимъ мѣстомъ, подходящимъ подъ выводъ Рейнкенса, можно безъ труда отыскать на ближайшихъ же страницахъ неподходящіе примѣры[1]. Во всякомъ случаѣ, употребительность этихъ выраженій въ Тайной Исторіи столько же говоритъ въ пользу тождества ея стиля со стилемъ Прокопія, сколько за поддѣлку.

Рѣшительнымъ доказательствомъ поддѣлки, притомъ неуклюжей, является, по мнѣнію Рейнкенса, дословное повтореніе въ текстѣ Тайной Исторіи слѣдующихъ двухъ мѣстъ изъ Gothica:

An. 36: οὕτως ἄρα οὐκ ἀνθρώπων βουλαῖς, ἀλλὰ τῇ ἐκ θεοῦ ῥοπῇ πρυτανεύεται τὰ ἀνθρώπεια, ὃ δὴ τύχην εἰώθασι καλεῖν ἄνθρωποι, οὐκ εἰδότες ὅτου δὴ ἕνεκα ταύτῃ πρόεισι τὰ ξυμβαίνοντα, ᾗπερ αὐτοῖς ἔνδηλα γίνεται· τῷ γὰρ ἀλόγῳ δοκοῦντι εἶναι φιλεῖ τὸ τῆς τύχης ὄνομα προσχωρεῖν· ἀλλὰ ταῦτα μὲν ὥς πη ἑκάστῳ φίλον, ταύτῃ δοκείτω.

Cf. Goth. IV. p. 523: οὕτως ἄρα οὐχ ᾗπερ τοῖς ἀνθρώποις δοκεῖ, ἀλλὰ τῇ ἐκ τοῦ θεοῦ ῥοπῇ πρυτανεύεται τὰ ἀνθρώπεια, ὃ δὴ τύχην εἰώθασι καλεῖν οἱ ἄνθρωποι, οὐκ εἰδότες ὅτου δὴ ἕνεκα ταύτῃ πρόεισι τὰ ξυμβαίνοντα, ᾗπερ αὐτοῖς ἔνδηλα γίνεται. τῷ γὰρ παραλόγῳ δοκοῦντι εἶναι φιλεῖ τὸ τῆς τύχης προσχωρεῖν ὄνομα. ἀλλὰ ταῦτα μὲν ὥς πη ἑκάστῳ φίλον, ταύτῃ δοκείτω.

An. prooem. Ὅσα μὲν οὖν Ῥωμαίων τῷ γένει ἐν τοῖς πολέμοις ἄχρι δεῦρο ξυνηνέχθη γενέσθαι, τῇ δέ μοι δεδιήγηται, ᾗπερ δυνατὸν ἐγεγόνει τῶν πράξεων τὰς δηλώσεις ἁπάσας ἐπὶ καιρῶν τε καὶ χωρίων ἐπιτηδείων ἁρμοσαμένῳ· τὰ δὲ ἐνθένδε οὐκέτι μοι τρόπῳ τῷ εἰρημένῳ ξυγκείσεται, ἐπεὶ ἐνταῦθα γεγράψεται πάντα, ὅσα δὴ τετύχηκε γενέσθαι πανταχόθι τῆς Ῥωμαίων ἀρχῆς.

Goth. IV prooem. Ὅσα μὲν ἄχρι τοῦδέ μοι δεδιήγηται, τῇδε ξυγγέγραπται ᾗπερ δυνατὰ ἐγεγόνει ἐπὶ χωρίων, ἐφ' ὧν δὴ ἔργα τὰ πολέμια ξυνηνέχθη γενέσθαι, διελόντι τε καὶ ἁρμοσαμένῳ τοὺς λόγους, οἵπερ ἤδη ἐξενεχθέντες πανταχόθι δεδήλωνται τῆς Ῥωμαίων ἀρχῆς. τὸ δὲ ἐνθένδε οὐκέτι μοι τρόπῳ τῷ εἰρημένῳ ξυγκείσεται. γράμμασι γὰρ τοῖς ἐς τὸ πᾶν δεδηλωμένοις οὐκέτι εἶχον τὰ ἐπιγινόμενα ἐναρμόζεσθαι, ἀλλ' ὅσα κατὰ τοὺς πολέμους τούσδε γεγονέναι ξυνέβη.... ἐν τῷδέ μοι τῷ λόγῳ πάντα γεγράψεται.

1) An. 13_{15} cf. 17_7; 30_2 cf. 31_{17}, 32_{10}; 39_9 cf. 40_{17-22}; 41_{13} cf. 44_6; 73_8 cf. 74_{17}; 79_4 cf. 79_{26}; 108_{19} cf. 107_6, 109_{11-13} и т. д.

Что касается до сентенціи о судьбѣ—выражающей, замѣтимъ, мысль, обычную[1]) у Прокопія,—то Рейнкенсъ отказывается вѣрить, чтобы «такой серьезный историкъ», какъ Прокопій, сталъ дословно переписывать мѣста изъ собственныхъ сочиненій, до тѣхъ поръ, пока ему, Рейнкенсу, не будутъ представлены подобные примѣры буквальнаго заимствованія или тожества, взятые изъ текста безспорныхъ сочиненій Прокопія. Такіе примѣры и были даны Экардтомъ[2]), и за нимъ Даномъ, который въ этомъ случаѣ былъ бы вправѣ упомянуть о своемъ предшественникѣ. Правда, предложенные примѣры буквальнаго совпаденія въ извѣстіяхъ о посольствѣ Витигиса къ Хозрою, о крещеніи Цановъ, и въ другихъ еще менѣе замѣтныхъ случаяхъ[3]), являются скорѣе тожествами отдѣльныхъ фразъ и выраженій, такъ что не вполнѣ уравновѣшиваютъ собою приведенные Рейнкенсомъ случаи тожества текстовъ Тайной Исторіи и четвертой книги Gothica. Эти случаи дѣйствительно стоятъ вниманія: повидимому, они не могутъ быть объяснены реминисценціей автора или игрою случая. Совпаденіе въ мысляхъ и во взглядахъ является аргументомъ въ пользу тожества авторовъ; совпаденіе выраженій, притомъ въ текстѣ извѣстныхъ размѣровъ, обыкновенно объясняется предположеніемъ литературнаго родства источниковъ. На второе явленіе, надо думать, указываютъ и замѣченные еще Алеманномъ мѣстами буквальное совпаденіе извѣстій Тайной Исторіи и «Готскихъ Войнъ»[4]) о неудачномъ исходѣ второй экспедиціи Велисарія въ Италію, и тожество отдѣльныхъ выраженій въ извѣстіи Тайной Исторіи и Persica[5]) о раздѣленіи жителей столицы на политическія партіи. Однако видѣть во всемъ этомъ слѣды работы фальзарія нѣтъ достаточныхъ основаній. Утвержденіе Рейнкенса, что Прокопій не сталъ бы списывать съ собственныхъ своихъ сочиненій, не есть доказательство, и на него можно, впрочемъ одинаково голословно, отвѣтить, что искусный фальзарій болѣе удачно скрылъ бы слѣды своей поддѣлки, а предполагать неискуснаго нѣтъ основаній, хотя бы по той причинѣ, что и Рейнкенсъ могъ заподозрить изъ всего текста Тайной Исторіи, какъ вставленныя фальзаріемъ, только эти два мѣста: по своему характеру Тайная Исто-

1) Ср. Vand. 384_{14}. Goth. 270_{12}. Pers. 193_{22} cf. An. 68_{20}.

2) Eckardt, De Anecdotis Procopii Caesariensis, p. 19. Dahn, 257—258.

3) Pers. II c. 2 p. 156, cf. Goth. II c. 22 p. 237. Pers. I c. 15 p. 78 cf. Aed. III c. 6 p. 258 и др. Прибавимъ Vand. II p. 452_{14} cf. Pers. II p. 165_{20}.

4) Goth. III c. 34, An. c. 5.

5) Pers. I p. 119_{14} cf. An. 47_1; Pers. 123_4 cf. An. 47_{2-3}.

рія не похожа, кажется, на мозаичное произведеніе. Выше упомянутыя совпаденія въ извѣстіяхъ о Велисаріѣ въ Италіи и о димахъ въ Византіи сходны съ примѣрами тожествъ, привлеченными у Экардта и другихъ. Они могутъ быть объяснены защитниками подлинности довольно извѣстною привычкою Прокопія употреблять для обозначенія фактовъ и для характеристики дѣйствующихъ лицъ одни и тѣ же выраженія, однообразіемъ его стиля; и не менѣе того указанныя совпаденія объясняются выяснившимся въ настоящее время обстоятельствомъ, что окончательная редакція семи книгъ «Войнъ» близка по времени къ зарожденію въ умѣ автора плана Тайной Исторіи (объ этомъ ниже); такъ что у автора Тайной Исторіи, если считать его Прокопіемъ, могъ быть въ памяти тотъ же самый матеріалъ, который былъ у автора «Войнъ» подъ руками. Съ приведенными у Рейнкенса и выписанными выше текстами дѣло обстоитъ нѣсколько иначе, и въ этихъ двухъ случаяхъ заимствованіе вѣроятнѣе, и реминисценцію предполагать, повидимому, нельзя. Но выводъ Рейнкенса о заимствованіи фальзаріемъ этихъ текстовъ изъ Goth. IV при составленіи Тайной Исторіи рушится съ появленіемъ новыхъ, ниже изложенныхъ данныхъ: оказывается, что Тайная Исторія была написана раньше четвертой книги «Готскихъ Войнъ», и слѣдовательно, если заимствованіе имѣетъ мѣсто, то оно было сдѣлано авторомъ «Готскихъ Войнъ», т. е. Прокопіемъ: онъ перенесъ въ свою «ἱστορία ποικίλη» красивую сентенцію о судьбѣ, выраженную вполнѣ въ его вкусѣ. Теперь спрашивается, какимъ же образомъ Прокопію удалось познакомиться съ неизданной Тайной Исторіей, написанной, какъ мы это увидимъ, за два-три года до изданія четвертой книги Gothica? Кажется, аргументъ Рейнкенса направляется противъ его самого. Кромѣ того, первыя строки prooemium Тайной Исторіи не могутъ служить основаніемъ для какого либо доказательства, пока не будетъ установлено отсутствіе въ нихъ интерполяціи, которая нѣкоторыми считается возможной, даже вѣроятной [1]).

Наконецъ, Рейнкенсъ предложилъ слѣдующій, и болѣе важный, доводъ въ пользу подложности. Онъ усмотрѣлъ въ текстѣ Тайной Исторіи два хронологическихъ противорѣчія. Въ первомъ случаѣ Тайная Исторія должна, по его мнѣнію, противорѣчить самой себѣ, во второмъ — извѣстіямъ сочиненія Прокопія о войнахъ. Именно, въ

1) Gundlach, Quaestiones Procopianae, p. 5.

prooemium[1]) Тайной Исторіи говорится, что прежде, при жизни обвиняемыхъ авторомъ лицъ[2]), онъ не могъ высказать всей правды, но теперь, въ Тайной Исторіи, онъ ставитъ себѣ задачей восполнить этотъ недостатокъ. Между тѣмъ, изъ многихъ мѣстъ послѣдующаго текста нельзя не видѣть, что въ то время, когда авторъ писалъ Тайную Исторію, то главный обвиняемый — Юстиніанъ — былъ живъ. Предполагаемое Рейнкенсомъ противорѣчіе опирается, какъ мы видимъ, на слово περιόντων, но на немъ нельзя основать серьезное доказательство. Поручая Тайную Исторію потомству, авторъ могъ говорить, примѣняясь къ точкѣ зрѣнія послѣдующихъ поколѣній, подобно тому какъ онъ говоритъ ниже: «у Велисарія *была* жена»[3]), хотя Антонина пережила время составленія Тайной Исторіи, или какъ онъ говоритъ о самомъ Юстиніанѣ въ прошедшемъ времени и въ другихъ мѣстахъ[4]), чего Рейнкенсъ не замѣтилъ. Отъ автора Тайной Исторіи нельзя требовать точности выраженія, въ чемъ мы убѣдимся ниже. Наконецъ, изъ того, что во время редакціи «Войнъ» главные дѣятели были живы, не слѣдуетъ того, что въ томъ году, когда писалась Тайная Исторія, ихъ не было въ живыхъ: въ словахъ вступленія нѣтъ такой антитезы, которая бы предполагала, что авторъ хотѣлъ это сказать. Если онъ обѣщалъ восполнить прежніе пробѣлы, то ему вѣдь было извѣстно, что при жизни Юстиніана онъ не могъ бы распространить свое произведеніе. Поэтому напрасно Рейнкенсъ усматриваетъ въ словахъ «ἔτι περιόντων τῶν αὐτὰ εἰργασαμένων» неразрѣшимое противорѣчіе съ послѣдующимъ текстомъ. Кажется неизбѣжнымъ второе хронологическое противорѣчіе, отмѣченное Рейнкенсомъ. Передавая, что истинною причиной убійства Амалазунты, королевы Готовъ, были интриги Ѳеодоры, авторъ ссылается на свое прежнее изложеніе этого факта въ Gothica и признаетъ, что тамъ онъ не могъ вполнѣ высказаться изъ страха передъ Ѳеодорой[5]). Но во время редакціи «Готскихъ Войнъ», гдѣ читается разсказъ о смерти Амалазунты, Ѳеодоры уже не было въ живыхъ. Она умерла въ 548 году, а первыя три книги Gothica вышли въ окончательной редакціи двумя годами позже. Замѣтивъ, что не только три книги «Готскихъ Войнъ», но и предпослан-

1) An. 10_{6-14}.
2) Περιόντων ἔτι τῶν αὐτὰ εἰργασ(α)μένων.
3) An. 12_{14}. 4) 106_{7}.
5) An. 96_{19} ἵνα δή μοι τῶν πεπραγμένων ἐκπύστους ποιεῖσθαι τὰς ἀληθείας δέει τῆς βασιλίδος ἀδύνατα ἦν.

ныя имъ «Персидскія» и «Вандальскія» содержатъ описаніе событій до 549 г. («Персидскія»), до 548 («Вандальскія») и до 550 (третья книга «Готскихъ»), выводимъ, что ни одна изъ нихъ не могла быть издана ранѣе 549 года, такъ какъ «Вандальскія» написаны позже «Персидскихъ», по крайней мѣрѣ не ранѣе 549 года онѣ получили тотъ видъ, въ которомъ дошли до насъ. Слѣдовательно, ихъ автору должна быть извѣстна смерть императрицы Θеодоры, послѣдовавшая въ 548 г., и дѣйствительно, въ нихъ этотъ фактъ упомянутъ[1]). Между тѣмъ, судя по нашему мѣсту Тайной Исторіи, ея авторъ считаетъ, что «Готскія Войны» были написаны при жизни Θеодоры. Иначе какъ можно объяснить слова δέει τῆς βασιλίδος? Тейффель[2]) признавалъ, впрочемъ нерѣшительно, что первая книга «Готскихъ Войнъ», гдѣ читается разсказъ о смерти Амалазунты, была написана, но не издана, раньше 548 года, а при окончательной редакціи первыхъ трехъ книгъ Gothica, состоявшейся не ранѣе 550 года, пробѣлъ объ интригахъ Θеодоры не былъ дополненъ изъ страха передъ Юстиніаномъ, свято чтившимъ память супруги. Данъ[3]) прямо отрицаетъ существованіе разбираемаго противорѣчія. Изъ словъ δέει τῆς βασιλίδος не слѣдуетъ, по его мнѣнію, того, чтобы наше мѣсто Gothica было написано ранѣе смерти Θеодоры, чтобы это думалъ авторъ Тайной Исторіи, какъ принимаетъ Тейффель: ея имя было страшно для автора все время, пока жилъ преданный ея памяти императоръ. Однако, объясненіе Дана, само по себѣ допустимое, можетъ быть принято только тогда, когда онъ объяснитъ, почему читаются слова δέει τῆς βασιλίδος, а не τοῦ βασιλέως. Наше мѣсто Тайной Исторіи дѣйствительно представляетъ хронологическое затрудненіе и такимъ образомъ является доказательствомъ противъ подлинности Тайной Исторіи, но только для тѣхъ, кто держится предвзятаго мнѣнія, что большой историческій трудъ Прокопія былъ написанъ сразу, около 550 года. Вѣдь это ничѣмъ не можетъ быть доказано. Гораздо вѣроятнѣе первоначальное предположеніе Тейффеля[4]) (впослѣдствіи онъ нѣсколько измѣнилъ свое мнѣніе, быть можетъ подъ вліяніемъ Дана), принимавшаго, что дѣйствительно наше мѣсто Goth. I могло быть написано ранѣе 548 года. Его гипотеза становится весьма вѣроятной и даже необходимой въ виду слѣ-

---

1) Pers. II p. 300_2. Goth. III 401_{12}.
2) Schmidt's Zeitschrift. VIII S. 44.
3) Dahn, 450.
4) Teuffel, Studien 1889. S. 254, cp. 252, 255.

дующихъ фактовъ, сопоставленныхъ и оцѣненныхъ впервые въ новой работѣ Гори[1]).

Прежде всего о «Персидскихъ Войнахъ» слѣдуетъ сказать, что онѣ написаны не uno tenore, но между концомъ второй и третьей книгъ лежитъ промежутокъ времени болѣе года. Повѣствуя объ опалѣ, постигшей префекта Іоанна Каппадока въ 542 году, о его ссылкѣ въ Кизикъ, откуда онъ спустя нѣсколько времени былъ отосланъ въ Египетъ, Прокопій прибавляетъ: «тамъ онъ находится въ заключеніи вотъ уже третій годъ»[2]). Между тѣмъ, на послѣдней страницѣ «Персидскихъ Войнъ», закончивъ свое изложеніе событіями 549 года, Прокопій еще разъ касается судьбы Іоанна и передаетъ, что онъ уже годъ тому назадъ вернулся изъ ссылки[3]). Изъ этого слѣдуетъ заключить, что Прокопій писалъ «Персидскія Войны» въ разное время, а отсюда слѣдуетъ, что онъ приписывалъ изложеніе новыхъ событій, не измѣняя готоваго и, можетъ быть, уже извѣстнаго текста. На послѣднее намекаютъ слова вступленія къ 4-ой книгѣ «Готскихъ Войнъ», названной имъ *ἱστορία ποικίλη*[4]). Авторъ объясняетъ ея происхожденіе, равно какъ и новый синхронистическій порядокъ изложенія тѣмъ, что новыя событія не могли быть присоединены къ содержанію прежнихъ, уже опубликованныхъ книгъ (тогда какъ до окончательной редакціи прибавлять было возможно). Точно такой же слѣдъ первой редакціи представляетъ необъясненное Даномъ, предпочитающимъ увѣренность въ существованіи единственной и окончательной редакціи Войнъ, но вполнѣ аналогичное приведенному выше извѣстіе изъ второй книги «Готскихъ Войнъ». Прокопія заинтересовалъ слѣдующій эпизодъ кампаніи 537 года: римскій офицеръ былъ раненъ въ щеку, и остріе дротика осталось въ ранѣ; только на пятый годъ желѣзо показалось изъ тѣла, и «вотъ уже третій годъ, прибавляетъ Прокопій, какъ оно постоянно выдвигается по немногу[5])». Эти слова позволяютъ намъ сказать, что данное мѣсто написано въ 545 году. Данъ опять предлагаетъ объясненіе, которое не можетъ быть принято[6]). Въ то же время Гори показалъ на основаніи извѣстій Тайной Исторіи и Малалы, что

---

1) Haury, Procopiana. Progr. Augsburg 1891.

2) Pers. I. c. 25 extr. καὶ τρίτον τοῦτο ἔτος αὐτὸν ἐνταῦθα κατείρξαντες τηροῦσιν.

3) Pers. II, c. 30.

4) Γράμμασι γὰρ ἐς τὸ πᾶν δεδηλωμένοις οὐκέτι εἶχον τὰ ἐπιγενόμενα ἐναρμόζεσθαι.

5) Goth, III c. 5 p. 167_5 πέμπτῳ ὕστερον ἐνιαυτῷ ἐφάνη. τρίτον δὲ τοῦτο ἔτος ἐξ οὗ κατὰ βραχὺ πρόεισι ἔξω ἀεί.

6) Dahn, 449.

приведенное выше мѣсто изъ Persica I объ Іоаннѣ Каппадокѣ было написано въ томъ же 545 году. Извѣстно, что Іоаннъ былъ сначала сосланъ въ Кизикъ; но когда тамъ случилось убійство епископа Евсевія, то Іоанна привлекли къ дѣлу и сослали въ Египетъ. О его дальнѣйшей судьбѣ Тайная Исторія сообщаетъ[1]), что Ѳеодора, главный врагъ Іоанна, не утолила своей мести, сославъ его въ Египетъ, но спустя четыре года принуждала двухъ обвиненныхъ по тому же дѣлу Кизикцевъ показать противъ Іоанна, въ чемъ однако не имѣла успѣха, хотя прибѣгла къ пыткѣ. Изъ Малалы[2]) извѣстно, что этотъ процессъ происходилъ въ 547 году, и это даетъ ключъ къ опредѣленію года ссылки Іоанна въ Египетъ (542) и года, въ которомъ была написана 25-я глава первой книги Persica (545). Такимъ образомъ нужно признать, что Pers. I c. 25 и Goth. II c. 5 были написаны въ 545 году, и весьма вѣроятною является гипотеза, что существовали двѣ редакціи Исторіи Войнъ; изъ этихъ редакцій вторая, прибавившая къ прежнему тексту изложеніе позднѣйшихъ событій, дошла до насъ. Эта гипотеза одна въ состояніи объяснить затрудненія, связанныя съ обоими только что названными мѣстами. Возвращаясь теперь къ предполагаемому хронологическому противорѣчію между An. 96 и датою Goth. I, и вспоминая, что оно основано на томъ мнѣніи, будто Исторіи Войнъ написаны uno tenore около 550 г., видимъ, какое сомнительное основаніе оказывается у отмѣченнаго Рейпкенсомъ противорѣчія. Если Goth. II c. 25 существовала уже въ текстѣ первой редакціи 545 года, то Goth. I c. 4, гдѣ говорится о смерти Амалазунты, подавно могло быть написано въ этомъ самомъ году. Отсюда слѣдуетъ, что слова автора Тайной Исторіи о боязни передъ Ѳеодорой въ то время, когда онъ описывалъ посольство Петра и смерть Амалазунты, указываютъ на такое знакомство съ процессомъ составленія Исторіи Войнъ, которое могло быть доступно только самому Прокопію или тѣмъ лицамъ, которыя были знакомы съ текстомъ Исторіи Войнъ въ первоначальномъ видѣ, когда она еще не была издана ἐς τὸ πᾶν. На нашъ взглядъ, это обстоятельство — неожиданный аргументъ въ пользу принадлежности Тайной Исторіи Прокопію.

Въ послѣднее время вопросъ о подлинности Тайной Исторіи снова подвергся сомнѣнію по поводу взгляда Леопольда Ранке[3]), признав-

---

1) An. 105_{12}.
2) Malal. p. 483 Bonn.
3) Weltgeschichte IV, 2 (1883). S. 300—312.

шаго Тайную Исторію по крайней мѣрѣ отчасти подложной. Постараемся внимательно изложить его доказательства. Подлинность Тайной Исторіи всегда новый вопросъ. Молчаніе Агаѳія и упоминаніе Свиды одинаково мало значатъ. Первымъ и лучшимъ доказательствомъ подложности Тайной Исторіи, по мнѣнію Ранке, являются только что разбиравшіяся слова δέει τῆς βασιλίδος въ главѣ XVI. Это очевидно грубое противорѣчіе съ датою Gothica. Хотя бы «Исторіи» и состояли изъ прежнихъ замѣтокъ, во всякомъ случаѣ Прокопій не могъ бояться Ѳеодоры, когда ея не было въ живыхъ. Читая Тайную Исторію, Ранке сразу наталкивается на врядъ ли разрѣшимую трудность тожества первыхъ ея строкъ съ началомъ четвертой книги Gothica. Тамъ эти строки кстати, здѣсь не умѣстны. Лишнія противъ prooem. Goth. IV слова καιρῶν τε имѣютъ видъ интерполяціи. Вообще, первыя строки prooemium Тайной Исторіи не могутъ принадлежать Прокопію. По мнѣнію Ранке эти строки были переписаны въ Тайную Исторію изъ Gothica, но измѣнены сообразно съ ея цѣлью, т. е. приставлено слово καιρῶν; хотя хронологическаго порядка изложенія, на который должно указывать это καιρῶν, въ Тайной Исторіи нѣтъ и не можетъ быть. Слѣдующее предложеніе, продолжаетъ Ранке, гдѣ говорится о пробѣлахъ въ содержаніи Исторіи Войнъ, вызванныхъ страхомъ передъ жившими еще тогда тираннами, является такимъ грубымъ противорѣчіемъ по отношенію къ послѣднимъ словамъ Тайной Исторіи, предполагающимъ Юстиніана въ живыхъ и на римскомъ престолѣ, — такимъ противорѣчіемъ, какія рѣдко бываютъ. Далѣе, если авторъ Тайной Исторіи обѣщалъ раскрыть скрытыя причины фактовъ, изложенныхъ въ Исторіи Войнъ, то онъ обѣщалъ, «что и самъ не предполагалъ выполнить»[1]) (во первыхъ, это не доказательство подложности: и Прокопій могъ обѣщать и не выполнить, и кромѣ того, это не справедливо: нѣсколько разъ въ текстѣ Тайной Исторіи авторъ указываетъ, что исполняетъ свое обѣщаніе[2]). Ссылки на лакуны дѣлу не помогутъ, продолжаетъ Ранке. Вступленіе автора Тайной Исторіи замыкается ex abrupto фразой: πρῶτα μὲν ὅσα Βελισαρίῳ μοχθηρὰ εἴργασται ἐρῶν ἔρχομαι. Это наводитъ Ранке на мысль, что вслѣдъ за приведенными словами начинается историческій фрагментъ, къ которому приставлено подходящее введеніе. Авторъ только обѣщаетъ говорить о Велисаріѣ, но сразу же обращается къ преступле-

1) Ranke, 303: die er zu erfüllen gar nicht gemeint sein konnte.
2) An. 21_{1}, 73_{7} Cf. 90_{10}.

ніямъ его жены, патрикіи Антонины. Посвященныя ей главы Ранке считаетъ подлинными, потому что онѣ «во всякомъ случаѣ дополняютъ» разсказъ Прокопія въ Исторіи Войнъ, написаны въ духѣ Persica и примыкаютъ къ нимъ, хотя имѣютъ мало исторической цѣнности. Далѣе Тайная Исторія раскрываетъ условія, вызвавшія вторую экспедицію Велисарія въ Италію, «причемъ мы снова узнаемъ стиль Прокопія», и эти извѣстія «написаны имъ безъ сомнѣнія», такъ что Ранке не затруднился ввести ихъ въ его собственное изложеніе фактовъ. Но тотчасъ же Ранке оговаривается, что ни въ какомъ случаѣ не считаетъ всю Тайную Исторію за произведеніе Прокопія: «сразу же слѣдуетъ предполагать другой источникъ». Разсказъ о чудесномъ спасеніи Юстина можетъ исходить отъ Прокопія, но нельзя сказать то же самое о вставленномъ въ этотъ пассажъ предсказаніи, что домъ Юстина предназначенъ судьбою служить орудіемъ ея гнѣва на человѣческій родъ. Точно также Прокопію не можетъ принадлежать взглядъ на воцареніе Юстиніана какъ на небесную кару. «Я полагаю, пишетъ Ранке, Прокопій, проницательно и обстоятельно описавшій войны Юстиніана, никогда не могъ бы дойти до такого заблужденія, чтобы написать такую неисторическую фразу, какъ та, что намѣреніемъ Юстиніана (въ предпринятыхъ имъ походахъ) было не завоеваніе, а опустошеніе». Затѣмъ Ранке предлагаетъ рядъ доводовъ точно такого же характера. Какимъ образомъ Прокопій могъ смотрѣть на власть Юстиніана, какъ на тираннію? Какъ онъ могъ считать Юстиніана и Ѳеодору демонами, говорить о Ѳеодорѣ въ такихъ фанатическихъ выраженіяхъ, какія читаются въ Тайной Исторіи, тогда какъ въ Persica, говоря о мятежѣ Ника, Прокопій передалъ самое лучшее, что намъ о ней извѣстно? Въ противоположность послѣднимъ строкамъ, все сочиненіе предполагаетъ царствованіе Юстиніана законченнымъ, такъ какъ авторъ говоритъ о Юстиніанѣ въ прошедшемъ времени, напримѣръ [1]: «онъ былъ не человѣкъ, а демонъ». Ранке, повидимому, не принялъ во вниманіе дату Тайной Исторіи отъ 32-го года царствованія Юстиніана. Число погубленныхъ императоромъ жертвъ его завоевательной политики, по словамъ Ранке, такъ преувеличено, что никто не посмѣлъ бы такъ выразиться при его жизни [2]). Вспоминая борьбу партій по смерти Юстиніана и реакцію, послѣдовавшую при его преемникѣ, Ранке полагаетъ, что это настроеніе отразилось въ

1) An. 106.

2) Ranke. 305.

содержаніи Тайной Исторіи. Только немногое изъ ея текста исходитъ отъ Прокопія. Она представляетъ изъ себя смѣсь подлинныхъ выраженій съ оппозиціонными манифестаціями не подавленной окончательно партіи Прасиновъ. Ранке приходитъ къ заключенію [1]), что Тайная Исторія составлялась изъ трехъ различныхъ элементовъ: дополненій къ Исторіи Войнъ, исходящихъ отъ самого Прокопія; во вторыхъ, изъ рѣзкихъ выходокъ противъ Юстиніана, выражающихъ тайную ненависть «въ монашескомъ духѣ»; и наконецъ, изъ основательныхъ, въ извѣстной степени, указаній на недостатки правленія Юстиніана. Всѣ три элемента считаются Ранке продуктами той самой эпохи, только оба послѣдніе не могутъ исходить отъ Прокопія (отъ кого долженъ исходить третій—не сказано). Всѣ три элемента «переплетены» кое гдѣ одинъ съ другимъ; но вообще говоря, Тайная Исторія представляется компиляціей различныхъ «Stücke», соединенныхъ въ намѣреніи приписать ихъ Прокопію. Строеніе книги безпорядочно, не имѣется ни подходящаго начала, ни удачнаго конца, повсюду повторенія и противорѣчія.

Таковы доказательства Ранке, изложенныя по возможности полно и точно. Онъ не предложилъ ни одного новаго аргумента противъ подлинности. Онъ привелъ большинство старыхъ: хронологическія и иныя затрудненія, связанныя съ prooemium, слова δέει τῆς βασιλίδος, отсутствіе редакціи—сомнительный доводъ Эйхеля въ пользу подложности, и другіе; однако новый пересмотръ вопроса въ его настоящемъ положеніи даетъ, какъ мы уже теперь можемъ видѣть, достаточныя основанія, чтобы считать эти аргументы не убѣдительными и отчасти даже несостоятельными. Нельзя не замѣтить, что Ранке не достаточно внимательно отнесся какъ къ самому тексту Тайной Исторіи, такъ и къ положенію вопроса послѣ развитія Тейффелемъ и Даномъ положительныхъ аргументовъ въ пользу подлинности [2]). Онъ не отвѣтилъ на такія вѣскія доказательства, какъ сходство языка и міровоззрѣнія, не отвѣтилъ на аргументъ о ссылкахъ и внѣшнемъ соотвѣтствіи содержанія Тайной Исторіи и «Войнъ», предполагающемъ детальное знакомство автора Тайной Исторіи съ сочиненіями Прокопія; объ

1) Ranke, 311.

2) Данъ (Berl. Wochenschrift für die klassische Philologie 1892 № 6) сообщаетъ, что Ранке «in seinem kurz vor seinem Tode mit mir gepflogenen Briefwechsel einräumen musste, dass er meine Beweisführung aus der völligen Einheit der Sprache in der ganzen Geheimgeschichte mit den zweifellos echten Schriften Procops «nicht genug gewürdigt» habe.

этихъ подлинныхъ аргументахъ рѣчь будетъ идти немного ниже. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ранке широко пустилъ въ вопросъ о подлинности доказательства по недостовѣрности содержанія, которое само по себѣ не рѣшаетъ вопроса о подлинности. Изъ этихъ путемъ, онъ категорически отрицаетъ принадлежность Прокопію тѣхъ или другихъ мѣстъ изъ Тайной Исторіи, опираясь только на свою критическую проницательность. Конечно, Ранке имѣлъ на это право, и несравненно большее, чѣмъ тотъ, кто ему повѣритъ на слово. Тѣмъ не менѣе, заслуга Ранке заключается въ переходѣ изученія Тайной Исторіи въ новый фазисъ. Онъ отказался отъ отстаиванія подлинности Тайной Исторіи во всемъ ея составѣ. Выдвинувъ вопросъ о позднѣйшей интерполяціи и расширеніи принадлежащихъ Прокопію фрагментовъ вставками фальсарія, Ранке вернулся къ первоначальнымъ сомнѣніямъ Эйхеля. Съ одной стороны, онъ этимъ открылъ новое поле для критической работы, если бы нашлась дѣйствительная необходимость слѣдовать по этому неблагодарному пути. Съ другой стороны, преобразовавъ вопросъ о подлинности въ вопросъ о достовѣрности содержанія, Ранке перенесъ споръ на болѣе плодотворный предметъ. Переходъ въ сферу критики извѣстій Тайной Исторіи долженъ привести къ лучшимъ результатамъ, но въ то же время онъ является отказомъ отъ защиты тезиса о подлинности въ его прежнемъ объемѣ и отъ прежняго метода формальныхъ доказательствъ. Этимъ, отчасти, исчерпывается заслуга небольшого изслѣдованія Ранке, сводящагося къ постановкѣ новыхъ задачъ, не имѣетъ за собою его послѣдователей. Изъ нихъ Бюри[1] и г. Димитріу[2] высказались наиболѣе обстоятельно.

Такъ какъ именно на противникахъ подлинности лежитъ onus probandi, то на этомъ можно было бы разстаться съ ихъ сомнѣніями, но вопросъ о подлинности Тайной Исторіи, т. е. о принадлежности ея Прокопію, стоитъ во главѣ всей критической работы надъ этимъ источникомъ и необходимо долженъ получить опредѣленное рѣшеніе. Его первенствующее мѣсто обусловлено какъ характеромъ памятника, такъ и исторіей его изученія. Въ силу извѣстныхъ причинъ слабые аргументы Эйхеля долго оставались безъ надлежащаго отвѣта, и вопросъ о подлинности задерживалъ разработку всѣхъ другихъ вопросовъ, связанныхъ съ изученіемъ Тайной Исторіи. Положительная

1 Bury. A history of the later Roman empire. I 363—364.

2 Лѣтопись Историко-Филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ. Визант. отд. II. 1894. Стр. 256—301.

доказательства принадлежности ея Прокопію сводятся къ слѣдующимъ тремъ главнымъ аргументамъ: 1) къ извѣстіямъ посторонних источниковъ; 2) къ аргументу о знакомствѣ автора Тайной Исторіи съ сочиненіями Прокопія, къ такъ называемому аргументу о ссылкахъ и формальномъ соотвѣтствіи содержанія; и въ третьихъ, къ тожеству основныхъ взглядовъ и способа выраженія автора Тайной Исторіи и Прокопія. Этотъ аргументъ о внутреннихъ и внѣшнихъ признакахъ тожества личности обширенъ и имѣетъ рѣшающее значеніе; онъ распадается на рядъ частныхъ доказательствъ: о тожествѣ политическихъ, философскихъ, этическихъ и иныхъ убѣжденій, о писательскихъ пріемахъ, стилѣ и языкѣ.

Свидѣтельства постороннихъ источниковъ не имѣютъ большаго значенія. Изъ писателей, близкихъ по времени къ Прокопію, никто повидимому не былъ знакомъ съ Тайной Исторіей; только относительно Агаѳія и Евагрія это не представляется яснымъ. Вступленіе въ исторіи Агаѳія, упомянутое выше, не даетъ основанія заключать, что Агаѳій намекалъ въ этомъ мѣстѣ на Прокопія. Тейффель полагаетъ, что Агаѳій совершенно не зналъ ничего о Тайной Исторіи[1]; но его мнѣніе не можетъ быть доказано, равно какъ и обратное. Что касается Евагрія, то въ изложеніи царствованія Юстиніана онъ безо всякаго сомнѣнія основывается на Прокопіѣ, именно на исторіи войнъ[2]; можетъ быть, ему было извѣстно сочиненіе о постройкахъ[3]). Слѣдовательно, есть основаніе предположить, что Евагрій воспользовался бы и Тайной Исторіей, будь она ему извѣстна. Въ виду присутствія[4]) въ сочиненіи Евагрія весьма рѣзкихъ отзывовъ о правленіи Юстиніана, напоминающихъ стиль автора Тайной Исторіи и послужившихъ для Алеманна въ качествѣ argumentum ея содержанія, было высказано предположеніе[5]) о зависимости Евагрія отъ Тайной Исторіи. Оно остается недоказаннымъ: привлеченныя двѣ главы Евагрія не представляютъ изъ себя ни выписки, ни пересказа какихъ либо мѣстъ изъ Тайной Исторіи, и сходства нѣсколькихъ отдѣльныхъ выраженій не могутъ считаться достаточными данными для того, чтобы установить зависимость Евагрія отъ Тайной Исторіи. Подобная по рѣзкости

1) Teuffel, Studien (1889), 265. Cp. Dahn, 54.
2) Evagr. IV c. 12 sqq.
3) Ibid. c. 18.
4) Evagr. IV c. 30 и 32. Отсюда Zonar. XIV c. 6 p. 270. Dind.
5) Ieep, Quellenuntersuchungen zu den griechischen Kirchenhistorikern, Jahrb. für class. Philol. XIV Supplementband. 1885. S. 161.

субъективною характеристика императора Анастасія находится между фрагментами Іоанна Антіохійца[1]. Она даже показалась пригодной для [illegible] изъ извѣстнаго матеріала. Въ [illegible] случаѣ нашъ текстъ Тайной Исторіи не былъ единственнымъ источникомъ извѣстій Евагрія о несчастіяхъ подданныхъ Юстиніана. Дѣйствительно, Евагрій называетъ имена двухъ Венетовъ, казненныхъ правителемъ Киликіи за мятежъ, тогда какъ въ [illegible] текстѣ Тайной Исторіи этихъ именъ нѣтъ[2]. Извѣстія Евагрія о [illegible], случившемся при Юстинѣ Старшемъ, тождественны съ извѣстіемъ Малалы и не заимствованы изъ Тайной Исторіи[3]. Сюда же можно прибавить тотъ фактъ, что Евагрій упоминаетъ о подати, [illegible] Юстиніанъ для восстановленія [illegible] и [illegible] изъ нашего текста Тайной Исторіи[4], и [illegible] своихъ мѣстъ, [illegible] не [illegible] этого факта. Между тѣмъ выдержки Евагрія изъ Тайной Исторіи приметъ [illegible], а за нимъ Крумбахеръ[5], безъ [illegible] таки [illegible] упоминаніе. О Тайной Исторіи упоминаетъ два позднихъ писателя: Свида — X в. и Никифоръ Каллистъ Ксанѳопулъ XIV вѣка. Свида былъ хорошо знакомъ съ Тайной Исторіей, хотя «Анекдоты» не называетъ, и въ различныхъ мѣстахъ своего словаря приводитъ изъ нея много цитатъ, не всегда, впрочемъ, точныхъ[6]. Что считать въ произведеніяхъ Прокопія, Никифоръ Каллистъ[7] [illegible] и по времени, и по [illegible] на [illegible] Тайной Исторіи приходится думать, что Ксанѳопулъ или не видалъ въ своихъ рукахъ рукописи или не читалъ ее далѣе предисловія. Въ другихъ случаяхъ Ксанѳопулъ приводитъ длинныя выписки изъ сочиненій, о которыхъ онъ упоминаетъ, например изъ письма Симеона Стилита, [illegible] не [illegible]. Съ XVI вѣка рукописи Тайной Исторіи стали вообще извѣстными[8].

1 Ioann. Antioch. fr. [illegible] Müller Fragm. hist. gr. IV [illegible]. Cp. [illegible] Zur Kritik des Johannes von Antiochia. Jahrb. für class. Phil. XVI. Suppl. S. [illegible]

2 Cp. Evagr. IV c. 32 и An. [illegible].

3 Evagr. IV c. 5. Malal. p. [illegible] Bonn. An. [illegible]

4 Evagr. IV c. [illegible]. An. 44.

5 Geschichte der Byzantinischen Litteratur. 34.

6 Anecdota, ed. Alemannus. Ed. [illegible] Lipsiae 18[illegible]. p. [illegible] sqq. Suidas ed. Bernhardi. t. II pars II p. 2003—2004.

7 Niceph. Callist. Hist. Eccles. XVII c. 10. [illegible]

8 Panc. [illegible] De Joannis Tzetzae [illegible]

Два сомнительныхъ и два позднихъ свидѣтельства не могутъ считаться вѣскими данными въ пользу подлинности. Перейдемъ ко второй группѣ положительныхъ доказательствъ. Аргументъ о формальномъ соотвѣтствіи содержанія Тайной Исторіи и «Войнъ», которое выражается прежде всего въ видѣ открытыхъ ссылокъ автора Тайной Исторіи, связанъ съ вопросомъ о взаимномъ отношеніи между несомнѣнными и спорнымъ сочиненіями Прокопія. Необходимымъ для того введеніемъ, на основаніи котораго весь аргументъ о формальномъ соотвѣтствіи получаетъ постановку, является вопросъ о времени составленія Тайной Исторіи. Хронологическій, имѣющій весьма существенное значеніе для критики Тайной Исторіи, вопросъ о ея датѣ былъ поднятъ въ недавнее время и получилъ неожиданное разрѣшеніе въ небольшой, но по новымъ и остроумнымъ выводамъ замѣчательной критической работѣ I. Haury[1]).

Цѣнность этой работы состоитъ не въ томъ, чтобы авторъ привлекъ безусловно новый матеріалъ. Его аргументація основана на текстахъ, много разъ служившихъ предметомъ спора и доказательства. Тѣ же ссылки встрѣчаемъ у Экардта, Тейффеля, Дана. Онъ не исчерпалъ всего матеріала, представляемаго сочиненіями Прокопія[2]), и иногда ограниченное знакомство съ источниками эпохи позволяетъ ему утверждать съ увѣренностью то, что еще можетъ подлежать сомнѣнію[3]). Его «Замѣчанія о Тайной Исторіи» касаются вопроса о законченности ея текста, не исчерпывая всего, что можно было бы сказать; доказываютъ принадлежность Тайной Исторіи Прокопію доводами о знакомствѣ ея автора съ сочиненіями Прокопія[4]) и о ея тенденціи (если бы она принадлежала позднѣйшему фальзарію, то послѣдній не ограничился бы 32-мъ годомъ царствованія Юстиніана), то-есть, доказательствами, не имѣющими большого значенія при наличности рѣшающаго аргумента о внутреннихъ признакахъ тожества личности, на который Гори не обратилъ должнаго вниманія; далѣе, его замѣчанія доказываютъ справедливое, даже очевидное при ближайшемъ знакомствѣ съ текстомъ, положеніе о томъ, что въ главахъ 6—10 разсказъ идетъ о времени Юстина. Этотъ послѣдній фактъ

1) Procopiana I. Progr. Augsburg. 1891.

2) Напр., ссылаясь на Aedif. 184_7 упускаетъ Aed. 190_{14}. Haury, 10.

3) На основаніи Mal. p. 416 ἐν τῇ τρίτῃ ἰνδικτιῶνι, относитъ (S. 13) дѣло Θеодота ὁ Κολοκύνθιος къ 525 г., тогда какъ оно не могло быть ранѣе декабря 526 г., судя по Cod. Iust. IX 19,6 Theodoto pr. Urbi, Dat. Kal. Dec. Olybrio cons. (526).

4) Haury, 21.

Гори сблизилъ съ датой отъ 32-го года правленія Юстиніана и вывелъ, что счетъ годовъ долженъ начинаться со времени Юстина. Этого до него не подозрѣвали. Новую дату—550 годъ вмѣсто 559—Гори подтвердилъ разборомъ тѣхъ текстовъ Тайной Исторіи, гдѣ упоминается о 32-мъ годѣ: не останавливаясь на этомъ, указалъ на нѣсколько подходящихъ къ ея содержанію фактовъ, случившихся въ 551—559 годахъ, но не упомянутыхъ авторомъ Тайной Исторіи, и сдѣлалъ надлежащій выводъ изъ извѣстій Тайной Исторіи о дѣятельности Юстиніана до 527 года. Дополнивъ его работу на основаніи независимаго изученія текста и содержанія Тайной Исторіи, равно какъ другихъ источниковъ, въ томъ числѣ имъ не привлеченныхъ, изложимъ доказательства необходимости признать предложенную Гори новую дату для Тайной Исторіи—550 годъ. Этотъ новый выводъ рѣшаетъ вопросъ объ отношеніи Тайной Исторіи не только къ «Постройкамъ», написаннымъ въ 559 г., но и къ такъ называемой четвертой книгѣ «Готскихъ Войнъ» (не ранѣе 553 г.). Доказательства распадаются на три группы: 1) основанныя на текстахъ Тайной Исторіи, говорящихъ о 32-мъ годѣ; 2) на фактахъ 551 и слѣдующихъ годовъ, о которыхъ Тайная Исторія не упоминаетъ, и фактахъ 518—527 годовъ, о которыхъ она, наоборотъ, говоритъ; 3) основанныя на ближайшемъ знакомствѣ съ содержаніемъ Тайной Исторіи и съ эпохой доказательства того, что въ 559 г. положеніе вещей было нѣсколько иное, чѣмъ въ 550 г., тогда какъ къ этому послѣднему году извѣстія Тайной Исторіи вполнѣ подходятъ. Послѣднія двѣ группы доказательствъ нѣсколько трудны: авторъ Тайной Исторіи могъ бы умолчать о многихъ фактахъ 550—559 годовъ и въ томъ случаѣ, если бы онъ писалъ въ 559 г.; точно также и въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ могъ говорить о царствованіи Юстина Старшаго. Третій аргументъ имѣетъ свои трудности. Изложимъ всѣ три группы доказательствъ.

Первое мѣсто, указывающее на 32-й годъ какъ на время составленія Тайной Исторіи[1]), не рѣшаетъ вопроса, съ какого времени авторъ ведетъ счетъ. Съ одной стороны, нѣкоторыя выраженія[2]) контекста указываютъ, будто авторъ говоритъ о событіяхъ царствованія Юстиніана. Съ другой стороны, развитіе изображаемыхъ фак-

---

1) An. 110_{18}.
2) l. 5 ταῦτά τε αὐτοῦ βασιλεύοντος. l. 13 τῷ βασιλεῖ.

товъ имѣло мѣсто при жизни Юстина [1]). Содержаніе всего мѣста равно какъ и общая тенденція Тайной Исторіи, преувеличивающая несчастія подданныхъ Юстиніана, требуетъ, чтобы въ относящихся къ стасіотамъ словахъ [2]): «производя безпорядки 32 года безпрерывно», было сочтено и время Юстина I. Этого требуетъ другое мѣсто [3]), гдѣ авторъ имѣетъ въ виду, между прочимъ, и мятежи стасіотовъ съ ихъ послѣдствіями. «Столько людей», говоритъ онъ, погибло въ прежнее время, когда Юстиніанъ управлялъ государствомъ Римлянъ и послѣ того, когда онъ имѣлъ самодержавную власть» [4]). Въ слѣдующемъ текстѣ [5]) авторъ жалуется, что за всѣ 32 гòда (правленія или царствованія—не сказано) Юстиніанъ ни разу не простилъ недоимокъ, не смотря на «такое большое количество лѣтъ» [6]). Удареніе на этихъ приведенныхъ словахъ заставляетъ предполагать, что авторъ этого, впрочемъ невѣрнаго, извѣстія, склонный увеличить цифру несчастныхъ лѣтъ, перенесенныхъ подданными Юстиніана, сосчиталъ и годы царствованія Юстина, когда власть фактически была въ рукахъ его племянника. Вполнѣ ясно требуетъ такого толкованія четвертое мѣсто [7]). Тамъ сказано, что Юстиніанъ ни разу не производилъ раздачи денегъ солдатамъ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ «управлять» государствомъ, «хотя съ тѣхъ поръ прошло уже 32 года». Отсюда слѣдуетъ, что тридцать два года считаются авторомъ съ того времени, какъ Юстиніанъ началъ управлять (διοικεῖσθαι) государствомъ. Это слово διοικεῖσθαι не можетъ быть приравнено къ βασιλεύειν или къ оффиціальному выраженію τὴν αὐτοκράτορα ἀρχὴν ἔχειν. Такъ, о Θеодорѣ въ Тайной Исторіи сказано [8]), что она управляла имперіей, «διοικεῖται», благодаря своему вліянію на Юстиніана. Въ другой связи будетъ случай показать, что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ διοικεῖσθαι, прилагающимся къ власти Юстиніана до апрѣля 527 г. По представленію Прокопія, выраженному въ исторіи войнъ и въ сочи-

1) Ср. An. c. 7.

2) Ποιούμενοι (τοιαῦτα) ἐς δύο καὶ τριάκοντα ἐνιαυτοὺς οὐδένα ἀνιέντες καιρόν.

3) An. 112_6.

4) Πρότερον Ῥωμαίοις διοικουμένου τὴν πολιτείαν καὶ ὕστερον τὴν αὐτοκράτορα ἀρχὴν ἔχοντος.

5) An. 129_5.

6) I. 12: χρόνων τοσούτων τὸ πλῆθος.

7) An. 137_{13} ἐξ ὅτου δὲ ἀνὴρ ὅδε διῳκήσατο τὴν πολιτείαν, τοιοῦτο οὐδὲν οὔτε διεπράξατο οὔτε ἐμέλλησε καίπερ χρόνου δύο καὶ τριάκοντα ἐνιαυτῶν τριβέντος ἤδη. cf. 138_8.

8) An. 24_{16}. Ср. Dahn, 423.

ненія о постройкахъ, не только въ Тайной Исторіи, власть Юстиніана въ царствованіе его дяди не только была всемогущей, но начилась съ самаго 518 года [1]).

Этимъ объясняется не только изображеніе пострадавшихъ при Юстинѣ лицъ—Амантія, Виталіана, Феодота,—жертвами Юстиніана, но также примѣненіе основныхъ началъ политики Юстиніана, въ томъ видѣ, какъ она представлялась автору, и ко времени Юстина. Во-первыхъ, растрата государственной казны началась, судя по Тайной Исторіи, со времени захвата Юстиніаномъ власти [2]). Это случилось тогда, когда Юстинъ достигъ престола «въ пользу своего племянника [3]). Не дѣлается никакого различія между расхищеніемъ до 527 года и послѣ вступленія самого Юстиніана на престолъ [4]). Точно также, обобщая результаты внѣшней и внутренней политики Юстиніана (въ томъ мѣстѣ Тайной Исторіи, которое уже привлекалось нами по другому поводу), авторъ замѣчаетъ: все это случилось въ то время, когда Юстиніанъ управлялъ государствомъ Римлянъ, и въ то время, когда онъ обладалъ властью самодержца, что случилось позже (ὕστερον) [5]). Еще при Юстинѣ онъ ввелъ или развилъ систему подарковъ варварамъ [6]). И при Юстинѣ онъ продавалъ право числиться въ рядахъ схоларіевъ [7]). До своего воцаренія Юстиніанъ распоряжался должностями и держалъ всѣхъ въ страхѣ [8]). По поводу преступленій стасіотовъ, авторъ Тайной Исторіи передаетъ намъ, что они могли злодѣйствовать цѣлыхъ 32 года безъ перерыва [9]). Говоря о физическихъ бѣдствіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ несчастное правленіе Юстиніана [10]), авторъ смѣшиваетъ факты, случившіеся при Юстинѣ Старшемъ, съ бѣдствіями царствованія Юстиніана. Это можно видѣть изъ Евагрія и хроникъ [11]).

Съ другой стороны, возьмемъ ἱστορία ποικίλη, или четвертую книгу Gothica и ея продолженіе—историческій трудъ Агаѳія. Ни объ одномъ

1) An. 46_{12} 112_{21} и др.
2) An. 53_{17}.
3) An. 112_{21}.
4) An. 113.
5) An. 112_{7}.
6) An 72_{8} cf. 53—54.
7) An. 136_{4}.
8) An. 53_{8} 51_{12} и др.
9) An. 110_{18} s. c.
10) An. 113.
11) Ср. Goth. IV c. 25.

фактѣ, безспорно имѣвшемъ мѣсто послѣ 551 года и изложенномъ въ этихъ источникахъ, мы не встрѣчаемъ упоминанія въ Тайной Исторіи. Готская война оставлена нашимъ авторомъ на моментѣ отставки Велисарія и отъѣзда его въ Константинополь[1]). Имени Нарзеса нѣтъ въ текстѣ Тайной Исторіи. Не упоминается объ опустошеніи Римлянами страны Абазговъ[2]), о насиліяхъ надъ Лазами, которые стали раскаиваться въ своей вѣрности Римлянамъ[3]), о преступной небрежности Бесса послѣ взятія Петры[4]), объ истребленіи Готовъ Нарзесомъ[5]), объ усмиреніи Маврусіевъ Іоанномъ, о походахъ на Испанскій берегъ. Авторъ Тайной Исторіи не преминулъ бы упомянуть о вѣроломномъ убійствѣ Губаза, царя Лазовъ[6]), римскими стратигами, ссылавшимися притомъ на письменныя приказанія самого Юстиніана, если бы онъ писалъ послѣ этого происшествія[7]). Тайная Исторія не упоминаетъ объ усмиреніи племени Цановъ, бывшихъ римскими федератами[8]). Далѣе, Тайная Исторія упоминаетъ объ ужасномъ вторженіи Забергана, о постыдномъ мирѣ, заключенномъ съ Гуннами безсильнымъ правительствомъ[9]); не упоминаетъ о еще болѣе оскорбительныхъ для римскаго чувства отношеніяхъ Юстиніана къ персидскому послу Издигунѣ, по поводу которыхъ авторъ Gothica не скрылъ своего негодованія[10]). Тайная Исторія не упоминаетъ о возстаніи Самаритовъ въ Палестинѣ и объ убійствѣ ими правителя Кесареи въ 555 году[11]), тогда какъ о такомъ же возстаніи въ 531 г. авторъ сообщаетъ подробности[12]). Ему не извѣстенъ цѣлый рядъ физическихъ бѣдствій небывалаго размѣра, но случившихся послѣ 550 года. Такъ, о землетрясеніи 554 г., разрушившемъ Косъ, Траллы, богатый Беритъ, много другихъ городовъ на материкѣ и на островахъ, коснув-

1) An. 39—40.

2) Goth. IV p. 502.

3) Goth. IV c. 16.

4) Goth. IV p. 525.

5) Vand. II 533—534.

6) Agath. p. 162. Cp. 156. 163. 165. 216.

7) Cp. An. 152.

8) Agath. V p. 281. Агаѳій упоминаетъ о новеллахъ, прославлявшихъ этотъ успѣхъ римскаго оружія. Нибуръ ad. l. указываетъ на nov. 1 и 38. Первая изъ нихъ (Zach. IX) относится къ 535 г. Новелла 38 (Zach. XLI) не говоритъ о Цанахъ. Событіе, передаваемое Агаѳіемъ, относится къ 557 г. Cp. о Цанахъ Pers. 77. 288. 292. Goth. 525.

9) Agath. p. 299 sqq. и др.

10) Goth. IV p. 506.

11) Malal. 486 и др.

12) An. 75.

шемся самой столицы[1]), Тайная Исторія повидимому не знаетъ, равно какъ и о второмъ «небываломъ» землетрясеніи въ Византіи, сопровождавшемся необычнымъ морозомъ[2]); о болѣзни 557 года[3]); о голодѣ того же года, когда возмутившееся населеніе столицы, въ присутствіи персидскихъ пословъ, провожало Юстиніана криками «δέσποτα, εὐθηνίαν τῇ πόλει»[4]). Всѣ подобные факты, случившіеся при Юстинѣ и въ правленіе Юстиніана до 550 г., Тайная Исторія перечисляетъ, сопоставляя ихъ съ тиранніей правительства[5]). Извѣстіе о разливѣ Скирта, какъ аргументъ противъ новой даты Тайной Исторіи, будетъ разсмотрѣно нѣсколько ниже. О паденіи стѣнъ св. Софіи, не упомянутомъ въ Тайной Исторіи (на этомъ фактѣ останавливаются Данъ[6]) и другіе), авторъ могъ такимъ же образомъ не упомянуть, какъ не упоминаетъ вообще о постройкахъ храмовъ, распространяясь лишь о «безумныхъ надводныхъ» сооруженіяхъ[7]) и оставляя на этотъ разъ въ сторонѣ громадныя издержки на соборъ св. Софіи и на другіе храмы[8]). Впрочемъ, Тайная Исторія не содержитъ упоминанія о заговорѣ Артабана, хотя этотъ фактъ значительной важности былъ подробно изложенъ въ третьей книгѣ Gothica и, слѣдовательно, долженъ быть извѣстенъ автору Тайной Исторіи во всякомъ случаѣ, будь онъ Прокопій или подражатель. Такое умолчаніе не находитъ себѣ удовлетворительнаго объясненія. Впрочемъ, существуетъ возможность ставить его въ связь съ несомнѣннымъ присутствіемъ лакуны между 17 и 18 главами дошедшаго текста; къ этому факту мы еще вернемся.

Теперь разсмотримъ третью группу извѣстій, доказывающихъ, что въ то время, когда Тайная Исторія была написана, положеніе вещей было нѣсколько иное, чѣмъ въ 559 году, къ которому ее относили прежде. Прежде всего замѣтна эта разница въ извѣстіяхъ о внѣшней политикѣ правительства, объ успѣхахъ римскаго оружія. Не зная о походѣ Нарзеса, Тайная Исторія представляетъ дѣло завоеванія Италіи проиграннымъ[9]). Объ отпаденіи Лазовъ авторъ, по-

1) Agath. I c. 14—16. Theoph. s. a. 6043. Mal. 485.
2) Agath. p. 281. Theoph. s. a. 6050. Cp. Zachariae Nov. Iust. CLXXI.
3) Agath. p. 297.
4) Theoph. s. a. 6048 и др.
5) An. 111.
6) Dahn, 455.
7) An. 54_{2}—$_{8}$ и др.
8) Zonar. XIV c. 6 p. 273. Dind.
9) An. 134_{18}.

видимому, еще не знаетъ[1]), равно какъ о предательскомъ убійствѣ полководцами Юстиніана вѣрнаго союзника Губаза[2]). Въ томъ году, когда были написаны послѣднія главы Тайной Исторіи, въ Лазикѣ шла война между войсками Хозроя съ одной стороны и Римлянами въ союзѣ съ Лазами съ другой[3]). Затѣмъ, обѣщая разсказать о преступномъ обращеніи съ папой Сильверіемъ[4]), авторъ не только ничего не говоритъ объ униженіи, отъѣздѣ въ Римъ и смерти его преемника Вигилія, но представляетъ Вигилія въ живыхъ, рѣшающимъ дѣло о Павлѣ Александрійскомъ противъ воли самого Юстиніана[5]). Данныя законодательства не позволяютъ опредѣлить время составленія Тайной Исторіи. Послѣ 548 года наблюдается затишье въ законодательной дѣятельности правительства. Отъ 549 и 550 годовъ не дошло ни одной новеллы, что врядъ ли можетъ быть объяснено случайностью. Если законъ о столѣтней давности для церковныхъ имуществъ и его отмѣна[6]) не опредѣляютъ даты Тайной Исторіи (равно какъ молчаніе автора объ указѣ 541 года не опредѣляетъ даты этого указа), то съ другой стороны, указъ 553 года Ареобинду, если бы онъ появился ранѣе составленія Тайной Исторіи, не позволилъ бы ея автору говорить, что при Юстиніанѣ не было прощенія недоимокъ[7]). Болѣе даютъ извѣстія Тайной Исторіи о нѣкоторыхъ лицахъ. Въ тотъ годъ, когда она была написана, Петръ Варсимъ является въ должности comes sacrarum largitionum[8]), тогда какъ въ 555 году онъ уже былъ вторично praefectus praetorio[9]), о чемъ Тайная Исторія не упоминаетъ. Малѳанъ, котораго судьбу передаетъ намъ Тайная Исторія[10]), находился въ Киликіи въ 24-мъ году царствованія Юстиніана[11]), т. е. 550—551 г. Тайная Исторія передаетъ[12]), что по возвращеніи своемъ въ столицу Малѳанъ пользовался большимъ почетомъ со стороны Юстиніана (въ inscriptio указа 558 г. онъ является comes rei

1) Goth. IV c. 16. Agath. p. 105 sqq.
2) См. выше.
3) An. 109_9 l. 11: μέχρι δεῦρο ξυμβαίνει.
4) An. 13_{13}.
5) An. 152_{21}. Зам. τηνικάδε παρών.
6) Nov. Iust. CXXX Zach. a. 541.
7) Cp. An. 129_5 съ Nov. Iust. CLXIII Zach.
8) An. 142_8 ἐς τόδε τοῦ χρόνου.
9) Zach. CLXV Petro P. P. iterum. Dat. Kal. Ian. post cons. Basilii XIV.
10) An. 159—161.
11) Alemannus ad l.
12) An. 160_{19}.

privatae¹). Это позволяетъ заключить, что конецъ Тайной Исторіи, гдѣ встрѣчаются извѣстія о 32-мъ годѣ Юстиніана, былъ написанъ не ранѣе второй половины 550 года. Съ другой стороны, послѣднія главы Тайной Исторіи не могли быть написаны позже іюня 551 года, такъ какъ авторъ знаетъ Аддея въ должности comes commerciorum (?)[2], а въ іюнѣ 551 г. Аддей былъ уже praefectus praetorio[3]. Геѳестъ упоминается еще правителемъ въ Александріи, тогда какъ Іоаннъ Лидъ въ III-й книгѣ упоминаетъ Геѳеста уже praefectus praetorio[4]. Наконецъ, Тайная Исторія представляетъ кризисъ въ шелковой торговлѣ и въ обращеніи размѣнной монеты въ томъ положеніи[5], которое разрѣшилось въ 552 и 553—4 годахъ привозомъ шелковой грены и монетной реформой, называемой у Малалы[6] ὁλοσήρου, τοῦ μέταξου. Эти факты будутъ разсмотрѣны въ другой связи. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ необходимости перевести дату Тайной Исторіи съ 558—559 гг. на 550—551 г. Новая дата, повторяемъ, рѣшаетъ вопросъ объ отношеніи Тайной Исторіи не только къ «Постройкамъ» (559 г.), но и къ такъ называемой четвертой книгѣ Gothica, написанной не ранѣе 553 года. Теперь является вопросъ, подтверждаютъ ли ссылки автора Тайной Исторіи на сочиненія Прокопія этотъ новый выводъ?

---

1) Zach. CLXX. Athanasius: Μαρθανῷ κόμητι πριβάτων.

2) Ан. 139_{18}.

3) Zach. CLIX. Authenticum: Addaeo Pr. Pr. Athanasius: Ἀδδαίῳ ἐπάρχῳ πραιτωρίων.

4) Ан. 148. Lydus de mag. p. 202 Hase. Cf. 194.

5) Ан. 141 и 140.

6) Malal. p. 486. Bonn.

Б. Панченко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ΜΥΖΗΘΡΑ - ΜΥΖΗΘΡΑΣ - ΜΥΣΤΡΑΣ.

Ὅτι τὰ ὀνόματα μυζήθρα καὶ Μυζηθρᾶς συγγενεύουσιν ἀλλήλοις, ᾐσθάνοντο μὲν, ὡς φαίνεται, οἱ κάτοικοι τοῦ Μυζηθρᾶ κατὰ τοὺς παρελθόντας αἰῶνας, καθὰ μαρτυρεῖ ὁ κατὰ τὰ τέλη τοῦ 17 ου αἰῶνος ἀκμάσας Γάλλος Guillet, ὅστις καὶ ἔσκωπτεν αὐτοὺς ἐπὶ τούτῳ (πρβλ. Κοραῆ Ἀτάκτων Δ΄ 332 κέξ), ᾔκασε δὲ καὶ Δουκάγκιος ἐν ἑλλ. Λεξικῷ σελ. 992 ἐν λέξει μηζύθρα εἰπὼν caseus laconicus, Misithraeus, nam et hodie Lacedaemon Misithra appellatur· ἠρνήθη δὲ ὁ Κοραῆς (ἔνθα ἀνωτ.) διισχυρισθεὶς «ὅτι ἡ μυζήθρα οὐδὲν κοινὸν ἔχει μὲν τὴν σημερινὴν πόλιν τῶν Λακώνων» καὶ ὁ Ἄγγελος Καππώτας ἐν Μονογραφίᾳ περὶ τῆς πόλεως Μηστρᾶ (ἐν Καλάμαις 1880) σελ. 41 διδάξας ὅτι ὁ Μυζηθρᾶς οὐδὲν κοινὸν ἔχων τῷ μυζήθρα εἶναι παρεφθαρμένος ἐκ τῶν Γαλλικῶν λέξεων maison du trône καὶ σημαίνει τὴν διαμονὴν ἢ ἕδραν τοῦ θρόνου, ἤτοι τὴν πρωτεύουσαν καθ' ἣν ἔννοιαν λέγεται maison du roi.

Πρὸ διετίας δὲ ὁ κ. G. Meyer ἐν Τουρκικαῖς Μελέταις σελ. 57 ζητῶν τὸ ἔτυμον τῆς λέξεως μυζήθρα εὑρίσκει μὲν αὐτὸ ἐν τῷ ζυμόω—ζυμήθρα—μυζήθρα κατὰ μετάθεσιν, οὐδὲν δὲ λέγει περὶ τοῦ Μυζηθρᾶ. Μετὰ ταῦτα ὁ κ. K. Krumbacher ἐν Βυζαντινῷ Περιοδικῷ Τόμ. β΄. σελ. 307—8 ἀπέβαλε μὲν τὴν τοῦ κ. G. Meyer ἐκ τοῦ ζυμόω παραγωγὴν τοῦ μυζήθρα, ἀποφαίνεται δ' ὅτι ἄλλοτε εἶχεν ὑποτοπάσει συγγένειάν τινα τοῦ μυζήθρα καὶ Μυζηθρᾶς, φρονῶν καθὰ καὶ ὁ Δουκάγκιος, ὅτι ἐκ τοῦ τοπωνυμικοῦ Μυζηθρᾶς παρήχθη ἡ προσηγορία μυζήθρα, διότι πολλάκις, λέγει, ἐδεστὰ καὶ ποτὰ, βιομηχανικὰ προιόντα κ. τ. τ. λαμβάνουσι τὴν ἐπωνυμίαν αὐτῶν ἀπὸ τοῦ τόπου ἐν ᾧ παράγονται. Ἀλλ' ἐπειδὴ, ἐπιφέρει, ὅ τε τόνος καὶ τὸ γένος τοῦ μυζήθρα καὶ Μυζηθρᾶς διαφέρουσι, χωρίζει αὐτὰ ἀπ' ἀλλήλων καὶ περὶ μὲν τοῦ μυζήθρα κρίνει ὀρθὴν τὴν ἐκ τοῦ μύζω παραγωγὴν τοῦ ἀοιδίμου Κοραῆ, περὶ δὲ τοῦ Μυζηθρᾶς οὐδὲν λέγει.

Ὁ Κοραῆς διαλαβὼν περὶ τῆς λέξεως μυζήθρα ἐν Ἀτ. Δ. 332 κέξ. ἐδίδαξεν ὅτι παράγεται ἐκ τοῦ μύζω καὶ μυζάω, ὧν χρήσεις παρέθηκεν ἔκ τε τοῦ Ἡσυχίου καὶ Φωτίου μύζει: πιέζει, ἐκθλίβει· μύζοντες: ἐκπιέζοντες, καὶ τοῦ Μ. Ἐτυμ. ἐκμυζήσας: ἐκπιέσας· «ἐκ τούτων, ἐπι-

[illegible]

[illegible]

τῆς νεωτέρας Ἑλληνικῆς: ἀνεβάτης τὸ ὄρθιον ξύλον δι' οὗ οἱ μυλωθροὶ δύνανται ν' ἀνυψῶσι ἢ καταβιβάζωσι κατὰ βούλησιν τὴν περιστρεφομένην μύλην καὶ κανονίζωσι τὴν ποιότητα τοῦ ἀλεύρου.

ἀντιπάτης καλεῖται ξύλον ἐν τῷ μυλῶνι, ὃ ἐμπηγνύμενον μεταξὺ τοῦ σίφωνος (σιφουνιοῦ) καὶ τοῦ τοίχου ἀνθίσταται, ἀντιπατεῖ ὡς εἰπεῖν, καὶ ἐμποδίζει τὸν σίφωνα νὰ ἐκτοπισθῇ.

δάρτης = τὸ ξύλον δι' οὗ δέρουσι τὸ γάλα εἰς ἐξαγωγὴν τοῦ βουτύρου ἐν Ἠλείᾳ.

δείκτης, ὁδοδείκτης ὡροδείκτης.

(ἐ)μπεράτης ὁ μοχλὸς τῆς θύρας ὡς εἰσερχόμενος, ἐμπερῶν εἰς τὴν ὀπὴν αὐτῆς καὶ κλείων. περάτης δὲ καλεῖται ὁ ὁδίτης, διαβάτης.

ζεύτης ἀντὶ ζεύκτης ἐν Κρήτῃ τὸ σχοινίον δι' οὗ κατὰ βούλησιν διευθύνουσι τοὺς ἀροτῆρας βοῦς.

ἐξώστης = τὸ balcon ἐν Κρήτῃ.

καθρέφτης = κάτοπτρον.

ποτηροπλύτης ἐν Ἰκάρῳ χόρτον τι χρησιμεῦον εἰςπλύσιν τῶν ποτηρίων.

κακοπλύτης ἐν Κρήτῃ τὸ μέρος τῆς γαστρὸς τῶν προβάτων ὃ κεκρύφαλος καλεῖται, ὃ ἅτε πολλὰς ἔχων πτυχὰς δυσκόλως πλύνεται.

(τὸ·πλύτης λέγεται παθητικῶς ἐν τούτῳ, πρβλ. τὸ ἀρχαῖον εἰς-τηρ μετὰ παθητικῆς σημασίας ἐπίσης χαρακτὴρ = τὸ κεχαραγμένον).

καταπότης ἡ καταβόθρα ἐν Κρήτῃ.

κλέφτης ἐν Κρήτῃ καλάμιον μικρὸν ὡς μια σπιθαμὴ, λεπτὸν καὶ ἐπίπεδον χρησιμεῦον εἰς τὸ διαπερᾶν τὸν στήμονα διὰ τοῦ κτενός, ὅπερ ἐπειδὴ ἁρπάζει ὡς εἰπεῖν τὸν στήμονα καὶ πρὸς ἑαυτὸ ἕλκον διαπερᾷ διὰ τοῦ κτενὸς λέγεται κλέφτης.

λυχνοστάτης ὁ λυχνοῦχος καὶ σταμνοστάτης ὁ τόπος ἐφ' οὗ τίθενται αἱ στάμνοι, καὶ παραστάτης ἡ παραστὰς τῆς θύρας.

μπήχτης μάχαιρα καὶ καθ' ὅλου πᾶν ὅτι ἐμπήγνυται.

μπλάστης ἐν Ἠλείᾳ ἡ σανὶς ἐφ' ἧς πλάττουσι τὸν ἄρτον, ὃ ἐν Κρήτῃ πλαστερὸν καλοῦσιν ἤτοι πλαστηρόν, ἀλλαχοῦδὲ πλάστης.

μπλέχτης ἐν Κύθνῳ τὸ ὑποσκέλισμα τῶν παλαιόντων, ὡς ἐμπλέκον αὐτοὺς καὶ οὕτω καταβάλλον.

ξύστης καὶ τυροξύστης ἡ τυρόκνηστις.

σαρκοθρέφτης = ἔμπλαστόν τι εἰς κλεῖσιν τῶν πληγῶν.

σκυλλοπνίχτες λέγονται τὰ μικρὰ πλοιάρια καὶ εὐτελῆ τινα ἄπια, ἅτε ἱκανὰ νὰ πνίξωσι καὶ τοὺς κύνας.

σύρτης = μοχλὸς τῆς θύρας.

σφίχτης (= σφιγκτὴρ) μακρὸν ξύλον δι' οὗ περιστρέφοντες τὸ ἀντίον σφίγγουσι καὶ ἐκτείνουσι τὸν στήμονα ἐν Κρήτῃ.

σφάχτης = ὀξεῖα ἀλγηδὼν, ὡς σφάζουσα. πρβλ. Προδρόμου Γ. 286 ἀντὶς φαεῖν τὸν σφάχτην (οὕτω γραπτέον καὶ ἐν στίχῳ 620 σφάχτην ἀντὶ στάκτην).

ταράχτης λέγεται ἐν Κρήτῃ ξύλον τῶν τυροποιῶν δι' οὗ ταράττουσιν τὸ πεπηγὸς γάλα, ὃ καὶ ἀηδόνησος καὶ ἀηδονήσι (δονήσιον) λέγεται.

τρίφτης, πιπεροτρίφτης (παρὰ Προδρόμῳ Ε' 129 καὶ πεπεροτρίφτας ΣΤ' 199, 203, 205). τρίφτης λέγεται ἐν Κρήτῃ ξύλον ἐπίμηκες δι' οὗ εἰσάγουσι τὰ ξύλα εἰς τὸν φοῦρνον καὶ τρίβουσι τὸ ἔδαφος αὐτοῦ, ἐν Χίῳ δὲ λέγεται οὕτω ἡ τυρόκνηστις.

Καθ' ὃν ἄρα τρόπον ἀρχαιόθεν ἤρκει ἓν καὶ μόνον ἐπίθημα-ός-εύς, τήρ-της εἰς ἔκφρασιν τῶν τε δρώντων ἀρρένων προσώπων καὶ τῶν ὀργάνων, οὕτως ἐνομίσθη ἐν τοῖς μεσαιωνικοῖς καὶ νεωτέροις χρόνοις ὅτι ἤρκει μία μόνη κατάληξις εἰς δήλωσιν ἀμφοτέρων τῶν τάξεων, ἤτοι τῶν τε δρώντων θηλέων προσώπων (πρότερον εἰς-τρία) καὶ τῶν τόπων ἢ ὀργάνων (πρότερον εἰς-τρα-θρα). Ἐπειδὴ δ' ἡ τῶν προσηγορικῶν κατάληξις-τρια συνίζησιν παθοῦσα ἐγένετο-τρια ὥστε προσήγγισε πλεῖστον τῇ τοῦ τόπου καὶ τοῦ ὀργάνου-τρα, ἐξέλιπε δὲ καὶ ἡ διάφορος ποσότης τοῦ τελικοῦ-α τῶν εἰς-τριᾰ καὶ τρᾱ-θρᾱ, ἦτο δ' εὐφωνοτέρα ἡ-τρα τῆς-τρια, διὰ ταῦτα προετιμήθη ἡ-τρα. Ἐντεῦθεν ἤδη ὁ Πρόδρομος λέγει χορδοκοιλίστρα ἀντὶ χορδοκοιλίστρια Γ'. 337. Ὅτι δὲ κατ' ἀναλογίαν τῶν εἰς-τρα μετεβλήθησαν ἐν τῷ προφορικῷ λόγῳ τὰ εἰς -τρια καὶ ὅτι ἦν ποτε χρόνος ὅτε ἐπεκράτει σάλος κατὰ τὴν χρῆσιν τῶν ἐπιθημάτων τούτων-τρια καὶ-τρα,τούτου ἀπόδειξιν τρανῆ παρέχει ἡ ἐν Χίῳ καὶ τοῖς ἐκεῖ πέριξ λαλουμένη Ἑλληνικὴ, ἥτις οὐ μόνον ἀκόμη σήμερον διασῴζει προσώπων δηλωτικὰ ἀλλὰ καὶ ὀργάνων εἰς-τρια, πρβλ. κλέπτρια, μεθύστρια, ξύστρια, πατήτρια πλύστρια, ῥάφτρια, σφυρίχτρια· καθ' ἃ καὶ ἡ ὀδοντάγρα ἐγένετο ὀδοντόγρια ὡς οργάνου δηλωτικὴ ἐν Ἀλατσάτοις, πολίχνῃ ἀπέναντι τῆς Χίου ἐπὶ τῆς Ἀσίας.

Κατὰ ταῦτα σήμερον λήγουσιν ἐν τῇ συνήθει Ἑλληνικῇ εἰς-τρα οὐ μόνον τὰ τόπου καὶ ὀργάνου δηλωτικὰ ἀλλὰ καὶ πολλὰ προσηγορικὰ μετ' ἐνεργητικῆς ἢ καὶ παθητικῆς σημασίας, πρβλ. ἁλμυρήθρα = φυτόν τι.

ἁπλώστρα = τόπος ἔνθα ἁπλώνουσιν.

ἄφτρα = νόσος τοῦ στόματος ὡς ἅπτουσα, ἀνάπτουσα, καίουσα (= ἄφθα).

βυζάστρα = ἡ τροφὸς καὶ τὸ ὄργανον δι' οὗ τὰ βρέφη πίνουσι τὸ γάλα, ἐν Χίῳ βυζάστρια.

γαργαλῆθρες αἱ περὶ τὸν λαιμὸν ἐλαῖαι αἳ ἐξοιδαίνονται, ἐν Χίῳ γαργαλίδες.

γεννήτρα = γεννῶσα.

γλυκερήθρα ὄνομα σταφυλῆς ἐν Ζακύνθῳ καὶ ἐν Ἠλείᾳ. πρβλ. καὶ ξινήθρα = κηπουρικὴ βοτάνη ὄξινος.

δαχτυλήθρα = δαχτυλήτρα ἐν Χίῳ.

δουλεύτρα = ἡ ἐργάτις.

διάστρα ὁ τόπος ἔνθα διάζονται, καὶ ἡ διαζομένη γυνή.

θερίστρα = θερίστρια.

θερμάστρα.

Καθίστρες τοποθεσία ἐν Ἠλείᾳ, ἔνθα παρὰ τὴν ὁδὸν ὑπάρχουσι λίθοι ἐπιτήδειοι ἵνα ἐπ' αὐτῶν καθίσῃ τις.

καλαμήθρα = καλάμη τοῦ σίτου ἐν Κύμῃ.

καλαμίστρα ἐν Κύθνῳ ἡ καλαμίζουσα, ἔπειτα ἡ διαβάλλουσα (πρβλ. τολυπεύειν), ἡ λάλος, ἡ αἰσχρά.

καλέστρα = ἡ καλοῦσα.

κανδηλήθρα ἡ συσκευή, ἡ φέρουσα τὴν θρυαλλίδα ἐν τῇ κανδήλᾳ.

καταβόθρα = βάραθρον.

καυκαλήθρα ἡ καυκαλίς.

κερήθρα = κηροῦ πλὰξ μετὰ μέλιτος.

κηδεύτρα = ἡ κηδεύουσα, ἡ ἐπιμελὴς οἰκοδέσποινα, νοκοκυρά.

κλέφτρα = κλέπτρια, ὁμοίως ἐν Σαχλήκῃ 462 κλέπτρα, Τετραποδ. 285 καὶ Πουλλολόγου 442, καὶ ἐν Χίῳ κλέφτρια.

κλύστρες (κωπελλιὲς ἐν Σαχλήκῃ β' 483).

κλώστρα = ἡ κλώθουσα (Τετραποδ. 515).

κολάστρα ἐν Ἠλείᾳ = πῖαρ (colostra) καὶ κουλιάστρα ἀλλαχοῦ, ἐν δὲ Κύθνῳ κλώστρα.

κοκκαλήθρα μέγα κόκκαλον ἐν Ἠπείρῳ.

κολυμβήθρα.

Κονίστρες κώμη ἐν τῇ τῆς Κύμης ἐπαρχίᾳ.

Κουκκίστρα τοποθεσία ἐν Ἠλείᾳ.

κουκουλλήθρα ἡ ἐν τῷ μελανοδόχῳ κλωστή, ἥτις ὡς λαμβανομένη ἐκ τῶν κουκουλλίων, ὠνομάσθη οὕτως.

κουρεύτρα ξύλον πεπηγὸς ἐπὶ τῆς γῆς ἀπολῆγον ἄνω εἰς δίκρανον, ἐφ' οὗ θέντες τὸν τράχηλον τοῦ ζῴου κείρουσιν.

κουτσομύτρα Πουλλολόγῳ 481.

κόφτρα = ἡ κόπτουσα φορέματα.

κρεμάστρα = κρεμάθρα.

χρομμυδίστρα τόπος ἐν ᾧ ἐφυτεύθησαν καὶ ὅθεν ἐξήχθησαν κρόμμυα, ἐν Ἠλείᾳ.

χυλίστρα.

Λακκήθρα κώμη ἐν Κραναίᾳ τῆς Κεφαλληνίας.

Λούστρα τοπωνυμία πηγῆς καὶ ὄρους ἐν Ἠλείᾳ.

μαζώχτρα = ἡ ἐλαίας συλλέγουσα.

μαθεύτρα = μαθήτρια ἐν Διηγήσει Γαδάρου 106.

μαντεύτρα Διήγ. Γαδάρου 104, ἀλλὰ Συναξαρ. Γαδάρου 57 μαντεύτρια.

μασουρήθρα = μασούρι γεμᾶτον.

μαυλίστρα, καὶ Σαχλήκη β΄. 484 μαυλίστρες, ἀλλὰ 405 μαυλίστριες.

μεθύστρα = ἡ μέθυσος, καὶ ἐξάνθημα ἐπὶ τῶν δακτύλων· μεθύστρια ἐν Χίῳ.

μελανομύτρια ἐν Πουλλολόγῳ 317, ἀλλ' ἐν 481 κουτσομύτρα.

μολυβήθρα = μολύβδαινα (λέγεται καὶ μολυβίδα), καὶ ἡ χανδηλήθρα.

μπουρμπουλήθρα = φυσαλλὶς ἐν Κύθνῳ = χρυσοκάνθαρος.

μυζήθρα=τυρός τις περὶ οὗ κατωτέρω. Ποικίλως ἀπαγγέλλεται, ἤτοι μουντζήθρα ἐν Τριπόλει, μυντζήθρα ἐν Ἠλείᾳ, μουζήτρα ἐν Χίῳ, καὶ μεζήθρα ἐν Μεγάροις.

μυρολογίστρα, ἐν Πουλλολόγῳ 407 μυρολογίστρια.

ξύστρα = ξυστήρ (ξύστρια τοῦ τυριοῦ ἐν Χίῳ).

ὀδοντάγρια ἐν Ἀλατσάτοις ἡ λαβὶς, θερμαστρὶς, καρκίνος.

ὀρχήστρα τόπος ἐν ᾧ τὰ ἀρνία παίζουσιν, ὀρχειοῦνται.

πατήτρα τοῦ ἐργαλειοῦ (ἱστοῦ), καὶ ὁ ἀναβολεὺς τοῦ σάγματος.

πατῆθρες (ἐν Κρήτῃ πατητῆρες)=ξύλα τοῦ ἱστοῦ, ἐφ' ὧν πατοῦσα ἡ ὑφαίνουσα καθέλκει τοὺς μίτους.

πιτσυλήθρα ἐν Κύθνῳ κλυστὴρ δι' οὗ οἱ παῖδες πιτυλίζουσιν ἀλλήλοις παίζοντες.

πλάτρα ἐν Σέρραις = πράτρια.

πλύστρα = πλύντρια, πλύστρια ἐν Χίῳ, καὶ λίθος λεῖος ἐφ' οὗ αἱ γυναῖκες πλύνουσι τὰ φορέματα.

πολεμίστρα ἔπαλξις.

Πούληθρα κώμη ἐν Κυνουρίᾳ.

πουρήθρα=σκελὶς σκορόδου ἐν Ἠλείᾳ.

πρασουλήθρα = ἄγριον πράσον.

προξενήτρα = ἡ τοὺς γάμους συνάπτουσα.

ῥάφτρα = ῥάπτρια· ῥάφτρια ἐν Χίῳ.

σιάχτρα = ἀπὸ τοῦ-(ἰ)σιάζω ὄργανον τεκτονικόν, ὁ κανών.

σ(ι)ταρήθρα πτηνὸν ἐνδιαιτώμενον ἐν τοῖς ἀγροῖς τοῖς ἐσπαρμένοις σίτῳ, πρὸς δὲ καὶ λάχανόν τι ἐν Κρήτῃ.

σκαλίστρα = ἀξίνη, ἐν Κρήτῃ σκαλίδα, σκαλιστήρι.

σκυλλοπνίχτρα σταφυλῆς εἶδος ἐν Ἠλείᾳ (ἴδε ἀνωτέρω σκυλλοπνίχτης).

σουρεύτρα = ἡ διαβάλλουσα, σουρεύουσα, ἀπὸ τοῦ σουρεύω.

σουρίστρα ἐν Ἠπείρῳ = σῦριγξ.

σουσουρήθρα = σεισοπυγίς.

συγγρουλῆστρες Σαχλ. β' 485, σήμερον ἐν Κρήτῃ συργουλίστρα καὶ συργουλίζω ἢ συργουλεύω = θωπεύω παῖδας.

συζεύτρα ἐν Κρήτῃ ἡ γυνὴ τοῦ συζευτοῦ, συζευκτὴς δὲ ὁ συνήθως κωλλῆγας (collega) καὶ ἐν Νάξῳ κοντουμπερνάλης (contubernalis) λεγόμενος.

σφίχτρα ἐν Ἠλείᾳ ὁ ἐν Κρήτῃ σφίχτης τοῦ ἱστοῦ.

σφυρίχτρα = ἡ σῦριγξ (ἐν Πουλλολόγῳ 630 ἀναγινώσκεται σφυρίχτρια ἐπὶ τοῦ ὀργάνου ἀντὶ σφυρίχτρα), ἐν Ἠπείρῳ καὶ σφυρίστρα.

τουφεκήθρα ἡ ἐπὶ τῶν ἐπάλξεων ὀπὴ δι' ἧς βάλλουσι, τουφεκίζουσιν.

τσούχτρα ἔντομον ὅπερ δάκνον τσούζει (Ἠλείᾳ).

τυλίχτρα = ὁ τόπος ἔνθα περιτυλίσσεται ὁ στήμων περὶ τὸ ἀντίον.

χαλάστρα = τὰ χαλάσματα, ἐρείπια, ἔπειτα μεταφορικῶς ματαίωσις μελετωμένης πράξεως.

χιονίστρα = χείμετλον.

χορεύτρα καὶ ἡ χορεύτρια καὶ ὁ τόπος ὅπου χορεύουσιν. ἐν Χίῳ χορεύτρια ἡ χορεύουσα.

χωνεύτρα = καταβόθρα ὡς χωνεύουσα.

χωριστρα = ἐν Χίῳ χωρίστρια ἡ χωρίζουσα τὴν κόμην γραμμή, καὶ ἡ χωρίζουσα τὰ ἀνδρόγυνα γυνὴ λέγεται ἀνδρογυνοχωρίστρα.

ψεύτρα = φιλοψευδής, ἐν Χίῳ ψεύτρια (ἀντὶ ψεύ(σ)τρια).

ὠχήστρα βοτάνη τις βαφικὴ ὠχρῶν, κιτρίνων, ἐκ τοῦ ὠχρὸς ὠχ(ρ)ήστρα ἐν Ἠλείᾳ.

Ἐκ τῶν εἰρημένων γίνεται δῆλον, ὅτι τὸ μυζῆθρα, ἂν ἐπλάσθη μετὰ τὴν σύγχυσιν τῶν ἐπιθημάτων -τρια καὶ -τρα-θρα, ἠδύνατο ἐξ ἀρχῆς νὰ σημαίνῃ οὐχὶ τὸ σκεῦος, ἐν ᾧ ἡ μύζησις, ἀλλ' αὐτὸν τὸν ἐκμυζώμενον, πιεζόμενον τυρόν.

Δυστυχῶς δὲν δυνάμεθα νὰ ὁρίσωμεν τὸν χρόνον τῆς δημιουργίας αὐτοῦ, ἀφ' οὗ τὰ πρῶτα μαρτύρια αὐτοῦ εὑρίσκονται ἐν τοῖς Κρητικοῖς ἔργοις τοῦ δεκάτου ἑβδόμου αἰῶνος, παρ' Ἀγαπίῳ τῷ Λάνδῳ καὶ ἐν τοῖς

Κρητικοῖς δράμασιν. πρβλ. Γυπαρ. Α΄. 383 γάλα, μιζίθρα καὶ τυρί, λουκάνικα καὶ ἀπάκι. Ἀγαπίου Λάνδου κεφ. 67 ἡ μυζίθρα ὅταν εἶναι καὶ αὐτὴ νωπή, 184 ὅταν τυροκομήσῃς τὸ γάλα καὶ κάμῃς τὴν μυζίθραν. κ. τ. λ. Ἀλλ' ὅμως ἂν ἐνθυμηθῶμεν ὅτι τὸ ὄνομα Μυζηθρᾶς ἀπαντᾷ ἐν τῷ δεκάτῳ τρίτῳ αἰῶνι, κατὰ πρῶτον ἐν τῷ Χρονικῷ τοῦ Μορέως, καθ' ὅσον ἠξεύρω [1]), καὶ ὅτι, καθ' ἃ ἐλπίζω, ἀποδείκνυται πιθανώτατα ἡ συγγένεια τοῦ Μυζηθρᾶς πρὸς τὸ μυζήθρα, τότε ἀνάγκη νὰ ἀναχθῇ ἡ δημιουργία τῆς λέξεως μυζήθρα εἰς παλαιοτέρους χρόνους. Ἂν δὲ πρὸς τούτοις λάβωμεν πρὸ ὀφθαλμῶν ὅτι ἀντὶ τοῦ μύζω καὶ μυζάω λέγεται σήμερον βυζάνω, καὶ ὅτι τὸ οὕτω μετὰ τοῦ β ἀντὶ μ βυζάνω τοῦτο εὑρίσκεται ἤδη παρὰ Ἰωάννῃ τῷ Νηστευτῇ (1924, Α.), συγγραφεῖ τοῦ ἕκτου αἰῶνος, τότε δῆλον ὅτι δύναται νὰ τεθῇ ἡ ἀρχὴ τῆς λέξεως εἰς πολλῷ παλαιοτέρους χρόνους· λέγω δύναται καὶ ὄχι ὀφείλει, διότι δύναταί τις πάντοτε νὰ ὑποθέσῃ ὅτι ἐν τῇ χώρᾳ ἐκείνῃ ἐν ᾗ ἐπλάσθη, ὅτε ἐπλάσθη, ἡ μυζήθρα, τὸ μυζάω ἀντεῖχε πλείονα χρόνον ἢ ἐν ᾗ ἐγεννήθη τὸ βυζάνω, καὶ ἧς τὴν χρῆσιν ἤξευρεν Ἰωάννης ὁ Νηστευτὴς κατὰ τὸν ἕκτον αἰῶνα.

Εἴδομεν ἀνωτέρω ὅτι ὁ μὲν Δουκάγκιος συνῆψεν καὶ ὅτι ὁμοίως ὁ κ. Krumbacher συνῆπτε πρότερον τὰ ὀνόματα μυζήθρα καὶ Μυζηθρᾶς, ὁ δὲ Κοραῆς ἠρνήθη τὴν συγγένειαν ταύτην, ὁ δὲ Καππώτας παράγει τὸ Μυζηθρᾶς ἀπὸ τοῦ maison du trône. Περὶ τῆς ἐτυμολογίας ταύτης τοῦ Κ. Καππώτου δύναται προσφυῶς νὰ ῥηθῇ ὁ ἀφορισμὸς τοῦ Voltaire, καθ' ὃν ἡ ἐτυμολογία εἶναι τέχνη ἐν ᾗ τὰ μὲν σύμφωνα σχεδὸν οὐδεμίαν ἔχουν σημασίαν, τὰ δὲ φωνήεντα ἀπολύτως οὐδεμίαν. Διότι ἀληθῶς πασῶν τῶν συλλαβῶν τὰ φωνήεντα φαίνονται μεταβεβλημένα καὶ παρηλλαγμένα, maison du trône — Μυζηθρᾶς. Ὅτι δ' ἡ ὀρθογραφία Μη οὐδὲν ἀπολύτως σημαίνει, εἶναι προφανές.

Πρόσθες τούτοις ὅτι ὅλως ἀπίθανος φαίνεται ἡ τηλικαύτη καὶ αὐτόχρημα τελεία διαστροφὴ τοῦ ὀνόματος ἐν οὕτω βραχεῖ χρόνῳ ἀπὸ τῆς κτίσεως τοῦ φρουρίου τῷ 1249 μέχρι τοῦ 1325 ὅτε πάντως ἦτο συγγεγραμμένον τὸ χρονικὸν τοῦ Μορέως τὸ παρέχον τὸ ὄνομα Μυζηθρᾶς (πρβλ. John. Schmitt, Die Chronik von Morea 38, 126). Ἀλλ' ἐκτὸς τῶν φωνητικῶν τούτων λόγων βοᾷ κατὰ τῆς ἐτυμολογίας ταύτης καὶ ἡ ἱστορία, ἥτις ἀναφέρει τὴν ἕδραν τῶν Φράγκων ἡγεμόνων ἐν Ἀνδραβίδᾳ καὶ Γλαρέντζᾳ τῆς Ἠλείας, οὐχὶ δὲ ἐν Μυζηθρᾷ τῆς Λακωνικῆς. Ἂν λοιπὸν ἐκ τοῦ

1) Ἐν τῷ χρονικῷ τούτῳ γράφεται ποικιλοτρόπως ἤτοι: Μιζιθρᾶ 1163, 1671, 1713, 3136, 3174, 3202, 3321, 3511, Μεζιθρᾶ 3557, 4263, 4275, Μυζηθρᾶ 3005, 3051, 5361, 5548. Ἀλλ' ὅμως ἀείποτε τρισύλλαβον καὶ ἐπὶ τῆς ληγούσης τονιζόμενον.

maison du trône παρήγετο όντως ό Μυζηθρᾶς, ἔδει νὰ κεῖται οὗτος ἐν Ἠλείᾳ, οὐχὶ δὲ ἐν Λακωνικῇ. Καὶ δύναται μέν τις ν' ἀντείπῃ, ὅτι ἔδωκε μὲν ὁ Γουλιέλμος κτίζων τὸ φρούριον εἰς αὐτὸ τὴν ὀνομασίαν ταύτην σκοπεύων νὰ τὸ καταστήσῃ πρωτεύουσαν, ἠναγκάσθη δ' ὅμως ν' ἀποδώσῃ τὴν χώραν ταύτην καὶ διὰ τοῦτο δὲν ἔγινεν ὁ Μυζηθρᾶς ὄντως ἕδρα, maison du trône, τῶν πριγκίπων τῆς Ἀχαΐας, ὅπως κατ' ἀρχὰς ἐσκοπεῖτο, τὸ ὄνομα δ' ὅμως παρέμεινεν οἷον ἐτέθη. Ἀλλ' εἰς τὴν ἀντίρρησιν ταύτην παρατηρῶ ὅτι οὔτε μαρτυρίαν τινὰ περὶ τούτου ἔχομεν ἡμεῖς, οὔτε πιθανότητά τινα φαίνεταί μοι ἔχον τὸ πρᾶγμα αὐτὸ καθ' ἑαυτό· διότι οὔτε ἐν τῷ κέντρῳ τῆς Πελοποννήσου οὔτε ἐν τῷ εὐφορωτάτῳ καὶ τοῖς ἵπποις προσφόρῳ οὔτε παρὰ τὴν θάλασσαν, ὁπόθεν ἐκ Γαλλίας ἠδύναντο οἱ Φράγκοι νὰ ἐλπίζουν ποτὲ βοήθειαν ἔκειτο ὁ Μυζηθρᾶς.

Πρόσθες ὅτι ὁ προκάτοχος Γουλιέλμου τοῦ Α' Γοδοφρέδος ὁ Β' ἤδη πρότερον (πρὸ τοῦ 1223) εἶχε κτίσει τὸ κύριον ἔρεισμα τῆς φραγκικῆς δεσποτείας ἐν Πελοποννήσῳ, ἤτοι τὸ ὀχυρώτατον φρούριον Χλομούτσι ἐν Ἠλείᾳ, ὅπερ μετὰ τῆς Ἀνδραβίδας κατέστη ἡ μόνιμος διαμονὴ τῶν Φράγκων ἡγεμόνων, ὅτι ἐν Ἀνδραβίδᾳ ἔκειντο οἱ τάφοι τοῦ τε πατρὸς καὶ τοῦ ἀδελφοῦ τοῦ Γουλιέλμου τοῦ Β', ὅτι αἱ πόλεις αὗται ἔκειντο ἀκριβῶς ἐν Ἠλείᾳ, ἧς τὴν ἄμεσον κυριαρχίαν εἶχον οἱ πρίγκιπες οὗτοι, καὶ τότε πείθεται ἕκαστος ὅτι ἡ γνώμη καθ' ἣν τὸ φρούριον ὁ Μυζηθρᾶς ἔλαβε τὴν ὀνομασίαν ταύτην ὡς μέλλον νὰ γίνῃ ἕδρα τοῦ θρόνου οὐδεμίαν ἔχει πιθανότητα. Τελευταία δ' ἔρχεται καὶ ῥητὴ μαρτυρία τοῦ χρονικοῦ τοῦ Μορέως, ὅτι τὸ ὄνομα Μυζηθρᾶς δὲν εἶναι Γαλλικόν, ἀλλ' ὅτι ὑπῆρχε πρὸ τῶν ξένων κατακτητῶν. πρβλ. Χρονικοῦ στ. 1658 κἑξ.

«Καὶ ὅσον ἐγύρισε καλὰ τὰ μέρη ἐκεῖνα ὅλα, εὗρε βουνὶν παράξενον, ἀπόκομμα εἰς ὄρος, ἀπάνω τῆς Λακεδαιμονιᾶς χανένα μίλλιν πλέον[1]). Διὰ τοῦ ἄρεσε πολλὰ νὰ ποιήσῃ δυναμάριν, ὥρισεν ἐπάνω εἰς τὸ βουνὶν καὶ ἔκτισαν ἕνα κάστρον. καὶ Μυζηθρᾶ τὠνόμασε, διότι τὸ ἔκραζαν οὕτως».

Ἡ αἰτιολογία «διότι τὸ ἔκραζαν οὕτως», δὲν δύναται νὰ ἔχῃ νοῦν τινα, ἂν μὴ ἀναφέρεται εἰς τὸ βουνίν· διότι τὸ ὑπὸ τοῦ κατακτητοῦ τότε κτισθὲν φρούριον δὲν ἠδύναντο οἱ ἄνθρωποι ἤδη πρὸ τῆς κτίσεως νὰ ὀνομάζωσι δι' οὐδενὸς ὀνόματος· ὠνόμαζον ἄρα Μυζηθρᾶν τὸ πρότερον ὑπάρχον βουνόν. Τὸ ὄνομα ἄρα δὲν δύναται νὰ εἶναι Φραγκικόν· ἴδωμεν τώρα ἂν δύναται νὰ εἶναι Ἑλληνικόν.

Ὅτι τὰ ὀνόματα μυζήθρα καὶ Μυζηθρᾶς ὁμοιάζουσι μέγιστον, εἶναι

---

1) σημ. ἀκριβέστερον ὁ Gregorovius ἐν Ἱστορίᾳ τῆς πόλεως Ἀθηνῶν Β'. 281 λέγει ὅτι τρία μίλλια ἀπέχει τῆς Λακεδαίμονος ὁ Μυζηθρᾶς.

αὐτόδηλον, ἀρκεῖ μόνον νὰ ὁρισθῇ ἡ ὁμοιότης αὕτη καὶ ἐξακριβωθῇ ἡ τούτων συγγένεια.

Τοῦ Δουκαγκίου ἡ δοξασία ὅτι ἡ μυζήθρα παράγεται ἐκ τοῦ Μυζηθρᾶ ὥστε κυρίως δηλοῖ τυρὸν τοῦ Μυζηθρᾶ ἀπήρεσε τῷ Κοραῇ καὶ δικαίως, διότι λαμβάνονται μὲν ὄντως αἱ τοπωνυμίαι ὡς προσηγορικὰ ὀνόματα, ἀλλ' ἐπειδὴ ἐν τῇ χρήσει ταύτῃ κεῖνται ταῦτα συντακτικῶς ὡς κατηγορούμενα, δὲν μεταβάλλουσιν οὔτε τὸ γένος οὔτε τὸν ἀριθμὸν οὔτε τὴν κλίσιν. Ἤτοι καθ' ὃν τρόπον λέγεται τὰ πρόβατά ἐστι πλοῦτος, ὁ Ὑμηττός ἐστιν ὄρος κ. τ. τ., οὕτω λέγεται καὶ οὗτος ὁ τόπος εἶναι μισήρι = (Μισίρι), τοῦτο τὸ μέρος εἶναι παράδεισος, αὐτὸς ὁ κάμπος εἶναι μεσαρεά (ἤτοι εὔφορος ὅπως ἡ Μεσαρεά τῆς Κρήτης), κ. τ. τ.

Δῆλον ἄρα ὅτι ἂν τὸ τοπωνυμικὸν Μυζηθρᾶς ἐλαμβάνετο εἰς δήλωσιν τυροῦ τινος, ὤφειλε πάντως νὰ λέγηται μυζηθρᾶς (ὁ), οὐχὶ δὲ οὐδαμῶς ἡ μυζήθρα.

Κατὰ τοῦτον ἄρα τὸν τρόπον ἡ ἐκ τῶν προτέρων πιθανὴ φαινομένη συγγένεια δὲν δύναται νὰ ἀνευρεθῇ καὶ ὀρθῶς ὁ κ. Krumbacher ἐγκατέλιπεν αὐτήν.

Πρόσθες τούτοις ὅτι ἐπειδὴ πάντα τὰ κύρια ὀνόματα ἀνθρώπων καὶ τόπων προῆλθον διὰ τοῦ κατ' ἐξοχὴν λεγομένου σχήματος ἐκ παλαιότερον ὑπαρχόντων προσηγορικῶν ἢ ἐπιθέτων, οὐδὲν θὰ ὠφελούμεθα ὡς πρὸς τὸ ἀληθὲς ἔτυμον τοῦ Μυζηθρᾶς, καὶ ἂν ἐκ τούτου παρήγετο ἡ μυζήθρα κατὰ τὴν γνώμην τοῦ Δουκαγκίου, διότι καὶ πάλιν θὰ ἦτο χρεία νὰ προβῶμεν εἰς ἀναζήτησιν τοῦ παλαιοτέρου προσηγορικοῦ ἢ ἐπιθέτου ἐκείνου, ἐξ οὗ πάντως θὰ προῆλθε τὸ τοπωνυμικὸν ὁ Μυζηθρᾶς.

Κατὰ τὴν ὑπόθεσιν ἄρα τοῦ Δουκαγκίου οὔτε τὴν ἀληθῆ ἀρχὴν τοῦ περὶ οὗ ὁ λόγος ὀνόματος θὰ ἠδυνάμεθα νὰ μάθωμεν οὔτε τὴν σχέσιν τῆς συγγενείας αὐτοῦ πρὸς τὸ μυζήθρα θὰ ἐνοοῦμεν.

Ἀλλ' ἂν μὴ ἄγῃ ἡμᾶς εἰς τὴν ἀλήθειαν ἡ ὁδὸς αὕτη, δυνάμεθα, φρονῶ, νὰ τραπῶμεν ἄλλην, δι' ἧς εὐκολώτερον καὶ βεβαιότερον νὰ ἔλθωμεν εἰς τὸν σκοπὸν ἡμῶν. Ἂν δὲ μὴ ἐξηυρέθη ἡ ὁδὸς αὕτη μέχρι τοῦδε, αἰτία τούτου εἶναι ὅτι ὅπως πλεῖστα ἄλλα φαινόμενα τῆς μέσης καὶ νεωτέρας Ἑλληνικῆς, οὕτω καὶ ὁ τρόπος καθ' ὃν σχηματίζονται τὰ κύρια ὀνόματα ἀνθρώπων καὶ τόπων ἐξ ἄλλων λέξεων, εἶναι παρ' ἡμῖν μέχρι τοῦδε ἀνεξέταστος καὶ ἄγνωστος.

Δύναται δηλαδὴ ἕκαστος εὐκόλως νὰ πεισθῇ περὶ τῆς ἀληθείας τῆς ἀκολούθου ἀρχῆς τῆς ἰσχυούσης κατὰ τὸν σχηματισμὸν τῶν τοιούτων ὀνομάτων ἐν τῇ Ἑλληνικῇ γλώσσῃ: ἐκ πασῶν τῶν λέξεων τῶν δηλουσῶν ἔργον ἢ πρᾶξιν, ἔδεσμα, ἔνδυμα, ἕξιν, ἐλάττωμα, πάθος κ. τ. τ.,

ἀδιάφορον τίνος κλίσεως, τίνος γένους εἶναι, καὶ πῶς τονίζονται αὗται, δύνανται νὰ σχηματισθῶσιν ὀνόματα ἀρσενικὰ εἰς — ᾶς σημαίνοντα ἢ τὸν ἔχοντα, ἢ τὸν πωλοῦντα, ἢ τὸν μετερχόμενον, ἢ τὸν ἐσθίοντα, ἢ τὸν φοροῦντα, ἢ τὸν συνηθίζοντα, ἢ τὸν πάσχοντα τὸ ὑπὸ τοῦ πρωτοτύπου σημαινόμενον κ. τ. τ. Πρβλ. τὰ μεταγενέστερα κόρυζα-κορυζᾶς, κήλη-κηλᾶς, κέρατα-κερατᾶς, φακή-φακᾶς, σάννη-σαννᾶς, ὄστρακα-ὀστρακᾶς, λάχανα-λαχανᾶς, ὕαλος-ὑαλᾶς, πράγματα-πραγματᾶς, λάρυγξ-λαρυγγᾶς, πίνακες-πινακᾶς. κ. τ. τ. πρβλ. ὅσα ἐν τῇ ἐμῇ Einleitung σελ. 183—3 διέλαβον περὶ τούτων.

Ὁ σχηματισμὸς οὗτος ἀρχὴν ἔσχεν ἐκ τῶν μεταγενεστέρων Ἑλλήνων, καθ' ὃν ὁ August Fick ἐν Κουρτίῳ Μελέταις τομ. θ'. σελ. 165 κἑξ. ἐξέθηκε τρόπον, καὶ ἔκτοτε μέχρι σήμερον ἐπέδωκε σφόδρα καὶ ὁσημέραι λαμβάνει ἐπίδοσιν, ὥστε σήμερον ταῦτα οὐ μόνον συχνότατα σχηματίζονται, ἀλλὰ καὶ καθόλου εἰπεῖν πολλῷ πλειόνων σημασιῶν δηλωτικὰ ἢ τὸ πάλαι εἶναι. πρβλ. Ἡρωδιανοῦ Τομ. Β' 657, 9 «τὰ εἰς-ᾶς περισπώμενα, εἰ μόνως κύρια ἢ ὑποκοριστικὰ ἢ ἐπισκώμματα ἢ ἀπὸ συμβεβηκότος ἰσοσυλλάβως κλίνεται. Κύρια μὲν οἷον Μηνᾶς Μηνᾶ, Ζηνᾶς Ζηνᾶ, Μητρᾶς Μητρᾶ, Κομητᾶς Κομητᾶ, Φιλητᾶς Φιλητᾶ καὶ τὰ ὅμοια· ὑποκοριστικὰ δὲ οἷον ὀστρακᾶς ὀστρακᾶ, πινακᾶς πινακᾶ, λαχανᾶς λαχανᾶ. Ἐπισκώμματα δὲ οἷον καταφαγᾶς καταφαγᾶ, δακνᾶς δακνᾶ· ἀπὸ συμβεβηκότος δὲ οἷον τρεσᾶς-ᾶ ὁ δειλός». Ὁμοίως Α'. 51, 3. πρβλ. καὶ Lobeck ἐν Προλεγομένων 505, ἔνθα παραθέτει ἐκ τῶν Βεκκήρου Ἀνέκδ. 857 «ὁ τέταρτος τῶν ὑποκοριστικῶν τύπος εἰς-ᾶς, ὡς Ζηνᾶς ὁ Ζηνόδωρος, καὶ Μητρᾶς ὁ Μητρόδωρος». ἐπιφέρει δ' ὅτι καὶ Μηνᾶς καὶ Μηνόδωρος τὸ αὐτὸ ἐκαλεῖτο πρόσωπον, ὁμοίως καὶ Μητρᾶς καὶ Μητρόδωρος καὶ Μητρέας, ὅπως καὶ Ἡρέας καὶ Ἡρᾶς, καὶ Δημέας καὶ Δημᾶς, καὶ Ἀμύνανδρος καὶ Ἀμυνᾶς, καὶ Ἀλέξανδρος καὶ Ἀλεξᾶς, καὶ τ. λ., καὶ ὅτι τὰ τοιαῦτα τετραχῆ διαιροῦνται 1) κύρια, 2) ὑποκοριστικά, 3) ἐπισκώμματα, 4) ἀπὸ συμβεβηκότος.

Οὕτω λέγεται σήμερον:

ἀλευρᾶς = ὁ ἀλευροπώλης καὶ ὁ δι' ἀλεύρων τραφεὶς χοῖρος (ἀλεῦρι).

ἀλογᾶς = ὁ ἱππεύς (ἄλογον).

ἀμαξᾶς = ὁ ἁμαξηλάτης (ἅμαξα).

βαγενᾶς (βαγένι) καὶ βαρελλᾶς (βαρέλλι) καὶ βουτσινᾶς (βουτσί) μετὰ τῆς καταλήξεως-νᾶς τοῦ βαγενᾶς ὁ βαρελλοποιός.

βελανᾶς = ὁ διὰ βαλάνων τραφεὶς χοῖρος (βελάνια).

βουτυρᾶς = ὁ κατασκευάζων ἢ ὁ πωλῶν ἢ καὶ ὁ ἐσθίων μάλιστα βούτυρον.

γαϊδουρᾶς = ὀνηλάτης (γαΐδαρος).

γαλατᾶς = γαλακτοπώλης καὶ γαλακτοφάγος (γάλατα μεταγενεστέρως ἀντὶ γάλακτα).

γανωματᾶς = ὁ κασσιτερωτής (γανώματα).

γλωσσᾶς = ὁ φλύαρος (γλῶσσα).

γιαουρτᾶς = ὁ πωλῶν ἢ ὁ ἐσθίων ἡδέως γιαούρτι, ὃ ξινόγαλα ἐν Πόντῳ καὶ Χίῳ καὶ ἀλλαχοῦ λέγεται καὶ ἐντεῦθεν ξινογαλᾶς.

γροσᾶς = ὁ ἔχων γρόσ(ι)α καὶ ἔπειτα ὁ τοκογλύφος ἐν Ἠλείᾳ.

γυναικᾶς = ὁ φιλογύνης ἐν Κεφαλληνίᾳ.

δερματᾶς = ὁ πωλῶν ἢ κατεργαζόμενος τὰ δέρματα.

δοξαρᾶδες=ὅσοι νευρώνουν τὰ δοξάρια ἐν Τετραπόδ. 623.

ζευγᾶς = ζευγηλάτης.

καλαμαρᾶς = ὁ φέρων καλαμάρι, ἤτοι μελανοδόχον· καὶ ἐπειδὴ τοῦτο ἔφερον οἱ ἐγγράμματοι, καλαμαρᾶς = ἐγγράμματος, ἄπειρος πολέμων κ. τ. λ., καὶ καταφρονητικῶς λογιώτατος· ἐν Τετραποδ. 615 = ὁ ποιῶν τὰ καλαμάρια.

καραβᾶς = ὁ ἔχων καράβι ἢ ὁ κυβερνῶν.

κεραμιδᾶς = ὁ κεραμίδια πλάττων καὶ ὁ πωλῶν.

κιουπᾶς = ὁ κιούπια (= κύπια) πλάττων καὶ ὁ πωλῶν.

καρυδᾶς=ὁ καρυοπώλης Προδρόμου ΣΤ΄. 217.

κλειδᾶς = ὁ κλειθροποιός (κλειδί).

κολοκυθᾶς = ὁ πωλῶν ἢ ἡδέως ἐσθίων κολοκύθια.

κονισματᾶς = ὁ εἰκονίσματα γράφων καὶ ὁ πωλῶν.

κοπανᾶς = ὁ κόπανα πελεκῶν καὶ ὁ πωλῶν, μεταφορικῶς ὁ πόσθων, ὃς καὶ μαγαλοκόπανος λέγεται.

κοσκινᾶς=ὁ κατασκευάζων ἢ ὁ πωλῶν κόσκινα (ἰδὲ παρὰ Προδρόμῳ ΣΤ΄ 245).

κρασᾶς = οἰνοπώλης, ἢ οἰνοπότης (κρασί).

κρεατᾶς = ὁ κρεοπώλης καὶ ὁ κρεοφάγος.

λαδᾶς = ὁ πωλῶν ἢ ἐσθίων ἔλαιον (λάδι).

λαχανᾶς = ὁ συλλέγων ἢ πωλῶν ἢ ἐσθίων λάχανα.

μακαρωνᾶς=ὁ φιλῶν ἐσθίειν μακαρώνια.

μαρμαρᾶς = ὁ λιθοξόος.

μαυροπεισματᾶς, Τετράποδον 665.

μαχαιρᾶς = ὁ φέρων μάχαιραν, ὁ κακοῦργος.

μελᾶς = ὁ τὸ μέλι πωλῶν ἢ ἐσθίων.

μυλωνᾶς = ὁ μυλωθρός (μυλών).

μυτᾶς = ὁ μεγάλην μύτην ἔχων.

ξινογαλᾶς (ξινόγαλα-ὀξινον-γάλα).

ξυλᾶς=ὁ ξυλευόμενος ἢ ὁ πωλῶν τὰ ξύλα.

προβατᾶς = ὁ ποιμὴν ἢ ὁ κύριος προβάτων.

σαγιττᾶς = ὅστις νευρώνει τὰς σαγίττας ἐν Τετραποδ. 625.

σαμαρᾶς ἐν Τετραποδ. 626 καὶ σήμερον.

σελλᾶς Τετραποδ. 389, 518, 626.

σευτελᾶς = ὁ ἐσθίων σεῦτλα, καὶ ἐπειδὴ ταῦτα κακὴ τροφή, ὁ ἀσθενικός, ὁ δειλός (Πόντῳ).

σκοινᾶς = σχοινοπλόκος.

σκουφᾶς (σκουφᾶδες Τετραποδ. 403)= ὁ φορῶν σκοῦφον.

σταφυλᾶς = ὁ πωλῶν ἢ ἐσθίων σταφυλάς.

στιβανᾶς (ἐν Κρήτῃ) ὁ φέρων στιβάνια ἀντὶ στιβάλια (aestivalia), τὰ γνωστὰ μακρὰ τῶν Κρητῶν ὑποδήματα, ἔπειτα ὁ ἐγχώριος, διότι μόνοι οὗτοι φέρουσιν αὐτά.

στολιδᾶς = ὁ καλλωπιστής (στολίδια).

στοματᾶς = φλύαρος (στομα).

σφουγγαρᾶς = ὁ ἁλιεὺς σπόγγων καὶ ὁ πωλῶν.

τομαρᾶς = ὁ πωλῶν τομάρια = δέρματα.

τυρᾶς = ὁ τυροπώλης καὶ τυροφάγος.

φεσᾶς καὶ φουστανελλᾶς = ὁ φορῶν φέσι, φουστανέλλαν.

χαλκωματᾶς (χαλκώματα) ὁ αὐτὸς ὃς καὶ γανωματᾶς.

χειλᾶς = ὁ χείλων (χείλη).

χτενᾶς = ὁ χτένια κατασκευάζων καὶ πωλῶν.

ψαρᾶς = ὁ ἁλιεύς, ὁ ἰχθυοπώλης καὶ ὁ ἰχθυοφάγος.

ψωμᾶς = ὁμοίως ὁ ἀρτοκόπος, ὁ ἀρτοπώλης καὶ ὁ ἀρτοφάγος.

Μόνον τὰ κύρια ὀνόματα δὲν φαίνονται ὑποκοριζόμενα παρ' ἡμῖν σήμερον εἰς-ᾶς ὅπως τὰ μνημονευθέντα Μητρόδωρος-Μητρᾶς, Μηνόδωρος-Μηνᾶς κ. τ. λ., διότι ἂν τις ἐξαιρέσῃ τὸ Κοσμᾶς, Θωμᾶς, Μηνᾶς καὶ ὅσα τοιαῦτα ἀρχαιόθεν ἡμῖν οὕτω μετὰ τοῦ-ᾶς παρεδόθησαν, τὰ λοιπὰ βραχύνονται μὲν πολλαχῶς ἀλλ' οὐκ εἰς-ᾶς, πρβλ. Νικόλαος-Νικόλας-Νικολῆς-Νῖκος-Κόκος-Κοκόλης-Κόλας-Κολέττης κ. τ. λ., Κωνσταντῖνος-Κω(ν)σταντῖνος-Κωσταντᾶς-Κώστας-Κωστῆς-Κῶτσος κ. τ. λ. Γεώργιος-Γεῶργις-Γιῶργος-Γεωργούλλης-Γιωργούλλας-μεσαιωνικὸν Γεωργιλλᾶς-Γεωργαντᾶς (κατὰ τὸ Κωνσταντᾶς)-Γεωργίτσης-Γῶγος κ. τ. λ. Ἀναστάσιος-Ἀναστάσις-Ἀνέστης-Ἀνάστος-Τάσος κ. τ. λ. Ἐμμανουὴλ-Μανόλης-Μανόλας-Μανολιός-Μάνος-Μανοῦσος κ. τ. λ. Δημήτριος-Δημήτρις-Δημητρός-Δῆμος-Δημᾶς-Δημονᾶς ἐν Καταφυγίῳ τῆς Μακεδονίας-Μῆτρος-Μῆτσος κ. τ. λ. Γρηγόριος-Γρηγόρις-Γληγόρις-Γρηγορᾶς (ὁ γνωστὸς τοῦ

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] κ. τ. λ.

[illegible] καὶ κληθεὶς ἕνεκα Μακαρώνας κ. τ. λ.

Ἂν τώρα λάβωμεν πρὸ ὀφθαλμῶν πρῶτον μὲν ὅτι ὅπου οἱ ἄνθρωποι δὲν ἤξευρον γράμματα καὶ δὲν ἤκουον συχνὰ τὸ ὄνομα αὐτῶν, ὥστε διὰ τῆς συχνῆς ἐν τῇ γραφῇ χρήσεως νὰ καταστῇ στερεόν, [illegible] ἱερὸν καὶ ἀπαραβίαστον, ἐκεῖ εὐκολώτατα τὸ ἅπαξ δοθὲν παρωνύμιον δύναται νὰ κατισχύσῃ τοῦ προτέρου ὀνόματος, ὅταν μάλιστα ὅπως πολλάκις συμβαίνει, τὸ ὁποιονδήποτε δοθὲν παρωνύμιον μᾶλλον τοῦ τέως ὀνόματος χαρακτηριστικὸν καὶ χρήσιμον εἰς καθορισμὸν καὶ ἀναγνώρισιν τοῦ [illegible] εἶναι ἢ τὸ πρότερον ἐπίθετον, ὅπερ πολλάκις καὶ ἄλλοις κοινὸν συμβαίνει νὰ εἶναι· ἔπειτα ὅτι ἐν ταῖς κώμαις (οἱ δ' Ἕλληνες κατὰ μέγα μέρος ἐν

καὶ ἔτι ζῶσιν κωμηδόν) συνήθως εἷς μόνος εἶναι σχοινᾶς, εἷς δερματᾶς, εἷς καλαμαρᾶς, εἷς μυλωνᾶς, εἷς κρασᾶς, εἷς κοσκινᾶς κ. τ. λ., ἐντεῦθεν τὸ τοῦ ἐπαγγέλματος τοῦτο δηλωτικὸν εἶναι πολλῷ ἀκριβέστερον χαρακτηριστικὸν τῶν προσώπων τούτων ἢ τὸ ἀληθὲς ὄνομα ἑκάστου· ἂν ταῦτα ἐνθυμηθῶμεν, τότε κατανοοῦμεν διατί ἐν τῇ μεσαιωνικῇ καὶ τῇ νεωτέρᾳ Ἑλλάδι πολυπληθῆ τοιαῦτα προσηγορικὰ ὀνόματα εἰς-ᾶς καθὰ καὶ ἄλλα πολλὰ παρωνύμια ἄλλως λήγοντα, ἐγένοντο κύρια ὀνόματα· οἷον Κοσκινᾶς, Τυρᾶς, Σχοινᾶς, Μελᾶς, Κρασᾶς, Γιαουρτᾶς, Ξινογαλᾶς, Προβατᾶς, Σταμνᾶς, Λαδᾶς, Ἀμαξᾶς, Καραβᾶς κ. τ. λ. Τὰ δὲ ἀνδρωνυμικὰ ταῦτα ὀνόματα ἠδύναντο περαιτέρω προβάντα νὰ γίνωσι τοπωνυμικά· διότι ὅπου κατῴκει ἢ ὅπου εἶχε κτήματα λχ. ὁ Κοσκινᾶς, ὁ τόπος ἐκεῖνος ἐκαλεῖτο (ὁ τόπος) τοῦ Κοσκινᾶ, πηγαίνομεν (εἰ)ς τοῦ Κοσκινᾶ, αὐτὰ ἐδῶ εἶναι τοῦ Κοσκινᾶ κ. τ. λ., κατὰ μικρὸν δὲ τὸ μὲν παλαιὸν ὄνομα τοῦ τόπου ἐλησμονήθη (μὴ λησμονῶμεν ὅτι οἱ παρελθόντες αἰῶνες δὲν ἦσαν αἰῶνες γραμμάτων καὶ φώτων!), τὸ δὲ τοῦ κτήτορος ἐπεκράτησεν· καὶ ἐπὶ πολὺ μὲν θὰ ἐλέγετο κατὰ γενικὴν ἀεί, τοῦ Κοσκινᾶ, καλὸ χωριὸ 'ναι τοῦ Κοσκινᾶ κ. τ. λ., ἔπειτα δὲ λησμονηθείσης τῆς παλαιᾶς σχέσεως, μετὰ τὸν θάνατον τοῦ δόντος τὸ ὄνομα Κοσκινᾶ, τοῦτο ἐκλήθη καὶ κατ' ὀνομαστικὴν καὶ αἰτιατικήν. Καθ' ὃν ἄρα τρόπον ἐδείχθη ἐν Ἀθηνᾶς Τομ. Ε'. σελ. 236 κἑξ. 493 κἑξ., 567, 549 ὅτι αἱ τοπωνυμίαι προῆλθον πολλάκις ἐξ ὀνομάτων τῶν φυτῶν, οὕτως ἀποδείκνυται ἐν τούτοις ὅτι δευτέρα τούτων πηγὴ εἶναι τὰ ἀνδρωνυμικά.

Ἵνα δὲ μηδεὶς νομίσῃ ὅτι ἡ σχηματισθεῖσα πενταμερὴς κλῖμαξ 1) κόσκινον, 2) κοσκινᾶς, 3) Κοσκινᾶς (ἀνήρ), 4) Κοσκινᾶ, 5) Κοσκινᾶς (τόπος), εἶναι πλαστὴ καὶ δὲν στηρίζεται ἐπὶ τῶν πραγμάτων, ἀναγράφω παραδείγματά τινα ὧν τὰ μὲν εὑρίσκονται εἰσέτι ἐν τῇ τετάρτῃ βαθμῖδι, ἤτοι ἐν τῇ γενικῇ, τὰ δὲ ἀφίκοντο εἰς τὴν πέμπτην.

Ἂν δηλ. τις ἐπισκοπήσῃ τὴν Στατιστικὴν τῆς νήσου Κρήτης τὴν ὑπὸ Ν. Σταυράκι ἐκδοθεῖσαν ἢ τὸν Στατιστικὸν καὶ Χωρογραφικὸν Πίνακα τοῦ κ. Νουχάκι, θὰ εὕρῃ πλείστας κώμας ὠνομασμένας διὰ τῶν αὐτῶν ὀνομάτων δι' ὧν καὶ ἄνθρωποι ἢ πρότερον ἢ καὶ νῦν ἔτι καλοῦνται. Τούτων ἄλλα μὲν φέρονται εἰσέτι κατὰ γενικὴν ἑνικοῦ ἢ πληθυντικοῦ, ἄλλα δὲ κατὰ πάσας τὰς πτώσεις τοῦ ἐν ᾧ λέγονται ἀριθμοῦ. Ὅτι δὲ καθὰ εἶπον, ἡ ὀνομαστικὴ τούτων καὶ καθόλου ἡ κλίσις βάσιν ἔσχε τὴν γενικὴν καὶ ἐκ ταύτης ὡρμήθη, τούτου ἀπόδειξιν τρανὴν καὶ ἀναμφισβήτητον παρέχουσιν ὅσα ἀπὸ τῆς πληθυντικῆς γενικῆς εἰς-άδων ἐσχημάτισαν ἑνικὸν εἰς-ᾶδος. Ταῦτα εὑρίσκονται ἐπὶ πολλῶν νήσων· πρβλ. Ἀρνᾶδος, Μουντᾶδος, Χατζηρᾶδος, Καρκᾶδος, Δαραμπᾶδος, Σκλαβᾶδος, Φαλατᾶδος ἐν Τήνῳ, Κουτσοχειρᾶδος

ἐν Νάξῳ, Καρτεράδος ἐν Θήρᾳ. Καλκάδος ἐν Ζακύνθῳ. Καραβάδος ἐν Κεφαλληνίᾳ, Κουνιᾶ(δ)ος ἐν Ἰκάρῳ ἀπὸ Κουνιᾶ τινος, ὅπως ἐξ ἰδιωτικῶν παλαιοτέρων ἐγγράφων ἐγὼ ἔμαθον, Βελλονάδος ἐν Κρήτῃ. Ἔνια σώζουσι τὸ-άδων καὶ ἐκφέρονται μετὰ τοῦ οὐδετέρου ἄρθρου τὸ (χωρίον, μέρος), ὡσεὶ ἐξ ἀρχῆς ἦσαν ἑνικὰ εἰς-ᾶδον, πρβλ. Σκουλικᾶδον, Μαχαιρᾶδον, Μελινᾶδον, Σαρακηνᾶδον ἐν Ζακύνθῳ. Ἐν πᾶσι τούτοις ἡ γενικὴ πληθυντικὴ εἰς-άδων, λ. χ. (εἰς) τῶν Καραβάδων, τῶν Μαχαιράδων, ἀφοῦ σὺν τῷ χρόνῳ ἐλησμονήθησαν οἱ κτήτορες Καραβᾶδες, Μαχαιρᾶδες, ἐξελήφθη ὑπὸ τῶν λαλούντων ὡς ἑνικὴ αἰτιατικὴ εἰς τὸν Καραβᾶδον, (τὸν) Μαχαιρᾶδον, ἐντεῦθεν ἐλέχθη ἢ ὁ Καραβᾶδος κατ' ἀρσενικὸν γένος, ὅπου τὸ νῦ τοῦ ἄρθρου μετὰ τοῦ ἀρκτικοῦ φθόγγου τοῦ ἑξῆς οὐσιαστικοῦ συναπτόμενον ἦτο αἰσθητόν, ἢ τὸ Μαχαιρᾶδον, τὸ Σαρακηνᾶδον κ. τ. λ., ὅπου τὸ νῦ διὰ τὴν φύσιν τοῦ ἀκολουθοῦντος φθόγγου δὲν ἠκούετο, λ. χ. πρὸ τοῦ μ, σ, πρβλ. καὶ ὁ Ἀναργύρος πηγὴ παρά τινα ναὸν ἐν Ἠλείᾳ ἀπὸ τῶν Ἀναργύρων = Ἀναργύρον - Ἀναργύρος. Ἡ διὰ μόνης τῆς γενικῆς ἐκφορὰ τῶν τοπωνυμικῶν φαίνεται ἐπὶ μᾶλλον παραμείνασα ἐν ταῖς μοναῖς, καὶ τοῦτο εὐλόγως, διότι ἐν αὐταῖς καὶ τὰ γράμματα ἐκαλλιεργοῦντο ὅπως δήποτε καὶ γεγραμμένα τὰ κτήματα αὐτῶν ἐπ' ὀνόματι τοῦ εἰς ὃν ἀφιερώθησαν ἁγίου ἦσαν, καὶ οὕτω κατὰ γενικὴν ἐλέγοντο. πρβλ. Μονὴ τῶν Ἀσωμάτων (ἐν ᾧ ἐν Κρήτῃ εἶναι κωμίδιον ὁ Ἀσώματος), Μονὴ τῶν Μηνιατάδων ἐν Κεφαλληνίᾳ, Μονὴ Μηλαπιδᾶ αὐτόθι. Μονὴ Μπαρπιώτη, Μονὴ Μακελλαρεᾶς, Μονὴ Διβρης κ. τ. λ.

Οὕτω λέγονται κατ' ὀνομαστικὴν καὶ λοιπὰς πτώσεις ἐν Κρήτῃ πολλαὶ κῶμαι καὶ ἄλλαι τοποθεσίαι, ὧν ἀναγράφω τινάς: (Ἀ)κεραμές, Βαφές, Γαλατᾶς, Καλαμᾶς, Καπνικάρις, καὶ τὸ θηλυκὸν τούτου ἡ Καπνικαρέα, Καλλικράτης, Κουρνᾶς (= κουρ(ου)νᾶ, ἀπὸ τοῦ κουρουνὸς (κορώνη) ὁ ἔχων τὸ χρῶμα τῆς κορώνης), Κρεββατᾶς, Λαρδᾶς, Λιβαδᾶς, Μαρουλᾶς, Μαθές, Ξειδᾶς, Πρασᾶς, Πετρᾶς, Σκοινᾶς, Σωματᾶς, Φονὲς κ. τ. λ. κ. τ. λ., ἄλλα δὲ κατὰ γενικὴν ἀεί, λ. χ. τοῦ Βάμου, τοῦ Γάλλου, τοῦ Ἀποδούλου, τοῦ Ἀτσιπόπουλλου, τοῦ Ἀγαλλιανοῦ, τοῦ Γιαννιοῦ, τοῦ Ζερβοῦ, τοῦ Μαριοῦ κ. τ. λ. Ἐν τῇ ἐλευθέρᾳ Ἑλλάδι καὶ ἀλλαχοῦ λέγονται ἄλλα μὲν κατ' ὀνομαστικὴν καὶ λοιπὰς πτώσεις, ἄλλα δὲ κατὰ γενικὴν μόνην, ἔνια δὲ καὶ ποικίλλονται εἰσέτι. πρβλ. Ἀγαλλιανός (ἐν Κρήτῃ κατὰ γενικὴν!), Ἀλατᾶς (νησὶς ἐν τῷ Παγασητικῷ κόλπῳ), Ἀλέξανδρος, Ἀράπης καὶ Ἀράπιδες, Ἀργυρᾶδες, Ἀρμενᾶδες, Ἀσπιωτᾶδες, Ἀτσουπᾶδες, Βαρνάβας, Βαρυπατᾶδες, Βελονᾶδες, Βιταλᾶδες, Βλάχοι, Βουνιατᾶδες, Βουτᾶδες καὶ Βουτᾶς, Βρανᾶς (ἀπὸ τοῦ μεσαιωνικοῦ Βρανᾶ), Γαβρᾶδες, Γαλατᾶς, Γερμανός, Γεωργανᾶδες, Γιάννιδες, Γκουμαῖοι (Γιακουμῆς ἐκ τοῦ Ἰτ. Iacomo = Ἰακώβ), Δαμαλᾶς,

Δαμιανός, Δίδυμος, Δουκᾶδες, Κακουραῖοι, Καλόγερος καὶ Καλογέροι, Καλυβίτης, Καμινᾶδες, Καραβᾶς, Καρβουνᾶδες, Καρουσᾶδες, Καστελλᾶνος, Κομποτᾶδες, Κοντόσταβλος, Κοπανᾶς, Κορακᾶδες καὶ Κορακᾶς, Κοσκινᾶς (ὀροπέδιον ἐν Ἰκάρῳ), Κοσμᾶς, Κουβαρᾶς, Κυπριανὸς καὶ Κυπριανᾶδες, Λάζαρος, Λάκωνες, Λιάπιδες, Μαρμαρᾶς, Μαρκόπουλλον, Μαυρόπουλλον, Μαχαιρᾶς, Μελισουργοί, Παλαμᾶς, Προσκυνᾶς, Προβατᾶς (ὄρος ἐν Χίῳ), Ῥαφταῖοι, Ῥαφτόπουλλον, Ῥηγγῖνα, Σγουρᾶδες (Σγουρός), Σελλᾶδες, Σιμόπουλλον, Σπαθᾶδες, Τσαγγαρᾶδες, Τσουκαλᾶδες, Χαλκιόπουλλον κ. τ. λ. κ. τ. λ.

Πολλῷ δὲ πλείω τούτων ἐκφέρονται κατὰ γενικὴν, ὅπως τις εὐκόλως βλέπει ἐν τοῖς εἰρημένοις βιβλίοις· χάριν τῶν στερουμένων αὐτὰ ἀναγράφω ὀλίγα παραδείγματα· Ἀλέξη, Ἀντιόχου, Ἀντωνιοῦ, Ἀποστόλου, Ἀργύρη, Βαμβακοῦ, Βασιλᾶ, Βλαχάβα, Βραχνοῦ, Βρυώνη, Γαβαθᾶ, Γαβαλᾶ, Γαλατᾶ, τοῦ Γερακάρι (ἐν Κρήτῃ καὶ κατ' ὀνομαστικὴν ὁ Γερακάρις κώμη ἐν Ἀμαρίῳ), τοῦ Γεράκι, τοῦ Γερμανοῦ, Γέροντα, Γεροπέτρου, Γουλᾶ, Γραικοῦ, Γραμματικοῦ (καὶ τὸ Γραμματικόν), τοῦ Γρηγόρι, Δεμέστιχα, Δερματᾶ μονὴ, καὶ Δερματᾶς ἀκρωτήριον ἐν Πηλίῳ, Δεσπότου, τοῦ Δημητράκι, Δοξαρᾶ, Δούκα, Δραγάνου, Θερειανοῦ, Καίσαρη, Καλαμαρᾶ, Καλαβροῦ, Καλαμάτη, Καλλέργου, Καλεσμένου, Καλογέρου, Καπανδρίτη, Καρβελᾶ, Καρβούνη, Καρδαμᾶ, Κατακαλοῦ (μεσαιωνικόν), Κατσαροῦ, Κεφαλᾶ (ἐν Κρήτῃ Κεφαλᾶδες κώμη μεγάλη ἐν Ἀποκόρωνᾳ), Κεφαλληνοῦ, Κλαδᾶ, Κολοκυθᾶ, τοῦ Κονιδάρι, Κοντογόνη, Κοντοδεσπότη, τοῦ Κοπανάκι, τοῦ Κοκκίνη, τοῦ Κοκκινᾶ, τοῦ Κοκκινοπούλλου, τοῦ Κοχύλου, Κουταλᾶ, τοῦ Κουτσοχέρι, Κυνηγοῦ, Κουτσαλέξη, Κρεββατᾶ ἐν Ἄργει, Λαδᾶ, Λαδινοῦ, Λευκαδίτη, Λειανοῦ, Λογοθέτη, Μανιάτη, Μαρίνου, Μάρκου, Μαυρουδῆ, Μαστρογιάννη, Μαστραντώνι, Μελετοπούλλου, Μελισσουργῶν, τοῦ Μερκούρι, Μεταξᾶ, Μηλαπιδᾶ, Μηλιώτη, Ξενοπούλλου, Παλαμηδᾶ, Παύλου, Πετρῆ, Ῥάφτη, Ῥούσσου, Ῥωμανοῦ, Σαΐττᾶ, Σελλᾶ, Σίμου, Σκιαδᾶ, Σκληροῦ, Σκυλλογιάννη, Σολωμοῦ, Σπαθᾶ, Σταμνᾶ, Στρέφη, Συκᾶ, Τριάντου, Τρίπου, Τρύφου, Τσουκκαλᾶ, Ὑψηλοῦ, Φιλιππάκι, Φιλαρέτου, Φονεᾶ, Φράγκου, Φωτεινοῦ, Χαλκεᾶ, Χαροκόπου, Χριστιανοῦ, Χρύσου.

Τῶν ὀνομάτων τούτων οὐκ ὀλίγα ἀναγινώσκονται ἐν παλαιοτέροις μνημείοις. πρβλ. Βρανᾶς, Δουκᾶδες, Ἀρμενᾶδες, Γαβρᾶδες, Γαλατᾶς, Ἐλαδᾶς ἤδη ἀπὸ τοῦ δεκάτου αἰῶνος ἐν Πορφυρογ. Ῥωμαν. 243 καὶ Ἐλαδᾶδες ἐν Ἀθηνᾶς Γ. 442 ἐκ Σπάρτης, Κυπριανός, Σγουρᾶδες, Μελισσουργός, Καλαφάτης, Καλλέργου, Καπανδρίτη, Κατακαλοῦ, Κλαδᾶ, (Ἐ)λαδᾶ, Λογοθέτη, Ῥωμανοῦ κ. τ. λ. πάντα μεσαιωνικὰ ὀνόματα. Πλεῖστα δὲ τούτων γινώσκομεν καὶ ἀκούομεν καθ' ἑκάστην, ὥστε οὐδενὸς δεῖ μάρτυρος ὑπὲρ τούτων.

Καὶ νῦν ἔλθωμεν ἐπὶ μυζηθρᾶ, ἐκ τοῦ Μυζηθρᾶ. Περὶ τούτου λέγω, ὅτι πολὺ πιθανὸν ὅτι κατὰ τὸν μέσον αἰῶνα μυζηθρᾶς ὁ ποιῶν μυζήθρα, εἴτε τις τυρός, ὅπως σήμερον γίνεται καὶ εἴτε εἶδος τυροῦ μόνον, ὅπως σήμερον γίνεται, ὁ κατασκευάζων καὶ ὁ πωλῶν τὴν μυζήθραν ταύτην ἠδύνατο νὰ ὀνομάζηται καὶ ὄντως ὀνομάζεται καὶ σήμερον ἔτι ἐν Σάμῳ καὶ ἐν ἄλλαις νήσοις καὶ ἐν Πελοποννήσῳ καὶ ἀλλαχοῦ μυζηθρᾶς. Τὸ ἐπαγγελματικὸν τοῦτο ὄνομα ἠδύνατο [illegible] νὰ καταστῇ κύριον ὁ Μυζηθρᾶς, καθ' ὃν τρόπον ἐκ τοῦ τυρᾶς ἐγένετο Τυρᾶς-Τυρᾶδες ἐν Σφακίοις τοῦ Ἁγίου Βασιλείου τῆς Κρήτης, ὁ γαλακτᾶς Γαλακτᾶς ἐν Ἰωαννίνοις, ὁ γαλατᾶς Γαλατᾶς πολλαχοῦ, Ξυπνᾶς ἐν Χαλκίδι, Παπᾶς πολλαχοῦ κ. τ. λ.

Καθ' ὃν δὲ τρόπον ἐκ τοῦ κασκάνου ἐγένετο κασκανᾶς—Κασκανᾶς ἀνθρωπωνυμικὸν-ὁ τοῦ Κασκανᾶ καὶ τέλος ὁ Κασκανᾶς τοπωνυμικόν, σκαρνᾶς-σκαρνᾶς Σκαρνᾶς-ὁ τοῦ Σκαρνᾶ-Σκαρνᾶς, κεραμᾶς κεραμέας-Κεραμέας-ὁ τοῦ Κεραμέα-ὁ Ἅ. Κεραμᾶς κώμη ἐν Κρήτῃ κ. τ. λ., οὕτως ἠδύνατο νὰ σχηματισθῇ καὶ ἐσχηματίσθη ἀληθῶς, καὶ ἐκ τοῦ ἡ μυζήθρα-ὁ μυζηθρᾶς ὁ Μυζηθρᾶς (ἀνθρωπωνυμικὸν)-ὁ τοῦ Μυζηθρᾶ-ὁ Μυζηθρᾶς. Ἀλλὰ θὰ μ' ἐρωτήσῃ τις ἴσως· Ἀλλ' εὑρίσκεται ἀληθῶς τὸ προϋποτιθέμενον ἀνθρωπωνυμικὸν ὁ Μυζηθρᾶς εἴτε ἐν παλαιοτέροις ἐγγράφοις εἴτε ἐν τῇ νῦν λαλουμένῃ; Εἰς τὴν ἐρώτησιν ταύτην ἀπαντῶ, ὅτι καὶ ἂν μὴ εὑρίσκετο τὸ ἀνθρωπωνυμικὸν ὁ Μυζηθρᾶς, πάλιν μόνη ἡ ἐκ τῶν ἀνωτέρω παρατεθέντων τοιούτων παραδειγμάτων πηγάζουσα ἀναλογία καὶ ὁ τρόπος τοῦ σχηματισμοῦ τῶν τοιούτων τοπικῶν ὀνομάτων θὰ ἤρκει, ὅπως καταστήσῃ πιθανὴν τὴν ἐτυμολογίαν. Νῦν δ' ὅμως εὐτυχῶς εὑρίσκεται καὶ τὸ ὄνομα, καὶ τοῦτο οὐχὶ ἐν τοῖς καθ' ἡμᾶς χρόνοις ἀλλὰ ἴσα ἴσα πρὸ τῆς κτίσεως τοῦ φρουρίου. Ἤδη δηλ. ὁ κ. Κ. Ζησίου ἐμνημόνευσεν ἐν Ἀθηνᾶς Γ', 486—7 ἐκ τῆς Συλλογῆς Miklosich καὶ Müller Δ', σελ. 218—219 ἱερέως Λέοντος Μουζηθρᾶ ζῶντος περὶ τὰς ἀρχὰς τοῦ 13 ου αἰῶνος. Αὐτὸθι ὁ κ. Ζησίου λέγει ὅτι περὶ τοῦ ὀνόματος Μυζηθρᾶ πολλὰ ἐλέχθησαν ἀλλὰ κατὰ τὴν γνώμην αὐτοῦ «Ἕλλην τις κτήτωρ ἐκάλεσεν οὕτω τὸ παρὰ τὸν Εὐρώταν ὑψηλὸν βουνόν.... ὅτε βεβαίως ἔκτισε καὶ πύργον πυρσιωτικόν....». Ἀλλ' ἂν τὰ μέχρι τοῦδε μὴ εἶναι παντάπασιν ἐσφαλμένα, οὐχὶ εἷς τις Ἕλλην, ἀλλ' οἱ πολλοί, οἱ περίοικοι, ἀπονέμουσι κατὰ μικρὸν τὸ ὄνομα ἢ τὸ παρωνύμιον ἀνθρώπου τινὸς εἰς τὴν χώραν ἧς ἦτο κύριος ὁ ἄνθρωπος ἐκεῖνος. Ὅτι δὲ οὐδὲ πύργος τις ἐπὶ τοῦ βουνοῦ πρὸ τῶν Φράγγων ὑπῆρχεν ἀλλ' ἁπλῶς ὑψηλὸς βουνός, τοῦτο λέγει διαρρήδην ὁ ποιητὴς τοῦ χρονικοῦ γράφων ὅτι ὁ Γουλιέλμος εὗρεν ἐκεῖ «βουνὶν παράξενον ἀποκομμα εἰς ὄρος.. ὥρισεν ἐπάνω εἰς τὸ βουνὶν κ' ἔκτισαν ἕνα κάστρον. Οὐδὲ περὶ τοῦ ἐτύμου

τοῦ Μυζηθρᾶ ἔκ τινος μυζηθρᾶ καὶ τούτου ἐκ τοῦ μυζήθρα ἤκασέ τι ὁ κ. Ζησίου, διότι ὡς φαίνεται οὔτε συνῆψε τὸ παράπαν τὰ ὀνόματα ταῦτα οὔτε τὴν γενεαλογικὴν αὐτῶν σχέσιν ἐξήτασε καὶ ἐξέθηκεν.

Ἐν τῷ χρονικῷ τοῦ Μορέως φέρεται πλειστάκις ὁ τόπος Μυζηθρᾶς, ἀεὶ οὕτω τρισυλλάβως. Ὁμοίως καὶ ἐν τοῖς χρυσοβούλλοις καὶ λοιποῖς ἐγγράφοις τῶν Παλαιολόγων ἅτινα ὁ κ. Ζησίου ἐδημοσίευσεν ἐν Ἀθηνᾶς Γ'. 434 κἑξ· βραδύτερον δὲ — ἀγνοῶ πότε — συγκοπέντος τοῦ ἀτόνου τῆς παραληγούσης ἀσθενοῦς φθόγγου ι ἐγένετο Μυζηθρᾶς-Μυσθρᾶς-Μυστρᾶς[1]) καὶ τὸ ἐθνικὸν Μυστριώτης, οὐχὶ Μιστριώτης ὅπερ παντάπασιν πλημμελὲς καὶ παρὰ τὴν ἱστορίαν. Ἡ συγκοπὴ τοῦ φθόγγου τούτου ἐν ἀτόνῳ θέσει (πρβλ. ἡ μυζήθρα διὰ τὸν τόνον, ἀλλ' ὁ Μυστρᾶς!) οὐδὲν παρέχει τὸ θαυμαστόν, διότι τὸ φαινόμενον τοῦτο τῆς συγκοπῆς τοῦ ι παρὰ τὸ ρ καὶ τὸ σ παρατηρεῖται οὐ μόνον παρὰ τοῖς ἄγαν φωνηεντοφάγοις Ἕλλησι τῆς Βορείας Ἑλλάδος, ἀλλὰ καὶ ἐν τοῖς μεσημβρινοῖς, τοῖς πιστότατα καθόλου διασῴζουσι τὰ φωνήεντα. πρβλ. (χάρτα ἐν Κύμῃ = χάριτα, καὶ χαρτώνω = χαριτώνω = εὐλογῶ, περιβάλλω χάριτι ἐν Κύπρῳ, κορφὴ ἤδη παρὰ Προδρόμῳ Γ'. 578), περβόλι-περβολάρις-περβολικά, στάρι-σταρένια, ἀρλόος ἐν Θήρᾳ = ἀρυλόγος, κόσκινόν τι κ. τ. λ. ἄλλα παραδείγματα ἐν Einleitung σελ. 348.

Εἶπον ὅτι πιθανὸν φαίνεταί μοι ὅτι ἡ μυζήθρα ἐσήμαινε κατ' ἀρχὰς καὶ ὅπερ ἡμεῖς νῦν κατ' ἐξοχὴν λέγομεν τυρί· ἐπὶ τὴν εἰκασίαν ταύτην ἄγει με ἡ παρατήρησις ὅτι εἴδη τινὰ τυροῦ φέρουσιν ὀνόματα θηλυκοῦ γένους, ἅτινα ὄντα τὴν ἀρχὴν προδήλως ἐπίθετα ἀπορεῖται τίνος ἕνεκα λέγονται κατὰ θηλυκὸν γένος. πρβλ. ἡ μαλάκα = ὁ χλωρός, μαλακός, τυρός. κοπανιστὴ = τυρός τις κατασκευαζόμενος ἐπὶ τῶν Κυκλάδων, τῆς Χίου καὶ ἀλλαχοῦ (ἐνιαχοῦ καὶ διὰ πιπερεᾶς) κοπανιζόμενος ὅθεν τὸ ὄνομα. Ἡ σύχουμη οὕτω καλεῖται ἐν Κρήτῃ ὁ τυρὸς ὁ ἐπιπλέων ἐν τῷ ζέοντι λέβητι καὶ ἐκεῖθεν λαμβανόμενος διά τινος μεγάλου κοχλιαρίου μετά τινος ὀρροῦ (ὃς ἐν Κρήτῃ λέγεται Χουμᾶς) καὶ ἐσθιόμενος οὕτω θερμός.

Ταῦτα βεβαίως θὰ ἐσχηματίσθησαν τῇ παραλείψει τοῦ μυζήθρα. Σήμερον ἐπὶ μὲν τῶν Κυκλάδων τὸ ὄνομα μυζήθρα οὔτε τὸν αἴγειον οὔτε τὸν χλωρὸν τυρὸν σημαίνει, ἀλλὰ τὸν κατασκευαζόμενον δεύτερον, ἤτοι ἀφοῦ πρῶτον διὰ τῆς πυτιᾶς πήξουν τὸ γάλα χλιαρὸν ἔτι ὂν ἅμα ἀμελχθὲν καὶ διὰ τοῦ ταράκτου ταράζου αὐτὸ ὥστε τὸ πεπηγὸς νὰ συσσωρευθῇ εἰς μᾶζάν τινα καὶ ἐξαχθὲν ἐντεθῇ εἰς τὸ τυπεῖον (τουπεῖ), κατασκευάζουν οὕτως τὴν λεγομένην μαλάκαν, ἥτις ξηραθεῖσα γίνεται ὁ τυρός, τὸ τυρὶ κατ' ἐξοχὴν σήμερον· ἔπειτα τὸ ὑπολειφθὲν ἐν τῷ λέβητι γάλα,

1) Καὶ τόπος Μιζισθρὸς ἀναγινώσκεται ἐν Miklosicch καὶ Müller Α'. ριδ'., οὗ τὸ σθρ πιθανῶς προῆλθεν ἐκ συμφύρσεως τῶν δύο σχηματισμῶν τοῦ Μυζηθρᾶς καὶ Μυστρᾶς.

ἀφοῦ ῥίψωσι καὶ βραχὺ μέρος ἀπήκτου καὶ δὴ ἀγνοῦ γάλακτος, θερμαίνουσι μέχρι ζέσεως, οὐδαμῶς δι' οὐδενὸς ὀργάνου ταράττοντες αὐτό, καὶ τότε ζέσαν χωρίζεται εἰς τὸν ὀρρόν, ὑγρὸν ὑποκίτρινον, καὶ εἰς στερεὰν λευκὴν οὐσίαν, ἥτις ἐπιπλέει ἐπὶ τοῦ ὀρροῦ καὶ λαμβανομένη διὰ μεγάλου ξυλίνου διατρύτου κοχλιαρίου ἐντίθεται εἰς μικρότερα τυπεῖα, ἔνθα ἀφιέμενος ἀποβάλλει ἅπαν τὸ ὑγρὸν καὶ λαμβάνει τὸ σχῆμα τοῦ τοπείου. Ὁ δεύτερος οὗτος τυρὸς ὁ διὰ τῆς ζέσεως ἐκ τοῦ γάλακτος ἀφαιρούμενος λέγεται μυζήθρα καὶ ἐν μὲν Κρήτῃ μόνον ἐφ' ὅσον εἶναι χλωρός, μαλακὸς φέρει τὸ ὄνομα τοῦτο, λεγόμενος καὶ γλυκειὰ μυζήθρα ἐφ' ὅσον εἶναι ἀνάλιστος καὶ μυζήθρα ἁπλῶς ὅταν εἶναι ἡλισμένος· ξηρανθεὶς δὲ καὶ ἐξαχθεὶς ἐκ τοῦ τοπείου ὀνομάζεται οὐχὶ πλέον μυζήθρα, ἀλλ' ἀ(ν)θότυρος, ὡς ἄνθος τοῦ τυροῦ, διότι ἀληθῶς παχύτερός πως εἶναι τὴν σύστασιν· ἐπὶ δὲ τῶν Κυκλάδων ὀνομάζεται μυζήθρα ὁ τυρὸς οὗτος καὶ ἀφοῦ ξηρανθῇ. Ἐν Σφακίοις τῆς Κρήτης τὸν δεύτερον τυρὸν τοῦτον δὲν ἐμβάλλουσιν εἰς τυπεῖα, ἀλλ' εἰς πίθους μεγάλους ἔνθα ἀλατίζουσι καὶ φυρῶσι καὶ πιέζουσιν αὐτὸν ὥστε νὰ μὴ ἔχῃ κενὰ ἐν ἑαυτῷ, καὶ παρελθόντων τῶν καυσώνων ἤτοι ἀπὸ τοῦ Σεπτεμβρίου μηνὸς λαμβάνοντες μεταφέρουσι τὴν μᾶζαν ταύτην μαλακὴν ἀεὶ διατελοῦσαν καὶ οὐδὲν ἔχουσαν σχῆμα, καὶ καλοῦσι μυζήθραν, καὶ ξινομυζήθραν διότι διὰ τὴν ἐν τῷ μεταξὺ γενομένην χημικὴν ζύμωσιν καθίσταται ὕποξυς.

Ἰδιαιτέρας δὲ παρατηρήσεις ἄξιαι φαίνονταί μοι καὶ αἱ ποικίλαι τύχαι τῆς ἀληθείας ταύτης· ὑπάρχουσα δηλ. πρῶτον αὕτη ἐν τοῖς αὐτόχθοσιν ὀρθῶς ὑπολαμβάνουσιν ὅτι τὸ φρούριον αὐτῶν ἀπὸ τοῦ τυροῦ ἔσχε τὴν ἐπωνυμίαν, ἐτάφη ἔπειτα ἀτόπως ὑπὸ τὰ σκώμματα τοῦ εὐφυοῦς Γαλάτου Guillet. Ὁ Δουκάγκιος συνῆψεν αὖθις τὰς ὀνομασίας ταύτας μυζήθρα-Μυζηθρᾶς, ἀλλ' ἀτυχῶς ἀντιστρέψας τὴν σχέσιν αὐτῶν καὶ παράγων τὸ προσηγορικὸν ἐκ τοῦ τοπωνυμικοῦ καὶ οὐχὶ ὅπως ὤφειλε τὴν τοπωνυμίαν ἐκ τῆς τοῦ τυροῦ προσηγορίας ἥμαρτε τοῦ ἀληθοῦς. Τὰς γραμματικὰς καὶ ἄλλας δυσκολίας τῆς γνώμης ταύτης πρὸ ὀφθαλμῶν ἔχοντες ὅ τε Κοραῆς καὶ ὁ Krumbacher καὶ ἄλλοι ἐπρέσβευσαν μετά τινος ὑπερκριτικῆς ὅτι οὐδὲν κοινὸν ἔχουσι τὰ ὀνόματα ταῦτα, καὶ ἄλλοι μὲν λ. χ. Κοραῆς Krumbacher, G. Meyer ἐξήτασαν τὸ ἔτυμον μόνου τοῦ προσηγορικοῦ, ἄλλοι δὲ λ. χ. ὁ Καππώτας μόνου τοῦ τοπωνυμικοῦ, πάντες οὕτω χωρίζοντες καὶ διασπῶντες ἀπ' ἀλλήλων τὰ φύσει ἡνωμένα. Τοιαύτη ἡ τύχη τῆς ἀληθείας καὶ τῶν ταύτην θηρευόντων πολυπλανῶν ἀνθρώπων.

Ἐν Ἀθήναις.

Γ. Ν. Χατζιδάκις.

Хроника Логоѳета

НА СЛАВЯНСКОМЪ И ГРЕЧЕСКОМЪ.

I.

Сочавская рукопись и Cod. Marcianus № 608.

Въ Императорской Публичной библіотекѣ (F IV № 307) находится рукопись (на 325 листахъ) съ такимъ заглавіемъ:

«Сѵмеѡна Метафраста и логофетѣ съписаніе мира ѿ бытіа и лѣтовникь събрань. ѿ различныихь лѣтѡписецъ».

Въ концѣ рукописи находится запись, которая, хотя не вполнѣ, уже приведена была А. Н. Поповымъ, впервые обратившимъ вниманіе на этотъ славянскій переводъ хроники Симеона Логоѳета тѣмъ болѣе, по его мнѣнію, замѣчательной, что начальная часть ея доселѣ еще не издана въ подлинникѣ[1]). «Сїа книга имене^м^ Метафра^ст^ поча архіепкпъ 'Анастасіе Кри^м^кови[2]) и не доспѣ съвръшити его. а пото докоча его Емана^х^ Ιѡре^ст^ игѵмє, въ дни Василіе воево^да^ и списасѧ рѫкоѫ попа Манойла ѿ Сѹча ѿ хра^м^ въвеніе Бци. В лѣтѡ ҂зрмз[3]) ѡ' аі днь и свѣзань ти^м^ бы его рѫкоѫ. Амин».

Отсюда видно, что первымъ виновникомъ появленія на свѣтъ нашей рукописи былъ архіепископъ Молдавскій Анастасій *Крымковичъ*. О немъ мы имѣемъ довольно удовлетворительныя для насъ

---

1) Обзоръ хронографовъ русской редакціи Андрея Попова. Второй выпускъ Москва, 1869) стр. 16.

2) У Попова прочитано было «Іеримповичъ».

3) Поповъ замѣтилъ, что первыя двѣ буквы въ обозначеніи года написаны по (выскобленному мѣсту; но это, какъ увидимъ, не имѣетъ никакого значенія для опредѣленія подлинной хронологіи: начертаніе буквъ таково, что дозволяло прочитать ѕрмѕ (6146), дата невозможная; поэтому первую букву мы принимаемъ за з, а равнымъ образомъ и послѣднюю сходную по начертанію и читаемъ (7147). Послѣднихъ словъ у Попова нѣтъ.

свѣдѣнія. Онъ былъ третьимъ въ ряду Молдавскихъ Радовецкихъ епископовъ послѣ Георгія Могилы и Филоѳея и по румынски именовался *Крымка.* Ему принадлежитъ обновленіе въ 1602 году существующаго и понынѣ въ Буковинѣ монастыря Драгомирна. Впослѣдствіи времени онъ занималъ каѳедру архіепископовъ Сочавскихъ и митрополитовъ Молдавовлахійскихъ съ 1609 по 1617 годъ, а затѣмъ вторично съ 1620 по 1631 годъ[1]). Въ спискѣ іерарховъ Румынской церкви Іосафа Бобулеску мы находимъ подъ 1609 годомъ (стр. 164): «Anastasie Crimca, и подъ 1620 (стр. 165): Anastasie Crimca adorea vara и т. д.[2]) Въ документѣ, напечатанномъ у Мелхиседека въ Обозрѣніи Буковинскихъ монастырей и относящемся къ 7151 (= 1643) г. (стр. 307) упоминается «Кѵр Анастасіе Кримковичъ митрополит молдавскими земли»[3]). Въ библіотекѣ города Львова въ Галиціи находится списокъ Тактикона или Чиновной Никона Черногорца, занесенный туда изъ сосѣдней Буковины: прибавленная въ концѣ запись свидѣтельствуетъ о такой же литературной дѣятельности Анастасія, какую нужно разумѣть и по отношенію къ хроникѣ Логоѳета. «Съи книгъ святаго Никона *сътвори* смѣреній митрополитъ *Анастасіе Кримковичъ*, еже бывъ въ святѣй митрополіи *сучавьстѣй*, въ память себѣ и родителимъ его, Іωанъ Кримка и Кръстина, и даде ѝ въ новозданнаго своего монастирь Драгомирьна, идеже есть храмъ сшествіе святаго Доуха (— слѣдуетъ заклятіе противъ похитителей). Въ дьни господина Іωаннъ Радѹлъ воевода Михневичъ, въ лѣто ҂зркѕ (7126=1616) мѣсяца»[4]). Существуютъ и другія указанія на славянскія рукописи, приготовленныя для митрополита Анастасія Крымковича[5]). Возвращаемся къ нашей Петербургской. Она была перепи-

---

1) Голубинскій, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей стр. 308. Вл. Мордвиновъ, Православная церковь въ Буковинѣ (С.-Петрбургъ, 1874) стр. 53 и 117.

2) Istoria Bisericeasca a Romanilor de Archiereul *Iosif Bobulescu.* Iassy 1871.

3) O visita la cate-va mănăsterişi biserici antice din Bukovina. Bucuresci 1883. Указаніемъ на эти румынскія изданія мы обязаны П. А Сырку.

4) Калужняцкій, Обзоръ славяно-русскихъ памятниковъ языка и письма находящихся въ библіотекахъ и архивахъ Львовскихъ: *Труды третьяго археологическаго съѣзда въ Кіевѣ* (1878) томъ II, стр. 253. Текстъ приведенъ нами такъ, какъ онъ переданъ у автора, но съ опущеніемъ знаковъ, указывающихъ на раскрытіе титлъ.

5) Въ описаніи славяно-румынскихъ рукописей Императорской Вѣнской библіотеки I. Богдана встрѣчается указаніе на одинъ Апостолъ Молдавскаго митрополита Анастасія Кримковича: I. Bogdan, Câteva manuscripte slavo-romane din biblioteca imperiala de la Viena — въ *Analele Acad. Roman* seria II tom. XI (1890).

сана при Василіи Лупулѣ. *Василій Лупулъ*, господарь Молдавскій, хорошо извѣстный въ русской исторіи по своимъ отношеніямъ къ Богдану Хмѣльницкому, управлялъ съ 1634 по 1654 годъ; въ четвертый годъ его правленія, въ мѣсяцѣ октябрѣ (въ 7147=1638), уже по смерти Анастасія былъ законченъ трудъ переписки Сочавскимъ попомъ Мануиломъ. Но въ чемъ состояло отношеніе къ дѣлу *начинателя*, архіепископа Анастасія и *свершителя*, игумена Ореста, это въ записи выражено не совсѣмъ ясно. Конечно, необходимо предполагать существованіе греческаго подлинника—даже на основаніи заглавія, говорящаго о греческомъ авторѣ, но нельзя думать, что два румына XVII вѣка были первыми переводчиками книги Метафраста съ греческаго на славянскій — уже потому, что болгарскій языкъ перевода и его грамматическія формы, весьма строго выдержанныя, а также и послѣдовательно проведенное правописаніе, — все носитъ признаки несравненно бóльшей древности. Окончательное сужденіе должны будутъ произнести филологи-слависты, но намъ кажется, что наибольшее сходство грамматика и правописаніе С.-Петербургской рукописи имѣютъ съ болгарскою хроникою Манассіи, переводъ которой, какъ извѣстно, относится къ XIV столѣтію. Итакъ, мы полагаемъ, что Анастасій Крымковичъ былъ только заказчикомъ, по указанію и на счетъ котораго начата была переписка старинной болгарской рукописи, завершенная по его смерти при такомъ же участіи игумена Ореста. С.-Петербургская рукопись писана вся отъ начала до конца одною и тою же рукою уставомъ средне-болгарскаго извода; но о самой припискѣ мы не рѣшаемся утверждать, чтобы почеркъ ея обличалъ ту самую руку (попа Мануила), которая писала текстъ книги; во всякомъ случаѣ она сдѣлана другимъ шрифтомъ. Прибавимъ здѣсь же, что собственно сочиненіе логоѳета Симеона оканчивается на листѣ 254 рукописи, гдѣ значится соотвѣтствующая отмѣтка, а затѣмъ слѣдуетъ продолженіе, о которомъ съ несомнѣнностью можно сказать, что прототипъ его давно существовалъ на славянскомъ языкѣ, хотя и не дошелъ до насъ вполнѣ: объ этомъ рѣчь будетъ ниже. Чтò же касается отмѣтки на листѣ 254, то она гласитъ слѣдующее: До зде Симеона Лѡгофетѣ е҃ творенъ. а ѿ зде другаго. Основной текстъ повѣствованія, имѣющаго обычный характеръ византійскихъ хроникъ, доходитъ до смерти императора Романа Лакапина, а продолженіе оканчивается возведеніемъ на престолъ Романа Діогена.

При отысканіи греческаго подлинника нашей славяно-болгарской хроники удобнѣе начать именно съ первой части, такъ какъ въ славянской компиляціи ея первоначальный авторъ прямо названъ по имени: Симеонъ Логоѳетъ и Метафрастъ.

Здѣсь прежде всего представляется такой вопросъ, не тождественна-ли наша славянская хроника, приписанная въ началѣ Симеону Метафрасту и Логоѳету, а въ концѣ просто Симеону Логоѳету, съ тою печатною греческою хроникою, которой правильно или неправильно, но уже давно усвоено имя Метафраста. Извѣстно, что Комбефисъ въ Scriptores post Theophanem издалъ только вторую (большую) часть этой хроники, въ рукописяхъ приписываемой просто Симеону *магистру* и Логоѳету, именно ту часть, которая начинается царствованіемъ Льва Армянина и могла служить продолженіемъ хроникѣ Ѳеофана — на ряду съ обычнымъ анонимнымъ *продолжателемъ Ѳеофана*, а первую или начальную часть, которая находится въ Парижскомъ кодексѣ № 1712, послужившемъ издателю оригиналомъ, онъ опустилъ какъ неважную. Въ настоящее время мы, однако, имѣемъ нѣкоторыя — хотя и не большія — извлеченія и изъ этой первой части. Сличеніе славянскаго Метафраста съ второю частію греческаго сдѣлать легко и отвѣтъ на вышепоставленный вопросъ сейчасъ же получается совершенно опредѣлительный и ясный: съ тою хроникою, которая въ Парижскомъ, а за тѣмъ и въ Боннскомъ изданіи напечатана подъ именемъ хроники Симеона *магистра* и Логоѳета и которая обыкновенно слыветъ за хронику Симеона Метафраста, славянскій текстъ въ соотвѣтствующей части не имѣетъ непосредственнаго ближайшаго сходства и тѣмъ менѣе тождества. Это двѣ совершенно различныя хроники. Выписки изъ первой части кодекса 1712 мы находимъ въ книгѣ Гельцера о Секстѣ Юліѣ *Африканѣ* и византійской хронографіи[1]), и при сличеніи ихъ со славянскимъ текстомъ Логоѳета равнымъ образомъ обнаруживается несомнѣнная разница. Для примѣра указываемъ статьи о *Каинѣ*: *Слав. Логоѳетъ* листъ 13 и 14 = Gelzer, Africanus II, 282 и 283, и о *Сиѳѣ*: *Слав. Логоѳ.* Листъ 14 = Gelzer II, 283—285.

У Гельцера при этомъ сдѣлано нужное для его цѣлей сопоставленіе Cod. 1712 съ соотвѣтствующимъ текстомъ (греческой хроники) Льва Грамматика, при чемъ тоже обнаруживается большая разница.

1) Sextus Iulius Africanus und die byzantinische Chronographie von Heinrich Gelzer. I. Leipzig, 1880.

Для насъ любопытно и важно то, что обѣ разницы совпадаютъ, то есть, славянскій текстъ, различаясь отъ Cod. 1712, вполнѣ сходится съ текстомъ Льва Грамматика: обстоятельство, которое послѣ получитъ свое разъясненіе.—Для наглядности приводимъ текстъ о Каинѣ [1]).

Слав. Логоѳ. 13 об.	Paris. 1712 f.	Leo. Gr.
Каинь прьвыи рало оумысли. Авель же правдоѫ печашеся.	ὁ δὲ Κάϊν πρῶτος ἄροτρον εὗρε. καὶ πόλιν ἔκτισεν ἐπὶ τῷ ὀνόματι τοῦ υἱοῦ αὐτοῦ Ἐνών.	245, 24. Ὁ Κάϊν πρῶτος ἄροτρον ἐπενόησε καὶ πλεονεξίαν. Ἄβελ δὲ δικαιοσύνης ἐπεμελεῖτο.
14 об. По ѡсѫжⷣени оубо злааго живѡта, хыщникь и лихоемець. бывь прьвыи числа и мѣри, и земныѧ прѣдѣлы оумысли. и граⷣ създавь въ едино сънитися своѧ̏ емꙋ принѫди, и на брáни оупражнѣтися.	Καὶ ὅτι μετὰ τὴν καταδίκην ἅρπαξ καὶ πλεονέκτης ἐγένετο, μέτρα καὶ στάθμια καὶ ὅρους γῆς πρῶτος ἐπινοήσας, καὶ τοὺς οἰκείους εἰς ἓν συναγαγὼν ἐν πολέμοις ἀσχολεῖσθαι ἐδίδασκεν.	246, 16. μετὰ γοῦν τὴν καταδίκην χειρόνως ἐβίω, ἅρπαξ καὶ πλεονέκτης γενόμενος, καὶ πρῶτος μέτρα καὶ στάθμια καὶ γῆς ὅρους ἐπενόησε καὶ πόλιν κτίσας εἰς ἓν συνελθεῖν οἰκείους ἠνάγκασε καὶ εἰς πολέμους ἀπασχολεῖσθαι.
	ᾤκει δὲ τὴν γῆν ἥτις ἐστὶ τρέμουσα. χθαμαλὴ οὔση (γρ. οὖσα) κεχωρισμένος (cod. καὶ χωρισμένος) ὑπάρχων ἀπὸ τῆς τοῦ Σὴθ γενεᾶς κατὰ πρόσταξιν τοῦ Ἀδάμ.	
15. Каинь ꙗко же гл҃еть Мѡѷси, храминѣ паⷣшися нань, скѡн'чася.	οὗτος, φησὶν, ὁ Κάϊν, ὡς ἡ λεπτὴ Μωσέως Γένεσις, τῆς οἰκίας πεσούσης ἐπ' αὐτὸν τελευτᾷ. Λίθοις γὰρ τὸν ἀδελφὸν Ἄβελ ἀπέκτεινε, καὶ λίθοις ὁμοίως καὶ αὐτὸς ἀπεκτάνθη.	246, 30. Κάϊν, ὡς λέγει Μωϋσῆς, τῆς οἰκίας πεσούσης ἐπ' αὐτὸν ἐτελεύτησεν.

1) Надстрочные знаки здѣсь и ниже мы опускаемъ.

Paris. 1712 f.

21 v. ὅτι ὁ Κάϊν πρῶτος ἐν ἀνθρώποις φονεὺς ἐγένετο, δεύτερος δὲ ὁ Λάμεχ, δύο γυναῖκας λαβών, καὶ δύο φόνους ἐτέλεσεν. οὓς δὲ ἀνεῖλεν, ἄνδρα καὶ νεανίσκον, ἀδελφοὶ ἦσαν τοῦ Ἐνώχ. ὃς καὶ πίστει προσευξάμενος μὴ ἰδεῖν ἔτι τοιοῦτον θάνατον, ἀκουσθεὶς μετετέθη. καὶ ὁ μὲν Κάϊν τόπον φέρει τοῦ διαβόλου, ὡς ἐφευρετὴς τοῦ κακοῦ, ἀλλὰ καὶ ὡς ἀμετάβλητος ἐν ἀρχῇ τῆς κοσμογενείας φανείς. ὁ δὲ Λάμεχ τύπον φέρει τοῦ Ἰουδαϊκοῦ κυριοκτόνου λαοῦ κατὰ τὸν ἕκτον αἰῶνα μεσοῦντα σταυρώσαντος τὸν σωτῆρα, οὗ καὶ πολλαπλάσιος ἡ ἁμαρτία καὶ ἡ ἐκδίκησις

ὅτι Ἄβελ δικαιοσύνης ἐφροντίζε. διὸ καὶ τὸ σῶμα αὐτοῦ φασιν ἀφανὲς γεγονέναι τοῖς μετέπειτα δικαίοις ἀγαθὰς ἐλπίδας ὑποφαῖνον.

Въ библіотекѣ св. Марка въ Венеціи существуетъ рукопись хроники Симеона магистра отмѣченная еще Монфокономъ[1]), но до сихъ

1) Montfaucon, Bibliotheca bibliothecarum manuscriptorum I, pag. 483. Codex bombycinus 15 saec. Simeonis magistri historiae ab Adamo usque ad imperium Micha

поръ надлежащимъ образомъ не обслѣдованная; о ней упоминаетъ Муральтъ во Введеніи къ изданію Георгія Амартола (Prolegom. XXV) и Гиршъ въ сочиненіи о византійской исторіографіи IX и X вѣковъ. Послѣдній неправильно предполагалъ, что содержащаяся здѣсь хроника должна быть тождественною или очень сходною съ извѣстною изданною Комбефисомъ и всѣмъ теперь доступною въ главной въ своей части (въ изданіяхъ Парижскомъ и Боннскомъ) хроникою Симеона магистра или же Метафраста. Она обращала наше личное вниманіе уже тѣмъ, что, какъ оказывалось изъ краткихъ описаній, она по объему захватываемаго разсказомъ времени почти совпадала съ нашею рукописною среднеболгарскою хроникою Логоѳета, то есть, простиралась до правленія Михаила Дуки, соправителемъ коего былъ Романъ Діогенъ. Впослѣдствіи концы оказались несходными, но это пока не важно. По нашей просьбѣ профессоръ В. К. Ернштедтъ во время своего пребыванія въ Италіи (это было еще въ 1883 году) произвелъ тщательное обозрѣніе рукописи, прислалъ намъ ея подробное описаніе, съ прибавкою желанныхъ нами сличеній и наконецъ сообщилъ намъ нѣсколько отрывковъ текста. Къ сожалѣнію, съ большою наглядностію выяснилось, что редакція лѣтописи магистра Симеона, каково бы ни было ея происхожденіе и первоначальная принадлежность, въ Венеціанскомъ кодексѣ № 608 является въ неисправномъ видѣ. Не говоря о томъ, что самый списокъ принадлежитъ позднему времени (XV в.) и не отличается внѣшними достоинствами, включая сюда и грамотность, компиляторъ и редакторъ этого извода, если не самый переписчикъ даннаго экземпляра, поступалъ во многомъ очень произвольно, въ иныхъ мѣстахъ текстъ *Симеона* (магистра и) Логоѳета замѣняя другимъ, въ иныхъ мѣстахъ сокращалъ его до безсмыслія или же до такой темноты, какой нельзя предположить въ первоначальномъ изложеніи автора хроники. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо сдѣлана оговорка, что здѣсь вносится вставка изъ другаго автора — именно изъ Георгія (Амартола), но ничто намъ не ручается, что гдѣ нибудь это не было сдѣлано и безъ предувѣдомленія.

Тѣмъ не менѣе изъ сличенія В. К. Ернштедта получился результатъ, какого мы и ожидали. Венеціанскій кодексъ содержитъ греческій текстъ, соотвѣтствующій славянскому Логоѳету Императорской

Ducae, filii Constantini. *Zanetti.* Graeca d. Marci bibliotheca p. 314 № 608. Hirsch Byzantin. Stud. S. 304.

Публичной библіотеки. Есть, правда, отмѣны, но случайнаго и частнаго характера, есть отличія въ составѣ цѣлой компиляціи, но происхожденіе ихъ не составляетъ загадки.

Заглавіе въ Marcian. Zanetti 608, повторенное два раза на 1 r. и 2 v. (промежуточныя страницы остались пустыми):

Συμεὼν Μαγίστρου καὶ Λογοθέτου χρονικὸν ἐφεξῆς συλλεγὲν (рук. συλεγὲν) ἐκ διαφόρων χρονικῶν τε καὶ ἱστορικῶν ἀρχόμενον ἀπὸ Ἀδάμ.

Въ этомъ заглавіи сравнительно со славянскимъ опущено указаніе на «съписаніе мира отъ бытія», что составляетъ особенную статью, встрѣчающуюся отдѣльно въ другихъ мѣстахъ и отсутствующую въ венеціанскомъ Логоѳетѣ. Въ остальномъ греческое заглавіе сходно, хотя и не тождественно со славянскимъ. Авторъ здѣсь названъ магистромъ и логоѳетомъ, тогда какъ въ славянскомъ Симеонъ названъ метафрастомъ и логоѳетомъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что заглавіе въ греческомъ оба раза написано не рукою писца, который писалъ текстъ хроники, а другою, позднѣйшею. Это, впрочемъ, не имѣетъ большаго значенія

Въ началѣ отъ fol. 3 r., гдѣ читается оглавленіе (красными чернилами): Βίος τοῦ πατρὸς ἡμῶν Ἀδὰμ καὶ τῶν σὺν αὐτῷ, до *fol.* 9 r. идетъ очень краткое обозрѣніе ветхозавѣтной исторіи, имѣющее видъ простаго родословія. (Ср. *Muralt*, Georgii Hamart. chr. p. 914 et sq.). Затѣмъ на fol. 9 r. начинается обозрѣніе Римской исторіи заглавіемъ: Βασιλεία Ῥώμης. Здѣсь уже обнаруживается тожество текста со славянскимъ Логоѳетомъ.

Fol. 9 r. (9—10) ἐβασίλευσε Γάϊος Ἰούλιος· καῖσαρ ἐβασίλευσεν ἔτη τέσσαρα καὶ μῆνας ἑπτά. Καῖσαρ δὲ ἐπεκλήθη ὃ λέγεται ἀνατομή. Θανούσης τῆς μητρὸς αὐτοῦ ἐν τῷ ἐννάτῳ μηνὶ ταύτην ἀνατεμόντες ἐξήγαγον αὐτόν. Οὗτος (cod. οὕτως) καὶ δικτάτωρ (cod. δικτάωρ) ἐκλήθη, ὅ ἐστι μοναρχία. Δικτατωρία (cod. δικατορία) δὲ ἦν ἀρχὴ ἀνυπεύθυνος.

Л. 46 об. Цр҇тво Гаіа Кесара.

О цр҇твовав'шіих въ Римѣ: — Гайе Иоуліе кесарь цр҇твова мц҇а ,з҃. и четыри лѣта. Кесар же нарече҃ѧ еже гл҃етьсѧ изрѣзаніе, ꙗко оумерши мт҃ри его въ деватыи мц҇ъ сіѫ прорѣзавше изѧшѧ его. с҃ьи же и диктато҇ нарečень бысть. еже е҇ самовласте҇. дик'таторь же е҇ власть неповин'наа.

Fol. 23 r. Κάρου Καρίνου καὶ Νουμεριανοῦ. Κάρος Καρῖνος καὶ Νουμεριανὸς ἐβασίλευσαν ἔτη δύο. Οὗτος ὁ Κάρος τὴν Περσίδα καὶ Κτησυφῶντα

Fol. 63 об. Цр҇тво Кара и Карина и Нȣмеріань.

Карь и Каринь и Нȣмеріань цр҇твовашѧ лѣ҇ ,в҃. С҃ьи Карь Пер-

παρέλαβεν, τοῦτο ἤδη τέταρτον ἀναλωθέντα. ἐπὶ Τραϊανοῦ, ὑπὸ Βήρου καὶ Σευήρου καὶ Κάρου. Τελευτήσαντος δὲ Κάρου ὑπὸ λοιμικῆς (с. λημικῆς), καὶ Καρίνου τυφλωθέντος καὶ ὑπὸ Ἄπρου ἀνερεθέντος, ἐβασίλευσεν Νουμεριανός. Εἰς οὗ ἐμαρτύρησεν ὁ ἅγιος Γεώργιος καὶ Βαβύλας ἐν Ἀντιοχείᾳ. τοῦτον οὖν ἀνεῖλεν Διοκλητιανὸς δοὺξ τυγχάνων Μυσίας (рук. Λυσιάς).

Βασιλεία Διοκλητιανοῦ.

Διοκλητιανὸς ἐβασίλευσεν ἔτη εἴκοσι, τῷ γένει Δάλματος. προσλαμβάνεται δὲ εἰς τὴν αὐτοῦ βασιλείαν Μαξιμιανὸν Ἑρκούλιον. ὑφ' ὧν μέγας διωγμὸς κατὰ χριστιανῶν ἐκινήθη...

сидѫ и Ктисифѡньтѹ҃ прѣать. сѐ же бысть четврътое прѣатіе еѫ. пръвое ѿ траїана. таже ѿ вира. и потѿ ѿ Севира. а пото҃ ѿ Кара. скончавшѹже сѧ Карѹ огницеѫ. а Каринѹ ѡслъп́шѹ оубі его Апро. и црт҃вова Нѹмеріань. При сем же мѫчень бы҃ ст҃ыи Гер́мань(sic). и ст҃ыи Вавѵла въ Антиѡхіи. сего же оуби Діѡклитіань. дѹѯь сыи тогда Мисійскыи.

Црт҃вѡ Діѡклитіанѡво.

Діѡклитіань црт҃вава к҃ лѣ҃ родо҃ сыи Далматѣнинь (не мѡгыи же самь въсѧ вла҃ дръжати) поставлѣеть цр҃ѣ Маѯиміана Еркѹліа (затѣ и гостѣ емѹ сѫща). ѿ нею же велико гоненіе на хрт҃іаны подвижесѧ. — Въ *греческомъ* текстѣ нѣсколько сокращеннѣе.

Fol. 84 r. Ὁ δὲ Θεοδόσιος λόγον (рук. λόγῳ) ἀπαθείας παρ' αὐτοῦ (рук. παυρ' αὐτοῦ) λαβών, παρεχώρησεν αὐτῷ τῆς βασιλείας, κληρικὸς σὺν τῷ υἱῷ γενόμενος. [Ἐν Ἐφέσῳ γὰρ ὁ υἱὸς αὐτοῦ τοῦ Θεοδοσίου γέγονεν ἐπίσκοπος καὶ χαρτοφύλαξ τῆς αὐτοῦ ἐπισκοπῆς ὁ αὐτοῦ πατὴρ Θεοδόσιος].

Fol. 131 об. Θеѡ҃сіе же слѡво бе҃стрт҃іа ѿ него пріемь, остави емѹ црт҃во. и бы҃ клирикь съ сп҃омь свои҃. — Въ *славянскомъ* нѣтъ прибавочной замѣтки.

Далѣе слѣдуетъ царствованіе Льва Исавра, оканчивающееся словами: τὴν ψυχὴν ἀπορρήξας: *Fol. 90 r.*, что соотвѣтствуетъ славянскому на листѣ 137 (дш҃ѫ изврътъ). Затѣмъ съ пропускомъ небольшой прибавки, читающейся въ славянскомъ Логоѳетѣ (о мѣстѣ погребенія) слѣдуетъ царствованіе Константина Копронима:

Βασιλεία Κωνσταντίνου τοῦ Κοπρωνύμου υἱοῦ Λέοντος.

Κωνσταντῖνος ὁ υἱὸς Λέοντος τοῦ Ἰσαύρου ὁ κοπρώνυμος ἐβασίλευσεν

Логоѳетъ л. 137 об..

Кѡстандинь Гноеименитыи пр҃твова, лѣ҃ л҃д. ѿ лютаго Льва ꙗвлъсѧ прѣпъстръ пардо҃. ѿ сѣ-

ἔτη τριάκοντα τέσσαρα ἐκ δεινοτάτου (cod. ἐκδεινότατος) λέοντος ποικιλότατος παρδάλεος (leg. πάρδαλις), ἐκ σπέρματος ὄφεως ἀσπὶς δεινὴ καὶ ὄφις πετόμενος, ἐκ Δὰν ἀντίχριστος. Οὗτος τὴν πατρῴαν βασιλείαν καὶ δυσσεβείαν διαδεξάμενος. . . . . .

мене зъмінна аспида и зъмеа летащь. съи бо ѡчее црт҃во и зловѣріе прѣемь. . . .

τῶν γυναικῶν διενήνοχεν. || ὦ τῆς βλασφημίας· φεῖσαι ἡμῶν. κύριε...

ничиже прочіи[x] жень ѿстоить. ѡле хꙋлы его пощади на Гн҃.

Φεῦ τῆς τολμηρᾶς δυσφημίας τοῦ σαρακηνοπίστου καὶ ἰουδαιόφρονος· οὐ γὰρ ἦν χριστιανός· μὴ γένοιτο, ἀλλὰ παυλικιανὸς и. т. д.

Но этого уже нѣтъ въ славянскомъ Логоѳетѣ, вся длинная обличительная тирада заимствована изъ *Амартола*, какъ и отмѣчено въ греческомъ указаніемъ, что это взято «изъ другой исторіи».

παῖδας κατέσφαγε καὶ μάρτυρας τὸ πρὸς θυσίαν σφαγέντος Σουφλαμίου παιδαρίου· ὅπερ ὁ δαιμονιόδης ἐνπαραβύτερον (sic) θύσας. ἔκδηλον ὁ Θεὸς τοῖς πολλοῖς τοῦτο πεποίηκεν. ἐξ ἑτέρας ἱστορίας (написано красными чернилами въ концѣ строки).

Ср. Mur. pag. 644. π. κ. κ. μαρτυρεῖ τὸ π. θ. σφαγισθὲν τοῦ Σ. παιδάριον... ἐν παραβύστῳ.

Ἐξελθόντος δὲ τοῦ Κωνσταντίνου κατὰ τῶν Ἀράβων, γινώσκων τὴν πονηρίαν αὐτοῦ Ἀρτάβα(σ)δος καὶ ὁ γαμβρὸς αὐτοῦ, τὸν μὲν πατρίκιον Βυσιρὸν (= Βισὴρ L. Gr.) τὸν σαρακηνόφρονα προαπαντήσαντες ῥομφαίᾳ ἀνεῖλον. Ὁ δὲ βασιλεὺς Κωνσταντῖνος παρίππην εὑρὼν φεύγει ἐπὶ τὸ Ἀμόριον (cod. ἀμώριον) καὶ διασώζεται ἐν θέματι τῶν Ἀνατολικῶν. ἐντεῦθεν μάχαι δεινόταται γίνονται τοῖς ὑπηκόοις, ἑκατέρων βασιλέα ἀ(να)γορευομένων. Ἀρτάβα(σ)δος δὲ γράφει (cod. γράφη) πρὸς Θεοφάνην τὸν πατρίκιον, ἐκ προσώπου τῶν (cod. τὸν) ἐν τῇ πόλει, καὶ

Л. 138. Изшешу же оубо Костандиноу въ страны опсикіискыа на Аравлѣны. Артаваздꙋ сѫщꙋ съ ни҃ назираастаса дрꙋгь дрꙋга. и брани бывши межꙋ има. и Висиртꙋ съвѣтникꙋ Костандиноу оубіенꙋ бывшꙋ Артаваздомь, оубоавса Костандинь, побѣже въ Аморіе. Артаваздꙋ же Ѳеофанꙋ магистрꙋ гостеви емꙋ сѫщꙋ. и тогда владѣщѫ въ Црѣградѣ въсписа прѣѫти его. и приать бывь наречень бы҃ ѿ чиновь црь. Въшешꙋ же емꙋ въ гра҃. въси людіе съ лъжоименитыи патріархомь Анастасіемь проклашѫ Костан'ди-

1) Theodos. p. 325: καὶ τοτὲ ἐκ προσώπου ὄντα. LG ἐκπροσωποῦντα.

τούτου εἰσελθόντος μετὰ ὀψικίου ἐν τῇ πόλει (cod. πόλι) καταλαμβάνει καὶ Κωνσταντῖνος ἐν Χρυσοπόλ(ε)ι— (μετὰ?) τῶν Θρακησίων καὶ Ἀνατολικῶν καὶ μηδὲν ἰσχύσας ὑπέστρεψεν καὶ περεχείμασεν ἐν Ἀμορίῳ.

на. Артавазда же ꙗко правовѣрна сѫща цр҃ѣ проповѣдашѧ. Пришѐ же Костандинь въ Хрисопо҇ и ничьсо же оуспѣвь въгратисѧ пакы въ Аморіе.

Славянскій текстъ здѣсь болѣе сходенъ съ Львомъ Грамматикомъ и Өеодосіемъ Мелитинскимъ (pag. 125), чѣмъ съ Венеціанскимъ Логоөетомъ.

Fol. 137. Βασιλεία Λέοντος τοῦ Ἀρμενοῦ. При этомъ на полѣ сдѣлана замѣтка: inc (ipit) Georg (ius). И дѣйствительно, начиная отсюда до начала царствованія Михаила, сына Өеофила, идетъ текстъ, заимствованный изъ первоначальной редакціи Амартола. Чѣмъ вызвана такая замѣна, трудно объяснить. Для образца приводимъ конецъ этого отдѣла.

Конецъ царствованія Өеофила (= Leo Gr. p. 228. Theodos. Melit. p. 158 и 159).

Fol. 163 ч. Ἔπεισαν οὗτοι τοὺς Πέρσας, ὡς μετὰ τοῦ βασιλέως ἐστὶν ἐν τῷ παλατίῳ, τὸ δὲ σῶμα αὐτοῦ διὰ τοῦ Βουκολέοντος ἐξαγαγόντες λαθραίως, διέσωσαν πλησίον τοῦ Ναρσοῦ, ἐν τῇ λεγομένῃ μονῇ τῆς Θεοφοβίας, ὡς ἀπὸ Θεοφόβου τοῦ Πέρσου, καὶ τοῦτο ἐκεῖσε, κατέθηκαν. Τοῦ δὲ βασιλέως δυσεντερίας νόσῳ τὴν ψυχὴν κακῶς ἀπορρήξαντος (cod. — ξάντα), ἀπεκομίσθη τὸ δύστηνον αὐτοῦ σῶμα εἰς τοὺς ἁγίους ἀποστόλους καὶ ἐτέθη ἐν λάρνακι πρασίνῳ.

Логоө. л. 173.

Оувѣщаста же сіа Персы ꙗко съ цр҃емь ѐ въ полатѣ. Цр҃еви же чрѣвнаѫ болѣзніѫ дш҃ѫ своѫ злѣ изврьгшꙋ. принесено бы҃ окаанное его тѣло въ ст҃ыѫ ап҃лы. Өеѡфово же тѣло из Вꙋкоулеонта изнесше, отаи ѿнесошѧ близь Нар'сы. въ нинѣ зовомыи монастырь Өеофовіа. ꙗко ѿ Өеофова Персѣнина имѧ пріемшꙋ, и тꙋ е положишѧ.

Βασιλεία Μιχαὴλ υἱοῦ Θεοφίλου σὺν τῇ μητρὶ αὐτοῦ Θεοδώρᾳ.

Μετὰ δὲ Θεόφιλον ἐβασίλευσε Μιχαὴλ ὁ υἱὸς αὐτοῦ σὺν τῇ μητρὶ

Цр҇тво Михаила сн҃а Өеофилова.

Михаиль цр҇твова съ мт҃ріѫ своеѫ Өеѡдроѫ, лѣть єі҃. самже

[illegible]

Списки [illegible] Амартола.

Содержаніе [illegible]

Fol. [illegible]

» [illegible]

» [illegible]

» [illegible]

» [illegible]

» [illegible]

» [illegible]

» [illegible]

» [illegible]

» [illegible]

» 184 » [illegible]

» 187 » [illegible]

» 188 » [illegible]

» 191 » [illegible]

» 194 » [illegible]

В. К. Ернштедтъ, [illegible] для насъ сличеніе, замѣтилъ, что этотъ отдѣлъ — конецъ царствованія Михаила и начало единодержавія Василія, тождественъ съ Львомъ Грамматикомъ; а равнымъ образомъ съ нимъ тождественны продолженіе правленія Василія, царство-

ваніе Льва, Александра и начало правленія Константина Багрянороднаго. Но и славянскій Логоѳетъ въ этихъ отдѣлахъ, равно какъ и въ другихъ, тоже почти тождественъ со Львомъ Грамматикомъ. Итакъ, отсюда не слѣдуетъ пока никакого заключенія о различіи славянскаго Логоѳета отъ венеціанскаго греческаго, совершенно напротивъ—здѣсь снова возстановляется ихъ тождество. И вотъ что важно: это тождество между славянскимъ текстомъ и венеціанскимъ кодексомъ сохраняется далѣе и тамъ, гдѣ есть нѣкоторыя отмѣны въ венеціанскомъ Логоѳетѣ противъ Льва Грамматика, заключающіяся въ большихъ подробностяхъ изложенія.

Впрочемъ, эти подробности въ свою очередь отыщутся въ родственномъ текстѣ Ѳеодосія Мелитинскаго.

Leo Gramm. p. 306,6.	Codex Marcian.	Слав. Логоѳ. л. 233 об.
(о Болгарахъ) Καὶ τὸ Στενὸν ἅπαν κατέκαυσαν. Εἰκάδι δὲ Φεβρουαρίου μηνός.	Καὶ τὸ Στενὸν ἅπαν κατέκαυσαν· οὕτως ἄρα δεινὸν ἀβουλία καὶ ἀπειρία θρασύτητα σύμμαχον ἔχουσα. εἰκοστῇ δὲ τοῦ Φευρουαρίου μηνός (Cp. Theodos. Melit. pag. 217).	И оустіе попалишѫ въсе. сице бо злѡ несъвѣтованіе и неискѹшеніе, сверѣпство побѡрника имѧще. Въ к҃. же феврѹарѣ мц҃а..
Здѣсь же — строки 13 — 15 (о куропалатѣ Грузинскомъ). Καὶ τὸ κάλλος αὐτῆς (τῆς ἁγίας Σοφίας) καὶ τὸ μέγεθος θεασάμενος καὶ τὸν πολυτελῆ κόσμον ὑπερθαυμάσας, αὖθις ὑπέστρεψεν εἰς τὰ ἴδια.	Καὶ τὸ κάλ(λ)ος αὐτῆς καὶ τὸ μέγεθος θαυμάσας καὶ τὸν πολυτελῆ κόσμον· καλλωπίσαντες ταύτην καὶ περιστείλαντες πέπλοις χρυσοϋφέσι καὶ κόσμῳ παντοίῳ, καὶ οὕτως εἰσήγαγον ἐν αὐτῷ· ὁ δὲ τὸ θαυμαστὸν καὶ ὑπερμεγεθὲς τοῦ ναοῦ ἔργον καταπλαγεὶς καὶ τὸν πολυτελῆ κόσμον (πολλείας ἔργῳ) ὑπερθαυμάσας καὶ ἀληθῶς κατοικίαν εἶναι τὸν ἱερὸν τοῦτον χῶρον εἰπὼν	Добротѫ еѫ и величьство видѣти, и многоцѣннѫѧ оутварь. оукрасивше бо тѫ и оувѣсивше завѣсы златотканными и красотоѫ въсѣкоѫ, тако въведошѫ въ нѧ. Онже чюⷣномоу и великомоу цр҃ков'номоу дѣлоу ѹдивлъсѧ. и мнѡгоцѣнной оутвари почюдивсѧ. и въистинѫ бж҃іе жилище сщ҃енное село се есⷮ рекь, пакы възвратисѧ въ своаси.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Codex = [illegible]

[illegible]

F. 244 r. = [illegible]

[illegible] ...

Л. 233

[illegible]

Въ [illegible] Логоѳета [illegible] Грамматикомъ [illegible]

Л. 233 [illegible]

Два другихъ экземпляра хроники Симеона магистра и логоѳета опять-таки отличныхъ отъ печатнаго Симеона магистра, находятся въ Вѣнской императорской библіотекѣ и описаны — хотя не съ такою подробностью, какая намъ была бы желательна, Колларомъ въ его дополненіи къ комментаріямъ о той-же библіотекѣ П. Ламбека[1].

Coll. Supplem. CXXVI pag. 734 Fol. 40 p. 2. et. Fol. 41

---

1 Adami Franc. Kollari ad Petri Lambecii Commentariorum de Augusta Bibliotheca Caes. Vindobonensi libr. VIII. Supplementorum Liber primus posthumus; Vindobonae 1790. Цитуется обыкновенно по первому болѣе краткому заглавію: Kollar. Suppl.

Συμεῶνος μαγίστρου καὶ λογοθέτου χρονικὸν ἐφεξῆς συλλεγὲν ἐκ διαφόρων χρονικῶν καὶ ἱστοριῶν. ἀρχὴ μὲν ἀπὸ Ἀδάμ.

Начало: Ἀδὰμ γενόμενος ἐτῶν σλ' γεννᾷ τὸν Σήθ.

Конца лѣтописи въ кодексѣ не достаетъ (est fine mutilus), но она достигаетъ (Fol. 103) 896 года и послѣднія слова его суть слѣдующія, сопоставляемыя нами съ текстомъ славянскаго Логоѳета (л. 209).

ἤγαγε δὲ ὁ βασιλεὺς κόρην ἐκ τοῦ θέματος τοῦ ὀψικίου ὡραιοτάτην πάνυ ὀνόματι εὐδοκίαν· στέψας καὶ ἀναγορεύσας καὶ γεῖμας αὐτὴν ἐξ ἧς ἐπαιδοποίησεν ἄῤῥεν παῖδα.	Приведе же цр҃ъ отрокѡвицѫ ѿ страны опсикiискыѧ прѣкраснѫ ѕѣло, именемь Евдокiѫ. и степса и цр҃цѫ нарече и пож҃ ѧ. из неѫ же роди сн҃а.

Далѣе Fol. 104 слѣдуетъ другая компилятивная хроника, начальная часть которой была издана въ печати подъ именемъ хроники Полидевка (Поллукса).

Kollar. Supplem. CXXVII (pag. 737) Fol. 16.

Заглавіе: Εἰς τὴν κοσμοποιΐαν ἐκ τῆς γενέσεως καὶ χρονικὸν ἐφεξῆς συλλεγὲν παρὰ Συμεῶνος μαγίστρου καὶ λογοθέτου ἐκ διαφόρων χρονικῶν καὶ ἱστοριῶν.

Начало: Θεὸς ὁ ἄχρονος τὸν δὲ τὸν κόσμον πρότερον μὴ ὑφεστῶτα ἐν χρόνῳ παράγων ἐποίησεν ἐν ἀρχῇ οὐρανὸν καὶ γῆν et cet.	Бг҃ъ безлѣтныи съмирь не сꙋщи прѣжде въ лѣто привед сътвори, въ начало нбоу и земли.

Колларъ замѣчаетъ, что 1) это есть та самая хроника, которой дальнѣйшая часть, начинающаяся со Льва Армянина, была обнародована въ Парижской коллекціи въ 1665 году (Комбефисомъ) и что 2) это есть другой экземпляръ той же самой хроники, которую онъ описалъ подъ № CXXVI; только здѣсь она начинается выше, да за то и оканчивается гораздо раньше, именно на исторіи Дарія Истаспа такими словами: πλούτου δὲ καὶ λαφύρων ἀπείρων ἐπλήρωσε. Если онъ правъ во второмъ пунктѣ, то несомнѣнно ошибается въ первомъ. Вышеприведенное мѣсто о третьемъ бракѣ царя Льва Философа читается въ печатномъ Симеонѣ магистрѣ слѣдующимъ образомъ:

τῷ ια ἔτει αὐτοῦ ἠγάγετο ὁ βασιλεὺς τρίτην ἑαυτοῦ γυναῖκα τὴν ἀπὸ τοῦ Ὀψικίου Εὐδοκίαν, στέψας αὐτὴν καὶ ἀναγορεύσας· ἥτις ἐξ αὐτοῦ γεννήσασα παῖδα ἐτελεύτησεν. ἀπέθανε δὲ καὶ γεννηθὲν παιδίον. Здѣсь обнаруживается довольно осязательная разница двухъ текстовъ. А выше мы указали уже на несогласіе выписокъ, сдѣланныхъ Гель-

церомъ изъ кодекса 1712, по которому издана Комбефисомъ хроника Симеона магистра, съ текстомъ славянскаго Логоѳета. По первому пункту: въ пользу тождественности по основному содержанію обоихъ вѣнскихъ списковъ Логоѳета свидѣтельствуетъ и то обстоятельство, что начало одного и конецъ другаго одинаково повторяются въ славянскомъ текстѣ хроники Логоѳета. Сверхъ того мы можемъ прибавить и слѣдующее. Тотъ же самый Гельцеръ въ своемъ капитальномъ сочиненіи о первоначальной византійской хронографіи обратилъ вниманіе и на Вѣнскій кодексъ № XCI. Koll. Supplem. CXXVII, и отмѣтивъ нѣкоторыя неточности въ описаніи Коллара (S. 57 Anmerk. 5), не имѣющія для насъ теперь особаго значенія, выставилъ на видъ самымъ нагляднымъ образомъ тождество содержащагося здѣсь текста не съ Парижскимъ 1712, а съ печатнымъ текстомъ Льва Грамматика (см. выписки на стр. 60—63—67 и примѣч. на стр. 74). Но тождество со Львомъ Грамматикомъ, какъ мы это видѣли выше и по причинамъ, которыя будутъ объяснены ниже, почти ручается и за буквальное сходство съ славянскимъ Логоѳетомъ. Приведемъ примѣръ, гдѣ текстъ взятъ Гельцеромъ прямо изъ Вѣнской рукописи.

Symeon. Logoth. S. 23 verso. (Gelzer I S. 60).	Слав. Логоѳ. Лист. 15.
Ὁ δὲ Ἀδὰμ . . . . θνήσκει κατ' αὐτὴν τῆς παραβάσεως ἡμέραν. χιλιονταετίας γὰρ τῆς τοῦ θεοῦ ἡμέρας ἐχούσης τὸ διάστημα, ἐννακόσια τριάκοντα μόνον ζήσας τελευτᾷ. τοῦτον λέγεται πρῶτον εἰς τὴν γῆν, ἐξ ἧς ἐλήφθη ταφῆναι καὶ μνῆμα αὐτῷ κατὰ τὴν Ἱεροσολύμων γεγονέναι γῆν Ἑβραϊκή τις ἱστορεῖ παράδοσις и т. д.	Адам же.... скон'часѧ, оумерь въ самыи прѣстѫпленіа днь. тысѫща бо лѣ҃ бжіа дне имѫщи ѿстоаніе, дева҃ съ҃ тьчіѫ и триде са҃ лѣ҃ поживь, скончасѧ. сего глять пръва въ землѧ ѿ неѧ же възѧть бы҃ погребена быти. и гробь его въ Іерлимьстѣи быти земли, евреиское нѣкое повѣдѹє писаніе.

Здѣсь же слѣдуетъ прибавить одно замѣчаніе относительно все того же знаменитаго Парижскаго кодекса № 1712, содержащаго цѣлый рядъ историческихъ произведеній—кромѣ хроники, признанной за Метафрастову, еще Льва Діакона и Михаила Пселла. Вслѣдствіе неясностей и неточностей описанія этого кодекса въ каталогѣ греческихъ рукописей Королевской библіотеки, составленномъ въ прошломъ столѣтіи *Буавеномъ* (и перепечатанномъ недавно *Омономъ*), въ

немъ, то-есть въ сборникѣ 1712, сверхъ всего прочаго предполагали присутствіе наряду съ изданною Комбефисомъ еще и другой хроники или иной редакціи тойже самой хроники съ именемъ того же магистра и логоѳета Симеона.

Такое представленіе составилъ себѣ Ф. Гиршъ, пока сказавшій послѣднее слово о хроникѣ Метафраста; онъ много смущался мнимою небрежностью Комбефиса, который, предполагается, оставилъ безъ вниманія столь важное обстоятельство—существованіе другаго текста того же произведенія въ бывшемъ у него подъ руками сборникѣ. Вопросъ о точномъ составѣ кодекса 1712 и насъ интересовалъ, и уже давно, именно въ 1883 году, мы успѣли разрѣшить его для себя довольно удовлетворительнымъ образомъ — при помощи одного изъ нашихъ младшихъ ученыхъ друзей *Н. М. Бубнова*, который доставилъ намъ точное описаніе кодекса — въ письмѣ, помѣщаемомъ въ извлеченіи въ концѣ нашей статьи въ видѣ приложенія. Позднѣе появилась вторая часть обширнаго изслѣдованія *Гельцера* объ Африканѣ и византійской хронографіи (Leipzig, 1885), гдѣ сдѣланы подобныя же, хотя болѣе краткія сообщенія о мнимыхъ двухъ полныхъ редакціяхъ хроники Симеона въ Парижскомъ сборникѣ (II p. S. 280). Дѣло сводилось къ слѣдующему: въ кодексѣ № 1712, въ началѣ его, дѣйствительно есть статья, принадлежащая къ древнему и первоначальному его составу и носящая слѣдующее заглавіе:

Συμεὼν μαγίστρου καὶ λογοθέτου εἰς τὴν κοσμοποιίαν ἐκ τῆς γεννέσεως(sic) καὶ χρονικῶν(sic) ἐφεξῆς συλλέγειν(sic) ἐκ διαφόρων χρονικῶν τε καὶ ἱστορικῶν. Вверху надъ заглавіемъ красными буквами позднѣйшаго почерка написано: αὐτός ἐστιν ὁ μεταφράστης. «Это и есть Метафрастъ».

Но эта статья занимаетъ всего семь листовъ и затѣмъ вдругъ обрывается; слѣдуетъ небольшая статья о построеніи храма св. Софіи, тоже принадлежащая къ первоначальному составу сборника, и уже за нею (№ 7) хроника, занимающая 254 листа, начинающаяся двустишіемъ:

Ἀρχὴν μὲν Ἀδὰμ ἔσχεν βίβλος καὶ τέλος
Τὸ πορφυρογέννητον εὐσεβὲς κράτος.

(Начало книги — Адамъ, а конецъ благочестивая держава Багрянороднаго).

Итакъ, хотя въ кодексѣ 1712 и нѣтъ двухъ полныхъ редакцій хроники Симеона магистра и логоѳета, но дѣйствительно находится начало одной и полный текстъ другой. При этомъ открывается слѣ-

дующее весьма важное обстоятельство. *Метафрасту* въ надписанномъ позднѣе заглавіи приписанъ именно тотъ самый текстъ, которымъ начинается и славянская хроника Симеона. Отсюда можно заключить, что надписаніе Петербургской рукописи, происходящей изъ Сочавы: «*сіа книга именем(ъ) Метафрасть*», не есть случайное и произвольное, а, вѣроятно, стояло въ томъ греческомъ оригиналѣ, съ котораго былъ нѣкогда (въ XIV стол.?) сдѣланъ болгарскій переводъ. Напротивъ, та хроника, которой до сихъ поръ приписывалось имя Метафраста, какъ автора, является на самомъ дѣлѣ *анонимною*. Тутъ выступаетъ на видъ обстоятельство, способное повести къ совершенному измѣненію всей постановки вопроса о Симеонѣ Метафрастѣ, какъ авторѣ хроники, потому что если одна не могла быть написана ранѣе конца X вѣка (анонимная), то другая (Логоѳета) кончается гораздо ранѣе, именно 948 годомъ, и если авторомъ одной не могъ быть первоначальный списатель житія св. Ѳеоктисты, сообщающій біографическія о себѣ данныя, относящіяся къ 904—910 годамъ, когда онъ былъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, то другую этотъ же списатель могъ составить, и не достигши возраста, близкаго къ столѣтнему. Однако, прежде чѣмъ строить на такомъ основаніи какіе-либо дальнѣйшіе выводы, слѣдуетъ отмѣтить то явленіе, что въ венеціанскомъ Логоѳетѣ, а равно и въ одномъ изъ Вѣнскихъ, какъ мы видѣли выше, начала, соотвѣтствующаго отрывку Парижскаго и началу Славянскаго, *нѣтъ*, оно почему-то опущено. Позволительна догадка, не составляла ли статья о *міротвореніи*, образующая это вступленіе, первоначально отдѣльную и самостоятельную статью. Въ такомъ видѣ и въ качествѣ нѣкотораго приложенія она встрѣчается въ греческихъ и славянскихъ спискахъ хроники Георгія Амартола.

См. ed. Muralt pag. 902—914.

Εἰς κοσμοποιΐαν Συμεὼν Λογοθέτου ἐκ διαφόρων χρονικῶν καὶ ἱστοριῶν. Ἀρχ.: Θεὸς ἄχρονος.

Сербская редакція Амартола въ автографическомъ изданіи Общества древней письменности (послѣ логоѳетовскаго продолженія), листъ 428 на оборотѣ — до 431 об. «Ѡ мирьсцѣмь сьтворени Сумеѡна магистра и логоѳета ѿ различныхъ лѣтовникъ и списателей». *Нач*. «Бгъ безлѣтныи». Зато въ другихъ византійскихъ хроникахъ, съ различными именами составителей, но съ составомъ родственнымъ нашему славянскому Логоѳету, какъ и въ этомъ послѣднемъ, статья *О міротвореніи*, стоя въ началѣ, тѣсно сливается съ остальнымъ текстомъ.

Такъ у *Өеодосія Мелитинскаго* (Theodosii Meliteni Chronographia ed. Tafel) pag. I.

У такъ называемаго *Полидевка* Ἰουλίου Πολυδεύχους ἱστόρια φυσιxή ed. Bianconi Bon. 1776.

У *Льва Грамматика*—начала не сохранилось, вслѣдствіе утраты листовъ въ рукописи, иначе мы и здѣсь нашли бы тоже самое.

Касательно двустишія, которое стоитъ въ началѣ полной (анонимной) хроники въ Cod. Paris. 1712, нужно замѣтить, что, конечно, оно не соотвѣтствуетъ содержанію хроники, простирающейся гораздо далѣе Константина Багрянороднаго; именно сей послѣдній въ двустишіи долженъ подразумѣваться. Двустишіе, повидимому, стало не на свое мѣсто. Отъ Адама до единодержавія (χράτος) Константина Багрянороднаго простирается именно та хроника Логоѳета, которой обычное начало въ видѣ краткаго отрывка «на міротвореніе» помѣщено въ Cod. 1712 ранѣе.

Изъ всѣхъ сопоставленій, которыя до сихъ поръ нами были сдѣланы, могутъ быть выведены различныя заключенія, но для насъ пока важно только одно, служащее къ прочному установленію индивидуальности хроники Логоѳета. Славянская средне-болгарская рукопись не напрасно носитъ имя Симеона логоѳета, ибо и въ греческихъ рукописяхъ тоже самое произведеніе—хотя бы и въ нѣсколько иныхъ изводахъ—обозначается именемъ того же автора. Славянская редакція особенно драгоцѣнна тѣмъ, что она заключаетъ въ себѣ хронику Симеона въ цѣлости (не говоримъ пока о продолженіи), и притомъ въ переводѣ, который, по всѣмъ признакамъ, сдѣланъ съ подлинника, несравненно болѣе исправнаго и близкаго къ первообразу, чѣмъ венеціанскій поздній текстъ.

II.

Славянскій Логоѳетъ и хроника Георгія Амартола.

Итакъ, мы имѣемъ подъ рукою въ полномъ и осязаемомъ составѣ, хотя и въ славянскомъ переводѣ, до сихъ поръ неуловимую византійскую хронику Логоѳета, изъ которой было взято продолженіе Георгія Амартола и еще многое другое посредственно или непосредственно. Если результатъ предшествовавшихъ сопоставленій ну-

ждается въ повѣркѣ, то путь, которымъ эта повѣрка должна направиться, очевиденъ. Мы должны отыскать слѣды нашего Логоѳета, то есть греческій текстъ, соотвѣтствующій вполнѣ наличному болгарскому переводу, прежде всего въ тѣхъ распространенныхъ и продолженныхъ редакціяхъ хроники Георгія Амартола, важнѣйшимъ образцомъ которыхъ служитъ извѣстная компиляція, изданная подъ этимъ именемъ въ запискахъ С.-Петербургской Академіи наукъ Эд. Муральтомъ, въ свою очередь находящаяся въ болѣе или менѣе выясненномъ родствѣ съ хрониками Льва Грамматика и Ѳеодосія Мелитинскаго: намъ придется и двѣ послѣднія привлечь къ сравненію. Нужно надѣяться, что при этомъ, по дорогѣ, мы получимъ возможность точнѣе и проще, чѣмъ до сихъ поръ дѣлалось, рѣшить нѣкоторые существенные вопросы византійской исторіографіи, касающіеся происхожденія различныхъ редакцій хроники Георгія Амартола, а также отношенія къ ней произведеній Льва Грамматика и Ѳеодосія.

Припомнимъ, что переводный текстъ славянскаго логоѳета кончается помѣщенною при событіяхъ 948-ю замѣткою: «до зде Симеона Логоѳетѣ есть творенье, а ѡтзде другаго». Съ другой стороны, первоначальная и подлинная хроника монаха Георгія кончается 842 годомъ, возстановленіемъ иконопочитанія, и здѣсь—въ изданіи Муральта (pag. 721), согласно съ частію рукописей, стоитъ замѣтка: «до сихъ поръ хроника Георгія, а отсюда только Логоѳета». Ἕως ὧδε τὰ χρονικὰ Γεωργίου, ἀπὸ τῶν ὧδε μόνον Λογοθέτου.—Въ Парижскомъ Коаленевомъ спискѣ (№ 310), содержащемъ древнѣйшій текстъ хроники *безъ продолженія*, естественно нельзя искать указанія на продолжателя, тамъ просто замѣчено: «здѣсь конецъ хроники» (τέλος ἐνταῦθα τοῦ χρονικοῦ). Въ другихъ спискахъ встрѣчаются относительно приписки другія отмѣны, напримѣръ — пропускъ слова «только» (μόνον), тоже имѣющій, какъ увидимъ, свое значеніе. Затѣмъ при событіяхъ 948 года въ греческомъ текстѣ продолженнаго Амартола въ изданіи Муральта (pag. 951) мы находимъ слѣдующую отмѣтку: «слава Богу за все, аминь. *Конецъ и Логоѳету*. Δόξα τῷ θεῷ πάντων ἕνεκα. ἀμήν. Τετέλεσται καὶ τοῦ Λογοθέτου. Итакъ, все продолженіе Амартола отъ 842 по 948 годъ должно считаться прямо заимствованнымъ изъ хроники Логоѳета, которая и въ болгарскомъ переводѣ кончается тѣмъ же 948 годомъ и съ подобною же отмѣткою о достиженіи конца. Спрашивается, сходно ли это продолженіе съ переводнымъ текстомъ С.-Петербургской рукописи; и мы

можемъ отвѣчать, что за самыми мелкими стилистическими отмѣнами, легко объясняемыми произволомъ и небрежностью переписчиковъ, сходство будетъ полное и буквальное, что если гдѣ встрѣчаются въ греческомъ текстѣ Муральта добавленія или же пропуски, то они немногочисленны, да и не обширны. Однимъ словомъ, это — одинъ и тотъ же текстъ. Довольно будетъ немногихъ сопоставленій—изъ начала, средины и конца.

Слав. Логоѳ. листъ 174.

Въ прьвѫѭ нѣлѧ стых пость. посла же Ѳеоктиста Лѡгофетѣ на Крить. иже шедъ съ мнѡжьствомь мнѡгомъ. и ратиѫ великоѫ. ѕѣлѡ оубо оустраши Агарѣны. не мѡгѫщѫѧ воемь его съпротивитисѧ. вѧщьшими жеся и самь оустрашися и бѣга сѧ ѩть.

Hamartol. chr. ed. Muralt pag. 721.

Τῇ δὲ κυριακῇ τῶν ἁγίων νηστειῶν, μετὰ τὸ γενέσθαι τὴν ὀρθοδοξίαν, ἀπέστειλε Θεόκτιστον τὸν Λογοθέτην, ὃς ἀπελθὼν μετὰ πολλοῦ πλήθους καὶ στόλου μεγάλου, σφόδρα μὲν ἐπτόησε τοὺς Ἀγαρηνοὺς ἀδυνατοῦντας ἔτι πρὸς τὴν στρατιὰν αὐτοῦ ἀνταγωνίζεσθαι, σφοδρότερον δὲ καὶ αὐτὸς ἐπτοήθη καὶ τὴν φυγαδείαν ἠσπάσατο.

Листъ 215 об.

Зрѧ же Самона растѫща цревѫ любовь на немь. съвѣщаваетсѧ съ великый постелщакомъ Михаиломъ Цириѳономъ и творѧть писаніе на црѣ. съписавшѹ и съставлъшѹ е родиоу нотарю Самонинѹ. пришедъ же црь въ великѫѧ црквь обрѣте е на немже молѧшесѧ мѣстѣ въ митатори, и възѧ е.

Pag. 793.

Ὁρῶν δὲ Σαμωνᾶς αὐξανομένην τὴν ἀγάπην τοῦ βασιλέως ἐπ᾿ αὐτόν, βουλεύεται μετὰ μεγίστου κοιτωνίτου καὶ Μιχαὴλ Τζηρίθωνος· καὶ ποιοῦσι χάρτην πολυλοίδορον κατὰ τοῦ βασιλέως, γράψαντος καὶ συντάξαντος τοῦ Ῥοδίου νοταρίου ὄντος τοῦ Σαμωνᾶ. ἐλθὼν δὲ βασιλεὺς ἐν τῇ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ εὗρεν αὐτὸν ἐν ᾧ ηὔχετο τόπῳ εἰς τὸ μητατώριον καὶ ἦρεν αὐτόν.

Листъ 253.

И понеже Бъ мнѡѕѣми ѡбразы хощетъ спсти члка, ѡстави и црѣ Романа въ бѣдѫ ненадеждънѫ въпасти. ѩко да тоѫ оуцѣломѫдривсѧ, и своа съгрѣшеніа разѹ-

Muralt pag. 848.

Ἐπεὶ δὲ πολλοῖς τρόποις βούλεται ὁ θεὸς σώζειν τὸν ἄνθρωπον, συνεχώρησε καὶ τὸν βασιλέα Ῥωμανὸν ἀδοκήτῳ περιπεσεῖν συμφορᾷ, ἵνα δι᾿ αὐτῆς σωφρονισθεὶς καὶ τῶν

мѣвь, сп҃енію спо̑битсѧ. остави бо въстати нань сн҃а его Стефана. ꙗкоже иногда Авесалѡ̃ на Дв҃да ѡ҃ца своего.

οἰκείων ἐν συναισθήσει παραπτωμάτων γενόμενος, σωτηρίας ἀξιωθῇ. Συνεχώρησε γὰρ ἐπαναστῆναι αὐτῷ τὸν υἱὸν αὐτοῦ Στέφανον ὥσπερ ποτὲ Ἀβεσαλὼμ ἐπανέστη τῷ οἰκείῳ πατρὶ τῷ μεγάλῳ Δαυίδ.

Это относится уже къ послѣднимъ годамъ царствованія Романа Лакапина, смертію котораго одинаково кончаются соотвѣтствующіе отдѣлы въ славянскомъ логоѳетѣ и въ первомъ продолженіи (Муральтова) Амартола. Послѣднія слова передъ замѣткою объ окончаніи *твореньѧ логоѳета* въ греческомъ: Ῥωμανὸς βασιλεὺς ἐν τῇ πρώτῃ νήσῳ τελευτᾷ καὶ τὸ σῶμα αὐτοῦ ἐν τῇ πόλει διακομισθὲν ἐν τῇ αὐτοῦ ἀπετέθη μονῇ; а въ славянскомъ: ѿц҃ъ же ею (= Романъ) въ Протѣ островѣ оумрѣ҃ и тако коегожⷣо иˣ сѫдь постиже. Тутъ есть нѣкоторое различіе въ редакціи, и нужно замѣтить, что оно начинается нѣсколько выше, касаясь трехъ страницъ (849—851) въ изданіи Муральта. Въ славянскомъ есть нѣчто такое, чего нѣтъ въ греческомъ, и на оборотъ. Происхожденіе этой обоюдной разницы, однако, легко объяснить. Болгарскій текстъ уже находится подъ вліяніемъ того источника, который далъ матеріалъ для продолженія хроники Логоѳета отъ смерти Романа Лакапина (=единодержавія Константина) до Романа Діогена. Какъ будто составитель компиляціи, взявъ въ руки новое сочиненіе для продолженія прерваннаго повѣствованія, замѣтилъ, что онъ можетъ воспользоваться имъ и для дополненія заканчиваемой хроники Логоѳета. Какой это былъ источникъ, мы покажемъ ниже. Повидимому, нѣчто подобное произошло и въ греческомъ текстѣ продолженнаго Амартола. §§ 1 и 2 на стр. 848 и 849 (изданія Муральта), относящіяся уже къ правленію Константина Багрянороднаго и не имѣющія соотвѣтственнаго текста въ славянскомъ Логоѳетѣ, едва ли принадлежали первоначальному оригиналу и, повидимому, вставлены изъ другого источника составителемъ Московскаго синодальнаго текста.

Теперь обращаемся назадъ—къ первой половинѣ хроники Амартола, то есть, къ той ея части, которая собственно одна и должна бы носить это заглавіе и которая, начинаясь съ сотворенія міра или съ Адама, оканчивается 842 годомъ. Въ настоящее время—преимущественно трудами нѣмецкихъ византинистовъ, Ф. Гирша и де-Боора, достаточно разъяснено, что печатный текстъ Амартола въ изданіи

Муральта[1]), основанный на одной только позднѣйшей рукописи (Московской синодальной) вовсе не представляетъ первоначальной и подлинной редакціи монаха Георгія, что эта послѣдняя скорѣе заключается въ двухъ Коаленевыхъ спискахъ (Парижской національной Библіотеки) №№ 305 и 310 и родственныхъ имъ (Ватиканскомъ 153 и пр.), которые гораздо древнѣе, но Муральтомъ почти не были привлечены къ дѣлу. Полнаго сличенія до сихъ поръ не сдѣлано, однако, отдѣльныя частныя сопоставленія показали, что въ древнѣйшихъ спискахъ, содержащихъ, какъ Коаленевы, одного только собственнаго Георгія безъ продолженій, составъ текста нѣсколько иной, характеризующійся сравнительною скудостію фактическаго свѣтскаго содержанія при полнотѣ элементовъ церковно-обличительныхъ, что, слѣдовательно, въ позднѣйшихъ редакціяхъ, подобныхъ Синодальной, излишества должны быть объясняемы дальнѣйшими наслоеніями путемъ интерполяціи. Но откуда ведутъ свое происхожденіе замѣченные въ разныхъ мѣстахъ вставки, ихъ происхожденіе и принадлежность, это до сихъ поръ оставалось совершенно темнымъ, хотя на настоящій слѣдъ уже должна была наводить извѣстная намъ замѣтка (подъ 842 годомъ) Московской Синодальной рукописи, воспроизведенная въ изданіи Муральта. Если о продолженіи съ 842 по 948 годъ тамъ выражено, что оно составляетъ *исключительную* собственность Логоѳета, то по противоположности намъ внушается представленіе, что предыдущее изложеніе принадлежитъ Логоѳету уже не вполнѣ, а отчасти, принадлежитъ не только ему, не ему одному, но еще другому. Понятно, что наибольшая доля должна считаться достояніемъ того главнаго автора, котораго имя поставлено въ заглавіи и повторено въ послѣсловной припискѣ. Однимъ словомъ, замѣтку: «до сихъ поръ хроника Георгія, а отсюда — *только* Логоѳета» слѣдовало въ полномъ выраженіи толковать такъ: «до сихъ поръ простирается (сводная) хроника Георгія и *Логоѳета*, а отсюда начинается текстъ одного Логоѳета». Сотрудничество между двумя писателями, жившими на разстояніи болѣе столѣтія, совсѣмъ не мыслимо, слѣдовательно—возникало бы предположеніе о позднѣйшей обработкѣ древнѣйшаго автора при помощи позднѣйшаго. Препятствіе къ выясненію вопроса заключалось въ томъ, что въ точности не былъ извѣстенъ собственный цѣльный

1) Изданіе Парижское, перепечатанное съ нѣкоторыми улучшеніями въ Боннскомъ собраніи, въ счетъ не идетъ—уже потому, что почти вся первая половина въ немъ опущена.

составъ хроники Логоѳета, помимо той ея части, которая воспроизведена въ продолженіи къ Георгію. Догадка о томъ, что та хроника Логоѳета, которая доставила въ позднѣйшей компиляціи продолженіе къ Амартолу имѣла свое независимое начало, совпадавшее по задачѣ и содержанію съ собственною хроникою Георгія Амартола, то есть равнымъ образомъ заключала обозрѣніе событій отъ сотворенія міра до возстановленія иконопочитанія (и потомъ далѣе), только вскользь была высказана — кажется, однимъ Гиршемъ — на основаніи случайнаго единичнаго наблюденія, при томъ ошибочно истолкованнаго[1]).

Теперь мы можемъ говорить объ этомъ съ увѣренностью, такъ какъ имѣемъ въ рукахъ хотя и переводный, но полный текстъ доселѣ загадочной хроники Логоѳета, въ которомъ находимъ и первоначальную ея часть. Какъ же мы воспользуемся нашею находкою и нашимъ болѣе выгоднымъ положеніемъ? Не заходя слишкомъ далеко и не уклоняясь отъ своей ближайшей задачи, мы просто постараемся показать, что тѣ добавленія и вставки, какія отмѣчены нашими предшественниками въ печатномъ текстѣ Амартола противъ болѣе древнихъ рукописныхъ редакцій, могутъ быть сведены въ большей части случаевъ къ заимствованіямъ изъ хроники Логоѳета. Для удобства читателей, которые будутъ имѣть предъ собою изданіе Муральта, мы держимся послѣдовательности изложенія въ книгѣ, не стѣсняясь хронологическимъ порядкомъ появленія въ свѣтъ отдѣльныхъ изслѣдованій. Но прежде чѣмъ перейти къ этому своду, мы должны отмѣтить одинъ случай, когда въ самомъ изданіи Муральтомъ хроники Георгія по Московско-синодальному списку указана на основаніи рукописной отмѣтки на полѣ принадлежность извѣстной части текста Логоѳету. Именно: при § I въ главѣ о рожденіи Моисея (ed. Muralt pag. 80)

---

1) Hirsch, Byzantin. Studien S. 54. Въ началѣ исторіи Михаила III находится ссылка при упоминаніи болгарскаго вождя Кордила въ такомъ смыслѣ, что о немъ уже прежде была рѣчь (καθῶς ἐκεῖσε προεγράφη: «якоже тамо прѣдь написасе»): но на самомъ дѣлѣ въ изложеніи царствованія Ѳеофила, гдѣ бы слѣдовало предполагать первое упоминаніе, совсѣмъ его не обрѣтается—ни въ краткой редакціи Амартола, ни въ распространенной. Гиршъ догадывался, что ссылка перешла изъ хроники Логоѳета и тамъ имѣла свое основаніе, то есть, что въ ней, въ отдѣлѣ о Ѳеофилѣ, дѣйствительно была рѣчь о Кордилѣ. Однако, славянскій переводный текстъ не оправдываетъ такой догадки: о Кордилѣ тамъ ничего не говорится. Да и самой ссылки на предыдущее въ соотвѣтственномъ мѣстѣ правленія Михаила въ (славянскомъ) Логоѳетѣ мы не находимъ. Вѣроятно, тутъ нужно видѣть слѣдъ особаго спеціальнаго источника, который былъ подъ рукою какъ Логоѳета, такъ и позднѣйшаго компилятора, распространявшаго хронику Амартола: была то исторія Василія Македонянина.

стоитъ glossa marginalis: τοῦ Λογοθέτου. До сихъ поръ на это замѣчаніе не обращали вниманія, а для насъ оно, очевидно, можетъ быть первою повѣркою тождественности славянскаго Логоѳета съ тѣмъ греческимъ, который послужилъ для дополненія хроники Амартола. Слѣдующее сопоставленіе наглядно убѣждаетъ въ этомъ тождествѣ:

Chron. Hamart. ed. Muralt pag. 80.	Слав. Логоѳетъ л. 25.
Τῷ δὲ δευτέρῳ ἔτει τῆς τοῦ Ἰσραὴλ ἐν Αἰγύπτῳ παροικίας ἱερογραμματέα δεινὸν προειπεῖν [φησὶν: Leo Gramm.], ὅτι τὸ τικτόμενον παιδίον ἐν τῷδε τῷ χρόνῳ τοῖς Ἑβραίοις τὴν Αἰγυπτίων καταλύσει βασιλείαν, καὶ διὰ τοῦτο Φαραὼ προσέταξε φονεύειν τὰ τικτόμενα τῶν Ἑβραίων παιδία.	Въ тоже второе лѣто Ізрѣева въ Егvпеть прѣселенія, злѡкнижникꙋ нѣкоемꙋ прорещи глеть. ꙗко ражажщееса отроча въ едекое лѣто въ Евреих, егvпетское разорить цртво. и сего ради фараонь повелѣ оубивати раждажщааса ѡтрочата въ жидѡвохь.

Къ сожалѣнію, подобныя указанія именно на заимствованія изъ Логоѳета не повторяются въ рукописи или же они не воспроизведены издателемъ, и потому приходится обращаться къ косвеннымъ наблюденіямъ, опираясь на изслѣдованія, какъ сказано, новыхъ ученыхъ. На первомъ мѣстѣ должна быть поставлена статья К. де-Боора (de Boor) въ Byzantinische Zeitschrift Крумбахера II Bd (1893): Römische Kaisergeschichte in byzantinischer Fassung: II. Georgius Monachus — Leo Grammaticus. Для своихъ цѣлей онъ дѣлаетъ многочисленныя сопоставленія первоначальной краткой редакціи Георгія, какъ она возстановляется по древнѣйшимъ спискамъ, съ позднѣйшею распространенною: при этомъ представителемъ второго разряда онъ беретъ на сей разъ не текстъ Муральта, а другой, тоже рукописный.

Первоначальная редакція: de Boor. 5. 6.

Μετὰ δὲ Ἀντωνῖνον ἐβασίλευσε Μακρῖνος ἔτη δʹ καὶ ἐσφάγη ὑπὸ Ἀντωνίνου.

Распространенная редакція: Ср.

Mur. p. 352.	Слав. Логоѳетъ, л. 59.
Μετὰ δὲ Ἀντωνῖνον τὸν Καρά-	Макринь цртвова лѣто а҃ и мца

καλον ἐβασίλευσε Μακρῖνος ἔτος α′ μῆνας β′. Εὐτυχιανὸς δέ τις παραλαβὼν τὸν Ἄβιτον ὡς Ἀντωνίνου ὄντα υἱὸν μοίχειον περιτέθεικε διάδημα καὶ αὐτοκράτορα ἀνηγόρευσεν. καὶ δοὺς χρυσίον τοῖς στρατιώταις ἀντῆρε καὶ συνέβαλε πόλεμον μετὰ Μακρίνου. καὶ ἡττηθεὶς Μακρῖνος ἔφυγε καὶ ἀπεσφάγη μετὰ τοῦ υἱοῦ αὐτοῦ.

в҃. Евтихіан' же нѣкто пріемь Авита ꙗко Антонинова сѫща сн҃а ѿ посаннице, възлѡжи емꙋ діадимѫ и самодръжца его нарече. и давь злато вое҃ състави брань съ Макриномь. и побѣженъ бывь Макринъ побѣже. и заклань бы҃ съ сн҃ѡвы свѡими.

(Елагабалъ): Первон. редакція.

Μετὰ δὲ Μακρῖνον ἐβασίλευσεν Ἀντωνῖνος ὁ Γάλβας ἔτη δ′ καὶ ἐσφάγη ὑπὸ Ἀλεξάνδρου.

Распространенная редакція:

Ср. Muralt pag. 353.

Μετὰ δὲ Μακρῖνον ἐβασίλευσεν Ἀντωνῖνος (Mur.: Ἀβῖτος) ὁ Ἡλιογάβαλος ἔτη γ′ μῆνας θ′. Οὗτος γυναικώδης ὤν, τοσοῦτος ἦν πρὸς τὸ τῆς ἀσελγείας πάθος κακῶς διακείμενος, ὥστε καὶ Ἱεροκλέα ἔννομον αὐτοῦ ἄνδρα ποιῆσαι [ὡς δέ φησι Δίων ὅτι αὐτὸς τὸν ἰατρὸν ἠντιβόλει διφυῆ αὐτὸν δι' ἐντομῆς ἐμπροσθίου τῇ τέχνῃ ποιῆσαι] ὃς διὰ τὰς ἀκαθαρσίας αὐτοῦ [καὶ μιαρὰς ἀκολασίας] ἐσφάγη κακῶς τὸ ζῆν ἀπορρήξας, καὶ ἐβασίλευσεν ἀντ' αὐτοῦ Ἀλέξανδρος ὁ τούτου ἐξάδελφος.

Слав. Логоѳетъ, л. 59—59 об.

Цр҃тво Авитово Копіла Андонинова. Авіт' же цр҃твова г҃ лѣта и и мц҃ъ ѳ҃. Съи женолюбивь бѣ вел'ми ꙗко҃ и Ираклеа оузаконена мѫжа сътвѡрити себѣ.

(Замѣтки изъ Діона — нѣтъ).

заклань҃ бысть нечисто҃ ради свои҃, злѣ ѿ житіа исчезнѫвь и въцариса Алеѯандрь братꙋча҃ его.

(Александръ Северъ): Первоначальная редакція.

Μετὰ δὲ Ἀντωνῖνον ἐβασίλευσεν Ἀλέξανδρος ὁ Μαμαίας ἔτη ιγ′, καὶ ἐσφάγη σὺν τῇ μητρὶ αὐτοῦ Μαμαίᾳ ἐξ ἐπιβουλῆς Μαξιμίνου στρατηγοῦ.

Распространенная редакція.

Μετὰ δὲ Ἀντωνῖνον τὸν Ἡλιογάβαλλον ἐβασίλευσε Ἀλέξανδρος ὁ Μαμαίας ἔτη ιγ΄ μῆνας η΄. ἐπὶ αὐτοῦ γέγονε λιμὸς ἐν Ῥώμῃ, ὥστε καὶ κρεῶν αὐτοὺς ἀνθρωπίνων ἅψασθαι. οὗτος ἐκστρατεύσας κατὰ Περσῶν ἡττήθη κατὰ κράτος καὶ καταφρονηθεὶς ἐσφάγη καὶ προεβάλοντο οἱ στρατιῶται Μαξιμῖνον. Μαμαία δὲ ἡ Ἀλεξάνδρου μήτηρ θεοσεβὴς [ὡς φησιν Εὐσέβιος] ἐτύγχανε καὶ τὸν Ὠριγένην ἐν Ἀντιοχείᾳ διατρίβοντα μετεπέμψατο πρὸς ἑαυτὴν τοῦ διδαχθῆναι τὸ κατὰ Χριστὸν μυστήριον.

Слав. Логоѳетъ, л. 59 об.

Александръ Мамеи цр҃твова лѣ҃ гі҃ и мцъ҃ и҃. при том' же бы҃ гла҃ въ Римѣ ꙗко и мѧса чл҃чкаа сънѣсти и҃. Съи вѡевавь на Пер'сы, побѣжденъ бысть крѣпцѣ и небрѣженъ бы҃ закланъ бы҃ ѿ Персь. и избрашѫ вое Маѯимина. Мамеа Алеѯандрова м҃ти, богочт҃ива бѣ. и Оригена въ Антіохіи живѫща приведе къ себѣ, еже наоучитисѧ ѿ него Хв҃ѣ тайнѣ.

Много лѣтъ ранѣе тотъ же германскій ученый, которому византійская исторіографія уже очень многимъ обязана и отъ котораго есть основаніе ожидать настоящаго критическаго изданія хроники Георгія Амартола, де-Boor, напечаталъ въ одномъ юбилейномъ изданіи небольшую статью подъ заглавіемъ «*Zur Kenntniss der Weltchronik des Georgios Monachos*»[1]). Здѣсь произведено сличеніе болѣе древнихъ рукописныхъ текстовъ хроники Амартола съ печатнымъ изданіемъ Муральта для небольшого періода времени, обнимающаго три царствованія Льва I-го, Зинона и Анастасія. Въ текстѣ Муральта опять оказываются значительныя вставки, происхожденіе которыхъ не могло быть точно угадано de-Boor'омъ, но которыя, на основаніи всего предыдущаго, мы заранѣе готовы приписать Логоѳету.

Производимъ повѣрку. Вотъ первоначальная редакція.

1) Μετὰ δὲ Μαρκιανὸν ἐβασίλευσε Λέων ὁ μέγας ἔτη ιη΄· καὶ ἀπέθανε δυσεντεριακῶς.

2) Ἐφ' οὗ σημεῖον ἐφάνη ἐν τῷ οὐρανῷ νεφέλη σαλπιγγοειδὴς ἐπὶ ἡμέρας μ΄ καὶ ἔβρεξε σποδὸν ἐν Κ. Π. σπιθάμης τὸ πάχος· τῶν νέφων πυρακτούντων καὶ πάντες ἐλιτάνευον λέγοντες, ὅτι πῦρ ἦν καὶ τῇ φιλανθρωπίᾳ τοῦ θεοῦ ἐσβέσθη.

1) *Historische Untersuchungen* Arnold Schaefer zum fünfundzwanzigjährigen Jubilaeum gewidmet. Bonn, 1882.

3) Ζωγράφου δὲ τινος γράψαι τὸν Χριστὸν καθ' ὁμοιότητα τοῦ Διὸς τολμήσαντος и т. д.

4) Ὁ δὲ θεῖος Γεννάδιος Ἐλευθερίῳ τῷ μάρτυρι и т. д.

5) Ἐφ' οὗ (Ζήνωνος Coisl. 305) Γεννάδιος Κ-πόλεως κατελθὼν εἰς τὸ θυσιαστήριον προσεύξασθαι καὶ ἰδὼν φάσμα δαιμόνιον, ὃ καὶ ἐπιτιμήσας ἤκουσε κράζοντος, ὡς αὐτοῦ μὲν ζῶντος ἐνδίδωσι, ὕστερον δὲ κρατήσει τῆς ἐκκλησίας· καὶ πολλὰ δεηθεὶς Γεννάδιος τῷ θεῷ μὴ τὴν ταραχὴν ὄψεσθαι τῆς ἐκκλησίας, μετ' ὀλίγον ἐτελεύτησεν.

6 (=10 у Мур.) Καὶ Δανιὴλ ὁ θαυμάσιος ἐκ τῆς μάνδρας ἐλθὼν Συμεῶν ἐν τῷ Ἀνάπλῳ ἐπέβη τῷ στύλῳ.

Второй, третій, четвертый и пятый параграфы составляютъ исконную собственность Амартола. Распространенная редакція, кромѣ мелкихъ стилистическихъ отступленій, отличается во-первыхъ болѣе полнымъ изложеніемъ обстоятельствъ восшествія на престолъ Льва въ начальной главѣ, и затѣмъ вставкою четырехъ главъ (кромѣ шестой—очень небольшихъ) послѣ пятой—между Геннадіемъ и Даніиломъ. Какъ это было выше замѣчено относительно Римской исторіи III вѣка по Р. Хр. (времени Северовъ), видоизмѣненныя и вставочныя главы имѣютъ точное буквальное сходство съ славянскимъ Логоѳетомъ.

Muralt. Chron. Georg. Hamart. pag. 510. 511. 512.

1) Μετὰ Μαρκιανὸν ἐβασίλευσε Λέων ὁ μέγας ὁ Μακέλλης ἔτη ιη̅. καὶ ἀπέθανε δυσεντεριάσας, ὃν ἡ σύγκλητος προεβάλετο διὰ τὸ αὐτοῦ ὀρθόδοξον, Ἄσπαρος καὶ Ἀρδαβουρίου βουληθέντων κρατῆσαι τῆς βασιλείας, Ἀρειανοὺς ὄντας, ἡ σύγκλητος οὐκ ἐδέξατο, οὔσπερ καὶ ὁ βασιλεὺς ὁρῶν μὴ ὀρθῶς ἔχειν πρὸς αὐτὸν, ἀνεῖλεν αὐτούς· καὶ ἐκ τότε ἐκλήθη Μάκελ ὅ ἐστι ῥωμαϊστὶ ὁ σφαγεύς.

6) Ἐπὶ Λέοντος Ἀνατολίου τελευτήσαντος, Γεννάδιος προεχειρίσθη πατριάρχης· προεβάλετο δὲ Μαρκιανὸν οἰκονόμον, τῆς τῶν Καθαρῶν

Слав. Логоѳетъ л. 87—87 об.

Цр҃тво Лъва великааго.

Лъвь великыи Макеліе, цр҃твова лѣ҃ ꙑі҃. добродѣтели его ради и правовѣріа, поставлень бывь Аспаром и Ардавꙋремь. сима бо въсхотѣвшема цр҃тво прѣати, не да҃ синглить. зане бѣста аріанина. ꙗже цр҃ь Лъвь видѣвь не имаща правѫ вѣрѫ. нѫ въсе имѣніе по҃ свою область хотѧща имѣти оубі҃ ꙗ...... Макель же зовется гръческы заколичь.

Л. 88—88 об. Анатолію же при Лъвѣ скончавшꙋсѧ, поставлень бы҃ Генадіе патріархь. постави же Маркіана икономa. ѿ каѳарскыѧ

ὄντα θρησκείας, εἰς δὲ τὴν ἐκκλησίαν μετελθόντα и т. д.	сѫщаго вѣры и пристѫпльша же къ цр҇кви, и т. д.
7) Ἐπὶ τούτου, Στούδης ἔκτισε τὸν ναὸν τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ προδρόμου καὶ μοναχοὺς ἐκ τῶν ἀκοιμήτων ἐγκατέστησε.	При Львѣ Стоудіе болѣринъ създа црк҇о ст҇го Іωанна. и мнихы ѿ неоусъпнааго тѫ насели. При
8) Καὶ τὸ τοῦ προφήτου Ἐλισσαίου σῶμα μετετέθη ἐν Ἀλεξανδρείᾳ ἐν τῇ μονῇ Παύλου τοῦ λεπροῦ [λεπρὸν γὰρ ἰάσατο, λεπρὸν ἐποίησε καὶ εἰς τὸ τοῦ λεπροῦ] ἐτέθη.	семь тѣло пр҇рка Елисеа прѣнесено бы҇ въ Александрїѭ. и въ обитѣли Павла прокаженаго полωжисѧ.
9) Καὶ τὰ λείψανα τῆς ἁγίας Ἀναστασίας κατετέθη ἐν τῷ ναῷ αὐτῆς.	И мощи ст҇ыѧ Анастасїѧ принесошѧсѧ и положишѧ въ храмѣ еѧ.
10). Καὶ Δανιὴλ ὁ θαυμάσιος и т. д.	

§ 11 принадлежитъ подобно предыдущему первоначальному тексту, а § 12: ἐπὶ αὐτοῦ Ἰσοκάσιος κοαίστωρ ἕλλην διαβληθεὶς и т. д. опять вставной, заимствованный изъ Логоѳета.=При том'жде Исокасіе киесторь оклеветань бывь — ꙗко елинь, и т. д.

Такой же точно составъ можетъ быть обнаруженъ и относительно царствованій Зинона и Анастасія, разсмотрѣнныхъ de-Boor'омъ.

Еще въ 1852 году покойный византинистъ Тафель въ пробномъ опытѣ изданія хронографіи Ѳеофана[1]) (что̀ послѣ было вполнѣ осуществлено де-Бооромъ) напечаталъ впереди основного текста отрывки изъ Георгія Амартола и Льва Грамматика, относящіяся къ царствованіямъ Фоки и Ираклія (начало VII-го вѣка). Текстъ Георгія, заимствованный изъ одной Вѣнской рукописи, хотя и очень сходенъ здѣсь съ изданнымъ позднѣе Синодально-Московскимъ (1861 г.), все-таки представляетъ отмѣны, указывающія на краткую и болѣе первоначальную редакцію. Прибавками въ Синодальномъ спискѣ (въ изданіи Муральта) оказывается, между прочимъ, слѣдующее:

---

1) Theophanis chronographia. Probe einer neuen kritisch-exegetischen Ausgabe von G. L. Tafel: Sitzungsber. der philos.-histor. Classe der (Wiener) kaiserlich. Akademie der Wissensch. IX. Bd. S. 21 u. f.

Начало правленія Ираклія у *Тафеля* (S. 26).

Μετὰ δὲ Φωκᾶν ἐβασίλευσεν Ἡράκλειος ὁ μέγας ἔτη λ΄. Ὃν Σέργιος ὁ πατριάρχης καὶ ἡ σύγκλητος μετὰ παντὸς τοῦ λαοῦ ἀνηγόρευσε βασιλέα ἐν τῇ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ. Ἀπὸ δὲ τῆς ἐκκλησίας παραλαβόντες αὐτόν, εὐφημοῦντες, κροτοῦντες, δοξάζοντες, εἰς τὰ βασίλεια εἰσήγαγον.

Вмѣсто того у *Муральта* (pag. 564) читаемъ:

Μετὰ Φωκᾶν ἐβασίλευσεν Ἡράκλειος ἔτη λ΄, ὃν Σέργιος ὁ πατριάρχης στέψας ἐν τῷ εὐκτηρίῳ τοῦ ἁγίου Στεφάνου ἐν τῷ παλατίῳ — ἐστέφθη δὲ ἅμα αὐτῷ καὶ ἡ μεμνηστευμένη αὐτῷ Εὐδοκία Αὔγουστα— τοῖς στεφάνοις τοῦ γάμου ὁμοῦ αὐτοκράτωρ καὶ νύμφιος ἀναδειχθείς, ἀναγορευθεὶς καὶ ἐν τῇ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ ὑπὸ παντὸς τοῦ λαοῦ βασιλεύς. Ἀπὸ δὲ τῆς μεγάλης ἐκκλησίας αὐτὸν παραλαβόντες, εὐφημοῦντες, κροτοῦντες, δοξάζοντες εἰς τὰ βασίλεια εἰσήγαγον.

Слав. Логоѳ. листъ 112. об.

Ираклїе великыи цр҃твова лѣ҃ ӏ҃. степсанъ бывъ Сергїемъ патрїархо҃ въ ст҃ѣмь Стефанѣ въ дворѣ. степ̑сана же бѣ҃ кꙋпно съ нимъ и обрѫчница его Флавїа. ꙗже и наречена бы҃ Евдокїа Авгꙋста. и вѣнци брачними вѣнчанъ бывъ, въкупѣ самодръжецъ и жени҆ показаса. нареченъ бывъ и въ велицѣи цр҃кви ѿ въсего синклита и людїи цр҃ъ. съпоспѣшааше же си҆—зать Фѡчинъ... (далѣе портретъ Ираклія).

Очевидно, что здѣсь, въ распространенномъ греческомъ изложеніи, произведено сліяніе (контаминація) обоихъ текстовъ, что первоначальный Георгій дополненъ изъ Логоѳета: явленіе, которое можетъ быть прослѣжено и въ другихъ мѣстахъ—какъ въ исторіи Ираклія, такъ и во множествѣ послѣдующихъ статей.

§ 11 (стр. 567 Mur.) совсѣмъ отсутствуетъ въ Вѣнскомъ оригиналѣ Тафеля, но онъ можетъ быть отысканъ въ (славянскомъ) Логоѳетѣ; изъ этой послѣдней хроники онъ, конечно, и внесенъ въ распространенную редакцію Амартола.

Не останавливаясь болѣе на времени Ираклія, обращаемся прямо къ періоду иконоборства и къ концу собственной хроники Амартола. Въ изслѣдованіи Ф. Гирша (Byzantinische Studien S. 13—14) отмѣчена поразительная разница между однимъ изъ Коаленевыхъ списковъ (№ 310), представляющимъ первоначальную редакцію хроники Георгія и Московскимъ Синодальнымъ спискомъ, воспроизведеннымъ у Муральта въ изложеніи царствованія Ѳеофила. Изъ двадцати девяти главъ, посвященныхъ этому царствованію въ Московской Синодаль-

ной и родственныхъ съ нею рукописяхъ, въ древнѣйшемъ Коаленевомъ спискѣ, который тоже не стоитъ уединенно, не досчитывается цѣлыхъ 25 главъ и всѣ сообщенія ограничиваются четырьмя главами. Очевидно, что только эти послѣднія должны считаться принадлежащими первоначальной редакціи подлинника, а все остальное есть позднѣйшее дополненіе, интерполяція. Откуда взято это дополненіе?

Такъ какъ мы теперь имѣемъ полную хронику Логоѳета, хотя и въ славянскомъ только переводѣ, то и должны, на основаніи вышеозначенныхъ намековъ, прежде всего сюда направить свои поиски. Оказывается слѣдующее: того, что въ хроникѣ Амартола первоначально, въ славянскомъ Логоѳетѣ того нѣтъ, а всѣ двадцать пять вставочныхъ главъ читаются въ немъ буквально.

Первоначальныя главы мы отмѣчаемъ знакомъ ✝.

G. Ham. Muralt p. 699 и сл.	Слав. Логоѳ. 161 л. об.
1) ✝ Θεόφιλος ἐβασίλευσεν ἔτη ιβ, ὁ νέος Βαλτάσορ καὶ παραβάτης καὶ θεομισὴς καὶ τῶν ἁγίων εἰκόνων ὑβριστὴς καὶ καθαιρέτης καὶ βέβηλος.	Ѳеофиль сн҃ь его цр̑твова лѣ҃ ві҃.
2) Ἡ δὲ μήτηρ αὐτοῦ Εὐφροσύνη, ἀποστείλασα ἐν πᾶσι τοῖς θέμασιν ἤγαγε κόρας εὐπροσώπους πρὸς τὸ νυμφοστολῆσαι Θεόφιλον и т. д.	Мт҃и же его Ефросина пославши въсѧ страны, приведе ѡтроковицѧ прѣкрасны, еже оуневѣстити сн҃а своего и т. д.
3) ✝ Ἐφ᾽ οὗ καὶ πρὸς τὴν πατρίδα καὶ πόλιν αὐτοῦ τοῦ ἀλιτηρίου τυράννου μετὰ πολλῆς δυνάμεως Σαρακηνοὶ παραγενόμενοι и т. д.	
4) Τούτῳ τῷ μισοθέῳ μᾶλλον εἰπεῖν ἢ Θεοφίλῳ προσέφυγε Θεόφοβος ὁ Πέρσης ἅμα τῷ πατρὶ αὐτοῦ μετὰ Περσῶν χιλιάδων ιδ΄, οὓς διένειμεν ἐν τοῖς θέμασι, κατασκηνώσας καὶ εἰς τούρμας ἀποκαταστήσας, αἱ μέχρι τοῦ νῦν λέγονται τοῦρμαι	(163 л.) Къ семꙋ же Ѳеофилу прибѣже Ѳеофовь персѣнинь сам же и ѡц҃ъ его, кꙋпно съ д҃і тысѧщъ Персь. ихже раздѣли съ, по мѣсто̑ въселивь, и на тꙋрмы оустрѡивь. ѧже и до нн҃ѣ зовѫтсѧ тꙋрмы перскыѧ. самого же Ѳеѡ-

Περσῶν· αὐτὸν δὲ τὸν Θεόφοβον εἰς ἀδελφὴν Θεοδώρας Αὐγούστης γαμβρὸν ἐποιήσατο [1]).

5) Φιλόκοσμος δὲ ὢν ὁ αὐτὸς Θεόφιλος κατεσκεύασε διὰ τοῦ ἄρχοντος τοῦ χρυσοχοείου и т. д.

6) Δικαιοσύνην τε κοσμικὴν προσποιούμενος и т. д.

7) Οὗτος Ἀλέξιον τὸν Ἀρμένιον, ᾧ ἐπικλὴν Μωσηλὲ, ἀνδρεῖον ὄντα καὶ ῥωμαλέον и т. д.

8) Ἐν δὲ τῷ μεταξὺ τεθνηκυίας Μαρίας, τῆς πεποθημένης τῷ βασιλεῖ θυγατρός.

Нѣтъ нужды далѣе продолжать сличеніе.

фова за сестрѫ Θеѡ҃ры цр҃цѫ зѧтѣ оустрои.

Красолюбив же съи Θеофиль, сътвори съ начѧльникомь златарскыи и т. д.

Правѫ же людскѫѧ притварѣѫ себѣ и т. д.

(164 л.). Съ Алеѯіа Армѣнина, еже бѣ емꙋ порекло мусилеи. храбра сѫща и силна.

Межд же си҃ оумершии Маріи възлюбленѣи дъщери цр҃вѣ и т. д.

Для доказательства того положенія, что дополненія въ позднихъ редакціяхъ Амартола ведутъ свое происхожденіе изъ другой родственной по содержанію хроники, хроники Логоѳета, приведенныхъ сопоставленій, полагаемъ, вполнѣ достаточно. Но если бы мы задались мыслію возстановить цѣликомъ первоначальное твореніе Георгія путемъ исключенія изъ печатнаго изданія хроники Амартола всего близко до тождественности сходнаго съ Логоѳетомъ, то подверглись бы опасности большихъ ошибокъ. Дѣло въ томъ, что и въ *первоначальномъ* Амартолѣ, ранѣе чѣмъ въ него внесены были дополненія изъ Логоѳета, были мѣста близко родственныя съ текстомъ этого послѣдняго. Такъ, напримѣръ, разказъ о времени Ираклія въ Вѣнской рукописи Тафеля, представляющей, повидимому, нераспространенную редакцію Амартола, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, имѣетъ бросающееся въ глаза сходство съ противопоставляемымъ текстомъ Льва Грамматика, а слѣдовательно, нужно предполагать, и съ текстомъ Логоѳета. Прибавимъ здѣсь два замѣчанія. Благодаря разнымъ благопріятнымъ обстоятельствамъ и чрезвычайно любезному отношенію управленія Парижской національной библіотеки къ русскимъ ученымъ учрежденіямъ, пишущій эти строки уже

---

1) Замѣчаніе о турмахъ, учрежденныхъ при Θеофилѣ, что они и *доселѣ* сохраняютъ свое первоначальное названіе, было бы страннымъ со стороны Георгія монаха, который самъ былъ современникомъ Θеофила. На другія подобныя мѣста указалъ Гиршъ: Byzant. Stud. S. 15.

давно имѣлъ возможность здѣсь въ Петербургѣ сличать оба Коаленева списка № 305 и 310 съ печатнымъ изданіемъ Муральта. Впослѣдствіи еще болѣе полное и тщательное сличеніе кодекса 305 съ нашимъ академическимъ изданіемъ было сдѣлано подъ нашимъ наблюденіемъ г-номъ Круглымъ для Императорскаго Общества древней русской письменности ради предположеннаго *печатнаго* изданія сербской редакціи славянскаго перевода Амартола, такъ какъ сія послѣдняя, по нашему убѣжденію, воспроизводитъ именно этотъ самый греческій текстъ кодекса 305. Мы не имѣли въ виду излагать здѣсь результаты нашего изученія парижскихъ рукописей и даже не считали нужнымъ замѣнить ими сведенныя выше частныя наблюденія предшествовавшихъ изслѣдователей. Но теперь намъ представляется не безполезнымъ указать на то, что Вѣнскій текстъ Тафеля вполнѣ соотвѣтствуетъ древнѣйшимъ, Коаленевымъ спискамъ Амартола, то-есть представляетъ въ самомъ дѣлѣ первоначальную его редакцію—и что напечатанный Тафелемъ en regard текстъ Льва Грамматика въ свою очередь, какъ это, впрочемъ, часто повторяется, тождественъ съ славянскимъ текстомъ Логоѳета. Итакъ, столь ярко и поразительно выставляющееся въ сопоставленіи Тафеля родство первоначальнаго Амартола съ Львомъ Грамматикомъ есть въ то же время родство оригинальнаго текста Амартола съ Логоѳетомъ—совершенно независимое отъ интерполяцій, внесенныхъ изъ послѣдняго въ первый позднѣе. Наше второе замѣчаніе будетъ то, и въ другихъ мѣстахъ у Логоѳета въ первой части его хроники встрѣчаются мѣста сходныя не только по содержанію, но и по изложенію съ первоначальнымъ Амартоломъ, насколько онъ возстановляется по Коаленеву 305; особенно замѣчается такое явленіе въ исторіи иконоборства. Мы опасаемся загромождать свое изслѣдованіе еще новыми выписками текстовъ, но одинъ примѣръ будетъ приведенъ ниже.

Значитъ, помимо сходства *вторичнаго*, основаннаго на интерполяціи, есть между двумя хрониками еще и другое сходство—первичное, такъ сказать, примордіальное. Чѣмъ же оно можетъ быть объяснено? На первый взглядъ можетъ показаться, что тутъ, если имѣть въ виду распространеннаго Амартола, было дѣло взаимное: сначала Логоѳетъ воспользовался хроникою Георгія, а послѣ какой-то досужій византіецъ дополнилъ Георгія изъ Логоѳета. Такое предположеніе само по себѣ не выходитъ изъ предѣловъ возможнаго, однако, безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій и повѣрки принято быть не можетъ.

Правда, что Логоѳету, который жилъ и писалъ по крайней мѣрѣ столѣтіемъ позднѣе Георгія и преслѣдовалъ нѣсколько иную задачу въ своемъ сочиненіи, чѣмъ его предшественникъ, иногда приходилось повторять факты, уже сообщенные въ такомъ же видѣ Георгіемъ. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что эти искони сродныя мѣста у двухъ писателей—за періодъ времени отъ Діоклитіана до IX вѣка (включая, слѣдовательно, первый періодъ иконоборства)—ведутъ свое начало все изъ одного и того же источника, именно, изъ обширной и чрезвычайно почитаемой у византійцевъ хроники Ѳеофана, и что такихъ прямыхъ или посредственныхъ извлеченій изъ Ѳеофана, явно носящихъ слѣды своего происхожденія, у Логоѳета, вообще сравнительно подробнѣйшаго, гораздо болѣе, чѣмъ у Амартола. При томъ они не сосредоточиваются у него въ какомъ-либо одномъ пунктѣ, а проходятъ черезъ всю часть сочиненія, заключающуюся въ означенныхъ предѣлахъ, нигдѣ не нарушая его цѣлостности и однородности. То, что здѣсь у Логоѳета есть лишняго противъ Амартола, по стилю и характеру изложенія, нисколько не отличается отъ того, что ему обще съ первоначальнымъ Амартоломъ; у того и другого все имѣетъ видъ сжатаго извлеченія изъ Ѳеофана, при чемъ сверхъ фактической основы удерживаются отдѣльныя выраженія и обороты подлинника, несмотря на очевидное стремленіе къ упрощенію или подновленію языка.

Итакъ многія сходныя мѣста въ *первоначальномъ* Амартолѣ и Логоѳетѣ объясняются тѣмъ, что оба—независимо другъ отъ друга—пользовались однимъ источникомъ. Но полная и подлинная хроника Ѳеофана все-таки была бы слишкомъ широкою основою для объясненія столь тѣснаго родства между ними, какое обнаруживается не только въ заимствованіи изъ общаго пространнаго источника однихъ и тѣхъ же фактическихъ подробностей, но однихъ и тѣхъ же оборотовъ рѣчи, однихъ и тѣхъ же выраженій и словъ. Всего вѣроятнѣе, что у обоихъ подъ руками уже былъ Ѳеофанъ переработанный и сокращенный; одна изъ такихъ редакцій его хроники, какая, напримѣръ, заключается въ кодексѣ Parisin. 1710 (X-го столѣтія) описанномъ у де-Боора[1]).

Для болѣе нагляднаго разъясненія этихъ взаимныхъ отношеній между Амартоломъ и Логоѳетомъ, а также зависимости обоихъ отъ

1) Theophan. Chronogr. ed. *de-Boor*. Volum. II pag. 364 et sequ.

хроники Θеофана мы приводимъ извѣстія о болгарскихъ дѣлахъ при царѣ Константинѣ Копронимѣ. Императоръ Константинъ Копронимъ предпринималъ нѣсколько походовъ противъ Болгаръ, которые тогда стремились распространить свои владѣнія на полуостровѣ и были наиболѣе опасными врагами Византіи. Приверженцы иконоборческой династіи ставили ему въ заслугу энергично веденную борьбу съ преемниками Крума и считали ее въ общемъ небезуспѣшною, что въ сущности подтверждаетъ и хроника Θеофана, довольно подробно повѣствующая о цѣломъ рядѣ военныхъ дѣйствій—большею частію удачныхъ. Но первоначальная хроника Георгія монаха говоритъ только о такихъ предпріятіяхъ Константина, которыя сопровождались для него полнымъ пораженіемъ или неудачею. Она отмѣчаетъ два такихъ случая. Выписываемъ ея разсказъ, сопровождая греческій текстъ соотвѣтствующимъ славянскимъ изъ *Сербскаго лѣтовника*.

Coislin. 305 Fol. 335 v.

Κατὰ Βουλγάρων ἐστράτευσε δὲ καὶ εξοπλίσας ἐκ τῶν θεμάτων χελάνδια δύο χιλια ἑξακόσια ἐπὶ Ἀγχιαλῶν ἀπέστειλεν. (εν δὲ ταῖς ἀκταῖς προσορμισθέντα) καὶ τοῦ βορρᾶ βιαίως πνεύσαντος, ἅπαντα μικροῦ δεῖν συνετρίβησαν καὶ ἐπνίγη λαὸς ἀμύθητος. Ὅπερ μαθοντες οἱ Βούλγαροι πόλεμον πρὸς αὐτὸν ἀνάπτουσι. καὶ τὰ πλήθη αὐτοῦ δεινῶς συγκόψαντες ὑπέστρεψε μετ᾽ αἰσχύνης μεγάλης καὶ ἥττης[1]).

На бльгари поиде воквати и вьѡроуживь ѿ странь кораблѥ ,вх на агхелоноу посла. въ прꙋднаꙗ же мѣста оустрьмившесе и сѣвероу вьзвѣꙗвшоу маломь не вси сокроушишесе и подавишесе людиѥ бесчисла. ѥже увѣдѣвше бльгаре. брань на нѥго сьбраше. и множьства ѥго люто сьсѣкше возвратисе сь стоудомь велицѣмь и побѣждениѥмь.

Fol. 336 v. Ὁ δὲ τύραννος καὶ ἀλάστωρ εξελθὼν μετὰ ταῦτα πάλιν κατὰ Βουλγάρων καὶ δεινῶς κατὰ τῶν σκελῶν ἀνθρακωθεὶς καὶ πυρετῷ

Моучитель и злодѣи изьшь̑ по сихь пакы на бльгары и люто ногамь ѥго запалшемсе и ѡгнѥмь велиѥмь ѡбьѥть бывь, близь ар-

1) Ср. Theophan. ed. de Boor pag. 437.

Τῇ δὲ καὶ τοῦ Ἰουνίου μηνὸς τῆς ϑ ἰνδικτιῶνος (6257 – 765) ἐκίνησε κατὰ Βουλγάρων καὶ ἀπεστειλεν ἐπι Ἀχελὸν ,βχ᾽ χελάνδια ἐξοπλίσας αὐτὰ ἐκ πάντων τῶν θεμάτων. τουτων δὲ ἐν ταῖς ἀκταῖς προσορμισθέντων, καὶ τοῦ βορρᾶ πνευσαντος, συνετρίβησαν μικρου δεῖν ἅπαντα, καὶ ἐπνίγη λαὸς πολὺς, ὥστε τὸν βασιλέα κελεῦσαι γρίπους ἐκτείνειν καὶ τοὺς νεκροὺς ἀναλέγεσθαι καὶ θάπτειν· καὶ τῇ κα´ του Αυγούστου μηνὸς εἰσῆλθεν ἀδόξως ἐν τῇ πολει.

λάβρῳ καὶ διακαεῖ συσχεθεὶς κατὰ τὴν Ἀρκαδιούπολιν ἀνέτρεψεν ἐγκλίνιος.

кадинєва града, възратисе носимь на ωдрѣ.

Καὶ ἐλθὼν ἐν Σηλυμβρίᾳ καὶ ἐμπλωΐσας μέχρι τοῦ Στρογγύλου καστελλίου, θνήσκει ψυχῇ καὶ σώματι βοῶν καὶ λέγων· ὅτι ζῶν πυρὶ ἀσβέστῳ παρεδόθην διὰ τὴν Μαρίαν· ἀλλ' ἀπὸ τοῦ νῦν ὑμνείσθω καὶ τιμάσθω. καὶ οὕτως ὁ θεήλατος καὶ δυσμενής τε καὶ ἄσπονδος ἐχθρὸς τοῦ Χριστοῦ....... κατέλυσε τὸν βίον[1]).

И пришѐ вь сілимврию и плоувь до строггилова кастелꙗ, оумрѣть дш҃ею и тѣлωмь вьпиѥ и гл҃е. ꙗко живь ωгню негасимωмоу прѣдань бы Маріе ради нь ѿ нн҃ꙗ да пѣта боудеть и почтена.

Изъ приведенныхъ внизу текста параллельныхъ мѣстъ становится совершенно яснымъ происхожденіе краткихъ извѣстій Георгія изъ хроники Ѳеофана—непосредственное или посредственное. Впрочемъ, въ первомъ отрывкѣ слѣдуетъ отмѣтить небольшое отступленіе въ прибавкѣ о нападеніи Болгаръ на сушѣ послѣ разрушенія флота бурею, о чемъ въ нынѣшней редакціи Ѳеофана ничего не сказано. Зато въ извлеченіи пропущена подробность о ловлѣ труповъ неводами. Выраженіе «воротился безславно» (ἀδόξως) соотвѣтствуетъ воротился «со стыдомъ и великимъ пораженіемъ»: краски какъ будто усилены тенценціозно. Во второмъ отрывкѣ близость обоихъ текстовъ еще болѣе бросается въ глаза; но слѣдуетъ отмѣтить замѣну словъ «ἐν χραββάτῳ φερόμενος» выраженіемъ «ἐγκλίνιος», что повторится и у Логоѳета.

Переходимъ къ этому послѣднему. Славянскій его текстъ мы на сей разъ сопоставляемъ съ текстомъ *Ѳеодосія Мелитинскаго* по изданію Тафеля, гдѣ отмѣчены и разночтенія у Льва Грамматика.

Логоѳетъ. Л. 141—142.

Воева же и на Блъгары по

Theodos. Melitens.

Ἐστράτευσε δὲ κατὰ Βουλγάρων

1) Theophan. ed. de Boor. pag. 448.

Τούτῳ τῷ ἔτει τῆς ιγ' ἰνδικτιῶνος (6267=775) μηνὶ Αὐγούστῳ ἐξῆλθεν ὁ βασιλεὺς Κωνσταντῖνος κατὰ Βουλγάρων· καὶ δεινῶς κατὰ τῶν σκελῶν θεηλάτῳ πληγῇ ἄνθραξ ωθεὶς κἀντεῦθεν πυρετῷ σφοδροτάτῳ καὶ ἰατροῖς ἀγνώστῳ δι' ὑπερβάλλουσαν ἔκκαυσιν συσχεθεὶς κατὰ τὴν Ἀρκαδιούπολιν ὑπέστρεψεν, ἐπ' ὤμων ἐν χραββάτῳ φερόμενος κατὰ τῶν ὑπηκόων· καὶ ἐλθὼν ἐν Σηλυμβρίᾳ καὶ ἐμπλωΐσας τῇ ιδ' τοῦ Σεπτεμβρίου μηνὸς τῆς ιδ' ἰνδικτιῶνος, φθάσας ἐν τῷ Στρογγύλῳ καστελλίῳ οἰκτρῶς, ἐν τῷ χελανδίῳ θνήσκει βοῶν καὶ λέγων, ὅτι «ζῶν ἔτι πυρὶ ἀσβέστῳ παρεδόθην» τήν τε ἁγίαν παρθένον καὶ θεοτόκον ὑμνεῖσθαι ἐξαιτῶν ὁ ἄσπονδος αὐτῆς ἐχθρός.

сѹхоу и по вѡдѣ. и сꙑ҃ побѣдивь, вънide въ гра҃ оборѫжжань ратныи҃ орѫжіемь. обличаѫ ꙗже бѣ плѣниль, и Блъгары свѧзаны.

πεζῇ τε καὶ πλοῒ (LG. πλωῒ) καὶ τούτους τροπωσάμενος εἰσῆλθεν ἐν τῇ πόλει, καθωπλισμένος τοῖς πολεμικοῖς ὅπλοις, θριαμβεύων δεδεμένους τοὺς Βουλγάρους[1]).

Л. 142. об. Цр҃ъ же на Блъгары воевавь по сѹхѹ и по мѡрѹ при Тѹтхони приста. вѣтрѹ же нѫждноу дъхнѫвшѹ, корабле съкрѹшишѧсѧ. сиже оувѣдѣвше Блъгары брань съ нимь съставишѫ. и лютѣ побѣжень бывь, възратисѧ срамлень. даже и до днѐ бо оу Тѹтхонѣ кости избіеныи҃ лежѫть. ꙗвѣ показѹѫще разбои.

Ὁ δὲ βασιλεὺς κατὰ Βουλγάρων ἐπιστρατεύσας πλοῒ (LG. πλωῒ) τε καὶ πεζῇ ἐπὶ Ἀχελὼν (Ἀχελῶον) ἀπέστειλεν. Ἀνέμου δὲ βιαίου πνεύσαντος τὰ πλοῖα συνετρίβη. Τοῦτο μαθόντες οἱ Βούλγαροι πόλεμον πρὸς αὐτὸν συνάπτουσι. Δεινῶς οὖν ἡττηθεὶς ὑπέστρεψεν μετ᾽ αἰσχύνης. Μέχρι γὰρ καὶ τήμερον τὰ κατὰ τὸν Ἀχελὼν κῶλα τῶν ἀνῃρημένων (LG. κοῖλα καὶ πεδιάσιμα χωρία τῶν ἀνῃρ) σαφῶς ὑποδεικνύουσι τὴν ἧτταν[2]).

Л. 143. об. Имѣше же прилюбивь гостѧ въ Блъгаро҃. иже възвѣщаваахѫ емѹ вьсѧ съвѣты кнѧѕа своего. иже и възвѣстишѫ емѹ ꙗко посилаеть кнѧѕа блъгарскыи воѧ поплѣнити Верзитіѫ. Цр҃ъ же сътворѧ на Аравлѣны воѧ брати. и пославь на мирь въ Блъ-

Ἔσχε δὲ δεξιωσάμενος φίλους κρυπτοὺς ἐν Βουλγαρίᾳ, οἱ κατεμήνυον αὐτῷ ἅπαντα τὰ τῷ ἄρχοντι αὐτῶν (LG. αὐτῷ) βουλευόμενα. Οἱ δηλοῦσι τῷ βασιλεῖ, ὅτι ἀποστέλλει ὁ κῦρις Βουλγαρίας (LG. Βούλγαρος) λαὸν πρὸς τὸ αἰχμαλωτίσαι τὴν Βερζητείαν. Ὁ δὲ βασιλεὺς σχη-

1) Theophan. ed. de Boor. pag. 432—433.
6255 (= 763). Ἐξῆλθεν ὁ βασιλεὺς ἐπὶ τὴν Θράκην ἀποστείλας καὶ πλώϊμον διὰ τοῦ Εὐξείνου πόντου.... Ὁ δὲ Τελέτζης ἀκούσας τὴν διὰ γῆς καὶ θαλάσσης, κατ᾽ αὐτοῦ κίνησιν.... στήσας ἠσφαλίσατο ἑαυτόν· καὶ συμβαλόντες πόλεμον κόπτουσιν ἀλλήλους ἐπὶ πολύ, καὶ τραπεὶς Τελέτζης ἔφυγεν.... ὁ δὲ βασιλεὺς ἀρθεὶς τῇ τοιαύτῃ νίκῃ ἐθριάμβευσε ταύτην ἐπὶ τῆς πόλεως, ἁρματώμενος σὺν τῷ στρατῷ εἰσελθὼν.... σύρων τοὺς χειρωθέντας Βουλγάρους.

2) Въ замѣткѣ о «членахъ» (κῶλα = костяхъ) убитыхъ при Анхіалѣ, составляющей прибавку не только противъ первоначальнаго Амартола, но и противъ Θеофана, можно видѣть заимствованіе изъ патріарха Никифора, то есть изъ его обличительныхъ рѣчей противъ иконоборцевъ (Antirrh. III Migne Patrol. graec. pag. 504). Въ хроникѣ Георгія приведенъ въ видѣ выписки большой отрывокъ изъ третьей обличительной рѣчи (ed. Muralt pag. 657), гдѣ соотвѣтствующее мѣсто читается такъ: μέχρι γὰρ καὶ τήμερον τὰ κατὰ τὴν Ἀχελὼν καλουμένην πόλιν κοῖλα καὶ πεδιάσιμα χωρία, ἃ τῶν ἀνῃρημένων ἐδέξαντο τὰ κῶλα, σαφῶς ὑποδεικνύουσιν и т. д.

гары. и събравь въсѧ воискѫ, кꙋпно съ чиновы нападе на Блъгары безь трѫбь и разбивь и҃, сътвори побѣдѫ великѫ. възвращ҄же сѧ въ гра҃ и обличивь оборѫжань брань тѫ нарече храбрость. ꙗко никомꙋ же съпротивлъшꙋсѧ емꙋ. ниже оубіену гръкꙋ ни единомꙋ....

ματισάμενος κατὰ Ἀράβων κινεῖν ἀποστείλας τοὺς ἀποκρισιαρίους τοὺς διὰ εἰρήνην παραγενομένους ἐπὶ Βουλγαρίας (LG. Βουλγαρίαν) καὶ ἐπισωρεύσας (ἐπισυνάξας) πάντα τὸν στρατὸν ἅμα τῶν ταγμάτων (τοῖς τάγμασιν) ἐπέπεσε τοῖς Βουλγάροις ἀσαλπιγκτὶ καὶ τρέψας αὐτοὺς ἐποίησε νῖκος μέγα· καὶ ὑποστρέψας ἐν τῇ πόλει καὶ θριαμβεύσας τεθωρακισμένος, τὸν πόλεμον τοῦτον ἐπωνόμασεν «εὐγενῆ», ὡς μηδενὸς αὐτῷ ἀντιστάντος, μηδὲ σφαγῆς Ῥωμαίων γενομένης [1]).

(Далѣе разсказывается, что князь болгарскій Телерихъ, догадавшись о существованіи подлѣ себя измѣнниковъ, посредствомъ ловкой хитрости вывѣдалъ имена ихъ у царя и казнилъ ихъ).

Л. 144. Еже оуслышавь Костандинь, брадѫ своѫ ѡскꙋбе. Воевав же пакы на Блъгары. и лютѣ бедрама его въжегшима сѧ. и огнемь ташкыимь и горѧщіим обьѧть бывь, на Аркадиѡполь възвратився на нѡсилохь. и пришѐ въ Силиврїѫ и доплꙋвь до ѡкрѫглаго кастелѣ, оумрѣть дш҃еѫ и тѣлом. въпїѫ и гл҃ѧ. ꙗко жи҃ ѡгневи

Ὅπερ ἀκούσας Κωνσταντῖνος τὴν γενειάδα αὐτοῦ ἀπέτιλεν. Ἐκστρατεύσας δὲ πάλιν κατὰ Βουλγάρων, καὶ δεινῶς κατὰ τῶν σκελῶν ἀνθρακωθεὶς, καὶ πυρετῷ λάβρῳ καὶ διακαεῖ συσχεθεὶς κατὰ τὴν Ἀρκαδιούπολιν ὑπέστρεψεν ἐγκλίνιος. Καὶ ἐλθὼν ἐν Σηλλυμβρίᾳ καὶ ἐκπλωΐσας (πλωΐσας) μέχρι τοῦ Στρογγύλου καστελλίου, θνήσκει ψυχῇ καὶ σώ-

1) Ср. Theophan. ed. de Boor. pag. 447.

....τῷ δὲ Ὀκτωβρίῳ μηνὶ τῆς ια' ἰνδικτιῶνος ἐδέξατο μανδάτον ὁ βασιλεὺς ἀπὸ Βουλγαρίας ἐκ τῶν κρυπτῶν φίλων αὐτοῦ, ὅτι ἀποστέλλει ὁ κῦρις Βουλγαρίας ιβ' χιλιάδας λαὸν καὶ βοϊλάδας πρὸς τὸ αἰχμαλωτίσαι τὴν Βερζιτίαν καὶ μεταστῆσαι αὐτοὺς εἰς Βουλγαρίαν. ὁ δὲ πρὸς τὸ μὴ γνωσθῆναι αὐτὸν, ὅτι κατὰ Βουλγάρων κινεῖ· ἦσαν γὰρ ἐλθόντες πρὸς αὐτὸν ἀποκρισιάριοι τοῦ κυροῦ Βουλγαρίας, καὶ ἔτι τούτων ὄντων ἐν τῇ πόλει ἐσχηματίσατο κατὰ Ἀράβων κινεῖν· καὶ ἐπέρασαν τά τε φλάμουλα καὶ ἡ ὑπηρεσία· ἀπολύσας δὲ τοὺς ἀποκρισιαρίους καὶ μαθὼν διὰ κατασκόπων τὴν ἔξοδον αὐτῶν, ἐπάρας τὸν στρατὸν ἐν σπουδῇ ἀπεκίνησεν· καὶ ἐπισωρεύσας τοὺς ταξάτους τῶν θεμάτων καὶ τοὺς Θρακησιανοὺς καὶ ἑνώσας τοῖς τάγμασι τοὺς ὀπτιμάτους ἐποίησεν αὐτοὺς π' χιλιάδας· καὶ ἀπελθὼν ἐν τόπῳ λεγομένῳ τὰ Λιθοσώρια ἐπέπεσεν αὐτοῖς ἀπερισαλπίγκτως καὶ τρέψας αὐτοὺς ἐποίησεν νῖκος μέγα. Καὶ μετὰ πολλῶν λαφύρων καὶ αἰχμαλώτων ὑπέστρεψε θριαμβεύσας ἐν τῇ πόλει, καὶ ἔμπρακτος εἰσελθὼν τὸν πόλεμον τοῦτον ἐπωνόμασεν εὐγενῆ ὡς μηδενὸς αὐτῷ ἀντιστάντος μηδὲ σφαγῆς ἢ ἐκχύσεως Χριστιανῶν αἱμάτων γενομένης.

прѣдань бы̏ бц҃ѫ ради Мр҃iѫ. нѫ ѿ нн҃ѣ чьтома бѫдеть ıако истиннаа бц҃а сѫщи.	ματι, βοῶν καὶ λέγων, ὅτι ζῶν πυρὶ ἀσβέστῳ παρεδόθην διὰ τὴν θεοτόκον Μαρίαν. Ἀλλὰ ἀπὸ τοῦ νῦν τιμάσθω καὶ ἀνυμνείσθω ὡς θεοτόκος ἀληθῶς οὖσα.

Сдѣланныя нами сопоставленія вызываютъ слѣдующія замѣчанія. Первый отрывокъ изъ Логоѳета указываетъ на независимое отъ Георгія пользованіе Ѳеофаномъ, такъ какъ извѣстія о походѣ 763 года у Амартола совсѣмъ нѣтъ. Напротивъ, второй отрывокъ обличаетъ тѣснѣйшее родство съ Георгіемъ; тексты Логоѳета и Георгія между собою еще гораздо болѣе близки, чѣмъ они близки къ Ѳеофану: тѣ же самые пропуски и то же дополненіе, а затѣмъ одна прибавка, принадлежащая только Логоѳету и ведущая свое начало изъ посторонняго источника (Никифора патріарха). Третій отрывокъ, *въ концѣ* представляется совершенно тождественнымъ съ Амартоломъ, но зато этотъ конецъ у Логоѳета находится въ неразрывной связи съ предыдущимъ, довольно длиннымъ извлеченіемъ изъ Ѳеофана, очевидно—сдѣланнымъ совершенно независимо отъ Амартола, при чемъ способъ, или пріемъ заимствованія является совершенно одинаковымъ отъ начала до конца.—Если въ первомъ отрывкѣ (о походѣ 763 года) можно находить признаки иной системы пользованія источникомъ—сжатая передача сущности разсказа съ свободнымъ измѣненіемъ фразеологіи,—то здѣсь господствуетъ методъ сокращенія съ пропущеніемъ спеціальныхъ и несущественныхъ подробностей съ легкими измѣненіями фразеологіи.

Ясно, что рѣшительнаго вывода изъ такихъ противорѣчивыхъ наблюденій сдѣлать нельзя, хотя они все-таки скорѣе склоняютъ въ пользу предположенія о независимомъ пользованіи двумя источниками.

Передача извѣстій о болгарскихъ походахъ Копронима въ распространенномъ Амартолѣ, изданномъ Муральтомъ, представляетъ весьма любопытный образецъ полумеханической склейки двухъ родственныхъ источниковъ.

§ 33 (Muralt pag. 651). Ἐστράτευσε δὲ κατὰ Βουλγάρων πεζῇ τε καὶ πλωΐ, ἐξοπλίσας ἐκ τῶν θεμάτων χίλια ἑξακόσια, ἐπὶ Ἀχελῶν ἀπέστειλε (ἐν ταῖς ἀκταῖς προσορμισθέντα) καὶ τοῦ βορρᾶ (βιαίως) πνεύσαντος ἅπαντα μικροῦ δεῖν, συνετρίβη· καὶ ἐπνίγη λαὸς ἀναρίθμητος. Ὅπερ μαθόντες οἱ Βούλγαροι πόλεμον πρὸς αὐτὸν συνάπτουσι· καὶ τὰ πλήθη αὐτῶν δεινῶς συγκοπέντα ὑπέστρεψαν μετ' αἰσχύνης μεγάλης καὶ

ἥττης. Τροπωσάμενος οὖν τοὺς Βουλγάρους, εἰσῆλθεν ἐν τῇ πόλει καθοπλισμένος τοῖς πολεμικοῖς ὅπλοις, θριαμβεύων δεδεμένους τοὺς Βουλγάρους[1]).

(Pag. 653) § 40. Ὁ δὲ τύραννος καὶ ἀλάστωρ ἐξελθὼν μετὰ ταῦτα πάλιν κατὰ Βουλγάρων[2]) πλωΐ τε καὶ πεζῇ, ἐπὶ Ἀχελὼν ἀπέστειλε. Ἀνέμου δὲ βιαίου πνεύσαντος, τὰ πλοῖα συνετρίβη. Τοῦτο μαθόντες οἱ Βούλγαροι πόλεμον πρὸς αὐτὸν συνάπτουσι. Δεινῶς οὖν ἡττηθεὶς ὁ τύραννος ἐπέστρεψε μετ' αἰσχύνης· μέχρι οὖν καὶ τήμερον τὰ τῶν Ἀχελῶν κοῖλα καὶ πεδιάσιμα χωρία τῶν ἀνῃρημένων κῶλα σαφῶς ὑποδεικνύουσι καὶ τὴν ἧτταν μαρτυροῦσι.

(Pag. 655) § 46. Ἐκτρατεύσας δὲ πάλιν κατὰ Βουλγάρων καὶ δεινῶς κατὰ τῶν σκελῶν ἀνθρακωθεὶς καὶ πυρετῷ λάβρῳ καὶ διακαεῖ συσχεθεὶς κατὰ τὴν Ἀρκαδιούπολιν ἐνέστρεψεν ἐγκλίνιος.

§ 47. Καὶ ἐλθὼν ἐν Σηλυμβρίᾳ μέχρι τοῦ Στρογγύλου καστέλλου, θνήσκει ψυχῇ καὶ σώματι, βοῶν καὶ λέγων· «ὅτι ζῶν πυρὶ ἀσβέστῳ παρεδόθην διὰ τὴν θεοτόκον Μαρίαν». ἀλλ' ἀπὸ τοῦ νῦν τιμάσθω καὶ ἀνυμνείσθω ὡς θεοτόκος ἀληθὴς οὖσα.

Здѣсь мы имѣемъ три похода Константина Копронима на болгаръ.—Въ первомъ отрывкѣ слитъ разсказъ первоначальной редакціи Амартола о *пораженіи* съ сообщеніемъ Логоѳета о (предшествовавшемъ) *побѣдоносномъ* походѣ, опущенномъ въ Коаленевомъ спискѣ Амартола. Отсюда возникла большая путаница, вслѣдствіе которой можно сказать, что здѣсь начинается за упокой, а кончается за здравіе. Въ концѣ выписаны выраженія Логоѳета о тріумфѣ Константина, и ради послѣдовательности сдѣланы и выше легкія грамматическія измѣненія, относящія пораженіе вмѣсто грековъ на сторону болгаръ, но невыгодное для Византіи морское бѣдствіе осталось. Во второмъ отрывкѣ удержаны только начальныя слова изъ подлиннаго Амартола, относящіяся ко *второму* изъ двухъ ему извѣстныхъ походовъ, а затѣмъ повторенъ текстъ общій первоначальному Амартолу и Логоѳету, относящійся у перваго—къ первому его походу, а у Логоѳета—понятно, ко второму; впрочемъ, въ выраженіяхъ замѣчается большая близость къ Логоѳету, удержано и внесенное имъ дополненіе о поляхъ Анхіальскихъ, сохраняющихъ кости убитыхъ византійцевъ.

Въ заключеніе—еще одно замѣчаніе, имѣющее близкое отноше-

---

1) Напечатанное разрядкою указываетъ на заимствованіе изъ хроники Логоѳета.

2) Подчеркнутыя слова принадлежатъ первоначальному тексту Амартола.

ніе къ содержанію этой главы. Въ Московскомъ Синодальномъ кодексѣ, содержащемъ распространенную редакцію Амартола, помимо заимствованій изъ Логоѳета, вносимыхъ въ текстъ, кромѣ одного случая, безъ всякихъ околичностей и предувѣдомленій, встрѣчаются по мѣстамъ мелкія сообщенія, отмѣчаемыя какъ *схоліи* (σχολίον: см. pagg: 214, 233, 239, 242, 282, 283, 328, 333, 372, 399, 401, 409) и болѣе пространные отрывки, сопровождаемые замѣткою на полѣ (nota marginalis) о принадлежности ихъ *другой книгѣ*, другому автору: ἐξ ἄλλου βιβλίου (pag. 180), ἄλλου βιβλίου (pag. 548), ἐξ ἄλλου (pag. 551). Не останавливаясь на первыхъ, какъ маловажныхъ, мы считаемъ не лишнимъ высказать свое мнѣніе о происхожденіи вторыхъ, такъ какъ не признаемъ справедливымъ уже проскользнувшее предположеніе о принадлежности ихъ Логоѳету[1]). Противъ такого толкованія говоритъ уже то обстоятельство, что первая сего рода отмѣтка сдѣлана при статьѣ, сейчасъ же слѣдующей за другою, при которой стоитъ замѣтка: τοῦ Λογοθέτου (pag. 80 см. выше стр. 102); значитъ, указаніе: ἐξ ἄλλου βιβλίου (pag. 81), сдѣланное при разсказѣ о происхожденіи косноязычія Моисея, отличаетъ *иную книгу* именно отъ книги Логоѳета. Такого разсказа и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ въ славянскомъ текстѣ Логоѳета, тогда какъ предыдущіе два §§ въ немъ могутъ быть отысканы (см. выше стр. 102). Наиболѣе обширная вставка *изъ иного*, ἐξ ἄλλου (pag. 551, 552), помѣщенная у Муральта, какъ и всѣ другія (кромѣ первой на стр. 80), внизу подъ текстомъ въ варіантахъ, содержитъ довольно полное обозрѣніе царствованія Юстина II; въ началѣ она дѣйствительно до буквальности сходна со славянскимъ текстомъ Логоѳета и соотвѣтствующимъ ему греческимъ Льва Грамматика, но въ срединѣ расходится и представляетъ нѣсколько иной болѣе распространенный текстъ. То, что есть лишняго, повторяется, какъ это указано Муральтомъ, въ позднѣйшей хроникѣ Георгія Кедрина. Вотъ это обстоятельство и наводитъ насъ на слѣдъ дѣйствительнаго источника означенныхъ вставокъ. Изъ обширнаго сдѣланнаго Гельцеромъ сопоставленія отрывковъ изъ Парижскаго кодекса 1712, которыми мы отчасти воспользовались въ началѣ изслѣдованія, можно видѣть, что Кедринъ многое выписывалъ изъ той хроники, которая до сихъ поръ была извѣстна подъ именемъ Симеона Метафраста и которую теперь совѣтуютъ называть аноним-

1) Patzig, Leo Grammaticus und seine Sippe: Byzantinische Zeitschrift III (1894), S. 483—485.

ною; весьма вѣроятно, что и дальнѣйшія необъяснимыя изъ другихъ источниковъ заимствованія ведутъ свое происхожденіе отсюда же. Нѣкоторое и даже довольно близкое родство съ Логоѳетомъ при этомъ нисколько не будетъ насъ удивлять, когда мы припомнимъ, что и въ напечатанной второй своей части мнимый Метафрастъ оказывается весьма зависимымъ отъ дѣйствительнаго Логоѳета.—Что касается вставки на стр. 569 (у Муральта), то происхожденіе ея указано недвусмысленнымъ образомъ въ самомъ текстѣ, который начинается словами: εἰς τὸ χρονικὸν βιβλίον τοῦ Ἀλεξανδρέως ἐξηγητοῦ (a nota marginalis: ἀπὸ ἄλλου χρονικοῦ). Разсказъ относится къ возвращенію Іерусалима, взятаго Персами, Иракліемъ въ 629-мъ году, и заимствованъ, очевидно, изъ Пасхальной хроники, именовавшейся иначе Александрійскою; если мы его теперь тамъ не находимъ, то потому только, что конецъ хроники утраченъ.

III.

Логоѳетъ и Левъ Грамматикъ.

Итакъ, можно считать доказанными слѣдующія два положенія: 1) славянская хроника Симеона Логоѳета, дошедшая до насъ въ Сочавской, нынѣ Петербургской рукописи, соотвѣтствуетъ *неизданнымъ* греческимъ хроникамъ, носящимъ то же названіе и 2) это та самая хроника Логоѳета, которой греческій подлинникъ послужилъ къ продолженію хроники Георгія Амартола и къ дополненію ея первоначальнаго текста, какъ онъ сохранился въ древнѣйшихъ спискахъ, Коаленевыхъ и Ватиканскомъ, а также въ соотвѣтствующихъ славянскихъ переводныхъ редакціяхъ (сербской и болгарской). Для нѣкоторой наглядности прибавимъ такое разъясненіе, что если взять *сербскій Лѣтовникъ* Георгія монаха, соотвѣтствующій греческому Коаленеву 305 (до Константина Копронима включительно) и сложить его съ болгарскимъ лѣтовникомъ Симеона Логоѳета, то получилась бы почти полная позднѣйшая редакція Амартола, какъ она представлена Московскимъ Синодальнымъ спискомъ и въ академическомъ изданіи Муральта, а продолженіе въ сербскомъ *Лѣтовникѣ* будетъ заключать въ себѣ чистый текстъ Логоѳета: излишки и на той и на другой сторонѣ

окажутся незначительными.—Мы нашли давно искомую настоящую хронику Логоѳета въ *славянскомъ ея переводѣ* и до сихъ поръ вели все изслѣдованіе такъ, какъ будто греческій ея подлинникъ намъ недоступенъ—по крайней мѣрѣ въ печатномъ видѣ. Теперь мы можемъ заявить, что напротивъ онъ давно находится въ обращеніи и даже не въ одномъ изданіи, а въ двухъ (не считая третьяго неполнаго); только ходъ изслѣдованія требовалъ, чтобы мы о томъ прямо не говорили. Мимоходомъ мы, однако, неоднократно отмѣчали и давали понять, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ возможно сравненіе неизданной венеціанской хроники Симеона съ общеизвѣстною и общедоступною греческою хроникою Льва Грамматика или же близко съ нимъ родственнаго Ѳеодосія Мелитинскаго, тамъ обнаруживается разительное сходство между всѣми тремя текстами. Еще яснѣе и удободоказуемѣе такое сходство, равняющееся часто тождеству, между славянскимъ Логоѳетомъ и тѣмъ же Львомъ Грамматикомъ (а равно и Ѳеодосіемъ). Когда намъ во второй главѣ нужно было имѣть въ распоряженіи греческій текстъ Логоѳета, равняющійся славянскому, мы съ полнымъ успѣхомъ прибѣгали къ выпискамъ изъ печатнаго изданія Льва Грамматика. Полное и систематическое сравненіе славянскаго Логоѳета и греческаго Льва Грамматика было бы благодарною и полезною задачею, но оно потребовало бы слишкомъ многочисленныхъ и длинныхъ выписокъ. Результатъ все-таки получился бы такой, какой уже можно предусматривать изъ предыдущихъ сопоставленій; въ сущности оказывается, что отъ начала до конца славянская хроника Логоѳета представляетъ ту же самую хронику Льва Грамматика съ такими небольшими отличіями, какія обычны не только въ двухъ редакціяхъ одного и того же сочиненія, но даже не рѣдки въ двухъ спискахъ подобныхъ византійскихъ произведеній, и какія нисколько не предполагаютъ двухъ работниковъ, одинаково достойныхъ носить имя авторовъ. Чтобы объяснить себѣ эту близость или даже тождество двухъ греческихъ произведеній, до сихъ поръ считавшихся отличными, нужно прежде всего знать происхожденіе пресловутой хроники Льва Грамматика.

Въ первый разъ она была издана Гоаромъ и Комбефисомъ въ Парижскомъ собраніи, при чемъ текстъ ея былъ заимствованъ изъ Парижскаго кодекса № 1711, содержащаго послѣдовательно рядъ хронографовъ: *лѣтописецъ вкратцѣ* (*χρονογραφία σύντομος*) патріарха Никифора, потомъ подробная хроника отъ Адама до Діоклетіана Георгія Синкелла, далѣе хроника Ѳеофана отъ Діоклетіана до Ми-

хаила и его сына Θеофилакта (иначе до Льва Армянина). Непосредственно за текстомъ Θеофана на томъ же 368 fol. v., гдѣ оный кончается, начинается ἑτέρα συγγραφὴ χρονογραφίου τὰ κατὰ Λέοντος παρέχουσα υἱοῦ Βάρδα τοῦ Ἀρμενίου — до 373 r. (другое списаніе хронографіи, представляющее то, что относится до (что направлено противъ) Льва Армянина, сына Варды). Эта небольшая пьеса напечатана была Гоаромъ позади Θеофана, перепечатана въ Боннскомъ изданіи при Львѣ Грамматикѣ, тамъ и здѣсь весьма небрежно, какъ это обнаруживается уже въ неправильной передачѣ самаго ея заглавія[1]). Затѣмъ послѣ промежутка въ нѣсколько строкъ на fol. 373 r. читается новое заглавіе: ἑτέρα συγγραφὴ Λέοντος τοῦ αὐτοῦ («иное списаніе: того же Льва), а на fol. 393 v., гдѣ сочиненіе оканчивается, находится приписка: ἐτελειώθη ἡ τῶν νέων βασιλέων χρονογραφία πληρωθεῖσα παρὰ Λέοντος Γραμματικοῦ μηνὶ Ἰουλίῳ η' ἑορτῇ τοῦ ἁγίου μεγαλομάρτυρος Προκοπίου, ἔτους ,ςφκα' ἰνδ. ια' = 18 іюля 1013 г.[2]). Другою позднѣйшею рукой сдѣлана еще новая приписъ, начинающая словами: Λέων πρόεδρος καὶ δοὺξ Κιβυρρηωτῶν ὁ Τζικάνδυλος καὶ οἰκεῖος ἄνθρωπος τοῦ κραταιοῦ καὶ ἁγίου ἡμῶν βασιλέως—съ молитвеннымъ обращеніемъ къ Богоматери о спасеніи отъ вѣчнаго неугасимаго огня и съ заключеніемъ: «я написалъ это въ мѣсяцѣ февралѣ 6632 года въ царствованіе Іоанна Порфирогеннита»[3]). Эта послѣдняя запись не возбуждаетъ въ насъ никакихъ недоумѣній; она, очевидно, указываетъ на временного владѣльца рукописи, сановника, управлявшаго Кивирріотскимъ (въ Малой Азіи) воеводствомъ при царѣ Кало-Іоаннѣ (1118—1141); фамилія Тцикандиловъ встрѣчается за это время и въ другихъ источникахъ[4]).

---

1) Συγγραφὴ χρονογραφίου τὰ κατὰ Λέοντα υἱὸν Βάρδα τοῦ Ἀρμενίου περιέχουσα Leo Grammat. ed. Bonn, pag. 333. 334.—Въ первый разъ кодексъ 1711 точно описанъ де-Бооромъ въ критическомъ изслѣдованіи о спискахъ Θеофана (Theophan. Chronogr. t. II, 376 pag. et sequ.): мы ему и слѣдуемъ.

2) «Окончена хронографія о новѣйшихъ царяхъ, восполненная (исполненная) Львомъ Грамматикомъ въ мѣсяцѣ Іюлѣ въ праздникъ св. великомученика Прокопія въ 6521 г. инд. 11».

3) Ἔγραψα ταῦτα μηνὶ Φεβρουαρίῳ ἔτους ,ςχλβ' (1124) ἐπὶ βασιλέως Ἰωάννου τοῦ Πορφυρογεννήτου. Выше въ мѣсто ἁγίου Комбефисъ прочиталъ πρώτου (въ рукоп. ἁ).

4) Обыкновенно указываютъ на *Василія* Тцикандила, который игралъ нѣкоторую роль въ событіяхъ 1147 года уже при царѣ Мануилѣ (de Boor — l. c. pag. 378); но мы находимъ у Лабба (Labbe, Nova Biblioth. pag. 137) указаніе на надгробное стихотвореніе, посвященное Θеодоромъ Продромомъ, начавшимъ свою литературную дѣятельность при Кало-Іоаннѣ, именно Льву Тцикандилу, который могъ быть отцемъ Василія. In codice regio 1518 ejusdem (Theodori Prodromi) versus epitaphii ad Tzicandilem Leonem. Cp. Hirsch, Byzant. Stud. S. 91.

Только вслѣдствіе неполной передачи приписки въ изданіи Гоара—Комбефиса возможны были совсѣмъ напрасныя догадки о писателѣ времени Константина Багрянороднаго, скрывающемся подъ именемъ Льва Тцикандила. Съ гораздо большимъ правомъ усматриваютъ указаніе на имя автора въ предыдущей приписи, гдѣ говорится о Львѣ Грамматикѣ. Однако, мы рѣшаемся и здѣсь отступить отъ общепринятаго мнѣнія и выразить нѣкоторыя сомнѣнія. Что значитъ слово πληρωθεῖσα, обозначающее ближайшимъ образомъ дѣятельность Льва Грамматика? Если оно значитъ «восполненная», или «дополненная», какъ это всего болѣе соотвѣтствовало бы обычному словоупотребленію[1]), то Левъ Грамматикъ бы являлся онъ не столько авторомъ, сколько переписчикомъ или—наибольшее—редакторомъ чужей готовой хроники: двѣ эти функціи часто соединялись произволомъ грамотныхъ и притязательныхъ византійцевъ. Въ 1013 году Левъ Грамматикъ кончилъ переписку хроники о *новѣйшихъ* царяхъ, доведенную до событій 948 года, низложеніи и смерти Романа Лакапина, который по отношенію къ *его* времени едва-ли могъ бы быть названъ *новѣйшимъ*, а тѣмъ болѣе его предшественники. Грамматикъ повторилъ прежде существовавшее заглавіе. Но еще выше — въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается хронографія о новѣйшихъ царяхъ со времени Льва Армянина, стоитъ заглавіе, тоже какъ будто приписывающее авторство нѣкоему Льву: «иное списаніе того же Льва». Однако, и тутъ слѣдуетъ поближе всмотрѣться въ дѣло. Слово *того же* (τοῦ αὐτοῦ), имѣетъ отношеніе не къ послѣдующему, а къ предыдущему, а въ предыдущемъ заглавіи дѣло шло не объ авторѣ Львѣ, а о царѣ Львѣ, какъ предметѣ повѣствованія. Авторъ предшествующаго сочиненія справедливо обозначается въ Парижскомъ и Боннскомъ изданіяхъ какъ *scriptor incertus* de Leone Bardae filio. Повидимому, дѣло обошлось не безъ примѣси нѣкотораго недоразумѣнія со стороны переписчика и редактора, и слова «ἑτέρα συγγραφὴ Λέοντος τοῦ αὐτοῦ» полнѣе должны

1) Впрочемъ, было бы напрасно искать примѣровъ такого словоупотребленія въ самомъ текстѣ Льва, потому что текстъ не принадлежитъ собственно ему, скорѣе слѣдуетъ обращаться къ соотвѣтствующимъ припискамъ. Въ этомъ отношеніи мы пока можемъ только указать на cod. Vatic. 979, содержащій хронику Синкелла и, какъ ея продолженіе, Ѳеофана; приписка приведена у де-Боора (Theophan. Chronogr. 11, 894): Τέλος χρονογραφίας γεωργίου συγκέλλου καὶ θεοφάνους τὸ λεῖπον πληρῶν. ἐν τῷ ἔτει ,αφοα' ἐγράφη ἡ παροῦσα βίβλος δεκεμβρίου πρώτῃ. Повторенная еще въ другомъ кодексѣ (de Boor ibid. 5, 395), запись представляетъ явную аналогію съ занимающею насъ приписью Льва, но, къ сожалѣнію, и здѣсь смыслъ ея не вполнѣ ясенъ («конецъ—недостающее восполняющій»).

бы читаться такъ: *ἑτέρα συγγραφὴ περὶ* (или *κατὰ*) *Λέοντος τοῦ αὐτοῦ*: «иное списаніе о томъ же самомъ Львѣ». Это вполнѣ отвѣчало бы положенію вещей, потому что о Львѣ Армянинѣ въ самомъ дѣлѣ разсказывается два раза — сначала подробнѣе, но безъ конца, въ отдѣльномъ сказаніи, а потомъ опять въ началѣ слѣдующей хроники.—Прибавимъ, слѣдуя де-Боору, еще нѣкоторыя свѣдѣнія о кодексѣ 1711. Послѣ приписки Льва Тцикандила на отдѣльномъ листкѣ другою и тоже позднѣйшею рукою написано стихотвореніе, обращенное къ царю Роману Діогену и оплакивающее печальную судьбу царя, ослѣпленнаго въ 1073 году, а за тѣмъ слѣдуетъ жизнь Александра Македонскаго (Александрія), за утратою послѣднихъ листовъ неоконченная. Стихи, по мнѣнію де-Боора, у котораго они вполнѣ воспроизведены, едва ли взяты изъ какого-либо другого собранія, а скорѣе должны считаться непосредственнымъ изліяніемъ чувствъ либо читателя хронографіи въ этомъ кодексѣ, либо его владѣльца (нѣтъ необходимости думать о самомъ Львѣ Тцикандилѣ). Въ такомъ случаѣ сборникъ № 1711 былъ бы переписанъ ранѣе 1073 года, и въ самомъ дѣлѣ указаніе составителей каталога греческихъ рукописей Парижской библіотеки, относящихъ кодексъ 1711 къ XIII вѣку, въ строгомъ смыслѣ можетъ считаться правильнымъ только по отношенію къ первымъ листкамъ, содержащимъ лѣтописецъ патріарха Никифора, писанный другою и болѣе новою рукою, чѣмъ послѣдующее. На основаніи автопсіи хорошо знакомый съ византійскими рукописями издатель Ѳеофана заключаетъ, что, во всякомъ случаѣ, за сейчасъ указаннымъ исключеніемъ, кодексъ, писанный сплошь однимъ и тѣмъ же почеркомъ, не многимъ позднѣе 1013-го года, а слѣдовательно нѣтъ никакихъ препятствій относить его написаніе именно къ этому году. Де-Бооръ все таки считаетъ возможнымъ такое представленіе, что Левъ Грамматикъ, переписавъ Синкелла и за тѣмъ Ѳеофана съ небольшимъ продолженіемъ неизвѣстнаго, потомъ перешелъ къ роли сочинителя и отъ себя прибавилъ хронографію новѣйшихъ царей, обозначивъ собственный трудъ особою припискою въ концѣ. Мы уже указали основанія, почему такое толкованіе приписки намъ кажется неподходящимъ; прибавимъ, что было бы совсѣмъ неестественно, чтобы авторъ свое собственное произведеніе такъ равнодушно обозначилъ въ заглавіи *«иное списаніе — ἑτέρα συγγραφή.»* Другое возможное предположеніе по де-Боору будетъ заключаться въ томъ, что приписка объ окончаніи хронографіи новѣйшихъ царей первоначально

была принадлежностью того кодекса, изъ котораго переписчикъ Парижскаго сборника 1711 заимствовалъ хронику Льва Грамматика, присоединивъ ее къ Ѳеофану. Это и намъ кажется возможнымъ; только самый смыслъ приписки, если мы и перемѣстимъ ее въ своемъ воображеніи въ другой кодексъ, все-таки не говоритъ прямо и рѣшительно объ авторѣ.

Но вотъ въ чемъ самое важное. Какъ послѣ оказалось, изданное въ парижской коллекціи съ именемъ Льва Грамматика продолженіе Ѳеофана не было цѣльнымъ сочиненіемъ, а только частью цѣлаго, изъ котораго составитель или переписчикъ кодекса 1711 взялъ вторую нужную ему половину. Это бы должно было окончательно устранить мысль о томъ, что автора приписки 1013 года можно считать настоящимъ авторомъ хронографіи новыхъ царей; прежде чѣмъ послужить продолженіемъ Ѳеофана, хроника Льва существовала самостоятельно — въ другомъ видѣ. Въ 1839 году англичанинъ Крамеръ напечаталъ въ *Anecdota graeca* (e codd. manuscriptis Bibliothecae regiae Parisiensis vol. II, pag. 243 — 373) подъ заглавіемъ «Ἐκλογαὶ ἱστοριῶν» извлеченную изъ другого парижскаго кодекса № 854 часть *анонимной* хроники, которая начиналась посреди повѣствованія о грѣхопаденіи; содержала краткій очеркъ еврейской, а за тѣмъ римской императорской исторіи, и потомъ византійской до Льва Армянина—съ дальнѣйшимъ продолженіемъ, которое воспроизводить печатно Крамеръ не нашелъ нужнымъ, ограничившись замѣчаніемъ: quae sequntur extant apud Leonem Grammaticum, continuatorem Theophanis (pag. 373 annot. 71). Въ краткомъ вводномъ замѣчаніи Крамеръ указалъ на то, что составитель каталога парижскихъ рукописей приписалъ всю хронику Льву Грамматику, но, по его мнѣнію, ошибочно, такъ какъ имя Льва появляется только при той ея части, которая слѣдуетъ за періодомъ, изложеннымъ у Ѳеофана. Тѣмъ не менѣе обѣ части въ Боннскомъ изданіи Византійцевъ соединены были Беккеромъ (въ 1842 г.) вмѣстѣ и изданы какъ одно цѣлое: «не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, замѣчаетъ Ф. Гиршъ, что эти двѣ прежде изданныя отдѣльно части въ самомъ дѣлѣ взаимно принадлежатъ одна другой и образуютъ вмѣстѣ хронику Льва Грамматика»[1]). Доказательствами служатъ для Гирша, вопервыхъ, самый Парижскій кодексъ 854, содержащій цѣлое въ таковомъ именно объемѣ, вовто-

1) F. Hirsch, Byzantin. Studien, S. 90.

рыхъ, то обстоятельство, что такой же объемъ (но съ начальными недостающими въ № 854-страницами) имѣетъ и хроника Ѳеодосія Мелитинскаго, представляющая, по мнѣнію Гирша, только обработку хроники Льва, и наконецъ, въ третьихъ совершенно одинаковые компилятивные пріемы автора въ обѣихъ частяхъ. Не останавливаясь на послѣднемъ аргументѣ, значеніе котораго само собою разъяснится далѣе, мы прибавимъ и тотъ еще болѣе рѣшительный, что совершенно такой же объемъ имѣетъ и славянская Сочавско-Петербургская рукопись Симеона Логоѳета (и Метафраста), и въ ней обѣ части соединены неразрывно въ одно цѣлое, въ оглавленіи котораго стоитъ соотвѣтствующее—въ самомъ началѣ нашей статьи приведенное—заглавіе, а въ концѣ извѣстная намъ припись «до здѣ Симеона Логоѳета творенье».—Начало славяно-болгарской рукописи: Б҃ъ безлѣтный и т. д.—до словъ (Листъ 11): чесо ради изгнань бы҃ ч҃лкь из раѩ. Отвѣть: и о кѡжны[х] риза[х] есть оубо ѿ реченныихь разȣмѣти»—соотвѣтствуетъ Ѳеодосію Мелитинскому (ed. Tafel) *pag. I*. Θεὸς ὁ ἄχρονος — *pag. 10*: τίνος ἕνεκεν ἐκβάλλεται ὁ ἄνθρωπος ἐκ τοῦ παραδείσου; καὶ περὶ τῶν δερματίνων χιτώνων ἐστὶ τοίνυν εἰρημένον ἐννοεῖν. А дальнѣйшее находится уже и въ греческомъ текстѣ Крамера, воспроизведенномъ у Беккера въ Боннскомъ изданіи Льва Грамматика .... Τοίνυν ἐκ τῶν εἰρημένων ἐννοεῖν ὅτι ἠδύνατο ὁ ἄνθρωπος καὶ μετὰ τὴν παράβασιν εἰς αἰῶνας ζῆν и т. д. = оубо ѿ реченныихь разȣмѣти. ѩко мѡжаше ч҃лкь и по прѣступленіи, въ вѣкы живь быти и т. д.

Третьимъ аргументомъ въ оправданіе соединенія текстовъ Гоара-Комбефиса и Крамера въ одно цѣлое Гиршъ считаетъ одинаковый характеръ работы въ той и другой части; тамъ и здѣсь мы имѣемъ совершенно не самостоятельную компиляцію, при чемъ въ обоихъ отдѣлахъ главный источникъ одинъ и тотъ же, а именно, по мнѣнію Гирша, хроника Георгія монаха (Амартола). На этомъ пунктѣ, который ближе подводитъ насъ къ нашей ближайшей здѣсь задачѣ — къ разрѣшенію вопроса о происхожденіи хроники, надписываемой именемъ Льва Грамматика, мы должны остановиться. Передаемъ сначала разсужденія Гирша.

Отъ каждаго, занимавшагося съ нѣкоторымъ вниманіемъ византійской исторіею IX и X столѣтій, не могло ускользнуть наблюденіе, что между хроникою Льва Грамматика и таковою же Георгія съ его продолженіемъ, существуетъ большое сходство, и по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ ученыхъ дѣлали попытки опредѣлить

это сходство точнѣе. Шлоссеръ (въ исторіи иконоборческихъ императоровъ) и Гергенрётеръ (въ сочиненіи о Фотіѣ) утверждали, что оба хрониста пользовались однимъ и тѣмъ же источникомъ, Муральтъ сначала (въ Опытѣ византійской хронографіи) высказался въ томъ смыслѣ, что Георгій есть одинъ изъ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ Левъ извлекъ матеріалъ для своего труда, позднѣе (въ предисловіи къ Петербургскому академическому изданію Амартола) онъ утверждалъ, что все сочиненіе Льва есть выписка изъ Георгія; однако, ни одинъ изъ названныхъ ученыхъ не привелъ достаточныхъ основаній для своего утвержденія. Гиршъ беретъ на себя точнѣе опредѣлить отношеніе между двумя хрониками и привлекаетъ къ сравненію не только вторую половину хроники Льва, ближе касающуюся основной темы его цѣлаго труда, но, насколько это было необходимо, и начальную часть. Прежде всего онъ кстати замѣчаетъ, что хроника Льва въ началѣ представляетъ большей частію буквальное сходство съ другою, извѣстною подъ именемъ Юлія Полидевка (Поллукса) и доходящею (въ изданіяхъ Біанкони и Гардта) до середины царствованія императора Валента (въ концѣ IV вѣка по Р. Х.); приводятся примѣры для нагляднаго выясненія этого отношенія. Эти сходныя между собою части Льва и Полидевка въ свою очередь обнаруживаютъ совершенно явное сходство съ соотвѣтствующими начальными частями хроники Георгія и въ этой послѣдней постоянно встрѣчаются тѣ же самыя фактическія данныя, выраженныя сходными или даже совершенно одинаковыми словами. Однакоже Георгій съ другой стороны представляетъ и значительныя отступленія, онъ гораздо содержательнѣе заключаетъ въ себѣ значительное количество совершенно чуждыхъ Льву и Полидевку элементовъ, расположеніе у него отчасти совсѣмъ другое; далѣе у него совсѣмъ отсутствуетъ исторія мірозданія, съ которой начинаетъ Левъ и Полидевкъ, исторія Адама и его ближайшихъ потомковъ короче, дальнѣйшая еврейская и персидская исторія, напротивъ, гораздо подробнѣе, извѣстія объ Александрѣ особыя-отличныя. Итакъ, утвержденіе Муральта, что Левъ просто на просто списывалъ Льва и Полидевка, для этой части едва ли правильно, напротивъ сходство трехъ авторовъ здѣсь, безъ сомнѣнія, есть слѣдствіе пользованія однимъ источникомъ, изъ котораго Левъ и Полидевкъ большею частію выписывали буквально, но въ другихъ мѣстахъ, и при томъ оба различнымъ образомъ, сокращали или же распространяли извѣстіями,

заимствованными со стороны, между тѣмъ какъ Георгій обрабатывалъ тотъ же самый источникъ при помощи иныхъ пособій. Въ изложеніи Римской императорской исторіи между Львомъ и Полидевкомъ оказывается значительная разница, но за то Левъ обнаруживаетъ здѣсь болѣе близкое родство съ Георгіемъ. Большая часть его данныхъ буквально сходны съ сообщеніями этого хрониста или же очень близки по слововыраженію. Гиршъ дѣлаетъ (стр. 96) сопоставленіе двухъ соотвѣтствующихъ текстовъ объ Юліѣ Цезарѣ. Текстъ Льва Грамматика отчасти (по начальнымъ строкамъ) намъ уже знакомъ, а равнымъ образомъ и текстъ Амартола, замѣтимъ только, что Гиршъ для второго имѣетъ въ виду именно печатный текстъ Муральта, а не первоначальный рукописный (см. выше стр. 85). Но и здѣсь хроника Льва не можетъ быть считаема простою обработкою или извлеченіемъ изъ хроники Георгія. Въ той и другой встрѣчается значительное количество извѣстій и сообщеній, принадлежащихъ только одной изъ нихъ. Порядокъ, въ которомъ слѣдуютъ фактическія данныя, не рѣдко бываетъ различенъ. Повидимому, согласіе обоихъ, насколько оно существуетъ, и здѣсь объясняется скорѣе пользованіемъ однимъ источникомъ, чѣмъ заимствованіемъ Льва у Георгія...

Въ началѣ собственно византійской исторіи остается то же самое отношеніе. О императорѣ Львѣ I у Льва Грамматика (pag. 114) слѣдуютъ сначала извѣстія, соотвѣтствующія Георгію (pag. 512) въ таковомъ (у послѣдняго) порядкѣ: cap. 11. 9. 6. 10. опять 6. 3. Однако, это различіе далѣе прекращается; съ исторіи Ираклія расположеніе сходныхъ составныхъ частей у Льва то же, что у Георгія.

Только начиная съ исторіи Юстиніана II измѣняется отношеніе между двумя хронистами. Вмѣсто частныхъ совпаденій при отдѣльныхъ только у Льва находящихся сообщеніяхъ, исторія Юстиніана и послѣдующихъ императоровъ за первый періодъ иконоборства имѣетъ величайшее сходство у Льва съ Георгіемъ. Большею частію оба сходятся буквально или же у Льва встрѣчаются только легкія измѣненія большею частію — сокращенія; болѣе или менѣе длинныя отступленія — частію богословско-полемическаго, частія анекдотическаго содержанія, составляющія характеристическую особенность хроники Георгія, у Льва отсутствуютъ; съ другой стороны послѣдній все-таки сообщаетъ отдѣльныя замѣчанія (Notizen), какихъ не встрѣчается у Георгія ... Гиршъ (S. 98) тщательно ихъ перечисляетъ. Общее за-

ключеніе такое, что въ исторіи перваго иконоборческаго періода и временного возстановленія иконопочитанія хроника Георгія Амартола была непосредственнымъ источникомъ для Льва Грамматика, который къ заимствованнымъ отсюда извѣстіямъ присоединилъ очень немногія, заимствованныя изъ другого источника.

Что касается послѣдней части Льва, касающейся исторіи Льва Армянина и его преемниковъ,—до Романа I, то и здѣсь господствуетъ такое же родственное отношеніе Грамматика съ начала къ послѣдней части хроники Георгія—и при томъ Георгія позднѣйшаго, дополненнаго многочисленными прибавками позднѣйшей умноженной редакціи, а потомъ къ заимствованному изъ Логоѳета продолженію Георгія— только съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь прекращаются и тѣ небольшія прибавки, какія ранѣе замѣчались. Тщательное сравненіе обоихъ убѣдило Гирша, что относительно этой части утвержденіе Муральта вполнѣ справедливо, Левъ здѣсь просто буквально выписывалъ изъ Георгія и его продолжателя (Логоѳета), пропуская свойственныя Георгію отступленія, и по мѣстамъ дѣлая большія или меньшія сокращенія. Такъ, напримѣръ, исторія Льва Армянина вмѣсто двухъ первыхъ главъ Георгія даетъ только нѣсколько словъ, а обѣ слѣдующія главы — о появленіи болгарскаго князя Крума передъ Константинополемъ—напротивъ, переданы почти буквально, потомъ слѣдуетъ еще сообщеніе (ὁ δὲ Λέων—Νικηφόρον ἐξορίσας), заимствованное изъ первой главы у Георгія; дальнѣйшее повѣствованіе о церковныхъ смутахъ есть краткое извлеченіе изъ Георгія cap. 6—22 (съ обычнымъ исключеніемъ элемента обличительнаго и декламаторскаго); въ разсказѣ о судѣ надъ Михаиломъ и объ умерщвленіи Льва буквально повторяется изложеніе Георгія cap. 23—25. — Болѣе сжатый и ограничивающійся почти только фактическими сообщеніями разсказъ продолжателя Георгія (= Логоѳета) давалъ гораздо менѣе поводовъ къ выпускамъ и сокращеніямъ, чѣмъ самъ Георгій, но и здѣсь въ исторіи Романа I три главы Георгія-Логоѳета (5—объ измѣнникѣ Рентакіѣ, 13—о перенесеніи костей царя Маврикія, 46—о посѣщеніи Константинополя Маріею, женой царя Петра Болгарскаго) совершенно обойдены, а равнымъ образомъ сокращено изображеніе благочестія императора въ гл. 39 и 54. — Эта послѣдняя часть интересна для насъ тѣмъ, что даетъ возможность опредѣлить свойство и характеръ экземпляра Амартоловой хроники, какимъ пользовался Левъ. Вообще онъ былъ нужно думать, очень сходенъ съ московскимъ си-

подальнымъ; хроника Георгія въ немъ была соединена съ продолженіемъ, составленнымъ для нея по Логоѳету, самую хронику Георгія онъ содержалъ въ распространенной многочисленными прибавками редакціи.

Почти все, что здѣсь сказано объ отношеніи хроники Льва Грамматика къ распространенному Амартолу, идетъ также и къ славянскому тексту Логоѳета Симеона. Этотъ послѣдній точно такъ же представляетъ самостоятельное произведеніе, отличающееся въ изложеніи событій большею подробностію и почти полнымъ устраненіемъ элемента богословско-обличительнаго и нравственно-назидательнаго, точно такъ же имѣетъ мѣста сходныя съ хроникою Георгія, обличающія пользованіе общимъ источникомъ, что мы обозначили выраженіемъ «первичное сходство», и равнымъ образомъ имѣетъ много мѣстъ, буквально тождественныхъ, которыя мы назвали «вторичнымъ родствомъ»; притомъ эти сходства и тождества у Льва и у Логоѳета съ Амартоломъ распредѣлены у обоихъ совершенно одинаково, встрѣчаются въ тѣхъ же самыхъ пунктахъ; тождественность продолженія Амартола съ Логоѳетомъ, разумѣется, уже сама собою и показана въ предыдущей главѣ. Итакъ, Левъ Грамматикъ еще болѣе, и несравненно болѣе, совпадаетъ съ хроникою, которая намъ доступна въ славянскомъ переводѣ и которая не напрасно носитъ въ заглавіи имя Логоѳета. При такомъ положеніи дѣла можетъ ли быть удерживаемо общепринятое представленіе о связи Льва Грамматика съ распространеннымъ Амартоломъ? Можно ли объяснять сходство между Львомъ Грамматикомъ и хроникою Логоѳета, сходство, почти равняющееся буквальному тождеству, тѣмъ, что Левъ Грамматикъ заимствовалъ многое изъ Георгія, дополненнаго и продолженнаго при помощи Логоѳета? Очевидно, нѣтъ, ибо сходство и тождество одинаково касается какъ мнимо заимствованныхъ мѣстъ, такъ и незаимствованныхъ, а самостоятельныхъ у Льва или Логоѳета. Очевидно, что Левъ Грамматикъ пользовался не распространеннымъ Георгіемъ, а прямо Логоѳетомъ. Неправильное представленіе, пущенное въ ходъ особенно Муральтомъ, ограниченное, но и поддержанное Ф. Гиршемъ и до сихъ поръ удерживающееся даже въ изслѣдованіяхъ такихъ знатоковъ дѣла, какъ де-Бооръ, все-таки объясняется отсутствіемъ настоящаго критическаго изданія первоначальной хроники Георгія монаха (Амартола). Частныя наблюденія, фрагментарныя сравненія и сопоставленія не даютъ полной желанной наглядности. Иначе уже давно бросилось бы въ глаза слѣдую-

щее наблюденіе. Если мы возмемъ первоначальный текстъ Георгія— хотя бы по списку Coislin. 305 и Сербскій Лѣтовникъ на всемъ протяженіи до Константина Копронима въ греческомъ (гдѣ текстъ прерывается) и до Ѳеофила въ Сербскомъ, то тождества или буквальныхъ сходствъ *вторичнаго* характера между Львомъ и Георгіемъ совсѣмъ не окажется. Итакъ, если предполагать заимствованіе со стороны Льва Грамматика изъ умноженнаго Георгія Амартола, то выйдетъ слѣдующая странность: компиляторъ извлекъ изъ Георгія только то, чего въ немъ первоначально не было, что ему собственно не принадлежало, пропустилъ все собственно Георгіевское, а захватилъ только то, что сюда было послѣ внесено изъ Логоѳета, и при этомъ произвелъ операцію столь искусно, что нигдѣ не задѣлъ другой болѣе обширной части Георгіевой хроники. Ясное дѣло, что это невозможно, и что Левъ Грамматикъ просто пользовался тѣмъ же Логоѳетомъ, которымъ какой-то позднѣйшій компиляторъ воспользовался для дополненія и продолженія Георгія. А другими словами: не Левъ Грамматикъ пользовался распространенною хроникою Георгія, а напротивъ изъ Льва Грамматика были взяты дополненія для хроники Георгія; правда, что въ рукописяхъ продолженіе, а косвенно и самыя дополненія—приписаны Логоѳету, но вѣдь Логоѳетъ и Левъ Грамматикъ почти тождественны. Въ началѣ этой главы при толкованіи приписокъ въ Paris. 1711 мы уже склоняли свои разсужденія къ тому выводу, что Левъ Грамматикъ былъ не авторомъ хроники *Новѣйшихъ царей*, а только переписчикомъ, самое большее—редакторомъ, позволившимъ себѣ нѣкоторыя стилистическія измѣненія, мелкія дополненія, а иногда пропуски. Онъ взялъ изъ сочиненія Логоѳета ту именно часть, которая ему была нужна для продолженія ранѣе переписанной хроники Ѳеофана. Очень возможно, что въ томъ экземплярѣ, который служилъ ему подлинникомъ, уже существовало раздѣленіе на двѣ части, такъ какъ первая половина Логоѳета отличалась отъ второй, начинающейся съ царствованія Льва Армянина, прежде всего своимъ происхожденіемъ изъ особаго источника, о которомъ у насъ ранѣе были высказаны предположенія. Это была въ свою очередь компиляція, составленная по Ѳеофану, а ранѣе захватываемаго симъ послѣднимъ періода—по другимъ авторамъ. Логоѳету, писавшему въ X вѣкѣ, естественно было обозначить свое продолженіе заглавіемъ «хронографія новѣйшихъ царей». Нѣтъ особеннаго основанія настаивать на мелкихъ отличіяхъ, которыя оказываются между печатнымъ текстомъ

Льва Грамматика и заимствованными изъ Логоѳета мѣстами въ распространенномъ Амартолѣ, что дѣлаетъ Ф. Гиршъ (Byzant. Stud. S. 100, 101): ихъ достаточно объясняетъ обоюдная небрежность двухъ компиляторовъ или же одного переписчика и одного компилятора. Два примѣра, приводимые Гиршемъ для доказательства, что нѣкоторыя особенности текста Льва Грамматика не случайны, а должны быть объясняемы пользованіемъ—не просто хроникою Амартола, а даже особенною его редакціею—Ватиканскою (съ новыми позднѣйшими прибавленіями), для насъ неубѣдительны. Первый примѣръ заключается въ перечисленіи соучастниковъ Василія Македонскаго въ заговорѣ на убійство Варды Кесаря:

Leo Grammat. pag. 244.	Логоѳетъ листъ 186. об.
ὑπῆρχον δὲ ἐν τῇ βουλῇ Μαριανὸς ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ καὶ Πέτρος ὁ Βούλγαρος καὶ Ἰωάννης ὁ Χαλδίας καὶ Κωνσταντῖνος ὁ Τοξαρᾶς.	Бѣхѫ же на съвѣтѣ, Маріань брать его и Симватіе и Варда брать его. и Іωаннъ Халдо, и Костандинь Тоѯара.

Гиршъ дѣлаетъ удареніе на словахъ «ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ», которыхъ нѣтъ при имени Маріана въ синодальномъ текстѣ Амартола, но мы видимъ, что 1) эти слова находятся въ славянскомъ Логоѳетѣ и слѣдовательно, объясняются прямою изъ него выпискою, и что 2) въ Ватиканскомъ кодексѣ нѣтъ вполнѣ соотвѣтствующаго чтенія: Μαυριανὸς καὶ Συμβάτιος [1]) καὶ Βάρδας οἱ αὐτοῦ ἀδελφοὶ καὶ Ἀσυλαίων ὁ τούτου ἐξάδελφος, а это весьма далеко отъ текста Льва Грамматика. Сравненіе со славянскимъ (а также съ Ѳеодосіемъ Мелитинскимъ ed. Tafel pag. 179) показываетъ, что у Льва по небрежности пропущены имена, заключающіяся между дважды повтореннымъ словомъ ἀδελφός. Въ славяно-болгарскомъ переводѣ Логоѳета «Петръ Болгаринъ» пропущенъ, повидимому, по побужденіямъ патріотизма.

Второй примѣръ относится къ событіямъ въ малолѣтство Константина Багрянороднаго:

Leo Grammat. pag. 101.	Логоѳетъ листъ 226.
Οἱ δὲ τὰ τῆς βουλῆς ἰδόντες ἔγγιστα ἤδη τοῦ δρόμωνος Ῥωμανοῦ γεγονότες ἥρπασαν αὐτὸν ταῖς χερσὶ καὶ «ἄρατε αὐτόν» ἐφώνησαν·	Они же сѫще^м свѣть вѣдяще, близь оуже кораблѣ Романоу бывшоу. и понеже тъи съзади паракимоумена Костандина

1) Чтеніе Ватиканскаго списка не совсѣмъ точно передано (по Муральту) у Гирша; мы исправляемъ его по копіи, находящейся въ библіотекѣ Академіи Наукъ.

παραχρῆμα οὗτοι τοῦτον ἁρπάσαντες и т. д.	хода въсхыти его ржкама и възмѣте его възгласи, вънезапѫ они въсхыщьше его и т. д.

Текстъ Льва Грамматика опять оказывается нѣсколько неисправнымъ, но для объясненія этой неисправности совсѣмъ нѣтъ нужды прибѣгать къ Ватиканскому списку Амартола, гдѣ, напротивъ, въ самомъ существенномъ замѣчается отличіе (глаголы ἀνήρπασεν—ἀνεφώνησεν въ единственномъ числѣ и притомъ—ἀνήρπασεν вмѣсто ἥρπασαν), а просто слѣдуетъ видѣть небрежную переписку текста Логоѳетовскаго—съ пропускомъ слѣдующихъ словъ послѣ γεγονότες: ἐπειδὴ οὗτος ὀπίσω τοῦ παραχοιμωμένου Κωνσταντίνου περιπατῶν (ἀνήρπασεν и т. д. Theod. Melit. ed. Tafel pag. 209). Слова эти, находящіяся и въ славянскомъ, совершенно необходимы и вслѣдствіе ихъ отсутствія текстъ у Льва сдѣлался совершенно безсмысленнымъ, хотя для возстановленія его переписчикъ и замѣнилъ въ двухъ глаголахъ единственное число множественнымъ.

Такихъ небрежныхъ и отчасти безсмысленныхъ пропусковъ въ текстѣ Льва Грамматика, по сравненію хотя бы со славянскимъ Логоѳетомъ, можетъ оказаться гораздо болѣе, чѣмъ указано Гиршемъ, но они, конечно, не даютъ исказителю права именоваться самостоятельнымъ авторомъ, ни даже порядочнымъ компиляторомъ. Но, можетъ быть, у Льва Грамматика есть такія *дополненія* къ тексту Логоѳета, которыя способны оправдать или поднять его репутацію: на дополненія намекаетъ, повидимому, и выраженіе «πληρωθεῖσα» въ извѣстной припискѣ (см. выше стр. 121). Въ чемъ заключаются эти дополненія? 1) Мелкія стилистическія прибавки одного или нѣсколькихъ словъ. Онѣ встрѣчаются и въ текстѣ Ѳеофана, переписанномъ въ Cod. Paris. 1711 тою же самою рукою (Льва Грамматика), какъ мы видимъ изъ подробнаго описанія де-Боора (Theophan. Chronogr. II S. 517—519). Здѣсь онѣ заключаются обыкновенно въ прибавкѣ украшающихъ эпитетовъ къ имени Бога, святыхъ и усиливающихъ порицаніе—къ именамъ злыхъ людей (ὁ ἄχριστος καὶ παραβάτης, τύραννος), а во-вторыхъ, въ прибавкѣ излишнихъ словъ съ цѣлію достиженія какъ будто большей гладкости. Подобное найдется и въ той части кодекса, которая содержитъ хронографію новѣйшихъ царей, но ради такихъ добавленій переписчика Льва такъ же мало слѣдуетъ возводить въ санъ писателя этой хроники, какъ и въ сочинители хроники Ѳео-

фана[1]. 2) Бо́льшей важности и нѣкоторое дѣйствительное дополненіе можно находить въ самомъ концѣ рукописи Льва, гдѣ, какъ мы показали, славянскій Логоѳетъ расходится съ текстомъ Льва болѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Въ славянскомъ текстѣ уже внесено нѣчто изъ Зонары, предназначеннаго служить продолженіемъ Логоѳета отъ низложенія Романа Лакапина, а у Льва вмѣсто того читается—другое. Обозначая прибавку точнѣе, можемъ принять, что Льву Грамматику принадлежитъ глава озаглавленная αὐτοκράτορος Κωνσταντίνου (Leo Gr. ed. Bonn. pag. 328—331). Здѣсь, между прочимъ, находятся двѣ строки, повторенныя и въ хроникѣ Амартола, и подавшія поводъ къ разнымъ недоумѣніямъ относительно времени происхожденія хроники Логоѳета, какъ продолжателя Георгія. Сказавъ, что соучастники Константина въ низложеніи Романа Лакапина впослѣдствіи наказаны были судомъ Божіимъ, авторъ прибавляетъ, что подробнѣе и точнѣе объ этомъ будетъ сообщено «въ слѣдующемъ далѣе изложеніи» (Leo Gr. pag. 329: ἐν τῇ προειρημένῃ ἐπεξηγήσει ἐκθήσομαι; гораздо лучше у Ѳеодосія pag. 237: ἐν τῇ προηγουμένῃ ἐπεξηγήσει ἐ.). Такъ какъ такого заявленія въ славянскомъ Логоѳетѣ не встрѣчается, то мы готовы объяснять его такъ, что переписчикъ, Левъ Грамматикъ, намѣренъ былъ присоединить къ Ѳеофану и Логоѳету еще и дальнѣйшее продолженіе, какимъ могъ быть продолжатель Ѳеофана, дѣйствительно разсказывающій о трагической кончинѣ означенныхъ трехъ лицъ: припомнимъ, что конца въ Parisin. 1711 недостаетъ, и сколько утрачено листовъ, на это нѣтъ данныхъ.—Удивительно только то, что замѣтка о судьбѣ трехъ повторяется и въ редакціи, носящей имя Ѳеодосія Мелитинскаго, равно какъ и у продолженнаго Амартола. Приходится думать, что всѣ трое пользовались такимъ спискомъ Логоѳета, который уже имѣлъ въ концѣ дополненіе Льва Грамматика—или же кого-другого, если приписку его нужно понимать иначе, чѣмъ мы его понимаемъ, то есть соединять слова παρὰ Λέοντος Γραμματι-

---

1) Болѣе полное собраніе небрежныхъ пропусковъ у Льва можно составить при помощи варіантовъ, помѣщенныхъ Тафелемъ внизу страницъ его изданія Ѳеодосія Мелитинскаго: большею частію это будутъ пропуски и по отношенію къ славянскому Логоѳету. Что касается мелкихъ стилистическихъ добавленій, то нужно признать, что собственно въ хронографіи новѣйшихъ царей ихъ гораздо менѣе, чѣмъ въ первой части, изданной по другому списку (первоначально Крамеромъ). См., впрочемъ, *Patzig*, Leo Gramm. und seine Sippe (Byzant. Zeitschr. III (1894) S. 481, 482), гдѣ собрано довольно много варіантовъ, отличающихъ Льва отъ Ѳеодосія (или по его взгляду редакцію A отъ B).

κοῦ непосредственно съ словомъ ἐτελειώθη, а выраженіе πληρωθεῖσα считать только характеристикою переписанной Львомъ хронографіи. Но въ этомъ, кажется, нѣтъ нужды. 3) Ф. Гиршъ (Byzant. Stud. S. 102) отмѣтилъ, какъ особенность Льва Грамматика, доказывающую его самобытность по отношенію къ продолжателю Амартола (Логоѳету) и къ Ѳеодосію Мелитинскому, отрывокъ, относящійся къ царствованію Ѳеодосія Великаго, гдѣ у Льва вставлено въ общій съ другими текстъ описаніе наружности императора и его характеристика. Въ новѣйшемъ изслѣдованіи Патцига[1]), посвященномъ отчасти тѣмъ самымъ вопросамъ, которые насъ теперь интересуютъ (но съ коренною ошибкою въ самой ихъ постановкѣ), такихъ характеристикъ и портретныхъ описаній отмѣченъ у Льва цѣлый рядъ, при чемъ они выставляются признакомъ особой редакціи, общимъ Льву съ Кедриномъ. Но это еще вопросъ, составляютъ ли характеристики и портреты прибавку Льва Грамматика, хотя ихъ дѣйствительно нѣтъ въ редакціи Ѳеодосія Мелитинскаго. Дѣло въ томъ, что за исключеніемъ перваго такого рода отрывка, содержащаго портретъ Валентиніана съ краткими сообщеніями объ его женахъ, другія подобныя описанія обрѣтаются и въ славянскомъ текстѣ Логоѳета:

Листъ 77. об. «Ѳеѡ̑сіе великыи цр̑твова лѣ̑ ѕі҆. бѣ възрастомъ оубо тѣлесныи҇ въ мѣрꙋ. чисть же и причръмень лицемь. рꙋсы имѣѧ власы, а но̑ прѣгръбень. веселъ въ бесѣдѣ, а нравомь ве̑лѣйшіи». (Ср. Leo Gr. pag. 101).

Листъ 87. об. «Съи же Львь бѣ низъкь тѣлѡ҇. спань брадоѫ. и лицемь ѕѣло протѧжень. мѫдростіѫ же оукрашень, аще и кромѣ оученіа и наказаніа бѣ». (Ср. Leo Gramm. pag. 113)

Точно также мы находимъ здѣсь и портреты Аркадія, Зинона, Юстина и др.

Въ изслѣдованіи Патцига обозначены еще иныя группы мелкихъ частныхъ извѣстій или замѣтокъ, встрѣчаемыхъ у Льва и отсутствующихъ у Ѳеодосія и въ продолженіи Амартола. Содержаніемъ ихъ служатъ указанія на мѣста погребенія императоровъ, наименованіе ихъ женъ и т. п. Но опять такого же рода сообщенія и при томъ тѣ же самыя и въ тѣхъ же выраженіяхъ мы находимъ и въ славянскомъ текстѣ Логоѳета.

---

1) *Patzig*, Leo Grammaticus und seine Sippe: *Byzantin. Zeitschrift* III Bd. (1894) S. 474 u. folg.

Листъ 81. (объ Аркадіѣ): «Положено же бы тѣло его въ цркви сты апл҃ъ, въ полуднѣмь притворѣ. идеже жена его Евдоѯіа прѣжде положена бысть въ ковчеѕѣ мраморнѣ» (Leo Gr. pag. 105 = ἐν λάρνακι Ῥωμαίῳ).

Листъ 76 об. (о Валентѣ). «Жена же его имене Домника скончася огнемь». Leo Gr. pag. 99: γυνὴ δὲ τούτῳ Δομνίκα Ἀρειανὴ διάπυρος [1]).

Нужно, однако признать, что отсутствіе такихъ спеціальныхъ замѣтокъ, и особенно первой группы—характеристикъ и портретовъ,—въ текстѣ Ѳеодосія Мелитинскаго очень знаменательно; оно можетъ наводить на мысль, что, несмотря на нахожденіе ихъ въ славянскомъ переводномъ текстѣ, онѣ все-таки не первоначальны, то есть не находились въ оригинальномъ текстѣ Логоѳета, а внесены сюда позднѣе. А съ другой стороны, не слѣдуетъ опускать изъ виду, что они встрѣчаются только въ первой части хроники, носящей имя Льва, то есть не въ томъ кодексѣ, по которому издана хронографія новѣйшихъ царей, украшенная его припискою. Ничто не ручается, что вставки принадлежатъ именно ему. Итакъ, для объясненія выраженія πληρωθεῖσα (дополненная) остается только прибавка, означенная въ пунктѣ 2.

Имя Льва Грамматика, помимо извѣстной приписки въ Cod. Parisin. 1711, не оставило по себѣ никакихъ другихъ слѣдовъ въ византійской письменности [2]). Почти то же нужно сказать и о Ѳеодосіѣ изъ Мелитины, имя котораго стоитъ въ заглавіи Мюнхенскаго кодекса, содержащаго все тоже насъ занимающее произведеніе [3]).

Хронику Ѳеодосія Мелитинскаго самъ издатель ея, Тафель, считалъ совершенно тождественною съ хроникою Льва Грамматика, видя въ нихъ два списка одного и того же сочиненія, при чемъ Ѳеодосій пред-

---

1) Кромѣ этого недоразумѣнія, въ славянскомъ текстѣ Логоѳета замѣчательно и непосредственно предшествующее упоминаніе о мѣстѣ погибели императора Валента: «побѣжень бывь, вьбѣже въ Плѣв'на одрин'скыи сель. и съжежень бы въ неи». = Leo Gr. l. c. ἡττηθεὶς κατέφυγεν ἐν ἀχυρῶνι, ἐν χωρίῳ Ἀδριανουπόλεως. (лат. перев. sub palea se abscondidit).

2) Ὁ Ἀσινὸς Λέων Скилиція, чему въ спискахъ Кедрина соотвѣтствуетъ Λέων ὁ Καρίας (Cedren. I pag. 4 ed, Bonn.) есть, конечно, Левъ Діаконъ, какъ это всѣми признается.

3) Намъ встрѣтилось слѣдующее пока единственное и доселѣ не отмѣченное упоминаніе о Ѳеодосіѣ: *Becker*, Anecdota graeca III, 1465 (въ указателѣ подъ словомъ Theodorus Nicaeensis). Тамъ приведена выписка изъ сочиненія Іоанна Сицилійскаго εἰς τὰς ἰδέας, которая гласитъ такъ: ὡς ὁ Μελιτίνης Θεοδόσιος, καὶ ὁ Νικαίας Θεόδωρος καὶ τῶν καθ' ἡμᾶς οὐκ ὀλίγοι. Отсюда можно заключить только то, что Ѳеодосій жилъ ранѣе 1120 года.

ставляетъ болѣе исправную рукопись, а Левъ—худшую. Это мнѣніе мы признаемъ совершенно вѣрнымъ—съ тѣмъ только отличіемъ, что Θеодосій, какъ и Левъ, прежде всего должны быть поставлены въ непосредственное отношеніе къ Логоθету. Оба они переписали одно и то же произведеніе—одинъ лучше—это былъ дѣйствительно Θеодосій, другой хуже. Считать хронику Θеодосія извлеченіемъ изъ Георгія, какъ Муральтъ, послѣ ознакомленія съ подлиннымъ первоначальнымъ текстомъ Георгія Амартола, было бы нелѣпостью. Да и Ф. Гиршъ допускаетъ большую ошибку, настаивая на мелкихъ отличіяхъ Θеодосія и Льва по отношенію къ Георгію и допуская поэтому со стороны Θеодосія и самостоятельное пользованіе Георгіемъ на ряду съ копированіемъ Льва. Не они пользовались Георгіемъ, а ихъ прототипъ, Логоθетъ, послужилъ для позднѣйшей редакціи Георгія; на этомъ и основывается ихъ общее сходство съ распространеннымъ Георгіемъ. Приведенныя Гиршемъ выписки изъ Θеодосія (на стр. 104, 105), которыя при сопоставленіи съ Георгіемъ оказываются болѣе близкими къ тексту послѣдняго, чѣмъ соотвѣтствующіе отрывки Льва, на самомъ дѣлѣ говорятъ только о лучшей передачѣ первоначальнаго текста хроники Логоθета Θеодосіемъ, а равно и компиляторомъ умноженнаго Георгія. Это доказывается славянскимъ Логоθетомъ.

Theodos. Meliten. p. 147.	Логоθетъ. листъ 162.
Στέφει δὲ Θεοδώραν ἐν εὐκτηρίῳ τοῦ ἁγίου Στεφάνου, στεφθεὶς καὶ αὐτὸς ἅμα αὐτῇ, ὑπὸ Ἀντωνίου πατριάρχου καὶ τῷ τοῦ γάμου καὶ τῷ τῆς βασιλείας στέφει τῇ ἁγίᾳ πεντηκοστῇ. (Подчеркнутыхъ словъ нѣтъ въ текстѣ Льва).	Степса же сѧ самь съ Θеодорожѫ въ цр҇кви ст҇го Стефана, Антоніемь патріархо҇м. вѣнчавсѧ и брачныи҇м и цр҇кыимь вѣнцемь въ ст҇ѫѭ пѧтидесятницѫ.
Pag. 180. Τελευτᾷ δὲ ὁ Κωνσταντῖνος ὁ υἱὸς Μιχαὴλ βασιλέως ἐξ Εὐδοκίας, ὡς δὲ λόγος, υἱὸς Βασιλείου, ὃν πολλὰ ἐθρήνησε Βασίλειος, πολλὰ στέργων αὐτὸν καὶ ἀπετέθη τὸ σῶμα αὐτοῦ ἐν τοῖς τάφοις τῶν βασιλέων. (Подчеркнутыхъ словъ нѣтъ у Льва).	Листъ 197. об. Скончажесѧ Михаил҇о сн҇ь Костандинь иже ѿ Евдокіѫ. и ꙗкоже слово, сн҇ь Василіевь. егоже мнѡго плака Василіе, ꙗко вел҄ми любѧ его. и положено бы҇с тѣло его въ храмѣ цр҇кыи҇х гробовь.

Такое же точно отношеніе и въ третьемъ случаѣ, отмѣченномъ у Гирша. Если бы нужно было умножить примѣры такой большей

близости Ѳеодосія къ тексту славянскаго Логоѳета, а вмѣстѣ съ тѣмъ несостоятельства его бо́льшей пригодности для возстановленія первоначальнаго греческаго текста, какъ указывали бы вѣроятные выводы въ выпискахъ изъ Ѳеодосіевскаго списка, которые мы сопоставляли съ Львомъ Грамматикомъ. И такъ найдутся случаи, гдѣ возстановленіе для дальнѣйшаго соотвѣтствія фразы воспользуется чтеніемъ Ѳеодосіевой редакціи. Но наиболѣе любопытно и важно то, что въ этомъ отношеніи Ѳеодосій все-таки расходится со Львомъ.

Есть и у Ѳеодосія пропуски хорошаго, которые восполняются Львомъ; въ такихъ случаяхъ Левъ въ свою очередь больше сходится, какъ это и естественно, со славянскимъ текстомъ Логоѳета. Напримѣръ, слова на стр. 158 Боннск. изд. Leo Gr. (Cp. Hirsch Byz. Stud. S. 103) о причинѣ изгнанія папы Мартина императоромъ Констансомъ: ἐπὶ τῷ ἐλεγχθῆναι ὑπ' αὐτοῦ τὴν μονοθελητῶν αἵρεσιν καὶ ἀφῆκε· οὐ μόνον δὲ ἀλλὰ καὶ τὸν ἴδιον ἀδελφὸν Θεοδόσιον ἐφόνευσε, διάκονον χειροτονηθέντα ὑπὸ Παύλου πατριάρχου· ἀρχιερεὺς Κωνσταντινουπόλεως ὁ Γεώργιος πρεσβύτερος καὶ σύγκελλος γενόμενος — опущенныя у Ѳеодосія, находятся въ славянскомъ Логоѳетѣ (листъ 120 об.): «зане обличашеся имъ новоѳелитская его ересь. не тъчію же нъ и брата своего Ѳеодосія закла, діакона поставлена бывша Павломъ патріархомъ. архіереи же Костантина града бѣ Георгіе презвитеръ и свѣтель бывыи».

Отсюда выходитъ такое заключеніе, что настоящій текстъ Логоѳета вообще лучше сохранился въ славянской редакціи, а по мѣстамъ иногда лучше въ редакціи Льва Грамматика, хотя чаще преимуществуетъ списокъ Ѳеодосія.

Кромѣ Льва Грамматика и Ѳеодосія Мелитинскаго, есть еще третье имя съ притязаніемъ на авторство по отношенію къ хроникѣ Логоѳета; мы разумѣемъ *Полидевка* или Поллукса, о которомъ намъ уже приходилось упоминать—вслѣдъ за Ф. Гиршемъ. Въ самое новѣйшее время въ статьяхъ *Прегера* и *де-Боора*[1]) разъяснено, что имя Полидевка поставлено въ заглавіи изданной (въ 1792 году) *Гардтомъ* (Hardt) византійской хроники, доходящей до правленія императора Граціана (а ранѣе напечатанной по другому списку *Біанкони* безъ имени автора), совершенно неправильно—вслѣдствіе ошибки, а, по-

1) *Preger*, Der Chronist Iulios Polydeukes: Byzantin. Zeitschr. Bd. I (1892) S. 50 folg. *C. de-Boor*, Zur Chronik des Pseudo-Polydeukes: Byzant. Zeitschr. Bd. II (1893) S. 563 folg.

жалуй, даже намѣренной фальши писца рукописи XVI вѣка, которымъ былъ грекъ Дармарій. Все дѣло въ томъ, что сборникъ, съ котораго Дармарій переписывалъ свой манускриптъ, дѣйствительно содержалъ отрывки изъ Ономастикона Полидевка—произведенія, касающагося еще классической древности, но эти отрывки съ именемъ автора *слѣдовали* за *безыменною* недоконченною хроникою—отъ сотворенія міра до Граціана. Дармарій перенесъ имя со второго мѣста на первое. Далѣе болѣе тщательное изученіе содержанія изданной Гардтомъ (и Біанкони) хроники показало, что поразившее Ф. Гирша буквальное сходство ея съ (мнимымъ) произведеніемъ Льва Грамматика едва простирается на самую начальную ея часть (до Вавилонскаго плѣненія), а далѣе встрѣчаются только случайныя и рѣдкія совпаденія; вообще же псевдо-Полидевкъ не имѣетъ, за исключеніемъ начала, тождества съ Львомъ Грамматикомъ и consortes, то есть, съ нашей точки зрѣнія съ Логоѳетомъ. Это особая компиляція. Другое дѣло Ватиканскій кодексъ № 163, который начинается извѣстною намъ исторіею мірозданія (Θεὸς ὁ ἄχρονος), впрочемъ, приписанною гораздо позднѣе основного текста рукою XVII столѣтія, а затѣмъ содержитъ писанный въ XIV вѣкѣ текстъ почти вполнѣ тождественный съ Львомъ Грамматикомъ и Ѳеодосіемъ Мелитинскимъ и затѣмъ продолженный до правленія Романа II (959—963). *Газе*, въ своемъ изданіи Льва Діакона, привелъ изъ этого кодекса довольно обширные и весьма важные по своему значенію отрывки; но только вслѣдствіе недоразумѣнія авторомъ хроники онъ назвалъ Полидевка, основываясь на замѣткѣ библіотекаря впереди рукописи: замѣтка относилась только къ дополненію потеряннаго начала, взятому изъ рукописи, тоже ведущей свое начало отъ Дармарія[1]).

Хроника должна считаться не надписанною и потому анонимною, а по содержанію, какъ видно изъ описаній, все-таки не полныхъ, она въ сущности воспроизводитъ текстъ Логоѳета съ вставками изъ другихъ источниковъ (изъ Малалы, изъ Ѳеофана) и съ нѣкоторыми второстепенными дополненіями (съ указаніемъ въ ветхозавѣтной исторіи первоначальнаго источника, именно Іосифа Флавія, Евсевія). Для насъ важно то, что тѣ особенности, которыя ее отличаютъ отъ Ѳеодосія и Льва, чужды также и славянскому тексту Логоѳета. Но то, что въ ней есть общаго съ ними, то есть наибольшая часть текста,

1) *Preger*, l. c. p. 51.

судя по образцамъ, которыми мы располагаемъ, представляетъ превосходное пособіе для возстановленія подлиннаго первоначальнаго текста хроники Логоѳета. Отрывки, напечатанныя въ примѣчаніяхъ ко Льву Діакону, Б. Газе, относятся уже къ продолженію Логоѳета, только въ этомъ кодексѣ—Vatic. 163—и встрѣчающемуся; текстъ, имѣя нѣкоторое сходство и сродство съ Продолжателемъ Ѳеофана, и здѣсь не лишенъ оригинальности. Весьма было бы желательно болѣе подробное изученіе основной части, и полное изданіе продолженія. Изъ русскихъ ученыхъ Ватиканскимъ кодексомъ 163 нѣкогда занимался проф. В. К. Ернштедтъ, который и сообщилъ намъ часть своихъ выписокъ.

На отношеніяхъ хроники Логоѳета къ печатному изданію хроники Симеона магистра и Метафраста мы не имѣемъ здѣсь причины останавливаться. Припомнимъ только, что и для безымяннаго творенія, украшеннаго такимъ громкимъ именемъ, основою послужила все та же хроника Логоѳета; но тамъ она загромождена посторонними добавленіями и распространеніями часто до полной неузнаваемости. Родство Кедрина съ Львомъ Грамматикомъ, на которомъ теперь настаиваютъ (статья Патцига), основывается, повидимому, на томъ, что Кедринъ переписывалъ во многомъ Лже-Метафраста, а черезъ него Льва Грамматика, то есть точнѣе—Логоѳета.

Главный результатъ нашего изслѣдованія въ этой главѣ сводится къ слѣдующимъ двумъ пунктамъ.

1) Хроники Льва Грамматика и Ѳеодосія Мелитинскаго, признаваемыя отдѣльными болѣе или менѣе самостоятельными сочиненіями, должны считаться только списками или изводами хроники Логоѳета, которую мы знаемъ по славянскому переводу, по указаніямъ въ Московскомъ Синодальномъ кодексѣ (въ двухъ припискахъ), по заглавіямъ Венеціанскаго и Вѣнскихъ кодексовъ, содержащихъ часть того же текста, какой находимъ въ славянскомъ. Не о Leosippe, не о циклѣ Льва, мы должны говорить, а о Logothetsippe (циклѣ Логоѳета) [1]).

2) Общепринятое мнѣніе о происхожденіи хроники, надписываемой именемъ Льва Грамматика (именно второй части), путемъ заимствованій изъ распространеннаго Георгія монаха (Амартола) совер-

---

1) См. *Визант. Временникъ*, томъ первый (1894), стр. 756 (рефератъ о статьѣ Патцига).

шенно ложно; не Левъ Грамматикъ или точнѣе Логоѳетъ извлекалъ что-либо изъ Амартола, а на оборотъ Амартолъ распространенъ и продолженъ заимствованіями изъ Логоѳета—Льва Грамматика тожъ.

IV.

Продолженіе Логоѳета и Паралипоменонъ Зонары.

Какъ сказано было въ самомъ началѣ описанія Петербургской рукописи, содержащей хронику Логоѳета, эта послѣдняя имѣетъ здѣсь продолженіе, заключающее въ себѣ довольно подробное обозрѣніе событій отъ единодержавія Константина Багрянороднаго до возведенія на царство Романа Діогена (1067). Текстъ этого продолженія не имѣетъ ничего общаго съ гораздо болѣе краткимъ продолженіемъ, начинающимся въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ въ изданіи хроники Георгія у Муральта и достигающимъ до вступленія на престолъ Алексѣя Комнина, 1081 г. (Muralt pag. 852—901). Заимствована эта часть Муральтомъ изъ Парижскаго кодекса № 1708 (въ Московскомъ Синодальномъ спискѣ ея нѣтъ) и напечатана съ приложеніемъ внизу страницъ варіантовъ изъ знакомаго намъ Венеціанскаго Логоѳета (№ 608), гдѣ подобное же продолженіе идетъ до 1078-го года—до конца правленія Михаила Дуки, опять не давая текста, соотвѣтствующаго славянскому. Гдѣ же искать греческаго подлинника для этой части славяно-болгарской переводной хроники? Особенно сложныхъ и трудныхъ разысканій не потребовалось для отвѣта на этотъ вопросъ. Подлинникомъ служила хроника Зонары, передаваемая здѣсь въ сокращенномъ видѣ со многими пропусками, и остается только другой вопросъ, сдѣлано ли было извлеченіе славянскимъ компиляторомъ или же оно прилагалось и въ греческихъ спискахъ хроники Логоѳета. Аналогія съ Венеціанскимъ и Парижскимъ списками, сейчасъ отмѣченными, заранѣе говоритъ въ пользу второго предположенія. Слѣдуетъ, однако, точнѣе и нагляднѣе показать характеръ обработки греческаго текста Зонары въ славянскомъ изложеніи.

Листъ 254: До зде Симеона Лѡгооетѣ ѐ творень а ѿзде другаго.

Самовластіе Костандина Багрѣнорѡднаго.

«Абіе же Костандинь самовластіе полȣчивь, и сн҃а своего Романа степса. помѡгши^м же емоу на црⷭ҇твȣѫщіи^х низложеніе мъзды въздаѫ.= *Ioann. Zonarae* Epitome histor. ed. Paris II, 193 ed. *Dindorf* IV, 66: Ἄρτι δὲ τῆς μοναρχίας ὁ Κωνσταντῖνος τυχὼν καὶ τῷ υἱῷ Ῥωμανῷ διά-

δημα περιέθετο, τοῖς δὲ συναραμένοις αὐτῷ εἰς τὴν τῶν βασιλευόντων καθαίρεσιν ἀμοιβὰς ἐκτιννύς и т. д. Но слѣдующія нѣсколько далѣе слова Зонары: ἀλλὰ μὴν καὶ Βασίλειον τὸν νόθον.... συμφθαρείς въ славянскомъ пропущены. Характеристика Константина Багрянороднаго «Бѣ же Костандинь къ Бгу правовѣрень и словесемь прилежѫ. О црᶜкоᴹ же правлени слабѣ прилежаше. Лю же и гнѣвливь къ съгрѣшаѫщиᴹ бѣ» и т. д.= *Zonar.* ed. Paris. ibid. *Dindorf.* IV, 67. Ἦν δὲ ὁ Κωνσταντῖνος τὰ πρὸς Θεὸν εὐσεβὴς καὶ λόγοις προσκείμενος............. (объ ученыхъ занятіяхъ Константина, что̀ въ славянскомъ пропущено)...... περὶ δὲ τὴν τῆς βασιλείας διοίκησιν διέκειτο μαλθακώτερον, δύσοργός τε καὶ βαρύμηνις τοῖς πταίουσιν.

Далѣе идетъ буквальный переводъ. Разсказъ о князьяхъ венгерскихъ *Волосудѣ* и *Гилѣ* (Γυλᾶς) тоже буквально сходенъ за исключеніемъ того, что вмѣсто ὁ λοιπὸς (Paris 194. *Dindorf* p. 68) въ славянскомъ читается повторенное и соотвѣтствующее собственное имя *Воила* же (листъ 255). О русской княгинѣ *Ольгѣ* (Zonar. ibid.) въ славянскомъ пропущено. О патріархѣ *Ѳеофилактѣ* (Dindorf pag. 69) буквально сходно. О патріархѣ Поліевктѣ (Paris II, 195. Dindorf ibid), то есть, объ его избраніи заимствованіе въ славянскомъ тоже почти буквальное, но объясненіе причины, почему онъ посвященъ Кесарійскимъ митрополитомъ вмѣсто Ираклійскаго, опущено. Перенесеніе частей руки Предтечи—буквальное повтореніе. Затѣмъ въ славянскомъ читается: «сѫщіим же въ Критѣ Агарѣномь=(Dindorf pag. 70) τῶν δὲ ἐν τῇ Κρήτῃ Ἀγαρηνῶν» и т. д. съ буквальнымъ сходствомъ. О покушеніи Романа свергнуть отца (Логоѳ. листъ 256) «црѣв же снъ Романь» и т. д.=ὅ γε μὴν τοῦ βασιλέως υἱὸς Ῥωμανός и т. д.; но есть ошибки.

Итакъ, обозрѣніе самостоятельнаго царствованія Константина Багрянороднаго несомнѣнно воспроизводитъ хронику Зонары съ нѣкоторыми сокращеніями. Прежде чѣмъ пойдемъ далѣе мы должны вернуться назадъ. Выше мы указали, что уже нѣсколько ранѣе грани, положенной припискою объ окончаніи одного творенія и о началѣ другого, текстъ славянскаго Логооета расходится съ родственными ему греческими. Теперь мы можемъ съ увѣренностью утверждать, что это отличіе объясняется какъ бы преждевременнымъ переходомъ къ пользованію предъизбраннымъ для дальнѣйшей части источникомъ, то есть Зонарою. Значитъ это позднѣйшая вставка, хотя и не очень значительная по размѣру—менѣе страницы греческаго текста по изданію Диндорфа (pag. 65—66). Καὶ κατασχὼν αὐτὸν ἐν τῇ νήσῳ τῇ

Πρώτῃ περιόρισε καὶ ἀπέκειρεν, αὐτὸς δὲ τῆς βασιλείας ἀντεποιήσατο διοικήσεως σὺν τῷ γαμβρῷ καὶ τῷ ἀδελφῷ...... Ὁ δὲ τούτων πατὴρ ἐν τῇ Πρώτῃ τὴν ζωὴν ἐξεμέτρησε, καὶ οὕτω τούτων ἕκαστον ἡ δίκη μετῆλθεν. *Слав. Логоѳ.* л. 253: «И сего ис полаты злѣ сведе. И въ прьвыи островь заточивь, остриже мниха. саже црствію правило съ зате и съ брато пріять...... Ѡць же ею въ Протѣ островѣ оумрѣт и тако коегожо и сѫдь постиже».

Пойдемъ далѣе, но ограничимся немногими указаніями. Въ началѣ царствованія Ро́мана II сообщается объясненіе его прозванія («Мла же нарицается = παιδίον δ' ἐλέγετο»); оно заимствовано буквально изъ Зонары, при чемъ не все правильно понятно: «аще ли кто речеть ꙗко зане мала бї жизнь его = ὅτι καὶ παιδαριώδης ἦν αὐτῷ ἡ ζωή. Листъ 257 об. къ концу: «Фѡка же шѣ въ Сиріѫ и бравсѧ съ нї побѣди его крѣпцѣ. и Иверіѫ поплѣни». = Zonar. Paris. II, 158. Dindorf IV, p. 73. Ἐν γοῦν Συρίᾳ γενόμενος ὁ Φωκᾶς, καὶ τούτῳ κατὰ συστάδην μαχεσάμενος, καὶ ἥττησε περιφανῶς καὶ τὴν Βέρροιαν ἄτερ τῆς ἀκροπόλεως ἐξεπόρθησε. Замѣчается нѣкоторое измѣненіе фразеологіи въ славянскомъ и сверхъ того ошибочная замѣна города Верріи (Халепа) страною Иверіей (Грузіей). Слѣдующій далѣе разговоръ Фоки съ царемъ Романомъ въ славянскомъ опущенъ. О смерти Романа буквально сходно съ греческимъ подлинникомъ, только вмѣсто *Верріи* опять читается *Иверія*. Такое же отношеніе между подлинникомъ и сокращеннымъ переводомъ наблюдается и въ исторіи дѣтей Романа — Василія и Константина.

Изъ дальнѣйшаго отмѣчаемъ эпизодъ о нашествіи Руси при Константинѣ Мономахѣ въ 1043 году: *Логоѳетъ* листъ 306: «Повѣмы же преже о рꙋскѡ пришествіи. съи ѧзыкь и иногда мнѡжицеѫ на Грькы пріиде. побѣжень же бывь, смирисѧ. и свати съ ними. ꙗко быти ѿ сърѡства ради едино съ Грькы. и прихожаахѫ ѡни къ нā, а наши къ нї кꙋпчюѭще» и т. д. Zonar. ed Paris. 253. Dindorf p. IV, 167. Προκείσθω δὲ τῶν ἄλλων τῶν Ῥὼς ἡ ἐπέλευσις· τοῦτο τὸ ἔθνος καὶ ἄλλοτε πλειστάκις κατὰ Ῥωμαίων ἐγένετο, ἡττηθὲν δὲ τέλος καὶ σπονδὰς πεποίητο πρὸς Ῥωμαίους καὶ κῆδος, ἵνα διὰ τὴν ἀγχιστείαν πρὸς ὁμόνοιαν τὰ γένη συνδέοιτο, καὶ παρ' ἀλλήλους ἐφοίτων ἐμπορευόμενοι. Здѣсь есть признаки, что стилистическая переработка текста Зонары сдѣлана не болгариномъ, не славяниномъ, а Византійскимъ грекомъ; первый не могъ бы о византійцахъ сказать «наши». Самое повѣствованіе о нашествіи носитъ характеръ буквальнаго сходства съ Зона-

рою, есть только легкія сокращенія; мѣста и выраженія, внесенныя Зонарою изъ Пселла, удержались тоже въ славянскомъ переводѣ.

Листъ 310. «Печенѣѕи же пакы на полоуднѣѫа странѫ ѩже бѣ нѣкогда блъгарска, повигошѧсѧ. бѣ же ѧзыкь съи многочлчен' по ѡнои странѣ Дѹнава живѧщь. Zonar. ed. Paris p. 257. Dindorf IV, 174. Τὸ δὲ τῶν Πατζινάκων ἔθνος αὖθις κατὰ τὴν Εὐρωπαίαν μοῖραν κεκίνητο. Σκυθικὸν δὲ τὸ ἔθνος καὶ πολυάνθρωπον πέραν Ἴστρου νενόμενον. Словъ «ѩже бѣ нѣкогда блъгарска» въ подлинномъ Зонарѣ нѣтъ, но ничто не вынуждаетъ насъ думать, что они могли быть прибавлены только славянскимъ компиляторомъ, а не греческимъ. Самая повѣсть о Печенѣжскомъ нашествіи обличаетъ буквальное повтореніе текста Зонары.

Листъ 323 об. (О царицѣ Евдокіи): «И царица въсе строеніе лю̑ское правлѣше съ сн҃ы владѫщи. и на прѣстолѣ меˣдѹ ними сѣдааше. Сн҃а же еѫ съ обою странѹ еѫ сѣдѧщи. сице и на происхожденіиихъ ѡбычн҃ы идѣхѫ.= Zonar. ed. Paris. II, 275. Dindorf IV, 202. Καὶ ἡ βασίλισσα τὴν τῶν κοινῶν μετακεχείριστο πρόνοιαν τῶν υἱέων κατάρχουσα καὶ ἐπὶ βήματος σὺν ἐκείνοις προυκάθητο, μεσεύουσα μὲν αὐτή, ἐκείνους δὲ παρακαθίζουσα ἑκατέρωθεν, οὕτως. . . . . οὕτως ἐν συνήθεσι προόδοις προῄεσαν. Несмотря на сокращеніе подлинникъ проглядываетъ очень замѣтно, особенно въ послѣднихъ словахъ.

Послѣднія слова славянской компиляціи: «Сице же царь и самодръжець Діѡгень поставлень бы҃. царици Евдокіи съ сн҃ови своими самовластвовавши, ꙁ҃ мц҃ъ и нѣколико дн҃іи»—соотвѣтствуютъ Zonar. ed. Paris. II, 277 Dindorf IV, 205. Καὶ ὁ Διογένης βασιλεὺς ἀνηγόρευτο τῆς βασιλίδος Εὐδοκίας μετὰ τῶν υἱέων ἀρξάσης ἐπὶ μῆνας ἑπτὰ καὶ ἡμέρας τινάς.

Въ Славянской литературѣ давно извѣстенъ «Славяно-булгарскій» Паралипоменъ Зонары, изъ котораго до насъ дошли извлеченія, сдѣланыя *сербомъ* Григоріемъ въ 1207-мъ году и напечатанныя Бодянскимъ въ *Чтеніяхъ Московскаго общества Исторіи и древностей* (Годъ III, ч. I, 1847 г.). Издатель О. И. Бодянскій, выразивъ сожалѣніе, что вслѣдствіе принятой Григоріемъ системы мы лишились самаго Паралипомена Зонарина въ его настоящемъ видѣ на славянскомъ языкѣ, тутъ же высказалъ и надежду, что при дальнѣйшихъ поискахъ Паралипоменъ когда-либо и откроется. Такая надежда, повидимому, теперь исполняется — если невполнѣ, то отчасти. Мы имѣемъ подъ руками значительную долю сокращеннаго Зонары на

болгарскомъ языкѣ — въ такой редакціи, которая вполнѣ допускаетъ существованіе древнѣйшаго оригинала. По объему и значенію эта часть несравненно важнѣе отрывочныхъ, безпорядочныхъ и перепутанныхъ извлеченій, изданныхъ Бодянскимъ и относящихся къ болѣе раннимъ періодамъ персидской и македонской, римской и византійской исторіи до временъ иконоборства. Послѣднее обстоятельство лишаетъ насъ возможности произвести обстоятельное сличеніе двухъ славянскихъ текстовъ для опредѣленія взаимнаго между ними отношенія, такъ какъ продолженіе хроники Логоѳета, извлеченное изъ Зонары начинается только съ единодержавія Константина Багрянороднаго. Уцѣлѣлъ, впрочемъ, и въ Паралипоменѣ одинъ отрывокъ, касающійся болѣе поздняго времени и совпадающій по содержанію съ текстомъ въ продолженіи Логоѳета: онъ помѣщенъ между царствованіемъ Льва Мудраго и его брата Александра (при чемъ о Константинѣ Багрянородномъ только упомянуто) и событіями времени правленія Василія Болгаробойцы — съ одной стороны, и отрывкомъ о Львѣ Арминѣ, съ другой (стр. рζ—рѳ = 107—109). Рѣчь идетъ о дѣлахъ болгарскихъ.

«Вто* време Склиръ воевода ѿше̑ на востокъ, и ꙋчинѝ црⷭ҇мъ, и много брани сътвори съ цр҇ма, послѣ̑ же ѡ҇ бывъ Склиръ ѿ Хосрода перьскаго, и затворе̑ втемници, втѡ* время бльгаре предаше на̑чество бльгарьское, четыре̑ бра̑амъ, дв҇ду, моисеꙋ, аарону, и самоилу, нарицахꙋже̑ сіи комитопꙋлеи зане бѣху сн҇ове едино кн҇зе бльгарьскаго нарицае̑ ком̑и, елици же бѣху ѿ рода цр̑каго погибоша вси, един же тъчію петровъ сн҇ъ ѡста и ть скопець.

А въ продолженіи *Логоѳета* листъ 275: «Блъгаре же ꙗко оуслышашѫ о съмрти Цимисхіевѣ, паки ѿвръгошѧсѧ. и вла̑ своѧ четыре̑ братенцемь възложишѫ. Дв҇дꙋ. Моѵсеоу и Аронꙋ. и Самуилу. иже и комитопоули нарицаахѧсѧ. зане сн҇ѡве бѣхѫ единого ѿ нарочитый въ ни̑ и нарицаемаго ком̑и. ибо цр̑кыи ро̑ ихь скончасѧ. единомꙋ точіѫ оставшꙋ ѿ сн҇овь Петра цр҇ѣ. гл҇ѧ же Романа, иже и скоплен бѣ» и т. д.

Изъ сличенія двухъ текстовъ, если бы мы и продолжили его далѣе, нельзя вывести какого-либо другого заключенія, кромѣ большей близости къ первоначальному греческому подлиннику — Zonar. ed. Paris. II, 219 ed. Dindorf IV, 110 — второго славянскаго; что же касается взаимнаго родства между ними, то мы не рѣшается что-либо утверждать положительно.

В. Васильевскій.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

(ИЗЪ ПИСЬМА Н. М. БУБНОВА).

На первый изъ Вашихъ вопросовъ о сходствѣ одной изъ Симеоновскихъ хроникъ codicis 1712 (ancien fonds), оставленной, по словамъ Hirsch'а (Byz. Studien p. 304) Комбефизомъ безъ вниманія, съ печатнымъ экземпляромъ Льва Грамматика (editio Bonnensis) у меня отвѣтъ уже готовъ. Между ними не только нѣтъ никакого сходства, но есть даже большая—можно сказать—метафизическая разница: Левъ Грамматикъ существуетъ, а интересующей насъ хроники codicis 1712 не существуетъ, и это обстоятельство послужило, конечно, причиной, почему Комбефизъ не говоритъ о ней ни слова [1]). Другой ученый, имѣвшій въ рукахъ codicem 1712,—Hase нашелъ въ немъ только одну хронику Симеона, именно ту, часть которой была издана Комбефизомъ въ Historiae Byzantinae scriptores post Theophanem [2]). Часто люди, видѣвшіе что

1) Н. М. Бубновъ оставляетъ совершенно въ сторонѣ статью о *міроздавіи*, означенную въ каталогѣ Буавена подъ № 5, такъ какъ мой запросъ ея не касался и наличность двухъ редакцій хроники Симеона въ кодексѣ 1712 предполагалась помимо ея. Между тѣмъ оказывается, что именно эта статья должна соотвѣтствовать утраченному началу изданной въ печати хроники Льва Грамматика. Она тоже приписана Симеону Логоѳету и даже именно (въ припискѣ) Метафрасту, а греческое ея заглавіе въ Πίναξ, если читать его какъ слѣдуетъ (Συμεὼν — ἐκ τῆς γεννέσεως καὶ χρονικὸν ἐφεξῆς συλλεγέν), почти вполнѣ совпадаетъ съ заглавіемъ сочавско-петербургской рукописи. — В. В.

Дальнѣйшія примѣчанія принадлежатъ самому Н. М. Бубнову.

2) Hasii praefatio ad Leonem Diaconum p. XXII. Itaque in Bibliotheca publica collatus Codex noster (№ 1712) Ducangio, Bandino, reliquis, quos initio nominavi, innotuit. Constat vero foliis membranaceis 422, chartaceis octo (см. примѣч. 3), continens praeter alia minoris momenti (vid. Catalogus codd. mss. Graecorum Bibl. Reg. II 391 D) illa 1) Chronicon Simeonis Logothetae maxima parte ineditum a fol. 18 verso ad fol. 272 rectum (конечно, вторая предполагаемая хроника Симеона не могла бы считаться въ числѣ «alia minoris momenti», а потому, если бы свѣдѣнія Hase имѣли своимъ источникомъ цитируемый имъ Catalogus, то онъ бы привелъ бы и ее), 2) Leonis Diaconi historiam, quae nunc prodit, a fol. 272 recto ad 322 rectum, 3) Michaelis Pselli chronographiam tomis novem (?) item ineditam a fol. 322 recto ad 422 rectum. Exaratum esse, si minus XI, at certe XII saeculo forma litterarum demonstrat, haud absimilis illi quam Montfalconius protulit Palaeogr. Graec. 291 № VII, ut igitur nesciam, quid in mentem venerit confectoribus Catalogi Bibl. Reg. II 391 dicere, eum saeculo decimo quinto scriptum: nisi id de iis duntaxat intelligas, quae in octo foliis chartaceis ad calcem exstent. Ipse Codex, tametsi non adeo multis profunde latentibus mendis scatet, habet tamen itacismos tot, quod in libris saec. XII peraratis esse solent, ut videlicet ε et αι, η ι et ει, ο et ω, οι et υ, saepius inter se confundantur, usque ita rarum sit, εἰς τὴν fol. 315 recto scriptum conspici sic ἠςήν.

нибудь лично, настолько проникаются впечатлѣніями видѣннаго, что— эти впечатлѣнія безсознательно возникаютъ въ ихъ головѣ во всей своей цѣльности и соотвѣтствіи съ дѣйствительностью каждый разъ, когда они читаютъ гдѣ-нибудь описанія видѣннаго ими, хотя бы это описаніе было спутано и невѣрно. Имѣя дѣло не съ печатными строками, а съ собственными мыслями, они не замѣчаютъ ошибки, кроющейся въ этихъ строкахъ. Такъ случилось съ Hase: цитируя невѣрное описаніе codicis 1712 въ Catalogus codicum manuscriptorum Bibliothecae Regiae Parisiensis t. II p. 391, онъ тѣмъ не менѣе продолжаетъ понимать дѣло совершенно правильно. Свободный же отъ подобныхъ автоптическихъ впечатлѣній Hirsch понялъ описаніе Catalogi, какъ слѣдуетъ, а потому вдался въ ошибку, т. е. увидѣлъ въ codice 1712 двѣ хроники Симеона. (Byz. Studien p. 303 № 1).

Вотъ это злополучное описаніе:

Codex membranaceus, olim Raphaëlis Tricheti du Fresne. Ibi continentur:

1°. Symeonis Magistri et Logothetae chronicon e variis scriptoribus collectum. Praemittitur, rerum in eo comprehensarum index locupletissimus.—

2°. Brevis historia conciliorum generalium a Nicaeno primo ad Florentinum usque deducta.

3°. Anonymi versus politici de eodem argumento.

4°. Brevis temporum synopsis a mundi creatione ad synodum Florentinam.

5°. Symeonis Magistri et Logothetae opus de mundi creatione e libro Geneseos variisque chronicis et historiis collectum.

6°. Narratio, ubi de extructo sanctae Sophiae templo; opus a Combefisio editum.

7°. Symeonis chronicon. Praefixi duo versus politici, quorum auctor testatur hoc chronicon ab Adamo ad Constantinum Porphyrogenetum usque perduci. Ibi tamen res memoratu dignae, quae Romano puero imperante contigerunt, litteris mandantur. *Opus ineditum* (*? Часть именно этой хроники издана* Комбефизомъ въ Hist. Byz. script. post Theophanem еще въ 1685, а Catalogus составленъ 1739—44).

8°. Leonis Diaconi historia inedita a Constantini Porphyrogeniti morte ad Tzimiscem.

9°. Michaelis Pselli chronographiae libri octo a Basilio Macedone ad Constantini Ducae imperatoris initia.

10°. Itinerarium Graecobarbarum ab insula Cypro ad Usumcassani usque regiam. Ea pars codicis, ut et reliquae, recentiori manu scriptae sunt.

11°. Belli gerendi rationes ab Amurathe, Turcarum Sultano, institutae.

12°. Breve chronicon, ubi de rebus Turcarum gestis praecipue disseritur.

13. Vaticinium Italice et Graece scriptum de evertendo Turcarum im-

perio a Carolo VIII Galliarum rege. Is codex saeculo decimo quinto exaratus esse videtur.

Итакъ, мы видимъ, что по словамъ этого описанія въ началѣ codicis 1712 находится хроника Симеона Магистра и Логоѳета, предшествуемая указателемъ содержанія этой хроники, а затѣмъ слѣдуетъ № 2. Brevis historia conciliorum generalium etc. На самомъ же дѣлѣ передъ Brevis historia нѣтъ никакой хроники, а только указатель содержанія. Кромѣ того, этотъ указатель относится къ №№ 5, 6, 7, 8, 9 описанія Catalogi и, слѣдовательно, утвержденіе авторовъ Catalogi, что оно относится къ одной хроникѣ Симеона, невѣрно. Удивительно, что послѣ такой грубой ошибки описаніе во всѣхъ своихъ частяхъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Я перелисталъ весь codicem и списалъ заглавія всѣхъ его отдѣловъ, исключая совершенно неважныхъ №№ 2, 3, 4 описанія Catalogi, помѣщающихся на двухъ листахъ. Вотъ они:

1°. Πίναξ ἀκριβὴς τοῦ παρόντος βιβλίου ἀρχομένου ἀπὸ τῆς κοσμοποιΐας. (Эти слова написаны красными чернилами и настолько стерлись, что разобрать ихъ довольно трудно). Онъ занимаетъ три листа и заключаетъ въ себѣ указаніе содержанія №№ 5, 6, 7, 8, 9 описанія Cat., которые перенумерованы греческимъ алфавитомъ.

5°. Συμεὼν μαγίστρου καὶ λογοθέτου εἰς τὴν κοσμοποιΐαν ἐκ τῆς γεννέσεως καὶ χρονικῶν ἐφεξῆς συλλέγειν(?) ἐκ διαφόρων χρονικῶν τε καὶ ἱστορικῶν. Надъ этимъ заглавіемъ большая виньетка, а надъ ней поставленъ красный крестъ и красными же буквами написано: αὐτός ἐστιν ὁ μεταφράστης. 7 листовъ.

6°. Διήγησις περὶ τῆς οἰκοδομῆς τοῦ ναοῦ τῆς μεγάλης τοῦ θεοῦ ἐκκλησίας τῆς ἐπονομαζομένης ἁγίας Σοφίας. Ἔστιν ἡ οἰκοδομὴ τῆς αὐτῆς ἐκκλησίας ἐν Κωνσταντινουπόλει ὄντως (красное черпило). Этотъ кусокъ изданъ Combefis'омъ въ Originum rerumque Constantinopolitanarum ex variis auctoribus manipulus. Paris. 1664 in 4° во второй части, которой, впрочемъ, въ Національной библіотекѣ нѣтъ. Первая часть заключаетъ въ себѣ между прочимъ довольно обширный трудъ «Leonis Allatii De Symeonis scriptis diatriba». Замѣчу кстати, что здѣсь ни въ числѣ трудовъ Метафраста, ни въ числѣ трудовъ другихъ Симеоновъ мы не находимъ хроники Симеона, равно какъ и № 5 Catalogi. Очевидно, Leo Allatius не зналъ еще нашей рукописи. Нашъ № 6 въ указателѣ содержанія второй части Originum etc., который Комбефизъ предпосылаетъ труду Leonis Allatii, озаглавленъ: *Incerti* de aedificio templi S. Sophiae ex cod. Raph. du Fresne. 6 листовъ.

7°. Этотъ нумеръ начинается словами: Ἀρχὴν μὲν Ἀδὰμ ἔσχε(ν)βίβλος καὶ τέλος τὸ πορφυρογέννητον εὐσεβὲς κράτος (красное чернило). 254 листа. Напечатанная Комбефизомъ часть начинается съ листа 235 recto и идетъ до конца хроники, въ чемъ я убѣдился лично.

8°. Λέοντος διακόνου ἱστορία ἀρχομένη ἀπὸ τῆς τελευτῆς τοῦ αὐτοκράτορος Κωνσταντίνου μέχρι τῆς τελευτῆς Ἰωάννου τοῦ αὐτοκράτορος τοῦ ἐπιλεγομένου Τζιμισκῆ. 10 τόμοι. Листовъ 51 (красное чернило).

9°. Χρονογραφία ποιηθεῖσα παρὰ τῷ πανσόφῳ μοναχῷ Μιχαὴλ τῷ ὑπερτίμῳ ἱστοροῦσα τὰς πράξεις τῶν βασιλέων τοῦ τε Βασιλείου καὶ Κωνσταντίνου τῶν πορφυρογεννήτων, τοῦ τε μετὰ αὐτοὺς Ῥωμανοῦ τοῦ ἀργυροπώλου, τοῦ μετ' ἐκεῖνον Μιχαὴλ τοῦ Παφλαγόνος etc. (красное чернило). Τόμοι 8. Листовъ 101.

10°. Ἐς οὓς βούλονται πορευθῆναι εἰς τὸν τόπον τοῦ Οὐζουχασάν. Занимаетъ одну страницу.

11°. Αἱ τάξεις τῆς πόρτας τοῦ Ἀμηρὰ εἰσὶν αὗται. $2\frac{1}{2}$ листа и кончается словами Αὗται εἰσὶν αἱ καθ' ὅλου τάξεις τῆς πόρτας τοῦ Ἀμηρά.

12°. Ἕτερον χρονικόν. Ἡ Ῥώμη οἰκοδομεῖτο. 2 листа.

13°. Copia de certa profecia scritta nell'ann de signor 1422 etc.

Указать ошибку—хорошо, но объяснить ее—еще лучше. Мнѣ кажется, что я нашелъ причину этой ошибки, но прежде чѣмъ приступить къ указанію причины ошибки, я постараюсь разсмотрѣть нѣсколько подробнѣе самую рукопись. Она состоитъ изъ 422 пергаментныхъ листовъ, заключающихъ въ себѣ № 1—3 опис. Cat., и 7 бумажныхъ съ № 10—13 [1]). По моему мнѣнію, Газе совершенно правъ, относя пергаментную часть codicis по палеографическимъ причинамъ къ 11 или 12 столѣтію (см. примѣч. 2). Онъ удивляется, что составители каталога отнесли весь codicem къ 15 столѣтію, между тѣмъ какъ къ этому столѣтію можетъ относиться только бумажная часть его (№ 10—13). Отъ себя прибавлю, что въ такомъ случаѣ надо считать и № 2, 3, 4 пергаментной части, доводящіе свое разсмотрѣніе до Флорентійскаго собора, написанными послѣ другихъ нумеровъ ея и такимъ образомъ признать № 2, 3, 4, 10, 11, 12, 13 пришитыми въ позднѣйшее время къ нашей рукописи. Я думаю, что нашелъ довольно вѣское подтвержденіе этого предположенія въ томъ обстоятельствѣ, что эти по нашему предположенію пришитыя части не включены въ общую нумерацію (греческимъ алфавитомъ), которой подвергнута остальная часть codicis. Упомянутый мною выше указатель содержанія (πίναξ ἀκριβής) имѣетъ дѣло именно съ этою нумераціей и относится вообще только къ № 5, 6, 7, 8, 9. Очевидно, что въ моментъ составленія этого указателя интересующій насъ codex начинался прямо съ № 5 (шестой листъ римской нумераціи, которой подвергнутъ весь codex въ его теперешнемъ составѣ, и α греческой) и кончался нумеромъ 9, что ясно и изъ словъ заглавія πίνακος: πίναξ ἀκριβὴς τοῦ παρόντος βιβλίου ἀρχομένου ἀπὸ τῆς κοσμοποιίας (—№ 5). Большая виньетка передъ № 5 свидѣтельствуетъ о томъ же.

Я не палеографъ, но, если мнѣ будетъ позволено высказать свое мнѣніе, то я думаю, что нашъ кодексъ носитъ на себѣ слѣды трехъ эпохъ.

I. №№ 5, 6, 7, 8, 9 написаны въ 11 или 12 столѣтіи (см. выше). Они написаны совершенно однимъ и тѣмъ же шрифтомъ и, по всей вѣроят-

---

1) Я считаю только исписанные листы и этимъ отличаюсь отъ Hase (см. предыд. примѣч.), который въ одномъ случаѣ считаетъ только исписанные (422 перг. листа), а въ другомъ исписанные и чистые (8 бумажныхъ листовъ).

ности, даже однимъ почеркомъ. Исключеніе составляютъ только листы 421 и 422 (римск. нумер.), именно конецъ хроники Михаила Пселла, которыхъ шрифтъ мнѣ кажется совершенно одинаковымъ съ πίναξ и съ №№ 2, 3, 4.

II. Πίναξ ἀκριβής, №№ 2, 3, 4 и листы 421 съ 422 написаны, какъ только что было сказано, шрифтомъ одинаковымъ, но отличнымъ отъ шрифта №№ 5, 6, 7, 8, 9. По всей вѣроятности, и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же почеркомъ. Принимая, кромѣ этого, въ соображеніе, что въ №№ 2, 3, 4 упоминается о Флорентинскомъ соборѣ, мы должны отнести ихъ ко времени послѣ 1439 г. Вѣроятно, одно и то же неизвѣстное намъ лицо составило указатель № 5, 6, 7, 8, 9, перенумеровало ихъ греческимъ алфавитомъ, дополнило хронику Михаила Пселла (листы 421 и 422), въ которой не было конца, изъ какого-нибудь другого кодекса. Не удовольствовавшись составленіемъ индекса, оно исполнило еще маленькія компилятивныя работы нумеровъ 2, 3, 4, больше похожія на суммарныя оглавленія, чѣмъ на что-нибудь другое. Наконецъ, очень и очень можетъ быть, что надпись надъ большой виньеткой № 5 — αὐτός ἐστιν ὁ μεταφράστης, которую уже и Комбефизъ относилъ къ позднѣйшему времени (хотя онъ говоритъ: alia manu pauloque recentiori. Praef. ad. Sym. Mag.), сдѣлана рукой того же неизвѣстнаго лица, потому что a) шрифтъ и почеркъ похожи на шрифтъ и почеркъ Πίνακος, номеровъ 2, 3, 4 и буквъ греческой нумераціи, b) ему, какъ человѣку, составлявшему указатель къ №№ 5, 6, 7, 8, 9, перенумеровавшему ихъ и, наконецъ, имѣвшму въ своемъ распоряженіи другіе кодексы, аналогичнаго съ нашимъ содержанія (см. дополненіе листовъ 421 и 422 къ Михаилу Пселлу), всего естественнѣе было сдѣлать такую замѣтку.

III. Бумажные семь листовъ, находящіеся въ концѣ кодекса, написаны третьимъ шрифтомъ, отличнымъ отъ первыхъ двухъ и, навѣрно однимъ почеркомъ. Конечно, они не могли появиться раньше итальянскаго похода Карла VIII, т. е. конца XV ст. (см. № 13), а къ нашему кодексу пришиты, по всей вѣроятности, уже послѣ составленія индекса (πίναξ), потому что въ этомъ индексѣ, который принималъ въ соображеніе такіе неорганическіе куски, какъ № 5 и 6, о нихъ не говорится ни слова.

Вѣрно ли это мое мнѣніе, или невѣрно, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что центръ тяжести codicis 1712 составляютъ №№ 5, 6, 7, 8, 9 особенно №№ 7, 8, 9 и что изъ этихъ нумеровъ самый обширный—№ 7, т. е. хроника Симеона, занимающая 254 листа, а потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что тѣ, кто въ первый разъ (см. ниже) описывалъ codicem 1712 въ его теперешнемъ составѣ, могли разсматривать № 7, какъ первый, заслуживающій вниманія и потому представить πίναξ съ №№ 2, 3, 4, 5, 6 только какъ предшествующихъ хроникѣ Симеона. Дѣйствительно, первое[1]) описаніе codicis 1712, написанное на маленькомъ

1) Что занимающее насъ описаніе сдѣлано раньше другаго извѣстнаго описанія Catalogi Bibl. Reg. 1739—1744 г., а именно между 1664—1685 г., ясно изъ слѣдую-

листочкѣ бумаги и приклеенное ко второму чистому пергаментному листу въ началѣ нашего кодекса, сдѣлано слѣдующимъ образомъ:

Symeonis Magistri et Logothetae chronicon, cui praemittitur index istius (не совсѣмъ вѣрно!) codicis. fol. 1 (римская нумерація).

deinde.

De conciliis oecumenicis fol. 4.

Versus politici de X synodis fol. 4 verso.

Chronicon brevis seu compendium temporum ab Adamo f. 5 verso.

Symeonis Magistri et Logothetae in mundi fabricam ex genesi, chronicis et variis historiis collectio fol. 6.

Narratio de structura templi magnae ecclesiae sanctae Sophiae Constantinopolitani edita ex hoc codice a Combefisio in Manipulo p. 243, fol. 13.

deinde sequitur chronicon ipsum Symeonis Logothetae cui praemittuntur duo versus politici, quibus indicatur illius initium sumi ab Adamo et perduci usque ad Constantinum Porphyrogenitum. tametsi complectatur etiam imperium Romani pueri fol. 18 verso.

Leonis Diaconi Historia incipitur a morte ejusdem Constantini imperatoris usque ad mortem Joannis Tzimisces imperatoris. Libri X, fol. 272.

Michaelis Pselli monachi Hypertimi chronographia complectens gesta imperatorum Basilii et Constantini, imperatoris Romani Argyropuli, Michaelis Paphlagonis. Michaelis eorumdem deinde fratrum porphyrogenitorum, Dom. Zoes et Theodorae, Constantini Monomachi, Isaacii Comneni et usque ad inaugurationem Constantini Ducae Libr. VIII comprehensa.

Haec duo postrema chronica typis Luparaeis proxime edenda cum versione Combefisii. (Этотъ переводъ остается ненапечатаннымъ).

De itinere captando ad pervenendum in regiam Usumcassani. Graecobarb. fol. 424.

Profetia quaedam anni 1422 lat. et graece fol. 429. Codex singularis membranaceus (не весь!) qui fuit Raphaelis Tricheti Dufresne.

Я обращаю особенное Ваше вниманіе на слова Symeonis Magistri et Logothetae chronicon, cui praemittitur index totius codicis—deinde (подр. praemittuntur) и наконецъ *deinde sequitur chronicon ipsum* Symeonis Logothetae. Такимъ образомъ, мы видимъ, что хотя здѣсь слова Symeonis Logothetae фигурируютъ два раза, но подъ ними подразумѣвается одна и та же хроника № 7. Мнѣ кажется, что именно это двукратное повтореніе словъ chronicon Simeonis сбило составителей каталога и было причиной ихъ ошибки, которая тѣмъ непростительнѣй, что въ другихъ ча-

---

щаго: въ немъ упоминается о *Manipulus* Комбефиза (полное заглавіе: Originum rerumque Constantinopolitanarum ex variis auctoribus manipulus. Paris. 1664 in 4°), изданномъ въ 1664 г., но еще ничего не говорится объ изданіи имъ части хроники Симеона въ Historiae Byzantinae script·res post Theophanem. Paris. 1685. Только позднѣйшая рука прибавила послѣ словъ Romani pueri: Hujus Chronici pars posterior inde ab initiis Leonis Armenii fol. 235 recto—272 recto edita est a Combefisio in Scriptt. post Theophanem.

стяхъ ихъ описаніе подробнѣе и вѣрнѣе перваго и ставитъ внѣ сомнѣнія непосредственное знакомство ихъ съ рукописью.

Итакъ, вторая, оставленная Комбефизомъ безъ вниманія хроника Симеона codicis 1712 есть не болѣе или, если хотите, не менѣе, чѣмъ миѳъ.

Смѣлое предположеніе. Нѣсколько удивителенъ поступокъ Комбефиза съ припиской αὐτός ἐστιν ὁ μεταφράστης. Какъ сказано выше, эта приписка сдѣлана надъ № 5, а послѣ нумера 5 слѣдуетъ № 6, который самимъ же Комбефизомъ справедливо считается анонимнымъ [1]). Спрашивается, съ какой стати Комбефизъ перенесъ приписку № 5 черезъ анонимный № 6 на № 7 или, другими словами, я дѣлаю предположеніе, что имя Μεταφράστης никогда и никѣмъ до Комбефиза не было относимо къ автору хроники, извѣстной подъ именемъ хроники Симеона. Не потому ли авторъ πίναχος, называющій составителей хроникъ № 8 и 9 поименно не упоминаетъ совсѣмъ объ имени Симеона, что въ № 7 (по крайней мѣрѣ, на обычномъ мѣстѣ — въ началѣ) нѣтъ никакого имени, что онъ не отождествлялъ авторовъ № 5 и 7, а упоминать объ авторѣ маленькаго кусочка—№ 5 ему показалось ненужнымъ? [2]) Если это такъ, то придется исправить слова Hirsch'a Byz. Studien p. 308. «In allen Handschriften, von denen wir Kunde haben, wird als der Verfasser unserer Chronik der Magister und Logothet Symeon genannt, in der Pariser Handschrift ist dazu, aber, wie Combefis in seiner Vorrede ausdrücklich hervorhebt, von anderer etwas jüngerer Hand, die Bemerkung hinzugefügt, dies sei der Metaphrastes d. h. der bekannte Verfasser der grossen Sammlung der griechischen Heiligenleben.

---

1) См. выше страницу 147, что сказано при описаніи № 6.

2) Начало нашей хроники въ πίναξ обозначается прямо словами начала самой хроники: ἀρχὴν μὲν Ἀδὰμ ἔσχεν βίβλος καὶ τέλος τὸ πορφυρογέννητον εὐσεβὲς κράτος [Собственно эти слова не могутъ считаться началомъ подлиннаго текста хроники, и очень жаль, что настоящія начальныя слова ея не указаны ни здѣсь, ни Гельцеромъ].

И. Бубновъ.

2 марта 1888 года.

1.

Синодальное постановленіе патріарха Сисиннія о невѣнчаніи второбрачныхъ.

Это (неизданное) постановленіе довольно часто встрѣчается въ греческихъ рукописяхъ каноническаго содержанія, но всегда—только подъ глухимъ заглавіемъ: διάταξις συνοδικὴ περὶ δευτερογαμίας (или περὶ δευτερογαμούντων), т. е. безъ имени патріарха, при которомъ оно состоялось, и безъ всякой даты. Въ такомъ видѣ оно было извѣстно по рукописямъ Чижману, который въ своемъ знаменитомъ трудѣ: «Брачное право восточной церкви» приводитъ небольшой отрывокъ изъ этого постановленія, но не дѣлаетъ никакой попытки опредѣлить, хотя бы приблизительно, время его изданія [1]). Русскіе канонисты, по отношенію къ этому вопросу, поставлены лучше. Московская синодальная библіотека предлагаетъ имъ не только два превосходныхъ греческихъ списка этого постановленія [2]), но и славянскій (сербскій) переводъ его—въ спискѣ XV вѣка и, что всего важнѣе, съ такимъ надписаніемъ: Чинь сьбѡра стго патріарха Кѡнстантіна града Сїсініа о втѡробрачнимь сьвькоуплѥнїи [3]). Нѣтъ основаній думать, что славянскій переводчикъ самъ сочинилъ это надписаніе, т. е. по собственному домыслу поставилъ надъ своимъ переводнымъ текстомъ имя патріарха

1) Eherecht d. orient. Kirche, S. 414. Anmerk. 2; ср. S. 43. № 36.

2) Именно въ греческихъ рукописяхъ № 445 (XV в.) л. 28 об. и № 475 (XIV в.), л. 187 об. Первый списокъ положенъ въ основаніе нашего изданія, изъ послѣдняго приведены варіанты, изъ коихъ нѣкоторые, въ соотвѣтствіе съ параллельно издаваемымъ славянскимъ переводомъ, внесены въ самый текстъ основнаго списка и отмѣчены здѣсь прямоугольными скобками.

3) Списокъ этотъ находится въ сербскомъ Требникѣ № 307, на листѣ 341. Подробное описаніе этого Требника см. у Невоструева въ «Описаніи славянскихъ рукописей Москов. Синодальной библіотеки», отд. III, ч. 1, стр. 163—198.

Сисинія. Такое предположеніе представляется невѣроятнымъ уже потому, что всѣ другія, довольно многочисленныя статьи каноническаго содержанія, входящія въ составъ означеннаго сербскаго Требника и изложенныя здѣсь въ особомъ, сравнительно новомъ переводѣ [1]), имѣютъ надъ собою тѣ же самыя надписанія, какія даются имъ въ греческихъ подлинникахъ. Почему же нужно было бы допустить, что одна только занимающая насъ статья получила свое надписаніе отъ самого славянскаго переводчика, а не была точно также надписана и въ своемъ греческомъ оригиналѣ? А если такъ, то и въ самомъ содержаніи статьи не оказывается никакого повода къ сомнѣніямъ въ дѣйствительной принадлежности ея оригинала патріарху Сисинію, извѣстному и другими своими постановленіями по вопросамъ брачнаго права, преимущественно—знаменитымъ «томомъ», запрещающимъ браки въ 6-й степени свойства [2]). Во времена этого патріарха (995—998) греческая церковь несомнѣнно держалась еще того строгаго воззрѣнія на второй бракъ, какое выражено въ издаваемомъ διάταξις συνοδική: второбрачныхъ супруговъ она не только подвергала епитиміи, назначенной въ древнихъ церковныхъ канонахъ [3]), но и лишала своего благословенія и вѣнчанія. Послѣднее, сколько извѣстно, впервые постановлено было въ одномъ изъ правилъ патріарха Никифора Исповѣдника († 815) [4]) и вскорѣ потомъ подтверждено патріархомъ Фотіемъ, съ прибавленіемъ, что священникъ, повѣнчавшій второй бракъ, подвергается запрещенію священнослуженія на все то время, пока сами второбрачные супруги исполняютъ свою епитимію [5]). Но само собою понятно,

---

1) Невоструевъ въ своемъ описаніи Требника № 307 (см. предыдущее примѣчаніе) приводитъ нѣсколько примѣровъ, наглядно доказывающихъ отличіе этого перевода отъ принятаго въ древнѣйшихъ славянскихъ Кормчихъ (см. въ особенности стр. 189—195). Въ этомъ Требникѣ мы впервые встрѣчаемъ значительное число толкованій Зонары на церковныя правила и нѣсколько другихъ каноническихъ статей (между прочимъ и διάταξις περὶ δευτερογαμίας), которыя до сихъ поръ вовсе не были извѣстны въ славянскомъ переводѣ.

2) См. въ печатной Кормчей главу 51. Въ греческихъ рукописяхъ этотъ томъ сопровождается иногда особымъ Ἔκθεσις κανονική того же патріарха по разнымъ вопросамъ брачнаго права. См. рукописи Москов. синод. библіотек. № 475, л. 185—186 и № 33, л. 71 и сл.

3) Василія Вел. 4; Лаодик. соб. 1 и др.

4) Ὁ δίγαμος οὐ στεφανοῦται, ἀλλὰ καὶ ἐπιτιμᾶται μὴ μεταλαβεῖν τῶν ἀχράντων μυστηρίων ἔτη δύο (Σύνταγμα κανόνων, изд. Ралли и Потли, т. IV, стр. 427, прав. 2).

5) Ὅσοι πρὸ τῆς διαμαρτυρίας τοὺς διγάμους ηὐλόγησαν, ... οἱ τοιοῦτοι πάντως, εἰ μή τι ἄλλο, ἀλλ' ἐν ὅσῳ γε χρόνῳ τὸν δίγαμον τῆς κοινωνίας τῶν φρικτῶν μυστηρίων οἱ νόμοι τοῦ πνεύματος ἀποκωλύουσιν, ἐν τοσούτῳ καὶ ὁ παραλόγως τὴν εὐλογίαν τοῖς συναπτομένοις ἐπιτιθεὶς τῆς ἱερουργίας ἐπισχεθήσεται (Ἐπιστολαὶ Φωτίου, изданіе

1.

Синодальное постановленіе патріарха Сисиннія о невѣнчаніи второбрачныхъ.

Это (неизданное) постановленіе довольно часто встрѣчается въ греческихъ рукописяхъ каноническаго содержанія, но всегда—только подъ глухимъ заглавіемъ: διάταξις συνοδικὴ περὶ δευτερογαμίας (или περὶ δευτερογαμούντων), т. е. безъ имени патріарха, при которомъ оно состоялось, и безъ всякой даты. Въ такомъ видѣ оно было извѣстно по рукописямъ Чижману, который въ своемъ знаменитомъ трудѣ: «Брачное право восточной церкви» приводитъ небольшой отрывокъ изъ этого постановленія, но не дѣлаетъ никакой попытки опредѣлить, хотя бы приблизительно, время его изданія [1]). Русскіе канонисты, по отношенію къ этому вопросу, поставлены лучше. Московская синодальная библіотека предлагаетъ имъ не только два превосходныхъ греческихъ списка этого постановленія [2]), но и славянскій (сербскій) переводъ его—въ спискѣ XV вѣка и, что всего важнѣе, съ такимъ надписаніемъ: Чинь сьбора ст҃го патріарха Констанътіна града Сѵсиніа о втᲂробрачниmь сьвькоуплѥніи [3]). Нѣтъ основаній думать, что славянскій переводчикъ самъ сочинилъ это надписаніе, т. е. по собственному домыслу поставилъ надъ своимъ переводнымъ текстомъ имя патріарха

---

1) Eherecht d. orient. Kirche, S. 414 Anmerk. 2; ср. S. 45. № 36.

2) Именно въ греческихъ рукописяхъ № 445 (XV в.), л. 28 об. и № 475 (XIV в.), л. 187 об. Первый списокъ положенъ въ основаніе нашего изданія; изъ послѣдняго приведены варіанты, изъ коихъ нѣкоторые, въ соотвѣтствіе съ параллельно издаваемымъ славянскимъ переводомъ, внесены въ самый текстъ основнаго списка и отмѣчены здѣсь прямоугольными скобками.

3) Списокъ этотъ находится въ сербскомъ Требникѣ № 307, на листѣ 341. Подробное описаніе этого Требника см. у Невоструева въ «Описаніи славянскихъ рукописей Москов. Синодальной библіотеки», отд. III, ч. 1, стр. 163—198.

Сисинія. Такое предположеніе представляется невѣроятнымъ уже потому, что всѣ другія, довольно многочисленныя статьи каноническаго содержанія, входящія въ составъ означеннаго сербскаго Требника и изложенныя здѣсь въ особомъ, сравнительно новомъ переводѣ [1]), имѣютъ надъ собою тѣ же самыя надписанія, какія даются имъ въ греческихъ подлинникахъ. Почему же нужно было бы допустить, что одна только занимающая насъ статья получила свое надписаніе отъ самого славянскаго переводчика, а не была точно также надписана и въ своемъ греческомъ оригиналѣ? А если такъ, то и въ самомъ содержаніи статьи не оказывается никакого повода къ сомнѣніямъ въ дѣйствительной принадлежности ея оригинала патріарху Сисинію, извѣстному и другими своими постановленіями по вопросамъ брачнаго права, преимущественно—знаменитымъ «томомъ», запрещающимъ браки въ 6-й степени свойства [2]). Во времена этого патріарха (995—998) греческая церковь несомнѣнно держалась еще того строгаго воззрѣнія на второй бракъ, какое выражено въ издаваемомъ διάταξις συνοδική: второбрачныхъ супруговъ она не только подвергала епитиміи, назначенной въ древнихъ церковныхъ канонахъ [3]), но и лишала своего благословенія и вѣнчанія. Послѣднее, сколько извѣстно, впервые постановлено было въ одномъ изъ правилъ патріарха Никифора Исповѣдника († 815) [4]) и вскорѣ потомъ подтверждено патріархомъ Фотіемъ, съ прибавленіемъ, что священникъ, повѣнчавшій второй бракъ, подвергается запрещенію священнослуженія на все то время, пока сами второбрачные супруги исполняютъ свою епитимію [5]). Но само собою понятно,

---

1) Невоструевъ въ своемъ описаніи Требника № 307 (см. предыдущее примѣчаніе) приводитъ нѣсколько примѣровъ, наглядно доказывающихъ отличіе этого перевода отъ принятаго въ древнѣйшихъ славянскихъ Кормчихъ (см. въ особенности стр. 189—195). Въ этомъ Требникѣ мы впервые встрѣчаемъ значительное число толкованій Зонары на церковныя правила и нѣсколько другихъ каноническихъ статей (между прочимъ и διάταξις περὶ δευτερογαμίας), которыя до сихъ поръ вовсе не были извѣстны въ славянскомъ переводѣ.

2) См. въ печатной Кормчей главу 51. Въ греческихъ рукописяхъ этотъ томъ сопровождается иногда особымъ Ἔκθεσις κανονική того же патріарха по разнымъ вопросамъ брачнаго права. См. рукописи Москов. синод. библіотек. № 475, л. 185—186 и № 33, л. 71 и сл.

3) Василія Вел. 4; Лаодик. соб. 1 и др.

4) Ὁ δίγαμος οὐ στεφανοῦται, ἀλλὰ καὶ ἐπιτιμᾶται μὴ μεταλαβεῖν τῶν ἀχράντων μυστηρίων ἔτη δύο (Σύνταγμα κανόνων, изд. Ралли и Потли, т. IV, стр. 427, прав. 2).

5) Ὅσοι πρὸ τῆς διαμαρτυρίας τοὺς διγάμους ηὐλόγησαν, ... οἱ τοιοῦτοι πάντως, εἰ μή τι ἄλλο, ἀλλ' ἐν ὅσῳ γε χρόνῳ τὸν δίγαμον τῆς κοινωνίας τῶν φρικτῶν μυστηρίων οἱ νόμοι τοῦ πνεύματος ἀποκωλύουσιν, ἐν τοσούτῳ καὶ ὁ παραλόγως τὴν εὐλογίαν τοῖς συναπτομένοις ἐπιτιθεὶς τῆς ἱερουργίας ἐπισχεθήσεται (Ἐπιστολαὶ Φωτίου, изданіе

что послѣ изданія знаменитой новеллы Льва Мудраго (893 года), въ которой церковная форма совершенія браковъ признана необходимымъ условіемъ ихъ дѣйствительности, прежняя строгость церковной дисциплины относительно второбрачныхъ должна была мало помалу смягчиться, тѣмъ болѣе, что гражданскій законъ не отрицалъ дѣйствительности вторыхъ браковъ, остававшихся по прежнему безъ церковнаго благословенія. Такъ, еще до изданія упомянутой новеллы патріархъ Фотій не отказывалъ въ церковномъ вѣнчаніи тѣмъ, кто вступалъ во второй бракъ послѣ развода съ первымъ своимъ супругомъ, подавшимъ къ тому поводъ [1]). Спустя около ста лѣтъ послѣ Фотія, Никита, митрополитъ Ираклійскій, въ своихъ отвѣтахъ на вопросы епископа Константина даетъ уже такое свидѣтельство о современной церковной дисциплинѣ относительно вторыхъ браковъ *вообще* [2]): «Строгія церковныя правила не дозволяютъ вѣнчать второбрачныхъ; но принятый въ Великой (Константинопольской) церкви обычай не соблюдаетъ этихъ правилъ, но дозволяетъ и на второбрачныхъ возлагать вѣнцы, и повѣнчавшій таковыхъ не подвергается никакой от-

---

Валетты № 80, стр. 407). Нужно впрочемъ замѣтить, что какъ приведенное, такъ и другія правила, изложенныя въ указанномъ письмѣ Фотія, почти дословно читаются въ неизданныхъ синодальныхъ рѣшеніяхъ патріарха Алексѣя Студита (1025—1043), которыя въ однѣхъ рукописяхъ озаглавляются такъ: ἐκ τῶν συνοδικῶν αὐτοῦ (т. е. πατριάρχου Ἀλεξίου) κρίσεων (см. рукопись синодальной библіотеки № 445, л. 18 об.), въ другихъ не имѣютъ никакого оглавленія. Рукопись перваго рода была въ рукахъ у Зельдена (см. его сочиненіе: Uxor ebraica, ed. 1683, p. 450); изъ рукописи втораго рода Чижманъ приводитъ три правила, изъ коихъ первое читается такъ: Ὁ τοὺς διγάμους εὐλογήσας ἐν τοσούτῳ χρόνῳ τῆς ἱερουργίας ἐπισχεθήσεται, ἐν ὅσῳ καὶ οἱ δίγαμοι τῆς μεταλήψεως τῶν φρικτῶν μυστηρίων (Eherecht, S. 414 Anmerk. 1). Это, очевидно, есть только сокращенное изложеніе выше приведенныхъ словъ изъ письма патріарха Фотія. Тоже должно сказать объ отношеніи и всѣхъ другихъ правилъ, изложенныхъ въ этомъ письмѣ, къ правиламъ содержащимся въ статьѣ: ἐκ τῶν συνοδικῶν κρίσεων πατριάρχου Ἀλεξίου. (Ср. слѣдующее примѣчаніе). Очень можетъ быть, что патріархъ Алексѣй имѣлъ въ виду только подтвердить правила своего знаменитаго предшественника.

1) Въ изданіи Валетты мѣсто Фотіева письма, гдѣ говорится о второмъ бракѣ супруга, невиновнаго въ расторженіи перваго своего брака, читается такъ невразумительно, что издатель нашелъ нужнымъ приписать къ нему пояснительное толкованіе, по моему мнѣнію, не совсѣмъ удачное (стр. 408, прим. 1). Лучшимъ комментаріемъ я признаю изложеніе того же самого мѣста въ слѣдующихъ двухъ правилахъ статьи ἐκ τῶν συνοδικῶν κρίσεων патріарха Алексѣя: а) Ἀκατάγνωστος ὁ εὐλογῶν γυναῖκα παρὰ τοῦ ἀνδρὸς αὐτῆς παρασχομένου τὴν αἰτίαν ἀπολυθεῖσαν (прав. 3); b) Αἱ παρ' ἀνδρῶν παρασχομένων τὴν αἰτίαν ἀπολυθεῖσαι, εἰ γήμασθαι βουληθεῖεν, καὶ αὗται ἀνέγκλητοι, καὶ οἱ εὐλογοῦντες ἱερεῖς· ὡσαύτως καὶ ἐπὶ ἀνδρῶν (Ср. Чижмана примѣч. 5 на стр. 414 и у Зельдена въ цитованномъ сочиненіи).

2) По вопросу о времени, когда жилъ авторъ этихъ отвѣтовъ, см. наше предисловіе къ слѣдующему №.

вѣтственности. Однако второбрачные должны быть на годъ или на два удержаны отъ причащенія божественныхъ таинъ и вѣнчавшій священникъ не долженъ участвовать въ ихъ брачномъ пирѣ»[1]). А во второй половинѣ XII вѣка церковная практика не полагала уже никакого различія между первыми и вторыми браками. Вотъ что писалъ объ этомъ Вальсамонъ въ толкованіи на 7-е правило Неокесарійскаго собора: «Настоящее правило запрещаетъ пресвитерамъ пиршествовать съ двоебрачными и этимъ показываетъ, что второй бракъ подвергается епитиміи. Но такъ какъ мы видимъ, что нѣкоторые соблазняются тѣмъ, что *совсѣмъ никто вступающій во второй бракъ никогда не былъ подвергнутъ епитиміи*, и что *не полагается препятствія къ благословенію таковыхъ*, напротивъ это дозволяется посредствомъ приказа (вѣчной памяти) хартофилакса, и мы видали и патріарха и разныхъ митрополитовъ пиршествующихъ съ двоебрачными царями и другими вельможами: то говоримъ, что хотя на основаніи указанныхъ правилъ вступающіе во второй бракъ подлежатъ епитиміи временнаго отлученія отъ общенія, но «томъ соединенія» (τόμος ἑνώσεως)[2]), сравнивъ во всемъ второй бракъ съ первымъ и сказавъ, когда и эти должны подлежать епитиміи, отмѣнилъ эту епитимію (т. е. за второй бракъ, какъ *такой*). Ибо въ этомъ томѣ между прочимъ говорится: «но и второго и перваго брака не дозволяемъ безъ тщательнаго изслѣдованія, а опредѣляемъ, чтобы и эти браки были заключаемы такъ, чтобы не имѣли никакого порока, т. е. не начинались бы похищеніемъ, или предшествовавшимъ тайнымъ растлѣніемъ» (невѣсты). И затѣмъ (упомянутый томъ) подвергаетъ епитиміи только одни такіе браки, а прочіе оставляетъ безъ епитиміи»[3]).

Сравнивъ приведенныя свидѣтельства XI и XII вв. съ издаваемымъ διάταξις συνοδικὴ περὶ δευτερογαμίας, нельзя не признать, что послѣднее принадлежитъ временамъ болѣе раннимъ, когда греческая церковь держалась еще строгихъ воззрѣній на вторые браки и отказывала такимъ бракамъ въ своемъ благословеніи и вѣнчаніи. Въ этомъ отношеніи издаваемое синодальное постановленіе настолько строго, что, вопреки приведеннымъ словамъ «тома соединенія», ставитъ второй бракъ ниже перваго даже и въ томъ случаѣ, если перво-

---

1) Σύνταγμα Ралли и Потли, т. V, стр. 441

2) Такъ называется синодальный актъ о недѣйствительности четвертаго брака, изданный въ 920 г. при патріархѣ Николаѣ Мистикѣ.

3) Σύνταγμα, т. III, стр. 81—82.

брачущіеся уже находились въ тайной половой связи между собою: «они удостоиваются дѣвственнаго вѣнца, εἰ καὶ παρ' ἀξίαν».

Διάταξις συνοδικὴ περὶ δευτερογαμίας.

Τίμιον εἶναι τὸν γάμον καὶ τὴν κοίτην ἀμίαντον ἡ θεία γραφὴ μαρτυρεῖ [1]). Τοῦτο δὲ δῆλον, ὡς ἐπὶ [τοῦ] πρώτου εἴρηται γάμου· «μία γάρ ἐστιν ἡ νόμιμος συζυγία, καὶ γυναικὶ πρὸς ἄνδρα καὶ ἀνδρὶ πρὸς γυναῖκα». Τοῦτο ὁ μακάριος Γρηγόριος Νύσσης ἐν τῷ τρίτῳ κεφαλαίῳ τῆς κανονικῆς αὐτοῦ ἐπιστολῆς διεξήει [2]), ἐν ᾧ καὶ ἐπιφέρει· «τῷ γὰρ ἀνθρώπῳ μία δέδοται παρὰ Θεοῦ βοηθὸς, καὶ τῇ γυναικὶ μία ἐφήρμοσται κεφαλή» [3]). Συνῳδὰ [4]) δὲ τούτῳ καὶ ὁ θεολόγος ἑρμηνεύων Γρηγόριος [5]) τὸ τοῦ ἀποστόλου Παύλου ῥητὸν, ἐν οἷς φησιν «ἐγὼ δὲ λέγω εἰς Χριστὸν καὶ τὴν ἐκκλησίαν», λέγει· «εἰ γὰρ Χριστοὶ δύο, καὶ δύο ἄνδρες καὶ δύο γυναῖκες· εἰ δὲ εἷς Χριστὸς, μία κεφαλὴ τῆς ἐκκλησίας, καὶ γυνὴ μία, ἡ δὲ δευτέρα ἀποπτυέσθω», καὶ ἐπάγει· «οὐκοῦν τὸ πρῶτον [6]), νόμος». Οὕτω [7]) τῶν μακαρίων πατέρων τοιαύτην ἀποδεδωκότων τιμὴν τῷ πρώτῳ [8]) γάμῳ ἐν ταῖς ἑαυτῶν κανονικαῖς ἐκθέσεσι [9]), πάντως ἑπομένων τῷ κυριακῷ λογίῳ, ἐν οἷς τὸν Κύριον [10]) ἡ θεία καὶ εὐαγγελικὴ φωνὴ συνί-

Чинь сьбωра ст҃го патріарха Кωнстантіна града Сѵсініа о втωробрачнимь сьвькоуплкни.

Чьстноу быти бракоу и лωжію нескврьнꙋ бж҃твное писаніе свѣдѣтелствоуеть. Се же ꙗвлено есть, ꙗко о прьвыимь брацѣ реченно бысть: едино·бо есть законно сьпреженіе и женѣ сь моужемь, и моужоу сь женою. (1) семь бо и бл҃женныи Григωріе Нѵсскіи вь третіеи главизнѣ правила своего гл҃кть: ибо чл҃коу едина помощница отъ Бг҃а дана бысть, и женѣ едина глава поставлена бысть. Подобно же семꙋ и богословь Григωріе сказае слωво ап҃ла Павла, идеже гл҃кть: азъ же гл҃ю вь Хв҃ и вь црк҃овь, гл҃еть: Аще бо и Христа (ркп. пріиста) два, и два мꙋжа, и двѣ женѣ. Аще ли же единь Хь҃ едина есть глава црк҃ви, и жена едина, втωраа же да ижденетсе: прьвaa бо законна. Тако бо бл҃женыи ωц҃и прьвомоу бракоу таковоую чьсть дароваше вь правилѣхь своихь, вѣмь, Гн҃кмꙋ послѣдоующе слωвоу, идеже Гв҃ бж҃твныи еѵг҃лскыи глас свѣдѣтелствоуеть на бракь шьдшꙋ сь прωчими ꙗде. Сего ради не оудрьжано есть попоу на бракоу прьвоженьць ꙗсти, ꙗко нескврьн-

1) Евр. 13, 4. — 2) διέξεισι. — 3) Это собственно 4-е правило, если держаться общепринятаго счета. — 4) συνᾴδει. — 5) Γρηγόριος ἑρμ. — 6) τῷ πρώτῳ. — 7) Τούτῳ. 8) Прибав. φημί. — 9) ἐν ταῖς ἑαυ. ἐκθέσεσι нѣтъ. — 10) приб. ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν.

στησιν[1]) ἐπι γάμῳ[2]) παραγενομενον συνεστιαθῆναι [ἑτέροις] ἐν τούτῳ, τὸν ἱερέα μὴ κεκωλῦσθαι[3]) συνδειπνον γενέσθαι τῶν ἐπι τῷ πρώτῳ γάμῳ νυμφιων[4]) ἁρμόδιόν εστιν[5]), ὡς ἀμιάντῳ[6]), ὡς καθαρῷ, ὡς ἀμωμήτῳ[7]), ὡς ἐκ θείας φωνῆς καὶ τῆς ἐπὶ τούτῳ παρουσίας Θεοῦ νενομοθετημένῳ. Τῶν [γοῦν] πατέρων τὰς προειρημένας κρίσεις ἐπι τῷ πρώτῳ τεθεικοτων γάμῳ, ἀκατάγνωστος ἡ τῆς εκκλησίας παραδοσις, και στέφανον ἐπι τούτῳ γίνεσθαι, καὶ τὴν τῶν ἀχράντων μυστηρίων μετάληψιν, καὶ τὴν τοῦ ἱερέως ἐπὶ τούτῳ τῷ πρώτῳ γάμῳ καὶ παρουσιαν και συνεστιασιν. Και ἀρκεισθω τούτοις[8]) τὰ περι τοῦ πρωτου γάμου. Τὰ δὲ τοῦ δευτέρου τοιάδε· ὁ μὲν θεολόγος Γρηγοριος εἰπων «τὸ πρωτον[9]), νομος», επήγαγε· «τὸ δεύτερον[10]), συγχώρησις» Τοινυν εἰ συγκεχώρηται[11]), οὐκ εὔλογος ἡ χρῆσις· εἰ γὰρ εὔλογος, καὶ ἐλευθέρα· το δε ελευθερον, οὐχ ὑπο τo πταιστον· [τo δε μη ὑπὸ τὸ πταιστον], οὐδὲ συγχωρήσεως δεῖται· ἐπὰν δε συγκεχωρημένον κέκριται, ἤδη προηγουμένως εχει τὸ πταῖσμα. Καὶ ὁ μὲν Παῦλος περι τοῦ δευτερου πολλα ειρηκε γάμου, ωσπερ[12]) δια τὸ τῆς ηλικίας εὐάλωτον τοῦτο και μόνον νομοθετησας· οἱ δὲ εν Νεοκαισαρείᾳ πατέρες ἐν τῷ ἑβδομῳ κεφαλαιῳ των κανονικῶν αὐτῶν εκθέσεων φασι·

нoу соущoу таковомоу бракоу, нъ чистоу и непорочноу, понеже и самомоу Гу на таковый бракь пришьдшоу, и тако оузаконившоу. Потомоужде и стыих Отць завещаніа и разсоуждеціа о прьвымь бракоу: незазорно бо кеть црковное прѣданіе, еже и вѣнчаніе на сихь творитисе, и стымь таинамь причещатисе имь, и сщенникоу на прьвосьвькоуплеціи бракь ходити и ꙗсти. Да влеть се о прьвымь брацѣ. О втоpыим же брацѣ сицеваа бгословь Григоріе рекь: ꙗко прьваа по законоу, втораа же по прощенію. Да аще оубо прощеціе трѣбоуеть, неподобно есть сьвькоуплкціе се. Аще бо би подобно, и свободно, свободное бо неповинно бывает: а еже неповинно, ни прощеціе трѣбоуеть: аще ли же прощено быти соудитсе, ꙗвѣ, ꙗко сьгрѣшеціе имать. Павл бо о второмь бракоу многаа изрекль есть, вьзраста ради юнныхъ: о сих тькмо оузакониль кеть. Стыи же оци Неокесаріискаго сьбора вь седмомь правилѣ их глють· сщенникь на бракоу второженца да не ꙗсть. И аще покаанію повинноу соущоу второженцоу, который сщенникь дрьзати можеть на бракоу второженца ꙗсти. И аще бо се боудеть, ꙗко сщенникоу на брацѣ второженца ꙗсти.

1) παρίστησιν. — 2) γάμον. — 3) κωλυεσθαι. — 4) τῷ του πρώτου γάμου νυμφίῳ. 5) ἐστι ἁρμοδιον και κανονικόν. — 6) ἀκωμήτῳ — 7) ἀμιάντῳ. — 8) ἀρκεῖ οὖν. — 9) τῷ πρώτῳ. — 10) τῷ δευτερῳ. — 11) прибав. παντως. — 12) ὥσπερ нѣтъ.

«πρεσβύτερον εἰς γάμον διγαμοῦντος μὴ ἑστιᾶσθαι, ἐπεὶ μετάνοιαν αἰτοῦντος τοῦ διγαμοῦντος, τις ἔσται ὁ πρεσβυτερος ὁ διὰ τῆς ἑστιάσεως συγκατατιθέμενος τοῖς διγάμοις»; Εἰ γοῦν μόνον το[1]) συνεστιαθῆναι τὸν πρεσβύτερον ἐπὶ κοινῇ τραπέζῃ συγκατάθεσις τοῦ γάμου εἰσάγεται, εἰ τῶν ἀχράντων μυστηριων οἱ διγαμοῦντες μεταλάβοιεν, πάντως ὁλόκληρος ἡ βεβαίωσις τοῦ νόμιμον εἶναι τον γάμον γενήσεται. Καὶ εἰ τοῦτο, πῶς εἰς τὸ ἑξῆς τῇ μετανοίᾳ ὑποπέσωσιν; Ἐπεὶ οὐν ἀπεκλεισθη επι τοῦ διγάμου, ἵνα μηδὲ τῇ κοινῇ τραπέζῃ [2]) συνεστιᾶται ὁ ἱερεύς, προαποκεκλεισμένον πάντως εὕρηται τὸ γίνεσθαι μετάληψιν τῶν θείων μυστηρίων· ἐν οἷς δὲ ἡ τοιαύτη[3]) κατάγνωσις, πῶς ἐπὶ τῆς κεφαλῆς αὐτῶν τεθήσεται στέφανος, ἢ ἐπὶ τῆς ἁγιας εκκλησίας εὐλογησις γένηται[4]); διὸ τὸ ἐπιτιθέμενον[5]) αὐτοῖς επιτίμιον εἰς ἐντροπὴν αὐτοὺς ἄγει. Ο μέγας δὲ[6]) Βασίλειος διετίαν λέγει τὸν διγαμοῦντα τῶν θειων μυστηρίων εἶναι κεχωρισμένον. Ταῦτα ὡς φανερὰ τῇ εκκλησίᾳ τυγχάνοντα καὶ ἐν τοῖς θειοις κανόσιν ἐγκειμενα ῥητῶς, καὶ κατὰ τὸ αὐτὸ καταγράψασθαι οὐκ εδέησε τοῖς πατράσι· τὸ γὰρ φανερῶς κατεγνωσμένον, εἰ και μὴ τῷ ἐγγραμμάτῳ λόγῳ καταγνωσθῇ, ἀλλ' οὐν τὴν κατάγνωσιν ἔχει. Εἰ δέ τις λέγοι τὸν ἕνα

вѣдѣ и втꙋроженци стыимь тайнамь причеститисе имоуть: ꙗвѣ бо ꙗко сьврьшенно и оукрѣплꙗемо ꙗко законно прьвобрачіе быти. Да аще сице боудеть, како потом покааніе пріимоуть. Тѣмже бо зане затворено бысть испрьва, ꙗко ни на общеи трапезѣ второженца попоу не ꙗсти, разꙋмѣти есть, ꙗко попрѣжде затворено бысть, ꙗко стыимь таинамь непричещенѣмь быти имь. Ѡ нихже есть таковыи зазоръ, како на главоу ихь вѣнець вьзложитисе имать, или вь стои црькви блвеніе ихь быти, понеже прѣдасмаа имь заповѣдь на постыжденіе ихь изводить. И стыи Василіе за .в҃. лѣтѣ повелѣваеть ѿ стыихь таинь ѿлоученоу быти втꙋроженцꙋ. Аще кто речеть, ꙗко единь ѿ ѡбоих дрꙋгомꙋ бракоу не припричещень есть, нь сии прьвыи емꙋ бысть, что есть да не и дроугаа страна помощь ѿ сего полоучить. Нь се вѣдомо да есть, ꙗко не обрѣтаетсе писано, помощь ѿ сего ѡбрѣсти дроугомоу о заповѣди оурꙋчной емоу втꙋраагѡ ради сьвькоупленіа, понѣже ꙋнь ѿ прьваагѡ брака на вторыи пришьль есть и втꙋроженьць нарицаетсе. Сего бо ради паче зазорь есть и опомоу образꙋ, иже ꙗвлꙗетсе дѣвство имѣти, и пльтьскою любꙋвію побѣжденꙋ

---

1) μόνῳ τῷ. — 2) κοινωνίᾳ τῆς τραπέζης. — 3) τοσαύτη. — 4) γίνεται. — 5) ἐπιτεθειμένον. — 6) Прибав. καὶ θεῖος.

τῶν εἰς δευτέρους ἀγομένων γάμους[1]) μήπω πεῖραν γάμου λαβεῖν[2]), τι συνεισάγει, ἵνα τὸ φιλάνθρωπον ἐκνικήσῃ, καὶ μᾶλλον διὰ τοῦ παρθενεύοντος μέρους καὶ τὸ ἕτερον βοηθῇ:[3]) ἀλλ' οὐχ εὕρηται τὸ τοιοῦτον πρόσωπον κουφίσαν ποτὲ τοῦ ἐπιτιμίου τὸν συνεζευγμένον, διὰ τὸ ἅπαξ ἐκεῖνον ἐξ ἑτέρου γάμου πρὸς τὸν δεύτερον ἐρχόμενον[4]) δίγαμον καλεῖσθαι, ὅπερ καὶ τῇ ἀληθείᾳ ἐστί. Καὶ ἕνεκεν τούτου[5]) μᾶλλον ὑπὸ κατάγνωσιν καὶ τὸ τὴν παρθενίαν δοκοῦν ἔχειν πρόσωπον ἄγεται, ὡς τῷ σαρκικῷ ἔρωτι ἡττώμενον καὶ μὴ τὴν τῶν γάμων ἐλευθερίαν δι' αὐτὸ τὸ καλὸν καὶ τὸ σεμνὸν καὶ ἀκατάγνωστον τῆς παρθενίας προελόμενον. Ταῦτα ἡμῖν ἐν συντόμῳ μεμελέτηται, καὶ διορίζομεν μὴ στεφανοῦσθαι πλὴν τὸν ἕνα καὶ μόνον καθαρόν, σεμνὸν καὶ ἀμίαντον γάμον. Εἰ δὲ ἐν πορνείᾳ τὰ τοιαῦτα πρόσωπα προελήφθησαν, καὶ οὐ προδήλως πᾶσι [εἶεν] κατεγνωσμένα, ἀνέγκλητος ὁ ἱερεὺς κἀκεῖνοι· εἰ καὶ παρ' ἀξίαν, πλὴν καταξιοῦνται τοῦ τῆς παρθενίας στεφάνου.

бывшоу, и не въсхотѣвшоу свободнѫ и чистѫ и незазорноу бракоу съвъкупитисе, нь плътьскаго ради въжделѣнія добрѫтѫ дѣвьствьнѫю прѣдаде. Сіа оубо мы въкратцѣ изложихомь и заповѣдаемь не вѣнчавати иного, тькмо единого чистааго и непорѫчнаαго брака. Аще ли же и по блоудоу сіа лица съвькоупишесе, сирѣчь прьвобрачныи, и не ıавѣ вьсѣмь оувѣдѣно бысть, без грѣха боудет сщенникь вѣнчавшіи ихь: и они бо, аще и безчинно, ѡбаче же дѣвьствьное вѣнчаніе (пріимоуть).

---

1) ἕνα τὸν εἰς δεύτερον ἀγόμενον γάμον. — 2) λαμβάνοντα συγκεχωρεῖσθαι. — 3) прибав. οὔ τι φαμέν. — 4) διὰ τὸ ἅπαξ ἐκεῖνο ἐξ ἑτέρου γάμου πρὸς τὸν ἕτερον γάμον, τὸν δεύτερον δηλαδὴ ἐρχόμενον. — 5) καὶ μὴν ἐκ τούτου.

1.

Синодальное постановленіе патріарха Сисиннія о невѣнчаніи второбрачныхъ.

Это (неизданное) постановленіе довольно часто встрѣчается въ греческихъ рукописяхъ каноническаго содержанія, но всегда—только подъ глухимъ заглавіемъ: διάταξις συνοδικὴ περὶ δευτερογαμίας (или περὶ δευτερογαμούντων), т. е. безъ имени патріарха, при которомъ оно состоялось, и безъ всякой даты. Въ такомъ видѣ оно было извѣстно по рукописямъ Чижману, который въ своемъ знаменитомъ трудѣ: «Брачное право восточной церкви» приводитъ небольшой отрывокъ изъ этого постановленія, но не дѣлаетъ никакой попытки опредѣлить, хотя бы приблизительно, время его изданія [1]). Русскіе канонисты, по отношенію къ этому вопросу, поставлены лучше. Московская синодальная библіотека предлагаетъ имъ не только два превосходныхъ греческихъ списка этого постановленія [2]), но и славянскій (сербскій) переводъ его—въ спискѣ XV вѣка и, что всего важнѣе, съ такимъ надписаніемъ: Чинь сьбѡра сто патріарха Кѡнстантіна града Сѷсініа о вьтѡробрачнимь сьвькоуплѥни [3]). Нѣтъ основаній думать, что славянскій переводчикъ самъ сочинилъ это надписаніе, т. е. по собственному домыслу поставилъ надъ своимъ переводнымъ текстомъ имя патріарха

---

1) Eherecht d. orient. Kirche, S. 414. Anmerk. 2; ср. S. 43. № 36.

2) Именно въ греческихъ рукописяхъ № 445 (XV в.), л. 28 об. и № 475 (XIV в.), л. 187 об. Первый списокъ положенъ въ основаніе нашего изданія; изъ послѣдняго приведены варіанты, изъ коихъ нѣкоторые, въ соотвѣтствіе съ параллельно издаваемымъ славянскимъ переводомъ, внесены въ самый текстъ основнаго списка и отмѣчены здѣсь прямоугольными скобками.

3) Списокъ этотъ находится въ сербскомъ Требникѣ № 307, на листѣ 341. Подробное описаніе этого Требника см. у Невоструева въ «Описаніи славянскихъ рукописей Москов. Синодальной библіотеки», отд. III, ч. 1, стр. 163—198.

Сисиннія. Такое предположеніе представляется невѣроятнымъ уже потому, что всѣ другія, довольно многочисленныя статьи каноническаго содержанія, входящія въ составъ означеннаго сербскаго Требника и изложенныя здѣсь въ особомъ, сравнительно новомъ переводѣ [1]), имѣютъ надъ собою тѣ же самыя надписанія, какія даются имъ въ греческихъ подлинникахъ. Почему же нужно было бы допустить, что одна только занимающая насъ статья получила свое надписаніе отъ самого славянскаго переводчика, а не была точно также надписана и въ своемъ греческомъ оригиналѣ? А если такъ, то и въ самомъ содержаніи статьи не оказывается никакого повода къ сомнѣніямъ въ дѣйствительной принадлежности ея оригинала патріарху Сисиннію, извѣстному и другими своими постановленіями по вопросамъ брачнаго права, преимущественно—знаменитымъ «томомъ», запрещающимъ браки въ 6-й степени свойства [2]). Во времена этого патріарха (995—998) греческая церковь несомнѣнно держалась еще того строгаго воззрѣнія на второй бракъ, какое выражено въ издаваемомъ *διάταξις συνοδική*: второбрачныхъ супруговъ она не только подвергала епитиміи, назначенной въ древнихъ церковныхъ канонахъ [3]), но и лишала своего благословенія и вѣнчанія. Послѣднее, сколько извѣстно, впервые постановлено было въ одномъ изъ правилъ патріарха Никифора Исповѣдника († 815) [4]) и вскорѣ потомъ подтверждено патріархомъ Фотіемъ, съ прибавленіемъ, что священникъ, повѣнчавшій второй бракъ, подвергается запрещенію священнослуженія на все то время, пока сами второбрачные супруги исполняютъ свою епитимію [5]). Но само собою понятно,

---

1) Невоструевъ въ своемъ описаніи Требника № 307 (см. предыдущее примѣчаніе) приводитъ нѣсколько примѣровъ, наглядно доказывающихъ отличіе этого перевода отъ принятаго въ древнѣйшихъ славянскихъ Кормчихъ (см. въ особенности стр. 189—195). Въ этомъ Требникѣ мы впервые встрѣчаемъ значительное число толкованій Зонары на церковныя правила и нѣсколько другихъ каноническихъ статей (между прочимъ и διάταξις περὶ δευτερογαμίας), которыя до сихъ поръ вовсе не были извѣстны въ славянскомъ переводѣ.

2) См. въ печатной Кормчей главу 51. Въ греческихъ рукописяхъ этотъ томъ сопровождается иногда особымъ Ἔκθεσις κανονική того же патріарха по разнымъ вопросамъ брачнаго права. См. рукописи Москов. синод. библіотек. № 475, л. 185—186 и № 33, л. 71 и сл.

3) Василія Вел. 4; Лаодик. соб. 1 и др.

4) Ὁ δίγαμος οὐ στεφανοῦται, ἀλλὰ καὶ ἐπιτιμᾶται μὴ μεταλαβεῖν τῶν ἀχράντων μυστηρίων ἔτη δύο (Σύνταγμα κανόνων, изд. Ралли и Потли, т. IV, стр. 427, прав. 2).

5) Ὅσοι πρὸ τῆς διαμαρτυρίας τοὺς διγάμους ηὐλόγησαν, ... οἱ τοιοῦτοι πάντως, εἰ μή τι ἄλλο, ἀλλ' ἐν ὅσῳ γε χρόνῳ τὸν δίγαμον τῆς κοινωνίας τῶν φρικτῶν μυστηρίων οἱ νόμοι τοῦ πνεύματος ἀποκωλύουσιν, ἐν τοσούτῳ καὶ ὁ παραλόγως τὴν εὐλογίαν τοῖς συναπτομένοις ἐπιτιθεὶς τῆς ἱερουργίας ἐπισχεθήσεται (Ἐπιστολαὶ Φωτίου, изданіе

что послѣ изданія знаменитой новеллы Льва Мудраго (893 года), въ которой церковная форма совершенія браковъ признана необходимымъ условіемъ ихъ дѣйствительности, прежняя строгость церковной дисциплины относительно второбрачныхъ должна была мало помалу смягчиться, тѣмъ болѣе, что гражданскій законъ не отрицалъ дѣйствительности вторыхъ браковъ, остававшихся по прежнему безъ церковнаго благословенія. Такъ, еще до изданія упомянутой новеллы патріархъ Фотій не отказывалъ въ церковномъ вѣнчаніи тѣмъ, кто вступалъ во второй бракъ послѣ развода съ первымъ своимъ супругомъ, подавшимъ къ тому поводъ[1]). Спустя около ста лѣтъ послѣ Фотія, Никита, митрополитъ Ираклійскій, въ своихъ отвѣтахъ на вопросы епископа Константина даетъ уже такое свидѣтельство о современной церковной дисциплинѣ относительно вторыхъ браковъ *вообще*[2]): «Строгія церковныя правила не дозволяютъ вѣнчать второбрачныхъ; но принятый въ Великой (Константинопольской) церкви обычай не соблюдаетъ этихъ правилъ, но дозволяетъ и на второбрачныхъ возлагать вѣнцы, и повѣнчавшій таковыхъ не подвергается никакой от-

---

Валетты № 80, стр. 407). Нужно впрочемъ замѣтить, что какъ приведенное, такъ и другія правила, изложенныя въ указанномъ письмѣ Фотія, почти дословно читаются въ неизданныхъ синодальныхъ рѣшеніяхъ патріарха Алексѣя Студита (1025—1043), которыя въ однѣхъ рукописяхъ озаглавляются такъ: ἐκ τῶν συνοδικῶν αὐτοῦ (т. е. πατριάρχου Ἀλεξίου) κρίσεων (см. рукопись синодальной библіотеки № 445, л. 18 об.), въ другихъ не имѣютъ никакого оглавленія. Рукопись перваго рода была въ рукахъ у Зельдена (см. его сочиненіе: Uxor ebraica, ed. 1683, p. 450); изъ рукописи второго рода Чижманъ приводитъ три правила, изъ коихъ первое читается такъ: Ὁ τοὺς δ' γάμους εὐλογήσας ἐν τοσούτῳ χρόνῳ τῆς ἱερουργίας ἐπισχεθήσεται, ἐν ὅσῳ καὶ οἱ δίγαμοι τῆς μεταλήψεως τῶν φρικτῶν μυστηρίων (Eherecht, S. 414 Anmerk. 1). Это, очевидно, есть только сокращенное изложеніе выше приведенныхъ словъ изъ письма патріарха Фотія. Тоже должно сказать объ отношеніи и всѣхъ другихъ правилъ, изложенныхъ въ этомъ письмѣ, къ правиламъ содержащимся въ статьѣ: ἐκ τῶν συνοδικῶν κρίσεων πατριάρχου Ἀλεξίου. (Ср. слѣдующее примѣчаніе). Очень можетъ быть, что патріархъ Алексѣй имѣлъ въ виду только подтвердить правила своего знаменитаго предшественника.

1) Въ изданіи Валетты мѣсто Фотіева письма, гдѣ говорится о второмъ бракѣ супруга, невиновнаго въ расторженіи перваго своего брака, читается такъ невразумительно, что издатель нашелъ нужнымъ приписать къ нему пояснительное толкованіе, по моему мнѣнію, не совсѣмъ удачное (стр. 408, прим. 1). Лучшимъ комментаріемъ я признаю изложеніе того же самого мѣста въ слѣдующихъ двухъ правилахъ статьи ἐκ τῶν συνοδικῶν κρίσεων патріарха Алексѣя: a) Ἀκατάγνωστος ὁ εὐλογῶν γυναῖκα παρὰ τοῦ ἀνδρὸς αὐτῆς παρασχομένου τὴν αἰτίαν ἀπολυθεῖσαν (прав. 3), b) Αἱ παρ' ἀνδρῶν παρασχομένων τὴν αἰτίαν ἀπολυθεῖσαι, εἰ γήμασθαι βουληθεῖεν, καὶ αὗται ἀνέγκλητοι, καὶ οἱ εὐλογοῦντες ἱερεῖς ὡσαύτως καὶ ἐπὶ ἀνδρῶν (Ср. Чижмана примѣч. 5 на стр. 414 и у Зельдена въ цитованномъ сочиненіи).

2) По вопросу о времени, когда жилъ авторъ этихъ отвѣтовъ, см. наше предисловіе къ слѣдующему №.

вѣтственности. Однако второбрачные должны быть на годъ или на два удержаны отъ причащенія божественныхъ тайнъ и вѣнчавшій священникъ не долженъ участвовать въ ихъ брачномъ пирѣ»[1]). А во второй половинѣ XII вѣка церковная практика не полагала уже никакого различія между первыми и вторыми браками. Вотъ что писалъ объ этомъ Вальсамонъ въ толкованіи на 7-е правило Неокесарійскаго собора: «Настоящее правило запрещаетъ пресвитерамъ пиршествовать съ двоебрачными и этимъ показываетъ, что второй бракъ подвергается епитиміи. Но такъ какъ мы видимъ, что нѣкоторые соблазняются тѣмъ, что *совсѣмъ ниодинъ вступающій во второй бракъ никогда не былъ подвергнутъ епитиміи*, и что *не полагается препятствія къ благословенію таковыхъ*, напротивъ это дозволяется посредствомъ приказа (вѣнечной памяти) хартофилакса, и мы видали и патріарха и разныхъ митрополитовъ пиршествующихъ съ двоебрачными царями и другими вельможами: то говоримъ, что хотя на основаніи указанныхъ правилъ вступающіе во второй бракъ подлежатъ епитиміи временнаго отлученія отъ общенія, но «томъ соединенія» (τόμος ἑνώσεως)[2]), сравнивъ во всемъ второй бракъ съ первымъ и сказавъ, когда и эти должны подлежать епитиміи, отмѣнилъ эту епитимію (т. е. за второй бракъ, какъ *такой*). Ибо въ этомъ томѣ между прочимъ говорится: «но и второго и перваго брака не дозволяемъ безъ тщательнаго изслѣдованія, а опредѣляемъ, чтобы и эти браки были заключаемы такъ, чтобы не имѣли никакого порока, т. е. не начинались бы похищеніемъ, или предшествовавшимъ тайнымъ растлѣніемъ» (невѣсты). И затѣмъ (упомянутый томъ) подвергаетъ епитиміи только одни такіе браки, а прочіе оставляетъ безъ епитиміи»[3]).

Сравнивъ приведенныя свидѣтельства XI и XII вв. съ издаваемымъ διάταξις συνοδική περὶ δευτερογαμίας, нельзя не признать, что послѣднее принадлежитъ временамъ болѣе раннимъ, когда греческая церковь держалась еще строгихъ воззрѣній на вторые браки и отказывала такимъ бракамъ въ своемъ благословеніи и вѣнчаніи. Въ этомъ отношеніи издаваемое синодальное постановленіе настолько строго, что, вопреки приведеннымъ словамъ «тома соединенія», ставитъ второй бракъ ниже перваго даже и въ томъ случаѣ, если перво-

1) Σύνταγμα Ралли и Потли, т. V, стр. 441.

2) Такъ называется синодальный актъ о недѣйствительности четвертаго брака изданный въ 920 г. при патріархѣ Николаѣ Мистикѣ.

3) Σύνταγμα, т. III, стр. 81—82

1.

Синодальное постановленіе патріарха Сисиннія о невѣнчаніи второбрачныхъ.

Это (неизданное) постановленіе довольно часто встрѣчается въ греческихъ рукописяхъ каноническаго содержанія, но всегда—только подъ глухимъ заглавіемъ: διάταξις συνοδική περὶ δευτερογαμίας (или περὶ δευτερογαμούντων), т. е. безъ имени патріарха, при которомъ оно состоялось, и безъ всякой даты. Въ такомъ видѣ оно было извѣстно по рукописямъ Чижману, который въ своемъ знаменитомъ трудѣ: «Брачное право восточной церкви» приводитъ небольшой отрывокъ изъ этого постановленія, но не дѣлаетъ никакой попытки опредѣлить, хотя бы приблизительно, время его изданія [1]). Русскіе канонисты, по отношенію къ этому вопросу, поставлены лучше. Московская синодальная библіотека предлагаетъ имъ не только два превосходныхъ греческихъ списка этого постановленія [2]), но и славянскій (сербскій) переводъ его—въ спискѣ XV вѣка и, что всего важнѣе, съ такимъ надписаніемъ: Чинь сьбора сто патріарха Константіна града Сусініа о втиробрачнимь сьвкоуплѥнии [3]). Нѣтъ основаній думать, что славянскій переводчикъ самъ сочинилъ это надписаніе, т. е. по собственному домыслу поставилъ надъ своимъ переводнымъ текстомъ имя патріарха

---

1) Eherecht d. orient. Kirche, S. 414. Anmerk. 2; ср. S. 43. № 36.

2) Именно въ греческихъ рукописяхъ № 445 (XV в.), л. 28 об. и № 475 (XIV в.), л. 187 об. Первый списокъ положенъ въ основаніе нашего изданія; изъ послѣдняго приведены варіанты, изъ коихъ нѣкоторые, въ соотвѣтствіе съ параллельно издаваемымъ славянскимъ переводомъ, внесены въ самый текстъ основнаго списка и отмѣчены здѣсь прямоугольными скобками.

3) Списокъ этотъ находится въ сербскомъ Требникѣ № 307, на листѣ 341. Подробное описаніе этого Требника см. у Невоструева въ «Описаніи славянскихъ рукописей Москов. Синодальной библіотеки», отд. III, ч. 1, стр. 163—198.

Сисинія. Такое предположеніе представляется невѣроятнымъ уже потому, что всѣ другія, довольно многочисленныя статьи каноническаго содержанія, входящія въ составъ означеннаго сербскаго Требника и изложенныя здѣсь въ особомъ, сравнительно новомъ переводѣ [1]), имѣютъ надъ собою тѣ же самыя надписанія, какія даются имъ въ греческихъ подлинникахъ. Почему же нужно было бы допустить, что одна только занимающая насъ статья получила свое надписаніе отъ самого славянскаго переводчика, а не была точно также надписана и въ своемъ греческомъ оригиналѣ? А если такъ, то и въ самомъ содержаніи статьи не оказывается никакого повода къ сомнѣніямъ въ дѣйствительной принадлежности ея оригинала патріарху Сисинію, извѣстному и другими своими постановленіями по вопросамъ брачнаго права, преимущественно—знаменитымъ «томомъ», запрещающимъ браки въ 6-й степени свойства [2]). Во времена этого патріарха (995—998) греческая церковь несомнѣнно держалась еще того строгаго воззрѣнія на второй бракъ, какое выражено въ издаваемомъ διάταξις συνοδική: второбрачныхъ супруговъ она не только подвергала епитиміи, назначенной въ древнихъ церковныхъ канонахъ [3]), но и лишала своего благословенія и вѣнчанія. Послѣднее, сколько извѣстно, впервые постановлено было въ одномъ изъ правилъ патріарха Никифора Исповѣдника († 815) [4]) и вскорѣ потомъ подтверждено патріархомъ Фотіемъ, съ прибавленіемъ, что священникъ, повѣнчавшій второй бракъ, подвергается запрещенію священнослуженія на все то время, пока сами второбрачные супруги исполняютъ свою епитимію [5]). Но само собою понятно,

1) Невоструевъ въ своемъ описаніи Требника № 307 (см. предыдущее примѣчаніе) приводитъ нѣсколько примѣровъ, наглядно доказывающихъ отличіе этого перевода отъ принятаго въ древнѣйшихъ славянскихъ Кормчихъ (см. въ особенности стр. 189—195). Въ этомъ Требникѣ мы впервые встрѣчаемъ значительное число толкованій Зонары на церковныя правила и нѣсколько другихъ каноническихъ статей (между прочимъ и διάταξις περὶ δευτερογαμίας), которыя до сихъ поръ вовсе не были извѣстны въ славянскомъ переводѣ.

2) См. въ печатной Кормчей главу 51. Въ греческихъ рукописяхъ этотъ томъ сопровождается иногда особымъ Ἔχθεσις κανονική того же патріарха по разнымъ вопросамъ брачнаго права. См. рукописи Москов. синод. библіотек. № 475, л. 185—186 и № 33, л. 71 и сл.

3) Василія Вел. 4; Лаодик. соб. 1 и др.

4) Ὁ δίγαμος οὐ στεφανοῦται, ἀλλὰ καὶ ἐπιτιμᾶται μὴ μεταλαβεῖν τῶν ἀχράντων μυστηρίων ἔτη δύο (Σύνταγμα κανόνων, изд. Ралли и Потли, т. IV, стр. 427, прав. 2).

5) Ὅσοι πρὸ τῆς διαμαρτυρίας τοὺς διγάμους ηὐλόγησαν, ... οἱ τοιοῦτοι πάντως, εἰ μή τι ἄλλο, ἀλλ' ἐν ὅσῳ γε χρόνῳ τὸν δίγαμον τῆς κοινωνίας τῶν φρικτῶν μυστηρίων οἱ νόμοι τοῦ πνεύματος ἀποκωλύουσιν, ἐν τοσούτῳ καὶ ὁ παραλόγως τὴν εὐλογίαν τοῖς συναπτομένοις ἐπιτιθεὶς τῆς ἱερουργίας ἐπισχεθήσεται (Ἐπιστολαὶ Φωτίου, изданіе

что послѣ изданія знаменитой новеллы Льва Мудраго (893 года), въ которой церковная форма совершенія браковъ признана необходимымъ условіемъ ихъ дѣйствительности, прежняя строгость церковной дисциплины относительно второбрачныхъ должна была мало помалу смягчиться, тѣмъ болѣе, что гражданскій законъ не отрицалъ дѣйствительности вторыхъ браковъ, остававшихся по прежнему безъ церковнаго благословенія. Такъ, еще до изданія упомянутой новеллы патріархъ Фотій не отказывалъ въ церковномъ вѣнчаніи тѣмъ, кто вступалъ во второй бракъ послѣ развода съ первымъ своимъ супругомъ, подавшимъ къ тому поводъ[1]). Спустя около ста лѣтъ послѣ Фотія, Никита, митрополитъ Ираклійскій, въ своихъ отвѣтахъ на вопросы епископа Константина даетъ уже такое свидѣтельство о современной церковной дисциплинѣ относительно вторыхъ браковъ *вообще*[2]): «Строгія церковныя правила не дозволяютъ вѣнчать второбрачныхъ; но принятый въ Великой (Константинопольской) церкви обычай не соблюдаетъ этихъ правилъ, но дозволяетъ и на второбрачныхъ возлагать вѣнцы, и повѣнчавшій таковыхъ не подвергается никакой от-

---

Валетты № 80, стр. 407). Нужно впрочемъ замѣтить, что какъ приведенное, такъ и другія правила, изложенныя въ указанномъ письмѣ Фотія, почти дословно читаются въ неизданныхъ синодальныхъ рѣшеніяхъ патріарха Алексѣя Студита (1025—1043), которыя въ однѣхъ рукописяхъ озаглавляются такъ: ἐκ τῶν συνοδικῶν αὐτοῦ (т. е. πατριάρχου Ἀλεξίου) κρίσεων (см. рукопись синодальной библіотеки № 445, л. 18 об.), въ другихъ не имѣютъ никакого оглавленія. Рукопись перваго рода была въ рукахъ у Зельдена (см. его сочиненіе: Uxor ebraica, ed. 1683, p. 450); изъ рукописи второго рода Чижманъ приводитъ три правила, изъ коихъ первое читается такъ: Ὁ τοὺς διγάμους εὐλογήσας ἐν τοσούτῳ χρόνῳ τῆς ἱερουργίας ἐπισχεθήσεται, ἐν ὅσῳ καὶ οἱ δίγαμοι τῆς μεταλήψεως τῶν φρικτῶν μυστηρίων (Eherecht, S. 414 Anmerk. 1). Это, очевидно, есть только сокращенное изложеніе выше приведенныхъ словъ изъ письма патріарха Фотія. Тоже должно сказать объ отношеніи и всѣхъ другихъ правилъ, изложенныхъ въ этомъ письмѣ, къ правиламъ содержащимся въ статьѣ: ἐκ τῶν συνοδικῶν κρίσεων πατριάρχου Ἀλεξίου. (Ср. слѣдующее примѣчаніе). Очень можетъ быть, что патріархъ Алексѣй имѣлъ въ виду только подтвердить правила своего знаменитаго предшественника.

1) Въ изданіи Валетты мѣсто Фотіева письма, гдѣ говорится о второмъ бракѣ супруга, невиновнаго въ расторженіи перваго своего брака, читается такъ невразумительно, что издатель нашелъ нужнымъ приписать къ нему пояснительное толкованіе, по моему мнѣнію, не совсѣмъ удачное (стр. 408, прим. 1). Лучшимъ комментаріемъ я признаю изложеніе того же самого мѣста въ слѣдующихъ двухъ правилахъ статьи ἐκ τῶν συνοδικῶν κρίσεων патріарха Алексѣя: a) Ἀκατάγνωστος ὁ εὐλογῶν γυναῖκα παρὰ τοῦ ἀνδρὸς αὐτῆς παρασχομένου τὴν αἰτίαν ἀπολυθεῖσαν (прав. 3); b) Αἱ παρ' ἀνδρῶν παρασχομένων τὴν αἰτίαν ἀπολυθεῖσαι, εἰ γήμασθαι βουληθεῖεν, καὶ αὗται ἀνέγκλητοι, καὶ οἱ εὐλογοῦντες ἱερεῖς· ὡσαύτως καὶ ἐπὶ ἀνδρῶν (Ср. Чижмана примѣч. 5 на стр. 414 и у Зельдена въ цитованномъ сочиненіи).

2) По вопросу о времени, когда жилъ авторъ этихъ отвѣтовъ, см. наше предисловіе къ слѣдующему №.

вѣтственности. Однако второбрачные должны быть на годъ или на два удержаны отъ причащенія божественныхъ таинъ и вѣнчавшій священникъ не долженъ участвовать въ ихъ брачномъ пирѣ»[1]). А во второй половинѣ XII вѣка церковная практика не полагала уже никакого различія между первыми и вторыми браками. Вотъ что писалъ объ этомъ Вальсамонъ въ толкованіи на 7-е правило Неокесарійскаго собора: «Настоящее правило запрещаетъ пресвитерамъ пиршествовать съ двоебрачными и этимъ показываетъ, что второй бракъ подвергается епитиміи. Но такъ какъ мы видимъ, что нѣкоторые соблазняются тѣмъ, что *совсѣмъ ниодинъ вступающій во второй бракъ никогда не былъ подвергнутъ епитиміи*, и что *не полагается препятствія къ благословенію таковыхъ*, напротивъ это дозволяется посредствомъ приказа (вѣнечной памяти) хартофилакса, и мы видали и патріарха и разныхъ митрополитовъ пиршествующихъ съ двоебрачными царями и другими вельможами: то говоримъ, что хотя на основаніи указанныхъ правилъ вступающіе во второй бракъ подлежатъ епитиміи временнаго отлученія отъ общенія, но «томъ соединенія» (τόμος ἑνώσεως)[2]), сравнивъ во всемъ второй бракъ съ первымъ и сказавъ, когда и эти должны подлежать епитиміи, отмѣнилъ эту епитимію (т. е. за второй бракъ, какъ *такой)*. Ибо въ этомъ томѣ между прочимъ говорится: «но и второго и перваго брака не дозволяемъ безъ тщательнаго изслѣдованія, а опредѣляемъ, чтобы и эти браки были заключаемы такъ, чтобы не имѣли никакого порока, т. е. не начинались бы похищеніемъ, или предшествовавшимъ тайнымъ растлѣніемъ» (невѣсты). И затѣмъ (упомянутый томъ) подвергаетъ епитиміи только одни такіе браки, а прочіе оставляетъ безъ епитиміи»[3]).

Сравнивъ приведенныя свидѣтельства XI и XII вв. съ издаваемымъ διάταξις συνοδικὴ περὶ δευτερογαμίας, нельзя не признать, что послѣднее принадлежитъ временамъ болѣе раннимъ, когда греческая церковь держалась еще строгихъ воззрѣній на вторые браки и отказывала такимъ бракамъ въ своемъ благословеніи и вѣнчаніи. Въ этомъ отношеніи издаваемое синодальное постановленіе настолько строго, что, вопреки приведеннымъ словамъ «тома соединенія», ставитъ второй бракъ ниже перваго даже и въ томъ случаѣ, если перво-

---

1) Σύνταγμα Ралли и Потли, т. V, стр. 441.

2) Такъ называется синодальный актъ о недѣйствительности четвертаго брака, изданный въ 920 г. при патріархѣ Николаѣ Мистикѣ.

3) Σύνταγμα, т. III, стр. 81—82.

брачущіеся уже находились въ тайной половой связи между собою: «они удостоиваются дѣвственнаго вѣнца, *εἰ καὶ παρ' ἀξίαν*».

Διάταξις συνοδικὴ περὶ δευτερογαμίας.

Τίμιον εἶναι τὸν γάμον καὶ τὴν κοίτην ἀμίαντον ἡ θεία γραφὴ μαρτυρεῖ [1]). Τοῦτο δὲ δῆλον, ὡς ἐπὶ [τοῦ] πρώτου εἴρηται γάμου· «μία γάρ ἐστιν ἡ νόμιμος συζυγία, καὶ γυναικὶ πρὸς ἄνδρα καὶ ἀνδρὶ πρὸς γυναῖκα». Τοῦτο ὁ μακάριος Γρηγόριος Νύσσης ἐν τῷ τρίτῳ κεφαλαίῳ τῆς κανονικῆς αὐτοῦ ἐπιστολῆς διεξήει [2]), ἐν ᾧ καὶ ἐπιφέρει· «τῷ γὰρ ἀνθρώπῳ μία δέδοται παρὰ Θεοῦ βοηθὸς, καὶ τῇ γυναικὶ μία ἐφήρμοσται κεφαλή» [3]). Συνῳδὰ [4]) δὲ τούτῳ καὶ ὁ θεολόγος ἑρμηνεύων Γρηγόριος [5]) τὸ τοῦ ἀποστόλου Παύλου ῥητὸν, ἐν οἷς φησιν «ἐγὼ δὲ λέγω εἰς Χριστὸν καὶ τὴν ἐκκλησίαν», λέγει· «εἰ γὰρ Χριστοὶ δύο, καὶ δύο ἄνδρες καὶ δύο γυναῖκες· εἰ δὲ εἷς Χριστὸς, μία κεφαλὴ τῆς ἐκκλησίας, καὶ γυνὴ μία, ἡ δὲ δευτέρα ἀποπτυέσθω», καὶ ἐπάγει· «οὐκοῦν τὸ πρῶτον [6]), νόμος». Οὕτω [7]) τῶν μακαρίων πατέρων τοιαύτην ἀποδεδωκοτων τιμὴν τῷ πρώτῳ [8]) γάμῳ ἐν ταῖς ἑαυτῶν κανονικαῖς ἐκθέσεσι [9]), πάντως ἑπομένων τῷ κυριακῷ λογίῳ, ἐν οἷς τὸν Κύριον [10]) ἡ θεία καὶ εὐαγγελικὴ φωνὴ συνί-

Чинь сьбѡра ст҃го патріарха Кѡнстантіна града Сѵсінія о втѡробрачнимь сьвкоуплкни.

Чьстноу быти бракоу и лѡжію нескврьнѫ бж҃твное писаніе свѣдѣтелствоуеть. Се же ꙗвлено есть, ꙗко о прьвыимь брацѣ реченно бысть: едино бо есть законно сьпреженіе и женѣ сь моужемь, и моужоу сь женою. (Ѡ) семь бо и бл҃женныи Григѡріе Нѵсскіи вь третіеи главизнѣ правила своего гл҃кть: ибо чл҃коу едина помощница оть Ба҃ дана бысть, и женѣ едина глава поставлена бысть. Подобно же семѫ и богослѡвь Григѡріе сказае слѡво ап҃ла Павла, идеже гл҃кть: азъ же гл҃ю вь Ха҃ и вь цр҃ковь, гл҃еть: Аще бо и Христа (ркп. пріста) два, и два мѫжа, и двѣ женѣ. Аще ли же единь Хь҃ едина есть глава цр҃кви, и жена едина, втѡраа же да ижденетсе: прьваа бо законна. Тако бо бл҃женыи ѡ҃ци прьвомоу бракоу таковоую чьсть дароваше вь правилѣхь своихь, вѣмь, Гн҃смѫ послѣдоующе слѡвоу, идеже Га҃ бж҃твныи еѵ҃глскыи глас свѣдѣтелствоуеть на бракь шьдшѫ сь прѡчими ꙗде. Сего ради не оудрьжано есть попоу на бракоу прьвоженьць ꙗсти, ꙗко нескврьн-

1) Евр. 13, 4. — 2) διέξεισι. — 3) Это собственно 4-е правило, если держаться общепринятаго счета. — 4) συνᾴδει. — 5) Γρηγόριος ἑρμ. — 6) τῷ πρώτῳ. — 7) Τούτῳ. 8) Прибав. φημί. — 9) ἐν ταῖς ἑαυ. ἐκθέσεσι нѣтъ. — 10) приб. ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν.

στησιν[1]) ἐπὶ γάμῳ[2]) παραγενόμενον συνεστιαθῆναι [ἑτέροις] ἐν τούτῳ, τὸν ἱερέα μὴ κεκωλύσθαι[3]) σύνδειπνον γενέσθαι τῶν ἐπὶ τῷ πρώτῳ γάμῳ νυμφίων[4]) ἁρμόδιόν ἐστιν[5]), ὡς ἀμιάντῳ[6]), ὡς καθαρῷ, ὡς ἀμωμήτῳ[7]), ὡς ἐκ θείας φωνῆς καὶ τῆς ἐπὶ τούτῳ παρουσίας Θεοῦ νενομοθετημένῳ. Τῶν [γοῦν] πατέρων τὰς προειρημένας κρίσεις ἐπὶ τῷ πρώτῳ τεθεικότων γάμῳ, ἀκατάγνωστος ἡ τῆς ἐκκλησίας παράδοσις, καὶ στέφανον ἐπὶ τούτῳ γίνεσθαι, καὶ τὴν τῶν ἀχράντων μυστηρίων μετάληψιν, καὶ τὴν τοῦ ἱερέως ἐπὶ τούτῳ τῷ πρώτῳ γάμῳ καὶ παρουσίαν καὶ συνεστίασιν. Καὶ ἀρκείσθω τούτοις[8]) τὰ περὶ τοῦ πρώτου γάμου. Τὰ δὲ τοῦ δευτέρου τοιάδε· ὁ μὲν θεολόγος Γρηγόριος εἰπὼν «τὸ πρῶτον[9]), νόμος», ἐπήγαγε· «τὸ δεύτερον[10]), συγχώρησις». Τοίνυν εἰ συγκεχώρηται[11]), οὐκ εὔλογος ἡ χρῆσις· εἰ γὰρ εὔλογος, καὶ ἐλευθέρα· τὸ δὲ ἐλεύθερον, οὐχ ὑπὸ τὸ πταιστόν· [τὸ δὲ μὴ ὑπὸ τὸ πταιστὸν], οὐδὲ συγχωρήσεως δεῖται· ἐπὰν δὲ συγκεχωρημένον κέκριται, ἤδη προηγουμένως ἔχει τὸ πταῖσμα. Καὶ ὁ μὲν Παῦλος περὶ τοῦ δευτέρου πολλὰ εἴρηκε γάμου, ὥσπερ[12]) διὰ τὸ τῆς ἡλικίας εὐάλωτον τοῦτο καὶ μόνον νομοθετήσας· οἱ δὲ ἐν Νεοκαισαρείᾳ πατέρες ἐν τῷ ἑβδόμῳ κεφαλαίῳ τῶν κανονικῶν αὐτῶν ἐκθέσεών φασι·

ноу соущоу таковомоу бракȣ, нь чистоу и непорѡчноу, понеже и самомȣ Г҃ȣ на таковый бракь пришьдшоу, и тако оузаконившоу. Потомоужде и ст҃ыих Ѿць завещаніа и разсоуждениа ѡ прьвыимь бракоу: незазорно бо ѥсть цр҃ковное прѣданіе, еже и вѣнчаніе на сихь творитисе, и ст҃ыимь таинамь причещатисе имь, и сщ҃енникоу на прьвосьвькоупленіи бракь ходити и ꙗсти. Дѡвлеть се о прьвыимь брацѣ. О втѡрыим же брацѣ сицеваа бг҃ословь Григоріе рекь: ꙗко прьваа по законоу, втѡраа же по прощенію. Да аще оубо прощеніе трѣбоуеть, неподобно есть сьвькоупленіе се. Аще бо би подобно, и свободно: свободное бо неповинно бывает; а еже неповинно, ни прощеніе трѣбоуеть; аще ли же прощено быти соудитсе, ꙗвѣ, ꙗко сьгрѣшеніе имать. Павл бо ѡ втѡрымь бракоу мнѡгаа изрекль есть, вьзраста ради юнныихъ: ѡ сих тькмо оузакониль ѥсть. Ст҃ыи же ѡц҃и Неокесаріискаго сьбора вь седмомь правилѣ их гл҃ють: сщ҃енникь на бракоу втѡроженца да не ꙗсть. И аще покаянію повинноу соущоу втѡроженцоу, котѡрыи сщ҃енникь дрьзати мѡжеть на бракоу втѡроженца ꙗсти. И аще бо се боудеть, ꙗко сщ҃енникоу на брацѣ втѡроженца ꙗсти.

---

1) παρίστησιν. — 2) γάμον. — 3) κωλύεσθαι. — 4) τῷ τοῦ πρώτου γάμου νυμφίῳ. — 5) ἐστὶ ἁρμόδιον καὶ κανονικόν. — 6) ἀμωμήτῳ. — 7) ἀμιάντῳ. — 8) ἀρκεῖ οὖν. — 9) τῷ πρώτῳ. — 10) τῷ δευτέρῳ. — 11) прибав. πάντως. — 12) ὥσπερ нѣтъ.

ἀπρεσβύτερον εἰς γάμον διγαμοῦντος μὴ ἑστιᾶσθαι, ἐπεὶ μετάνοιαν αἰτοῦντος τοῦ διγαμοῦντος, τίς ἔσται ὁ πρεσβύτερος ὁ διὰ τῆς ἑστιάσεως συγκατατιθέμενος τοῖς διγάμοις»; Εἰ γοῦν μόνον τὸ[1]) συνεστιαθῆναι τὸν πρεσβύτερον ἐπὶ κοινῇ τραπέζῃ συγκατάθεσις τοῦ γάμου εἰσάγεται, εἰ τῶν ἀχράντων μυστηρίων οἱ διγαμοῦντες μεταλάβοιεν, πάντως ὁλόκληρος ἡ βεβαίωσις τοῦ νόμιμον εἶναι τὸν γάμον γενήσεται. Καὶ εἰ τοῦτο, πῶς εἰς τὸ ἑξῆς τῇ μετανοίᾳ ὑποπέσωσιν; Ἐπεὶ οὖν ἀπεκλείσθη ἐπὶ τοῦ διγάμου, ἵνα μηδὲ τῇ κοινῇ τραπέζῃ[2]) συνεστιᾶται ὁ ἱερεύς, προαποκεκλεισμένον πάντως εὕρηται τὸ γίνεσθαι μετάληψιν τῶν θείων μυστηρίων· ἐν οἷς δὲ ἡ τοιαύτη[3]) κατάγνωσις, πῶς ἐπὶ τῆς κεφαλῆς αὐτῶν τεθήσεται στέφανος, ἢ ἐπὶ τῆς ἁγίας ἐκκλησίας εὐλόγησις γένηται[4]); διὸ τὸ ἐπιτιθέμενον[5]) αὐτοῖς ἐπιτίμιον εἰς ἐντροπὴν αὐτοὺς ἄγει. Ὁ μέγας δὲ[6]) Βασίλειος διετίαν λέγει τὸν διγαμοῦντα τῶν θείων μυστηρίων εἶναι κεχωρισμένον. Ταῦτα ὡς φανερὰ τῇ ἐκκλησίᾳ τυγχάνοντα καὶ ἐν τοῖς θείοις κανόσιν ἐγκείμενα ῥητῶς, καὶ κατὰ τὸ αὐτὸ καταγράψασθαι οὐκ ἐδέησε τοῖς πατράσι· τὸ γὰρ φανερῶς κατεγνωσμένον, εἰ καὶ μὴ τῷ ἐγγραμμάτῳ λόγῳ καταγνωσθῇ, ἀλλ' οὖν τὴν κατάγνωσιν ἔχει. Εἰ δέ τις λέγοι τὸν ἕνα

вѣдѣ и втѡроженци стыимь тайнамь причеститисе имоуть: ꙗвѣ бо ꙗко сьвршенно и оукрѣплꙗемо ꙗко законно прьвобрачіе быти. Да аще сице боудеть, како потом покааніе пріимоуть. Тѣмже бо заньѥ затворено бысть испрьва, ꙗко ни на общеи трапезѣ второженца попоу не ꙗсти, разѹмѣти есть, ꙗко попрѣжде затворено бысть, ꙗко стыимь таинамь непричещенѣмь быти имь. Ѡ нихже есть таковыи зазоръ, како на главоу ихь вѣнець вьзложитисе имать, или вь стои цркви блвеніе ихь быти, понеже прѣдаемаа имь заповѣдь на постыжденіе ихь изводить. И стыи Василіе за .в҃. лѣтѣ повелѣваеть ѿ стыихь таинь ѿлоученоу быти втѡроженцѹ. Аще кто речеть, ꙗко единь ѿ ѡбоих дрѹгомѹ бракоу не приприческень есть, нь сии прьвыи емѹ бысть, что есть да не и дроугаа страна помощь ѿ сего полоучить. Нь се вѣдомо да есть, ꙗко не обрѣтаетсе писано, помощь ѿ сего ѡбрѣсти дроугомоу о заповѣди оурѡчной емоу втѡраага ради сьвькоупленіа, понѥже ѡнь ѿ прьвааго брака на вторыи пришьль есть и втѡроженьць нарицаетсе. Сего бо ради паче зазорь есть и ономоу образѹ, иже ꙗвлꙗетсе дѣвство имѣти, и пльтьскою любѡвію побѣжденѹ

1) μόνῳ τῷ. — 2) κοινωνίᾳ τῆς τραπέζης. — 3) τοσαύτη. — 4) γίνεται. — 5) ἐπιτιθέμενον. — 6) Прибав. καὶ θεῖος.

τῶν εἰς δευτέρους ἀγομένων γάμους[1]) μήπω πεῖραν γάμου λαβεῖν[2]), τί συνεισάγει, ἵνα τὸ φιλάνθρωπον ἐκνικήσῃ, καὶ μᾶλλον διὰ τοῦ παρθενεύοντος μέρους καὶ τὸ ἕτερον βοηθῇ;[3]) ἀλλ' οὐχ εὕρηται τὸ τοιοῦτον πρόσωπον κουφίσαν ποτὲ τοῦ ἐπιτιμίου τὸν συνεζευγμένον, διὰ τὸ ἅπαξ ἐκεῖνον ἐξ ἑτέρου γάμου πρὸς τὸν δεύτερον ἐρχόμενον[4]) δίγαμον καλεῖσθαι, ὅπερ καὶ τῇ ἀληθείᾳ ἐστί. Καὶ ἕνεκεν τούτου[5]) μᾶλλον ὑπὸ κατάγνωσιν καὶ τὸ τὴν παρθενίαν δοκοῦν ἔχειν πρόσωπον ἄγεται, ὡς τῷ σαρκικῷ ἔρωτι ἡττώμενον καὶ μὴ τὴν τῶν γάμων ἐλευθερίαν δι' αὐτὸ τὸ καλὸν καὶ τὸ σεμνὸν καὶ ἀκατάγνωστον τῆς παρθενίας προελόμενον. Ταῦτα ἡμῖν ἐν συντόμῳ μεμελέτηται, καὶ διορίζομεν μὴ στεφανοῦσθαι πλὴν τὸν ἕνα καὶ μόνον καθαρόν, σεμνὸν καὶ ἀμίαντον γάμον. Εἰ δὲ ἐν πορνείᾳ τὰ τοιαῦτα πρόσωπα προελήφθησαν, καὶ οὐ προδήλως πᾶσι [εἶεν] κατεγνωσμένα, ἀνέγκλητος ὁ ἱερεὺς κἀκεῖνοι· εἰ καὶ παρ' ἀξίαν, πλὴν καταξιοῦνται τοῦ τῆς παρθενίας στεφάνου.

бывшоу, и не вьсхотѣвшоу свободнѹ и чистѹ и незазорноу бракоу сьвькупитисе, нь плътскаго ради вьждел̃ѣніа добрѡтѹ дѣвьстьвнѹю прѣдаде. Сіа оубо мы вькратцѣ изложихомь и заповѣдаемь не вѣнчавати иного, тькмо единого чистааго и непорѡчнаааго брака. Аще ли же и по блоудоу сіа лица сьвькоупишесе, сирѣчь прьвобрачныи, и не гавѣ вьсѣмь оувѣдѣно бысть, без грѣха боудет сщ҃енникь вѣнчавшіи ихь: и они бо, аще и безчинно, ѡбаче же дѣвьствьное вѣнчаніе (пріимоуть).

---

1) ἕνα τὸν εἰς δεύτερον ἀγόμενον γάμον. — 2) λαμβάνοντα συγκεχωρεῖσθαι. — 3) прибав. οὔ τι φαμέν. — 4) διὰ τὸ ἅπαξ ἐκεῖνο ἐξ ἑτέρου γάμου πρὸς τὸν ἕτερον γάμον, τὸν δεύτερον δηλαδὴ ἐρχόμενον. — 5) καὶ μὴν ἐκ τούτου.

2.

Каноническіе отвѣты Никиты, митрополита Ираклійскаго (XI—XII вѣка) въ ихъ первоначальномъ видѣ и въ позднѣйшей переработкѣ Матѳея Властаря (XIV в.).

Въ составѣ юго-славянскихъ Кормчихъ уже съ начала XIII вѣка, именно со временъ св. Саввы сербскаго, которому всѣ славянскія православныя церкви обязаны новымъ переводомъ греческаго номоканона, появляется статья подъ заглавіемъ: «Ѿвѣти прѣблаженаго митрополита Ираклійскаго Никиты прѣдложеннымь ему въпрошеніемь ѿ Кѡстантина памфильска»[1]). Во второй половинѣ того же вѣка славянская Кормчая съ этой статьею получена была и у насъ въ Россіи митрополитомъ Кирилломъ II отъ болгарскаго деспота Іакова-Святослава (родомъ русскаго). Съ того времени отвѣты Никиты Ираклійскаго дѣлаются какъ бы необходимою составною частію каждаго полнаго русскаго списка Кормчей вплоть до печатнаго изданія этой книги (1650—1653 г.), въ которомъ они составляютъ 54-ю главу[2]). Но въ юго-славянскихъ и русскихъ Кормчихъ статья эта имѣетъ далеко не тотъ видъ, въ какомъ извѣстенъ греческій текстъ ея по разнымъ изданіямъ источниковъ византійскаго церковнаго права[3]). Въ славян-

1) Свидѣтельства о переводѣ греческаго номоканона св. Саввою, содержащіяся въ Доментіановомъ житіи его и въ сербскихъ Кормчихъ XIII и начала XIV в., приведены въ моемъ изслѣдованіи: «Первоначальный славяно-русскій номоканонъ». Казань. 1869, стр. 62—64. А подробное описаніе старшаго списка сербской Кормчей (1262 г.) въ переводѣ и редакціи св. Саввы см. у И. И. Срезневскаго въ «Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ», вып. 2, № XLVII, стр. 147 и слѣд. Отвѣты Никиты находятся въ этой Кормчей на л. 342 и слѣд.

2) Старшіе русскіе списки отвѣтовъ Никиты Ираклійскаго находятся въ двухъ извѣстныхъ русскихъ Кормчихъ послѣдней четверти XIII вѣка: Софійско-Новгородской (около 1280 г.) и Рязанской (1284 г.). Съ позднѣйшими списками читатель можетъ ознакомиться по печатнымъ описаніямъ рукописей Румянцевскаго Музея, Троицко-Сергіевой Лавры, Казанской духовной академіи, графа Уварова и др.

3) См. изданія: *Bonefidii* Iuris Orientalis libri III, 1575, lib. II, p. 133—135; *Leunclavii* Ius graeco-romanum, t. I, p. 310—311; Ῥάλλη καὶ Ποτλῆ, Σύνταγμα κανόνων, т. V, стр. 441—442 и *Migne*, Patrolog. graec. t. 119, p. 936. Изъ нихъ только editio princeps (Бонефидія) есть оригинальное, всѣ же прочія суть не болѣе, какъ повторенія этого послѣдняго.

скомъ переводѣ имѣется 11 вопросовъ и отвѣтовъ, а въ упомянутыхъ изданіяхъ греческаго ихъ текста—только 6, да и тѣ, которые здѣсь находятся, изложены не въ той литературной формѣ, въ какой предлагаютъ ихъ славянскія Кормчія, а въ другой, значительно сокращенной и, очевидно, позднѣйшей[1]). Впрочемъ и славянскій переводъ сдѣланъ съ такого оригинала, въ которомъ находились уже не всѣ отвѣты Никиты, разновременно данные имъ на вопросы епископа Константина. Это видно изъ прямой ссылки Никиты на какой-то *прежній* свой отвѣтъ, неизвѣстный однако ни въ греческомъ подлинникѣ (по печатнымъ изданіямъ), ни въ славянскомъ переводѣ[2]).

Само собою понятно, что для науки церковнаго права не безразлично—знать или не знать первичныя формы тѣхъ памятниковъ, съ которыми она должна имѣть дѣло при историческомъ изображеніи институтовъ этого права. Въ частности, для русскаго ученаго канониста безусловно необходимо знать подлинники всѣхъ источниковъ церковнаго права, заимствованныхъ нашею церковію отъ греческой. Удовлетворяя той и другой научной потребности, мы издаемъ теперь греческій текстъ каноническихъ отвѣтовъ Никиты Ираклійскаго въ полномъ ихъ составѣ (числомъ 13) и въ первоначальной редакціи. Къ тексту подлинника мы присоединяемъ и славянскій переводъ тѣхъ 11-ти вопросовъ и отвѣтовъ, которые, какъ выше показано, уже съ XIII вѣка сдѣлались составною частію нашихъ Кормчихъ. Греческій текстъ издается по рукописи Московской синодальной библіотеки 1477 года № 455, л. 20 об. — 24[3]), а славянскій переводъ —

1) Сокращены въ особенности вопросы епископа Константина. Для примѣра приведемъ одинъ изъ нихъ — а) въ греческой редакціи: Εἰ τὸν ἐκ διγάμων τεχθέντα δεῖ γενέσθαι ἱερέα (послѣдній — 6-й—вопросъ въ изданномъ текстѣ);—б) въ славянскомъ переводѣ: «Нѣкто поятъ жену вторую, имѣвши же и той втораго мужа; родиста же и сія мужескъ полъ, добрѣ наказана ѿ нею и научена стымъ и божественнымъ книгамъ. Ищетъ убо таковый ѡтрокъ, да будетъ презвитеръ» (вопр. 9-й). Но и текстъ отвѣтовъ Никиты не оставленъ безъ нѣкоторыхъ сокращеній. Примѣръ см. въ слѣдующемъ примѣчаніи.

2) Позднѣйшій отвѣтъ, въ которомъ дѣлается ссылка на прежній, находится и въ числѣ упомянутыхъ 6-ти, извѣстныхъ по печатнымъ изданіямъ греческаго подлинника. Въ этихъ изданіяхъ онъ начинается словами: Περὶ ταύτης τῆς ὑποθέσεως (о половой связи жениха съ матерью невѣсты) καὶ πρότερον ἀπεκρίθημεν, καὶ νῦν δὲ τὸ παριστάμενον ἡμῖν ἀποκρινούμεθα (Синтагма Ралли и Потли, т. V, стр. 442). Кормчая передаетъ эти слова съ значительными дополненіями: «о сей винѣ и прежде ѿвѣтъ дахомъ *боголюбію твоему, писаніемъ въпрошеніе ѿ сестричища твоего Іоанна пріемши*» (отв. 4). Ясно, что это—переводъ съ другого оригинала.

3) Намъ извѣстны еще по печатнымъ каталогамъ греческихъ рукописей, находящихся въ иностранныхъ библіотекахъ, два списка отвѣтовъ Никиты Ираклійскаго, сходные съ Московскимъ синодальнымъ: одинъ—указанъ Коксомъ въ каталогѣ

по рукописной Кормчей XVI вѣка той же библіотеки № 222, л. 338—339 [1]).

Но для русскаго и вообще для славянскаго ученаго канониста (а можетъ быть, и для филолога и историка славянской литературы) не лишена значенія и другая неизданная редакція отвѣтовъ Никиты Ираклійскаго, принадлежащая извѣстному греческому канонисту XIV вѣка Матѳею Властарю и составляющая одно изъ обычныхъ дополненій къ его алфавитной Синтагмѣ церковныхъ правилъ и законовъ [2]). Въ этой редакціи вопросы епископа Константина вовсе опущены (на нихъ указано только въ надписаніи отвѣтовъ: Νικήτα τοῦ *μακαριωτάτου μητροπολίτου* Ἡρακλείας *ἀποκρίσεις πρός τινα* Κωνσταντῖνον *ἐπίσκοπον, περὶ ὧν ἠρωτήθη*), а отвѣты митрополита Никиты изложены въ свободномъ, говоря вообще, сокращенномъ пересказѣ, и притомъ предлагаются не всѣ, а только 9 или, точнѣе, 8, такъ какъ послѣдній изъ нихъ не принадлежитъ Никитѣ, а есть приписка самого Властаря. Спустя нѣсколько десятилѣтій послѣ своего появленія, Синтагма Властаря, со всѣми ея дополненіями, переведена была на славянскій (сербскій) языкъ, и этотъ переводъ во множествѣ списковъ распространился не только у южныхъ славянъ, но и въ Россіи. Такимъ образомъ каноническіе отвѣты Никиты Ираклійскаго и въ этой позднѣйшей редакціи сдѣлались общимъ литературнымъ достояніемъ всѣхъ православныхъ славянскихъ народовъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что обѣ указанныя редакціи отвѣтовъ Никиты Ираклійскаго не только переписывались у насъ по традиціи, какъ составная часть полныхъ списковъ Кормчей книги и Синтагмы Властаря, но и находились въ обширномъ практическомъ употребленіи. Такъ одинъ отвѣтъ Никиты (по Кормчей книгѣ 3-й) приводится, *наряду со статьями Русской Правды*, въ одной древне-русской юридической компиляціи, несомнѣнно назначавшейся для практики не только

греческихъ рукописей Бодлеевой библіотеки (p. 375, № 215, fol. 15), другой—въ библіографическомъ трудѣ Пападопуло-Керамевса: Μαυρογορδάτειος Βιβλιοθήκη, т. I, стр. 89, № 121, л. 21. Въ обѣихъ рукописяхъ издаваемый памятникъ начинается тѣми же словами, какъ и въ синодальной: Γυνή τις τῶν ἐνδόξων κτλ.

1) Мы предпочли текстъ рукописной Кормчей тексту печатной потому, что въ послѣднемъ одинъ отвѣтъ (параллельный 11-му греческому) опущенъ, а другой (по печатной Кормчей 5-й) исправленъ довольно неудачно. Эти и другіе варіанты печатной Кормчей указаны у насъ подъ издаваемымъ славянскимъ текстомъ.

2) Эти дополненія, въ ряду которыхъ отвѣты Никиты Ираклійскаго занимаютъ 2-е мѣсто, указываются во всѣхъ подробныхъ описаніяхъ греческихъ и славянскихъ рукописей, содержащихъ въ себѣ *полную* Синтагму Властаря.

церковныхъ судовъ, но и свѣтскихъ,—въ такъ называемыхъ «главахъ о послухахъ»[1]). Другой отвѣтъ (по Синтагмѣ Властаря—1-й) составляетъ 22-ю главу Стоглава. Тотъ же самый отвѣтъ и въ той же редакціи (т. е. по переводу Властаревой Синтагмы) помѣщался и въ нашихъ старопечатныхъ Требникахъ предъ послѣдованіемъ о второбрачныхъ[2]).

Теперь нѣсколько словъ о самомъ авторѣ издаваемыхъ отвѣтовъ—Никитѣ Ираклійскомъ. По общепринятому мнѣнію, онъ жилъ во второй половинѣ XIII вѣка, именно—есть тотъ Никита, митрополитъ Ираклійскій, о которомъ упоминаетъ Пахимеръ въ разсказѣ объ отреченіи патріарха Арсенія отъ престола (въ 1260 году). Сколько извѣстно, это мнѣніе впервые высказано Лекеномъ въ его знаменитомъ трудѣ Oriens Christianus[3]). Затѣмъ оно повторено Мортрёлемъ[4]), издателями аѳинской Синтагмы канонов[5]), Цахаріэ[6]) и нашимъ ученымъ канонистомъ, проф. М. И. Горчаковымъ[7]). Несостоятельность этого мнѣнія открывается съ точки зрѣнія уже извѣстнаго намъ факта—появленія славянскаго перевода отвѣтовъ Никиты въ составѣ Кормчей, изготовленной св. Саввою сербскимъ не задолго до или вскорѣ послѣ вступленія его на архіепископскій престолъ въ своемъ отечествѣ, т. е. не позднѣе *первой четверти* XIII вѣка[8]). Лекенъ, которому этотъ фактъ, конечно, не могъ быть извѣстенъ, обосновалъ свое мнѣніе на довольно загадочномъ заявленіи, будто изъ самыхъ отвѣтовъ Никиты видно, что онъ жилъ позднѣе Василія Ахридена, архіепископа Солунскаго, присутствовавшаго на соборѣ 1156 года по дѣлу Сотериха Пантевгена (loc. cit.). Ничего подобнаго

1) См. Востокова Описаніе рукописей Румянц. Музея, стр. 327; ср. Калачова Изслѣдованія о Русской Правдѣ, стр. 149—150.

2) См. Горчакова сочиненіе «О тайнѣ супружества», стр. 185, примѣч. 2. Отъ себя прибавимъ, что въ позднѣйшихъ изданіяхъ Требника, начиная съ 1677 года, отвѣтъ Никиты о второбрачныхъ приводится въ той же (Властаревой) редакціи, но уже въ другомъ, позднѣйшемъ переводѣ. Этотъ переводъ принадлежитъ извѣстному справщику печатнаго двора монаху Евѳимію, который вновь перевелъ всю Синтагму Властаря, но такъ, что для русскихъ читателей она въ этомъ переводѣ была, по всей вѣроятности, менѣе понятна, чѣмъ въ старомъ сербскомъ.

3) Томъ I, стр. 1112—1113.

4) Histoire du droit byzantin, t. III, p. 395, not. b.

5) Томъ V, стр. 441, примѣч. 1.

6) Geschichte des griechisch-römischen Rechts, 3 Aufl. S. 40.

7) О тайнѣ супружества, стр. 184; ср. стр. 124, примѣч. 2.

8) По изслѣдованію проф. Пальмова: Новыя данныя по вопросу объ учрежденіи Сербской архіепископіи св. Саввою, послѣдній занялъ архіепископскій престолъ въ 1218—1219 году (стр. 38; цитуемъ по отдѣльному оттиску изъ Христ. Чтенія за

изъ отвѣтовъ Никиты не видно, и надобно думать, что хронологія Лекена основана исключительно на томъ обстоятельствѣ, что въ извѣстныхъ изданіяхъ источниковъ византійскаго права—Бонефидія и Леунклавія, отвѣты Никиты Ираклійскаго поставлены *послѣ* сочиненій Василія Ахридена (именно *вслѣдъ* за ними)[1]. Такое размѣщеніе названныхъ іерарховъ-писателей должно было казаться Лекену хронологически правильнымъ уже потому, что между двумя Никитами, митрополитами Ираклійскими, изъ коихъ одинъ жилъ въ послѣдней четверти XI вѣка, а другой во второй половинѣ XIII-го, въ Иракліи не было ни одного митрополита этого имени. Но почему бы не признать авторомъ издаваемыхъ отвѣтовъ старшаго Никиту Ираклійскаго, если они не могутъ принадлежать младшему? Упомянутый старшій Никита, современникъ Θеофилакта болгарскаго, который состоялъ съ нимъ въ перепискѣ[2], извѣстенъ въ исторіи византійской литературы какъ одинъ изъ самыхъ видныхъ и плодовитыхъ писателей. Однако Алляцій, подробно обозрѣвшій сочиненія этого Никиты, почему-то не рѣшился приписать ему издаваемые нами отвѣты, а высказался объ нихъ надвое: «принадлежатъ этому, или *другому* Никитѣ»[3]. Вопросъ, дѣйствительно, представляетъ не малыя трудности, въ виду слѣдующихъ обстоятельствъ. Вопервыхъ, до сихъ поръ неизвѣстно ни одного списка отвѣтовъ старше XIV вѣка, тогда какъ списки нѣкоторыхъ сочиненій того Никиты, митрополита Ираклійскаго, который былъ современникомъ Θеофилакта болгарскаго, восходятъ къ концу XI вѣка, т. е. къ эпохѣ, когда жилъ самъ авторъ[4]. Вовторыхъ, къ имени

1892 г.). А переводъ Кормчей сдѣланъ имъ, по всей вѣроятности, еще до вступленія въ дѣйствительное управленіе церковію своего отечества. Во всякомъ случаѣ св. Савва, по свидѣтельству его житія (Дометіанова), уже первымъ своимъ ставленникамъ на сербскія епископіи «прѣдалъ комуждо книгы законьнъıѥ» (См. изданіе Даничича 1865 г., стр. 233).

1) См. у Бонефидія кн. 2, стр. 127—132 и слѣд. и у Леунклавія т. I, стр. 307—310 и слѣд.

2) См. *Migne* Patrolog. graec. t. 126, p. 378—509.

3) Diatriba de Nicetis въ Nova patrum bibliotheca, ed. cardin. Mai, t. VI, pars II p. 23.

4) Сколько мнѣ извѣстно по *всѣмъ* печатнымъ каталогамъ греческихъ рукописей разныхъ библіотекъ востока и запада, старшій списокъ отвѣтовъ Никиты Ираклійскаго въ издаваемой нами редакціи есть Оксфордскій Бодлеевскій № 215, XIV вѣка (см. Каталогъ Кокса, стр. 375). А списки другихъ сочиненій съименемъ Никиты, митрополита Ираклійскаго, писанные въ XI вѣкѣ, указаны Гардтомъ въ его каталогѣ греческихъ рукописей Мюнхенской королевской библіотеки (т. IV, стр. 355) и Бандини—въ каталогѣ такихъ же рукописей Флорентійской Лаврентіанской библіотеки (т. I, p. 249—251).

этого Никиты въ надписаніяхъ его сочиненій почти всегда появляется прозваніе: ὁ Σερρῶν (изъ Серръ), которое онъ удерживалъ и въ бытность свою діакономъ и хартофилаксомъ Великой церкви, и послѣ поставленія на Ираклійскую митрополію[1]. Но мы не знаемъ ни одного списка каноническихъ отвѣтовъ Никиты съ такимъ прозваніемъ ихъ автора[2]. Въ-третьихъ, въ славянскихъ рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ переводъ одного изъ сочиненій Никиты, митрополита Ираклійскаго (τοῦ Σερρῶν) — толкованій на слова Григорія Богослова, авторъ отличается отъ Никиты, митрополита *Серрскаго*, и называется *анепсіемъ* — племянникомъ послѣдняго[3]. Что это показаніе славянскихъ переводчиковъ взято изъ греческаго источника, доказывается не только оставленнымъ *безъ перевода* словомъ ἀνεψιός, но и повтореніемъ того же самаго показанія въ греческихъ рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ *другія* сочиненія съ именемъ Никиты, митрополита Ираклійскаго[4]. Выходитъ, такимъ образомъ, что будто было два Никиты: дядя, митрополитъ Серрскій, и племянникъ, митрополитъ Ираклійскій. Если это такъ, и если оба Никиты, какъ близкіе родственники, носили одно и тоже прозваніе: ὁ Σερρῶν, которое выставлялось и надъ ихъ сочиненіями: то въ позднѣйшемъ письменномъ преданіи одинъ Никита легко могъ быть принятъ за другого. Но вѣроятнѣе думать, что позд-

1) Что ὁ Σερρῶν значитъ — уроженецъ, а не епископъ или митрополитъ Серръ, какъ обыкновенно думаютъ Алляцій, Фабрицій и даже Крумбахеръ, это ясно видно: а) изъ выше указанныхъ двухъ писемъ Өеофилакта болгарскаго къ Никитѣ, адресованныхъ — одно τῷ διδασκάλῳ κυρῷ Νικήτᾳ τῷ Σερρῶν, — другое τῷ διδασκάλῳ τῆς μεγάλης ἐκκλησίας κυρῷ Νικήτᾳ τῷ τοῦ Σερρῶν; б) изъ надписаній, выставляемыхъ надъ сочиненіями Никиты съ указаніемъ и прежняго и позднѣйшаго его сана, именно: 1) Νικήτα διακόνου τῆς τοῦ Θεοῦ μεγάλης ἐκκλησίας καὶ διδασκάλου τοῦ Σερρῶν (Hardt. Catalog. codd. mss. graec. biblioth. Bavar. t. V, p. 1, cod. № 47[illegible]); 2) τοῦ ἱερωτάτου (др. сп. θεοφιλεστάτου) μητροπολίτου Ἡρακλείας Νικήτα τοῦ Σερρῶν: таковы надписанія двухъ списковъ XI в., указанныхъ въ предыд. примѣчаніи. Впрочемъ, могло быть, что этотъ Никита нѣкоторое время занималъ архіерейскую каѳедру и въ своемъ родномъ городѣ, такъ что былъ вдвойнѣ ὁ Σερρῶν.

2) Говоримъ это на основаніи печатныхъ каталоговъ рукописей, содержащихъ въ себѣ отвѣты Никиты Ираклійскаго.

3) Вотъ подлинныя слова славянскихъ рукописей: «тлъкъ въкратцѣ 5-те словъ сто Григоріа бгослова чтомых митрополита [И]раклискаго кур Никиты, анепсеи же митрополита Сѣрскаго» (Опис. ркпп. Румянц. Музея, стр. 153—154; ср. архим. Леонида Опис. ркпп. графа Уварова, т. I, стр. 125 и Шляпкина Опис. ркпп. Спасо-ЕвѳиміеваUżд. монастыря въ «Памятникахъ древ. письменности», вып. IV, стр. 54).

4) Такъ въ рукописи Аѳинской народной библіотеки XVII в. № 1379 содержатся Ἐπιμερισμοὶ τοῦ πανιερωτάτου μητροπολίτου Ἡρακλείας καὶ γεγονότος ἀνεψιοῦ τοῦ Σερρῶν κυροῦ Νικήτα. См. Σακκελίων, Κατάλογος τῶν χειρογράφων τῆς ἐθνικῆς βιβλιοθήκης τῆς Ἑλλάδος, σ. 251.

нѣйшіе переписчики одного и того же сочиненія Никиты, митрополита Ираклійскаго (именно — толкованій на слова Григорія Богослова), имѣя подъ руками оригиналы этого сочиненія съ разными надписаніями, то: Νικήτα μητροπολίτου Ἡρακλείας (безъ τοῦ Σερρῶν)[1]), то: Νικήτα τοῦ Σερρῶν (безъ μητροπολίτου Ἡρακλείας)[2]), легко могли раздѣлить одного и того же писателя на два лица, дядю и племянника, и одного изъ нихъ сдѣлать митрополитомъ Ираклійскимъ, другого — Серрскимъ[3]). Послѣднее тѣмъ легче могло случиться, что выраженія въ родѣ ὁ Σερρῶν обыкновенно употреблялись объ архіереяхъ, для обозначенія мѣста ихъ каѳедръ. Впрочемъ для насъ важенъ вопросъ не столько о самой личности автора издаваемыхъ каноническихъ отвѣтовъ, сколько—о времени, когда они появились изъ-подъ пера того или другого Никиты, митрополита Ираклійскаго. Если допустить даже, что было два Никиты, и оба они занимали, одинъ за другимъ, сначала Серрскую каѳедру, а потомъ—Ираклійскую: то между ними, какъ дядею и племянникомъ, не могло быть большаго различія въ лѣтахъ. Такимъ образомъ и это предположеніе не мѣшаетъ намъ относить издаваемые отвѣты къ концу XI или началу XII вѣка.

---

1) Такъ, дѣйствительно, надписывается названное сочиненіе Никиты въ одной рукописи Бодлеевой библіотеки (см. Coxe, Catalog. codd. mss. Bibliothecae Canonicianae, p. 58, n. 18, p. 59, n. 19).

2) Такое надписаніе стоитъ, напримѣръ, въ рукописи Туринской библіотеки надъ толкованіями Никиты на евангеліе отъ Іоанна: κυροῦ Νικήτα τοῦ τῶν Σερρῶν (*Pasini*, Codices mss. biblioth. Taurensis, t. I, p. 69. Cod. IV, fol. 168). Безъ сомнѣнія, таково же было *первоначальное* надписаніе и толкованій на слова Григорія Богослова, потому что какъ предыдущее сочиненіе, по указанію одного изъ поцитованныхъ нами писемъ Θеофилакта болгарскаго, написано Никитою, когда онъ былъ еще діакономъ и дидаскаломъ Великой церкви, такъ и настоящее, по свидѣтельству нѣкоторыхъ списковъ, было еще сочиненіемъ Νικήτα διακόνου καὶ διδασκάλου τῆς τοῦ Θεοῦ μεγάλης ἐκκλησίας (см. архим. Владиміра Системат. опис. рукоп. Москов. синод. библіот. стр. 156, прим. 104).

3) Такъ, напримѣръ, въ одной рукописи Москов. синод. библіотеки толкованія Никиты на слова Григорія Богослова надписываются: Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Νικήτα μητροπολίτου Σερρῶν (Владиміръ, l. c.). Позднее происхожденіе этой надписи доказывается уже тѣмъ, что Никита названъ «иже во святыхъ отцомъ нашимъ», тогда какъ имя его не находится въ спискѣ святыхъ мѣстно чтимыхъ въ греческой церкви (см. этотъ списокъ въ «Полномъ Мѣсяцесловѣ Востока» архимандрита Сергія).

Ἐρωτήσεις ἀποσταλεῖσαι παρὰ Κωνσταντίνου ἐπισκόπου[1]) πρὸς τὸν μακαριώτατον μητροπολίτην Ἡρακλείας κύριον Νικήταν, καὶ ἀπόκρισις τοῦ αὐτοῦ ἀρχιερέως ὠφέλιμος.

1. Ἐρώτησις· Γυνή τις τῶν ἐνδόξων μέλλει ἐλθεῖν εἰς δεύτερον συνοικέσιον, ζητεῖ δὲ μετὰ δακρύων τὴν τοῦ διγάμου λαβεῖν εὐχὴν παρὰ τοῦ ἀρχιερέως τοῦ κατὰ χώραν ἐν τῇ κατ᾽ αὐτὸν ἁγιωτάτῃ ἐκκλησίᾳ, καὶ ζητῶ λύσιν γενέσθαι μοι περὶ τούτου.

Ἀπόκρισις· Ἡ μὲν ἀκρίβεια, θεοφιλέστατε, τοὺς διγάμους οὐκ οἶδε στεφανοῦν· ἡ δὲ ἐν τῇ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ συνήθεια τὰ τοιαῦτα οὐ παρατηρεῖται, ἀλλὰ καὶ τοῖς διγάμοις τοὺς νυμφικοὺς στεφάνους ἐπιτίθησι, καὶ οὐδεὶς οὐδέποτε διὰ τοῦτο ἐνεκλήθη, ὥστε οὐδὲ σὺ φοβηθήσῃ τὸ ἐπίκλημα, τοὺς τοιούτους στεφανώσας· πλὴν ὀφείλουσιν ἕνα ἢ καὶ δεύτερον ἐνιαυτὸν κωλυθῆναι τῆς τῶν θείων μυστηρίων μεταλήψεως, καὶ οὐδὲ τὸν ἱερολογήσαντα χρὴ συνεστιαθῆναι τούτοις.

У Властаря: α΄. Ἡ μὲν ἀκρίβεια τοὺς διγάμους οὐκ εἴωθε στεφανοῦν· ἡ δὲ τῆς μεγάλης ἐκκλησίας συνήθεια τὰ τοιαῦτα οὐ παρατηρεῖται, ἀλλὰ καὶ τοῖς διγάμοις τοὺς νυμφικοὺς στεφάνους ἐπιτίθησι, καὶ οὐδεὶς οὐδέποτε παρὰ τοῦτο ἐνεκλήθη. Πλὴν ἕνα ἢ καὶ δεύτερον χρόνον τῆς θείας εἴργονται κοινωνίας· ἀλλὰ καὶ τὸν ἱερολογήσαντα τούτους πρεσβύτερον συνδειπνεῖν αὐτοῖς οὐ νενόμισται κατὰ τὸν ἕβδομον κανόνα τῆς ἐν Νεοκαισαρείᾳ συνόδου.

а҃. Опасеніе убо двоеженца не обыче вѣнчати. Великіѧ же церкве обычай сицева не расматрѧетъ, но и на двоеженца невѣстныѧ вѣнца возлагаетъ, и никтоже николиже отъ сего винованъ бысть. Обаче едино или двѣ лѣтѣ божественнаго пріобщениꙗ удржаваютсѧ; но и вѣнчавшаго сихъ презвитера съ ними вечерѧти не попусти, по седмому правилу иже въ Неокесаріи собора.

2. Ἐρώτησις· Χήρα τις γυνὴ τῶν ἐνδόξων ἔχουσα θυγατέρα οὖσαν ἐτῶν ἑπτά, ὡς ἡ ταύτης μήτηρ ἐμαρτύρησεν, ἐξέδοτο αὐτὴν εἰς γάμου κοινωνίαν ἀνδρὶ ὄντι ἐτῶν κε΄· ἐν οἷς καὶ δεσμωτήρια ἔγραψαν καὶ ἐξετέθησαν, δηλοῦντα μετὰ τὴν συμπλήρωσιν ἑτέρων πέντε ἐτῶν γενέσθαι τὴν ἱερολογίαν καὶ τὸν γάμον. Ἡ δὲ μήτηρ ἀγανακτοῦσα προσῆλθε τῇ καθ᾽ ἡμᾶς ἁγιωτάτῃ ἐκκλησίᾳ καὶ ζητεῖ πρὸ τοῦ πληρωθῆναι τοὺς νενεμημένους πέντε χρόνους γενέσθαι εὐχὴν μνηστείας· ἡ δ᾽ ἐκκλησία οὐ παρα-

1) Мы уже видѣли, что въ надписаніи славянскаго перевода вопросовъ епископа Константина и отвѣтовъ митрополита Никиты, первый названъ *памфильскимъ* (въ печатной Кормчей—*памѳилійскимъ*), конечно, по имени города, гдѣ находилась его каѳедра. Въ росписяхъ епископій, подчиненныхъ Ираклійскому митрополиту, дѣйствительно, значится ὁ Παμφίλου. См. *Parthey*, Notitiae episcopatuum, p. 245, № 54.

χωρεῖ τοῦτο γενέσθαι διὰ δύο ταῦτα· τὸ μέν, διὰ τὸ τὴν παῖδα εἶναι ἐτῶν ὡσεὶ ἐννέα· τὸ δέ, ὡς δυνατῶν ὄντων ἀμφοτέρων τῶν μερῶν, καὶ μήπως ἐκ τῆς προσούσης αὐτοῖς δυνατῆς χειρὸς γένηταί τι ἀτόπημα· καὶ διὰ τοῦτο ἡ ἐκκλησία οὐ δίδωσιν ἀπόφασιν ἀρραβῶνα γενέσθαι ἄχρι συμπληρώσεως τῶν πέντε ἐνιαυτῶν· εἶθ' οὕτως γενέσθαι κατὰ τὴν τῶν δεσμωτηρίων ἐγγράφων περίληψιν. Ἐρωτῶ καὶ περὶ τούτου λύσιν λαβεῖν.

Ἀπόκρισις· Ἐπεὶ δεσμοὶ μόνον γεγόνασιν ἔγγραφοι ἐπὶ τῷ τοιούτῳ γαμικῷ συναλλάγματι, εἰ μὲν βούλονται λῦσαι τοῦτο μὴ ἀπαιτοῦντες τὰ πρόστιμα, λυσάτωσαν· οὐδὲν γὰρ τὸ κώλυμα. Εἰ δὲ βούλονται κρατεῖν τὸ συνάλλαγμα, μὴ παραχωρηθήτωσαν μήτε τὴν εὐχὴν τῆς μνηστείας δέξασθαι, μήτε τὴν ἱερολογίαν προβῆναι, ἕως ἂν ἡ κόρη τρισκαιδεκάτου ἅψηται ἐνιαυτοῦ. Ὁ δὲ ᾐνίξω, ὅτι μεθελκύσαι βούλεται εἰς ἑαυτὴν τὸν γάμον ἡ δῆθεν πενθερά, ἔοικεν, ὅτι ἤδη ἔγνω αὐτὴν ὁ δῆθεν γαμβρός. Καὶ εἰ τοῦτο γέγονεν, αὐτὴ μὲν κωλυθήσεται τοῦτον λαβεῖν, ὁ δὲ γάμος τῆς θυγατρὸς εἰς τὸν αἰῶνα οὐ μὴ γένηται ἐπ' αὐτῷ, διὰ τὴν αἱμομιξίαν. Πλὴν κώλυε τοὺς ἐπὶ τοῖς γάμοις δεσμούς, καὶ μὴ συγχωρείσθωσαν μηδὲ μετὰ τὴν εὐχὴν τῆς μνηστείας οἱ μνηστῆρες εἰσέρχεσθαι εἰς τὰς πενθερικὰς οἰκίας, καὶ συνεσθίειν καὶ [συμ]πίνειν τῇ πενθερᾷ καὶ τῇ μνηστῇ, καὶ— τὸ χεῖρον καὶ ἀποτρόπαιον, μένειν ἐκεῖσε· ἐν γὰρ τοῖς χιλίοις μόλις που εἷς ἄτρωτος καὶ ἀμόλυντος ἐκεῖθεν ἐξελεύσεται· οἱ δὲ ἄλλοι πάντες μολυνθέντες ἐξίασι, καὶ δυσσυνείδητος ὁ γάμος ἀποτελεῖται τοῦ λοιποῦ. Μὴ οὖν παραχώρει τὰς τοιαύτας συνεστιάσεις, καὶ μόνας πρὸς τελείας ἱερολογίας.

3. Ἐρώτησις· Δέσποτά μου ἅγιε, κόρη τις ἀνελάβετο ἄνδρα νομίμῳ γάμῳ, ἐφ' ᾧ καὶ εὐχὴ μνηστείας ἐδόθη καὶ ἱερολογία ἐγεγόνει· εἶτα [δὲ] τοῦ ἀνδρὸς ἀπάραντος εἰς ἀλλοδαπὴν χώραν κἀκεῖσε παλλακὴν κτησαμένου, ὡς ἡ κόρη φησί, καὶ αὐτῆς προσκαρτερούσης τὴν τοῦ ἀνδρὸς ἄφιξιν χρόνους ἑπτά, αὕτη νῦν ἀναγκασθεῖσα συζητεῖ λαβεῖν ἕτερον ἄνδρα. Καὶ διὰ τοῦτο ζητῶ λυθῆναι παρὰ τῆς σῆς ἁγιωσύνης.

Ἀπόκρισις· Ὁ τοιοῦτος τῆς μὲν παλλακῆς ἀποστήσεται, τῆς δὲ γυναικὸς οὐ χωρισθήσεται, ἀλλὰ καὶ αὐτὴ πρὸς ἕτερον γάμον οὐκ ἀπο-

Вꙑпросъ а҃. Вл҃ко мой ст҃ый, дѣвица нѣкаа взѧть мꙋжа законнымь бракомь, на немже и молитвы ѡбрꙋченіа створишасѧ, и вѣньчаніе бысть, и потомъ мꙋжь ѿиде на иноу странꙋ, и тамо пріѧть наложницꙋ себѣ, ꙗкоже дѣвица рече, и та ѡжидаеть мꙋжнѧ пришествиа лѣта г҃: си(ѧ) нынѧ по нꙋжди ищеть поити иного мꙋжа, и того ради ищꙋ раздрѣшениа ѿ твоеа ст҃ости.

Ѿвѣтъ. Таковый ꙋбо ѿ наложница да ѿстꙋпить, ѿ жены же своеѧ да не разлꙋчитсѧ; но и та къ дрꙋгомꙋ бракꙋ да не прі-

νεύσει· ἐλευθέρα γάρ ἐστιν, ὥς φησιν ὁ ἀπόστολος, ἀποθανόντος τοῦ ἀνδρός, ζῶντος δὲ οὐκέτι.

У Властаря: β'. Οὐ δεῖ κόρην λαβεῖν ἕτερον ἄνδρα, τοῦ ἀνδρὸς αὐτῆς εἰς ἀλλοδαπὴν ἀπάραντος κἀκεῖ παλλακὴν κτησαμένου, ἀλλὰ χρόνους τρεῖς τὴν ἐπιστροφὴν προσκαρτερεῖν τοῦ ἀνδρός· ὁ γὰρ τοιοῦτος τῆς μὲν παλλακῆς ἀποστήσεται, τῆς δὲ γυναικὸς οὐ χωρισθήσεται, ἀλλὰ καὶ αὐτὴ πρὸς ἕτερον γάμον οὐκ ἀπονεύσει· ἐλευθέρα γάρ ἐστι, ὥς φησιν ὁ ἀπόστολος, ἀποθανόντος τοῦ ἀνδρός, ζῶντος δὲ οὐκέτι.

4. Ἐρώτησις· Ἔτι καὶ τοῦτο ἐρωτῶ· κόρη τις ἀνελάβετο ἄνδρα καὶ γέγονεν εὐχὴ μνηστείας καὶ ἱερολογία ἄνευ τῆς συναφείας, εἶθ' οὕτως περιέπεσεν εἰς τὴν αὐτοῦ πενθερὰν ὁ ταύτης ἀνὴρ καὶ ἐνεγάστρωσεν αὐτήν.

Ἀπόκρισις· Περὶ ταύτης τῆς ὑποθέσεως καὶ πρότερον ἀπεκρίθημεν τῇ θεοφιλίᾳ σου[1]), ἔγγραφον ἐρώτησιν διὰ τοῦ ἀνεψιοῦ σου δεξάμενοι. Καὶ νῦν δὲ τὸ παριστάμενον ἡμῖν ἀποκρινούμεθα, ὅτι ὁ ἀνὴρ τὴν ἑαυτοῦ [μὲν] γυναῖκα ἔχειν συγχωρηθήσεται, τῆς δὲ πενθερᾶς μακρυνθήσεται διὰ τὴν φαύλην συνήθειαν, ἵνα μὴ ἀπὸ ταύτης καὶ ἔτι ἕλκηται.

У Властаря: γ'. Γυναῖκά τις ἠγάγετο, καὶ γέγονεν ἐπ' αὐτοὺς εὐχὴ τελείας ἱερολογίας· καὶ πρὸ τοῦ συνελθεῖν τῇ αὐτοῦ γυναικὶ περιπέπτωκε τῇ αὐτοῦ πενθερᾷ καὶ ἔγγυον αὐτὴν ἀπειργάσατο· ὁ δὴ τοιοῦτος τὴν μὲν ἑαυτοῦ

идеть: свободна бо есть, ꙗкоже рече апл҃ъ, ѹмрьшѹ мѹжеви ей; живѹ же сѹщѹ, никакоже.

в҃. Не подобаетъ поимати отроковица иного мужа, мужеви ея на чужу землю отшедшу и тамо посадницу стяжавшу, но лѣта три возвращеніе [ожидати] мужнее; таковый бо посадница убо отступитъ, жены же не разлучается; но и та къ иному браку не приклонится: свободна бо есть, ꙗкоже рече апостолъ, умершу мужеви; живу же сущу, никакоже.

Въпросъ є҃. Еще сего въпрошаю: дѣвица нѣкая поꙗтъ мѹжа, и҆ быша молитвы ѡ҆брѹченіа̀ и҆ вѣнчаніа безъ совокѹпленіа̀, и҆ потомь падеся женихъ съ своею тещею и҆ сътвори ю чрѣватѹ: и҆щѹ раздръшити сие.

Ѿвѣтъ. Ѡ сей винѣ и҆ прежде ѿвѣтъ дахомъ боголюбию твоемѹ, писаніемъ въпрошеніе ѿ сестричища твоего Іоанна пріемши. И нынѧ предлежащее намъ ѿвѣщаемъ, ꙗко мѹжь свою женѹ и҆мѣти прощенъ бѹдеть, ѿ теща же да ѹдалится злаго ради обычаа̀, да не пакы тою ѡ҆бличенъ (чит. увлеченъ) бѹдетъ.

г҃. Жену [нѣ]кто поꙗтъ, и бысть на нихъ молитва совершеннаго священнословиа̀, и прежде даже не снится со своею женою, паде со своею тещею и непраздну сію содѣла. Таковый убо свою жену имѣти про-

1) Разумѣется, конечно, 2-й отвѣтъ нашего греческаго текста. Отсюда видно, что епископъ Константинъ Памфильскій обращался къ своему митрополиту съ вопросами въ разное время.

γυναῖκα ἔχειν συγχωρηθήσεται, τῆς δὲ πενθερᾶς μακρυνθήσεται διὰ τὴν φαύλην συνήθειαν, ἵνα μὴ ὑπὸ ταύτης καὶ ἔτι δελεάζηται.

стится, теща же удалится, злаго ради обычая, да не отъ тоя и паки прельщается.

5. Ἐρώτησις· Γυνή τις χήρα παιδίον τεκοῦσα ἀπῆλθε εἰς οἰκίαν ἱερέως τινός, λέγουσα αὐτοῦ εἶναι τὸ παιδίον, ὅπερ καὶ ἔρριψεν εἰς τὴν οἰκίαν τοῦ ἱερέως. Ἡ γυνὴ ἀπελύθη εἰς ἀπόδειξιν· τοῦ ἱερέως ἀρνουμένου, ἐκείνης [δ'] ἀπορούσης ἀποδείξεων, τί δεῖ γενέσθαι, [ἀπορίας οὔσης ἀποδείξεων] [1]) ἵνα ἐκτελέσῃ ὅρκον ἡ γυνὴ καὶ κινδυνεύσῃ εἰς τὸν βαθμὸν ὁ ἱερεύς, καὶ μὴ, ὡς λέγουσί τινες, ὅτι αὔτη ἀπολελυμένη ἐστί; Καὶ λυθήτω καὶ τοῦτο διὰ τῆς ἀντιλήψεώς σου.

Въпросъ г҃. Жена нѣкаа вдова, дѣтища рождьши, пріиде в̓ домъ презвитера нѣкоего, глаголющи емꙋ: твой есть дѣтищь, егоже и̓ поверже в̓ домꙋ презвитера. И жена же пꙋщена бывши, да ꙗвить вещь, презвитерꙋ ѿмѣтающꙋсѧ, ѡной же недоꙋмѣющи ꙗвити, чемꙋ подобаеть быти, недоꙋмѣнію сꙋщꙋ ѡ ꙗвленіи дѣла? Да сотворить клѧтвꙋ [1]) жена, и̓ бѣдꙋ пріиметь во своемъ степени презвитеръ, и̓ не ꙗко же глаголють нѣціи, ꙗко та прощена есть. И да раздрѣшитсѧ и се заступленіемъ твоимъ, ꙗко рабъ твой писахъ.

Ἀπόκρισις· Τὰ ἐγκληματικὰ οὐ διὰ συκοφαντικοῦ καὶ τελείου λύονται, ἀλλὰ διὰ φωνῆς μαρτύρων ἀδιαβλήτων, ὅρκῳ πιστουμένης, ἀποδείκνυνται· τῇ δὲ πόρνῃ οὐδαμῶς προσεκτέον, ἀλλ' ἐάσθω ὁ ἱερεὺς τῇ τοῦ Θεοῦ κρίσει, καὶ αὐτὸς ποιήσει τὴν ἐκδίκησιν ἐν τάχει.

Ѿвѣтъ. Грѣховніи сꙋди не ѡклеветаніемъ, ни клѧтвою [2]) раздрѣшаютсѧ, но глаголы свѣдѣтель непорочныхъ, клѧтвою [2]) увѣрающихъ, ꙗвлаетсѧ дѣло: блꙋдницꙋ же никакоже не послꙋшати, но ѡставити презвитера в̓ Божіи сꙋдѣ, и̓ Тъи створить месть вскорѣ.

У Властаря: δ'. Εἴ τις γυνὴ ἔγγυος γενομένη, τινὰ τῶν ἱερέων συμφθαρῆναι ταύτῃ μεθ' ὅρκου διατείνοιτο, μὴ τῷ

д҃. Аще каа жена, дитинѣ бывши, нѣкотораго ѿ свѧщенникъ сорастлѣтисѧ ей со клѧтвою извѣстуетъ,

1) Поставленное въ скобки взято изъ Синтагмы Ралли Потли для соотвѣтствія съ славянскимъ переводомъ.

1) Въ печатной Кормчей: клевету.

2—2) Для славянскаго переводчика и τέλειον — клятва и ὅρκος — клятва. Различіе между ними то, что первое означаетъ присягу въ смыслѣ *исключительнаго* судебнаго доказательства, а послѣднее — присягу вообще.

ὅρκῳ προσεκτέον τῆς πόρνης· οὐχ οὕτω [γὰρ] τὰ τοιαῦτα ἐγκλήματα λύονται, ἀλλὰ διὰ τῆς φωνῆς τῶν ἀξιοπίστων μαρτύρων, ὅρκῳ πιστουμένων. Ἐκτέον τοίνυν τὸν ἱερέα τῇ τοῦ Θεοῦ κρίσει, καὶ αὐτὸς ποιήσει τὴν ἐκδίκησιν ἐν τάχει.

не подобаетъ клятвѣ внимати блудница: не бо сице такова согрѣшеніа раздрѣшаются, но глаголомъ достовѣрныхъ свѣдитель, клятвою увѣрающимъ (sic), указуетсѧ. Да оставитсѧ убо священникъ Божіему суду, и Той сотворитъ отмщеніе вскорѣ.

6. Ἐρώτησις· Ἅγιέ μου δέσποτα· εἰ δεῖ τὸν ἀποστολικὸν μοναχὸν ἀποκείρειν ἕτερον καὶ ποιεῖν μεγαλόσχημον, ἢ μή; Ζητῶ καὶ τοῦτο παρά σου λυθῆναι.

Въпросъ д҃. Ст҃ый мой владыко, подобаеть ли [не] скимникꙋ презвитерꙋ пострищи дрꙋгаго и̓ сътворити великого скимника, или ни? Прошꙋ и̓ семꙋ ѿ васъ раздрѣшеніа̓.

Ἀπόκρισις· Ὃ μὴ ἔχει τις, οὐ δύναται ἑτέρῳ δοῦναι· ὁ μικρόσχημος οὖν πῶς ἂν δώσῃ τινὶ τὸ μέγα σχῆμα;

Ѿвѣтъ. Егоже не и̓мать кто, не можеть нѣкомꙋ дати: малаго ꙋбо ѡ̓браза презвитеръ како вдасть комꙋ великый ѡ̓бразъ?

7. Ἐρώτησις· Ἔτι ζητῶ καὶ τοῦτο λυθῆναι· τὸν ἐλθόντα εἰς βίον ἱερέα, καὶ μετὰ ταῦτα γεγονότα μεγαλόσχημον, δεῖ ἱερουργεῖν; ἢ καὶ τὸν μὴ ἐλθόντα εἰς βίον, γενόμενον δὲ ἱερέα, καὶ μετὰ ταῦτα μεγαλόσχημον, ἱερουργεῖν;

Въпросъ є҃. Ꙇ̓ еще и̓ семꙋ прошꙋ раздрѣшеніа̓: аще презвитеръ бѣлецъ, и̓мѣвъ женꙋ в̓ житіи, и̓ потомъ бꙋдеть мнихь и̓ великій скимъникъ, подобаеть ли емꙋ слꙋжити? и̓ли аще не имѣвъ жены, боудеть мнихъ и̓ потомъ презвитеръ, и̓ потомъ̦ пострижетьсѧ въ великый образъ, рѣкше въ скимꙋ, подобаетъ ли емꙋ слꙋжити? Молюсѧ и̓ о семъ.

Ἀπόκρισις· Περὶ τῶν ἀρχιερέων κανὼν ἐκπεφώνηται, ἵνα μετὰ τὸ περιβαλέσθαι τὸ μοναχικὸν ἅγιον σχῆμα, μηκέτι ἐνεργῶσι τὰ ἀρχιερατικά, ὡς ἑκουσίως ἀντὶ τοῦ ὕψους τῆς ἱερωσύνης τὸ τῆς ταπεινώσεως σχῆμα ἑλόμενοι. Τοὺς δὲ ἱερεῖς ἁπλοῦς τύπος ἐπεκράτησεν, ἐν μὲν μοναστηρίῳ, ἐν ᾧ ἀπεκάρησαν,

Ѿвѣтъ. Ѡ епископѣхъ правило и̓зложено есть, да егда възмꙋть на себе мнишьскый ѡ̓бразъ, ктомꙋ не дѣйствꙋють ст҃льскихъ, но оставлають епископію, ıако въ свою волю съ высоты мѣста ст҃льства смѣреніа̓ ѡ̓бразъ и̓зволиша. Презвитеромъ же ѡ̓баче ꙋставъ да дръжитсѧ, въ монастыри ꙋбо,

λειτουργεῖν, ἀλλαχοῦ δὲ οὐδαμῶς.

8. Ἐρώτησις· Σὺν τούτοις καὶ τοῦτο ζητῶ· τινὰ μοναχὸν ὄντα δεῖ ἀπέρχεσθαι εἰς χώραν καὶ ἀποκείρειν ἕτερον μοναχόν, μὴ ὄντων ἑτέρων μοναχῶν συνεπακολουθούντων αὐτῷ;

Ἀπόκρισις· Ὁ κανὼν βούλεται χωρὶς ἀναδοχῆς οὐδένα ἀποκείρεσθαι, ἢ καθαιρεῖσθαι τὸν ἀποκείραντα. Περὶ δὲ τοῦ συνέπεσθαι τῷ μέλλοντι ἀποκείρειν τινὰ καὶ ἑτέρους μοναχούς, οὐδὲν οὐδαμοῦ γέγραπται· τάχα δὲ ἀναγκαῖον τὸ παρεῖναι καὶ ἑτέρους ποιεῖ ἡ μετὰ ταῦτα ἴσως ἐσομένη ἀμφιβολία, εἴτε ὄντως γέγονεν ἡ ἀπόκαρσις, εἴτε καὶ μή. Οἶδα γάρ τινας οὐκ ἀκοῇ, ἀλλὰ καὶ πείρᾳ μαθών, ὅτι καὶ ἀποκειράμενοι ἠρνήσαντο τὴν ἀπόκαρσιν καὶ ὡς λαϊκοὶ διῆγον, καὶ οὐκ ἦν ὁ ἐλέγχων αὐτούς.

У Властаря: ε΄. Ὁ κανὼν βούλεται χωρὶς ἀναδόχου μηδένα ἀποκείρεσθαι, ἢ καθαιρεῖσθαι τὸν ἀποκείραντα.

9. Ἐρώτησις· Ἐὰν παιδίον πνευματικόν τινος μοναχοῦ μέλλει ἀπο-

въ немже постригошасѧ, служити; йндеже, никакоже [1]).

Въпросъ ѕ҃. Съ сими и҆ сего въпрошаю: нѣкомꙋ мнихꙋ сꙋщꙋ и҆ презвитерꙋ подобаеть ли ꙋбо ѿходити на странꙋ постризати и҆ного мниха, не сꙋщемъ и҆ дрꙋгымъ мнихомъ, послѣдꙋющемъ емꙋ?

Ѿвѣтъ. Правило повелѣваеть безъ свидѣтельства никого же не пострищи; аще ли, изврѣщи постригшаго. А еже послѣдовати хотѧщемꙋ пострищи кого и҆ дрꙋгымъ мнихомъ, ѡ҆ томъ ничтоже ни мало не писано есть. Ѡ҆баче же нужда есть еже сътворити и҆ другымъ пріити, бывающаго ради потомъ расъпрѣніа҆, аще въ истинꙋ бысть постриженый, аще ли не бысть. Вѣдѣ бо нѣкыа҆, не слꙋхомь, но искꙋшеніемь навыкъ, ѩко и҆ постригшесѧ ѿвръгошасѧ постриженіа҆, и҆ ѩко мирьсціи человѣци пребывахꙋ, и҆ нѣ бѣ кто обличаа҆ и҆хъ.

е҃. Правило хощеть кромѣ восприемника ни единого же пострищи или измѣтати постригшаго.

Въпросъ з҃. Аще дѣтищь дꙋховъный нѣкоего мниха въсхо-

---

1) Въ печатной Кормчей конецъ этого отвѣта читается такъ: «Такожe пресвитеромъ и діакономъ, по правилу второму уставъ да держится, еже въ Константинѣ градѣ въ преименитѣй церкви святыя Софіи собравшагося святаго собора, иже и седмый соборъ утверди». Эта поправка сдѣлана, конечно, для согласованія отвѣта Никиты съ указаннымъ соборнымъ правиломъ, которое въ нашей печатной Кормчей, вопреки подлиннику, изложено въ такомъ видѣ: «Аще который епископъ, или *презвитеръ*, или *діаконъ* восхощетъ снити во мнишескій чинъ, и стати на мѣстѣ покаянія, рекше пострищися» и пр. Греческій текстъ правила (полный и сокращенный — въ Синопсисѣ) говоритъ только о *епископахъ*, принимающихъ монашество.

καρῆναι, ἐνδέχεται, ἵνα ὑπὸ ἑτέρου μοναχοῦ ἀποκαρῇ, ἄνευ εἰδήσεως τοῦ πνευματικοῦ αὐτοῦ πατρός, καὶ ἵνα ὑπάρχῃ ὁ ἀποκείρων αὐτὸ ἀπὸ ἑτέρας ἐνορίας, χωρὶς ἀνάγκης;

щеть пострищися, подобаеть ли ѿ иного мниха пострищися емꙋ, безъ вѣдѣнїа своего дꙋховнаго ѿца, и аще бꙋдеть постризаай его презвитеръ ѿ иного предѣла, безъ всякоа нꙋжда?

Ἀπόκρισις· Περὶ τοῦ μέλλοντος ἀποκείρεσθαι χρόνος ἐν τῷ κανόνι ὥρισται, καθ' ὃν ἡ ἀπόκαρσις γενήσεται· οὐκ ἀναγκαῖον δὲ παρεῖναι καὶ τὸν πνευματικὸν αὐτοῦ πατέρα, οὐδὲ τῆς αὐτῆς ἐνορίας εἶναι τὸν ἀποκείροντα· εὑρίσκομεν γὰρ καὶ τῶν ἁγίων πολλοὺς ἐν ἀλλοτρίᾳ καὶ μετὰ πολλὰς ἐνορίας τὸ ἅγιον σχῆμα δεξαμένους, καὶ οὐδενὶ τούτων οὐδὲ ὁ πνευματικὸς πατὴρ συμπαρῆν.

Ѿвѣтъ. Ѡ хотящимъ ся пострищи время въ правилѣ ꙋставлено есть, по немже постриженїе бываеть; нѣсть же нꙋжда прїити духовномꙋ ѿцꙋ, и аще и не того предѣла бꙋдеть постризаай. Ѡбрѣтаемь ꙋбо ѿ стыхъ (многи) на чюждей странѣ и чрезъ многы предѣлы стый ѡбразъ прїемше и ни съ единѣмъ же сихъ не бысть ни духовный ѿць.

10. Ἐρώτησις· Τίς μέλλων γενέσθαι ἱερεὺς πρὸς τὸν πνευματικὸν αὐτοῦ πατέρα ἐξομολόγησιν ἐποιήσατο τῶν αὐτοῦ πλημμελημάτων· εἶτα ὁ τούτου πνευματικὸς πατὴρ ἐλθὼν ἐμαρτύρησεν αὐτὸν ἄξιον εἶναι τοῦ ἱερατεύειν· ὃ καὶ γέγονε. Καιροῦ δὲ περιόντος, πάλιν προσῆλθεν ὁ χειροτονηθεὶς τῷ αὐτοῦ πνευματικῷ πατρὶ λέγων· πάτερ, ἐπιλήσμων γέγονα ἐξειπεῖν σοι καὶ ἕτερον ἁμάρτημα, ὅπερ καὶ ἐκώλυε τοῦτον ἱερατεύειν. Δύναται ἱερουργεῖν, ἢ οὔ;

Въпросъ і҃. Нѣкто хотя быти презвитеръ, къ духовномꙋ его ѿцю исповѣданїе сътвори ѡ своихъ дꙋшевныхъ его съгрѣшенїихъ, и потомъ сего духовный ѿць пришедъ свѣдѣтельствова достойнꙋ быти духовномꙋ его чадꙋ поставитися презвитеромъ, еже и бысть. Времяни же минꙋвшꙋ, паки приcтꙋпи поставленый къ духовномꙋ своемꙋ ѿцꙋ, глаголя: ѿче, забытливъ быхъ изрѣщи тебѣ и дрꙋгое прегрѣшенїе, еже и възбраняше семꙋ быти презвитеромъ. Въпрошаю же и ѡ семъ: подобаеть ли емꙋ слꙋжити, и ли ни?

Ἀπόκρισις· Ὁ πρότερον ἀποσιωπήσας τὸ κωλύον αὐτοῦ ἁμάρτημα, καὶ διὰ τοῦτο προαχθεὶς εἰς ἱερωσύνην, μετὰ ταῦτα [δὲ] γνω-

Ѿвѣтъ. Иже прежде ꙋмлъчавъ възбраняющее емꙋ съгрѣшенїе, и сего ради поставленъ бывъ, да изврѣжется, и никаа же

σθεὶς καθαιρεῖται, καὶ οὐδὲν αὐτὸν ὠφελεῖ ἡ κατ' ἄγνοιαν χειροτονία.

У Властаря: ϛ'. Ὁ πρότερον σιωπήσας, ἢ ἑκὼν ἢ ἐπιλαθόμενος, καὶ μὴ ἐξομολογησάμενος τὸ κωλύον αὐτὸν ἱερωθῆναι ἁμάρτημα, καὶ διὰ τοῦτο προαχθεὶς, μετὰ δὲ ταῦτα ἐξομολογησάμενος, καθαιρεῖται, καὶ οὐδὲν αὐτὸν ὠφελεῖ ἡ κατ' ἄγνοιαν χειροτονία.

ему̑ полза ѿ бывшаго въ невѣдѣніи поставленіа̑.

ѕ҃. Иже прьвѣе умолчавъ, или волею или забывъ, и не исповѣдався возбраняющаго ему священнику поставитися грѣха, и сего ради поставленъ бысть, потомъ же исповѣдався, измѣтается, и ничтоже того пльзуетъ ꙗже по невѣсти хиротониа̑.

11. Ἐρώτησις· Γυνή τις χήρα ἔχουσα αὐταδέλφην Μαρίαν, τεκοῦσαν δύο παῖδας ἄρρενας, γέγονεν ἀνάδοχος ἀπὸ τοῦ ἁγίου βαπτίσματος Κωνσταντίνου στρατιώτου· πειρᾶται γοῦν ἡ ἀδελφὴ τῆς χήρας Μαρία ἀναλαβέσθαι εἰς ἕνα τῶν αὐτῆς υἱῶν θυγατέρα τοῦ Κωνσταντίνου.

Въпросъ д҃. Жена нѣкаа̑ вдова, и̑му̑щи присну̑ю сестру и̑менемь Мариа̑, и̑же (sic) роди два дѣтища му̑жьскъ полъ, бысть въсприемница ѿ ст҃го крещеніа̑ Костантину̑ въину̑: поку̑шаеть бо сꙗ у̑бо сестра вдовица Мариа̑ поа̑ти за единого ѿ сн҃овъ своихъ дщерь Костантинову̑.

Ἀπόκρισις· Οὐ κωλύεται ἡ Μαρία θυγατέρα τοῦ Κωνσταντίνου, ὃν ἡ ἀδελφὴ αὐτῆς ἀπὸ τοῦ ἁγίου βαπτίσματος ἀνεδέξατο, υἱῷ αὐτῆς συναρμῶσαι· καὶ γενέσθω τὸ τοιοῦτον συνάλλαμα.

Ѿвѣтъ. Не възбранаетсꙗ Маріи дщерь Костантинову̑, егоже сестра еа̑ ѿ ст҃го крещеніа̑ въспріꙗтъ, сынови своему̑ съчетати, и̑ быти таковому̑ сложенію [1]).

ζ'. Γυνή τις χήρα ἐβάπτισέ τινα Κωνσταντῖνον· θέλουσα οὖν λαβεῖν ἐπὶ τῇ ἀνεψιᾷ αὐτῆς ἕνα τῶν υἱῶν τοῦ Κωνσταντίνου, οὐ κωλύεται.

з҃. Жена нѣкаꙗ вдовица крести нѣкоего Костантина. Хотꙗщи убо поꙗти за анепсею свою единого отъ сыновъ Константиновыхъ, не возбраняетсꙗ [1]).

12. Ἐρώτησις· Ἄλλος τις δίγαμος ἔλαβε γυναῖκα δίγαμον, καὶ αὐτοὶ ἔτεκον ἄρρενα, καλῶς ἀναχθέντα παρ' αὐτῶν καὶ ἀναδιδαχθέντα τὰ ἱερὰ καὶ θεῖα γράμματα. Ζητεῖ οὖν ὁ τοιοῦτος παῖς γενέσθαι ἱερεύς.

Въпросъ г҃. Инъ нѣкто поа̑тъ жену̑ втору̑ю, имѣвши же и̑ той пръваго му̑жа, родиста же и̑ сіа̑ му̑жьскъ полъ, добрѣ наказана ѿ нею и̑ нау̑чена ст҃мъ и̑ божественымъ книгамъ. Ищеть у̑бо таковый отрокъ, да бу̑деть презвитеръ.

Ἀπόκρισις· Ὁ ἐκ διγάμων, ἢ τριγάμων, ἢ πολυγάμων ἀποτε-

Ѿвѣтъ. Иже ѿ двоженець, или ѿ троженець, или ѿ многы-

1) Этого вопроса и отвѣта нѣтъ въ печатной Кормчей.

χθείς, ἐὰν τὸν οἰκεῖον βίον καλῶς διεξάγῃ, οὐ κωλύεται ἱερωθῆναι· οὐ γὰρ προκριματίζεται διὰ τοὺς γονεῖς.

У Властаря: η'. Ὁ ἐκ διγάμων ἢ τριγάμων ἱερωθῆναι παρὰ τοῦτο μόνον οὐ κωλύεται.

θ'. Αἱ διατάξεις τῶν ἁγίων Ἀποστόλων φασὶν, ὅτι διάκονος οὐ βαπτίζει, οὐδὲ προσφέρει· τοῦ δὲ ἐπισκόπου ἢ τοῦ πρεσβυτέρου προσενεγκότος, αὐτὸς ἐπιδίδωσι τῷ λαῷ οὐχ ὡς πρεσβύτερος, ἀλλ' ὡς διακονούμενος τοῖς ἱερεῦσι. Τῶν δὲ ἄλλων κληρικῶν τὸ τοῦ διακόνου ἔργον ποιῆσαι ἐξὸν οὐδενί.

13. Ἐρώτησις· Κληρικός τις ὢν χαρτοφύλαξ τῆς ἐκκλησίας, τὰ μὲν χαρτῷα δικαιώματα τῆς ἐκκλησίας μου λάθρα μετέγραψεν, ἄλλα δὲ παντελῶς ἀνελάβετο. Τοῦτο δὲ ποιήσας βούλεται, ὡς ἔοικε, κατὰ τῆς ἐκκλησίας μου ἔχειν [τι], ποτὲ μὲν ὁμολογῶν πρός τινας τὸ σφάλμα, ποτὲ δὲ οὔ. Ζητῶ οὖν τὴν λύσιν τούτων πάντων, δέσποτά μου ἅγιε, δι' ἐνυπογράφου λύσεως τῆς ἁγιωσύνης σου.

Ἀπόκρισις· Ὁ χαρτοφύλαξ καὶ κληρικὸς τῆς ἐκκλησίας σου, ἐὰν ἔφθασεν ἐνώπιόν τινων ὁμολογῆσαι, ὅτι ὑφεῖλε τὰ δικαιώματα τῆς ἐκκλησίας σου, τὰ δὲ καὶ μετέγραψεν, ἔδει τὴν ὁμολογίαν αὐτοῦ βεβαιωθῆναι διὰ σημείου, ἢ καὶ διὰ φωνῶν τῶν μαρτύρων τῶν ἀκουσάντων, καὶ ἀναγκάσ[ασ]θαι ἂν ἀποδοῦναι τὰ ὑφαιρηθέντα, ὡς καθ'.

ихъ браковъ родившаса, аще свое житіе добре изведеть, не възбранитса емꙋ быти презвитеромъ: не ѡсꙋждаеть бо са родителю ради.

й. Иже отъ двоеженецъ или троеженецъ оженившеса пріити во свαщенство отъ сего токмо не возбраняетса.

ѳ. Закони святыхъ Апостолъ рѣша, ꙗко діаконъ не крещеваетъ, ниже приноситъ безкровную жертву; епископу же или презвитеру принесшу, той подаетъ людемъ, не ꙗко презвитеръ, но ꙗко служа священникомъ. Инымъ же причетникомъ еже діакона дѣло сотворити нѣсть мощно никомуже.

Въпросъ ӏ҃г. Причетникъ нѣкто книгохранитель церковный, написанаа ꙋбо въ хартіахъ ѡправданіа церкве моеа преписавъ тай дрꙋгаа же весма взαтъ, еже сътворивъ хощеть, ꙗкоже подобно есть, на црьковь мою имѣти нѣчто, ѡвогда ꙋбо исповѣдаα къ нѣкымъ съгрѣшеніе, ѡвогда же ни. Прошꙋ ꙋбо раздрѣшеніе симъ всѣмъ, стый мой влко, написанымъ раздрѣшеніемь стынα твоеа.

Ѿвѣтъ. Книгохранитель и причетникъ цркве твоеа, аще варилъ есть предъ нѣкыми исповѣдати, ꙗко взαтъ ѡправданіа црковнаа, дрꙋгаа же и преписалъ, подобаше исповѣданіе его ꙋтвердити писаніемъ, или гласомъ свѣдѣтель слышавшихъ, и понужденъ бы былъ аще ѿдати, еже взαтъ, ꙗко самъ на са свѣдѣтель-

ἑαυτοῦ μαρτυρήσας, εἴτε οὖν τοῦτο γέγονεν, εἴτε καὶ μή. Ἐπειδὴ εὐθὺς μετὰ τὸ πάσχα μέλλονται πάντες οἱ ἀδελφοὶ καὶ ἐπίσκοποί μου εἰς Ἡράκλειαν παραγενέσθαι, τὸ μέν, ἵνα καὶ τὴν ἐτησίαν πληρώσωμεν σύνοδον· τὸ δέ, ἵνα καὶ ψῆφοι ἐπὶ τῆς χηρευούσης ἐκκλησίας γένωνται, ἐλθέτω καὶ ὁ σὸς χαρτοφύλαξ, καὶ προστεθήσεται εἰς τὸ μέσον τὰ κατ' αὐτοῦ, καὶ κατὰ τὸ διαγνωσθὲν τὸ δέον οἰκονομηθήσεται. Πλὴν συμφέρει αὐτόν, ἵνα ἰδίᾳ πρὸς σὲ ἀντιστρέψῃ τὰ χαρτῷα δικαιώματα καὶ τύχῃ συγγνώμης, ἢ εἰς ὁλόκληρον ἐλθεῖν σύνοδον καὶ αἰσχυνθῆναι ἐπὶ πάσης ταύτης, τάχα δὲ καὶ κινδυνεῦσαι περὶ τὸν ἴδιον βαθμόν. Ἴδε οὖν αὐτὸν ἡμέρως καὶ φιλανθρώπως, καὶ ἴσως ποιήσῃ τὸ δέον καὶ τῆς ἐπακολουθούσης αὐτῷ ἀτιμίας ἀπαλλαγήσεται· εἰ δὲ μὴ τοῦτο θελήσῃ ποιῆσαι, ἐλθέτω μετά σου καὶ τὸ δοκοῦν τοῖς ἱεροῖς κανόσι γενήσεται.

Ἡ ὑπογραφή· ὁ σὸς Ἡρακλείας.

ствовавши, аще ꙋбо се бысть, аще же и҆ не бысть. Понеже скоро по пасцѣ хощете вси братиа̀ и҆ епископи мои въ ʼИраклию прїити, ѡ҆во ꙋбо да и҆ лѣтнїй правильнїй и҆сполнимъ съборъ, ѡ҆во же и҆ сꙋдове и҆збранїа̀ еп҃помъ ѡ҆вдовѣвшихъ цр҃квь бꙋдꙋть, да приидеть и҆ твой книгохранитель, и҆ иже на нь (да) предложатсѧ посреде, и҆ по разꙋмꙋ всѣхъ подобно устроитсѧ. Ѡбаче лꙋче бы емꙋ, да самъ ѡ҆собно възвратить къ тебѣ въ хартиа̀хъ написанаа̀ ѡ҆правданїа̀, и҆ полꙋчить милость, нежели въ весь съборъ пришедъ, и҆ посрамленъ бꙋдеть предъ сими всѣми, паче же и҆ бѣдꙋ прїиметь въ свой степень. Виждь ꙋбо его кротко и҆ человѣколюбезно, и҆ единаче сътворить подобное, и҆ послѣдꙋющаго емꙋ и҆збавитсѧ безчестиа̀. Аще же сего не въсхощеть створити, да прїидеть съ тобою и҆ повелѣное сщ҃нными правилы да створить[сѧ].

А. Павловъ.

Внѣшній и внутренній видъ храма св. Ирины въ Константинополѣ.

Въ дополненіе къ описанію храма св. Ирины, напечатанному въ концѣ I тома «Византійскаго Временника», считаю не лишнимъ представить вниманію читателей болѣе наглядное изображеніе названнаго храма въ видѣ 3 фототипій, сдѣланныхъ съ фотографическихъ снимковъ. Какъ ни строго охраняется доступъ въ св. Ирину, какъ ни трудно европейцу проникнуть въ храмъ Мира, тѣмъ не менѣе живущіе въ самомъ Константинополѣ фотографы умѣютъ не только проникать въ закрытый для невѣрныхъ складъ оружія и реликвій турецкой военной славы, но и совершенно свободно снимать фотографіи съ этого музея и предметовъ, въ немъ находящихся. Ловкость и надлежащій бакшишъ открываютъ и не такія сокровенныя и важныя тайны!

Между тѣмъ какъ намъ, иностранцамъ, необходимо было искать доступа въ заповѣдный храмъ чрезъ самого посла, а послу хлопотать о разрѣшеніи чуть ли не у самого султана, фотографъ, вѣроятно, ограничился въ своихъ хлопотахъ сторожемъ или, самое большее, мелкимъ чиновникомъ-надсмотрщикомъ и достигъ гораздо бóльшаго: онъ не только могъ осматривать, но дѣлать фотографическіе снимки, сколько ему было нужно и угодно. Счастливый случай завелъ меня именно къ тому фотографу, который для своей обширной коллекціи видовъ Константинополя и его древностей постарался сдѣлать снимки внутреннихъ частей храма св. Ирины. Благодаря этому обстоятельству я получилъ возможность представить благосклонному вниманію читателей не только внѣшній видъ храма св. Ирины, который былъ воспроизведенъ много разъ и между прочимъ въ превосходномъ трудѣ нашего извѣстнаго византолога, проф. Н. П. Кондакова: «Византій-

скія церкви и памятники Константинополя»[1]), но и познакомить съ внутреннимъ устройствомъ древняго храма въ томъ видѣ, въ какомъ его засталъ фотографъ и въ какомъ онъ находится и теперь, за исключеніемъ, быть можетъ, незначительныхъ и незамѣтныхъ измѣненій въ разстановкѣ и количествѣ предметовъ вооруженія, стараго и новаго.

Табл. I. *Внѣшній видъ храма св. Ирины съ сѣверной стороны.* Сѣверный фасадъ св. Ирины выходитъ на площадь янычаръ, съ которой *и взятъ* фотографическій снимокъ. Не только проф. Кондакову, но и многимъ другимъ археологамъ и архитекторамъ, желавшимъ проникнуть въ заманчивый храмъ-музей, не удавалось достигнуть этого, такъ что со времени Зальценберга, который имѣлъ возможность только посмотрѣть храмъ и на глазъ начерталъ его планъ, изъ археологовъ-спеціалистовъ никто тамъ не былъ (Кондаковъ, Визант. церкви, стр. 129). Даже *Паспати*, Константинопольскій старожилъ, спеціально занимавшійся много лѣтъ изученіемъ сохранившихся церквей средневѣкового Константинополя, не имѣлъ, повидимому, случая изслѣдовать внутри какъ нельзя болѣе интересный и важный для него памятникъ и принужденъ былъ ограничиться краткимъ историческимъ очеркомъ и рисункомъ его внѣшняго вида, относительно внутренняго устройства замѣтивъ только, что доселѣ еще сохранился на куполѣ алтарной апсиды крестъ, а передъ ней «священный кладезь» (Βυζαντ. Μελέται σελ. 336—338).

Къ восточному концу храма св. Ирины примыкаетъ стѣна съ зубцами, отдѣляющая площадь янычаръ отъ площади св. Софіи, называвшейся въ христіанскую эпоху «Августеонъ». Значительно болѣе высокая и толстая стѣна (на рисункѣ на лѣвомъ краю) представляетъ собою «императорскія ворота» (Bab-i-Humajun), чрезъ которыя въ торжественныхъ случаяхъ султанъ въѣзжалъ въ Старый Дворецъ. За ними виднѣются минареты св. Софіи. Предъ сѣверною стѣною св. Ирины тянется желѣзная рѣшетка, за которой на нѣсколько возвышенной сравнительно съ остальною площадью почвѣ выставлены названные въ описаніи св. Ирины предметы и памятники византій-

1) Книга проф. *Н. П. Кондакова* издана въ Одессѣ 1886, въ Трудахъ VI археологическаго съѣзда и отдѣльно. Къ ней приложено много фототипныхъ снимковъ церквей и памятниковъ средневѣкового Константинополя, въ томъ числѣ и видъ храма св. Ирины съ сѣверной стороны (табл. V отдѣльн. изданія), но фотографическій снимокъ проф. Кондакова взятъ нѣсколько лѣвѣе моего, потому на немъ слѣва виденъ храмъ св. Софіи, между тѣмъ какъ на моемъ снимкѣ виденъ только ея куполъ.

Храмъ св. Ирины съ сѣверной стороны.

ской эпохи. Изъ нихъ наиболѣе отчетливо вышелъ крайній направо, близъ входной двери, саркофагъ. Близъ него направо, противъ задней части экипажа, виднѣется дверь въ пристройку къ западной части св. Ирины. Чрезъ эту узкую пристройку по значительно наклонному полу входятъ во внутренній нарѳикъ храма.

Наружный видъ св. Ирины показываетъ, что расположеніе частей ея далеко не такъ пропорціонально, какъ въ св. Софіи и многихъ другихъ храмахъ. Храмъ св. Ирины распадается на 3 главныя, но не равныя части: въ центрѣ мы видимъ пространство надъ куполомъ, ширина котораго обозначена наружною аркою съ пятью окнами въ 3 ряда. Покоющійся на такихъ 4 аркахъ куполъ отличается отъ купола св. Софіи присутствіемъ ясно выраженнаго барабана, котораго еще нѣтъ подъ куполомъ св. Софіи съ внутренней стороны. Отчетливо и значительно выступающіе столбики между окнами доходятъ до оконныхъ арокъ и служатъ для укрѣпленія барабана, пробитаго окнами, подобно тому, какъ такіе же выступающіе контрфорсы укрѣпляютъ куполъ св. Софіи. Но окна св. Софіи пробиты, за отсутствіемъ барабана, въ самомъ куполѣ, между тѣмъ какъ въ храмѣ св. Ирины куполъ начинается надъ окнами. Въ этомъ отличіи заключается дальнѣйшій шагъ въ исторіи постройки куполовъ, сдѣланный при томъ же Юстиніанѣ I, при которомъ куполъ-полусфера впервые поставленъ на четырехъ столбахъ и аркахъ.

Къ центральной части храма св. Ирины примыкаетъ слѣва алтарная конха, упирающаяся своею аркою въ восточную арку большого купола, но ея не видно на нашемъ рисункѣ, потому что съ сѣверной стороны она закрыта позднѣйшими пристройками, даже крыша алтарной конхи почти совсѣмъ скрывается за верхушками группы кипарисовъ, растущихъ возлѣ храма. Во всякомъ случаѣ эта часть храма гораздо меньше той, которая примыкаетъ къ центральной съ правой, западной стороны. Такъ какъ во многихъ византійскихъ храмахъ къ пространству надъ куполомъ примыкаетъ обыкновенно внутренній нарѳикъ, то, судя по наружному виду, нѣкоторые принимали пространство надъ овальнымъ куполомъ и въ храмѣ св. Ирины за внутренній нарѳикъ. На самомъ дѣлѣ это пространство, какъ мы видѣли при описаніи плана св. Ирины, служитъ прямымъ продолженіемъ пространства надъ большимъ куполомъ и отдѣляетъ его отъ нарѳика, подобно тому, какъ въ храмѣ св. Софіи пространство надъ куполомъ отдѣляется отъ нарѳика западнымъ полукуполомъ, но въ храм*

св. Ирины это промежуточное пространство гораздо больше и составляетъ $^3/_4$ пространства надъ большимъ куполомъ, потому храмъ св. Ирины съ внѣшней стороны представляется не пропорціонально расчлененнымъ на равныя части, а значительно удлиненнымъ съ западной стороны, что̀ и придаетъ ему видъ длинной базилики, но съ куполомъ. Слѣдующій за пространствомъ надъ овальнымъ низкимъ куполомъ, который снаружи покрытъ плоскою крышею, внутренній нарѳикъ совершенно скрытъ позднѣйшими пристройками и снаружи совершенно не видѣнъ, вслѣдствіе чего видѣвшіе храмъ только снаружи, быть можетъ, и принимали за нарѳикъ пространство надъ овальнымъ куполомъ, между тѣмъ какъ внутри храма имѣется, кромѣ внутренняго, еще внѣшній нарѳикъ, передѣланный турками изъ открытаго въ закрытый. Столбы большого купола подперты довольно толстыми контрфорсами, которые безобразятъ фасадъ св. Ирины, какъ и св. Софіи.

Табл. II. *Восточная часть храма св. Ирины съ алтарною конхою.* На этой таблицѣ изображена пространство подъ большимъ куполомъ съ алтарною конхою внутри храма. Направо и налѣво стоятъ колонны изъ бѣлаго мрамора съ арками изъ того же матеріала, поддерживающія сѣверныя и южныя верхнія галлереи, такъ называемыя катихуменіи или гинэкониты. Эти галлереи теперь ограждены двойною деревянною рѣшеткою, а прежде они, по всей вѣроятности, были обнесены высокою сплошною мраморною балюстрадою, подобною той, которая сохранилась въ св. Софіи. Мраморныя арки надъ колоннами сдѣланы гладко и не имѣютъ никакихъ украшеній, кромѣ медальоновъ, но на многихъ капителяхъ колоннъ вырѣзаны монограммы Юстиніана и Ѳеодоры. Колонны въ настоящее время винтообразно обвиты желѣзными полосами съ крючками на нихъ для подвѣски оружія, а внизу обшиты деревянными поставцами въ видѣ четыреугольныхъ ящиковъ. Верхняя часть такого ящика видна на нижней части третьей колонны справа, ближайшей къ правому столбу восточной арки.

Ряды колоннъ направо и налѣво, вмѣстѣ съ западными столбами большаго купола отдѣляютъ сѣверный (женскій) и южный корабли отъ средняго, находящагося подъ куполами, большимъ полусферическимъ и малымъ овальнымъ. Все это пространство заставлено теперь рядами поставцевъ для ружей съ довольно широкимъ проходомъ по срединѣ. Этотъ проходъ приводитъ къ возвышенному полу восточной части, при входѣ въ которую видѣнъ небольшой чугунный

Восточная часть храма св. Ирины и алтарная конха съ сопрестоліемъ.

св. Ирины это промежуточное пространство гораздо больше и составляетъ $^3/_4$ пространства надъ большимъ куполомъ, потому храмъ св. Ирины съ внѣшней стороны представляется не пропорціонально расчлененнымъ на равныя части, а значительно удлиненнымъ съ западной стороны, что̀ и придаетъ ему видъ длинной базилики, но съ куполомъ. Слѣдующій за пространствомъ надъ овальнымъ низкимъ куполомъ, который снаружи покрытъ плоскою крышею, внутренній нареикъ совершенно скрытъ позднѣйшими пристройками и снаружи совершенно не видѣнъ, вслѣдствіе чего видѣвшіе храмъ только снаружи, быть можетъ, и принимали за нареикъ пространство надъ овальнымъ куполомъ, между тѣмъ какъ внутри храма имѣется, кромѣ внутренняго, еще внѣшній нареикъ, передѣланный турками изъ открытаго въ закрытый. Столбы большого купола подперты довольно толстыми контрфорсами, которые безобразятъ фасадъ св. Ирины, какъ и св. Софіи.

Табл. II. *Восточная часть храма св. Ирины съ алтарною конхою.* На этой таблицѣ изображена пространство подъ большимъ куполомъ съ алтарною конхою внутри храма. Направо и налѣво стоятъ колонны изъ бѣлаго мрамора съ арками изъ того же матеріала, поддерживающія сѣверныя и южныя верхнія галлереи, такъ называемыя катихуменіи или гинэкониты. Эти галлереи теперь ограждены двойною деревянною рѣшеткою, а прежде они, по всей вѣроятности, были обнесены высокою сплошною мраморною балюстрадою, подобною той, которая сохранилась въ св. Софіи. Мраморныя арки надъ колоннами сдѣланы гладко и не имѣютъ никакихъ украшеній, кромѣ медальоновъ, но на многихъ капителяхъ колоннъ вырѣзаны монограммы Юстиніана и Θеодоры. Колонны въ настоящее время винтообразно обвиты желѣзными полосами съ крючками на нихъ для подвѣски оружія, а внизу обшиты деревянными поставцами въ видѣ четыреугольныхъ ящиковъ. Верхняя часть такого ящика видна на нижней части третьей колонны справа, ближайшей къ правому столбу восточной арки.

Ряды колоннъ направо и налѣво, вмѣстѣ съ западными столбами большаго купола отдѣляютъ сѣверный (женскій) и южный корабли отъ средняго, находящагося подъ куполами, большимъ полусферическимъ и малымъ овальнымъ. Все это пространство заставлено теперь рядами поставцевъ для ружей съ довольно широкимъ проходомъ по срединѣ. Этотъ проходъ приводитъ къ возвышенному полу восточной части, при входѣ въ которую видѣнъ небольшой чугунный

Табл. II.

Восточная часть храма св. Ирины и алтарная конха съ сопрестоліемъ.

Табл. III.

Западная часть храма св. Ирины съ западными катихуменіями.

насосъ надъ цистерною. Направо и налѣво отъ цистерны видны ступени синтрона (сопрестолія), обложенныя теперь деревянною настилкою въ родѣ полокъ, на которыхъ разставлены кирасы въ видѣ торсовъ, прикрытые сверху шлемами и касками. Въ тѣ времена, когда храмъ св. Ирины былъ христіанскою церковью, ступени синтрона были безъ сомнѣнія обложены мраморомъ и по своей длинѣ раздѣлялись на выдѣланныя изъ мрамора сидѣнія въ родѣ креселъ.

Принимая во вниманіе, что алтарныя преграды въ древнихъ храмахъ были сравнительно очень низки (по грудь) и вовсе не закрывали алтарь, какъ позднѣйшіе иконостасы, особенно многоэтажные наши, мы можемъ представить себѣ, какое сильное впечатлѣніе производило сопрестоліе, почти все видное для стоящихъ въ церкви, за исключеніемъ, быть можетъ, одного нижняго ряда сидѣній, когда на немъ въ нѣсколько рядовъ полукругами возсѣдали съ патріархомъ во главѣ митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты и прочіе сановники и священнослужители церкви въ священныхъ облаченіяхъ. При торжественномъ праздничномъ богослуженіи съ участіемъ патріарха и всѣхъ находившихся въ данное время духовныхъ сановниковъ, эти ряды іерарховъ должны были производить впечатлѣніе церковнаго собора, засѣдающаго въ виду всѣхъ предстоящихъ и молящихся въ торжественномъ засѣданіи, и внушать благоговѣйное уваженіе къ служителямъ церкви. Патріархъ, возсѣдавшій на особо украшенномъ и возвышенномъ тронѣ подъ среднимъ окномъ алтарной конхи и выдѣлявшійся изъ всѣхъ іерарховъ, являлся какъ бы духовнымъ царемъ, возсѣдающимъ на тронѣ въ торжественномъ собраніи духовнаго синклита.

Подъ сидѣньями, примыкающими къ столбамъ арки, видны сравнительно небольшія дверныя отверстія съ мраморными косяками, ведущія въ корридоръ, который проходитъ подъ всѣмъ сопрестоліемъ отъ одной двери до другой. Изъ него, какъ было сказано при описаніи храма св. Ирины, двѣ небольшія двери, теперь заложенныя, вели въ боковыя помѣщенія, прилегавшія къ алтарной конхѣ: скевофилакій и діаконикъ и позволяли священно- и церковно-служителямъ ходить изъ алтаря въ эти помѣщенія, не выходя за алтарную преграду и не обходя столбовъ восточной арки среди молящихся. Чрезъ этотъ корридоръ ходили, по всей вѣроятности, и къ жертвеннику, который, быть можетъ, стоялъ въ лѣвомъ боковомъ помѣщеніи.

Таблица III. *Западная часть храма св. Ирины съ западными катихуменіями.* На этой таблицѣ мы также имѣемъ изображеніе сред-

няго корабля храма съ рядами ружей и широкимъ проходомъ между ними, въ концѣ котораго виднѣются входныя, западныя двери, а надъ ними западная галлерея, находящаяся, какъ во многихъ другихъ храмахъ, надъ внутреннимъ нарѳикомъ. Здѣсь турки произвели значительныя измѣненія, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ церквахъ, имѣющихъ западныя катихуменіи. Въ западной стѣнѣ самаго храма, если онъ былъ болѣе или менѣе обширенъ, дѣлалось обыкновенно по нѣскольку дверей съ большой или царской дверью въ срединѣ. Въ храмѣ св. Ирины также, безъ сомнѣнія, было по крайней мѣрѣ три двери, изъ каждаго корабля по одной, которымъ соотвѣтствовали также три двери, ведшія изъ внутренняго нарѳика во внѣшній.

Кромѣ дверей изъ внутренняго нарѳика во внѣшній, во внутреннемъ были, безъ сомнѣнія, окна, выходившія на открытый внѣшній нарѳикъ, составлявшій одну изъ сторонъ галлереи, окружавшей дворикъ (atrium) св. Ирины. Турки, передѣлавъ открытый внѣшній нарѳикъ въ закрытый, лишили свѣта внутренній нарѳикъ, и для того, чтобы получить его изъ средняго корабля храма, какъ наиболѣе освѣщеннаго, значительно расширили среднюю дверь изъ храма во внутренній нарѳикъ, превративши ее въ широкій проходъ съ плоскою аркою на верху, а боковыя двери заложили. Кромѣ того, турки уничтожили каменныя лѣстницы, ведшія изъ внутренняго нарѳика на верхнія галлереи, и замѣнили ихъ деревянными, ведущими на галлереи изъ средняго корабля храма. Чтобы не занимать и не безобразить храма большою лѣстницею въ высокія катихуменіи, а сдѣлать лѣстницы въ нѣсколько маршей съ оборотами, турки передъ западною дверью изъ храма во внутренній нарѳикъ устроили на деревянныхъ столбахъ деревянный балконъ, прислонивъ его къ западной стѣнѣ храма. Къ этому балкону, столбы котораго виднѣются на правомъ планѣ, они прислонили первые марши лѣстницы, а верхнія, нѣсколько вогнутыя, части лѣстницы провели съ этого балкона въ арки западныхъ катихуменій. Такимъ образомъ явился, видный прямо за ружьями, увѣшанный саблями и касками, деревянный балконъ, который тянется во всю ширину средняго корабля. Войдя чрезъ него по лѣстницамъ въ западныя катихуменіи, мы оказались въ очень просторной и широкой галлереѣ, довольно хорошо освѣщенной боковыми окнами и тремя арками, открытыми на средній корабль храма. Отсюда открывался великолѣпный видъ на весь храмъ и на все содержимое. Обширный храмъ являлся во всемъ своемъ простомъ величіи.

Съ западными катихуменіями соединяются сѣверныя и южныя такой же ширины и образуютъ по тремъ стѣнамъ обширныя помѣщенія въ видѣ П, назначенныя для женщинъ. Сѣверная и южная галлереи втораго этажа своими восточными концами упираются въ боковыя пристройки втораго этажа, назначеніе которыхъ трудно опредѣлить. На южной сторонѣ помѣщеніе втораго этажа, примыкающее къ апсидѣ, раздѣлено на двѣ части, изъ которыхъ одна имѣетъ видъ темной безъ оконъ кладовой, удобной для храненія какихъ-нибудь драгоцѣнныхъ вещей и дорогой утвари, въ родѣ той восьмиугольной постройки, которая стоитъ на сѣверо-восточномъ углу св. Софіи и которая, по мнѣнію нѣкоторыхъ, назначалась для храненія драгоцѣнной утвари и сосудовъ св. Софіи. Находясь въ концѣ южной галлереи, мы разсматривали мозаичныя украшенія апсиды и отсюда г. Щербинъ по лѣстницѣ поднялся на узкій ходъ по карнизу, который кругомъ всей церкви огороженъ легкою рѣшеткою, ясно видною у основанія куполовъ на II и III таблицахъ.

Д. Бѣляевъ.

Этюды по Византійской эпиграфикѣ [1]).

3. Надпись времени Исаака Комнина, найденная въ Херсонисѣ.

«Надпись вырѣзана на нижней, ровной сторонѣ мраморнаго карниза 3′ длины, 2′ ширины и ½′ толщины, при чемъ не задѣлано даже углубленіе, служившее для укрѣпленія карниза (между строками 6 и 7 слѣва), и только буквы надписи въ этомъ мѣстѣ уменьшены и сжаты. Камень найденъ (въ концѣ 1894 г.) съ наружной стороны оборонительной стѣны, по близости пристани» (сообщеніе г. Косцюшко). Вы-

[1]) См. Виз. Врем. Т. I, 657 сл.

сокія, но узкія и неглубоко врѣзанныя буквы надписи хорошо сохранились. Прилагаемый рисунокъ снятъ съ эстампажа, полученнаго отъ г. Косцюшко.

Исправивъ ороографическія ошибки[1]) и дополнивъ (въ круглыхъ скобкахъ) слова, вырѣзанныя на камнѣ сокращенно, получимъ слѣдующую транскрипцію:

† Ἐγένοντο αἱ πόρται τοῦ πραιτωρίου
σιδηραῖ, ἐνεκαινίσθησαν καὶ
αἱ λοιπαὶ τοῦ κάστρου ἐπὶ Ἰσακίου
μεγάλου βασιλέ(ως) καὶ αὐτοκράτορ(ος) Ῥωμαί(ων)
τοῦ Κομνηνοῦ κ(αὶ) Αἰκατερίνης τῆς εὐσεβεστάτης
Αὐγούστης διὰ Λέοντ(ος) π(ατ)ρικίου καὶ στρατηγοῦ Χερσῶνος καὶ Σουγδ(αίας) τοῦ Ἀλιάτου, μη(νὸς) Ἀπρι(λίου),
ἰνδ(ικτιῶνος) ιβ', ἔτ(ους) ͵ςφξζ.

Переводъ. «Сдѣланы ворота преторія желѣзныя, возобновлены и прочія (ворота) города при Исакіѣ Комнинѣ, великомъ царѣ и самодержцѣ Римскомъ и Екатеринѣ благочестивѣйшей Августѣ чрезъ Льва Аліата патриція и стратига Херсонскаго и Сугдейскаго, мѣсяца апрѣля, индикта 12, лѣта 6567».

Отмѣченный въ надписи годъ соотвѣтствуетъ 1059-му по Р. Хр. Какъ годъ, такъ и индиктъ обозначены совершенно правильно. Это былъ послѣдній годъ кратковременнаго царствованія Исаака I Комнина, коронованнаго 2 сентября 1057 г. и отрекшагося отъ престола въ началѣ декабря 1059[2]). Названная рядомъ съ нимъ въ надписи «благочестивѣйшая Августа Екатерина»—это супруга Исаака, дочь болгарскаго царя Самуила[3]). Патрицій Левъ Аліатъ, занимавшій должность стратига Херсона (Корсуня) и Сугдеи, изъ другихъ источниковъ намъ не извѣстенъ.

Надпись представляетъ собою весьма интересный историческій памятникъ, бросающій просвѣтъ на весьма темную эпоху въ исторіи Корсуня и Сугдеи. Извѣстно, что со временъ императора Өеофила (829—842) Корсунь находился подъ непосредственною властью Византіи, образуя особую область (θέμα Χερσῶνος), состоявшую подъ упра-

---

[1]) Ороографическія поправки не заключены нами въ скобки, чтобы не слишкомъ пестрить ими текста.

[2]) См. *Н. Скабалановича*, Визант. государство и церковь въ XI вѣкѣ (Спб. 1884), стр. 86.

[3]) Scyl. 642, 4; Bryenn. 19; Ioel 64, 1.

Этюды по Византійской эпиграфикѣ [1]).

3. Надпись времени Исаака Комнина, найденная въ Херсонисѣ.

«Надпись вырѣзана на нижней, ровной сторонѣ мраморнаго карниза 3′ длины, 2′ ширины и ½′ толщины, при чемъ не задѣлано даже углубленіе, служившее для укрѣпленія карниза (между строками 6 и 7 слѣва), и только буквы надписи въ этомъ мѣстѣ уменьшены и сжаты. Камень найденъ (въ концѣ 1894 г.) съ наружной стороны оборонительной стѣны, по близости пристани» (сообщеніе г. Косцюшко). Вы-

[1]) См. Виз. Врем. Т. I, 657 сл.

сокія, но узкія и неглубоко врѣзанныя буквы надписи хорошо сохранились. Прилагаемый рисунокъ снятъ съ эстампажа, полученнаго отъ г. Косцюшко.

Исправивъ орѳографическія ошибки [1]) и дополнивъ (въ круглыхъ скобкахъ) слова, вырѣзанныя на камнѣ сокращенно, получимъ слѣдующую транскрипцію:

† Ἐγένοντο αἱ πόρται τοῦ πραιτωρίου
σιδηραῖ, ἐνεκαινίσθησαν καὶ
αἱ λοιπαὶ τοῦ κάστρου ἐπὶ Ἰσακίου
μεγάλου βασιλέ(ως) καὶ αὐτοκράτορ(ος) Ῥωμαί(ων)
τοῦ Κομνηνοῦ κ(αὶ) Αἰκατερίνης τῆς εὐσεβεστάτης
Αὐγούστης διὰ Λέοντ(ος) π(ατ)ρικίου καὶ στρατηγοῦ Χερ-
σῶνος καὶ Σουγδ(αίας) τοῦ Ἀλιάτου, μη(νὸς) Ἀπρι(λίου),
ἰνδ(ικτιῶνος) ιβ', ἔτ(ους) ͵ςφξζ.

Переводъ. «Сдѣланы ворота преторія желѣзныя, возобновлены и прочія (ворота) города при Исакіѣ Комнинѣ, великомъ царѣ и самодержцѣ Римскомъ и Екатеринѣ благочестивѣйшей Августѣ чрезъ Льва Аліата патриція и стратига Херсонскаго и Сугдейскаго, мѣсяца апрѣля, индикта 12, лѣта 6567».

Отмѣченный въ надписи годъ соотвѣтствуетъ 1059-му по Р. Хр. Какъ годъ, такъ и индиктъ обозначены совершенно правильно. Это былъ послѣдній годъ кратковременнаго царствованія Исаака I Комнина, коронованнаго 2 сентября 1057 г. и отрекшагося отъ престола въ началѣ декабря 1059 [2]). Названная рядомъ съ нимъ въ надписи «благочестивѣйшая Августа Екатерина»—это супруга Исаака, дочь болгарскаго царя Самуила [3]). Патрицій Левъ Аліатъ, занимавшій должность стратига Херсона (Корсуня) и Сугдеи, изъ другихъ источниковъ намъ не извѣстенъ.

Надпись представляетъ собою весьма интересный историческій памятникъ, бросающій просвѣтъ на весьма темную эпоху въ исторіи Корсуня и Сугдеи. Извѣстно, что со временъ императора Ѳеофила (829—842) Корсунь находился подъ непосредственною властью Византіи, образуя особую область (θέμα Χερσῶνος), состоявшую подъ упра-

---

[1]) Орѳографическія поправки не заключены нами въ скобки, чтобы не слишкомъ пестрить ими текста.

[2]) См. *Н. Скабалановича*, Визант. государство и церковь въ XI вѣкѣ (Спб. 1884), стр. 86.

[3]) Scyl. 642, 4; Bryenn. 19; Ioel 64, 1.

вленіемъ стратига. Въ X в. Корсунь неоднократно упоминается въ нашихъ источникахъ (м. пр. въ сочиненіяхъ Константина Порфиророднаго), и его интересы ограждаются въ мирныхъ договорахъ съ русскими князьями Игоремъ и Святославомъ. Извѣстенъ походъ на Корсунь Владиміра Святаго, озарившій Русь свѣтомъ христіанства. Послѣ брака съ царевною Анною Владиміръ возвратилъ византійцамъ завоеванный Корсунь и съ тѣхъ поръ до половины XI вѣка мы не имѣли никакихъ опредѣленныхъ извѣстій о положеніи и судьбахъ этого города [1]). Точно такъ же и въ исторіи Сугдеи (Сурожа русскихъ источниковъ, нынѣшняго Судака) разсматриваемый періодъ является весьма темнымъ. Нашъ глубокоуважаемый византинистъ В. Г. Васильевскій, въ недавнее время подробно изслѣдовавшій сохранившіяся свѣдѣнія объ этомъ городѣ [2]), замѣчаетъ объ этомъ времени слѣдующее: «Полное возстановленіе византійской государственной власти на полуостровѣ мы относимъ къ тому времени, когда, съ одной стороны, совершенно было низвергнуто господство Хазаръ войсками Василія Болгаробойцы въ союзѣ съ русскими подъ начальствомъ брата или родственника св. Владиміра (въ 1016 г.), а съ другой и самый Воспоръ или Керчь, прежній центръ хазарскаго владычества, сдѣлался вновь греческимъ достояніемъ... Императоръ Мануилъ Комнинъ (1143—1180) считалъ своимъ владѣніемъ Тмутаракань и городъ Росію (Ῥωσία) при устьѣ Дона, а это означало полное господство Византіи въ лежащихъ позади, ближе къ ней, таврическихъ предѣлахъ. Тогда, конечно, и Сурожъ не только числился, но и дѣйствительно сталъ находиться въ составѣ греческихъ владѣній. Но что онъ пережилъ въ промежутокъ между хазарскою властію и возстановленіемъ византійскаго владычества, объ этомъ можно только гадать, такъ какъ опредѣленныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній источники совсѣмъ не сообщаютъ». Вновь открытая надпись свидѣтельствуетъ, что въ срединѣ XI вѣка Корсунь и Сугдея находились подъ крѣпкою властью Византіи и послѣдній городъ входилъ въ

---

[1]) Данныя, относящіяся къ средневѣковой исторіи Корсуня, разобраны м. пр. въ статьѣ *А. А. Куника* «О запискѣ Готскаго топарха» (Зап. Имп. Ак. Наукъ, т. 24, 1874 г., стр. 61—160).

[2]) «Историческія свѣдѣнія о Сурожѣ» составляютъ одну главу во введеніи къ житію св. Стефана Сурожскаго, изданному В. Г. Васильевскимъ въ *Журн. М. Н. Пр.* за май и іюнь 1889 г. и затѣмъ въ книгѣ «Русско-византійскія изслѣдованія, вып. 2» (Спб. 1893). Ср. также *Ф. К. Бруна* «Матеріалы для *исторіи Сугдеи*» (Черноморье, т. II, стр. 121—158).

составъ Херсонской ѳемы, бывшей по прежнему подъ управленіемъ стратига. Патрицій Левъ Аліатъ, занимавшій эту должность при Исаакѣ Комнинѣ, какъ мы видимъ изъ надписи, тщательно заботился объ укрѣпленіи Корсуня. Быть можетъ, мы не ошибемся, если поставимъ эту заботливость въ связь съ набѣгами печенѣговъ, сильно безпокоившими въ тѣ времена Византійскую имперію. Отношенія между Византіею и этими кочевниками давно уже послужили В. Г. Васильевскому темою для подробной специальной монографіи [1]). Отсылая къ ней читателей, желающихъ возобновить въ памяти эти отношенія въ 1-й половинѣ XI вѣка, мы замѣтимъ только, что послѣ страшнаго пораженія, нанесеннаго печенѣгами византійскимъ воеводамъ въ 1053 г. при Великомъ Прѣславѣ въ Болгаріи, императоръ Константинъ IX Мономахъ богатыми дарами купилъ у нихъ миръ, при чемъ печенѣги обязались въ теченіи тридцати лѣтъ не тревожить имперіи своими набѣгами; но уже въ 1059 г. они снова «выползли изъ своихъ норъ» и стали опустошать греческія области [2]). Очень можетъ быть, что правители областей, которыя подвергались опасности отъ набѣговъ грозныхъ сосѣдей, воспользовались договоромъ 1053 г. для того, чтобы по мѣрѣ возможности укрѣпить свои города на случай будущихъ набѣговъ, и что въ числѣ другихъ Левъ Аліатъ возобновилъ городскія ворота въ Корсунѣ.

Ближайшее по времени событіе изъ исторіи Корсуня извѣстно намъ изъ русскихъ источниковъ. Въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 6574=1066 годомъ повѣствуется [3]), что русскій князь Ростиславъ Владиміровичъ, внукъ Ярослава Мудраго, находясь въ Тмуторокани, бралъ дань съ касоговъ и другихъ народовъ; испуганные этимъ греки, разумѣется корсунскіе, послали къ нему «съ лестью» своего котопана, который вкрался въ довѣренность князя и однажды во время попойки подпустилъ въ его чашу ядъ, который скрывалъ подъ ногтемъ. Послѣ этого котопанъ возвратился въ Корсунь и, увѣренный въ дѣйствіи своего яда, объявилъ, что князь умретъ на седьмой день. Такъ и случилось: Ростиславъ, дѣйствительно, скончался 3-го февраля 1066 года; но корсунцы, безъ сомнѣнія возмущенные вѣроломствомъ котопана, побили его каменьями. Поставленный въ лѣтописи терминъ «котопанъ»,

---

[1]) «Византія и Печенѣги» въ *Журн. М. Н. Пр.* за ноябрь и декабрь 1872 г.

[2]) См. В. Г. Васильевскаго ук. ст., *Ж. М. Н. Пр.* 1872, ноябрь, стр. 136.

[3]) Лѣтопись по Лавр. списку, изд. Археограф. Коммиссіи (Спб. 1872), стр. 162. *Карамзинъ*, Ист. Госуд. Росс. II, 58.

очевидно, есть не что иное какъ транскрипція греческаго титула ὁ κατεπάνω (=лат. *capitaneus*), обозначавшаго обыкновенно, какъ видно изъ приводимыхъ Дюканжемъ (Gloss. Graec. s. v.) цитатъ, верховнаго правителя области или города. Поэтому возможно предположеніе, что убійцею Ростислава былъ именно корсунскій стратигъ, быть можетъ тотъ самый Левъ Аліатъ, имя котораго сообщила намъ новая надпись.

Въ заключеніе замѣтимъ, что латинское слово πόρτα въ византійскія времена получило полное право гражданства въ греческомъ языкѣ [1]) и сохраняется въ немъ доселѣ. Слово πραιτώριον также весьма часто употреблялось византійцами и притомъ въ разныхъ значеніяхъ, одно изъ которыхъ—«*Aula* seu *Palatium Praetoris* vel *Rectoris Provinciae*» по объясненію Дюканжа—вполнѣ подходитъ къ нашей надписи. Наконецъ, что касается слова *castrum*, то оно первоначально перешло въ греческій языкъ, повидимому, исключительно въ значеніи «укрѣпленіе», но затѣмъ стало употребляться и въ значеніи πόλις. Дюканжъ, приведя нѣсколько цитатъ, въ которыхъ κάστρον объясняется словами φρούριον или ὀχύρωμα [2]), замѣчаетъ затѣмъ, что въ его время греки называли κάστρα всѣ города кромѣ Константинополя, за которымъ сохраняли названіе πόλις [3]). Въ значеніи «укрѣпленнаго города» слѣдуетъ, кажется, принимать слово κάστρον и въ нашей надписи.

---

[1]) «Occurrit passim.» *Du Cange*, Gloss. med. et inf. Graec. s. v.

[2]) Gloss. med. et inf. Graec. s. v. κάστρον... «Glossae MSS. Reg. Cod. 1673 φρούριον, ὀχύρωμα, κάστρον, ἡ σωματοφυλάκιον. Lexicon MS. Cyrilli: ὀχύρωμα, κάστρον, ἀσφάλισμα, φρούριον. Suidas: Κάστρον, παρεμβολὴ ἡ ἀσφαλής. Leo in Tactic. cap. 17 § 57. ἐὰν δέ ποτε βουληθῇς φρούριον ἤτοι κάστρον, ἢ ἄκραν τινὰ καταλαβεῖν etc.... Hodie vero Graeci quasvis Urbes Κάστρα vocant, πόλιν vero solam Constantinopolim...» Cf. ibid. s. v. ΠΟΛΙΣ: «*Urbs*, Sola Constantinopolis a Graecis hodie appellatur per excellentiam, cum Urbes caeteras omnes Κάστρα vocare soleant». Въ сочиненіяхъ Константина Багрянороднаго Корсунь и Воспоръ неоднократно называются κάστρα.

[3]) *А. А. Кочубинскій*, коснувшись значенія слова κάστρον въ объясненіяхъ къ Аккерманской греческой надписи 1440 года въ *Зап. Од. Общ.* т. XV (1889) стр. 533, замѣтилъ, однако, что въ оффиціальномъ языкѣ отмѣченное Дюканжемъ «разграниченіе въ употребленіи обоихъ терминовъ не выдерживается, и κάστρον, πόλις идутъ въ перемежку. Такъ, въ извѣстныхъ актахъ Константинопольскаго патріархата изъ XIV столѣтія читаемъ: κάστρον τῆς Μονεμβασίας и рядомъ: πόλις τῆς Μονεμβασίας [ссылка: I, 174, 170]».

В. Латышевъ.

Къ объясненію надписи съ именемъ императора Юстиніана, найденной на Таманскомъ полуостровѣ.

Въ Византійскомъ Временникѣ (томъ I вып. 3 и 4, стр. 657—662) опубликована акад. Латышевымъ новая, въ высшей степени цѣнная эпиграфическая находка, сдѣланная недавно на Таманскомъ полуостровѣ. По показанію того лица, у котораго былъ пріобрѣтенъ этотъ камень директоромъ Керченскаго музея К. Е. Думбергомъ, находка была сдѣлана на мѣстѣ упраздненной Суворовской крѣпости близь Тамани. Къ сожалѣнію, камень сохранился не въ цѣломъ видѣ, а лишь на половину. Середину площади, на которой была высѣчена надпись, занималъ крестъ, по обѣ стороны котораго былъ размѣщенъ текстъ. Уцѣлѣла лишь правая половина камня, при чемъ верхняя ея часть повреждена, такъ что конечныя буквы верхней строки съ праваго края не сохранились. Неизвѣстнымъ остается то, была ли эта строка началомъ надписи, или же текстъ начинался выше. Читается надпись съ дополненіями г. Латышева такъ:

σηφων
η τὸ μερικὸν
[ἐφ ὑπατια] ς Ἰουστινια
[νοῦ τοῦ αἰ] ωνίου Αὐγ
[οὐσ] του
[καὶ Αὐτοκρά] τορος σπουδῇ
[. . . . . . τ] οῦ λαμπροτά
[του κόμητο?] ς ταύτης τῆς πό
[λεως, πράττ] οντος Ἀνγουλά
[του τοῦ. . .] ατου τριβού
[νου καὶ ἐργο?] λάβου μηνὶ
[. . . . . ἰνδι] κτιόνι ἐνδεκάτῃ

Суворовъ началъ строить свою Фанагорію въ 1793 году, и при ея постройкѣ было употреблено въ дѣло множество каменныхъ обломковъ и мраморныхъ плитъ, которые были свезены съ территоріи города Тамани и съ городища древней Фанагоріи, находящагося отъ Суворовской Фанагоріи, нынѣ давно уже упраздненной, въ разстояніи около 20 верстъ къ востоку. Ближайшее по времени свидѣтельство о разрушеніи и уничтоженіи древнихъ памятниковъ во время сооруженія Суворовской крѣпости сохранилъ англійскій путешественникъ Кларкъ[1]). Ему удалось спасти отъ гибели нѣсколько мраморныхъ плитъ съ рельефами и надписями, которыя онъ доставилъ въ Англію и передалъ въ Кембриджскій университетъ. Надписи двухъ такихъ плитъ изданы въ Сборникѣ г. Латышева, томъ II, пп. 362 и 383. Оба эти памятника принадлежатъ древней Фанагоріи. Вполнѣ естественно предположить, что и вновь найденный памятникъ попалъ на территорію Суворовской крѣпости такимъ же образомъ, какъ и тѣ, которые достались Кларку, и что онъ такого же происхожденія, т. е. доставленъ сюда съ городища Фанагоріи или изъ развалинъ Тамани. Поэтому и читающіяся въ 8-й строкѣ слова: ταύτης τῆς πό[λεως] естественнѣе всего принять за указаніе на одинъ изъ ближайшихъ городовъ. А если это такъ, то и тѣ историческія событія, въ которыхъ придется искать объясненія нашего памятника, будутъ иныя и самый индиктъ, обозначенный въ надписи, нужно будетъ пріурочить къ болѣе позднему времени, т. е. къ 548 или 563 году.

Эти событія — сношенія Юстиніана съ Готами-тетракситами. Наши свѣдѣнія объ этой части великаго племени, оторванной какъ отъ главной массы, такъ и отъ таврическихъ Готовъ, занимавшихъ нагорную часть Крыма, исчерпываются сообщеніемъ Прокопія, De bell. Got. IV, 4 и 5. Считая излишнимъ пересказывать въ подробностяхъ свидѣтельство Прокопія, укажемъ лишь на главные пункты[2]). Готы-тетракситы были православные христіане, очень ревностные къ вѣрѣ; они никогда не знали аріанства, котораго держались ихъ соплеменники (очевидно, источникъ просвѣщенія ихъ христіанскимъ

1) За неимѣніемъ въ нашей библіотекѣ подлинника, сошлемся на переводъ: Clarke, Voyages en Russie, en Tartarie et en Turquie. Paris. 1813. II, стр. 234, 240, 247.—Нѣкоторыя дополненія къ этимъ свѣдѣніямъ даны у Гёрца, Археологическая топографія Таманскаго полуострова. Москва. 1870. стр. 63.

2) Переводъ этого мѣста Прокопія и подробный анализъ свѣдѣній о Готахъ-тетракситахъ сдѣланъ проф. Васильевскимъ: Русско-Византійскіе отрывки. VII. Житіе *Іоанна Готскаго*. Журн. Мин. Нар. Просв. 1878, часть CXCV, стр. 105 и сл.

ученіемъ былъ другой, и во время Ульфилы они были уже совершенно оторваны отъ главной массы своего племени). Они жили въ ближайшемъ общеніи и союзѣ съ гуннскимъ племенемъ Утургуровъ, съ которыми вмѣстѣ перешли на азіатскій берегъ Боспора изъ восточной части Крыма, которую дотолѣ занимали [1]). Готы разселились въ мѣстности, ближайшей къ проливу, т. е. на нынѣшнемъ Таманскомъ полуостровѣ (*καὶ οἱ Γότθοι ἱδρύσονται μὲν ἐν τῇ ἀντιπέρας ἠπείρῳ παρ᾽ αὐτὴν τῆς ἐκβολῆς μάλιστα τὴν ἀκτὴν, ἵνα δὴ καὶ τανῦν ἵδρυνται*, p. 479. B.), а Утургуры кочевали въ степяхъ по восточному побережью Азовскаго моря до теченія Дона, который составлялъ ихъ границу отъ кочевій родственнаго имъ племени Кутургуровъ, съ которыми они нѣкогда жили въ единствѣ въ приазовскихъ степяхъ. Когда Юстиніанъ утвердилъ христіанство въ странѣ Авазговъ, построилъ имъ храмъ во имя Богородицы (въ Пицундѣ) и далъ имъ священниковъ и епископа, то Готы-тетракситы, узнавъ объ этомъ, обратились къ нему съ просьбой помочь имъ въ ихъ духовныхъ нуждахъ. Незадолго до того у нихъ умеръ ихъ епископъ. Отправивъ въ Константинополь посольство изъ четырехъ человѣкъ, они просили Юстиніана прислать имъ новаго пастыря. Прибытіе этого посольства Прокопій пріурочиваетъ къ 21 году правленія Юстиніана, т. е. отъ 1 августа 547 до 31 іюля 548 года нашей эры. Императоръ ласково принялъ посольство и отправилъ епископа Готамъ. Прокопій прибавляетъ, что въ публичной аудіенціи Готы изложили только свою просьбу объ епископѣ, но въ тайномъ свиданіи дали весьма важныя сообщенія относительно тѣхъ выгодъ, какихъ императорское правительство можетъ достигать, поселяя раздоръ въ средѣ варварскихъ племенъ, занимающихъ тѣ дальнія области. Въ дальнѣйшемъ изложеніи Прокопій подробно разсказываетъ, какъ однажды въ послѣдующее время Юстиніанъ воспользовался враждою и завистью Утургуровъ къ ихъ соплеменникамъ Кутургурамъ, чтобы ослабить этихъ послѣднихъ и отомстить имъ за ихъ набѣги въ предѣлы имперіи (B. G. IV, 18 и 19)[2]). Въ походѣ

---

1) Изъ сообщеній Прокопія можно заключить, что возвращеніе Утургуровъ на азіатскій берегъ Боспора случилось во второй половинѣ V вѣка, т. е. было однимъ изъ эпизодовъ обратнаго движенія Гунновъ на востокъ, такъ какъ съ первымъ ихъ появленіемъ на европейскомъ континентѣ онъ связываетъ ту легенду объ оленѣ, показавшемъ бродъ, которую Іорданъ (Get. XXV, 5) пріурочиваетъ къ первому появленію въ Европѣ Гунновъ. Къ Гуннамъ вообще (поминая при этомъ и Утургуровъ, Οὐτρίγουροι), примѣняетъ эту легенду и Агаѳія, V, 11.

2) Муральтъ, въ своемъ Essai de chronographie Byzantine, помѣщаетъ заключеніе *перемирія между Лонгобардами* и Гепидами, слѣдствіемъ чего былъ призывъ г

Утургуровъ за Донъ принимали участіе и Готы въ количествѣ двухъ тысячъ человѣкъ. Отсюда можно заключить, что Готы-тетракситы были малочисленнѣе своихъ соплеменниковъ, Готовъ таврическихъ, такъ какъ эти послѣдніе выставляли три тысячи воиновъ (Proc., De aed. III, 7, p. 262. B.).

Пребываніе готскаго посольства въ Константинополѣ Прокопій относитъ къ 21 году правленія Юстиніана, т. е. 547—548 годъ. Съ 1 сентября 547 года начинается 11-ый индиктъ. Такъ какъ императоръ, повидимому, немедленно исполнилъ просьбу готовъ насчетъ назначенія имъ епископа, то въ нашей надписи и можно видѣть свидѣтельство объ одномъ изъ первыхъ дѣяній вновь прибывшаго духовнаго главы готской церкви. Быть можетъ, ея текстъ относится къ переустройству или обновленію церкви.

Въ связи съ этой датировкой надписи возникаетъ само собою возраженіе противъ дополненія ея текста въ 3-ей строкѣ, какъ то предлагаетъ уважаемый издатель. Недостающую часть строки онъ дополняетъ указаніемъ на консульство императора: [ἐφ' ὑπατία]ς. Какъ извѣстно, въ царствованіе Юстиніана нѣсколько разъ выходили задержки въ правильной смѣнѣ консулатовъ, и послѣ консульства Василія исконный римскій способъ обозначенія годовъ двумя именами прекратился. Самъ Юстиніанъ былъ пять разъ консуломъ, а именно въ годы: 521, 524, 528, 533 и 534 (см. Chronicon Paschale). Въ годъ, къ которому г. Латышевъ пріурочиваетъ новую надпись, Юстиніанъ былъ консуломъ въ четвертый разъ. Если бы его консульство было указано на надписи, то не могло бы не стоять при этомъ и обозначенія числа его консульства, т. е. τὸ δ', или τὸ τέταρτον, какъ и значится

слѣдними Кутургуровъ и вторженіе ихъ въ предѣлы имперіи, — подъ 550 годомъ (стр. 197), набѣгъ Кутургуровъ за Дунай — подъ 551 годомъ (стр. 198), а походъ Утургуровъ въ страну Кутургуровъ—подъ 553 годомъ (стр. 204). Первыя двѣ даты имѣютъ для своего опредѣленія синхронизмы съ событіями готскихъ войнъ Юстиніана въ Италіи (Proc. B. G. III, 34, 35; IV, 18); что же до третьей даты, то она установлена произвольно и, какъ намъ представляется, самое событіе отодвинуто слишкомъ далеко отъ того, съ которымъ оно связано. Если Юстиніанъ вторженіемъ Сандила, какъ называетъ Прокопій вождя Утургуровъ, хотѣлъ достигнуть того, чтобы Хиніалъ, вождь Кутургуровъ, отступилъ изъ предѣловъ имперіи, то эти оба событія не могли отстоять такъ далеко другъ отъ друга, и самый поздній срокъ для послѣдняго будетъ 552 годъ.— Агаѳія и Менандръ разсказываютъ о другомъ, повидимому, позднѣйшемъ, походѣ того же вождя Утургуровъ (котораго они называютъ Сандильхомъ) въ страну Кутургуровъ, который вызвалъ Юстиніанъ, чтобы сдѣлать диверсію противъ вторженія Заверганa (Ζαβεργάν). Agath. V, 24; Menan. frg. 3 (Müller, *F. H. G. IV, p. 202).*

то на надписи изъ Смирны, C. I. Gr. n. 9276 (которую цитируетъ г. Латышевъ въ примѣчаніи 4 на стр. 658). Такъ какъ для цифры нѣтъ, повидимому, мѣста, то и предположеніе, что передъ именемъ императора было указаніе на его консульство, теряетъ свою вѣроятность, какъ ни хорошо подходитъ предлагаемое дополненіе по числу буквъ. Нѣтъ надобности и поминать, что если принять нашу датировку надписи, т. е. отнести ее къ 548 году, то о консульствѣ въ ея текстѣ не можетъ быть и рѣчи. Нельзя ли предположить, что въ недостающей части 3-ей строки предъ именемъ императора стояло указаніе на его царствованіе, напр. прич. [βασιλεύοντο]ς[1]), или же какое либо выраженіе, указывающее на щедроту, милость или заботу императора, (напр. ἐκ προνοία]ς[2]), чему бы вполнѣ соотвѣтствовало стоящее въ 6-ой строкѣ слово σπουδῇ, указывающее на непосредственное исполненіе названнымъ ниже лицомъ милостивой воли императора.

Что касается остальныхъ дополненій въ текстѣ надписи, то два изъ нихъ предложены почтеннымъ издателемъ не съ полной увѣренностью, а именно: въ 8-й стр. [κόμητο]ς и въ 11-й — [ἐργο]λάβου. Оба эти дополненія онъ снабдилъ знакомъ вопроса. Мы съ своей стороны не имѣемъ предложить ничего другаго. Но по поводу перваго слова, которое является здѣсь по контексту титуломъ лица, имѣющаго непосредственное отношеніе къ городу, гдѣ красовалась нѣкогда на какомъ то сооруженіи эта надпись, позволимъ себѣ выразить сомнѣніе относительно того, будто здѣсь можетъ разумѣться императорскій комитъ, какъ допускаетъ то въ видѣ альтернативы г. Латышевъ (стр. 659). Посылка комита босфорскаго пролива (κ. τῶν στενῶν) Іоанна при Юстиніанѣ на Боспоръ послѣ гибели Грода ничего въ данномъ случаѣ не доказываетъ. То была чрезвычайная мѣра вызванная экстренными обстоятельствами, и само собою разумѣется, что пребываніе на Боспорѣ такого важнаго въ чиновной іерархіи лица не могло повести за собою умаленіе его титула. Вы-

---

1) Ср. C. I. Gr. n. 8646: βασιλεύοντος Ἰουστινιανοῦ τῷ ια' ἔτει... предлагаемое нами дополненіе въ 11 буквъ не превышаетъ возможности. Недостающая часть камня была одинаковой ширины съ той, которая сохранилась, а на этой послѣдней есть строка въ 12 буквъ, 8 и 9-ая, и даже 11—послѣдняя. По фотографіи, которую намъ любезно сообщилъ г. Думбергъ, видно, что имя императора было высѣчено бо́льшими буквами, чѣмъ остальныя слова и C, заканчивающая предшествующее слово, значительно меньше далѣе слѣдующихъ.

2) По аналогіи со стилемъ латинскихъ надписей того же времени, см. Wilmanns, Exempla inscr. lat. nn. 1096, 1097.

Утургуровъ за Донъ принимали участіе и Готы въ количествѣ двухъ тысячъ человѣкъ. Отсюда можно заключить, что Готы-тетракситы были малочисленнѣе своихъ соплеменниковъ, Готовъ таврическихъ, такъ какъ эти послѣдніе выставляли три тысячи воиновъ (Proc., De aed. III, 7, p. 262. B.).

Пребываніе готскаго посольства въ Константинополѣ Прокопій относитъ къ 21 году правленія Юстиніана, т. е. 547—548 годъ. Съ 1 сентября 547 года начинается 11-ый индиктъ. Такъ какъ императоръ, повидимому, немедленно исполнилъ просьбу готовъ насчетъ назначенія имъ епископа, то въ нашей надписи и можно видѣть свидѣтельство объ одномъ изъ первыхъ дѣяній вновь прибывшаго духовнаго главы готской церкви. Быть можетъ, ея текстъ относится къ переустройству или обновленію церкви.

Въ связи съ этой датировкой надписи возникаетъ само собою возраженіе противъ дополненія ея текста въ 3-ей строкѣ, какъ то предлагаетъ уважаемый издатель. Недостающую часть строки онъ дополняетъ указаніемъ на консульство императора: [ἐφ' ὑπατία]ς. Какъ извѣстно, въ царствованіе Юстиніана нѣсколько разъ выходили задержки въ правильной смѣнѣ консулатовъ, и послѣ консульства Василія исконный римскій способъ обозначенія годовъ двумя именами прекратился. Самъ Юстиніанъ былъ пять разъ консуломъ, а именно въ годы: 521, 524, 528, 533 и 534 (см. Chronicon Paschale). Въ годъ, къ которому г. Латышевъ пріурочиваетъ новую надпись, Юстиніанъ былъ консуломъ въ четвертый разъ. Если бы его консульство было указано на надписи, то не могло бы не стоять при этомъ и обозначенія числа его консульства, т. е. τὸ δ', или τὸ τέταρτον, какъ и значится

слѣдними Кутургуровъ и вторженіе ихъ въ предѣлы имперіи, — подъ 550 годомъ (стр. 197), набѣгъ Кутургуровъ за Дунай — подъ 551 годомъ (стр. 198), а походъ Утургуровъ въ страну Кутургуровъ—подъ 553 годомъ (стр. 204). Первыя двѣ даты имѣютъ для своего опредѣленія синхронизмы съ событіями готскихъ войнъ Юстиніана въ Италіи (Proc. B. G. III, 34, 35; IV, 18); что же до третьей даты, то она установлена произвольно и, какъ намъ представляется, самое событіе отодвинуто слишкомъ далеко отъ того, съ которымъ оно связано. Если Юстиніанъ вторженіемъ Сандила, какъ называетъ Прокопій вождя Утургуровъ, хотѣлъ достигнуть того, чтобы Хиніалъ, вождь Кутургуровъ, отступилъ изъ предѣловъ имперіи, то эти оба событія не могли отстоять такъ далеко другъ отъ друга, и самый поздній срокъ для послѣдняго будетъ 552 годъ.— Агаѳія и Менандръ разсказываютъ о другомъ, повидимому, позднѣйшемъ, походѣ того же вождя Утургуровъ (котораго они называютъ Сандильхомъ) въ страну Кутургуровъ, который вызвалъ Юстиніанъ, чтобы сдѣлать диверсію противъ вторженія Завергана (Ζαβεργάν). Agath. V, 24; Menan. frg. 3 (Müller, F. H. G. IV, p. 202).

то на надписи изъ Смирны, C. I. Gr. n. 9276 (которую цитируетъ г. Латышевъ въ примѣчаніи 4 на стр. 658). Такъ какъ для цифры нѣтъ, повидимому, мѣста, то и предположеніе, что передъ именемъ императора было указаніе на его консульство, теряетъ свою вѣроятность, какъ ни хорошо подходитъ предлагаемое дополненіе по числу буквъ. Нѣтъ надобности и поминать, что если принять нашу датировку надписи, т. е. отнести ее къ 548 году, то о консульствѣ въ ея текстѣ не можетъ быть и рѣчи. Нельзя ли предположить, что въ недостающей части 3-ей строки предъ именемъ императора стояло указаніе на его царствованіе, напр. прич. [βασιλεύοντο]ς[1]), или же какое либо выраженіе, указывающее на щедроту, милость или заботу императора, (напр. ἐκ προνοία]ς[2]), чему бы вполнѣ соотвѣтствовало стоящее въ 6-ой строкѣ слово σπουδῇ, указывающее на непосредственное исполненіе названнымъ ниже лицомъ милостивой воли императора.

Что касается остальныхъ дополненій въ текстѣ надписи, то два изъ нихъ предложены почтеннымъ издателемъ не съ полной увѣренностью, а именно: въ 8-й стр. [κόμητο]ς и въ 11-й — [ἐργο]λάβου. Оба эти дополненія онъ снабдилъ знакомъ вопроса. Мы съ своей стороны не имѣемъ предложить ничего другаго. Но по поводу перваго слова, которое является здѣсь по контексту титуломъ лица, имѣющаго непосредственное отношеніе къ городу, гдѣ красовалась нѣкогда на какомъ то сооруженіи эта надпись, позволимъ себѣ выразить сомнѣніе относительно того, будто здѣсь можетъ разумѣться императорскій комитъ, какъ допускаетъ то въ видѣ альтернативы г. Латышевъ (стр. 659). Посылка комита босфорскаго пролива (κ. τῶν στενῶν) Іоанна при Юстиніанѣ на Боспоръ послѣ гибели Грода ничего въ данномъ случаѣ не доказываетъ. То была чрезвычайная мѣра вызванная экстренными обстоятельствами, и само собою разумѣется, что пребываніе на Боспорѣ такого важнаго въ чиновной іерархіи лица не могло повести за собою умаленіе его титула. Вы-

1) Ср. C. I. Gr. n. 8646: βασιλεύοντος Ἰουστινιανοῦ τῷ ια' ἔτει... предлагаемое нами дополненіе въ 11 буквъ не превышаетъ возможности. Недостающая часть камня была одинаковой ширины съ той, которая сохранилась, а на этой послѣдней есть строка въ 12 буквъ, 8 и 9-ая, и даже 11—послѣдняя. По фотографіи, которую намъ любезно сообщилъ г. Думбергъ, видно, что имя императора было высѣчено бо́льшими буквами, чѣмъ остальныя слова и С, заканчивающая предшествующее слово, значительно меньше далѣе слѣдующихъ.

2) По аналогіи со стилемъ латинскихъ надписей того же времени, см. Wilmanns, Exempla inscr. lat. nn. 1096, 1097.

сокій сановникъ не могъ обратиться въ комита ничтожнаго захолустнаго города. Самый эпитетъ, прибавленный къ титулу лица, помянутаго въ нашей надписи, λαμπρότατος въ стр. 7-й, стоитъ въ противорѣчіи съ обычной титулатурой комитовъ, какъ отличаетъ это и самъ г. Латышевъ (прим. 2 на стр. 659). Если и можно принять здѣсь дополненіе κόμης, то единственную аналогію можетъ дать лишь надпись царя Диптуна (Inscr. Reg. Bosp. n. 49[1]), въ которой помянутъ, по видимому, также комитъ съ варварскимъ именемъ Ὀπαδῖνος. Нашъ извѣстный спеціалистъ по исторіи церкви, проф. Болотовъ, съ которымъ мы имѣли случай сноситься по поводу нѣкоторыхъ вопросовъ, вызываемыхъ этой надписью, высказалъ предположеніе, не слѣдуетъ ли здѣсь дополнить иначе, а именно: [τοῦ πρωτεύοντο]ς, что мы, съ любезнаго разрѣшенія г. Болотова, представляемъ на компетентное сужденіе почтеннаго издателя[1]). Какъ извѣстно, титулъ этотъ существовалъ въ Крыму въ болѣе позднія времена[2]) и удержался въ періодъ генуэзскаго господства въ формѣ *propto*[3]).

Тому же г. Болотову принадлежитъ и другая догадка, которая представляется намъ въ высшей степени вѣроятной. Въ стр. 9-й читается имя Ανγουλα. Г. Латышевъ дополняетъ его, ссылаясь на Onomasticon Де-Вита, слогомъ του и читается Ἀνγουλάτου. Но благодаря этому, является затрудненіе въ дополненіи почетнаго эпитета къ чину τριβοῦνος, стоящему въ 10-й стр. Обычный эпитетъ этого званія, какъ отмѣчаетъ это и г. Латышевъ, есть λαμπρότατος; но такъ какъ для этого слова не хватаетъ мѣста, то почтенный издатель затрудняется найти подходящее болѣе короткое слово. Г. Болотовъ предлагаетъ читать такъ: Ἀνγουλᾶ [τοῦ λαμπρο]τάτου τριβού[νου]. Если имя Ἀνγουλᾶς и не засвидѣтельствовано въ этой формѣ, то аналогичныхъ варварскихъ именъ слишкомъ много у византійскихъ писателей и на надписяхъ, чтобы не считать вѣроятнымъ существованіе и этого.

Чтобы закончить нашу замѣтку, возвращаемся еще къ вопросу о городѣ, территоріи котораго слѣдуетъ пріурочить нашъ памятникъ. Высказываясь за Фанагорію, мы имѣли въ виду, кромѣ археологическихъ основаній, свидѣтельство церковныхъ источниковъ о суще-

1) Въ надписи царя Диптуна онъ самъ такъ именно дополнилъ сохранившійся слогъ πρω—въ 7-й строкѣ.

2) Const. Porph., De adm. imp. c. 42.

3) Договоръ консула Gis. del Bosco съ татарскимъ владѣтелемъ Солгата въ 1381 году. См. Брунъ, Черноморье, II, стр. 228.

ствованія епископской каѳедры въ этомъ именно городѣ. Епископъ Фанагорійскій Іоаннъ участвовалъ въ цареградскомъ соборѣ 518 года[1]). Проф. Васильевскій, въ своемъ предисловіи къ переводу житія Іоанна Готскаго, высказалъ съ полной увѣренностью мысль, что Готы-тетракситы въ 548 году хлопотали о замѣщеніи этой именно каѳедры и прибавилъ замѣчаніе, что эта каѳедра продолжала «впослѣдствіи свое существованіе подъ именемъ Тмутараканской (τῶν Ματάρχων), то есть, что̀ то же, Тетракситской»[2]).— Это предположеніе чрезвычайно заманчиво, и у Прокопія есть одно сообщеніе, которое могло бы навести на мысль, что перенесеніе епископской резиденціи случилось именно въ половинѣ VI вѣка, и тогда нашу надпись пришлось бы пріурочить къ территоріи города Метархи или Таматархи, будущей Тмутаракани. Разумѣемъ свидѣтельство о полномъ разрушеніи Фанагоріи около этого времени[3]). Но такъ какъ въ первые годы VIII вѣка Фанагорія существуетъ и здѣсь именно поселенъ былъ изгнанный изъ Константинополя имп. Юстиніанъ II послѣ брака съ сестрой хазарскаго хагана Ѳеодорой, то очевидно, что Фанагорія подверглась во время Юстиніана I не разрушенію, а лишь разоренію, отъ котораго и оправилась впослѣдствіи. Что же касается до начала Таматархи, то оно остается и досель темнымъ и для проясненія этого мрака остается одна надежда, что солдаты Суворова уничтожили не всѣ камни съ надписями, которые оставило намъ въ наслѣдіе проживавшее тамъ нѣкогда населеніе, и богатая въ археологическомъ отношеніи почва тѣхъ мѣстъ хранитъ въ себѣ еще много цѣнныхъ памятниковъ.

По вопросу о судьбѣ епископской каѳедры въ тѣхъ предѣлахъ существующіе литературные памятники позволяютъ лишь констатировать полное отсутствіе извѣстій о Фанагорійской епископіи послѣ 518 года. Ни въ одномъ изъ многочисленныхъ списковъ епархій Константинопольскаго престола (Notitiae episcopatuum) нѣтъ упоминанія

---

1) Ошибочную датировку этого собора, а именно пріуроченіе его къ 519 году, которая принята у Ле-Кіена, Oriens Christianus, I, p. 1328, повторили и мы въ изслѣдованіи о Керченской христіанской катакомбѣ 491 года (Матерьялы изд. Имп. Арх. Ком., вып. 6, стр. 28). За указаніе на эту погрѣшность приносимъ благодарность В. В. Болотову.

2) o. c., стр. 115.

3) Proc. B. G. IV, 5 p. 480. B. καὶ ἄλλα δὲ πολίσματα δύο ἀγχοῦ Χερσῶνος, Κῆποί τε καὶ Φανάγουρις καλούμενα, Ῥωμαίων κατήκοα ἐκ παλαιοῦ τε καὶ ἐς ἐμὲ ἦν. ἅπερ οὐ πολλῷ ἔμπροσθεν βαρβάρων τῶν πλησιοχώρων ἐλθόντες τινὲς ἐς ἔδαφος καθεῖλον. — Ошибка Прокопія насчетъ близости этихъ городовъ къ Херсону не имѣетъ, конечно, никакого значенія и не ослабляетъ важности этого свѣдѣнія.

имени Фанагоріи. Въ одномъ изъ болѣе раннихъ, notitia Basilii, который пріурочивается ученымъ издателемъ къ началу VII вѣка[1]), названы три каѳедры на сѣверномъ побережьи Чернаго моря: Херсонъ, Воспоръ и Никопсія, совершенно также какъ значится это у болѣе ранняго Епифанія[2]). Не лишено интереса отмѣтить, что въ Not. Basilii боспорская епархія обозначена такъ: ἐπαρχία τῆς αὐτῆς (т. е. Ζιχχίας) ὁ Βοσπόρων (v. 66). Не будетъ ли справедливо предположить, что множ. ч. указываетъ на соединеніе обоихъ береговъ и двухъ нѣкогда (какъ было напр. въ 518 году) епархій въ одну? Что же касается до епархіи Матархійской, то этотъ вопросъ остается пока въ полной неясности и раньше XI вѣка врядъ ли возможно предполагать ея существованіе[3]). Такимъ образомъ, если наша надпись можетъ быть приведена въ связь съ назначеніемъ епископа готамъ-тетракситамъ, то ее слѣдуетъ пріурочить къ территоріи города Фанагоріи, существованіе котораго въ ту пору является весьма вѣроятнымъ, не смотря на свидѣтельство Прокопія.

1) Georgii Cyprii Descriptio orbis Romani, ed. Gelzer.—О хронологіи памятника, см. р. XVI.

2) Const. Porphyr., De caer. II, c. 54, p. 794. B.—О хронологіи см. Krumbacher, Gesch. der byz. Lit., стр. 161.

3) Каѳедра эта помянута въ одной *notitia*, относимой къ XI вѣку, см. Byz. Zeitsch., p. 255 v. 124 (τὰ Μέτραχα), ср. ib. II, стр. 65.— Утвержденіе преосв. Макарія — Ист. христ. въ Росс., 67 изд., 1868, стр. 80,—что о ней упоминается въ IX вѣкѣ, есть по видимому недоразумѣніе. — По замѣчанію проф. Болотова, не заслуживаетъ особеннаго довѣрія и самое свидѣтельство названной выше notitia.

Ю. Кулаковскій.

ОТДѢЛЪ II.

1. Критика.

Robert Crampe, *Philopatris. Ein heidnisches Konventikel des siebenten Jahrhunderts zu Constantinopel.* Halle, Max Niemeyer. 1894. 62 стр.

Псевдо-Лукіановскій діалогъ «Филопатрисъ», имѣющій уже обширную литературу, продолжаетъ привлекать къ себѣ вниманіе ученыхъ, и такимъ образомъ число гипотезъ о его происхожденіи и цѣли все умножается. Геснеръ, впервые поколебавшій старинное мнѣніе объ авторствѣ Лукіана Самосатскаго, отнесъ діалогъ къ царствованію имп. Юліана,— къ 363 году. Въ нашемъ столѣтіи взглядъ Геснера защищали—Чирнеръ, Неандеръ и Келльнеръ. Отрицательная сторона Геснеровой гипотезы оказалась имѣющею весьма солидныя научныя основанія, и потому одинокая попытка Келле возвратиться къ старинному мнѣнію прошла совершенно безслѣдной. Но положительная ея часть далеко не имѣла такого успѣха въ наукѣ. Эгеманнъ нашелъ болѣе удобнымъ пріурочить «Филопатрисъ» къ царствованію Валента (364—378 гг.). Это мнѣніе, впрочемъ, до настоящаго времени тоже пока остается совершенно одинокимъ. Гораздо большій успѣхъ имѣло воззрѣніе извѣстнаго историка Нибура, который, опираясь на основанія, представленныя филологомъ Газе, считаетъ діалогъ продуктомъ позднѣйшей византійской письменности и относитъ его къ царствованію имп. Никифора Фоки (963—969 гг.). Взглядъ Нибура вполнѣ принятъ Гфрёреромъ. Въ существенныхъ чертахъ его раздѣляютъ — Вессигъ, Крумбахеръ и Анингеръ, — только они вмѣсто Никифора берутъ Іоанна Цимисхія (969—976 гг.). Но считаться окончательно рѣшеннымъ вопросъ о «Филопатрисѣ» всетаки не могъ. Это и побудило автора книги, заглавіе которой мы выписали выше, пересмотрѣть его заново.

Работа Крампе отличается большими достоинствами. Въ числѣ этихъ достоинствъ должны быть прежде всего названы: обстоятельность изслѣдованія, выразившаяся въ томъ, что авторъ не оставляетъ въ діалогѣ почти ни одной даже самой мелкой подробности, не освѣтивши и не ис

ковавши ея съ точки зрѣнія своей теоріи; — объективность, заставляющая его съ самой похвальной добросовѣстностью отмѣчать не только то, что говоритъ въ его пользу, но и то, что не мирится съ его теоріей; — обиліе историческихъ справокъ и параллелей, сообщающее книгѣ, не смотря на ея малый объемъ, характеръ весьма большой научности, и т. п. Вообще, по нашему мнѣнію, изслѣдованіе это пройти незамѣченнымъ не должно. Хотя-бы, въ концѣ концовъ, взглядъ Крампе и оказался невѣрнымъ, его теорія, во всякомъ случаѣ, является серьезнымъ и заслуживающимъ полнаго вниманія вызовомъ, обращеннымъ къ византинистамъ, — указать наконецъ «Филопатрису» надлежащее мѣсто среди историческихъ памятниковъ древности. Цѣлью настоящей замѣтки является — опредѣлить научное значеніе изслѣдованія Крампе. Свое положительное мнѣніе о происхожденіи и цѣли діалога мы надѣемся раскрыть въ другомъ мѣстѣ.

Крампе утверждаетъ, что цѣлью «Филопатриса» было — «возбудить императора Ираклія (610—641 гг.) противъ одного тайнаго языческаго общества его столицы» (S. 5), имѣвшаго своей задачей возстановленіе язычества при помощи персовъ, которые вели въ это время войну съ Иракліемъ (SS. 33—35, 58). Къ установкѣ этой гипотезы онъ подходитъ чрезвычайно быстро, указывая весьма точные и не далеко отстоящие одинъ отъ другаго «terminus, a quo» и «terminus, ad quem» написанія нашего діалога. Для установки перваго ему служитъ упоминаніе однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ діалога (Тріефонтомъ) объ избіеніи дѣвицъ на о. Критѣ: «οἶδα δὲ μυρίας (т.-е. παρθένους) διαμελεϊστὶ τμηθείσας νήσῳ ἐν ἀμφιρύτῃ, Κρήτην δέ τέ μιν καλέουσιν» (cap. 9). Это избіеніе, — онъ полагаетъ, — случилось во время нападенія славянъ на Критъ, записаннаго у сирскаго пресвитера Ѳомы подъ 623 годомъ (Anecdota syriaca, ed. Land, I, 115), но дѣйствительно случившагося, по мнѣнію Крампе, въ 621 г. (S. 38 ff.). Что же касается до «terminus, ad quem», то онъ опредѣляется изъ словъ другаго дѣйствующаго лица (Клеолая), появляющагося лишь въ концѣ діалога: «Πέπτωκεν ὀφρῦς ἡ πάλαι βοωμένη Περσῶν καὶ Σοῦσα κλεινὸν ἄστυ» (cap. 29). Разъ рѣчь идетъ о войнѣ съ персами, то очевидно, что сатира должна быть написана еще до паденія персидскаго царства, которое, какъ извѣстно, случилось въ 642 г. Такимъ образомъ, получается промежутокъ времени всего около 20 лѣтъ, и на это время падаетъ только одно царствованіе, — именно Ираклія (S. 31). Такой результатъ нельзя не признать болѣе чѣмъ благопріятнымъ для дальнѣйшаго пониманія и истолкованія сатиры во всѣхъ подробностяхъ ея содержанія. Если только признать этотъ результатъ прочно установленнымъ, то сужденіе о тенденціи діалога, о смыслѣ тѣхъ или иныхъ его историческихъ указаній и т. п. — становится весьма легкимъ, потому что для этого требуется только болѣе или менѣе обстоятельное знакомство съ характеромъ и стремленіями имп. Ираклія и съ событіями его царствованія. Въ самомъ дѣлѣ, разъ сатира написана въ угоду императору (что̀ со всею ясностью

видно изъ заключительной части діалога), — а Ираклій былъ царемъ благочестивымъ и горячо приверженнымъ къ интересамъ православія и іерархіи, — то очевидно, что авторомъ ея могъ быть только православный, а направлялась она противъ еретиковъ или язычниковъ. Крампе дѣйствительно такъ именно и думаетъ, — автора считаетъ православнымъ (SS. 12—21), а осмѣиваемыхъ язычниками (SS. 23—30). Далѣе онъ находитъ, что высказываемое въ 29 гл. желаніе, чтобы Египетъ былъ покоренъ («ἴδωσι τὰ τέκνα... Αἴγυπτον δουλουμένην») потеряло бы всякій смыслъ послѣ 628 г.; а то обстоятельство, что сатирикъ желаетъ возбудить императора противъ осмѣиваемыхъ имъ лицъ, указываетъ на время, когда Ираклій былъ или въ Константинополѣ, или же въ его ближайшихъ окрестностяхъ (S. 36). Временемъ, удовлетворяющимъ обоимъ этимъ условіямъ, можетъ, по его мнѣнію, быть только зима съ 622 на 623 г. (ibid.). Такъ опредѣляетъ авторъ въ I гл. историческую ситуацію и тенденцію сатиры. II гл. представляетъ уже характеристику, — на основаніи Филопатриса въ сопоставленіи съ другими историческими извѣстіями, — того языческаго общества, существованіе котораго предполагается самыми условіями появленія этой сатиры (SS. 48—62).

Таково существенное содержаніе изслѣдованія Крампе. Легко видѣть, что его научная цѣнность зависитъ отъ двухъ условій: во-первыхъ, отъ того, насколько вѣрно намѣчены хронологическіе пункты, между которыми слѣдуетъ помѣщать написаніе «Филопатриса», и во-вторыхъ, — отъ того, насколько подходитъ его дѣйствительная тенденція къ такой исторической обстановкѣ.

а) Что касается до «terminus, ad quem», то установка его является въ гипотезѣ Крампе самымъ прочнымъ положеніемъ. Персія пала въ 642 г. подъ ударами сарацинъ, и съ тѣхъ поръ персы совершенно перестаютъ фигурировать въ византійской исторіи, какъ политическій противникъ имперіи. Въ этомъ отношеніи гипотеза Крампе имѣетъ явное преимущество предъ Газе-Нибуровой гипотезой, которая, чтобы справиться съ этимъ упоминаніемъ о персахъ, безъ достаточныхъ основаній предлагаетъ разумѣть подъ ними сарацинъ. Употребленіе слова персы для обозначенія извѣстной части мусульманъ становится обычнымъ со времени преобладанія турокъ-сельджуковъ и встрѣчается у византійскихъ писателей XI (Пселла) и XII-го вѣка, но для X-го вѣка мы не находимъ такихъ примѣровъ. Иначе обстоитъ дѣло съ «terminus, a quo». Мы должны сказать, что простаго извѣстія пресвитера Ѳомы о нападеніи славянъ на Критъ отнюдь не достаточно, чтобы утверждать, что въ этотъ именно разъ избито 10,000 дѣвицъ. Мало-ли могло быть и дѣйствительно было войнъ на Критѣ?

Но мало того, что нѣтъ достаточно вѣскихъ положительныхъ основаній, чтобы считать это нападеніе славянъ на Критъ за «terminus, a quo» Филопатриса; — хронологическая дата самаго этого событія еще настолько шатка, что можетъ быть перестановлена совсѣмъ не въ интересахъ тео-

ріи Крампе. Относя сатиру къ царствованію Ираклія, онъ находитъ, что она могла быть написана не позднѣе зимы съ 622 на 623 годъ. Но чтобы по отношенію къ этой датѣ избіеніе дѣвицъ было раннѣйшимъ событіемъ, онъ утверждаетъ, что записанное пресвитеромъ Ѳомою нападеніе славянъ на Критъ случилось не въ 623 г. (какъ у Ѳомы), а въ 621 г. Но основанія для этого намъ далеко не кажутся достаточными. Подъ 623 г. у Ѳомы упоминаются слѣдующія событія: нападеніе славянъ на Критъ и другіе острова, занятіе Родоса персами и походъ Ираклія. Ошибку здѣсь дѣйствительно есть основанія предполагать, — только совсѣмъ не въ той датѣ, въ какой хочетъ Крампе. У Ѳомы перечень этихъ событій данъ въ такомъ порядкѣ: 1) anno 934... (annus Seleucid. 934 = = A. D. 623); 2) anno 934... и 3) eodem anno... Слѣдовало бы ожидать, что онъ и при второмъ годѣ скажетъ «eodem anno». Если же онъ ставитъ здѣсь число, то оно собственно должно бы отличаться отъ того числа, какимъ помѣченъ первый годъ. Отсюда естественно принять, что при второмъ годѣ вмѣсто 934 = 623 должно быть написано 935 = 624, или же — при первомъ 933 = 622, а можетъ быть даже и раннѣйшій годъ, напр. 621, какъ у Крампе (Vgl. Gerland, Die pers. Feldzüge d. Kaisers Herakleios, въ Byzant. Zeitschr., 1894, B. III, H. 2, SS. 335 — 336). Но если мы примемъ поправку для перваго года, то 623 г., остающійся въ качествѣ хронологической даты втораго Ираклієва похода, будетъ не вѣренъ (см. Gerland, ibid, 339). Ergo, поправку нужно сдѣлать во второмъ годѣ, а первый оставить безъ перемѣны.

Но и помимо этого есть еще основанія признавать 623 г. вѣрною хронологической датой для нападенія славянъ на Критъ. Славяне Иракліева времени въ своихъ хищническихъ походахъ обыкновенно дѣйствовали вмѣстѣ съ аварами (Theophanis Chronogr., ed. De Boor, p. 315, Georgii Pisidae, Bell. avar., vv. 409 sqq. 197 sqq.). Но въ 623 г. и было именно первое нападеніе аваровъ на имперію при Ираклѣ (Gerland, 336). Естественно предположить участниками этого нападенія и ихъ обычныхъ союзниковъ—славянъ. Характеръ же нападеній этихъ аварскихъ союзниковъ можно видѣть изъ одного мѣста Георгія Пизиды въ его описаніи второго нападенія аваровъ на Византію (626 г.). Оказывается, что именно славяне дѣйствовали на морѣ (Bell. avar., v.v. 409—412). Въ первое аварское нашествіе они могли не ограничиться грабежомъ византійскаго побережья, а напасть и на острова. Такимъ образомъ, сообщеніе пресвитера Ѳомы будетъ совершенно справедливо.

Крампе въ пользу своего мнѣнія ссылается на одно мѣсто изъ II пѣсни «Иракліады» того же Георгія Пизиды, ст. 75 и слѣд., гдѣ говорится, что славяне, какъ волки, опустошали землю и море. Снося это мѣсто съ ст. 101 — 107 той же пѣсни, гдѣ говорится о томъ, что, усмиряя этихъ варваровъ, царь не забывалъ, что главный источникъ всѣхъ золъ все-таки есть Персія, Крампе заключаетъ, что это случилось до перваго персидскаго похода Ираклія, т. е. до 622 г. (Crampe, S. 40). Но это заклю-

ченіе совершенно не вѣрно. Въ цитируемыхъ мѣстахъ говорится о событіяхъ 626 года, предшествовавшихъ третьему походу.

b) Для опредѣленія тенденціи сатиры, Крампе доказываетъ два положенія: 1) что авторъ сатиры есть православный христіанинъ и расположенъ къ клиру; 2) что осмѣиваемые въ ней суть язычники. Тѣ и другія доказательства не отличаются убѣдительностью.

1) Доказательства перваго положенія открываются утвержденіемъ, что изъ дѣйствующихъ лицъ діалога выразителемъ мнѣній автора является христіанинъ Тріефонтъ (S. 13). Это утвержденіе, прежде всего, не вѣрно, а затѣмъ — и ничего не доказываетъ. Оно не вѣрно, потому что всѣ патріотическія рѣчи произносятся другимъ дѣйствующимъ лицомъ, Критіемъ, который и есть собственно «Φιλόπατρις»; а Критій выведенъ язычникомъ или уже, во всякомъ случаѣ, далеко не православнымъ христіаниномъ. Оно ничего не доказываетъ, потому что автора только тогда можно бы было счесть православнымъ, если бы выразитель его мнѣній былъ не просто христіаниномъ, а именно тоже православнымъ. Въ противномъ же случаѣ, какъ сознается и самъ Крампе, сатира не могла бы соотвѣтствовать видамъ благочестиваго и православнаго государя Ираклія. А доказать, что Тріефонтъ мыслитъ православно, невозможно.

Главнымъ препятствіемъ считать автора сатиры православнымъ служатъ его насмѣшки надъ церковнымъ догматомъ троичности (Критій называетъ клятву тріединымъ Богомъ «ариѳметическою клятвой» и самую Троицу — такимъ же вздоромъ, какъ «пиѳагорейская четверица, восьмерица или тридцатерица», Philop. c. 12). Крампе въ рѣчахъ объ этомъ догматѣ не согласенъ признать насмѣшки и ссылается при этомъ на то, что Тріефонтъ будто бы «строго отклоняетъ насмѣшливое замѣчаніе объ ариѳметической клятвѣ» (S. 14). Но мы въ отвѣтѣ Тріефонта никакой «строгости» не видимъ. Напротивъ, слова его: «замолчи — здѣсь идетъ рѣчь не о томъ, чтобы измѣрять слѣды блохъ... меня научилъ этому лысый длинноносый галилеянинъ, восходившій на третье небо» и пр. (Philop. c. 12) — самымъ яснымъ образомъ показываютъ, что автору въ сущности нравится острословіе Критія. А нѣсколько ниже (cap. 13) встрѣчаемъ насмѣшку надъ священнымъ бытописателемъ Моисеемъ, который вмѣсто собственнаго имени названъ просто «заикой» (βραδύγλωσσος). Неужели все это прилично православному автору? Относительно «длиннаго носа» у лысаго галилеянина самъ Крампе сознается, что этотъ носъ «сдѣлался роковымъ для діалога; онъ привелъ толкователей къ мысли, что здѣсь дается каррикатура какого либо христіанскаго проповѣдника» (S. 19). И по нашему мнѣнію, это — самое естественное предположеніе; возможно, что здѣсь разумѣется ап. Павелъ. Но Крампе полагаетъ, что авторъ имѣлъ въ виду опредѣленную личность изъ современниковъ и желалъ дать ея точное описаніе, — подобно тому, какъ Ксенофонтъ не видѣлъ ничего дурного въ сообщеніи о томъ, что Сократъ былъ к—

носъ. Не трудно видѣть, какъ неестественна эта догадка. То обстоятельство, что авторъ лысаго галилеянина называетъ «εἰς τρίτον οὐρανὸν ἀεροβατήσας», не оставляетъ никакого сомнѣнія въ насмѣшливомъ характерѣ упоминанія о немъ, потому что именемъ «ἀεροβατοῦντες» онъ называетъ также и осмѣиваемыхъ имъ «треклятыхъ софистовъ» (Philop., c. c. 9, 29). Что же касается насмѣшки надъ Моисеемъ, то Крампе ее просто обходитъ молчаніемъ. Противъ православности автора говоритъ и питаемое имъ особенное уваженіе къ «Невѣдомому Богу въ Аѳинахъ» (ὁ Ἄγνωστος ἐν Ἀθήναις, — c. c. 29, 8).

Столь же неудачно доказываетъ Крампе и то, что авторъ не враждебенъ клиру. Въ «дурно одѣтомъ и остриженномъ человѣкѣ съ горъ», о которомъ упоминаетъ 21 гл. діалога, всѣ изслѣдователи видятъ монаха, и Крампе съ этимъ не споритъ (S. 21). Но связь его съ осмѣиваемыми въ сатирѣ лицами, — Харикеномъ, Хлевохармомъ и блѣднолицыми визіонерами, — совершенно ясна.

2) Переходя къ доказательству той мысли, что осмѣиваемые въ сатирѣ блѣднолицые визіонеры (capp. 23—26) суть язычники, Крампе почти не считается съ тѣмъ самымъ естественнымъ предположеніемъ, что это — монахи. Въ этомъ отношеніи онъ ограничивается однимъ замѣчаніемъ: «Развѣ только между ними были такіе, которые постились, бодрствовали по ночамъ и получали видѣнія?» (S. 23). Во всякомъ случаѣ бдѣніе, постъ и видѣнія — это самыя характерныя черты монашеской жизни, и заставляютъ прежде всего вспомнить о христіанскихъ монахахъ.

Чтобы отнести эти черты къ язычникамъ, Крампе старается доказать двѣ вещи: во-первыхъ, — что въ религіозной практикѣ язычества дѣйствительно существовало нѣчто подобное, и во вторыхъ, что самые язычники существовали въ Византіи при Иракліѣ. Перваго рода доводы (S. 25), пожалуй, еще можно признать убѣдительными, хотя всетаки они не содержатъ никакихъ данныхъ, которыя принуждали бы признать подъ этими чертами скорѣе язычниковъ, чѣмъ монаховъ. Но доводы въ пользу существованія въ Византіи VII вѣка язычниковъ въ такомъ числѣ и съ такими надеждами, какъ слѣдовало бы предполагать по «Филопатрису» (SS. 28 ff.), далеко не отличаются убѣдительностью. Источникомъ для нихъ служатъ два сочиненія: 1) патріарха Софронія — О чудесахъ александрійскихъ святыхъ Кира и Іоанна и 2) Іоанна Мосха — Лугъ духовный.

Софроній разсказываетъ о превращеніи одного ученаго александрійскаго врача, по имени Гезія, который крестился единственно по страху предъ императоромъ, продолжая оставаться тайнымъ язычникомъ, въ искренняго христіанина, вслѣдствіе исцѣленія его отъ болѣзни свв. Киромъ и Іоанномъ, и — о нѣкоемъ Агапіѣ, серебряныхъ дѣлъ мастерѣ въ Александріи, который отличался ревностнымъ идолослуженіемъ и избѣгъ смертной казни только благодаря подкупу судей (SS. 29—30). Мосхъ

разсказываетъ объ одномъ александрійскомъ юношѣ, крестившемся только изъ страха смертной казни (ibid.). Этими примѣрами, по мнѣнію Крампе, достаточно доказывается существованіе приверженцевъ старой вѣры въ VII вѣкѣ (S. 31). Но если мы обратимъ вниманіе на то, что, во-первыхъ, этихъ примѣровъ очень мало, — во-вторыхъ, всѣ они относятся къ Александріи, а не къ Константинополю, и — въ третьихъ, какъ видно изъ этихъ же самыхъ примѣровъ, язычники въ то время должны были, подъ страхомъ смерти, скрывать свои религіозныя убѣжденія, то мы безъ труда поймемъ, насколько смѣлою гипотезой будетъ допустить существованіе въ Константинополѣ VII вѣка большаго числа язычниковъ, открыто собирающихся на улицахъ и мечтающихъ о государственномъ переворотѣ въ интересахъ своей религіи (Phil. c. 19 sq.).

Кромѣ того, предположеніе Крампе, что «Филопатрисъ» направлялся противъ язычниковъ, сочувствовавшихъ персамъ, опровергается еще полнымъ молчаніемъ автора о персидскихъ симпатіяхъ блѣднолицыхъ визіонеровъ. Непонятнымъ также, съ точки зрѣнія Крампе, является и то, зачѣмъ въ діалогѣ въ качествѣ патріота является язычникъ Критій: если бы авторъ желалъ очернить въ глазахъ императора язычниковъ, какъ плохихъ патріотовъ, то ему не слѣдовало бы такъ дѣлать.

Такимъ образомъ, основанія гипотезы Крампе мы должны признать недостаточными. Научно цѣнною является лишь его установка «terminus, ad quem» нашей сатиры. Заслуживаютъ также вниманія его филологическія и археологическія толкованія на различныя мѣста діалога. Но мы здѣсь этихъ толкованій касаться не будемъ.

П. Тихомировъ.

Москва.
28 октября 1894 г.

Ив. Соколовъ, *Состояніе монашества въ Византійской церкви съ половины IX до начала XIII вѣка (842 — 1204).* Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія. Казань. 1894. 8°. 536 + XII стр.

Книга г. Соколова, хотя есть не болѣе, какъ первый опытъ молодаго, только еще начинающаго автора, представляетъ собою, однакожъ, одно изъ наиболѣе отрадныхъ явленій въ области русской церковной византологіи послѣдняго времени. Это трудъ весьма цѣнный въ научномъ отношеніи, и притомъ «трудъ» въ собственномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ посвященъ предмету, изученіе котораго сопряжено со многими весьма важными трудностями, вытекающими, между прочимъ, изъ чрезвычайнаго обилія и разнообразія матеріала при крайней его разбросанности, отрывочности и неразработанности. Какъ много труда нужно было положить автору на разысканіе, подборъ и изученіе источниковъ, — это можно видѣть изъ перечня ихъ, представленнаго имъ въ предисловіи къ изслѣдованію. Авторъ дѣлитъ свои источники на шесть группъ, причемъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ группъ насчитывается по нѣскольку десятковъ памятниковъ и сочиненій, болѣе или менѣе объемистыхъ. Такъ, въ

первой группѣ, куда отнесены источники чисто-историческаго характера—хроники, лѣтописи, исторіи, записки и т. п., помѣчено 40 №№, во *второй*, состоящей изъ житій и біографій святыхъ и подвижниковъ—63 №№, въ *третьей*—письма, слова, рѣчи, похвалы—13 №№, въ *четвертой*—хрисовулы, сигилліоны, грамоты патріарховъ и проч.—22 №№, въ *пятой*—паломники — 8 №№, въ *шестой* — каталоги библіотекъ и надписи — 6 №№, итого 172 №№. Можно себѣ представить, сколько труда долженъ былъ потратить авторъ на подборъ и изученіе столь многочисленныхъ источниковъ, особенно если принять во вниманіе, что очень многіе изъ нихъ помѣщены въ весьма рѣдкихъ и малодоступныхъ изданіяхъ, а нѣкоторые и вовсе еще не изданы и содержатся въ рукописяхъ. Слѣдовательно, автору приходилось пользоваться не только печатнымъ матеріаломъ, но и рукописнымъ, а пользованіе рукописями всегда сопряжено съ нѣкоторыми особыми трудностями и неудобствами. Къ счастію, кругъ рукописныхъ источниковъ у него былъ не обширенъ; онъ указываетъ только на три рукописи, которыми онъ пользовался: 1) Петровъ Синаксарь, изъ Порфирьевскаго собранія Императорской Публичной библіотеки, по которому онъ изучалъ житія Фонтина Калабрійско-Ѳессалоникійскаго и Луки Столпника младшаго, 2) рукописный греческій прологъ Московской Синодальной библіотеки, № 369, гдѣ онъ нашелъ житіе Лазаря Галисійскаго и 3) уставъ патріарха Алексѣя — славянская рукопись той же Московской Синодальной библіотеки № 330. Къ числу обстоятельствъ неблагопріятныхъ для автора, нужно отнести также и скудость пособій и вообще почти полное отсутствіе предшественниковъ по изслѣдованію избраннаго имъ предмета. Кромѣ сочиненій преосвященнаго Порфирія Успенскаго, который занимался, впрочемъ, почти исключительно Аѳонскимъ монашествомъ, ему большую помощь могло оказать только сочиненіе профессора Скабалановича: «Византійская церковь и государство въ XI вѣкѣ» (Спб. 1884), но оно обнимаетъ собою періодъ времени только въ 56 лѣтъ (1025—1081), незначительный сравнительно съ тѣмъ періодомъ, въ предѣлахъ котораго вращается нашъ авторъ: 842—1204 г. Тѣмъ не менѣе сочиненіе это должно было оказать, и дѣйствительно оказало, ему существенную пользу. Онъ нашелъ здѣсь массу фактическихъ данныхъ съ указаніемъ на источники и съ прекрасною распланировкою. Планъ сочиненія г. Соколова весьма сходенъ съ тѣмъ, какой принятъ проф. Скабалановичемъ въ главѣ о монашествѣ, и составленъ очевидно подъ вліяніемъ этого послѣдняго.

Планъ сочиненія г. Соколова весьма простъ и естественъ. Все изслѣдованіе дѣлится на двѣ части. Въ *первой* авторъ даетъ намъ внѣшнюю исторію византійскаго монашества или изслѣдованіе внѣшняго состоянія его съ половины IX в. до конца XIII (842—1204); во второй — изслѣдованіе внутренняго состоянія византійскаго монашества за тотъ же періодъ. Почему авторъ избираетъ для изслѣдованія этотъ именно періодъ, а не другой, напримѣръ, болѣе ранній, который не менѣе нуждается въ

серьезномъ изслѣдованіи — этого онъ намъ не объясняетъ, начиная прямо ex abrupto съ указанія на событіе 19 февраля 842 г. какъ на грань, отмѣчающую переворотъ въ судьбахъ византійскаго монашества, и затѣмъ объясняетъ причины, почему монашество въ Византійской имперіи съ этого времени получило особенно широкое развитіе и достигло небывалаго процвѣтанія. Причины этого явленія авторъ указываетъ: 1) въ особомъ складѣ религіозныхъ воззрѣній средневѣковыхъ византійцевъ, 2) въ соціальномъ складѣ средневѣковаго византійскаго общества и 3) въ политическомъ строѣ средневѣковаго византійскаго государства. Эти разсужденія о причинахъ процвѣтанія средневѣковаго византійскаго монашества составляютъ предметъ его «вступленія» или введенія къ изслѣдованію; всѣ они очень основательны, но намъ кажется, что *вступленіе* это или введеніе болѣе бы отвѣчало обычному своему назначенію при изслѣдованіяхъ, если бы авторъ ввелъ въ него хотя бы конспективный обзоръ судебъ византійскаго монашества въ болѣе ранній періодъ, — хотя бы такой краткій, какой мы видимъ въ книгѣ Мейера: «Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster (Leipz. 1894). Тогда бы авторъ дѣйствительно *ввелъ* читателей въ пониманіе тѣхъ особенностей и деталей въ исторіи византійскаго монашества разсматриваемой имъ эпохи, которыя изложены въ его книгѣ.

Самое изслѣдованіе внѣшняго состоянія византійскаго монашества авторъ излагаетъ въ четырехъ главахъ, изъ которыхъ первыя двѣ имѣютъ своимъ предметомъ монашество въ мѣстностяхъ, подчиненныхъ Константинопольскому патріарху, со включеніемъ сюда южной Италіи, но за исключеніемъ Аѳона. Внѣшняя исторія Аѳонскаго монашества выдѣлена въ особую главу — третью. Четвертая глава содержитъ въ себѣ исторію монашества въ патріархатахъ Антіохійскомъ, Іерусалимскомъ и Александрійскомъ, находившихся подъ властію мусульманъ. Съ особенною тщательностію, стоившею автору громаднаго труда, обработаны первыя двѣ главы. Въ нихъ сообщается масса новыхъ фактовъ, извлеченныхъ изъ многочисленныхъ и малодоступныхъ источниковъ. Факты эти расположены, впрочемъ, по весьма простому плану, хронологически, по царствованіямъ. Дѣятельность каждаго императора авторъ характеризуетъ приведеніемъ и оцѣнкою тѣхъ законодательныхъ актовъ, которые были издаваемы тѣмъ или инымъ изъ нихъ касательно монастырей, и тѣхъ мѣръ, которыя употребляли они къ украшенію и обогащенію старыхъ монастырей и къ возведенію новыхъ. Такъ какъ въ этотъ періодъ построеніе новыхъ монастырей особенно высоко цѣнилось у византійцевъ, то автору удалось отмѣтить громадное количество новыхъ мѣстностей, застроенныхъ монастырями въ то время, и новыхъ фактовъ, сопровождавшихъ ихъ построеніе. Не удивительно поэтому, что изслѣдованіе этой части намѣченнаго предмета разрослось до такихъ размѣровъ, что пришлось раздѣлить его на двѣ главы: 1) отъ Михаила III до Исаака Комнина и 2) отъ Исаака Комнина до завоеванія Константинополя

латинянами. Значительностію размѣровъ изслѣдованія и его детальностію достаточно оправдывается дѣленіе, но авторъ почему-то непремѣнно желаетъ найти внутреннее оправданіе, усматривая большую разницу въ положеніи монашества до Исаака Комнина и послѣ него. На самомъ дѣлѣ никакой особенной разницы тутъ нѣтъ. Доказательствомъ можетъ служить уже то, что главу объ Аѳонскомъ монашествѣ, которое находилось въ тѣхъ же условіяхъ, авторъ не нашелъ нужнымъ дѣлить на двѣ, ибо размѣры ея не вызывали къ тому. Глава объ Аѳонскомъ монашествѣ (третья), написанная главнымъ образомъ на основаніи изслѣдованій и документовъ, обнародованныхъ преосв. Порфиріемъ, не даетъ намъ ничего особенно новаго, но она представляетъ собою нѣчто весьма интересное и симпатичное, такъ какъ въ ней мы находимъ очеркъ исторіи Аѳона, хотя краткій, но полный и связный, и притомъ изложенный прекраснымъ языкомъ, безъ тѣхъ шероховатостей и излишествъ, которыя такъ портятъ сочиненія преосв. Порфирія.—Если въ первыхъ трехъ главахъ автору приходилось говорить главнымъ образомъ объ умноженіи и процвѣтаніи монашества и о построеніи новыхъ монастырей въ различныхъ мѣстностяхъ, то въ четвертой главѣ, посвященной монашеству патріархатовъ Антіохійскаго, Іерусалимскаго и Александрійскаго, находившихся подъ властію невѣрныхъ, ему на оборотъ пришлось говорить о гоненіяхъ, о запустѣніи и разрушеніяхъ. Онъ прочно устанавливаетъ тотъ фактъ, что въ то время, какъ монашество Константинопольскаго патріархата въ IX — XII вв. переживало цвѣтущій періодъ своей исторіи, тоже монашество въ указанныхъ патріархатахъ находилось въ полнѣйшемъ упадкѣ. Въ этихъ патріархатахъ за весь изслѣдуемый періодъ времени не было построено ни одного новаго православнаго греческаго монастыря, а изъ старыхъ не многіе пользовались большимъ или меньшимъ благополучіемъ. Громадное же большинство едва подавало признаки жизни, а многіе и вовсе лежали въ развалинахъ. Автору предстояла здѣсь грустная задача собрать факты о немногихъ, сравнительно, оставшихся монастыряхъ и о чрезвычайно стѣснительныхъ условіяхъ ихъ существованія, и онъ выполнилъ эту задачу съ полнымъ успѣхомъ. Въ концѣ первой части авторъ для облегченія читателей дѣлаетъ ретроспективный взглядъ на всю внѣшнюю исторію византійскаго монашества съ 842 г. по 1204 г. и вкратцѣ повторяетъ все содержаніе этой части, формулируя его въ видѣ общихъ выводовъ и характеристикъ. Въ концѣ первой и второй главы онъ даетъ перечень всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ монастырей, существовавшихъ въ данный періодъ (стр. 137—142, 203—213), а въ концѣ книги — общій алфавитный перечень монастырей и монашескихъ пунктовъ, существовавшихъ въ предѣлахъ византійской имперіи за изслѣдованный имъ періодъ и упомянутыхъ въ его книгѣ, по преимуществу въ первой ея части. Перечислено болѣе 600 монастырей и монастырскихъ пунктовъ. На самомъ дѣлѣ ихъ конечно было гораздо болѣе. Если вѣрить показанію нашего паломника

[illegible] 1,300 монастырей. [illegible]

Вторая часть сочиненія [illegible]

тельностію, каковы: Симеонъ новый богословъ, Никита Стиѳатъ, пустынникъ Филиппъ, Евѳимій Зигавинъ, Варѳоломей эдесскій, Іоаннъ іерусалимскій, Никонъ черногорецъ и другіе. Показавъ лучшія стороны византійскаго монашества, авторъ не умалчиваетъ и объ оборотной сторонѣ — объ уклоненіяхъ византійскихъ монаховъ отъ принциповъ истиннаго монашества. Въ числѣ такихъ уклоненій онъ отмѣчаетъ: занятія монаховъ торговлею, откупами, адвокатурой и другими мірскими дѣлами, страсть ихъ къ бродяжничеству, службу по гражданскому и даже военному вѣдомствамъ, затѣмъ: лицемѣріе, нарушеніе монашескихъ обѣтовъ, разные другія пороки, а также ихъ невѣжество и презрѣніе къ образованію. Въ заключеніе главы онъ указываетъ главныя причины упадка монашеской жизни. Въ послѣдней, *четвертой* главѣ объясняется «Значеніе монашества IX—XII в. въ исторіи византійской церкви и государства». Здѣсь мы встрѣчаемся опять съ нравственнымъ и умственнымъ состояніемъ монашества, но только въ его, такъ сказать, активномъ обнаруженіи. Авторъ объясняетъ здѣсь, какимъ образомъ примѣръ добродѣтельной жизни иноковъ имѣлъ благодѣтельное вліяніе на окружающую среду и какимъ образомъ иноческія наставленія имѣли благотворное вліяніе на общество, и обращаетъ вниманіе на стойкость монаховъ въ защитѣ церковныхъ обрядовъ и каноновъ, на миссіонерскую ихъ дѣятельность, на ихъ просвѣтительную дѣятельность, проявившуюся въ устройствѣ при монастыряхъ школъ и библіотекъ, на ихъ благотворительную дѣятельность, проявившуюся, между прочимъ, въ устройствѣ при монастыряхъ разныхъ благотворительныхъ учрежденій, и на служеніе монаховъ обществу въ качествѣ духовныхъ отцевъ и высшихъ іерархическихъ лицъ.

Таково содержаніе второй части сочиненія г. Соколова. Обратимся теперь къ указанію тѣхъ пунктовъ, которые вызываютъ нѣкоторыя замѣчанія и возраженія.

Въ первой главѣ второй части, въ трактатѣ о бытѣ византійскихъ монаховъ, авторъ говоритъ (стр. 340—350) о различныхъ видахъ подвижничества, объясняя, что византійскіе *монахи* совершали дѣло своего спасенія самыми разнообразными подвигами. Желая быть обстоятельнымъ, онъ перечисляетъ затѣмъ и характеризуетъ весьма многіе виды такъ называемаго подвижничества, даже и такіе, которые едва ли могутъ находить себѣ мѣсто подъ этой рубрикой. Перечисливъ «нагихъ», «босыхъ», «грязныхъ», «юродивыхъ» и т. п., онъ замѣчаетъ потомъ (стр. 346), что у восточныхъ монаховъ формы подвижничества иногда «доходили до такой уродливости, что недостойны были христіанскаго аскетическаго идеала». Если онѣ были таковы, то для чего же и помѣщать ихъ въ числѣ христіанскихъ? О подвижничествѣ вообще нужно сказать, что оно не тожественно съ монашествомъ: монахъ могъ быть подвижникомъ, но не каждый подвижникъ могъ быть монахомъ, ибо многія изъ формъ такъ называемаго подвижничества несовмѣстимы съ правилами канони-

ческаго монашества. Притомъ же къ числу подвижниковъ часто относили въ средніе вѣка такихъ людей, которые имѣли весьма мало общаго какъ съ подвижничествомъ, такъ и съ монашествомъ. Таковы, наприм., такъ называемые *икеты* (ἱκέται), о которыхъ авторъ говоритъ, что они появились будто бы въ XII в. (стр. 342). «Особенность ихъ состояла въ томъ, что они, собираясь вмѣстѣ съ единомыслящими монахинями для прославленія Бога, совершали его посредствомъ гимновъ, пѣсенъ и религіозной пляски, по примѣру Моисея и Маріаммы, прославлявшихъ Бога такимъ образомъ по переходѣ чрезъ Чермное море». Въ подтвержденіе авторъ ссылается не на первоисточникъ, какъ это обычно онъ дѣлаетъ въ другихъ мѣстахъ, а на учебникъ церк. исторіи Куртца (Kurtz. Handbuch der allgem. Kirchengeschichte. B. I. Ausg. 3. 5. 109). Что имѣетъ въ виду, сообщая объ этомъ, Куртцъ—неизвѣстно. Можетъ быть, онъ имѣлъ въ виду фактъ изъ исторіи Михаила Кируларія, сообщаемый Пселломъ, когда хіосскіе монахи Никита и Іоаннъ съ монахиней Досиѳеей давали въ храмѣ св. Софіи, съ позволенія патріарха, представленія театральнаго характера, но фактъ этотъ относится къ XI в. Всего вѣроятнѣе, что у Куртца — ошибка или даже опечатка (вм. VII — XII), и что онъ имѣетъ въ виду извѣстіе объ икетахъ св. Іоанна Дамаскина въ его сочиненіи De haeresibus — слѣдующее: Ἱκέται, οἵτινες ἀσκηταὶ μὲν ὑπάρχουσιν, ὀρθόδοξοι ἐν τοῖς ἄλλοις ἅπασιν ὄντες, συναγόμενοι δὲ ἅμα γυναιξὶν ἀσκητρίαις, ὕμνους τῷ θεῷ προσφέρουσι μετὰ χορείας τινὸς καὶ ὀρχήσεως μιμούμενοι ὡσανεὶ τὸν χορὸν ἐκεῖνον ἐπὶ Μωϋσέως συνιστάντα ἐπὶ τῇ ἀπωλείᾳ τῶν Αἰγυπτίων, τῇ ἐν τῇ ἐρυθρᾷ θαλάσσῃ γεγονυίᾳ (Migne Patrol. t. 94. col. 751). Итакъ, икеты появились еще раньше Дамаскина, который за странный способъ подвижничества считаетъ ихъ еретиками, хотя во всемъ прочемъ они были православны. Подъ ту же рубрику подведены имъ и нѣкоторые другіе изъ видовъ подвижничества, упомянутыхъ у г. Соколова, который, допустивъ анахронизмъ въ этомъ случаѣ, нѣсколько далѣе допускаетъ и другой, приводя для характеристики аскетическихъ упражненій восточныхъ монаховъ-исихастовъ извѣстное описаніе устремленія душевнаго ока на пупокъ (стр. 346). Но это описаніе относится къ позднѣйшему времени и сдѣлалось извѣстнымъ только во время спора Варлаамитовъ и Паламитовъ. Слѣдовательно, оно едва ли годится для автора, изслѣдующаго періодъ болѣе ранній, отъ половины IX и до конца XIII в.

Допустивъ излишество въ перечнѣ видовъ подвижничества, авторъ сдѣлалъ много весьма важныхъ опущеній при характеристикѣ другихъ формъ быта византійскихъ монаховъ. Такъ, говоря о поступленіи въ монастырь, о приготовленіи къ постриженію и о самомъ постриженіи, онъ ничего не говоритъ объ обрядахъ постриженія и о послѣдствіяхъ для положенія монаха въ монастырѣ, вытекавшихъ изъ того или иного способа постриженія. Извѣстно, что въ каноническомъ монашествѣ съ весьма древняго времени различались нѣкотораго рода степени, низшія и высшія, сообразно съ нравственными качествами лицъ и ростомъ ихъ аске-

тическаго совершенствованія. Переходъ съ одной степени на другую, высшую, освящался особымъ церковнымъ послѣдованіемъ и сопровождался дарованіемъ права имѣть тѣ или иныя особенности въ одеждѣ. Въ древнихъ такъ называемыхъ *Схиматологіяхъ* можно найти послѣдованія для новоначальныхъ, только что поступающихъ въ монастырь, и для рясофоровъ послѣдованія малой схимы или мантіи (μανδύας), и великой схимы. На этомъ основаніи можно думать, что въ монастыряхъ были иноки разныхъ степеней: новоначальные, рясофоры, малой схимы и великой схимы. Какое положеніе въ монастырѣ занимала каждая изъ этихъ степеней и такъ ли это было въ теченіе изслѣдуемаго авторомъ періода? На этотъ вопросъ стоило бы обратить вниманіе хотя бы въ виду того, что въ послѣднее время выяснилось, что у современныхъ грековъ съ давняго уже времени послѣдованіе малой схимы не практикуется, хотя оно и помѣщается въ ихъ Евхологіяхъ (см. Дмитріевскаго, Недоумѣніе по поводу недоумѣній въ Трудахъ Кіев. дух. акад. № 9, 1892 г.). Матеріалъ для разсмотрѣнія этого вопроса имѣется въ извѣстномъ Εὐχολόγιον-ѣ Гоара, а также и въ другихъ источникахъ, бывшихъ подъ руками у автора.

Что касается чисто литургическаго вопроса, то онъ оставленъ авторомъ безъ всякаго вниманія, хотя при описаніи быта византійскихъ монаховъ его никакъ нельзя игнорировать, и хотя на это указывали ему самые тѣ источники, которыми въ данномъ случаѣ онъ пользовался. При описаніи монашескаго быта авторъ, какъ и слѣдовало ожидать, пользовался главнымъ образомъ монастырскими уставами, въ которыхъ этотъ бытъ находитъ себѣ полное отраженіе. Авторъ перечисляетъ и характеризуетъ всѣ тѣ уставы, которые были у него подъ руками, а ихъ было достаточное количество. Въ своей характеристикѣ онъ говоритъ (стр. 322), что «по своему содержанію монастырскіе уставы обыкновенно распадаются на двѣ части: литургическую и дисциплинарную. Первая содержитъ предписанія относительно богослуженія, а вторая — относительно управленія, жизни и поведенія монаховъ». Итакъ, самые уставы указываютъ, какое важное положеніе въ монастырской жизни занимало богослуженіе: предписанія касательно богослуженія уставы эти ставятъ на первое мѣсто. И въ самомъ дѣлѣ, богослуженіе занимало собою почти весь день византійскаго монаха. Совершеніемъ богослуженія и совершенствованіемъ его съ особенною любовію занимались византійскіе монахи, и въ этой области они оказали громадную услугу церкви, такъ какъ имъ именно принадлежитъ честь полной выработки православныхъ литургическихъ формъ и уставовъ. Совершенно замалчивая литургическій вопросъ, авторъ ставитъ въ недоумѣніе читателя насчетъ порядка даже обыденной жизни монаховъ въ монастыряхъ. Въ какой-либо спеціальной подготовкѣ для постановки этого вопроса не было надобности; достаточно было скомбинировать матеріалъ, даваемый уставами, изъ коихъ одинъ уставъ Алексѣя патріарха могъ бы дать автору интересный и обильный матеріалъ.

[illegible]

Albertus Iahnius. *Anecdota graeca theologica cum prolegomenis. — Gennadii archiepiscopi Constantinopolitani Dialogus christiani cum judeo* sive refutatio erroris judaici et ejusdem Delectus prophetiarum de Christo. E codice Bernensi DLXXIX primum edidit et adnotavit Albertus Iahnius. Accedunt Analecta miscella theologica e codicibus mss. cum adnotatione. Lipsiae, Deichert 1893. 8°. XXVII + 145 стр.

Въ этой книгѣ мы находимъ прежде всего въ первый разъ издаваемый текстъ двухъ сочиненій извѣстнаго Геннадія (въ мірѣ Георгія) Схоларія, бывшаго первымъ патріархомъ въ Константинополѣ по завоеваніи города турками. Это—1) его «Обличеніе іудейскаго заблужденія» въ формѣ разговора между Христіаниномъ и Іудеемъ и 2) «Собраніе пророчествъ о Христѣ». Текстъ этотъ изданъ извѣстнымъ нѣмецкимъ филологомъ Альбертомъ Яномъ, ученикомъ Крейцера и членомъ Мюнхенской Академіи наукъ, по рукописи Бернской библіотеки XV в. № 579, съ предисловіемъ и примѣчаніями къ тексту, главнымъ образомъ филологическими. Затѣмъ во второй половинѣ книги (p. 69—141) подъ заглавіемъ: Analecta miscella theologica e codicibus mss., содержится смѣсь, состоящая изъ болѣе или менѣе обширныхъ и связныхъ выписокъ, взятыхъ авторомъ въ греческихъ рукописяхъ библіотекъ Мюнхенской, Гейдельбергской и Бернской. Выписки Янъ дѣлаетъ главнымъ образомъ изъ такихъ статей, которыя еще не изданы, или принадлежатъ авторамъ, имена которыхъ неизвѣстны историкамъ византійской литературы. Такимъ образомъ, обѣ половины книги имѣютъ весьма важное научное значеніе.

Важность изданія упомянутыхъ сочиненій Геннадія Схоларія въ достаточной мѣрѣ подтверждается тѣмъ интересомъ, съ которымъ постоянно и съ давняго времени относилась историческая и богословская наука къ его личности и къ его сочиненіямъ. И старые и новые ученые постоянно относились къ Геннадію съ особымъ вниманіемъ, особенно какъ къ писателю и ученому. Изъ старыхъ Алляцій (De Georgiis), Фабрицій (Bibliotheca graeca), Ренодотъ (Dissert. de Gennadii vita et scriptis) много потрудились надъ приведеніемъ въ извѣстность обстоятельствъ его жизни и надъ собираніемъ свѣдѣній о его сочиненіяхъ. Послѣдній, т. е. Ренодотъ, много трудился и надъ изданіемъ нѣкоторыхъ сочиненій Геннадія. Изъ ученыхъ новаго времени Гассъ (Gennadius und Pletho 1844), Александръ (Pléthon. Traité des Lois 1858), Шульцъ (Georgios Gemistos Plethon. 1874) съ любовію и вниманіемъ изслѣдовали философско-богословское міросозерцаніе Геннадія [1]). И въ самомъ дѣлѣ, Ген-

1) Въ русской литературѣ есть прекрасная монографія о Геннадіѣ, составленная *Филаретомъ, архіепископомъ Черниговскимъ*. Она помѣщена въ Православномъ Обозрѣніи 1860 г. Т. I, стр. 511—534. Въ послѣднее время въ Богословскомъ Вѣстникѣ 1894. Сент. появилась о Геннадіи статья проф. А. П. Лебедева. Въ ней основательно распутывается вопросъ объ обстоятельствахъ и времени посвященія Геннадія въ патріарха.

[illegible]

онѣ естественно возбуждаютъ особое вниманіе и любопытство ученыхъ. Сочиненій этихъ осталось отъ Геннадія очень много, но едва-ли не большая часть ихъ доселѣ существуетъ только въ рукописяхъ и еще не издана. Книга Яна увеличиваетъ количество изданныхъ Геннадіевыхъ сочиненій и восполняетъ въ данномъ случаѣ существеннымъ образомъ довольно важный пробѣлъ.

При чтеніи изданнаго Яномъ сочиненія патріарха Геннадія, прежде всего возникаютъ вопросы: о времени написанія этого сочиненія, о мотивахъ, которыми руководился авторъ при написаніи его, о задачѣ и достоинствахъ сочиненія. Итакъ, когда написано Геннадіемъ это сочиненіе, съ какою цѣлію и по какому случаю? Къ счастію сохранились весьма вѣскія данныя, позволяющія дать на эти, какъ и на нѣкоторые другіе, вопросы почти вполнѣ опредѣленные отвѣты. Данныя эти состоятъ въ припискахъ, которыми заканчиваются или начинаются нѣкоторыя изъ сочиненій Геннадія. Приписки эти, содержащія въ себѣ указанія на время и обстоятельства написанія того или иного сочиненія, несомнѣнно сдѣланы были самимъ авторомъ въ его автографахъ, а затѣмъ перешли и въ копіи. При помощи ихъ можно довольно точно опредѣлить, какъ время и обстоятельства появленія многихъ сочиненій Геннадія, такъ и размѣры и характеръ его литературной дѣятельности по оставленіи имъ патріаршества, такъ какъ упомянутыя приписки встрѣчаются главнымъ образомъ при тѣхъ сочиненіяхъ, которыя написаны имъ въ это время. При текстѣ Ἔλεγχος τῆς Ἰουδαϊκῆς πλάνης, изданномъ Яномъ, въ рукописяхъ Парижской библіотеки №№ 2954 и 2959 существуетъ такая приписка: ἐν τῇ τρίτῃ μου βιαίᾳ πρὸς τὴν πόλιν ἀνόδῳ, а въ рукописи, принадлежавшей Ренодоту, къ этому прибавлено: καὶ δόξα ἐκεῖθεν ἐλευθερώσαντί με τρίτον ἤδη Θεῷ; въ рукописи же Бароккіанской Бодлеевой библіотеки въ Оксфордѣ есть прибавка и въ началѣ, такъ что полный текстъ приписки гласитъ: «написано мною, Геннадіемъ, въ третіе невольное прибытіе мое въ городъ; слава Богу, освободившему меня отселѣ и въ третій разъ». Что же это за *третье невольное прибытіе* и когда оно было? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ приписка на другомъ сочиненіи Геннадія, а именно на «Словѣ его въ Успеніе пресв. Богородицы». Въ надписи Слова по Парижской рукописи № 2955 сказано, что оно «говорено въ третіе невольное прибытіе наше въ городъ въ 12 индиктъ въ 72 (т. е. 6972 = 1464) лѣто». И такъ, «Обличеніе іудейскаго заблужденія» есть самое позднее изъ извѣстныхъ сочиненій Геннадія и написано имъ въ 1464 г. въ Константинополѣ, послѣ чего онъ снова отправился въ свое уединеніе. Этотъ фактъ важенъ и въ томъ отношеніи, что имъ весьма твердо опредѣляется и годъ кончины Геннадія: по всей вѣроятности въ этомъ именно году онъ и скончался. Остается пояснить, какими обстоятельствами обусловлено было прибытіе Геннадія въ Константинополь въ 1464 г. и избраніе имъ такой темы для послѣдняго своего сочиненія. Намекъ на обстоятельства, заставившія Геннадія прибыть въ Константинополь, можно видѣть въ припискѣ къ сочиненію его

подъ заглавіемъ: «Вопросы и отвѣты о божествѣ Господа нашего Іисуса Христа» (Пар. библ. № 2955). Въ припискѣ этой сказано, что для диспута по этому вопросу Геннадій былъ вызванъ двумя турецкими сановниками изъ монастыря *Феррскаго* (т. е. очевидно *Серрскаго*). По всей вѣроятности это и есть третье невольное прибытіе Геннадія въ Константинополь; только едва ли причиною его вызова было одно желаніе турецкихъ сановниковъ побесѣдовать съ умнымъ монахомъ. Если принять во вниманіе, что въ этомъ именно 1464 году умеръ второй преемникъ Геннадія Софроній и нужно было избрать новаго патріарха, то весьма вѣроятнымъ становится, что турецкое правительство, всегда бывшее благосклоннымъ къ Геннадію, предлагало ему снова занять патріаршій престолъ, но онъ отказался, рискуя возбудить неудовольствіе, и въ этомъ вѣроятно смыслъ его возгласа въ выше приведенной припискѣ: «слава Богу освободившему меня и въ третій разъ»! Если Геннадій былъ вызванъ въ Константинополь, между прочимъ, для собесѣдованій съ мусульманами, то тѣмъ непонятнѣе становится, почему время пребыванія своего въ столицѣ онъ посвятилъ составленію полемическаго трактата противъ Іудеевъ. Время ли было теперь и вообще заниматься пропагандою христіанства среди іудеевъ и писать противъ нихъ полемическія сочиненія, которыхъ въ христіанской литературѣ и въ то время было уже очень много? Можетъ быть Геннадій былъ вызванъ къ тому какимъ-нибудь особымъ случаемъ? Правда, изъ исторіи извѣстны случаи, когда іудеи, получая вслѣдствіе мусульманскихъ завоеваній равноправность по отношенію къ христіанамъ, позволяли себѣ дерзкія выходки и даже насилія противъ послѣднихъ; но въ данномъ случаѣ ничего подобнаго, повидимому, не было; по крайней мѣрѣ въ сочиненіи Геннадія нѣтъ на то никакихъ указаній. Разговоръ начинается самымъ мирнымъ образомъ. Не желаешь ли? поговоримъ о разностяхъ между христіанами и іудеями? спрашиваетъ христіанинъ. «Поговоримъ», говоритъ іудей, и разговоръ начинается и ведется обычнымъ порядкомъ, какъ это обыкновенно въ произведеніяхъ этого рода: іудей даетъ большею частію только краткія реплики, а христіанинъ произноситъ обширныя рѣчи, составленныя по всѣмъ правиламъ риторическаго искусства. Въ данномъ [illegible] вопросо-отвѣтовъ, христіанинъ [illegible] центральный въ полемикѣ [illegible] манъ — о божествѣ Іисуса Христа [illegible] Второзаконія XVIII. [illegible] ихъ». Если припомнить [illegible] воромъ авторъ [illegible] Іисуса Христа [illegible] можно, пожалуй, [illegible] прикровенною [illegible] мусульманъ. Но [illegible] дальнѣйшихъ [illegible]

разговора составляетъ отвѣтъ на вопросъ, предложенный іудеемъ: «если мы, іудеи, терпимъ бѣдствія за то, что отвергли Христа, то почему вы, христіане, вѣрующіе въ него, терпите то же самое?» Христіанинъ на этотъ вопросъ отвѣчаетъ обширнымъ разсужденіемъ о божественномъ Провидѣніи и Промыслѣ и это разсужденіе, составляя центральный пунктъ діалога, сообщаетъ ему особый характеръ сравнительно со многими другими произведеніями этого рода. Весьма естественно, что Геннадій обратилъ особое вниманіе на этотъ именно пунктъ; это вполнѣ гармонировало съ его тогдашнимъ душевнымъ и умственнымъ настроеніемъ. Замѣчательно, что Геннадій, удалившись въ уединеніе и занявшись тамъ литературными трудами, обратилъ главное свое вниманіе на разработку вопроса о провидѣніи и предопредѣленіи. Памятникомъ трудовъ его по этому вопросу остались четыре книги Περὶ προνοίας καὶ προορισμοῦ. Въ качествѣ пятой книги того же сочиненія можетъ быть разсматриваема статья, подъ заглавіемъ: Ὅπως ἡ θεία πρόνοια καὶ ὁ θεῖος προορισμὸς οὐκ ἀναιρεῖ τὸ χρήσιμον τῶν εὐχῶν. Вторая изъ книгъ Περὶ προνοίας . . . писана спеціально для Іоанна архіепископа Солунскаго, а четвертая — для великаго эконома Θеодора Агалліана. Судя по припискамъ, книги эти написаны въ монастырѣ св. Предтечи на горѣ Монакейской и, составляя самый значительный трудъ, исполненный имъ въ уединеніи, свидѣтельствуютъ о преобладающемъ настроеніи его ума въ то время. Не удивительно, что и въ послѣднее пребываніе свое въ Константинополѣ, онъ находился подъ давленіемъ того же настроенія, постоянно занятый размышленіями о неисповѣдимыхъ судьбахъ Промысла, допустившаго невѣрнымъ возобладать надъ православными, что̀ и отразилось въ Діалогѣ христіанина съ іудеемъ. Итакъ, Діалогъ этотъ, или обличеніе іудейскаго заблужденія, по нашему мнѣнію, не есть воспроизведеніе какого-либо дѣйствительно происходившаго пренія Геннадія съ іудеями, а есть только литературная форма, которую авторъ счелъ наиболѣе удобною для выраженія тѣхъ мыслей, которыя въ то время волновали его и господствовали надъ его умомъ. Поэтому, если бы кто сталъ подробно изучать изданное нынѣ Яномъ сочиненіе Геннадія, то долженъ бы былъ, по нашему мнѣнію, разсматривать его въ связи съ полемическими сочиненіями его противъ мусульманства и особенно съ сочиненіями о Предопредѣленіи.

Что касается до второго сочиненія, изданнаго Яномъ, то оно не есть сочиненіе въ собственномъ смыслѣ, а только собраніе пророчествъ о Христѣ, выбранныхъ изъ ветхозавѣтныхъ книгъ и расположенныхъ въ систематическомъ порядкѣ. Оно составляетъ какъ бы дополненіе перваго, но однако писано прежде него, такъ какъ въ текстѣ Діалога (р. 157 v.) о немъ уже упоминается. Упоминается тамъ также о другомъ сочиненіи, первомъ, написанномъ Геннадіемъ по водвореніи его въ монастырѣ св. Предтечи: Περὶ τῆς πρώτης τοῦ Θεοῦ λατρείας, ἡ νόμος εὐαγγελικὸς ἐν ἐπιτομῇ (156 r.) Приписка къ тексту этого сочиненія въ рукописяхъ гласитъ, что оно написано по просьбѣ одного близкаго Геннадію монаха въ 6966 г.

(1458) въ монастырѣ св. І. Предтечи на Монакейской горѣ μετὰ τῆς τοῦ πατριάρχου ἀποκαταθέσιν [1].

Во *второй* половинѣ книги Альберта Яна содержится Analecta miscella theologica — выписки изъ греческихъ рукописей библіотекъ Мюнхенской, Гейдельбергской и Бернской. Въ предисловіи авторъ объясняетъ происхожденіе этихъ выписокъ. Это есть результатъ трудовъ автора, когда онъ былъ еще студентомъ и занимался филологіей въ Гейдельбергѣ и Мюнхенѣ въ 1835 и слѣдующихъ годахъ. Собравъ еще въ то время довольно значительное количество неизданныхъ произведеній византійской литературы частію въ полныхъ спискахъ, частію въ обширныхъ извлеченіяхъ, онъ потомъ въ разное время публиковалъ нѣкоторыя изъ нихъ въ сопровожденіи изслѣдованій и примѣчаній. Таковы его изданія: 1) Nicolaos Kabasilas περὶ τῆς ἐν Χριστῷ ζωῆς въ Theolog. Stud. u. Kritiken 1843 г., т. е. прежде появленія книги Гасса (Gass, Die Mystik des Nicol. Kabasilas vom Lebenin Christo 1849), 2) Marcus Eugenicus Ueber die moralische Schwäche des Menschen. Aus der Münchener Hds. 495 zum ersten Male und mit Anmerkungen herausgegeben въ Zeitschr. für die hist. Theologie 1845. Изъ позднѣйшихъ подобнаго же рода изданій Яна замѣчательно его изданіе сочиненій Евстафія Антіохійскаго и Оригена de engastrimytho въ Гарнаковыхъ, Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristl. Literatur. B. II, Heft 4, 1886. Цѣль изданія новѣйшихъ Analecta состоитъ въ томъ, между прочимъ, чтобы дать пополненія и поправки къ новымъ исторіямъ византійской литературы: Николаи и Крумбахера, въ особенности послѣдняго, къ которому Янъ относится съ нескрываемымъ раздраженіемъ. Имя Крумбахера въ сопровожденіи упрековъ разнаго рода чрезвычайно часто встрѣчается въ примѣчаніяхъ къ предисловію и къ Аналектамъ. Янъ упрекаетъ Крумбахера въ излишней заносчивости, вслѣдствіе чего онъ будто бы не признаетъ никакихъ заслугъ за своими предшественниками и даже вовсе не признаетъ никакихъ предшественниковъ (Proleg. XXI, not. 62), въ томъ, что онъ пристрастно относится къ трудамъ нѣкоторыхъ ученыхъ, и между ними къ нему, Яну, хвалитъ у однихъ то, что̀ порицаетъ у другихъ, умалчиваетъ о важныхъ трудахъ однихъ и упоминаетъ о неважныхъ другихъ (Prol. XIV, not. 40 viros doctos de litteris byzantinis bene meritos calumniari amat.... quod in aliis laudat in me callide tacet, ut me inique reprehendat), въ томъ, наконецъ, что онъ не знакомъ съ византійской теологіей (in theologia byzantina plane hospes. Prol. XXVI, XXIV, not. 69, 72, p. 90 not.) и вслѣдствіе того византійскихъ богослововъ всѣхъ огуломъ насильственно (obtorto collo) помѣщаетъ въ классъ риторовъ и софистовъ и т. д.

Намъ нѣтъ надобности входить въ обсужденіе того, насколько справедливы всѣ эти упреки (на нихъ отвѣтилъ уже самъ Крумбахеръ въ Byzant. Zeitschrift 1894 S. 641—44), что касается испра-

1) Fabr. Harl. t. XI, p. 379.

вленія пробѣловъ, допущенныхъ Крумбахеромъ въ его Исторіи византійской литературы, то къ этому намѣренію можно было бы отнестись съ полнымъ сочувствіемъ, еслибы Янъ не умолчалъ о сдѣланномъ въ введеніи къ порицаемой книгѣ прямомъ заявленіи, что спеціально богословскія сочиненія пока оставляются въ сторонѣ. Тѣмъ не менѣе мы отмѣтимъ важнѣйшія изъ этихъ мнимыхъ поправокъ.

P. 77. Cod. monac. № 25: τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Συμεὼν τοῦ νέου θεολόγου κεφάλαια πρακτικὰ καὶ θεολογικά. Крумбахеръ вовсе не упоминаетъ объ этомъ авторѣ; имя Симеона упоминается у него только между гимнографами (Gesch. d. byz. Lit. p. 330), но неизвѣстно, какого Симеона онъ имѣетъ въ виду. Между тѣмъ у Фабриція-Гарлеса (Bibl. graec. t. XI, p. 302 sq.) имѣются весьма достаточныя свѣдѣнія объ этомъ весьма плодовитомъ византійскомъ писателѣ XI вѣка.

P. 89. Cod. monac. № 145: Ἀθανασίου μοναχοῦ τοῦ χατζίκη Ἐπιστολαὶ εἰς διάφορα πρόσωπα. Крумбахеръ и Николаи не знаютъ этого автора.

P. 101. Cod. mon. 420: Climaci scala paradisi, cum commentario Eliae Metropol. Cretae. Какъ объ Іоаннѣ Лѣствичникѣ, такъ и объ Иліи Критскомъ, комментаторѣ словъ Григорія Богослова, у Николаи и Крумбахера не упоминается (altum silentium).

P. 105. Cod. mon. 498, fol. 12—16: Ἐπιστολὴ Ἑρμαίου μοναχοῦ πρὸς ἀββᾶν Δουλᾶν ζητοῦντος περὶ κατανύξεως. О писателѣ монахѣ Ермеѣ молчатъ Николаи и Крумбахеръ.

Ibid. fol. 193 r.—160 v.: τοῦ μακαρίου Ἰωάννου τοῦ καρπαθίου πρὸς τοὺς ἀπὸ τῆς Ἰνδίας προτρέψαντας μοναχοὺς ιβʹ. И объ этомъ авторѣ молчатъ Николаи и Крумбахеръ. Самъ Янъ объ обоихъ послѣднихъ авторахъ замѣчаетъ, что свѣдѣній о нихъ онъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не встрѣтилъ. Таковыя свѣдѣнія однакожъ имѣются. Если бы онъ повнимательнѣе просмотрѣлъ Fabr.-Harlesi Bibliotheca graeca t. XI, то нашелъ бы ихъ на страницахъ 173 и 635.

Кромѣ того болѣе или менѣе важныя поправки и замѣчанія, хотя иногда и придирчивыя, даетъ Янъ на стр. 79, 82, 83, 87, 90, 91, 109, 121, 124.

Н. Красносельцевъ.

Johannis Damasceni Canones jambici ex schedis **Augusti Nauck** editi. St.-Pétersbourg. 1894. (Mélanges gréco-romains VI, 199—223=Bulletin de l'Académie XXXVI, 105—129).

Профессоръ П. В. Никитинъ, по порученію Императорской Академіи Наукъ, издалъ текстъ трехъ извѣстныхъ каноновъ Іоанна Дамаскина на Рождество Христово, на Богоявленіе и на Пятидесятницу, найденный въ бумагахъ покойнаго академика А. К. Наука. Въ примѣчаніяхъ, помѣщенныхъ подъ текстомъ, указаны соотвѣтствующія мѣста византійскихъ лексиконовъ. Кромѣ того, изданіе снабжено алфавитнымъ указателемъ всѣхъ встрѣчающихся въ текстѣ словъ.

Быть можетъ, иной изъ читателей пожалѣетъ, что въ брошюрѣ, о которой идетъ рѣчь, нѣтъ предисловія, хотя бы самаго краткаго, и вообще нѣтъ намека на цѣль новаго изданія и на отношеніе его къ другимъ изданіямъ этихъ каноновъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы покойный Наукъ самъ покончилъ и издалъ свою работу, онъ присоединилъ бы къ ней объясненія по вопросамъ, которые могутъ въ данномъ случаѣ возникнуть.

Кто слѣдилъ за трудами этого выдающагося знатока греческой литературы, тотъ знаетъ, что онъ и прежде не разъ затрогивалъ на страницахъ ученыхъ журналовъ вопросъ объ этихъ канонахъ. Уже въ 1855 г. въ нѣмецкомъ журналѣ «Zeitschrift für die Alterthumswissenschaft» (XIII, 19—22) Наукъ обратилъ вниманіе ученыхъ на ямбическіе каноны Іоанна Дамаскина, изданные задолго передъ тѣмъ и почти забытые. Онъ доказалъ, что греческіе грамматики и лексикографы позднѣйшихъ временъ приводятъ изъ нихъ цѣлые стихи и особенно отдѣльныя выраженія и слова, при чемъ, большею частью, не упоминаютъ объ имени автора. Это обстоятельство ввело въ заблужденіе классическихъ филологовъ, не знающихъ каноновъ Іоанна Дамаскина, и дало имъ поводъ принять нѣкоторые изъ приведенныхъ тамъ отрывковъ за фрагменты разныхъ древнихъ поэтовъ. Такъ напр., 57-ой стихъ канона на Богоявленіе попалъ у Вагнера (Poetarum tragicorum graecorum fragmenta, 1849) въ число фрагментовъ трагика Іона Хійскаго (fragm. 65), несмотря на прибавленныя у лексикографа слова «ἐν τοῖς κανόσι», которыя едва ли можно принять за названіе какой бы то ни было трагедіи. Равнымъ образомъ, Naeke и Bergk ошибочно приписали 126-ой стихъ канона на Пятидесятницу — Каллимаху (fragm. 159). Далѣе, Наукъ указалъ на то, что въ «Anecdota» Бахманна (I, 450—459) есть словарь—подъ заглавіемъ «Λέξεις ἐγκείμεναι τοῖς κανόσι κατὰ στοιχεῖον τῆς Χριστοῦ γεννήσεως, τῶν φώτων καὶ τῆς πεντηκοστῆς», который заключаетъ въ себѣ, въ алфавитномъ порядкѣ, слова, встрѣчающіяся въ этихъ трехъ канонахъ Іоанна, и объясняетъ ихъ синонимными выраженіями. Вѣроятно, изъ этого спеціальнаго словаря многія выраженія перешли и въ другіе лексиконы болѣе общаго характера, какъ напр. лексиконъ Свиды и разныя Etymologica (Etymol. Magnum, Etymol. Gudianum и проч.). Наконецъ, Наукъ напомнилъ о толкованіяхъ Ѳеодора Продрома и Евстаѳія, которыя могутъ оказать существенную помощь при уясненіи неудобопонятнаго смысла этихъ каноновъ и даютъ возможность исправить искаженный текстъ ихъ (объемистая книга Евстаѳія ограничивается лишь канономъ на Пятидесятницу).

Но всѣ эти указанія Наука остались незамѣченными, и въ 1871 г. W. Christ и M. Paranikas въ «Anthologia graeca carminum christianorum» издали между прочими пѣснями христіанскихъ временъ и ямбическіе каноны Іоанна Дамаскина, не воспользовавшись вышеприведенными замѣчаніями Наука, столь важными для издателей этихъ каноновъ. Тогда Наукъ вновь возвратился въ «Mélanges gréco-romains» (III, 338—347

а также IV, 185 и V 249) къ тому, о чемъ высказался уже шестнадцать лѣтъ тому назадъ. Это обстоятельство, вѣроятно, и навело его на мысль о новомъ изданіи этихъ каноновъ.

Въ своей работѣ Наукъ тщательно пополнилъ все то, что прежніе издатели упустили изъ виду, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, при помощи упомянутыхъ источниковъ, очистилъ текстъ отъ разнаго рода искаженій (отъ новаго сличенія рукописей онъ отказался).

У прежнихъ издателей мы, напр., находимъ ὤλεσε θυμοφθόρου (I, 58), εἴκαθε πῦρ (I, 84) и ηὔφρανε φίλους (III, 13): они не заботились о метрической ошибкѣ въ окончаніяхъ глагольныхъ формъ; Наукъ — прибавленіемъ такъ называемаго подвижного ν (ν ἐφελκυστικὸν) возстановилъ требуемую метрическими законами долготу. Далѣе, въ прежнихъ изданіяхъ мы встрѣчаемъ въ концѣ стиха προμηθείᾳ (I, 115 и II, 70) и ἀγιστείαις (II, 107): издатели думали, что поэтъ позволилъ себѣ употребить въ четныхъ стопахъ ямбическаго триметра спондей вмѣсто ямба; Наукъ, основываясь на данныхъ, заимствованныхъ изъ византійскихъ лексиконовъ, исправилъ ошибку, поставивъ въ обоихъ случаяхъ ι вмѣсто ει (προμηθίᾳ и ἀγιστίαις). Равнымъ образомъ, чтеніемъ ἄρευστον вмѣсто ἄρρευστον (II, 95) и πρωτόκτιτον вмѣсто πρωτόκτιστον (I, 30) устраняется метрическое затрудненіе. Кромѣ того, Наукъ гораздо внимательнѣе Christ'a и Paranikas'a отнесся къ акростихидѣ, по которой сложены эти ямбическіе каноны Іоанна: вмѣсто θλᾶν (II, 25) онъ поставилъ φλᾶν, вмѣсто πλάνης (III, 23) — ἅλις. Принявъ въ своемъ текстѣ предложенное лексикографами и толкователями чтеніе δυσκάθαρτον вмѣсто δυσκάθεκτον (II, 84), ἄληκτον вмѣсто ἄρηκτον (II, 130), πατρακουστής вмѣсто πατρακουσθείς (III, 107), Наукъ, безъ сомнѣнія, возстановилъ первоначальное выраженіе поэта.

Тѣмъ не менѣе, въ этихъ напыщенныхъ и темныхъ произведеніяхъ Іоанна Дамаскина остается еще нѣсколько сомнительныхъ мѣстъ.

Рига.

Э. Курцъ.

Византійскія эмали. Собраніе А. В. Звенигородскаго. Исторія и памятники византійской эмали. Соч. Н. Кондакова. Спб. 1892. VIII+394 стр., съ 28 таблицами. 4°.

Русская наука (а вмѣстѣ съ нею европейская) обогатилась новымъ замѣчательнымъ изданіемъ въ области исторіи византійскаго искусства. Изданіе это — книга, недавно вышедшая въ свѣтъ и носящая такое общее заглавіе: «*Византійскія эмали, собраніе Звенигородскаго*», а частное: «Исторія и памятники византійской эмали. Сочиненіе Н. Кондакова».

Честь появленія въ свѣтъ этого изданія принадлежитъ Александру Викторовичу Звенигородскому, одному изъ тѣхъ просвѣщенныхъ любителей искусства, въ наше время весьма рѣдкихъ, которые не жалѣютъ ни своихъ силъ, ни своихъ средствъ на то, чтобы чѣмъ-нибудь послу-

жить любимому имъ предмету, и принести пользу наукѣ и родинѣ — распространеніемъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ, доставленіемъ возможности получить отъ него и другимъ художественное, эстетическое наслажденіе.

А. В. Звенигородской еще въ 60-хъ годахъ началъ свои путешествія по Россіи и Европѣ съ цѣлью знакомства съ памятниками искусства и въ то же время началъ заниматься художественнымъ коллекторствомъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ успѣлъ накопить такое значительное, по числу и качеству, собраніе рейнскихъ эмалей, маіоликъ, древнихъ терракотъ, grès de Flandre, предметовъ изъ слоновой кости, небольшихъ мраморныхъ и деревянныхъ скульптуръ, золотыхъ и серебряныхъ предметовъ, что управленіе Штиглицовскаго музея въ Петербургѣ пожелало купить его коллекцію и дѣйствительно купило за 135000 рублей.

На продажу этой коллекціи А. В. рѣшился лишь потому, что въ это время его особенно стали привлекать византійскія эмали, собраніе которыхъ ему и хотѣлось составить.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ поѣздки на Кавказъ и внутри Россіи г. Звенигородской собралъ такую замѣчательную коллекцію византійскихъ и русскихъ эмалей, которая, по мнѣнію авторитетнѣйшихъ знатоковъ, можетъ считаться самою замѣчательною въ Европѣ, какъ по количеству предметовъ, такъ и по совершенству ихъ работы.

И вотъ, желая послужить наукѣ своимъ собраніемъ, г. Звенигородской, представлявшій его всегда во многихъ городахъ Германіи въ полное изученіе ученымъ, рѣшается издать его — при томъ достойнымъ образомъ — съ текстомъ дѣйствительнаго знатока эмали и византійскаго искусства вообще, и съ иллюстраціями, передающими предметы коллекціи въ возможно полномъ видѣ, въ оригинальную величину и въ красках.

По совѣту нѣмецкихъ ученыхъ онъ обратился съ предложеніемъ составленія текста къ католическому священнику въ Ахенѣ Іоанну Шульцу, извѣстному въ Германіи своими изслѣдованіями по части эмали. Для болѣе полнаго знакомства съ византійскими эмалями, разсѣянными по разнымъ европейскимъ собраніямъ — Шульцъ, на счетъ г. Звенигородскаго, совершилъ спеціальное путешествіе по Германіи, Бельгіи, Италіи и Франціи. Для того, чтобы изслѣдователь могъ познакомиться съ русской литературой объ эмаляхъ, г. Звенигородской поручилъ компетентному лицу перевести для него съ русскаго языка на нѣмецкій всѣ тѣ статьи и болѣе или менѣе значительные трактаты объ эмаляхъ византійскихъ и русскихъ, какіе до сихъ поръ у насъ появлялись въ печати.

Написанный Шульцемъ трудъ не отвѣчалъ ожиданіямъ почтеннаго владѣльца коллекціи; онъ, говоритъ г. Звенигородской [1]), дѣйствительно хорошо былъ знакомъ лишь съ исторіей и техникой европейскихъ (рейн-

1) Исторія изданія дѣлается нами съ разсказа самого г. Звенигородскаго, даннаго въ предисловіи.

скихъ и лиможскихъ) эмалей, но только впервые теперь началъ изучать эмали собственно византійскія. Поэтому онъ оставилъ его въ сторонѣ отъ задуманнаго изданія; но въ уваженіе къ автору, послѣ его смерти, напечаталъ текстъ, какъ рукопись, въ 1890 г., подъ заглавіемъ: *Der Byzantinische Zellenschmelz*, von Iohannes Schulz, Pfarrer, mit 22 Tafeln (Frankfurt a/M.).

По совѣту В. В. Стасова г. Звенигородской обращается съ просьбой къ проф. Н. П. Кондакову взять на себя трудъ составленія къ изданію текста. Проф. Кондаковъ принимаетъ предложеніе и, занявшись всестороннимъ изученіемъ эмалеваго дѣла, совершаетъ, по его же просьбѣ, два спеціальныхъ путешествія: одно по Европѣ, другое по Кавказу.

Въ 1892 году трудъ былъ законченъ и лишь теперь изданіе появляется въ свѣтъ.

Это изданіе является дѣйствительно замѣчательнымъ и, можно сказать, единственнымъ въ своемъ родѣ. Это, если такъ можно будетъ выразиться — художественное произведеніе, въ которомъ и содержаніе, и форма — прекрасны и одно идетъ въ гармонію съ другой.

Роскошь, изящество, тонкость работы оправы, въ которой предлагается текстъ — поразительны. Лучшія индустріальныя и художественныя силы были привлечены къ выполненію этого изданія.

Рисунки хромолитографическіе выполнены фирмою Августа Остеррита во Франкфуртѣ на Майнѣ; все, что на таблицахъ атласа должно воспроизводиться золотомъ, отпечатано «червоннымъ золотомъ». Рисунки, помѣщенные въ текстѣ, выполнены посредствомъ гравюры на деревѣ лучшимъ нашимъ русскимъ граверомъ В. В. Маттэ и нѣкоторыми его товарищами. Архитекторъ И. П. Ропетъ, извѣстный своими орнаментальными композиціями въ стилѣ византійскомъ, русскомъ и восточномъ, сдѣлалъ для изданія много самостоятельныхъ работъ, служащихъ его украшеніемъ, какъ напр. выходные листы, орнаментальныя виньетки, служащія заключеніемъ для каждой главы текста, рисунки для переплета, для двухъ разноцвѣтныхъ шелковыхъ матерій, употребленныхъ въ переплетѣ, рисунокъ ленты для закладки, вытканной изъ шелка, серебра и съ золотою надписью (стихъ изъ трагедіи Еврипида «Эрехоей»).

Роскошный переплетъ къ изданію исполненъ фирмою г.г. Гюбель и Денкъ, въ Лейпцигѣ, а шелковыя работы выполнены на фабрикѣ Сапожниковыхъ въ Москвѣ.

Къ нѣкоторымъ экземплярамъ изданія приложенъ портретъ почтеннаго издателя, высокой художественной работы извѣстнаго офортиста Гальяра въ Парижѣ: портретъ не оконченъ за смертью художника.

Изданіе такимъ образомъ является въ высшей степени роскошнымъ, изящнымъ и свидѣтельствуетъ о высокой любви виновника его къ искусству, о высоко развитомъ его вкусѣ. Всѣ украшенія изданія — даны въ духѣ времени, къ которому относятся и эмали собранія, мотивы ихъ заимствованы изъ миніатюръ этого времени, или эмалей же; а потому въ

общемъ получается прекрасная иллюстрація къ исторіи византійскаго орнамента, къ той отрасли византійскаго искусства, которой посвящено изданіе. По справедливости нѣкоторыми лицами въ иностранной печати изданіе сравнивается съ лучшими изданіями эпохи Ренессанса, когда были нерѣдки истинные любители драгоцѣнныхъ, художественныхъ изданій книгъ, какъ напр. Кобергеръ, Альдусъ Мануціусъ, Маіоли, Гроліеръ, Максимиліанъ I и др.[1]).

Текстъ, какъ было выше сказано, написанъ профессоромъ Н. П. Кондаковымъ. Болѣе лучшаго выбора издатель и не могъ сдѣлать. Текстъ, написанный этимъ ученымъ, дѣйствительно является капитальнымъ и вполнѣ отвѣчаетъ идеѣ изданія — дать новое, монументальное въ области изслѣдованій византійской эмали.

Роль эмали въ византійскомъ искусствѣ была весьма высока. Оно, какъ извѣстно, избирало этотъ видъ живописи для наиболѣе дорогихъ, непосредственно близкихъ къ человѣку и вмѣстѣ съ тѣмъ высокихъ образовъ. А потому понятно, какъ важно для лучшаго знакомства съ исторіей византійскаго искусства — капитальное изслѣдованіе одной изъ главныхъ отраслей его. Такое изслѣдованіе и могъ дать проф. Кондаковъ.

Онъ, какъ извѣстно, уже почти двадцать пять лѣтъ работаетъ въ области византиновѣдѣнія. Капитальные, строго научные труды его охватываютъ предметъ во всемъ его цѣломъ. Въ трудѣ «Исторія византійскаго искусства и иконографіи по миніатюрамъ» онъ впервые въ надлежащемъ свѣтѣ представилъ исторію византійскаго искусства, отмѣтилъ главныя эпохи его и далъ блестящія характеристики ихъ, установивъ ближайшую связь различныхъ памятниковъ искусства — монументальной и мелкой производительности, намѣтивъ пути византійской иконографіи, отмѣтивъ ея отношеніе къ литературѣ, догмѣ церкви и т. д., затронувъ попутно массу вопросовъ, касающихся исторіи, быта, религіи Византіи, отношенія ея памятниковъ къ памятникамъ Запада. Въ послѣдующихъ своихъ трудахъ онъ развиваетъ эту исторію византійскаго искусства, представивъ описаніе памятниковъ Синайскаго монастыря[2]), рукописей его библіотеки, давъ исторію архитектуры Грузіи[3]), описаніе многочисленныхъ и замѣчательныхъ памятниковъ византійско-грузинскаго искусства, заключающихся въ нѣкоторыхъ храмахъ и монастыряхъ Грузіи[4]). Въ «*Византійскихъ церквахъ и памятникахъ Константинополя*»[5]) онъ кладетъ основаніе въ русской археологіи для изученія древней византійской столицы, которое, по его мнѣнію, «станетъ наравнѣ съ наукою языческаго и древне-христіанскаго Рима и, по плодотворности своихъ результатовъ,

---

1) Bucher въ «Wiener Tagblatt» № 14, 1894.

2) *Путешествіе на Синай въ 1881 г.* Одесса. 1882.

3) *Древняя архитектура Грузіи.* Москва. 1876.

4) *Опись памятниковъ древности въ нѣкоторыхъ храмахъ и монастыряхъ Грузіи.* С.-Петербургъ. 1890.

5) Въ трудахъ VI Археологическаго съѣзда въ Одессѣ.

займетъ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ наукѣ средневѣковой древности вообще и христіанскаго Востока въ частности».

И въ новомъ своемъ капитальномъ трудѣ, при изданіи г. Звенигородскаго, онъ такъ же, какъ и въ предыдущихъ трудахъ, охватываетъ всесторонне изслѣдуемый имъ предметъ, византійскую эмаль и даетъ новое освѣщеніе какъ этой самой отрасли византійскаго искусства — въ частности, такъ и самой исторіи византійскаго искусства вообще.

Изслѣдованію византійскихъ эмалей Звенигородскаго онъ предпосылаетъ свой взглядъ на тѣ пріемы, которыхъ долженъ держаться изслѣдователь — при изученіи памятниковъ искусства. «Памятникъ, говоритъ онъ, долженъ быть освѣщенъ предварительно самъ по себѣ, по своимъ историческимъ признакамъ, и эти признаки должны быть затѣмъ указаны какъ историческія черты, въ ходѣ иконографическаго типа, сюжета, въ движеніи художественной формы» (стр. 254).... «Искусство никогда не имѣло подобныхъ евангельскому тексту канонизованныхъ формъ, всегда пользовалось въ церкви и обществѣ относительною свободою, руководилось всегда принципомъ художественности, выразительности, натуральности, или, по крайней мѣрѣ, ясности изображенія, и потому памятники искусства суть всегда выраженіе мысли, чувства, вкусовъ личныхъ, мѣстныхъ и временныхъ».

Исходя изъ этихъ положеній, изслѣдователь и разсматриваетъ памятники византійской эмали, входящіе въ составъ коллекціи г. Звенигородскаго. Эти памятники представляютъ, по словамъ изслѣдователя, значительную важность своими иконописными типами, превосходно исполненными; они принадлежатъ лучшему времени византійскаго эмалеваго производства, т. е. первой половинѣ XI вѣка. Они состоятъ изъ медальоновъ, составлявшихъ нѣкогда убранство большой иконы арх. Гавріила въ мон. Джумати, на Кавказѣ. Въ числѣ этихъ медальоновъ имѣется центральная группа Спасителя, съ Богородицею и Предтечею по сторонамъ, апостолы Петръ и Павелъ, три евангелиста (кромѣ Марка) и три святыхъ: Георгій, Димитрій, Ѳеодоръ.

Всѣ эти священныя изображенія составляютъ собою тотъ иконописный типъ, который составился окончательно въ IX ст. и въ теченіе двухъ послѣдующихъ вѣковъ былъ употребителенъ для украшенія священной утвари въ греческой церкви. Это — Деисусъ. Проф. Кондаковъ указываетъ съ одной стороны на связь мысли этой иконы съ идеей особой церемоніи императорскаго двора (съ IX же вѣка), а съ другой стороны на выраженіе въ ней богословскаго пониманія, назначенія церкви и религіозныхъ вѣрованій.

На подобнаго рода отношенія, на историческія черты образовъ указываетъ изслѣдователь далѣе постоянно при обозрѣніи всѣхъ медальоновъ; на ряду съ этимъ идутъ указанія на особенности художественной техники. Сводя въ общее эти различныя черты, особенности, получаемъ богатѣйшій матеріалъ для характеристики и эпохи, и состоянія искусства

въ эту эпоху; т. е., исходя изъ данныхъ памятниковъ, получаемъ картину изъ культурной исторіи. Изслѣдователь лишній разъ и особенно ясно своими анализами памятниковъ подтверждаетъ, что «византійская иконопись вообще имѣетъ вполнѣ реальную подкладку, а данныя работы X столѣтія приводятъ къ тому выводу, что какъ бы ни были древни ихъ традиціонныя основы, мы имѣемъ въ нихъ, въ собственномъ смыслѣ, памятники этого времени» (стр. 283). Сила анализа проф. Кондакова въ этомъ изслѣдованіи особенно ярко проявляется; лишь войдя въ глубину предмета, можно съ полною свободою анализировать составъ извѣстной композиціи, черты извѣстнаго образа, какъ это онъ дѣлаетъ.

Трудно указать въ литературѣ по византійскому искусству болѣе точную, ясную, живую характеристику византійскаго орнамента (а вмѣстѣ съ тѣмъ указанія основъ византійскаго искусства), какую находимъ въ послѣднемъ трудѣ проф. Кондакова. Если будетъ когда-нибудь составляться хрестоматія по исторіи византійскаго искусства, то она непремѣнно войдетъ въ нее. Поэтому мы считаемъ нужнымъ привести ее здѣсь же цѣликомъ.

«Византійское искусство, происходя, въ IV—V столѣтіяхъ, изъ основъ искусства античнаго, усвоило себѣ и его орнаментику. Эта античная основа была только въ началѣ римская; въ V столѣтіи она уже носитъ явные признаки греческаго характера и представляетъ, очевидно, временное оживленіе греческаго стиля въ собственной Греціи и странахъ, усвоившихъ его на Востокѣ.

«Этотъ греко-восточный стиль отличался богатою и высоко развитою орнаментикою, которая занимаетъ въ настоящее время совершенно новый отдѣлъ въ исторіи искусства, со времени открытія одеждъ и тканей коптскихъ могилъ. Этотъ отдѣлъ захватываетъ обширный періодъ IV—VIII столѣтій, до сихъ поръ столь бѣдныхъ памятниками и оставшихся почти неизвѣстными.

«Сама Византія, со времени ея политическаго существованія, какъ восточно-христіанскаго центра, была средоточіемъ и для культуры сѣверно-варварскихъ народностей. Отчасти подъ ихъ вліяніемъ она усвоила себѣ результаты азіатскаго искусства, перенесенные на Дунай этими народностями, а непосредственно — важнѣйшія формы культуры и искусства переднеазіатскаго Востока.

«Понятно, что эти крупныя событія не могли совершиться быстро, и что потребно было непрестанное воздѣйствіе указанныхъ факторовъ, чтобы такъ называемая античная, т. е. римская, основа успѣла рѣшительно измѣниться. Такъ, мы долгое время находимъ въ византійской архитектурѣ чисто-римскую бѣдную орнаментику, между тѣмъ какъ конструктивная система уже давно покинула прежніе образцы. Извѣстно, какъ бѣдны орнаментомъ рукописи этого времени, украшенныя миніатюрами отличнаго рисунка и съ совершенно новыми композиціями. Такимъ образомъ, перемѣна заключалась въ томъ, что декоративная сторона византій-

скаго искусства сложилась, въ особый видъ, изъ художественныхъ элементовъ Египта, Персіи и Средней Азіи; совершилась окончательно эта перемѣна въ VIII вѣкѣ, хотя подготовлялась издавна. Вѣкъ Василія Македонянина и его преемниковъ представляетъ уже этотъ новый видъ, и хотя историки византійскіе мало знаютъ о его происхожденіи, но отмѣчаютъ, какъ новость, невиданное богатство украшеній въ храмахъ, пестрыя одежды, вообще хитрыя премудрости Цареграда. Сюда относится и появленіе въ художественной промышленности Востока звѣриныхъ формъ, которыя до VII столѣтія держались только въ народныхъ, такъ называемыхъ варварскихъ издѣліяхъ, и составляли принадлежность собственно азіатскихъ производствъ, а въ эпоху иконоборческую, въ связи съ современнымъ искусствомъ Сѣвера, образовали уже особый «звѣриный» стиль.

Таково было, въ общихъ чертахъ, движеніе византійской орнаментики, если слѣдить только за разростаніемъ руководящей группы. Должно помнить, однако, что эта центральная группа не составляетъ цѣлаго, и притоки главнаго русла, разъ образовавшіеся и влившіе въ него наибольшую массу водъ, могутъ временами пересыхать, мелѣть, но никогда не уничтожаются и не исчезаютъ безслѣдно, То, что̀ мы называемъ восточнымъ вліяніемъ въ искусствѣ, постоянно образуетъ историческое русло, питающее Западъ. Существованіе этого русла, въ свою очередь, зависитъ отъ множества источниковъ. Всѣ перекрещивающіяся въ византійскомъ искусствѣ вліянія являются результатомъ особыхъ народно-художественныхъ типовъ, которые, разъ сложившись въ данной мѣстности, остаются въ ней, пока здѣсь присутствуетъ самая жизнь. Таковы типы искусства сѣвернаго побережья Малой Азіи, различныхъ частей Кавказа, собственной Персіи, Сѣверной Индіи, Средней Азіи, Сиріи и Египта, острововъ Архипелага и собственной Греціи, Балканскаго полуострова и юго-восточной Европы. Различными сторонами своего существованія типы эти приходили въ соприкосновеніе съ искусствомъ центральной Восточной Имперіи и отъ него же воспринимали руководящія схемы, такъ какъ ихъ роль, какъ стилей, окончилась, и они перешли на роль составныхъ элементовъ. Но то искусство, которое принимало въ свою среду такую массу разнообразныхъ элементовъ, должно было по внутренней необходимости разработывать сторону декоративную, орнаментъ, а соотвѣтственно тому и самый бытъ, осложнившійся массою разнохарактерныхъ народныхъ обычаевъ, новыхъ формъ; оно должно было, значитъ, принять и ту оригинальную пестроту, которая составляетъ непремѣнный удѣлъ Востока, гдѣ разнообразнѣйшіе типы уживаются рядомъ, не подавляя другъ друга окончательно

«Для полнаго объясненія декоративнаго направленія въ византійскомъ искусствѣ и даже въ самомъ бытѣ, потребовалось бы начертить возможно ясную картину Византіи во время какого-либо царскаго выхода или пріема пословъ. Среди столицы увидѣли бы мы пышные храмы, построенные царями Македонской династіи, гдѣ архитектура уже шаблонная, но

внутренняя декорація которыхъ, своими золотыми мозаиками, пестрыми мраморами, дорогими цвѣтными колоннами, серебрянными чеканными капителями, пышными иконостасными преградами, киворіями и амвонами, приводила въ изумленіе и западныхъ, и сѣверныхъ варваровъ. Еще пышнѣе и пестрѣе было убранство царскихъ дворцовъ, уже утратившихъ къ этому времени величественную, но нѣсколько монотонную наружность римскаго Палатина. Но эти дворцы раздробились на безчисленное количество залъ и камеръ всякихъ формъ, монументальныхъ и мелкихъ террасъ и эспланадъ, причудливыхъ портиковъ и сѣней, всякаго рода переходовъ и мѣстъ для гуляній, вышекъ и крылецъ, съ башнями и куполами, покрытыми золотомъ. Все это вмѣщалось на небольшомъ сравнительно пространствѣ, и въ «Великомъ» и во Влахернскомъ дворцѣ и, очевидно, было скучено въ очень живописной, но далеко не монументальной обстановкѣ. Точно также и утварь этихъ дворцовъ и домовъ приняла восточный декоративный характеръ, и во время церемоній играетъ важную роль на выставкахъ и за трапезою: прежнее обиліе и разнообразіе стеклянной посуды замѣнилось большими пышными блюдами для немногихъ смѣнъ кушанья, причудливыми рукомойниками со звѣриными формами, куда едва вмѣщается столько воды, чтобы облить, но не вымыть руки. Картина крестнаго хода показала бы намъ необыкновенную пестроту костюмовъ, одѣяній и облаченій на чинахъ двора, на духовенствѣ, и на отрядахъ дворцовой гвардіи, димовъ и варварскихъ наемниковъ. Широкія одежды лишены покроя, едва различаются длинными или короткими, узкими или широкими рукавами, не имѣютъ складокъ, и богато украшены воткапными цвѣтными рисунками — exempla, коймами, тavліями, маніаками, парагавдами и пр. и пр. Несомые въ процессіи иконы, кресты, знамена и хоругви блещутъ пестрыми, дорогими эмалевыми ризами, окладами, уборами, драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, совершенно такъ же, какъ какая-нибудь византійская рукопись евангелія X—XI столѣтій блеститъ и пестритъ глаза сотнями миніатюръ, заставокъ и аркадъ для каноновъ, все это въ удивительномъ техническомъ исполненіи, но гдѣ, однакоже, не найдешь иногда ни единой новой мысли, не встрѣтишь ни единой любопытной фигуры. Какой-нибудь дворцовый парадный мѣсяцесловъ, въ родѣ «Менологія» Василія II Македонянина, имѣетъ крупное бытовое значеніе, но художественное его значеніе не велико, и сокращенный текстъ къ его миніатюрамъ указываетъ лишь на потребность въ декоративномъ убранствѣ.

«Наше время недавно еще было наполнено сухимъ, подражательнымъ, безцвѣтнымъ, чисто архитектурнымъ орнаментомъ, наслѣдіемъ эпохи Возрожденія. Эта эпоха была вначалѣ богата выразительнымъ искусствомъ, но бѣдна вслѣдствіе своего буржуазнаго склада; она утратила первое, и стала довольствоваться жалкимъ подобіемъ римскому монументальному искусству и помпѣ временъ цезарей. Освобожденіе отъ этого художественнаго рабства наступило для Европы со времени ея знакомства

съ декоративнымъ искусствомъ Азіи. Но и до сихъ поръ еще эта отрасль искусства, и излюбленная византійцами разноцвѣтность (πολύχροος) и, главное, пестрота (ποικίλος), не смѣютъ претендовать на принадлежность свою къ области изящнаго. Лишь историческое изученіе способно убѣдить насъ, что эта пестрота и эта разноцвѣтность тождественны съ изящнымъ, подъ условіемъ гармоніи, точь въ точь въ такой же мѣрѣ, какъ изященъ пестрый персидскій коверъ, и что только наша привычка къ монотонному придала самому слову «пестрый» смыслъ чего-то негармоничнаго, такъ какъ, при нашемъ эстетическомъ воспитаніи, мы не способны мириться съ разнообразіемъ цвѣтовъ».

Изслѣдованіе византійскихъ эмалей собранія А. В. Звенигородскаго составляетъ содержаніе 3-й главы труда проф. Кондакова. Въ 4-й главѣ онъ разбираетъ уже русско-византійскія эмали того же собранія. Результаты этого разбора являются въ высшей степени поучительны для русской археологіи. Они наглядно показываютъ, какъ дѣйствительно могутъ быть полезны для изученія нашей родной старины штудіи по византійской археологіи.

И къ этой главѣ, какъ и къ предыдущей, изслѣдователь предпосылаетъ общія соображенія, или, вѣрнѣе, результаты изъ тѣхъ наблюденій надъ памятниками, которые предлагаются имъ далѣе.

Главный изъ этихъ результатовъ тотъ, что «древняя Русь до татарскаго нашествія близко знала византійскія и восточныя художественныя производства, могла оцѣнить ихъ достоинства, и сама нѣкогда владѣла множествомъ самыхъ разнообразныхъ произведеній этого рода» (стр. 307).

«Западная наука, говоритъ проф. Кондаковъ, посвятила много труда на разработку вопроса' касательно исторіи усвоенія германо-галльскими народами римскаго преданія отъ временъ Тацита до XII вѣка включительно. Русской наукѣ, въ свою очередь, предстоитъ въ будущемъ столь же обязательная, но еще болѣе сложная и богатая задача — изслѣдовать историческій переходъ различныхъ промысловъ и производствъ съ Востока и изъ Византіи на Русь и въ югославянскія земли»... «Исторія искусствъ, продолжаетъ онъ далѣе, рѣшается до сихъ поръ утверждать, будто европейское народное искусство проявляетъ признаки своего существованія лишь съ конца X столѣтія, и то лишь въ нѣкоторой переработкѣ традиціонныхъ формъ, главнымъ образомъ, римскихъ, изрѣдка византійскихъ. Полное народное творчество появляется будто бы только въ XIII вѣкѣ, и вмѣстѣ съ нимъ совершается перемѣна какъ въ художественной промышленности, знавшей до XIII вѣка только одно церковное дѣло, архитектуру, утварь, священные сосуды, книги и пр.,— такъ и въ самомъ быту, который оставался для народа варварскимъ (въ смыслѣ примитивнаго), а для высшихъ сословій подражательнымъ, римскимъ» (стр. 309).

Среда русскихъ древностей приводитъ изслѣдователя къ инымъ воз-

зрѣніямъ: «Народное творчество, говоритъ онъ, установило свою полную типическую самобытность задолго до X вѣка: тѣмъ болѣе, начала художественной промышленности выразились, прежде всего, не въ церковной архитектурѣ и ея видахъ, но въ обиходной жизни, въ быту, костюмахъ, украшеніяхъ и пр. Народный бытъ развился въ оригинальныя формы уже въ самую раннюю эпоху, ранѣе V вѣка, когда были восприняты съ особою силою культурныя формы Византіи и средне-азіатскаго Востока, такъ какъ все было приготовлено и способно къ этому воспріятію».

Матеріалы къ экскурсу, дополняющему исторію византійской эмали и вводящему въ обширную среду культурныхъ связей Южной Россіи съ Азіей и Византіею, даютъ автору — древне-русскія серьги-колты, украшенныя эмалью — изъ собранія г. Звенигородскаго.

Проф. Кондаковъ разсматриваетъ здѣсь — историческое происхожденіе колтовъ, даетъ знакомство съ кладами эмалевыхъ древностей, найденными въ Россіи, описываетъ и анализуетъ памятники этихъ кладовъ, останавливается на техникѣ и орнаментикѣ эмалевыхъ серегъ, на иконографіи часто встрѣчающейся на этихъ серьгахъ птицы сиринъ; переходитъ затѣмъ къ разсмотрѣнію эмалевыхъ цѣпей, къ обзору перегородчатыхъ эмалей, находящихся въ Грузіи, и въ заключеніе трактуетъ объ русской финифти и о лучшемъ представителѣ древне-русской эмали — кіевской діадемѣ, или женскомъ золотомъ вѣнцѣ, открытомъ въ 1889 г. въ Кіевѣ вмѣстѣ съ значительнымъ кладомъ.

Въ этой діадемѣ, какъ и во множествѣ мелкихъ вещей, описанныхъ въ данной главѣ, видны, по мнѣнію проф. Кондакова, еще византійское искусство, но уже русское мастерство.

«Исторія разнообразныхъ скрещиваній искусства европейскаго съ художественными производствами Востока — заканчиваетъ онъ свой трудъ — обозначается отнынѣ все настоятельнѣе и настоятельнѣе, какъ основная задача русской археологической науки. Именно въ русскихъ древностяхъ она получаетъ наиболѣе богатые для того матеріалы, которымъ, конечно, предстоитъ со временемъ стать въ центрѣ важнѣйшихъ научныхъ вопросовъ исторіи средневѣковаго искусства».

Двѣ первыя главы труда проф. Кондакова являются какъ бы введеніемъ къ самому изслѣдованію эмалей собранія А. В. Звенигородскаго. 1-я глава такъ и называется *«техническое введеніе въ исторію перегородчатой эмали»*. Здѣсь авторъ разсматриваетъ: технику эмали въ древнемъ Египтѣ, Ассиріи и Финикіи; греческія эмалевыя издѣлія; эмаль въ искусствѣ народовъ Европы въ римскую эпоху; эмали галльскія, прирейнскія и англосаксонскія; находки въ Швеціи и Россіи; эмаль въ древностяхъ Венгріи; эмали кавказскія; происхожденіе эмалеваго производства средневѣковой Европы изъ Персіи и Средней Азіи; начала эмали византійской и господства вида прозрачной эмали; технику византійской или перегородчатой эмали.

2-я глава посвящена обзору памятниковъ византійской перегородчатой эмали. Эти памятники обозрѣны здѣсь и изучены дѣйствительно «въ такой полнотѣ, какъ ни въ одной европейской книгѣ, и нигдѣ не являлись въ такой поражающей массѣ».

Онъ описалъ, проанализировалъ, установилъ заново даты множества памятниковъ, ихъ происхожденіе, назначеніе; внесъ массу новаго матеріала, намѣтивъ пути и пункты для болѣе детальнаго изученія становящихся извѣстными памятниковъ. Всѣ эти изслѣдуемые, обозрѣваемые имъ памятники были изучены имъ непосредственно на мѣстѣ; со многихъ изъ нихъ впервые даются превосходные снимки. Выполненіе этой главы представило несомнѣнно наиболѣе всего труда почтенному изслѣдователю и всѣ будущіе изслѣдователи византійской эмали будутъ съ благодарностью пользоваться ею, такъ какъ ни одна работа по эмалямъ византійскимъ не можетъ теперь быть плодотворной, если не будетъ исходить отъ того матеріала, который предложенъ въ трудѣ проф. Кондакова.

Памятники, подлежавшіе его обозрѣнію, подраздѣлены имъ на отдѣльныя группы: престолы и запрестольные образа (престолъ церкви св. Амвросія въ Миланѣ; образъ церкви св. Марка въ Венеціи; образъ Хохульской Божіей Матери въ Гелатѣ) : кресты и тѣльники (Ахена, Кельна, Полоцка, Мартвили, Новгорода, Копенгагена, Эссена), оклады Евангелій (библіотеки и ризницы церкви св. Марка въ Венеціи, церквей и библіотекъ Сіены, Москвы, Мюнхена); кіоты (Лимбургскій, Грана, Ганау и Грузіи); потиры и дискосы (ризницы св. Марка въ Венеціи); короны и вѣнцы (Желѣзная, Венгерская, Константина Мономаха, Карла Великаго); предметы личнаго убора.

Таково содержаніе и значеніе труда проф. Н. П. Кондакова. Нельзя не поблагодарить А. В. Звенигородскаго за изданіе его въ свѣтъ. Своимъ изданіемъ онъ сослужилъ большую службу наукѣ русской и европейской археологіи. Онъ дѣйствительно воздвигъ имъ себѣ памятникъ.

Текстъ изданія напечатанъ на трехъ языкахъ: русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ. На каждомъ языкѣ издано всего по 200 экземпляровъ, которые почтеннымъ издателемъ приносятся въ даръ ученымъ учрежденіямъ и лицамъ, работающимъ въ области исторіи искусства.

Нельзя не пожелать, чтобы почтенный издатель — во имя той же любви къ наукѣ, къ дорогому для него искусству, которая подвигнула его на созданіе столь драгоцѣннаго памятника, какъ настоящее изданіе, предпринялъ другое изданіе труда проф. Кондакова, популярное, доступное большему кругу читателей: разумѣемъ не популяризацію изслѣдованія, а самого драгоцѣннаго изданія: при сохраненіи текста и рисунковъ въ немъ можно было бы дать недорогое, но изящное изданіе въ родѣ «Русскихъ Древностей въ памятникахъ искусства» гр. И. Толстаго и проф. Кондакова.

Несомнѣнно, что при такомъ изданіи настоящее изданіе почтеннаго

А. В. Звенигородскаго и замѣчательный трудъ нашего русскаго ученаго сослужили бы еще большую службу наукѣ русской археологіи.

Е. Рѣдинъ.

Mädler. *Theodora. Michael Stratiotikos. Isaak Komnenos.* Ein Stück byzantinischer Kaisergeschichte. Gymnasialprogr. Plauen. M. Wieprecht. 1884. 51 стр. 8°.

Книга Медлера состоитъ изъ двухъ частей: въ первой онъ подвергаетъ критическому разбору показанія источниковъ, во второй излагаетъ событія, случившіяся въ царствованіе Θеодоры, Михаила VI и Исаака Комнина.

Изъ источниковъ, доступныхъ западному изслѣдователю, авторъ не воспользовался новеллой Исаака Комнина, напечатанной въ Jus Graeco-Romanum Цахаріэ-фонъ-Лингенталя; недоступной оказалась для него обвинительная рѣчь Пселла противъ патріарха Михаила Кируларія. Въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ Медлеръ нашелъ указаніе, что эта рѣчь издана въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, но поиски его не увѣнчались успѣхомъ: надо думать, что онъ надѣялся найти греческій текстъ, между тѣмъ какъ я напечаталъ только изложеніе рѣчи на непонятномъ ему русскомъ языкѣ (Ж. М. Н. Пр. 1889 г. сентябрь).

Кратковременныя царствованія, которыми занимается Медлеръ, не имѣли важнаго значенія въ византійской исторіи, тѣмъ не менѣе разсказъ его по своей точности и обстоятельности представляетъ полезное пріобрѣтеніе для западной литературы; русскій читатель не найдетъ въ ней много новаго, потому что тѣ же самыя событія изложены довольно подробно въ извѣстной книгѣ проф. Скабалановича (Византійское государство и церковь въ XI вѣкѣ).

Медлеръ по большей части исчерпываетъ византійскихъ историковъ и событія передаются имъ съ такой полнотой, что едва ли можно было бы прибавить къ нимъ что-нибудь; недостаточно воспользовался онъ только рѣчами и перепиской Пселла, а на основаніи этого матеріала можно было бы представить болѣе полную характеристику Михаила Кируларія и лучше разъяснить самый интересный эпизодъ даннаго времени борьбу царя съ патріархомъ.

Объясненія, даваемыя фактамъ, въ большинствѣ случаевъ удачны; по моему мнѣнію, Медлеръ вполнѣ правъ, называя Кируларія руководителемъ столичнаго заговора противъ Михаила VI, что я старался доказать въ противоположность Скабалановичу, объясняя обвинительную рѣчь Пселла. Трудно согласиться съ плохо обоснованнымъ предположеніемъ автора, будто Исаакъ Комнинъ думалъ прибѣгнуть къ Папѣ и найти въ немъ поддержку въ начавшейся борьбѣ съ патріархомъ. Когда восточное войско провозгласило царемъ Исаака Комнина, Михаилъ VI отправилъ для переговоровъ съ бунтовщикомъ посольство съ Пселломъ во главѣ. Медлеръ говоритъ, что царь Михаилъ поручилъ свою защиту своимъ врагамъ; такое утвержденіе нельзя принять правильнымъ, т

какъ Пселлъ и его товарищи по посольству не принимали участія въ заговорѣ Комнина.

Несмотря на то, что Медлеръ очень точно устанавливаетъ хронологію, не только по мѣсяцамъ, но и по днямъ, когда возможно, несмотря на то, что на разсказъ его вообще можно полагаться, у него попадаются иногда мелкіе недосмотры. Нѣтъ достаточнаго основанія называть евнухомъ Константина Лихуда; Михаилъ Кируларій не былъ первымъ, изъявившимъ притязаніе на титулъ вселенскаго патріарха; Екатерина, жена царя Исаака Комнина, была дочерью не Іоанна Владислава, а царя Самуила.

П. Безобразовъ.

Friedrich, *Ein Brief des Anastasius Bibliothecarius* an den Bischof Gaudericus von Velletri, über die Abfassung der «Vita cum translatione Clementis Papae». Eine Quelle zur Cyrillus-und Methodius-Frage. (Sitzungsberichte d. Akademie d. Wissenschaft. zu München. 1892. Heft III).

И. В. Ягича, *Вновь найденное свидѣтельство о дѣятельности Константина Философа,* первоучителя славянъ св. Кирилла. Приложеніе къ LXXII-му тому Записокъ Императорской Академіи Наукъ, № 6. Спб. 1893, стр. 14 въ 8-ку. Цѣна 35 к.

Martinov, *Une lettre d'Anastase le Bibliothécaire.* Voiron. 1894, 11 стр. въ 8-ку.

Если жизнь и дѣятельность славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія представляютъ для славянъ первостепенный интересъ, то и для византолога онѣ должны имѣть немаловажное значеніе, или иначе говоря, если Кириллъ и Меѳодій по своей дѣятельности принадлежатъ славянамъ, то они не только не далеки отъ византійскаго міра, но неразрывно связаны съ нимъ, ибо они — плоть отъ его плоти и духъ отъ его духа. Они и по рожденію, и по воспитанію — греки, если, быть можетъ, и не всецѣло, то въ значительной степени, и вся ихъ дѣятельность до отправленія къ западнымъ славянамъ совершается на пользу и прославленіе Византіи; они и думали какъ лучшіе византійцы ихъ времени, и проникнуты были чувствами и стремленіями византійцевъ. Я даже склоненъ раздѣлить дѣятельность Константина или Кирилла и его брата на два періода: византійскій и славянскій, изъ которыхъ первымъ можно считать дѣла Константина и Меѳодія до отправленія ихъ къ западнымъ славянамъ, а вторымъ дѣятельность ихъ у послѣднихъ до самой смерти братьевъ. По всему этому всякаго рода свѣдѣнія, а тѣмъ болѣе новыя и при томъ важныя о славянскихъ братьяхъ и византологъ долженъ встрѣчать и принимать съ живѣйшимъ интересомъ.

Вновь найденное свидѣтельство о Кириллѣ составляетъ значительную часть письма извѣстнаго почитателя Кирилла, Анастасія Библіотекаря, къ велетрійскому епископу Гаудерику,—письма, написаннаго по желанію епископа. Это письмо дошло до насъ не въ подлинникѣ; оно найдено въ латинской рукописи XIV в., хранящейся въ библіотекѣ монастыря Аль-

кобаза въ Лиссабонѣ, а списки были [illegible] нѣмецкихъ ученыхъ [illegible] его брату. Послѣдній передалъ его профессору [illegible] извѣстно. Также было не извѣстно [illegible] жизни знаменитаго [illegible] открыто: болѣе [illegible] въ Sitzungsberichte Мюнхенской академіи [illegible] а именно въ 1892 г. профессоромъ Фридрихомъ, который разбиралъ бумаги покойнаго Деллингера. [illegible] при своемъ изданіи письма [illegible] связи съ его содержаніемъ проф. Фридрихъ пробовалъ [illegible] и рядъ соображеній о дѣятельности Константина, которыя могутъ быть сдѣланы, по его мнѣнію, на основаніи самого письма [illegible] въ разрѣзъ съ установившимися взглядами на [illegible] распространенные [illegible] проф. Фридриха [illegible] желающихъ познакомиться [illegible] основательно представилъ несостоятельность [illegible] нѣмецкаго профессора; цѣль моей замѣтки — [illegible] письмѣ заключается новаго и [illegible] эти новыя данныя [illegible] византійской исторіи.

Считаю необходимымъ предварительно [illegible] Анастасій Библіотекарь написалъ [illegible] Велетрійскій епископъ Гаудерихъ, [illegible] посвященъ былъ св. Клименту [illegible] жизни, дѣятельности и [illegible] подробное житіе святаго. [illegible] неоднократно обращался къ Анастасію Библіотекарю [illegible] учености и начитанности въ греческой литературѣ [illegible] не найдется ли какое-нибудь [illegible] о св. Климентѣ. Изъ письма можно заключить, что Анастасій [illegible] тельствамъ не могъ сразу исполнить желанія Гаудериха. [illegible] послѣдній воспользовался [illegible] въ Константинополь на соборъ [illegible] просилъ ихъ напомнить Анастасію объ его просьбѣ или, можетъ быть, отправилъ къ нему черезъ нихъ другое письмо, такъ какъ Анастасій въ то время находился по другимъ обстоятельствамъ въ столицѣ Византіи. Впрочемъ, Гаудерихъ, можетъ быть, просилъ и самихъ легатовъ наводить справки въ Константинополѣ по занимавшему его вопросу. Наконецъ, ученый библіотекарь въ отвѣтъ на просьбы епископа Гаудериха написалъ ему весьма интересное и для славистовъ и для византологовъ письмо, но гдѣ именно онъ его написалъ, не извѣстно. Въ этомъ письмѣ Анастасій между прочимъ сообщаетъ Гаудериху, что онъ и [illegible] легаты «порѣшили сообща приложить всѣ старанія, чтобы приве

въ ясность» относительно св. Климента и что они «узнали сущую правду отъ Митрофана, предстоятеля Смирнской митрополіи, мужа, славящагося святостію и мудростію, который проживалъ не далеко отъ Херсона», бывъ сосланъ туда вмѣстѣ съ другими патріархомъ Фотіемъ, въ то время, когда Кириллъ былъ отправленъ въ Хазарскую землю и тамъ открылъ мощи св. Климента. Самое важное и вмѣстѣ съ тѣмъ новое въ этомъ письмѣ есть сообщеніе Анастасія, что Кириллъ написалъ историческій разсказъ объ обрѣтеніи мощей св. Климента и, какъ видно изъ письма, этотъ разсказъ былъ общеизвѣстенъ во время Анастасія и Гаудерика. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что разсказъ былъ написанъ по-гречески, что̀ можно заключить и изъ слѣдующаго мѣста письма. «Впрочемъ, въ греческихъ школахъ, пишетъ Анастасій, оглашается (resonant) то, что тотъ же дивный по истинѣ философъ (т. е. Константинъ-Кириллъ) издалъ въ честь торжественнаго открытія святыхъ мощей гимнологій Богу Всемогущему. Но существуютъ также два его небольшія прославленныя сочиненія, именно коротенькая повѣсть и одно торжественное слово, переведенныя (разумѣется, на латинскій языкъ) мною языкомъ неуклюжимъ и далеко отступающимъ отъ блистательнаго краснорѣчія его.... Свитокъ же гимна, который тотъ же философъ издалъ въ славу Божію и блаженнаго Климента, я не рѣшился перевести, потому что въ латинскомъ переводѣ еслибы вышло, то слишкомъ мало, то слишкомъ много слоговъ, не было бы складной, ладящей съ напѣвомъ гармоніи. Но если ты, мужъ желаній, и это возложишь на меня, то приступлю къ тому, что востребуешь, съ помощію Божіею».

Изъ приведенныхъ словъ письма ясно, что Константинъ или Кириллъ написалъ о Климентѣ, папѣ римскомъ: 1) историческій разсказъ объ обрѣтеніи мощей его; 2) коротенькую повѣсть о томъ же; 3) торжественное слово или, вѣрнѣе, похвалу св. Клименту, и 4) гимнъ во славу Божію и блаженнаго Климента, и всѣ на греческомъ языкѣ. О первомъ изъ этихъ сочиненій Кирилла (narratio historica) мы могли догадываться изъ словъ житія славянскаго учителя: «ꙗко же пишеть въ обрѣтеніи его»[1]); но до настоящаго времени нельзя съ положительностью указать его ни въ греческомъ подлинникѣ ни въ славянскомъ переводѣ. Тѣмъ не менѣе, я склоненъ думать, что составленный Константиномъ историческій разсказъ былъ извѣстенъ въ славянской письменности или въ прямомъ переводѣ, или въ передѣлкѣ; но онъ ускользаетъ отъ вниманія ученыхъ, потому что въ началѣ его нѣтъ имени автора, а это является вслѣдствіе того, что Константинъ, какъ будетъ указано ниже, по своей скромности никогда не помѣщалъ своего имени въ надписаніяхъ своихъ трудовъ. Можно считать за несомнѣнное, что въ заглавіи историческаго разсказа было слово обрѣтеніе и слѣдовательно полное его заглавіе могло быть: Слово о обрѣтеніи мощей пре-

1) У Шафарика въ Památkah dřevního písemnictví jigoslovanův. Изд. 2-е,—житіе Константина, стр. 9, гл. VIII.

славнаго климента. О содержаніи его мы можемъ составить себѣ ясное и вѣрное понятіе изъ вновь найденнаго письма Анастасія Библіотекаря и кромѣ того изъ Италіянской легенды, которая въ той части своей, гдѣ говорится объ открытіи и перенесеніи мощей Климента, вполнѣ сходна съ сообщеніями объ этомъ письма, какъ очень убѣдительно доказалъ Ягичъ. Едва ли возможно сомнѣваться послѣ этого, что еп. Гаудерикъ зналъ историческій разсказъ Константина объ открытіи мощей Климента и пользовался имъ при составленіи Италіянской легенды.

Если историческій разсказъ намъ еще не извѣстенъ, то за то мы можемъ указать на торжественное слово (sermo declamatorius), переведенное Анастасіемъ Библіотекаремъ съ греческаго языка на латинскій для еп. Гаудерика; такимъ словомъ можно считать на славянскомъ языкѣ **слово на пренесеніе мощемъ преславнаго климента, историческою имоуще бесѣдоу, ако (?) твою помощію въ [illegible] тисяща, т и [illegible] и д лѣт изыскавши его мощ(?)ено и вѣрно [illegible] изо нихъ во [illegible] пучинѣ косія [illegible].** Что, дѣйствительно, подъ словомъ нужно разумѣть слово торжественное у Анастасія Библіотекаря, мы это можемъ видѣть по нѣкоторымъ намекамъ въ славянскомъ переводѣ слова. [illegible] видѣно не только очевидцемъ, но и участникомъ въ открытіи и перенесеніи мощей, какъ можно заключить изъ слова составителя его: **Надоуть да блаженнаго отока...: иже [illegible] [illegible] Климента [illegible] видѣнія первонвы [illegible] есть повѣстникъ. [illegible] блаженныи [illegible]** [illegible] первый увидѣвъ главу Климента [illegible]. Самый разсказъ изложенъ въ [illegible] высокою бесѣдою [illegible]. [illegible] опущены подробности, [illegible] Климента подробности, которыя [illegible] Италіянской легендѣ [illegible] изложены въ историческомъ [illegible] вполнѣ [illegible] Италіянской легендѣ [illegible].

Впрочемъ [illegible] разумѣю напечатанное [illegible] Климента

[1] Слово [illegible] Горскаго Подлинное [illegible] Дух. [illegible] книгохранилищ [illegible] семинаріи въ 1747 [illegible] В. Г. М. 1867 [illegible] что напечатано [illegible] Погодинымъ [illegible]

[2] См. [illegible] [illegible]

[3] См. [illegible]

[4] См. [illegible] письмо Анастасія Биб[illegible]

принадлежитъ перу Кирилла, не нова. Уже Шафарикъ [1]) и Бодянскій [2]), приписывали его, хотя и не совсѣмъ рѣшительно, Константину; Викторовъ высказался прямо въ пользу составленія слова славянскимъ первоучителемъ [3]). Нужно, однако, замѣтитъ, что они въ этомъ словѣ видѣли именно ту повѣсть объ открытіи мощей Климента, которая цитуется въ житіи Кирилла и которую можно приравнить къ историческому разсказу у Анастасія Библіотекаря. Вороновъ находилъ, что это слово принадлежитъ не Кириллу, а скорѣе жителю Херсона, который и произнесъ его въ самомъ Херсонѣ [4]). Послѣ изданія письма Анастасія Библіотекаря возраженія Воронова противъ авторства Кирилла падаютъ сами собою и вполнѣ оправдываются соображенія Викторова, съ которымъ необходимо согласиться, что Кириллъ, говоря это слово, представлялъ себя, какъ ромея [5]), т. е. византійца, слѣдовательно, здѣсь нѣтъ надобности предполагать херсонита. Изъ возраженій Воронова значеніе могло бы имѣть лишь то, что слово «составлено нескоро послѣ обрѣтенія и вѣроятно уже однимъ изъ послѣднихъ оставшихся въ живыхъ очевидцевъ и дѣятелей событія», доказательство чему онъ находитъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: многѡ ѹбо лѣтѡ мимошєшиⷯ........ николиⷤ нє прєстанєⷨ повѣдающє братіи свѣтлѹ и блаженнѹ кѹплю мощєй [6]), и послѣ этого заключаетъ: «очевидно, празднованіе обрѣтенія мощей уже неоднократно совершалось до произнесенія настоящаго слова, и послѣ событія прошло много лѣтъ» [7]). Но вѣроятнѣе, что почтенный ученый не вѣрно понялъ слова текста и сдѣлалъ отсюда невѣрное заключеніе. Составитель слова говоритъ, что и по истеченіи многихъ лѣтъ мы, т. е. ромеи, «николиже не престанемъ повѣдающе братіи кѹплю мощей»; иначе говоря, празднованіе обрѣтенія мощей останется на всегда въ видѣ установленія церкви; слѣдовательно говорится о будущемъ, а не о прошедшемъ. Есть основаніе думать, что дѣйствительно празднованіе обрѣтенія мощей Климента установлено въ православной церкви еще въ годъ ихъ открытія. Не смотря, однако, на отрицаніе авторства Кирилла Вороновымъ, отъ вниманія последняго не ускользнуло то важное обстоятельство, что составитель слова даже не упоминаетъ о Кириллѣ, который былъ виновникомъ открытія мощей; но критикъ предполагаетъ, что такое умолчаніе могло произойти отъ нежеланія мѣстнаго составителя слова говорить о по-

---

1) Разцвѣтъ славянской письменности въ Булгаріи въ Чтен. въ Общ. Истор. и Др. 1848, № 7, стр. 41.

2) О времени происхожденія славянскихъ письменъ. М. 1855, стр. XLIX (прим. 71).

3) Кирилло-Меѳодіевскій Сборникъ, изд. Погодинымъ, стр. 409 и слѣд.

4) Кириллъ и Меѳодій. Главнѣйшіе источники для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія. Кіевъ. 1877, стр. 91—95.

5) Кирилло-Меѳодіевскій Сборникъ, изд. Погодинымъ, стр. 95.

6) Кирилло-Меѳодіевск. сборникъ, издан. Погодинымъ, стр. 319—320.

7) Кириллъ и Меѳодій, стр. 94.

сторонней иниціативѣ въ обрѣтеніи мощей [1]). Предположеніе довольно наивное. Что же касается гимнологія и коротенькаго слова, отмѣченныхъ выше, то о нихъ до сего времени ничего не знали.

Подъ коротенькою повѣстью (brevis historia) нужно разумѣть, мнѣ кажется, синаксарный или проложный разсказъ объ обрѣтеніи мощей, необходимый въ службѣ памяти этого событія,—обрѣтеніи, которое въ древне-славянскихъ мѣсяцесловахъ X—XIII и XVI вв. отмѣчается подъ 30-мъ января [2]). Каковъ былъ составъ этой повѣсти, я не могу сказать въ данную минуту. По всей вѣроятности, она была переведена на славянскій языкъ, судя по тому, что память перенесенія мощей отмѣчена въ древне-славянскихъ мѣсяцесловахъ, какъ указано выше, довольно уже рано. Она должна была войти въ составъ службы на перенесеніе въ Зографскомъ Трефологіѣ [3]). Синаксарій болѣе поздняго времени, встрѣчающійся въ Прологахъ, взятъ изъ Метафраста [4]), слѣдовательно, ничего общаго съ кирилловскою краткою повѣстію не имѣетъ.

Служба на перенесеніе мощей составлена, по всей вѣроятности, вскорѣ послѣ ихъ обрѣтенія и не безъ желанія самаго Константина; но принималъ ли онъ какое-либо участіе въ этомъ, трудно въ настоящее время сказать.

Не легко сказать также, какого содержанія и объема было и четвертое, упоминаемое Анастасіемъ Библіотекаремъ произведеніе Константина,—гимнологій (hymnologicon). Быть можетъ, этотъ гимнологій вошелъ впослѣдствіи въ составъ службы на перенесеніе мощей Климента. Былъ ли онъ переведенъ на славянскій языкъ, въ настоящее время сказать не можемъ.

Кромѣ указанныхъ сочиненій Кирилла, мы имѣемъ свѣдѣнія еще и объ его бесѣдахъ съ іудеями у хазарскаго кагана, которыя, судя по словамъ его житія, были довольно обширны и которыя переведены были

---

1) Тамъ же, стр. 93.

2) Подъ этимъ числомъ память отмѣчена въ Евангеліяхъ Ассемановомъ, Остромировомъ, Мирославовомъ, Охридскомъ, Типографскомъ № 1 и Типографской Минеи XII—XIII № 1211, въ январской минеи Моск. Дух. Ак. № 4 (91) и въ Трефологіѣ Зографскаго аѳонскаго монастыря. Архим. Антонинъ, Замѣтки поклонника Св. горы. Кіевъ. 1864, стр. 313 и 338—339; Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. 1876, стр. 417; Архим. Леонидъ, Свѣдѣніе о славянскихъ рукописяхъ. В. I. М. 1887, стр. 36—37; Архим. (еп.) Сергій, Полный мѣсяцесловъ востока. II, М. 1876, ч. I, стр. 27. Въ Макаріевскихъ Четьихъ-минеяхъ.— 23 янв. Архим. Іосифа Подробное Оглавленіе, стр. 410; въ другихъ мѣсяцесловахъ—23, 24 и 25 ноября и въ одномъ даже 29 декабря. См. у Сергія Полный мѣсяцесловъ II, ч. I, стр. 312.

3) Къ сожалѣнію, эта служба, приведенная въ перемежку со службою св. Петру, царю болгарскому, сохранилась не вся; изъ нея одинъ листъ вырванъ и кѣмъ-то унесенъ. Ср. у Срезневскаго, Свѣдѣнія и замѣтки, стр. 417.

4) Напр. въ сборникѣ XVII в. Соловецкой библіотеки. См. въ Описаніи рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библіотекѣ Казанск. Духовн. Академіи. II. Казань. 1885, стр. 253.

братомъ его Меѳодіемъ на славянскій языкъ, съ раздѣленіемъ ихъ на восемь главъ; сила убѣдительности этихъ бесѣдъ была такъ велика, что дѣйствовала «ꙗко пламень горѧщеи на противные»[1]).

Изъ житія же Константина мы узнаемъ, что онъ перевелъ, конечно, на греческій языкъ въ Херсонѣ еврейскую грамматику[2]). Наконецъ, изъ словъ того же житія, а также и житія Меѳодія можно заключить, что Константинъ съ своимъ братомъ Меѳодіемъ перевелъ: Псалтырь, чтенія изъ Евангелія и Апостола, Паремейникъ, Часословъ, и Октоихъ Дамаскина, Служебникъ и Требникъ, или выражаясь словами житія: вкскорѣ вьсь црькокныи чинь прїемь, наоучи (учениковъ) оутрьницы и часокомь и вечерни и павечеринци и таинѣи слоужбѣ[3]). Подъ тайной службой нужно, несомнѣнно, разумѣть литургію.

Впрочемъ, едва ли необходимо думать, что всѣ перечисленныя мною книги были переведены цѣликомъ и въ отдѣльности. По моему разумѣнію, всѣ эти книги составляли одинъ панѳектъ въ нѣсколько, быть можетъ, болѣе распространенномъ видѣ, чѣмъ тѣ, какія существуютъ еще и нынѣ въ греческой церкви для удовлетворенія потребностей небогатыхъ церквей. Я считаю вѣроятнымъ, что книга или, по крайней мѣрѣ, отдѣльное сочиненіе, извѣстное подъ названіемъ Кириллъ Словенскій[4]), есть именно такой панѳектъ. Такое свое мнѣніе я основываю на наличности двухъ кодексовъ, содержащихъ каждый въ отдѣльности почти всѣ перечисленныя мною выше книги. Одинъ изъ нихъ извѣстенъ подъ неточнымъ названіемъ Октоиха XIII—XIV вв., который хранится въ вѣнской придворной библіотекѣ[5]), а другой называется также невѣрно Минеею Общею XV—XVI вв., и принадлежитъ Московск. духовн. академіи[6]). Въ первомъ заключаются Октоихъ или Осьмогласникъ, чтенія апостольскія и евангельскія, часть Тріоди и Пентикостарія, Общая минея и службы 12-ти праздниковъ господскихъ и богородничныхъ и части Требника. Второй богаче и полнѣе по содержанію. На первомъ мѣстѣ стоитъ Октоихъ Іоанна Дамаскина и за нимъ слѣдуютъ евангелія и апостолы воскресные, каноны молебные Богородицѣ, тропари и кондаки богородич-

---

1) У Шафарика, Památky, стр. 15, гл. X.

2) У Шафарика, Památky, стр. 8.

3) Тамъ же, стр. 19.

4) Шафарикъ, Разцвѣтъ славянской письменности въ Булгаріи въ Чт. въ Общ. Ист. и Др. 1848, № 7, стр. 42; Палаузовъ, Вѣкъ болгарскаго царя Симеона. Спб. 1852, стр. 69.

5) Этотъ кодексъ описанъ Строевымъ въ Описаніи памятниковъ словянорусской литературы. М. 1841, стр. 55—55; кратко Воскресенскимъ въ Славянскихъ рукописяхъ, хранящихся въ заграничныхъ библіотекахъ. Спб. 1882, стр. 36—39; и Смалъ-Стоцкимъ въ Ueber den Inhalt des Codex Hankensteinianus. Wien. 1886 (изъ Sitzungsber. d. Akad. d. Wissenschaft. B. 110).

6) Рукопись довольно неточно и неполно описана архим. Леонидомъ въ Свѣдѣніи о славянскихъ рукописяхъ и пр. Вып. II. М. 1887 (изъ Чт. въ Общ. Ист. и Др., стр. 323—333, отд. богослужебн. № 10 (77).

ные, стихиры на всѣ дни и нѣсколько молитвъ и сказаній изъ Отечника или Пролога; далѣе помѣщены Общая минея и Анѳологія или Избранная минея съ апостолами и евангеліями, Требникъ, часть Тріоди постной и цвѣтной, Церковный Уставъ, стихиры на всѣ воскресенія и тропари воскресные и богородичные. Несомнѣнно, что въ этомъ сборникѣ есть позднѣйшія прибавленія, а именно нѣсколько словъ и бесѣдъ, нѣсколько молитвъ, ненаходимыхъ въ Требникѣ, и наконецъ нѣсколько апокрифическихъ замѣтокъ, какъ напр. о стрѣлѣ громнѣй и другіе, ей подобныя; но все-таки основа таже, что и въ первой рукописи, что видно, между прочимъ, и изъ того, что ни въ той, ни въ другой нѣтъ Служебника. Обѣ рукописи въ русскихъ спискахъ; но нѣкоторые тексты во второй носятъ на себѣ ясные слѣды древне-славянской редакціи особенно въ Октоихѣ и Минеи Общей. Въ началѣ Общей Минеи во второй рукописи мы находимъ весьма любопытную приписку, въ которой, между прочимъ, сообщается, что Кириллъ Философъ составилъ эту Минею для новопросвѣщенныхъ (разумѣется крещеніемъ) людей Русской земли, князю которой Владиміру онъ передалъ ее для руководства къ служенію Богу; но онъ, говорится тамъ, составилъ не одну эту книгу, а выбралъ богородичны изъ Октоиха, еще сдѣлалъ выборки изъ Тріоди и изъ многихъ другихъ книгъ бралъ малѣйшую часть [1]). Мнѣ кажется, что изъ этой приписки достаточно ясно, кого мы должны разумѣть подъ Кирилломъ Словенскимъ. Откуда произошло такое названіе книги, у насъ ли на Руси, или у другихъ славянъ, южныхъ или западныхъ, въ настоящее время трудно сказать; до сего времени оно извѣстно только въ русскихъ спискахъ, какъ я уже замѣтилъ выше, и притомъ весьма нерѣдко и по преимуществу у раскольниковъ [2]), у которыхъ это имя является нарицательнымъ [3]). Но не было ли первоначально вмѣсто имени князя Владиміра имя какого-либо другаго славянскаго князя, подобно

1) Привожу здѣсь эту приписку цѣликомъ:

Сказанье извѣстно ѿ книзѣ сей в кое время и в которые лѣта изобраны быша каноны сия и чтенія на шестой пѣсни коемуждо стомоу на весь годъ, подобно болшимъ минеамъ нже на ві мцъ хотащимъ гдоу боу работати, и закω бжій исполнити на оутвержение стыа православныа вѣры новопросвѣщенным людемъ. которыи не имѣютъ чимъ оустроити ві миней мцных на годъ. И тѣмь сице оумысли кѵрилъ философъ. который перевелъ греческую грамотоу на словеньскии изыкъ, тои сію минею сътвори. непричетно к темъ двѣнадесяти минѣямъ мѣсячным но ѡсобь сборъ такоже оукрашаетъ памяти стых на весь годъ исполнено, то бѣяше кѵрилъ мужь моудръ, и исполненъ ѿ дха ста, и оумысли сие събрати на потвержение закона бжіа и на похвалоу всѣмъ стым бгоу оугодившим ѿ вѣка. иже славими соут по всеи вселѣннѣи. и сие предасть новопросвѣщенным людемъ роускыа земля, в нихже стомоу и равноапостольномоу великомоу кнзю владимероу крестившемоу роускую землю, нареченномоу въ стѣмъ крещенін василью. и повелѣ емоу си исполняти, и сей книзѣ имя нарече ѡбщая минѣя. не токмо сие едино, но и ѿ охтаика богородичны, и ѿ тріоди ѿ многа малѣишую часть. Ср. у архимандр. Леонида Свѣдѣніе, II, стр. 325.

2) Ср. у Палаузова, Вѣкъ царя Симеона, стр. 60.

3) Палаузовъ, Вѣкъ, стр. 60.

тому, какъ въ Сборникѣ Святослава 1073 г. имя князя Святослава поставлено было вмѣсто имени болгарскаго князя Симеона?

Конечно, въ настоящее время невозможно доказать, что славянскій переводъ всего круга богослужебныхъ книгъ составлялъ одинъ панѳектъ или одинъ сборникъ; но многочисленность богослужебныхъ книгъ и краткость времени, употребленнаго на ихъ славянскій переводъ, сдѣланный немногими лицами, и наконецъ наличность двухъ почти одинаковыхъ по содержанію панѳектовъ могутъ наводить на мысль, что трудно допустить, чтобы славянскій переводъ распространился на весь полный кругъ богослужебныхъ книгъ. Нужно имѣть въ виду, кромѣ того, что переводы славянскіе дѣлались не только съ греческаго языка, но и съ латинскаго; по крайней мѣрѣ, западный латинскій служебникъ или миссалъ, если не весь, то нѣкоторая часть его, навѣрное, была переведена на славянскій языкъ еще святыми братьями или, всего вѣрнѣе, ихъ учениками. Вѣдь, не восточную литургію служилъ въ Римѣ Кириллъ, хотя восточная литургія западнымъ славянамъ была извѣстна въ славянскомъ переводѣ [1]). До насъ дошли нѣкоторые отрывки древнеславянскаго перевода римскаго миссала [2]), изъ которыхъ одинъ отрывокъ въ довольно позднемъ спискѣ [3]).

Кромѣ этихъ трудовъ Константина, намъ извѣстенъ еще одинъ и притомъ съ именемъ автора, т. е. Константина, а именно: **Написаниє ѡ правѣи вѣрѣ изꙋ̈щеноє Константиномъ блаженымь фїлософомъ, оучителемь о б҃ꙁѣ словѣньскомоу ѩзыкоу** [4]), принадлежность котораго Кириллу Вороновымъ оспаривается [5]), но безъ твердыхъ основаній.

Наконецъ, вновь найденное письмо Анастасія Библіотекаря открываетъ намъ еще одну неизвѣстную черту изъ литературной дѣятельности Кирилла,—что послѣдній изъ скромности и по смиренію не любилъ разсказывать о своихъ подвигахъ [6]). Несомнѣнно, вслѣдствіе этого Кириллъ не писалъ и своего имени въ заглавіяхъ своихъ произведеній. Если такъ, то необходимо предполагать, что Константинъ написалъ не мало и другихъ

1) Отрывокъ восточной литургіи, написанной глаголицею, см. у Срезневскаго, Отрывки изъ древняго глаголическаго служебника въ Запискахъ Академіи Наукъ, т. 4-й, стр. 22—29, и другой отрывокъ, можетъ быть, также изъ Служебника,— Пражскіе листы, см. у него-же въ Древнихъ глаголическихъ памятникахъ. Спб. 1861, стр. 36—49.

2) У Срезневскаго, Свѣдѣнія и замѣтки. Спб. 1887, стр. 530—538; его-же О древней глаголической рукописи, хранящейся въ Кіевск. духовн. акад. Кіевъ, 1876 (изъ Труд. 3-го археологич. съѣзда), стр. 10—16.

3) У Ягича, Glagolitica въ Denkschriften d. Akad. d. Wissenschaft. in Wien. B. XXXVIII, стр. 10—14.

4) Издано Срезневскимъ въ Свѣдѣніяхъ и Замѣткахъ. I, 4, стр. 47—52, по болгарской рукописи 1348 г. хранящейся въ Публичн. Библіотекѣ (III. I, 376).

5) Кириллъ и Меѳодій, стр. 251 и слѣд.

6) Ср. слова въ письмѣ Анастасія: praedictus philosophus fugiens arrogantiae notam referre non passus est.

сочиненій, на что какъ будто намекаетъ и выраженіе книгы (въ книгахъ его обрящеть к) въ его житіи [1]). Такъ, можно думать, что онъ въ византійскій періодъ своей дѣятельности написалъ гимнъ или похвалу Григорію Богослову, какъ можно догадываться изъ словъ того же житія[2]). Но скромность Константина лишила насъ возможности указать на его сочиненія въ рукописяхъ съ достаточною основательностію. Приписки его имени на рядѣ статей, встрѣчаемыхъ въ нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ [3]), сдѣланы, по всей вѣроятности, по преданію и, разумѣется, на нихъ полагаться нельзя. Тѣмъ не менѣе въ поискахъ неизвѣстныхъ сочиненій Кирилла мы не должны остановиться на этомъ: какъ на славянскихъ, такъ и на греческихъ ученыхъ лежитъ обязанность розыскивать неизвѣстныя произведенія славянскаго первосвятителя. Быть можетъ, нѣкоторые его труды сохранились и въ латинскихъ переводахъ, сдѣланныхъ Анастасіемъ Библіотекаремъ или кѣмъ-либо другимъ. Значитъ, наши поиски не должны миновать и западной литературы.

П. Сырку.

Отвѣтъ рецензенту. Въ третьемъ выпускѣ мюнхенскаго журнала Byzantinische Zeitschrift за 1894 г. появилась *рецензія г. Глейе на нашу статью*: «*Іоаннъ риторъ* (и проч.)» (Учен. Зап. Каз. унив. 1890. Кн. V). Такъ какъ авторъ прекрасно владѣетъ русскимъ языкомъ, то мы находимъ удобнымъ помѣстить нашъ отвѣтъ ему въ этомъ журналѣ тѣмъ болѣе, что здѣсь была недавно напечатана наша статья, составляющая прямое дополненіе первой (См. Виз. Временникъ. 1894 г. Вып. III—IV).

На стр. 626-ой рецензентъ указываетъ на то, что мы далеко не вездѣ исправляли или дополняли испорченный текстъ славянскаго перевода. Мы избѣгали ошибокъ, легко возможныхъ при подобномъ возстановленіи. Нашъ просмотръ пробѣла славянскаго перевода послѣ словъ: τὴν δὲ περιχύτης λουτροῦ греческой эскуріальской рукописи мы признаемъ вполнѣ (мы думали найти аналогію въ такихъ мѣстахъ Малалы, какъ p. 440, 15 οἱ ὀνομαζόμενοι πορνοβοσκοί, p. 32, 4, p. 460, 21). Слова: καὶ εὐθέως относятся, конечно, къ дальнѣйшему тексту.

Не можемъ не признать весьма сомнительнымъ предположеніе

---

1) У Шафарика, Památky, стр. 19.

2) У Шафарика, тамъ же, стр. 2, гл. III.

3) См. у Шафарика Разцвѣтъ славянской письменности въ Булгаріи, въ переводѣ Бодянскаго въ Чтеніи въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1848, № 7, стр. 42, примѣч. 7; одна изъ такихъ статей слѣдующая: наука св. Кирилла Философа, посланнаго з Цариграда отъ святѣйшого патріархи Николы, въ Кіевъ, ко великому князю Володымеру для поученія о вѣрѣ христіанской, еще тому во невѣрствіи сущу. Строевъ, Библіотека Импер. Общ. Ист. и Древн. Россійск. М. 1845, отд. I, № 118 (л. 172), стр. 44. О другихъ приписываемыхъ Кириллу сочиненіяхъ см. у Воронова, Кириллъ и Меѳодій, стр. 237—249, у Пѣтухова къ вопросу о Кириллахъ-авторахъ въ древней русской литературѣ. Спб. 1887 (изъ Сборника II отд. Императорской Академіи Наукъ), стр. 21—33.

г. Глейе относительно интерполяціи въ мадридской рукописи словъ: καὶ ἐγκλείστην (S. 627). Во всякомъ случаѣ подобныя предположенія недостаточны для опроверженія нашего (и Brooks'a, по ссылкѣ Глейе, Histor. Review VII, 1892) мнѣнія о 44-ой гл. Евагрія.

«Счастливая» догадка Патцига относительно Малалова происхожденія отрывковъ, изданныхъ Маи въ Spicil. Rom. II. App., какъ можетъ убѣдиться читатель изъ послѣдней нашей статьи, не была чужда и намъ, вопреки мнѣнію г. Глейе.

Впрочемъ, очевидность тождества отрывковъ съ Малалою оксфордской рукописи ясна всякому. Важнѣе отмѣтить, что и здѣсь, какъ въ оксфордской рукописи, къ концу хроники примкнулъ отрывокъ, вѣроятно, изъ Константинопольской городской хроники (предположеніе Гельцера въ его S. Jul. Afric. B. II, S. 129).

Рецензентъ упрекаетъ насъ въ томъ, что въ своемъ предположеніи относительно происхожденія изъ Малалы Theoph. p. 103 ff. мы игнорировали совершенно уклоняющійся отъ Θеофана разсказъ славянскаго хронографа о смерти Аттилы. Но славянскій текстъ на этотъ разъ такъ необычно расходится съ греческимъ (оксф. ркп.), что мы принуждены или признать здѣсь особую версію смерти Аттилы, у первоначальнаго Малалы приводившуюся рядомъ съ версіею, сохранившеюся въ греческомъ текстѣ (срв. аналогію относительно смерти Юліана Gleye, Philolog. LIII, S. 587), или допустить въ славянскомъ хронографѣ вставку изъ посторонняго источника. И послѣднее предположеніе при довольно пестромъ составѣ славянскаго хронографа не должно считаться смѣлымъ. Во всякомъ случаѣ рецензентъ долженъ былъ принять во вниманіе то обстоятельство, что дѣло идетъ о тѣхъ сообщеніяхъ Евагрія, гдѣ мы предположили вліяніе на него Малалы рядомъ съ Евстаѳіемъ (Іоаннъ риторъ стр. 24 сл.).

Опроверженіе нашей догадки о Малаловомъ происхожденіи описанія Евагрія землетрясенія при Θеодосіѣ II (S. 628) не считаемъ убѣдительнымъ. Сходство Боннскаго текста Малалы съ текстомъ Пасхальной хроники еще не исключаетъ возможности предполагать болѣе полный текстъ у первоначальнаго Малалы: достаточно указать на фактъ сходства редакціи разсказа о судьбѣ Аспара съ сыновьями оксфордской рукописи Малалы и Пасхальной хроники при болѣе полномъ повѣствованіи эскуріальской рукописи (Hermes, B. VI, S. 369 [1]), Mal. ed. Bonn., p. 371, Pasch., p. 596).

Слѣдовало ли указывать намъ на то, будто бы мы не привлекли къ сравненію текстовъ текста Евагрія тамъ (Іоаннъ риторъ, стр. 27), гдѣ какъ разъ для такого сопоставленія текстъ Евагрія и приведенъ нами во всемъ объемѣ (Gleye, S. 628)?

---

1) Предположеніе интерполяцій въ эскур. текстѣ Іоанна Малалы (Patzig. Progr. d. Thomasschule zu Leipzig. 1891, S. 13) мы считаемъ произвольнымъ.

Мы должны сознаться, что для насъ осталась совершенно непонятною цѣль указаній намъ нашего достоуважаемаго рецензента на надлежащее толкованіе словъ славянскаго предисловія хроники Малалы: «сказати и мнѣ по истинѣ случившаяся». Мы исходили въ своей аргументаціи изъ другихъ словъ того же предисловія: «въшедша въ уши мои» и остаемся при мнѣніи, что аналогіи обычныхъ лѣтописцамъ выраженій (срв., напр., Cedren. Προοίμιον· προσθέντες καὶ ὅσα ἀγράφως ἐκ παλαιῶν ἀνδρῶν ἐδιδάχθημεν, Theophyl. ὡς ἐκ τῶν καθ' ἡμᾶς πρεσβυτέρων ἔστι λαβεῖν καὶ τὸ πιστεύειν ἀζήμιον) заставляютъ понимать славянское предисловіе не иначе, какъ понимали его А. Н. Поповъ и акад. И. И. Срезневскій (срв. Іоаннъ риторъ, стр. 31). Подробность и живость описаній Іоанна Малалы антіохійскихъ событій времени начиная съ Зинона (Іоаннъ риторъ, стр. 33) въ соединеніи съ заявленіемъ лѣтописца въ предисловіи неопровержимо доказываютъ, что для этой эпохи онъ пользовался разсказами своихъ старшихъ современниковъ, которые были очевидцами этихъ событій.

Въ послѣднее время опубликованный А. Виртомъ (A. Wirth) въ его Chronographische Späne (Frankf. a. M. 1894) текстъ Іоанна Антіохійскаго (по нашему мнѣнію, Малалы) [1]) ркп. Paris. Suppl. 682. saec. X. содержитъ и греческое предисловіе, тождество коего со славянскимъ стоитъ внѣ всякого сомнѣнія: Wirth, S. 3 f. Δίκαιον ἡγησάμην ... μετὰ πάσης ἀληθείας τὰ συμβάντα [διεξελθεῖν Wirth] ἐν μέρει ἐν τοῖς χρόνοις τῶν βασιλέων ἕως τῶν συμβεβηκότων ἐν τοῖς ἐμοῖς χρόνοις ἐλθόντων εἰς τὰς ἐμὰς ἀκοάς, λέγω δὴ ἀπὸ Ἀδὰμ ἕως τῆς βασιλείας Ζήνωνος καὶ τῶν ἑξῆς βασιλευσάντων. δεῖ δὲ καὶ τοὺς μετὰ ταῦτα συγγράψασθαι τὰ λοιπὰ ἀρετῆς χάριν.

Слова, опущенныя въ переводѣ, яснѣе выражаютъ тотъ смыслъ, славянскаго предисловія, о которомъ мы сказали выше.

Въ заключеніе не можетъ не выразить своего сожалѣнія о томъ, что ввели въ заблужденіе уважаемаго рецензента своею ссылкою на отчетъ о засѣданіи Импер. Арх. Общ., помѣщенный въ журналѣ Историческій Вѣстникъ.

Берлинъ. **С. Шестаковъ.**

2. Библіографія.

РОССІЯ.

Лѣтопись Историко-Филологическаго Общества при Новороссійскомъ Университетѣ. IV. *Византійское Отдѣленіе II.* Одесса 1894 8°. VI + 316 + 128 стр. Цѣна 2 руб.

Въ отдѣлѣ I «Изслѣдованія» помѣщены слѣдующія статьи:

Д. Ѳ. Бѣляевъ, Ектиріи св. Константина при порфировой колоннѣ на форѣ Константина и совершавшіеся тамъ обряды (стр. 1—22).

Лабартъ и Паспати полагали ектиріи св. Константина на Августеонѣ,

1) Объ отношеніи къ нему слав. перевода Малалы въ особой замѣткѣ.

причемъ Паспати подъ колонной, при которой онъ находился, разумѣлъ колонну Юстиніана. Между тѣмъ изъ описанія церковныхъ обрядовъ, совершавшихся тамъ въ Богородичные праздники и въ дни военныхъ торжествъ, совершенно ясно, что онъ находился на форѣ Константина, при порфировой колоннѣ, составляя даже съ нею одно архитектурное цѣлое, и былъ обращенъ лѣвыми (сѣверными) окнами къ зданію сената.

А. И. Кирпичниковъ, Чудесныя статуи въ Константинополѣ (стр. 23—47).

Давъ, главнымъ образомъ по г. Стржиговскому, очеркъ культа Τύχη вообще, и «Судьбы города» и ея статуй въ Византіи отъ Константина Великаго до VI вѣка, авторъ сводитъ извѣстія Анонима Бандури и др. о прочихъ чудесныхъ статуяхъ Константинополя, каковыми считались: мнимый палладіумъ Рима (Константинова колонна или статуя его), статуя Юстиніана, изображенія вредныхъ животныхъ, заговоренныя Аполлоніемъ Тіанскимъ, 2 статуи, обличавшія распутницъ (на Зевгмѣ и въ Неоріи) и т. д. По поводу этихъ статуй авторъ касается вообще вѣрованія византійцевъ въ тѣсную связь изображенія съ изображеннымъ лицомъ.

Ѳ. И. Успенскій, Неизданное церковное слово о болгарско-византійскихъ отношеніяхъ въ первой половинѣ X вѣка (стр. 48—123).

Профессоръ Успенскій даетъ греческій текстъ и русскій переводъ анонимнаго «слова на мирное соглашеніе съ Болгарами», сохранившагося въ единственной рукописи Vatic. № 483, указывая подъ строкой многочисленныя цитаты изъ Св. Писанія и другихъ литературныхъ произведеній христіанскихъ и языческихъ; затѣмъ слѣдуетъ обзоръ содержанія «слова» въ цѣломъ и историко-литературный комментарій къ нему. «Слово» было извѣстно уже Газе, который приписывалъ его Ѳеофилакту Болгарскому; оно написано несомнѣнно по поводу мира, заключеннаго въ 926 или 927 г. съ имп. Романомъ Лакапиномъ царемъ болгарскимъ Петромъ. Авторъ — человѣкъ широкаго литературнаго образованія, въ совершенствѣ владѣющій пріемами византійскаго краснорѣчія, онъ цитуетъ, кромѣ Св. Писанія и св. отцовъ, Гомера, Гесіода, стоиковъ, Аристотеля, «Физіолога» и апокрифы (между прочимъ одинъ неизвѣстный до сихъ поръ — о вѣнцѣ, плѣнившемъ Еву); онъ знакомъ съ исторіей, миѳологіей, философіей, риторикой, піитикой и народной литературой. Изъ историческихъ лицъ названы по имени только имп. Левъ (VI) и народъ — болгары; Романъ Лакапинъ, Симеонъ, Петръ и др. скрываются подъ библейскими и миѳологическими именами. На греко-болгарскую войну авторъ смотритъ, какъ на междоусобную, считая болгаръ, по крещенію, духовными братьями грековъ, а на дѣятельность царя Симеона, какъ на измѣну и духовному отцу — грекамъ, и плотскому — традиціямъ царя Бориса; онъ уличаетъ Симеона въ варварствѣ и противорѣчивости его политическихъ понятій. О самомъ себѣ авторъ говоритъ только одно:

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

имъ же въ VI т. Nova Bibl. Patrum). По его мнѣнію, высказанному уже въ книгѣ «Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ литургическихъ рукописяхъ Ватиканской библіотеки» (1885 г.), многіе отдѣлы перваго изъ названныхъ трудовъ перенесены въ него изъ второго (а не наоборотъ); а такъ какъ Θеодора Андидскаго никакъ нельзя относить ко времени раньше конца IX вѣка — проф. Красносельцевъ относитъ его даже къ концу XI — то толкованіе съ именемъ св. Софронія не можетъ принадлежать ему, и вовсе не имѣетъ приписываемой ему важности. Проф. Кондаковъ возразилъ въ свое время на это, что вопросъ не рѣшенъ: надо выдѣлить заимствованія, какъ интерполяціи, и посмотрѣть, есть ли препятствія видѣть въ остающихся отдѣлахъ трудъ св. Софронія. Это-то и дѣлаетъ г. Красносельцевъ въ настоящей статьѣ. По выдѣленіи остается довольно цѣльное сочиненіе, распадающееся на 2 части. Послѣдняя есть начало толкованія литургіи, до херувимской пѣсни; по ея незначительности трудно сказать что либо объ ея авторѣ; а первая часть есть одна изъ редакцій хорошо извѣстнаго древняго сочиненія, т. наз. ἱστορία ἐκκλησιαστική (толкованіе храма и его принадлежностей), составленнаго первоначально, вѣроятно, древнѣйшимъ изъ многихъ св. отцовъ, которымъ оно приписывается — св. Василіемъ Великимъ. Уже древнѣйшая изъ извѣстныхъ намъ редакцій ἱστορίας — сводная, сливаетъ вмѣстѣ 3 типа толкованій и говоритъ уже о херувимской пѣсни; а заключающаяся въ псевдо-софроніевомъ толкованіи цитуетъ уже Иринея Ліонскаго по переводу Анастасія Синаита, слѣд. не старше конца VII вѣка; противъ авторства св. Софронія говоритъ также блѣдность топографическихъ чертъ іерусалимской области. Толкованіе было приписано Софронію, вѣроятно, потому, что было найдено въ типикѣ съ его именемъ.

Затѣмъ слѣдуетъ текстъ ἱστορία ἐκκλ. по Миллезіеву изданію Кирилла іерусалимскаго, сличенному съ рукописью Вѣнской королевской библіотеки; дополненія рукописи коллегіи св. Магдалины отдѣлены и прибавленъ русскій переводъ изъ «Сборника литургическихъ толкованій» Спб. Дух. Академіи. Въ концѣ авторъ доказываетъ, что краткая редакція ἱστορίας есть первоначальная.

А. К. Димитріу, Къ вопросу объ Historia Arcana (стр. 258—301).

Данъ доказалъ, что внѣшнія данныя — показанія рукописей, Свиды и пр. — не даютъ почвы для рѣшенія вопроса о подлинности «Тайной Исторіи». Но и его аргументы не рѣшаютъ дѣла: однообразіе языка черта общая всей литературѣ VI вѣка; вѣра въ δαιμόνια у подлиннаго Прокопія не имѣетъ приписанной ему Даномъ специфической окраски; да вообще отъ сходства воззрѣній авторовъ Arcana и Исторіи нельзя заключать къ ихъ тождеству.

Ранке, доказывавшій, что Arcana — сводъ замѣтокъ Прокопія, «монашескихъ фантазій» и неизвѣстно откуда взятыхъ извѣстій, не убѣдилъ никого, и вопросъ, такимъ образомъ, остается открытымъ.

Авторъ старается опредѣлить цѣль «Тайной Исторіи» и ея отношеніе

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

житіе св. Кирилла — что до Азовскаго моря Кириллъ совершилъ путь пѣшкомъ; житіе св. Меѳодія—что царь послалъ св. Меѳодія въ Хазарію «вслѣдъ за философомъ». Это указываетъ на то, что до миссіи въ Хазарію св. Константинъ философъ самостоятельно проповѣдывалъ въ Южной Россіи и въ Крыму. Далѣе авторъ соглашается съ Вороновымъ, что «преніе Константина съ Анніемъ»—вымышленная подкладка извѣстнаго отдѣла сочиненія Константина «въ защиту православія отъ всѣхъ враговъ его», а пренія съ сарацинами и евреями, какъ они передаются въ житіи,—схематичная комбинація, но считаетъ необходимымъ признать фактъ преній, на основаніи «Похвалы» св. Климента.

Слѣдуетъ «Обзоръ новѣйшей литературы по византиновѣдѣнію»:

1) «Русскій журналъ, посвященный изученію Византіи» — подробное извѣщеніе о «Виз. Временникѣ» (стр. 65—73).

2) C. W. C. Oman M. A., F. S. A., The Byzantine Empire. Рец. А. Е. К. (стр. 73—77).

3) Dr. E. A. Stückelberg, Der Constantinische Patriciat. Ein Beitrag zur Geschichte der späteren Kaiserzeit. Basel und Genf, 1891, стр. 131, 8°. Рец. Д. Б. (стр. 77—81).

4) Leben des heiligen David von Thessalonike, griechisch nach der einzigen bisher aufgefundenen Handschrift herausgeg. von Valentin Rose. Berlin 1877. Рец. У—скаго (стр. 81—83).

5) Jules Nicole, Le livre du préfet ou l'édit de l'empereur Léon le Sage sur les corporations de Constantinople. Genève 1893. Рец. У—скаго (стр. 83—86).

6) K. Krumbacher, Studien zu den Legenden des H. Theodosios. München 1892. Рец. У—скаго (стр. 86—88).

7) Д. Бѣляевъ, Byzantina. Очерки, матеріалы и замѣтки по византійскимъ древностямъ. Кн. II, съ таблицами и планами. Спб. 1893. Рец. У—скаго (стр. 88—94).

8) K. Krumbacher, Mittelgriechische Sprichwörter. München 1893. Рец. А. К. (стр. 92—94).

9) Стоjана Новаковића, Срби и Турци XIV и XV века. Историjске студиjе о првим борбама съ наjездомъ туркомъ пре и после боjа на Косову. У Беогроду 1893. Рец. М. П. (стр. 94—96).

10) Dr. V. Jagić, Der erste Cetinjer Kirchendruck vom Jahre 1494. Wien 1894. Рец. М. П. (стр. 97—98).

11) С. Шестаковъ, О происхожденіи и составѣ хроники Георгія Монаха (Амартола). Казань, 1892, II+173 стр. 8°.

Его же, По вопросу объ источникахъ хроники Георгія Монаха (Амартола): IV книга хроники. Спб. 1892, 58 стр. 8°. Рец. А. Д. (стр. 98—104).

12) В. Васильевскій, Русско-византійскія изслѣдованія. Вып. второй. Житія свв. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго. Спб. 1893. Рец. А. М. (стр. 104—117).

13. Послѣднія изданія Имп. Православнаго Палестинскаго Общества:

[illegible] ... В. Н. Х. 1894.

[illegible] ... 1894.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

14. [illegible] ... Müller [illegible]

[illegible]

15. [illegible]

[illegible]

ства, такъ и въ турецкій періодъ константинопольской церкви. Проф. Суворовъ указываетъ на факты созыванія соборовъ императорами, присутствіе ихъ самихъ или ихъ представителей на соборахъ, утвержденіе ими каноновъ соборныхъ и наконецъ самостоятельное изданіе ими церковныхъ законовъ. Г. Прокошевъ указываетъ, что соборы собирались и помимо воли императоровъ, что церковныя власти законодательствовали и безъ соборовъ; участіе въ соборахъ императорскихъ уполномоченныхъ было не обязательно, и ограничивалось заботой о внѣшнемъ порядкѣ и безопасности собора; императорское утвержденіе придавало канонамъ лишь внѣшнюю обязательность и имѣло цѣлью заслужить благоволеніе Божіе къ государству; императорскіе эдикты по религіознымъ дѣламъ были лишь выводами и примѣненіями церковныхъ каноновъ, за немногими исключеніями, представляющими изъ себя аномаліи, превышенія власти. Также на сторону преосв. Іоанна становится г. Прокошевъ и въ вопросѣ о церковномъ судѣ, защищая противъ проф. Суворова самостоятельность его происхожденія, независимость отъ государства, и его двоякій видъ, какъ forum externum и forum internum. Словомъ: согласіе съ государствомъ, но вмѣстѣ самостоятельность и независимость отъ него — таковъ принципъ православнаго церковнаго права; если государство нарушало его, церковь становилась ему въ оппозицію (указываются случаи обличенія патріархами императоровъ, и наложенія на послѣднихъ церковныхъ наказаній). Воззрѣнія еп. Іоанна авторъ подкрѣпляетъ ссылками на акты церковнаго и гражданскаго византійскаго права (Никейскій I соборъ, законодательство Юстиніана и Эпанагогу) и разбираетъ случаи, когда императоры нарушали права церкви. Проф. Лашкаревъ, приписывая канону ту же неизмѣнность, какая принадлежитъ догмату, считаетъ развитіе церковнаго права закончившимся въ эпоху вселенскихъ соборовъ. На эту мысль г. Прокошевъ возражаетъ, указывая на иныя толкованія каноновъ, на которые ссылается проф. Лашкаревъ и на исторію права автокефальныхъ помѣстныхъ церквей, но главнымъ образомъ на consensus въ этомъ случаѣ православныхъ канонистовъ: Бердникова, Горчакова, Павлова, митр. Филарета, Барсова и пр. Въ общей оцѣнкѣ трудовъ преосв. Іоанна авторъ сходится съ Бердниковымъ, считаетъ «Опытъ церковнаго законовѣдѣнія» классическимъ въ своемъ родѣ произведеніемъ и основные взгляды его фундаментальными для всякаго православнаго канониста.

Н. Писаревскаго, *Значеніе иконоборства въ исторіи церковнаго искусства* (Чт. въ Общ. Люб. Дух. Просв. 1894 г., Авг., стр. 157—178).

Христіанское искусство въ первые вѣка пользовалось для выраженія своихъ идей античными формами; въ эпоху своего расцвѣта, съ IV—VII вѣкъ, вполнѣ отдѣлилось отъ античнаго, поставивъ себѣ цѣлью идейное содержаніе и красоту нравственнаго идеала, вмѣсто красоты формъ. IV и V вѣка есть вмѣстѣ съ тѣмъ и время развитія и формулировки иконопочитанія, и главныхъ возраженій противъ его извращеній. Иконобор-

[illegible]

§ [illegible]

[illegible]

Русскій переводъ съ галицко-русскаго нарѣчія этой же популярной статьи о св. Ольгѣ уже помѣщенъ былъ въ «Странникѣ» 1893 г., т. II и III. Ср. «Виз. Врем.» I, стр. 2.

М. Соколова, *Симеонъ, Архіепископъ Солунскій, какъ истолкователь богослужебныхъ чинопослѣдованій* (Чт. въ общ. «Люб. Дух. Просв.» 1894 г., Сентябрь, стр. 424—446).

Это — продолженіе труда автора о Симеонѣ, о которомъ мы дали отчетъ въ 3—4 книжкѣ «Временника» за 1894 г. (см. стр. 736). Г. Соколовъ излагаетъ по Симеону Солунскому чины: крещенія, миропомазанія и мироосвященія, и литургіи до великаго входа, сравнивая попутно съ обрядомъ XV в. обрядъ современный и древній (по Максиму Исповѣднику и т. наз. Софронію іерусалимскому).

А. Лебедева, *Константинопольская патріархія въ ея интеллектуальной сторонѣ* (отъ эпохи паденія византійской имперіи до ближайшаго къ намъ времени). (Богосл. Вѣстн. 1894 г., Декабрь, Отд. II, стр. 456—486).

Этотъ очеркъ, въ зависимости отъ отрывочности источниковъ, носитъ характеръ свода отдѣльныхъ замѣтокъ о патріархахъ, выдававшихся образованностью или, напротивъ, невѣжествомъ, — замѣтокъ, связанныхъ очень краткой и общей характеристикой эпохъ. Умственный уровень патріархіи за все это время представленъ очень не высокимъ: число іерарховъ, слывущихъ учеными, скромное въ XV и XVI вѣкахъ, еще меньше въ XVII, неожиданно увеличивается въ XVIII и опять падаетъ въ XIX. Большинство знаменитостей XVIII вѣка должно считать раздутыми, а недостатокъ видныхъ личностей въ XVII объясняется крайней скудостью извѣстій объ этомъ времени. Изъ отдѣльныхъ лицъ можно указать, какъ на достойнѣйшихъ: въ XV в. (кромѣ Геннадія Схоларія) на Максима III (съ оговоркой), Нифонта пелопоннисскаго; въ XVI: на Іеремію II и Митрофана III; въ XVII: на Кирилла Лукаря, Діонисія IV, можетъ быть Каллиста II, и Нифонта IV; въ XVIII: на Аѳанасія V, Кирилла IV, Косьму III, Каллиниковъ III и IV, Серафима II и особенно Самуила I Ханцериса и мн. др.; въ XIX в. на Константія I, вмѣстѣ съ Схоларіемъ и Самуиломъ I ученѣйшаго патріарха турецкаго періода.

Наоборотъ, извѣстны невѣжествомъ: въ XV в. Рафаилъ I, въ XVI Іоакимъ I и Пахомій II (съ большой оговоркой) и особенно Іеремія I и Ѳеолиптъ II; въ XVII в. Гавріилъ II и Парѳеній IV; въ XVIII в. Гавріилъ III, Мелетій II, Неофитъ VI; въ XIX в. Каллиникъ V и Іеремія IV. Не лишено интереса подстрочное примѣчаніе, примыкающее къ обзору источниковъ, предпосланному своимъ очеркамъ проф. Лебедевымъ (см. Виз. Вр. 1894 г., вып. 2, стр. 441—443); тутъ дана характеристика труда Георгія Вендотиса, написавшаго продолженіе (IV книгу) исторіи Мелетія аѳинскаго.

А. Лебедева, *Нравственный обликъ, церковнообщественная дѣятельность, настроенія и злополучія константинопольской патріархіи (во второй половинѣ XV и XVI вѣкѣ).* (Богосл. Вѣстн. 1895 г., Январь, Отд. II, стр. 31—54).

Первая часть этой статьи состоитъ, подобно предыдущей, изъ отрывочныхъ характеристикъ патріарховъ особо хорошихъ или особо дурныхъ нравственныхъ качествъ, за время отъ завоеванія Константинополя турками до перенесенія резиденціи патріарха въ Фанаръ. За нравственныя достоинства выдѣлены, изъ патріарховъ XV в., Исидоръ (одинъ изъ послѣднихъ патріарховъ, поставленныхъ не изъ епископовъ), Діонисій I, Симеонъ (изъ трапезундцевъ, которыхъ проф. Лебедевъ при этомъ случаѣ защищаетъ отъ обвиненій въ интригантствѣ и смутьянствѣ), Максимъ III, Нифонтъ II, Діонисій II (съ оговоркой), Іеремія II и Маркъ Ксилокаровисъ. Патріарха Рафаила I проф. Лебедевъ беретъ подъ защиту отъ неумѣренныхъ осужденій; по его мнѣнію, память Рафаила очернена національной ненавистью грековъ къ патріарху-сербу. Пресловуты дурной нравственностью Максимъ IV, Феолиптъ I, Іоасафъ II.

Затѣмъ сообщаются свѣдѣнія о замѣчательнѣйшихъ церковныхъ соборахъ этого времени: это софійскій при Симеонѣ I, т. наз. вселенскій, осудившій впервые флорентійскій соборъ (значитъ въ 1450 г. такого собора не было, акты его, по мнѣнію проф. Лебедева, сфабрикованы на Востокѣ), соборъ въ междупатріаршество по смерти Іереміи I — о порядкѣ избранія патріарховъ, и соборъ 1565, осудившій симонію и, въ частности, патр. Іоасафа II. Особенно широкой церковно-общественной дѣятельностью заявилъ себя патр. Іеремія II Траносъ.

М. Соловьева, *Никифоръ Өеотоки* (прод. и окончаніе; см. Виз. Врем. 1894 г., вып. 3—4, стр. 739). (Труды К. Дух. Ак. 1894 г., Октябрь, стр. 248—266, Декабрь, стр. 569—597).

Авторъ довелъ до конца подробную біографію своего героя; онъ говоритъ о жизни Никифора въ Константинополѣ, открытіи имъ Σειρὰ τῶν Ἁγίων Πατέρων, и столкновеніи съ патріархомъ Самуиломъ; затѣмъ о его научныхъ работахъ въ Лейпцигѣ (1769—73 гг.) и отношеніяхъ его къ Лейпцигскому университету; затѣмъ переходитъ къ его дѣятельности въ качествѣ инспектора школъ Славянской епархіи, а потомъ архіепископа (— 1786 г.), и его отношеніямъ къ русскому расколу, наконецъ къ дѣятельности его въ астраханской епархіи (—1792 г.), и въ заключеніе говоритъ о жизни и ученыхъ занятіяхъ его на покоѣ, въ Московскомъ Даниловомъ монастырѣ (1800 г.). Разсказъ иллюстрированъ краткими извлеченіями изъ трудовъ Никифора и переводами нѣсколькихъ его бесѣдъ и писемъ. Главные труды изложены очень кратко; вниманіе автора обращено преимущественно на установку біографическихъ фактовъ.

Д. Бѣляева, *Краткій отч* … (Ученыя Записки Имп. Казанскаго Уп … 178).

Командировка была пред …
съ цѣлью ознакомиться …
нѣкоторыя рукописи іеру …

А. Александрова, *Гра* …

монастыряхъ Адріатическаго побережья (Ученыя Записки Имп. Казанскаго Университета 1894 г., кн. 3, стр. 1—8).

Здѣсь помѣщена грамота императора Александра I монастырю Пива въ Черногоріи, отъ 1816 г., царя Алексѣя Михайловича монастырю Лепавина Срѣмско-Карловицкой епархіи въ Австро-Угріи, отъ 1651 г., и диптихи Лепавина монастыря. Тамъ помѣщены въ помянникѣ живыхъ члены дома Романовыхъ отъ царя Алексѣя до императрицы Анны Іоанновны; въ помянникѣ усопшихъ: князья отъ Ярослава I до царевича Алексѣя Петровича, патріархи отъ Іова до Адріана и нѣкоторые другіе русскіе іерархи, митрополиты кіевскіе и епископы черниговскіе.

Рецензіи появились на книги:

Др. Никодим Милаш, Православно црквено право по општим црквено-правним изворима и посебнимъ законским наредбама које важе у поједином самоуправним црквама. Задар 1890. Рец. **Н. С. Суворова** въ Врем. Демид. Юрид. Лицея, кн. 62, Юрид. Библіогр. № 33, стр. 39—48.

K. Krumbacher, Mittelgriechische Sprichwörter и

Ed. Kurtz, Die Sprichwörtersammlung v. Maximus Planudes. Рец. на обѣ книги **И. Тимошенко,** подъ заглавіемъ: «Византійскія пословицы и славянскія параллели къ нимъ» («Русскій Филологическій Вѣстникъ» 1894, № 3, стр. 126—140, № 4, стр. 295—304, продолженіе будетъ).

Socrates ecclesiastical history according to the text of Hussey with an introduction by William Bright. Second edition. Oxford, 1893. Рец. **А. А. Спасскаго** въ Богосл. Вѣстн. 1895 г., Январь, Отд. IV, стр. 153—165.

А. Н. Петрова, Пятидесятилѣтіе научной разработки славянскихъ источниковъ для біографіи Кирилла и Меѳодія. М. 1894.

Его же, Спорные вопросы миссіонерской дѣятельности св. Кирилла Философа на Востокѣ. Одесса 1894.

Его же, Апокрифическое пророчество царя Соломона о Христѣ, находящееся въ пространномъ житіи св. Константина философа, по списку XIII в., Спб. 1894. Рец. на всѣ три статьи Петрова, г. **Воскресенскаго** въ Богосл. Вѣстн. 1894 г., Декабрь, Отд. IV, стр. 539—547.

Январь 1895.

Б. Меліоранскій.

ГЕРМАНІЯ.

«Byzantinische Zeitschrift», *herausgegeben v. K. Krumbacher. IV Band (1895). Heft 1.*

Отдѣлъ I. Изслѣдованія и матеріалы (стр. 1—127).

M. Treu, *Michael Italikos* (стр. 1—22). Авторъ отвергаетъ мнѣнія Крамера и Буасоннада объ авторѣ и времени составленія изданныхъ Крамеромъ 29-ти Ἐπιστολαὶ ἀνεπιγράφου τινός (cod. Barocc. 131), и рѣшаетъ вопросъ данными самихъ писемъ. Три адресата — Лизиксъ, Ѳеофанъ Эфоръ и Стефанъ Мелитъ исторически тѣсно связаны съ личностью Ѳеодора Продрома; въ 16 письмѣ есть упоминаніе о недавней кончинѣ

Алексѣя, сына императора Калоіоанна; другой Алексѣй Комнинъ писемъ есть вѣроятно сынъ кесаря Никифора Вріеннія, къ которому авторъ является очень близкимъ лицомъ; а упоминаемая имъ Дукена Ирина есть теща кесаря, супруга Алексѣя I; царствующій императоръ, судя по 16-му письму, есть Калоіоаннъ, и, слѣдовательно, великій доместикъ (см. письма 26 и 28)—Іоаннъ Аксухъ. Еще упоминаются: нѣкій логооетъ, ученикъ нашего автора; Михаилъ Каматиръ — лицо военнаго сословія; маисторъ риторовъ (безъ имени); родные братъ и племянникъ автора, врачи: Липсіотъ и (не названный по имени) актуарій, лейбъ-медикъ императора; епископъ адріанопольскій Іоаннъ Каматиръ; хартофилаксъ, и еще какой-то Цикноглъ (письма 20 и 27). Авторъ писемъ весьма начитанный человѣкъ, хорошо знакомый съ астрономіей, богословіемъ, исторіей своей страны, но особенно съ риторикой и философіею; онъ преподаватель по профессіи, и даетъ желающимъ научныя указанія; онъ небогатъ, считаетъ себя выше своего положенія и готовъ, чтобы заслужить милость царя, принять всякое порученіе. напр. въ Римѣ; въ 27 письмѣ онъ называетъ себя Италикомъ, въ 11-мъ — Михаиломъ. Ѳеодоръ Продромъ упоминаетъ о «весьма мудромъ Италикѣ»; въ парижской рукописи № 2872 есть письмо Италика къ Продрому и отвѣтъ Продрома. Онъ, вѣроятно, одно лицо съ упоминаемымъ у Никиты Хоніата подъ 1147 г. епископомъ филиппопольскимъ. Ѳеодоръ Продромъ упоминаетъ о «Италикѣ, подражателѣ Платона, проедрѣ Филиппъ». Въ заключеніе М. Treu предлагаетъ рядъ замѣчаній по исправленію текста писемъ автора, впервые имъ вводимаго въ исторію византійской литературы.

E. Patzig, *Die Troica des Johannes Antiochenus* (стр. 23—29). Авторъ указываетъ источники двухъ хроникъ codd. Vind. Hist. Graec. № 98/99, описанныхъ и отчасти изданныхъ А. Гейнрихомъ въ программѣ 1-й грацской гимназіи на 1892 г. Вторая, надписанная именемъ логооета Акрополита, въ первой части взята изъ Константина Манасси, а исторія императоровъ до 1118 г. почти буквально изъ Зонары. Вторая часть первой, носящая имя Іоанна Спкеліоты, содержитъ—это важно—Τρωϊκὰ Іоанна Антіохійскаго, въ подлинномъ текстѣ, но съ пропусками, что выясняется изъ сравненія ея текста съ извѣстными фрагментами и эксцерптами Іоанна Антіохійскаго, и разъясняетъ отношеніе: между Малалой и Іоанномъ, и Іоанномъ и его компиляторами. Въ подстрочномъ примѣчаніи указано соотвѣтствіе содержанія хроники Іоанна Спкеліоты съ σύνοψις χρονική изъ Marc. 407, изданной Саөою въ 7-мъ томѣ Bibl. graeca Medii aevi.

J. R. Asmus, *Ein Beitrag zur Rekonstruktion der Kirchengeschichte des Philostorgios* (стр. 30—44). Авторъ возстановляетъ отрывокъ изъ исторіи Филосторгія, содержавшій оцѣнку литературныхъ трудовъ св. Василія Великаго, св. Григорія Назіанзина, Аполлинарія и Евномія, сравнивая и сопоставляя въ таблицу пересказы Фотія (въ «Библіотекѣ»

и въ 'Επιτομή), Свиды и Никиты Хоніата (въ Θησαυρὸς ὀρθοδοξίας). Всѣ эти пересказы принадлежатъ православнымъ писателямъ, всѣ, каждый по-своему, неполны, и другъ отъ друга независимы; полнаго Филосторгія мы врядъ ли получимъ, сведя даже всѣ ихъ въ одно цѣлое.

Ph. Meyer, *Bruchstücke zweier* τυπικὰ κτητορικά (стр. 45—58). Авторъ отыскалъ въ рукописи сочиненія Пахомія Русана, монаха Иверскаго монастыря на Аѳонѣ, «противъ идіоритма» (библ. назв. монастыря, № 593, 1540 года), 3 отрывка устава монастыря св. Димитрія Κελλιβάρων, и отрывокъ устава монастыря τοῦ φιλανθρώπου σωτῆρος съ именемъ императрицы Ирины Ласкарины Палеологины. Начало перваго устава — первыя 18 главъ — опубликованы проф. И. Е. Троицкимъ (Imp. Michaelis Palaeologi de vita sua etc. Спб. 1885); у Пахомія Русана императоромъ названъ Андроникъ, вѣроятно II, откуда ясно, что уставъ составленъ въ 1282/3 г. Это самое позднее упоминаніе о монастырѣ св. Димитрія на Латрѣ. По содержанію уставъ слѣдуетъ іерусалимскому типу. Первый отрывокъ установляетъ одинаковую трапезу для всѣхъ монаховъ, второй говоритъ объ обязанности ходить за больными, въ третьемъ императоръ, какъ епитропъ монастыря, опредѣляетъ, сколько платья онъ будетъ ежегодно отпускать на монастырскій обиходъ. Второй уставъ, Ирины Ласкарины, почти не отличается отъ типика Ирины Дукены, даннаго въ 1118 г. монастырю пресв. Богородицы Обрадованной.

J. Gay, *Notes sur la conservation du rite grec en Calabre et dans la terre d'Otrante au XIV siècle* (стр. 59—66). Въ этой замѣткѣ сведены упоминанія о монастыряхъ устава св. Василія Великаго и о лицахъ обозначаемыхъ какъ «clerici greci», «protopapae» и т. д., въ Калабріи и въ Отранто, по записнымъ книгамъ десятины св. престола за 1326/8 и 1373 г., хранящимся въ Ватиканскомъ архивѣ. Всѣ эти извѣстія крайне отрывочны и не даютъ возможности судить ни о количествѣ церквей и духовныхъ лицъ греческаго обряда, ни о чистотѣ самаго обряда.

Ch. Diehl, *Etudes sur l'histoire de la domination byzantine en Afrique* (стр. 67—91). (Отрывокъ изъ имѣющей скоро явиться въ свѣтъ histoire d. l. dom. byz.). Вандальское завоеваніе разрушило цивилизацію и порядокъ Африки — римской провинціи и обаяніе, которое римляне съ трудомъ пріобрѣли надъ окрестными разбойничьими народами; византійцы, завоевавшіе снова Африку, въ послѣдовавшей затѣмъ непрерывной борьбѣ мало по малу уступали и наконецъ совсѣмъ уступили имъ; короткіе періоды мира они всячески старались закрѣпить договорами, что однако плохо удавалось имъ.

Г. Диль начинаетъ съ географическаго и этнографическаго очерка этихъ племенъ по Кориппу и Прокопію. Самое значительное изъ нихъ — Леваѳы Прокопія къ западу отъ Триполиса. Всѣ они кочевыя: пища, одежда, занятія у всѣхъ были почти одинаковы: у всѣхъ было многоженство, вездѣ мужчины занимались войной и разбоемъ, а домашнія работы лежали на женщинахъ. Ни римляне, ни христіанство, ни мусуль-

манство не измѣнило этого быта; религіозныя и моральныя понятія у нихъ были крайне слабы, а суевѣріе сильно развито. Одинъ страхъ могъ обуздывать ихъ. Характеристика иллюстрируется очеркомъ похожденій нѣкоторыхъ вождей. Всѣ они уважають имя Рима, и свои возстанія и войны стараются представить не нарушающими этого уваженія; они охотно номинально покоряются и заключають формальные, письменные договоры; они даютъ въ заложники своихъ дѣтей, братьевъ и принимаютъ отъ императора знаки власти; обязуются помогать ему въ военныхъ предпріятіяхъ и хранить миръ относительно имперскихъ владѣній; императоръ же за это даетъ имъ *annona* (т. е. ежегодную денежную субсидію). За соблюденіемъ договора слѣдитъ византійскій губернаторъ и задерживаетъ annona въ случаѣ замѣченнаго нарушенія; иногда даже распоряжается судьбой трона вассальнаго народца. Съ особенной точностью опредѣлялась въ договорахъ обязанность военнаго союзничества. Наконецъ Юстиніанъ и позднѣйшіе императоры VI и VII вѣка вмѣстѣ со своей сюзеренной властою вводятъ христіанство среди этихъ племенъ большею частью языческихъ, нерѣдко кроваваго культа, и съ очень значительнымъ успѣхомъ. Всѣ указанныя общія положенія авторъ подкрѣпляетъ ссылками на историческіе факты и отдѣльныя сообщенія о договорахъ.

Sp. P. Lambros, *Leo und Alexander als Mitkaiser von Byzanz* (стр. 92—98). Спир. Финдиклисъ опубликовалъ (въ Μνημεῖα τῆς ἱστορίας τῶν Ἀθηναίων т. III, 4) надпись 895 г., говорящую объ императорахъ Львѣ и Александрѣ. Проф. Ламбросъ приводитъ по этому поводу другія свидѣтельства о соправительствѣ Александра (изъ житія св. Василія Новаго— для 896 г.; надпись о возстановленіи стѣнъ Солуни для 904 г.) и объясняетъ искаженіе этого факта у продолжателей Георгія Миниха и Θеофана тѣмъ, что они тѣсно связаны съ дворомъ имп. Константина VII, въ которомъ жила объ Александрѣ недобрая память, какъ о дурномъ правителѣ и кромѣ того, человѣкѣ, считавшемся нѣкоторыми истинным порфирогеннитомъ, помимо Льва. Какъ и Соси, г. Ламбросъ относитъ монеты съ именемъ одного Льва къ послѣднимъ годамъ его правленія и полагаетъ, что негодный соправитель Александръ былъ мало-по-малу устраненъ Львомъ отъ дѣлъ.

F. Cumont, *Note sur une inscription d'Iconium* (стр. 99—105). Статья содержитъ снимокъ съ надгробнаго камня «эмира Михаила Комнина», отъ 1 Ноября 1297 г., и комментаріи къ этой надписи. Личность Михаила устанавливается при помощи хроники Панарета: это—правнукъ Алексія I Трапезундскаго, сынъ Іоанна-инока (въ надписи τοῦ ταπεινοῦ); дѣдъ его Іоаннъ Аксухъ названъ только κῦρ, вѣроятно, какъ вассалъ сельджукскаго султана.

H. Swainson, *Monograms on the Capitals of S. Sergius at Constantinople* (стр. 106—108). 21 снимокъ монограммъ, съ именами: 1—10 — Юстиніана, 11 и 12 — Θеодоры, 13—21 — βασιλέως.

A. Kirpičnikow, *Zur byzantinischen Miniaturmalerei* (стр. 109—124). Авторъ, изучившій въ подлинникѣ миніатюры извѣстныхъ лицевыхъ рукописей бесѣдъ на богородичные праздники Іакова Коккиноваѳа (Paris. 1208 и Vatic. 1162) сообщаетъ рядъ поправокъ къ объясненіямъ ихъ, даннымъ проф. Кондаковымъ и Бордье, основываясь на соотвѣтствующемъ миніатюрамъ текстѣ, на который изслѣдователи обращали слишкомъ мало вниманія. Статья снабжена снимками съ 5 миніатюръ.

F. Lauchert, *Der unter Nilos des Aeltern Namen überlieferte* Παράδεισος (стр. 125—127). Авторъ указываетъ, что Παράδεισος, извѣстный съ именемъ преп. Нила Старшаго изъ Ламбеція, Бандини, Mellot, Sinner'a и пр., напечатанъ еще въ 1563 г. съ именемъ истиннаго автора, Іоанна Геометра.

Отдѣлъ II. Критика (стр. 128—160).

Этотъ отдѣлъ содержитъ рецензіи на слѣдующія книги:

Philipp Forchheimer und Josef Strzygowski, Die byzantinischen Wasserbehälter von Konstantinopel. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Baukunst und zur Topographie von K—pel. (II Band von Strzygowski, Byzantinische Denkmäler). Wien, 1893. Рец. F. v. Reber (стр. 128—136).

Alex. Freih. von Warsberg, Eine Wallfahrt nach Dodona. Graz, 1893. Рец. J. Strzygowski (стр. 139).

Ѳ. Успенскій, Синодикъ въ недѣлю Православія. Одесса, 1893. Рец. Ed. Kurtz (стр. 143—145).

Μάρκος ὁ Εὐγενικὸς καὶ Βησσαρίων ὁ Καρδινάλις ὑπὸ Νικηφόρου ἀρχιεπ. Π. Πατρῶν (τοῦ Καλογερᾶ). Ἀθήνησι, 1893. Рец. Johannes Dräseke (стр. 145—153).

Ἐπαμεινώνδας Σταματιάδης, Ἰκαριακὰ ἤτοι ἱστορία καὶ περιγραφὴ τῆς νήσου Ἰκαρίας. Σαμ., 1893. Рец. Gust. Meyer (стр. 153—154).

P. Jörs, Die Reichspolitik Kaiser Justinians. Giessen, 1893. Рец. L. M. Hartmann (стр. 154—155).

Ст. Новаковић, Срби и Турци XIV и XV века. У Београду, 1893. Рец. M. Rešetar (стр. 155—156).

Его же Стара српска војска. Историјске скице из дела «Народ и земља у старој српској државн». Рец. M. Rešetar (стр. 156).

С. Шестаковъ, О возникновеніи и составѣ хроники Георгія Монаха Амартола. Казань, 1892.

Его же, Къ вопросу объ источникахъ хроники Георгія Монаха. Спб. 1892. Рец. на обѣ книги Carl Erich Gleye (стр. 156—158).

Fontes rerum byzantinarum accuravit W. Regel. Tomus I, Fasc. I. Спб., 1892. Рец. J. Dräseke (стр. 158—160).

Отдѣлъ III: Библіографія и мелкія сообщенія (стр. 161—240).

Обращаемъ вниманіе читателей на слѣдующія указанныя редакціей книги и статьи:

По исторіи словесности:

Fabularum Aesopiarum sylloge. E codice Parisino gr. № 690 suppl. edidit

Leo Sternbach, Dissert. class. philol. acad. litt. Cracov. t. 21 (1894), p. 320—402.

Leo Sternbach, Dilucidationes Aesopiae. Ibid. t. 23 (1894), p. 377—426.— Cod. Paris. 690 интересенъ для византолога тѣмъ, что былъ, несомнѣнно, книгой для чтенія какого-то византійскаго царевича, и даетъ понятіе о объемѣ и характерѣ преподаванія въ высшемъ кругу византійскаго общества.

Leo Sternbach, Excerpta Vaticana. Wiener Studien 16 (1894), p. 8—37.— Комментарій къ замѣткамъ объ Александрѣ Великомъ, изданнымъ авторомъ изъ Vatic. № 1144, въ его Appendix Vaticana.

Theodosii Alexandrini Canones Georgii Choerobosci Scholia. Sophronii Patriarchae Alexandrini excerpta rec. *Alfredus Hilgard*. 2 voll. Leipzig, Teubner. 1889. 1894.

Это прекрасное, тщательно выполненное изданіе впервые дѣлаетъ доступными ученому изслѣдованію труды Θеодосія и его комментаторовъ. Θеодосій извѣстенъ особенно по ученой книгѣ «вопросовъ и отвѣтовъ», составленной въ XII вѣкѣ изъ работъ его и Діонисія Θракійскаго, — книгѣ, которая въ свою очередь дала главный матеріалъ для учебниковъ Хрисолора, Константина Ласкаря, Димитрія Халкокондила и пр.

Guil. Kroll, De oraculis Chaldaicis. Bresl. philol. Abh. 7 B. 1 Heft. Breslau. W. Koebner 1894.—Указываются авторы, которые сообщаютъ такъ наз. халдейскія изреченія (новоплатоники, Ἐκ τῆς χαλδαϊκῆς φιλοσοφίας Прокла, 3 трактата Пселла и письма Михаила Италика), и разбираются по содержанію самые отрывки.

R. Förster, Zwei neue Reden des Chorikios. Rhein. Mus. 49 (1894), стр. 481—525. — Рѣчи взяты изъ Мадридской рук. № 101 и содержатъ рѣчь скупого отца, уговаривающаго сына жениться на богатой дурнушкѣ, и отвѣтъ сына, влюбленнаго въ бѣдную красавицу.

Curtius Kirsten, Quaestiones Choricianae. Bresl. philol. Abh. 7 B. 2 H. 1894. Обѣщана подробная рецензія.

Carl Erich Gleye, Zum slavischen Malalas. Arch. f. sl. Phil. 16 (1894) стр. 578—591. — Кромѣ Малалы, Георгія и т. п. отъ Болгаръ къ русскимъ перешли еще Ἐκλογαί, и именно они сильно вліяли на славянское лѣтописное дѣло. Предисловія русскихъ лѣтописцевъ обыкновенно переводныя съ греческаго; ихъ списки византійскихъ, болгарскихъ и русскихъ государей важны для хронологіи лѣтописи. Статья оканчивается нѣсколькими мелкими поправками къ «обозрѣнію русскихъ хронографовъ» А. Попова.

Georg Knaack, Zur Meleagersage. Rhein. Mus. 49 (1894). стр. 310—313. Важны замѣтки къ Малалѣ.

Hermann Braun, Die Nachahmung Herodots durch Procop. Nürnberg, 1894. Обѣщана подробная рецензія.

Heinrich Reffel, Ueber den Sprachgebrauch des Agathias. Kempten 1894.

Краткій обзоръ особенностей языка Агаѳія, расположенный по грамматическимъ категоріямъ.

R. Reitzenstein, Zu den Pausanias-Scholien. Hermes 29 (1894), стр. 231—239. Одна часть схолій къ Павзанію составлена изъ Исихія и Etymologicon Genuinum послѣ 900, можетъ быть около 1000 г. по Р. X.; вторая составлена изв. Агаѳіемъ Мирискимъ, т. е. въ VI столѣтіи.

U. v. Willamowitz-Möllendorf, Pausanias-Scholien. Hermes 29 (1894), стр. 240—240. Авторъ сравниваетъ схоліи къ Павзанію съ схоліями извѣстныхъ рукописей Ареѳы.

H. Gelzer, Zu der Beschreibung Palästinas des Georgios Kyprios. Zeitschrift d. d. Palästinaver. 17 (1894), стр. 36—41. Авторъ защищаетъ свое мнѣніе, что списокъ городовъ Палестины, приписываемый Георгію Кипрскому, не церковнаго характера, и что каѳедральный городъ Гадара = Γαζέρ, Γαζέρα = Телль Джезеръ.

Carl de Boor, Nachträge zu den Notitiae Episcopatuum. II. III. Ztschr. f. Kirchengesch. 12 (1890), стр. 519—534 и 14 (1893), стр. 573—599. Напечатано и подробно разобрано по Cod. Paris. gr. 1555 A Τάξις προκαθεδρίας τῶν ὁσιοτάτων πατριαρχῶν, μητροπολιτῶν καὶ αὐτοκεφάλων. Списокъ каѳедръ Пелопонниса, Эллады и обоихъ Эпировъ, относящійся къ концу VII вѣка, любопытенъ формами нѣкоторыхъ собственныхъ именъ: γ между гласными замѣнена δ, (Μεγάρα — Μεδάρα) π часто стоитъ за ρ, (Κορώνεια-Κοπόνια), κ за χ (Κηρόνια-Χαιρώνεια) и трудные для выговора комплексы согласныхъ разъединены гласными; всѣ почти окончанія сведены къ простымъ двумъ первымъ склоненіямъ (ὁ Λακεδέου, Φλίου etc.). Рецензентъ, К. Крумбахеръ, видитъ въ этой странности указаніе на латинское происхожденіе переписчика.

Anthologia Graeca epigrammatum Palatina cum Planudea ed. *Hugo Stadtmüller*. vol. I. Leipzig, Teubner 1894. Это прекрасное доступное изданіе анѳологіи интересно для византолога какъ потому, что многія пьесы — византійскія произведенія, такъ и потому, что самый сборникъ составленъ и сохраненъ византійцами (Агаѳіемъ въ VI, Кефалой въ X, Планудомъ въ XIII—IV вѣкѣ).

Otto Carnuth, Quellenstudien zum Etymologicum Gudianum. Königsberg 1894. Etymol. Gud. особенно богатъ данными о мѣрахъ, вѣсахъ и монетахъ: въ него включено сочиненіе Епифанія «περὶ μέτρων καὶ σταθμῶν». Для своего изданія авторъ пользовался изданіемъ P. de Lagard'a и лучшею рукописью Ἐτυμολογικὸν ἄλλο (Paris. suppl. gr. 172). Далѣе авторъ, слѣдуя Коппу, показываетъ, что трактатъ «περὶ ἀκυρολογίας» Псевдо-Геродіана воспринятъ почти цѣликомъ въ Ἐτυμ. ἄλλο.

Aug. Heisenberg, Studien zur Textgeschichte des Georgios Acropolites. Landau i. d. Rheinpfalz, 1894. Обѣщана подробная рецензія.

Robert Fuchs, Anecdota medica Graeca. Rhein. Mus. 49 (1894), стр. 532—558. Изъ сборника медицинскаго, естественно-историческаго и богословскаго содержанія (Paris. suppl. gr. 636), R. F. издалъ колляцію къ

къ сочиненію по діагностикѣ Максима Плануда и медицинскій трактатъ, приводимый предположительно въ связь съ именемъ Сорана.

Bruno Meissner, Quellenuntersuchungen zur Haikârgeschichte. Ztschr. d. d. Morgenl. Ges. 48 (1894), стр. 171—197. Изъ существующихъ редакцій авторъ признаетъ древнѣйшею греческую, и ея источники указываетъ въ еврейской литературѣ — книгѣ Товитъ (II—III вѣкъ до Р. Х.) Дѣянія еврейскаго Ахикара греки перенесли на своего Эзопа.

Mythographi Graeci. Vol. I. Apollodori Bibliotheca. Pediasimi libellus de duodecim Herculis laboribus. Ed. Rich. Wagner. Leipzig, Teubner 1894. Педіасимъ изданъ по шести рукописямъ: Бреславской, Вѣнской, 2 венеціанскимъ и 2 ватиканскимъ; вмѣстѣ съ ними напечатаны и другія извлеченія изъ Аполлодора: Epitome изъ Vatic. 950 Іоанна Цецы и Савваитскіе отрывки, изд. А. Пападопуло-Керамевсомъ.

Wilh. Pecz, Das Gedicht des Paraspondylos Zotikos über die Schlacht bei Varna. Ungar. Revue 14 (1894), стр. 85—88. Стихотвореніе по фактическимъ подробностямъ исторически важнѣе Халкокондила, Дуки и Франдзія.

A. Ludwich, De codicibus Batrachomachiae. Ind. lect. 1894/5, Königsberg, Hartung 1894. Авторъ даетъ классификацію 77 рукописей Batrachomachiae и неизданное стихотвореніе на Пресв. Дѣву Марію нѣкоего Ракендита изъ Casanatensis G. IV. 16, 1413 г.

Albrecht Wirth, Chronographische Späne. Frankf. a. M., Diesterweg 1894. Обѣщана подробная рецензія.

K. Wotke, Ueber den Einfluss der byzantinischen Litteratur auf die älteren Humanisten Italiens. Leipzig, Teubner, 1894. (Verhandl. der 42. Versamml. d. Phil. und Schulmänner in Wien, 1893).

Alberti Kuni Leonbergensis ἐπεοστεψίας libros I, II, IV e codice Tubingensi edidit *Mauritius Gürsching*. Bayreuth, 1894.

I. D. Schischmánov, Der Lenorenstoff in der bulgarischen Volkspoesie Indogerm. Forsch. 4 (1894), стр. 412—448. Авторъ доказываетъ, что болгары переняли легенды о мертвомъ братѣ отъ грековъ и что легенда о мертвомъ женихѣ возникла изъ нея при ея распространеніи на сѣверъ.

По языку, метрикѣ и музыкѣ:

J. Babad, Samedi. Ztschr. f. rom. Phil. 17 (1893), стр. 563—566.

Wilh. Schulze, Samstag. Posphorus. Miscellen. Ztschr. f. vergl. Sprachforsch. 1894, стр. 366—386.

Gust. Meyer, Zur Geschichte des Wortes Samstag. Indogerm. Forsch. 1894, стр. 326—334. Авторы выводятъ samedi — Samstag изъ σάββατον = σάμβατον и доказываютъ возможность этой до сихъ поръ проблематической формы.

Guil. Schulze, Orthographica (Indices lectionum f. d. Sommer 1894 und Winter 1894/5 и отд.) Marburg i. H., Elwert 1894. «Микроскопическія» изслѣдованія главнымъ образомъ по латинской ороографіи, но есть цѣнныя данныя и для среднегреческой.

S. Fraenckel, Beiträge zum aramäischen Wörterbuch. Ztschr. f. Assyrio-

logie 9 (1894), 1—10. Интересно по указаніямъ на заимствованіе изъ греческаго въ семитическихъ языкахъ.

J. Fürst, Zur Erklärung griechischer Lehnwörter im Talmud und Midrasch. Monatsschr. f. Gesch. & Wissensch. d. Judentums. N. F. II (1894), стр. 305—311.

Wilh. Pecz, Die neugriechische Sprache. Ung. Revue, 1894, стр. 209—213.

Его-же, Die Analogie in der Bildung neugriechischer Wörter. Ibid. стр. 214 сл. Рефераты автора о его большихъ работахъ на венгерскомъ языкѣ въ Erdélyi Museum 10 (1894) и въ Egyetemes Philologiai Közlöny 18 (1894).

По богословію:

Otto Bardenhewer, *Patrologie*. Freiburg i. Breisgau, Herder 1894. X, 635 S. 8⁰. Byz. Ztschr. горячо рекомендуетъ это сочиненіе, и надѣется, что оно вытѣснитъ компиляцію Альцога.

Hagiographi Bollandiani. Bibliotheca Hagiographica Graeca seu elenchus vitarum sanctorum graece typis impressarum. Brüssel, Poleunis & Ceuterick 1895, XII, 143 S. Цѣнная справочная книга для всякаго богослова и византиниста—обозрѣніе печатныхъ изданій греческихъ житій; первая часть предполагаемаго болландистами Каталога всего греческаго рукописнаго матеріала по этому предмету.

Gust. Anrich, *Das antike Mysterienwesen in seinem Einfluss auf das Christentum.* Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht 1894. VIII, 237 S. 8⁰. Говоритъ главнымъ образомъ о первыхъ вѣкахъ христіанства, имѣетъ для византиниста лишь косвенное значеніе.

Des Gregorios Thaumaturgos Dankrede an Origenes, als Anhang der Brief des Origines an Gregorios Thaumaturgos. Herausg. v. Paul Koetschau. Freiburg & Leipzig, J. C. B. Mohr 1894. Хорошее критическое и комментированное изданіе съ изслѣдованіемъ о имени и литературной дѣятельности автора, изданіяхъ и переводахъ его труда.

Th. Büttner-Wobst, *Der Daphneische Apollo des Bryaxis.* Histor. Untersuchungen, Ernst Förstemann zum 50-jähr. Doctorjubiläum gewidmet von d. hist. Gesellsch. zu Dresden. Leipzig, Teubner, 1894, стр. 1—6. Трактуетъ, между прочимъ, о Acta Artemii, важныхъ для возстановленія исторіи Филосторгія.

F. Schaefer, *Die Akten des hl. Nereus und Achilleus.* Röm. Quartalschr. 8 (1894), стр. 89—119. Авторъ стоитъ за то, что первоначальный текстъ Актовъ латинскій; относитъ легенду къ 1-й половинѣ V вѣка.

Otto Günther, *Die Ueberlieferung der «Sammlung in Sachen des Monophysitismus».* Nachrichten d. Göttinger Ges. d. Wissensch. 1894, № 2. Сообщенія о 5 греческихъ рукописяхъ V и VI вѣка относящихся къ исторіи монофизитства изъ собранія, разобраннаго Маасеномъ въ Gesch. d. Quellen und der Litteratur des kanonischen Rechts. I S. 753 ff. Подложныя письма «къ Петру Фулло» авторъ считаетъ просто школьными упражненіями; отъ рукописей Гюнтера, по его мнѣнію, зависятъ всѣ, съ которыхъ до сихъ поръ дѣлались изданія.

Johannes Eustratios, Σευῆρος ὁ μονοφυσίτης πατριάρχης Ἀντιοχείας καὶ ἡ ἀπὸ Ζήνωνος μέχρι τῆς ἐπὶ Μηνᾶ συνόδου (482—536) σχέσις τοῦ μονοφυσιτισμοῦ πρὸς τὴν ὀρθοδοξίαν. Jenaer Inaug.-Diss. Leipzig, 1894. Авторъ, ученикъ школы Гельцера, даетъ въ 4 главахъ возможно подробную и точную при современныхъ средствахъ науки исторію Севера до временъ Юстиніана I Великаго.

P. Wilhelm Rügamer, *O. S. A.*, *Leontius von Byzanz*. Ein Polemiker aus dem Zeitalter Justinians. Würzburg, A. Göbel 1894. Обѣщана подробная рецензія.

Bratke, *Ein Zeugniss des Josephus über Christus*. I. Theol. Litteraturblatt, 15 (1894), № 16, стр. 185—188. Авторъ высказывается противъ Wirth'a, приписывающаго это свидѣтельство, на основаніи показанія нѣсколькихъ рукописей въ Narratio de rebus in Perside gestis, Анастасію Антіохійскому.

Hermann Usener, *Acta martyris Anastasii Persae graece primum edidit*. Bonn. 1894. Узенеръ издалъ 4 текста о житіи, страданіи и чудесахъ бывшаго мага Анастасія Перса († 22 Янв. 628) по берлинской Phill. 1458 и извѣстной Ватиканской 866 и отрывки изъ латинскаго перевода «сказанія о чудесахъ» изъ рукописи bibl. Vallicelliana.

G. M. Dreves, *S. J.*, *Blüthen hellenischer Hymnodie. Griechische Communionlieder*. Stimmen aus Maria Laach. 46 (1894). стр. 529—537. Текстъ и нѣмецкій переводъ извѣстныхъ молитвъ: Іоанна Дамаскина Ἀπὸ ῥυπαρῶν χειλέων и Симеона Метафраста Μέλλων φαγεῖν, ἄνθρωπε, σῶμα δεσπότου.

Erich Klostermann, *Analecta zur Septuaginta, Hexapla und Patristik*. Leipzig, A. Deichert 1895. Важенъ отдѣлъ о такъ называемомъ «Апокалипсисѣ пророка Даніила» и его отношенія къ оракуламъ Льва Мудраго, откровеніямъ Меѳодія Патарскаго и т. д. Текстъ авторъ даетъ по 2 венеціанскимъ и 1 парижской рукописи.

Johannes Dräseke, *Johannes Zonaras' Commentar zum kanonischen Brief des Gregorios v. Neo-Caesarea*. Ztschr. f. wissensch. Theol. 37 (1894), стр. 246—260.

G. Polivka, *Zur Visio Pauli*. Archiv für Slav. Phil. 16 (1894), стр. 611—616. О взаимо-отношеніи славянскихъ редакцій названнаго сочиненія.

По исторіи, гео-, топо- и этнографіи.

Alfred von Gutschmid, Kleine Schriften. Herausg. v. Franz Rühl. 5 Bände in 8°. Leipzig, Teubner, 1889—1894. Byz. Ztschr. указываетъ особенно на слѣдующія работы: Изъ 1-го тома вступительная лекція о критикѣ источниковъ для античной и средневѣковой исторіи; De capitulis nonnullis Aegyptiacis apud Stephanum Byzantium et de fontibus unde hausti sunt, Die Sothis, Die alte Chronik. о Манетонѣ, о Liber generationis Ипполита и о Юліѣ Африканѣ и другіе; изъ 2-го: Verzeichniss der Patriarchen von Alexandria и другія изслѣдованія о христ. легендѣ и хронологіи. Изъ 3-го: Рядъ работъ объ отношеніяхъ византійцевъ къ Сассанидамъ, Цыганамъ и пр. Изъ 4-го: о сивиллъскихъ книгахъ, нѣкоторыя лекціи по исторіи греческой исторіографіи, о соч. Іосифа противъ

Апіона, описаніе Гейдельбергской рукописи Парадоксографовъ; изъ 5-го: О границахъ древней и средней исторіи, о такъ наз. Διαμερισμὸς τῆς γῆς и рядъ рецензій.

G. Tiede, Quellenmässige Darstellung der Beziehungen Karls des Grossen zu Ost-Rom. Diss., Rostock 1894.

Gerh. Rauschen, Neue Untersuchungen über die Descriptio und ihre Bedeutung für die grossen Reliquien zu Aachen und zu St. Denis. Hist. Jahrb. 1894, стр. 257—278.

Heinr. Mädler, Theodora, Michael Stratiotikos, Isaak Komnenos. Plauen, M. Wieprecht 1894. Обѣщана подробная рецензія.

Miltenberger, Zur Geschichte der lateinischen Kirche im Orient im XV Jahrh. Röm. Quart. 8 (1894), стр. 275—281. Исторія францисканско-доминиканскаго миссіонерскаго общества съ 1252—1462 г.; важенъ новый документъ 1417 г., поданный отъ патріарха Іоанна папѣ Мартину V на Констанцскомъ соборѣ.

A. S. Chachanov, Ueber den gegenwärtigen Stand der grusinischen Philologie. Wiener Ztschr. f. d. Kunde des Morgenlandes 7 (1893), стр. 311—337. Часто касается грузинско-византійскихъ отношеній литературныхъ и политическихъ.

W. Tomaschek, Die alten Thraker. I. Uebersicht der Stämme. II die Sprachreste. Sitzungsber. d. k. Akad. d. Wiss. in Wien, philos.-histor. Cl. Bd. 128 und 130. Wien 1893. 130 и 70 стр. 8°. Первая часть лишь случайно даетъ кое что для византиниста (напр. Экскурсъ о Бессахъ I, 77 и сл.), вторая не лишена значенія для лексикологіи средне- и новогреческаго языка.

Albert Thumb, Die ethnographische Stellung der Zakonen. Indogerm. Forsch. 4 (1894), стр. 195—213 (съ картой). Авторъ филологическимъ путемъ опровергаетъ мнѣніе Копитара и его послѣдователей о славянскомъ происхожденіи цаконовъ и предлагаетъ 2 новыя этимологіи имени Τζάκωνες [изъ (εἰ)ς Ἀκωνίαν или изъ ὁ ἐξ Ἀκωνία(ς)].

Gust. Weigand, Die Aromunen. II. Volkslitteratur der Aromunen. Leipzig, I. A. Barth, 1894. Сборникъ пѣсенъ, причитаній и былинъ задунайскихъ валаховъ (аромуновъ, какъ они себя называютъ), съ нѣмецкимъ переводомъ, собранныхъ авторомъ въ Θессаліи, Эпирѣ, средней Албаніи и отчасти Македоніи; много цѣнныхъ замѣтокъ и сообщеній по фольклору населенія этихъ мѣстностей. Въ 1-мъ, 3-мъ, 4 и 5 томахъ авторъ обѣщаетъ дать отчетъ о своихъ путешествіяхъ и наблюденіяхъ, словарь, грамматику и сводъ общихъ результатовъ своихъ изысканій.

По исторіи искусствъ, нумизматикѣ и эпиграфикѣ:

Julius v. Schlosser, Heidnische Elemente in der christlichen Kunst des Altertums. Beilage zur Münchener Allgem. Ztg. 1894, №№ 248, 249 и 251. Рѣчь идетъ о судьбахъ античныхъ элементовъ въ христіанскомъ искусствѣ, въ связи съ ними же въ литературѣ (легенды о свв. Пелагіи, Георгіѣ и пр.) и фольклорѣ.

Steph. Beissel S. J., Die Mosaiken von Ravenna. Stimmen aus Maria-Laach 47 (1894), стр. 422—441 и 497—515. Описаніе римскихъ, готскихъ и византійскихъ мозаикъ въ Равеннѣ. Авторъ отрицаетъ византійское вліяніе на равеннскихъ мастеровъ временъ Теодориха Великаго и позднѣйшихъ, считая ихъ продолжателями римскаго и древне-христіанскаго искусства.

Franz Wickhoff, Das Speisezimmer des Bischofs Neon von Ravenna. Repertorium für Kunstwiss., 17 (1894), стр. 10—17. Въ этихъ фрескахъ (описанныхъ Agnellus'омъ въ сочиненіи о равеннскомъ епископатѣ) авторъ видитъ подтвержденіе своей мысли, что многія византійскія композиціи, кажущіяся намъ оригинальными, только повторяютъ восточные древне-христіанскіе мотивы, примѣняя ихъ къ новымъ сюжетамъ.

Julian Kulakowsky, Eine altchristliche Grabkammer in Kertsch aus dem Jahre 491. Römische Quartalschrift, 8 (1894), стр. 49—87. Гробница найдена авторомъ въ 1890 г. на сѣверномъ склонѣ горы Митридата близъ Керчи. Сообщаются надписи — отрывки псалмовъ и гимновъ, сообщаются и комментируются со стороны литургической, палеографической и ороографической.

Stephan Beissel, S. J., Vaticanische Miniaturen. Quellen zur Geschichte der Miniaturmalerei. Mit 30 Taf. in Lichtdruck. Freiburg i. B., Herder 1893. Собраніе ватиканскихъ миніатюръ, греческихъ и западно-европейскихъ, съ IV или V—XV вѣкъ. Текстъ (нѣмецкій и французскій) даетъ и объясненіе миніатюръ и описаніе рукописей, изъ которыхъ онѣ взяты. Къ византійскому искусству относятся таблицы 9—16 (codd. Vatic. Graeci 1522, 1158, 1229, 1208, 394, 1162, 1613),—ватиканская рукопись Косьмы Индикоплова оказалась неудобной для фототипическаго воспроизведенія,—а также первая глава: «Miniaturen altklassischen Stils» (Codd. lat. 3867 и 3225 — Вергилій; C. V. Palat. l. 1564 и C. V. Palat. gr. 331 — книга Іисуса Навина).

J. J. Tikkanen, Eine illustrierte Klimax-Handschrift der vaticanischen Bibliothek. Acta soc. scient. fennicae, tom. 19, № 2. Описаніе миніатюръ Ватиканской рукописи I. Лѣствичника Cd. gr. 1754, XI—XII в.; онѣ отличны отъ Ватиканской 394 (опис. d'Agincourt'омъ) и Синайской 418 (опис. Кондаковымъ), посвящены прославленію отшельнической жизни, довольно плохи; нѣкоторыя неокончены.

Jos. Strzygowski, Das Berliner Moses-Relief und die Thüren von Sta. Sabina in Rom. Jahrb. d. k. preuss. Kunstsamml. 14 (1893), стр. 65-81. Сравнивая рельефныя изображенія призванія Моисея на двери S. Sabina въ Римѣ съ такъ называемымъ Берлинскимъ рельефомъ и съ мраморными дверями св. Софіи, Календеръ-Джами и Кахріэ-Джами, авторъ находитъ, что дверь S. Sabina — византійскаго происхожденія и попала въ Италію, вѣроятно, до эпохи иконоборства. Напротивъ

H. Grisar S. J., Kreuz und Kreuzigung auf der altchristlichen Thüre-

v. S. Sabina in Rom (Römische Quartalschrift. 1894, стр. 1—48), считаетъ дверь S. Sabina римскимъ произведеніемъ.

Fr. Bock, Byzantinische Purpurstoffe mit eingewebten neugriechischen Inschriften. I. «Pallium litteratum» mit Elephantenmuster im Reliquienschreine Karls des Grossen des Aachener Münsters. Zeitschr. d. bayer. Kunstgewerbevereins. 1894, стр. 65—72. Авторъ даетъ снимки съ знаменитой ткани и надписи, изданной ошибочно у Cahier и Martin въ «Mélanges d'Archéologie» 1851 vol. II и у Schlumberger въ «Nicéphore Phocas». Надпись читается:

† Ἐπὶ Μιχαὴλ πριμικηρίου κοιτῶνος καὶ εἰδικοῦ.

† Πέτρου ἄρχοντος Ζευξήπου ἰνδικτιῶνος ς'.

О Зевксипѣ ср. Du Cange, Constantinopolis Christiana I. 37, 2.

По византійскому праву:

K. E. Zachariae v. Lingenthal, Aus und zu den Quellen des römischen Rechts. Ztschr. der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte 15 (1894), стр. 365—373. Знаменитый авторъ въ этой послѣдней своей работѣ указываетъ источники венеціанскихъ рукописныхъ сборниковъ новеллъ. Они возникли 1) изъ рукописи новеллъ Юстиніана и Льва Мудраго и 2) изъ чисто греческаго, александрійскаго сборника, въ своемъ чистомъ видѣ неизвѣстнаго.

Б. Меліоранскій.

ФРАНЦІЯ.

Gaston Paris, *La légende de Saladin.* Paris. Imprimerie nationale. 1893. in 4° 48 стр.—Эта книжка была вызвана желаніемъ автора пополнить недавно появившуюся итальянскую брошюру Fioravanti «Il Saladino nelle leggende francesi et italiane del medio evo». Reggio-Calabria, 1891, in-8° de 44 p., авторъ которой былъ далеко не вполнѣ знакомъ съ французской литературой по этому вопросу. Gaston Paris тонко анализируетъ легенды, какъ враждебно, такъ и благопріятно относящіяся къ Саладину и раскрываетъ рядъ ошибокъ даже такихъ знаменитыхъ ученыхъ, какъ M. de Mas-Latrie, графъ Ріанъ и др. См. рецензію въ Revue Critique 1894, p. 22—24.

Graetz, *Histoire des Juifs.* T. III et IV, traduits de l'allemand par Moïse Bloch. Durlacher. 1888 et 1893, in-8°, 358—472 стр.—Въ этихъ томахъ Исторія Евреевъ изложена со времени разрушенія второго храма (70 г. по Р. Х.) до 1520 г. Эта книга необходима каждому, кто занимается или исторіей Римской Имперіи, или Исторіей восточной и западной Европы. См. рецензію въ Revue Critique 1894, p. 54—56.

A. Belin, *Histoire de la Latinité de Constantinople.* 2-e édition, revue, augmentée et continuée jusqu'à notre temps par le R. P. Arsène du Chatel avec deux plans et des gravures. Paris. A. Picard. 1894, in-8°, 547 стр.—Книга эта распадается на три части. Двѣ первыя, которыя можно назвать историче-

[illegible]

[illegible] части [illegible] — въ [illegible] [illegible] ... [illegible]

[illegible]

[illegible] въ основании [illegible] [illegible] ... [illegible] комментарии.

Charles [illegible] [illegible] Nouvelles [illegible] 18[illegible] [illegible] — [illegible] собственно описанія [illegible] что упоминутые [illegible] стр. [illegible]

[illegible] Ottoman [illegible] byzantine et française [illegible]

—— [illegible] Constantinople [illegible] — Описанныя [illegible] XII [illegible] походъ.

Hartwig Derenbourg [illegible] siècle [illegible] 1885 et 1886. — [illegible] ной рукописи [illegible] Оsаmа [illegible] всѣхъ [illegible] герой [illegible] того [illegible] [illegible] Востокомъ [illegible] стр. 15[illegible] — [illegible]

J. Nicole [illegible] S

les corporations de Constantinople, publié pour la première fois. Genève. 1893. I vol. in-4. 102 p.— Nicole открылъ въ Женевской библіотекѣ документъ очень интересный для экономической исторіи Византіи въ X в., гдѣ подробнѣе, чѣмъ въ другихъ книгахъ византійскаго права, какъ напр. въ Tipucitus или Шестикнижникѣ Арменопула, перечисляются различныя ремесленныя корпораціи Константинополя. Изъ этого документа можно видѣть, какіе строгіе законы тяготѣли въ Византіи надъ подобными корпораціями; изъ него же можно извлечь драгоцѣнныя указанія на топографію Константинополя. См. рецензію Ch. Diehl въ Revue Critique 1894, стр. 508—509.

A. de Ridder, *Catalogue des bronzes de la Société archéologique d'Athènes.* Avec cinq planches en héliogravure (comprenant neuf sujet) et treize bois. Paris. 1894. XI+212 p. См. рецензію въ Revue Critique 1895, № 4, стр. 78—80.

Patrologia Syriaca *complectens opera omnia SS. Patrum, Doctorum Scriptorumque catholicorum*, quibus accedunt aliorum acatholicorum auctorum scripta quae ad res ecclesiasticas pertinent, quotquot syriace supersunt secundum codices praesertim Londinenses, Parisienses, Vaticanos, accurante R. Graffin, ph. ac th. doctore, linguae syriacae in facultate theologica instituti catholici Parisiensis lectore. Pars prima ab initiis usque ad annum 360; tomus primus, cujus textum syriacum cum vocalium signis instruxit, latine vertit, notis illustravit D. Iohannes Parisot, presbyter et monachus congregationis Benedictinae Galliarum. Paris. 1894. Firmin-Didot, in-4, p. LXXX + 1053.

Нельзя не привѣтствовать намѣренія аббата Graffin соединить въ одну общую коллекцію, на подобіе извѣстныхъ патрологій Миня (Migne), произведенія отцовъ Сирійской церкви, которыя такъ много могутъ дать для исторіи. Въ первую серію, которая доходитъ до 350 года, войдутъ православные отцы церкви, но въ слѣдующихъ серіяхъ появятся произведенія Несторіанъ и Якобитовъ. Судя по первой вышедшей части, изданіе заслуживаетъ большихъ похвалъ. См. рецензію R. Duval въ Revue Critique 1895, № 7, стр. 121—124.

Ch. Diehl, *L'Art byzantin dans l'Italie méridionale.* Paris, Librairie de l'art 1894. in-8. — Книга Diehl'а имѣетъ исключительно описательный характеръ; она отмѣчаетъ всѣ византійскія изображенія, начиная съ Отранто, Калабріи и Сициліи, замѣчательныя изъ нихъ воспроизводитъ въ гравюрахъ и тщательно ихъ описываетъ. См. рецензію въ Revue Critique № 8, стр. 151—152.

L. de Mas-Latrie, *Les seigneurs d'Arsur en Terre Sainte.* Въ статьѣ Mas-Latrie рѣчь идетъ о князьяхъ города Арсура, лежащаго въ Палестинѣ недалеко на сѣверъ отъ Яффы на берегу моря и игравшаго роль въ эпоху I-го крестоваго похода и образованія Іерусалимскаго королевства. На основаніи извѣстныхъ автору источниковъ онъ возстановляетъ рядъ князей Арсура съ 1168 г. до второй половины XV вѣка,

[illegible]

издана: Саѳою во II-мъ томѣ его Bibliotheca Graeca medii aevi въ 1873 году и Саѳою вмѣстѣ съ Миллеромъ въ Bibliothèque de l'école des langues Orientales vivantes въ 1882 г. Хроника Махера, или Страмбальди, начинается съ введенія христіанства на островѣ Кипрѣ и кончается 1459 годомъ, т. е. смертью Елены Палеологъ, жены короля Іоанна II, и вѣнчаніемъ на царство дочери ихъ Шарлотты. См. краткую рецензію первой части этого изданія въ Byzantinische Zeitschrift IV (1895), стр. 183; по поводу второй части, т. е. хроники Страмбальди, появилась небольшая статья Саѳы «Cipro nel medio evo» въ журналѣ Nuovo Archivio Veneto, т. VI (1893), часть II, стр. 1—8.

E. Lavisse et A. Rambaud, *Histoire générale du IV-e siècle à nos jours.* Tome I: Les origines. 395—1095. Tome II: L'Europe féodale. Les croisades. 1095—1270. Tome III: Formation des grands états. 1270—1492. Paris. 1893—1894.— То, что касается Византійской исторіи, взяли на себя въ этомъ сочиненіи такіе извѣстные ученые, какъ Ch. Bayet, который описалъ время съ 395 по 1095 г. (т. I, 161—203; 625—687), A. Rambaud, участвующій во 2-мъ и 3-мъ томахъ (т. II, 798—883; III, 789—868), и нѣкоторые другіе. См. Byzantinische Zeitschrift. IV (1895), стр. 207.

André Leval, *Constantinople inconnu.* Revue d'Orient et de Hongrie 1893, № 38. Содержаніе мнѣ неизвѣстно. Замѣтка появилась въ Revue de l'Orient latin I (1893), 629 и въ Byzantinische Zeitschrift IV (1895), 209.

Jean Schoffer, *Courtes études sur de grands sujets. La civilisation byzantine.* Journal de Genève 5 мая 1893 г. Содержаніе мнѣ неизвѣстно. Замѣтка появилась въ Revue de l'Orient latin I (1893), 466 и въ Byzantinische Zeitschrift IV (1895), 209—210.

A. Papadopoulos-Kérameus, *Documents grecs pour servir à l'histoire de la 4-me croisade.* Revue de l'Orient latin I (1893), 540—555.—Пападопуло-Керамевсъ въ библіотекѣ монастыря Богородицы на островѣ Халки около Константинополя нашелъ манускриптъ съ двумя греческими отрывками, которые касаются времени господства латинянъ въ Византіи.

Первый отрывокъ представляетъ изъ себя греческій переводъ латинской мессы, которая была введена въ Константинополѣ во время пребыванія тамъ крестоносцевъ; заглавіе отрывка слѣдующее: ἡ Λατινικὴ λειτουργία τοῦ ἁγίου Γρηγορίου τοῦ Διαλόγου, ἑρμηνευθεῖσα ἐκ τῆς ῥωμαίας ἀρτίως εἰς τὴν ἑλληνικήν. Второй отрывокъ разсказываетъ о похищеніи латинянами Священнаго хлѣба, который хранился въ Византійскомъ дворцѣ; здѣсь же мы находимъ довольно подробное описаніе этой реликвіи. См. Byzantinische Zeitschrift IV (1895), 211—212.

Israel Lévi, *Les juifs de Candie de 1380 à 1485.* Revue des études juives 26 (1893), 198—208.—Леви, на основаніи книги Нуаре (Noiret) «Documents inédits pour servir à l'histoire de la domination vénitienne en Crète de 1380 à 1485» Paris. 1892, сообщаетъ о положеніи евреевъ и преимущественно о налогахъ, которые они должны были платить венеціанскому правительству. См. Byzantinische Zeitschrift IV (1895), 213.

Eug. Müntz. *Les artistes byzantins dans l'Europe latine du V-e au XV-e siècle*. Revue de l'art chrétien 36 (1893), 181—190.— Мюнцъ даетъ въ своей статьѣ довольно обстоятельныя свѣдѣнія объ исторіи такъ называемаго «византійскаго вопроса» въ исторіи искусства и изслѣдуетъ различныя литературныя преданія о тѣхъ византійскихъ художникахъ, которые жили и работали въ Западной Европѣ съ V-го по XV вѣкъ. См Byzantinische Zeitschrift IV (1895). 223.

L. Magne, *L'art byzantin et son influence sur les arts en Occident*. Revue encyclopédique 3 (1893, 15 сентября), 896—910. Содержаніе мнѣ неизвѣстно. Замѣтка появилась въ Revue de l'Orient latin 1 (1893), 629 и въ Byzantinische Zeitschrift IV (1895), 224.

Schlumberger, *Un ivoire byzantin du IX-e* siècle représentant le couronnement de l'empereur d'Orient Léon VI. Оттискъ изъ Gazette des Beaux-Arts.—Schlumberger получилъ съ одного изъ острововъ Архипелага фотографію съ драгоцѣннаго изображенія изъ слоновой кости, которое относится къ IX вѣку нашей эры. На передней сторонѣ изображены три фигуры: Христосъ и по бокамъ апостолы Петръ и Павелъ; на обратной сторонѣ тоже три фигуры: въ серединѣ Святая Дѣва вѣнчаетъ короною молодого императора Льва VI (886—911), который находится по правую сторону; съ другой стороны изображенъ Архангелъ Михаилъ. Это изображеніе очень драгоцѣнно. потому что даетъ вѣрный портретъ византійскаго императора IX—X вѣка во время его молодости, который далеко превосходитъ недостаточно вѣрныя изображенія на монетахъ.

Schlumberger, *Deux volets d'un Triptyque byzantin en ivoire* du XI-e siècle. Оттискъ изъ Gazette de Beaux-Arts.— Schlumberger описываетъ здѣсь двѣ отдѣльныя части византійскаго триптиха изъ слоновой кости, на которыхъ изображены четыре апостола: Петръ, Андрей, Павелъ и Іоаннъ Богословъ. Надъ каждыми двумя апостолами находится надпись, въ одной изъ нихъ упомянуто имя деспота Константина. Schlumberger предполагаетъ здѣсь одного изъ императоровъ XI вѣка, т. е. или Константина, брата Василія II (1025—1028), или Константина Мономаха (1042—1054), или Константина Дуку (1059—1067).

Schlumberger, *Sceaux byzantins inédits*. Revue des études grecques 7 (1894), 319—336.—Здѣсь авторъ продолжаетъ свое описаніе съ № 99 до 145 неизданныхъ византійскихъ печатей, относящихся къ разнообразнымъ эпохамъ. Первыя 98 печатей описаны имъ раньше тоже въ Revue des études grecques, т. I (1889), 245—259 и IV (1891), 111—142.

Schlumberger, *Neuf sceaux de l'Orient latin*. Revue de l'Orient latin II (1894), 177—182.— Авторъ описываетъ 9 еще неизданныхъ печатей, относящихся къ исторіи Латинскаго Востока.

Schlumberger, *Bulles d'or byzantines* conservées aux archives vaticanes. Revue numismatique за 1894 г. III, серія 12. стр. 194—199.— Золотыя печати (bulles d'or), которыми скрѣплялись хрисовуллы византійскихъ императоровъ, очень рѣдки; существующія же изъ нихъ принадлежатъ

почти цѣликомъ или латинскимъ императорамъ XIII вѣка, или императорамъ Палеологамъ. Schlumberger впервые издалъ и описалъ здѣсь 5 такихъ печатей, которыя всѣ принадлежатъ времени Палеологовъ.

Schlumberger, *Une monnaie inédite de l'impératrice Théodora*, fille de Constantin VIII, soeur de Zoé. Revue numismatique за 1895 г.—Отъ времени короткаго, страннаго царствованія въ Византіи старой дѣвы Ѳеодоры, сестры Зои (1054—1056), до насъ не дошло почти никакихъ нумизматическихъ памятниковъ, кромѣ двухъ монетъ, изданныхъ еще Сабатье (Sabatier). Теперь Schlumberger издалъ еще одну монету съ изображеніемъ Ѳеодоры.

Schlumberger, *La croix byzantine dite des Zaccaria* (trésor de la cathédrale de Gênes). Monuments et Mémoires publiés par l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. I fasc. 1895.— Драгоцѣнный крестъ, хранящійся въ соборѣ San Lorenzo въ Генуѣ, принадлежалъ нѣкогда Ефесской церкви, что явствуетъ изъ греческой надписи на крестѣ; онъ представляетъ изъ себя произведеніе византійскаго искусства послѣдней трети XIII вѣка. Одинъ изъ членовъ знаменитой генуэзской фамиліи, союзной Палеологамъ, Zaccaria, а именно Ticino Zaccaria при взятіи Фокеи въ 1308 году среди громадной добычи нашелъ и этотъ крестъ, который и былъ вскорѣ перевезенъ въ Геную, гдѣ во всѣ времена пользовался большимъ почетомъ. Въ своемъ мемуарѣ Schlumberger даетъ прекрасный снимокъ креста и его описаніе.

Schlumberger, *Un tableau reliquaire byzantin inédit du X-e siècle.* Monuments et Mémoires publiés par l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. I fasc. 1894.— Драгоцѣнное изображеніе съ эмалевыми фигурами, пріобрѣтенное графомъ Григоріемъ Строгановымъ въ Римѣ, впервые описано Schlumberger, по мнѣнію котораго эмали на этомъ изображеніи принадлежатъ ко времени процвѣтанія этого искусства въ Византіи, т. е. къ концу X-го и началу XI-го вѣка. Можетъ быть, это даже остатокъ тѣхъ exuviae constantinopolitanae, которыя крестоносцы IV-го поход послѣ 1204 года принесли на Западъ. Къ мемуару Schlumberger прило жены прекрасные снимки какъ самаго изображенія, такъ и его эмалей.

Schlumberger, *Un ivoire chrétien inédit.* Monuments et Mémoires publiés par l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. II fasc. 1894. На слоновой кости, описанной въ этомъ мемуарѣ Schlumberger, изображенъ въ серединѣ Святой, поучающій стоящую вокругъ него толпу; на заднемъ планѣ вырѣзанъ какой-то городъ, улицы, дома, изъ оконъ которыхъ выглядываютъ люди. Трудно сказать, что это за городъ. Schlumberger дѣлаетъ предположеніе, что этотъ городъ долженъ изображать изъ себя Римъ, а Святой—апостола Павла, проповѣдующаго Римлянамъ. Одинаково трудно опредѣлить время, къ которому относится это изображеніе; можетъ быть, оно принадлежитъ къ X вѣку, а можетъ быть, и болѣе ранней эпохѣ.

Schlumberger, *Poids de verre étalons monétiformes d'origine byzantine.*

Revue des études grecques. VIII (1895). Въ этой статьѣ рѣчь идетъ о маленькихъ стеклянныхъ кружкахъ, которые служили указнымъ вѣсомъ для монетъ. Обычай провѣрять вѣсъ монетъ съ помощью стекла, вѣроятно, есть обычай почти исключительно Египта. Такіе стеклянные кружки римской эпохи, которые часто находятъ въ долинѣ Нила, были прототипомъ византійскихъ монетообразныхъ кружковъ эпохи Юстиніана и Юстина, а эти послѣдніе въ свою очередь служили прототипомъ арабскихъ кружковъ обыкновенно съ куфическими надписями. Въ своей статьѣ Schlumberger описываетъ 42 стеклянныхъ кружка времени Юстиніана и Юстина. Почти всѣ они носятъ на себѣ изображенія и имена, или только одни имена эпарховъ города или эпарховъ Рима (можетъ быть, новаго Рима); на одномъ изъ кружковъ изображена фигура Юстиніана.

Schlumberger, *Méreaux, tessères et jetons byzantins.* Revue numismatique за 1895 годъ. Schlumberger даетъ въ этой статейкѣ описаніе десяти византійскихъ жетоновъ, принадлежавшихъ разнымъ лицамъ.

Léon Dorez, *Un document sur la bibliothèque de Théodore Gaza.* Revue des bibliothèques III (1893), 385—390. Содержаніе мнѣ неизвѣстно. Замѣтка въ Byzantinische Zeitschrift IV (1895), 183.

Ch. Diehl, *Rescrit des empereurs Justin et Justinien* en date du 1-er juin 527. Bulletin de correspondance hellénique 17 (1893), 501—520. Диль издалъ съ подробными критическими и объяснительными примѣчаніями греко-латинскую надпись, найденную въ 1889 году въ Малой Азіи на границѣ древнихъ провинцій Писидіи и Кивиры. Эта надпись представляетъ изъ себя письмо Императора въ защиту клира молельни св. Іоанна, который былъ очень притѣсняемъ стоявшими тамъ войсками. См. Byzantinische Zeitschrift. IV (1895), 230.

H. Omont, *Nouvelles acquisitions du département des manuscrits de la bibliothèque nationale.* Въ Bibliothèque de l'école des chartes 53 (1892), 333—382. На страницахъ 364—366 говорится объ увеличеніи числа греческихъ рукописей (supplément grec Nr. 1101—1118). См. Byzantinische Zeitschrift IV (1895), 182.

H. Omont, *Inventaire des mss. grecs et latins donnés à Saint-Marc de Venise par le cardinal Bessarion* (1468). Въ Revue des bibliothèques 4 (1894), 129—187. Книга мнѣ неизвѣстна.

Hippolyte Delehaye, *Les Stylites.* Въ Compte rendu du 3-e congrès scientifique international des catholiques, tenu à Bruxelles du 3 au 8 septembre 1894. стр. 191—232. Потомъ вышло отдѣльнымъ изданіемъ въ Брюсселѣ 1895.—Полная интереса и содержанія диссертація болландиста Delehaye о Столпникахъ распадается на три главы. Въ первой главѣ (Les origines. Saint Syméon Stylite l'Ancien) авторъ приводитъ въ связь древній видъ духовныхъ подвиговъ, а именно «стояніе», со столпничествомъ, основаніе котораго приписывается, какъ извѣстно, знаменитому Симеону Столпнику († 460). Здѣсь же авторъ, преимущественно на основаніи лучшаго источника. т. е. церковной исторіи Θеодорита Кирскаго,

современника, очевидца и глубокаго почитателя Симеона, описываетъ въ общихъ чертахъ жизнь Симеона до окончательнаго водворенія на столпѣ, разсказываетъ о томъ, какое неблагопріятное впечатлѣніе произвелъ въ началѣ этотъ новый видъ подвижничества на мірянъ и даже на церковь, и наконецъ показываетъ, какою извѣстностью и какимъ вліяніемъ сталъ пользоваться Симеонъ впослѣдствіи. Вторая глава (Les imitateurs de Saint Syméon Stylite) говоритъ о послѣдователяхъ Симеона Столпника и останавливается преимущественно на пяти изъ нихъ, о которыхъ греческіе агіографы сообщили намъ подробныя свѣдѣнія. Эти столпники слѣдующіе: Св. Даніилъ, ревностный защитникъ Халкидонскаго собора, подвизавшійся въ Анаплѣ близъ Константинополя вскорѣ послѣ смерти Симеона и посѣщаемый даже самими императорами, Львомъ и Зенономъ (греческій текстъ его житія автору неизвѣстенъ); Симеонъ младшій, жившій въ VI в. и подвизавшійся ἐν τῷ θαυμαστῷ ὄρει недалеко отъ Антіохіи; св. Алипій, сдѣлавшійся извѣстнымъ въ VII вѣкѣ въ Адріанополѣ Пафлагонскомъ; Лука младшій, жившій въ X вѣкѣ; Θеодулъ, исторія котораго, впрочемъ, внушаетъ сильныя подозрѣнія въ ея достовѣрности. Кромѣ этихъ пяти именъ, авторъ приводитъ длинный рядъ столпниковъ, дѣятельность которыхъ вообще гдѣ-нибудь отмѣчена. Сохранившіеся тексты позволяютъ положительно утверждать существованіе столпничества до начала XIII вѣка и только на Востокѣ. На Западѣ извѣстенъ только одинъ примѣръ столпничества, сообщаемый Григоріемъ Турскимъ, а именно, въ Галліи, гдѣ спасался одно время на столпѣ въ VI вѣкѣ діаконъ Wulflaicus. Въ третьей главѣ (La vie du Stylite) авторъ описываетъ подробно устройство столповъ и самый образъ жизни этихъ оригинальныхъ аскетовъ-подвижниковъ.

Eugène Troump, *L'église byzantine de Daphni à Athènes.*

Его же, Le Parthénon et l'église byzantine de Daphni. Le Messager d'Athènes 4/16 и 11/23 февраля 1895 года.

Въ первомъ сообщеніи французскій архитекторъ Трумпъ дѣлаетъ интересныя сообщенія о работахъ, предпринятыхъ въ 1890 году для поддержанія древнихъ мозаикъ. Второе сообщеніе говоритъ о реставраціи обветшалыхъ и, вѣроятно, поврежденныхъ послѣднимъ землетрясеніемъ частяхъ Парθенона. См. Byzantinische Zeitschrift IV (1895), 395—396.

Ch. Diehl, *Une charte lapidaire du VI-e siècle.* Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres за 1894 годъ. Въ мемуарѣ Диля идетъ рѣчь о латинской надписи на камнѣ, которая содержитъ разныя правила для монастыря св. Стефана. Мемуаръ снабженъ важными комментаріями. См. Byzantinische Zeitschrift IV (1895) 397—398.

H. Monnier, *Études de droit byzantin. L'ἐπιβολή.* (*Suite*). IV. De l'ἐπιβολή après Justinien. Nouvelle revue historique de droit français et étranger. 18 (1894), 433—486. Еще въ 1892 году появилось начало изслѣдованія Monnier о происхожденіи и организаціи ἐπιβολή (adjectio) до смерти

Юстиніана (т. XVI, 125—164, 330—352, 497—542, 637—672). Въ настоящей главѣ авторъ слѣдитъ за исторіей ἐπιβολή до времени императрицы Ирины, т. е. до конца VIII вѣка. Только при первыхъ двухъ преемникахъ Великаго Юстиніана, Юстинѣ (565—578) и Тиберіѣ (578—582) можно замѣтить существованіе ἐπιβολή. Въ VII и VIII-мъ вѣкахъ упоминанія объ ἐπιβολή исчезаютъ; эклога императоровъ-иконоборцевъ и νόμος γεωργικός объ этомъ не упоминаютъ; полное молчаніе объ ἐπιβολή продолжается до конца VIII вѣка, чѣмъ и кончается настоящая глава изслѣдованія Monnier. Въ немъ еще надо отмѣтить слишкомъ подробные, можно сказать, излишніе для данной темы экскурсы въ область внѣшнихъ политическихъ событій VI—VIII вѣковъ, какъ напр. о славянскихъ нашествіяхъ на Византію (стр. 460—470). Какъ и первыя главы этого изслѣдованія, эта глава снабжена громаднымъ подчасъ даже черезчуръ безъ нужды нагромажденнымъ ученымъ аппаратомъ.

I. B. Chabot, *Histoire du patriarche Mar Jabalaha III et du moine Rabban Çauma*. Revue de l'Orient latin 1 (1893), 567—610; 2 (1894), 73—142; 235—304.

Шабо даетъ здѣсь французскій переводъ сирійскаго текста, который содержитъ въ себѣ исторію патріарха Jabalaha III (†1317) и путешествіе къ христіанскимъ князьямъ въ Европу монаха Rabban Çauma, посланнаго монгольскимъ ханомъ Аргуномъ. Текстъ написанъ современникомъ. См. Byzantinische Zeitschrift IV (1895), 212.

L. de Mas Latrie, *Les seigneurs Tierciers de Négropont*. Revue de l'Orient latin I (1893), 413—432. Авторъ даетъ хронологическій и генеалогическій перечень владѣтелей Негропонта, которые произошли отъ трехъ ломбардскихъ вождей, занявшихъ островъ съ согласія Бонифація Монферратскаго, за время латинскаго владычества съ 1205 по 1470 г. Les Tierciers есть наслѣдственный титулъ этихъ владѣтелей. Таблица составлена по Гопфу (Chroniques gréco-romanes). Предслли (I libri commemoriali della republica di Venezia), Шлумбергеру и пр. Б. М.

Schlumberger, *Bulles d'or et sceau des rois Léon II (I) et Léon VI (V) d'Armenie*. Revue de l'Orient latin I (1893), № 2, стр. 161—167. Описаніе 3 золотыхъ печатей Льва II, привѣшенныхъ къ письмамъ его къ папѣ Иннокентію III, хранящимся въ ватиканскомъ архивѣ, и документа съ восковой печатью Льва VI отъ 1389 г., находящагося въ Bibliothèque nationale. Къ описанію приложены 2 фототипіи и политипажъ. Б. М.

H. Omont, *Liste des métropolitains et évêques grecs du patriarcat de Constantinople vers 1725*. Revue de l'Orient latin I (1893), № 2, стр. 313—320. Перепечатка именнаго списка 86 епархій и іерарховъ константинопольскаго патріархата составленнаго около 1725 г., изъ рукописи (копіи) Анвиля (Supplém. grec de la Bibl. nationale). Б. М.

Рецензіи появились на слѣдующія книги:

Bérard, La Turquie et l'hellénisme contemporain. La Macédoine. Paris, 1893, in-12, 352 стр. Рец. въ Revue des quest. hist. 1894. t. 56, p. 645—647.

Fr. Loofs, Studien über die dem Johannes von Damaskus zugeschriebenen Parallelen. Halle 1892. X+146 стр. Рец. въ Revue Critique 1894. № 12, стр. 226—228.

Hubert Grimm, Der Strophenbau in den Gedichten Ephraems des Syrers mit einem Anhange über den Zusammenhang zwischen syrischer und byzantinischer Hymnenform. Fasc. II der Collectanea Friburgensia. Fribourg en Suisse, libraire de l'Université. 1893. in-4°. VI+95 стр. — Рец. въ Revue Critique 1894, № 15, стр. 277—279.

Lic. Dr. Johannes Werner, Dogmengeschichtliche Tabellen zum monarchianischen, trinitarischen und christologischen Streite. Gotha, Perthes, 1893. 11 стр. Рец. въ Revue Critique 1894, № 33—34, стр. 85.

Alb. Jahnius, Anecdota graeca theologica cum prolegomenis. Gennadii archiepiscopi Constantinopolitani dialogus Christiani cum Judaeo etc. et ejusdem Delectus prophetiarum de Christo. Lipsiae 1893. Рец. въ Revue Critique 1894, № 44, стр. 246—247. См. «Виз. Врем.» II, стр. 214 сл.

Antonius Baumstark, Lucubrationes syro-graecae. Leipzig. Teubner 1894. in 8°. Рец. въ Revue Critique. 1895, № 4, стр. 62—64.

Dr. Karl Schwarzlose, Der Bilderstreit, ein Kampf der griechischen Kirche um ihre Eingenart und um ihre Freiheit. Gotha. Perthes. 1890. Рец. **L. Brehier** въ Revue historique, 1894. т. 55, стр. 149—153.—Книга распадается на двѣ части: исторію почитанія иконъ и споръ изъ-за нихъ, и пространное изложеніе доктрины обѣихъ партій, ихъ послѣдствія религіозныя, философскія и политическія.

G. Clausse, Basiliques et mosaïques chrétiennes. Italie-Sicile. Paris. 1893. 2 vol. См. рецензію **Ch. Diehl** въ Byzantinische Zeitschrift за 1895 г., стр. 136—138.

Ch. Diehl, Rapport sur deux missions archéologiques dans l'Afrique du Nord. Paris. 1894. См. рецензію **L. Hartmann** въ Byzantinische Zeitschrift за 1895 г., стр. 139—141.

La Revue biblique internationale за 1892 и 1893 г. См. рец. **P. Batiffol** въ Byzantinische Zeitschrift за 1895 г., стр. 141—143.

Mordtmann, Esquisse topographique de Constantinople. Lille. 1892. См. рецензію въ Analecta Bollandiana 1894, стр. 48—49 и въ Revue des Etudes grecques 1892, стр. 107 сл.

A. Carrière, Nouvelles sources de Moïse de Khoren. Vienne 1893. См. рецензію въ Analecta Bollandiana 1894, стр. 166. Ср. Byz. Zeitschr. 1894, стр. 193; 1895, стр. 167 сл.

Abbé Chabot, La légende de Mar Bassus martyr persan. Paris. 1893. См. рецензію въ Analecta Bollandiana 1894, стр. 170.

Barbier de Montault, Oeuvres complètes, t. IX. Rome. VI. Hagiographie (première partie). 1894. См. рецензію въ Analecta Bollandiana 1894, стр. 398 сл.

R. P. Lagrange, Saint Etienne et son sanctuaire à Jérusalem. Paris. 1894. См. рецензію въ Analecta Bollandiana 1895, стр. 117 сл.

A. Burckhardt, Hieroclis Synecdemus. Leipzig, Teubner 1893. См. рецензію въ Revue des Etudes grecques 1894, стр. 103 сл.

А. Васильевъ.

АНГЛІЯ.

Headlam, *A. C.*, *Ecclesiastical Sites in Isauria* (Supplementary Papers, № 2, published by The society for the Promotion of Hellenic studies), London, 1892, 1 vol. in fol. 31 стр., съ двумя таблицами и 10 рисунками въ текстѣ. — Headlam посѣтилъ древнюю провинцію Исаврію въ іюлѣ 1890 г. и далъ прекрасное описаніе двухъ византійскихъ церквей Koja-Kalessi и Kastel, которыя, по мнѣнію автора, представляютъ изъ себя любопытный образчикъ переходнаго искусства отъ базилики къ византійской церкви съ куполомъ и могутъ быть отнесены къ V вѣку. Здѣсь же собраны христіанскія погребальныя надписи. См. рецензію въ Revue Critique 1894, № 27, 28, стр. 5.

The Discourses of Philoxenus bishop of Mabbogh a D. 485—519, edited from syriac manuscripts of the sixth and seventh centuries in the British museum, with an english translation by E. A. Wallis Budge. Published under the direction of the Royal Society of literature of the United Kingdom.—Vol. I. The syriac text. London. 1894, in 8°; VI+625 стр. — Въ книгѣ Филоксена рисуется идеалъ совершеннаго христіанина, какъ его понимаетъ самъ авторъ. Безотчетная вѣра, простой умъ, страхъ передъ Богомъ, воздержаніе и постъ—вотъ тѣ необходимыя условія, безъ которыхъ не можетъ быть истиннаго христіанина. Филоксенъ, будучи самъ монофизитомъ, являлся живымъ дѣятелемъ въ монофизитскихъ спорахъ V и VI вѣка. Большая часть его теологическихъ произведеній еще не издана. Первый томъ изданія Budge содержитъ сирійскій текстъ; второй томъ будетъ заключать въ себѣ англійскій переводъ и критическое изслѣдованіе. См. рецензію въ Revue Critique, 1894, № 37—38, стр. 121—123.

J. D. Craig Houston, *The daughter of Leontius;* or Phases of Byzantine life, social and religious, in the fifth century after Christ. London. 1894.— Книга Houston'а представляетъ изъ себя довольно блѣдное изложеніе романической исторіи Аѳинаиды, дочери греческаго софиста Леонтія, которая приняла крещеніе, получила имя Евдокіи, вышла замужъ за византійскаго императора Ѳеодосія II (408—450) и была императрицей Восточной Римской имперіи. См. рецензію въ The Athenaeum за 1894 г., т. I, стр. 800. Ср. Byzantinische Zeitschrift, т. IV (1895), стр. 219.

Catalogue of Greek Papyri in the British Museum. Vol. I. Texts edited by *F. G. Kenyon.* Vol. II. Facsimiles. London. 1894.—Въ прекрасно изданномъ новомъ каталогѣ греческихъ папирусовъ Британскаго музея, въ который вошли недавно подаренныя музею рукописи начала VII вѣка, издатель заявляетъ, что особенную трудность представляла для него

опредѣленіе времени для рукописей византійской эпохи. См. рецензію въ The Academy за 1894 г., т. 45, стр. 60—61.

T. Harrison, *The problem of Constantinople* въ The Fortnightly Review 1894, Mai.

Его же, *Constantinople as an historic city*, тамъ же, 1894. April. Обѣ книги указаны въ Byz. Zeitschr. 1895, стр. 209.

Bury, *The Roman empire in 600 A. D.* въ The English Histor. Review 9 (1894). См. Byz. Zeitschr. 1895, стр. 210.

Paspates, *The great palace of Constantinople.* Translated from the greek by *William Metcalfe*. London, Al. Gardner. 1893. См. Byz. Zeitschr. 1895, стр. 218.

A. L. Frothingham, *Byzantine artists in Italy* from the sixth to the fifteenth century въ The American journal of archaeology. 1894, 32—52. См. Byz. Zeitschr. 1895, стр. 223.

W. R. Lethaby and H. Swainson, *The church of S. Sophia, Constantinople.* A study of byzantine building. London, Macmillan & C°. 1894.— Будетъ особая рецензія.

T. H. Lewis, Byzantines. sculptures found at Ahnas. Memoirs of the Egypt Exploration Fund. № 11 (I). London 1894.—См. Byz. Zeitschr. 1895, стр. 228.

Рецензія появилась на книгу:

Conybeare, The Apology and Acts of Apollonius and other Monuments of early Christianity. London. 1894. Рец. въ Analecta Bollandiana. 1894, стр. 292.

А. Васильевъ.

ГРЕЦІЯ И ТУРЦІЯ.

В. А. Мистакидисъ, Ὁ πατριάρχης Ἱερεμίας β' ὁ Τρανὸς καὶ αἱ πρὸς τοὺς διαμαρτυρομένους σχέσεις κατὰ τὸν ιϛ' αἰῶνα [Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια, 1894 XIV, стр. 286—287, 300—301, 310—312, 317—320].— Авторъ въ этой статьѣ вначалѣ вкратцѣ излагаетъ жизнь вселенскаго патріарха Іереміи II и его отношенія къ нѣмцамъ-лютеранамъ въ XVI в.; затѣмъ помѣщаетъ три неизданныя еще письма Мартина Крузія (1585, 1588, 1589), взятыя изъ его Diarium, хранящагося въ библіотекѣ гор. Тюбингена. Первое письмо адресовано Гавріилу, архіепископу Филадельфійскому, второе — Ѳеодосію Зигомалѣ и Симеону Кавасилѣ, третье же— патріарху Іереміи, находившемуся въ то время въ Москвѣ (1589). Въ концѣ этой статьи авторъ помѣщаетъ отрывокъ еще одного письма, написаннаго въ 1589 г. Зигомалѣ.

В. А. Мистакидисъ, Χριστιανικὴ ἀρχαιολογία ἐν Παλαιστίνῃ [Ἐκκλησ. Ἀλήθεια, 1894, XIV, стр. 270—271].— Эта замѣтка содержитъ въ себѣ нѣсколько избранныхъ надписей и объясненіе ихъ. Надписи заимствованы изъ Revue Biblique, также какъ и объясненіе, приводимое въ этой замѣткѣ въ сокращенномъ видѣ.

Н. Г. Мистакидисъ, Ἡ μητρόπολις Ἰωαννίνων [Κωνσταντινούπολις. 1894, № 177].—Мы указываемъ на эту статью въ виду сообщаемыхъ въ ней свѣдѣній касательно епископіи Додоны и границъ митрополіи янинской въ Эпирѣ. Въ этой статьѣ перечислены имена архіереевъ митрополіи янинской съ 1317 по 1894 г.

Евѳимій Каракалосъ, Ὁ θεσμὸς τῆς προσωπικῆς κρατήσεως, ἐξεταζόμενος ἱστορικῶς, καθ' ὅσον ἰσχύει παρ' ἡμῖν, καὶ νομοθετικῶς. Ἐν Πάτραις. 1893, стр. VI + 619 въ 8°.— Замѣчательны 3-ья и 4-ая главы этой книги, въ которыхъ говорится о постановленіяхъ касательно ареста у Римлянъ, Византійцевъ, Франковъ и Крестоносцевъ.

Анѳимъ Алексудисъ, митрополитъ Амасіи. Ὁ Ἀχριδῶν Γαβριήλ [Ἐκκλησ. Ἀλήθεια, 1894, XIV, стр. 172—173].—Въ этой замѣткѣ комментируется письмо Охридскаго архіепископа Гавріила, написанное въ 1585 г., изданное Эмиліемъ Леграномъ въ Revue des études grecques. Здѣсь опровергается мнѣніе Нѣмцова [Ἱστορικὴ ἀνάμνησις τῆς ἀρχιεπισκοπῆς Ἀχριδῶν καὶ τοῦ πατριαρχείου Τυρνόβου. Ἐν Κ/πόλει. 1868, стр. 108], который утверждалъ, что Гавріилъ былъ славяниномъ изъ Босніи; онъ былъ грекомъ изъ города Янина, какъ доказываетъ митрополитъ Анѳимъ, ссылаясь на біографическій очеркъ К. Саѳы о патріархѣ Іереміѣ II Tранѣ, стр. σε'.

К. Ербицеано, Ἱστορικαὶ μελέται περὶ τῆς ὑπάρξεως τῆς ἱεραρχίας τῆς Ῥωμανικῆς ἐκκλησίας κατὰ τοὺς IX—XIV αἰῶνας [Ἐκκλησ. Ἀλήθεια, 1894, XIV, стр. 162—166, 196—199, 205—207].—Эта статья является переводомъ съ румынскаго и представляетъ солидное изслѣдованіе: подлинникъ помѣщенъ въ Biserica orthodoxă Română: revista periodică eclesiastică, т. XVII, № 7.

Николай Г. Мистакидисъ, Ἡ μονὴ Γερομερίου [Κωνσταντινούπολις, 1894, № 209].—Въ этой замѣткѣ излагается исторія и описаніе монастыря Геромирскаго, являющагося центромъ патріаршаго экзархата надъ двѣнадцатью деревнями Албаніи. Блаженный Нилъ, родомъ изъ Ласкаріи, воздвигъ церковь въ этомъ монастырѣ. Блаженный Нилъ, по словамъ автора, основывающагося на нѣкоторыхъ рукописяхъ, былъ тотъ самый Нилъ, который умеръ въ 1335 г. на 103 г. отъ роду.

Н. Г. Мистакидисъ, Ἡ Δροβιανὴ τῆς Ἠπείρου [Κωνσταντινούπολις, 1894, № 223].—Въ этой статьѣ описанъ городъ Дровіана въ Эпирѣ, представляющій изъ себя маленькій городокъ, раздѣленный на двѣ части гористымъ плато; онъ расположенъ между двумя потоками: Быстрицей и Армиропотамосомъ. Въ этомъ городкѣ и вокругъ него находятся древнія развалины, особенно византійскія, какъ напримѣръ, замки, монастыри и т. д. Авторъ, подробно описывая все это, упоминаетъ также о грамотѣ вселенскаго патріарха Серафима касательно монастыря Дріяни, лежащаго между Дровіаною и Зервата.

Н. Г. Мистакидисъ, Ἡ ἐν Θεσπρωτίᾳ μονὴ Ἰωάννου τοῦ Θεολόγου [Κωνσταντινούπολις, 1894, № 183].—Въ этой замѣткѣ говорится о монастырѣ

Св. Іоанна Богослова, расположенномъ въ Эпирѣ около села Мáльціани, въ вѣдѣніи митрополіи Парамиѳійской. Авторъ, разсказывая обо всемъ, что касается монастыря, между прочимъ упоминаетъ также объ имѣющихся въ монастырѣ греческихъ рукописяхъ.

Н. Г. Мистакидисъ, Παρατηρήσεις ἐπὶ τῶν χρονολογικῶν καταλόγων τοῦ μητροπολίτου κ. Ἀνθίμου Ἀλεξούδη [Νεολόγου Ἑβδομαδ. Ἐπιθεώρησις, 1894, т. III, стр. 645—647].— Эта статья содержитъ свѣдѣнія о древней епископіи Φωτίκη или Φωτική въ Эпирѣ, которую впослѣдствіи замѣнила епископія, находящаяся въ Βελλᾶς. Авторъ не согласенъ съ мнѣніями другихъ писателей, въ вопросѣ о мѣстѣ, которое занимала Φωτική; онъ предполагаетъ, что она лежала всего вѣроятнѣе тамъ, гдѣ теперь находится городокъ Грепуниста, и даетъ далѣе точные предѣлы епископіи Βελλᾶς καὶ Κονίτζης; затѣмъ авторъ перечисляетъ многочисленныхъ епископовъ съ 1222 г. вплоть до нашего времени.

Н. Г. Мистакидисъ, Παρατηρήσεις ἐπὶ τῶν χρονολογικῶν καταλόγων τοῦ μητροπολίτου Ἀμασείας Ἀνθίμου Ἀλεξούδη [Κωνσταντινούπολις, 1894, № 221].— Авторъ этой статьи перечисляетъ имена епископовъ Дельвины и Химарры (1270—1812) и затѣмъ имена митрополитовъ Дринополя (1812—1894).

Н. Г. Мистакидисъ, Ἡ Φοινίκη τῆς Ἠπείρου [Κωνσταντινούπολις, 1894, № 185].— Въ этой статьѣ заключаются топографическія и историческія замѣтки объ этомъ древнемъ албанскомъ городѣ, имя котораго еще теперь сохранилось въ названіи незначительной маленькой деревушки, расположенной посреди поля Дельвины. Мистакидисъ между прочимъ упоминаетъ, что мѣсто, гдѣ находилось прежде Финика, заключаетъ много остатковъ византійскихъ древностей.

Николай Г. Политисъ, Δημώδεις κοσμογονικοὶ μῦθοι. Ἀθήνησιν, 1894, стр. 52 въ 8°.—Этотъ трудъ представляетъ собою сравнительное изслѣдованіе о всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ народныхъ представленіяхъ, касающихся происхожденія міра, какъ у древнихъ, такъ и у позднѣйшихъ народовъ, особенно у современныхъ грековъ. Изслѣдованіе г. Политиса полно глубокой эрудиціи и правильныхъ воззрѣній. Авторъ находитъ, что въ основѣ преданій греческаго народа касательно происхожденія лежитъ то же общее всѣмъ народамъ представленіе о сосѣдствѣ земли съ небомъ; подобное же представленіе человѣчество имѣло издавна, какъ можно думать на основаніи дошедшихъ до нашего времени памятниковъ древнихъ народовъ, напримѣръ, Евреевъ, Египтянъ и Еллиновъ.

Н. Г. Политисъ, Τὸ ἔθιμον τῆς θραύσεως ἀγγείων κατὰ τὴν κηδείαν [Παρνασσός, 1894, XVII, стр. 81—87].— Эта статья, касающаяся обычая разбивать сосуды во время похоронъ, была впервые издана вмѣстѣ съ англійскимъ переводомъ Louis Tylor въ Journal of the anthropological institute, 1893. Теперь г. Политисъ снова издаетъ ту же статью, но въ болѣе полномъ видѣ. Обычай разбивать сосуды во время похоронъ былъ

извѣстенъ, какъ у древнихъ Грековъ, такъ и у другихъ народовъ древности и существуетъ до настоящаго времени въ Греціи. Авторъ перечисляетъ тѣ мѣстности, гдѣ это преданіе еще сохранилось и передаетъ воззрѣнія и мысли туземцевъ объ этомъ предметѣ.

Н. Г. Политисъ, Ἡ λαογραφία τῆς Λέσβου [Ἑστία εἰκονογραφημένη, 1895, стр. 19—20, 28—29].—Разборъ и критика книги: G. Georgeakis et Léon Pineau, La folk-lore de Lesbos. Paris, 1894.

** Ἱστορικαί τινες σημειώσεις περὶ τῆς παρὰ τὴν Ῥώμην ἀρχαίας μονῆς Grotta-Ferrata = Σιδηρᾶς Κρύπτης [Νεολόγος, 1894, № 7170].— Историческія замѣтки о древнемъ монастырѣ, лежащемъ близъ Рима: Grotta-Ferrata.

Спиридонъ Де-Віазисъ, Ἱστορικαὶ σημειώσεις περὶ σταφίδος ἐν Ἑπτανήσῳ καὶ ἰδίως ἐν Ζακύνθῳ [Παρνασσός, 1894, XVI, стр. 435—447, 543—558, 612—631, 765—785].— Продолженіе и окончаніе прекрасной статьи, содержащей исторію воздѣлыванія изюма на Іоническихъ островахъ, особенно на о. Зантѣ. Объ этой статьѣ мы уже говорили раньше. Виз. Временникъ, I, стр. 225.

Г. І. Калайсанисъ, Κρητικαὶ παροιμίαι ἐξ ἀνεκδότου συλλογῆς [Παρνασσός, 1894, XVI, стр. 479—480, 559—560, 635—638, 878—879].—Калайсакисъ сообщаетъ 154 новогреческихъ пословицъ съ острова Кандіи.

Фотій Димитріадисъ, Ἡ ψηφιδογραφία ἐν τῇ ἀρχαιότητι καὶ κατὰ τὸν μεσαιῶνα [Παρνασσός, 1894, XVI, стр. 535—541, 588—595]. — Статья о мозаикѣ въ древности и въ средніе вѣка.

Г. Е. Мавроянписъ, Ἡ βυζαντινὴ τέχνη [Παρνασσός 1894, XVI, стр. 541—543]. — Отвѣтъ на критику г. Албана, разбиравшаго книгу автора: Βυζαντινὴ τέχνη καὶ βυζαντινοὶ καλλιτέχναι. См. Виз. Временникъ, I, стр. 701 сл.

Н. Н. Х. Костисъ, Βερνάρδος Kuen καὶ Κοραῆς [Παρνασσός, 1894, XVI, стр. 601—612].—Собраніе сохранившихся извѣстій о Берн. Кюнѣ, преподавателѣ Кораиса и пасторѣ Голландской колоніи въ Смирнѣ; авторъ вкратцѣ рисуетъ намъ также исторію этой колоніи.

Г. Филаретъ, Ἱστιαία, Ὠρία, Ὠρεός, Ἑλλοπία [Παρνασσός, 1894, XVI, стр. 833—840].—Топографическое изслѣдованіе объ этомъ древнемъ мѣстоположеніи Греціи.

** Ἡ Γεύγελη [Κωνσταντινούπολις, 1895, № 9].—Эта статья описываетъ Гевгель, городокъ, лежащій на разстояніи 12 ч. ѣзды къ С. З. отъ Θессалоники (2 ч. 17 м. по желѣзной дорогѣ) и въ духовномъ отношеніи подлежащій вѣдѣнію митрополита Водены. Анонимный авторъ подробно описываетъ этотъ городокъ и сообщаетъ намъ статистическія и коммерческія данныя о немъ.

Георгій Д. Пахтикосъ, Ὀλυμπιακοὶ ἀγῶνες ἐν Βιθυνίᾳ [Νέα Ἐφημερίς, Константиноп. вѣдомость, 1895, № 1258, 1259, 1260, 1261]. -Въ этой статьѣ, главнымъ образомъ, описывается традиціонный способъ гимнастическихъ состязаній въ Виеинскомъ городкѣ Ортакёй, который администра-

тивно подлежитъ вѣдѣнію каймакама (правителя) Кейбе, духовно же — митрополіи Никомидіи. Населеніе его достигаетъ 8000 душъ; 6000 изъ нихъ—православные Армяне, которые называютъ себя Греками; остальные 2000—также Армяне и принадлежатъ къ Армяно-Грегоріанской церкви. Авторъ подробно описываетъ этотъ городокъ и, на основаніи церковныхъ записей (= регистровъ), говоритъ, что православные содержатъ тамъ греческую школу съ 1807 г. и большой древній храмъ въ византійскомъ стилѣ, во имя Св. Георгія. Въ этотъ городкѣ 23 Апрѣля, въ день праздника Св. Георгія, на ровномъ пространствѣ происходятъ состязанія, въ которомъ принимаютъ участіе не только туземцы, но и жители окрестностей, какъ христіане, такъ и магометане. Состязанія состоятъ изъ 1) скачекъ, 2) борьбы нагими, 3) изъ состязанія въ бѣгѣ, 4) въ прыганіи, 5) въ бросаніи диска, 6) въ метаніи дротиковъ и 7) рѣдко въ кулачномъ боѣ. Судьями, провозглашающими побѣдителей, являются священники этого городка и старосты, которые и оказываютъ побѣдителямъ различныя почести передъ толпой. Авторъ описываетъ съ большою подробностью эти игры и находитъ въ нихъ нѣкоторое сходство съ древними Олимпійскими играми.

Георгій Н. Хаджидакисъ, Περὶ τοῦ γλωσσικοῦ ζητήματος ἐν Ἑλλάδι. Ἀθήνησιν 1890—1893.—Это изслѣдованіе раздѣлено на двѣ части и было впервые помѣщено въ журналѣ Ἀθηνᾶ [т. II, стр. 169—235. V, стр. 1—63), а затѣмъ составило двѣ отдѣльныя книги. Въ первой книгѣ авторъ съ исторической точки зрѣнія разбираетъ вопросъ о существованіи въ Греціи съ древнѣйшихъ временъ рядомъ двухъ языковъ, затѣмъ приводитъ мнѣнія греческихъ ученыхъ о литературномъ языкѣ въ различныя эпохи и говоритъ далѣе о вліяніи древняго народнаго языка на современный литературный языкъ Грековъ. По мнѣнію автора, развитіе новогреческаго языка представляетъ громадные успѣхи, такъ какъ иностранныя слова, находящіяся въ обращеніи среди народа, замѣняются словами греческаго происхожденія. Затѣмъ авторъ говоритъ (I, стр. 202), что почтенный профессоръ Стефанъ Куманудисъ составилъ словарь, пока еще не напечатанный, гдѣ собралъ около 30 тысячъ словъ, принадлежащихъ греческимъ литераторамъ съ 1757 г. до настоящаго времени. Возстановленіе греческаго государства способствовало своими законами господству смѣшаннаго литературнаго языка надъ вульгарнымъ какъ въ литературѣ, такъ и въ разговорной рѣчи, благодаря, во-первыхъ, тому обстоятельству, что оффиціальнымъ языкомъ былъ признанъ первый языкъ (на немъ были написаны законы), а затѣмъ благодаря распространенію среди народа путемъ просвѣщенія грамматическихъ формъ древняго народнаго языка и замѣнѣ иностранныхъ словъ греческими. Такъ, напримѣръ, типографія раньше называлась σταμπαρία, а теперь всѣ Греки говорятъ τυπογραφεῖον. Итакъ одержалъ верхъ и будетъ одерживать верхъ въ разговорной рѣчи смѣшанный литературный языкъ и его грамматическія формы; это фактъ общественный и истори-

ческій, который, какъ указываетъ настоящее состояніе языка, никоимъ образомъ не можетъ быть измѣненъ. Поэтому авторъ строго осуждаетъ послѣдователей г. Психари, желающихъ сдѣлать народный вульгарный языкъ языкомъ литературнымъ. Изъ этого изслѣдованія профессора Хаджидакиса русскій эллинистъ получаетъ полное представленіе о состояніи языка въ Греціи съ древнихъ временъ вплоть до сегодняшняго дня.—Въ концѣ второй книги г. Хаджидакисъ изслѣдуетъ вопросъ о происхожденіи новаго греческаго наименованія Пелопоннеса Мореей, Μορέας или Μωριᾶς. Г. Хаджидакисъ приходитъ къ заключенію, что мнѣніе лицъ, утверждающихъ, будто слово Μορέας или Μωριᾶς славянскаго происхожденія, не можетъ быть признано, и это не по причинамъ патріотизма или національнаго самолюбія, а по чисто научнымъ соображеніямъ. Это слово по ударенію — греческое и произошло отъ названія тутоваго дерева μορέα, точно такъ же, какъ и другія названія греческихъ мѣстностей съ окончаніемъ на — εα произошли отъ различныхъ именованій растеній, напр. Κερατέα, Καστανέα, Καρέα, Καρυά. Наименованіе Пелопоннеса Мореей, по словамъ автора, должно быть распространилось изъ области Элиды, гдѣ въ средніе вѣка изобиловали лѣса тутовыхъ деревьевъ.

Г. Н. Хаджидакисъ. Περὶ τῆς λέξεως Μορέας · μέρος δεύτερον καὶ ἐπιστολὴ πρὸς Th. Reinach. Ἀθήνησιν 1893. 8⁰, стр. 48.—Въ этой брошюрѣ г. Хаджидакисъ возвращается къ вопросу о происхожденіи имени Μορέας и, опровергши многими доказательствами доводы другихъ авторовъ объ этомъ предметѣ, возвращается къ своему прежнему мнѣнію о томъ, что это слово происходитъ отъ названія дерева μορέα. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ окончаніе слова на — εα, на что оканчиваются названія травъ и деревьевъ. Авторъ перечисляетъ большое количество греческихъ мѣстностей, обязанныхъ своимъ наименованіемъ различнымъ видамъ растеній. Чтеніе этого изслѣдованія не оставляетъ болѣе никакого сомнѣнія насчетъ происхожденія имени Μορέας отъ новогреческаго названія тутоваго дерева μορέα. — Слѣдующее затѣмъ письмо Хаджидакиса къ Рейнаку касается личнаго спора Хаджидакиса съ Психари.

Г. Ламбакисъ, Ἔργα θεολογικά. Ἐν Ἀθήναις 1893. 8⁰ стр. 48 и 4 табл.— Въ этой брошюрѣ достойна замѣчанія статья, озаглавленная Ἡ Ἀμβροσιανὴ δοξολογία. Въ началѣ статьи Ламбакисъ помѣщаетъ переводъ на греческій языкъ хвалебнаго гимна, написаннаго Св. Амвросіемъ, а затѣмъ—самое изслѣдованіе, раздѣленное на главы. Предварительно авторъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Св. Амвросіѣ, епископѣ Миланскомъ (340—398 г.), затѣмъ излагаетъ причины составленія этой хвалебной пѣсни и приводитъ мнѣнія новѣйшихъ критиковъ о ней. Далѣе авторъ разбираетъ слово за словомъ самый гимнъ и доказываетъ, что онъ составленъ изъ многихъ мѣстъ ветхаго завѣта Св. Писанія. Г. Ламбакисъ указываетъ, когда этотъ хвалебный гимнъ пѣлся при католическомъ богослуженіи, начиная съ древнихъ временъ, затѣмъ даетъ свѣдѣнія о переводѣ гимна на разные языки и о музыкѣ его. Авторъ даетъ

тинскій текстъ гимна и его музыку, помѣщенную въ концѣ книги на четырехъ отдѣльныхъ листахъ по Львову.

Евстратій I. Дракосъ, Τὰ Θρᾳκικά, ἤτοι διάλεξις περὶ τῶν ἐκκλησιαστικῶν ἐπαρχιῶν Σηλυβρίας, Γάνου καὶ Χώρας, Μετρῶν καὶ Ἀθύρων, Μυριοφύτου καὶ Περιστάσεως, Καλλιπόλεως καὶ Μαδύτων. Τεῦχος πρῶτον. Ἀθήνησι [чит. Σμύρνῃ] 1892, 8°, стр. 136. — По причинѣ отсутствія другой греческой книги о церковныхъ епархіяхъ Θракіи, мы принимаемъ съ благодарностью этотъ трудъ г. Дракоса, хотя авторъ и не обладаетъ достаточной научной подготовкой. Историческій матеріалъ о θракійскихъ городахъ древней и византійской эпохи чрезвычайно скуденъ. По нашему мнѣнію, авторъ заслуживаетъ вниманія тѣмъ, что даетъ современную номенклатуру тѣхъ мѣстъ Θракіи, которыя онъ посѣтилъ; достойны также вниманія статистическія данныя о жителяхъ, въ особенности о православныхъ, и свѣдѣнія о состояніи просвѣщенія и о преданіяхъ, касающихся возникновенія новыхъ θракійскихъ деревень; авторъ даетъ еще нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія о θракійскихъ древностяхъ. На основаніи всего этого книга г. Дракоса является хорошимъ путеводителемъ, въ особенности для тѣхъ, которые желаютъ имѣть по возможности надежныя свѣдѣнія о греческихъ общинахъ, находящихся у прибрежія Мраморнаго моря въ церковныхъ епархіяхъ Θракіи, каковы: Галлиполь, Мадитъ, Миріофитъ, Перистасисъ (др. Τειρίστασις), Ганосъ, Хора, Силиври и пр.

** Ἀνέκδοτος ἑρμηνεία εἰς τὴν ᾠδὴν τῆς Μαριὰμ καὶ τὴν προσευχὴν τοῦ Ζαχαρίου [Σωτήρ, т. XV, 1892, стр. 289—296]. — Здѣсь заключается неизданное объясненіе къ пѣсни Маріамъ и къ молитвѣ пророка Захаріи. Текстъ этого объясненія списанъ съ древней копіи, хранящейся въ Аθинской Національной Библіотекѣ, при чемъ нумеръ копіи не указанъ; упоминается только, что она написана въ X в. Это объясненіе состоитъ изъ отрывковъ сочиненій Оригена, Виктора, Севера и многихъ не поименованныхъ авторовъ.

Кириллъ Аθанасіадисъ, архимандритъ, Τὰ κατὰ τὸν ἀοίδιμον Δοσίθεον, πατριάρχην τῶν Ἱεροσολύμων [Σωτήρ, т. XIV, стр. 289—296, 353—363, Т. XV, стр. 14—22, 44—61, 77—86, 109—121, 143—148, 169—186, 200—217, 246—255, 260—274, 297—305, 327—335, 364—371]. — Эта статья о Іерусалимскомъ патріархѣ Досиθеѣ исполнена чрезмѣрныхъ похвалъ и лишнихъ словъ, что уменьшаетъ значеніе этого труда. Тѣмъ не менѣе, въ виду полнаго отсутствія на греческомъ языкѣ обширныхъ трактатовъ объ этомъ предметѣ, эта статья можетъ быть полезна тѣмъ, кто захочетъ ближе ознакомиться съ жизнью, дѣяніями и характеромъ Досиθея. Статья арх. Кирилла заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія, почерпнутыя изъ Іерусалимскихъ библіотекъ и изъ неизданныхъ писемъ Досиθея къ своимъ уполномоченнымъ въ Іерусалимѣ къ другимъ монахамъ братства Св. Гроба Господня. Авторъ писалъ свою статью много лѣтъ тому назадъ и поэтому, естественно, не знаетъ новѣйшихъ изслѣдованій о Досиθеѣ Каптерева, Цагарелли и другихъ русскихъ ученыхъ.

Антоній Миліаракисъ, Τὸ νόσημα μιᾶς βασιλίσσης παραμορφούμενον ἐν τῇ ἱστορίᾳ [Ἑστία εἰκονογραφημένη, 1895, стр. 2—4 и 10—12].—Г. Миліаракисъ помѣщаетъ здѣсь отрывокъ изъ исторіи византійскаго господства въ Никеѣ и въ Эпирѣ, которую онъ намѣревается издать. Въ этомъ отрывкѣ говорится объ Евдокіи, дочери импер. Алексѣя III, вышедшей во второй разъ замужъ за Стефана II, Сербскаго жупана, который отослалъ ее обратно къ ея отцу. Авторъ разбираетъ историческія свидѣтельства объ Евдокіи, и на основаніи ихъ (а также благодаря нѣкоторымъ синхронистическимъ параллелямъ) ясно доказываетъ, что новѣйшіе историки, какъ напр., Лебо, Муральтъ и друг., напрасно только оклеветали поведеніе Евдокіи, между тѣмъ какъ она, напротивъ, страдала отъ чесотки (ἐκ ψωριάσεως).

А. Д. Мораитидисъ, Τὸ ἱερὸν κοινόβιον τοῦ Διονυσίου· ἐξ ἀνεκδότου περιηγήσεως εἰς Ἄθωνα [Παρνασσός, XVII, 1894, стр. 17—33].—Въ своихъ воспоминаніяхъ объ Аѳонскомъ монастырѣ Св. Діонисія г. Мораитидисъ описываетъ нравы и обычаи монаховъ этого монастыря, самый монастырь и его окрестности, при чемъ приводятся въ статьѣ нѣкоторыя надписи, сохранившіяся подъ фресками и на амвонѣ. Авторъ перечисляетъ также замѣчательнѣйшія драгоцѣнности, хранимыя въ ризницѣ монастыря.

Дим. Гр. Камбуроглу, Τὰ δαιμόνια τοῦ Δωδεκαημέρου [Ἑστία. Χριστούγεννα 1894. стр. 2].—Въ этой замѣткѣ говорится о распространенномъ въ греческомъ народѣ суевѣріи, будто, начиная съ кануна Рождества и до самого Крещенія, входятъ черезъ трубы домовъ такъ называемые Καλικάντζαροι, родъ нечистыхъ духовъ. Эти духи носятъ различныя названія, смотря по мѣстностямъ, такъ въ Яннинѣ называются Παγανά, въ другихъ мѣстахъ Эпира Σκορπίσματα или Καψιούριδες, въ Аѳинахъ же Καλοβελόνιδες. Авторъ полагаетъ, что это суевѣріе является воспоминаніемъ о языческихъ временахъ, гдѣ подъ Καλικάντζαροι, по мнѣнію автора, разумѣлись идолопоклонники, которые въ первые вѣка христіанства во время этихъ праздниковъ преслѣдовали христіанъ.

Михаилъ Ян. Маркополисъ, Τὸ ὄνειρο τῆς Παναγιᾶς [Ἑστία. Χριστούγεννα 1894, стр. 7].— Авторъ здѣсь излагаетъ народную поэму и народный разсказъ, гдѣ говорится о снѣ, видѣнномъ Богородицей въ ночь Рождества Христова. Іисусъ Христосъ, какъ только родился, попросилъ свою мать разсказать себѣ этотъ сонъ, въ которомъ изобразились всѣ тѣ страданія, которыя долженъ былъ претерпѣть Іисусъ Христосъ отъ Евреевъ.

Д. Гр. Камбуроглу, Οἱ προικοθῆραι τοῦ παρελθόντος αἰῶνος καὶ τὰ τραχώματα [Παρνασσός, XVII, 1894, стр. 161—167].—Авторъ пользуется для своего изслѣдованія патріаршими грамотами объ этомъ обычаѣ среди Грековъ, говоритъ также о деньгахъ, приносимыхъ невѣстою жениху и называемыхъ однимъ словомъ τράχωμα. Авторъ того мнѣнія, что это послѣднее слово происходитъ отъ латинскаго traho.

Спиридонъ Де-Віазисъ, Ἑρμᾶννος Λούντζης [Παρνασσός, XVII, 1894, стр. 202—212, 256—267].—Настоящая біографія Керкирскаго историка

Ермана Лундзиса написана на основаніи двухъ неизданныхъ автобіографій его. Лундзисъ извѣстенъ византинистамъ своимъ сочиненіемъ: Della condizione politica delle Isole Ionie sotto il dominio Veneto, preceduto da un compendio della storia delle isole stesse dalla divisione dell' imperio Bizantino. Venezia 1860.

Спир. Де-Віазисъ, Ἡ ἐν Κερκύρᾳ ἱερατικὴ σχολὴ τῶν Δυτικῶν ἐπὶ Ἑνετοκρατίας [Παρνασσός XVI, 1894, стр. 927—936].—Достойная вниманія замѣтка касательно древней католической школы въ Керкирѣ (Корфу). Источниками при составленіи этой замѣтки служили древнія архивныя бумаги этой школы, сохраненныя въ католичекой архіепископіи острова, и свидѣтельства, разбросанныя по различнымъ книгамъ. Эта школа существовала съ 1568—1797 г. Авторъ доказываетъ многими доводами, что она весьма много способствовала распространенію просвѣщенія въ Керкирѣ. Школа была основана въ силу правилъ Тридентскаго собора, которымъ было постановлено, чтобы всѣ католическіе епископы сооружали школы на мѣстѣ своей резиденціи. На этомъ соборѣ присутствовалъ и Керкирскій архіепископъ Антоній Коккосъ, который по своемъ возвращеніи на островъ основалъ вышеупомянутую семинарію. Авторъ перечисляетъ также программы преподаванія, директоровъ и преподавателей.

Н. Пассаяннисъ, Μανιάτικα μυρολόγια [Παρνασσός, XVI, 1894, стр. 950—955. XVII, 75—80, 286—291].—Изъ манятскихъ погребальныхъ пѣсенъ мы знали прежде весьма не много. Благодаря же одной госпожѣ [Προοίμια μυρολογίων Λακωνικῶν, συλλεγέντα ὑπὸ τῆς κυρίας Στ. Π. Ῥαζέλου. Ἐν Ἀθήναις 1870] и Аѳанасію Петридису [Πανδώρα XIX, стр. 280, 382—3. XXI, стр. 23—24] мы познакомились въ достаточномъ количествѣ съ таковыми пѣснями. Теперь г. Пассаяннисъ выпускаетъ въ свѣтъ 24 погребальныхъ пѣсенъ, изъ которыхъ нѣкоторыя касаются историческихъ личностей, какъ Петромъ-бея и Мавромихали, воеводъ Мореи. Издатель помѣстилъ еще 24 неизданныхъ вступленій таковыхъ пѣсенъ, отличающихся своими поэтическими красотами.

К. Несторидисъ, Ἡ ἐκπαίδευσις ἐν τῷ Ῥωμαϊκῷ κράτει [Παρνασσός, XVI, 1894. стр. 881—918]. — Эта статья является, кажется, переводомъ съ французскаго, хотя авторъ и не упоминаетъ ничего объ этомъ. Но кто бы ни былъ авторъ зтого произведенія, онъ обнаруживаетъ большое знаніе своего предмета, во всѣхъ его подробностяхъ. Авторъ, однакоже, не ссылается ни на одного древняго или позднѣйшаго историка. Статья трактуетъ о методѣ обученія въ Римскомъ государствѣ къ концу IV столѣтія.

Алкивіадъ І. Саккелліонъ, Γρηγορίου Θεσσαλονίκης τοῦ Παλαμᾶ ἀνέκδοτος διάλεξις [Σωτήρ, XV, 1892, стр. 236—246]. — Здѣсь заключается бесѣда Св. Григорія Паламы, Ѳессалонійскаго архіепископа, съ Хіонами въ 1355 г. Самый текстъ находится въ Аѳинской Національной библіотекѣ въ рукописи XVII в. подъ № 1379, на которой стоитъ слѣдующая надпись: Τοῦ αὐτοῦ Γρηγορίου Θεσσαλονίκης πρὸς τοὺς ἀθέους Χιόνας διάλεξις, συγγραφεῖσα παρὰ ἰατροῦ τοῦ Ταρωνίτου, παρόντος καὶ αὐλικόου γεγονότος (Бесѣда Гри-

горія Θессалонійскаго съ невѣрующими Хіонами, записанная присутствовавшимъ при этомъ и слышавшимъ самую рѣчь врачемъ Тароиптомъ). Издатель помѣщаетъ передъ текстомъ подробное описаніе Аоинской рукописи.

А. И. Пападопуло-Керамевсъ.

СЛАВЯНСКІЯ ЗЕМЛИ И РУМЫНІЯ.

БОЛГАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Милетичъ и Кесяковъ, *Стари пѫтуваннія прѣзъ Бѫлгария* (Старыя путешествія чрезъ Болгарію),—въ Сборникѣ за народни умотворения, наука и книжнина, кн. VI. 1891. Эта статья заключаетъ въ себѣ три очерка, изъ которыхъ въ первомъ дѣлается обзоръ описанія путешествія секретаря австрійскаго посольства 1718 г. въ Константинополѣ, Герарда Корнеліуса Дриша, за тѣмъ Руджіера І. Бошковича 1762 г., представляющаго особенно большой интересъ по богатству данныхъ о Балканскомъ полуостровѣ тогдашняго времени, и наконецъ Рикова 1665 г.

Шоповъ и Стрѣзовъ, *Кодексъ на Охридската патриаршия* (Кодексъ Охридской патріархіи. Тамъ же, кн. VI и X). Кодексъ Охридской патріархіи (Κῶδηξ τῆς ἀρχιεπισκοπῆς τῆς πρώτης Ἰουστινιανῆς Ἀχρίδων) есть протокольная книга Охридской архіепископіи, которая иначе извѣстна подъ названіемъ Кондики св. Климента (Кондика на свети Климентъ). Въ ней записывались, главнымъ образомъ, выборы архіепископовъ или патріарховъ охридскихъ и подвѣдомственныхъ имъ епископовъ. Къ сожалѣнію, она сохранилась не вся: въ началѣ ея недостаетъ листовъ, а сколько недостаетъ, сказать трудно, такъ какъ оставшіеся листы непронумерованы; всѣхъ сохранившихся листовъ 136. Протоколы написаны по-гречески, только кое-гдѣ встрѣчаются и славянскія записи. Сохранившаяся часть кодекса начинается съ мая 1677 года и оканчивается въ годъ уничтоженія Охридской архіепископіи. Всѣхъ протоколовъ сохранилось 15. Всѣ подтвержденія скрѣплены подписью архіепископа, сдѣланною зелеными чернилами. Несомнѣнно, существовала какъ предыдущая, такъ и болѣе ранняя часть кодекса, но до насъ не дошли. Что съ ними стало, конечно, трудно сказать въ настоящее время. Кромѣ протоколовъ въ кодексѣ, въ разныхъ его мѣстахъ сдѣланы замѣтки Георгіемъ Бодлевымъ (Г. Μποδλῆ) разнаго содержанія: біографическія, хронологическія, бытовыя и т. п.

Какъ самый кодексъ, такъ и замѣтки изданы гг. А. Шоповымъ и Стрѣзовымъ и въ подлинникѣ и въ болгарскомъ переводѣ. Хотя текстъ кодекса и не относится къ византійскому времени, но тѣмъ не менѣе онъ представляетъ большой интересъ и для византолога, какъ прекрасный матеріалъ для исторіи церковной практики и церковнаго законов-

дѣнія, формы котораго въ сохранившейся части кодекса были однѣ и тѣ же, что и въ Византіи. Но главное значеніе кодекса заключается въ томъ, что въ немъ содержится огромное количество новыхъ данныхъ какъ для Охридской патріархіи, такъ и для исторіи церкви на Балканскомъ полуостровѣ вообще.

Брожекъ, *Плавания на философа и историка Аррияна около бреговеть на Черно море* (Плаваніе философа и историка Арріяна по берегамъ Чернаго моря. Тамъ же, кн. VI). Подъ этимъ заглавіемъ приведены въ болгарскомъ переводѣ отрывки изъ Перипла Чернаго моря Арріана (Ponti Euxini periplus) о городахъ, расположенныхъ по берегамъ Чернаго моря на нынѣшней болгарской территоріи, затѣмъ о рѣкѣ Дунаѣ и о мостахъ на немъ. Переводъ сопровождается немногими подстрочными примѣчаніями.

К. и Х. Шкорпилъ, *Сѣвероисточна България въ географическо и археологическо отношение* (Тамъ же, кн. VII и VIII). Этотъ довольно обширный, но еще неоконченный трудъ неутомимыхъ братьевъ Шкорпиловъ касается главнымъ образомъ доисторической археологіи, частію классической древности и византійскихъ временъ; впрочемъ, замѣтки о византійскихъ древностяхъ разсѣяны по всему труду и нѣкоторыя изъ этихъ замѣтокъ представляютъ большой интересъ. Авторы сперва представляютъ геофрафическій обзоръ сѣверовосточной Болгаріи, за тѣмъ слѣдуетъ физическій очеркъ ея, при чемъ здѣсь обращается вниманіе на остатки древности. Центръ тяжести труда представляютъ памятники, подъ которыми авторы разумѣютъ не только предметы движимые, но и недвижимые, какъ-то пещеры, гробницы и т. п. Кромѣ того, здѣсь описываются римскія дороги, игравшія немаловажную роль въ Византіи, горные проходы, остатки монастырей и церквей, стѣнъ и др. По всей вѣроятности, настоящій трудъ является продолженіемъ другого труда тѣхъ же братьевъ «Паметници изъ Българско», котораго вышло лишь 1-я часть І-го отдѣла: Ѳракія (Софія 1888 г.). О «Сѣвероисточна България» будетъ сказано на страницахъ *Византійскаго Временника* подробнѣе, послѣ ея окончанія.

Гьула Паулеръ, *Български военни походи на Стефана V* (Тамъ же кн. VII). Настоящій весьма интересный очеркъ составляетъ часть большого историческаго сочиненія г. Паулера о мадьярскихъ князьяхъ изъ династіи Арпадовичей. Прежде думали, что венгерскій король Стефанъ V предпринималъ *пять* походовъ въ Болгарію. Авторъ очерка доказываетъ, что Стефанъ еще при жизни своего отца былъ въ Болгаріи въ 1261 и 1266 г.; въ 1263 г. онъ подъ начальствомъ трансильванскихъ воеводъ послалъ часть своего войска противъ византійскаго императора Михаила Палеолога. Въ этихъ походахъ онъ овладѣлъ Видиномъ и частію владѣній болгарскаго царя Святослава, входящихъ нынѣ въ составъ Сербіи. Тѣмъ не менѣе здѣсь владычество мадьяръ въ скоромъ времени исчезло. Правда, Людовикъ Великій еще разъ востановилъ здѣсь

господство мадьяръ, но только на короткое время, такъ какъ нападенія турокъ и Ростислава, герцога Мачвы, котораго г. Паулеръ называетъ Ратиславомъ, что̀, по моему разумѣнію, правильнѣе, положили и на этотъ разъ конецъ владычеству мадьяръ въ Болгаріи; единственное воспоминаніе о побѣдахъ Стефана V надъ болгарами остался только «король болгарскій» въ историческомъ титулѣ венгерскихъ королей. Кромѣ этого, въ очеркѣ мы находимъ рядъ новыхъ данныхъ, извлеченныхъ авторомъ главнымъ образомъ изъ грамотъ, иногда неизданныхъ, какъ напр. о походахъ противъ византійцевъ.

Драгомановъ, *Славянскитѣ прѣправки на Едиповата история* (Славянскія передѣлки Эдиповой исторіи. Тамъ же, кн. VI).

—— *Забѣлѣжкѝ върху славянскитѣ религиозни и епически легенди* (Замѣтки о славянскихъ религіозныхъ и етическихъ легендахъ. Тамъ же, кн. VII—VII и X).

Главное достоинство очерковъ проф. Драгоманова, заглавія которыхъ приводятся выше, заключается въ сведеніи матеріала, среди котораго приводится не мало новыхъ данныхъ. Больше интереса, по моему разумѣнію, представляютъ его замѣтки о легендахъ. Здѣсь разсматриваются легенды о Божіемъ правосудіи, дѣлается разборъ болгарской сказки о монахѣ и ангелѣ и о Иліи у источника и затѣмъ приводится цѣлая обильная матеріаломъ диссертація о дуалистическомъ міротвореніи.

Сербская литератра.

Синиша, Ратови Стевана Немање са византинцима и дубровчанима. Војеноисторијска студија (Войны Стефана Немани, съ византійцами и дубровчанами. Военноисторическій очеркъ,—въ Летописѣ матице српске. Књ. 177—178. 1894 г., вып. 1 и 2-й. У Новоме Саду (Neusatz) 1894).

Г. Синиша извѣстенъ уже своими очерками изъ сербской исторіи, помѣщавшимися между прочимъ въ Лѣтописи сербской матицы. Одною изъ характерныхъ чертъ его работъ является то обстоятельство, что онъ старается писать ихъ на основаніи первоисточниковъ. Какой результатъ получается отъ этого у г. Синиши, это уже — другой вопросъ. Указанною чертою отличается и настоящій его очеркъ, заглавіе коего поставлено мной въ началѣ. Въ этомъ очеркѣ изображаются отношенія Стефана Нѣмани къ византійцамъ въ царствованія императоровъ Мануила Комнина (1143—1180 гг.). Андроника (1183—1185 гг.) и Исаака II Ангела (1195—1203 гг.), и дубровчанамъ. Источниками для автора послужили Никита Хоніатъ и Іоаннъ Киннамъ для изображенія отношеній и столкновеній между Византіею и Сербіею, Орбини и Лукаричъ (Lucari)—для описанія столкновеній между Нѣманей и Дубровникомъ. «Войны Нѣмани съ византійцами послѣ смерти Мануила проходятся у византійцевъ молчаніемъ, но за то тѣмъ подробнѣе, говоритъ

г. Синиша, онѣ описываются сыновьями Нѣмани, королемъ Стефаномъ Первовѣнчаннымъ и св. Саввою», разумѣя здѣсь житія Нѣмани, написанныя послѣдними. Прежде всего г. Синиша желаетъ доказать, что «Нѣманя съ царемъ Мануиломъ никогда не велъ войнъ, но оба они всю жизнь, какъ пріятели и родственники, другъ друга оберегали; и если случалось иногда между обѣими державами какія-либо недоразумѣнія, то они всегда оканчивали ихъ при личныхъ свиданіяхъ по дружески». Авторъ говоритъ, что онъ прежде самъ вѣрилъ въ войны между этими коронованными особами, пока не изучалъ византійцевъ (т. е. ихъ историковъ и лѣтописцевъ) отъ слова до слова. Изъ словъ Никиты Хоніата (подъ годомъ 1168 или 1169 г.), однако, видно, что дѣло происходило не совсѣмъ такъ, какъ думаетъ г. Синиша. Какъ сообщаетъ Хоніатъ, Мануилъ предпринималъ походъ противъ Нѣмани, но послѣдній отступилъ, разумѣется не сразу, и скрылся въ пещерахъ и клисурахъ, но потомъ одумался и вышелъ съ повинною къ Мануилу, который простилъ Нѣманю. То же говоритъ и Лукаричъ. Разбирая войну 1173—1173 гг., о которой говоритъ Киннамъ, г. Синиша сообщеніе Киннама считаетъ фантазіей и приходитъ къ заключенію, что какъ въ первомъ случаѣ, такъ и въ данномъ нѣтъ и помину о войнѣ. «Покушались сильно Радославъ (князь Дукли), покушались и дубровчане очернить предъ царемъ великаго жупана (Нѣманю), покушались и въ Цареградѣ сваливать на него вину за Мирославовы опустошенія на дубровницкой границѣ; но напрасно», заключаетъ г. Синниша, «Нѣманя при личныхъ свиданіяхъ всегда могъ доказать несостоятельность всякаго подобнаго рода наговоровъ».

Переходя затѣмъ къ столкновеніямъ Нѣмани съ дубровчанами, г. Синиша заявляетъ, что въ распоряженіи историковъ нѣтъ никакихъ другихъ источниковъ для сужденія объ этихъ столкновеніяхъ, кромѣ писаній Лукарича и Орбини, которые, однако, писали уже въ началѣ XVII в.; слѣдовательно спустя четыре столѣтія послѣ означенныхъ событій. «По всей вѣроятности, говоритъ онъ далѣе, они черпали свои данныя изъ дубровницкихъ архивовъ; но, кажется, они многое напутали въ хронологическомъ порядкѣ событій, потому что во многихъ мѣстахъ они не сходятся... Сравнивая обоихъ этихъ дубровницкихъ писателей съ византійцами и съ ходомъ всемірныхъ событій того времени, мы приходимъ къ убѣжденію, что послѣ взятія Неретвы и нападенія на округъ Брено Нѣманя при жизни царя Мануила не имѣлъ никакихъ военыхъ дѣлъ съ Дубровникомъ; только Мирославъ самовольно и безъ вѣдома и желанія великаго жупана, какъ о томъ говоритъ и Лукаричъ, прибавляетъ г. Синиша, позволялъ своимъ племенитымъ людямъ опустошать пограничные предѣлы республики, но въ болѣе серьозныя военыя предпріятія онъ тогда не пускался». Но для этого г. Синишѣ нужно было перенести битвы подъ Полицами и подъ Конавлею, а также и нападеніе Мирослава на Дубровникъ къ военнымъ событіямъ послѣ 1180 г. Въ заключеніи своего разсужденія объ отношеніяхъ Нѣмани къ царю Мануилу онъ такъ ха-

рактеризуетъ Нѣманю. «Нѣманя не былъ изъ числа тѣхъ владѣтелей, которые легкомысленно заводятъ ссору, а не знаютъ какой конецъ дать ссорѣ». При этомъ авторъ высказываетъ нерѣдко правдивыя мысли о состояніи сербовъ и въ политическомъ и въ соціальномъ отношеніяхъ, и это состояніе является крайне непривлекательнымъ, какъ онъ его рисуетъ, слѣдствіемъ чего было почти полное разложеніе единаго политическаго организма въ земляхъ сербскихъ. Вотъ почему, по мнѣнію г. Синиши, Нѣманя былъ даже не въ состояніи пускаться въ рискованныя предпріятія съ Византіею, а тѣмъ менѣе съ сильнымъ царемъ Мануиломъ. У Нѣмани было много дѣла дома; ему необходимо было осилить и покорить себѣ свою братію; нужно было вести сильную борьбу съ вельможами и богомильствомъ, строить монастыри, пролагать мосты чрезъ бурныя рѣки, уничтожать суевѣрія и т. п. и т. п.

Послѣ смерти Мануила (24 сентября 1180 г.) отношеніе Нѣмани къ Византіи мѣняются. Сербскій жупанъ въ союзѣ съ мадьярами предпринимаетъ войну противъ Византіи съ цѣлью освободить царицу Марію и ея сына Алексѣя изъ рукъ Андроника, захватившаго византійскую корону не по праву и насильственно. Но эта война приняла другой оборотъ, поведшій къ собиранію сербскихъ земель. Повѣствуя объ этой войнѣ и ея послѣдствіяхъ для сербовъ, такъ сказать, съ документами въ рукахъ, г. Синиша, однако, не можетъ освободиться отъ нѣкоторыхъ политическихъ тенденцій, которыя являются довольно обычными въ настоящее время у многихъ сербскихъ патріотовъ при разсматриваніи вопросовъ относительно территоріальнаго расширенія сербской народности.

Входя въ болѣе подробную оцѣнку, отношеній Нѣмани и византійцевъ съ одной стороны, а съ другой Нѣмани же и его брата Мирослава и дубровчанъ, г. Синиша высказываетъ немало здравыхъ и основательныхъ сужденій по вопросамъ географическимъ, топографическимъ, политическихъ и т. п. и попутно полемизируетъ главнымъ образомъ съ С. Новаковичемъ; но, къ сожалѣнію, онъ не всегда выдерживаетъ тонъ серьезнаго изслѣдователи; иной разъ у него проскальзываетъ фельетонная нотка, которая можетъ портить хорошее впечатлѣніе при чтеніи его интересной статьи. Затѣмъ въ его очеркѣ, въ особенности въ первой части его, замѣчается нѣкоторая запутанность въ расположеніи частей, вслѣдствіе чего нить хода событій мѣстами прерывается и разсказъ получаетъ отрывочный характеръ. Непріятно бросается въ глаза кромѣ этого и то обстоятельство, что онъ приводитъ слова византійцевъ въ латинскомъ переводѣ (по боннскому изданію), который, какъ извѣстно, далеко не вездѣ точенъ.

Правила (Κανόνες) *православне цркве с тумачењима. Радња* **Никодима,** *епископа далматинскога* (Правила православной церкви съ толкованіями. Трудъ епископа далматинскаго Никодима). Књига I. Нови Сад 1895, стр. X+646 въ 8-ку. Цена 8 круна (= 8 франковъ).

Далматинскій епископъ Никодимъ Милашъ, получившій образованіе въ Кіевской Духовной Академіи, уже давно извѣстенъ своими трудами по каноническому праву православной церкви. Его Достојанства у православној цркве (Панчево. 1879),—Зборник правила светих апостола, восаонских и помјесних сабора и светих отаца, која су примљена православном црквом (У Новом Саду. 1886), выдержавшій два изданія,—Православно црквено право (Задар. 1890) и другія изданія не потеряли своего значенія не только въ сербской богословской литературѣ, но и въ литературѣ православнаго церковнаго права вообще, и въ особенности третій изъ выше названныхъ его трудовъ. Настоящее изданіе Правилъ представляетъ отчасти повтореніе Зборника. Содержаніе книги слѣдующее. Въ предисловіи говорится о самыхъ капитальныхъ пособіяхъ по каноническому праву православной церкви, между которыми преосвящ. Никодимъ ставитъ и извѣстный Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія архимандрита (а потомъ епископа) Іоанна. За этимъ слѣдуетъ историческій очеркъ «О правилахъ православной церкви», служащій вмѣстѣ съ тѣмъ и введеніемъ въ тексты; здѣсь вкратцѣ разсматриваются правила св. апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, правила св. отцовъ и правила дополнительныя съ указаніями изданій. Наконецъ приводится сербскій переводъ правилъ апостольскихъ и семи вселенскихъ соборовъ съ толкованіями. Книга заканчивается алфавитнымъ указателемъ. Такимъ образомъ въ этой книгѣ собраны не только основныя, но и дополнительныя правила. Все изданіе раздѣлено на два тома. Во 2-мъ томѣ будутъ помѣщены правила св. отецъ. Въ настоящемъ изданіи представлены толкованія болѣе или менѣе подробныя всѣхъ правилъ, которыя имѣютъ въ православной церкви силу положительнаго канона. Толкованія преосвящ. Никодимъ изложилъ на основаніи толкованій І. Зонары, А. Аристина, Ѳ. Вальсамона, Іоанна Китрскаго, Матвѣя Властаря, патріарха Филоѳея (+ 1383 г.) и Константина Арменопула, сборника монаха Христофора и греческой Кормчей (Πηδάλιον), и затѣмъ трудовъ Христіана Лупа (+ 1681 г.), І. Кавассю, В. Бевереджія, Зегера Бернарда фонъ-Эспенъ и наконецъ Гефеле, Питры и епископа смоленскаго Іоанна (Соколова). Изъ изложенія толкованій при издаваемыхъ теперь правилахъ видно, что преосвящ. Никодимъ изучалъ весьма основательно труды всѣхъ указанныхъ писателей среднихъ и новыхъ вѣковъ. Главною задачею его было, чтобы «разъясненіе Божьихъ рѣчей просвѣтило и поучало неискусныхъ», какъ говоритъ І. Зонара. Въ виду этого онъ старался какъ можно полнѣе разъяснить каждое правило, чтобы такимъ образомъ сообщить ему истинный смыслъ, а въ виду практическаго предназначенія своей книги онъ приводитъ при каждомъ правилѣ параллельныя ему правила, имѣющія далекое или близкое отношеніе къ предмету того или другого, чтобы этимъ способомъ дать точное понятіе объ извѣстномъ каноническомъ установленіи и вмѣстѣ съ тѣмъ представить положительное каноническое ученіе православной церкви о

каждомъ установленіи. При этомъ нужно замѣтить, что преосвящ. Никодимъ старается представить свои толкованія въ сжатомъ, но обстоятельномъ и ясномъ видѣ, чтобы не затемнять смысла правила и заключающагося въ немъ ученія церкви.

Что же касается литературы предмета, можно сказать, что издатель настоящаго сербскаго перевода правилъ зорко слѣдитъ за русскою каноническою литературою, судя по тому, что ему извѣстны даже самые новѣйшіе труды въ этой области. Не оставляетъ онъ безъ вниманія и почти все имѣющееся по предмету въ сербской и отчасти новогреческой литературахъ; за то западными изданіями онъ пользуется по большей части старыми. Впрочемъ, въ западныхъ литературахъ по православному каноническому праву дѣлается гораздо меньше, чѣмъ у насъ, и нѣтъ поэтому особенной надобности православному канонисту обращаться къ этимъ литературамъ за поисками пособій по его предмету.

Мнѣ кажется, что при переводѣ правилъ на сербскій языкъ преосвящ. Никодимъ имѣлъ передъ собою русскій переводъ, которымъ онъ не мало пользовался; во всякомъ случаѣ, сербскій переводъ его довольно точно передаетъ оригиналъ и изложенъ совершено ясно. Съ внѣшней стороны книга издана очень хорошо. Вообще сербское изданіе правилъ православной церкви преосвящ. Никодима представляетъ пріятное явленіе въ литературѣ православнаго каноническаго права, а въ сербской литературѣ является большимъ вкладомъ; оно на долго останется настольной книгой сербскаго духовенства.

РУМЫНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Ar. Densusianu, *Originea cuventuliu Vlachŭ* (Происхожденіе слова *влахъ*. — Revista criticǎ-literarǎ, изд. въ Яссахъ, годъ II, № 1).

Едва-ли найдется хоть одинъ изъ писавшихъ по исторіи румынскаго народа, который такъ или иначе не касался бы или не затрогивалъ вопроса о происхожденіи слова влахъ. Но «все сказанное о влахѣ, говоритъ г. Денсушану, остается предположеніемъ, которое не удовлетворяло даже предлагавшихъ его, а тѣмъ менѣе оно удовлетворило постороннихъ». Я не буду приводить здѣсь всѣхъ теорій происхожденія этого слова; ибо объ этомъ въ послѣднее время написано немало и потому можно этотъ вопросъ считать весьма извѣстнымъ. Цѣль моя заключается въ томъ, чтобы указать на новое мнѣніе о происхожденіи этого слова, — мнѣніе проф. Ясскаго университета Арона Денсушану, весьма недавно имъ сообщенное въ издаваемомъ имъ журналѣ Revista Criticǎ-literarǎ. При этомъ считаю нужнымъ предупредить читателя, что я сохраняю всю аргументацію автора для того, чтобы дать болѣе ясное понятіе объ его пріемахъ и силѣ доказательствъ. Слѣдуетъ еще прибавить, что г. Денсушану цитуетъ нужныхъ ему писателей почти всегда по старымъ изданіямъ, что̀ едва ли можно считать достоинствомъ его разсужденія.

Прежде всего г. Денсушану указываетъ на значеніе слова **влахъ** у разныхъ народовъ въ живомъ языкѣ и затѣмъ обращаетъ вниманіе на время появленія названія **влахъ** въ памятникахъ, указывая, что впервые оно упоминается въ житіи славянскаго святителя и просвѣтителя Меѳодія, т. е. около конца IX столѣтія: соуть во нь въшли оучители мнози христіане, изъ влаахъ и изъ грекъ и изъ немецъ [1]); затѣмъ оно является въ 976 г. [2]) и послѣ этого встрѣчается довольно часто, въ особенности у византійцевъ. Но, по его мнѣнію, это названіе было извѣстно гораздо раньше IX вѣка: онъ думаетъ, что Βλαχέρναι (καὶ ὁ παῖς ἐκ τοῦ καίσαρος εἰς τοὺς ἐν Βλαχέρναις ἀναγνώστας ἐτέλεσεν) [3]), какъ названіе предмѣстія Константинополя, извѣстное съ V в., представляетъ въ себѣ основу βλαχός. Достовѣрность такого предположенія якобы подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что предмѣстія Константинополя полны были **влахами** (βλαχικὸν γένος) [4]). Затѣмъ въ числѣ подписавшихся подъ актами Сардикійскаго собора 347 г. находится и «Antenorus, a Dacia, de Blacena» [5]);—въ послѣднемъ названіи, т. е. Blacena, г. Денсушану видитъ также основу βλακός, на что указываетъ и «Dacia, родина румынскаго элемента» (стр. 5). Такимъ образомъ, по его мнѣнію, названіе βλαχός восходитъ къ IV вѣку и еще къ болѣе раннему времени, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на 50—100. По-моему, какъ происхожденіе Βλαχέρναι и Blacena отъ βλαχὸς и βλακός, такъ и отнесеніе существованія этого названія къ IV в. и ранѣе представляютъ мало вѣроятнаго, такъ какъ они не покоются ни на какихъ данныхъ. Большое значеніе придаетъ г. Денсушану и тому обстоятельству, что названіе βλαχὸς или βλακός является прежде всего на ѳрако-иллирійскомъ полуостровѣ, т. е. въ такихъ предѣлахъ, гдѣ румынскій элементъ находится въ соприкосновеніи съ элементомъ греческимъ (стр. 6). Отсюда онъ дѣлаетъ заключеніе, что названіе βλακός дано греками и что слѣдовательно оно греческаго происхожденія (тамъ же). Что это могло быть такъ, видно, будто бы, изъ слѣдующихъ соображеній.

Плиній (въ Histor. natur., ed. Tzetze, lib. XXIX, 1, 7) приводитъ дословно слѣдующее мѣсто изъ потеряннаго сочиненія Катона Старшаго, жившаго между 234—249 гг. до Р. Х.: Dicam de istius graecis suo loco, Marce, fili; quid Athenis exquisitum habeam et quod bonum sit illorum literas inspicere, non perdiscere vincam. Nequissimum et indocile genus illorum; et hoc puto vatem dixisse: quandocumque ista gens suas literas dabit, omnia corrumpet. Tum etiam magis sinodicos suos huc mittet. Iurarunt inter se barbaros necare omnes medicina. Et hoc ipsum mercede fa-

---

1) Šafařik, Památky dřevniho pisemnictví jihoslovanův. Изд. 2-е. V Praze. 1873, стр. 4.

2) Cedren. II, ed. Bonn., стр. 435.

3) Candidus Isauricus у Müller'a Fragmenta hist. graec. IV, стр. 135—136, и Dexippus, ed. Bonn., стр. 475.

4) Pachymer. II, ed. Bonn., стр. 106.

5) Binii Severini Concilia generalia. I. Lut. Paris. 1636, стр. 523—524.

ciunt ut fides iis sit, et facile disperdant. «Nos quoque dictitant barbaros, et spurcius nos quam alios opicos, appelatione foedant». Въ этомъ отрывочкѣ обращаетъ на себя вниманіе послѣдняя фраза, которая по-русски значитъ: «Насъ еще называютъ (греки) варварами и усвоиваютъ намъ прозвище еще болѣе позорное, чѣмъ прозвище другихъ опиковъ». Отсюда выходитъ, что греки усвоивали римлянамъ позорное названіе хуже имени опиковъ и что послѣднее было позорнымъ. Теперь спрашивается, что позорнаго связывалось съ именемъ опиковъ? У грековъ ὀπικός означаетъ человѣка простого, неотесаннаго, мужиковатаго, варвара [1]). Съ такимъ же значеніемъ слово opicus извѣстно и римлянамъ [2]). Однако, ни Плиній, ни Катонъ не приводятъ позорнаго прозвища. Но это прозвище случайно сохранилось, оставшись совершенно безъ вниманія со стороны тѣхъ, которые трактовали о происхожденіи слова влахъ. У грековъ сохранилась слѣдующая пословица:

Βλαχὸς ἀχρηστότερος.

Εἴρηται ἀπὸ ἰχθύος τινὸς ὁμοίου σιλούρῳ, ἀχρήστου δὲ οὕτως, ὡς μηδὲ κύνα αὐτῷ χρῆσθαι. Οἱ δὲ ἀπὸ τοῦ πρὸς τῇ Κύμῃ χωρίου Βλακείας, οὗ μέμνηται καὶ Ἀριστοτέλης. Καὶ ἐν Ἀλεξανδρείᾳ δέ, τέλος τὸ βλακεννόμιον καὶ οἱ ἀστρολόγοι τελοῦσι, διὰ τὸ μώρους εἰσιέναι πρὸς αὐτούς [3]).

Blace inutilior.

Dictum a pisce quodam siluri simili, adeo nullius usus, ut neque canis illo vescatur. Alii a loco quodam, qui prope Cumas est, Blacia vocato, cujus meminit Aristoteles. Et in Alexandria tributi quoddam genus βλακεννόμιον, quod astrologi pendant eo quod stulti illos consulturi adeant.

Сочиненіе Аристотеля, въ которомъ говорилось объ округѣ Кумъ, не

---

1) Въ Thesaurus graecae linguae приводятся слѣдующіе примѣры на слово Ὀπικία: Philodem. Anth. Pal. 5, 132, 7: Ὀπική..... καὶ οὐκ ᾄδουσα τὰ Σαπφοῦς, ubi ita puella non graeca nec graece sciens, ut latinis quoque opicus est idem fere quod barbarus. Aristid. Quintil. De mus. 2, p. 72: Ἀναίσθητοι καὶ βοσκηματώδεις, ὡς οἵ τε περὶ τὴν Ὀπικίαν καὶ Λευκανίαν = забитые и уподобленные скотамъ, какъ и живущіе въ Опикіи и Луканіи. Кромѣ того мы читаемъ у схоліаста Ювенала, Sat. III, 207: ὀπικίζειν graeci dicunt de iis, qui imperite loquuntur.

2) Gellius, Noctes Atticae, ed. Tzetze, lib. II, 24, 4: Haec ego ad nostros juvenes convertor et «Quid inquam vos opici dicitis?» Lib. XI, 16, 7: Tum ille opicus, verbis meis inchoatis et inconditis adductus..... и Lib. XIII, 9, 4: «..... ita ut nostri opici putaverunt».

3) Michaëlis Apostolii Paroemiae. Lugd. Batav. 1619, centur. V, prov. 65; Suidae Lexicon, v. βλάξ; Gaiford, Etymologicum Magnum. Oxonii. 1848, стр. 119; Müllerus, Fragm. hist. graec. II, 163, переводитъ: *Blace ineptior* (Gellius, Noct. Att. VII, 11. латинск. nequam передаетъ словомъ ἄχρηστος) и приводитъ βλακία и βλακεία; ср. Thesaurus graecae linguae, сл. βλακεία. Русскій переводъ этого мѣста такой: негоднѣе влаха. Говорятъ, что это взято отъ какой-то рыбы, похожей на сома, но до того безвкусной, что ее и собаки не ѣли. Другіе производятъ его отъ названія округа, находящагося около Кумъ и называемаго Влахіей, о которой упоминаетъ Аристотель. И въ Александріи родъ подати называется βλακεννόμιον, которую уплачиваютъ астрологи за то, что простые люди ходятъ къ нимъ и испрашиваютъ совѣта.

сохранилось. Самая же пословица приводится въ словарѣ Свиды, относящемся къ IV-му столѣтію по Р. Х. Хотя въ приведенномъ выше мѣстѣ и ничего не говорится, по какой причинѣ составилась такая пословица; тѣмъ не менѣе, ясно само по себѣ, что для того, чтобы могла появиться въ области Влахіи такая пословица, означающая нѣчто неполезное, неспособное, негодное, ничтожное, нужно было, чтобы жители этой мѣстности носили бранное прозвище людей безпутныхъ, негодныхъ, ничтожныхъ или несчастныхъ.

Чтобы выяснить причину этому, говоритъ г. Денсушану, нужно географически опредѣлить Влахію Аристотеля. Онъ говоритъ, что эта мѣстность (χωρίον) находилась близъ Кумъ (Κυμή), Cumae, т. е. стародавняго города и колоніи греческой въ Италіи, въ Кампаніи, расположеннаго у моря, недалеко отъ Баій. Отсюда г. Денсушану выводитъ, что когда жилъ Аристотель, въ Италіи, въ Кампаніи, былъ округъ, называвшійся Влахіей, населеніе котораго своею простоватостію и неотесанностію, по понятіямъ грековъ, разумѣется, могло дать поводъ къ возникновенію приведенной выше пословицы. Населеніе Кампаніи, и ближайшимъ образомъ жители Кумъ, считавшіеся у грековъ простыми и глупыми, были именно указаннные выше опики, которые позже стали извѣстны подъ названіемъ осковъ. Такимъ образомъ изъ сопоставленія словъ Плинія, взятыхъ у Катона, и указанія Аристотеля о существованіи округа Влахіи въ Кампаніи, а также и того обстоятельства, что тамошнее населеніе считалось простоватымъ и глупымъ, выходитъ, что населеніе средней Италіи, изъ котораго образовался римскій народъ, прозывалось сосѣдними греческими колонистами браннымъ прозвищемъ опиковъ и влаховъ, какъ народъ простоватый. Изъ этихъ двухъ прозвищъ опики было старымъ италійскимъ именемъ отъ Опсъ (Ops),— по италійской миѳологіи [1]), богини плодовъ и супруги Сатурна. Опсъ означаетъ еще и terra [2]), откуда опики = поселяне, мужики. Жаль только, что все это—одна фантазія.

Относительно происхожденія слова Влахія, которое, г. Денсушану отождествляетъ съ Βλακεία, онъ думаетъ, что оно является изъ слова βλάξ, βλακός, значеніе котораго опредѣляется слѣдующими лексикографами:

Hesychius (IV в.): Βλάξ· μωρός (простоватый).

Βλακεία· μαλακία.

Βλᾶκα.... ἔνιοι προβατώδης.

Βλακεύει· διατρίβει, μωραίνει, νωθρῶς τι ποιεῖ, ῥᾳθυμεῖ, μαλακίζεται.

Древній латинскій глоссаторъ Фестъ (жившій около II вѣка), сократившій Веррія Флакка (жившаго во время Августа), переводитъ слово βλάξ словомъ stultus [3]).

1) Preller, Römisch. Mythol., изд., 2-е, стр. 417—418.

2) Isidorus, Orig. VIII, 11, 59; XIV, 1, 1.

3) S. P. Festi, De verbor. significatione....., emend. a C. Od. Mueller. Lips. 1833, 34, 72. Миллеръ между прочимъ замѣчаетъ: βλὰξ in Glossariis Labb. quasi voc. latinum explicatur blax, εὐήθης μωρός.

Изъ всего этого выходитъ, по мнѣнію г. Денсушану, съ одной стороны что βλάξ означаетъ то же, что и ὀπικός. Съ другой, какъ ὀπικός, такъ и βλάξ въ формѣ Βλακεία примѣняются къ народу и странѣ, находящимся въ самомъ близкомъ разстояніи отъ греческихъ колоній Кумъ, съ которыми римляне пришли въ соприкосновеніе прежде всѣхъ другихъ грековъ и съ самыхъ раннихъ временъ. Отсюда ясно, по г. Денсушану, что бранныя прозвища опики и влахи даны были римлянамъ греками кумскими, которые, повидимому, заимствовали ихъ отъ грековъ, населяющихъ Великую Грецію, въ Южной Италіи (ср. стр. 6).

Въ заключеніе г. Денсушану пытается объяснить, почему греки давали такія бранныя прозвища римлянамъ. Прежде всего, думаетъ онъ, греки были не только образованнѣе римлянъ, но они были и народомъ торговымъ, между тѣмъ какъ италійскіе народы были не только не образованы, но въ то время представляли изъ себя по большей части пастушеское и земледѣльческое или, точнѣе, мужицкое населеніе, что̀ составляло разительный контрактъ съ греками. Гораздо больше значенія въ рѣшеніи этого вопроса имѣетъ то обстоятельство, что греки давали позорныя прозвища всѣмъ народамъ, называя однихъ именемъ варваровъ, а другихъ — другими, болѣе спеціальными именами, какъ ἔσχατος μυσῶν — самый послѣдній человѣкъ [1]). Даже между собою греки употребляли такія прозвища, напр. у аѳинянъ βοιωτός означало простаго, глупаго человѣка [2]).

Я привелъ все существенное изъ разсужденія г. Денсушану, чтобы такимъ образомъ дать ясное и полное понятіе объ его теоріи происхожденія слова влахъ. Какъ видно изъ изложеннаго выше, почтенный профессоръ при рѣшеніи вопроса пользуется данными историко-этнографическими и лингвистическими. Что же касается послѣднихъ, то онъ все основываетъ на отождествленіи Βλαχία и Βλακεία, опирающемся на тождественности βλάξ,— κός и βλαχός. Но чтобы придать научную силу такому отождествленію, нужно было предварительно доказать его законность; иначе съ точки зрѣнія лингвистической теорія г. Денсушану совершенно падаетъ. Представляютъ нѣкоторый интересъ его историко-этнографическія указанія; но они имѣютъ значеніе только относительное и рѣшающей важности при обсужденіи вопроса имѣть не могутъ.

Dr. I. Gherghel, *Despre năvala Ungurilor asupra cetăţeĭ Constantinopoli, la 934* (Гергелъ, I. О нападеніи угровъ на Константинополь въ 934 г.)— въ Revista pentru istorie, archeologie şi filologie. Red. Gregorie Tocilescu. V. VII. Bucurescĭ. 1893.

Молодой авторъ этой статьи, извѣстный уже въ ученой литературѣ своей интересной книгой: Zur Geschichte Siebenbürgens nach den Quellen dargestellt (Wien. 1891), имѣетъ цѣлью доказать здѣсь, что турки

---

1) Cicer. Pro Flacco, 27, 65. Orator. 8. 27.

2) Horat. Ep. II, 1244: Boeotum in crasso aere natum.

(τοῦρκοι) Константина Багрянороднаго (De administr. imperio, cap. 40) — мадьяры, что́, какъ онъ самъ признаетъ, общеизвѣстно и общепризнано. Но въ виду того, что мадьярскіе историки не даютъ себѣ отчета въ этомъ, т. е. утверждаютъ это не на основаніи положительныхъ данныхъ, а у византійскихъ писателей мадьяры являются подъ разными названіями, въ которыхъ не всегда легко оріентироваться, онъ желаетъ доказать это основательно, провѣряя византійцевъ извѣстіями о мадьярахъ у арабскихъ писателей, главнымъ образомъ Масуди, который у г. Гергела служилъ главнымъ основаніемъ для его предположеній и выводовъ. Суть дѣла по Масуди такова. Между землею хозаръ и западными странами обитаютъ четыре турецкія племена: Яджни, Беджгардъ, Беджнакъ и Невкерде, которыя въ 932 или 933 году вели войны съ народами румъ они сперва напали на греческій городъ Валандаръ, а по взятіи его направились на Константинополь. Кто изъ нихъ мадьяры,—желаетъ рѣшить авторъ. Повидимому, авторъ знакомъ съ славянскимъ языкомъ, судя потому, что ссылается на Ипатьевскую лѣтопись по второму изданію Археографической коммиссіи; но, къ сожалѣнію, онъ совсѣмъ не знакомъ съ русскою литературою; иначе ему не было бы надобности посвящать этому вопросу больше половины своей небольшой статьи, а онъ прямо могъ бы сослаться на труды Гаркави (Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ. Спб. 1879) и особенно на трудъ проф. Хвольсона (Извѣстія о хозарахъ, буртасахъ, болгарахъ, мадьярахъ, славянахъ и русскихъ ибнъ-Даста (= ибнъ-Дустэ). Спб. 1869, стр. 25—27 и 101—123), гдѣ интересующій г. Гергела вопросъ разобранъ довольно подробно.

Больше значенія имѣетъ утвержденіе автора, что мадьяръ въ этомъ нападеніи была только нѣкоторая часть, а превосходство численности было на сторонѣ печенѣговъ, какъ свидѣтельствуетъ Масуди, и другихъ варварскихъ народовъ, бывшихъ съ ними въ союзѣ.

Что же касается пункта отправленія напавшихъ на Константинополь турокъ, называемаго Валандаръ, то прежде считали такимъ Адріанополь; но, по мнѣнію автора, описаніе Валандара у Масуди совсѣмъ не подходитъ къ Адріанополю. Поэтому, онъ основательно начало набѣга помѣщаетъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря, въ Херсонской темѣ, гдѣ нѣкоторыми указывается городъ этого названія [1]).

Время набѣга г. Гергелъ опредѣляетъ также на основаніи показаній Масуди, который относитъ его къ 320 г. гиджры или нѣсколько позже (II, стр. 59). Въ виду этого, говоритъ авторъ статьи, мы можемъ съ достовѣрностію принять, что первые набѣги начались только въ 321 г., а это почти вполнѣ соотвѣтствуетъ 933 г. нашей эры. Борьба началась у крѣпости Валандара, гдѣ греки, превышавшіе своимъ числомъ непріятелей вдвое, были побиты послѣдними; орда ихъ ворвалась въ крѣпость,

---

1) Maçoudy, Les prairies d'or, trad. en franç. par Barbier de Maynard et Pavet de Courteille. II. Par. 1863, стр. 59; ср. J. Frähn Ibn Foszlan und anderer Araber Berichte. Ptb. 1823, стр. 238, и Гаркави, Сказанія, стр. 127 и 159.

разграбила ее и затѣмъ направилась по пути къ Константинополю, предавая все, что имъ встрѣчалось, мечу и опустошая села и города. Дошедши до царской столицы, они въ виду ея стояли таборомъ въ продолженіи сорока дней. Свою статью г. Гергелъ заканчиваетъ такъ: «Можно безъ затрудненія сдѣлать два заключенія изъ описанія Масуди: 1) нужно думать, что мадьяры, печенѣги и ихъ союзники не предпринимали нападенія на Константинополь безъ серьозныхъ приготовленій; тѣмъ болѣе, что уже у самого Валендара численностію они были меньше своихъ противниковъ и нужно было пройти болѣе продолжительному времени, чтобы они могли стянуть свои резервы(sic): 2) ясно, что они пришли нескорымъ маршемъ на Константинополь. По этимъ причинамъ мы предполагаемъ, что нападенія начались въ 933 году, а весною 934 года были возобновлены и окончены, что согласно съ византійцами» (Кедринъ, II, 316; Продолжатель Өеофана, 422; Георгій монахъ, тамъ же, 913; Левъ Грамматикъ, 322).

Статья г. Гергела изложена весьма сжато, но въ концѣ концевъ не лишена нѣкотораго научнаго интереса. **П. Сырку.**

3. Новыя книги, поступившія въ Редакцію.

П. А. Сырку, Краткій отчетъ о занятіяхъ за границей въ лѣтніе мѣсяцы 1893 и 1894 гг. (Оттискъ изъ Извѣстій Имп. Акад. Наукъ, т. II, № 5. Май 1895). СПБ. 1895. 8°.

М. И. Соколова, Новый матеріалъ для объясненія амулетовъ, называемыхъ змѣевиками. (Оттиски изъ Трудовъ Славянской Коммиссіи при Имп. Археологическомъ Обществѣ. Т. I). Москва 1894. 4°.

Г. Ласкина, Византія и средневѣковой западъ. Сѣдлецъ 1891.

И. Помяловскаго, Житіе преподобнаго Аѳанасія Аѳонскаго. По рукописи Московской Синодальной Библіотеки. СПБ. 1895. 8°.

Алексѣя Дмитріевскаго, Русскіе на Аѳонѣ. Очеркъ жизни и дѣятельности игумена Русскаго Пантелеймоновскаго монастыря священноархимандрита Макарія (Сушкина). Съ 2 приложеніями и 2 фототипическими картами портретовъ аѳонскихъ дѣятелей. СПБ. 1895. 8°. Цѣна съ перес. 2 р. 50 к.

Сборникъ статей въ честь Өедора Өедоровича Соколова къ 30-лѣтней годовщинѣ его ученой дѣтельности. СПБ. 1895. 8°,

Н. Покровскаго, Очерки памятниковъ православной иконографіи и искусства съ 150 рисунками. СПБ. 1894. 8°.

А. С. Хаханова, Очерки по исторіи Грузинской словесности. Вып. 1. Народный эпосъ и апокрифы. Москва 1895. 8°.

В. М. Ундольскаго, Климентъ епископъ Словѣнскій. Съ предисловіемъ П. А. Лаврова. Москва 1895. 8°.

Чедомила Міятовича, Константинъ послѣдній византійскій императоръ или завоеваніе Константинополя турками (1453 г.). СПБ., А. С. Суворинъ. 1895.

А. Александрова, Служба св. Кириллу учителю словянскому. По рукописи русскаго Пантелеимоновскаго монастыря на Аѳонѣ. (Памятники древней письменности. CVII). СПБ. 1895.

Краткій разсказъ о святыхъ мѣстахъ Іерусалимскихъ и о страстяхъ Господа нашего Іисуса Христа и о другихъ безъимяннаго. написанный въ 125$^3/_4$ г., изданный въ первый разъ съ предисловіемъ А. И. Пападопуло-Керамевсомъ и переведенный Г. С. Дестунисомъ (Православный Палестинскій Сборникъ. Вып. 40). СПБ. 1895. 8°.

Karl Krumbacher, Michael Glykas. Eine Skizze seiner Biographie und seiner litterarichen Thätigkit, nebst einem unedierten Gedichte und Briefe desselben. (Aus den Sitzungsberichten der philos.-philol. und der hist. Classe der k. bayer. Akad. de Wiss. 1894. Heft III). München, G. Franz (J. Roth). 1895. 5°.

E. Dobbert, Zur byzantinischen Frage. Die Wandgemälde in S. Angelo in Formis (Sonder-Abdruck aus dem Jahrbuch der kgl. preuss. Kunstsammlungen 1894. Heft. III—IV).

Dr. H. C. Muller, Alt- und Neugriechisch. Studien über alt-, mittel- und neugriechische Sprache und Litteratur. Heft. I. Einleitung über alt- und neugriechische Grammatik. Leiden, E. J. Brill. 1895. 8°.

M. Diehl, Rapport sur deux missions archéologiques dans l'Afrique du nord (Avril- juin 1892 et mars- mai 1893). Paris, Ernest Leroux. 1894. 8°.

E. Legrand, Bibliothèque grecque vulgaire. tome VII. Recueil des documents grecs concernant les relations du patriarcat de Jérusalem avec la Roumanie (1569—1728). Paris, H. Welter 1895.

H. Grisar S. J., Un prétendu trésor sacré des premiers siècles. Etude archéologique. (Французскій переводъ изслѣдованія, помѣщеннаго въ Zeitschrift für katholische Theologie, 19 (1895), стр. 306—331). Rome, Spithöver 1895.

Spyr. P. Lambros, Catalogue of the Greek manuscripts on mount Athos. Volume I. Cambridge. 1895. 4°. Цѣна 25 ш.

William Wright, A short history of Syriac litterature. London 1894. 8°.

Χριστιανικὴ ἀρχαιολογικὴ ἑταιρεία. Δελτίον Α' καὶ Β'. Ἐν Ἀθήναις; 1892. 1894. 8°. Цѣна по 3 драхм.

Γ. Ν. Χατζιδάκις, Φιλολογικοὶ Κροκύλεγμοι. Ἐν Ἀθήναις 1895. 8$_0$.

Ἐφημερὶς ἀρχαιολογικὴ ἐκδιδομένη ὑπὸ τῆς ἐν Ἀθήναις ἀρχαιολογικῆς ἑταιρίας. III (1894), τεῦχος 4. Ἐν Ἀθήναις 1895.

Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς, Ἀνακοινώσεις ἐξ ἱστορίας τῆς Σμυρναϊκῆς ἐκκλησίας. Ἐν Πετρουπόλει. 1894. 8°.

Ἰωάννης Νικόλαος, Ἡ Ὀδησσός (Βάρνα). Ὑπ' ἀρχαιολογικὴν καὶ ἱστορικὴν ἔποψιν. Ἐν Βάρνῃ. 1894. 8°. Цѣна 5 фр.

Κωνσταντῖνος Χ. Δουκάκης, Μέγας Συναξαριστὴς πάντων τῶν ἁγίων μηνὸς Αὐγούστου ἤτοι Βήρυλλος. Η'. Ἐν Ἀθήναις. 1894. 8°.

—— Μέγας Συναξαριστής. Βίος ἁγίων τοῦ μηνὸς Σεπτεμβρίου ἤτοι Τοπάζιον. Θ'. Ἐν Ἀθήναις 1894. 8°.

ОТДѢЛЪ III.

Съѣздъ христіанскихъ археологовъ въ Далмаціи. Въ Сплѣтѣ (Spalato) $^{8}/_{20}$, $^{9}/_{21}$ и $^{10}/_{22}$ августа прошлаго года былъ *первый съѣздъ христіанскихъ археологовъ*, отложенный съ 1893-го года по случаю холеры.

Какъ мѣсто для конгреса было выбрано очень удачное, такъ и результаты конгреса оказались немалозначительными. Членовъ записалось около 200, въ числѣ которыхъ были русскіе, хорваты, поляки, чехи, нѣмцы и италіянцы. Инициаторами конгреса были: неутомимый Фр. Буличъ, директоръ гимназіи и музея въ Сплѣтѣ, и проф. Л. Еличъ, къ которымъ присоединился потомъ профессоръ вѣнскаго университета В. А. Нейманъ.

Съѣзду были предложены слѣдующіе вопросы:

1) Какія христіанскія древности до сего времени открыты, изслѣдованы и изучены въ Далмаціи и въ ближайшихъ сопредѣльныхъ областяхъ?

2) Что сдѣлано въ послѣднемъ десятилѣтіи для развитія науки христіанской археологіи какъ и въ самой Европѣ, и такъ и внѣ ея?

3) Основаніе музеевъ христіанскихъ древностей и въ какихъ городахъ?

4) Какія нужно принимать мѣры, чтобы въ университетахъ и въ богословскихъ училищахъ были учреждаемы каѳедры христіанской археологіи и патристики?

5) Какимъ образомъ художники, украшающіе церкви, могутъ и должны пользоваться результатами, добытыми наукою христіанской археологіи?

6) Какихъ пріемовъ держаться при изслѣдованіи христіанскихъ древностей, какихъ правилъ держаться при описаніи старинныхъ предметовъ и какой лучшій способъ снабжать книги хорошими рисунками и при томъ такъ, чтобы они были изящны и дешевы?

7) Положить начало сборнику христіанскихъ надписей Австро-Венгріи (Corpus Inscriptionum christianarum Austro-Hungariae) и основать журналъ съ содержаніемъ свѣдѣній и ученыхъ изслѣдованій о христіанскихъ древностяхъ всѣхъ ученыхъ свѣта.

Занятія конгреса происходили въ общихъ засѣданіяхъ и въ засѣданіяхъ секцій, которыхъ числомъ было пять, а именно:

1) Древніе памятники и надписи.

2) Преподаваніе археологіи въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

3) Основаніе и устройство музеевъ.

4) Взаимное отношеніе патрологіи и археологіи,

и 5) Древніе памятники Далмаціи съ VII по XII вѣкъ.

Первая секція въ заключеніи своихъ занятій выразила желаніе: a) составить Corpus inscriptionum christianarum veterum Австріи, Венгріи и Иллирика преимущественно предъ другими государствами, откуда взять только самыя важныя надписи, и издать ихъ typis ac ectypis, исполненными въ самомъ лучшемъ видѣ; b) издать сборникъ памятниковъ попреимуществу первой христіанской эпохи, а именно надгробныхъ изображеній и скульптурныхъ произведеній, хотя бы solis ope съ точнымъ и подробнымъ описаніемъ и c) избрать трехъ лицъ, живущихъ в ъРимѣ а именно: Ант. де Валя, Гор. Маруччи и Іос. Вильперта, которые занялись бы приготовленіемъ всего необходимаго для означенныхъ изданій.

Вторая секція заключила свои занятія такими пожеланіями: a) чтобы христіанская археологія преподавалась во всѣхъ университетахъ и богословскихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ отдѣльный предметъ или наука. А въ виду того, что церковная исторія, догматика, чины спеціальнаго и общественнаго богослуженія и вообще духовныя науки извлекаютъ большую пользу изъ методологично-научнаго изслѣдованія христіанскихъ древностей, съѣздъ, побуждаемый столь важными цѣлями, обращается съ просьбою къ духовнымъ и гражданскимъ властямъ открывать каѳедры христіанской археологіи и обогащать таковыя хорошими собраніями древностей; ибо при отсутствіи сихъ самыхъ необходимыхъ средствъ, при преподаваніи ни ученыя учрежденія не могутъ достигнуть своей цѣли, ни учащаяся молодежь не можетъ привыкать къ занятіямъ археологіей, и b) чтобы ученики гимназій и лицеевъ учились рисованію, не для того чтобы этимъ достигнуть совершенства въ художествѣ, но для того, чтобы достигнуть нѣкоторой степени культуры, благодаря которой они могли бы дойти до легкости и твердости воспріятія (autopsia). При этомъ съѣздъ полагаетъ, что во всѣхъ школахъ слѣдуетъ вводить картины-таблицы и главнымъ образомъ при преподаваніи закона Божія.

Третья секція высказалась: a) въ пользу учрежденій христіанскихъ музеевъ для собиранія и сохраненія памятниковъ не только въ городахъ, извѣстныхъ въ древней исторіи христіанства, но и при университетахъ и богословскихъ училищахъ, которыя служатъ центромъ богословскихъ наукъ, въ виду того, что памятники могутъ охраняться въ такихъ мѣстахъ съ большею заботою, чѣмъ обыкновенно это дѣлается, тамъ гдѣ они найдены или найдутся, при церквахъ, въ городахъ и въ селахъ; b) за постройку приличныхъ зданій для солинско-сплѣтскаго (Salo-

nitano-Spalatensis) музея и выразила желаніе, чтобы правительство назначило постоянныя пособія музеямъ въ Сплѣтѣ (Spalato) и Задрѣ (Zara) и отдѣльныхъ, постоянныхъ директоровъ (speciales praesides).

Четвертая секція выразила желаніе, чтобы: a) въ университетскихъ факультетахъ и богословскихъ школахъ учреждены были отдѣльныя каѳедры патрологіи и особенное вниманіе обращалось на изученіе св. отцевъ и церковныхъ писателей, какъ на самый богатый источникъ церковной археологіи, b) а пока это не будетъ достигнуто, профессора церковной исторіи, догматики и апологетики критически объясняли бы одно или два изъ самыхъ главныхъ произведеній св. отцевъ и церковныхъ писателей и побуждали учащихся къ старательному изученію патрологіи.

Наконецъ, пятая секція рѣшила предложить юго-славянской академіи въ Загребѣ, чтобы она позаботилась о собираніи матеріала для изданія Сборника средневѣковыхъ надписей въ хорватскихъ и въ сосѣднихъ съ ними славяно-балканскихъ земляхъ.

Слѣдуетъ еще отмѣтить изъ сообщеній въ этой секціи рефератъ профессора д-ра Л. Елича—о живописи и художествѣ у средневѣковыхъ хорватовъ (см. въ задрской газетѣ Katolička Dalmacija, 1894, № 81) и П. Сырку—о заклинательныхъ молитвахъ въ боснійской рукописи XVII в., изъ которыхъ въ одной приводятся рядъ юго-славянскихъ святыхъ и между ними Кириллъ, Меѳодій и Климентъ Охридскій, причемъ референтъ указалъ, что послѣдній упоминается и въ двухъ греческихъ такихъ же молитвахъ въ греческой рукописи XV—XVI в., а также и на упоминаніе славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія и Климента, ученика ихъ, въ греческой агіологической и литургической литературѣ (см. тамъ же, № 82).

Заслуживаютъ вниманія византолога и нѣкоторыя сообщенія, которыя сдѣланы были на общихъ засѣданіяхъ съѣзда и главнымъ образомъ тѣ изъ этихъ сообщеній, которыя касались славянскихъ земель, а именно: сообщенія того же Л. Елича—о состояніи христіанской археологіи въ Далмаціи (въ римскомъ смыслѣ) и въ пограничныхъ земляхъ; Ф. Булича—о древне-христіанскихъ солинскихъ (salonitani) памятникахъ, и барона Моллинари (рефератъ К. Германа)—о строительныхъ и художественныхъ памятникахъ древне-христіанской эпохи въ Босніи и Герцеговинѣ (см. тамъ же).

Для оріентированія въ мѣстныхъ древностяхъ и достопримѣчательностяхъ Далмаціи члены съѣзда получали Путеводитель по Сплѣту и Солину на хорватскомъ (Vodja po Spljetu i Solinu. Zadar. 1894) и итальянскомъ языкахъ (Guida di Spalato e Salona. Zara. 1894), весьма обстоятельно составленный Еличемъ, Буличемъ и Рутаромъ, Ephemeris Salonitana (Jaderae. 1894), Ephemer. Spalatensis (тамъ же) и Ephemer. Bihaćensis (тамъ же). Кромѣ этого раздавались членамъ съѣзда и сочиненія нѣкоторыхъ членовъ его, а именно: 1) Raccolta di documenti, relativi ai monumenti artistici di Spalato e Salona per dr. L. Jelić. Fascic. I. Spalato. 1894. 2) Il cimitero di Manastirine его же, 3) Brevis historia primi congres-

sus archaeologorum christianorum Spalati-Salonis habendi. Spalati. 1894. 4) L'Evangeliario Spalatense dell' archivio Capitolare di Spalato del can. G. Devich; 5) Al primo congresso di archeologia cristiana in Spalato doveroso e cordiale saluto dal capitolo della cattedrale. Spalato. 1894; 6) Dalmatinische Küstenstädte von Dr. Neumann; 7) Bulić e Heuser, Il templo di S. Donato in Zara. Zara 1884 и четыре изданія теперешняго боснійскаго оккупаціонаго правительства: 1) Missale glagoliticum Hervoae ducis. 2) Wissenschaftliche Mittheilungen aus Bosnien und Hercegovina; 3) Römische Strassen in Bosnien und Hercegovina von Ph. Ballif, и 4) Glasnik zemaljskog muzeja u Bosni i Hercegovini.

Во время и по окончаніи съѣзда было предпринято нѣсколько поѣздокъ. Первая была поѣздка къ развалинамъ древней Салоны, гдѣ на гробахъ мучениковъ была совершена мисса сплѣтскимъ католическимъ еписк. Филиппомъ Накичемъ, почетнымъ предсѣдателемъ съѣзда, и за тѣмъ тутъ же имъ открытъ съѣздъ. Въ слѣдующіе дни члены съѣзда ѣздили въ Трогиръ (Traù), въ каштель Лукшичъ (Cast. Vitturio, Castrum Victuriorum) и въ Книнъ.

Слѣдующій съѣздъ христіанскихъ археологовъ по рѣшенію сплѣтскаго съѣзда будетъ происходить въ Равеннѣ чрезъ три года.

П. Сырку.

Новыя изданія. Директоръ женской гимназіи въ Варнѣ (въ Болгаріи). Н. А. Начевъ въ прошломъ году открылъ «Пчелу» (Μέλισσα) въ болгарскомъ изводѣ XIV в., къ изданію которой онъ приступитъ въ скоромъ времени.

Сербскій академикъ Стоянъ Новаковичъ приступаетъ къ изданію Видѣнія св. Василія Новаго сербской редакціи.

П. С.

Археологическія древности.. Шлумбергеръ доставилъ въ Академію надписей — византійское бронзовое паникадило, подаренное Лувру Дориньи изъ Константинополя (на надписи читается имя жертвователя) и сообщилъ о византійскомъ крестѣ съ частицами Животворящаго Древа, перешедшемъ изъ Ефеса въ Фокею, и отсюда въ Генуую, и хранящемся теперь въ каѳедральномъ соборѣ въ Генуѣ (Арх. Изв. и Зам., №№ 3—4). **Б. М.**

Императорское Московское Археологическое Общество. Въ 1894 г. въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ были сдѣланы слѣдующія сообщенія, касающіяся византологіи.

Археологическія извѣстія и замѣтки, издаваемыя Московскимъ Археологическимъ Обществомъ. Въ № 1, 1894 г., помѣщено *описаніе коллекціи кавказскихъ древностей*, римскихъ, восточныхъ и византійскихъ, пріобрѣтенныхъ отъ частныхъ владѣльцевъ Историческимъ музеемъ. Для византиновѣдѣнія изъ нихъ наибольшій интересъ представляетъ обломокъ пиксиды (дарохранительницы) изъ слоновой кости, съ изображеніями высокимъ рельефомъ; ихъ стиль заставляетъ отнести вещь къ второй

половинѣ V вѣка. Такимъ образомъ этотъ обломокъ — древнѣйшій изъ извѣстныхъ до сихъ поръ вещественныхъ памятниковъ византійскаго вліянія въ Арменіи. Кромѣ того, пріобрѣтены нѣсколько монетъ Юстиніана II Ринотмита и Льва III Исавра; но мѣсто ихъ нахожденія въ точности не извѣстно.

Въ № 5 г. Рѣдинъ помѣстилъ (стр. 145—152) *описаніе и 2 снимка съ миніатюръ мюнхенскаго пурпурнаго кодекса* № 23, 631 (ZZ 631, Cim. 2), относимаго каталогомъ къ IX-му вѣку (четвероевангеліе монастыря св. Эмерана, въ Регенсбургѣ); и тамъ же, стр. 152—155, — *снимокъ и описаніе доски диптиха византійской работы изъ собранія гр. Г. С. Строганова* въ Римѣ. Миніатюры мюнхенской рукописи несомнѣнно византійскаго происхожденія, и, по мнѣнію г. Рѣдина, или кодексъ древнѣе, чѣмъ значится въ каталогѣ, или рисунки сдѣланы по оригиналамъ V—VI в. Доска диптиха гр. Строганова — изъ коричневой слоновой кости; на ней горельефной рѣзьбой изображено поклоненіе волхвовъ. Руководясь особенностями трактовки сюжета, г. Рѣдинъ относитъ этотъ памятникъ по времени къ XI вѣку, а по мѣсту происхожденія — къ Италіи.

Тамъ же, стр. 155—157 помѣщено сообщеніе г. Ястребова о его *археологическихъ находкахъ на островѣ Камсноватомъ* (при началѣ Днѣпровскихъ пороговъ). Найдены, между прочимъ, мѣдная монета Юстиніана I-го, 2 византійскія пломбы, тѣльные кресты, стеклянные браслеты и кольца, свидѣтельствующіе, что данная мѣстность въ VI—VII вѣкахъ имѣла съ Византіей торговыя сношенія.

Славянская Комиссія Московскаго Археологическаго общества. Въ засѣданіи 3 ноября 1893 г. докладчикъ г. Истринъ, на основаніи отрывковъ перевода *топографіи Козьмы Индикоплова,* найденныхъ имъ въ сборникѣ Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, сдѣлалъ предположеніе, что существовалъ славянскій переводъ топографіи, отличный отъ того, отрывки котораго мы имѣемъ въ славянской Палеѣ.

Въ засѣданіи 26 ноября г. Карнѣевъ, *по поводу книги Крумбахера о византійскихъ пословицахъ,* замѣтилъ, что вопреки Крумбахеру къ среднегреческой пословицѣ ближе, чѣмъ новогреческая, стоятъ нѣмецкая и русская, и указалъ на близкое сходство извѣстнаго Моленія Даніила Заточника съ моленіемъ Михаила Глики къ императору Мануилу Комнину.

Б. М.

Сообщенія въ Императорскомъ Обществѣ любителей древней письменности.—Въ 1894 году въ Императорскомъ Обществѣ любителей древней письменности были сдѣланы слѣдующія сообщенія, представляющія интересъ для византологіи.

1. Профессоръ И. Н. Ждановъ 21-го января сдѣлалъ сообщеніе—о двухъ византійскихъ повѣстяхъ въ старорусской обработкѣ, именно о «*Василіи, извозчикѣ московскомъ*», и «*о цареградскомъ царѣ Михаилѣ*», сказаніе о которомъ сливается въ повѣстью о вавилонскомъ царѣ Валта-

сарѣ. Обѣ повѣсти, по мнѣнію докладчика, составлены на русской почвѣ около XVI вѣка на основаніи перевода нѣкоторыхъ византійскихъ хроникъ (Манассіи и др.) и въ основѣ своей содержатъ разсказы о царяхъ Михаилѣ III и Василіѣ Македонянинѣ, именно о золотомъ деревѣ съ птицами, о волшебномъ зеркалѣ, въ которомъ можно видѣть, что дѣлается въ другихъ странахъ, о пьянствѣ Михаила, объ укрощеніи коня и объ убіеніи Михаила. Говоря о смерти Лавтасара, г. Ждановъ привелъ параллели изъ разсказа о смерти Теодориха (варіантъ Köhler'а) и Ліутпрандово свидѣтельство объ императорѣ Львѣ Мудромъ, иногда смѣшивавшемся съ Львомъ Философомъ; что же касается до имени Лавтасара или Валтасара, то референтъ находитъ, что оно могло явиться изъ тѣхъ византійскихъ хроникъ, въ которыхъ императоръ Ѳеофилъ называется «Новымъ Валтасаромъ»; кромѣ того, онъ допускаетъ, что имя Левтасара могло возникнуть изъ имени Льва Хазара. Докладъ вызвалъ замѣчанія со стороны Т. И. Филиппова и проф. В. Г. Васильевскаго, который допускаетъ византійскую же обработку хроникъ и отрицаетъ возможность сопоставленія Левтасара съ Ѳеофиломъ-Валтасаромъ и съ Львомъ Хазаромъ. П. А. Сырку нашелъ, напротивъ, возможность отнести эти повѣсти на долю югославянскаго творчества, а Х. М. Лопаревъ обратилъ вниманіе, что повѣсть объ извозчикѣ Василіѣ составлена на основаніи только одной группы византійскихъ хроникъ, тогда какъ другіе источники передаютъ дѣло нѣсколько иначе, и потому успѣхъ объясненія ея можетъ зависѣть отъ спеціальнаго разсмотрѣнія, когда и гдѣ впервые появились переводы тѣхъ именно лѣтописей, которыми пользовался авторъ повѣсти (Отчеты о засѣданіяхъ И. Общ. люб. древн. письм. въ 1893—1894 г., стр. 11).

2. 4-го марта Х. М. Лопаревъ прочелъ рефератъ *о тожествѣ болгарскаго города Дистры* (нынѣ Силистрія) *съ Мундрагою*, ставя послѣднее слово въ связь со славянскимъ «мудрая». Сущность реферата заключается въ слѣдующемъ. Въ концѣ IX в. болгарскій царь Симеонъ, разбитый уграми, едва спасся, по словамъ главнаго источника — Продолжателя Георгія, въ г. Δίστρα; Скилицъ-Кедринъ, писавшій подъ вліяніемъ Продолжателя Георгія, называетъ городъ Δρίστα, а Зонара — Δρίστρα. Неожиданное на первый взглядъ извѣстіе находится у Константина Багрянороднаго, по словамъ котораго угры заперли Симеона въ «городѣ, называемомъ Μουνδράγα». Разногласіе хронистовъ было подмѣчено историками, но почти всѣ они (Палаузовъ, Фесслеръ, Иречекъ и Гротъ) сочли Дристру и Мундрагу отдѣльными городами. Противоположныя мнѣнія о тожественности Дистры и Мундраги высказаны были учеными Тунманомъ и Сабо, но ихъ догадка, ничѣмъ не подкрѣпленная, была оставлена послѣдующими учеными. Отдавая должное авторитетамъ Фесслера, Иречка и Грота, референтъ высказалъ два соображенія, которыя, повидимому, говорятъ въ пользу мнѣнія, что Дистра и Мундрага — одинъ городъ подъ двумя наименованіями. Первое соображеніе выте-

кается изъ контекста хроникъ. Продолжатель Георгія говоритъ, что Симеонъ, находясь въ стѣнахъ Дистры, хлопоталъ о заключеніи мира съ Византіей; императоръ Левъ согласился на это и прислалъ къ нему своего делегата Льва Хиросфакта. Но Симеонъ заключилъ его въ темницу (значитъ въ Дистрѣ же) и затѣмъ, выйдя изъ города, разбилъ угровъ. «Вернувшись (значитъ обратно въ Дистру), разсказываетъ Продолжатель Георгія, Симеонъ нашелъ Льва въ Μουδάγρα» и тогда-то завелъ переговоры о мирѣ. Глаголъ εὗρεν не означаетъ собственно «(искать и) найти», на языкѣ византійскомъ онъ означаетъ собственно: встрѣтить, увидѣться; не было надобности искать делегата Льва, если онъ содержался въ темницѣ. Итакъ продолжатель Георгія, говоря о встрѣчѣ Симеона со Львомъ въ Мудагрѣ, разумѣетъ именно ту же Дистру. Левъ Грамматикъ, говоря о встрѣчѣ, называетъ городъ Μουλδάγρα, другіе писатели называютъ его Μουνδάγρα. Какое же изъ правописаній слѣдуетъ признать за болѣе правильное? Безъ сомнѣнія, предпочтеніе должно быть отдано импер. Константину Багрянородному, много и очень точно писавшаго по географіи Болгаріи и другихъ славянскихъ народовъ; онъ называетъ городъ Μουνδράγα. Итакъ Симеонъ былъ запертъ въ Дистрѣ, иначе — Мундрагѣ, принялъ здѣсь делегата Льва, заключилъ его въ тюрьму, вышелъ изъ города, разбилъ угровъ, вернулся обратно въ городъ и, увидѣвшись съ Львомъ, заключилъ съ нимъ условіе мира. Второе соображеніе референта о тожественности Дистры и Мундраги основывалось на филологической сторонѣ имени города. Древній Доростолъ на языкѣ византійцевъ назывался Δίστρα, на которомъ же языкѣ онъ назывался Μουνδράγα? Въ этомъ послѣднемъ словѣ встрѣчается носовой звукъ ουν вполнѣ соотвѣтствующій славянскому ѫ; затѣмъ, разсматривая слово Μουνδράγα и основываясь на многочисленныхъ примѣрахъ употребленія византійцами γ между двумя гласными, гдѣ эта буква имѣетъ значеніе смягченія послѣдующей гласной, докладчикъ заключаетъ, что окончаніе άγα, позднѣе писавшееся άγια, есть славянское аꙗ и что Μουνδράγα есть славянское Мѫдраꙗ. Съ допущеніемъ догадки о тожествѣ Дистры съ Мундрагой можно придти къ слѣдующимъ выводамъ: 1. Дистра на языкѣ болгарскомъ въ IX—X в. называлась не градомъ, а словомъ женскаго рода, напр., весью, крѣпостью, оградой, или какъ-нибудь иначе, съ нераздѣльнымъ аттрибутомъ мѫдраꙗ. Этотъ аттрибутъ былъ настолько популяренъ среди болгаръ, что и греки усвоили его, но, не понимая его истиннаго значенія, сочли его собственнымъ именемъ. Вѣроятно, что названіе Дистры Мудрою было пущено въ ходъ со времени Симеона. 2. Слово *мудрый*, *мудрая* въ IX—X в. болгары произносили съ носовымъ оттѣнкомъ, но, быть можетъ, не совершенно открыто, а нѣсколько глухо: мѫдраꙗ произносилась ими не какъ мąдраꙗ, а какъ мъндраꙗ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ Константиновой Μουνδράγα. — Проф. Соболевскій согласился вообще, что корень слова «Мундрага» напоминаетъ славянское «мудръ», но онъ не допускаетъ возможности существованія полныхъ

окончаній прилагательныхъ въ болгарскомъ языкѣ въ IX вѣкѣ, да и переходъ греческаго «αγα» въ славянское «ая» считаетъ невозможнымъ. Проф. Сырку привелъ нѣкоторыя соображенія въ пользу того, что трудно отожествлять Дистру съ Мундрагой, и на примѣрѣ именъ городовъ Рущука и Червеня показалъ, что возможно было существованіе двухъ сосѣднихъ городовъ, которые, однако, смѣшивались одинъ съ другимъ (Тамъ же, стр. 15—19). **И. С.**

3. Тогда же Х. М. Лопаревъ сообщилъ замѣтку *о времени произнесенія патр. Фотіемъ двухъ бесѣдъ по поводу нашествія Россовъ.* Содержаніе замѣтки сводится къ слѣдующему. Во второй бесѣдѣ Фотій, говоря κατὰ τοῦ πλησίον μηδὲν ἴσως ἠδικηκότος, ἀναπείθει φόνον, разумѣлъ убіеніе импер. Михаиломъ кесаря Варды, случившееся 21-го апрѣля 866 года; бесѣда эта сказана въ отсутствіе Михаила, значитъ, въ апрѣлѣ же мѣсяцѣ, а произнести рѣчь въ это время значило произнести ее въ годовщину нападенія русскихъ на Византію. Обыкновенно принято считать 865 годъ годомъ нападенія Аскольда и Дира, — значитъ, вторая бесѣда произнесена черезъ годъ. На это П. А. Сырку замѣтилъ, что теперь, на основаніи новѣйшихъ находокъ, приходится нашествіе русскихъ на Константинополь относить не къ 865, а къ 860 году (Тамъ же).

Труды академика А. А. Куника по византійской и славянской хронологіи. — Въ отчетѣ о дѣятельности Императорской Академіи Наукъ за 1894 годъ сообщается, что академикъ А. А. Куникъ занимался окончаніемъ сравнительно-хронологическихъ таблицъ, давно предпринятыхъ имъ на пользу византійской и славянской исторіи, и представилъ на усмотрѣніе историко-филологическаго отдѣленія одну изъ этихъ таблицъ, озаглавленную: «Сравнительная таблица воскресныхъ дней каждаго пасхальнаго года по Юліанскому календарю». Таблица эта можетъ служить вѣрнымъ пособіемъ для провѣрки хронологическихъ данныхъ, встрѣчающихся въ разныхъ источникахъ по византійской и славянской исторіи. При этомъ академикъ А. А. Куникъ указалъ еще на отличительную разницу, существующую между византійскими и русскими лѣтописями въ хронологическомъ отношеніи. Древнерусскія лѣтописи вообще изобилуютъ хронологическими данными, богаты годовыми и мѣсячными числами и вполнѣ заслуживаютъ названія *анналъ*, въ буквальномъ смыслѣ этого слова; византійскія же, за исключеніемъ немногихъ, скорѣе принадлежатъ къ числу средневѣковыхъ *хроникъ*, обладающихъ скудными хронологическими данными. Для восполненія этого ощутительнаго пробѣла въ византійскомъ бытописаніи, необходимо пользоваться прямыми и непрямыми хронологическими датами, встрѣчающимися въ византійскихъ грамотахъ и письмахъ. На это давно уже указывалось, между прочимъ, въ 1893 году Несторомъ современныхъ византологовъ, основателемъ исторіи византійскаго права Цахаріэ-фонъ-Лингенталемъ. Но такъ какъ разрядъ этихъ документальныхъ источниковъ не только весьма обиленъ, но и очень разбросанъ, то академики А. А. Куникъ и В. Г. Васильевскій въ

особомъ докладѣ конференціи указали на тѣ способы, которыми возможно было бы воспользоваться для провѣрки византійскихъ источниковъ грамотами и письмами (Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, т. II. № 2, 1895, февр., стр. CXIII—CXIV). И. С.

Отзывъ Императорской Академіи Наукъ объ изданіи А. В. Звенигородскаго. — Д. с. с. А. В. Звенигородскій представилъ Императорской Академіи Наукъ въ даръ экземпляръ роскошнаго, сдѣланнаго имъ изданія сочиненія Н. П. Кондакова: «Исторія и памятники византійской эмали». По этому поводу въ засѣданіи Академіи 4 февраля 1895 года академикъ В. Г. Васильевскій заявилъ слѣдующее: «Изданіе А. В. Звенигородскаго «Исторія и памятники византійской эмали» явилась въ свѣтъ въ исходѣ 1894 г. въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Экземпляры эти вовсе не поступали въ продажу и почтенный издатель разсылаетъ ихъ въ даръ разнымъ учрежденіямъ и лицамъ. Одинъ изъ экземпляровъ доставленъ имъ нашей Академіи. Русскіе ученые только теперь начинаютъ знакомиться съ этимъ изданіемъ, которое особенно должно интересовать спеціалистовъ по исторіи искусства, а также и византинистовъ-историковъ. Я лично, благодаря любезности А. В. Звенигородскаго, получилъ экземпляръ въ концѣ декабря и по нѣкоторымъ причинамъ (по болѣзни) не успѣлъ въ предыдущемъ собраніи третьяго Отдѣленія сдѣлать заявленіе объ этой заслуживающей особаго вниманія книгѣ, да и теперь могу подѣлиться только общими впечатлѣніями.

«Прежде всего изданіе А. В. Звенигородскаго поражаетъ своею, можно сказать, необычною роскошью, которую не безъ основанія уже успѣли назвать (въ одномъ заграничномъ изданіи) «княжескою» (fürstliche). Но это не есть простая или мишурная роскошь, а роскошь, соединенная съ изяществомъ, обличающимъ изощренный вкусъ знатока и страстнаго любителя, каковъ и есть собиратель византійскихъ эмалей, составившій коллекцію, не имѣющую себѣ другой подобной въ цѣлой Европѣ. Роскошь, изящество и красота проникаютъ всѣ подробности изданія, какъ съ художественной, такъ и съ типографской стороны: начиная съ переплета, продолжая прелестными заставками, заимствованными изъ синайской рукописи XI вѣка (скалькированы онѣ были профессоромъ Н. П. Кондаковымъ), и кончая закладкою, въ своемъ родѣ представляющею верхъ совершенства, притомъ украшенною чрезвычайно удачно подобраннымъ стихомъ изъ Еврипида. Великолѣпное воспроизведеніе самыхъ эмалей въ рисункахъ выше всякихъ похвалъ; скажемъ только, что изящество и роскошь потому и не были здѣсь дѣломъ суетной прихоти или даже одного артистическаго любительства, что онѣ отвѣчали потребности, вытекающей изъ самаго существа дѣла, шли, такъ сказать, на встрѣчу требованіямъ науки, ибо дѣло касалось одной изъ утонченнѣйшихъ отраслей изысканной византійской культуры, о которой слѣдовало дать точное понятіе. Сама наука представлена

здѣсь обширнымъ изслѣдованіемъ объ исторіи византійской эмали нашего члена-корреспондента, моего ученаго друга, Н. П. Кондакова. Мнѣ остается здѣсь подтвердить только слова, уже сказанныя знатокомъ дѣла, тоже нашимъ членомъ-корреспондентомъ, профессоромъ и членомъ Мюнхенской академіи наукъ К. Крумбахеромъ: «Это было истиннымъ счастьемъ, что г. Звенигородскому удалось привлечь къ исполненію своего плана превосходнаго знатока византійскаго и славянскаго искусства». Получился трудъ, который исчерпываетъ предметъ вполнѣ и разъясняетъ его со всѣхъ сторонъ и который никѣмъ другимъ изъ европейскихъ ученыхъ не могъ быть исполненъ съ такою полнотой и основательностью свѣдѣній, съ самостоятельностью и твердостью взглядовъ. Онъ на долгое время, если не на всегда, будетъ имѣть руководящее значеніе въ наукѣ.

«Наша Академія не можетъ не отнестись съ глубочайшимъ уваженіемъ къ прекрасному изданію г. Звенигородскаго и считаетъ долгомъ выразить свое полное сочувствіе къ его дѣятельности, принесшей столь плодотворные и блестящіе результаты» (Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, т. II, № 4, 1895, апрѣль, стр. CLXI—CLXII). **И. С.**

Археологическіе памятники византійской эпохи въ русскомъ музеѣ. Церковно-археологическій музей, существующій при Кіевской духовной академіи, въ недавнее время обогатился цѣнною коллекціей древнихъ предметовъ и монетъ, между прочимъ, византійской эпохи, пожертвованною д. с. с. Н. С. Леопардовымъ. Эта коллекція собиралась г. Леопардовымъ въ теченіе 20 лѣтъ и состоитъ изъ 8366 номеровъ, на сумму 31,261 р. 50 к. Въ числѣ этихъ номеровъ значится 730 археологическихъ предметовъ и 7636 номеровъ монетъ, медалей, жетоновъ и т. п. Большая часть археологическихъ предметовъ, состоящихъ изъ иконъ, картинъ, шейныхъ крестиковъ, предметовъ первобытной эпохи и греко-римскихъ, полученныхъ изъ раскопокъ въ юго-западной Россіи, имѣетъ мѣстный археологическій характеръ; предметовъ, которые носятъ на себѣ несомнѣнную печать византійскаго производства и вліянія, въ этомъ отдѣлѣ немного. Что касается отдѣла нумизматическаго, то въ немъ, кромѣ монетъ греческихъ, восточныхъ, римскихъ, босфорскихъ, татарскихъ и русскихъ, содержится 285 номеровъ монетъ византійскихъ. Византійскія монеты обнимаютъ почти всю византійскую эпоху, начиная съ императора Аркадія (395—408) и кончая Алексѣемъ IV Комниномъ (1417—1447). Имѣются монеты временъ латинской имперіи въ Константинополѣ, имперіи Никейской и Трапезунтской, также—подражанія византійскимъ монетамъ; большая же часть (268 номеровъ) принадлежитъ имперіи Византійской. Всѣ онѣ опредѣлены и провѣрены хранителемъ музея проф. Петровымъ по сочиненію Сабатье—Description générale des monnaies byzantines. Paris. 1862, I—II. Несомнѣнно, что византійскія монеты музея Кіевской академіи, по находящимся на нихъ христіанскимъ священнымъ изображеніямъ, представляютъ незамѣнимое пособіе къ изученію христіанской православной иконографіи, не говоря уже о важномъ вспомо-

гательномъ ихъ значеніи по отношенію къ русской исторіи и нумизматикѣ (Труды Кіевской духовной академіи. 1895. февраль. приложеніе).

И. С.

Сочиненія по византиновѣдѣнію въ нашихъ духовныхъ академіяхъ. По требованію устава нашихъ духовныхъ академій (С.-Петербургской. Московской, Казанской и Кіевской), студенты, оканчивающіе курсъ наукъ, для полученія ученой степени кандидата богословія обязаны представить въ совѣтъ сочиненіе по одному изъ предметовъ, изучаемыхъ въ академіи. Сочиненія эти пишутся и по исторіи византійскаго государства и церкви. Въ виду того, что нѣкоторыя изъ нихъ касаются вопросовъ мало изслѣдованныхъ въ области византиновѣдѣнія и имѣютъ безспорный научный интересъ, а между тѣмъ хранятся въ архивахъ академій и нерѣдко безслѣдно гибнутъ для науки, представляется нелишнимъ (хотя бы для полноты обзора русскихъ работъ по византологіи) дѣлать и о нихъ краткія сообщенія.

Въ *Московской духовной академіи* въ 1894 году были представлены на полученіе ученой степени слѣдующія рукописныя сочиненія, имѣющія отношеніе къ византологіи.

1. *Іеродіаконъ Каллистъ. Номоканонъ Фотія, патріарха Константинопольскаго.*—Знаменитый германскій юристъ-византологъ Цахаріэ-фонъ-Лингенталь своими изслѣдованіями по византійскому праву почти достигъ того, что его мнѣніе о непринадлежности номоканона въ XIV титулахъ патріарху Фотію сдѣлалось господствующимъ. По предположенію Цахаріэ, этотъ номоканонъ былъ составленъ въ два пріема: первый авторъ (въ царствованіе Юстина или Тиберія) составилъ каноническую синтагму, состоявшую изъ repertorium'а каноновъ, раздѣленныхъ по содержанію на XIV титуловъ,— изъ самаго текста этихъ каноновъ и изъ свода государственныхъ законовъ, относящихся до церкви (collectio tripartita). Второй авторъ въ концѣ царствованія Ираклія преобразовалъ эту синтагму въ номоканонъ, дополнивъ и исправивъ collectio tripartita и внесши нѣкоторыя ея мѣста въ repertorium каноновъ. Такимъ образомъ номоканонъ былъ обработанъ задолго до Фотія какимъ то византійскимъ юристомъ царствованія Ираклія и, вѣроятно, тѣмъ 'Ἐναντιοφανής'омъ, многочисленныя схоліи коего къ юстиніановымъ пандектамъ находятся въ Базиликахъ. Но вопреки мнѣнію Цахаріэ, въ номоканонѣ имѣются данныя и въ пользу авторства патр. Фотія, которыхъ германскій ученый не опровергъ. Защиту авторства Фотія и взялъ на себя студентъ іеродіаконъ Каллистъ въ своемъ сочиненіи. Въ пользу Фотія прежде всего говоритъ предисловіе номоканона, гдѣ авторъ, не называя себя по имени, обозначаетъ годъ изданія номоканона (883), приписываетъ себѣ всю редакторскую работу по отношенію къ синтагмѣ, которую Цахаріэ относитъ къ VII вѣку, и пишетъ языкомъ сочиненій Фотія, какъ показываетъ сравненіе стиля предисловія съ сочиненіями этого знаменитаго патріарха. Затѣмъ, вопреки утвержденію Цахаріэ, что

Фотія, какъ автора номоканона, стало извѣстно только со времени Вальсамона, защитникъ его представляетъ выдержку изъ Зонары, гдѣ Фотій прямо называется авторомъ номоканона, и указываетъ на рукопись X вѣка, принадлежащую Іерусалимской патріаршей библіотекѣ, гдѣ Фотію также приписывается авторство второй части пролога. Наконецъ, на основаніи тщательнаго изученія Базиликъ, авторъ пришелъ къ выводу, что Ἐναντιοφανής, котораго Цахаріэ считаетъ составителемъ номоканона, къ юристамъ VII вѣка не можетъ быть причисленъ; сравненіе схолій энантіофаниса съ сочиненіемъ Фотія Τὰ Ἀμφιλόχια по методу и выраженіямъ убѣдительно показываетъ, что этотъ энантіофанисъ есть ни кто иной, какъ образованнѣйшій юристъ IX вѣка—знаменитый патріархъ Фотій. Это положеніе подтверждается также исторіей составленія «анакаѳарсиса древнихъ законовъ» при Василіѣ Македонянинѣ и біографіей Фотія.—Такова задача настоящаго сочиненія. Въ отзывѣ объ этомъ сочиненіи доцентъ Заозерскій выражаетъ желаніе, чтобы въ интересахъ канонической литературы оно скорѣе явилось въ свѣтъ съ нѣкоторыми исправленіями (Протоколы засѣданій Совѣта Московской дух. академіи за 1894 г., стр. 138—141).

2. *К. Тороповъ, Задача, духъ и бытовое устройство монашества православнаго по сравненію съ римско-католическимъ.*— Сочиненіе состоитъ изъ введенія и семи главъ. Во введеніи говорится о времени появленія монашества, основателяхъ и организаторахъ его (Антоніи, Пахоміи и Василіи Великихъ, Саввѣ Освященномъ, Ѳеодорѣ Студитѣ и аѳонскихъ подвижникахъ). Въ 1-й главѣ излагаются причины происхожденія и задача православнаго монашества, во 2-й—устройство Тавенскаго общежитія по уставу Пахомія В., въ 3-й—устройство монастырскаго общежитія по уставу Василія В., въ 4-й — раскрывается характеръ (аскетически-созерцательный) восточнаго монашества, въ 5-й — представляется очеркъ монашества западной церкви въ періодъ ея общенія съ восточною, въ 6-й—очеркъ нищенствующихъ орденовъ—францисканскаго и доминиканскаго и въ 7-й—рѣчь идетъ о такъ называемомъ ученомъ русскомъ монашествѣ и ставится вопросъ: не нарушается ли таковымъ сочетаніемъ самая идея монашества.... (Тамъ же, стр. 186—191).

Въ *Кіевской духовной академіи*:

1. *И. Попель, Черты подвижничества по житіямъ русскихъ святыхъ Московскаго періода.*—Описавъ виды древнерусскаго подвижничества, авторъ рѣшаетъ вопросъ о происхожденіи его и здѣсь развиваетъ слѣдующую мысль: духъ подвижничества, занесенный къ намъ изъ Византіи вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства, поддерживался позднѣе путемъ жизненнаго и литературнаго общенія съ христіанскимъ востокомъ, хотя, встрѣтивъ здѣсь своеобразную почву, выразился въ нѣкоторыхъ характерныхъ особенностяхъ. Для обоснованія перваго положенія авторъ останавливается на русскихъ путешественникахъ на востокъ и на восточныхъ выходцахъ на Руси, предлагаетъ обзоръ святоотеческой аске-

тической литературы, а также патериковъ и житій святыхъ, заносимыхъ къ намъ съ востока, и дѣлаетъ выводъ о значеніи вліянія Византіи на Русь въ разсматриваемомъ отношеніи. Въ заключеніи точно опредѣляется, что въ нашемъ древнемъ подвижничествѣ было заноснаго — византійскаго и что было плодомъ самобытнаго развитія русскаго народнаго духа (Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта Кіевской духовной академіи за 1894 годъ, стр. 278—279).

Въ *С.-Петербургской духовной академіи* въ 189⁴⁄₅ учебномъ году предложены слѣдующія темы для кандидатскихъ работъ, имѣющія отношеніе къ византологіи:

1. Жизнь и творенія Геннадія II Схоларія, патріарха Константинопольскаго.

2. Значеніе Студійскаго монастыря въ исторіи православнаго богослуженія.

3. Исторія викаріатства ѳессалоникскаго до присоединенія его къ Константинопольскому патріархату.

4. Церковный и общественный бытъ въ концѣ IV и началѣ V вѣка по твореніямъ св. Іоанна Златоуста.

Профессорскій стипендіатъ Кіевской духовной академіи 189³⁄₄ учебнаго года *г. Гроссу* занимался составленіемъ магистерской диссертаціи, посвященной жизни и дѣятельности св. Ѳеодора Студита и современнымъ ему церковно-общественнымъ событіямъ.

Преподаватель Таврической духовной семинаріи *г. Андреевъ* представилъ въ Московскую духовную академію на соисканіе степени магистра богословія свое сочиненіе: «Константинопольскіе патріархи отъ времени Халкидонскаго собора до Фотія, часть первая — хронологія этихъ патріарховъ, часть вторая — очерки жизни и дѣятельности нѣкоторыхъ важнѣйшихъ изъ нихъ». Сочиненіе Совѣтомъ академіи передано на разсмотрѣніе проф. А. П. Лебедеву.

И. С.

ГАВРІИЛЪ СПИРИДОНОВИЧЪ ДЕСТУНИСЪ[1]).

19-го марта скончался нашъ извѣстный ученый филологъ, бывшій профессоръ С.-Петербургскаго университета и одинъ изъ старѣйшихъ его питомцевъ, Г. С. Дестунисъ.

Гавріилъ Спиридоновичъ Дестунисъ родился въ С.-Петербургѣ 16-го марта 1818 г. отъ Спиридона Юрьевича Дестуниса и Анастасіи Васильевны Дестунисъ, урожденной Гераковой. Родители его были— греческаго происхожденія, но жили въ Россіи и были русскіе подданные. Заграничная служба отца была причиной, что и сынъ, Гавріилъ, дѣтство свое съ 1818 по 1826 г. провелъ въ Турціи и Италіи. Отцу своему, извѣстному учеными трудами и особенно полнымъ и весьма хорошимъ переводомъ сравнительныхъ жизнеописаній Плутарха на русскій языкъ, онъ преимущественно и обязанъ полученнымъ дома приготовленіемъ къ университету, куда вступилъ онъ въ 1834 году и гдѣ въ 1838 году окончилъ курсъ со степенью кандидата историко-филологическаго факультета. Профессоръ Михаилъ Семеновичъ Куторга предложилъ Гавріилу Спиридоновичу сдѣлать о немъ представленіе министру народнаго просвѣщенія объ отправленіи его за границу для окончанія его историко-филологическихъ знаній, но это задержано было сильною хроническою болѣзнью, которая не позволяла Дестунису въ продолженіе 8 лѣтъ ни заниматься наукою, ни служить. Но двухлѣтнее пребываніе его въ Аѳинахъ возвратило ему здоровье и сблизило его съ этимъ отечествомъ его предковъ до такой степени, что языкъ и народъ Эллады сдѣлались исключительнымъ предметомъ его изученія и работъ. Съ 1848 г. онъ не переставалъ заниматься греческимъ міромъ, присоединивъ къ періоду классическому изученіе Византійской и новой Греціи. Съ этого же 1848 года началась его служба въ Азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ качествѣ греческаго переводчика. Вскорѣ онъ приглашенъ былъ учить ново-греческому языку въ Институтѣ восточныхъ языковъ, и сталъ преподавателемъ всеобщей и русской исторіи въ женскихъ институтахъ. Въ 1860 г. онъ вызвался безвозмездно читать въ С.-Петербургскомъ университетѣ лекціи ново-

---

1) Біографическія свѣдѣнія были помѣщены въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1895, апрѣль, стр. 66, сл.

греческаго языка и византійскихъ древностей и литературы: эти занятія прекратились вслѣдствіе закрытія университета: они возобновились въ 1864 г., когда Дестуннсъ былъ назначенъ на это приватъ-доцентомъ. Въ 1865 году за свои научные труды онъ возведенъ былъ въ степень доктора греческой филологіи, а въ 1867 г. избранъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ этой филологіи, и вскорѣ назначенъ ординарнымъ профессоромъ. Преподаваніе его имѣло предметомъ объясненіе греческихъ классиковъ (общіе и частные курсы), исторію греческой классической литературы, а по временамъ къ этимъ предметамъ онъ присоединялъ и византійскія древности. Выбранный въ 1879 г. еще на пятилѣтіе, Дестуннсъ не могъ воспользоваться этимъ предоставленнымъ ему правомъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ долженъ былъ отказаться отъ преподаванія вслѣдствіе хронической болѣзни. По выходѣ его изъ университета, совѣтъ онаго, въ засѣданіи 29-го октября 1879 г., почтилъ его званіемъ своего почетнаго члена. Въ прошломъ 1894 году Императорская Академія Наукъ провозгласила его своимъ членомъ-корреспондентомъ.

Смерть Г. С. Дестуниса не была совершенно неожиданностію для его друзей и близкихъ. Съ юности не отличаясь крѣпкимъ здоровьемъ, онъ достигъ глубокой сравнительно старости главнымъ образомъ благодаря своему образу жизни. Режимъ его всегда былъ режимомъ строгой умѣренности и почти аскетическаго воздержанія. Но послѣдніе три года онъ почти не оставлялъ своей скромной квартиры на окраинѣ Васильевскаго острова и крайне рѣдко, при вполнѣ благопріятной погодѣ, выходилъ на улицу. Въ прошедшемъ году Гавріилъ Спиридоновичъ принужденъ былъ отказаться и отъ своихъ ученыхъ занятій, которыя составляли неизмѣнную отраду его жизни. Онъ разстался и съ своею библіотекою, подъ предлогомъ распродажи, въ сущности раздаривъ ее знакомымъ и незнакомымъ. Въ послѣднее время Гавріилъ Спиридоновичъ предчувствовалъ свою близкую кончину; онъ нисколько не боялся смерти, потому что былъ глубоко вѣрующимъ христіаниномъ, преданнымъ сыномъ своей православной церкви и всегда заботился о «чистотѣ сердца». Въ отношеніи къ людямъ онъ былъ неизмѣнно добръ и ко всѣмъ благорасположенъ, чрезвычайно внимателенъ и деликатенъ; едва ли кого онъ обидѣлъ когда-нибудь даже словомъ. Названіе праведника съ полнымъ основаніемъ присвоивалось ему, въ средѣ знающихъ, еще при его жизни.

Списокъ трудовъ Г. С. Дестуниса [1]).

1848.

1. Воспоминанія объ Аѳинской равнинѣ и Акрополѣ (Прибавленія къ Журн. Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1848, Отд. Литературное, стр. 8—32).

---

1) Списокъ составленъ на основаніи замѣтокъ покойнаго Гавріила Спиридоновича.

2. Спиридонъ Юрьевичъ Дестунисъ. Некрологъ (Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей, т. II, стр. 798—804) [1]).

1850.

3. О переводѣ Одиссеи В. А. Жуковскимъ (Журн. Министерства Народнаго Просвѣщенія 1850, Отд. II, августъ, стр. 59—98).

1851.

4. Открытіе греческаго ученаго Мавромmати въ древне-эллинской словесности. (Журн. Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1851, Отд. II, іюль, стр. 1—8) [2]).

1853.

5. Очеркъ дѣятельности Гуфеланда на пользу общую. («Лучи», журналъ для дѣвицъ, издаваемый Александрою Ишимовою. 1853, т. VII, стр. 168—174).

1855 [3]).

6. Очеркъ клефтскаго быта. (Вѣстникъ Имп. Русскаго Географическаго Общества, 1855 г., ч. XIV, Отд. II, стр. 27—46).

1856.

7. Извлеченіе изъ Ганова описанія Албаніи (Вѣстникъ Имп. Русскаго Географическаго Общества, 1856 г., ч. XVII, Отд. III, стр. 1—22).

8. Русскія книги переводимыя въ Аѳинахъ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1856, Отд. VII, январь, стр. 30—31).

9. Извѣстіе объ Аѳинскомъ Университетѣ въ 1853—54 академическомъ году. (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1856 г., Отд. IV, февраль, стр. 1—6).

10. Мысли о преподаваніи ново-греческаго языка по поводу новаго изданія словаря Скарлата Византія. (Журн. Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1856 г., Отд. II, май, стр. 168—176).

11. Отчетъ Греческаго Министра Народнаго Просвѣщенія, представленный Королю, о ходѣ образованія въ средн. учебн. заведеніяхъ въ Греціи съ 1829—1855 г. (Переводъ съ греческаго). (Журн. Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1856 г., Отд. IV, ноябрь, стр. 41—60).

---

1) Некрологъ С. Ю. Дестуниса былъ составленъ Гавр. Спир. для Одесск. Общ. ист. и древн., котораго С. Ю. былъ членомъ, и напечатанъ въ Запискахъ безъ большихъ измѣненій. Неизвѣстно, по какимъ соображеніямъ подписано подъ нимъ имя одного изъ членовъ Общества. Это заявлено было печатно въ статьѣ Гавр. Спир. Дестуниса «Изъ ученой дѣятельности Сп. Юр. Дестуниса» стр. 61, пр. 1. См. подъ 1886 г. № 70.

2) Вся средина этой статьи, составлявшая сущность ея, въ печать не была допущена; въ ней были всѣ доводы въ подтвержденіе истинности открытія. Гавр. Спир. напечаталъ ее снова полною, исправленною въ 1870 г. (см. № 42).

3) Неизвѣстно, была ли напечатана статейка Гавр. Спир.: «Археологическія раскопки въ Греціи», отданная имъ въ ред. Журн. Мин. Нар. Просв. въ 1855 г.

1856—1858.

12. Матеріалы для разсмотрѣнія вопроса о слѣдахъ славянства въ нынѣшнемъ греческомъ языкѣ (Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій, издаваемые при Извѣстіяхъ Имп. Акад. Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности). Глава I. О гласныхъ и придыханіяхъ (Извѣстія V, Матеріалы, стр. 354—361). II. О согласныхъ (Извѣстія VI, Матеріалы, стр. 74—80). III. О заимствованіяхъ (Извѣстія VII, Матеріалы, стр. 147—160).

1857.

13. Отчетъ о состояніи народнаго просвѣщенія въ Греціи за 1855—1856 академическій г. (Журн. Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1857 г., Отд. IV, апрѣль, стр. 11—30).

14. Очерки Константинополя (Вѣстникъ Имп. Русскаго Географическаго Общества, 1857 г., ч. XIX, Отд. III, стр. 1—36).

1858.

15. Очерки возрождающейся Греціи (Библіотека для чтенія, 1858 г., май, Отд. II, стр. 1—28).

16. Художественныя вѣсти изъ Греціи. С.-Петербургъ (Свѣтопись, 1858 г. № 6, стр. 156—161).

17. Подтверждаетъ ли византійская исторія содержаніе Пирейской рунической надписи? (Извѣстія Имп. Археологич. Общ. I, стр. 70—74).

18. P. W. Forchhammer, Halkyonia. Wanderungen an den Ufern des Halkyonischen Meeres. Berlin. 1857. Рецензія. (Извѣстія Имп. Археологич. Общества, т. I, стр. 326—331).

19. Сближеніе греческой монограммы на крестахъ «Т. К. П. Г.» со славянскою «М. Л. Р. Б.» (Извѣстія Имп. Археологическаго Общества, I, стр. 372—373).

20. Историческое сказаніе инока Комнина и инока Прокла о разныхъ деспотахъ эпирскихъ и о тиранѣ Ѳомѣ Прелумбовѣ, деспотѣ. Перев. съ греческ. и объясн. С.-Петербургъ, 1858 г. Съ картою Эпира и Ѳессаліи.

1859.

21. Обозрѣніе дѣятельности независимыхъ Грековъ въ 1858 г. (Русская Бесѣда, 1859 г., II, Обозрѣніе, стр. 1 сл.).

22. Les annales byzantines confirment elles le contenu de l'inscription runique gravée sur le lion de Pirée, conservé à l'arsénal de Venise? (Bulletin de l'Académie Imp. des sciences de St. Pétersbourg, 1859).

23. Ватопедскій списокъ Птоломеевой Географіи. (Письмо къ П. И. Севастьянову). (Извѣстія Имп. Археологическаго Общества, т. II, стр. 16—22).

24. Послѣднія археологическія раскопки въ Аѳинахъ (Извѣстія Имп. Археологическаго Общества, т. II, стр. 24—27).

1860.

25. Византійскіе историки Дексиппъ, Эвнапій, Олимпіодоръ, Малхъ, Петръ Патрицій, Менандръ, Кандидъ, Нонносъ и Ѳеофанъ Византіецъ. Переводъ съ греческаго Спиридона Дестуниса, дополненный примѣчаніями Гавріила Дестуниса. Иждивеніемъ духовнаго вѣдомства. С.-Петербургъ, 1860 г.

26. Объясненіе стиховъ вырѣзанныхъ на старинномъ Византійскомъ складнѣ. (Извѣстія Имп. Археологич. Общ. т. II, стр. 229—232).

27. О жизни и трудахъ Константина Экономоса. Съ приложеніемъ портрета Экономоса[1]). (Странникъ, 1860, IV, Отдѣлъ I, стр. 1—23).

28. Іонійскіе острова. (Сынъ Отечества, 1860 г., № 37, стр. 1143—1145 и № 39, 1195—1198).

29. Андрей Метакса, государственный человѣкъ Греціи. (Сынъ Отечества, 1860, № 46, стр. 1404—1405).

1861.

30. Сказанія Приска Панійскаго. Переводъ съ греческаго съ критическимъ предисловіемъ, примѣчаніями и индексомъ. (Ученыя Записки II Отдѣл. Имп. Ак. Наукъ, кн. VII, 1861, стр. 1—112).

31. Замѣтки на Ватопедскій списокъ географіи Стравона. (Извѣстія Имп. Археологич. Общества, т. III, стр. 29—32).

1862.

32. Прокопія Кесарійскаго Исторія войнъ Римлянъ съ Персами, Вандилами и Готѳами. Переводъ съ греческаго Спиридона Дестуниса, дополненный примѣчаніями Гавріила Дестуниса. Томъ I. Прокопія Кесарійскаго Исторія войнъ Римлянъ съ Персами (въ двухъ книгахъ). Иждивеніемъ Духовнаго Вѣдомства. С.-Петербургъ, 1862.

33. Извлеченіе изъ книги Козмы Индикоплова. (Этнографическій Сборникъ, издаваемый Имп. Русскимъ Географич. Обществомъ. Спб. 1862. Вып. V. Смѣсь, стр. 25—26).

1863.

34. Двѣ плиты съ загадочными монограммами и изображеніями. (Извѣстія Имп. Археолог. Общества. Т. IV, стр. 543—546).

35. Попытки педагогической реакціи въ нынѣшней Греціи (Журн. Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1863, Отд. III, іюнь, стр. 321—349).

---

1) Портретъ исполненъ въ С.-Петербургѣ на основаніи двухъ портретовъ: Одинъ полученъ Гавр. Спиридоновичемъ для этой цѣли отъ князя Мурузи, бывшаго ученика Конст. Экономоса. Впослѣдствіи этотъ портретъ находился въ Спб. у греческаго архимандрита Неофита Пагиды, который получилъ его въ даръ отъ Мурузи. Другой портретъ представляетъ копію съ портрета, находившагося у короля Эллиновъ, былъ высланъ Гавр. Спиридоновичу, по его просьбѣ, изъ Аѳинъ сыномъ Экономоса Софокломъ, и находился у Гавр. Спир.

36. Взглядъ на греческое возрожденіе (Спб. Вѣдомости. 1863, № 122, 1/13 іюня, стр. 503—504).

37. Разборъ сочиненія Г. Ѳеоктистова. Борьба Греціи за независимость. (С.-Петербургскія Вѣдомости, 1863).

1864.

38. Греція. Литературныя и ученыя извѣстія о Грекахъ за прошлый годъ. (Журн. Министерства Народн. Просв. 1864. Отд. VI, іюнь, стр. 150—168).

1866.

39. Древности. Труды Московскаго Археологическ. Общества. Москва. 1865. Рецензія (Извѣстія Имп. Археолог. Общества, т. VI, Отд. 2, стр. 18—25).

1868.

40. Историко-филологическія изслѣдованія К. Люгебиля: 1) Аѳинскій царь Кодръ и отмѣна царской власти въ Аѳинахъ. Рецензія. (Журн. Минист. Народн. Просв. 1868, часть 140, ноябрь, Отд. II, стр. 636—640).

41. Какими путями нужно изслѣдовать древній классическій греческій міръ? Вступительная лекція, сказанная въ Спб. Университетѣ 7 дек. 1867 г. (Журн. Министерства Народн. Просв. 1868 г., декабрь, стр. 887—895).

1870.

42. Возстановленіе одного Плутархова сочиненія въ его первобытной послѣдовательности. (Журн. Минист. Народн. Просв. 1870, іюнь, стр. 435—442) [1]).

1876.

43. Прокопія Кесарійскаго Исторія Войнъ Римлянъ съ Персами, Вандилами и Готѳами. Переводъ съ греч. Спиридона Дестуниса. Комментарій Гавріила Дестуниса. Прокопія Кесарійскаго Исторія войнъ Римлянъ съ Персами. Кн. I. Спб. Тип. Имп. Акад. Наукъ. 1876 [2]).

1877.

44. Объ Армурѣ. Греческая былина византійской эпохи. Изд., перев. и объясн. Спб. 1877. (Записки Историко-Филологическаго факультета Имп. Спб. Университета, т. III).

1880.

45. Прокопія Кесарійскаго Исторія Войнъ Римлянъ съ Персами, Вандилами и Готѳами. Переводъ съ греческ. Спиридона Дестуниса. Комментарій Гавр. Дестуниса. Прокопія Кесарійскаго Исторія войнъ Римлянъ съ Персами. Кн. II. Спб. Тип. Имп. Акад. Наукъ. 1880.

---

1) Ср. изд. 1851. № 4 «Открытіе греческаго ученаго Мавромматн».

2) См. кн. II, изд. 1880 г. № 45.

46. Поѣздка въ Румелію. Соч. Архим. Антонина. Спб. 1879. Рецензія. (Журн. Минист. Нар. Просв. 1880, августъ, стр. 412—431).

1881.

47. О каталогѣ Греческихъ Аѳонскихъ рукописей, составленномъ лѣтомъ 1880 г. Извлеченіе изъ отчета греч. ученаго Ламбра о командировкѣ его на Аѳонъ. Рецензія. (Журн. Минист. Нар. Просв. 1881, февраль, стр. 158—171).

48. О двухъ греческихъ путешественникахъ XV и XVIII вѣковъ. Кананъ Ласкари и Василій Ватаци. Соч. С. Ламбра. Рецензія. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1881, декабрь, стр. 354—365).

49. Разборъ спорной греческой надписи, изображенной на осьми памятникахъ. (Извѣстія Имп. Археолог. Общества, т. X, стр. 1—33).

50. О покореніи и плѣненіи, произведенномъ Персами въ Аттической Аѳинѣ. Греч. стихотв. эпохи турецкаго погрома. Спб. 1881. (Записки Историко-Филологич. Факультета. Имп. Спб. Унив., т. VI. Приложеніе).

51. О Ксанѳинѣ. Греческая Трапезунтская былина византійской эпохи. Спб. 1881. (Приложеніе къ XXXIX тому Записокъ Имп. Акад. Наукъ, № 6, стр. 1—27).

1882.

52. Poètes grecs contemporains par Juliette Lamber. Paris, 1881. Рецензія. (Заграничный Вѣстникъ, т. II. 1882 г., январь, Библіогр., стр. 6—15).

53. Топографія средневѣковаго Константинополя. Обзоръ главныхъ сочиненій по исторической топографіи средневѣковаго Константинополя, написанныхъ съ середины XVI вѣка до послѣдней четверти XVIII вѣка. (Журн. Мин. Народн. Просв., 1882, январь, стр. 1—32).

54. Некрологъ К. И. Кестнера. (С.-Петербургскія Вѣдомости, 1882, августъ 8, № 212, стр. 2).

1883.

55. Топографія средневѣковаго Константинополя. Обзоръ главныхъ сочиненій по исторической топографіи средневѣковаго Константинополя, написанныхъ въ послѣднюю четверть прошедшаго вѣка и въ нынѣшнемъ. (Журн. Мин. Народн. Просв. 1883, январь, стр. 1—29, и февраль, стр. 229—263).

56. Разысканія о греческихъ богатырскихъ былинахъ средневѣковаго періода. Опытъ переводнаго и объяснительнаго сборника. СПБ., 1883. (Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ, т. XXXIV, № 1).

57. Записки греческаго историческаго и этнологическаго общества. Томъ I, вып. 1. Рецензія. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1883, октябрь, стр. 294—304).

58. Статьи по Византіи въ греческомъ журналѣ «Аѳиней». Ἀθήναιον σύγγραμμα περιοδικόν. 1872—1882. Рецензія. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1883, декабрь, стр. 415—446).

1884.

59. Некрологъ А. К. Ярославцева. (Журн. Мин. Народн. Просв. 1884, май, стр. 79—82).

60. Записки греческаго историческаго и этнологическаго общества. Томъ I, вып. 2—3. Рецензія. (Журн. Мин. Народн. Просв. 1884, іюнь, стр. 155—172).

61. Разсказъ и путешествіе по св. мѣстамъ Даніила митроп. Ефесскаго. Изд., перев. и объясн. Гавріиломъ Дестунисомъ. СПБ. 1884. (Правосл. Палест. Сборникъ. Вып. 8).

62. Secrets d'état de Venise par Vladimir Lamansky. St.-Pétersbourg. 1884. Рецензія на эту книгу, писанная на греческ. языкѣ. (Δελτίον τῆς ἱστορ. καὶ ἐθνολ. ἑταιρίας. I, 3, стр. 558—562)

1885.

63. Записки греческаго историческаго и этнологическаго общества. Томъ I, вып. 4. Рецензія. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1885, февраль, стр. 384—398).

64. Историческія разысканія Сп. Ламбра. Ἱστορικὰ μελετήματα ὑπὸ Σπ. Π. Λάμπρου. Ἀθήν. 1884. Рецензія. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1885, сентябрь, стр. 107—122).

65. Греческая библіографія Эмиля Леграна. Рецензія. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1885, декабрь, стр. 217—226).

1886.

66. Сказаніе о братѣ-мертвецѣ или женихѣ-мертвецѣ. Рецензія. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1886, мартъ, стр. 76—100).

67. Новая греческая книга объ Аѳонѣ. Мануила Д. Гедеона. Объ Аѳонѣ. Воспоминанія, документы, замѣчанія. Константинополь. 1885. Рецензія. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1886, іюнь, стр. 348—375).

68. Михаилъ Семеновичъ Куторга. Воспоминанія и очерки. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1886, іюль, Отд. Совр. Лѣт., стр. 5—14).

69. Повѣсть Епифанія о Іерусалимѣ. Изд. В. Г. Васильевскимъ. Рецензія. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1886, сентябрь, стр. 125—143).

70. Изъ ученой дѣятельности Спиридона Юрьевича Дестуниса. Его переводъ сравнительныхъ жизнеописаній Плутарха. СПБ. 1886. (Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ, т. XL, № 5).

1887.

71. Новоизданный списокъ повѣсти о взятіи Царьграда. Повѣсть о Царьградѣ Нестора Искандера XV в. Сообщ. Арх. Леонидъ. СПБ. 1886. Рецензія. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1887, февраль, стр. 366—383).

72. Византійскія церкви и памятники Константинополя. Н. Кондакова. Одесса, 1886. Рецензія. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1887, апрѣль, стр. 303—324).

73. Историко-топографическій очеркъ сухопутныхъ стѣнъ Константинополя. Одесса, 1887. (Труды VI-го Археологическаго съѣзда въ Одессѣ 1884 года. Томъ III, стр. 235—280).

74. Записки греческаго историческаго и этнологическаго общества. Томъ II, вып. 5 и 6. Рецензія. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1887, іюль, стр. 148—172).

1888.

75. Записки греческаго историческаго и этнологическаго общества. Т. II, вып. 7. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1888, май, стр. 210—236).

1889.

76. Филолого-археологическая замѣтка по топографіи греческаго Царяграда. (Записки Имп. Русскаго Археолог. Общества. Т. IV, стр. 68—74) [1]).

77. Каталогъ греческихъ Аѳонскихъ рукописей, изданный Ламбромъ въ 1888 г. Рецензія. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1889, іюль, стр. 132—157).

78. Еще о змѣевикахъ. Взглядъ на Крузево объясненіе греческой написи, начинающейся со слова «Ὑστέρα». (Записки Имп. Археологич. Общества. Т. IV, стр. 100—109) [2]).

1890.

79. Рукописный греческій лицевой сборникъ прореченій, относящійся къ концу XVI в. Съ 3 хромолитогр., 2 фотогр. и 3 рисунками въ текстѣ. (Древности. Труды Имп. Моск. Арх. Общ., т. XIV, стр. 29—72).

80. Очерки греческой загадки съ древнихъ временъ до новыхъ. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1890, іюль, стр. 66—98, и августъ, стр. 262—290).

81. Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ. Л. Майкова. I. Бесѣда о святыняхъ и другихъ достопамятностяхъ Цареграда. СПБ. 1890. Рецензія. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1890, сентябрь, стр. 233—269).

82. Описаніе святыхъ мѣстъ безъимяннаго конца XIV в., изданное въ первый разъ съ предисловіемъ А. И. Пападопуло-Керамевсомъ и переведенное Г. С. Дестунисомъ. (Православный Палестинскій Сборникъ. Вып. 26).

83. Описаніе въ стихахъ Іерусалимскихъ Господнихъ чудесъ и достопримѣчательностей, составленное Ефесскимъ Протонотаріемъ Пердикою

1) Эта статья перепечатана въ 1891 г. въ видѣ приложенія къ Прокопію (см. подъ № 88).

2) Эта статья примыкаетъ къ статьѣ 1881 года. «Разборъ спорной греческой надписи» (см. подъ № 49).

XIV в., изданное съ предисловіемъ А. И. Пападопуло-Керамевсомъ, переведенное Г. С. Дестунисомъ. (Православный Палестинскій Сборникъ. Вып. 29).

1891.

84. Иванъ и Θеодосій Зигомала, греческіе дѣятели XVI ст. Notice biographique sur Jean et Théodose Zygomalas, par Emile Legrand. Paris. 1889. Рецензія. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1891, январь, стр. 166—187).

85. Патмская библіотека, изданная Іоанномъ Саккеліономъ. Аθины, 1890. Πατμιακὴ Βιβλιοθήκη..... ὑπὸ Ἰωάννου Σακκελίωνος. Ἀθήν. ͵αωϡ΄. Рецензія. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1891, апрѣль, стр. 426—437).

86. Дополненіе къ византійскимъ источникамъ. Георгія Кипріянина описаніе Римской державы, съ приложеніемъ подлинной, доселѣ не изданной діатипосіи царя Льва. Издалъ и снабдилъ предисловіемъ и комментаріемъ Генрихъ Гельцеръ (Georgii Cyprii Descriptio etc. Henr. Gelzer.). Рецензія. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1891, іюль, стр. 204—213).

87. Паисія Агіапостолита, митрополита Родскаго, описаніе святой горы Синайской и ея окрестностей, въ стихахъ написанное между 1577 и 1592 гг., изданное въ первый разъ съ предисловіемъ А. И. Пападопуло-Керамевсомъ и переведенное Г. С. Дестунисомъ. (Православный Палестинскій Сборникъ. Вып. 35).

88. Прокопія Кесарійскаго Исторія Войнъ Римлянъ съ Персами, Вандилами и Готθами. Переводъ съ греческаго Спиридона Дестуниса. Комментарій Гавріила Дестуниса. Исторія Войнъ Римлянъ съ Вандилами. Книга первая. СПБ. 1891. (Записки Истор.-Филолог. Факульт. Имп. СПБ. Университета. Часть 28).

89. Βυζαντινά. Очерки, матеріалы и замѣтки по византійскимъ древностямъ. Д. Θ. Бѣляева. Книга I. СПБ. 1891. Рецензія. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1891, октябрь, стр. 532—547).

90. Павла Элладскаго и Кирилла Скиθопольскаго, писателей VI столѣтія, Житіе Святаго Θеогнія, Епископа Виθилійскаго, изданное въ первый разъ съ предисловіемъ А. И. Пападопуло-Керамевсомъ и переведенное Г. С. Дестунисомъ. (Православный Палестинскій Сборникъ. Вып. 32).

1892.

91. Фотія Архіепископа Константинопольскаго О Гробѣ Господа нашего Іисуса Христа и другія малыя его творенія на греческомъ и армянскомъ языкахъ, изданныя съ предисловіемъ А. И. Пападопуло-Керамевсомъ и переведенныя Г. С. Дестунисомъ и Н. Марромъ. (Православн. Палест. Сборн. Вып. 31).

92. Мученичество шестидесяти новыхъ святыхъ мучениковъ и т. д., изданное въ первый разъ съ предисловіемъ А. И. Пападопуло-Керамевсомъ и переведенное Г. С. Дестунисомъ. (Правосл. Палест. Сборн. Вып. 34).

93. Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας... Іерусалимскій Изборникъ, печатаемый на счетъ Имп. Правосл. Палест. Общества, составленный и изданный А. Пападопуло-Керамевсомъ. Т. I. СПБ. 1891. Рецензія. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1892, августъ, стр. 385—400).

94. D. Beljajev, Byzantina. Esquisses, matériaux et notes concernant les antiquités byzantines. I. St.-Pétersbourg. 1891. Рецензія. (Byzantinische Zeitschrift. I. 2, стр. 344—347).

1893.

95. Опытъ біографіи Георгія Франдзія. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1893, іюнь, стр. 427—497).

96. Замѣтки по исправленію текстовъ въ обѣихъ лѣтописяхъ Франдзія. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1894, январь, Отд. класс. филол., стр. 1—11).

1894.

97. Замѣтки по тексту Ѳеофанова Временника. (Византійскій Временникъ. I, 2, стр. 308—318).

1895.

98. Краткій разсказъ о святыхъ мѣстахъ Іерусалимскихъ и о страстяхъ Господа Нашего Іисуса Христа и о другихъ безъимяннаго написанный въ 1253/4 г., изданный въ первый разъ съ предисловіемъ А. И. Пападопуло-Керамевсомъ и переведенный Г. С. Дестунисомъ (Православный Палестинскій Сборникъ. Вып. 40). СПБ. 1895. 8°.

ОТДѢЛЪ I.

Половая мозаика церкви св. Евангелиста Іоанна въ Равеннѣ.

Правленіе Галлы Плацидіи было весьма благодѣтельно для Равенны. Получивъ воспитаніе въ Константинополѣ, эта императрица естественно находилась подъ обаяніемъ византійской культуры и оттуда могла вывезти, или вызвать впослѣдствіи мастеровъ для украшенія своей столицы, ея церквей. Въ правленіе ея Равенна дѣйствительно украсилась множествомъ замѣчательныхъ зданій и церквей, изъ которыхъ нѣкоторыя дошли до нашего времени.

Среди этихъ церквей выдѣлялась церковь въ честь Іоанна Евангелиста, построенная Галлой Плацидіей вскорѣ послѣ возвращенія ея изъ Константинополя вмѣстѣ съ сыномъ Валентиніаномъ III. По преданію, сохранившемуся у равеннскаго историка IX в. Агнелла и въ другихъ источникахъ, императрица воздвигла эту церковь по обѣту — за спасеніе, оказанное Ев. Іоанномъ: во время указаннаго возвращенія изъ Константинополя на Адріатическомъ морѣ путешественниковъ застигла буря; Галла Плацидія дала обѣтъ — построить церковь, если будетъ спасеніе; по молитвѣ ея — явившійся Ев. Іоаннъ помогъ имъ благополучно возвратиться[1]).

Церковь эта сохранилась и до нашего времени, однако въ сильно измѣненномъ видѣ, утративъ почти всѣ свои украшенія, драгоцѣнности. Украшенія эти состояли въ богатой мозаической росписи, знакомство съ которой можемъ имѣть лишь благодаря описанію ея, сохра-

1) Agnellus, Liber Pontificalis ecclesiae Ravennatis, vita S. Ioannis XX (Monumenta Germaniae historica, SS. RR. Langob. et Ital., p. 307.

нившемуся въ одной рукописи XIV в., однако основанному на древнихъ источникахъ [1]), и у равеннскаго историка XVI в., Рубея [2]).

Мозаикой былъ украшенъ и полъ церкви; сюжетомъ для нея, какъ и для мозаики стѣнъ и абсиды, — кромѣ другихъ изображеній,— послужило чудо спасенія императорской фамиліи [3]).

Въ одной изъ боковыхъ сакристій, находящейся слѣва отъ главнаго алтаря и называющейся ораторіей св. Варѳоломея, сохраняются фрагменты мозаики, открытые въ полу церкви въ 1763 г. Эти мозаики, какъ укажемъ далѣе, не принадлежатъ времени основанія церкви, къ которому неправильно относили ихъ нѣкоторые археологи, а болѣе позднему. По своимъ изображеніямъ, какъ примѣръ замѣчательной росписи пола, въ нѣкоторыхъ деталяхъ не имѣющей себѣ подобной, эти мозаики заслуживаютъ подробнаго описанія.

Кромѣ того, нѣкоторыя изъ изображеній этихъ мозаикъ требуютъ спеціальнаго изслѣдованія. Въ археологической литературѣ, насколько извѣстно намъ, еще не имѣется ни изданія ихъ всѣхъ [4]), ни подробнаго описанія и изслѣдованія ихъ.

Принимая во вниманіе, что эти мозаики представляютъ одинъ изъ наиболѣе характерныхъ и замѣчательныхъ примѣровъ вліянія византійскаго искусства на средневѣковое искусство Италіи въ области декоративнаго украшенія церквей, и что нѣкоторыя изъ изображеній въ нихъ, по нашему мнѣнію, являются иллюстраціей событій, имѣющихъ отношеніе къ исторіи Византіи, мы и предлагаемъ далѣе въ видѣ опыта описаніе и разборъ этихъ мозаикъ.

Наряду съ литературными указаніями па существованіе въ церквахъ половыхъ мозаикъ съ IV в. имѣемъ рядъ памятниковъ этихъ мозаикъ, идущихъ съ IV в., какъ напр. Джемилахъ, Карѳагена, Тира, Кремоны [5]). Со времени иконоборства, т. е. съ VII—VIII в., когда византійское искусство широко и сильно развивается въ монументальной живописи и переходитъ въ среду орнаментальную и деко-

---

1) Muratori, SS. Rer. Italic., vol. I, p. II, p. 568.

2) Rubei, Historiarum Ravennatum.... Venetiis, 1589, стр. 101.

3) «alii strata calce tessellis marmoreis pavimenta componunt... Videris in pavimentum undosum undique mare, quod quasi ventis agitatum procellosae tempestatis girat imaginem» (Murator., ibid.; Ср. о томъ, что полъ былъ мозаичный у Рубея, ibid.).

4) Aus'm Weerth въ сочиненіи, Der Mosaikboden in S. Gereon zu Coeln.... nebst den damit verwandten Mosaikboeden Italiens; Bonn 1873, на таб. XII воспроизвелъ 6 частей этой мозаики (Ср. у Мюнца, Etudes iconographiques et archéologiques, Paris, 1887, стр. 39).

5) См. Holtzinger, Die altchristliche Architektur. Stuttgart, 1889, стр. 179.

ративную, и половая мозаика въ отношеніи богатства украшеній, разнообразія сюжетовъ — получаетъ большое развитіе. Въ составъ ея сюжетовъ, какъ орнамента, входятъ въ обиліи восточные элементы. «Иконоборство, говоритъ проф. Н. П. Кондаковъ, было внесеніемъ варварства въ жизнь Восточной Римской Имперіи, и ея новому населенію ближе и болѣе по сердцу приходилась причудливая орнаментика и пышная декорація временъ Ѳеофила (829—842), чѣмъ изящные образы эпохи Юстиніана. Жилыя комнаты, молельни, полы церквей покрывались живописью, веселящей взоры: изображеженіями пейзажей, садовъ, деревьевъ, охоты и пр., исполненными мозаикой, или разноцвѣтными мраморами»[1]).

Такое развитіе декораціи и орнаментаціи въ византійскомъ искусствѣ нашло себѣ отраженіе и въ памятникахъ искусства другихъ народовъ, находившихся подъ вліяніемъ его, какъ напр. Италіи, Франціи, Германіи, Россіи, Кавказа. Какъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ этого вліянія въ памятникахъ Италіи и представляетъ мозаика пола церкви Ев. Іоанна, относящаяся, какъ укажемъ ниже, къ XIII вѣку.

По своимъ сюжетамъ, какъ увидимъ, она подходитъ вполнѣ къ половымъ мозаикамъ этого времени. Нужно замѣтить, что въ исторіи росписи половой мозаики въ отношеніи сюжетовъ отмѣчаются два главныхъ періода[2]): 1) IV—VI в., когда сюжетами ея служатъ изображенія зоологическія, ботаническія, сценъ охоты (мозаики Карѳагена, Тира, Джемилахи, Кремонскаго собора); 2) VII—XIII в., когда фантастическій элементъ въ изображеніяхъ начинаетъ постепенно преобладать и изображенія становятся какъ бы иллюстраціей бестіаріевъ, или физіологовъ, что вполнѣ отвѣчаетъ указанному выше составу византійскаго орнамента, проникнутаго элементами восточнаго характера[3]).

---

1) Византійскія церкви и памятники Константинополя, стр. 53, 58. См. также стр. 60.

2) См. разборъ иконографіи половой мозаики въ спеціальномъ изслѣдованіи Мюнца «Les pavements historics» въ его «Etudes iconographiques archéologiques». Paris. 1887.

3) Достаточно указать для характеристики этого орнамента сюжеты орнаментаціи въ византійскихъ миніатюрахъ нѣкоторыхъ рукописей, какъ напр. Григорія Богосл., № 339 Синайск. Библ. XI—XII в. (Кондаковъ, Путешествіе на Синай, стр. 152), Григорія Богосл. Париж. Нац. Библ. № 550, XIII в. и др. (Кондаковъ, Исторія виз. иск. стр. 200) и др., гдѣ имѣемъ волка, лису со своими проказами, собакъ, оленей, козловъ, кентавра съ лютней въ рукахъ; до пояса женщину съ распущенными волосами, до пояса барса и т. п.

Въ силу естественнаго уваженія къ священнымъ изображеніямъ, которыхъ не должны были касаться человѣческія ноги, половая мозаика должна была имѣть свою специальную роспись, матеріалы для которой, какъ показываютъ факты, не мало дали физіологи, особенно въ періодъ VII—XIII, т. е. въ тотъ, къ которому относятся и мозаики церкви Іоанна Ев. Въ самомъ дѣлѣ среди разнообразнаго характера изображеній въ половыхъ мозаикахъ первенствующую роль занимаютъ изображенія различнаго рода животныхъ, какъ реальныхъ, такъ и фантастическихъ, свойства которыхъ вмѣстѣ съ символическимъ толкованіемъ ихъ описаны въ физіологахъ и въ другихъ литературныхъ памятникахъ, заимствовавшихъ изъ того же источника, т. е. физіологовъ.

Мозаики церкви Іоанна Евангелиста относятся, какъ выше было сказано, не ко времени основанія церкви, а къ болѣе позднему времени — именно XIII вѣку. На это указываетъ самый характеръ работы мозаикъ; это подтверждается и свидѣтельствомъ очевидца, присутствовавшаго при открытіи мозаикъ, извѣстнаго равеннскаго археолога-юриста, Antonio Zirardini. Въ рукописномъ своемъ сочиненіи, De antiquis sacris aedificiis, хранящемся въ равеннской Библіотекѣ di Classe, онъ говоритъ, что мозаика сопровождалась надписями: «Dominus Abbas Guilielmus hoc op.»... и «Anno millesimo ducentesimo tertio decimo»[1]). Часть этой надписи читается и въ дошедшихъ фрагментахъ: ✝ DNS CV. Слѣдовательно, несомнѣнно, что мозаика должна принадлежать XIII вѣку.

Дошедшіе до насъ фрагменты этой мозаики можно раздѣлить на двѣ группы: 1) съ изображеніями различнаго рода животныхъ и можетъ быть олицетвореній, 2) съ изображеніями какого-то историческаго событія.

Къ первой группѣ принадлежатъ: а) агнецъ въ зеленомъ кресчатомъ нимбѣ, съ краснымъ крестомъ въ кругѣ, составлявшій, можетъ быть, центръ мозаики; б) двѣ женщины, стоящія другъ противъ друга, поддерживаютъ вмѣстѣ правою рукою грибъ, или цвѣтокъ — изображеніе какъ бы изъ календаря; в) женская фигура, держащая въ одной

---

1) Ricci, Guida di Ravenna, Ravenna 1884, стр. 6—7, примѣч. 4, гдѣ приведенъ текстъ изъ рукописи Зирардини. Со словъ его повторяетъ объ этой мозаикѣ и Pavirani, Memorie storiche di Galla Placidia, p. 233—234 и Tarlazzi, Memorie sacre, p. 250. По ихъ словамъ, половая мозаика времени Галлы Плацидіи — lastricato di marmo — или погибла въ 1213 году, т. е. во время устройства дошедшей до насъ мозаики, или же скрывается на значительной глубинѣ въ полу церкви.

рукѣ цвѣтокъ, или вѣтвь, а въ другой сосудъ, — можетъ быть, олицетвореніе апрѣля; г) часть колоссальной фигуры въ медальонѣ, съ надписью: ARIA...IE[1]), д) два пѣтуха, несущіе привязанную къ шесту, что на ихъ шеѣ, повидимому, ящерицу; е) гусь;) ж) двѣ рыбы; з) олень; и) волкъ; к) корова; л) сфинксъ; м) грифъ; н) можетъ быть, краббъ (?), о) сирена; п) единорогъ; р) пантера.

Ко второй группѣ принадлежатъ: 1) двѣ человѣческихъ фигуры по сторонамъ башни, 2—5) четыре корабля; одинъ предъ стѣною башни въ гавани; около другого, какъ полагаютъ, или голова дующаго въ трубу вѣтра, или воина, подающаго сигналъ къ нападенію[2]); 6) башня въ три этажа; двѣ фигуры встрѣчаютъ, повидимому, ангела, или воина въ одеждѣ, имѣющей видъ чешуи (нимбъ и крылья); надпись надъ ними: TA DRAAD CEDEM; 7) башня, два воина въ шишакахъ, третій воинъ заноситъ мечъ надъ вельможей въ діадемѣ; его руки связаны; надпись: COSTATINOPOLIM; 8) три фигуры въ нимбахъ и со щитами, въ чешуйчатой одеждѣ; 9) варвары (?), пускающіе дротики; 10) восточный владыка въ тіарѣ, сидя на тронѣ, со свиткомъ въ одной рукѣ и, дѣлая жестъ бесѣды другой, какъ бы принимаетъ свитокъ отъ человѣка, стоящаго предъ нимъ, очевидно, вѣстника.

Если сравнить большинство изъ перечисленныхъ сюжетовъ половой мозаики церкви Іоанна Евангелиста съ сюжетами обычными въ росписи половъ[3]), то можно видѣть, какъ упоминали уже, что они входятъ въ кругъ послѣднихъ; эти сюжеты — символико-физіологическіе; исключеніемъ являются лишь сюжеты чисто историческіе: обыкновенно въ роспись входятъ сюжеты не чисто историческіе, а историко-легендарные[4]).

Что же касается физіологическихъ животныхъ, то нѣкоторыя изъ нихъ, какъ двѣ рыбы, корова, можетъ быть, входили въ составъ зодіака, если таковой изображенъ былъ здѣсь.

Относительно другихъ изображеній можно сдѣлать поясненіе и указать на отношеніе ихъ къ физіологу.

Пѣтухи. Изображеніе пѣтуховъ является однимъ изъ довольно

---

1) Этой фигуры, а равно деревца, цвѣтковъ нѣтъ въ издаваемыхъ снимкахъ по фотографіямъ Риччи, № 307, 310, 311.

2) Allgem. Encyclop. von Ersch u. Gruber, I, Th. 84, стр. 370.

3) Перечень этихъ сюжетовъ сдѣланъ Мюнцемъ въ указанной ранѣе статьѣ.

4) Кромѣ портретовъ воиновъ, епископовъ, аббатовъ, Александръ Великій, везомый грифонами, Артуръ, Асканій, Роландъ и др. (См. у Мюнца; ibid. стр. 25—26).

Въ силу естественнаго уваженія къ священнымъ изображеніямъ, которыхъ не должны были касаться человѣческія ноги, половая мозаика должна была имѣть свою спеціальную роспись, матеріалы для которой, какъ показываютъ факты, не мало дали физіологи, особенно въ періодъ VII—XIII, т. е. въ тотъ, къ которому относятся и мозаики церкви Іоанна Ев. Въ самомъ дѣлѣ среди разнообразнаго характера изображеній въ половыхъ мозаикахъ первенствующую роль занимаютъ изображенія различнаго рода животныхъ, какъ реальныхъ, такъ и фантастическихъ, свойства которыхъ вмѣстѣ съ символическимъ толкованіемъ ихъ описаны въ физіологахъ и въ другихъ литературныхъ памятникахъ, заимствовавшихъ изъ того же источника, т. е. физіологовъ.

Мозаики церкви Іоанна Евангелиста относятся, какъ выше было сказано, не ко времени основанія церкви, а къ болѣе позднему времени — именно XIII вѣку. На это указываетъ самый характеръ работы мозаикъ; это подтверждается и свидѣтельствомъ очевидца, присутствовавшаго при открытіи мозаикъ, извѣстнаго равеннскаго археолога-юриста, Antonio Zirardini. Въ рукописномъ своемъ сочиненіи, De antiquis sacris aedificiis, хранящемся въ равеннской Библіотекѣ di Classe, онъ говоритъ, что мозаика сопровождалась надписями: «Dominus Abbas Guilielmus hoc op.»... и «Anno millesimo ducentesimo tertio decimo»[1]). Часть этой надписи читается и въ дошедшихъ фрагментахъ: ✛ DNS CV. Слѣдовательно, несомнѣнно, что мозаика должна принадлежать XIII вѣку.

Дошедшіе до насъ фрагменты этой мозаики можно раздѣлить на двѣ группы: 1) съ изображеніями различнаго рода животныхъ и можетъ быть олицетвореній, 2) съ изображеніями какого-то историческаго событія.

Къ первой группѣ принадлежатъ: а) агнецъ въ зеленомъ кресчатомъ нимбѣ, съ краснымъ крестомъ въ кругѣ, составлявшій, можетъ быть, центръ мозаики; б) двѣ женщины, стоящія другъ противъ друга, поддерживаютъ вмѣстѣ правою рукою грибъ, или цвѣтокъ — изображеніе какъ бы изъ календаря; в) женская фигура, держащая въ одной

1) Ricci, Guida di Ravenna, Ravenna 1884, стр. 6—7, примѣч. 4, гдѣ приведенъ текстъ изъ рукописи Зирардини. Со словъ его повторяетъ объ этой мозаикѣ и Pavirani, Memorie storiche di Galla Placidia, p. 233—234 и Tarlazzi, Memorie sacre, p. 250. По ихъ словамъ, половая мозаика времени Галлы Плацидіи — lastricato di marmo — или погибла въ 1213 году, т. е. во время устройства дошедшей до насъ мозаики, или же скрывается на значительной глубинѣ въ полу церкви.

рукѣ цвѣтокъ, или вѣтвь, а въ другой сосудъ, — можетъ быть, олицетвореніе апрѣля; г) часть колоссальной фигуры въ медальонѣ, съ надписью: ARIA...IE[1]), д) два пѣтуха, несущіе привязанную къ шесту, что на ихъ шеѣ, повидимому, ящерицу; е) гусь;) ж) двѣ рыбы; з) олень; и) волкъ; к) корова; л) сфинксъ; м) грифъ; н) можетъ быть, краббъ (?), о) сирена; п) единорогъ; р) пантера.

Ко второй группѣ принадлежатъ: 1) двѣ человѣческихъ фигуры по сторонамъ башни, 2—5) четыре корабля; одинъ предъ стѣною башни въ гавани; около другого, какъ полагаютъ, или голова дующаго въ трубу вѣтра, или воина, подающаго сигналъ къ нападенію[2]); 6) башня въ три этажа; двѣ фигуры встрѣчаютъ, повидимому, ангела, или воина въ одеждѣ, имѣющей видъ чешуи (нимбъ и крылья); надпись надъ ними: TA DRAAD CEDEM; 7) башня, два воина въ шишакахъ, третій воинъ заноситъ мечъ надъ вельможей въ діадемѣ; его руки связаны; надпись: COSTATINOPOLIM; 8) три фигуры въ нимбахъ и со щитами, въ чешуйчатой одеждѣ; 9) варвары (?), пускающіе дротики; 10) восточный владыка въ тіарѣ, сидя на тронѣ, со свиткомъ въ одной рукѣ и, дѣлая жестъ бесѣды другой, какъ бы принимаетъ свитокъ отъ человѣка, стоящаго предъ нимъ, очевидно, вѣстника.

Если сравнить большинство изъ перечисленныхъ сюжетовъ половой мозаики церкви Іоанна Евангелиста съ сюжетами обычными въ росписи половъ[3]), то можно видѣть, какъ упоминали уже, что они входятъ въ кругъ послѣднихъ; эти сюжеты — символико-физіологическіе; исключеніемъ являются лишь сюжеты чисто историческіе: обыкновенно въ роспись входятъ сюжеты не чисто историческіе, а историко-легендарные[4]).

Что же касается физіологическихъ животныхъ, то нѣкоторыя изъ нихъ, какъ двѣ рыбы, корова, можетъ быть, входили въ составъ зодіака, если таковой изображенъ былъ здѣсь.

Относительно другихъ изображеній можно сдѣлать поясненіе и указать на отношеніе ихъ къ физіологу.

Пѣтухи. Изображеніе пѣтуховъ является однимъ изъ довольно

---

1) Этой фигуры, а равно деревца, цвѣтковъ нѣтъ въ издаваемыхъ снимкахъ по фотографіямъ Риччи, № 307, 310, 311.

2) Allgem. Encyclop. von Ersch u. Gruber, I, Th. 84, стр. 370.

3) Перечень этихъ сюжетовъ сдѣланъ Мюнцемъ въ указанной ранѣе статьѣ.

4) Кромѣ портретовъ воиновъ, епископовъ, аббатовъ, Александръ Великій, везомый грифонами, Артуръ, Асканій, Роландъ и др. (См. у Мюнца; ibid. стр. 25—26).

обычныхъ мотивовъ въ византійскомъ орнаментѣ XI—XII в., въ качествѣ украшенія заставокъ, каноновъ; они даются или отдѣльно, или одинъ противъ другаго[1]), или же въ соединеніи съ лисою[2]), однимъ изъ популярнѣйшихъ звѣрей въ народныхъ сказкахъ, басняхъ и вообще разсказахъ животнаго эпоса: въ послѣднихъ пѣтуху приходится часто имѣть дѣло съ нею.

И въ половой мозаикѣ встрѣчаемся съ изображеніями пѣтуховъ, при томъ въ композиціи, имѣющей для насъ по отношенію къ изображеніямъ пола церкви Іоанна Евангелиста спеціальный интересъ. Такъ, въ половой мозаикѣ церкви св. Марка въ Венеціи, XI в.[3]) два пѣтуха представленные въ профиль, идя влѣво несутъ на палкѣ, что положена на ихъ шеи, лису[4]). Въ Верчельскомъ соборѣ еще въ концѣ XVII в. находилось въ половой мозаикѣ отъ 1040 года изображеніе «процессіи куръ, которыя сопровождаютъ погребальную колесницу съ лисой, во главѣ съ пѣтухомъ, несущимъ крестъ; надпись гласила: ad ridendum». Сходный съ сюжетомъ мозаики церкви св. Марка въ Венеціи находился въ церкви S. Maria e Donato (въ Венеціи же)[5]).

Очевидно, что всѣ эти изображенія имѣютъ своимъ источникомъ бестіаріи, или вообще разсказы, заимствованные изъ нихъ и развитые на основаніи ихъ. Очевидно также, что въ нихъ же находится объясненіе и изображенію мозаики церкви Іоанна Евангелиста, гдѣ пѣтухи изображены одинъ противъ другого — несущими привязанное къ шесту, при посредствѣ веревки, какое-то животное, похожее на ящерицу (ближе опредѣлить животное — трудно). Быть можетъ, въ изображеніи пола церкви св. Марка въ Венеціи, а по аналогіи и въ изображеніи церкви Іоанна Евангелиста, съ замѣной животнаго — можно видѣть погребеніе пѣтухами лисы, прикинувшейся мертвой[6])—

1) Въ грузинскомъ орнаментѣ X—XII в. Стасовъ, Славянскій и восточный орнаментъ, CXLIX, 26; въ армянскомъ орнаментѣ XIV в.; Ib. CXLV; 15; CXLVI, 2, 3.

2) Въ Минеѣ XI в. Дохіарскаго мон. на Аоонѣ, XI в. въ качествѣ украшенія канона; одинъ пѣтухъ сидитъ на хвостѣ лисы; другой нападаетъ на нее, согнувшуюся. Стасовъ; ib., CXXIV, 24.

3) См. изд. Онганья «La Basilica di S. Marco». P. III, Il Pavimento, стр. 229.

4) Ibid., Il Pavimento, стр. 232; tav. IX, II. Въ той же церкви два пѣтуха изображены были по сторонамъ сосуда; мозаика была еще въ прошедшемъ вѣкѣ, но теперь погибла.

5) Il. Pavimento, стр. 232.

6) Физіологи отмѣчаютъ хитрость и лукавство лисы; ея притворство мертвой, когда не находитъ пищи. Уподобленіе Ирода лисѣ, а также и дьявола. См. Pitra, Spicilegium Solesmense, t. III, Physiologus XVII.

сюжетъ весьма распространенный въ барельефахъ церквей Франціи, Германіи, Испаніи[1]).

Олень. Олень — любимый образъ первыхъ учителей церкви, какъ символъ Христа (Ambros., Di interpell. David. c. 1), Апостоловъ (Hieron. In Isaiam, c. XXXIV), души христіанской[2]). Въ качествѣ души христіанской, устремляющейся къ ученію Христа (Пс. XLI, 3)—олень изображается въ древне-христіанскихъ памятникахъ и византійскихъ стоящимъ у источника воднаго, напр. на свинцовомъ цилиндрическомъ сосудѣ изъ Карѳагена IV—V в.[3]), въ Неаполитанскомъ Баптистеріѣ[4]), въ усыпальницѣ Галлы Плацидіи, въ Равеннѣ, въ иллюстраціяхъ Псалтыри къ указанному Псалму[5]) и др.

Уже у первыхъ отцовъ церкви въ объясненіи различныхъ мѣстъ св. писанія или по поводу указанія на оленя, какъ праведника, встрѣчаемъ сказанія о немъ — на основаніи физіолога (у Оригена къ Cant. 2, 9). Поэтому весьма естественно, что олень среди другихъ животныхъ, описываемыхъ въ физіологахъ, могъ являться наиболѣе популярнымъ, и изображеніе его какъ иллюстрація физіолога, должно было найти мѣсто въ иконографіи половой мозаики, какъ это видимъ въ церкви Іоанна Евангелиста въ Равеннѣ, въ церкви св. Марка въ Венеціи[6]), соб. Отранто[7]) и др.

Любопытно, что въ физіологи, очевидно, подъ вліяніемъ Пс. 41, 2 попалъ разсказъ объ оленѣ, испытывающемъ сильную жажду отъ вдохнутаго въ себя запаха змѣинаго гнѣзда: «Потомъ бѣжитъ, разсказывается въ физіологѣ, искать воды напиться, и если не найдетъ, умираетъ; яко же глаголетъ Давидъ: имъ же образомъ желаетъ олень на источники водные» и т. д.[8]).

И въ мозаикѣ пола церкви св. Іоанна Евангелиста олень изображенъ съ наклоненной къ землѣ головой, именно какъ бы ищущимъ, по физіологу «воды напиться».

---

1) Въ Ле-Фауэ, въ Таррагонѣ, въ Буржѣ, въ Oviedo, Страсбургѣ. См. Meissner, Die bildlichen Darstellungen des Reineke Fuchs im Mittelalter въ Archiv f. d. Studium d. neuen Sprachen u. Literaturen; LXV, 209, 214; LVI, 274, 276, 269; LXV, 224. См. у Колмачевскаго, Животный эпосъ на Западѣ и у Славянъ, Казань 1882, стр. 24.

2) Martigny, Dictionnaire des antiquités chrétiennes art. Cerf.

3) Garrucci, Storia VI, 428, 1.

4) Garrucci, IV, 82—83.

5) Кондаковъ, Исторія византійскаго искусства, стр. 125.

6) Il Pavimento, 43, 10.

7) Müntz; ib., p. 40.

8) Буслаевъ, Русскіе духовные стихи въ книгѣ «Народная поэзія». СПБ. 1887, стр. 465.

Сфинксъ — фантастическое животное, образъ котораго перешелъ въ античный міръ съ Востока, изображенъ въ мозаикѣ съ женской головой, крыльями птицы, двумя ногами и хвостомъ какого-то животнаго; крылья того же геральдическаго характера, какъ обыкновенно у грифоновъ. Это изображеніе сфинкса имѣетъ сходство съ изображеніями сфинксовъ на барельефахъ наружныхъ стѣнъ стараго собора въ Аѳинахъ.

Грифонъ. Изображеніе грифона въ качествѣ украшенія половой мозаики находимъ во многихъ церквахъ, какъ св. Марка въ Венеціи[1]), соб. Пезаро, Отранто, Бриндизи, Бенедикта Полиронскаго[2]) и др.

Изображеніе грифона, фантастическаго животнаго, подобнаго льву но съ орлиной головой и крыльями, перешедшаго въ античный міръ съ Востока, въ средніе вѣка, особенно IX—XIII, было весьма распространено, какъ въ западномъ, такъ и восточномъ искусствѣ. Оно является однимъ изъ любимыхъ мотивовъ орнамента, какъ въ иллюстраціи рукописей, такъ въ украшеніи барельефовъ, капителей колоннъ, фасадовъ церквей и т. п. Укажемъ лишь нѣсколько примѣровъ: рукопись Ев. Синайской Библіотеки, № 213, 967 года[3]), прилѣпы Дмитріев. соб. во Владимірѣ[4]); въ южно-русскомъ орнаментѣ XI в.[5]); на серьгахъ XI—XII в., открытыхъ въ 1824 г. въ Кіевѣ, русскаго происхожденія; фрески лѣстницъ Кіево Софійскаго собора[6]), и др.

Въ этихъ многочисленныхъ изображеніяхъ грифонъ представляется то съ головой льва, или другого какого животнаго, то головой птицы, съ туловищемъ, то птицы, то животнаго, крылья въ большинствѣ случаяхъ приподняты вверхъ, хвостъ иногда имѣетъ завитки, тѣло же покрыто геральдическими линіями, или треугольниками и жемчужными точками.

Въ равеннской мозаикѣ у грифона характерная птичья голова, туловище животнаго; крылья приподняты; приподнятый хвостъ загнутъ крючкомъ; на задней ногѣ углубленія, какъ бы указывающія на подражаніе выполненію въ металлѣ, гдѣ подобныя углубленія заполняются эмалью.

---

1) Il Pavimento, pl. 42, fig. 2 и 6.
2) Müntz, ib. 38—41.
3) Кондаковъ, Путешествіе на Синай, стр. 128.
4) Рихтеръ, Памятники древняго русскаго зодчества, М. 1850—56; табл. VI.
5) Стасовъ, Восточный и Славянскій орнаментъ, 42, 16.
6) Древности Россійскаго Государства. Кіево-Софійскій Соборъ. Табл. 55, рис. 9, 5.

Сирена. Въ качествѣ украшенія половой мозаики изображеніе сирены встрѣчается весьма часто: въ церкви Пьеве Терцани, въ соб. Пезаро, въ S. Savino въ Пьяченцѣ[1]), въ церкви св. Марка въ Венеціи[2]), въ S. Denis[3]) и др. Такимъ образомъ мозаика равеннская и въ данномъ случаѣ, какъ въ другихъ, стоитъ наряду съ другими однородными памятниками. Но изображеніе самой сирены требуетъ поясненія.

Какъ извѣстно, образъ сирены перешелъ въ античный міръ съ Востока, гдѣ она изображается подъ видомъ птицы съ женской головой[4]).

Тѣ представленія, которыя сложились въ античномъ мірѣ о сиренѣ, были переданы и въ христіанскій, измѣнившись лишь въ отношеніи увеличенія тѣхъ или иныхъ деталей, характеризующихъ ея природу. Въ литературныхъ источникахъ она характеризуется различно: по одной версіи (восточной) сирена представляется въ видѣ полуптицы, полуженщины (или мужчины)[5]), по другой — въ видѣ *полурыбы*, *полужены*[6]). Любопытно, что сирена въ византійскомъ искусствѣ (съ эпохи вторичнаго процвѣтанія), а равно въ древне-русскомъ, грузинскомъ, армянскомъ и др., находившихся подъ вліяніемъ его, изображается именно согласно характеристикѣ ея въ литературной версіи перваго рода. Наиболѣе обычный видъ ея здѣсь — это туловище птицы съ женской головой, безъ рукъ[7]) или съ руками, и съ музыкальными инструментами въ нихъ: арфой или киоарой[8]); въ царской коронѣ

1) Müntz, ib. 37, 39, 28.

2) Il Pavimento, pl. 42. fig. 8.

3) Lenoir, Monum. de la France, Paris. 1840, p. 36, pl. XXVIII. Piper, Mythologie und Symbolik der christlichen Kunst, I, 1, 388.

4) Perrot et Chipiez, Histoire de l'art dans l'antiquité I. p. 58, fig. 38; III, p. 599; p. 277, fig. 208.

Baumeister, Denkmäler des klassischen Alterthums, fig. 1700, 1702, 1703, 1704.

5) Кириллъ Александрійскій, Исидоръ (VI в.); греческій физіологъ: «видъ ихъ на половину женскій, на половину птичій» (Pitra, Spicilegium Solesmense, III, p. 350, XV).

6) Anonym., De monstr. et belluis. P. I, c. 8.

Berger de Xivrey, въ Tradit. tératol. Paris 1836. p. 25 (Piper, Mythologie und Symbolik der altchristlichen Kunst. Weimar, 1847, I, 381—3). Также по Алану (Alan. ab. Insul. De planet. nat. Opp. p. 285, col. 2). Piper. ib.

7) Рукоп. Григор. Богосл. Парижск. Нац. Биб. № 550; на диптихѣ Императ. Эрмитажа XI в., № 76; въ рукоп. Александра Макед. греческ. церкви св. Георгія въ Венеціи, XIV в., л. 128 об.; въ Армянск. Библ. 1648 г. Библ. мон. св. Лазаря близъ Венеціи и др.

8) Въ Смирнскомъ физіологѣ XII, л. 20; въ кодексѣ Іова, Ватик. Библ., № 1231, XIII в. и Іова, № 751.

или шапочкѣ[1]), чаще всего золотого цвѣта. Къ птичьей формѣ дрозда, страуса, курицы — сирена присоединяетъ формы павлина; получаетъ въ нѣкоторыхъ памятникахъ павлиній хвостъ[2]). Эта форма сирены, какъ наиболѣе красивая, въ связи съ отголоскомъ античнаго воззрѣнія на нее, какъ на птицу, имѣющую отношеніе къ погребальному культу, можетъ быть, и послужила основаніемъ для представленія ея, какъ райской птицы.

Въ памятникахъ западнаго искусства сирена представляется разнообразно: и въ видѣ женщины съ птичьимъ хвостомъ[3]), и въ видѣ женщины съ рыбьимъ хвостомъ — съ различными аттрибутами.

Въ равеннской мозаикѣ сирена изображена именно подъ видомъ женщины съ двумя рыбьими хвостами, которые держитъ обѣими руками. Сходныя изображенія ея находимъ на стѣнѣ церкви Schottenkloster въ Регенсбургѣ XIII в., въ скульптурахъ X в. мон. въ Цюрихѣ, на колоннахъ въ церкви Couvigny[4]), въ рукописи XIV в. Francisci Asculari Лаврен. Библ. во Флоренціи (Plut. 40, cod. 52, л. 43 об.) и др.

Въ толкованіяхъ физіологовъ сирены уподобляются людямъ, дѣйствующимъ двояко, кажущимся праведными, а на самомъ дѣлѣ далекими отъ этого и т. п. [5]).

Единорогъ. Изображеніе единорога въ половой мозаикѣ церкви Іоанна Евангелиста — не единственный примѣръ; его находимъ и въ другихъ церквахъ, какъ напр. въ церкви S. Savino въ Пьяченцѣ, въ Пезарскомъ соборѣ[6]), а также въ орнаментахъ IX—XIII в. византійскаго искусства[7]).

Древнѣйшія извѣстія о единорогѣ, какъ извѣстно, находятся въ Библіи. Проф. Усовъ[8]), опредѣляя это животное, по характеристикѣ его здѣсь, полагаетъ, что это — каффрскій быкъ.

Описанія единорога же у Ктезія, Аристотеля, Плинія, по мнѣнію

---

1) На эмаляхъ въ коллекціи Звенигородскаго; въ Арм. Ев. 1254 г., № 1374 Библ. мон. св. Лазаря въ Венеціи; въ той же Библ. армян. рукопис. Ев. 1331 г., № 816; Ев. 1428 г., № 942; Лит. 1444 г. № 634 и др.

2) На шкатулкѣ изъ слоновой кости въ Равеннской Библ., XI—XII в.; на эмали изъ коллекціи Звенигородскаго.

3) Въ Hortus deliciarum (XII в.), на эмалированныхъ чашахъ XIII в. Халберштадскаго соб. Piper, Mythologie und Symbolik, I, 1, 387.

4) Piper, Ib., стр. 389, 388.

5) См. у Пипера, стр. 383.

6) Müntz, ib. 38—39.

7) Напр. въ Синайск. рукоп. христіанской топографіи Космы Индикоплова № 1186 X—XI в. (Кондаковъ, Путешествіе на Синай, стр. 139).

8) Единороги, Актовая рѣчь, Изд. Имп. Московск. Унив., стр. 7.

того же ученаго, разумѣютъ индійскаго носорога. Различныя описанія единорога, подобныя указаннымъ и легли, очевидно, въ основу сказаній о немъ въ христіанизированныхъ физіологахъ; но въ послѣднихъ—единорогъ, по словамъ Усова [1]), уменьшился въ ростѣ; пересталъ быть копытнымъ, совершенно утратилъ опредѣленную наружность, за исключеніемъ рога среди лба.

Такимъ образомъ напр. въ физіологѣ, изданномъ Питрой онъ описывается такъ: «физіологъ насъ учитъ, что это маленькое животное подобно *козленку*; но будучи очень смѣлымъ и вооруженнымъ однимъ рогомъ на челѣ, не боится преслѣдованія охотника. Говорятъ, что сажаютъ предъ этимъ животнымъ дѣву; животное бросается въ ея лоно, и дѣва согрѣваетъ его и ведетъ во дворецъ царя». По уподобленію физіолога — единорогъ — это Христосъ, Дѣва — Богородица [2]).

Это сказаніе физіолога о единорогѣ, замѣтимъ между прочимъ, легло въ основу иллюстрацій къ Пс. CCI II, напр. въ Хлудовской IX в., Барберинской XI—XII (№ 217, стар., нов. III, 9) л. 154 и Британской (№ 19325) л. 123 об.; оно иллюстрировано также въ древнѣйшемъ греческ. Смирнскомъ физіологѣ (л. 74).

Изображеніе единорога во всѣхъ указанныхъ памятникахъ весьма разнообразно; чаще всего онъ приближается въ козлу, или антилопѣ, но также и къ лошади (въ позднихъ западныхъ памятникахъ) и къ другимъ животнымъ. Такъ, въ Хлудовской Псалтыри онъ представленъ въ видѣ фантастическаго леопарда съ высокимъ рогомъ [3]), въ одномъ физіологѣ XIII в. — онъ въ видѣ медвѣженка, въ другомъ XIV в. — въ видѣ небольшого оленя [4]) и т. д.

Въ равеннской мозаикѣ единорогъ данъ отдѣльнымъ изображеніемъ среди другихъ, описанныхъ выше, и по виду ближе всего, кажется, напоминаетъ *медвѣдя*, на лбу у котораго въ видѣ треугольника одинъ небольшой рогъ.

Пантера, изображенная въ мозаикѣ пола равеннской церкви находитъ себѣ объясненіе также въ физіологѣ, въ которомъ о ней говорится, что она испещрена, какъ одежда Іосифа [5]).

1) Ibid., стр. 23.

2) Мочульскій, Происхожденіе физіолога, Варшава, 1889, стр. 55. Pitra, Spic. Solesm. t. III, p. 355 (XXV).

3) Н. П. Кондаковъ, Миніатюры греческой рукописи Псалтыри IX в. изъ собранія А. М. Хлудова (Древности, Труды Моск. Арх. Общ., т. VII, 3, М. 1878, табл. XIII).

4) Усовъ, ib., стр. 23.

5) Мочульскій, ib., стр. 50.

Вторая группа мозаикъ пола церкви Іоанна Евангелиста представляетъ, какъ мы уже сказали, очевидно, какое-то историческое событіе. Опредѣлить, что именно за историческое событіе изображено въ мозаикѣ — довольно трудно, такъ какъ въ ней, за исключеніемъ одного слова въ надписи — *Constatinopolim*, нѣтъ ближайшихъ указаній на мѣсто, время и лицъ указаннаго событія.

Быть можетъ, эти мозаики иллюстрируютъ одно изъ событій времени Галлы Плацидіи. По смерти Гонорія управленіе Западной Имперіей перешло насильственнымъ образомъ въ руки Іоанна «primicerius» (главнаго секретаря). Посланный противъ него восточнымъ императоромъ флотъ былъ разсѣянъ бурею, а начальникъ его вмѣстѣ съ двумя галерами взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ равеннскую гавань. Одинъ пастухъ въ видѣ ангела провелъ кавалерію въ городъ, Равенна была взята, а Іоанну отрѣзали голову и руки[1]). Если это событіе дѣйствительно изображено въ мозаикѣ, то большая часть лицъ, данныхъ въ ней объясняется.

Но, высказывая приведенную догадку, мы все же не считаемъ, чтобы она была вполнѣ правильна, такъ какъ трудно предположить, чтобы сюжетомъ для мозаики XIII в. избиралось событіе, имѣвшее мѣсто въ V в. Поэтому, быть можетъ, будетъ болѣе правильнымъ предположить, что въ мозаикѣ изображены эпизоды изъ осады и взятія Константинополя крестоносцами четвертаго крестоваго похода, событія, въ которомъ, какъ извѣстно, принимала участіе венеціанская республика и другія мелкія итальянскія государства[2]). Это событіе имѣло мѣсто незадолго до выполненія мозаики и къ тому же въ періодъ, когда Равенна была главою особой республики, независимой отъ папы Иннокентія III; она, быть можетъ, принимала также участіе въ немъ. Какъ замѣчательное событіе времени и при томъ памятное по тѣмъ или инымъ обстоятельствамъ Равенцамъ — оно и могло послужить сюжетомъ для половой мозаики, исполнителемъ или заказчикомъ которой былъ упоминаемый въ надписи Abbas Guilielmus.

Если принять это предположеніе, то въ воинахъ, мечущихъ копья можно видѣть греческое войско, заключавшее въ себѣ между прочимъ и дружину Варяговъ[3]); въ воинахъ же, одѣтыхъ въ особый

1) Гиббонъ, Исторія упадка и разрушенія Римской Имперіи, перев. Невѣдомскаго, т. III, М. 1884, стр. 536.

2) Мишо, Исторія крестовыхъ походовъ, перев. съ франц. Бутовскаго ч. III, СПБ. 1835, кн. XI. См. также Гиббонъ, ibid., VI, 583—598.

3) Мишо; ib., 162.

сѣтчатый доспѣхъ, высокихъ, имѣющихъ нимбы — предводителей крестоносцевъ, которые, по словамъ Хоніата, были такъ высоки, какъ ихъ копья[1]); въ корабляхъ — флотъ крестоносцевъ; въ другихъ сценахъ — переговоры, и самое взятіе: изображеніе казни у городскихъ воротъ съ надписью *Costatinopolim*[2]).

Всѣ фрагменты описанныхъ мозаикъ несомнѣнно одного времени. Исполненіе ихъ весьма небрежное, грубой работы; фигуры почти во всѣхъ случаяхъ даны лишь въ видѣ очерковъ. Такимъ образомъ, если для большинства изображеній образцы нужно видѣть въ памятникахъ византійскаго искусства, то исполненіе ихъ нужно считамъ мѣстнымъ.

Отдѣльныя изображенія различныхъ животныхъ заключены въ описанныхъ мозаикахъ въ квадратныя рамочки, окруженныя византійскими волютами и вообще чисто византійскимъ орнаментомъ (вокругъ грифона, крабба, единорога, пантеры): въ видѣ тонкаго лиственнаго стебля, завивающагося въ спираль[3]).

Хотя описываемая мозаика не одноцвѣтная; но цвѣта ея колорита весьма блѣднаго и выборъ ихъ не большой.

---

1) Ib., 161.

2) Такимъ образомъ невозможно согласиться съ Риччи, что въ мозаикѣ представлены нѣкоторые факты третьяго крестоваго похода. Не указывая, какіе факты, онъ говоритъ: «Credo che sia provato dall' essersi quella esaurita pochi anni prima che il musaico fosse operato, e maggiormente dal l'aver proprio l'arcivescovo di Ravenna capitani gl'Italiani» (Atti e memorie della R. Deputazione di Storia Patria per le provincie di Romagna. III serie, vol. IV. Bologna. 1886, p. 42).

3) Ср. примѣры, данные у А. Павловскаго, Живопись Палатинской капеллы въ Палермо. СПБ. 1890, стр. 168.

Е. Рѣдинъ.

О Тайной Исторіи Прокопія.

(Продолженіе) [1].

Что касается первыхъ пяти главъ Тайной Исторіи, то онѣ представляютъ изъ себя настолько очевидное дополненіе къ Vandalica, второй книгѣ Persica, третьей книгѣ Gothica, наконецъ къ 10-й и слѣдующимъ главамъ второй книги Vandalica, что не нуждаются въ открытыхъ ссылкахъ для доказательства ихъ связи съ Исторіей Войнъ. Впрочемъ, этихъ ссылокъ тамъ достаточное число [2]). Переходя отъ Велисарія и Антонины къ Юстиніану и Θеодорѣ, авторъ Тайной Исторіи при удобномъ случаѣ не забываетъ сослаться на Исторію Войнъ. Всѣ эти ссылки выражены словами ἐν τοῖς ἔμπροσθεν λόγοις и относятся преимущественно къ Persica [3]). Формула ὥσπερ μοι εἴρηται ἔμπροσθεν означаетъ уже ссылку на предыдущія главы Тайной Исторіи [4]), хотя обыкновенно въ такихъ случаяхъ авторъ говоритъ просто: ὡς εἴρηται или ὡς ὑπεῖπον [5]). Начиная съ An. 111_{12} ссылки становятся менѣе ясными и формулы ихъ теряютъ прежнюю точность. Разсмотримъ каждую изъ нихъ въ отдѣльности. Разсказывая о разливѣ р. Скирта и о несчастіяхъ жителей г. Эдессы, авторъ ссылается на свое прежнее изложеніе этого факта въ обычной формулѣ ἐν τοῖς ἔμπροσθεν λόγοις. Мы видѣли, что эти слова постоянно означаютъ ссылку на Исторію Войнъ; но тамъ эпизода о разливѣ Скирта не находимъ, тогда какъ въ De Aedificiis таковой имѣется на лицо, и притомъ весьма подробный [6]). Естественно отсюда заключить,

---

1) См. Визант․ Врем. II, стр. 24 сл.

2) An. 12_{14} 13_{15} (14_{3} cf. Vand. I, 362) (15) 16_{11} $21_{6\cdot16}$ 23_{1} 30_{2} 36_{14} (37) 39_{8} $41_{4\cdot15}$ (42).

3) An. 45_{2} 47_{2} $73_{6\cdot13}$ 78_{10} 79_{4} $96_{10\cdot18}$ $105_{4\cdot13}$ 96_{18} ἐν τοῖς ἐγχωρίοις δεδιήγηται λόγοις. 109_{19} ἐν λόγοις εἴρηται τοῖς καθήκουσι. 41_{5} ἐπιτηδείοις.

4) An. 86_{19} cf. An. 72? 108_{1} ἤδη μοι ἔμπροσθεν δεδιήγηται cf. An. 35 sqq.

5) Напр. 105_{11} 143_{5}.

6) Aedif. II c. 7.

что авторъ Тайной Исторіи ссылается на «Постройки». Это мѣсто является единственнымъ доказательствомъ для тѣхъ изслѣдователей, которые считаютъ Тайную Исторію написанной позже «Построекъ». Такъ думаетъ Данъ и настаиваетъ, въ рецензіи на работу Haury, на значеніи даннаго мѣста, какъ неопровержимаго доказательства ложности новой даты [1]). Такого значенія за разбираемой ссылкой признать нельзя, потому что совершенно не ясно, имѣемъ ли мы дѣло съ ссылкой на «Постройки». Не говоря уже о доказательствахъ, которыми оправдывается новая дата Тайной Исторіи, формула ἐν τοῖς ἔμπροσθεν λόγοις во всѣхъ другихъ случаяхъ, кромѣ даннаго спорнаго, означаетъ ссылку на Исторію Войнъ. Тайная Исторія нигдѣ не содержитъ упоминанія или намека на сочиненіе «О постройкахъ», кромѣ этого спорнаго мѣста, даже въ prooemium, гдѣ съ полнымъ правомъ можно было бы ожидать, что авторъ объяснитъ читателю свое отношеніе къ хвалебному описанію построекъ Юстиніана, разъ онъ оправдывается по поводу Войнъ. Этотъ фактъ былъ замѣченъ еще Эргардтомъ, хотя тотъ не подозрѣвалъ о возможности новой даты. Чтобы объяснить затруднительную ссылку, Гори обратилъ вниманіе на то, что и въ Исторіи Войнъ есть нѣсколько страницъ объ Эдессѣ и объ исторіи этого города до вторженія Хозроя въ 542 г. [2]). Въ концѣ послѣдней изъ этихъ страницъ существуетъ несомнѣнная лакуна, отмѣченная издателями, какъ скрывающая подъ собою значительное количество текста. Гори считаетъ возможнымъ, что въ утраченномъ пассажѣ находилось и извѣстіе о гибельномъ для жителей разливѣ Скирта. Этотъ фактъ случился въ 523 году, о немъ говорятъ многіе источники [3]), и автору Persica онъ долженъ быть извѣстенъ. Привлеченное мѣсто Persica содержитъ апокрифическое сказаніе о посланіи Христа къ Авгарю, обѣщавшемъ, что Эдесса навсегда останется неприступной для враговъ. Прокопій замѣчаетъ, что Эдесса была подъ властью Персовъ, хотя благодаря измѣнѣ, а не силѣ оружія; затѣмъ слѣдуетъ лакуна. Текстъ возобновляется на полуфразѣ: Прокопій выражаетъ мнѣніе, что Христосъ не оставитъ вѣру Эдесцевъ не оправданной. Контекстъ не даетъ возможности судить, насколько возможно пред-

---

1) Berl. Wochenschr. für die class. Philologie, 1892, № 6: «Freilich aber widerlegt diese Thatsache alle die zum Theil recht hübsch erdachten Gründe für die Entstehung der Geheimgeschichte von den Bauwerken».

2) Pers. II, p. 209.

3) Malal. p. 418. Evagr. IV c. 8. Theoph. a. a. 6017. Ср. Aedif. l. c. p. 228_{22} ποτὲ и 229_{5} εὐθύς.

ложенное Haury объясненіе. Оно, повидимому, не можетъ быть доказано. Впрочемъ, достаточно ясно, что ссылка о разливѣ Скирта не можетъ имѣть такого значенія, какое ей присвоивается Даномъ, и не можетъ быть противополагаема ряду убѣдительныхъ доказательствъ, которыми подтверждается новая дата. Отсутствіе въ Тайной Исторіи упоминаній о «De aedificiis» и употребленная авторомъ формула ἐν τοῖς ἔμπροσθεν λόγοις требуютъ признанія того, что и въ данномъ мѣстѣ о разливѣ Скирта авторъ Тайной Исторіи ссылается на Persica. Продолжая наше изученіе, мы встрѣчаемъ на той же страницѣ ссылку на Gothica въ обычной формѣ «ἐν τοῖς ἔμπροσθεν λόγοις [1]), но въ слѣдующемъ случаѣ [2]) та же самая формула отсылаетъ къ разсказу о растратѣ собранныхъ Анастасіемъ сокровищъ [3]), хотя объ этомъ, повидимому, Прокопій остерегся говорить въ «Войнахъ»; и Алеманнъ, чтобы оправдать это извѣстіе, приводитъ такую цитату, что она вмѣсто того, чтобы подтвердить ссылку, заставляетъ усумниться, относится ли она именно къ «Войнамъ», и приходится отнести ее къ Тайной Исторіи [4]). Ссылка о Трибоніанѣ, въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, не ясна [5]). Ссылка о praefectus praetorio Фокѣ относится къ Persica [6]), и формула приложена точно. Но на стр. 136 ссылка должна относиться къ Тайной Исторіи [7]).

Изученіе ссылокъ позволяетъ сдѣлать слѣдующіе выводы. Вопервыхъ, содержаніе Исторіи Войнъ Прокопія было извѣстно автору Тайной Исторіи до послѣдняго факта. Однако это не можетъ считаться положительнымъ и полновѣснымъ доказательствомъ въ пользу принадлежности Тайной Исторіи Прокопію. Противники могутъ отвѣтить, что подражатель былъ искусенъ, и продолжать оспаривать подлинность Тайной Исторіи. Замѣтная во многихъ мѣстахъ близость самыхъ выраженій съ одинаковымъ правомъ можетъ быть сочтена за аргументъ въ ихъ пользу [8]). Объ этомъ уже была рѣчь выше. Поэтому, кажется, напрасно Тейфель и Данъ [9]) придаютъ явнымъ и

1) An. 111_{15}, cf. Goth. III, p. 398.
2) An. 113_{12}.
3) Vand. I, 350_4. Cf. Alem. ad An. p. 113. Дестунисъ ad Vand. l. c.
4) An. 53_{18}.
5) An. 117_{15}. Cf. An. 84_{18} или Pers. I, 129 (вѣроятнѣе).
6) An. 119_{16}. Pers. I, 123.
7) An. 136_{21}. Cf. An. 96—97.
8) Ср. Pers. I 119_{14} и An. 47_1. Pers. I, 123_4 и An. 47_3. Goth. III, 427 и An. 36. Goth. I, 15_{16} и An. 96_8. Goth. I, 12_{15}, ср. An. 96_{14} и др.
9) Dahn, 344 ff.

скрытымъ ссылкамъ значеніе доказательства: онѣ дѣлаютъ только болѣе вѣроятной принадлежность Тайной Исторіи Прокопію. Если же намъ возразятъ, что ссылки важны не сами по себѣ, какъ формальные признаки соотвѣтствія Тайной Исторіи и «Войнъ» въ ихъ содержаніи, но какъ указанія на тожество взглядовъ Прокопія и автора Тайной Исторіи; если представляется важнымъ, при какихъ условіяхъ ссылки встрѣчаются, если именно тожество этихъ условій въ Тайной Исторіи и въ безспорныхъ трудахъ Прокопія является доказательствомъ подлинности,—то на это можно отвѣтить, что при такомъ пониманіи аргумента о ссылкахъ онъ не является самостоятельнымъ. Въ такомъ случаѣ онъ сводится не къ формальному, но къ внутреннему тожеству личности автора Тайной Исторіи съ Прокопіемъ, и тѣмъ самымъ войдетъ въ составъ третьяго и главнаго аргумента о внутреннихъ признакахъ тожества личности. Другимъ выводомъ является отсутствіе ссылокъ на такъ называемую четвертую книгу «Готскихъ Войнъ» и на «Постройки», если не считать вышеуказанной сомнительной ссылки по поводу Скирта. Это объясняется гипотезой о новой датѣ и, въ свою очередь, служитъ для нея лишнимъ доказательствомъ. Въ-третьихъ, изученіе ссылокъ позволяетъ сдѣлать слѣдующее предположеніе. Къ концу Тайной Исторіи ссылки становятся рѣже; приблизительно съ 111 страницы онѣ дѣлаются менѣе точными. Для ссылокъ на ту же самую Тайную Исторію авторъ иногда употребляетъ формулу οἱ ἔμπροσθεν λόγοι, обычную и понятную для ссылокъ на прежнія сочиненія, т. е. на Исторію Войнъ. Это даетъ намъ поводъ къ предположенію, что послѣднія страницы были написаны позже. Обратимъ вниманіе на порядокъ изложенія Тайной Исторіи. Судя по prooemium, авторъ собирается разоблачить поступки Велисарія и его жены, а затѣмъ Юстиніана и Θеодоры. Посвященныя Велисарію и Антонинѣ первыя пять главъ нашего счета представляютъ отдѣльное цѣлое по содержанію и по порядку изложенія, являясь дополненіемъ къ Исторіи Войнъ. Дальнѣйшій планъ автора былъ слѣдующій: «я разскажу», говоритъ онъ, «что за люди были Юстиніанъ и Θеодора и какимъ способомъ они разстроили государство Римлянъ»[1]). Разсказъ объ Юстиніанѣ до его воцаренія заканчивается 8-ю главою, въ 9-й авторъ переходитъ къ Θеодорѣ. Изложивъ, кѣмъ была Θеодора въ своей прежней жизни и какъ она достигла трона, авторъ окончилъ

1) An. 42_{22}.

первую половину своего плана. Ему оставалось теперь изложить, «какимъ путемъ они разстроили государство Римлянъ», вступивъ на престолъ по смерти Юстина[1]). Авторъ снова возвращается къ Юстиніану и трактуетъ о немъ въ главахъ 11—14 нашего счета. Снова онъ возвращается къ Өеодорѣ и говоритъ о ея злодѣйствахъ въ 15—17 главахъ, обрывая свое изложеніе на разсказѣ объ Іоаннѣ Каппадокѣ, на чемъ заканчиваются и обѣ книги Persica. Первый планъ былъ выполненъ. Дальнѣйшее изложеніе Тайной Исторіи имѣетъ слѣдующій порядокъ. Мы увидимъ изъ послѣдующаго, что основными чертами представленія, которое сложилось у автора объ Юстиніанѣ, являются жестокость и корыстолюбіе. Сообразно тому, авторъ посвящаетъ 18-ю главу изображенію жестокости (ἀπανθρωπία) Юстиніана, т. е. описанію несчастій, обрушившихся на самыя личности его подданныхъ и всѣхъ людей вообще, благодаря его внѣшней и внутренней политикѣ, а также благодаря физическимъ бѣдствіямъ, которыя общественнымъ подозрѣніемъ связывались съ политикой правительства. Въ слѣдующей 19-й главѣ нашего счета авторъ переходитъ къ изображенію корыстолюбія Юстиніана, т. е. къ имущественнымъ бѣдствіямъ народа подъ его управленіемъ[2]). Чтобы справиться съ обширнымъ и разнороднымъ матерьяломъ, авторъ счелъ удобнымъ порядокъ изложенія по общественнымъ классамъ, которые одинъ за другимъ представляются пострадавшими отъ мѣропріятій правительства. Онъ начинаетъ съ сенаторскаго сословія, богатство котораго, по мнѣнію автора, перешло въ руки варваровъ (гл. 19). Далѣе авторъ предполагаетъ изложить «другіе способы грабежа подданныхъ», посредствомъ которыхъ Юстиніанъ «съумѣлъ понемногу ограбить имущества у всѣхъ». Подъ этимъ заглавіемъ намъ предлагаются извѣстія объ администраціи при Юстиніанѣ. Окончивъ эту рубрику о чиновникахъ (ἄρχοντες), авторъ переходитъ къ бѣдствіямъ землевладѣльцевъ[3]). Посвятивъ этому классу 23-ю главу, онъ въ томъ же порядкѣ изложенія переходитъ къ арміи (гл. 24), къ торговымъ классамъ (гл. 25), къ горожанамъ (гл. 26), къ низшимъ классамъ[4]) общества, оставляя подъ конецъ духовенство. Но вмѣсто того, чтобы говорить о духовенствѣ, авторъ нѣсколько измѣняетъ порядокъ

1) Cp. An. 72_8.
2) An. 112.
3) An. 128_{18}.
4) An 145_{10}.

изложенія и ставитъ своей задачей [1]) доказать, что Юстиніанъ не уважалъ ни Бога и духовенство (с. 27), ни законы (с. 28), былъ лживъ (с. 29), измѣнялъ своимъ приверженцамъ Венетамъ (р. 159—161) и не заботился о благѣ государства (с. 30 init.). Выполняя эту послѣднюю программу, намѣченную на 149 страницѣ, авторъ сообщаетъ подъ каждой рубрикой по нѣскольку фактовъ. Подъ конецъ онъ упоминаетъ «τινὸς αὐτοῦ τῶν γελοίων» [2]) и о нововведеніяхъ Θеодоры и Юстиніана въ придворной жизни и въ этикетѣ.

Возвращаясь къ отмѣченнымъ выше перемѣнамъ въ формулахъ ссылокъ, начиная съ 111 страницы, и сопоставляя съ ними фактъ присутствія новаго порядка изложенія съ 18-й главы, можемъ заключить, что съ главы 18-й начинается приписка къ первоначальному тексту Тайной Исторіи. Начало этой приписки [3]) означено логической непослѣдовательностью: все время авторъ говорилъ о Θеодорѣ, но 18-ю главу онъ начинаетъ словами: «онъ былъ не человѣкъ, а демонъ» и т. д. Припомнимъ, что всѣ мѣста, содержащія извѣстіе о 32-мъ годѣ царствованія Юстиніана, разсмотрѣнныя выше, встрѣчаются только съ стр. 110-й, такъ что дата Тайной Исторіи—32-й годъ правленія Юстиніана — относится только къ припискѣ. Однако, этотъ выводъ не имѣетъ особаго значенія: Тайная Исторія во всемъ своемъ составѣ является произведеніемъ одного лица. Это можно доказать безъ особаго труда путемъ наблюденія за языкомъ, стилемъ и прочими признаками тожества личности. Мы не входимъ въ разборъ этого въ настоящемъ случаѣ, такъ какъ сомнѣнія въ принадлежности всего текста одному и тому же автору представляются недостаточно обоснованными. Притомъ, какъ первоначальный текстъ, такъ и приписка были написаны почти въ одно время. Дѣйствительно, если послѣднія 13 главъ относятся къ 550—551 гг., то и первыя семнадцать содержатъ извѣстіе о смерти Θеодоры въ 548 году [4]), говорятъ о событіяхъ послѣ ея кончины и примыкаютъ къ содержанію семи книгъ Исторіи Войнъ, вышедшихъ въ окончательномъ видѣ около 550 года. Впрочемъ, для характеристики небрежной редакціи Тайной Исторіи—судя по этому, и отъ извѣстій этого памятника нельзя ожидать особой точности—отсутствіе общаго плана представляется инте-

1) An. 149_{15}.
2) An. 164.
3) An. 103.
4) An. 103_5. Cf. 96_{20}.

первую половину своего плана. Ему оставалось теперь изложить, «какимъ путемъ они разстроили государство Римлянъ», вступивъ на престолъ по смерти Юстина[1]). Авторъ снова возвращается къ Юстиніану и трактуетъ о немъ въ главахъ 11—14 нашего счета. Снова онъ возвращается къ Өеодорѣ и говоритъ о ея злодѣйствахъ въ 15—17 главахъ, обрывая свое изложеніе на разсказѣ объ Іоаннѣ Каппадокѣ, на чемъ заканчиваются и обѣ книги Persica. Первый планъ былъ выполненъ. Дальнѣйшее изложеніе Тайной Исторіи имѣетъ слѣдующій порядокъ. Мы увидимъ изъ послѣдующаго, что основными чертами представленія, которое сложилось у автора объ Юстиніанѣ, являются жестокость и корыстолюбіе. Сообразно тому, авторъ посвящаетъ 18-ю главу изображенію жестокости (ἀπανθρωπία) Юстиніана, т. е. описанію несчастій, обрушившихся на самыя личности его подданныхъ и всѣхъ людей вообще, благодаря его внѣшней и внутренней политикѣ, а также благодаря физическимъ бѣдствіямъ, которыя общественнымъ подозрѣніемъ связывались съ политикой правительства. Въ слѣдующей 19-й главѣ нашего счета авторъ переходитъ къ изображенію корыстолюбія Юстиніана, т. е. къ имущественнымъ бѣдствіямъ народа подъ его управленіемъ[2]). Чтобы справиться съ обширнымъ и разнороднымъ матерьяломъ, авторъ счелъ удобнымъ порядокъ изложенія по общественнымъ классамъ, которые одинъ за другимъ представляются пострадавшими отъ мѣропріятій правительства. Онъ начинаетъ съ сенаторскаго сословія, богатство котораго, по мнѣнію автора, перешло въ руки варваровъ (гл. 19). Далѣе авторъ предполагаетъ изложить «другіе способы грабежа подданныхъ», посредствомъ которыхъ Юстиніанъ «съумѣлъ понемногу ограбить имущества у всѣхъ». Подъ этимъ заглавіемъ намъ предлагаются извѣстія объ администраціи при Юстиніанѣ. Окончивъ эту рубрику о чиновникахъ (ἄρχοντες), авторъ переходитъ къ бѣдствіямъ землевладѣльцевъ[3]). Посвятивъ этому классу 23-ю главу, онъ въ томъ же порядкѣ изложенія переходитъ къ арміи (гл. 24), къ торговымъ классамъ (гл. 25), къ горожанамъ (гл. 26), къ низшимъ классамъ[4]) общества, оставляя подъ конецъ духовенство. Но вмѣсто того, чтобы говорить о духовенствѣ, авторъ нѣсколько измѣняетъ порядокъ

1) Ср. An. 72_8.
2) An. 112.
3) An. 128_{15}.
4) An 145_{10}.

изложенія и ставитъ своей задачей [1]) доказать, что Юстиніанъ не уважалъ ни Бога и духовенство (с. 27), ни законы (с. 28), былъ лживъ (с. 29), измѣнялъ своимъ приверженцамъ Венетамъ (p. 159—161) и не заботился о благѣ государства (с. 30 init.). Выполняя эту послѣднюю программу, намѣченную на 149 страницѣ, авторъ сообщаетъ подъ каждой рубрикой по нѣскольку фактовъ. Подъ конецъ онъ упоминаетъ «τινὸς αὐτοῦ τῶν γελοίων» [2]) и о нововведеніяхъ Ѳеодоры и Юстиніана въ придворной жизни и въ этикетѣ.

Возвращаясь къ отмѣченнымъ выше перемѣнамъ въ формулахъ ссылокъ, начиная съ 111 страницы, и сопоставляя съ ними фактъ присутствія новаго порядка изложенія съ 18-й главы, можемъ заключить, что съ главы 18-й начинается приписка къ первоначальному тексту Тайной Исторіи. Начало этой приписки [3]) означено логической непослѣдовательностью: все время авторъ говорилъ о Ѳеодорѣ, но 18-ю главу онъ начинаетъ словами: «онъ былъ не человѣкъ, а демонъ» и т. д. Припомнимъ, что всѣ мѣста, содержащія извѣстіе о 32-мъ годѣ царствованія Юстиніана, разсмотрѣнныя выше, встрѣчаются только съ стр. 110-й, такъ что дата Тайной Исторіи—32-й годъ правленія Юстиніана — относится только къ припискѣ. Однако, этотъ выводъ не имѣетъ особаго значенія: Тайная Исторія во всемъ своемъ составѣ является произведеніемъ одного лица. Это можно доказать безъ особаго труда путемъ наблюденія за языкомъ, стилемъ и прочими признаками тожества личности. Мы не входимъ въ разборъ этого въ настоящемъ случаѣ, такъ какъ сомнѣнія въ принадлежности всего текста одному и тому же автору представляются недостаточно обоснованными. Притомъ, какъ первоначальный текстъ, такъ и приписка были написаны почти въ одно время. Дѣйствительно, если послѣднія 13 главъ относятся къ 550—551 гг., то и первыя семнадцать содержатъ извѣстіе о смерти Ѳеодоры въ 548 году [4]), говорятъ о событіяхъ послѣ ея кончины и примыкаютъ къ содержанію семи книгъ Исторіи Войнъ, вышедшихъ въ окончательномъ видѣ около 550 года. Впрочемъ, для характеристики небрежной редакціи Тайной Исторіи—судя по этому, и отъ извѣстій этого памятника нельзя ожидать особой точности—отсутствіе общаго плана представляется инте-

1) An. 149_{15}.
2) An. 164.
3) An. 10 j.
4) An. 103_{5}. Cf. 96_{20}.

его безспорныхъ сочиненіяхъ, то и сомнѣнія въ подлинности Тайной Исторіи не возникло бы: оно явилось по той причинѣ, что нельзя— по мнѣнію Эйхеля и другихъ—признать Прокопія авторомъ Тайной Исторіи вслѣдствіе разницы во взглядахъ на эпоху Юстиніана. На это слѣдуетъ возразить, что дѣйствительно, вполнѣ убѣдиться въ тожествѣ взглядовъ можно только тогда, когда будутъ изучены извѣстія Тайной Исторіи въ отдѣльности; и постольку окончательное рѣшеніе вопроса о подлинности зависитъ отъ изученія степени достовѣрности извѣстій Тайной Исторіи въ сравненіи съ безспорными сочиненіями Прокопія; но до того изученіе тожества будетъ ограничено тѣми взглядами Тайной Исторіи, которые болѣе характеризуютъ ея автора, чѣмъ передаваемые имъ факты. При этомъ, конечно, мы не имѣемъ права ожидать полнаго тожества. Нельзя требовать, по данной группѣ отношеній, вполнѣ тожественныхъ извѣстій отъ Тайной Исторіи и безспорныхъ сочиненій Прокопія. Тайная Исторія написана пристрастно, «Войны» сдержанно, «Постройки» изложены льстиво. Слѣдовательно, считаясь съ каждымъ изъ извѣстій Тайной Исторіи, мы должны выдѣлить общій имъ всѣмъ элементъ пристрастности и тогда уже искать тожества съ соотвѣтственными извѣстіями «Войнъ». Далѣе, содержаніе Тайной Исторіи и «Войнъ» различное. Содержаніемъ первой являются, главнымъ образомъ, факты внутренней политики и управленія, а «Войны» являются исторіей внѣшней политики Юстиніана. Факты, составляющіе главное содержаніе одного сочиненія, попадаются въ другомъ лишь случайно. Распредѣляя факты по категоріямъ на основаніи ихъ внутренней близости, мы получаемъ, на значительное число фактовъ въ одномъ сочиненіи, сравнительно мало фактовъ той же категоріи въ другомъ; иныя категоріи вовсе могутъ не имѣть себѣ соотвѣтствія. Этимъ, однако, не слѣдуетъ затрудняться. Если бы всѣ категоріи были въ обоихъ сочиненіяхъ достаточно представлены и соотвѣтственныя графы были заполнены, то мы не имѣли бы еще права приступить непосредственно къ сравненію этихъ частныхъ категорій, не установивъ предварительно связи между ближайшими частными категоріями и не приведя ихъ къ болѣе общимъ. Слѣдуетъ основываться лишь на тожествѣ общихъ принциповъ, а тожественныя частности только могутъ ввести въ заблужденіе въ иныхъ случаяхъ. Это приводитъ насъ ко второму возраженію противъ аргумента о тожествѣ личности, въ сущности къ тому же, съ которымъ мы встрѣтились въ аргументѣ о ссылкахъ. Спраши-

вается, насколько мы можемъ допустить, что предполагаемый подражатель съумѣлъ поддѣлаться подъ образъ мыслей и выраженій Прокопія? Другими словами, имѣемъ ли мы дѣло съ аргументомъ большей или меньшей вѣроятности или съ доказательствомъ несомнѣнной достовѣрности? На это можно отвѣтить, обративъ вниманіе, на какихъ основаніяхъ мы интересуемся вопросомъ о подлинности и ставимъ его во главу изученія Тайной Исторіи. Если подражатель, усвоивъ нѣсколько внѣшнихъ пріемовъ Прокопія, съумѣлъ бы выдать свое произведеніе за сочиненіе Прокопія, то это имѣло бы для насъ значеніе на столько, на сколько мы имѣли бы дѣло съ произведеніемъ, помимо нѣсколькихъ внѣшнихъ признаковъ, не отвѣчающимъ, по своему содержанію, той степени достовѣрности, которую критика установила для Прокопія: произведеніе страдало бы такимъ внутреннимъ противорѣчіемъ, которое лишало бы его всякой исторической цѣнности до тѣхъ поръ, пока не будетъ установлено, изъ какихъ круговъ и отъ какого времени оно исходитъ. Припомнивъ это общее правило, можемъ отвѣтить на предложенное возраженіе: если удастся доказать, что существенные взгляды и кругозоръ автора Тайной Исторіи и Прокопія тожественны, то вопросъ о подлинности потеряетъ въ нашихъ глазахъ прежнюю остроту. Если бы себѣ представили такой exemplar fictum, гдѣ фальзарій и хотѣлъ бы, и могъ бы говорить совершенно то самое, что и авторъ, подъ котораго онъ поддѣлался, то не было бы большой нужды интересоваться вопросомъ о подлинности сочиненія.

Къ изученію тожества личности можно подойти различнымъ путемъ. Слѣдуетъ изучать языкъ, стиль, основные взгляды политическіе, философскіе и другія черты міросозерцанія автора. Новые изслѣдователи внесли каждый свою долю въ разработку этого аргумента. Тейфель коснулся всѣхъ пунктовъ, но большею частью ихъ только намѣтилъ. По его слѣдамъ пошли Экардтъ и Данъ. Экардтъ развилъ доказательство о стилѣ, но остановился передъ изслѣдованіемъ тожества языка. Эта чисто филологическая работа, по его мнѣнію, только тогда сдѣлается плодотворной, когда сама филологія поставитъ на очередь вопросъ о позднѣйшемъ греческомъ языкѣ и тѣмъ дастъ возможность опереться на ея выводы неспеціалисту. Тогда только станетъ возможнымъ серьезное изученіе языка Прокопія [1]). Весь аргументъ о внутреннемъ тожествѣ личности впервые былъ поставленъ,

1) Eckardt, p. 20–26.

оцѣненъ въ своей цѣлости и разработанъ въ частностяхъ Даномъ. Мы не имѣемъ смѣлаго желанія умалять достоинства его большого и извѣстнаго труда. Хотя, можетъ быть, онъ и не открылъ въ нашемъ вопросѣ безусловно новыхъ горизонтовъ, и въ этомъ отношеніи даже уступаетъ небольшому изслѣдованію Тейфеля, но собравъ богатый матеріалъ и разработавъ его съ большимъ, по нашему мнѣнію, талантомъ, Данъ нанесъ рѣшительный ударъ противникамъ подлинности, и съ этой стороны его трудъ составилъ эпоху въ исторіи нашего вопроса. Въ трудѣ Дана аргументъ о внутреннемъ тожествѣ распадается на два самостоятельныя доказательства: о тожествѣ языка и стиля и, во-вторыхъ, о тожествѣ міровоззрѣнія. Что касается перваго доказательства, то большой матеріалъ, добытый сравнительнымъ изученіемъ Тайной Исторіи, «Войнъ» и «Построекъ», частью расположенъ въ видѣ словаря (не исчерпавшаго, впрочемъ, всего матеріала), частью разработанъ болѣе систематически путемъ группировки синонимическихъ выраженій и словъ, а также путемъ наблюденія надъ характерными для Прокопія оборотами рѣчи.

Въ этомъ случаѣ Данъ имѣлъ предшественникомъ Экардта. Въ виду возраженій со стороны противниковъ подлинности, что особенности языка Прокопія могли быть усвоены подражателемъ, Данъ кладетъ въ основу разработки аргумента о языкѣ два условія: количественный объемъ сравненія, т. е. возможно большее число сопоставленій, подавляющее всякое сомнѣніе, и во-вторыхъ, изученіе тѣхъ словъ и оборотовъ рѣчи, которые свойственны Прокопію въ особомъ и постоянномъ значеніи, хотя бы сами по себѣ они были употребительными. Что касается перваго условія, то никакая масса не можетъ устранить сомнѣнія въ подлинности въ виду того, что выводы о свойствахъ языка, основанныя только на сходствѣ отдѣльныхъ случаевъ употребленія словъ и оборотовъ рѣчи, имѣютъ неизвѣстную степень достовѣрности. Генетическій методъ можетъ принести лучшіе результаты, отправляясь отъ изученія индивидуальности автора или отъ исторіи даннаго оборота въ языкѣ. Приведенныхъ выше сомнѣній Экардта Данъ не устранилъ. Что касается до второго условія—своеобразности и постоянства въ выборѣ выраженій, которыми Прокопій долженъ отличаться отъ другихъ писателей, то Данъ и этого не доказалъ. Всякій писатель, думающій своею мыслью и выражающійся своими словами, до извѣстной степени монотоненъ. Не видно, почему Прокопій болѣе однообразенъ, чѣмъ, положимъ, Ѳукидидъ, особенно

если принять во вниманіе, къ какой эпохѣ въ исторіи языка относится Прокопій. Данъ самъ соглашается, что «die Monotonie ist nur im Princip». Сами по себѣ взятыя начала массы и своеобразности ограничиваютъ другъ друга; Данъ существенно ослабилъ необходимость количественнаго условія массы, вводя качественное условіе своеобразности. Сознавая относительную бездоказательность начала массы, которое въ состояніи только придавать большую вѣроятность, въ виду большого объема сочиненій Прокопія, возможности односторонняго подсчета однихъ сходныхъ случаевъ и т. д., Данъ не долженъ былъ остановиться на этомъ условіи; ему слѣдовало установить, что его цифры настолько имѣютъ значеніе, насколько облекаютъ характерныя для Прокопія привычки мышленія и выраженія. Если это вѣрно, то аргументъ о языкѣ не имѣетъ самостоятельнаго значенія и долженъ войти, какъ часть, въ составъ аргумента о внутреннемъ тожествѣ личности.

Припомнимъ, предварительно, что мнѣніе о полномъ противорѣчіи Тайной Исторіи «Войнамъ» во взглядѣ на эпоху Юстиніана въ значительной степени основано на предразсудкѣ[1]). Если Прокопій удивляется энергіи Юстиніана при случаѣ Вандальской и Готской экспедиціи, то этимъ ограничиваются скудныя похвалы Прокопія. Тайная Исторія не касается военныхъ успѣховъ Вандальской экспедиціи, но осуждаетъ ея послѣдствія для благосостоянія страны; объ этомъ не молчатъ и Vandalica. Вторая книга «Персидскихъ Войнъ», вторая и третья «Готскихъ», равно какъ и четвертая ποικίλη, могутъ быть названы сдержаннымъ обвинительнымъ актомъ противъ политики Юстиніана. Обыкновенно Прокопій говоритъ намекомъ, но иногда осуждаетъ открыто. Въ сравненіи съ предыдущимъ царствованіемъ Анастасія, время Юстина и Юстиніана кажется Прокопію тяжелымъ временемъ. Мы увидимъ это ниже при разборѣ обвиненій Тайной Исторіи. Нигдѣ въ Исторіи Войнъ Прокопій не говоритъ сочувственно о самой личности императора. Правда, Прокопій удивляется его энергіи во внѣшней политикѣ, его хитрости съ персидскимъ лазутчикомъ, его богословскимъ занятіямъ[2]). Ниже мы будемъ имѣть случай убѣдиться, что эти единственныя похвалы Войнъ были сверхъ того и двусмысленными. Что касается сочиненія «О постройкахъ»,

1) Cp. Dahn, 286—319. 117. 131—132.

2) Goth. I, 30. Cf. Pers. II, 158. Vand. I, 353_6. Cf. An. 57_{12} 87_{15}. Aed. 315_5. Pers. I, 108—109. Goth. IV, 409_{20} 429_4. Cf. Aed. 195. Agath. V extr.

то можно читать у Дана, насколько основной тонъ этого оффиціальнаго описанія отзывается фальшью[1]). Обстоятельства личной жизни Прокопія за время 550—559 г. намъ не извѣстны; за то вполнѣ понятны требованія, предъявляемыя къ такимъ сочиненіямъ, какъ «Постройки». Этотъ трудъ былъ вызванъ предложеніемъ правительства. Его автору былъ открытъ оффиціальный матеріалъ и даже былъ указанъ планъ сочиненія[2]). На ряду съ самостоятельной литературой дошли произведенія отъ этого же времени, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ (Присціана, Павла Силентіарія и Кориппа). Іоаннъ Лидъ разсказываетъ о своихъ опытахъ и о полученномъ имъ приглашеніи описать первую персидскую войну[3]). Спрашивается, чѣмъ же затрудняться, если правительство обратилось къ перу извѣстнаго писателя, какимъ былъ Прокопій, и тотъ выполнилъ порученіе въ соотвѣтственной работѣ[4])? Къ такого рода источникамъ нужно прилагать особую мѣру. При разборѣ отдѣльныхъ извѣстій Тайной Исторіи намъ встрѣтится случай сравнить ихъ съ данными «Войнъ» и «Построекъ», привлекаемыхъ въ числѣ другихъ источниковъ.

Развитіе тезиса о внутреннемъ тожествѣ личности Прокопія и автора Тайной Исторіи связано какъ исторически, такъ и логически съ изученіемъ характерныхъ особенностей Прокопія, какъ писателя; но рѣшающее значеніе этого аргумента въ вопросѣ о принадлежности Тайной Исторіи Прокопію было сознано сравнительно недавно, именно въ трудахъ Тейфеля и Дана. Еще Алеманнъ опредѣлялъ—и довольно мѣтко—убѣжденія Прокопія словомъ «politicus». Онъ примѣнялъ это слово для обозначенія религіознаго индифферентизма Прокопія. Его противники увидѣли въ Прокопіѣ язычника, и первая полемика имѣла своимъ предметомъ вопросъ о язычествѣ Прокопія. Ставя вопросъ шире, Тейфель не остановился на анализѣ религіознаго скептицизма Прокопія и раскрылъ весь кругозоръ морально-философскихъ убѣжденій писателя. По слѣдамъ Тейфеля Данъ разработалъ глубоко и подробно фатализмъ и скептицизмъ, суевѣріе Прокопія, его этическіе взгляды, и обратился къ изученію самыхъ замѣтныхъ основъ политическихъ воззрѣній Прокопія—къ его аристократизму, консерватизму и чувству римскаго патріота. Тожество основныхъ политическихъ

---

1) Dahn, 352 и д.

2) Aed. I, c. 3.

3) Lyd. de mag. III, c. 28, p. 198 Hase.

4) Dahn, 356. Teuffel, 264.

взглядовъ автора Тайной Исторіи со взглядами Прокопія было Тейфелемъ только намѣчено, и Данъ сдѣлалъ нѣсколько болѣе. Послѣ Тейффеля и Дана перестали появляться подозрѣнія, что Прокопій еретикъ или изъ партіи Прасиновъ. Уже Гундлахъ[1]) высказывалъ мнѣніе, что авторъ Тайной Исторіи заимствовалъ свои обвиненія изъ лагеря Прасиновъ или Евтихіанъ, а причины его раздраженія были иныя. Къ сожалѣнію, Данъ не поставилъ своею задачей изученіе эпохи. Онъ имѣетъ дѣло съ Прокопіемъ въ себѣ. Поэтому его знаніе Прокопія нѣсколько отвлеченное, и точка зрѣнія скорѣе психолога, чѣмъ историка. За то при встрѣчѣ съ фактами его психологическія объясненія оказываются несостоятельными. Такъ случилось съ его гипотезой о происхожденіи Тайной Исторіи, отпадающей вмѣстѣ съ признаніемъ того факта, что Тайная Исторія была написана за 8—9 лѣтъ до описанія «Построекъ»[2]). Данъ не преувеличилъ бы одіозный характеръ «Построекъ» Прокопія, если бы сопоставилъ это сочиненіе съ рядомъ другихъ подобныхъ оффиціальныхъ описаній. Въ общемъ онъ беретъ Прокопія, какъ тотъ высказывается самъ, теоретически сознавая неправильность такого пріема. Разбирая взгляды Прокопія, Данъ мало пользуется фактическимъ содержаніемъ его сочиненій, оцѣнка котораго можетъ явиться только результатомъ изученія эпохи; а сопоставляетъ, вмѣсто того, афоризмы и отдѣльныя фразы. Если Данъ указываетъ на консерватизмъ Прокопія, то въ это время всѣ были консерваторами, и Юстиніанъ, вводя административныя реформы, рекомендовалъ ихъ, какъ возстановленіе забытой древности. Какого рода былъ консерватизмъ Прокопія и чѣмъ объясняется его отношеніе къ Юстиніану, какъ къ новатору, остается не вполнѣ яснымъ[3]). Если Данъ указываетъ на аристократизмъ, то въ VI вѣкѣ всѣ были далеки отъ идеаловъ равенства, и демократическіе элементы общества скрывались въ церкви и монашествѣ. Если онъ указываетъ на патріотизмъ Прокопія, то недостаточно разъясняется, каковъ былъ характеръ этого патріотизма: имперскій или національный, отвлеченная ли идея или чувство близости къ окружающему обществу, несчастія котораго Прокопій видѣлъ и слышалъ.

Для того, чтобы опредѣлить политическую тенденцію Тайной Исторіи и, затѣмъ, убѣдиться, что она согласна съ основами полити-

1) Quaestiones Procopianae, p. 26.
2) Dahn, 365—366.
3) Dahn, 135.

ческаго міросозерцанія Прокопія, слѣдуетъ собрать всѣ извѣстія Тайной Исторіи, могущія выяснить ея тенденцію безъ предварительной провѣрки данными другихъ источниковъ; далѣе, слѣдуетъ свести ихъ путемъ синтеза къ нѣсколькимъ основнымъ политическимъ и соціальнымъ воззрѣніямъ, по которымъ и авторъ Тайной Исторіи, и Прокопій въ его безспорныхъ сочиненіяхъ высказались наиболѣе опредѣленно; и затѣмъ намъ останется убѣдиться въ тожествѣ основныхъ, выдѣленныхъ нами, понятій у обоихъ авторовъ. Этимъ мы исчерпаемъ самую существенную для нашей настоящей цѣли и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наименѣе разработанную часть сложнаго аргумента о тожествѣ личности. Откроется возможность дать опредѣленный и рѣшительный отвѣтъ на вопросъ о принадлежности Тайной Исторіи Прокопію. Дальнѣйшее изслѣдованіе Тайной Исторіи утвердитъ въ насъ это убѣжденіе, будучи ведено аналитическимъ методомъ критики отдѣльныхъ извѣстій Тайной Исторіи со стороны ихъ исторической цѣнности.

Въ видѣ предварительнаго замѣчанія, упомянемъ о тѣхъ мѣстахъ Тайной Исторіи, гдѣ авторъ попутно отмѣчаетъ свое личное отношеніе къ излагаемымъ событіямъ. Въ разсказѣ о преслѣдованіяхъ еретиковъ въ Палестинѣ онъ называетъ Кесарею Палестинскую своимъ роднымъ городомъ [1]). Указывая на многочисленность населенія Ливіи до раззорительныхъ войнъ времени Юстиніана, авторъ ссылается на свои личныя наблюденія [2]). Изображая раззореніе и униженіе сенаторскаго сословія и сената, какъ учрежденія, подъ властью Юстиніана и Θеодоры, авторъ прибавляетъ: «поэтому они казались какъ мнѣ, такъ и большинству изъ насъ не людьми, но какими-то демонами-губителями» [3]). Нельзя заключать на основаніи этого мѣста, что Прокопій принадлежалъ къ сословію сенаторовъ. Оно должно быть сопоставлено съ рядомъ текстовъ, гдѣ авторъ Тайной Исторіи говоритъ отъ лица общества или его высшихъ классовъ, участвующихъ въ политической жизни (λόγιμοι τῶν Ῥωμαίων) [4]).

Выдѣляя основныя политическія идеи Тайной Исторіи, мы встрѣчаемся, прежде всего, съ представленіемъ, отличающимъ автора отъ

---

1) An. 75_{5}.
2) An. 106_{22}.
3) An. 79_{12}.
4) An. 26_{13} 98_{4} 103_{5} 114_{13} 121_{21}. Cf. Pers. I, 89_{16}. An. 36_{16} 31_{7} 35_{9} 98_{7} 99_{16} 100_{10} 121_{23} 122_{6}.

христіанскихъ писателей, различающихъ христіанъ и нехристіанъ, невѣрныхъ. Авторъ Тайной Исторіи дѣлитъ все человѣчество, какъ античные писатели, на два міра: на Римлянъ и варваровъ. Онъ собирается, въ предисловіи, изобразить несчастія, случившіяся при Юстиніанѣ съ «Римскимъ родомъ»[1]), но при другомъ случаѣ замѣчаетъ, что дѣйствіе его губительной политики отражалось даже на врагахъ-варварахъ[2]). Римляне представляются автору окруженными со всѣхъ сторонъ враждебнымъ міромъ варварскихъ племенъ и государствъ[3]). Авторъ Тайной Исторіи строго отличаетъ Римлянъ отъ всѣхъ другихъ народовъ. Онъ не включаетъ въ ихъ число даже римскихъ федератовъ, лучшую часть императорской арміи[4]). Упоминая о грабежахъ этихъ федератовъ, авторъ называетъ ихъ точно также варварами, какъ если бы онъ говорилъ о Персахъ[5]). Не удивительно, поэтому, что авторъ отличаетъ отъ Римлянъ союзныхъ съ имперіею Лазовъ и даже римскихъ подданныхъ Армянъ[6]); но нельзя не замѣтить, что авторъ не называетъ Римлянами римское населеніе, жившее въ старой провинціи Африкѣ и даже въ Италіи. Онъ называетъ ихъ Λίβυες и Ἰταλοί[7]), не смотря на то, что они имѣли больше правъ на имя Римлянъ, чѣмъ провинціалы Ѳракіи и Малой Азіи, которыхъ авторъ называетъ Ѳракійскими и восточными Римлянами[8]). Очевидно, авторъ употребляетъ слово Ῥωμαῖοι не въ этнографическомъ смыслѣ. Онъ далекъ былъ отъ того, чтобы присвоивать почетное въ его глазахъ имя Римлянъ западному, менѣе тогда культурному обществу предпочтительно передъ греческимъ восточнымъ. Считая себя Римляниномъ и будучи римскимъ патріотомъ, авторъ пишетъ по гречески, называетъ латинскій языкъ Λατίνων φωνή[9]), а не πάτρια φωνή, какъ современные ему, тоже по языку греческіе памятники законодательства, называетъ Константинополь туземнымъ старымъ именемъ Византіи. Онъ презрительно отзывается о квесторѣ Юнилѣ, Ливійцѣ по происхожденію, знавшемъ латинскій языкъ, но возбуждавшемъ

1) An. 10_{1}.
2) An. 109_{16} 110_{6} 86_{17}
3) An. 54_{2} 72_{9}—73_{4} и др.
4) An. 107_{4}. Cf. Vand. 358_{20}.
5) An. 122_{11}.
6) An. 109_{10} 23_{15}.
7) An. 37_{6} 106_{20}; 39_{5} 41_{13}.
8) An. 108_{18} 122_{19} 108_{21} τοὺς ἑῴους Ῥωμαίους.
9) An. 44_{29}. Cf. 117_{21}.

смѣхъ, пытаясь говорить по гречески[1]); онъ иронизируетъ надъ исключеніемъ изъ списковъ всѣхъ солдатъ, происходившихъ изъ собственной Греціи, «какъ будто изъ той страны совсѣмъ не можетъ быть хорошаго солдата»[2]). Слѣдовательно, не языкомъ и происхожденіемъ опредѣляется принадлежность къ римскому обществу, по представленію автора Тайной Исторіи.

Одинаково ошибочно было бы полагать, что понятіе Ῥωμαῖοι идентично для автора съ понятіемъ о подданныхъ императора. Такое понятіе у него, конечно, существуетъ. Авторъ неоднократно употребляетъ выраженія κατήκοοι и ὑπήκοοι тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ отношеніяхъ между подданными и императоромъ; въ случаяхъ, гдѣ подобный оттѣнокъ отсутствуетъ, населеніе называется Ῥωμαῖοι. Для выраженія подчиненности высшимъ властямъ государства авторъ иногда употребляетъ тѣ же самыя слова κατήκοοι и ὑπήκοοι[3]) вмѣсто ἀρχόμενοι[4]). Въ одномъ случаѣ это послѣднее выраженіе относится къ подданнымъ императора, но и тамъ оно выражаетъ особый оттѣнокъ мысли автора[5]). Сами Римляне имѣли подданныхъ[6]). Такимъ образомъ, понятіе «Римляне» и «подданные императора» не тожественны для автора Тайной Исторіи, хотя относятся къ одному и тому же населенію. Понятіе о Римлянахъ существуетъ въ умѣ автора независимо отъ понятія объ императорѣ и его подданныхъ. Говоря о слабостяхъ Юстина Старшаго, авторъ заканчиваетъ словами: «такъ у Римлянъ обстояло дѣло съ Юстиномъ»[7]), подобно тому какъ по поводу грабительства сановниковъ онъ замѣчаетъ: «такъ у Римлянъ обстояло дѣло съ высшими властями[8])».

Въ текстѣ Тайной Исторіи мы встрѣчаемся съ самостоятельнымъ и отчетливымъ представленіемъ о Римлянахъ, о римской націи. Предметомъ Тайной Исторіи являются несчастія Римлянъ подъ скипетромъ Юстиніана[9]). Римляне состоятъ въ мирныхъ отношеніяхъ къ Персамъ, Римляне имѣютъ союзниковъ[10]). О государственныхъ

1) An. 119_{19}.
2) An. 134_{2}.
3) An. 119_{7} 120_{8} 121_{15} 165_{17} 86_{17} 105_{7} и др.
4) An. 120_{13}.
5) An. 66_{12}.
6) An. 23_{15}.
7) An. 45_{5}. Cf. 44_{12}.
8) An. 122_{10}.
9) An. 58_{3} 45_{13}. 109_{16}. Cf. 10_{1}.
10) An. 72_{3} $122_{16\text{-}20}$.

дѣлахъ Римлянъ, о Ῥωμαίων τὰ πράγματα идетъ рѣчь [1]). Встрѣчается выраженіе ἡ Ῥωμαίων πολιτεία [2]), равносильное Romana respublica западныхъ источниковъ [3]). Римляне образуютъ имперію, которая называется не царствомъ Юстиніана или восточнаго христіанскаго императора, но государствомъ, имперіею Римлянъ, ἡ Ῥωμαίων ἀρχή [4]). Римлянамъ принадлежитъ территорія съ ея границами [5]), войско [6]), національное богатство — ὁ Ῥωμαίων πλοῦτος, которое Юстиніанъ растратилъ [7]). Римляне и ихъ государство представляются автору Тайной Исторіи существующими помимо римскаго автократора, и представителями Римлянъ являются высшіе классы римскаго общества, λόγιμοι ἅπαντες, начиная съ ἡ σύγκλητος βουλή. Существованіе понятія о Romana gens въ устахъ писателя VI-го вѣка, принадлежащаго къ политической оппозиціи правительству Юстиніана, является фактомъ исторической важности. Нельзя отожествлять его съ той литературно-оффиціальной традиціей, въ силу которой средневѣковые греки называли себя ромеями; отсутствіе литературной отдѣлки, уклоненіе отъ оффиціальныхъ именъ и терминовъ выдѣляетъ Тайную Исторію на особое мѣсто изъ числа ей современныхъ и позднѣйшихъ источниковъ. Нѣкоторыя изъ ея извѣстій объясняются традиціей, но не литературною, а продолжавшей свое существованіе въ дѣйствительной жизни извѣстныхъ круговъ современнаго автору общества. Въ этомъ можно убѣдиться лишь по изученіи отдѣльныхъ извѣстій нашего источника въ связи съ эпохою.

Понятіе «Римлянинъ» опредѣляется прежде всего принадлежностью къ высшей культурѣ. Поэтому авторъ, враждебно настроенный къ дому Юстина Старшаго, видитъ въ ней прежде всего варварскую династію. Чтобы указать на ея низкое, варварское происхожденіе, авторъ разсказываетъ [8]) біографію Юстина, родившагося иллирійскимъ крестьяниномъ. Въ рѣзкихъ и язвительныхъ выраженіяхъ говорится о безграмотности этого императора, «чего, по словамъ Тайной Исторіи, прежде у Римлянъ не бывало» [9]). Авторъ не забылъ

1) An. 37_{13} 38_{18} 41_{6} 42_{23} 93_{10} 111_{6}.
2) An. 47_{5} 87_{10}. См. ниже.
3) Ср. Regesta Gregorii M., ed. Jaffé-Ewald, n. 1353 и др.
4) An. 10_{6} 42_{16} 46_{9} 47_{16} 53_{11} 72_{13} 73_{19} 88_{10} 108_{15} 109_{5} 111_{9} 114_{23} 122_{12} 128_{22} 164_{3}.
5) An. 22_{5} 24_{5} 25_{4} 34_{1} 58_{14} 73_{2} 102_{13} 110_{8} 163_{13}. 22_{11}.
6) An. 30_{10} 37_{10} 39_{5} 41_{13} 108_{7} $163_{17\cdot21}$. 30_{6}.
7) An. 54_{2} $114_{18\cdot21}$. 166_{3}.
8) An. 43 sq.
9) An. 44_{12}. Cf. 45_{1}.

поставить на видъ, что и жена Юстина была рабыней варварскаго происхожденія или образованія [1]). Даже о просвѣщенномъ Юстиніанѣ авторъ выражаетъ сожалѣніе, что онъ не соблюдалъ царскаго достоинства; языкъ, осанка, образъ мыслей Юстиніана были, по мнѣнію автора, варварскіе, но «не смотря на такіе недостатки Юстиніанъ самъ писалъ свои рѣшенія [2])». Не только умственное развитіе отличаетъ Римлянина отъ варваровъ. Семейные обычаи и свобода личности у Римлянъ стоятъ гораздо выше, чѣмъ у варваровъ [3]). Эта мысль, кстати сказать, была любимой въ письмахъ Григорія В. [4]). Надъ варварскими модами, широкимъ платьемъ «гуннскаго» образца, авторъ не безъ успѣха иронизируетъ [5]). И личными достоинствами варвары не могутъ равняться съ Римлянами. Жена Юстина Старшаго, императрица Евфимія, была далека, по словамъ автора, отъ всякаго порока, но по своему необразованію, неопытности и варварству не могла достичь той добродѣтели, которая требуетъ противиться общественному злу [6]). Вообще, варварское происхожденіе относится къ числу личныхъ недостатковъ [7]).

Принадлежность къ высшей культурѣ опредѣляетъ Римлянина въ сравненіи съ варваромъ. Еще болѣе яснымъ отличіемъ Римлянина является принадлежность къ Римской имперіи. Авторъ не противополагаетъ государство обществу, что было бы такъ естественно въ этнографически пестрой монархіи Юстиніана. Въ немъ живо античное воззрѣніе, по которому государство является первой, главной и неизбѣжной формой общественной жизни. Государственные интересы заставляютъ забывать о личныхъ, сознаніе долга передъ государствомъ еще живетъ въ современномъ Юстиніану обществѣ [8]). Чувство органической связи между государствомъ и обществомъ выражено весьма ясно въ понятіяхъ автора. Онъ выражается: Ῥωμαίων ἡ πολιτεία, Ῥωμαίων τὰ πράγματα. Онъ обвиняетъ Юстиніана, Θеодору, даже Льва Киликійца въ томъ, что они погубили «Римлянамъ ихъ государство» [9]). Это государство является священнымъ и для варваровъ. Оно

1) An. 45_6.
2) An. 87_{22} 88_3.
3) An. 104_2.
4) Greg. M. ep. XII Leontio consulari; XIII 31 Phocae imperatori.
5) An. 48.
6) An. 66_5.
7) An. 97_{21}.
8) An. 22_1. Cf. 42_{16}.
9) An. 47_5 58_{19} 91_1 93_{10} 87_{10}.

самое древнее и славное, вѣра въ его непоколебимость должна еще сохраняться у варваровъ, даже у подданныхъ Хозроя[1]). Въ этомъ случаѣ слово πολιτεία, употребленное авторомъ, имѣетъ значеніе Римской имперіи, какъ политическаго цѣлаго, въ противоположность врагамъ-варварамъ (имѣетъ смыслъ ἡ Ῥωμαίων ἀρχή). И въ нѣсколькихъ другихъ случаяхъ за нимъ наблюдается то же значеніе[2]): авторъ говоритъ о предѣлахъ πολιτεία, о военныхъ интересахъ πολιτεία, о перемѣнѣ πολιτεία путемъ бѣгства въ Персію. Наблюдается и обратное словоупотребленіе ἀρχή вмѣсто πολιτεία[3]). Далѣе, есть нѣсколько примѣровъ употребленія слова πολιτεία въ смыслѣ, близкомъ къ современному понятію объ обществѣ. Изложивъ мѣропріятія правительства, раззорительныя для различныхъ классовъ общества, авторъ обобщаетъ ихъ въ одномъ понятіи τὰ κατὰ τὴν πολιτείαν[4]). Въ другомъ случаѣ сказано, что консулы, какъ устроители публичныхъ зрѣлищъ, тратили большія суммы на государство, εἰς τὴν πολιτείαν[5]). Сюда же можно привлечь и третье мѣсто, гдѣ авторъ усматриваетъ въ раздачѣ хлѣба римскимъ нищимъ слѣдъ древняго установленія, πολιτείας τῆς παλαιᾶς ἴχνος[6]). Въ остальныхъ случаяхъ слово πολιτεία имѣетъ опредѣленное значеніе законнаго государственнаго порядка[7]) и противополагается насильственному режиму или тираніи[8]). Съ понятіемъ πολιτεία оказываются несовмѣстимыми: нарушеніе закона, неуваженіе къ лицамъ, облеченнымъ законной властью, насильственное вмѣшательство близкихъ къ императору лицъ, напр. Θеодоры, въ дѣла управленія и законодательства, непочтительное отношеніе къ серьезнымъ и важнымъ государственнымъ дѣламъ[9]), однимъ словомъ все, что нарушаетъ законный порядокъ, «οἵ τε νόμοι καὶ ὁ τῆς πολιτείας κόσμος[10]).

Такимъ образомъ выясняется вторая основная черта политическаго міросозерцанія нашего автора. Онъ является не только патріотомъ, но приверженцемъ законнаго порядка, видѣвшимъ въ правленіи Юстиніана съ Θеодорой нарушеніе римской конституціи. Власть закон-

---

1) An. 24_5.
2) An. 22_2 135_5 142_{15}. Cf. 74_3. Goth. IV 541. An. $161_{8,9}$ 163_{23} 149_{19}.
3) An. 74_6.
4) An. 140_{10}.
5) An. 144_{11}.
6) An. 146_{24}
7) An. 24_{19} 47_{5-19} 52_{18} 58_{19} 70_{20} 71_{12} 87_{11} 90_9 93_9 102_6 103_{20} 105^9 117_{12} 118_7 160_{23}.
8) An. 51_7. Cf. 71_7.
9) An. 90_9 cf. 44_8.
10) An. 47_{19}.

ную онъ строго отличаетъ отъ незаконной или превысившей прежніе, установленные закономъ и обычаями, предѣлы. Для обозначенія власти, существующей по закону, помимо закона и противъ закона, авторъ имѣетъ три соотвѣтственныя группы терминовъ: βασιλεύειν, ἄρχειν, ἀρχήν, τιμήν, βασιλείαν ἔχειν; во-вторыхъ: διοικεῖσθαι, πρυτανεύειν, κρατεῖν и, въ-третьихъ, βιάζεσθαι и τυραννεῖν. Напримѣръ, Юстиніанъ при жизни Юстина фактически управлялъ имперіей (διῳκεῖτο)[1]), затѣмъ противузаконно и насильственно захватилъ императорскую власть при жизни Юстина[2]), но будучи формально узаконенъ сенатомъ, Юстиніанъ сталъ уже признаннымъ императоромъ[3]) (τὴν βασιλείαν ἔσχεν, παρέλαβεν). Употребленіе въ данномъ мѣстѣ этихъ послѣднихъ формулъ, равно какъ и то обстоятельство, что власть Юстиніана была вполнѣ безспорна по смерти Юстина Старшаго — что не могло быть безъизвѣстно автору Тайной Исторіи — указываютъ, что если авторъ примѣняетъ, притомъ неоднократно[4]), къ Юстиніану и Θеодорѣ наименованіе тиранновъ, и высказывается объ ихъ власти, какъ о тиранніи, то употребляетъ эти слова, подъ вліяніемъ пристрастія, не въ точномъ значеніи власти незаконной. Онъ, повидимому, желалъ заклеймить этимъ именемъ насильственный характеръ ихъ правленія[5]), нарушеніе Юстиніаномъ и Θеодорой обычаевъ, законовъ и гарантированныхъ установленнымъ порядкомъ личныхъ и имущественныхъ правъ ихъ подданныхъ.

Признаками нормальнаго государственнаго порядка, отвѣчающаго политическимъ убѣжденіямъ автора Тайной Исторіи, является, во-первыхъ, соблюденіе законовъ, далѣе, уваженіе къ властямъ, неприкосновенность ихъ и свобода рѣшенія; въ-третьихъ, правильное теченіе дѣлъ. Законы и хранители ихъ, магистраты (ἀρχαί), выражаютъ въ себѣ идею государства[6]), отъ нихъ исходитъ наказаніе за преступленіе противъ государственнаго порядка[7]). Сознаніе обязательности закона весьма живо у автора, будучи связано съ моральнымъ началомъ вѣрности и постоянства, πίστις и τὸ βέβαιον τῆς γνώμης[8]). На сколько

---

1) An. 45_{12}.
2) An. 66_{22}.
3) 67_{2-8}.
4) An. 90_{16-22} 92_{19} 93_{11} 125_{4} 138_{12} 159_{25}. Prooem.
5) Cp. An. 71_{7} съ 70_{19}. 51_{7}. 110_{3}. 11—12.
6) An. 47_{19} 102_{6}.
7) An. 52_{21}.
8) An. 86_{2} и др.

юридически точно авторъ употребляетъ слово νόμος, и не смѣшиваетъ ли онъ lex съ edictum, это можно будетъ видѣть по изученіи отдѣльныхъ извѣстій Тайной Исторіи въ сравненіи съ памятниками законодательства. Можно замѣтить, что νόμος и νόμιμα употребляется имъ въ значеніи близкомъ, но не тожественномъ съ моральными требованіями справедливости[1]). Нарушеніе правилъ законнаго судопроизводства вызываетъ осужденіе автора, стоящаго на точкѣ зрѣнія юриста[2]). Хранители закона, магистраты (ἀρχαί) должны имѣть свободное дѣлопроизводство (γνώμῃ αὐτονόμῳ τὰς ψήφους διδόναι), собираясь въ сенатѣ или въ своихъ присутствіяхъ[3]). Они должны пользоваться, при исполненіи своихъ обязанностей, почетомъ и самостоятельностью[4]). Вмѣшательство Юстиніана и Θеодоры называется въ Тайной Исторіи безразсуднымъ самоуправствомъ (αὐτοδιαζόμενος, αὐτογνωμονοῦσα)[5]), новыя требованія этикета рабольпствомъ, δουλοπρέπεια[6]). Казнь Θеодорою сановника признается тѣмъ болѣе возмутительною, что тотъ еще былъ облеченъ своею властью[7]). Такое отношеніе оппозиціоннаго писателя къ дѣйствіямъ самодержавнаго правительства тѣмъ менѣе для насъ должно быть удивительно, что онъ, повидимому, не признаетъ власть автократора принципіально отличной отъ власти магистратовъ. По его выраженіямъ нельзя думать, что онъ признавалъ власть перваго для себя священной, а власть сановниковъ производной. Правда, въ отношеніи къ императору населеніе является подданными (κατήκοοι, ὑπήκοοι)[8]), а въ отношеніи къ правителямъ подчиненными, подвѣдомыми (ἀρχόμενοι)[9]), но такое различіе не выдержано строго въ текстѣ Тайной Исторіи: иногда вмѣсто κατήκοοι читаемъ ἀρχόμενοι[10]) и вмѣсто ἀρχόμενοι встрѣчаемъ ὑπήκοοι[11]). Авторъ означаетъ власть императора и магистратовъ одними и тѣми же словами, говоритъ одинаково τοῦ αὐτοκράτορος τιμῆς

1) An. 51_{15} 88_{14} 158_{3} 165_{18}.
2) An. 76_{10-14}.
3) An. 165_{12-22} $88_{10\cdot18}$ 89_{5} 51_{12}.
4) An. 160_{23}.
5) An. 88_{11} 103_{20}.
6) An. $165_{18\cdot21}$ 92_{22}—93_{10}.
7) An. 100_{20}.
8) An. 86_{18} 83_{14} $115_{2\cdot20}$ 123_{11} 126_{17} $129_{1\cdot6}$ 165_{17}.
9) An. 120_{18} 165_{15}.
10) An. 66_{12}
11) An. 121_{15}.

и τοῦ μαγίστρου καλουμένου τιμή[1]), ἀρχῆς ἀξίωμα и βασιλέως ἀξίωμα[2]), ἡ αὐτοκράτωρ ἀρχή и ἡ ἐπὶ τοῖς κλέπταις τεταγμένη ἀρχή[3]). Власть Юстиніана описательно названа властью магистрата, стоящаго во главѣ государства[4]); и хотя мѣсто относится къ Юстиніану до коронованія, но и тогда, по представленію самой же Тайной Исторіи, онъ обладалъ императорскою властью и дѣйствовалъ ея именемъ. Впрочемъ, и власть самого Юстина названа словомъ ἀρχή[5]). Власти и личнымъ качествамъ сановниковъ авторъ придаетъ большое значеніе. Они должны быть опытными, мудрыми, знающими законы, безкорыстными блюстителями справедливости[6]); въ противномъ случаѣ они или позорятъ государство или являются орудіемъ тиранніи (τυραννίδος ὄργανον)[7]). Пренебреженіе закономъ и установленными властями ведетъ къ третьему признаку тиранническаго образа правленія: ко всеобщему разстройству[8]), гибели установленнаго порядка дѣлопроизводства, къ забвенію каждымъ своего мѣста и дѣла. Таковы признаки новаго режима. Этихъ явленій не было въ старое время. Отсюда вытекаетъ третья крупная черта политическихъ воззрѣній автора Тайной Исторіи, его консерватизмъ.

Сожалѣя о разстройствѣ стараго добраго порядка[9]), авторъ въ то же время не безусловный консерваторъ. Онъ дорожитъ старыми порядками, потому что считаетъ ихъ хорошими. Онъ допускаетъ измѣненія, требуемыя пользой или справедливостью[10]). Тайная Исторія съ большой горячностью нападаетъ на новаторство Юстиніана. Авторъ видитъ въ немъ признаки тиранніи, желаніе, чтобы все было связано съ именемъ Юстиніана[11]). Онъ осуждаетъ учрежденіе новыхъ должностей, уничтоженіе и униженіе старыхъ[12]), между прочимъ консуловъ и сената[13]), вмѣшательство Ѳеодоры въ политику[14]), различныя зако-

1) An. 66_{22} 136_{17}.
2) An. 131_{8} (165_{8}). 67_{10}.
3) An. 43_{1} 76_{19}.
4) An. 53_{1}.
5) An. 53_{18}.
6) An. 117_{8-14} 119_{17}.
7) An. 118_{7} 123_{9}.
8) An. $47_{4 \cdot 18}$ 71_{10} 87_{18} 90_{5-10}.
9) τῶν εὖ καθεστώτων. An. 45_{17} 71_{10-19} 87_{18} 107_{19}.
10) 71_{16}.
11) An. 71_{17}.
12) An 71_{14}.
13) An. 144_{8} 88_{16}—89_{5}.
14) Au. 165 и др. ı

дательныя и административныя мѣропріятія правительства, введеніе этикета въ болѣе стѣснительныхъ формахъ [1]), возвышеніе по службѣ лицъ низкаго званія и дурной нравственности [2]), удаленіе людей стараго образа мыслей [3]), азіатскія неслыханныя моды [4]). Авторъ сожалѣетъ о времени прежнихъ императоровъ, между прочимъ Анастасія: тогда законы и сановники были въ уваженіи, образованіе было распространено [5]), бережливость въ расходахъ соединялась со щедростью на дѣйствительныя нужды населенія [6]). Такова консервативная точка зрѣнія автора Тайной Исторіи. Для него законы и установленія кажутся тѣмъ болѣе священными, чѣмъ они древнѣе [7]). Время прежнихъ императоровъ кажется ему свѣтлымъ прошедшимъ, господствомъ законности и порядка. Его консерватизмъ тѣсно связанъ съ тѣмъ элементомъ его убѣжденій, который можетъ быть названъ конституціонализмомъ.

Переходя къ изученію соціальныхъ взглядовъ автора Тайной Исторіи, дополняемъ характеристику ея политической тенденціи новою существенною чертою. Аристократизмъ автора не имѣетъ сословной окраски. Началомъ соціальнаго дѣленія для него служитъ прежде всего экономическое благосостояніе, достаточность, богатство. Только въ высшихъ кругахъ общества принимается въ расчетъ родовитость. Оба момента одинаково необходимы [8]). Мы не встрѣчаемся въ Тайной Исторіи съ юридическимъ дѣленіемъ римскаго общества на plebs и привиллегированныя сословія или корпораціи. Слово δῆμος означаетъ въ Тайной Исторіи городское населеніе (организованное въ партіи цирка). Мы находимъ въ ней экономическое дѣленіе, существовавшее въ законодательствѣ въ понятіяхъ humiliores и potentiores: авторъ выдѣляетъ изъ всего населенія классъ достаточныхъ людей, жившихъ въ столицѣ и въ провинціи, обозначая ихъ неопредѣленными выраженіями ἐπιεικεῖς, ἐπιφανέστεροι, εὐδαίμονες [9]). Подъ ними слѣдуетъ разумѣть, кромѣ сенаторовъ и куріаловъ, всѣхъ лицъ, подходящихъ по своему имущественному или служебному цензу подъ понятіе доста-

1) An. 164_{10}.
2) An. 117_{8} 124_{20}.
3) An. 86_{11} 119_{21}.
4) An. 47_{20}.
5) An. 44_{12}.
6) An. 112_{23} 128_{23} 129_{22} 143_{13} 146_{24}.
7) An. 66_{18} 68_{7} 165 и др.
8) An. 157_{3}.
9) 19_{13} 49_{6} 63_{1} 71_{21} 77_{6} 113_{21} 129_{8} 143_{4} (144_{23}) 145_{1} 154_{1}.

точныхъ[1]). Для остальной массы населенія встрѣчаемъ взятыя изъ жизни наименованія соціально-экономическихъ группъ по роду занятій: ἀγροῖκοι (rustici), γεωργοί (coloni), χωρίων κτήτορες (possessores), ἔμποροι, ναῦται, βάναυσοι, χειρώνακτες, τεχνῖται, ἐπιδημιουργοί, στρατιῶται, στρατευόμενοι (militantes, officiales), ῥήτορες (iurisperiti) и διδάσκαλοι (οἷς ἐν λόγοις τὰ ἐπιτηδεύματά ἐστιν, An. 145_5), ἰατροί, ἱερεῖς, οἱ ἐπὶ σκηνῆς, προσαιτηταί, ἀγελαῖοι, πτωχοί, λώβῃ πάσῃ ἐχόμενοι[2]). Изъ класса достаточныхъ авторомъ выдѣляются лица, принадлежащія къ составу сената[3]).

Вся эта аристократическая корпорація, или высшее въ имперіи сословіе, называется авторомъ почетнымъ именемъ ἡ σύγκλητος βουλή и опредѣляется имъ какъ одна изъ «величайшихъ частей Римской имперіи»[4]). Принадлежность къ составу сената (βουλῆς ἀξίωμα) является большою честью[6]) и доступна только лучшимъ людямъ изъ общества[5]). О случаяхъ конфискаціи имуществъ сенаторовъ авторъ передаетъ съ негодованіемъ. Онъ ставитъ въ вину Юстиніану съ Θеодорой истязанія заподозрѣнныхъ ими членовъ сената, пытки, «достойныя рабовъ»[7]), введеніе этикета, какъ униженіе аристократіи[8]), вспоминая, что когда-то постановленіе сената, δόγμα τῆς συγκλήτου βουλῆς, предала память Домиціана позорному забвенію[9]). Авторъ негодуетъ на привлеченіе рабовъ въ качествѣ свидѣтелей противъ ихъ господъ[10]). Изъ среды сенаторовъ выдѣляются первенствующія семейства и отдѣльныя лица, сообразно съ ихъ родовитостью, саномъ патрикіевъ, ипатовъ, съ ихъ служебнымъ положеніемъ[11]). Патрицію, явившемуся къ Θеодорѣ съ просьбой о денежной помощи, авторъ приписываетъ рѣчь о достоинствѣ его сана[12]), запрещающемъ патрицію отказаться отъ уплаты долговъ, о кредиторахъ, не имѣющихъ «стыда передъ его саномъ», о его должникахъ, прибѣгающихъ къ плутовству, «такъ какъ

1) Ср. An. $145_{1\cdot5}$ съ 128_{21} и 129_8.
2) An. 145_3—$_{13}$ и др.
3) An. 77_6 144_{23} ср. 145_1 и др.
4) An. 74_6 77_8 79_6 101_{11} 144_{23} 157_{13} 164_{12}.
5) An. 26_{15} 66_{17} и др.
6) An. 150_{10}.
7) An. 26_{15} 27_6 94_3 99_5—$_{10}$.
8) An. 164_{11}.
9) An. 55.
10) An. 76_{12} 99_{18}.
11) An. 164_{13} cf. 165_3. 19_{16} 78_5 101_9 154_2.
12) An. 94_{21}—95_{14}.

они не патриціи», о печальной необходимости просить помощи у престола. Авторъ цѣнитъ соціальныя различія. Все высшее римское общество представляется ему раздѣленнымъ на цѣлый рядъ общественныхъ группъ, различныхъ по своему сану (ἀξίωμα). Бракъ между сенаторами различныхъ чиновъ представляется ему неравнымъ[1], ἀπὸ τῆς ἀξίας для одной стороны и ὑπὲρ τὴν ἀξίαν для другой[2]). Бракъ между сенаторомъ и гетерой является «не возможнымъ»[3]). Браки между знатными наслѣдницами и приближенными Θеодоры низкаго происхожденія, устроенные Θеодорой противъ желанія богатыхъ сиротъ, называется злодѣйствомъ, μίασμα[4]) (piaculum, scelus). Эти сановники называются авторомъ ἀγελαῖοι, βδελυροὶ πτωχοί, ἀπερριμμένοι, что должно означать ихъ незнатное происхожденіе и бѣдность. Такъ относится Тайная Исторія къ насильственному нарушенію общественной іерархіи. Подобное нарушеніе авторъ видитъ даже въ роскошныхъ модахъ стасіотовъ[5]). Чувство аристократизма весьма развито у автора Тайной Исторіи. Онъ никогда не забываетъ отмѣтить низкое происхожденіе лицъ, для него ненавистныхъ. Такъ онъ поступаетъ, говоря о Θеодорѣ, Антонинѣ, Петрѣ Варсимѣ, Юстинѣ[6]). Въ представленіи о классѣ εὐδαιμόνων аристократизмъ автора имѣетъ экономическія основаніе и окраску, въ его взглядахъ на различныя группы высшаго общества — бюрократическія и отчасти политическія, послѣднее въ его представленіи о римскомъ сенатѣ.

Экономическіе интересы автора занимаютъ въ его міросозерцаніи видное мѣсто. Понятіе богатства соединяется у него съ понятіемъ силы[7]). Насиліе надъ имуществомъ ставится имъ рядомъ съ насиліемъ надъ личностью[8]). Представленіе о личности сопровождается почти постоянно извѣстіемъ о степени ея имущественнаго благосостоянія[9]). Экономическія понятія автора весьма не сложны. Народное богатство (ὁ Ῥωμαίων πλοῦτος)[10]) онъ представляетъ какъ сумму наличныхъ капиталовъ достаточныхъ классовъ. Значеніе послѣднихъ осно-

---

1) An. 38_1.
2) An. $38_{2\cdot6}$.
3) An. 66_{17}. Ср. 63_{20}.
4) An. 101_9. 102_1 c. f. 105_{19} τὸ μίασμα τοῦ φόνου. 157_{15}.
5) An. 48_8 cf. 49_{13}.
6) An. 12_{15} 43_8 c. 9. 123_{16}.
7) An. 17_3 150_9 и др.
8) An. 45_{14}.
9) An. 20_1 82_{19} и мн. др.
10) An. 54_2 $114_{18\ 21}$ 166_3 cf. Vand. 423.

вано на обладаніи капиталами, составляющими народное богатство. Ихъ раззореніе является раззореніемъ имперіи. Подъ богатствомъ разумѣются авторомъ деньги и цѣнности (χρήματα)[1]), какъ бываетъ въ эпохи застоя въ экономическомъ развитіи общества. Поэтому вывозъ денегъ за границу, раздача субсидій и дани варварамъ раззоряютъ общество и повергаютъ его въ бѣдность[2]). Наоборотъ, раздача денегъ народу, щедрыя публичныя игры, жалованье чиновниковъ являются источниками народнаго богатства[3]). Варвары, жадные грабители, равно какъ и вымогательства Юстиніана, виновны въ раззореніи Римлянъ. Впрочемъ, авторъ сознаетъ, что промышленность и торговля являются кормилицами всего общества[4]), и тѣмъ болѣе осуждаетъ таможенныя стѣсненія и поборы правительства. Грабежи Юстиніана и его министровъ представляются автору громадными. Юстиніанъ виновникъ общей бѣдности; онъ скрываетъ въ своихъ дворцахъ народное богатство[5]). Его агенты — раззорители народа, его сборщики податей — плуты и вымогатели «сикофанты[6])».

Патріотизмъ, основанный на идеѣ римской имперіи и римской культуры, недоступной враждебному міру варварскихъ племенъ и государствъ; приверженность къ политическому порядку, требующему уваженія къ законамъ и властямъ, въ противоположность безпорядочному и тиранническому образу правленія; консерватизмъ, вытекающій изъ воспоминаній о старой государственной и общественной жизни, какъ о болѣе славной, просвѣщенной, законной и свободной; аристократическія симпатіи къ высшимъ классамъ общества, выдѣляющимся богатствомъ, службой, саномъ, происхожденіемъ, обладателямъ государственной власти и народнаго богатства: эти четыре точки зрѣнія опредѣляютъ взгляды автора на государство и общество. На нихъ основана его оппозиція правительству Юстиніана. Теперь намъ остается разсмотрѣть, такіе ли политическіе идеалы выражены въ безспорныхъ сочиненіяхъ Прокопія. Не входитъ въ нашу задачу привести здѣсь всѣ мѣста изъ восьми книгъ Исторіи Войнъ и шести книгъ «О постройкахъ», по которымъ можно изучать политическія убѣжденія Прокопія. Въ виду того, что вопросъ о подлинности Тай-

1) An. 77_{15-18} 32_4 cf. 34_6 и др.
2) An. 58_{14} 166_8 77_9.
3) An. 144_{19} 138_4.
4) An. 138_{14} (145_{19}).
5) An. 54_8 58_{14} 166_5.
6) An. 129_8 cf. l. 4. 116_8 145_1 $155_{15\cdot24}$.

ной Исторіи собственно не содержитъ въ себѣ изслѣдованія о Прокопіѣ, мы имѣемъ право на подобное ограниченіе, разъ для него существуетъ возможность въ видѣ работы, уже совершенной съ успѣхомъ, достаточнымъ для нашей цѣли. Сорокъ страницъ монографіи Дана[1]), посвященныя изслѣдованію политическихъ убѣжденій Прокопія, представляютъ свой предметъ не во всѣхъ пунктахъ одинаково разработаннымъ. Противоположность римскаго міра варварскому по понятіямъ Прокопія разсмотрѣна Даномъ прекрасно и подробно, отчасти потому, что и матеріалъ, представляемый Исторіею Войнъ, въ этомъ случаѣ особенно обиленъ[2]). Убѣжденіе въ томъ, что интересы варварскаго и римскаго міровъ не примиримы и не допускаютъ во взаимныхъ отношеніяхъ ни вѣрности, ни дружбы, весьма ясно выражено какъ у автора Тайной Исторіи, такъ и у Прокопія[3]). Римляне отличаются отъ варваровъ своимъ культурнымъ превосходствомъ[4]). Варвары стоятъ ихъ ниже и въ отношеніи нравственности[5]). Персидскіе стрѣлки слабѣе римскихъ[6]). Въ безспорныхъ сочиненіяхъ Прокопія встрѣчаемъ тотъ же взглядъ на имперію, какъ на государство Римлянъ[7]), то же пониманіе имени Римлянина не въ этнографическомъ смыслѣ, но опредѣляемое принадлежностью къ имперіи, какъ къ высшему политическому и культурному цѣлому[8]); то же отношеніе къ греческому языку и греческой народности въ имперіи[9]). Менѣе разработаны у Дана другіе элементы политическихъ воззрѣній Прокопія[10]). Въ этомъ случаѣ его трудъ не отвѣчаетъ на тѣ запросы, которые являются для изучающихъ Тайную Исторію съ выше изложенныхъ точекъ зрѣнія. Впрочемъ, для характеристики взглядовъ автора Исторіи Войнъ на внутреннюю политику правительства существуетъ, конечно, меньше данныхъ, чѣмъ для изученія его антиварварской тенденціи. Въ тожествѣ понятій Прокопія и автора Тайной Исторіи о государствѣ и о государственномъ порядкѣ можно убѣдиться, раз-

---

1) Dahn, 105—143.
2) Dahn, 111 и далѣе.
3) Pers. 103_{12}. Vand. 313_{14}. Goth. 262_{12}. Aed. 338_{21}. Ср. Dahn, 112—113.
4) Ср. Dahn, 120.
5) Dahn, 122 и далѣе.
6) Pers. 95_{23}.
7) Pers. $13_{7.\ 8.\ 20}$. $14_{13.\ 16.\ 22}$ и т. д.
8) Cf. Ind. hist. ad libros De bellis s. v. Romani. Dahn, 109, 441, 64 Anm.
9) Goth. 93_{8} 313_{22} 581_{13}. См. Dahn, 110. Ср. еще Vand. 527_{8}. Goth. 368_{7}.
10) Dahn, 134—143.

смотрѣвъ собранные Даномъ случаи употребленія слова πολιτεία[1]). Выраженія τύραννος и τυραννεῖν, означающія въ Тайной Исторіи насильственный, тиранническій образъ правленія Юстиніана и Өеодоры, имѣютъ въ Исторіи Войнъ болѣе точное значеніе незаконной власти; хотя встрѣчаются случаи, подходящіе къ неточному словоупотребленію Тайной Исторіи[2]). Для изученія понятій Прокопія о подданствѣ, объ отношеніи населенія къ государственной власти, обращаемся къ словамъ κατήκοοι и ὑπήκοοι[3]). Данъ утверждаетъ[4]), что выраженіе ἀρχόμενοι замѣнило прежнее populus Romanus и такимъ образомъ понятіе о подчиненности заступило мѣсто понятія о гражданствѣ. Однако, представленіе о Римлянахъ, о римскомъ народѣ существуетъ у Прокопія. Въ Тайной Исторіи слово ἀρχόμενοι примѣнено къ подданнымъ Юстина для выраженія особаго оттѣнка мысли автора. Замѣчаніе Дана остается не оправданнымъ, и въ его матеріалахъ слова ἀρχόμενοι мы не находимъ, хотя объ ἀρχή и ἄρχων имъ сдѣлано много сопоставленій[5]). Обязанности личности передъ государствомъ являются для Прокопія ненарушимыми, подданный связанъ сознаніемъ нравственнаго долга (τὸ ὅσιον)[6]). Въ Тайной Исторіи языкъ нѣсколько иной. Авторъ негодуетъ съ общечеловѣческой точки зрѣнія на слабость общества и на безхарактерность Велисарія по отношенію къ Юстиніану и Өеодорѣ[7]). Но и въ Тайной Исторіи авторъ спасаетъ свое сознаніе обязанностей передъ государственной властью признаніемъ императорской четы тираннами, преступающими въ своихъ насиліяхъ законы и обычаи; и тамъ онъ смотритъ на мятежи солдатъ, служащихъ, еретиковъ, стасіотовъ партіи Прасиновъ, какъ на общественное несчастіе. Власть сановниковъ (ἀρχαί) должна быть велика и независима по понятіямъ Прокопія[8]); мнѣніе автора Тайной Исторіи намъ уже извѣстно. Понятіе Прокопія о законѣ тожественно съ таковымъ же понятіемъ автора Тайной Исторіи, и слова νόμος, νόμιμα употребляются ими въ одинаковыхъ сочетаніяхъ и оборотахъ рѣчи. Подходящія мѣста изъ сочиненій Прокопія сопоставлены въ прило-

---

1) Dahn, Anhang, 434.
2) Ibidem, 436.
3) Ibid.
4) Dahn, 143.
5) Dahn, 441—442.
6) Dahn, 143.
7) An. 68. 35_{13}.
8) Goth. 283_9 (cf. An. 165_{13}). Pers. I, 136_{9-14} у Dahn, 139.

женіяхъ къ труду Дана[1]). Вообще, для ближайшаго знакомства съ политическими убѣжденіями Прокопія слѣдуетъ обращаться не столько къ самому его изложенію, сколько къ его богатымъ лексическимъ матеріаламъ[2]). Не говоря о полнотѣ частностей, весьма важная и интересная группа политическихъ убѣжденій Прокопія, которую можно объединить подъ именемъ конституціонализма, особенно замѣтная при одновременномъ изученіи Іоанна Лидійца, не выдѣлена и не разработана въ нѣсколько бѣгломъ — въ данномъ случаѣ — изложеніи Дана, хотя, повидимому, могла быть имъ замѣчена[3]). Врядъ ли недостатокъ матеріала помѣшалъ ему собрать болѣе данныхъ для опредѣленія характера аристократизма и консерватизма Прокопія, чѣмъ онъ представилъ въ своемъ изложеніи[4]). Впрочемъ, и словарь Дана, неоцѣнимое въ большинствѣ случаевъ пособіе при изученіи Прокопія, не содержитъ всѣхъ понятій, интересныхъ для знакомства съ политическими воззрѣніями писателя. Термины изъ области государственнаго быта (или слова, замѣняющія ихъ въ постоянномъ употребленіи), также не всѣ собраны Даномъ: у него нѣтъ, напр., терминовъ ἔπαρχος, ὕπαρχος, ἀριθμός. Правда, объяснить и отмѣтить термины нельзя безъ изученія эпохи, чего Данъ не предпринялъ. Безспорно, для того, чтобы удостовѣриться въ принадлежности Тайной Исторіи, собранный имъ матеріалъ вполнѣ достаточенъ. На результатахъ его большого и цѣннаго труда основываются позднѣйшіе изслѣдователи. Но въ то же время врядъ ли ошибочно мнѣніе, что по его слѣдамъ нужна не меньшая работа. Новое изданіе Прокопія и детальное изученіе времени Юстиніана, надо думать, вызовутъ необходимое филологическое изслѣдованіе. Получивъ опредѣленное представленіе о политическомъ направленіи Тайной Исторіи и убѣдившись въ томъ, что оно не представляетъ никакого противорѣчія съ тѣми взглядами, которые выражены въ несомнѣнныхъ сочиненіяхъ Прокопія, мы этимъ исчерпали существенную часть аргумента о внутреннемъ тожествѣ личности. Взгляды автора Тайной Исторіи не представляютъ въ своихъ основныхъ пунктахъ — которые, именно, должны служить предметомъ сравненія — ничего несходнаго съ убѣжденіями Прокопія. Этимъ далеко не исчер-

---

1) Dahn, Anhang, 431.
2) См. стр. 441—442.
3) Dahn, 144: Patriotismus oder richtiger Politismus.
4) Dahn, 139. 141. 142. Anhang, 441. 443 и s. vv. νεωτερίζειν, εἰωθότα, ἐπιφανής, λόγιμος и т. п.

пывается содержаніе названнаго аргумента. Но та часть его, которая была разсмотрѣна, позволяетъ отвѣчать на вопросъ о подлинности утвердительно. Это объясняется тѣмъ, что тожество политической тенденціи Прокопія и автора Тайной Исторіи направлено непосредственно противъ подозрѣній Эйхеля и Ранке.

На этомъ можно закончить настоящій пересмотръ вопроса о подлинности. Дальнѣйшее изученіе Тайной Исторіи можетъ идти двумя путями. Можно, во-первыхъ, продолжать возстановленіе личности автора Тайной Исторіи посредствомъ синтеза его философскихъ, религіозныхъ, моральныхъ и иныхъ взглядовъ, пользуясь изученіемъ писательскихъ пріемовъ, стиля, языка. Во-вторыхъ, можно обратиться къ аналитическому изученію извѣстій Тайной Исторіи. Первый путь приводитъ насъ къ вопросамъ, принадлежащимъ къ области болѣе филологическаго, чѣмъ историческаго изученія. Благодаря Тейффелю и еще болѣе глубокому изслѣдованію философскаго міросозерцанія Прокопія въ трудѣ Дана[1]), дальнѣйшая работа по ихъ слѣдамъ приводитъ къ подтвержденію выводовъ, не возбуждающихъ сомнѣнія, и потому представляется лишнею. Съ другой стороны, недостаточно установить, что авторъ Тайной Исторіи хотѣлъ того же самаго, какъ Прокопій. Слѣдуетъ изучить, каковъ былъ кругъ его свѣдѣній, могъ ли онъ быть современникомъ Юстиніана по степени знакомства съ событіями. Требуется узнать, не отличаются ли его извѣстія такимъ незнаніемъ фактовъ, которое исключало бы возможность приписывать ихъ Прокопію. Необходимо изслѣдовать, останется ли за извѣстіями Тайной Исторіи, за освобожденіемъ ихъ отъ свойственнаго памятникамъ такого рода пристрастія, неточности и безпорядка, приблизительно такая же степень сообразности съ фактами, какая должна быть установлена критикой для извѣстій Прокопія. Въ случаѣ отрицательнаго отвѣта на эти требованія, никакое тожество идеаловъ и убѣжденій не искоренитъ подозрѣнія противъ Тайной Исторіи. Сомнѣніе останется, хотя бы за нимъ не стояло никакого доказательства. Поэтому мы предпочитаемъ второй путь, направляющій наше изученіе на болѣе благодарные и менѣе изслѣдованные вопросы. Анализъ отдѣльныхъ извѣстій Тайной Исторіи или изслѣдованіе ея достовѣрности имѣетъ свою важность, свои задачи, свой методъ. Для него вопросъ о подлинности служитъ введеніемъ. Но связь между обоими вопросами понятна.

---

1) Dahn, 144—252. 268—286.

Аргументы скептиковъ можно устранить, въ подлинности различными путями можно убѣдиться; недоумѣніе, вызываемое существованіемъ Тайной Исторіи, можетъ быть разрѣшено только критическимъ изученіемъ ея извѣстій, въ связи съ эпохой и при помощи другихъ источниковъ.

Б. Панченко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Прибавленіе къ статьѣ: „О значеніи славянскаго перевода Малалы“.

Мы высказали въ своей статьѣ увѣренность въ томъ, что съ расширеніемъ нашего знакомства съ греческими текстами, такъ или иначе проистекающими изъ первоначальной хроники Іоанна Малалы, все болѣе будетъ раскрываться полнота и точность греческаго оригинала славянскаго переводчика.

Новѣйшая публикація извлеченій изъ Іоанна рукописи Paris. suppl. 682 saec. X въ книгѣ А. Вирта (Wirth) Chronographische Späne (Frankf. a. M. 1894) даетъ новыя и существенныя дополненія къ греческимъ текстамъ, которыя и на этотъ разъ покрываются славянскимъ переводомъ.

Впервые сообщая греческій оригиналъ предисловія хронографіи, точный переводъ котораго на славянскій языкъ сохраняетъ архивская рукопись [1]), эта публикація имѣетъ, намъ кажется, особенную цѣнность въ томъ смыслѣ, что приведетъ, быть можетъ, къ нѣкоторому согласію ту разноголосицу мнѣній объ отношеніи между лѣтописными трудами двухъ антіохійскихъ лѣтописцевъ, Малалы и такъ называемаго Іоанна Антіохійскаго, какая наблюдается въ текущей иностранной литературѣ.

Въ то время какъ E. Patzig, правда, на основаніи весьма проблематическихъ соображеній, нашелъ возможнымъ вернуться къ обыч-

1) До сихъ поръ иностранные ученые прибѣгали къ обратному переводу славянскаго предисловія на греческій языкъ. Кромѣ перевода Гаупта, былъ сдѣланъ такой переводъ еще М. Ердманомъ въ его Adversaria critica in Malalae Chronographiam въ Festschr. d. Protest. Gymn. in Strassb. 1889, ср. E. Patzig, въ Progr. d. Thomasschule zu Leipzig. 1891, S. 11, S. 18 f.). Къ сожалѣнію, и новый греческій текстъ опускаетъ, по оплошности писца, слова, соотвѣтствующія словамъ славянскаго перевода: «сказати и мнѣ», λέξαι (ἀποδεῖξαι, μεθερμηνεῦσαι Erdm., διεξελθεῖν Wirth) καὶ ἐμοί (ἐπ' ἐμοῦ Haupt, ὑπ' ἐμοῦ c. inf. pass. Sotiriadis), возбудившія различныя конъектуры.

ному мнѣнію, что Іоаннъ Антіохійскій (патріархъ съ 631—649 г.г.) написалъ свою лѣтопись въ періодъ между 610 и 630 г.г. и что трудъ его предшественника Іоанна Малалы служилъ ему однимъ изъ источниковъ[1]), А. Wirth въ указанной книгѣ, приписывая издаваемые имъ отрывки изъ Іоанна Іоанну Антіохійскому, относитъ его лѣтописную дѣятельность ко времени около 530 по Р. Хр. (согласно выводамъ греческаго ученаго Сотиріадиса) и считаетъ его источникомъ Малалы (S. 2).

Только плохимъ знакомствомъ со славянскимъ переводомъ Малалы, впрочемъ вполнѣ понятнымъ, можно объяснить сомнѣнія Вирта въ томъ, что славянскій переводчикъ даетъ намъ переводъ именно Малалы (S. 3). Такъ какъ Виртъ самъ признаетъ, что издаваемый имъ греческій текстъ предисловія Іоанна въ точности покрывается славянскимъ переводомъ, и даже исправляетъ на основаніи послѣдняго искаженіе въ греческомъ текстѣ нѣкоторыхъ изъ именъ цитуемыхъ въ предисловіи авторитетовъ Малалы, то онъ, конечно, принужденъ будетъ отказаться отъ своего отождествленія автора издаваемыхъ имъ отрывковъ (Іоанна) съ Іоанномъ Антіохійскимъ, какъ скоро приготовляемый теперь къ печати трудъ г. Глейе точнѣе познакомитъ иностранныхъ ученыхъ со славянскимъ переводомъ Малалы. Но не только предисловіе, но и большая часть прочаго греческаго текста парижской рукописи, издаваемаго Виртомъ, не исключая и нѣкоторыхъ мелкихъ его добавленій къ прежде извѣстнымъ отрывкамъ изъ первой книги Малалы, точнѣйшимъ образомъ покрываются славянскимъ переводомъ.

Заглавіе текста, издаваемаго Виртомъ, ничего не говоритъ намъ о томъ, какого Іоанна слѣдуетъ разумѣть здѣсь: Ἐγκύκλιον Ἰωάννου *καταγόμενον ἐκ τῶν χρόνων Κωνσταντίνου τοῦ μεγάλου εἰς χρόνον κτίσεως κόσμου*. Извѣстно, что и въ оксфордской рукописи заглавіе утеряно вмѣстѣ съ первою и частью второй книги хронографіи. Чильмидъ далъ свое заглавіе — *Ἰωάννου Μαλάλα χρονογραφία* на основаніи ссылки

1) Patzig, Progr. d. Thomasschule zu Leipzig 1892, S. 22. Несмотря на обстоятельность ученаго матеріала въ этой и предшествующей программахъ Патцига, мы не можемъ раздѣлять его отношенія къ традиціи. Его предположеніе чуждыхъ вставокъ въ извлеченіи Константинова сборника περὶ ἐπιβ. эскур. рукоп. изъ Іоанна Антіохійскаго (2 Progr. S. 13) кажется намъ не менѣе произвольнымъ, чѣмъ предположеніе, будто бы авторы конца VI (Евагрій) и первой половины VII (Пасх. хрон.) в.в. пользовались Малалой безъ 18 книги его хронографіи, а авторы IX—X в.в. всѣми 18-ю книгами, хотя 18-ая книга была написана вскорѣ послѣ смерти Юстиніана, только позже 17-ти первыхъ (1 Progr. S. 25). Почему же только въ IX—X в.в. вышла 18-ая книга на свѣтъ Божій!

Іоанна Дамаскина (Orat. 3 pro imaginibus, ed. Leg. vol. I, p. 368 ἐκ τῆς χρονογραφίας Ἰωάννου Ἀντιοχείας τοῦ καὶ Μαλάλα cf. p. 236—239 Mal. ed. Bonn.), цитата коего вполнѣ сходится съ текстомъ Малалы оксфордской рукописи. Ясно различены Ἰωάννης ὁ ἐπίκλην Μαλέλας и Ἰωάννης ὁ Ἀντιοχεύς въ туринской рукописи. Περὶ ἀρετῆς καὶ κακίας и въ эскуріальской рукописи Περὶ ἐπιβουλῶν. Также у Іоанна Цецы надо отличать двухъ авторитетовъ, Ἰωάννης ὁ Ἀντιοχεύς и Ἰωάννης τις Μαλέλης или Ἰω. τίς Μελέλης χρονογράφος (cf. Patzig, 2 Progr., S. 17).

Въ Parisin. 1630 въ сборникѣ фрагментовъ Іоанна Антіохійскаго очень краткое извлеченіе изъ предисловія приводится подъ именемъ Ἰωάννου Ἀντιοχέως. Но мы уже подтвердили сопоставленіемъ со славянскимъ переводомъ выводъ тѣхъ нѣмецкихъ критиковъ, которые отнесли эти фрагменты Paris. 1630 къ Малалѣ. То же самое приложимо и къ извлеченіямъ, издаваемымъ Виртомъ.

Греческое предисловіе читается такъ: Δίκαιον ἡγησάμην μετὰ τὸ ἀκροτηριάσαι τινὰ ἐκ τῶν Ἑβραϊκῶν κεφαλαίων ὑπὸ Μωϋσέως χρονογράφων Ἀφρικανοῦ καὶ Εὐσεβίου τοῦ Παμφίλου καὶ Παυσανίου καὶ Σισιννίου καὶ Θεοφίλου καὶ Κλήμεντος καὶ Διοδώρου καὶ Δομνίνου καὶ Καάθ καὶ ἄλλων πολλῶν φιλοπόνων χρονογράφων καὶ ποιητῶν εἰσθέσεσιν καὶ σοφῶν μετὰ πάσης ἀληθείας τὰ συμβάντα ἐν μέρει ἐν τοῖς χρόνοις τῶν βασιλέων ἕως τῶν συμβεβηκότων ἐν τοῖς ἐμοῖς χρόνοις ἐλθόντων εἰς τὰς ἐμὰς ἀκοάς, λέγω δὴ ἀπὸ Ἀδὰμ ἕως τῆς βασιλείας Ζήνωνος καὶ τῶν ἑξῆς βασιλευσάντων. δεῖ δὲ καὶ τοὺς μετὰ ταῦτα συγγράψασθαι τὰ λοιπὰ ἀρετῆς χάριν.

Мы видимъ, что греческій текстъ далеко не въ удовлетворительномъ видѣ переданъ намъ переписчикомъ. Пропущены не только слова, отвѣчающія словамъ славянскаго перевода: «сказати и мнѣ», но, вѣроятно, и между Μωϋσέως и χρονογράφων. Совершенно искажены имена Σισιννίου (Paris. 1630 и славян. перев. Διδύμου) и Καάθ (по слав. перев. Εὐσταθίου) и слово ἐσθέσεσιν (ἱστορικῶν, ἱστορέων?). Зато новый греческій текстъ даетъ вмѣстѣ со слав. переводомъ Παυσανίου (при Παππίου cod. Paris. 1630). Особенное значеніе имѣютъ пропущенныя въ славянскомъ переводѣ слова: ἕως τῶν συμβεβηκότων ἐν τοῖς ἐμοῖς χρόνοις. Этотъ пропускъ вызвалъ далѣе пропускъ въ переводѣ послѣ λέγω δή (глаголю убо): «отъ царства Зинона» вмѣсто: «отъ Адама до царства Зинона».

За предисловіемъ читаемъ у Вирта: ἐξέθεντο οὖν οἱ πλείονες συγγραψάμενοι τὴν κοσμικὴν ἔκθεσιν εἶναι οὕτως.

Λόγος α̅ χρόνων Ἀδάμ.

Ἐκτίσθη ἤτοι ἐδημιουργήθη ὑπὸ τοῦ θεοῦ ὁ πρῶτος ἐκ γῆς κτλ.

Слав. пер. арх. рукоп. сказаша оубо прежде писавшеи мирское бытие сице сущее. А далѣе: създанъ рекше сътворенъ бы͠ отъ бг͠а землею пръвыи чл͠къ адамъ и проч.

Новый греческій текстъ даетъ и ссылку на Фуртина или Фуртуна съ указаніемъ на мѣстонахожденіе въ Константинополѣ. Текстъ славянскаго перевода, впрочемъ, болѣе точенъ:

Wirth, S. 5: ἅτινα ὁ σοφώτατος Φουρτοῦνος συνεγράψατο εἰς ἣν εἶπεν ἔκθεσιν ἐν Κωνσταντινουπόλει.

се же мꙋдрыи фортоунъ римскыи хранографь списа. еже твореніе въ константинѣ градѣ изоу брѣтох.

Дальнѣйшій текстъ въ архивномъ спискѣ изобилуетъ посторонними вставками, но, повидимому, и здѣсь сохраняется извлеченіе изъ Малалы, какъ будетъ ясно изъ слѣдующаго сопоставленія съ болѣе полнымъ новымъ греческимъ текстомъ:

Wirth, S. 5. ἰδόντες δὲ υἱοὶ τοῦ θεοῦ τὰς θυγατέρας τῶν ἀνθρώπων, ὅτι καλαί εἰσιν, ἔλαβον ἑαυτοῖς γυναῖκας ἀπὸ πασῶν ὧν ἐξελέξαντο ὥς φησι Μωυσῆς, καὶ ἐπορεύοντο πρὸς αὐτάς, καὶ ἐγέννησαν ἑαυτοῖς υἱοὺς καὶ ἦσαν γίγαντες ἐπὶ γῆς ἐν ταῖς ἡμέραις ἐκείναις οἱ ἀπ' αἰῶνος ἄνθρωποι οἱ ὀνομαστοί· ἐγένετο δὲ ἀπὸ Ἀδὰμ ἕως τοῦ οἱ ἄγγελοι ἐπεθύμησαν οἱ υἱοὶ Σὴθ γυναικῶν ἤγουν τὰς θυγατέρας τῶν ἀνθρώπων φυλῆς τοῦ Κάιν ἔτη δισχίλια (,βσκβ' у Крамера въ Ἐκλογαί Paris. 1336).

Ἐν τοῖς χρόνοις τούτοις σφαῖραν πυρὸς κτλ.

Арх. сп., л. 20 обор. видѣвше* рече сн͠овi бж͠iи дщери чл͠ческыѧ ꙗко добри соуть поꙗша собѣ жены ѿ всѣхъ ꙗже избраша..... и внидоша агг͠ли бж͠iи къ дщеремъ чл͠ческымъ. ꙗко рече ѡ нихъ моиси и родиша имъ сн͠ы и бышаа гиганте на земли ѿ вѣка чл͠ци нарочити.... бѣже ѿ адама донеле* агг͠ли помыслиша на дщери чл͠ческы. лѣтъ д͠вѣ тысащи и р͠ и к͠ и двѣ лѣтѣ: ⁘ ѡ гигантѣх како ижъжесѧ крада огньнаѧ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи о гигантахъ Виртъ даетъ впервые греческій текстъ цитаты изъ Тимоѳея, до сихъ поръ сохранявшейся только въ славянскомъ переводѣ (S. 6 f.):

ὁ δὲ σοφώτατος Τιμόθεος τὴν αὐτὴν ποίησιν ἑρμήνευσεν οὕτως, ὅτι διὰ τοῦτο ὁ ποιητὴς εἶπεν αὐτοὺς ἀνθρώπους δρακοντόποδας, διότι τεθηριωμένας εἶχον τὰς γνώμας μηδὲν τῶν τοῦ ἀνθρώπου ἀγαθῶν λογίζο-

μένους, ἀλλ' ἔχοντας πόδας βαδίζοντας εἰς τὰ πονηρὰ καὶ ἄδικα πράγματα τῆς γῆς. τούτου χάριν τὸ θεῖον νομικῆς κινήσεως καὶ τοῦ ἡλίου καὶ τῆς σελήνης τοὺς μὲν ἀπὸ κεραυνίου πυρὸς ἐκέλευσεν ἀπολέσθαι, τοὺς δὲ ἀπολιθωθέντας τὰ σώματα ἄλλους τοῦ θανάτου τοξευθῆναι, ἑτέρους δὲ τραύμασι σπαραχθῆναι ὡς λόγχης, τοὺς δὲ λοιποὺς ὑπὸ πλήθους ὑδάτων βυθισθῆναι καὶ οὕτως οἱ γίγαντες ἤτοι δρακοντόποδες κακῶς ἀναλωθέντες ἐπλήρωσαν τὸν ἴδιον βίον.

Въ двухъ мѣстахъ славянскій переводъ позволяетъ исправить этотъ греческій текстъ: Вм. μηδὲν τῶν τοῦ ἀνθρώπου ἀγαθῶν λογιζομένους слѣдуетъ читать, согласно со славянскимъ переводомъ (ничесоже блг҃аго нбн҃аго на оумѣ имоуща), μηδὲν τῶν τοῦ οὐρανοῦ ἀγαθῶν λ., и вм. νομικῆς κινήσεως (звѣзднымъ простираніемъ) — ἀστρονομικῆς κινήσεως.

Остается отмѣтить еще одно небольшое дополненіе къ извѣстнымъ до сихъ поръ греческимъ текстамъ новаго текста въ замѣткѣ о каменныхъ и глиняныхъ таблицахъ потомковъ Сиѳа — ὡς καὶ Ἰώσηπος ὁ σοφώτατος συνεγράψατο ἐν τῷ δευτέρῳ τῆς ἀρχαιολογίας αὐτοῦ. Славянскій переводчикъ, передавая это: «такоже и [Io]сифъ списа во второмъ листѣ сначала книгъ своихъ», очевидно, по своему понялъ слово ἀρχαιλογία: (срв. Κατελλιναρία Mal. p. 209, 3 «въ списаніи еже на еллины» и т. п.).

Можно строить всевозможныя предположенія о первоначальной основѣ хроники Малалы, которая только переработана позднѣйшимъ лѣтописцемъ, о степени зависимости Малалы отъ Іоанна Антіохійскаго и наоборотъ; всѣ эти ученыя комбинаціи могутъ быть очень остроумны и правдоподобны, но, по нашему убѣжденію, не слѣдуетъ слишкомъ поспѣшно выбрасывать за бортъ всѣ свидѣтельства рукописной традиціи и, въ угоду заранѣе составленнымъ представленіямъ, стараться устранять ихъ съ пути произвольными предположеніями.

Для насъ, пока, ясно одно, что Малала написалъ свою лѣтопись послѣ смерти Юстиніана В. и притомъ со времени Зинона пользовался для этой лѣтописи (рядомъ съ нѣкоторыми литературными источниками и архивными документами) разсказами своихъ старшихъ современниковъ. Если онъ говоритъ о времени начиная съ царствованія Зинона какъ о своемъ времени (οἱ ἐμοὶ χρόνοι), но о событіяхъ этого времени хочетъ говорить по слухамъ, то ясно, что самъ онъ не былъ очевидцемъ и зрѣлымъ наблюдателемъ еще событій царствованія Зинона. Опредѣленіе въ началѣ XVIII-ой книги числа лѣтъ всего царство-

ванія Юстиніана В. понятнымъ образомъ устраняетъ возможность относить его зрѣлый возрастъ къ столь раннему времени. Виртъ пробуетъ объяснить текстъ предисловія въ пользу Іоанна Антіохійскаго («Wir dürfen aus der besonderen Hervorhebung Zenons, gestorben 491, schliessen, dass unter ihm das Werk begonnen wurde, seine Regierung also ursprünglich das Endziel gewesen. So bestätigt sich der Ansatz von Sotiriades, der Iohannes' Abschluss auf 530 n. Chr. bestimmte», S. 4). Но славянскій переводъ устраняетъ всякую мысль объ Іоаннѣ Антіохійскомъ, какъ авторѣ предисловія, и самое объясненіе Вирта весьма проблематично.

С. Шестаковъ.

Берлинъ.
Февраля 4/16 1895 г.

3.

Каноническіе отвѣты Никиты, митрополита Солунскаго (XII вѣка?).

Съ именемъ Никиты, митрополита Солунскаго, извѣстны по печатнымъ изданіямъ источниковъ византійскаго церковнаго права двѣ статьи съ такими надписаніями: 1) Ἐρωτήσεις καὶ ἀποκρίσεις διάφοροι, γενόμεναι παρὰ διαφόρων ἀρχιερέων πρὸς τὸν χαρτοφύλακα κύριον Νικήταν, τὸν γεγονότα ἀρχιεπίσκοπον τῆς μητροπόλεως Θεσσαλονίκης — 13 отвѣтовъ и 2) Λύσις на ὑπόμνησις τινὸς μοναχοῦ Καππαδόκου Βασιλείου τοὔνομα πρὸς τὸν Θεσσαλονίκης κυρὸν Νικήταν τὸν Μιτυληναῖον περὶ δούλων, ἵνα ἱερολογῶνται — 1 отвѣтъ. Первые издатели обѣихъ этихъ статей, Бонефидій и Леунклавій, приписали ихъ одному и тому же автору, не опредѣляя времени, когда онъ жилъ [1]). Единство автора той и другой статьи признаютъ также Алляцій и Лекёнъ и указываютъ его въ лицѣ Никиты, митрополита Солунскаго, по прозванію Митилинца, жившаго около половины XIII вѣка [2]). Но издатели аѳинской Синтагмы каноновъ (Ралли и Потли) раздѣлили тѣ же самые отвѣты между двумя соименными, но разновременными Солунскими митрополитами: отвѣты съ первымъ надписаніемъ они приписали Никитѣ Солунскому, который, по ихъ словамъ, жилъ во времена Іоанна Комнина (1118—1143) и сначала былъ патріаршимъ хартофилаксомъ, а потомъ епископомъ Μαρωνείας [3]); отвѣтъ же со вторымъ надписаніемъ отдали тому (позднѣйшему) Никитѣ Солунскому, котораго Алляцій и Лекёнъ считаютъ авторомъ *всѣхъ* отвѣтовъ [4]). Издатели

---

1) См. Bonefidii, Juris orientalis lib. III, p. 203—216 и Leunclavii, Jus graecoromanum, t. I, p. 344—351; ср. стр. 409—411, гдѣ напечатанъ *въ другой разъ* отвѣтъ Никиты монаху Василію.

2) Allatii Diatriba de Nicetis № XIII по изданію Mai, Nova patrum bibliotheca, t. VI, pars II, p. 23; Lequien, Oriens christianus, t. II, p. 62, № XLVI.

3) Σύνταγμα, т. V, стр. 382, прим. 1.

4) Тамъ же, стр. 443, прим. 1.

Синтагмы не указываютъ основаній, на которыхъ они совершили этотъ раздѣлъ однородныхъ сочиненій между двумя соименными авторами. Одно несомнѣнно, что при Іоаннѣ Комнинѣ въ Солуни дѣйствительно былъ митрополитъ Никита: онъ упоминается въ записи на одной книгѣ, писанной тамъ въ 1133 году [1]); но былъ ли онъ прежде хартофилаксомъ и потомъ епископомъ Маронійскимъ, это весьма сомнительно. Никита Солунскій, отличаемый сейчасъ указанными двумя признаками, не разъ упоминается Пахимеромъ, который представляетъ его современникомъ не Іоанна, а Мануила Комнина (1143—1180) [2]). Можетъ быть, этотъ Никита есть одно лицо съ Никитою Μαρωνείας, имя котораго стоитъ въ синодальномъ актѣ 1171 года, издаваемомъ нами подъ слѣдующимъ №. Такимъ образомъ установленное издателями аѳинской Синтагмы канововъ различіе двухъ Никитъ, митрополитовъ Солунскихъ, извѣстныхъ своими каноническими отвѣтами, должно быть признано правильнымъ; только относительно старшаго Никиты (сначала хартофилакса а потомъ епископа Маронійскаго) необходимо сдѣлать выше указанную хронологическую поправку.

Новый и болѣе трудный вопросъ вызываютъ другіе, ни разу не изданные каноническіе отвѣты, носящіе на себѣ такое надписаніе: Ἐρωτήσεις διαφόρων νομίμων καὶ κανονικῶν ζητημάτων ἀνενεχθεῖσαι Νικήτᾳ τῷ ἱερωτάτῳ μητροπολίτῃ Θεσσαλονίκης, καὶ λύσεις αὐτῶν ἀπολυθεῖσαι παρ' αὐτοῦ. Которому изъ двухъ или даже трехъ выше упомянутыхъ Никитъ, митрополитовъ Солунскихъ, могутъ быть съ большею вѣроятностію приписаны эти отвѣты? Приведенное надписаніе ихъ, очевидно, ничего не даетъ для рѣшенія этого вопроса: авторъ не названъ ни бывшимъ хартофилаксомъ, ни ὁ Μαρωνείας, ни ὁ Μιτυληναῖος. Но самое содержаніе отвѣтовъ, повидимому, указываетъ на эпоху болѣе раннюю, чѣмъ когда жилъ Никита, бывшій хартофилаксъ Великой церкви (онъ же и ὁ Μαρωνείας). Такъ въ первомъ и второмъ отвѣтѣ авторъ является представителемъ еще старыхъ, строгихъ воззрѣній на повторительные браки, именно: третій бракъ онъ признаетъ не дозволеннымъ, по крайней мѣрѣ, для *женщинъ* (отв. 1), а о второмъ высказываетъ довольно оригинальное мнѣніе: «если изъ

---

1) См. Montfaucon, Palaeographia graeca, p. 60. Извѣстно еще одно сочиненіе какого-то Никиты, митрополита Солунскаго, въ спискѣ *XII вѣка* (Muralt, Catalogue des mss. grecques de la bibliothèque impériale publique, № XCV).

2) Свидѣтельства Пахимера объ этомъ Никитѣ приведены Алляціемъ въ извѣстномъ сочиненіи de consensione, p. 705—706. Ср. Hergenröther, Patriarch Photius Bd. III, s. 796, not. 39.

брачущихся лицъ одно вступаетъ въ первый бракъ, а другое во второй, то вѣнчанія удостоивается одно только первобрачное лицо» (отв. 2). Трудно допустить, чтобы такіе отвѣты могъ давать духовный іерархъ, жившій во второй половинѣ XII вѣка и по прежней своей должности — патріаршаго хартофилакса, конечно, хорошо знакомый съ современною практикою Великой церкви по отношенію къ третьимъ и въ особенности ко вторымъ бракамъ; а эта практика, какъ мы уже знаемъ изъ свидѣтельствъ Никиты Ираклійскаго и Вальсамона [1]), далеко расходилась съ воззрѣніями автора издаваемыхъ отвѣтовъ. Поэтому надобно думать, что онъ жилъ значительно раньше Никиты Μαρωνείας и, можетъ быть, есть тотъ самый Никита, митрополитъ Солунскій, который извѣстенъ по выше упомянутой записи 1133 года, или даже другой — старшій, занимавшій Солунскую каѳедру въ концѣ XI или въ началѣ XII вѣка, но остающійся до сихъ поръ не неизвѣстнымъ [2]). Впрочемъ, какому бы Никитѣ Солунскому ни принадлежали издаваемые отвѣты, они во всякомъ случаѣ заслуживаютъ полнаго изданія. Въ нихъ содержится не мало любопытныхъ данныхъ для исторіи византійскаго брачнаго права (таковы, кромѣ двухъ выше указанныхъ, отвѣты 3, 4, 13, 15). Не лишены значенія для ученаго канониста и нѣкоторые другіе отвѣты, въ особенности 8-й (объ общеніи православныхъ съ армянами), 14-й (объ обычаѣ братотворенія или побратимства), 7 и 9-й (объ условіяхъ принятія въ клиръ) и пр. Издавая эти отвѣты по рукописи Московской синодальной библіотеки № 445 (XV в.), л. 50—52, мы присоединяемъ къ нимъ изъ другой, позднѣйшей рукописи той же библіотеки (№ 33, л. 30) одинъ весьма любопытный отвѣтъ, стоящій подъ особымъ заглавіемъ: Ἐρωτήσεις διάφοροι πρὸς τῶν χαρτοφύλακα κῦρ Νικήταν, τὸν ὕστερον Θεσσαλονίκης ἀρχιερέα, καὶ ἀποκρίσεις ἐπ' αὐταῖς. Это заглавіе, очевидно, не можетъ

1) См. наше предисловіе къ памятнику № 1.

2) Такъ какъ въ выше приведенномъ надписаніи издаваемыхъ нами отвѣтовъ авторъ ихъ названъ только митрополитомъ Солунскимъ, то отсюда можно было бы заключать, что и Никита Μαρωνείας, получивъ этотъ высокій іерархическій постъ, сталъ проводить въ своей административной и судебной дѣятельности болѣе строгія воззрѣнія на вторые и третьи браки, чѣмъ какихъ держалась Великая церковь. Но при этомъ не нужно забывать, что заинтересованныя лица, недовольныя строгостью своего митрополита, могли прямо обращаться къ самой патріархіи съ просьбами о повѣнчаніи вторыхъ и дозволеніи третьихъ браковъ и получать здѣсь то, въ чемъ отказывалъ имъ мѣстный іерархъ. Такимъ образомъ практика провинціальныхъ церквей (митрополій) по необходимости должна была согласоваться съ практикою Великой церкви.

относиться къ одному только издаваемому нами отвѣту, а предполагаетъ болѣе или менѣе длинный рядъ и другихъ отвѣтовъ. Дѣйствительно, въ указанной рукописи слѣдуютъ далѣе тѣ самые отвѣты, которые въ аѳинской Синтагмѣ каноновъ усвоены Никитѣ Солунскому, бывшему прежде патріаршимъ хартофилаксомъ и епископомъ Маронійскимъ; но надъ этими послѣдними отвѣтами страннымъ образомъ выставлено въ синодальной рукописи новое заглавіе: Ἀποκρίσεις τοῦ Σερρῶν (разумѣется, конечно, Никита Ираклійскій). Что это заглавіе есть плодъ недомыслія позднѣйшихъ писцовъ, а не принадлежность оригинальной редакціи отвѣтовъ, видно изъ одной рукописи XIV вѣка, находящейся во Флорентійской Лаврентіевой библіотекѣ. Отвѣты выше упомянутаго Никиты, митрополита Солунскаго, извѣстные по печатнымъ изданіямъ, начинаются въ этой рукописи съ того же самаго неизданнаго отвѣта, какъ и въ синодальной, и всѣ стоятъ подъ *однимъ общимъ* заглавіемъ, какое въ синодальной рукописи выставлено только надъ *первымъ* (неизданнымъ) отвѣтомъ [1]). Въ этомъ отвѣтѣ рѣшается вопросъ, на который мы не находимъ рѣшенія въ другихъ извѣстныхъ источникахъ византійскаго церковнаго права, именно: «можно ли въ одну и ту же литургію рукополагать священника и діакона, и не запрещено ли рукоположеннаго сегодня во діаконы на другой или на третій день производить въ священники?» Ученому канонисту нашего времени, безъ сомнѣнія, будетъ весьма любопытно прочитать рѣшеніе этого вопроса, данное канонистомъ— практикомъ XII вѣка,—и вотъ причина, почему мы присоединяемъ это рѣшеніе къ отвѣтамъ, принадлежащимъ, какъ думается намъ, другому, старшему Никитѣ, митрополиту Солунскому.

Ἐρωτήσεις διαφόρων νομίμων καὶ κανονικῶν ζητημάτων ἀνενεχθεῖσαι Νικήτᾳ, τῷ ἁγιωτάτῳ μητροπολίτῃ Θεσσαλονίκης, καὶ λύσεις αὐτῶν ἀπολυθεῖσαι παρ' αὐτοῦ [2]).

1) Ἐρώτησις· Εἰ χρὴ γυναῖκα διγαμήσασαν εἰς τρίτον ἐλθεῖν συνοικέσιον;

Ἀπόκρισις· οὐ χρή.

1) См. Bandini, Catalogus codicum mss. bibliothecae Mediceae Laurentianae t. I, p. 11. № XCVIII.

2) Нужно замѣтить, что въ «Описаніи» о. архимандрита Владиміра авторъ отвѣтовъ названъ митрополитомъ *Ираклійскимъ*, а не Солунскимъ, и первымъ вопросомъ и отвѣтомъ показанъ не первый, а второй (стр. 465). Послѣдняя ошибка допущена и въ каталогѣ Матеи (стр. 332, n⁰ 25).

2) Ἐρώτησις· Εἰ χρὴ στεφανοῦσθαι τοὺς διγαμοῦντας; καὶ εἰ τὸ ἓν μέρος παρθενεύει, τί ὀφείλει γίνεσθαι;

Ἀπόκρισις· τὸ μὲν παρθενεῦον μέρος ἐξάπαντος διὰ τὴν τῆς παρθενίας φυλακὴν, ὡς ἄξιον στεφάνων, καὶ στεφανωθήσεται· τὸν δὲ δίγαμον, καὶ ὁ ὅσιος Θεόδορος ὁ Στουδίτης καὶ πρὸ αὐτοῦ ὁ τὴν γλῶτταν χρυσοῦς, καὶ ἁπλῶς ὁ ὀρθὸς λογισμὸς κωλύει στεφανοῦσθαι· κατὰ παραχώρησιν γὰρ ὁ δεύτερος γάμος καὶ κατὰ συγκατάβασιν δίδοται, ὅθεν καὶ ἐπιτιμᾶται.

3) Ἐρώτησις· ἐὰν γυνὴ ὑποχωρήσῃ, ἐάσασα τὸν αὐτῆς ἄνδρα ἄνευ αἰτίας τινὸς, λάβῃ δὲ ἐκεῖνος ἑτέραν, χρὴ λαβεῖν καὶ τὴν γυναῖκα ἕτερον ἄνδρα, ἢ οὔ; εἰ δὲ διὰ τὸ μοιχεύεσθαι αὐτὴν καταλείψῃ ταύτην ὁ ἀνὴρ αὐτῆς καὶ λάβῃ ἑτέραν, τί χρη; λαβεῖν κἀκείνην ἄνδρα, ἢ οὔ;

Ἀπόκρισις· ἔδει τὸν ἄνδρα τὴν ὑποχωρήσασαν ἀναιτίως παντοίως ἀνακαλεῖσθαι· νῦν δὲ λαβὼν ἑτέραν κἀκείνην παριδὼν, διπλῷ ὑπόκειται κρίματι, ἕως ἂν χωρισθῇ τῆς δευτέρας καὶ τὴν προτέραν ἀνακαλέσηται· ὑπούσης γὰρ τῆς προτέρας ἀνεγκλήτως καὶ χωρὶς τοῦ κατὰ νόμον διαζυγίου, ἡ δευτέρα οὐ γνησία ἐστὶν, ἀλλὰ μᾶλλον καὶ πορνεία ἢ μοιχεία τὸ πρᾶγμα λογίζεται. Καὶ οὐ μόνον ὁ ἀνὴρ ὑπεύθυνος, ἀλλὰ καὶ ἡ γυνὴ, ἐάνπερ οἶδε τὸ γεγονός. Ἐὰν δὲ ἡ προτέρα ἠλέγχθη μοιχαλὶς κατὰ τὴν τῶν νόμων ἀκρίβειαν, καὶ ἐπέμφθη αὐτῇ ὑπὸ δικαστηρίου ῥεπούδιον, τότε δευτέραν λαμβάνων γυναῖκα ὁ διαζευχθεὶς ἐκείνης οὐκ ἐγκλητέος ἐστίν· ἡ δὲ ἐλεγχθεῖσα μοιχαλὶς οὐ μόνον οὐ λήψεται ἄνδρα, ἀλλ' εἰ καὶ τὰς νομίνους διαδράσει ποινὰς, τέως εἰς μοναστήριον προσκλαίειν πεμφθήσεται.

4) Ἐρώτησις· εἴπερ κέκτηταί τις παλλακὴν, προσέλθῃ δὲ τῇ ἐκκλησίᾳ ἐπὶ τῷ μετὰ ἑτέρας εὐλογηθῆναι, μὴ ἐκστὰς πρώτην τοῦ τοιούτου σφάλματος, χρὴ ἀξιοῦσθαι τῆς εὐλογήσεως;

Ἀπόκρισις· πρῶτον χρὴ ἀπαλλατριῶσαι ἑαυτὸν τῆς παλλακῆς καὶ ποσῶς ἐγκρατεύεσθαι, καὶ οὕτω ζητῆσαι τὴν μετὰ τῆς σώφρονος εὐλόγησιν· ἐπεὶ ἔτι πορνεύων μετὰ τῆς παλλακῆς, πῶς εἰσελεύσεται εἰς ναὸν Κυρίου καὶ ἀξιωθήσεται τῆς εὐλογίας, ἢ ἐπιλήψεται τῶν ἁγιασμάτων;

5) Ἐρώτησις· εἰ μοναχὸς τὸ μοναχικὸν ἀποθέμενος σχῆμα κρεωφαγήσει, λάβῃ δὲ καὶ γυναῖκα, εἶτα οὐ βούλεται ὑποστρέψαι καὶ τοῦ τοιούτου σχήματος καταξιωθῆναι, ποταποῖς ἐπιτιμίοις ἐστὶν ὑπεύθυνος;

Ἀπόκρισις· ὁ τοιοῦτος μετὰ πρώτην καὶ δευτέραν παραίνεσιν, κατὰ φιλάνθρωπον λόγον, εἰ οὐκ ἐπιστρέφει μετὰ τοῦτο, οὐ μόνον τῆς ἐκκλησίας ἐκβληθήσεται, ἀλλὰ καὶ ἀναθεματισθήσεται.

6) Ἐρώτησις· ἐὰν ἱερεὺς ἀφορισθεὶς διὰ τὸ ἔχειν παλλακὴν, ἢ δι' ἄλλην αἰτίαν, καταφρονήσας [δὲ] τοῦ ἀφορισμοῦ, λειτουργήσῃ, ποίοις ἐπιτιμίοις ἐνέχεται;

Ἀπόκρισις· ἐὰν φανερὸν γέγονε τὸ ἔχειν παλλακὴν, καὶ ἠλέγχθη, καὶ οὕτως ἀφωρίσθη μόνον. μετὰ ταῦτα δὲ ἐλειτούργησεν, εἰ καὶ τοῦτο ἀληθὲς, καθαιρεῖται συνελεύσει ἐξ ἐπισκόπων· εἰ δὲ καὶ μετὰ τοῦτο πάλιν ἱερούργησε καὶ ἐλεγχθῇ, καὶ τῆς ἐκκλησίας ἐκκοπήσεται, καὶ ἔσται ἐκκήρυκτος, ἕως ἂν ἐπιγνοὺς τὰ ἑαυτοῦ, μετάνοιαν ἀληθῆ ἐπιδείξηται· τότε γὰρ διὰ τὴν τοῦ Θεοῦ φιλανθρωπίαν εἰσδεχθήσεται ἐν τῇ τάξει τῶν μετανοούντων λαϊκῶν.

7) **Ἐρώτησις**· ἐάν τις ἅπαξ πορνεύσας βουληθῇ γενέσθαι ἱερεὺς, πρότερον ἐκστὰς τοῦ τοιούτου σφάλματος, χρὴ χειροτονεῖσθαι;

Ἀπόκρισις· εἰ ἔστι καὶ τοῦτο φανερὸν καὶ ὁμολογούμενον παρὰ τοῦ πεπορνευκότος, εἰ μὲν οὐκ ἐχειροτονήθη, οὐδὲ χειροτονηθήσεται· εἰ δὲ ἐχειροτονήθη, παυθήσεται.

8) **Ἐρώτησις**· ἐάν τινες χριστιανοὶ συνεσθίωσιν ἀρμενίοις, παραγγελλόμενοι δὲ μὴ συνεσθίειν αὐτοῖς, καταφρονῶσι τῆς παραγγελίας, ποίοις ἐπιτιμίοις εἰσὶν ἔνοχοι;

[**Ἀπόκρισις**]· ὁ μακάριος Παῦλος, ἐάν τίς φησιν, ἀδελφὸς ὀνομαζόμενος ᾖ πόρνος, ἢ πλεονέκτης, ἢ εἰδωλολάτρης, ἢ λοίδορος, ἢ μέθυσος, ἢ ἅρπαξ, τῷ τοιούτῳ μηδὲ συνεσθίειν·[1]. πολλῷ δὲ πλέον φημὶ αἱρετικῷ οὐ χρὴ συνεσθίειν. Λέγει γὰρ ὁ ἀγαπητὸς Ἰωάννης καὶ περὶ αἱρετικῶν· εἴ τις ἔρχεται πρὸς ὑμᾶς καὶ ταύτην τὴν διδαχὴν οὐ φέρει, τούτῳ μηδὲ χαίρειν λέγετε[2], τουτέστι μηδὲ προσαγορεύητε ψιλῶς. Εἰώθαμεν γὰρ τοῖς μὲν γνησιωτάτοις τῶν φίλων καὶ συνεσθίειν, τοὺς δὲ πολλοὺς προσαγορεύειν ἢ ἐν συναντήσεσιν, ἢ καὶ διὰ γραμμάτων. Ὁ κοινωνῶν σὺν αἱρετικῷ ἀκοινώνητος ἔσται.

9) **Ἐρώτησις**· ἐάν τις μὴ ὢν ἱερεὺς, τῆς θείας λειτουργίας κατατολμήσῃ, εἶτα ἀπελθὼν καὶ κλέψας λογισμὸν ἀρχιερέως, πρὸ τοῦ γενέσθαι διάκονος, χειροτονηθῇ ἱερεὺς, ποίοις ἐπιτιμίοις ἔσται ὑπεύθυνος;

Ἀπόκρισις. ὁ τοιοῦτος ἐπὶ τρισὶν ἁμαρτήμασιν οὐκ ἀθωωθήσεται· ὅτι μὴ ὢν ἱερεὺς ὡς ἱερεὺς ἐλειτούργησεν· ὅτι προσελθὼν, τὸν ἀρχιερέα ἠπάτησεν, ὡς δῆθεν διάκονος· καὶ ὅτι πρὸ τοῦ χειροτονηθῆναι διάκονος, τὴν χειροτονίαν τοῦ πρεσβυτέρου κατεδέξατο. Πλὴν ἐπεὶ διὰ πάντων εἰς τὴν ἱερωσύνην προσέπταισε, φαίνεται δὲ καὶ ἀμαρτύρως χειροτονηθεὶς, τῆς ἱερωσύνης ἀπογυμνωθήσεται.

10) **Ἐρώτησις**· ἐάν τις μοναχὸς ἢ παπᾶς κλέψῃ τίμιον ξύλον, καὶ τὸν μὲν χρυσὸν πωλήσῃ, τοῦτο δὲ πυρὶ παραδώσῃ, ποίοις ἐπιτιμίοις ἐνέχεται;

---

1) I Коринѳ. V, 11.

2) II Іоан. 10.

Ἀπόκρισις· τῷ τῆς ἱεροσυλίας ἐγκλήματι ἔνοχος ὁ τοιοῦτος γέγονε, καὶ ὡς ἱερόσυλος ἐπιτιμηθήσεται· τῷ γὰρ πυρὶ δοῦναι καὶ τὸ τίμιον ξύλον, πρὸς τὸ λαθεῖν τὴν ἱεροσυλίαν, οἶμαι, ἐπενόησεν.

11. Ἐρώτησις· ἐάν τις συμφθαρῇ σαρακηνῷ, δέξηται δὲ καὶ τὸ πτύσμα αὐτοῦ εἰς τὸ οἰκεῖον στόμα, ποίοις ἐπιτιμίοις ἔνοχος ἔσται;

Ἀπόκρισις· ὁ τοιοῦτος, ἀρσενοκοίτης· εἰ καὶ πλέον τὶ αὐτῷ πρόσεστι, τοῖς κατὰ τῶν τοιούτων φερομένοις ἐπιτιμίοις κανονισθήσεται.

12. Ἐρώτησις· ἐάν τις λεχὼ μὴ φθάσῃ πληρῶσαι τὰς μ' ἡμέρας, ἔστι δὲ ἅγιον Πάσχα, ὀφείλει μεταλαβεῖν; καὶ εἰ οὐκ ὀφείλει, ποιήσει δὲ τοῦτο, ποίοις ἐπιτιμίοις ἐνέχεται;

Ἀπόκρισις· οὐκ ὀφείλει μεταλαβεῖν, εἰ μὴ πολλάκις ὑποπτεύεται θάνατος· εἰ δὲ μεταλάβῃ ἐξ ἀγνοίας, καὶ μετρίως ἐπιτιμηθήσεται.

13. Ἐρώτησις· ἐάν τις συζευχθεὶς γυναικὶ λάβῃ τὴν τῆς εὐλογίας εὐχὴν, οὐ φθάσει δὲ συγκοιμηθῆναι αὐτῇ διὰ τὸ εἶναι ταύτην ἀνήλικον, ἀλλὰ τελευτήσει ἡ γυνὴ, εἶτα ἔλθῃ εἰς δεύτερον συνοικέσιον ὁ ἀνὴρ, τελευτήσει δὲ καὶ ἡ δευτέρα, χρὴ λαμβάνειν αὐτὸν καὶ τρίτην γυναῖκα καὶ εὐλογεῖσθαι;

Ἀπόκρισις· Τρίτη τότε λέγεται, ὅτε ἡ πρώτη καὶ ἡ δευτέρα μὴ ἀμφιβάλληται· ἐνταῦθα δὲ ἡ λεγομένη πρώτη διὰ τὸ μὴ συγκοιτασθῆναι καὶ διὰ τὸ ἀνήλικον οὐδὲ γυνὴ σχεδὸν γέγονεν. Ὅμως εἰ μὲν οὐκ ἔλαβε τὴν λεγομένην τρίτην, οὐδὲ ἐπιτραπήσεται ταύτην λαβεῖν, διότι ἡ πρώτη, εἰ καὶ μὴ τῷ νόμῳ, ἀλλὰ τῇ θέσει γυνὴ γέγονεν· εἰ δὲ ἔλαβε τὴν τρίτην, συγγνώμης τινὸς ἀξιωθήσεται, κατάγε τὴν ἐμὴν διάκρισιν.

14. Ἐρώτησις· ἐάν τινες μέλλωσι ποιεῖν ἀδελφοποιίας, ὀφείλομεν αὐτὰς ποιεῖν, ἢ οὔ;

Ἀπόκρισις· ἡ λεγομένη ἀδελφοποίησις περιττή ἐστι καὶ ἀνθρώπων ἀγαπόντων μὲν δῆθεν, ἀνοητότερον δὲ διακειμένων· τὰ πολλὰ δὲ καὶ εἰς ἁμαρτήματα μέγιστα καταντᾶ. Ἔστι δὲ καὶ παραλογώτατον χωρὶς τούτου· πάντες γὰρ οἱ πιστοὶ ἀδελφοί ἐσμεν, καὶ ἀπὸ τοῦ θείου βαπτίσματος ἕνα πατέρα ἔχοντες τὸν θεόν. Καὶ τοιαύτη μὲν ἡ κατὰ χάριν ἀδελφότης· ἡ δὲ κατὰ φύσιν καὶ κατὰ νόμον, ἤγουν θέσιν, πατρὸς μεσιτεύοντος γίνεται· ἐνταῦθα δὲ οὐ μεσιτεύει πατὴρ, πῶς ἀδελφός; ἀδελφὸς γὰρ ἀδελφὸν οὐ γεννᾷ. Ἕπεται δὲ τῇ φύσει καὶ ὁ νόμος.

15. Ἐρώτησις· ἐάν τις γυνὴ συνοικήσῃ μετὰ ἀρμενίου, χριστιανὴ οὖσα, καὶ οὐ προαιρεῖται ὁ ἀρμένιος προσελθεῖν τῇ ἁγίᾳ ἐκκλησίᾳ, τί ὀφείλει ποιῆσαι;

Ἀπόκρισις· τὸ ἐξ ἀρχῆς ἀνυπόστατον οὐδὲ ἐρρῶσθαί ποτε δύναται. Εἰ μὲν οὖν ἀμφότεροι ἀρμένιοι ἦσαν ἐξ ἀρχῆς, εἶτα ἡ μὲν προσῆλθε τῇ

ἐκκλησίᾳ καὶ τὴν ὀρθοδοξίαν ἡρπάσατο, ὁ δὲ μένει αὐτῇ αἱρέσει, ἡ τούτων συνοίκησις οὐ διασπασθήσεται. Εἰ δὲ χριστιανή τις οὖσα συνῴκησεν ἀρμενίῳ, τοῦτο οὐκ ὤφειλε γενέσθαι. Γενήσεται οὖν γυνὴ ἀκοινώνητος,, ἕως ἂν ἀπὸ τοῦ αἱρετικοῦ διασπασθῇ. Εἰ γὰρ οὐδὲ χαίρειν χρὴ λέγειν τῷ αἱρετικῷ, πολλῷ μᾶλλον οὐ χρὴ συνοικεῖν.

16. Ἐρώτησις· ἐάν τις ὢν ἱερεὺς καταφρόνησῃ τοῦ τοιούτου ἀξιώματος καὶ ἔλθῃ εἰς δεύτερον συνοικέσιον, εἶτα ἀποκαρῇ, χρὴ δέχεσθαι λογισμοὺς πνευματικῶν παιδίων, ἢ οὔ;

Ἀπόκρισις· τὴν ἀπόκαρσιν, οἶμαι, ὁ τοιοῦτος διὰ τοῦτο προείλετο, ἵνα τὸ ἴδιον κλαύσῃ ἁμάρτημα, καὶ οὐ χρὴ αὐτὴν περαιτέρω χωρεῖν· τὸ γὰρ δέχεσθαι λογισμοὺς ἱερατικῆς ἀξίας ἐστί, τῆς ἐχούσης τὸ διδόναι καὶ ἄφεσιν. Ὁ δὲ διὰ σαρκὸς ἐπιθυμίαν τῆς ἀξίας ταύτης καταφρονήσας, πῶς δύναται πάλιν αὐτὴν ἐπαναλαβεῖν;

[17][1]). Ἐρώτησις· εἰκός ἐστιν ἐν τῇ αὐτῇ καὶ μιᾷ ἱερουργίᾳ ἱερέα καὶ διάκονον χειροτονηθῆναι; καὶ εἴπερ ἀκώλυτον, τὸν σήμερον χειροτονηθέντα διάκονον, μετὰ δευτέραν καὶ τρίτην ἡμέραν εἰς ἱερέα τελειωθῆναι;

Ἀπόκρισις· ἕνα μὲν καὶ τὸν αὐτὸν ἐν τῇ αὐτῇ καὶ μιᾷ ἱερουργίᾳ χειροτονηθῆναι διάκονον καὶ ἱερέα οὐκ ἔστιν εἰκός, ὅτι τοῦ κρατοῦντος ἔθους ἀπάγει καὶ τῆς ἀρχιερατικῆς τάξεως· οὐ γὰρ ἐν τῷ αὐτῷ τῆς θείας ἱερουργίας καιρῷ ὁ ἐπίσκοπος χειροτονεῖται, καὶ ὁ πρεσβύτερος, καὶ ὁ διάκονος, ἀλλὰ τῇ ἑκάστου τούτων χειροτονίᾳ ἴδιος ὑπάρχει καιρός· τῇ μὲν τοῦ ἐπισκόπου, μετὰ τὸν τρισάγιον εὐθύς· τῇ δὲ πρεσβυτέρου, μετὰ τὸν χερουβικὸν ὕμνον καὶ τὴν[2]) τῶν ἁγίων εἰσκομιδὴν καὶ ἀπόθεσιν· τῇ δὲ τοῦ διακόνου, μετὰ τὴν τῆς θείας λειτουργίας τελείωσιν. Καὶ αὕτη ἡ τάξις τῶν χειροτονιῶν ἐν ταῖς ἁπανταχοῦ ἁγιωτάταις ἐκκλησίαις ὡς νόμος κρατεῖ. Ἐπεὶ δὲ πρῶτον εἷς ἕκαστος δέχεται τὴν τοῦ διακόνου χειροτονίαν, μετὰ ταῦτα δὲ τὴν τοῦ πρεσβυτέρου, τὸ τὸν αὐτὸν καὶ ἕνα ἐν μιᾷ λειτουργίᾳ χειροτονεῖσθαι διάκονον καὶ πρεσβύτερον, ἐξ ἀνάγκης μετατιθεμένου καὶ τοῦ τῆς χειροτονίας καιροῦ, ἀνατρέπειν τὴν τάξιν ἐστὶ καὶ ἀθετεῖν [τὸ] ἔθος ἐκκλησιαστικόν, ὅπερ ἄτοπον. Τὸ δὲ ἄλλον μὲν χειροτονηθῆναι πρεσβύτερον ἕνα, ἄλλον δὲ διάκονον ἕνα [εἰκός ἐστι,][3]) πλείονας δὲ οἶμαι ἀνένδεκτον ἐν τῇ αὐτῇ καὶ μιᾷ λειτουργίᾳ, εἰ καὶ παρὰ κανόνος οὐχ εὕρηται κωλυόμενον, ἀλλ' οὐδὲ τάξιν ἀνατρέπει τινὰ ἐκκλησιαστικήν. Ἐπεὶ δὲ χρὴ τὸν χει-

---

1) См. сказанное въ концѣ предисловія.

2) Въ рукописи τῇ.

3) Поставленное въ скобки прибавлено по требованію смысла и въ параллель съ дальнѣйшимъ выраженіемъ о рукоположеніи, на одной литургіи, разныхъ лицъ— одного во священники, другого въ діаконы: ἐνδεχόμενον γίνεται.

ροτονούμενον μετὰ τὴν χειροτονίαν τῆς αὐτοῦ λειτουργίας ἐνεργῆσαι τινά, τῇ αὐτοῦ τάξει ἀνείκοντα, καὶ τὸν μὲν χειροτονηθέντα διάκονον προτρέψασθαι τὸν λαὸν πρὸς εὐχαριστίαν μετὰ τὴν θείαν μετάληψιν, καὶ εἰς ἀκρόασιν τῆς τελευταίας εὐχῆς προσκαλέσασθαι, τὸν δὲ πρεσβύτερον, τὴν τελευταίαν ἀποδοῦναι εὐχὴν καὶ τῆς ἱερᾶς εὐλογίας μεταδοῦναι τῷ λαῷ, εἰς μὲν πρεσβύτερος χειροτονούμενος καὶ εἰς διάκονος κατὰ ταὐτὸν, ἑκάτερος ἐνεργεῖ τὰ οἰκεῖα, παρὰ τοῦ ἑτέρου μηδόλως ἐμποδιζόμενος. Εἰ δὲ πλείονες τοῦ ἑνὸς χειροτονοῖντο πρεσβύτεροι, ἢ διάκονοι πλείονες, πάντως [1]) ἑνὸς ἐκ τῶν ἱερέων καὶ ἑνὸς ἐκ τῶν διακόνων ἐπευχομένων τὰ τῇ ἰδίᾳ τάξει κατάλληλα εἰς ἐπήκοον τοῦ λαοῦ, οἱ λοιποὶ ἐξῆλθον, οὐδὲν ἱερολογήσαντες· κἀνθεῦθεν ἐκεῖνο μὲν ἐνδεχόμενον γίνεται, τοῦτο δὲ, ὡς εἶπον, ἀνένδεκτον. Ἀλλὰ καὶ τὸν σήμερον χειροτονηθέντα διάκονον χειροτονηθῆναι καὶ πρεσβύτερον μετὰ τρίτην, ἢ δευτέραν, ἢ καὶ μετὰ μίαν ἡμέραν, τέλειον κατὰ χρόνον, ἤτοι ἐτῶν τριάκοντα, καὶ μὴ κατά τι ἕτερον κωλυόμενον, οὐδεὶς μὲν κανὼν κωλύει ῥητῶς, εἰ μή τις ἐκεῖνο ἐξ[ηγ]ῇ [2]), ὅπερ ὁ θεολόγος ἐν τῷ εἰς πεντηκοστὴν λόγῳ περὶ τοῦ ἑπτὰ [φησίν] ἀριθμοῦ· «ἐν ἑπτὰ ἡμέραις ὁ ἱερεὺς τελειούμενος»· ἀλλὰ τοῦτο οὐ νομοθετοῦντος ἐστὶ τῇ ἐκκλησίᾳ, ἀλλ' ἀπαριθμουμένου, δι' ὅσον ἐν τῇ παλαιᾷ τιμώμενος εὑρίσκεται ὁ ἑπτὰ ἀριθμός· διὸ ἐπάγει· «ἐν ἑπτὰ δὲ ὁ λεπρὸς καθαιρούμενος»· [3]). Εἰ δὲ τὸ τοῦ ἱερέως ὄνομα ἐπὶ μόνου τοῦ πρεσβυτέρου, καὶ οὐχὶ τοῦ διακόνου ἐκδεχόμεθα, τὸ «ἐν ἑπτὰ ἡμέραις ὁ ἱερεὺς τελειούμενος» οὐ κωλύει τὸν σήμερον χειροτονηθέντα διάκονον ἐντὸς ἑπτὰ ἡμερῶν χειροτονηθῆναι καὶ πρεσβύτερον [4]). Ἀλλὰ καὶ τὸ «τελειούμενος» οὐ πρὸς τὴν τοῦ πρεσβυτέρου χειροτονίαν τε καὶ ἀξίαν, ἀλλὰ πρὸς τὴν ἐνεργείαν ἀφορᾷ· τελειοῦται μὲν γὰρ αὐτίκα χειροτονούμενος διὰ τῆς ἐπιθέσεως τῶν χειρῶν τοῦ ἀρχιερέως, καὶ διὰ τῆς ἐπ' αὐτὸν ἐπιφοιτήσεως τοῦ Ἁγίου Πνεύματος καὶ τῆς τῶν ἀχράντων μυστηρίων μεθέξεως, καὶ τελείος ἐστὶν ἱερεὺς καὶ πρεσβύτερος, καὶ ὅλον ἔχει τὸ χάρισμα, καὶ οὐκ ἐλλιπές. Ὁ δὲ θεολόγος περὶ τῆς μετὰ τὴν χειροτονίαν ἱερουργικῆς ἐνεργείας καὶ τῆς κατ' αὐτὴν φησὶ τελειώσεως· τῷ γὰρ ἄρτι χειροτονηθέντι ἱκανὸν ἐνομίσθη πρὸς τὴν κατ' ἐνεργείαν τελείωσιν ἡ δι' ἑπτὰ ἡμερῶν ἐν ταῖς ἱερουργίαις πεῖρα τε καὶ τριβή. Δεῖ γὰρ τὸν τέλειον, καὶ τῶν ἱερουργικῶν ἔργων πεῖραν ἔχειν ἱκανήν· ὅμως περὶ τῶν τοιούτων οὐκ ἀποφαίνομαι, ἀλλ' ἅπερ ὁ λόγος δίδωσιν, ἀπεκρινάμην. Πλὴν

---

1) Въ рукописи πάντος.
2) Ркп. ἐξεῖ.
3) См. Migne, Patrolog. graec. t. 36, col. 433.
4) Здѣсь въ рукописи внесена въ текстъ отвѣта схолія: σημείωσαι ταῦτα, которая въ оригиналѣ писца, безъ сомнѣнія, стояла на полѣ.

[illegible]

4.

Синодальный актъ Константинопольскаго патріарха Михаила Анхіала 1171 года о приводѣ архіереевъ къ присягѣ на вѣрность императору Мануилу Комнину и его новорожденному сыну Алексѣю, съ формою самой присяги.

По свидѣтельству Никиты Акомината, императоръ Мануилъ Комнинъ, когда у него родился давно ожидаемый сынъ и наслѣдникъ престола Алексѣй, немедленно сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всѣ жители столицы приведены были къ присягѣ на вѣрность порфирородному младенцу, который съ самаго дня рожденія объявленъ былъ императоромъ[1]). А издаваемый нами синодальный актъ показываетъ, что почти въ то же самое время, именно въ 1171 году, наравнѣ со всѣми гражданами, обязаны были дать такую же присягу и всѣ находившіяся въ Константинополѣ духовныя власти, начиная съ патріарха, и что эта присяга предназначалась и на будущее время для каждаго вновь поставляемаго архіерея. Это было чрезвычайною мѣрою охраны интересовъ царствующей династіи. До Мануила Комнина архіереи не были обязаны къ формальной вѣрноподданнической присягѣ императору и его наслѣднику. Обычай требовалъ только, чтобы каждый новопоставленный іерархъ представлялся императору и произносилъ предъ нимъ особую молитву о его благополучномъ, многолѣтнемъ, мирномъ внутри, побѣдоносномъ вовнѣ царствованіи и о сохраненіи царскаго престола въ его родѣ до конца вѣковъ[2]). Но извѣстно, что

1) См. Исторію Никиты въ греческой патрологіи Миня, т. 139, столб. 516. У Никиты не указанъ годъ рожденія Алексѣя II Комнина. Но изъ другихъ источниковъ извѣстно, что это было въ 1170 году. См. Muralt, Essai de chronographie byzantine, t. II, p. 195.

2) Текстъ этой молитвы напечатанъ въ изданіи Габерта: Ἀρχιερατικόν sive Pontificale ecclesiae graecae, p. 497—498.

никакія присяги не спасли Мануилова наслѣдника отъ другого претендента на императорскій престолъ: Алексѣй Комнинъ, оставшійся по смерти отца (въ 1180 г.) 10-ти лѣтнимъ мальчикомъ, на третьемъ году своего номинальнаго царствованія былъ задушенъ двоюроднымъ братомъ своимъ Андроникомъ Комниномъ, хотя и этотъ узурпаторъ далъ покойному Мануилу присягу на вѣрность его наслѣднику. Повидимому, присяга эта повторена была Андроникомъ и его приверженцами и самому юному императору. По крайней мѣрѣ сохранилось извѣстіе, что въ 1182 году Алексѣй II Комнинъ, по поводу какого-то заговора, участниками котораго были «великіе и высокіе начальники», издалъ указъ (σημείωμα), предписывающій считать этотъ заговоръ не преступленіемъ противъ величества (καθοσίωσις), а законною клятвою въ пользу царя[1]). И все это—почти наканунѣ насильственной смерти вѣнценоснаго юноши отъ рукъ присяжной его охраны!

Можно навѣрное сказать, что форма архіерейской вѣрноподданнической присяги, составленная по требованію Мануила Комнина въ интересахъ его династіи, вышла изъ употребленія вмѣстѣ съ прекращеніемъ этой династіи. По крайней мѣрѣ въ чинопослѣдованіи архіерейской хиротоніи, употреблявшемся въ греческой церкви до самаго паденія византійской имперіи, удержалась только прежняя форма клятвеннаго обѣщанія, по которой новопоставляемый архіерей обязывался свято сохранять догматы и преданія Вселенской церкви, соблюдать церковный миръ и повиноваться установленнымъ въ церкви высшимъ властямъ (патріарху или митрополиту),— и больше ничего[2]). Но еще въ XIV вѣкѣ у нѣкоторыхъ византійскихъ писателей сохранялась память о какомъ-то синодальномъ «томѣ», изданномъ при Мануилѣ Комнинѣ въ томъ смыслѣ, чтобы всѣ злоумышляющіе противъ его сына и наслѣдника Алексѣя подвергались церковной анаѳемѣ. Свидѣтельство объ этомъ «томѣ» находится, напримѣръ, въ одномъ изъ приложеній къ извѣстному Шестокнижію Арменопула[3]). Мы думаемъ, что это свидѣтельство относится именно къ издаваемому нами синодальному акту. Правда, въ немъ прямо не изрекается анаѳема, которую читалъ въ своемъ «томѣ» Арменопулъ, но онъ легко могъ понять

---

1) Содержаніе этого указа изложено не совсѣмъ ясно въ толкованіи Вальсамона на 34 правило Трульскаго собора. См. Σύνταγμα, т. 2, стр. 383. Ср. Zachariae, Ius graeco-romanum, pars III, p. 507.

2) См. эту форму въ цит. изд. Габерта, стр. 495—496.

3) См. въ Геймбаховомъ изданіи Шестокнижія (1851 г.), стр. 822.

въ такомъ смыслѣ слѣдующія слова предлагаемаго нами памятника: Καὶ ὃν τρόπον ὁ τὴν περὶ τὸ θεῖον πίστιν ἀπαρνησάμενος τῆς τῶν ὀρθοδόξων ὁμηγύρεως ἐξωστράκισται, τὸν αὐτὸν καὶ ὁ τὴν πρὸς τὸ βασίλειον κράτος πίστιν ἐξομοσάμενος, καὶ δολερῶς καὶ ὑπούλως πρὸς αὐτὸ διακείμενος, ἀνάξιος ἡμῖν δοκεῖ καὶ ἀπὸ Χριστοῦ κεκλῆσθαι καὶ ὀνομάζεσθαι, εἴπερ δὴ χριστὸς Κυρίου [1]) καὶ ὁ τὸ στέφος τοῦ κράτους καὶ τὸ διάδημα περικείμενος. То есть: «Какъ отрекшійся отъ вѣры въ божественное изгоняется изъ общества православныхъ, такъ и давшій клятву на вѣрность царской власти, но расположенный къ ней злонамѣренно и враждебно кажется намъ недостойнымъ называться по имени Христа, если и носящій царскій вѣнецъ и діадиму несомнѣнно (δὴ) есть помазанникъ Господень».

Издаваемый синодальный актъ (а издается онъ по рукописи Московской синодальной библіотеки № 33, л. 89 об.) не лишенъ значенія и для русской церковной исторіи. Въ числѣ членовъ патріаршаго синода, на которомъ составленъ былъ этотъ актъ, мы видимъ и русскаго митрополита Михаила. Отсюда само собою слѣдуетъ, что и этотъ іерархъ, какъ природный грекъ, считался подданнымъ своего отечественнаго василевса, хотя Русь имѣла своихъ независимыхъ государей. Это — во-первыхъ. А во-вторыхъ: имя русскаго митрополита Михаила, занимавшаго свою каѳедру въ 1171 г., изъ русскихъ источниковъ вовсе неизвѣстно. Въ нашихъ лѣтописяхъ содержатся только слѣдующія данныя о русскихъ митрополитахъ послѣднихъ трехъ десятилѣтій XII вѣка: подъ 1169 годомъ въ послѣдній разъ упоминается митрополитъ Константинъ [2]), а подъ 1182 годомъ въ первый разъ названъ митрополитъ Никифоръ (II). Такимъ образомъ имя Михаила должно стоять между этими двумя именами. Лѣтописи молчатъ объ немъ, вѣроятно, потому, что онъ прожилъ на Руси очень недолго и ничѣмъ не ознаменовалъ своего кратковременнаго здѣсь пребыванія.

---

1) Названіе императоровъ χριστὸς Κυρίου, какъ въ Библіи называются іудейскіе цари, первосвященники и пророки, было довольно употребительнымъ у византійскихъ писателей эпохи Комниновъ. См. наприм. толкованія Вальсамона на 69-е правило Трульскаго собора и на 12-е Анкирскаго. Σύνταγμα, т. 2, стр. 467 и т. 3, стр. 44.

2) Подъ этимъ именно годомъ стоитъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ начальной лѣтописи разсказъ о судѣ митрополита Константина надъ Ростовскимъ епископомъ Ѳеодоромъ; а въ Ипатьевскомъ спискѣ тотъ же разсказъ поставленъ подъ 1172 годомъ. Но извѣстно, что хронологія этого послѣдняго списка болѣе чѣмъ сомнительна.

Τόμος τῆς πρὸς τὸν βασιλέα κῦρ Μανουὴλ ἐγγραφῆς τῶν τότε ἀρχιερέων.

Μηνὶ μαρτίῳ κδ', ἡμέρᾳ δ', ἰνδικτιῶνος δ', προκαθημένου τοῦ ἁγιωτάτου ἡμῶν δεσπότου τοῦ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου κῦρ Μιχαὴλ ἐν τοῖς δεξιοῖς Ἀλεξιακοῖς κατηχουμενείοις, συνεδριαζόντων τῇ μεγάλῃ ἁγιωσύνῃ αὐτοῦ ἱερωτάτων ἀρχιερέων, Στεφάνου Καισαρείας, Νικολάου Ἐφέσου, Κωνσταντίνου Χαλκηδόνος, Νικήτα Μελιτηνῆς, Ἰωάννου Κλαυδιουπόλεως, Βασιλείου Νεοκαισαρείας, Λουκᾶ Μωκισοῦ, Ἰωάννου Κρήτης, Πέτρου Μιτυλήνης, Ἐπιφανίου Φιλίππων, Κωνσταντίνου Εὐχαΐτων, Μιχαὴλ Ῥωσίας, Βασιλείου Μαδύτων, Λέοντος Δίστρας, Θεοδώρου Μηθύμνης, Βασιλείου Μεσημβρίας, Θεοδώρου Σηλυβρίας, Νικήτα Μαρωνείας, Βασιλείου Παρείου, Μιχαὴλ Κίου, Ἰωάννου Κυψέλλων,, Δημητρίου Νίκης, Κωνσταντίνου Βρύσεως, καὶ Μιχαὴλ Δέρκου, παρισταμένων καὶ θεοφιλεστάτων δεσποτικῶν ἀρχόντων.

Θεὸν ὀρθῶς σέβεσθαι, μετὰ δὲ καὶ βασιλέα τιμᾷν, καὶ εἰλικρινῆ πίστιν φυλάττειν πρὸς ἄμφω πάντας τοὺς εὐσεβεῖν βουλομένους, νόμος ἀνθρώποις ἅπασιν εὐσεβοῦσι περὶ τὸ θεῖον, ὡς ἀναγκαίως, πρόπαλαι τέθειται. Δυοῖν γὰρ ὄντοιν τούτοιν πάσης ὑπερκειμένοιν[1]) ἀνθρωπίνης τιμῆς, ἐν ἴσῳ κεῖται πάντως ἡ τῆς ὀφειλομένης περὶ ταῦτα πίστεως ἐντολή. Ὁ γὰρ Θεὸς ἐν οὐρανῷ καὶ ἐν ἅπασι, τοῦτ' ἐπὶ γῆς μετὰ Θεὸν ἐν τοῖς ὑπὸ τὴν αὐτοῦ ἐπικράτειαν τὸ βασιλικὸν ὕψος τε καὶ ἀξίωμα. Καὶ ὃν τρόπον ὁ τὴν περὶ τὸ θεῖον πίστιν ἀπαρνησάμενος τῆς τῶν ὀρθοδόξων ὁμηγύρεως ἐξωστράκισται, τὸν αὐτὸν καὶ ὁ τὴν πρὸς τὸ βασίλειον κράτος πίστιν ἐξομοσάμενος καὶ δολερῶς καὶ ὑπούλως πρὸς αὐτὸ διακείμενος, ἀνάξιος ἡμῖν δοκεῖ καὶ ἀπὸ Χριστοῦ κεκλῆσθαι καὶ ὀνομάζεσθαι, εἴπερ δὴ χριστὸς Κυρίου καὶ ὁ τὸ στέφος τοῦ κράτους καὶ τὸ διάδημα περικείμενος. Ἐπεὶ οὖν οὕτω ταῦτ' ἔχει, καὶ ἀπαραίτητον χρέος ἕκαστος ἔχομεν ἔνθεον πίστιν καὶ πρὸς τὸν κραταιὸν καὶ ἅγιον ἡμῶν βασιλέα φυλάττειν διὰ παντός, ἴσως μὲν οὐδὲ προτροπῆς ἐγγράφου τὸ ῥηθησόμενον εὐγνώμοσιν ὑπηκόοις ἄξιον ἔδοξε πώποτε. Τί γὰρ ἂν ἄλλος καθ' ἑαυτὸν ἐνδοιάσειε[2]), καὶ γραφῇ καὶ λόγῳ καὶ ἔργῳ καθομολογεῖν τε καὶ ἀσφαλίζεσθαι, ὡς οὐκ ἄν ποτε ἐναντιωθείη τοῖς τανῦν δεδογμένοις τῷ θεοφρουρήτῳ ἡμῶν αὐτοκράτορι, ἐπ' εὐνομίᾳ καὶ συντηρήσει καὶ φυλακῇ τῆς ῥωμαϊκῆς ἡμῶν πολιτείας, πρὸς δὲ καὶ τῆς ἐκκλησιαστικῆς ὀρθοτομίας καὶ καταστάσεως; Ὅμως δὲ τὸ καλὸν ἐπισκευάζοντες ἰσχυρότερον, συνοδικῶς

1) Въ рукописи: ὑπερκειμένην.

2) Не нужно ли читать: τίς γὰρ ἂν ἄλλως κ. ἑ. ἐνδοιάσειε?

τὰ παρόντα διατιθέμενα, ἐφ' ᾧ καὶ διοριζόμεθα, τοῦ λοιποῦ πάντας[1]) τοὺς εἰς ἀρχιερωσύνης ὕψος ἀνάγεσθαι μέλλοντας, ἁγιωτάτους τε φαμὲν πατριάρχας, ἱερωτάτους μητροπολίτας, πρὸς δὲ τούτοις καὶ θεοφιλεστάτους ἀρχιεπισκόπους καὶ ἐπισκόπους, τὴν αὐτὴν διδόναι ἀσφάλειαν καὶ περὶ τῆς εἰς τὸν κραταιὸν καὶ ἅγιον ἡμῶν βασιλέα εἰλικρινεστάτης πίστεως, ἣν καὶ περὶ τοῦ κατ' αὐτὸν ὀρθοδόξου φρονήματος ἕκαστος δίδωσι, καὶ μὴ ἄλλως ἀρχιερατικῆς χειροθεσίας καταξιοῦσθαι, εἰ μὴ κατάθηται πρότερον στοιχεῖν καὶ αὐτὸς ταῖς ἐν τῷ χθὲς που καὶ πρότριτα συντεθέντι ὁρκωμοτικῷ ἀναταττομέναις κατὰ ῥητὸν διαστίξεσι, ταῖς καὶ ἐχούσαις οὕτως ἐπὶ τῶν λέξεων· «Ὁμαλογῶ διὰ τῆς παρούσης μου ἐγγραφῆς, ἵνα φυλάσσω πρός σε τὸν κραταιὸν καὶ ἅγιόν μου αὐτοκράτορα τὸν βασιλέα καὶ πορφυρογέννητον κῦρ Μανουὴλ τὸν Κομνηνόν, καθαρὰν πίστιν καὶ εὔνοιαν, καθὰ χρεωστῶ τοῦτο ὑπὸ φυσικοῦ καὶ νομικοῦ χρέους· καὶ ἵνα ὑπάρχω εἰς τὸν ὁρισμὸν καὶ τὸ θέλημα καὶ τὸ πρόσταγμα τῆς ἁγίας βασιλείας σου, κατὰ παντὸς ἀνθρώπου ἐναντιουμένου τῷ παρόντι ὅρκῳ. Εἰ δὲ συμβῇ τὸ κοινὸν τῶν ἀνθρώπων ἀποδοῦναί σε χρέος, ἵνα ἔχω ἀπεντεῦθεν χωρὶς ἀμφιβολίας οἱασδήτινος, ἢ χρείας ἑτέρου ὅρκου, τὸν περιπόθητον υἱὸν τῆς ἁγίας βασιλείας σου τὸν περιφανέστατον πορφυρογέννητον καὶ βασιλέα κῦρ Ἀλέξιον, αὐτοκράτορα βασιλέα ἀντί σου, καὶ φυλάσσω καὶ ἐπ' αὐτῷ τὴν αὐτὴν καθαρὰν πίστιν καὶ εὔνοιαν. Ἐὰν δὲ συμβῇ, σοῦ τελευτήσαντος, ἄνηβον ἔτι εἶναι τὸν περιπόθητον υἱὸν τῆς βασιλείας σου κῦρ Ἀλέξιον, καὶ μὴ φθάσαι τὸν ἑξκαιδέκατον χρόνον, πρὸς αὐτὸν μὲν ἵνα φυλάσσω καθαρὰν πίστιν καὶ εὔνοιαν, σωζομένης δὲ τῆς πρὸς αὐτὸν πίστεως καὶ εὐνοίας μου καὶ τῆς τιμῆς τῆς βασιλείας σου, ἵνα ὑπάρχω εἰς τὸ θέλημα καὶ τὸ πρόσταγμα τῆς περιποθήτου αὐγούστης τῆς ἁγίας βασιλείας σου κυρᾶς Μαρίας, εἴπερ τὴν μοναχιστὴν (sic) στολὴν φορέσει καὶ ἀποκαρῇ ἀπεντεῦθεν κανονικῶς, καὶ φυλάσσει τὴν τιμὴν τῆς βασιλείας σου καὶ τοῦ υἱοῦ αὐτῆς, μέχρι ἂν οὗτος φθάσῃ εἰς τὸν ἑξκαιδέκατον χρονον. Ἐὰν δὲ ὁ τοιοῦτος υἱὸς τῆς βασιλείας σου, ἔτι ζώσης τῆς βασιλείας σου, ἢ καὶ μετὰ ταῦτα ἄπαις παρέλθοι, καὶ ὕπεστι τῇ βασιλείᾳ σου ἕτερον ἄρρεν παιδίον, ἵνα ἔχω αὐτὸ βασιλέα αὐτοκράτορα, κἂν οὐκ ἔφθασε στεφθῆναι, καὶ σπουδάζω ἀποκαταστῆναι αὐτὸ εἰς τὸ στέμμα τῆς βασιλείας ταύτης τῶν Ῥωμαίων, καὶ φυλάσσω καὶ ἐπ' αὐτῷ ὁμοίως τὴν αὐτὴν γνησίαν πίστιν καὶ εὔνοιαν, μετὰ τῆς αὐτῆς διαστίξεως τῆς ἐπὶ τῇ δηλωθείσῃ αὐγούστῃ τῆς ἁγίας βασιλείας σου καὶ μητρὶ αὐτοῦ. Ἐὰν δὲ ἡ αὐτὴ περιπόθητος αὐγοῦστα τῆς ἁγίας βασιλείας σου, ἢ οὐκ ἐν τοῖς ζῶσι τότε ἐστίν,

---

1) Въ рукописи: πάντως.

ἢ οὐχ οὕτω διάγει, ἀπὸ τοῦ χρέους μὲν τοῦ εἶναι εἰς τὸ θέλημα καὶ τὸ πρόσταγμα αὐτῆς ὀφείλω εἶναι ἐλεύθερος· ἵνα δὲ φυλάσσω τὴν πρὸς τὸν αὐτὸν υἱὸν αὐτῆς πίστιν καὶ εὔνοιαν καθαρὰν, καὶ ὑπάρχω τῆς αὐτῆς βουλῆς καὶ τοῦ θελήματος [μετὰ] τῶν ἀνθρώπων τῆς βασιλείας σου, οἷς μέλλει ἐπιτρέψαι ἡ βασιλεία σου τὴν οἰκονομίαν καὶ ἀναγωγὴν τοῦ ῥηθέντος περιφανεστάτου πορφυρογεννήτου. Ἐὰν δὲ καὶ οἱ τοιοῦτοι ἐπιλείψωσιν, ἵνα ὑπάρχω τῆς αὐτῆς βουλῆς καὶ τοῦ θελήματος [μετὰ] τῶν μελλόντων τηνικαῦτα ἀπὸ κοινῆς βουλῆς προκριθῆναι ἑτέρων ἀνθρώπων εἰς ἀναπλήρωσιν τοῦ τόπου τῶν δηλωθέντων. Σπουδάζω δὲ ἐπὶ πᾶσι παντοίως εἰς τὰ συμφέροντα τῇ τιμῇ τοῦ περιποθήτου σου υἱοῦ καὶ τῆς Ῥωμανίας, κατὰ τὸν ἔγγραφον ἢ ἄγραφον ὁρισμὸν τῆς βασιλείας σου· εἰ δὲ συμβῇ, σοῦ τελευτήσαντος, μήτε τὸν υἱόν σου τὸν βασιλέα καὶ περιφανέστατον κῦρ Ἀλέξιον περιεῖναι, μήτε ἕτερον ἄρρενα παῖδα τῆς βασιλείας σου, ἵνα ὑπάρχω εἰς τὸν ὁρισμὸν καὶ τὸ θέλημα καὶ τὸ πρόσταγμα τῆς βασιλείας σου, καὶ ποιήσω, καθὼς ἂν διορίσηται ἡ βασιλεία σου ἐγγράφως ἢ ἀγράφως, ἢ περὶ τῆς περιποθήτου σου θυγατρὸς τῆς περιφανεστάτης ταύτης κυρᾶς Μαρίας, τῆς νῦν περιούσης καὶ τοῦ μέλλοντος συζευχθῆναι αὐτῇ νομίμῳ γάμῳ, εἴπερ ἐνταῦθα μέλλει εἶναι σὺν αὐτῇ καὶ κρατεῖν ῥωμαϊκὴν διαγωγὴν καὶ ἐκκλησιαστικὴν κατάστασιν, καθὼς καὶ ἡ βασιλεία σου, ἢ περὶ ἑτέρας θυγατρὸς τῆς βασιλείας σου, ἐὰν περίεστί σοι, ἢ περὶ ἄλλης τινὸς οἰκονομίας ὁρισθησομένης παρὰ τῆς βασιλείας σου. Ἐὰν δὲ ἐπί τισι τῶν δηλωθέντων κεφαλαίων δισταγμὸς οἱοσδήτις, ἢ ἀμφιβολία ἐπιγένηταί μοι, ἀπεντεῦθεν ἵνα σπουδάζω ἀναφέρειν τὰ περὶ τούτου, καὶ οὕτως ἵνα ἀπευθύνω ἐμαυτὸν εἰς τὴν περὶ τούτων ἑρμηνείαν καὶ τὸν ὁρισμὸν τῆς βασιλείας σου, καὶ ποιῶ κατ' αὐτά. Καὶ ὡς φυλάξω ταῦτα πάντα, ἅπερ ὁμολογῶ διὰ τῆς παρούσης μου ἐγγραφῆς σῶα καὶ ἀπαράθραυστα, ἐκτὸς δόλου καὶ πάσης περινοίας ἢ παρερμηνείας τινὸς, οὕτως εἴη μοι καὶ τὸ θεῖον ἵλεων. Εἴχε τό· μηνὶ μαρτίῳ, ἰνδικτιῶνος δ', ἔτους ,ςχοθ.

Ἡ ὑπογραφή· Μιχαὴλ, ἐλέῳ Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως, Νέας Ῥώμης, καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης. Εὐλογητὸς ὁ Θεὸς καὶ Πατὴρ τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ὁ ὢν εἰς τοὺς αἰῶνας, οὐ ψεύδομαι ἐγγραφόμενος καὶ ὁμολογῶν διὰ τῆς παρούσης μου γραφῆς, φυλάσσειν ἀναλλοίωτον καὶ ἀπαράθραυστον τὸν ἀναγεγραμμένον ὅρκον κατὰ πᾶσαν αὐτοῦ τὴν δύναμιν καὶ περίληψιν, δίχα δόλου καὶ περινοίας ἢ παρερμηνείας τινός.

А. Павловъ.

Акты такъ называемаго Послѣдняго Софійскаго собора (1450 г.) и ихъ историческое достоинство.

Съ отрывками актовъ Послѣдняго Софійскаго собора первый познакомилъ ученый міръ Левъ Алляцій въ извѣстномъ своемъ сочиненіи «De Ecclesiae Occidentalis atque Orientalis perpetua consensione» [1]); первое же и единственное до сихъ поръ полное ихъ изданіе сдѣлано патріархомъ іерусалимскимъ Досиѳеемъ въ «Τόμος Καταλλαγῆς» [2]).

Левъ Алляцій не призналъ актовъ собора подлинными въ виду, главнымъ образомъ, тѣхъ историческихъ анахронизмовъ, которые допущены уже въ самомъ заглавіи ихъ. Тогда на защиту этихъ актовъ выступилъ ихъ издатель—патріархъ Досиѳей. Онъ опровергъ одно за другимъ всѣ 14 доказательствъ Алляція относительно неподлинности названныхъ актовъ, и самую сильную аргументацію Алляція, основанную на явныхъ анахронизмахъ и историческихъ ошибкахъ заглавія, уничтожилъ тѣмъ простымъ оружіемъ, что заглавіе актовъ въ томъ видѣ, какъ оно приводится у Алляція, призналъ умышленно извращеннымъ латинянами съ цѣлію подорвать авторитетъ актовъ. Въ этомъ легко-де можно убѣдиться изъ заглавія его (Досиѳея) изданія, которое сдѣлано по лучшимъ, не подвергшимся искаженію, рукописямъ [3]).

---

1) col. 1380.

2) стр. 454.

3) Δοσιθέου, Περὶ τῶν ἐν Ἱεροσολύμοις Πατριαρχευσάντων, стр. 915. Приводимъ здѣсь заглавія актовъ Софійскаго собора по изданіямъ Алляція и Досиѳея, чтобы яснѣе была видна разница между ними.

Заглавіе актовъ по изданію Алляція: Ἐντεῦθεν τὸ βιβλίον ἀπάρχεται τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει Ὑστάτης Συνόδου ἐν τῇ Ἁγίᾳ Σοφίᾳ ἐπιτελεσθείσης μετὰ τὴν γένεσιν τοῦ ψευδοσυλλόγου Φλωρεντίνου, ἑνὸς ἐνιαυτοῦ διαστήματι καὶ ἡμίσεως καὶ μετὰ τὴν τελευτὴν τοῦ λατινόφρονος Ἰωάννου τοῦ Παλαιολόγου, τοῦ ἀπατηθέντος

Одновременно, но независимо отъ Досиѳея, появился на западѣ сильный защитникъ актовъ Софійскаго собора — многоученый Адамъ Зерникавъ, посвятившій въ своемъ сочиненіи объ исхожденіи Св. Духа защитѣ ихъ подлинности обширное разсужденіе, которое Евгеній Вулгарисъ, переводчикъ сочиненія Зерникава на греческій языкъ, пополнилъ примѣчаніями изъ Досиѳея[1]).

Съ тѣхъ поръ подлинность актовъ Софійскаго собора находится внѣ всякаго сомнѣнія для православныхъ[2]), и особенно греческихъ, богослововъ и ученыхъ, и нашла даже защитниковъ, или по крайней мѣрѣ менѣе строгихъ критиковъ, среди самихъ латинянъ[3]), большинство которыхъ, разумѣется, и до сихъ поръ держится мнѣнія Алляція. Однако ни одинъ, сколько мы знаемъ, не только изъ православныхъ, но и изъ западныхъ ученыхъ не взялъ на себя труда еще разъ изслѣдовать этотъ, почти открытый до настоящаго времени, вопросъ. Мнѣнія, которыя высказываются иногда за или противъ актовъ Софійскаго собора, заимствуются почти исключительно у Досиѳея и Алляція, смотря по тому, которому изъ двухъ отдается предпочтеніе. А между тѣмъ окончательное рѣшеніе вопроса о подлинности этихъ актовъ чрезвычайно важно и необходимо. Отъ такого или иного рѣшенія этого вопроса зависитъ судьба самого Софійскаго собора. Вѣдь про него мы знаемъ исключительно изъ актовъ. Кромѣ того, еще до сихъ поръ многіе ученые продолжаютъ основываться на этихъ актахъ въ своихъ сужденіяхъ о разныхъ историческихъ событіяхъ, каковы, напр., смерть Марка Ефесскаго, избраніе въ патріархи Аѳанасія II и др.

Поэтому, думаемъ, будетъ далеко не безполезнымъ дѣломъ послѣ

ὑπὸ τῶν Ἰταλῶν ἐπὶ βοηθείᾳ καὶ ἐπὶ τελευτῆς συμφρονήσαντος τῷ ὀρθοδόξῳ δόγματι, ἐπὶ τοῦ ὀρθοδόξου υἱοῦ αὐτοῦ Κωνσταντίνου. Ἐξευλήθη ἐκ τῶν τῆς βιβλιοθήκης ἰδιοχείρων Κωνσταντίνου τοῦ Λασκάρεως, τοῦ ὄντος σοφωτάτου, καὶ τὴν ἀνεπτυγμένην γραμματικὴν διδάξαντος ἐπιταγῇ τοῦ σοφωτάτου τοῦ Βυζαντίου πατριάρχου Ἀθανασίου Κωνσταντινουπόλεως, καὶ μετεγράφη ὑπὸ Θεοδώρου τοῦ Ζυγομαλᾶ, πρωτεκδίκου τῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας.

Заглавіе актовъ по изданію Досиѳея: Σύνοδος Ὑστάτη ἐν Κωνσταντινουπόλει ἐπιτελεσθεῖσα ἐν τῇ Ἁγίᾳ Σοφίᾳ μετὰ τὴν τελευτὴν τοῦ Λατινόφρονος Ἰωάννου τοῦ Παλαιολόγου, τοῦ ἀπατηθέντος ὑπὸ τῶν Ἰταλῶν ἐπὶ βοηθείᾳ καὶ ἐπὶ τελευτῆς συμφρονήσαντος τῷ ὀρθοδόξῳ δόγματι ἐπὶ τοῦ ὀρθοδόξου ἀδελφοῦ Κωνσταντίνου βασιλέως. Ἐξευλήθη ἐκ τῆς βιβλιοθήκης и пр. (одинаково съ Алляціемъ).

1) Ἀδὰμ Ζοιρνικαβίου, Περὶ ἐκπορεύσεως τοῦ Ἁγίου Πνεύματος. Τομ. Β', σελ. 677—698.

2) Изъ русскихъ историковъ только проф. А. Лебедевъ не признаетъ подлинности актовъ. См. Очерки исторіи Византійско-Восточной церкви, Москва. 1892 г., стр. 438 и Богослов. Вѣстн. янв. 1895 г., стр. 48.

3) Напр. Henri Vast, Le cardinal Bessarion. Paris. 1878. p. 133.

двухсотлѣтняго промежутка времени съ эпохи Алляція и Досиѳея попытаться еще разъ критически изслѣдовать вопросъ о подлинности актовъ Послѣдняго Софійскаго собора.

Главные аргументы Алляція противъ подлинности актовъ опираются по преимуществу на заключающихся въ ихъ заглавіи явныхъ анахронизмахъ и несообразностяхъ[1]). Однако заглавіе актовъ въ изданіи Досиѳея, какъ мы уже сказали, не содержитъ болѣе никакихъ противоисторическихъ данныхъ, такъ что и вся сила аргументаціи Алляція потеряла свое первоначальное значеніе. Конечно, здѣсь критика была бы въ правѣ потребовать объясненій насчетъ исправленія Досиѳеемъ заглавія актовъ и точнаго указанія рукописей, на основаніи которыхъ сдѣлано было это исправленіе. Но такъ какъ, съ одной стороны, необходимый матеріалъ для рѣшенія вопроса на этой именно почвѣ не находится въ нашемъ распоряженіи, съ другой стороны, заглавіе актовъ — вещь второстепенная, не дающая еще права по одному ему рѣшать вопросъ о подлинности самыхъ актовъ, то мы и не будемъ касаться этого вопроса съ указанной выше стороны, или, другими словами, не будемъ повторять доказательствъ Алляція и возраженій на нихъ Досиѳея. Мы возьмемъ лучше самый текстъ актовъ, какъ онъ изданъ Досиѳеемъ, и разсмотримъ, все ли въ немъ такъ исправно, какъ полагалъ это патріархъ Досиѳей, нѣтъ ли въ немъ такихъ данныхъ, которыя и помимо заглавія могутъ поколебать увѣренность въ подлинности актовъ.

Главное вниманіе мы обратимъ на слѣдующіе три пункта: 1) возможность участія на соборѣ *всѣхъ* упоминаемыхъ въ актахъ лицъ; 2) достовѣрность самаго собора, какъ историческаго факта, и 3) время составленія актовъ и личность ихъ автора.

I.

По актамъ въ засѣданіяхъ собора Св. Софіи принимало участіе большое число православныхъ архіереевъ и клириковъ. На немъ лично присутствовали три патріарха — Александрійскій, Антіохійскій и Іерусалимскій, къ которымъ присоединился въ первомъ же засѣданіи и новоизбранный Константинопольскій патріархъ Аѳанасій II. Въ

---

1) Въ заглавіи актовъ по изданію Алляція (см. выше, стр. 2, примѣч. 1) Константинъ Палеологъ называется *сыномъ(!)* Іоанна; соборъ Св. Софіи представляется происходящимъ *при императорѣ Константинѣ, полтора года спустя послѣ Флорентійскаго собора(!).*

подписяхъ, скрѣпляющихъ соборные акты, кромѣ четырехъ патріарховъ, читаются имена 18-ти митрополитовъ и епископовъ и 7-ми клириковъ, а въ соборныхъ разсужденіяхъ принимаютъ участіе бывшіе на Флорентійскомъ соборѣ свѣтскіе философы и дидаскалы: Гемистъ, Схоларій и Амируци, изъ коихъ одинъ только Схоларій, повидимому, изъ свѣтскаго сдѣлался монахомъ, какъ указываетъ имя «Геннадій», которымъ называется онъ въ актахъ. Для обсужденія соборныхъ вопросовъ употреблено было 4 засѣданія, живое участіе въ которыхъ принималъ великій риторъ Ѳеодоръ, котораго можно назвать Маркомъ Ефесскимъ Софійскаго собора.

Прослѣдить возможность участія на соборѣ каждаго упоминаемаго въ актахъ и подписяхъ ихъ лица, разумѣется, невозможно. Свѣдѣнія, которыя имѣются о большинствѣ ихъ изъ другихъ источниковъ, недостаточны для этой цѣли. Поэтому мы ограничимся только такими личностями, о которыхъ имѣются болѣе или менѣе полныя и достовѣрныя историческія данныя.

а) Могъ ли Маркъ Ефесскій присутствовать на соборѣ, бывшемъ при императорѣ Константинѣ, спустя полтора года послѣ восшествія его на престолъ?—Несомнѣнно, нѣтъ. Марка Ефесскаго въ 1450 году не было уже въ живыхъ и, слѣдовательно, участвовать въ Софійскомъ соборѣ онъ не могъ. Самъ Доситей, такъ горячо отстаивающій подлинность актовъ Софійскаго собора, вопреки своей длинной аргументаціи въ ихъ пользу, помѣщенной на стр. 914 его «Исторіи Іерусалимскихъ патріарховъ», на стр. 912 того же сочиненія пишетъ слѣдующее: «Ὄντος δὲ ἐν Κωνσταντινουπόλει πατριάρχου τοῦ ποτὲ Κυζίκου Μητροφάνους, ἀσθενήσας Μάρκος ὁ Ἐφέσου καὶ συνιδὼν ὅτι τοῦ βίου ἐξέρχεται ἐμήνυσε καὶ ἦλθε πρὸς αὐτὸν ὁ Σχολάριος καὶ ἐλέγξας αὐτὸν ἠρέμα περὶ τῆς γινομένης παρατροπῆς, ἤτοι περὶ τῆς ἐν Φλωρεντίᾳ διαληφθείσης ἐκθέσεως, ἐδεήθη αὐτοῦ, ἵνα ἀντ᾽ αὐτοῦ φροντίζῃ κατὰ λατίνων καὶ ἴδε περὶ τούτου ἐν τῷ Τόμῳ Ἀγάπης. Ἀποδεχθεὶς δὲ τὴν ἐπιταγὴν ἀσμένως ὁ Σχολάριος, μετὰ τὴν κοίμησιν τοῦ Ἐφέσου ἐγένετο μοναχὸς καὶ ὠνομάσθη Γεννάδιος». Хотя въ приведенныхъ словахъ Доситея и заключается немалая историческая неточность [1]), однако для насъ важенъ фактъ, что Доситей здѣсь, во первыхъ, смерть Марка Ефесскаго полагаетъ, повидимому, значительно ранѣе Софійскаго собора (при Митрофанѣ), во вторыхъ, ясно признаетъ, что Схоларій

1) Доситей ошибочно считаетъ эти событія случившимися при Митрофанѣ, тогда какъ въ дѣйствительности они происходили при патріархѣ Григоріѣ Маммѣ.

принялъ монашество и названъ Геннадіемъ *послѣ смерти* митрополита Ефесскаго. Между тѣмъ, по актамъ Софійскаго собора, Маркъ доживаетъ до патріаршества Аѳанасія, а Схоларій является съ монашескимъ именемъ Геннадія еще при жизни Марка[1]).

Въ пользу того, что Маркъ Ефесскій дѣйствительно умеръ довольно задолго до предполагаемаго Софійскаго собора, имѣются несомнѣнныя и авторитетныя свидѣтельства.

По актамъ Софійскій соборъ, въ которомъ участвовалъ и Маркъ Ефесскій, низложилъ латиномудрствующаго патріарха Григорія Мамму и на мѣсто его поставилъ православнаго Аѳанасія. Однако патріархъ Григорій въ посланіи къ трапезунтскому императору, которое онъ написалъ *будучи еще патріархомъ*[2]), упоминаетъ о Маркѣ Ефесскомъ, какъ уже объ умершемъ, говоря: «*καὶ ταῦτα ἐν ταῖς πρὸς τὸν αἰδέσιμον ἐκεῖνον Ἐφέσου ἀπολογίαις, ἔτι περιόντος τοῦ βίου, ἐγχαράξαντες, καὶ πρὸς ἄλλοις τοὺς ἐκείνῳ ἐξακολουθοῦντας*»[3]). Самъ Маркъ въ своихъ послѣднихъ предсмертныхъ словахъ ясно указываетъ, что Константинопольскую каѳедру въ то время занималъ патріархъ латиномудрствующій[4]). О смерти Марка Ефесскаго упоминаетъ Схоларій въ сочиненіяхъ, написанныхъ несомнѣнно прежде 1450 года[5]).

Что касается точной даты смерти Марка, то въ этомъ случаѣ могутъ оказать важную услугу свидѣтельства Плусіадена[6]) и Схоларія[7]) о томъ, что митрополитъ Ефесскій умеръ во время преній съ латиноепископомъ Варѳоломеемъ Кортонскимъ, которыя продолжалъ потомъ, послѣ смерти его, Схоларій. Пренія эти происходили не ра-

---

1) См. текстъ актовъ въ Τόμος Καταλλαγῆς.

2) Что Григорій при написаніи этого сочиненія былъ еще патріархомъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ слова: Ἐγὼ δὲ πληροφορῶ τῇ σῇ ὑψηλοτάτῃ βασιλείᾳ ἐπὶ μάρτυρι τῇ ἀληθείᾳ ὅτι ἐξ ὅλης τῆς ψυχῆς ἀποδέχομαι ἐξελθεῖν τοῦ Πατριαρχείου. Οὐδέποτε γὰρ ἀνέβη τὸ τοιοῦτον ἐπὶ μάρτυρι τῷ Κυρίῳ εἰς τὸν ἐμὸν λογισμὸν τὸ γενέσθαι με ἐπίσκοπον Κωνσταντινουπόλεως. Migne, t. CLX, col. 216 C.

3) Migne, t. CLX, c. 213 B.

4) «Λέγω δὲ περὶ τοῦ πατριάρχου μήπως δόξῃ αὐτῷ προφάσει τάχα τιμῆς τῆς πρὸς ἐμὲ ἐν τῇ κηδείᾳ στεῖλαί τινας τῶν ἀρχιερέων αὐτοῦ ἢ τοῦ κλήρου αὐτοῦ» κ. τ. λ. Migne, t. CLX, c. 536 B.

5) Μονῳδία, изд. Норова; Ἔκθεσις τῆς ὀρθῆς περὶ τῆς τοῦ Ἁγίου Πνεύματος δόξης (Migne, CLX, 689 A); Κατὰ τῆς προσθήκης (Migne, CLX, 722 A).

6) Migne, t. CLIX, col. 1105 B.

7) Migne, t. CLX, c. 303 D. Съ этимъ срвн. слова Схоларія въ надгробной монодіи Марку: «Καὶ νῦν εἰ περιῆν ἐκεῖνος, καὶ πρὸς τοὺς ἡμῶν ἀγῶνας ἧκεν ἀποδυσόμενος, ὡς τά γε πρότριτα γεγενημένα μᾶλλον ἀκροβολισμοί τινες ἦσαν καὶ σοφίας ἐπίδειξις ἢ κρίσις ὑπὲρ τῆς ἀληθείας» κ. τ. λ. Μονῳδία ἐπικήδειος τῷ..... Ἐφέσου, изданіе Норова, стр. 76.

нѣе 1445 и не позже 1448 гг., потому что на нихъ присутствовали патріархъ Григорій, восшедшій на престолъ въ 1445 году[1], и деспотъ Θеодоръ, умершій въ 1448 году[2]. Изъ сопоставленія этихъ историческихъ данныхъ видно, что мнѣніе полагающихъ смерть Марка Ефесскаго въ 1447 г. 19 янв. болѣе чѣмъ вѣроятно[3].

b) Вмѣсто приглашеннаго, но не явившагося на соборъ патріарха Григорія, отъ его лица на предлагаемые соборомъ вопросы отвѣчалъ нѣкто «фратеръ Леонардъ». Что это за личность? Нѣтъ ли и здѣсь опять новаго анахронизма и путаницы фактовъ?

Извѣстно, что кардинала Исидора россійскаго, посланнаго папою Николаемъ V-мъ въ Константинополь для возстановленія забытой греками уніи, сопровождалъ въ этотъ разъ Хіосскій Леонардъ [illegible], латинскій архіепископъ Митиленскій, который потомъ въ посланіи къ папѣ отъ 15 августа 1453 года описалъ весь ходъ осады, паденія и взятіе Константинополя[4]. Но Исидоръ съ Леонардомъ прибыли въ Константинополь [illegible] въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1452 года[5], когда патріархъ Григорій былъ уже въ Римѣ[6]. Какъ могъ «фратеръ Леонардъ» отвѣчать за невившагося на Софійскій соборъ Григорія двумя годами раньше своего прибытія въ Константинополь? [illegible] предположить, что «фратеръ Леонардъ» [illegible] — [illegible] вое отъ Леонарда Хіосскаго [illegible]

1 Migne, t. [illegible]
2 Φραντζῆς [illegible]
3 [illegible]
4 [illegible] ической замѣтк[illegible] Марка [illegible] въ словахъ [illegible] Флорентійскаго собора [illegible] едва ли можетъ [illegible] мѣста [illegible] 1108 [illegible] умерь [illegible] Время перваго [illegible] отнести [illegible] тріархомъ [illegible] въ 1441 [illegible] умеръ митрополитъ [illegible] Маркъ умеръ [illegible] исторік [illegible]
5 [illegible] ск.—Migne [illegible]
6 [illegible]
7 [illegible] с. 220 [illegible]

того, что Леонардъ въ актахъ представляется личностью всѣмъ хорошо извѣстною, каковою могъ быть только Леонардъ Хіосскій,— или же признать, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ явнымъ анахронизмомъ.

c) Но если касательно даты смерти Марка Ефесскаго акты ошибаются на четыре года, а прибытіе Леонарда въ Константинополь ускоряютъ на два, то несообразность, допущенная въ нихъ относительно Митрофана Кизикскаго, еще болѣе велика.

По изданію Алляція, въ хиротоніи патріарха Аѳанасія II вмѣстѣ съ другими принялъ участіе и Митрофанъ Кизикскій, который умеръ за цѣлыя 7 лѣтъ раньше предполагаемаго Софійскаго собора, будучи прежде въ продолженіи трехъ лѣтъ патріархомъ Константинопольскимъ и патріархомъ латиномудрствующимъ[1]). Эту явную ошибку актовъ *поправилъ*[2]) патріархъ Досиѳей, поставивши вмѣсто Μητροφάνης—Παρθένιος, какое имя дѣйствительно читается въ подписяхъ актовъ по обоимъ изданіямъ (Алляція и Досиѳея). Однако и въ изданіи Досиѳея имя Μητροφάνης, устраненное въ началѣ, проскользнуло ниже, незамѣченное, повидимому, издателемъ, такъ что умершій въ 1443 году латиномудрствующій Митрофанъ (уже патріархъ Константинопольскій, а не митрополитъ Кизикскій)[3]) проситъ у собора прощенія за то, что подписалъ флорентійскій Оросъ! И никто не можетъ сказать, что это — другой какой нибудь Митрофанъ. Въ подписяхъ флорентійскаго Ороса фигурируетъ одинъ только Митрофанъ, и это— Митрофанъ Кизикскій, впослѣдствіи латиномудрствующій патріархъ Константинополя.

d) Какъ митрополитъ Кіевскій упоминается въ актахъ нѣкто Ѳеодоръ (у Алляція Дороѳей), тогда какъ всѣмъ извѣстно, что въ это время митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси былъ Іона[4]).

Сказаннаго до сихъ поръ—достаточно, чтобы не оставить никакого сомнѣнія въ неподлинности актовъ Послѣдняго Софійскаго со-

1) Συρόπουλος, σελ. 350.

2) Не только эту, но и всѣ вообще разности изданія Досиѳея сравнительно съ изданіемъ Алляція, мы считаемъ и будемъ считать *поправками* патріарха Досиѳея, пока никто не представитъ имѣющей эти же особенности рукописи времени болѣе ранняго, чѣмъ изданіе Досиѳея.

3) Составитель актовъ и не подозрѣваетъ, повидимому, о патріаршествѣ Митрофана кизикскаго, да онъ и не знаетъ какого-нибудь патріарха Митрофана послѣ Іосифа.

4) Филаретъ (Гумилевскій), Исторія Русской Церкви, изд. шестое, стр. 302. Срв. стр. 307, 308.

бора и указать, на какую шаткую почву опираются тѣ историки, которые на основаніи этихъ актовъ опредѣляютъ годы жизни и смерти разныхъ дѣятелей этого періода Византійской исторіи[1]).

Но развѣ только въ приведенныхъ примѣрахъ заключается слабая сторона актовъ?

Мы не очень настаиваемъ на томъ, былъ ли и могъ ли быть въ 1450 году Георгій Гемистъ въ Константинополѣ[2]), участвовалъ ли въ соборѣ Св. Софіи проживавшій въ Трапезунтѣ философъ Амируци, и оставляемъ въ сторонѣ вопросъ, почему хиротонія новаго патріарха Аѳанасія поручена была митрополитамъ Никомидійскому, Никейскому и Кизикскому, несмотря на присутствіе трехъ патріарховъ, а вмѣстѣ съ ними и митрополита Ираклійскаго. Послѣ приведенныхъ примѣровъ допущенныхъ въ актахъ анахронизмовъ, мы приведемъ еще нѣсколько такихъ примѣровъ, гдѣ неточность заключается въ присвоеніи нѣкоторымъ лицамъ названій и достоинствъ, какихъ они не имѣли.

a) Великимъ экклезіархомъ во время Флорентійскаго собора, какъ извѣстно, былъ Сильвестръ Сиропулъ, авторъ драгоцѣнной исторіи Флорентійскаго собора. Въ качествѣ великаго экклезіарха Сиропулъ подписывается и въ посланіи къ чехамъ, написанномъ послѣ предполагаемаго Софійскаго собора[3]), и этимъ титуломъ именуетъ его и Схоларій въ письмѣ къ константинопольскимъ клирикамъ отъ 15 ноября 1452 года[4]). Между тѣмъ въ актахъ въ званіи великаго экклезіарха появляется какой-то Козьма. Оставилъ ли Сиропулъ должность великаго экклезіарха предъ соборомъ Св. Софіи, чтобы тотчасъ же послѣ него опять занять ее, или же и въ этомъ случаѣ составитель актовъ немного ошибся? Второе предположеніе, конечно, болѣе удопріемлемо и вѣроятно.

b) Маркъ Евгеникъ подписывается и какъ митрополитъ Ефесскій, и какъ ἔξαρχος τῶν πατριαρχῶν. Но патріархи лично присутствовали на соборѣ и не нуждались въ экзархахъ и представителяхъ.

---

1) Покойный архимандритъ Андроникъ Димитракопуло на основаніи этихъ актовъ годомъ смерти Марка Ефесскаго считаетъ 1451-й (Ὀρθόδοξος Ἑλλάς, σελ. 99).

2) Что Гемистъ въ 1450 году находился еще въ живыхъ, это не подлежитъ сомнѣнію (Alexandre, Pléthon y Migne, t. CLX, c. 806). Однако участіе его въ Софійскомъ соборѣ и самый пріѣздъ въ Константинополь послѣ Флорентійскаго собора болѣе чѣмъ невѣроятны.

3) См. это посланіе у Алляція, De consens. col. 947—949.

4) Изд. у Димитракопуло Андроника въ Ἱστορία Σχίσματος, σελ. 166—172.

Ясно, что сочинитель актовъ присвоилъ Марку Ефесскому титулъ, который тотъ имѣлъ на Флорентійскомъ соборѣ.

c) Избраннаго послѣ низложенія Григорія въ патріархи Аѳанасія обычно считаютъ бывшимъ раньше игуменомъ монастыря Περιβλέπτου[1]). Однако въ подписяхъ актовъ эти два лица различаются. Кромѣ: «Ἀθανάσιος ἐλέῳ Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως и пр.» тамъ мы читаемъ еще: «ὁ ποτὲ ἡγούμενος τῆς μονῆς τῆς Περιβλέπτου Ἀθανάσιος». Или Аѳанасій II былъ до патріаршества игуменомъ монастыря Перивлепта, и въ такомъ случаѣ подписи актовъ — подложны, или же, если подписи нужно считать подлинными, патріархъ Аѳанасій былъ лицомъ отличнымъ отъ бывшаго игумена Перивлепта. Послѣднее предположеніе сдѣлалъ еще патріархъ Досиѳей. Но такое примиреніе нельзя легко принять. Фраза ὁ ποτὲ ἡγούμενος и пр. ясно указываетъ, что подписавшійся такимъ образомъ не былъ болѣе игуменомъ, и мы не видимъ, почему нельзя считать его за патріарха Аѳанасія II, если и безъ этого путаница и безпорядокъ въ подписяхъ актовъ по истинѣ безпримѣрны. Не только титуты подписывающихся иногда очень необычны, не только одно и то же лицо упоминается подъ однимъ именемъ въ засѣданіяхъ, а подъ другимъ въ подписяхъ, но и самый порядокъ подписей ясно свидѣтельствуетъ о недостаточной подготовкѣ составителя актовъ къ подлогу. Архіереи меньшихъ епархій подписываются прежде самыхъ старшихъ митрополитовъ. Митрополитъ, напримѣръ, Никомидійскій Макарій подписывается въ числѣ архіереевъ младшихъ епархій, и его подписи предшествуютъ имена Синадскаго, Иконійскаго, Лаодикійскаго, Ставропольскаго и другихъ епископовъ.

Указанные анахронизмы и неточности актовъ Софійскаго собора — такого рода, что не оставляютъ никакого сомнѣнія въ неподлинности этого историческаго памятника. Нельзя даже въ нихъ видѣть простого поврежденія существовавшихъ прежде подлинныхъ актовъ, — поврежденія, происшедшаго или умышленно, или по невѣжеству переписчиковъ. Здѣсь не слова и фразы, не второстепенныя и частныя извѣстія, но самая ихъ суть, самый остовъ ихъ оказывается ложнымъ, не согласнымъ съ исторической дѣйствительностью. Ясно, что акты эти въ цѣломъ своемъ составѣ имѣютъ позднѣйшее происхожденіе.

1) Γεδεών, Πατριαρχικοὶ Πίνακες, σελ. 467.

II.

Изъ отверженія подлинности актовъ Софійскаго собора невольно возникаетъ вопросъ: не былъ ли и самый соборъ, имя котораго они носятъ, такимъ же историческимъ фактомъ, какимъ историческимъ памятникомъ являются его акты, особенно въ виду того обстоятельства, что о немъ мы знаемъ исключительно на основаніи этихъ послѣднихъ? Иными словами, былъ ли дѣйствительно Софійскій соборъ, по крайней мѣрѣ такой, какимъ его представляютъ акты и какимъ рисуютъ его намъ разные православные писатели?

Историческія свѣдѣнія объ этомъ соборѣ тѣсно связаны съ исторіею его актовъ. XV-й и XVI-й вв. какъ ничего не знаютъ объ актахъ Софійскаго собора, такъ совершенно не упоминаютъ и о самомъ соборѣ. Это, конечно, не есть еще достаточное доказательство несуществованія Софійскаго собора 1450 года. Вѣдь и соборъ 1484 г. долгое время былъ забытъ. Возникающія, однако, вслѣдствіе полнаго, въ продолженіи болѣе полуторыхъ вѣковъ молчанія современниковъ и послѣдующихъ писателей, сомнѣнія насчетъ подлинности актовъ и дѣйствительности существованія собора Св. Софіи подкрѣпляются слѣдующими соображеніями.

Спустя недолгое время послѣ предполагаемаго Софійскаго собора, въ 1484 году, при патріархѣ Симеонѣ Трапезунтскомъ, созванъ былъ въ Константинополѣ большой соборъ съ тою же почти цѣлію, которая приписывается и Софійскому, т. е., чтобы выяснить истинное отношеніе православной церкви къ католической и покончить разъ навсегда съ неосновательными притязаніями латинянъ. Естественно, конечно, было, чтобы соборъ этотъ, который и по времени не очень отдаленъ отъ Софійскаго, и по предмету, для обсужденія котораго созванъ, тѣсно съ нимъ связанъ, упомянулъ или, по крайней мѣрѣ, сдѣлалъ какой нибудь намекъ на существованіе Софійскаго собора. Между тѣмъ въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ изъ актовъ этого собора[1]) не только нѣтъ намека на Софійскій соборъ, но наоборотъ, въ нихъ есть одно мѣсто, которое прямо опровергаетъ существованіе послѣдняго. Въ заглавіи ороса собора 1484 года мы читаемъ: Ἰστέον δὲ ὅτι ἡ σύνοδος αὕτη, οἰκουμενικὴ οὖσα, πρώτη σὺν Θεῷ τὴν ἐν Φλω-

1) Акты собора 1484 года до сихъ поръ въ цѣломъ своемъ составѣ необнародованы. Нѣкоторые однако отрывки изъ нихъ уже сдѣлались извѣстными. Такъ архим.

ρεντίᾳ ἐκείνην παρανομωτάτην κατέβαλε καὶ ἀνέτρεψε σύνοδον» и пр.[1]). Какимъ образомъ соборъ 1484 года πρώτη отвергъ опредѣленія незаконнаго Флорентійскаго собора, если это же самое, за 34 года раньше его, сдѣлалъ соборъ Св. Софіи? Нельзя возразить, что соборъ 1484 года назвалъ себя *первымъ* въ качествѣ вселенскаго и бо́льшаго собора, чѣмъ соборъ 1450 года. Соборъ 1484 года былъ настолько же вселенскимъ, насколько и предшествовавшій ему Софійскій, потому что и на этомъ послѣднемъ, по актамъ, присутствовали четыре патріарха.

Но перейдемъ къ болѣе яснымъ указаніямъ на несуществованіе Софійскаго собора. Геннадій Схоларій въ предисловіи своего сочиненія «Ἔκθεσις τῆς ὀρθῆς περὶ τῆς τοῦ Ἁγίου Πνεύματος ὑποστάσεως δόξης», написаннаго не ранѣе 1447 и не позже 1450 гг., замѣчаетъ, что созваніе собора изъ однихъ православныхъ для исправленія ненормальнаго положенія церкви было бы очень необходимо и желательно[2]). Нигдѣ, однако, въ его сочиненіяхъ, касающихся такъ или иначе событій 1449—1453 гг. (а такихъ сочиненій его сохранилось до насъ нѣсколько), мы не находимъ указаній на то, чтобы проектируемый имъ соборъ состоялся. Если бы онъ былъ, то Схоларій непремѣнно упомянулъ бы о немъ въ своихъ сочиненіяхъ, тѣмъ болѣе, что для этого представлялось всегда много случаевъ, а иногда даже самый ходъ рѣчи требовалъ этого. Напримѣръ, въ посланіи къ жителямъ Константинополя отъ 29-го ноября 1452 года, излагая кратко, но очень живо, предыдущую свою жизнь и дѣятельность, объясняя цѣль, которую онъ въ нихъ преслѣдовалъ, Схоларій, между прочимъ, заявляетъ, что онъ одобряетъ и принимаетъ бывшій противъ Векка соборъ, остается вѣрнымъ своему обѣщанію, данному блаженному Марку Ефесскому передъ смертію послѣдняго, своимъ преніямъ съ епископомъ Кортонскимъ, многимъ и разнымъ своимъ сочиненіямъ, написаннымъ въ защиту отеческой вѣры, исповѣданію вѣры, которое за три года предъ тѣмъ въ исправленномъ видѣ издалъ, и подписямъ,

---

митракопуло въ сочиненіи Περὶ τοῦ πρωτείου τοῦ πάπα, Ἐγχειρίδιον Ναθαναὴλ τοῦ Χύχα (σελ. θ′—ιγ′) напечаталъ оросъ этого собора; греческіе евхологіи приводятъ и постановленный этимъ соборомъ чинъ, по которому должно принимать возвращающихся въ православіе уніатовъ; важный же отрывокъ, касающійся канонизаціи патріарха Геннадія Схоларія, хранится неизданнымъ у г. Пападопуло-Керамевса, благосклонной любезности котораго мы очень обязаны.

1) Ῥάλλη καὶ Ποτλῆ, Σύνταγμα, σελ. 678.

2) Migne, t. CLX, col. 668.

которыя онъ вмѣстѣ съ единомысленными съ нимъ клириками далъ и т. д.[1]). Безъ сомнѣнія, Схоларій непремѣнно назвалъ бы здѣсь и Софійскій соборъ, если бы таковой дѣйствительно былъ, ибо и ходъ рѣчи этого требуетъ и важность собора не допускаетъ возможности забыть его, если уже упоминаются менѣе важныя и второстепенныя собранія константинопольскихъ клириковъ. И, однако, мы не видимъ здѣсь никакого даже намека на соборъ.

Такое же полное молчаніе относительно Софійскаго собора замѣчается и у всѣхъ современныхъ Схоларію писателей, и нельзя придавать какого нибудь значенія замѣчанію Зерникава, будто слова Амируци: «δι' ἅπερ οἱ πατριάρχαι τὰς ὑπογραφὰς τῶν οἰκείων ἐπιτρόπων εὐλόγως καὶ συνοδικῶς ἠθέτησαν, βουλόμενοι παρὰ τῶν διαλέξεων καὶ μὴ ἀθεεὶ πέρας ἕξειν τὰ τῆς συνόδου», относятся къ собору Св. Софіи[2]). Отверженіе патріархами Флорентійскаго собора, про которое говоритъ Амируци, сдѣлано было не на Софійскомъ соборѣ въ Константинополѣ, а въ Іерусалимѣ, въ 1443 году, въ соборномъ рѣшеніи патріарховъ Александрійскаго, Антіохійскаго и Іерусалимскаго вмѣстѣ съ митрополитомъ Кесарійскимъ Іоанномъ. Въ этомъ рѣшеніи Флорентійскій соборъ названъ «μιαρά», патріархъ Митрофанъ «Μητροφόνος», и «συνοδικῶς» опредѣляется, чтобы латиномудрствующимъ клирикамъ было запрещено священнослуженіе[3]).

Первое и явное указаніе на Софійскій соборъ и его акты мы находимъ у Георгія Коресія, писателя первой половины XVII вѣка. Коресій въ своемъ сочиненіи «Ἐγχειρίδιον περὶ τῆς ἐκπορεύσεως τοῦ Ἁγίου Πνεύματος», изданномъ въ «Τόμος Καταλλαγῆς», говоритъ: «ἀποκρίνομαι καταγλωσσαλγεῖν περὶ τοῦτον τὸν ἀντίδικον, καὶ γὰρ τὸν βυζάντιον πρὸ τῶν ὑπογραφῶν τελευτῆσαι, ὅπερ περιποιήσει τῷ μαθητιῶντι Γεμιστὸς καὶ Ἀμηρούτζης καὶ ἡ συναθροισθεῖσα Σύνοδος κατὰ τῆς ἐν Φλωρεντίᾳ ἐν τῇ Ἁγίᾳ Σοφίᾳ»[4]). Несомнѣнно, Коресій зналъ о соборѣ Св. Софіи не по слухамъ или отъ другихъ писателей, но по актамъ его, которые въ это время сдѣлались уже извѣстными и которыми Коресій пользовался, какъ показываетъ внимательное чтеніе приведеннаго мѣста. Аргументъ Коресія, что патріархъ Іосифъ не можетъ считаться принявшимъ Флорентійскій Оросъ, потому что

---

1) См. это посланіе у Димитракопуло въ Ὀρθόδοξος Ἑλλάς, σελ. 410.
2) Α. Ζοιρνικαβίου, Περὶ ἐκπορεύσεως τοῦ Α. Π. Τόμ. Β', стр. 678.
3) Allat. De consens. col. 939—940.
4) Τόμος Καταλλαγῆς, стр. 276.

онъ умеръ до подписанія послѣдняго, приводится точно также и въ актахъ, гдѣ мы читаемъ: «Ὄντως δ'ἀποθανὼν Ἰωσὴφ πατριάρχης καὶ πρὸ ἐμοῦ ἄρξας τῆς βασιλίδος πρὸ τῆς ὑπογραφῆς τὸν βίον ἀπέλιπε». То обстоятельство, что первый упоминающій о Софійскомъ соборѣ писатель знаетъ о немъ изъ его актовъ, подтверждаетъ высказанное нами выше мнѣніе, что акты и соборъ Софійскій тѣсно между собою связаны и одновременно сдѣлались извѣстными.

III.

Вопросъ о времени появленія актовъ Софійскаго собора и ихъ авторѣ не принадлежитъ къ числу легкихъ и можетъ допускать различныя рѣшенія. Мы постараемся по мѣрѣ возможности разъяснить его, высказывая мнѣніе, которое намъ кажется вѣроятнымъ, безъ претензіи, однако, на безусловную истинность и вѣрность его.

Досиоей Іерусалимскій сказалъ въ своей исторіи Іерусалимскихъ патріарховъ относительно Софійскаго собора, что «Латиняне клевещутъ на этотъ соборъ, чтобы доказать, что Флорентійскій соборъ не былъ отвергнутъ ни однимъ соборомъ»[1]).

Эта, продолжающаяся и до нашихъ дней, склонность латинянъ ссылаться на Флорентійскій соборъ, какъ сохраняющій полную силу, а, слѣдовательно, и обязательность для грековъ, и происходящее отсюда неловкое положеніе для православныхъ и были, по нашему мнѣнію, ближайшимъ поводомъ къ возникновенію сказанія о Софійскомъ соборѣ и составленію его актовъ.

Извѣстна страстная борьба латинянъ противъ православной церкви, начавшаяся со времени Флорентійскаго собора и особенно усилившаяся въ XVII вѣкѣ, когда жертвою ея въ Константинополѣ сдѣлался патріархъ Кириллъ Лукарисъ. Когда исчерпывался весь запасъ аргументацій противъ непризнававшихъ главенства папы схизматиковъ, ярые пропагандисты уніи непремѣнно прибѣгали къ флорентійскому ὅρος'у, съ укоромъ напоминая грекамъ объ ихъ подписяхъ на немъ. На Флорентійскій соборъ и его ὅρος ссылались уже Григорій Мамма, Іосифъ Меоонскій, Виссаріонъ Никейскій и прочіе современные имъ латиномудрствующіе греки и западные полемисты; этотъ ὅρος былъ сильнымъ аргументомъ и для послѣдующихъ поборниковъ латинства противъ православія. Насколько онъ важенъ даже и до сихъ поръ

1) Δοσίθεος, Περὶ τῶν ἐν Ἱεροσ. Πατρ. σελ. 917.

по взгляду католической церкви, доказываетъ недавняя энциклика Льва XIII о соединеніи церквей, приглашающая православныхъ возвратиться къ этому именно ὅρῳ.

Но если латиняне ради своихъ цѣлей умѣли подчеркивать значеніе Флорентійскаго собора и выставлять его вселенскій характеръ, то православные въ свою очередь не забывали съ особенною настойчивостью повторять, что этотъ соборъ не можетъ имѣть никакого значенія для православной церкви, такъ какъ она съ самаго же начала отвергла его. Георгій Гемистъ, Амируци, Маркъ Ефесскій, Схоларій и всѣ писавшіе противъ латинянъ послѣ Флорентійскаго собора, единогласно отрицая вселенскій характеръ этого собора, съ особенною силою настаиваютъ на немедленномъ отверженіи его со стороны православной церкви и даже отлученіи тѣхъ, кто подписалъ этотъ злосчастный ὅρος[1], какъ проиизируя называетъ его Маркъ Ефесскій.

Однако нельзя не признать, что до 1484 года разныя отверженія Флорентійскаго собора православною церковію имѣли болѣе или менѣе частный характеръ, и если не de facto, то по крайней мѣрѣ de jure Флорентійскій соборъ былъ въ полной силѣ и обязательности и для православной церкви. Латиняне для подтвержденія этого мнѣнія приводили примѣръ перваго вселенскаго собора, который хотя много разъ и во многихъ мѣстахъ былъ отвергнутъ аріанами и полуаріанами, однако ничуть не потерялъ вслѣдствіе этого своего значенія и вселенскаго характера[2]. Прибавимъ къ сказанному еще то обстоятельство, что акты собора 1484 года и самый этотъ соборъ до послѣдняго времени были почти неизвѣстны, и тогда поймемъ, въ какомъ неловкомъ положеніи находились греки, когда въ полемикѣ съ латинянами дѣло касалось Флорентійскаго собора.

Понятно, что для устраненія этого невыгоднаго для православныхъ полемистовъ обстоятельства не трудно было какому нибудь

---

1) Пугало, страшилище, или: составленный подъ вліяніемъ запугиваній («ἐπτοη καὶ ὀρρωδοῦντες αὐτοὶ τούτῳ συνέθεντο». Migne, CLX, c. 176 D.

2) Юридическую обязательность для грековъ Флорентійскаго ороса, пока онъ не будетъ надлежащимъ образомъ отвергнутъ православнымъ соборомъ, признавалъ и Схоларій: «εἰ δέ τις οἴοιτο τὸν συνοδικὸν ἐκεῖνον ὅρον μένοντα καὶ πιστευόμενον παρ' ἡμῖν, δεήσει δὲ δήπου πιστεύεσθαι, ἕως ἂν μηδὲν ἀναιροῦν ἐκεῖνον συντεθῇ παρ' ἡμῖν, καὶ ἡμῶν ἐπὶ ταῖς τοιαύταις συνθήκαις ἡνωμένων Λατίνοις, ἄλλο τι δύνασθαι ἢ τὴν ἐν τῷ συμβόλῳ προσθήκην ὁμολογεῖν ἡμᾶς καὶ σιγῶντας». Κατὰ τῆς Προσθήκης Migne, CLX, c. 716.

ревнителю греку рѣшиться на составленіе актовъ Софійскаго собора на основаніи, разумѣется, подходящихъ къ этой цѣли источниковъ. Такой благочестивый подлогъ нельзя считать слишкомъ смѣлымъ, такъ какъ латиняне того времени рѣшались на не менѣе смѣлые подлоги. Достаточно припомнить фальсификаціи и ложные переводы латинянъ въ XVI и XVII вѣкахъ въ ихъ полемикѣ противъ грековъ. Страстность и ожесточеніе взаимной полемики были столь велики, что ни тѣ, ни другіе не считали нужнымъ долго раздумывать относительно качества и достоинства аргументаціи или брезгать какими бы то ни было, хотя бы и подложными, документами, разъ они были въ ихъ пользу.

Но для созданія какого бы то ни было подлога необходима, конечно, извѣстная доля истины, которая сдѣлала бы его не столь замѣтнымъ и болѣе правдоподобнымъ, иначе фальсификація обратится въ напрасный трудъ. Если, напримѣръ, латиняне извратили многія мѣста въ сочиненіяхъ Геннадія Схоларія или даже приписали ему, непринадлежащія въ дѣйствительности его перу, сочиненія, то на это они рѣшились лишь потому, что былъ такой моментъ, когда Схоларій, по ошибочному ли пониманію дѣла, или «οἰκονομίας ἕνεκα», склонялся на сторону латинства. И составитель актовъ Софійскаго собора долженъ былъ имѣть какія-нибудь историческія данныя, на которыя могъ опираться. Такимъ исходнымъ пунктомъ и базисомъ подлога мы считаемъ то собраніе клириковъ, о которомъ упоминаетъ Геннадій Схоларій въ вышеприведенномъ[1]) его посланіи къ жителямъ Константинополя, время написанія котораго совпадаетъ съ датою предполагаемаго Софійскаго собора. Конечно, это было простое собраніе константинопольскаго клира, а не соборъ множества архіереевъ и патріарховъ, какимъ представляютъ намъ его акты. Однако *собраніе* легко могло превратиться въ *соборъ*, тѣмъ болѣе, что и самъ Схоларій въ своемъ посланіи называетъ его безразлично и *собраніемъ* (συνέλευσις) и *соборомъ* (σύνοδος). Слѣдующее обстоятельство дѣлаетъ нашу гипотезу еще болѣе вѣроятною. По Схоларію названное собраніе издало исповѣданіе, или лучше опредѣленіе вѣры (ὁμολογίαν πίστεως), которое подписали и самъ Схоларій и прочіе его сторонники изъ константинопольскаго клира. Въ этомъ опредѣленіи говорилось, что поминовеніе имени папы въ диптихахъ и всякое съ нимъ сношеніе не-

---

1) См. стр. 405.

возможны, пока православная церковь расходится съ католическою въ очень важныхъ догматахъ вѣры. Не трудно найти здѣсь нѣкоторое сходство съ общимъ смысломъ актовъ и особенно съ рѣшеніемъ четвертаго засѣданія. Кромѣ того весьма вѣроятно, что собраніе, о которомъ упоминаетъ Схоларій, принудило патріарха Григорія оставить патріаршій престолъ, хотя онъ и не тотчасъ послѣ этого уѣхалъ изъ Константинополя.

Совпаденіе времени, согласіе въ рѣшеніяхъ, низложеніе Григорія, все это, думаемъ, — достаточныя ручательства въ томъ, что мы не очень ошибаемся, отожествляя собраніе Схоларія съ соборомъ актовъ. Сочинитель послѣднихъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ принималъ собраніе Схоларія за соборъ патріарховъ и архіереевъ. Отсутствіе же писанныхъ актовъ онъ рѣшился восполнить изъ запаса своихъ собственныхъ познаній, опираясь, главнымъ образомъ, на вышеупомянутомъ собраніи константинопольскихъ клириковъ и восполняя недостающее изъ разныхъ извѣстныхъ ему сочиненій Гемиста, Схоларія, Амируци и др., обнаруживъ при этомъ свою начитанность въ гомеровскихъ поэмахъ[1]) и знакомство съ еврейскимъ языкомъ[2]). Въ результатѣ получилась та мозаика историческихъ фактовъ, которая носитъ названіе актовъ Послѣдняго Софійскаго собора.

Теперь естественно возникаетъ вопросъ: когда впервые появились эти акты и кѣмъ они составлены?

Этому справедливому любопытству въ настоящее время можно удовлетворить только предположеніями. Единственно несомнѣннымъ является лишь то обстоятельство, что сочинитель актовъ Софійскаго собора жилъ значительно позже описываемыхъ въ нихъ событій. Современный составитель никогда бы не допустилъ такихъ неточностей, какія мы видѣли выше. Въ виду этого обстоятельства, а также принимая во вниманіе полное молчаніе объ актахъ XV и XVI вѣковъ, можно съ увѣренностью отнести составленіе ихъ къ началу XVII вѣка. По крайней мѣрѣ, судя по заглавію актовъ, они изданы въ первый разъ въ это именно время.

1) Въ самомъ началѣ актовъ, послѣ ироническихъ выраженій: «τοῦ θείου ἡγουμένου μόνον τοῦ Βυζαντίου (патріархъ Григорій Мамма) ἀπόντος» и «ὅπως ἐὰν βαθεῖ ὕπνῳ πιέζηται, τὸν ὕπνον ἀποτινάξηται», вмѣсто текста изъ Св. Писанія мы читаемъ гомеровское: «οἷς λαοὶ ἐπιτετράφαται καὶ τόσσα μέμηλε».

2) Θеодоръ (Агалліанъ) говоритъ: «ἔνζυμον ἄρτον ἑβραϊστὶ Λεχὲμ χαμὲς καὶ οὐχ ἄζυμον ματζᾶ καλούμενον καὶ λεὲν ὀνὶ καὶ λεὲν ματζᾶ, ὡς φαίνεται ἐν τῷ ἑβραϊ γεγραμμένῳ εὐαγγελίῳ».

Вторая часть заглавія актовъ гласитъ, что они извлечены изъ библіотеки собственноручныхъ рукописей Константина Ласкариса по приказанію патріарха Константинопольскаго Аѳанасія и переписаны Ѳеодоромъ Зигомалою, протекдикомъ Великой Церкви.

Всѣ занимавшіеся даннымъ вопросомъ какъ восточные, такъ и западные писатели сочли упоминаемаго въ заглавіи Аѳанасія за бывшаго наканунѣ паденія Константинополя патріарха Аѳанасія II.

Принятіемъ упоминаемаго въ заглавіи Аѳанасія за Аѳанасія II довольно удачно воспользовался Алляцій, чтобы торжественно обличить подложность актовъ. Относя намѣренно или по недосмотру слова: ἐπιταγῇ τοῦ πατριάρχου и пр. къ причастію διδάξαντος, и толкуя заглавіе въ томъ смыслѣ, будто Константинъ Ласкарисъ преподавалъ на западѣ грамматику (и это довольно долго спустя послѣ паденія Константинополя), потому что *такъ повелѣлъ Константинопольскій патріархъ Аѳанасій*(!), Алляцій имѣлъ поводъ воскликнуть, что это «*sane infantissimum dictum!*»[1]).

Это намѣренное или невольное перетолкованіе Алляція защитники актовъ не замедлили обличить. Но и они не могли освободиться отъ ошибочнаго пониманія Аѳанасія какъ Аѳанасія II, отчего и принуждены были прибѣгнуть къ очень неубѣдительнымъ объясненіямъ недоумѣній, происходящихъ изъ такого пониманія заглавія. Если Аѳанасій заглавія есть патріархъ Аѳанасій II, то зачѣмъ ему, спрашивается, обращаться къ рукописямъ Ласкариса, когда, какъ патріархъ, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи архивы Патріархіи?—Такъ какъ въ то время большія смуты были обыкновеннымъ явленіемъ въ Константинополѣ—отвѣчаетъ Досиѳей,—то вполнѣ возможно, что акты искажены были латиномудрствующими, и поэтому патріархъ принужденъ былъ обратиться къ библіотекѣ частнаго лица, гдѣ могъ найти эти акты цѣлыми и неповрежденными[2]). Такимъ образомъ по объясненію Досиѳея выходитъ, что въ очень короткій промежутокъ времени акты были искажены и нельзя было найти неповрежденнаго экземпляра въ другомъ мѣстѣ, какъ только въ библіотекѣ Константина Ласкариса.

Но есть и другое мнѣніе, которое, повидимому, объясняетъ, почему Аѳанасій обратился въ библіотеку Ласкариса. По Саѳѣ редакто-

1) De consens. c. 1391.

2) Это объясненіе Досиѳея принялъ и анонимный авторъ сочиненія: Исторія Флорентійскаго собора, Москва, 1847 г., стр. 180.

[illegible]

[illegible]

---

1. [illegible]
2. [illegible]

віе, сдѣлано было при этомъ именно патріархѣ, т. е. въ началѣ XVII вѣка.

Такимъ образомъ по признанію самаго заглавія актовъ, они впервые извлечены и переписаны или, что то же самое, сдѣлались публично извѣстными только при патріархѣ Аѳанасіѣ Пателаріѣ, не ранѣе начала XVII вѣка. Но такъ какъ эти акты, какъ мы видѣли, несомнѣнно подложны, то думаемъ, что поступимъ не очень смѣло, если скажемъ, что тогда же они были и сфабрикованы. Мы не можемъ сказать, что переписчикъ Ѳеодоръ Зигомала былъ составителемъ актовъ. Онъ вѣроятно съ доброю совѣстью вѣрилъ, что они извлечены изъ знаменитой библіотеки Константина Ласкариса. Но во всякомъ случаѣ настоящій авторъ актовъ не очень отстоитъ по времени отъ переписчика.

Составитель актовъ, какъ видно, зналъ довольно хорошо латинскую литературу по вопросу объ исхожденіи Св. Духа, какъ это замѣтилъ уже Алляцій, и слѣдовательно былъ знатокомъ латинскаго языка. Кромѣ того онъ имѣлъ нѣкоторое понятіе объ еврейскомъ языкѣ, которымъ умѣлъ пользоваться въ экзегетическихъ цѣляхъ. А такъ какъ, по собственному заявленію[1]), онъ имѣлъ подъ руками еврейскій переводъ евангелія, который впервые сдѣланъ былъ лишь въ 1591 году[2]), то ясно, что мы должны искать его среди образованныхъ грековъ начала XVII вѣка, какъ уже мы заключали и раньше.

То обстоятельство, что первый изъ восточныхъ писателей упоминаетъ объ этихъ актахъ и о Софійскомъ соборѣ хіосецъ Георгій Коресій, современникъ патріарха Аѳанасія Пателарія, что онъ, получивши образованіе въ Италіи, былъ превосходнымъ знатокомъ латинскаго языка, что онъ, хотя и врачъ по профессіи, усердно занимался богословіемъ и съ одушевленіемъ полемизировалъ съ латинянами, написавъ противъ нихъ сочиненія, въ которыхъ «schismatis venena evomuit»[3]), что, наконецъ, первый экземпляръ актовъ полученъ Алляціемъ съ острова Хіоса[4]), — все это вмѣстѣ взятое всякаго можетъ ввести въ искушеніе видѣть въ Георгіѣ Коресіѣ автора актовъ Софійскаго собора. Впрочемъ, это лишь наша личная догадка, которая,

---

1) См. выше, стр. 409, примѣч. 2.

2) Первый полный еврейскій переводъ Новаго Завѣта сдѣланъ былъ Гуттеромъ (Hutter) въ 1591 году. Fabr.-Harl. Bibl. gr. IV, 597.

3) Allat. De Georgiis, Fabr. XII, 116.

4) Allat. De consens. col. 1380.

можетъ быть, окажется невѣрною послѣ дальнѣйшихъ изслѣдованій вопроса объ актахъ Послѣдняго Софійскаго собора.

Резюмируя сказанное до сихъ поръ, мы имѣемъ слѣдующіе выводы.

I) Акты такъ называемаго Послѣдняго Софійскаго собора никоимъ образомъ не могутъ считаться подлинными актами того собора, который они описываютъ. Они сдѣлались извѣстными впервые въ началѣ XVII вѣка и тогда же составлены на основаніи разныхъ сочиненій Схоларія, Гемиста, Амируци и др.

II) Софійскаго собора 1450 года, на которомъ бы присутствовали патріархи и множество митрополитовъ и епископовъ, — никогда не было. Созвано было только около 1449 г. мѣстное собраніе константинопольскихъ клириковъ, которое и превращено составителемъ актовъ въ соборъ.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ прибавить нѣсколько словъ относительно патріарха Аѳанасія II, имя котораго тѣсно связано съ соборомъ Св. Софіи.

О патріархѣ Аѳанасіѣ, вслѣдствіе недовѣрія, вызываемаго актами Софійскаго собора, и благодаря полному отсутствію компетентныхъ современныхъ данныхъ, существуютъ очень неопредѣленныя мнѣнія. Многіе изъ новѣйшихъ историковъ, по примѣру Алляція и его послѣдователей, считаютъ его прямо «миѳическимъ лицомъ». Такъ, напримѣръ, профессоръ московской духовной академіи А. Лебедевъ въ своихъ очеркахъ церковной исторіи Византіи, основываясь на заключеніяхъ de Quien'а и др., отвергаетъ существованіе какого бы то ни было патріарха Аѳанасія передъ паденіемъ Константинополя, повторивъ вкратцѣ старые аргументы и приведя отъ себя еще одно новое доказательство изъ Туркогреціи[1]).

Но такого мнѣнія относительно Аѳанасія нельзя принять въ виду слѣдующихъ соображеній.

Въ русскихъ лѣтописяхъ XVI-го вѣка патріархъ Аѳанасій не разъ упоминается, хотя ошибочно представляется пережившимъ паденіе Константинополя и получившимъ отъ султана Мухаммеда много привиллегій, что̀, конечно, произошло вслѣдствіе смѣшенія этого патріарха съ Геннадіемъ Схоларіемъ[2]). Можно подумать, что русскія

1) А. Лебедевъ, Очерки исторіи Византійско-Восточной церкви отъ конца XI-го до половины XV-го вѣка, стр. 437—439.

2) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изд. археографическою коммиссіею Т. VIII, стр. 129 143, гдѣ часто упоминается этотъ патріархъ, хотя въ нѣкоторыхъ спискахъ вмѣсто: Аѳанасій читается, по недосмотру конечно, Анастасій.

лѣтописи заимствовали свои свѣдѣнія изъ тѣхъ греческихъ источниковъ, изъ которыхъ черпали и греческіе лѣтописцы Матѳей Кигала и Филиппъ Кипрій, которые въ своихъ патріаршихъ каталогахъ также упоминаютъ о патріархѣ Аѳанасіѣ и притомъ представляютъ дѣло такъ, какъ будто Аѳанасій патріаршествовалъ не разъ, а дважды: въ первый разъ четыре года, во второй—больше шести лѣтъ [1]). Однако противъ такого предположенія говоритъ то обстоятельство, что у греческихъ лѣтописцевъ патріархомъ при паденіи Константинополя является не Аѳанасій, а нѣкій Исаія Святогорецъ, что указываетъ на разность источниковъ. Упоминаніе Аѳанасія въ двухъ различныхъ и независимыхъ другъ отъ друга источникахъ XVI вѣка служитъ, думаемъ, достаточнымъ ручательствомъ въ дѣйствительности существованія патріарха Аѳанасія передъ паденіемъ Константинополя, хотя даваемыя этими источниками свѣдѣнія о немъ такъ смутны и сбивчивы, что проливаютъ очень мало свѣта на загадочную личность этого патріарха.

Во вторыхъ у Франдзія есть одно мѣсто, которое требуетъ допущенія патріаршествованія другого еще патріарха передъ паденіемъ Константинополя послѣ отреченія Григорія. Франдзій, говоря объ избраніи Геннадія Схоларія послѣ паденія Византіи, замѣчаетъ: «ἦν γὰρ προαποθανὼν ὁ πατριάρχης» [2]). Послѣдней фразы онъ не могъ употребить о патріархѣ Григоріѣ, жившемъ еще тогда въ Римѣ, чего Франдзій не могъ не знать [3]). Ясно, что здѣсь дѣло идетъ о другомъ патріархѣ, которымъ по всей вѣроятности былъ Аѳанасій II, умершій до паденія Константинополя.

Любопытно доказательство, которое нашелъ профессоръ Лебедевъ въ Туркогреціи въ пользу несуществованія патріарха Аѳанасія. Профессоръ Лебедевъ неправильно понялъ слова Туркогреціи: «ὅτι ἀπὸ πολὺν καιρὸν πατριάρχην δὲν ἔχομεν, ὅτι ὁ πατριάρχης ὅπου ἦτον θεληματικῶς ζῶντός του ἀφῆκε τὸ σκαμνί του καὶ ἀπὸ τότε ἄλλον δὲν εἰχάμαμε», и переведши новогреческое: ζῶντός του (или лучше ζῶντάς του) = «еще при жизни» словами: «и до сихъ поръ еще живъ»(!), принялъ это мѣсто за относящееся къ патріарху Григорію, тогда какъ возможно отнести его съ такимъ же правомъ и къ патріарху Аѳа-

1) Banduri, Imperium Orient. t. I, p. 182—190.

2) Φραντζῆς, 304.

3) Во время своего путешествія въ Италію въ 1466 году Франдзій встрѣтился, между прочимъ, и съ Виссаріономъ, отъ котораго, конечно, могъ узнать о времени смерти Григорія, судьба котораго несомнѣнно интересовала его. См. Φραντζ., стр. 424.

васію, неизвѣстно по какой причинѣ оставившему патріаршій престолъ.

Вообще для отрицанія существованія патріарха Аѳанасія передъ паденіемъ Константинополя нѣтъ достаточныхъ основаній. Изъ молчанія современниковъ можно заключать лишь то, что Аѳанасій патріаршествовалъ въ продолженіи весьма краткаго времени и даже, быть можетъ, не былъ оффиціально признанъ византійскимъ правительствомъ.

Х. Папаіоанну.

О рукописномъ преданіи «Тайной Исторіи» Прокопія.

(Предварительное сообщеніе).

Мы знаемъ двѣнадцать рукописей прокопіевыхъ Ἀνέκδοτα; изъ нихъ двѣ находятся въ Римѣ—въ ватиканской библіотекѣ:

1) *V*=cod. Vaticanus gr. 1001, XIV вѣка; содержитъ 151 листъ, счетъ которымъ сперва ведется по страницамъ (именно первые 50 листовъ, гдѣ Ἀνέκδοτα, pp. 1—100), потомъ (до конца) по листамъ; Τὰ Μηδικά fol. 101ʳ—187ᵛ, Ἀριστείδου ῥήτορος περὶ ὁμονοίας fol. 188ʳ—193ᵛ, τοῦ μεγάλου Βασιλείου λόγος πρὸς τοὺς νέους fol. 194ʳ—201ᵛ. Размѣры его: 0,250 × 0,165 съ полями, а одинъ текстъ 0,160 × 0,095 (мѣстами и 0,090 только) [1]. Число строкъ не вездѣ одинаково, колеблясь отъ 25 до 30. Ἀνέκδοτα и Μηδικά писаны одною и тою же рукой. Почти цѣлая половина перваго листа (pag. 1 — 2) оборвана (по діагонали), отчего пропало не мало текста изъ предисловія и первой главы «Тайной Исторіи» [2]. Не хватаетъ и конца послѣдней главы, начиная съ 161,7 λόγον [3]), равно какъ и начала «Войнъ съ персами».

2) *W* = cod. Vaticanus gr. 16, XV вѣка, сборный (miscellaneus), содержитъ Ἀνέκδοτα на fol. 143ʳ—179ᵛ, имѣющихъ и свою собственную (позднѣйшую) пагинацію: fol. 1—43. Размѣры: 0,220 × 0,145 съ полями, 0,18 × 0,11 безъ полей. Число строкъ обыкновенно равно 30, но есть страницы и по 31 строкѣ. Ἀνέκδοτα начинаются лишь съ

1) Цифры нашихъ измѣреній нѣсколько разнятся отъ цифръ, данныхъ Гаури (*J. Haury,* Ueber Prokophandschriften въ Sitzungsberichte der philos.-philol. und der histor. Classe der k. b. Akademie d. Wiss. zu München 1895, Heft. I, p. 170).

2) См. изданіе Алеманна (Lugduni 1623).

3) Цифры указываютъ на боннское изданіе Прокопія (vol. III, Bonnae 1838).— У Гаури *l. c.*—либо lapsus calami, либо опечатка (III 161, *16*).

14,14 ἔργου. Конецъ есть. На fol. 43ʳ стоитъ штемпель (парижской) Національной библіотеки.

Затѣмъ одна рукопись (или правильнѣе сказать excerpta изъ 9 главы «Тайной Исторіи» имѣется во Флоренціи въ Риккардіанской библіотекѣ:

3) *R* = cod. Riccardianus XXIII, 88, сборный, въ которомъ «inter latina multa» находятся «folia chartacea 5 (4ᵛ.5 vacua), cm. 30×21; s(aeculi) XVIII, manu Antonii Cocchi», содержащія «capitis noni Ἀνεκδότων sive Historiae arcanae Procopii loci duo e codice ms. Vaticano suppleti et latine redditi», а именно τέως μὲν οὖν — διατριβὴν εἶχεν (59.22—60,5) и ἀποδυσαμένη τε τὰ πρόσω—τὰς μίξεις ποιοῦντες (60,18—62.22)[1]. Эти два мѣста (по нравственнымъ соображеніямъ ?) пропущены въ изданіяхъ Алеманна и Мальтрэ: въ Γ они заключены въ скобки, сдѣланныя позднѣйшею рукою (Алеманна или вышеупомянутаго Ант. Кокки ?).

Поднимаясь выше на сѣверъ, находимъ въ Миланѣ цѣлыхъ восемь рукописей,—всѣ въ извѣстной bibliotheca Ambrosiana.

4) *A* = cod. Ambros. A 182 sup., XIV вѣка. Размѣры: 0,316×0.214 съ полями: 0,24×0.14 безъ полей. Рукопись эта писана одною рукой кромѣ однако двухъ мѣстъ: во первыхъ fol. 177ʳ (съ 4 строки снизу)—181ᵛ, т. е. съ 609,16 στρατιὰν[2] до 628,13 αὐτοῦ писано другою, повидимому, рукой и худшими чернилами и перомъ: число строкъ на этихъ листахъ неодинаково, напр. 37 на fol. 177ᵛ, 34 на fol. 178ʳ, тогда какъ въ остальной части рукописи страница содержитъ обыкновенно по 32 строки. Во вторыхъ, fol. 188ʳ (записанъ только на половину: бумага другая)[3]. На первой страницѣ помѣтка: codex ex Thessalia. Содержитъ на 247 листахъ: 1) Γοτθικὰ fol. 1ʳ—188ʳ (на fol. 188ᵛ ничего нѣтъ); 2) περὶ τ. κτισμάτων (въ сокращенной редакціи) fol. 189ʳ — 223ᵛ; 3) Ἀνέκδοτα, начинающіяся съ fol. 224ʳ. Кватерніоны рукописи при ея переплетаньи были перепутаны, такъ что нѣкоторые листы «Тайной Исторіи» попали въ «Войны съ готоами»: непрерывный текстъ «Тайной исторіи» дается рукописью въ такомъ порядкѣ: fol. 224ʳ—247ᵛ; 17ʳ—24ᵛ; 9ʳ—16ᵛ; 182ʳ—183ᵛ.

---

1) См. *Girolamo Vitelli* въ Studi italiani di filologia classica II (Firenze 1894), p. 554, 19, b. Приведенные выше слова «capitis noni — — latine redditi» читаются въ рукописи.

2) И тутъ у Гаури (l. c. p. 148) опечатка: *606*, 16.

3) Ср. Гаури l. c.

Послѣдній fol. 183[v] прерывается на 164,18 ἔπιπτον μὲν (включительно), такъ что, стало быть, и въ *A* нѣтъ конца «Тайной Исторіи».

5) *G*=cod. Ambros. *G* 14 sup., XV вѣка. Размѣры: 0,170×0,126 съ полями; 0,14×0,10 безъ полей. На fol. 1[v] послѣ index'а — помѣтка: «J. V. Pinelli». Между fol. 1 и 2 вклеенъ не вошедшій въ общую пагинацію листъ (другой бумаги), содержащій нѣсколько отрывочныхъ выписокъ изъ Ἀνέκδοτα, сдѣланныхъ другою рукой, кажется, рукою самого Пинелли [1]). Всего въ рукописи 196 листовъ, судя по нижней (оригинальной) пагинаціи, а по верхней (сдѣлана карандашемъ)—198. Писана она (за исключеніемъ index'а и вышеупомянутаго вклееннаго листа) одною рукой, очень похожею, сколько намъ теперь помнится, на руку ватиканской рукописи *W* («tumultuaria scriptione exaratum», по вѣрному замѣчанію Алеманна). Кромѣ нѣкоторыхъ произведеній Өемистія, Ливанія, Платона (діалоги Φαίδων и Εὐθύφρων) и (въ концѣ, съ fol. 188) «ἀνωνύμου ἐπιστολαὶ recentioris aevi» [2]) — рукопись содержитъ «Тайную Исторію» fol. 125[r]—158[v] и извлеченія изъ «Войнъ съ персами» (fol. 158[v]—180[r]) и изъ «Войнъ съ вандалами» (fol. 180[r]—187[v]) [3]). Въ «Тайной Исторіи». не хватаетъ начала: fol. 125[r] начинается съ 15,3 [ἀνα]πεισθῆναι. Нѣтъ сомнѣнія, что *G* есть тотъ самый codex Pinellianus, утрату котораго напрасно оплакивалъ Алеманнъ [4]).

6) *P* = cod. Ambros. P 74 sup.; XV / XVI вѣка. Размѣры: 0,228×0,171 съ полями; 0,162×0,085 безъ полей. Содержитъ «Тайную Исторію» fol. 1[r]—60[r], начинающуюся какъ и въ *G* съ 15,3

---

1) Для примѣра приводимъ три первыхъ: ἐξαναστάντα περιπάτους ποιεῖν (это ποιεῖν зачеркнуто) — 80,16; τῆς δὲ κεφαλῆς ἐν τῷ παραυτίκα τῷ ἰουστινιανῷ ἀφανισθείσης— 80,17 sq.; τοὺς διαύλους ποιεῖν δοκεῖν—80,18 sq. и послѣднюю: τὸν ἄνθρωπον ἔχειν ἦν μέντοι τὶς αὐτὸν ἰλευμένως [sic!]—83,11.

2) Тутъ же сбоку приписка другою рукой и другими чернилами: «Planud. Ep. XXIX».

3) Цифры даются нами по *нижней* пагинаціи.

4) *Procop.* Hist. arcan. ed. Lugdun. p. 14: «in brevissima historia tot loci dubii, obscuri, deplorati manserunt. Quamobrem saepe inter interpretandum duos illos celebres ἀνεκδότων Procopii Codices expetivimus, Ioannis Lascaris alterum Constantinopoli ad Laurentium Medicem adlatum, quem deinde (ut fama est) Catharina Medices Regina in Gallias asportavit [ср. между прочимъ Haury *l. c.* p. 146 sq.], et Galli hodie in exteris Bibliothecis requirunt [не *W* ли это, съ его штемпелемъ «Bibliothèque Nationale»?]. Alterum Ioannis Vincentii Pinelli, quem ante aliquot annos, praeter hosce Vaticanos [именно *V* и *W*], unicum (quod ego sciam) habuit Italia, sed hic, ut accepimus, in navigatione Neapolitana naufragium fecit. Ex eo tamen quaedam a Petro Pithaeo, et Guido Pancirolo, Pinelli familiaribus excerpta fragmenta, maris et undarum discrimen evaserunt».

[ἀνα]πεισθῆναι, и (тѣ же, что и *G*) извлеченія изъ «Войнъ съ персами» (fol. 60ʳ—105ʳ) и изъ «Войнъ съ вандалами» (fol. 105ʳ—120ᵛ); на послѣдней страницѣ (fol. 120ᵛ) только двѣ строки, остальная часть «vacat». Вся рукопись писана одною (слегка архаизирующею) рукою.

7) *C* = cod. Ambros. *C* 118 sup.; XVI вѣка. Размѣры: 0,370×0,253 съ полями; 0,210×0,115 безъ полей. На каждой страницѣ по 30 строкъ. Содержитъ только «Тайную Исторію», начинающуюся, какъ и въ *GP*, съ 15,3 [ἀνα]πεισθῆναι.

8) *D*=cod. Ambros. *C* 121 sup.; XVI вѣка. Двойникъ предъидущаго. Имѣетъ 57 листовъ (fol. 57ᵛ—«vacat»). На fol. 1ʳ внизу въ лѣвомъ углу помѣтка: «copiato dal riscontrato», а вблизи праваго угла: «*M*. 255 (или 235)».

9—11) *F′*, *F″*, *F‴*=cod. Ambros. *C* 171 inf.; XVI вѣка. Размѣры: почти такіе же, что и у *CD*. Сперва идутъ «Constantini militaria quaedam» (fol. 1ʳ—6ʳ; эта страница fol. 6ʳ исписана только на половину, остальное и fol. 6ᵛ — «vacant»), затѣмъ — *три* [1]) рукописи «Тайной Исторіи», одна за другой (fol. 7ʳ—173ʳ; этотъ fol. 173ʳ исписанъ только на половину, остальное и fol. 173ᵛ—«vacant»). Начинается «Тайная Исторія» тоже съ 15,3 [ἀνα]πεισθῆναι. Остается добавить, что вся эта рукопись Ambros. *C* 171 inf. писана одною и тою же рукой.

Наконецъ еще одна рукопись — въ Парижѣ, въ Національной библіотекѣ:

12) *S*=cod. Coislin. 132 (olim Seguerianus); XVI вѣка. Размѣры: 0,336 × 0,232 съ полями; 0,245 × 0,150 безъ полей. Писалъ эту рукопись Христофоръ Ауэръ, находившійся на службѣ у Жоржа д'Арманьяка, который въ 1539 и слѣдующихъ годахъ былъ французскимъ посломъ въ Римѣ [2]). Она содержитъ Περὶ τῶν κτισμάτων (pag. 1—117) и «Тайную Исторію» (pag. 121—210). Что касается «Тайной Исторіи», то она здѣсь начинается съ 13,15 λόγοις ἐρρήθη, т. е. съ того самаго мѣста, гдѣ кончается начальная лакуна *V*, первый листъ котораго, какъ читатель помнитъ, оборванъ на половину,— а кончается подобно той же рукописи *V* на 161,5 ποιεῖται (включительно), причемъ рукою Ауэра еще приписана слѣдующая фраза: λείπει ἐνταῦθα ἐν τῷ παλαιῷ φύλλα ὀκτώ, παρά τινος μισαληθοῦς ἐκκεκομμένα ἀξίου εἰς τεμάχη κατακοπῆναι αὐτοῦ τοῦ ἐναγοῦς ἀνθρώπου.

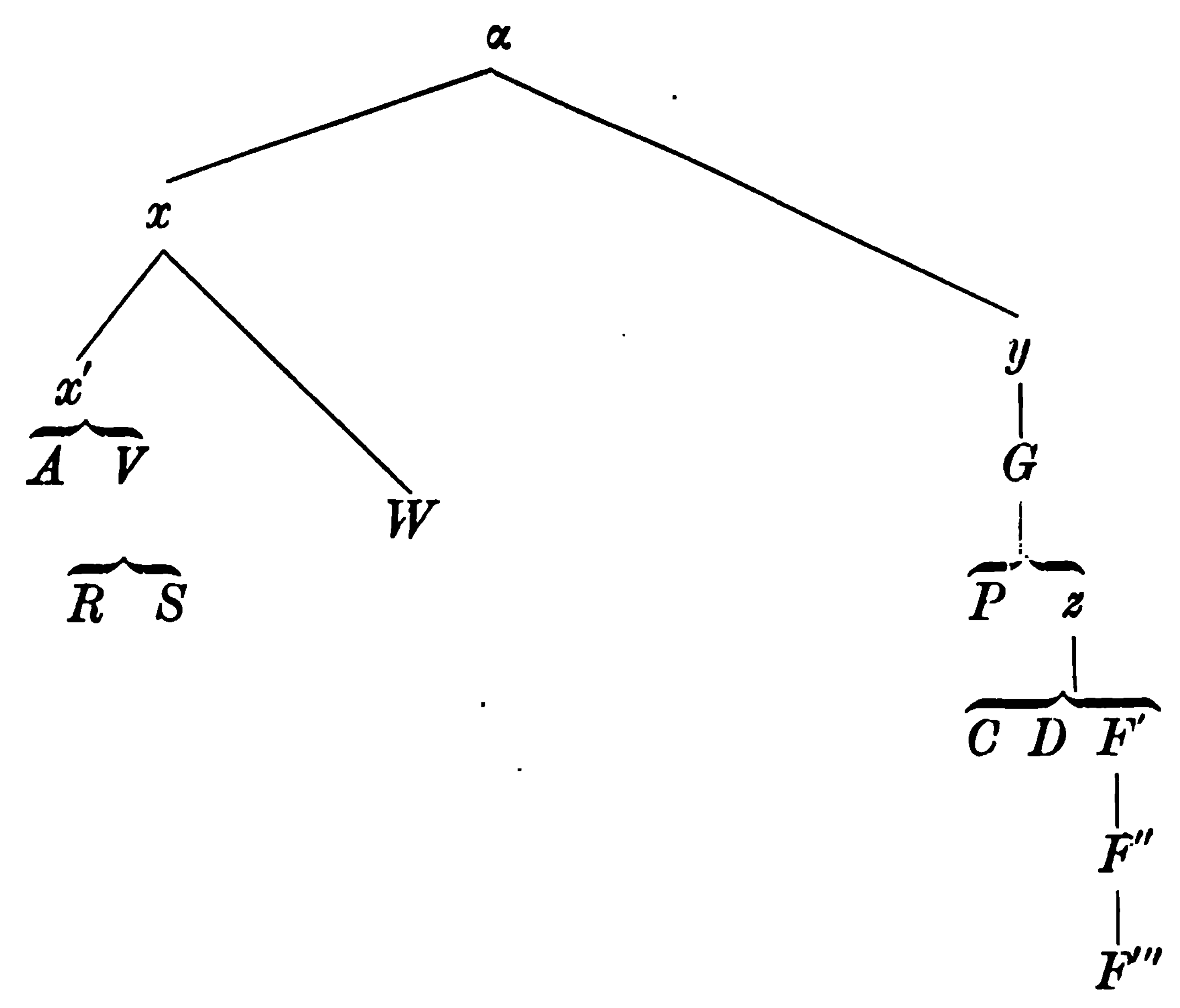
1) А не *два*, какъ сказано въ рукописномъ инвентарномъ каталогѣ Амвросіанской библіотеки («duplici exemplari»).

2) Ср. Гаури *l. c.* p. 175.

Нижняя треть слѣдующаго за pag. 210 пустаго листа (pag. 211—212) оборвана, а на верху pag. 213 имѣется выписка изъ 36,5—7: οὐκ ἀνθρώπων—καλεῖν ἄνθρωποι. Не подлежитъ сомнѣнію правильность предположенія Изанбера[1]), что *S* списанъ съ *V*[2]).

Всѣ вышеуказанныя рукописи писаны на простой бумагѣ (chartacei), кромѣ *AGVW* (это — codices bombycini). За исключеніемъ только *R*[3]) всѣ остальныя рукописи нами были видѣны и сличены — *ACGPV* цѣликомъ, *DW* почти цѣликомъ, остальные же *F' F'' F''' S*[4]) лишь отчасти, а именно лишь настолько, сколько нужно было, чтобы убѣдиться въ неимѣніи ими никакого значенія для критики текста «Тайной Исторіи». Дополнительныя сличенія нѣкоторыхъ мѣстъ въ *W* были для насъ любезно сдѣланы Вяч. Ив. Ивановымъ съ свойственною ему тщательностью и точностью, за что мы и считаемъ долгомъ поблагодарить его.

Взаимныя отношенія вышеупомянутыхъ рукописей «Тайной Исторіи» графически можно изобразить, на нашъ взглядъ, слѣдующимъ образомъ:

1) Isambert, изд. Ἀνέκδοτα I, p. 366.

2) Ср. и Гаури *l. c.* p. 175.

3) Мы удовольствовались описаніемъ Вителли, не считая нужнымъ добиваться личнаго знакомства съ *R*.

4) По ходатайству историко-филологическаго факультета Петербургскаго университета, Національная библіотека имѣла любезность переслать рукопись *S* въ Петербургъ, гдѣ мы и сличали ее. Исполняемъ пріятный долгъ, принося искреннюю благодарность ист.-фил. факультету и начальству упомянутой библіотеки за это содѣйствіе нашей работѣ.

Что *R* и *S* списаны съ *V*, это мы уже видѣли выше (см. пп. 3 и 12).

AVW объединяются въ одну группу, восходящую къ одному общему источнику (*x*), ближайшимъ образомъ *общностью лакунъ*. Такъ напр. въ XIII главѣ послѣ μεστοῦσθαι ἐδόκει 83,13 въ рукописяхъ группы *y* читается еще слѣдующая фраза, пропущенная какъ въ *AVW*, такъ и въ печатныхъ изданіяхъ: ὡς μήτινι τῶν οἱ ἐπιτηδείων δοκούντων εἶναι ἐξαιτεῖσθαι ἐν ἐλπίδι τὸ λοιπὸν εἴη· δόξαν δὲ βέβαιον ἀμφὶ τῷ Χριστῷ ἔχειν ἐδόκει, ἀλλὰ κτλ. Внѣшняя причина пропуска (ἐδόκει) вполнѣ понятна.

Другой примѣръ. Въ XIX главѣ аналогичная лакуна обнаруживается благодаря рукописямъ группы *y* въ 113,9. Ἰσχυρίζοντο γὰρ οἱ τοῖς θησαυροῖς τε καὶ ταμείοις καὶ ἄλλοις ἅπασι τοῖς βασιλικοῖς χρήμασιν ἐφεστῶτες Ἀναστασιου μὲν Ῥωμαίων ἔτη πλέον ἢ ἑπτὰ καὶ εἴκοσιν ἄρξαντος διακόσια καὶ τρισχίλια χρυσοῦ κεντηνάρια <ἐν δημοσίῳ ἀπολιπεῖν· ἐπὶ μέντοι Ἰουστίνου ἔτη ἐννέα τὴν αὐτοκράτορα ἀρχὴν ἔχοντος τούτου Ἰουστινιανοῦ ξύγχυσίν τε καὶ ἀκοσμίαν τῇ πολιτείᾳ προστριψαμένου (προστρεψαμένου?) τετρακισχίλια κεντηνάρια> ἐς τὴν βασιλείαν (ἐν τοῖς βασιλείοις рукописи *y*) εἰσκομισθῆναι οὐδενὶ πόνῳ 113,6 sqq.: слова, поставленныя въ угловатыя скобки, пропущены въ *AVW* и печатныхъ изданіяхъ.

AV приходится однако выдѣлять въ особую группу и предположить для нихъ ближайшій общій источникъ (x')[1]) въ виду ихъ спеціальныхъ лакунъ, изъ которыхъ укажемъ напримѣръ 19,5 sq. ἀπήγγελλε Θεοδόσιον <λάθρᾳ> ξὺν Ἀντωνίνῃ διατριβὴν ἔχειν,— 26,2 sq. ἐς Κιλικας δὲ αφικομένους <κεκρυμμένως> ἐς τὰ μάλιστα ἐν φυλακῇ ἔχειν,— 29,2 sq. τριῶν μὲν οὖν αὐτῷ ἐνιαυτῶν χρονος <ἐν ταύτῃ τῇ διαιτῃ> ετριβη, 35,11 sq. καὶ βασιλεῖ ταῦτα ὁμολογῆσαι ἀμφὶ τῷ πολέμῳ, <ἃ δεδιήγηται>, — и 15,11 sq. <τὸν> πάντα αὐτῷ λογον ἐξήνεγκε, гдѣ слова, поставленныя въ скобки, пропущены въ *AV* и дополняются изъ *W* [2]) и рукописей группы *y*.

---

1) Что же касается *взаимной независимости A* и *V*, то, чтобы убѣдиться въ ней, достаточно указать, съ одной стороны, напримѣръ 38,6 ἔτι и 49,3 σχεδὸν, пропущенныя въ *A*, но имѣющіяся въ *Vy*; съ другой,— напр. 27,7 κατά τε τῶν ὤμων καὶ τοῦ νώτου *AWy*, гдѣ *V* даетъ (неправильно) κατά τε τῶν νόμων καὶ τοῦ νότου,—или 67,17 ὀρθότητον *A*: ὀρθοτθον *Vy* (см. объ этомъ мѣстѣ ниже).

2) Алеманнъ ошибочно полагалъ, что *W* списанъ съ *V*, — Procop. Hist. arc. ed. Lugdun, p. 14: «Duo eius exempla servat Vaticana Bibliotheca, *alterum ex altero derivatum* [курсивъ нашъ], utrumque in principio mutilum, multisque passim hiatibus deforme. Ex his quod est antiquius etiam fine decurtatum est, recentius vero, licet tumultuarie

Кромѣ лакунъ, къ тому же раздѣленію приводятъ и разночтенія; о нихъ см. ниже.

Рукописи группы *y* объединяются, кромѣ вышеприведенныхъ мѣстъ изъ XIII и XIX главъ,—уже общностью ихъ начальной лакуны: читатель, конечно, еще не забылъ, что *GPCDF'F''F'''*—всѣ начинаются одинаково съ 15,3 [ἀνα]πεισθῆναι. Изъ другихъ общихъ лакунъ той же группы *y* укажемъ напримѣръ слѣдующіе пропуски: съ 41,9 λόγῳ до 45,7 πρόσθεν; 142,20 Ὅντινα—148,3 κεχώρηκεν; 153,20 ὅπως δὲ—157,17 λάθρᾳ (вездѣ *включительно*).

Изъ множества разночтеній, разъединяющихъ группы *x* и *y*, укажемъ только нѣсколько слѣдующихъ для примѣра: 18,22 βουλῇ *x*—σπουδῇ *y*; 32,12 εἰώθει *x*—εἴθισται *y*; 33,7 ἔστη θύραν *x*—θύραν ἔστη *y*; 36,10 ταύτῃ *x* — οὕτω *y*; 49,20 ἀποκόπτεσθαι *x*—ἀποτέμνεσθαι *y*; 50,10 διέφθειρον *x*—ἔκτεινον *y*; 51,14 γνώμας *x*—γνώσεις *y*; 51,18 ἐκέκριτο *x*—ἐπέκειτο *y*; 54,22 ἀνθρώπου *x*—ἀνδρός *y*; 56,21 μέντοι *x*—τοίνυν *y*; 63,12 ἧκεν *x*—ἦλθεν *y*; 71,10 и 18 ἴσχυσεν *x*—ἔσχεν *y*; 71,16 ξυμφόρῳ *x*—δικαίῳ *y*; 72,7 φιλοτιμίᾳ *x*—ἐπιθυμία *y*; 82,19 ἅτε *x*—ἅμα *y*; 91,9 οὐδαμῇ *x*—οὐδεμίαν *y*; 105,3 νώτων *x*—ὤμων *y*; 120,2 γῆς *x*—ἀρχῆς *y*; 121,2 παλαιστάτων *x*—παλαμναιοτάτων *y*; 129,5 φόρου *x*—χώρου *y*; 133,13 οὐκ εἴων *x*—οἰκείων *y* (οἰκεῖον *CD*); 141,12 τιμῆς *x*—αὐτά *y*, и т. д.

Древнѣйшею рукописью группы *y* является *G*, къ которой, по нашему мнѣнію, и восходятъ, прямо или косвенно, всѣ остальные члены упомянутой группы. Въ этомъ убѣждаетъ насъ цѣлый рядъ мѣстъ, гдѣ эти потомки *G* даютъ невѣрное чтеніе потому, что въ *G* соотвѣтствующія слова читаются не совсѣмъ разборчиво.

Такъ напр. въ *P* читается κάστρον 60,11 вмѣсто θέατρον: обращаемся къ *G* и видимъ, что стоящее въ немъ θέατρον при не особенно внимательномъ чтеніи очень легко принять за κάστρον. Въ такомъ же родѣ чтенія *P*: ἔντοι вмѣсто ἰόντος 39,8 (въ *G* οντος похоже на εντοι); γελεῖτο ποιοῖς вмѣсто γελωτοποιοῖς 60,12; εἰ вмѣсто ἐς 56,12; θήλιος 58,23; ἐπισπουδῇ 63,1; καλλουμένου 65,8; ὀρθότερον 67,17[1]);

---

scriptione exaratum, extremam nobis partem ab interitu conservavit, qui, praeter hanc accessionem, nulla nobis in re usui fuit.»

1) Πρὸς δὲ τῷ κάλλει ὑπερφυᾶ καὶ παρθένον τινὰ καὶ τὸ δὴ λεγόμενον ὀρθοτίτθιον οὖσαν читается въ боннскомъ изданіи по эмендаціи Алеманна (sched.) и Ту (Toup), ссылавшихся на Свиду: ὀρθοτίτθιος—ἡ παρθένος ἡ ὀρθοὺς τοὺς τιτθοὺς ἔχουσα. Надо читать ὀρθότιτθον вмѣстѣ съ *A*; въ *G* читается ὀρθότθον, причемъ τθ немного похоже на τρ, какъ и прочелъ писецъ *P*, давая ὀρθότερον; послѣднее читается и въ *W*,

ἀλλ' вмѣсто οὐκ 67,18; διατέτμηται вмѣсто διατέτακται 69,5; ταυτὰ вмѣсто ταῦτα 72,7; ἦγεν 76,2; πᾶν δερασταῖς вмѣсто παιδερασταῖς 76,8; ἄλλος τι 76,17; δεηνεκὲς 77,1; ἱπαρᾶς 78,3; ἅπερ 78,4; κρατημένοις вмѣсто κεκτημένοις 79,9; δυσφοβουμένην вмѣсто δυσφορουμένην 82,11; τὸν вмѣсто τὴν и οὔτε вмѣсто ἅτε 82,14; ἐπὶ νόσον вмѣсто ἐπινοῶν 84,8; αὐτοὺς вмѣсто αὐτοῦ 86,4; τινὰν 89,1; εἶεν вмѣсто ἦγεν 92,6; εὐπροτόδος вмѣсто εὐπρόσοδος 92,17; φυτῇ вмѣсто φυγῇ 94,4; ἑτέρας τῷ вмѣсто ἑτέρῳ τῳ 94,5 sq.; πεποίηκεν вмѣсто πεποίηται 94,10; ἐς τὴν вмѣсто ἑορτὴν 100,10 и т. д. и т. д.

Подобнымъ же образомъ обнаруживаютъ свое происхожденіе и прочія рукописи той же группы: 49,14 ὅπως правильно даетъ *G*, а въ *CDF'(F'' F''')P* читается вмѣсто этого—ὅπερ, именно потому, что сокращеніе—ως въ *G* отчасти похоже на ερ; 50,4 ἑταιρίαν правильно даетъ *G*, но конечное ν въ немъ не очень ясно,—писецъ *P* разобралъ еще его, почему тоже даетъ ἑταιρίαν, а въ *CDF'(F'' F''')* — ἑταιρία; 71,14 вмѣсто ἐφίστη, неразборчиво написаннаго въ *G*, въ *CD* дается ἐφίστου, въ *P*—ἐφιέρου; аналогичное объясненіе находятъ себѣ и другія чтенія напр. въ *CD* λελέξετε 76,8 вмѣсто λελέξεται *GP*; ἑκάστους 77,7; τοιοῦτοι 77,18 и т. д.; въ *CDP*—ἐξ ἐπίτηδες 77,14; ἔνδηλα 83,6 и т. д.

Масса одинаковыхъ ошибокъ, имѣющихся въ *CDF'*, но отсутствующихъ въ *G* (и *P*), заставляетъ насъ предположить, что рукописи эти были списаны не прямо съ *G* (каждая порознь), но съ одной нынѣ пропавшей (*z*), которая и служила посредствующимъ звеномъ между *G* и ими. Изъ общихъ ошибокъ *CDF'* (*F'' F'''*) упомянемъ для примѣра только слѣдующія: εἴσατο вм. ἐτίσατο (*GP*) 16, 15; τοὺς вм. εὐθὺς (*GP*) 30, 15; ὀξιορεγμίαν вм. ὀξυρεγμίαν (*GP*) 33, 4; αὐτὸν вм. αὐτὴν (*GP*) 35, 18; τοίχους 36, 17; πολυορκία 39, 7; μεταμόνας вмѣсто κατὰ μόνας 47, 12; συσχύσεως вмѣсто ξυγχύσεως 47, 19; ὑποδρομίοις вмѣсто ἱπποδρομίοις 48, 13; ἀποκριψάμενοι 49, 4 и т. д.

Отожествить *z* съ *P*, т. е. предположить, что *CDF'* списаны съ *P*, нельзя, во первыхъ, потому, что слова 41, 7 ἐν ἀλογίᾳ—41, 8 διαχρησάμενος, пропущенныя въ *P*, имѣются въ *CDF'*; во вторыхъ,—вслѣдствіе различія многихъ чтеній, исключающихъ возможность и обратнаго предположенія.

откуда, въ связи съ чтеніемъ *V* ὀρθότοον (третья съ конца буква похожа на θ безъ черточки), слѣдуетъ заключить, что вторая ϑ и въ архетипѣ была написана неразборчиво. Въ *A* вторая τ, повидимому, вставлена уже послѣ написанія слова, но, кажется, тою же рукой. Возможно, что въ архетипѣ было ὀρθότθον.

Оставимъ однако эти вопросы въ сторонѣ, такъ какъ выясненіе взаимныхъ отношеній потомковъ *G* — это уже излишняя роскошь, и обратимся къ другимъ, болѣе важнымъ вопросамъ.

Что обѣ группы рукописей (*x* и *y*) восходятъ къ одному общему архетипу (α), это доказывается, во 1-хъ, общностью лакунъ, во 2-хъ, общностью нѣсколькихъ ошибочныхъ чтеній.

Изъ общихъ лакунъ отмѣтимъ слѣдующія: 17, 18 sq. ἀλλὰ διαρρήδην μοιχαλίδα εἶναί τε καὶ ὀνομάζεσθαι ὡς ἥκιστα ἀπαξιοῦσαν—здѣсь ἀπαξιοῦσαν (17, 19) эмендація Алеманна, правильность которой не подлежитъ сомнѣнію; рукописи обѣихъ группъ даютъ ἀξιοῦσαν (но въ *G* отмѣтка на полѣ: σῆ.). Затѣмъ 30, 13 sqq. ταῦτά γε ἡ βασιλὶς Θεοδώρα ἐπικαλέσασα ἐφ' ἑαυτῇ τοῖς ἀνθρώποις εἰρῆσθαι** μεστὴ ἐγεγόνει— тутъ послѣ εἰρῆσθαι не безъ основанія вставляютъ ὀργῆς или θυμοῦ, но лакуна могла быть и побольше. Далѣе 31, 4 sq. λόγον μέντοι ἢ μνήμην ποιεῖσθαι αὐτοῦ οὐδεὶς ἐτόλμα—такъ даютъ изданія, пользуясь эмендаціей Алеманна и его же вставкой ἐτόλμα; въ архетипѣ было: λόγον μέντοι (пробѣлъ) ἢ μνήμην ποιεῖσθαι ταῦτα τινὰ (пробѣлъ) οὐδείς. Въ *AV* пробѣловъ не оставлено, но въ *V* на полѣ сдѣлана помѣтка[1]); въ *G*(*P*) пробѣлы оставлены по сантиметру, въ *W* первый пробѣлъ почти въ сантиметръ, второй немного побольше (приблизительно 0, 012). Далѣе укажемъ лакуны въ 36, 16; 37, 11; 38, 7; 44, 18; 46, 1; 53, 13; 54, 7; 65, 1 sq. и т. д.

Изъ общихъ ошибочныхъ чтеній, восходящихъ къ одному архетипу обѣихъ группъ рукописей, ограничимся указаніемъ только слѣдующихъ: περσιδίω вм. Πραισιδίῳ 16, 11; ἀπαγγέλλεσθαι *AVW* (ἀπαγγάλλεσθαι *G*, первое α исправлено, повидимому изъ ε, и на полѣ приписано, очевидно, для ясности, еще α); οὐχ αἷμα· τί γὰρ *VW* (въ *A* οὐχ' ἅμα (скорѣе такъ, чѣмъ αἷμα) τί γάρ, а въ *G* οὐχ ἅμα· τί γάρ) вмѣсто οὐχ αἵματι γὰρ 19, 19; αὐτὴ (αὐτοῦ *W*) τοῦ βίου вм. αὐτὴ ἐβίου 37, 17; ἀπόλλειν вм. ἀπολεῖν 38, 11[2]); θυγατριδίῳ вм. θυγατριδῷ 39, 11 и т. д.

Кромѣ рукописей *AVWG* для критики текста «Тайной Исторіи» нѣкоторое значеніе имѣютъ цитаты изъ послѣдней, сохраненныя Свидой (Σ).

1) Въ *V* есть еще двѣ звѣздочки надъ строкой между μέντοι и ἢ одна, а другая между τινὰ и οὐδείς, т. е. надъ мѣстами, гдѣ должны были бы находиться пробѣлы, но эти звѣздочки поставлены Алеманномъ.

2) *W* въ текстѣ имѣетъ ἀπολεῖν, но на полѣ тою же рукой приписано: «γρ(άφ ε ἀπόλλειν».

Въ заключеніе сдѣлаемъ сравнительную оцѣнку всѣхъ этихъ пяти источниковъ текста (*AVWGΣ*) и попытаемся установить на основаніи этой оцѣнки принципы критики текста.

Группа *x* въ лицѣ *AVW* является болѣе близкою къ архетипу, нежели группа *y*—въ лицѣ своего представителя *G*, а потому и показанія первой ceteris paribus предпочтительнѣе и надежнѣе второй.

Изъ рукописей, списанныхъ съ *x'*, тщательнѣе написанъ *V*, а потому и показанія его, тоже, конечно, ceteris paribus, предпочтительнѣе показаній его коллеги (*A*).

Рукопись *W* является какъ бы провѣрочнымъ посредникомъ между *AV* и *G* съ одной стороны, и между *A* и *V*—съ другой. Нѣсколько мѣстъ—напр. 38, 11[1]); 79, 17 σχῆμα / σῶμα *VW* (σχῆμα *AG*, что̀ и надо возстановить въ текстѣ); 82, 5 βενέταις / οις *VW* (βενέτοις *AG*); 82, 21 γενήσεσθαί] γρ. γενέσθαι / γεγενημένην *VW* (γενέσθαι *A*, γενήσεσθαι *G*, Reiske); 24, 7 ἧς τὲ (такъ *W*, τὲ *G*, въ *AV* это τὲ выпущено)—дѣлаютъ вѣроятнымъ предположеніе, что писецъ *W*, не мудрствуя лукаво, передавалъ текстъ рукописи, съ которой списывалъ, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ его находилъ.

Σ является очень мутнымъ источникомъ вслѣдствіе развязности обращенія Свиды съ текстомъ цитуемыхъ имъ авторовъ; что касается «Тайной Исторіи», то поучительно сравненіе напримѣръ 13, 1 sqq. съ цитатами Свиды s. vv. θυμέλη и δειμαίνει.

---

1) См. предъидущее примѣчаніе.

М. Крашенинниковъ.

ОТДѢЛЪ II.

1. Критика.

J. B. Card. Pitra, Analecta sacra et classica Spicilegio Solesmensi parata T. VII. Juris ecclesiastici Graecorum selecta paralipomena: Δημητρίου ἀρχιεπισκόπου πάσης Βουλγαρίας τοῦ Χωματιανοῦ τὰ πονήματα. Parisiis et Romae, Roger et Chernowitz 1891. 8⁰. XL+893 σελ.

Ἐν τῇ βιβλιοθήκῃ τοῦ Μονάχου ἀπόκειται σπουδαιότατον καὶ πολύτιμον χειρόγραφον ὑπ' ἀριθ: 62, περιλαμβάνον τὴν συλλογὴν τῶν πονημάτων τοῦ ἀρχιεπισκόπου Βουλγαρίας Δημητρίου τοῦ Χωματιανοῦ. Ὁ Zhishman ἐποιήσατο χρῆσιν αὐτοῦ ἐν τῷ περὶ Γάμου τῆς ἀνατολικῆς ἐκκλησίας συγγράμματι, ἐν ᾧ εἰς σημείωσιν τῆς 47 σελίδος προκαλεῖ τὴν περιέργειαν τῶν περὶ τὴν μεσαιωνικὴν ἱστορίαν ἀσχολουμένων, ὑποδεικνύων τὴν ἐν αὐτῷ ὕπαρξιν πληροφοριῶν τῆς ἐκκλησιαστικῆς σχέσεως Βουλγαρίας καὶ Σερβίας κατὰ τὸν πολυτάραχον 13-ον αἰῶνα.

Τὸ χειρόγραφον εἶχεν ἑλκύσῃ τὴν προσοχὴν τοῦ καρδιναλίου Πιτρᾶ, ὅστις καὶ εἶχεν ἀναλάβῃ τὴν διὰ τοῦ τύπου δημοσίευσιν αὐτοῦ. Οὐδεὶς ἄλλος ἠδύνατο τελειότερον νὰ προβῇ εἰς τὸ ἔργον. Τὸν καρδινάλιον Πιτρᾶ ἔλαβον ἀφορμὴν νὰ γνωρίσω ὅτε κατεγινόμην εἰς τὸ κληρονομικὸν δίκαιον τῶν κληρικῶν καὶ μοναχῶν. Εἶνε ὁ ἐκδότης τῶν πηγῶν τοῦ δικαίου τῆς ἀνατολικῆς ἐκκλησίας ἐν δυσὶ ὀγκώδεσι τόμοις (ἀπὸ I μέχρι τοῦ IX αἰῶνος), τῇ ἐντολῇ τοῦ Πάπα Πίου IX, ὑπὸ τὸν τίτλον Juris ecclesiastici Graecorum monumenta, προϊόντος ἐπεξεργασίας καὶ μελέτης πάντων σχεδὸν τῶν κατὰ τὴν Ἀνατολὴν καὶ τὴν Δύσιν ὑπαρχόντων χειρογράφων καὶ βιβλίων, μετὰ μακρῶν δὲ προλόγων ὑπὸ πᾶσαν ἔποψιν πολυτίμων.

Ὁ Πιτρᾶ ἐγεννήθη κατὰ τὸ 1812 ἐν Champforgeuil τῆς Γαλλίας. Ἐν ἔτει 1843 ὅτε ἐπανιδρύθη τὸ Τάγμα τοῦ ἁγ. Βενεδίκτου, ἐκάρη ἐν τῇ μονῇ Solesmes· ἐν ἔτει 1850 ἐδημοσίευσε δύο ἔργα La Hollande catholique καὶ Les études sur les Bollandistes, ἐν ἔτει 1852 ὑπὸ τὸν τίτλον Spicilegium Solesmense ἤρξατο δημοσιεύων σειρὰν τῶν παρ' αὐτοῦ ἀποκαλυπτομένων ἐν ταῖς βιβλιοθήκαις χειρογράφων. Κατὰ τὸ 1855 ἐξεδόθη ἐν Ἑλλάδι ὑπὸ τῶν Ποτλῆ Ῥάλλη τὸ Σύνταγμα τῶν Κανόνων, ὁ δὲ Πιτρᾶ ἐν τεύχει ἐκ σελίδων 73 (Paris

1858) ἔκρινε αὐτὸ μετά τινος μὲν φανατικότητος, ἀλλὰ καὶ μετὰ δυνάμεως κατάδηλον ποιούσης τὴν ἐπιστημονικὴν αὐτοῦ ῥώμην καὶ βαθυτάτην περὶ τὰς πηγὰς τοῦ ἐκκλησιαστικοῦ καὶ κανονικοῦ δικαίου μελέτην καὶ γνῶσιν. Τότε ὁ Πιτρᾶ προσεκλήθη εἰς Ῥώμην ὑπὸ τοῦ Πάπα, ὅστις ἀνέθηκεν αὐτῷ τὴν ἐξερεύνησιν τοῦ βυζαντιακοῦ δικαίου καὶ τῆς λειτουργικῆς τῆς Ὀρθοδόξου Ἐκκλησίας. Ἐπεσκέφθη τὰς βιβλιοθήκας τῆς Πετρουπόλεως καὶ τῆς Μόσχας (1859—1860), εἰς σπουδαίας δὲ προέβη ἀποκαλύψεις περὶ τῆς Ἐκκλησιαστικῆς Ὑμνογραφίας: ἐπεσκέφθη τὰς βιβλιοθήκας τῆς Αὐστρίας καὶ Οὐγγαρίας, δὲν ἀφῆκε μοναστήριον ἀνερεύνητον, οἱ καρποὶ δὲ οὓς ἀπεκόμισεν ἐδημοσιεύθησαν ὑπὸ τὸν τίτλον «**Analecta sacra**» (1876 καὶ ἐντεῦθεν), ἀφοῦ ἐδημοσίευσε τοὺς δύο ἑτέρους μνησθέντας τόμους καὶ ἐν ᾧ συγχρόνως ἐν ἔτει 1885, βιβλιοθηκάριος ὢν ἐν Βατικανῷ (1869) καὶ φέρων ἀπὸ τοῦ 1863 τὸν ἐρυθρὸν πῖλον τοῦ καρδιναλίου, ἐξέδωκε περισπούδαστον καὶ πολύκροτον ἔργον ἐπὶ τῶν ἐπιστολῶν τῶν Παπῶν (**études sur les lettres des Papes**). Πλεῖστα ἄλλα ἔργα καὶ διατριβαὶ ἐξεδόθησαν ὑπ' αὐτοῦ, δὲν ἦτο δὲ δυνατὸν τοῦ ἀκαμάτου τούτου ἐργάτου νὰ διαφύγῃ τὴν προσοχὴν τὸ χειρόγραφον τῆς βιβλιοθήκης τοῦ Μονάχου. Ζητήσας ἔλαβεν αὐτὸ εἰς Ῥώμην, πρὶν δὲ ἢ τελείως ἐπεξεργασθῇ καὶ ἐκδώσῃ αὐτό, προέλαβεν αὐτὸν ὁ θάνατος ἐν ἔτει 1889. Μετὰ τὸν θάνατον αὐτοῦ ἐξεδόθη ὑπὸ τοῦ **Albert Battandier** κατὰ τὰ μέσα τοῦ 1891 ὡς συμπλήρωμα καὶ ὡς ἕβδομος τόμος τῶν **Analecta sacra et classica spicilegio Solesmensi parata, juris ecclesiastici Graecorum selecta paralipomena.**

Ὁ περὶ οὗ ὁ λόγος τόμος καταλαμβάνει 893 στήλας μετὰ προλόγου τοῦ κ. **Battandier** (σελ. VII—XL), ἕπεται δέ ἡ ὕλη τῆς συλλογῆς φέρουσα ἐπὶ κεφαλῆς τὸν ἀκόλουθον τίτλον.

«Δημητρίου τοῦ ἁγιωτάτου καὶ σοφωτάτου καὶ νομικωτάτου ἀρχιεπισκόπου πάσης τῆς Βουλγαρίας τοῦ Χωματιανοῦ, πονήματα διάφορα πονηθέντα αὐτῷ χαρτοφύλακι ὄντι τῆς αὐτοῦ ἁγιωτάτης μεγάλης ἐκκλησίας».

Ὁ Δημήτριος Χωματιανὸς ὑπῆρχεν ἀρχιεπίσκοπος Βουλγαρίας, ἑδρεύων ἐν Ἀχρίδι ἢ Ἀχρίδα, καθ' οὓς χρόνους οἱ Φράγκοι ἐδέσποζον τῆς Κωνσταντινουπόλεως, κατὰ τὴν τετάρτην δῆλα δὴ σταυροφορίαν, τῷ 13 αἰῶνι. Ἐννοεῖται λοιπὸν πόσον περίεργα ἀποβαίνουσι τὰ ἔργα αὐτοῦ, ἀφορῶντα εἰς τὸ δίκαιον καὶ τὴν ἀπονομὴν τῆς δικαιοσύνης καὶ τὴν διεξαγωγὴν τῶν ὑποθέσεων ἐν τῷ κατὰ τὴν Δύσιν τμήματι τοῦ διχοτομηθέντος βυζαντιακοῦ Κράτους, κατὰ τὴν ἱστορικὴν καὶ περιπετειώδη ἐκείνην ἐποχήν, περιλαμβάνοντα δὲ καὶ ἱστορικάς τινας πληροφορίας, ἀναγομένας εἰς τὴν τότε πολιτικὴν κατάστασιν καὶ νύξεις περὶ τῶν ἐν Πελοποννήσῳ Φράγκων. Πολλὴν διὰ τοῦτο πιστεύω θὰ δοκιμάσωσιν εὐχαρίστησιν οἱ περὶ τὴν ἱστορίαν τοῦ δικαίου καὶ οἱ περὶ τὴν μελέτην τῶν μεσαιωνικῶν πραγμάτων ἀσχολούμενοι, μὴ ἐξαιρουμένου βεβαίως καὶ τοῦ προσφιλοῦς μοι κ. Φιλίππου Λέλλη, ὅστις πέποιθα, ὅτι ἀσμένως βλέπει ἐμφανιζόμενον ἐν τῇ δημοσιότητι διαπρεπῆ κληρικὸν ζήσαντα ἀκριβῶς ἐπὶ τῆς ἐποχῆς τῶν πριγκίπων τῆς Ἀχαΐας, ὧν τοὺς τάφους μετὰ τοῦ ἑτέρου ἀγαπητοῦ καὶ διακεκριμένου φίλου κ. Λ. Καρομηλᾶ ἀνεζητοῦμεν ἐν τοῖς ἐρειπίοις τῆς μονῆς τοῦ ἁγίου Ἰακώβου ἐν Ἀνδραβίδι.

Περὶ τοῦ ἀρχιεπισκόπου μνείαν ποιεῖται ὁ Ἀκροπολίτης (ἐκδ. Bekker § 21 σελ. 36), καὶ ἐκ τῶν Λατίνων ὁ Canei (Hist. litt. SS. Eccles. II, 279), ὁ Oudin (de SS. Eccles. III col. 12 ἐν ἔτει 1212) καὶ ὁ Baronius (Annal. ἔτ. 1193, pag. 850). Φαίνεται ὅτι ἐγεννήθη κατὰ τὰ τέλη τοῦ 12 αἰῶνος. Ἐκ τῶν ἐπιστολῶν του ὑπάρχουσί τινες ἀπευθυνόμεναι πρὸς τὸν Θεόδωρον Δούκαν, ὅστις ἔζη ἐν ἔτει 1219, ἄλλαι δὲ πρὸς τὸν Πατριάρχην Γερμανὸν ἐν ἔτει 1240, ἀπέστειλε καὶ ἀποκρίσεις πρὸς τὸν Κωνσταντῖνον Καβάσιλαν Ἀρχιεπίσκοπον Δυρραχίου, πρὸς ὃν καὶ ὁ Ἰωάννης ἀρχιεπίσκοπος Κίτρους τῆς Μακεδονίας ἀπηύθυνεν ἐπιστολήν· ὁ Ἰωάννης οὗτος, ὅστις νεὸς ἔτι εἶχε γνωρίσῃ τὸν Βαλσαμῶνα, ἐπέζησε τῷ Γεωργίῳ Ξιφιλίνῳ θανόντι ἐν ἔτει 1198, ἦτο κατ' ἀκολουθίαν νεώτερος τοῦ Δημητρίου Χωματιανοῦ. Ἡ ἀξία καὶ ἡ πολιτικὴ καὶ ἐκκλησιαστικὴ αὐτοῦ σημασία θέλει ἀποδειχθῇ ἐκ τῆς παραθέσεως τοῦ περιεχομένου τῶν πονημάτων του.

Τὸ χειρόγραφον τοῦ Μονάχου εἶνε τὸ πληρέστερον, κατὰ τὸν Battandier ὅμως δὲν εἶνε καὶ τὸ μόνον. Εὑρίσκεται ἕτερον ἐν τῇ βιβλιοθήκῃ τοῦ Dufaur de saint Rorry, ἔνθα καὶ ὁ Κουϊάκιος εἶχε συμβουλευθῇ αὐτό, ὡς ἐξάγεται ἐκ τῶν παρ' αὐτοῦ ἐκτιθεμένων ἐν observationum et emendationum V, 4: περὶ ὑποβόλων πραγματευομένου «Demetrius chartophylax archiepiscopus Bulgariae, quem librum habet Petr. Faber vir numquam satis laudatus. Καὶ ὁ Dufaur ἐποιήσατο χρῆσιν ἐν Semestria (III, cap. 21). Ἔν τινι χειρογράφῳ τοῦ Escurial φαίνεται ὅτι ὑπάρχει ἐπίσης ἡ συλλογὴ τοῦ Χωματιανοῦ, ὡς ἐπίσης καὶ ἐν τῇ συνοδικῇ βιβλιοθήκῃ τῆς Μόσχας ὑπ' ἀριθ. 383 περιλαμβάνονται ἔργα αὐτοῦ (πρβ. Battandier XVI).

Ὅτε ἡλώθη ἡ Κωνσταντινούπολις ὑπὸ τῶν Φράγκων καὶ διεσπάρη ὁ τῶν Ὀρθοδόξων πληθυσμός, παριστῶν τὴν εἰκόνα ποίμνης ἄνευ ποιμένος, καὶ οἱ συντριβέντες κλάδοι τῶν βυζαντινῶν αὐτοκρατόρων κατέφυγον εἰς Ἀσίαν, πλάνητες ὡς ἄλλοι Αἰνεῖαι, φέροντες τοὺς ἐφεστίους θεοὺς καὶ ἀγωνιζόμενοι νὰ πήξωσι τὰ θεμέλια νέας βασιλείας, ἐν τῇ δυτικῇ πλευρᾷ τοῦ διαιρεθέντος βυζαντινοῦ κράτους ἐναπέμεινεν ὁ ἀρχιεπίσκοπος Βουλγαρίας ἐν Ἀχρίδι Δημήτριος Χωματιανὸς τῆς ἐκκλησίας ἀρχιποίμην, ἄσπονδος ἐχθρὸς τῶν Φράγκων καὶ φανατικὸς τῆς Ὀρθοδοξίας ὑπέρμαχος. Περιστοιχούμενος ὑπὸ συνόδου ἀρχιερέων εἶχε καταστῇ εἶδος Ἀρείου Πάγου, πρὸς ὃν ἀπὸ τῆς Βερροίας μέχρι Κερκύρας καὶ Πελοποννήσου κατέφευγον πολλάκις μακρὰ ἐπιχειροῦντες καὶ ἐπίπονα ταξείδια οἱ ὑπόδουλοι χριστιανοὶ ὀρθόδοξοι πρὸς ἐκδίκασιν τῶν διαφορῶν των καὶ λύσιν τῶν ζητημάτων των, μεγιστᾶνες δὲ καὶ ἁπλοὶ ἀστοὶ καὶ ἐπίσκοποι ἐθεώρουν αὐτὸν ὡς μαντεῖον τοῦ ἀστικοῦ καὶ κανονικοῦ δικαίου. Ὁ ἀρχιεπίσκοπος περιβληθεὶς τοιουτρόπως ἐξ ἀνάγκης τῶν καιρικῶν περιστάσεων Πατριάρχου τῆς Κωνσταντινουπόλεως ἀξίωμα, καὶ οἱονεὶ τοποτηρητὴς αὐτοῦ γενόμενος, ἐξέδιδε συνοδικὰς ἀπαντήσεις καὶ ἀποφάσεις καὶ ἐπιστολὰς ἐπὶ παντοίων ζητημάτων καὶ θεμάτων. Ἡ συλλογὴ αὐτῶν περισωθέντων, ἐν τῷ περὶ οὗ ὁ λόγος χειρογράφῳ περιέχει πολύτιμον σχετικὴν ὕλην, ἐξ ἧς οὐ μόνον ἱστορικὰ γεγονότα περίεργα ἀναπαρίστανται, ἀλλὰ καὶ ὁ τρόπος τῆς δονομικῆς διεξαγωγῆς τῶν ἐπὶ φραγκοκρατίας ὀρθοδόξων καὶ ἡ κατάστασις τοῦ δικαίου κατὰ τὸν 13' αἰῶνα γίνεται γνωστή.

Τὰ ζητήματα καὶ τὰ θέματα ἅτινα ειδικῶς περιέχει ἡ συλλογὴ δὲν εἶνε

δυνατὸν ἐν ταῖς λεπτομερείαις αὐτῶν νὰ συμπεριλάβω, νύξεις ὅμως τινὲς περὶ αὐτῶν δύνανται νὰ καταγγείλωσι τὴν μεγάλην αὐτῶν σπουδαιότητα. Πραγματεύεται περὶ βαθμῶν κεκωλυμένων γάμων καὶ ἀκωλύτων ἐπὶ τῇ αἰτήσει Γρηγορίου τινὸς Καμωνᾶ, ὅστις διαζευχθεὶς τῆς πρώτης συζύγου του θυγατρὸς τοῦ ἄρχοντος Ἀρβάνου Γίνη ἔλαβε σύζυγον τὴν Κομνηνὴν θυγατέρα τοῦ Ζουπάνου τῆς Σερβίας Στεφάνου χήραν τοῦ αὐταδέλφου τοῦ Γίνη, περὶ γαμικῶν συναλλαγμάτων καὶ βαθμῶν, περὶ τοῦ ἀπὸ α'. καὶ β'. συνοικεσίου παίδων διαφορᾶς καὶ δ', καὶ τῆς πατρικῆς αὐτῶν διαδοχῆς καὶ περὶ παλλακῆς καὶ περὶ προικός, περὶ προγαμιαίας δωρεᾶς, περὶ συστάσεως ἀδελφότητος καὶ κωλυμάτων γάμου ἐξ αὐτῆς, περὶ τῶν ἐξ ἀγχιστείας καὶ αἵματος βαθμῶν, περὶ τῶν πρὸ τῆς νομίμου ἡλικίας γαμηθεισῶν γυναικῶν, περὶ διαζυγίου ἐξ ἠλιθιότητος, ἐπιστολὴν τῷ Πελαγονίας, περὶ ἀνήβου κόρης μνηστευθείσης, ἀπόκρισιν πρὸς τὸν ῥῆγα Σερβίας κύριον Στέφανον, περὶ τοῦ ἂν δύναται νὰ προαχθῇ εἰς ἱερωσύνην ὁ ἐν ἀτελεῖ ἡλικίᾳ μνηστευσάμενος κόρην καὶ ταύτης τεθνηκυίας ἑτέρᾳ γυναικὶ ζευχθείς, ἀπόκρισις πρὸς τὸν Στρουμίτζης κύριον Κωνσταντῖνον, περὶ συναλλάγματος γεγονότος ἐν ἀτελεῖ ἡλικίᾳ κόρης καὶ παραβάσει ὅρκου πρὸς τὸν ἐπίσκοπον Σερβίων, περὶ γαμικοῦ συναλλάγματος τοῦ ἔχοντος προπαλλακισμὸν καὶ συγγένειαν ἐκ συντεκνίας, περὶ ἀνδρομανούντων ὅτι διαζεύγνυνται πρὸς τὸν Πελαγονίας, περὶ γάμου πρὸς δισεξαδέλφην, περὶ συναινέσεως εἰς γάμον, περὶ ἀρραβῶνος, περὶ ὑποβόλου καὶ ἀπὸ τελευτῆς ἢ ἀποκάρσεως κέρδους, περὶ μνηστειῶν καὶ γάμων καὶ περὶ τῶν ἀπὸ διαθέσεως γενομένων γάμων καὶ τῶν μετ' εὐχῆς καὶ περὶ γνησίων καὶ νόθων τέκνων, περὶ διαζυγίου, περὶ νομίμου κληρονομικῆς μοίρας καὶ φαλκιδίου, περὶ προνομιῶν τῶν μὴ δευτερογαμούντων καὶ δευτερογαμούντων, περὶ ἀχρηστείας νόμων καὶ τοπικῆς συνηθείας καὶ παραδρομῆς χρόνου διακατοχῆς, περὶ τριγάμων, περὶ πεκουλίων, ὑποταγῆς τέκνων, περὶ παλλακῆς, περὶ ἀπόντων καὶ τῶν ἐκ πλαγίου, περὶ μητρικῶν πραγμάτων καὶ τῆς χρήσεως τούτων, περὶ ἐπιτροπείας τῆς μητρός, περὶ ἀγράφου βουλήσεως, περὶ κινητῶν πραγμάτων καὶ ἐπικοίνων, μέμψεως διαθήκης, περὶ ἰδιοκτήτων καὶ καστρείων καὶ ἀσπροπορίστων καὶ τῶν ἀπὸ φιλοτιμίας τῆς τύχης κ. τ. λ., περὶ γνησίων τέκνων καὶ ἑτεροθαλῶν φυσικῶν, περὶ μητρικῆς ὑπάρξεως καὶ παίδων διαφορᾶς, περὶ ἀποκαταστάσεως καὶ διηνεκοῦς παραγραφῆς, καὶ περὶ τῶν ἀπὸ ἐξισωτῆς ἀλλοτρίας ἀναδεξαμένων δίκαιον, περὶ ἀνήβων, προτιμήσεως πλησιασμοῦ, περὶ κληρονομίας καὶ χρήσεως προικὸς παρὰ τοῦ ἀνδρός, περὶ θεωρέτρου, λεγάτων, περὶ προικιμαίων, περὶ ἀδιατιμήτου προικός, περὶ χρέους προικός, περὶ χρήσεως προγαμιαίας δωρεᾶς καὶ τοῦ ἐκ τελευτῆς τοῦ παιδὸς κέρδους, περὶ κάσου ἐξ ἀπαιδίας, περὶ ἀλληλοκληρονομίας, περὶ παραγραφῆς χρόνου ἀφηλίκων καὶ διαδοχῆς τῶν ἐκ πλαγίου συγγενῶν, περὶ ῥήξεως πρώτης διαθήκης, περὶ ἀγορᾶς ἀλλοτρίων, περὶ φθορᾶς κόρης, περὶ ἀφορισμοῦ καὶ καθαιρέσεως, περὶ ἡγουμένων καὶ μοναχῶν, περὶ ὅρων ἐκκλησιαστικῶν καὶ ἐπαρχιῶν καὶ προνομίων καὶ σταυροπηγίων, περὶ κακῆς πίστεως νομέως, περὶ δικορητόρων, γαμηλίων συμβολαίων, διαλύσεων, περὶ μοιχείας καὶ ἐθίμων ἐθνικῶν, περὶ ἐθίμων ἰδιορρύθμου διαζυγίου, περὶ μαρτυρίας ἀρχιερέων ἰλλουστρίων, περὶ βίας καὶ φόβου, περὶ ῥουσαλίων, περὶ τῶν ῥωμαϊκῶς λεγομένων σπορτούλων ἐγχωρίως δὲ ποδοκοπίων.

Ἐκτὸς τῶν θεμάτων τούτων καὶ πλείστων ἄλλων, περιλαμβανομένων κατὰ

σειρὰν κατὰ κεφάλαια καὶ ἐν γράμμασι καὶ συνοδικαῖς ἠτιολογημέναις ἀποφάσεσι, συζητουμένων καὶ διακριβουμένων, ὑπάρχουσι καὶ ἄλλα ἔργα τοῦ Χωματιανοῦ καὶ δὴ λόγος ἀπολογητικὸς πρὸς σεβασμιώτατον Πατριάρχην Γερμανὸν, μακρὰ μελέτη περὶ α΄. γάμου καὶ β΄. (colum. 590—611), ἀποκρίσεις εἰς ἐρωτήσεις τοῦ μητροπολίτου Δυρραχίου Κωνσταντίνου τοῦ Καβάσιλα, ὧν αἱ πλεῖσται ἐν Συντάγματι τῶν Κανόνων Ποτλῇ καὶ Ῥάλλῃ (τόμ. V, σελ. 427 καὶ ἑπ.) εὕρηνται, ἐν ὑποσημειώσεσι δὲ τὰς διαφορὰς καὶ ἐλλείψεις ὁ Πιτρᾶς καταδείκνυσιν, ἀποκρίσεις πρὸς ἐρωτήσεις τοῦ πανευγενεστάτου Ῥηγὸς τῆς Σερβίας καὶ Διοκλείας κυροῦ Στεφάνου τοῦ Δούκα περὶ διαφόρων ἐκκλησιαστικῶν ἀντικειμένων εἰς τὴν λειτουργικὴν ἀναγομένων. Μετὰ ταῦτα παρέπονται 10 ἄλλα ἔργα ὡς ἐπίμετρα κατασσόμενα ὑπὸ τοῦ ἐκδότου ἐξ ἄλλων πηγῶν δημοσιευόμενα, ὅπως πλήρης ἡ συλλογὴ τῶν τοῦ Χωματιανοῦ πονημάτων γένηται, καὶ δὴ περὶ βαθμῶν συγγενείας, ἥτις μελέτη καὶ παρὰ Ποτλῇ καὶ Ῥάλλῃ (τομ. V, 424) εὕρηται καὶ Λεουγκλαβίῳ (II, 311—316) «περὶ τοῦ εἰ πρόκριμα τῷ ἀρχιερεῖ τὸ εἰσέρχεσθαι εἰς Λατινικὰς ἐκκλησίας καὶ προσκυνεῖν ἡνίκα ἂν προσκληθείη παρ᾽ αὐτῶν, καὶ εἰ μεταδώσει τούτοις κατακλαστοῦ, ὅταν εἰς τὴν ἁγίαν καὶ καθολικὴν ἐκκλησίαν ἐν τῇ λειτουργίᾳ παραγίνωνται» (ἴδε καὶ Συνταγμ. Ῥάλλη V, 434), περὶ στολῆς (ἐκ χειρογράφων τοῦ Βατικανοῦ), (πρβλ. καὶ Συνταγμ. Ῥάλλη V, 437), Λόγος κατηχητήριος ἕκτος, Λόγος κατηχητήριος ἔννατος, τρεῖς ἐπιστολαὶ περὶ τῶν ἀζύμων καὶ Σαββάτων πρὸς τοὺς Βενετίας καὶ Ῥώμης, ἑτέρα μακρὰ ἐπιστολὴ περὶ τῶν αὐτῶν καὶ περὶ Σαββάτων νηστείας, γάμων ἱερέων, καὶ τελείας ἀναφορᾶς ἐπὶ τῶν πανσέπτων καὶ ἱερῶν νηστειῶν, ἐκ χειρογράφων τοῦ Βατικανοῦ πάντων τούτων ἐξηγμένων, ὡς ἐν σημειώσεσι τοῦ Πιτρᾶ φανεροῦται.

Ἐκ τοῦ περιεχομένου τῶν δημοσιευομένων τοῦ Χωματιανοῦ ἐγγράφων ἄφθονος ὕλη ἱστορικὴ δύναται νὰ συγκομισθῇ, πολλὰ δὲ ὀνόματα ἀνθρώπων δρασάντων κατὰ τὸν 13-ον αἰῶνα γίνονται γνωστὰ καὶ ἱστορικὰ γεγονότα μεγάλης σπουδαιότητος, ἀναπαριστῶντα τὴν εἰκόνα τῆς πολιτικῆς καταστάσεως τῶν περιπετειωδῶν ἐκείνων καὶ σκοτεινῶν χρόνων.

Ὑπάρχει ἐπιστολὴ πρὸς τὸν μητροπολίτην Κερκύρας τὸν Πεδάτη, ἐν ᾗ μεταξὺ τῶν ἄλλων συζητεῖται τὸ ζήτημα περὶ τῶν χειροτονηθέντων ἱερέων Βουλγαροεπισκόπων τῶν ἀπὸ τῆς Ζαγορᾶς ἐξελθόντων, ἐξ αὐτῆς δὲ μανθάνομεν τὴν ἀπόπειραν τῶν μετὰ τὴν πτῶσιν καὶ ἀποσύνθεσιν τοῦ βυζαντιακοῦ κράτους κατὰ τὴν τετάρτην σταυροφορίαν ἀνακυψάντων βουλγάρων πρὸς κατάληψιν ἐκκλησιαστικῆς ἐξουσίας, διότι διηγεῖται ὁ Χωματιανὸς ὅτι «ἡ βουλγαρικὴ ἐξουσία, οὐ πρὸ πολλοῦ, καὶ τὴν ἡμετέραν ταύτην ἐγκρατῶς θεμένη ὑφ᾽ ἑαυτὴν κατέστησε καὶ ἀρχιερεῖς ὁμογλώσσους ἐν ταῖς ἁπανταχοῦ τούτου κλίματος ἐκκλησίας, ὡς τῶν ἐν αὐταῖς πρὶν ὄντων ἱεραρχῶν, τῶν μὲν διὰ τὴν τῆς ἐξουσίας καταβολὴν προελομένων ὡς σωτήριον τὴν ἀλλαχοῦ μετανάστασιν, τῶν δὲ ἤδη καὶ τεθνηκότων, οἱ Βουλγαρικοὶ δ᾽ ἐκεῖνοι ἀρχιερεῖς φθάνουσι προαγαγόντες πολλοὺς ἐν τῷ καιρῷ τῆς ἐφημερίας αὐτῶν εἰς βαθμοὺς ὑποδιακόνων τε καὶ διακόνων καὶ πρεσβυτέρων· οἱ δὲ καὶ ἐτύγχανον ἴσα τοῖς πάλαι ἱερατικοῖς τῶν τοῦ βήματος ἱερῶν λειτουργημάτων ἀντιποιούμενοι.......». Ὁ Χωματιανός λύει τὸ ζήτημα ἐπιεικῶς ὑπὲρ τοῦ κύρους τῶν χειροτονιῶν ἐξ ἀνάγκης, δικαιολογῶν οὕτω τὴν γνώμην του, παρέχων δὲ συγχρόνως καὶ ἱστο-

ρικὰς εἰδήσεις. «Ἐπεὶ γὰρ ἐκ τῆς εὐδαίμονος Κωνσταντινουπόλεως τῇ τῶν Λατίνων ἐπιδρομῇ ἥ τε τῆς βασιλείας καὶ ἡ τῆς ἱεραρχίας λαμπρότης ἠφάντωται καὶ διεσπάρησαν ἄλλος ἀλλαχοῦ οἱ ἀρχιερεῖς, ὧν οἱ πλείους αὐτῷ τῷ διωγμῷ ἀνεπέψυξαν, ἡ ἐξουσία δὲ τῆς βασιλείας κατὰ δύσιν σχεδόν τι πᾶσα ἐν τῇ Ζαγορᾷ περιέστη κατ' ἐκεῖνο καιροῦ· ὁπότε καὶ αὐτὸς ὁ βασιλεὺς Ῥωμαίων φυγὰς τῆς Κωνσταντινουπόλεως γεγονώς, ἐκεῖσε προσέδραμε καὶ ὁ τηνικαῦτα δὲ Κωνσταντινουπόλεως πατριάρχης εἰς ὁμιλίαν ἦλθε τῷ βασιλεῖ τῶν Βουλγάρων, τῶν εἰκότων ὧν τὴν τοιαύτην ἡγεμονίαν εὐνοῆσαι καὶ ἀρχιερεῖς ἔχων ἐν ταῖς ὑπὸ τὴν χεῖρα αὐτῆς ἐκκλησίαις διὰ τὸ ἀπογνῶναι τῆς ἀνακλήσεως τῆς τῶν Ῥωμαίων ἀρχῆς· τότε δ' ἂν ὡς ἐπιβήτορες ἐλογίσθησαν, ὅταν τῶν πραγμάτων ἠρεμούντων καὶ ἐν τῷ καθεστῶτι μενόντων .... ἐπεὶ δὲ ὡς ἐπὶ χηρευούσαις ταῖς ἐκκλησίαις κατὰ τὸ ἐκκλησιαστικὸν ἔθος ἐπεκηρύχθησαν οὐ πρόκριμα ὑπίδοιντο ἂν ἐν τῇ τούτων χειροτονίᾳ (σελ. 44—45).

Ἐκ τοῦ πρὸς τὸν ἀθωνίτην μοναχὸν Γρηγόριον Οἰκονομόπουλον γράμματος (σελ. 245) γίνεται ἐπίσης γνωστόν, ὅτι ἐν τῇ μονῇ τοῦ Ἄθω μοναχοὶ δυσὶ διαλέκτοις μεμερισμένοι Γραικοὶ καὶ Ἴβηρες διῃτῶντο ἐν ὁμονοίᾳ, οἱ εἰσβαλόντες ὅμως Λατῖνοι οἱ τῆς ἰταλικῆς ἱερατείας προϊστάμενοι προσεπάθουν νὰ ὑποβάλωσι πάντας τῇ ἐξουσίᾳ τοῦ Πάπα καὶ νὰ μνημονεύωσιν αὐτον καὶ τοῖς ἔθεσι τῆς Ῥωμαίων ἐκκλησίας ἀκολουθεῖν· «τοὺς μὴ πειθομένους αἰκίαις τε καὶ παντοίαις κακώσεσι καὶ ταῖς εἰς περιουσίαν ζημίαις ἀνηλεῶς καθυπέβαλον». Οἱ Ἴβηρες μοναχοὶ ὑπετάγησαν «εἴξαντες δὲ ἀγεννῶς τῷ τῶν Ἰλατῶν ἐπιτάγματι καὶ τῷ Πάπᾳ καρδιναλίῳ προσελθόντες ἐν Θεσσαλονίκῃ διάγοντι ὅλους ἑαυτοὺς τῷ θελήματι τοῦ Πάπα παρέδωκαν καὶ τοῖς Λατινικοῖς ἠκολούθησαν ἤθεσι· αὐτίκα δὲ καὶ τὸ τῆς κοινωνίας σημεῖον ἔφηναν, τὴν τῶν χειρῶν ἑαυτῶν δηλαδή, πρὸς τὰς ἐκείνων χεῖρας ἑκούσιον ἐμβολήν, καὶ οὕτω τὴν μετὰ τῶν Γραικῶν μοναχῶν διαγωγὴν συνέχεάν τε καὶ συνεθόλωσαν». Ὁ ἀρχιεπίσκοπος Χωματιανὸς ἀπεφήνα το «ὡς οὐκ ἐξόν ἐστιν ἐπὶ οὐδενὶ κοινωνεῖν τοὺς Γραικοὺς τοῖς Ἴβηρσι μοναχοῖς». Ἐν τοῖς ἄλλοις σπουδαιότατα ὑπάρχουσιν ἐν τῇ συλλογῇ ἔγγραφα, καθιστῶντα γνωστὴν οὐ μόνον τὴν κατάστασιν τῆς ἐκκλησίας κατὰ τὴν ἐποχὴν τοῦ ἡμετέρου ἀρχιεπισκόπου, ἀλλὰ καὶ τὴν μεταξὺ αὐτοῦ καὶ τοῦ ἐν Ἀσίᾳ προχειρισθέντος καὶ ἐν Νικαίᾳ ἑδρεύοντος πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως Γερμανοῦ. Καθ' ὃν χρόνον ὁ Θεόδωρος Λάσκαρις περισυλλέξας τὰ λείψανα τῆς καταπεσούσης βυζαντινῆς αὐτοκρατορίας ἠγωνίζετο νὰ συγκρατήσῃ καὶ περισώσῃ τὴν σημαίαν αὐτῆς καὶ νέαν μοναρχίαν νὰ ἱδρύσῃ ἐν ταῖς ἀκταῖς τῆς Βιθυνίας, ἐπιδεικνύων ἡρωϊκὴν ἀνδρείαν τιμήσασαν τὴν βυζαντινὴν ἱστορίαν, ὁ ἀρχιεπίσκοπος Χωματιανὸς βλέπων ἔρημον τὴν τῆς Σερβίας ἐπισκοπὴν ἐπλήρωσεν αὐτὴν διορίσας ἀρχιερέα. Εἶνε ἀξία μνείας διὰ τὴν ἱστορίαν καὶ τὰς ζωηρὰς εἰκόνας περὶ τῆς καταστάσεως τῆς ἐκκλησίας ἡ πρᾶξις τοῦ διορισμοῦ τούτου (σελ. 385), ἐν ᾗ φέρονται σὺν τοῖς ἄλλοις τάδε: «Εἴπερ τις ἄλλη καὶ ἡ τῶν Σερβιωτῶν ἁγιωτάτη ἐπισκοπὴ τῆς κοσμικῆς μετέσχε συγχύσεως (εἰς τοσοῦτον γὰρ ἤλασεν ἐρημώσεως ὡς καὶ τὴν κλῆσιν αὐτὴν ἀπολωλεκέναι Ἰεβοῦς γενέσθαι ἀνθ' Ἱερουσαλὴμ), ἐπεὶ δὲ ἤγειρε κέρας σωτηρίας ἡμῶν ὁ Θεός, μνησθεὶς ἐλέους τοῦ πρὸς ἡμᾶς, τὸν εὐσεβέστατον δὲ καὶ τρισαριστέα Κομνηνὸν κ. Θεόδωρον τὸν Δοῦκαν, ἀντικαταστήσας τοῦτον τοῖς καθ' ἡμᾶς ἐρημώσασιν

ἔθνεσιν, κἀκείνοις μὲν σκανδάλου πέτραν εἰς πτῶσιν, ἀνέγερτον, ἡμῖν δὲ στήριγμα εἰς ἀνόρθωσιν αὐτὸν θέμενος· ὥσπερ δὴ τῆς καταστάσεώς τε καὶ ἐρημώσεως, οὕτω καὶ τῆς ἀναστάσεως ἡ ἀναπεφωνημένη ἐπισκοπὴ ταῖς λοιπαῖς κεκοινώνηκε, κατέφαγε γάρ, εἰπεῖν γραφικῶς, ὁ περὶ ταύτης τοῦ θεοῦ ζῆλος τὴν καρδίαν τοῦ κραταιοῦ τούτου ἀνδρός, καὶ ἡμᾶς συνάρασθαι τῇ περὶ τὴν ἀνόρθωσιν αὐτῆς τούτου σπουδῇ κατὰ βάθος ἔνυξεν. Τίς γὰρ ἂν οὐκ ᾤκτειρε ποίμνιον ἐκ τῆς Χριστοῦ ἀγέλης ὁρμώμενον, τῇ κοσμικῇ ἑλκυσμένον ζάλῃ καὶ εἰς πολλὰς διεσπαρμένον καὶ εἰς νομὰς καὶ ὁδούς, καὶ τὸ μὲν αὐτοῦ εἰς κρημνοὺς ἀπονεῦον, τὸ δὲ εἰς ἐρήμους καὶ ἀβάτους καὶ ἀνύδρους ἀποπλανώμενον· ἔστι δὲ καὶ ὁ θηρίων γινόμενον πάρεργον, εἶεν δ' ἂν ὁδοὶ τὰ τῶν ψυχῶν ὁρμήματα καὶ κινήματα ἢ εἰς πάθη φθοροποιά, ὅσα καὶ εἰς πετρῶν σχισμὰς ταῦτα ὠθοῦντα, ἢ εἰς ἐρήμας ἀρετῶν ἐλαύνοντα, ἢ εἰς ὀδόντας τῶν νοητῶν θηρίων ἐκφέροντα. Ὅθεν οὐδὲ παρηκόους εὗρεν ἡμᾶς ὁ ζηλωτὴς οὗτος καὶ ὁ θεοκυβέρνητος Κομνηνὸς πρὸς τὴν προκειμένην αὐτῷ περὶ τῆς ἐκκλησίας ταύτης σπουδήν, ἀλλὰ τὸν λόγον προθέμενος ἔσχεν ἡμᾶς ὡς εὐλόγῳ καθήκοντι τούτῳ συντρέχοντας. Οὐδὲ γὰρ εἶχεν ἰδεῖν πρός τε τὸν τῆς ἐπαρχίας μητροπολίτην, τὸν θεσπέσιον δηλονότι Θεσσαλονίκης καὶ τοὺς ὑπ' αὐτὸν ἱερωτάτους ἀρχιερεῖς, πάλαι τῶν κατ' αὐτοὺς ἁγίων ἀπεληλαμένους ἐκκλησιῶν· ἔστι δὲ οὓς καὶ ἐν αὐτῷ διωγμῷ δυστυχῶς ἀπαλλάξαντας. Καὶ τοίνυν συνειδότες αὐτοί, ὡς οὐκ ἄν τις ἡμᾶς ἐπιβασίας γράψαιτο, προαγαγόντας ἱεράρχην εἰς τὴν ἐρημωμένην ταύτην ἐπισκοπήν, ὅτι οὔτε οἰκεῖον ἄρτι ἀνακαλούμενον δίκαιον, οὔτε τὸ ἁρμόδον ἑτέρῳ παρασπῶντες, οὕτω ποιῆσαι προεθυμήθημεν. Ἀλλὰ πρὸς ἓν μόνον ὁρῶντες, τὸ ἀνορθῶσαι πεπτωκυῖαν ἱερὰν καὶ θεῖαν σκήνην καὶ ποίμνην διεσκορπισμένην συναγαγεῖν...... ψήφους ἐπὶ τῇ εἰρημένῃ τῶν Σερβιωτῶν ἁγιωτάτῃ ἐκκλησίᾳ, ἐν ἁγίῳ Πνεύματι θέμενοι, καὶ ἄνδρα ἐκλεξάμενοι, προστατεῦσαι ταύτης ἱκάνωσιν ἔχοντα εἰς τὴν τῆς ἀρχιερωσύνης ἀξίαν κατ' ἐπιταγὴν τοῦ κρατοῦντος εὐσεβοῦς Κομνηνοῦ, ὃν ζῆλος ἐκκινεῖ Θεοῦ, προηγάγομεν.....».

Φαίνεται ὅμως ὅτι ἡ γενομένη αὕτη πρᾶξις τοῦ ἀρχιεπισκόπου δὲν ἤρεσε τῷ ἐν Νικαίᾳ πατριάρχῃ Κωνσταντινουπόλεως Γερμανῷ, ἐφάνη αὐτῷ ὑπερόριος καὶ ἔκνομος καὶ πρὸς πεῖσμα προεχείρισεν ἀρχιερέα Σερβίας τὸν ἐν Ἄθῳ μοναχὸν ἐφησυχάζοντα υἱὸν τοῦ μεγάλου ζουπάνου τῆς Σερβίας Σάββαν, ὡς ἐξάγεται ἔκ τινος πρὸς τὸν Γερμανὸν ἐπιστολῆς (πβλ. σελ. 495 τῆς Συλλογῆς). Ἐξέπληξε τοῦτο τὸν Χωματιανόν, ὅστις ἐξεσφενδόνισε μακρὰν συνοδικὴν γραφὴν τῷ Σάββᾳ μετ' ἀπειλῶν βαρέος ἀφορισμοῦ, θεωρῶν αὐτόν, ὡς ἐπιβατικῶς καταλαβόντα τὴν ἐπισκοπήν. Ἐν σελίσι 382—390 τῆς Συλλογῆς δημοσιεύεται ἡ γραφὴ αὕτη πλήρης χάριτος καὶ εἰρωνείας, ἀλλὰ καὶ συγχρόνως αὐστηροτάτης ἐπικρίσεως μετ' ἀναλύσεως ἐπικαλουμένων διατάξεων τοῦ κανονικοῦ δικαίου. **Μανθάνομεν** ἐν τούτοις ἐξ αὐτῆς ὅτι ἡ Σερβία διετέλει ὑπὸ τὴν ἐπαρχίαν τοῦ θρόνου τῆς Βουλγαρίας, διότι φέρεται ἐν αὐτῇ «εἰ ὡς ἂν εἰς τὸ ἀνεπισκόπητον τὴν Σερβίαν ἐκαινουργήθης ἀρχιερεύς, ἀλλ' εὑρίσκεις οὐδ' ὅλως ἀγνοῶν καθὰ δὴ καὶ τῶν ἁπάντων οὐδείς, ὡς ἡ Σερβία ὑπὸ τὴν ἐπαρχίαν τῆς Βουλγαρίας τελεῖ, ἥτις δὴ Σερβία ἐπίσκοπον ἔλαχε τὸν Ῥέσου ἀρχιερέα, παρὰ τοῦ ἀρχιεπισκόπου Βουλγαρίας χειροτονούμενον, καὶ οὕτω παρὰ κανόνας τὴν τῆς ἀρχιερωσύνης ἀξίαν ἐνδέδυσαι καὶ ἐπιβήτωρ ἐνορίας ἀλλοτρίας πεφώρασαι.....» (σελ. 394...). Εἰ δὲ

χώραν δοῦναι τῇ σῇ ἐπιθυμίᾳ ἴσως ἐχρῆν, ἔδει σε, ὦ βέλτιστε, οὐχ ἑτέρῳ τινὶ, ἀλλὰ τῷ τῆς Βουλγαρικῆς ἐπαρχίας προκαθημένῳ ὡς αὐτοκεφάλῳ καὶ τοῖς κατ' αὐτὸν ἐπαρχιώταις ἱεράρχαις προσδραμεῖν καὶ αἰτήσασθαι τὸ ἀξίωμα..... τὸ δὲ λαβεῖν σε παρ' ἑτέρου χειροτονίαν εἰς τόπον αὐτοκεφάλου ἀρχιερέως, ὅσον τὸ ἄτοπον, οἴδασιν οἱ τὰς τῶν νόμων καὶ κανόνων δέλτους ἀκριβωσάμενοι.

Ὁ Χωματιανὸς καὶ ἀλλαχοῦ περὶ ἐκκλησιαστικῶν ὅρων καὶ ἐπαρχιῶν πραγματευόμενος (σελ. Συλλογῆς 339—345) ἐπικαλεῖται διατάξεις τοῦ κανονικοῦ δικαίου καὶ τὴν 131 Νεαρὰν (Βασιλ. 5, 3) πρὸς ἀπόδειξιν ὅτε οἱ Νόμοι «τοῖς πέντε Πατριάρχαις, πρὸς δὲ καὶ τοῖς μετ' αὐτοῦ δυσὶν αὐτοκεφάλοις ἀρχιεπισκόποις τῷ τε Βουλγαρίας δηλαδὴ καὶ τῷ Κύπρου, τὰς ἐνορίας τῶν τεσσάρων κλιμάτων τῆς οἰκουμένης ὑπέταξαν, διελόντες τὰς ἐνορίας ὀνομαστί».

Ἐν τούτοις δὲν ἐβράδυνε νὰ ἐκραγῇ ἡ ἔρις κατ' εὐθεῖαν μεταξὺ τοῦ ἀρχιεπισκόπου καὶ τοῦ ἐν Νικαίᾳ Πατριάρχου Γερμανοῦ ἐξ ἄλλης σπουδαιοτέρας αἰτίας. Καὶ ὅταν εἰς ἐρείπια εἶχε μεταβληθῇ τὸ βυζαντιακὸν κράτος αἱ ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ διχόνοιαι δυστυχῶς δὲν ἔπαυσαν. Ὁ Χωματιανὸς εἶχεν ἀποστείλῃ ἐπιστολὴν πρὸς «τὸν χειροτονηθέντα ἐν Νικαίᾳ Πατριάρχην Κωνσταντινουπόλεως κύριον Γερμανόν», δι' ἧς πολλαὶ ἐκφράσεις σεβασμοῦ διεβιβάζοντο καὶ εὐχαὶ καταλήγουσαι ὡς ἕπεται: «Ὁ τῆς εἰρήνης Θεὸς καὶ τῆς ὁμονοίας, ὁ τὰ διεστῶτα συνάγων εἰς ἕν, καὶ οὓς δι' ὀργὴν παραδίδωσιν ἐξαιρούμενος δι' ἔλεος, τοὺς μὲν κρατοῦντας εἰρηνεῦσαι, καὶ καρδίαν μίαν εὐδοκῆσαι αὐτοῖς γενέσθαι, καὶ δι' αὐτῶν συνασπιζόντων ἀλλήλους, τὸ κατέχον ἀποστολικῶς ἐκ μέσου ποιῆσαι, τὴν Ἰταλικὴν ἐξουσίαν φημὶ, καὶ τοὺς εἰσέτι πεπεδημένους καὶ τεθραυσμένους ἐν ἀφέσει ἐξαποστεῖλαι, κατὰ τὸ ἱερὸν Εὐαγγέλιον, τῶν σῶν δὲ ἁγίων εὐχῶν καὶ πνευματικῶν ἐπισκέψεων καὶ ἡμᾶς τοὺς δυτικοὺς ἀξιῶσαι». Ὁ Θεόδωρος Λάσκαρις πολεμῶν τοὺς Φράγκους κατέλαβε τὴν Θεσσαλονίκην καὶ, κατὰ τὰ Χρονικὰ τοῦ Ἀκροπολίτου, «πολλήν τε χώραν τῆς Ῥωμαΐδος ἐκ τῆς κεκρατημένης παρὰ τῶν Ἰταλῶν ὑφ' ἑαυτῶν ἐποιήσατο, ἔτι δὲ καὶ τῆς παρὰ τῶν Βουλγάρων κεχειρωμένης, πορφυρίδά τε ὑπενδύεται καὶ ἐρυθρὰ περιβάλλεται πέδιλα» (§ 21, σελ. 36, ἔκδ. Bekker). Πρὸς τοῦτο ἀντέστη ὁ μητροπολίτης Κωνσταντῖνος ὁ Μεσοποταμίτης φρονῶν ὅτι κατὰ τὰ κανονικὰ ἔθη δὲν ἐδικαιοῦτο νὰ χρίῃ βασιλεῖς. Ὁ Θεόδωρος ἀπέβαλεν αὐτὸν καὶ διὰ τοῦ Χωματιανοῦ περιεβλήθη τὸ βασιλικὸν διάδημα. Τὸ ζήτημα λοιπὸν τοῦτο ἔλαβεν ὡς ἀφορμὴν ὁ Πατριάρχης Γερμανὸς καὶ ἐξεσφινδόνισε κατ' αὐτοῦ ἀντιγραφὴν δημοσιευομένην ἐν σελ. 483—486 τῆς ἡμετέρας συλλογῆς, πλήρη χολῆς καὶ εἰρωνείας. «Ἡ μετριότης ἡμῶν, γράφει ὁ Πατριάρχης, τῇ σῇ προσλαλήσει μακαριότητι, καὶ τὴν δεξιὰν εὐθετήσασα πρὸς τὰς τῶν γραμμάτων δυσμὰς καὶ τὸν γραφέα δορυφορήσασα κάλαμον κατὰ τῆς σῆς παροξυνθήσεται δεξιᾶς καὶ πλήξει ταύτης τὸ προπετὲς καὶ ἀκρατές. Εἰπὲ γάρ, ἱερώτατε ἄνερ, ἐκ ποίων σοι πατέρων ὁ τῆς στεφοδοσίας κλῆρος ειάθη τίσι τῶν τῆς Βουλγαρίας ἀρχιεπισκόπων βασιλεῖς Αὐσόνων ἐστεφηφόρησαν πώποτε; πότε ἀρχιποίμην τῶν Ἀχριδῶν πατριαρχῶσαν προέτεινε δεξιὰν, καὶ κεφαλὴν βασιλειῶσαν ἐσέμνωσε; δεῖξον ἡμῖν τὸν Πατέρα καὶ ἀρκεῖ ἡμῖν· ἀνέχου τῶν ἐλέγχων· σοφὸς γὰρ εἶ καὶ ἀγάπα πληττόμενος....... Μὴ δυσχέραινε. Τῷ ὄντι γὰρ τὸ διὰ σοῦ καινοτομηθὲν χρῖσμα βασιλικὸν, οὐκ ἔλαιον ἡμῖν ἔστιν ἀγαλλιάσεως, ἀλλ' ὁποῖον τὸ ἐξ ἀγριελαίου δύσχρηστον καὶ δυσπρόσιτον· ὅλως δὲ

καί τινος μυρεψοῦ τὸ πολύτιμον καὶ ἄπρακτον τοῦτο μῦρον ἐπρίω; Καὶ πόθεν συμμυροβλήτης Δημήτριος μύρου, ὅπερ οἱ ἀπὸ Λουτροῦ τῆς παλιγγενεσίας ἀναβαίνοντες χρίονται; καὶ ὑφ' οὗ πατρικαὶ σφραγίζονται δωρεαί; πόθεν σοι τοῦτο τὸ μῦρον; Ἢ γὰρ οὐδαμῶς ἔσχες, τὰ γὰρ παλαιὰ πάντα ἀλάβαστρα ὁ βορὸς ἐξέλειξε χρόνος καὶ κεκένωκε παντελῶς; Ἢ πόθεν πορισάμενος νέον, μυρεψοὺς ἐπέγνως ἡμᾶς; Καὶ ἵνα τί τὸ ἡμέτερον κεκένωκας καθ' ἡμῶν; Καὶ ἀπεναντίας τῇ τοῦ ἐλαίου φύσει κυμαγωγίας ἀνήγειρε τὸ σὸν χρῖσμα καὶ κλύδωνας κατὰ τῆς ἐκκλησίας, τὸν ἑνιαῖον τῆς ῥωμαϊκῆς πατριαρχίας εἰς δύο διελεῖν ἀποθρασυνόμενον»;

Ταῦτα καὶ ἄλλα ὅμοια ἀπηύθυνεν ὁ Γερμανὸς ἐλέγχων ἐπὶ ὑπερβάσει καθήκοντος τὸν Χωματιανόν, διότι ἐτόλμησε νὰ χρίσῃ βασιλέα τὸν κατὰ τὴν ἅλωσιν τῆς Κωνσταντινουπόλεως ἀνδραγαθήσαντα καὶ διεξαγαγόντα ἐπιπονώτατον κατὰ τῶν Φράγκων ἀγῶνα. Ἔλαβεν ὅμως μακρὰν ἀπάντησιν ὁ Γερμανός, ἥτις δημοσιεύεται ἐν τῇ συλλογῇ (σελ. 487) ὑπὸ τὸν τίτλον «πρὸς τὴν ἄνω ἀντιγραφὴν τοῦ ἁγιωτάτου Πατριάρχου ἐπιστολὴ τοῦ ἁγιωτάτου ἀρχιεπισκόπου Βουλγαρίας τοῦ Χωματιανοῦ», ἐν ᾗ δικαιολογεῖται ἡ πρᾶξις. «Ὠνείδισας ἡμᾶς (ἀπαντᾷ ὁ Χωματιανός), καὶ ἀξίους ἐπιτιμήσεων ἔκρινας, ὅτι ἐχρίσαμεν εἰς βασιλέα τὸν ἐν ἡμῖν κραταιὸν αὐτοκράτορα κυρὸν Θεόδωρον τὸν Δοῦκαν, καὶ τὸ πρᾶγμα εἰς μεγίστην τόλμην ἀνέγραψας, ὅτι τε δηλαδὴ οὐκ ἔδει τοῦτον χρισθῆναι, καὶ ὅτι τὸ σὸν ἀναιδῶς ἡρπάσαμεν δίκαιον· καὶ ὡς οὐδέ ποτέ τινες ὑπὸ χειρὶ τελεταρχούσῃ τῆς Βουλγαρίας ἐστεφηφόρησαν:.... ἐπειδὴ τῶν κοσμικῶν πραγμάτων γέγονε σύγχυσις, ὁποῖα ὡς ἐγῷμαι, οὐδέπω καὶ νῦν ες τὴν Ῥωμαίων ἐκώμασεν, ὡς κινδυνεῦσαι καὶ αὐτὴν ἀκρωτηριασθῆναι τὴν ἀμώμητον πίστιν ἡμῶν, δόγμασί τε καὶ ἔθεσι τῶν τὴν μεγίστην τῶν Ῥωμαίων ἀρχὴν λυμηναμένων ἐθνῶν, ἐκφύλοις οὖσι καὶ ἀπεμφαίνουσι, σκέψις γέγονε κοινὴ τῶν ἐν τῇ δύσει περιληφθέντων ἀπό τε τῆς συγκλήτου βουλῆς καὶ τῆς ἱεραρχικῆς τάξεως, ναὶ δὲ καὶ σύμπαντος τοῦ στρατιωτικοῦ μυριοπληθοῦς ὄντος, τῇ χάριτι τοῦ Θεοῦ, προβληθῆναι εἰς βασιλέα τὸν ἀναγεγραμμένον Δοῦκαν κυρὸν Θεόδωρον, ἅμα δὲ καὶ χρισθῆναι διὰ τὰ παραστάντα τηνικαῦτα ἐνταυθοῖ περιστατικά, ὅτι τε ἀλλαχόθεν συνασπισμοῦ προσδοκία οὐκ ἦν.....». «Τῆς κοινῆς τοίνυν ταύτης σκέψεως καὶ ὁμοβουλίας ἔργον γέγονε ἡ χρῖσις τούτου τοῦ ἐν ἡμῖν αὐτοκράτορος, ἣν δὴ καὶ προεκρίθημεν ἡμεῖς γνώμῃ πάντων ἱερουργῆσαι, ὡς τὴν ὑπεροχὴν ἔχοντες ἀπὸ τῆς τοῦ καθ' ἡμᾶς θρόνου μεγαλειότητος (οὕτως οὐχ ἡμεῖς μόνον, θεσπέσιε δέσποτα, τὸν βασιλέα ἐχρίσαμεν), οὐ πληροῦντες ὄρεξιν ἀνθρωπίνην, ἢ ἀλλότρια δίκαια παρασπῶντες, ἀλλὰ τοῖς καιροῖς ἀκολουθοῦντες, οἵτινες πείθουσιν ὡς τὰ πολλὰ τὴν οἰκονομίαν ὡς λυσιτελεστέραν προτιμᾶσθαι τῆς ἀκριβείας· ἔθη τε καλῶς λύουσι τὰ μὴ δυνάμενα πράγμασι δυσκόλοις ἀντεπεξάγεσθαι. Ὃ γὰρ προλαβοῦσα πεποίηκεν ἡ Ἀνατολή, προάγουσα πάντῃ καὶ πάντως ἔχουσα τὴν δυσχέρειαν, τοῦθ' ὕστερον ἡ δύσις εἰργάσατο κατὰ μίμησιν· ὥσπερ γὰρ ἐπὶ παραλείψει τῶν ἐν Κωνσταντινουπόλει ἀρχαίων ἐθῶν καὶ βασιλεὺς ἀνηγορεύθη καὶ πατριάρχης προεβλήθη ἐν τῇ ἐπαρχίᾳ τῶν Βυθινῶν, τοῦτο γὰρ ἡ τοῦ καιροῦ περίστασις τυραννήσασα ἐπεισήγαγε. Πότε γὰρ ἠκούσθη τὸν αὐτὸν μητροπολίτην Νικαίας ποιμαίνειν, καὶ πατριάρχης Κωνσταντινουπόλεως λέγεσθαι; οὕτω δὲ καὶ ἐν τῇ δύσει, ταὐτὸ τοῦτο συμβέβηκε. Καὶ οὐκ ἂν εἴπῃ τις, ὡς τῆς

συγκλήτου βουλῆς, καὶ τῶν ἀρχιερέων συμπνευσάντων γέγονεν αὐτόθι ὃ γέγονεν· μετὰ γὰρ τὴν ἅλωσιν τῆς μεγαλοπόλεως, ὅσοι τῆς συγκλήτου βουλῆς ζῶντες ἐναπελείφθησαν, οἱ μὲν πρὸς τὴν Ἀνατολὴν ἀπεῖδον, οἱ δὲ πρὸς τὴν δύσιν ἐμάκρυναν φυγαδεύοντες, καὶ οὕτως οὐ δ' ἐνταῦθα βασιλικὴ πρόβλησις συγκλήτου βουλῆς ἠμοίρησε καὶ ἀρχιερατικῆς συμπνοίας καὶ συνδρομῆς καὶ οἶμαι ἐς εἰ μὴ τὸ πλέον, ἀλλά γε τὸ ἥμισυ, τῆς ὑπὸ τὸν τῆς Κωνσταντινουπόλεως θρόνον ἐπαρχίας ἐν τῇ δύσει τυγχάνον ἐστίν....».

Πολλὰ ἄλλα ἐν τῇ μακρᾷ ἐπιστολῇ του ὁ Χωματιανὸς ἐκτίθεται, ἀποδεικνύοντα ὄντως ὅτι, διχοτομηθέντος τοῦ βυζαντιακοῦ κράτους καὶ κατεχομένης τῆς Κωνσταντινουπόλεως ὑπὸ τῶν Φράγκων, ὁ τῆς Βουλγαρίας καὶ πρώτης Ἰουστινιανῆς ἀρχιεπίσκοπος ἐξ ἀνάγκης τῶν περιστάσεων καὶ ἕνεκα πολιτικῶν λόγων ἔχρισε τὸν Θεόδωρον βασιλέα. Πλεῖσται δὲ ἄλλαι σκέψεις ἐν τῇ ἀπαντήσει ὑπάρχουσιν ἐπεξηγοῦσαι καὶ τὰς παρ' Ἀκροπολίτῃ νύξεις περὶ τοῦ βασιλικοῦ χρίσματος τοῦ αὐτοκράτορος Θεοδώρου, ὃν εἰς ἄκρον ἐξαίρει ὁ Χωματιανὸς καὶ εὐλόγως.

Σπουδαιοτάτη τῷ ὄντι εἶνε καὶ ἡ ἐν σελίδι 87—98 δημοσιευομένη συνοδικὴ ἀπόφασις τοῦ ἡμετέρου ἀρχιεπισκόπου, διότι ἐν τῷ ἱστορικῷ αὐτῆς μέρει περιέχει ἀξιοσημείωτα γεγονότα οἰκογενειῶν καὶ προὐχόντων τῆς Πελοποννήσου, εἰκόνα τῶν σχέσεων μεταξὺ τῶν ὑπὸ τοὺς πρίγκιπας Βιλλαρδουΐνους Φράγκων κατακτητῶν καὶ ἐγχωρίων ἐν Μωρέᾳ, καὶ τὴν συννενόησιν τῶν Πελοποννησίων πρὸς τὸν Παλαίοντα κατὰ τῶν Φράγκων Θεόδωρον τὸν Δοῦκαν.

Ὁ ἀρχιεπίσκοπος ἐπελήφθη τῆς ἐξετάσεως αἰτήσεως περὶ διαζυγίου εἰσαχθείσης ἐνώπιον αὐτοῦ τῇ παρακλήσει τοῦ μεγάλου Κομνηνοῦ (Θεοδώρου Δούκα). Ἰωάννης Χαμάρετος ἦτο ὁ ἐπιδιώκων τὸ διαζύγιον, καὶ προὔχων Πελοποννήσιος (ἐκ Μάνης) καὶ ἐκ τῶν παντὶ σθένει ἀποκρουόντων τὴν φραγκικὴν δυναστείαν. «ὡς ἡ τοῦ Πέλοπος, ἡ περιφανής, ἡ περίκλυτος ἐν τοῖς ἰθαγενέσι καὶ περιωνύμοις εἶχε καὶ τοῦτον τὸν κράτιστόν τε καὶ ὑπερέχοντα· ἐπεὶ δὲ ἡ Λατίνων ἐξουσία μετὰ τῶν ἄλλων καὶ τοῦ πλείονος τῆς τοιαύτης χώρας ἐδράξατο, καὶ ὑπὸ τὴν ἰδίαν ἔθετο χεῖρα, τῶν ἄλλων ἁπάντων ἐκείνοις ὑποκλιθέντων, οὐ μόνον τῶν ἀσθενῶν, ἀλλ' ἤδη καὶ τῶν ἀντέχειν ἱκανῶς δυναμένων, μόνος οὗτος οὔτ' ὑπετάγη καὶ τοὺς ἰδίους τόπους συντηρῶν μετὰ τῆς εἰς τὴν Ῥωμανίαν εὐγνωμοσύνης τῷ ἔθνει ἀντικαθίστατο». Ἕτερος Πελοποννήσιος Γεώργιος Δαιμονοϊωάννης προσφέρει τὴν θυγατέρα του σύζυγον τῷ Χαμαρέτῳ· ὁ Χαμάρετος ἄσμενος δέχεται «ἐν τῷ λαβεῖν εἰς νοῦν, ὡς εἴπερ ἐκ τῆς προφάσεως ταύτης ἀποσπάσας δυνηθείη ἐκεῖνον τῆς πρὸς Λατίνους εὐγνωμοσύνης ἅμα καὶ τῆς αὐτῶν ἐξουσίας, καί γε πρὸς ἑαυτὸν ποιήσεται μέγα τι ἔσται καταρθωκώς, ὡς οὐκ ἀγενῆ ἐντεῦθεν ἑαυτῷ συνασπισμὸν ποιησάμενοι, πίστεις λοιπὸν εἰς τοῦτο αὐτὸ ἐκεῖνον εὐθὺς ἀπαιτεῖ, καὶ εἰ τούτοις ἀποδώσει, ἑαυτὸν δοῦναι τῇ ἐπιγαμβρείᾳ συντίθεται, καὶ δὴ μεσολαβοῦσιν ὅρκοι καὶ πλεῖσται ὅσαι πίστεις ἐπὶ τῷ πράγματι, ὡς δηλαδὴ μὴ μόνον ἀποστῆναι τῶν Λατίνων ἐκείνου, ἀλλὰ καὶ συμμαχεῖν κατ' ἐκείνων τῷ Χαμαρέτῳ».

Μετὰ τὸν γάμον ὅμως ὁ Δαιμονοϊωάννης ἐκκλίνας αὖθις πρὸς τοὺς Λατίνους τῇ προτροπῇ αὐτοῦ ἡ θυγάτηρ του ἀποπειρᾶται νὰ δηλητηριάσῃ τὸν σύζυγον της Χαμάρετον. Ὁ Χαμάρετος διαφυγὼν τὸν κίνδυνον καὶ παραλαβὼν τὴν

κινητὴν περιουσίαν του «πρὸς τὴν πατρῴαν ἑστίαν μετήνεγκε». Ἐξηκολούθησε τὸν κατὰ τῶν καταχτητῶν τοῦ Μωρέως πόλεμον, ἀλλ' ὁ πενθερὸς τοῦ Δαιμονοϊωάννου βλέπων πάλιν τὸν γαμβρόν του «ἐν τοῖς κατὰ τῶν Ἰταλῶν τροπαίοις προκόπτοντα» ἐν συννενοήσει μετ' αὐτῶν, ἐννοεῖται, ἐνεργῶν προσφέρεται νὰ συμφιλιωθῇ, «περιτίθεται ὁ λύκος τὴν ἀρνακίδα τῆς ὑποκρίσεως», ὁ γενναῖος Χαμάρετος δελεάζεται καὶ «ὅλον ἑαυτὸν τῷ δαιμονίῳ πενθερῷ φέρων δίδωσιν». Διαφεύγει καὶ πάλιν νέους κινδύνους τῆς ζωῆς καὶ ἀναγκάζεται νὰ ἐγκαταλείπῃ τὰς ἀκτὰς τῆς Πελοποννήσου, νὰ ταχθῇ ὑπὸ τὴν σημαίαν τοῦ Κομνηνοῦ «διασώσας τὴν ἑαυτοῦ πρὸς τὴν Ῥωμανίαν εὐγνωμοσύνην ἀκαταπρόδοτον».

Ὁ Κομνηνὸς ὑπεδέξατο ἐννοεῖται μετὰ πολλῆς χαρᾶς τοιοῦτον ἄνδρα καὶ γρᾶμμα δι' ἀπεσταλμένου τινὸς ὑποταγάτου Μανουὴλ τοῦ Στάσου πρὸς τὸν Δαιμονοϊωάννην ἐξέπεμψε καλῶν αὐτὸν νὰ ἀποστείλῃ τὴν θυγατέρα του πρὸς τὴν σύζυγόν του. Πῶς ἔφθασε τὸ γρᾶμμα εἰς τὸν Δαιμονοϊωάννην καὶ αἱ περιπέτειαι καὶ δυσχέρειαι τῆς διαβιβάσεως αὐτοῦ ἐκτίθενται μετὰ περιέργων λεπτομερειῶν ἐν σελ. 95. Ὁ Στάσης «ἐπορεύθη διὰ τοῦ ἐν μέσῳ πελάγους πρὸς τὴν τοῦ Πέλοπος, καὶ τῷ φόβῳ τῷ ἀπὸ τῶν Λατίνων, ἐπεὶ δ' οἱ πρὸς τὸν κράτιστον Κομνηνὸν τούτων δυσμένεια τοὺς ἔνθεν ἐκεῖσε περιόντας οὐκ ἀφίησιν ἀκινδύνως πορεύεσθαι» εἰς Πελοπόννησον ἀφιχθεὶς κατέλυσεν εἰς τὴν οἰκίαν ἄρχοντός τινος Μιχαὴλ Λάρυγγος, ὅστις προτρέπει αὐτὸν νὰ μὴ δοκιμάσῃ νὰ φέρῃ ὁ ἴδιος τὴν ἐπιστολὴν πρὸς τὸν Δαιμονοϊωάννην, διότι καὶ ἂν ἤθελε διαφύγῃ τὸν ἐκ τῶν Φράγκων κίνδυνον κατὰ ξηρὰν ἢ κατὰ θάλασσαν «αὐτὸς πρὸς ὃν ἀπελεύσῃ (λέγει ὁ Λάρυγξ) τῇ λατινικῇ ἐξουσίᾳ εὐθὺς παραδώσει σε, συντεθειμένον ὂν αὐτῷ πρὸς ἐκείνοις οὕτω ποιεῖν».

Συμβουλεύει λοιπὸν νὰ ἐγχειρισθῇ τὸ γρᾶμμα εἴς τινα κληρικὸν καὶ τοιουτοτρόπως «Ἱερεύς τις τῶν εὐλαβῶν καὶ αἰδεσίμων εὑρεθεὶς ἔνδοθεν ἐκεῖσε θείου ναοῦ, ὑπ' ὄψεσι μόνοις αὐτοῦ τε καὶ τοῦ Λάρυγγος καὶ τοῦ ἐπισκόπου Μαΐνης Ῥωμαίου ὄντος, λαμβάνει τὸ γρᾶμμα παρὰ τοῦ Στάσου». Ὁ ἱερεὺς εὗρε τὸν Δαιμονοϊωάννην ἐν τῷ ναῷ τοῦ ἁγίου Γεωργίου, ὅστις δύσφημά τινα κατὰ τοῦ Κομνηνοῦ ἐξελάλησε καὶ ἠρνήθη νὰ ἀποστείλῃ τὴν θυγατέρα του πρὸς τὸν Χαμάρετον λέγων, «ὅτε ἦν ὧδε γυναῖκα οὐκ εἶχε, νῦν δὲ γυρεύει γυναῖκα».

Ἐν τῷ περὶ οὗ ὁ λόγος ἐγγράφῳ διασώζεται ὁλόκληρος ἡ ἐπιστολὴ τοῦ αὐτοκράτορος πρὸς τὸν ἐν Μωρέᾳ Δαιμονοϊωάννην, ἐξ ἧς μανθάνομεν ἀξιοσημείωτον γεγονὸς τὴν συνεργασίαν τῶν Πελοποννησίων εἰς τὸν κατὰ τῶν Φράγκων διεξαγόμενον ὑπὸ τοῦ Θεοδώρου ἀγῶνα. Πρὸς ἀνάκτησιν τῆς Κωνσταντινουπόλεως «θέλομέν σε γινώσκειν (γράφει ὁ Θεόδωρος), ὅτι ὁ δεσπότης Χαμάρετος ὁ πάντοτε καὶ ἐξ ἀρχῆς ἀδιαιρέτως ἔχων τῆς πρὸς ἡμᾶς ἀγάπης, κατέλαβε πρὸς ἡμᾶς καὶ ὑπεδέχθη ἐντίμως καὶ καθὼς ἦν ἄξιον ἀναλόγως τῇ πρὸς ἡμᾶς τούτου ἀγάπῃ καὶ τῇ προσούσῃ τούτῳ μεγαλειότητι. Συνευφρανθέντες οὖν ἐπὶ τῇ τούτου ἐπιδημίᾳ, συνελαλήσαμέν ποτε καὶ περὶ τῆς τοῦ Πελοποννησιακοῦ τόπου ἀπολυτρώσεως· περὶ γοῦν τῶν λαληθέντων, εἰ δὲ καὶ ἀποβαίησαν ταῦτα, οἶδε Θεός, οὐ τοῦ παρόντος λέγειν καιροῦ».....

Πέμψον οὖν, εἴπερ οὐκ ἀποστρέφῃ τὴν ἀγάπην ἡμῶν, τὴν γυναῖκα τοῦ δεσπότου, καὶ μὴ εἴπῃς, ὅτι πῶς ἀπελεύσεται τὸ ἐμὸν παιδίον εἰς γῆν ἀλλοτρίων καὶ εἰς λαὸν μὴ συνδεδεμένον τῇ ἐμῇ γενεᾷ..... ἀλλ' οὐκ ἔσται ξένη αὐτὴ τὸ

καθόλου. Λαὸν γὰρ οὐκ εὐάριθμον ἡ τοῦ Πέλοπος τῇ ἡμετέρᾳ αὐλῇ παρεπέμψατο, καὶ πάντες εἰσὶν παρ' ἡμῖν οἱ τοιοῦτοι καὶ πεπαρρησιασμένοι καὶ ἔντιμοι καὶ οὐκ ἔστιν ὅστις τούτων οὐκ ἔσται τῇ τοῦ δεσπότου γυναικὶ εἰς παρηγορίαν καὶ τῆς πελοποννησιακῆς συγγενείας ἀνάμνησιν».

Τῇ οἰκογενείᾳ τοῦ Γεωργίου Δαιμονοϊωάννη, ὅστις φαίνεται ὅτι συνεμάχησε τοῖς Φράγκοις τοῦ Μωρέως κατὰ τὸν 13 αἰῶνα, θὰ ἀνήκωσιν ἴσως καὶ οἱ κατὰ τοὺς ἐπομένους αἰῶνας ἀναφαινόμενοι (ἐκ Μονεμβασίας ὑπὸ τὸ αὐτὸ ὄνομα Δαιμονογιάννης Εὐδαιμονογιάννης) ἀνδρεῖοι στρατιῶται καὶ προὔχοντες Σοφιανὸς, Μανώλης, Τραχανιώτης, Ἀσάνης, Θεόδωρος (πβλ. Σάθα μνημεῖα I, 117 καὶ VIII). Ἐκ τινος δίκης ἐν τούτοις εἰσαχθείσης ἐνώπιον τοῦ συνοδικοῦ δικαστηρίου τοῦ ἀρχιεπισκόπου Χωματιανοῦ γίνεται γνωστὴ ἡμῖν ἡ διαδικασία τῶν ὑποθέσεων τῶν ὀρθοδόξων χριστιανῶν καὶ ἡ κατάστασις τῆς δικαιοσύνης κατὰ τοὺς χρόνους τῆς φραγκοκρατίας. Κραμβοφωκᾶς τις εἶχε νυμφευθῇ τὴν θυγατέρα τοῦ Δημητρίου Χαρσιανίτου Μαρίαν. Ἡ πενθερὰ αὐτοῦ ὡραία θυγάτηρ τοῦ Ῥωμανοῦ Λογαρᾶ εἶχε συστήσῃ προῖκα αὐτῷ ἐν τοῖς ἄλλοις καὶ ἀμπελῶνα. Ὁ Λογαρᾶς μετὰ θάνατον τῆς συζύγου του εἶχε λάβῃ δευτέραν σύζυγον λεγομένην Καλὴν Σαχλικίνην, θανόντος δὲ τοῦ Λογαρᾶ ἡ ὡραία θυγάτηρ του ἐζήτησε τὴν ἁρμόζουσαν αὐτῷ πατρῴαν διαδοχὴν, ἡ δὲ μητρυιά της Σαχλικίνα ἀνταπήτησε τὴν ἐπενεχθεῖσαν προῖκα καὶ γαμικὰ κέρδη. Παρενέβησαν συγγενεῖς καὶ φίλοι, ἐν οἷς καὶ ὁ ἐπίσκοπος Ἱερισσοῦ κυρὸς Νεόφυτος καὶ ἐγένετο συμβιβασμός. Πάλιν κατόπιν ὅμως Σαχλικίνα ἔστησεν ἀγωγὴν περὶ προικὸς καὶ προσέβαλε τὸν συμβιβασμὸν ἐπὶ φόβῳ καὶ βίᾳ.

Ἡ ἀγωγὴ αὕτη εἰσήχθη εἰς τρία ἀλληλοδιαδόχως δικαστήρια 1) παρὰ τῷ πανηγιωτάτῳ μητροπολίτῃ Θεσσαλονίκης κυρῷ Ἰωσήφ, 2) παρὰ τῷ μεγαλοϋπερόχῳ δουκὶ Θεσσαλονίκης κυρῷ Ἀλεξίῳ τῷ Πηγονίτῃ συνδικάζοντα ἔχοντι ἀρχιερατικά τε καὶ ἀρχοντικὰ πρόσωπα, ἅτινα ἐδιχογνώμησαν, τῶν μὲν ἐπικυρούντων τὴν ἀπόφασιν τοῦ Ἰωσὴφ, τῶν δὲ ἀποκρουόντων, 3) παρὰ τῷ ῥήματι τοῦ κρατοῦντος δεσπότου καὶ βασιλέως κυροῦ Μανουὴλ τοῦ Δούκα. Φαίνεται ὅτι ἐγένετο χρῆσις μέσων, διότι τὸ δικαστήριον τοῦτο διηγεῖται ὁ Κραμβοφωκᾶς «ῥαγδαῖον ἐχώρησε καθ' ἡμῶν ὡς ὑποφθαρὲν κακοπράγμασιν ὁμιλίαις». Συνεπείᾳ τῆς ἀποφάσεως ὁ Κραμβοφωκᾶς ἐβλήθη εἰς φυλακὴν καὶ ἡ πενθερά του εἰς μοναστήριον «ὁ καστροφύλαξ μετὰ τῶν τοῦ καστελλίου τσακόνων ἐξεπέμφθη εἰς τὴν οἰκίαν τοῦ Κραμβοφωκᾶ καὶ παρέδωκεν αὐτὴν τῇ Σαχλικίνῃ, ὡς καὶ τὸν ἀμπελῶνα καὶ πάντα τὰ πατρῷα».

Ἀλλὰ τελεσιδικία δὲν ὑπῆρχεν εἰς τὰς δίκας. Τῇ ὑπομνήσει τοῦ δεσπότου καὶ ἁγιωτάτου μητροπολίτου καὶ ἑτέρων ἐπὶ τῇ ἀδικίᾳ διέταξεν ὁ κρατῶν Μανουὴλ Δούκας «ἀπρακτῆσαι τὴν τελευταίαν κρίσιν..... ἀνανεωθῆναι τὴν δίκην παρὰ τῷ δικαστηρίῳ τοῦ διαληφθέντος ἁγιωτάτου μητροπολίτου».

Τὸ δικαστήριον τοῦ δουκὸς εἶχεν ἀκυρώσῃ τὸν συμβιβασμὸν ἐπὶ τῷ λόγῳ ὅτι «φόβῳ τῆς λατινικῆς ἐξουσίας συνέστη τὸ διαλυτέον», σημεῖον δὲ φόβου ἐθεωρήθη ἡ κατάσχεσις τῆς οἰκίας τοῦ Λογαρᾶ, ἥτις γέγονε παρὰ τοῦ τηνικαῦτα ἐξουσιάζοντος τῆς ἁγιωτάτης μητροπόλεως Θεσσαλονίκης τοῦ λεγομένου Γαρίνου. Τὸ ἐπιχείρημα ὅμως τοῦτο τοῦ φόβου ἐκρίθη ἀδύνατον ὑπὸ τοῦ μητροπολίτου, διότι ὅτε ὁ Λογαρᾶς ἀπεβιώσεν ἐν ἐξουσίᾳ ὑπῆρχον ἡ κυρὰ Μαρία γυνὴ

τοῦ Ἰσαακίου Ἀγγέλου, χηρεύουσα, καὶ προβεβλημένον εἰς τὴν δουκικὴν ἀρχὴν τῆς Θεσσαλονίκης ἔχουσα τὸν κυρὸν Γεώργιον Φραγκόπουλον καὶ πάντας τοὺς κατὰ χώραν ἀρχιερεῖς ἐπὶ ταῖς πολιτικαῖς δίκαις συνέδρους αὐτῇ καὶ συνδικαστάς, ἤτοι τὸν Κίτρους, τὸν Βερροίας, τὸν Κασσανδρείας, τὸν Στρυμβάκωνα, τὸν Καμπανείας, καὶ τὸν Ἀδραμάρεως Φιλάγριον, οἵτινες καθ' ἑκάστην ἐν τῷ μεγάλῳ ναῷ τῆς Θεοτόκου συνήγοντο καὶ τὰς κρίσεις ἐποίουν. Ἀλλὰ καὶ ὁ Γαρῖνος δὲν μετῆλθε βίαν τινά, ἀλλὰ κατὰ τὸ παρὰ Λατίνοις ἔθος, ἀπὸ τῆς οἰκίας τοῦ Λογαρᾶ ἀνελάβετο οὐχὶ 100 ἀλλὰ 10 ὑπέρπυρα «θνησκόντων γὰρ τῶν ὑπ' αὐτοὺς ἐκκλησιαστικῶν προσώπων, ἔθος αὐτοῖς κερδαίνειν ἀπὸ τῆς οἰκίας ἐκείνων τὸ τούτοις δοκοῦν» (Οἱ Λατῖνοι δηλαδὴ κληρικοὶ ἐφήρμοζον ἐν τῇ Ἀνατολῇ τὸ λεγόμενον jus spolii γνωστὸν τοῖς περὶ τὸ ἐκκλησιαστικὸν δίκαιον τῶν κοθολικῶν ἀσχολουμένοις). Διὰ τοὺς λόγους τούτους καὶ ἄλλους καὶ διότι «μετὰ παρέλευσιν τῆς λατινικῆς ἐξουσίας δέκα πλέον ἤδη ῥυέντων ἐνιαυτῶν καὶ ἐξουσιαζόντων τοῦ τε βεβασιλευκότος κυροῦ Θεοδώρου τοῦ Δούκα καὶ τοῦ αὐταδέλφου αὐτοῦ τοῦ κρατίστου δεσπότου κυροῦ Μανουὴλ, ἐν τῷ δεκάτῳ ἔτει τὴν ἀγωγὴν ἡ Σαχλικίνα κεκίνηκε, τοῦ νόμου κελεύοντος τὴν δόλῳ ἢ φόβῳ ἢ κακονοίᾳ τὴν γενομένην διάλυσιν «εἴσω διετίας τούτου τρανῶς δεικνυμένου ἀνατρέπεσθαι», τοιουτοτρόπως ἀνετράπη ἡ δίκη καὶ ἡ ἀξίωσις τῆς Σαχλικίνης, ἐπαύθη δὲ καὶ ὁ Κραμβοφωκᾶς, ὅστις ἐν τούτοις εἶχε δραπετεύσει τῶν φυλακῶν. Ὁ ἐν τῷ ἐγγράφῳ ἀναφερόμενος Γαρῖνος εἶνε ὁ Guarinus, ὅστις ἐν ἔτει 1209 μετετέθη εἰς τὸν θρόνον τῆς Ἀντιοχείας (Oriens Christ. III, σελ. 1091 καὶ ἐπιστολῶν Ἰννοκεντίου III, 35).

Ἐκ τῶν σημείων τούτων τοῦ περιεχομένου τῆς συλλογῆς δύναταί πᾶς τις νὰ πεισθῇ περὶ τῆς σπουδαιότητος καὶ τῆς μεγάλης αὐτῆς σημασίας. Ἀντικατροπτίζεται ἐν αὐτῇ ἡ εἰκὼν τῆς ἐπὶ τῆς τετάρτης σταυροφορίας κοινωνικῆς καταστάσεως, πολλὰ ἱστορικὰ γεγονότα ἀναγόμενα εἰς τὴν πολιτικὴν καὶ τοὺς ἀγῶνας τῶν Φράγκων καὶ τῶν ὑποδουλωθέντων ὀρθοδόξων καὶ τὴν ἐκκλησιαστικὴν ἀναστάτωσιν τῶν βυζαντινῶν χωρῶν. Κατὰ τοὺς ὑπολογισμοὺς τοῦ Battantier πλείονα τῶν 400 ὀνομάτων οἰκογενειακῶν τῶν χρόνων ἐκείνων ἀναφέρονται, ἐξ ὧν πολλὰ ἐκ τῶν τότε πρωταγωνιστησάντων.

Σπουδαίαν ὅμως ὡς πρὸς τὴν ἱστορίαν τῆς νομικῆς ἐπιστήμης σημασίαν κέκτηνται τὰ πονήματα τοῦ Χωματιανοῦ, διότι κατέχων οὗτος φαίνεται πλῆρες σῶμα τῶν Βασιλικῶν ἀπέσπα καὶ παρέθετο τεμάχια καὶ θέματα ἐξ αὐτῶν (καίτοι ὡς πυξίδα προχειροτέραν πρὸς λύσιν τῶν ὑποβαλλομένων αὐτῷ ζητημάτων ἐχρῆτο τῇ πείρᾳ Εὐσταθείου τοῦ Ῥωμαίου), ὧν πλεῖστα δὲν ὑπάρχουσιν ἐν τῇ τελειοτέρᾳ ἐκδόσει αὐτῶν τῇ τοῦ Heimbach. Ὁ ἀκάματος καρδινάλιος Πιτρᾶ ἰδίαν μελέτην ἀφιέρωσεν ὡς πρὸς τοῦτο. Ἐν σελίσι 839—857 καταστρώννυται κατὰ τάξιν καὶ ἀκρίβειαν ὁλόκληρος συλλογὴ τῶν τεμαχίων τῶν πηγῶν καὶ δι' ἀστερίσκων σημειοῦνται τὰ τὸ πρῶτον ἐκδιδόμενα θέματα τῶν Βασιλικῶν. Ἡ κρίσις περὶ αὐτῶν ἰδίας δεῖται ὅμως μελέτης καθαρῶς νομικῆς, ἣν βραδύτερον ἴσως θέλω ἐπιχειρήσῃ.

Ἀντώνιος Μομφερρᾶτος
δικηγόρος ἐν Ἀθήναις.

H. Usener. *Acta martyris Anastasii Persae.* Bonnae, Fr. Cohen. 1894. VIII+30 стр. 4°.

Профессору Узенеру, который уже многими трудами оказывалъ великія услуги греческой агіографіи, мы теперь обязаны первымъ изданіемъ всего матеріала, относящагося къ св. Анастасію Персянину (VII вѣка). Этотъ матеріалъ состоитъ изъ четырехъ греческихъ текстовъ, знакомящихъ насъ съ жизнью и мученичествомъ святого, съ перенесеніемъ его мощей и съ посмертными его чудесами. Всѣ эти тексты здѣсь впервые изданы, по двумъ рукописямъ берлинской библіотеки, изъ которыхъ одна (codex A) принадлежитъ къ IX—X вѣкамъ, а другая (codex B) къ XI—XII в. Первый изъ этихъ четырехъ текстовъ находится въ обѣихъ рукописяхъ и, кромѣ того, въ одномъ спискѣ ватиканской библіотеки, который Узенеръ не счелъ нужнымъ принять во вниманіе. Наконецъ, изданный имъ текстъ встрѣчается также еще въ одномъ спискѣ іерусалимской библіотеки, о которомъ Узенеръ, повидимому, не знаетъ (№ 18, XI вѣка; см. каталогъ Пападопуло-Керамевса I, стр. 78 сл.). Что же касается трехъ другихъ текстовъ, то до сихъ поръ они найдены только въ упомянутыхъ берлинскихъ рукописяхъ, а именно второй и третій въ спискѣ A и четвертый въ спискѣ B. Всѣ старанія издателя отыскать для болѣе надежнаго исправленія текста другую рукопись, содержащую въ себѣ эти послѣдніе тексты, оказались безуспѣшными.

Первый текстъ озаглавленъ Βίος καὶ μαρτύριον Ἀναστασίου μοναχοῦ μονῆς τοῦ ἐν ἁγίοις ἀββᾶ Ἀναστασίου (стр. 1—12). По свидѣтельству этого житія, Анастасій, или Магундатъ (прежнее его имя), былъ сынъ персидскаго мага; онъ нѣсколько времени служилъ въ войскѣ царя Хозроя, но скоро, оставивъ службу, принялъ святое крещеніе, а впослѣдствіи—и монашеское постриженіе. Семь лѣтъ сряду онъ пробылъ въ монастырѣ св. Анастасія, что близъ Іерусалима, а потомъ, съ тайнымъ намѣреніемъ стяжать себѣ мученическій вѣнецъ, оставилъ братію и отправился въ Кесарію. Здѣсь онъ попалъ въ плѣнъ къ персамъ и своимъ вызывающимъ поведеніемъ достигъ того, чего желалъ. Онъ былъ переведенъ въ Персію, гдѣ, послѣ категорическаго отказа перемѣнить вѣру, былъ подвергнутъ жестокимъ пыткамъ и мужественно встрѣтилъ смерть (22-го января 628 года). Житіе св. Анастасія, по порученію Іустина, игумена того монастыря, въ которомъ такъ долго подвизался святой, написано однимъ изъ монаховъ (вѣроятно, въ томъ же самомъ году, когда подвижникъ былъ замученъ). Авторъ-инокъ воспользовался сообщеніями другого инока того же монастыря; этотъ послѣдній былъ нарочно посланъ игуменомъ въ Кесарію съ цѣлью прослѣдить за подвигами св. Анастасія, которые братія предвидѣла заранѣе. Въ сравненіи съ этимъ нагляднымъ и достовѣрнымъ повѣствованіемъ очевидца, пересказъ, сочиненный Симеономъ Метафрастомъ, которымъ до изданія Узенера мы принуждены были довольствоваться, лишается всякаго значенія, такъ что Узенеръ правъ, совершенно оставивъ его безъ вниманія.

Во второмъ памятникѣ (Ἐπάνοδος τοῦ λειψάνου τοῦ ἁγίου μάρτυρος Ἀναστασίου ἐκ Περσίδος εἰς τὸ μοναστήριον αὐτοῦ, стр. 12—14) идетъ рѣчь о перенесеніи мощей святого. Когда императоръ Ираклій предпринялъ походъ въ Персію, игуменъ Іустинъ, о которомъ было упомянуто выше, рѣшился воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы перевезти тѣло св. мученика изъ Персіи въ тотъ монастырь, который былъ освященъ его семилѣтними иноческими подвигами. Порученіе это дано было именно тому монаху, который былъ посланъ вслѣдъ за св. Анастасіемъ и присутствовалъ также при его пыткахъ. Монахъ этотъ, подъ защитою императорскаго войска, счастливо добрался до монастыря св. Сергія, въ которомъ находился гробъ св. Анастасія Персянина. Но такъ какъ онъ ничѣмъ не могъ убѣдить монаховъ отдать ему эту святыню, то онъ тайкомъ, при помощи, кажется, самого святого, ночью пробрался въ монастырь, разломалъ гробъ и увезъ большую часть мощей на свою родину (въ 631 году). Это путешествіе, со словъ его, описано другимъ инокомъ монастыря (вѣроятно, тѣмъ же самымъ, который составилъ и житіе св. Анастасія).

Въ разсказѣ его упоминается, что на возвратномъ пути изъ Персіи отъ мощей совершилось множество чудесъ, но подробнаго описанія ихъ не сдѣлано. Поэтому, когда среди народа распространилась слава о святости Анастасія,—явилась мысль подробнѣе изложить всѣ чудеса отъ мощей его въ особыхъ дополнительныхъ разсказахъ. До насъ дошло два такихъ разсказа, которые и составляютъ содержаніе третьяго и четвертаго текстовъ. Первый изъ нихъ (Θαύματα τοῦ ἁγίου Ἀναστασίου ἐν μερικῇ διηγήσει, γενάμενα ἐν Ῥώμῃ τῇ πόλει περὶ τῆς θυγατρὸς τοῦ ἐπισκόπου, ἀρτίως ἀπὸ πνεύματος ἀκαθάρτου ἐλευθερωθείσης, стр. 14—20) ограничивается весьма обстоятельнымъ повѣствованіемъ лишь одного чуда—исцѣленія бѣсноватой дочери одного епископа, которое совершилось въ Римѣ. И здѣсь, въ храмѣ св. Маріи «ad Aquas Salvias» (храмъ этотъ—внѣ стѣнъ города), уже въ VII столѣтіи находились нѣкоторыя части мощей св. Анастасія; народъ такъ чтилъ эту святыню, что храмъ не могъ вмѣщать всѣхъ желавшихъ ей поклониться, а, кромѣ того, въ самомъ городѣ четыре храма было посвящено памяти св. Анастасія. Чудо, совершившееся съ дочерью епископа въ 714 г., въ томъ же году было и описано однимъ инокомъ монастыря, находящагося возлѣ храма св. Маріи. Этотъ инокъ, какъ можно судить по его произведенію, плохо владѣлъ литературнымъ языкомъ: онъ часто прибѣгаетъ къ формамъ и выраженіямъ народнаго языка того времени. Сохранился также латинскій переводъ этого разсказа въ одной рукописи IX—X вѣковъ, принадлежащей библіотекѣ Vallicelliana въ Римѣ. Текстъ этого перевода еще не изданъ, и только Узенеръ въ своемъ изданіи сдѣлалъ изъ него нѣсколько выдержекъ. Переводчикъ, очевидно, былъ современникъ автора греческаго подлинника, такъ какъ онъ прибавилъ отъ себя имя епископа, отца бѣсноватой дѣвицы: episcopus Theopentus nomine (т. е. Θεό-

πεμπτος). Хотя онъ сдѣлалъ много произвольныхъ добавленій и пропусковъ, но переводъ его, за неимѣніемъ другого списка подлинника, могъ бы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказать желательную помощь при исправленіи греческаго текста. Жаль, что Узенеръ въ своемъ изданіи не помѣстилъ этотъ переводъ сполна.

Другой разсказъ (Θαύματα τοῦ ἁγίου Ἀναστασίου, стр. 20—28) заключаетъ въ себѣ длинный рядъ посмертныхъ чудесъ святого. Въ рукописи считается ихъ семнадцать, но въ дѣйствительности имѣется девятнадцать: одно чудо (лѣченіе бѣсноватой женщины), встрѣчающееся послѣ 10-ой главы, оставлено въ рукописи безъ заглавія и вслѣдствіе этого недосмотра не пошло въ счетъ, а другое (19-ое), вслѣдствіе утраты одного листа рукописи, дошло до насъ безъ начала. Этотъ памятникъ былъ извѣстенъ и отцамъ второго никейскаго собора (787 г.). Сравнивая выдержки изъ него, помѣщенныя въ дѣяніяхъ этого собора (Mansi, Concil. tom. XIII p. 21 sqq.), съ текстомъ берлинскаго списка, мы узнаемъ, что послѣдній представляетъ собою не подлинный текстъ памятника, но лишь отрывочный экстрактъ изъ него, излагающій чудеса даже не въ томъ порядкѣ, въ какомъ они были изложены первоначально. По всей вѣроятности, подлинное сочиненіе было составлено въ Константинополѣ, гдѣ уже въ царствованіе императора Ираклія, какъ пишетъ Кодинъ (p. 76, 15 Bonn.), находился храмъ св. Анастасія Персянина.

Къ св. Анастасію относится и похвальное слово, уже давно изданное по одной рукописи флорентійской библіотеки (у Migne въ 92-омъ томѣ). Въ этой рукописи сочиненіе приписывается Георгію Писиду, а списокъ А берлинской библіотеки, болѣе древній, чѣмъ флорентійскій, даетъ упомянутое слово (въ неполномъ видѣ) подъ заглавіемъ Σωφρονίου πατριάρχου Ἱεροσολύμων ἐγκώμιον εἰς τὸν ὁσιομάρτυρα Ἀναστάσιον. Этой замѣткой, какъ и другими доводами, приведенными Узенеромъ, положительно утверждается авторство Софронія. Сочиненіе Софронія — ничто иное какъ передѣлка стариннаго житія св. Анастасія; не пользуясь другими источниками, онъ старается только прикрашивать простой разсказъ монаха-очевидца изысканными выраженіями и фразами. Узенеръ, поэтому, не считалъ нужнымъ повторить въ своей книгѣ этотъ текстъ. Но жаль, что онъ не обратилъ вниманія на другое, еще не изданное похвальное слово св. Анастасію, которое находится въ спискѣ № 26 (fol. 198) московской синодальной библіотеки и начинается словами: Οὐχ οὕτω.

При критической разработкѣ изданныхъ текстовъ Узенеръ, какъ и прежде, оказался мастеромъ своего дѣла, такъ что работа его едва-ли нуждается въ дополненіяхъ и поправкахъ. Мы упомянемъ о слѣдующихъ мелочахъ: на стр. 25[a], 37 слѣдовало бы писать вмѣсто ἰδού—ἰδοῦ, по орѳографіи, принятой издателемъ въ другихъ мѣстахъ (2[a], 28; 6[a], 12). Удареніе слова παραυτά у Узенера не однообразно: 21[b], 34 и 27[a], 32 пишется παραυτά, но 18[b], 14 πάραυτα. На стр. 2[a], 22 мы предложили бы чит-

ἐνδοξάζεσθαι (см. 12ᵇ, 12 и 2 Θессал. 1, 10); 10ᵃ, 3—γενναίως; 10ᵃ, 21—παραιτουμένου и 15ᵇ, 22—πλησιεστέρῳ (въ латинскомъ переводѣ: proximo). На стр. 2ᵃ, 6 надо выбросить запятую послѣ слова δωρεῶν, такъ какъ винительный падежъ λήθην зависитъ отъ νοσήσαντες. Къ числу фразъ, заимствованныхъ писателемъ изъ св. Писанія, можно прибавить еще нѣсколько примѣровъ: 1ᵃ, 12 см. Евр. 2, 14; 1ᵃ, 18 см. Лук. 24, 49; 1ᵃ, 19 см. Лук. 1, 2; 1ᵃ, 20 см. 1 Петр. 5, 1; 5ᵃ, 13 см. 2 Тимоѳ. 3, 13; 9ᵇ, 10 см. Римл. 1, 25; 15ᵇ, 13 см. Псал. 83, 11.

Рига. **Э. Курцъ.**

Constant. Sathas, *Bibliotheca graeca medii aevi.* Vol. VII. Anonymi compendium chronicum. (Μεσαιωνικῆς βιβλιοθήκης τόμος ἕβδομος. Ἀνωνύμου σύνοψις χρονική). Paris., Jean Maisonneuve. 1894 8⁰. σνβ′+680 стр. Цѣна 20 фр.

Достоинство и недостатки работъ Константина Саѳы хорошо извѣстны всѣмъ византиновѣдамъ, а также и массѣ ученыхъ сродныхъ спеціальностей, но, кажется, нигдѣ до сихъ поръ не проявлялись тѣ и другіе съ такой яркостью, какъ въ лежащей передъ нами книгѣ. Въ ней Саѳа разыскалъ и издалъ съ свойственнымъ ему знаніемъ дѣла одинъ изъ интереснѣйшихъ памятниковъ византійской исторіографіи, который въ то же время имѣетъ огромное значеніе и какъ памятникъ литературный, заключающій въ себѣ массу народныхъ и полународныхъ сказаній, занимавшихъ воображеніе средневѣковаго человѣчества; но онъ издалъ его наскоро, не вездѣ примѣнивъ къ дѣлу даже самые общеупотребительные критическіе пріемы. Къ этому изданію онъ присовокупилъ обширное введеніе (εἰσαγωγή) въ 252 страницы убористаго шрифту. Въ этомъ предисловіи видна ученость, огромное количество матеріала или совсѣмъ неизвѣстнаго или трудно-доступнаго; въ догадкахъ, связывающихъ этотъ матеріалъ, много остроумія и еще больше одушевленія, но едва ли 20-ая часть этого введенія имѣетъ какое-либо отношеніе къ издаваемому памятнику, а остальныя девятнадцать двадцатыхъ трактуютъ, какъ говорится, de rebus omnibus et quibusdam aliis по миѳологіи, древней, средней и новой исторіи, по возрожденію, исторіи церкви, исторіи античной, византійской и итальянской литературы и пр. Догадки и предположенія автора чрезвычайно смѣлы и мѣстами увлекательны тѣмъ болѣе, что они вспомоществуемы поразительно разнообразными и глубокими свѣдѣніями. Но руководящія идеи автора, цѣли, имъ намѣченныя, иногда до того странны, что невольно приходитъ на мысль, какъ было бы хорошо, еслибъ онъ зналъ и помнилъ поменьше, но примѣнялъ бы свои знанія съ большей осмотрительностью. Въ этомъ отношеніи Конст. Саѳа значительно напоминаетъ извѣстнаго издателя русскихъ духовныхъ стиховъ и былинъ, обширныя введенія котораго при всей своей кажущейся содержательности только обезцѣниваютъ издаваемые имъ важные документы. Въ своемъ введеніи къ издаваемому нынѣ анонимному хро-

нисту Саѳа настойчиво проводитъ мысли, которыя уже давно знакомы его читателямъ и все же каждый разъ поражаютъ своею неожиданностью. Этотъ заслуженный византологъ, великій знатокъ византійской словесности, усматривающій въ ея памятникахъ изумительную глубину мысли, тонкость наблюденія, язвительность сатиры, написавшій цѣлый томъ въ 420 стр. о византійскомъ *театрѣ* (Ἱστορικὸν δοκίμιον περὶ τοῦ θεάτρου καὶ τῆς μουσικῆς τῶν βυζαντινῶν ἤτοι εἰσαγωγὴ εἰς τὸ Κρητικὸν θέατρον. Ἐν Βενετίᾳ. 1878), самое существованіе котораго до тѣхъ поръ отрицалось почти единогласно, оказывается злѣйшимъ врагомъ византинизма, нежели какимъ былъ самъ Гиббонъ. Онъ убѣжденъ, что въ продолженіе всѣхъ одиннадцати вѣковъ, отъ Константина Великаго до Константина XI, на почвѣ восточной имперіи шла ожесточенная борьба между благороднымъ *эллинизмомъ*, который есть свѣтъ во тьмѣ, *жизнь въ смерти*, единородная Премудрость Божія, истинное христіанство, съ одной стороны, и *византинизмомъ*, который есть *смерть въ жизни* (стр. νβ'), ханжество, лицемѣріе и церковный формализмъ, столь противоположный духу Христовой вѣры. Краснорѣчивый грекъ едва находитъ достаточно сильныя выраженія, чтобы унизить одну идею и возвеличить другую. По его словамъ, «византійская *мумія*, которую столько вѣковъ поддерживалъ эллинскій *бальзамъ*, распалась въ прахъ, какъ только это связующее начало перестало существовать». (стр. ιζ'). «Византинизмъ», какъ сухое, формальное отношеніе къ жизни, убивающее поэзію и свободу личности, по взгляду автора, начался еще раньше появленія самой Византіи на исторической аренѣ: онъ отождествляется съ латинизмомъ, утѣснившимъ еще задолго до Р. Х. свободную, демократическую Элладу. Мало того, Саѳа ухитряется усматривать борьбу тѣхъ же двухъ принциповъ и раньше—на почвѣ самой Эллады: это—борьба Іонянъ и Дорянъ, отразившаяся во всей исторіи средневѣковой Эллады и «бывшая причиною всѣхъ нашихъ страданій и суженія границъ эллинскаго племени» (μς')! Авторъ, повидимому, готовъ итти еще далѣе: судя по тому, что ненависть къ варварамъ, Персамъ, онъ считаетъ характерной чертой эллинизма, точной опорой котораго въ средніе вѣка служили Аѳины, онъ наклоненъ отождествить византинизмъ съ персидскимъ варварствомъ и деспотизмомъ, которому нанесъ роковой ударъ герой поборникъ эллинизма Александръ Македонскій! [1]). Съ другой стороны, усматривая побор-

1) «Культу» Александра Македонскаго Саѳа посвящаетъ много вдохновенныхъ, но не научныхъ соображеній: по его убѣжденію, Александра отождествляли и съ сыномъ Эѳира и восхваляли подъ именемъ Гомера (ξδ'). Даже въ Дѣяніяхъ Апостоловъ (XVI, 9: «И было ночью видѣніе Павлу: предсталъ нѣкій мужъ Македонянинъ» и пр.) онъ усматриваетъ упоминаніе объ эллинскомъ богѣ Александрѣ Македонскомъ (ξς')! Вообще пылкій, «эллинизмъ» автора доводитъ его до полнаго отсутствія различенія между язычествомъ и христіанствомъ: у него есть сильнѣйшее желаніе отождествить Аѳинскую Богородицу съ Аѳиной Палладой (νβ'), и названіе Константина тринадцатымъ апостоломъ εἰς τὸν αὐτὸν ἀναφέρεται μῦθον, что и 12 воплощеній Зевса! (ογ')

никовъ великой идеи во всѣхъ греческихъ профессорахъ эпохи возрожденія, «которые приносили съ собою на западъ не только сухую греческую грамматику и мертвыя рукописи, но и живой духъ эллинизма» (ξα′) и считая всѣхъ Арматоловъ и Стратіотовъ византійской эпохи чистыми философами платоновой школы (ιγ′ прим.), а паликаровъ эпохи турецкаго владычества борцами за Элладу, Саѳа раздвигаетъ исторію этой великой идейной войны до 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Разыскивая слѣды ея въ Византіи, авторъ обращается къ литературнымъ памятникамъ— византійскаго животнаго эпоса [1]) и его обломкамъ въ живой рѣчи; но, къ сожалѣнію, онъ позволяетъ себѣ при этомъ прибѣгать къ крайне не научнымъ натяжкамъ; такъ напр. извѣстную поэму Πουλολόγος онъ относитъ къ 1222 г., совершенно игнорируя вѣское соображеніе проф. Крумбахера относительно буссоля (λ ξ′) [2]); въ поэмѣ Περὶ τετραπόδων онъ безъ всякаго основанія и противъ размѣра предлагаетъ измѣнить дату и сблизить ея сюжетъ съ событіемъ, которое не имѣетъ съ нимъ ничего общаго, кромѣ кровопролитія (λη′). Много усилій употребляетъ авторъ, чтобы подвести къ своей тенденціи извѣстную поэму Нонна о Діонисіѣ, содержаніе которой, повидимому, такъ ясно и просто, что никому другому не могло бы и на мысль прійти искать здѣсь скрытаго смысла; по его же мнѣнію, здѣсь въ Діонисіѣ-огнѣ изображается богъ свѣта, борящійся противъ мрака—темнокожихъ Индусовъ, а Индусы — родственники Троянъ, миѳическихъ предковъ Римлянъ—враговъ эллинизма (ηε′)! [3]) Мало того, Саѳа и въ византійской исторіи находитъ многочисленныя воплощенія Діонисія; таковымъ между прочимъ онъ считаетъ Константина Копронима и видитъ документальное тому доказательство въ сказаніи современника, что Копронимъ «являлся», какъ настоящій Вакхъ, съ киѳарою на ипподромѣ» (ογ′)! Къ тому же разряду свѣтлыхъ божествъ въ исторіи (sic), воплощеній Діониса и Александра Македонскаго, авторъ относитъ и Анастасія Дикора, царствованію котораго онъ придаетъ огромное значеніе (ρλβ′), и Василія II Болгаробойца (σχη′)! Откуда же добыть для этого основанія? К. Саѳа не затрудняется: во всѣхъ источникахъ онъ подозрѣваетъ умолчаніе, уничтоженіе документовъ и честныхъ свидѣтельствъ, даже просто поддѣлку со стороны негодныхъ византійцевъ; а честные эллины предпочитали молчать.

Чего нельзя доказать такимъ образомъ? Во всемъ итальянскомъ возрожденіи, какъ и выше сказано, Саѳа видитъ проявленіе эллинскаго духа, духа дѣятельнаго, стремившагося къ гетеріи и освобожденію Эллады, но въ общемъ возрожденіе онъ считаетъ движеніемъ неудавшимся: главари

---

1) О нихъ см. у Крумбахера Byz. Litt. стр. 362 и слѣд. и 460 и слѣд.

2) L. c. 459—460; но здѣсь же по близости (λβ′ и λγ′) разбросаны очень цѣнныя и во всякомъ случаѣ интересныя сопоставленія.

3) Съ тѣмъ же Діонисіемъ сближаетъ онъ и св. Димитрія Солунскаго, избивающаго Славянъ! (ιβ′) Но соображенія относительно связи чудесъ св. Димитрія на морѣ съ культомъ Діоскуровъ (σθ′) представляютъ значительный интересъ.

его, какъ кардиналъ Виссаріонъ, Аргиропуло и др., были слишкомъ преданы земнымъ благамъ (σιζ′), а итальянскіе государи отнеслись къ нему враждебно (!). Съ этой странной точки зрѣнія К. Саѳа разбираетъ нѣсколько поэтическихъ произведеній эпохи возрожденія (какъ ранняго, такъ и поздняго) [1]); памятники и факты, имъ приводимые, любопытны; его домыслы оригинальны, но мечтательны по полной ненаучности.

Чтобы дать понятіе о крайней смѣлости его миѳолого-лингвистическихъ конъектуръ, достаточно, думаемъ мы, привести одинъ рядъ его сопоставленій: нимфа *Авра* (Αὔρα), дочь титана Леланта, у него сближается съ *Ис-аврами*, *Лаурой* Петрарки, Фіаметтой Боккачіо, Богородицей Продрома (οη′), великой *Лаврой* св. Саввы, съ *labarum* (λαύαρον) и троянскимъ палладіумомъ и наконецъ съ дворцомъ *Магнаврой*, гдѣ погибъ Анастасій (πβ′)! [2]) Эти и имъ подобныя сближенія имѣютъ видъ какой-то эквилибристики ума, едва ли достойной серьезнаго ученаго, подготовленнаго, какъ немногіе въ Европѣ, къ плодотворной работѣ въ свѣжей и важной области византиновѣдѣнія. Но и среди этихъ «мечтаній» встрѣчаются многія интересныя и цѣнныя указанія; перечислять ихъ въ короткой рецензіи нѣтъ возможности, а мимоходомъ укажемъ на стрр. πζ′ и πη′, ρ′, ριζ′ ρξ′, σκδ′ и σκε′ и р.

Только въ самомъ концѣ своего введенія (гл. Е стр. σμα′ и слѣдд.) К. Саѳа сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній о томъ памятникѣ, къ чтенію котораго должны бы подготовлять предыдущія 240 страницъ.

Это хронографъ, написанный неизвѣстнымъ въ концѣ XIII вѣка. Авторъ его былъ уже вліятельнымъ человѣкомъ при никейскомъ императорѣ Ѳедорѣ II Ласкарисѣ (1254—1258); онъ писалъ послѣ освобожденія Константинополя отъ власти латиновъ, объ изгнаніи которыхъ онъ говоритъ, какъ очевидецъ. Издатель печатаетъ его по рукописи библіотеки св. Марка № 407, доставшейся ей отъ кардинала Виссаріона. На рукописи означены имена 3-хъ прежнихъ ея владѣльцевъ и писца, извѣстнаго эллиниста, учителя Медичисовъ, Іоанна Аргиропуло [3]); вторымъ ея владѣльцемъ былъ Ѳедоръ изъ Скутари, митрополитъ Кизика, извѣстный

---

1) Напр. онъ перепечатываетъ очень интересную поэму Элизія Каленція: Hector, horrenda apparitio (стр. ρξζ′), въ которой, по его убѣжденію, изображаются троянцы, какъ подземные демоны, воющіе съ эллинизмомъ и въ концѣ концовъ побѣждающіе его, подобно крестоносцамъ и Туркамъ (ρξα′).

2) Къ этой Аврѣ К. Саѳа возвращается и ниже (ρκε′) и сближаетъ ее вновь съ цѣлымъ рядомъ фигуръ изъ итальянской поэзіи и, съ другой стороны, изъ византійской исторіи и агіографіи. Вообще знакомство съ поэзіей возрожденія оказываетъ автору плохую услугу, расширяя его и безъ того слишкомъ широкій кругозоръ; такъ напр., въ Амадисѣ Галльскомъ онъ усматриваетъ аллегорическое изображеніе императора Льва Великаго (ρλδ′)! Основаніе для этого—имя рыцаря Primaleone!

3) Онъ умеръ около 1480 г. на 70-мъ году жизни. См. объ немъ Fabricii-Harles XI, стр. 460. О его переводахъ см. ib. III, 212, 214, 216, 237, 256. Ср. IX, 18. Ср. также E. Legrand: Bibliographie hellénique (XV—XVI S.) Paris 1885 I, 45, 51, 58, 59, 67 и пр. Ср. ib. II (письма къ нему Михаила Апостола) 242, 251, 256.

книжникъ. Рукопись, писанная такимъ образованнымъ знатокомъ языка, какъ Аргиропуло, не нуждалась въ большой критической работѣ по крайней мѣрѣ для перваго изданія; но новый хронографъ настоятельно требовалъ обслѣдованія и сличенія съ другими со стороны своего содержанія. Эту задачу К. Саѳа *предоставляетъ желающимъ*, а самъ, мимоходомъ указавъ на совпаденія извѣстій, сообщаемыхъ Анонимомъ, съ Никитой Хоніатомъ и Акрополитой, склоняется къ рѣшенію, что они всѣ трое заимствовали изъ одного общаго источника (σμθʹ). Кромѣ того онъ утверждаетъ, что издаваемый имъ анонимъ и въ изложеніи римской и ранней византійской исторіи пользовался источниками, до насъ не дошедшими, и указываетъ слѣдующіе случаи: онъ очень благосклонно относится къ Антонину Геліогабалу (стр. 33—35); онъ обстоятельно пересказываетъ плѣненіе Константина Великаго Персами и его чудесное освобожденіе *во время жертвоприношенія Миѳрѣ*, [1]) о которомъ только одинъ Кедренъ упоминаетъ вскользь; [2]) онъ производитъ иконоборческаго патріарха Никиту не *изъ славянъ*, какъ другіе, но изъ рабовъ (стр. 125 ἀπὸ δούλων), какъ Зонара, [3]) что̀ даетъ поводъ издателю сдѣлать вылазку противъ «невѣжественнаго тирольца», т. е. Фальмерайера, заподозрившаго чистоту крови новыхъ эллиновъ; и наконецъ издаваемый Саѳой анонимъ *нападеніе на Константинополь при Иракліѣ приписываетъ не Аварамъ, а Россамъ* (стр. 108 τῶν δὲ Ῥωσικῶν μονοξύλων εἰς πλῆθος διὰ τῆς θαλάσσης ἐν Βλαχέρναις θαλασσομαχούντων). Въ заключеніе, указывая на совпаденіе одного мѣста (стр. 25) своего анонима съ Малалою, К. Саѳа приходитъ къ заключенію, что первымъ источникомъ (πρώτη ἱστορικὴ πηγή стр. σναʹ) издаваемаго памятника былъ не Малала, но неизвѣстный намъ хронографъ, черпавшій, какъ и Малала, изъ Тимоѳея.

Уже и по этимъ немногимъ указаніямъ издателя можно заключить что новый хронографъ настойчиво требуетъ обстоятельной историко-литературной обработки, которую и намѣренъ предпринять нижеподписавшійся въ одной изъ будущихъ книжекъ «Временника»; теперь же я ограничусь немногими общими замѣчаніями.

Авторъ самъ назвалъ свой трудъ σύνοψις χρονική (4, 19), самъ говоритъ, что онъ найденное во многихъ пособіяхъ свелъ во едино (4, 9), и

---

1) Даже въ простомъ перечнѣ новыхъ данныхъ К. Саѳа не можетъ удержаться отъ своихъ ненаучно смѣлыхъ конъектуръ; по поводу Геліогабала онъ замѣчаетъ что и стратіоты возрожденія относились благосклонно къ этому поклоннику Александра, оклеветанному латинскимъ преданіемъ (σνʹ), и о Константинѣ говоритъ, что онъ былъ освобожденъ ἐν καιρῷ τῆς εἰς τὸν Μίθραν θυσίας, тогда такъ въ текстѣ сказано только, что Персы рѣшили принести Константина въ жертву τοῖς εἰδώλοις αὐτῶν (47).

2) ed, Bonn. 496, 14: καὶ αὐτὸς βασιλεὺς κατὰ Περσῶν ἀποδημεῖ. ἔνθα δὴ καὶ κρατηθεὶς θεοῦ προνοίᾳ τὰς τούτων ἀποδιδράσκει χεῖρας καὶ πρὸς τὸ Βυζάντιον ἐπαναστρέφει. Такъ какъ эти строки и отрывочная фраза ib. стр. 19 вставлены въ связный разсказъ о построеніи Константинополя, то и ихъ возможно принять за глоссы.

3) Не VII, 8, какъ цитируетъ Саѳа, а XV, 7 (ed. Dindorfii III, 352).

не одинъ разъ самъ себя поощряетъ къ краткости и бѣглому обзору [1]). Языкъ его простой, близкій къ разговорному, но всеже литературный языкъ, всѣмъ доступный—и много и мало учившимся. Книга его не лѣтопись въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ онъ заботится о связности разсказа и не прерываетъ его вставками, не загромождаетъ цыфрами, но всеже онъ не пренебрегаетъ хронологіей, указываетъ годы вступленія на престолъ и годы царствованія всѣхъ важнѣйшихъ государей, и хотя авторъ любитъ анекдоты и охотно пересказываетъ ихъ, но далеко не придаетъ имъ такого значенія, какъ напр. Константинъ Манасси. Исторія его не церковная, а свѣтская исторія государей: «Какъ каждый правилъ царствомъ и какъ пасъ своихъ подданныхъ, т. е. въ благочестіи ли и справедливости, или отвращался отъ прямого пути и не заботился о правдѣ» (4, 10—13), и точка зрѣнія его далеко не такая узко-церковная, какъ напр. у Θеофана [2]); но всеже онъ очень интересуется церковными дѣлами и, напр., упомянувъ о Митрофанѣ, еп. Византійскомъ, перечисляетъ всѣхъ его предшественниковъ, *начиная съ апостола Андрея Первозваннаго* (48, 22 и слѣдд.). Любопытную особенность его составляетъ стремленіе опредѣлять, гдѣ и въ какомъ именно гробу похороненъ каждый императоръ: онъ, очевидно, интересуется древностями Константинополя (πάτρια τῆς πόλεως), на что имѣли достаточное основаніе всѣ умные переселенцы Никейскіе послѣ 1261 г. Онъ проявляетъ мѣстами рѣдкую для писателей того времени наклонность къ обобщеніямъ и выводамъ, но плохое знаніе фактовъ иногда ведетъ его къ ложнымъ заключеніямъ.

Едва ли нужно и говорить о томъ, что издатель не перечислилъ и 20-ой доли новаго матеріала, неизвѣстнаго изъ другихъ источниковъ и вносимаго его анонимомъ; даже въ самыхъ избитыхъ пунктахъ римско-византійской исторіи встрѣчаются интересные имена и факты; укажу мимоходомъ на имя пастуха-спасителя Ромула и Рема — Σταίρυτος (20, 25) и на разсказъ о безумной любви императрицы Фаусты къ Кесарю Криспу (48, 10 слѣд.).

Буквальныя совпаденія анонима съ Малалой тоже далеко не ограничиваются случаемъ, который указалъ Саθа. Вотъ, напр., разсказъ о Кирѣ и Даніилѣ.

Mal. Bonn. 156, 4	Анон. 15, 27.
Ὁ δὲ προφήτης Δανιὴλ εἰσῆλθε πρὸς τὸν βασιλέα Περσῶν Κῦρον· καὶ λέγει αὐτῷ, Εἰπέ μοι εἰ νικῶ Κροῖσον τὸν βασιλέα Λυδῶν. καὶ ἀνεβάλετο τοῦ εἰπεῖν ὁ Δανιήλ· καὶ ἀγανακτή-	Ὁ δὲ προφήτης ἐλθὼν πρὸς τὸν Κῦρον, καὶ ἐρωτηθεὶς εἰ νικᾷ Κροῖσον, ἀνεβάλλετο εἰπεῖν. καὶ ὁ Κῦρος ἀγανακτήσας ἐνέβαλεν αὐτὸν εἰς τὸν λάκκον τῶν λεόντων, καὶ ἀβλαβῆ ἰδὼν

1) Напр. 53, 5—6: ἡμεῖς γὰρ σύνοψιν συντιθέμενοι, διὰ τὸ μῆκος παρεδράμομεν.

2) Такъ напр. двоеженство Валентиніана въ глазахъ Θеофана уничтожаетъ всѣ его достоинства (см. подъ 5860 г.); а анонимъ, упомянувъ о первомъ мимоходомъ, надолго останавливается на послѣднихъ (57, 29—60, 6).

σας κατ' αὐτοῦ ὁ βασιλεὺς ἔβαλεν αὐτὸν εἰς λάκκον λεόντων. καὶ μαθὼν ὅτι οὐδὲν ἔπαθεν ὑπὸ τῶν θηρίων, ἀνήνεγκεν αὐτὸν καὶ προσέπεσεν αὐτῷ λέγων, Ἥμαρτον εἴς σε· ἀλλ' εὖξαι τῷ θεῷ σου καὶ εἰπέ μοι εἰ δύναμαι ἀντιστῆναι τῷ ἅρπαγι τούτῳ и пр.

ἀνήγαγε, καὶ προσέπεσεν αὐτῷ λέγων· ἥμαρτον εἰς σέ, ἀλλ' εὖξαι τῷ Θεῷ σου καὶ εἰπέ μοι εἰ πολεμήσω Κροίσῳ и т. д.

Ср. также Анон. 16, 11—12 и Mal. 157, 16 и мн. др., и во всѣхъ этихъ случаяхъ, очевидно, анонимъ старается изложить разсказы Малолы [1]) покороче и попроще.

Еще больше такихъ, конечно, не случайныхъ совпаденій между анонимомъ и хроникой Константина Манасси. Такъ, напр., у послѣдняго читаемъ (стихъ 2394 и слѣд.), что Константій умираетъ:

Ταῦτα τὰ τρία πονηρὰ τὰ παρ'αὐτοῦ πραχθέντα
ἀνακλαιόμενος πικρῶς καὶ φέρων ἐπὶ γλώττης,
τοῦ Γάλλου τὴν ἀναίρεσιν ἀδίκως γεγονυῖαν
πίστεως τὴν παρατροπὴν καὶ τὴν καινοτομίαν
καὶ τὴν ἀνάρρησιν αὐτοῦ τοῦ θεομισεστάτου.

А у анонима (56, 16) Константій θνήσκει, μέγα ἐπιβοῶν καὶ ἑαυτοῦ καταγινώσκων ἐπὶ τοῖς τρισὶ τούτοις, τῷ τοῦ γένους φόνῳ, τῇ τοῦ ἀποστάτου ἀναρρήσει καὶ τῇ καινοτομίᾳ τῆς πίστεως.

Здѣсь совпаденіе не въ фактѣ, но въ выводѣ и въ способѣ его выраженія; немного ниже находимъ совпаденіе въ сравненіи; Манасси говоритъ объ искусствѣ Граціана въ стрѣляньѣ изъ лука (ст. 2452)

εὐστόχως δ'οὕτω τοι φασὶ Γρατιανὸν τοξεύειν
ὡς φρένας ἔχειν λέγεσθαι Γρατιανοῦ τὰ βέλη.

У анонима (62, 23) читаемъ:

Τοσοῦτον δὲ φασὶ τοῦτον εὐστόχως τοξεύειν, ὡς ᾄδεσθαι παρὰ πάντων τὰ Γρατιανοῦ βέλη φρένας ἔχειν и т. д.

Кстати о Константинѣ Манасси; и прежде было извѣстно о его сильномъ вліяніи на позднѣйшіе народные хронографы, но теперь послѣ статьи К. Прехтера [2]) это фактъ, вполнѣ установленный, провѣренный и разработанный. Къ сожалѣнію, авторъ этой статьи не зналъ о существованіи въ Московской синодальной библіотекѣ очень важнаго списка изслѣдованнаго имъ анонима, который описанъ архимандр. Владиміромъ подъ № 407 (по кат. арх. Саввы № 263, по Матт. CCI) такимъ образомъ: «Сборникъ, въ которомъ хронографъ, каноны, поемые на утрени, и житія святыхъ. Бумажн., XVI, 4, листовъ 388 (дл. $4^3/_4$, шир. $3^1/_2$ в.).

1) л. 1—250. Подъ заставкою написано: Βιβλίον χρονογραφικὴ ἐξήγησις

---

1) Само собою разумѣется, никто не можетъ ручаться за то, что это былъ именно *нашъ* Малала, а не другой какой хронографъ, изъ него или его источниковъ выписавшій эти мѣста.

2) K. Praechter, Eine vulgargriechische Paraphrase der Chronik des Konst. Manasses. Byz. Zeitschrift IV, 2. Lpz. 1895 (272—314).

τῆς τῶν Ῥωμαίων βασιλείας ἀπὸ κτήσεως κόσμου ἀρχομένη, ἕως τῆς βασιλείας κυροῦ Μανουὴλ, τοῦ Κομνηνοῦ. Нач. Ἀπ'ἀρχῆς ἐποίησεν ὁ Θεὸς τὸν οὐρανὸν χωρὶς ἄστρων.

Л. 251—285. Отъ Алексѣя II Комнина (1180—1183) до взятія Константинополя турками въ ,ςϡ ξα' (6961—1453 г.) мая 29.

Л. 285 об.—286. Ἑτέρα χρονογραφία περὶ Τούρκων съ ,ςωνδ' до ,ςμς' (съ 6854=1346 до 7047=1539)».

Затѣмъ слѣдуютъ каноны и житія.

Не зная ничего ни о предпринятой К. Прехтеромъ работѣ, ни о существованіи бернскаго кодекса XIV—XV в. № 596, на основаніи котораго она шла главнымъ образомъ, я заинтересовался среднею частію Синодальнаго хронографа (отъ Діоклитіана до Юстиніана), представляющею парафразъ Θеофана, но съ любопытными дополненіями, и началъ ее списывать. Теперь же замѣчу только, что сличеніе этой рукописи съ отрывками, напечатанными Прехтеромъ, доказываетъ сохранность и полноту ея текста, и можетъ существенно измѣнить генеалогическую таблицу рукописей, приложенную къ концу его изслѣдованія (стр. 313) [1].

Что касается до втораго памятника византійской исторіографіи, напечатаннаго Саθою подъ заглавіемъ: Ἀνωνύμου Ἔκθεσις χρονική (стр. 557—610), самъ издатель называетъ его ботикомъ (ἐφόλκιον), привязаннымъ къ гордому кораблю его анонима XIII в., и самъ заявляетъ, что напечаталъ его только въ качествѣ типичнаго представителя лѣтописныхъ скелетовъ, бывшихъ въ ходу въ Константинопольской патріархіи, послѣ паденія Константинополя. Это краткій обзоръ событій преимущественно церковной исторіи отъ Мануила Палеолога до временъ султана Селима I включительно, сохранившійся въ Оксфордской рукописи Lincoln College, уже давно описанный Коксомъ (Coxe, Catalogus Mss. etc. 7—9). Подобные эктезисы встрѣчаются въ огромномъ количествѣ и въ рукописяхъ и въ старопечатныхъ изданіяхъ (часто въ концѣ всемірныхъ хроникъ). Изданіе одного изъ нихъ, безъ указанія его отношенія къ другимъ, едва ли можетъ имѣть большое значеніе.

А. Кирпичниковъ.

---

1) Приведу важнѣйшія разночтенія къ отрывку, напечатанному на стр. 295 и слѣд. Синод. 41 об. читаетъ

δυνατὰς вм. δυνατὸν (строка 9,
ἔσσω » ἔσω (стр. 16,
πιστοὶ » πιστοὶ καὶ (25
πόλεων τῶν ἄλλων ἁπασῶν вм. ἀπὸ πασῶν τῶν πόλεων (31—2,
стр. 296:
εἰς τὴν ῥώμην, ἔσκαψαν вм. εἰς τὴν πόλιν ῥώμης, ἔσκαψεν (стр. 3—4,
μὲ ξίφους καὶ σφαγῶν вм. μετὰ ξίφους καὶ σφαγῆς (15—16,
κάτοντα вм. κάτοντα (26
стр. 297
ἦλθεν вм. ἤθελε (6
ἐστέναξεν ἀπὸ καρδίας вм. ἀνεστέναξε. 18 и т. д.

Émile Legrand, *Bibliographie hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiés par les Grecs au dix-septième siècle.* Paris. Alphonse Picard et fils, éditeurs. 1894—1895. T. I, II, III.

Этотъ новый трудъ заслуженнѣйшаго изъ французскихъ византиновѣдовъ и знатоковъ новогреческаго языка и литературы, о появленіи котораго въ свѣтъ мы были задолго предупреждены самимъ авторомъ, пріятно обманулъ наши ожиданія. Когда почти 10 лѣтъ назадъ вышли два почтенные тома его Эллинской Библіографіи XV и XVI в. в. (напечатанные всего въ количествѣ 325 экз. на счетъ кн. Георгія Маврокордато), внесшіе столько новыхъ и цѣнныхъ фактовъ въ исторію литературы возрожденія, мы были убѣждены, что огромная важность участія греческихъ ученыхъ переселенцевъ въ умственномъ движеніи Европы за тѣ два столѣтія достаточно мотивируетъ затрату труда почтеннаго изслѣдователя на подробное описаніе массы книгъ, изъ которыхъ едва ли пятая часть имѣютъ значеніе въ исторіи литературы и науки. Когда же мы 4 года назадъ узнали отъ Э. Леграна, что онъ готовитъ Эллинскую библіографію XVII вѣка въ такомъ же и даже бо̀льшемъ объемѣ, мы, каемся, подумали, что авторомъ руководитъ родъ ученаго каприза или библіографическаго коллекторства. Положимъ, Э. Легранъ такъ много сработалъ на пользу науки, что онъ можетъ позволить себѣ и любительскій капризъ, но для насъ было бы отраднѣе, еслибъ онъ употребилъ свою энергію и громадную подготовку на что либо болѣе насущное. Какой особый интересъ, думали мы, могутъ представлять греческіе книжники XVII вѣка? Уже съ середины предыдущаго столѣтія въ изученіи греческаго языка и литературы первое мѣсто стали занимать ученые западные, а въ XVII вѣка самый заурядный магистръ Парижскій, Гейдельбергскій или Падуанскій могъ съ успѣхомъ замѣнить соотечественниковъ Хризолора, Ѳедора Газы, Ласкарисовъ. Греческая оригинальная литература за это время бѣдна и памятниками и идеями; греки какъ будто примирились съ своимъ рабствомъ и не смѣли еще и мечтать о свободѣ. Правда, именно въ XVII вѣкѣ работали великіе византиновѣды и была, можно сказать, открыта Византія; но эти заслуженные колумбы почти сплошь люди запада: французы, нѣмцы, итальянцы; а если между ними и встрѣчаются греки по происхожденію, то совсѣмъ уже облатынившіеся. Въ Венеціи типографіи усердно работали греческими литерами, но октоихи и тріоди, изъ нихъ выходившіе, хоть и принесли въ свое время огромную пользу, всеже не настолько важны, чтобы Э. Легранъ могъ отдавать ихъ описанію свое драгоцѣнное время.

Но, какъ сказано выше, трудъ Леграна пріятно обманулъ наши ожиданія: «Эллинская библіографія» XVII вѣка оказалась въ своемъ родѣ такимъ же высокоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для науки, какъ и библіографія XVI вѣка.

Въ предисловіи авторъ заявляетъ, что теперь планъ его шире, нежели въ предыдущемъ трудѣ: тамъ онъ говорилъ только о произведеніяхъ

τῆς τῶν Ῥωμαίων βασιλείας ἀπὸ κτήσεως κόσμου ἀρχομένη, ἕως τῆς βασιλείας κυροῦ Μανουὴλ, τοῦ Κομνηνοῦ. Наг. Ἀπ'ἀρχῆς ἐποίησεν ὁ Θεὸς τὸν οὐρανὸν χωρὶς ἄστρων.

Л. 251—285. Отъ Алексѣя II Комнина (1180—1183) до взятія Константинополя турками въ ,ςϡξα' (6961—1453 г.) мая 29.

Л. 285 об.—286. Ἑτέρα χρονογραφία περὶ Τούρκων съ ,ςωνδ' до ,ςμς' (съ 6854=1346 до 7047=1539)».

Затѣмъ слѣдуютъ каноны и житія.

Не зная ничего ни о предпринятой К. Прехтеромъ работѣ, ни о существованіи бернскаго кодекса XIV—XV в. № 596, на основаніи котораго она шла главнымъ образомъ, я заинтересовался среднею частію Синодальнаго хронографа (отъ Діоклитіана до Юстиніана), представляющею парафразъ Θеофана, но съ любопытными дополненіями, и началъ ее списывать. Теперь же замѣчу только, что сличеніе этой рукописи съ отрывками, напечатанными Прехтеромъ, доказываетъ сохранность и полноту ея текста, и можетъ существенно измѣнить генеалогическую таблицу рукописей, приложенную къ концу его изслѣдованія (стр. 313) [1]).

Что касается до втораго памятника византійской исторіографіи, напечатаннаго Саѳою подъ заглавіемъ: Ἀνονύμου Ἔκθεσις χρονική (стр. 557—610), самъ издатель называетъ его ботикомъ (ἐφόλκιον), привязаннымъ къ гордому кораблю его анонима XIII в., и самъ заявляетъ, что напечаталъ его только въ качествѣ типичнаго представителя лѣтописныхъ скелетовъ, бывшихъ въ ходу въ Константинопольской патріархіи, послѣ паденія Константинополя. Это краткій обзоръ событій преимущественно церковной исторіи отъ Мануила Палеолога до временъ султана Селима I включительно, сохранившійся въ Оксфордской рукописи Lincoln College, уже давно описанный Коксомъ (Coxe, Catalogus Mss. etc. 7—9). Подобные эктезисы встрѣчаются въ огромномъ количествѣ и въ рукописяхъ и въ старопечатныхъ изданіяхъ (часто въ концѣ всемірныхъ хроникъ). Изданіе одного изъ нихъ, безъ указанія его отношенія къ другимъ, едва ли можетъ имѣть большое значеніе.

А. Кирпичниковъ.

---

1) Приведу важнѣйшія разночтенія къ отрывку, напечатанному на стр. 295 и слѣд. Синод. 41 об. читаетъ

δυνατὸς вм. δυνατὸν (строка 9)
ἔσσω » ἔσω (стр. 16)
πισταὶ » πισταὶ καὶ (25)
πόλεων τῶν ἄλλων ἁπασῶν вм. ἀπὸ πασῶν τῶν πόλεων (31—2)
стр. 296:
εἰς τὴν ῥώμην. ἔσκαψαν вм. εἰς τὴν πόλιν ῥώμης. ἔσκαψεν (стр. 3—4)
μὲ ξίφους καὶ σφαγῶν вм. μετὰ ξίφους καὶ σφαγὰς (18—19)
κάπουνα вм. κάπουα (26)
стр. 297:
ἦλθεν вм. ἤθελε (6)
ἐστέναξεν ἀπὸ καρδίας вм. ἀνεστέναξεν (18) и т. д.

вновь по новымъ архивнымъ документамъ или въ первый разъ обработанныя біографіи значительной части авторовъ, то намъ становится ясна до осязательности умственная жизнь этого способнаго, въ то время судьбою придавленнаго, но не задавленнаго племени. Оказывается, что греки были распространены тогда по всѣмъ странамъ, подобно евреямъ, но въ отличіе отъ послѣднихъ вездѣ искали общенія съ мѣстной интеллигенціей, стремились пропагандировать свои идеи, вездѣ учились, учили и печатали. Они даже въ немалыхъ духовныхъ чинахъ матрикулировались не только въ итальянскихъ университетахъ и въ Парижѣ, но и въ Германіи и Голландіи; греки со средствами учились и въ Оксфордѣ и Кентербери. Они, говоримъ мы, вездѣ печатали, и не только диссертаціи и классиковъ, не только книги и брошюры въ защиту православія, а чаще уніи съ католичествомъ, на что имъ, конечно, всегда добрые люди доставляли средства (рѣдко они увлекались кальвинизмомъ и лютеранствомъ), но и пропагандировали свой новый «простой» языкъ, и составляли греко-варварскіе словари (см. № 699, 702, ср. № 267 т. I, 363—88) и даже словари для отдѣльныхъ говоровъ (см. № 246). Они же составляли и иноязычныя грамматики (напр. арабскую), много писали и по медицинѣ и охотно становились итальянскими поэтами. Но центромъ ихъ чисто греческой книжной дѣятельности, конечно, была Венеція, многочисленныя типографіи которой усердно работали въ продолженіе всего столѣтія для православно-греческаго міра, и эти-то типографіи спасали въ это тяжелое и печальное время греческую народность! Въ самомъ началѣ XVII вѣка тамъ дѣйствуетъ истинный филэллинъ Антоній Пинелли, издававшій евангелія, псалтыри, орологіи, пентикостаріи, минеи служебныя, октоихи, синаксари, букварп, отдѣльныя житія святыхъ, учебники математики, а вмѣстѣ съ тѣмъ и чисто народныя книги: исторію Сузанны, Аполлонія Тирскаго, Эзопа, стихотворныя житія. Скоро типографія Пинелли (Антонія смѣняетъ Іоаннъ Петръ Пинелли) находитъ себѣ многочисленныхъ соперницъ; въ половинѣ 40-хъ годовъ явно побѣждаетъ всѣхъ Іоаннъ Антоній Юліани (онъ охотно сочинялъ предисловія), котораго къ концу 50-хъ замѣняетъ Андрей Юліани. Въ это время циклъ чтенія греческаго народа уже значительно расширился: не только духовные переводятъ на простой языкъ массу благочестивыхъ и укрѣпляющихъ въ православіи сочиненій; но кромѣ того, для болѣе образованныхъ людей, издаются и руководства по самымъ разнообразнымъ предметамъ: мореплаванію въ 1641 г. (Πορτολανος), садоводству и огородничеству (Γεωπονικόν 1647 г.) и пр. Съ начала 70-хъ гг. входитъ въ силу новый издатель: Николай Гликисъ (сперва онъ пишетъ себя Γλυκής, потомъ Γλυκύς; см. II, 360; онъ тоже довольно охотно сочиняетъ предисловія и посвященія); приблизительно черезъ 10 лѣтъ онъ далеко опередилъ всѣхъ другихъ по количеству изданій и въ 1687 г., хотя, по видимому, и не безъ денежной помощи Іоанна Кантакузена, берется за крупное предпріятіе (II, стр. 439)—изданіе полной Библіи. Дольше другихъ

его соперниковъ держится Андрей Юліани, который расширяетъ область народной греческой литературы и въ 1683 г. (№ 580) издаетъ Бертольда. Въ 80-хъ же годахъ начинаетъ дѣйствовать Николай Саръ (Саросъ), также издающій наиболѣе расхожія книги. Въ послѣдній годъ столѣтія, 1699-ый въ Венеціи издается цѣлый рядъ народныхъ книгъ, между прочимъ и исторія Александра Македонскаго. Многія венеціанскія типографіи этого столѣтія выступаютъ въ Библіографіи Леграна 3—4 и болѣе разъ и потомъ изчезаютъ, очевидно, будучи не въ силахъ соперничать съ Гликою, Саромъ и нѣкоторыми другими. Усердно работаютъ греческими литерами и римскія типографіи, но тамъ издатели имѣютъ цѣлію вовсе не поддержаніе греческой народности (хотя и издаютъ книги на народномъ языкѣ), а распространеніе уніи или католицизма.

Въ своей бывшей столицѣ Константинополѣ греки печатаютъ съ 1626 г. (Никодимъ Метакса), но очень немного. О типографіяхъ въ другихъ греческихъ городахъ, напр. въ Аѳинахъ, ничего не слышно; да и можно ли ожидать чего либо подобнаго, когда тамъ на улицахъ рѣзали высокопоставленныхъ людей, находившихся, повидимому, подъ спеціальной охраной правительства Порты, какъ это видно изъ трагической исторіи Михаила Лимбоны, изложенной у Леграна II. 386 и слѣд.? Какъ ни была гостепріимна Венеція по отношенію къ греческой книгѣ, всеже тамъ цензура была католическая, и греки явно искали возможности печататься въ странахъ православныхъ, гдѣ они могли бы свободно обличать католиковъ. Уже въ 1642 г. была напечатана въ Яссахъ книжка въ монастырѣ Трехъ Іерарховъ (см. № 708 т. III, 89). Въ 1680 г. тамъ основалъ типографію Досиѳей, патріархъ іерусалимскій, нашелъ между огреченными Валахами нѣсколькихъ высокихъ покровителей, и дѣло закипѣло (см. №№ 565, 574, 575, 610 и пр.); скоро появилась греческая типографія въ Бухарестѣ: стали выпускать св. Писаніе на 2-хъ языкахъ (№ 652); не пренебрегали и поучительными памятниками византійской литературы (№ 643); но больше всего выпускали книгъ спеціально духовныхъ и богослужебныхъ. Въ 1[illegible] г. до крайности безграмотно печатаютъ греческую книжку о горѣ Синаѣ въ Львовѣ (№ 619, II, 449).

Для исторіи умственной жизни юго-западной Руси въ трудѣ Леграна вообще оказывается очень цѣнный и интересный матеріалъ; отмѣтимъ напр. № 400 (II. 52 и слѣд.), брошюру о побѣдѣ венеціанскаго флота надъ Турками съ обширнымъ посвященіемъ Зиновію Хмѣльницкому, гетману Россіи; отмѣтимъ № 562, подъ которымъ описана книга: Brevis delineatio ecclesiae orientalis, изд. въ Нюренбергѣ въ [illegible] г., авторомъ которой былъ Евстратій Ивановичъ Зязовскій [illegible]; отмѣтимъ всю дѣятельность Петра Аркудія, уроженца о. Корфу (біографія его см. III. 209), который долго дѣйствовалъ въ Россіи и Польшѣ, писалъ противъ знаменитой книги: Апокризисъ Христофора Филалета, и вообще принималъ дѣятельное участіе въ полемикѣ изъ-за уніи. Для исторіи Мо

любопытенъ № 71 (I, стр. 90 и слѣд., 2-ое изд. въ 1682 г. см. подъ № 572): Βίος Δημητρίου βασιλέως Μοσχοβίας Σαντομήρου βοϊβόντου, καὶ ἀρχόντων τῆς Λεχίας, въ политическихъ риѳмованныхъ стихахъ, изд. въ 1612 г. у Антонія Пинелли; авторъ ея, горячій сторонникъ Лжедимитрія, — какой то Матвѣй Политисъ, архимандритъ смоленскій: μέσα εἰς τὴν Σμολένισκα, στὸ σπᾶς τὸ μοναστήρι.

Книга Леграна даетъ много цѣннаго матеріала и для исторіи итальянской литературы XVII вѣка; укажемъ для примѣра на подробное въ 34 страницы описаніе книги: Le glorie cadute dell'antichissima ed Augustissima Famiglia Comnena (№ 455, II стр. 151—184), одного изъ характернѣйшихъ явленій. Легранъ почти также щедръ и по отношенію къ исторіи, какъ можно видѣть, напр., изъ перечисленія всѣхъ благородныхъ фамилій на остр. Корфу въ 1672 г. и др. т. п.

Что же касается спеціальной задачи Библіографіи — новогреческой литературы, то здѣсь новые и интересные факты встрѣчаются чуть не на каждой парѣ страницъ, и еслибъ мы стали перечислять и характеризовать на основаніи собраннаго Леграномъ матеріала (онъ часто приводитъ большіе и характерные отрывки; работы же его въ обширномъ архивѣ греческой коллегіи въ Римѣ даютъ ему возможность представить рядъ живыхъ біографій) массу стихотворцевъ и прозаиковъ эллинскаго происхожденія, дѣйствовавшихъ въ XVII вѣкѣ, нашъ отчетъ обратился бы въ обширную статью. Достаточно указать на то, что самому Леграну этотъ матеріалъ далъ возможность дополнить и объяснить многое въ важнѣйшихъ изъ его прежнихъ изданій: Collection des Monuments (см. напр. № 661 къ поэмѣ Ἱστορία τοῦ Ταγιαπέτρου) и Bibliothèque grecque vulgaire (см. напр. № 563 къ Bibl. gr. vulg. II, 123—137).

Изъ знаменитыхъ византиновѣдовъ въ эллинскую Библіографію XVII вѣка цѣликомъ попалъ только одинъ Левъ Алляцій, и для пониманія его роли Легранъ даетъ много совершенно новаго матеріала; жаль только, что онъ не могъ воспользоваться прекрасной его характеристикой, помѣщенной въ книгѣ В. Г. Васильевскаго: «Обозрѣніе трудовъ по византійской исторіи» (Вып. I Спб. 1890 стр. 46 и слѣд.), хотя съ другой стороны нельзя не признать, что характеристика проф. Васильевскаго была бы несравненно полнѣе, еслибъ авторъ могъ воспользоваться тѣмъ, что предлагаетъ Э. Легранъ.

Въ общемъ, мы увѣрены, что всякій, кто хотя поверхностно ознакомится съ «Эллинской Библіографіей XVII вѣка» (прекрасно, даже роскошно изданной и снабженной тремя внимательно составленными, и подробными указателями), признаетъ ее крупнымъ вкладомъ въ науку и необходимымъ пособіемъ, которое должно найдти себѣ почетное мѣсто въ каждой порядочной библіотекѣ.

Нельзя не выразить за нее благодарности и издателю, рѣшившемуся на довольно крупную затрату.

А. Кирпичниковъ.

его соперниковъ держится Андрей Юліани, который расширяетъ область народной греческой литературы и въ 1683 г. (№ 580) издаетъ Бертольда. Въ 80-хъ же годахъ начинаетъ дѣйствовать Николай Саръ (Саросъ), также издающій наиболѣе расхожія книги. Въ послѣдній годъ столѣтія, 1699-ый въ Венеціи издается цѣлый рядъ народныхъ книгъ, между прочимъ и исторія Александра Македонскаго. Многія венеціанскія типографіи этого столѣтія выступаютъ въ Библіографіи Леграна 3—4 и болѣе разъ и потомъ изчезаютъ, очевидно, будучи не въ силахъ соперничать съ Гликою, Саромъ и нѣкоторыми другими. Усердно работаютъ греческими литерами и римскія типографіи, но тамъ издатели имѣютъ цѣлію вовсе не поддержаніе греческой народности (хотя и издаютъ книги на народномъ языкѣ), а распространеніе уніи или католицизма.

Въ своей бывшей столицѣ Константинополѣ греки печатаютъ съ 1626 г. (Никодимъ Метакса), но очень немного. О типографіяхъ въ другихъ греческихъ городахъ, напр. въ Аѳинахъ, ничего не слышно; да и можно ли ожидать чего либо подобнаго, когда тамъ на улицахъ рѣзали высокопоставленныхъ людей, находившихся, повидимому, подъ спеціальной охраной правительства Порты, какъ это видно изъ трагической исторіи Михаила Лимбоны, изложенной у Леграна II. 386 и слѣд.? Какъ ни была гостепріимна Венеція по отношенію къ греческой книгѣ, всеже тамъ цензура была католическая, и греки явно искали возможности печататься въ странахъ православныхъ, гдѣ они могли бы свободно обличать католиковъ. Уже въ 1642 г. была напечатана въ Яссахъ книжка въ монастырѣ Трехъ Іерарховъ (см. № 708 т. III, 89). Въ 1680 г. тамъ основалъ типографію Досиѳей, патріархъ іерусалимскій, нашелъ между огреченными Валахами нѣсколькихъ высокихъ покровителей, и дѣло закипѣло (см. №№ 568, 574, 578, 610 и пр.); скоро появилась греческая типографія въ Бухарестѣ; стали выпускать св. Писаніе на 2-хъ языкахъ (№ 652); не пренебрегали и поучительными памятниками византійской литературы (№ 643); но больше всего выпускали книгъ спеціально духовныхъ и богослужебныхъ. Въ 1688 г. до крайности безграмотно печатаютъ греческую книжку о горѣ Синаѣ *во Львовѣ.* (№ 619, II, 449).

Для исторіи умственной жизни югозападной Руси въ трудѣ Леграна вообще оказывается очень цѣнный и интересный матеріалъ; отмѣтимъ напр. № 400 (II, 52 и слѣд.), брошюру о побѣдѣ венеціанскаго флота надъ Турками съ обширнымъ посвященіемъ Зиновію Хмѣльницкому, *игемону Россіи*; отмѣтимъ № 562, подъ которымъ описана книга: Brevis delineatio ecclesiae orientalis, изд. въ Нюренбергѣ въ 1681 г. авторомъ которой былъ Евстратій Ивановичъ Зяловскій Ruthenus; отмѣтимъ всю дѣятельность Петра Аркудія, уроженца о. Корфу (біографію его см. III, 209), который долго дѣйствовалъ въ Россіи и Польшѣ, писалъ противъ знаменитой книги: Апокризисъ Христофора Филалета, и вообще принималъ дѣятельное участіе въ полемикѣ изъ-за уніи. Для исторіи Москвы

гого памятника, и потомъ оказывалось, что памятникъ уже изданъ, что вся работа пропала даромъ. Теперь, благодаря каталогу Болландистовъ, уже не можетъ быть мѣста подобнымъ неожиданностямъ и разочарованіямъ. До сихъ поръ было извѣстно два каталога греческихъ житій святыхъ: одинъ составленъ извѣстнымъ Фабриціемъ и дополненъ Гарлесомъ, другой, общій для житій святыхъ греческихъ и латинскихъ, Потгастомъ, представившимъ въ систематическомъ порядкѣ, между прочимъ, перечень житій святыхъ, помѣщенныхъ въ Acta Sanctorum. Но первый каталогъ, не утратившій своего научнаго значенія и доселѣ, имѣетъ въ виду житія какъ оригинальныя, такъ и переводныя, какъ изданныя, такъ и не изданныя; второй указываетъ хотя и напечатанныя житія, но только изданныя въ Актахъ, вслѣдствіе чего не можетъ претендовать ни на полноту, ни на обстоятельность указаній. Болландисты не приняли системы Фабриція, то-есть, не имѣли въ виду дополнять его каталогъ, находя такую работу пока преждевременной вслѣдствіе постоянно увеличивающагося рукописнаго агіографическаго матеріала; они предполагаютъ сначала описать всѣ библіотеки, какъ общественныя, такъ и частныя, и только тогда, повидимому, зададутся цѣлью на основаніи этихъ частныхъ каталоговъ составить по образцу Фабриція одинъ общій каталогъ съ указаніемъ именъ святыхъ и житій и актовъ ихъ по всѣмъ спискамъ и по всѣмъ изданіямъ. Но они не приняли и систему Потгаста, слишкомъ недостаточную и мало знакомящую хотя бы даже съ внѣшнимъ обликомъ памятника, а избрали особый путь, правда, скромный, но за то очень точный, предложивъ почти всѣ важнѣйшія данныя для предварительнаго ознакомленія съ тѣмъ или другимъ житіемъ.

Такъ прежде всего мы читаемъ *имя святаго* въ латинской транскрипціи и алфавитѣ. Болландисты внесли въ книгу далеко не всѣ имена греческихъ святыхъ, извѣстныхъ намъ напримѣръ по каталогу Потгаста; они отмѣтили только тѣ изъ нихъ, которыя связаны или съ полными ихъ житіями, или съ похвальными словами. Большинство именъ, имѣющее лишь краткія минейныя и минологныя памяти, въ каталогъ Болландистовъ не вошло. Имена святыхъ, день памяти которыхъ неизвѣстенъ или не общепринятъ, заключены въ скобки. Воспоминанія, связанныя съ именами Іисуса Христа, Богородицы и пр., помѣщены подъ словами Iesus Christus, Crux, Maria. Болѣе или менѣе обширные сборники дѣяній и мыслей благочестивыхъ лицъ можно найти подъ словомъ patrum vitae. Именъ ветхозавѣтныхъ лицъ въ Bibliotheca мы не найдемъ, за то подъ словомъ Prophetae собрано довольно святоотеческихъ сочиненій касательно пророковъ вообще. Когда воспоминаются нѣсколько святыхъ вмѣстѣ, у Болландистовъ мы не замѣчаемъ однообразія въ системѣ: иногда они указываютъ каждое изъ этихъ именъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ каталога, иногда ограничиваются упоминаніемъ объ нихъ въ одномъ только мѣстѣ. Такъ, напримѣръ, библіографическія указанія сдѣ-

ланы подъ словомъ Sergius, но и подъ словомъ Bacchus найдемъ отмѣтку vide *Sergius*; съ другой стороны въ аналогичныхъ примѣрахъ Cosmas et Damianus, Chrysanthus [1]) et Daria, отсутствуютъ Damianus vide *Cosmas*, Daria vide *Chrysanthus*. Еще большее неудобство при пользованіи представляютъ такія указанія, какъ *Bernices*, *Prosdoces et Domnina*, безъ ссылки въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ на *Domnina*, лицо главное между этими тремя святыми, по которому обыкновенно и отыскиваютъ ихъ. Итакъ, на первомъ планѣ стоитъ *имя святаю* съ указаніемъ на его общественное положеніе.

Затѣмъ слѣдуетъ *день памяти святаго*. Греческая и римская церковь очень часто празднуютъ памяти того или другого святаго не въ одинъ день и даже не въ одномъ мѣсяцѣ, вслѣдствіе чего Болландистамъ пришлось почти каждый разъ къ имени святаго присоединять двѣ даты, изъ которыхъ первая есть дата греческой, вторая — римской церкви; впрочемъ, ученая конгрегація въ данномъ случаѣ не имѣла въ виду спеціальнаго разсмотрѣнія этого вопроса, отсылая читателей за болѣе обстоятельными справками къ Acta Sanctorum и къ Annus ecclesiasticus graeco-slavicus покойнаго о. И. М. Мартынова. При раздѣленіи именъ святыхъ сообразно съ требованіями алфавита Болландисты каждый разъ при всякомъ имени непремѣнно отмѣчаютъ и день его памяти — для бо̀льшаго различенія между тезоименниками. *Днемъ памяти* святаго оканчивается первое, внѣшнее его опредѣленіе. Нельзя не выразить здѣсь глубокаго сожалѣнія, что ученое общество Іисуса упустило изъ вида одно существенное опредѣленіе того или другого святаго, не обративъ вниманія на время жизни подвижниковъ, если не на годы, то по крайней мѣрѣ на столѣтія ихъ процвѣтанія. Нѣтъ сомнѣнія, что есть много такихъ житій святыхъ, изъ которыхъ не представляется возможнымъ вывести какого либо заключенія о времени жизни и подвиговъ святаго, до того они отличаются общими мѣстами и отсутствіемъ какихъ либо положительныхъ чертъ; тѣмъ не менѣе огромное большинство святыхъ все-таки можетъ быть пріурочено къ опредѣленнымъ хронологическимъ датамъ, какъ видно изъ каталога Потгаста. Надобно надѣяться, что при второмъ изданіи «Библіотеки» Болландисты восполнятъ этотъ важный пробѣлъ въ своемъ превосходномъ трудѣ.

Опредѣливъ личность святаго, авторы переходятъ затѣмъ къ *агіографическимъ свѣдѣніямъ* о нихъ, какъ-то: мученія, житія, перенесенія мощей, похвалы, бесѣды и чудеса, если они встрѣчаются въ рукописяхъ въ качествѣ самостоятельныхъ статей. Болландисты долго колебались при выборѣ этихъ памятниковъ: раждался вопросъ, надо ли указывать на всѣ такого рода произведенія, или выбрать только тѣ изъ нихъ, которыя написаны современниками, лицами болѣе или менѣе близкими ко времени жизни святаго, или вообще агіографами, которые, стало быть,

1) Болландисты пишутъ (p. 24) Chrysanthes, однако неправильно; ср. ихъ же правописаніе (p. X): Chrysantho Loparev.

отличаются полнотою свѣдѣній и оригинальностью. Послѣ долгаго обсужденія ученая конгрегація рѣшила вопросъ во второмъ смыслѣ: помѣстила Passiones, Vitae, Translationes и Miracula, но обошла молчаніемъ краткія жизнеописанія или памяти святаго въ Минологіи имп. Василія, въ Минеяхъ, Синаксаряхъ и Службахъ, обошла молчаніемъ и тѣ полныя житія, которыя представляютъ собою новогреческій переводъ подлинниковъ. Не споримъ, что привлеченіе къ дѣлу этихъ чисто библіографическихъ указаній заняло бы много времени, потребовало бы много труда, но совсѣмъ тѣмъ все-таки жаль, что этой работы не сдѣлано, что библіографія о святыхъ не отличается полнотою. Утѣшеніемъ для насъ служитъ обѣщаніе Болландистовъ современемъ издать изслѣдованіе о Минеяхъ, Синаксаряхъ и Службахъ, безъ чего, дѣйствительно, трудно пожалуй и дѣлать на нихъ ссылки. Дѣло въ томъ, что Минейные греческіе тексты двоякаго происхожденія: одни отличаются несомнѣнною древностью, другіе напротивъ составлены уже въ позднее время разными компиляторами, внесшими въ текстъ свои собственные домыслы. Современный изслѣдователь, читая минейные тексты, написанные исключительно на языкѣ византійскомъ, поставленъ часто въ затруднительное положеніе по вопросу объ оцѣнкѣ того или другого минейнаго текста въ литературномъ или историческомъ отношеніи [1]); не принимать ихъ во вниманіе нельзя, такъ какъ это все-таки источники, но и пользоваться довѣрчиво ими также не возможно, такъ какъ часто эти свидѣтельства сами обличаютъ свое позднее происхожденіе. Для примѣра возьмемъ св. Стефана Савваита (стр. 121). Если бы Болландисты задались цѣлью собрать всевозможныя свѣдѣнія о немъ, они должны были бы, кромѣ житія его, написаннаго Леонтіемъ, сослаться также и на минейный текстъ; но что же мы здѣсь читаемъ? Οὗτος ὁ ὅσιος περὶ τὰ τέλη τοῦ ὀγδόου αἰῶνος ἀκμάσας... [2]). Византійцы такъ не выражались; это выраженіе книжника не ранѣе XVI—XVII столѣтія; поэтому, минейная запись или память не есть источникъ самостоятельный, который по цѣнности подходилъ бы къ житію, написанному Леонтіемъ; чистое надо отдѣлять отъ мутнаго. Болландисты предвидѣли, что имъ не избѣжать затрудненій, неточностей и даже ошибокъ, и конечно поступили какъ нельзя болѣе благоразумно, имѣя дѣло только съ житіями, словами и чудесами. Повторяемъ: жаль, что библіографія не полная, но понимаемъ ученую осторожность издателей. Впрочемъ, иногда они вносятъ и краткія памяти въ книгу, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда представляется очень труднымъ указать ихъ происхожденіе, справедливо полагая, что лучше внести проблематичное, нежели опустить полезное. Такъ появились статьи: о Діонисіѣ Ареопагитѣ (изъ Свиды), объ Іоаннѣ Златоустомъ, о Софіи, о Ѳеодорѣ Студитѣ, объ апостолахъ Ѳомѣ и Титѣ. Въ отношеніи житій

1) Ср. Памятники Древней Письменности, 1892, XCI, 6.

2) Μηναῖον, Βενετία, 1843, 28 октября, стр. 172.

мы замѣтили одну неточность у Болландистовъ: говоря о св. Модестѣ Іерусалимскомъ (p. 93), они считаютъ два житія его: Καὶ ὁ θαυμαστὸς Μόδεστος и Οὗτος ὁ τοῦ Θεοῦ θαυμάσιος ἄνθρωπος, но это неправильно, такъ какъ второе изъ нихъ есть только свободный новогреческій переводъ иверійца Іероѳея 1721 года. Этотъ іеромонахъ въ книгѣ Λόγοι καὶ παραινέσεις τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἐφραὶμ τοῦ Σύρου (Ἐνετίησι 1721) издалъ въ переводѣ на общепринятый языкъ пятнадцать житій святыхъ: Симеона Столпника (1 сентября), Маманта, Евфимія, Киріака, въ томъ числѣ и Модеста. Какъ переводъ, онъ не заслуживаетъ права на занятіе особаго мѣста въ ряду оригинальныхъ памятниковъ агіографіи; если же была необходимость упомянуть объ этомъ переводѣ, то надобно было это сдѣлать подъ житіемъ Καὶ ὁ θαυμαστὸς Μόδεστος, а съ другой стороны привлечь къ дѣлу и упомянутую книгу Іероѳея, чтобы воспользоваться его переводами всѣхъ житій. Съ точки зрѣнія издателей, лучше бы было совсѣмъ устранить изъ библіографіи житіе Οὗτος ὁ τοῦ Θεοῦ θαυμάσιος ἄνθρωπος и скорѣе помѣстить на его мѣсто Минейное житіе Οὗτος ἐξ ὀρθοδόξων [1]), какъ память во многомъ несогласную съ основнымъ житіемъ и имѣющую, стало быть, свое неопредѣленное происхожденіе.

Слѣдующій затѣмъ вопросъ, поставленный Болландистами, касается *авторовъ* агіографическихъ произведеній. Въ этомъ отношеніи новаго ничего они не дали, а напротивъ даже ограничили наши свѣдѣнія объ агіографахъ. Такъ, говоря о св. Евсевіи (Ксеніи), они не упомянули, что житіе ея написано Кирилломъ епископомъ г. Миласы (въ Каріи) [2]); опустили, что житіе св. Григорія Агригентинскаго (стр. 50) написано Леонтіемъ пресвитеромъ монастыря *св. Савы въ Римѣ* [3]), что житіе св. Іоанна Силенціарія (p. 65) написано *Кирилломъ*, св. Маріи Египетской (p. 83)—*патр. Софроніемъ*, Мученіе 20 мучениковъ Саваитскихъ (p. 87) — *Стефаномъ Саваитомъ*, житіе Св. Нила (p. 98) — *Варѳоломеемъ*, Симеона Столпника (p. 122) — *Антоніемъ* и *Космою*, и т. д. Въ одномъ случаѣ мы замѣтили lapsus calami: житіе патр. Евтихія написано не а Eustratio presb. (p. 46) а παρ' Εὐσταθίου πρεσβυτέρου [4]). Такъ, наконецъ, Болландисты обошли полнымъ молчаніемъ дѣятельность знаменитаго Симеона Метафраста: упоминая объ его обработкахъ старыхъ житій, они умышленно не называютъ его имени, ссылаясь на то, что подъ именемъ Симеона существуетъ много житій, ему не принадлежащихъ. Безспорно, что писцы и даже издатели всякое агіографическое анонимное произведеніе въ боль-

---

1) Пам. Древн. Письм. XCI, 56—60.

2) Assemani, Calend. VI, 404; Le-Quien, Oriens christ. I, 921.

3 Въ житіи св. Григорія Декаполита (стр. 51) не упомянуто объ агіографѣ Игнатіѣ, и совершенно благоразумно, такъ какъ очень трудно вѣрить рукописному преданію вслѣдствіе другихъ прямыхъ указаній.

4) На той же страницѣ подъ 2. Vita св. Евѳимія по опечаткѣ ложно указ P. G., XIV, вмѣсто: P. G., CXIV.

отличаются полнотою свѣдѣній и оригинальностью. Послѣ долгаго обсужденія ученая конгрегація рѣшила вопросъ во второмъ смыслѣ: помѣстила Passiones, Vitae, Translationes и Miracula, но обошла молчаніемъ краткія жизнеописанія или памяти святаго въ Минологіи имп. Василія, въ Минеяхъ, Синаксаряхъ и Службахъ, обошла молчаніемъ и тѣ полныя житія, которыя представляютъ собою новогреческій переводъ подлинниковъ. Не споримъ, что привлеченіе къ дѣлу этихъ чисто библіографическихъ указаній заняло бы много времени, потребовало бы много труда, но совсѣмъ тѣмъ все-таки жаль, что этой работы не сдѣлано, что библіографія о святыхъ не отличается полнотою. Утѣшеніемъ для насъ служитъ обѣщаніе Болландистовъ современемъ издать изслѣдованіе о Минеяхъ, Синаксаряхъ и Службахъ, безъ чего, дѣйствительно, трудно пожалуй и дѣлать на нихъ ссылки. Дѣло въ томъ, что Минейные греческіе тексты двоякаго происхожденія: одни отличаются несомнѣнною древностью, другіе напротивъ составлены уже въ позднее время разными компиляторами, внесшими въ текстъ свои собственные домыслы. Современный изслѣдователь, читая минейные тексты, написанные исключительно на языкѣ византійскомъ, поставленъ часто въ затруднительное положеніе по вопросу объ оцѣнкѣ того или другого минейнаго текста въ литературномъ или историческомъ отношеніи [1]); не принимать ихъ во вниманіе нельзя, такъ какъ это все-таки источники, но и пользоваться довѣрчиво ими также не возможно, такъ какъ часто эти свидѣтельства сами обличаютъ свое позднее происхожденіе. Для примѣра возьмемъ св. Стефана Саваита (стр. 121). Если бы Болландисты задались цѣлью собрать всевозможныя свѣдѣнія о немъ, они должны были бы, кромѣ житія его, написаннаго Леонтіемъ, сослаться также и на минейный текстъ; но что же мы здѣсь читаемъ? Οὗτος ὁ ὅσιος περὶ τὰ τέλη τοῦ ὀγδόου αἰῶνος ἀκμάσας... [2]). Византійцы такъ не выражались; это выраженіе книжника не ранѣе XVI—XVII столѣтія; поэтому, минейная запись или память не есть источникъ самостоятельный, который по цѣнности подходилъ бы къ житію, написанному Леонтіемъ; чистое надо отдѣлять отъ мутнаго. Болландисты предвидѣли, что имъ не избѣжать затрудненій, неточностей и даже ошибокъ, и конечно поступили какъ нельзя болѣе благоразумно, имѣя дѣло только съ житіями, словами и чудесами. Повторяемъ: жаль, что библіографія не полная, но понимаемъ ученую осторожность издателей. Впрочемъ, иногда они вносятъ и краткія памяти въ книгу, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда представляется очень труднымъ указать ихъ происхожденіе, справедливо полагая, что лучше внести проблематичное, нежели опустить полезное. Такъ появились статьи: о Діонисіѣ Ареопагитѣ (изъ Свиды), объ Іоаннѣ Златоустомъ, о Софіи, о Ѳеодорѣ Студитѣ, объ апостолахъ Ѳомѣ и Титѣ. Въ отношеніи житій

1) Ср. Памятники Древней Письменности, 1892, XCI, 6.

2) Μηναῖον, Βενετία, 1843, 28 октября, стр. 172.

мы замѣтили одну неточность у Болландистовъ: говоря о св. Модестѣ Іерусалимскомъ (р. 93), они считаютъ два житія его: Καὶ ὁ θαυμαστὸς Μόδεστος и Οὗτος ὁ τοῦ Θεοῦ θαυμάσιος ἄνθρωπος, но это неправильно, такъ какъ второе изъ нихъ есть только свободный новогреческій переводъ иверійца Іероѳея 1721 года. Этотъ іеромонахъ въ книгѣ Λόγοι καὶ παραινέσεις τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἐφραὶμ τοῦ Σύρου (Ἐνετίῃσι 1721) издалъ въ переводѣ на общепринятый языкъ пятнадцать житій святыхъ: Симеона Столпника (1 сентября), Маманта, Евфимія, Киріака, въ томъ числѣ и Модеста. Какъ переводъ, онъ не заслуживаетъ права на занятіе особаго мѣста въ ряду оригинальныхъ памятниковъ агіографіи; если же была необходимость упомянуть объ этомъ переводѣ, то надобно было это сдѣлать подъ житіемъ Καὶ ὁ θαυμαστὸς Μόδεστος, а съ другой стороны привлечь къ дѣлу и упомянутую книгу Іероѳея, чтобы воспользоваться его переводами всѣхъ житій. Съ точки зрѣнія издателей, лучше бы было совсѣмъ устранить изъ библіографіи житіе Οὗτος ὁ τοῦ Θεοῦ θαυμάσιος ἄνθρωπος и скорѣе помѣстить на его мѣсто Минейное житіе Οὗτος ἐξ ὀρθοδόξων [1]), какъ память во многомъ несогласную съ основнымъ житіемъ и имѣющую, стало быть, свое неопредѣленное происхожденіе.

Слѣдующій затѣмъ вопросъ, поставленный Болландистами, касается *авторовъ* агіографическихъ произведеній. Въ этомъ отношеніи новаго ничего они не дали, а напротивъ даже ограничили наши свѣдѣнія объ агіографахъ. Такъ, говоря о св. Евсевіи (Ксеніи), они не упомянули, что житіе ея написано Кирилломъ епископомъ г. Миласы (въ Каріи) [2]); опустили, что житіе св. Григорія Агригентинскаго (стр. 50) написано Леонтіемъ пресвитеромъ монастыря *св. Савы въ Римѣ* [3]), что житіе св. Іоанна Силенціарія (р. 65) написано *Кирилломъ,* св. Маріи Египетской (р. 83)—*патр. Софроніемъ,* Мученіе 20 мучениковъ Саваитскихъ (р. 87) — *Стефаномъ Саваитомъ,* житіе Св. Нила (р. 98) — *Варѳоломеемъ,* Симеона Столпника (р. 122) — *Антоніемъ* и *Космою,* и т. д. Въ одномъ случаѣ мы замѣтили lapsus calami: житіе патр. Евтихія написано не a Eustratio presb. (р. 46) а παρ' Εὐσταθίου πρεσβυτέρου [4]). Такъ, наконецъ, Болландисты обошли полнымъ молчаніемъ дѣятельность знаменитаго Симеона Метафраста: упоминая объ его обработкахъ старыхъ житій, они умышленно не называютъ его имени, ссылаясь на то, что подъ именемъ Симеона существуетъ много житій, ему не принадлежащихъ. Безспорно, что писцы и даже издатели всякое агіографическое анонимное произведеніе въ боль-

---

1) Пам. Древн. Письм. XCI, 56—60.

2) Assemani, Calend. VI, 404; Le-Quien, Oriens christ. I, 921.

3) Въ житіи св. Григорія Декаполита (стр. 51) не упомянуто объ агіографѣ Игнатіѣ, и совершенно благоразумно, такъ какъ очень трудно вѣрить рукописному преданію вслѣдствіе другихъ прямыхъ указаній.

4) На той же страницѣ подъ 2. Vita св. Евѳимія по опечаткѣ ложно указано P. G., XIV, вмѣсто: P. G., CXIV.

шинствѣ случаевъ надписывали именемъ Метафраста, что въ числѣ житій, собраніе которыхъ занимаетъ въ Патрологіи Миня три тома (114—116), кое-что приписано Симеону безъ достаточныхъ основаній; тѣмъ не менѣе, какъ намъ кажется, ученая осторожность издателей въ данномъ случаѣ едва ли заслуживаетъ признанія. Изъ боязни, что то или другое житіе они могутъ ошибочно приписать Метафрасту, они сочли болѣе правильнымъ совсѣмъ игнорировать имя Симеона, отсылая читателей къ изслѣдованію о его сочиненіяхъ Льва Алляція и къ упомянутымъ томамъ Патрологіи Миня. Если общество Іисуса желало представить каждую строку и каждое слово своей книги какъ нѣчто совершенно непреложное, то еще вопросъ, достигло ли оно этого исключеніемъ имени знаменитаго агіографа? Нѣтъ ошибки, но есть досадная неполнота, стоющая ошибки. Намъ кажется, что помимо ученыхъ соображеній, Болландисты вообще съ трудомъ переносятъ имя Метафраста, этого, по ихъ выраженію, funestissimi hominis, qui Graecorum rem hagiographicam penitus vastavit. Довольно замѣтнымъ недостаткомъ въ этомъ вопросѣ является неопредѣленность времени жизни агіографовъ; конечно, часто положительно невозможно доискаться тутъ точности, хотя бы и условной; тѣмъ не менѣе, гдѣ можно было опредѣлить точнѣе личность агіографа, тамъ весьма полезно было бы это сдѣлать.

Далѣе Болландисты приводятъ *начало* и *конецъ* каждаго памятника; чрезвычайно важная вещь при разсмотрѣніи списковъ и при опредѣленіи редакцій. Въ виду того, что греческія житія почти всегда оканчиваются славословіемъ, издатели концомъ житія считаютъ непосредственно предшествующія этому славословію слова, затѣмъ ставятъ нѣсколько точекъ и заключаютъ выписки словомъ ἀμήν.

Выписками изъ агіографическихъ памятниковъ, собственно говоря, и оканчивается опредѣленіе личности святаго; слѣдующіе два вопроса — указаніе *мѣста печати* и *списковъ*, на основаніи которыхъ изданія сдѣланы,—составляютъ, такъ сказать, уже примѣчанія къ предшествующему вопросу. Въ отношеніи цитатъ Болландисты придерживались извѣстной системы и порядка: давали предпочтеніе изданіямъ болѣе критическимъ, которыя помѣщали прежде всего, хотя бы они появились и позже другихъ изданій; не упуская изъ вида монументальныхъ изданій (Acta Sanctorum и Patrologia Graeca), ученые старались дѣлать указанія и на первоизданія, на книги старинныя и рѣдкія, хотя бы онѣ были и мало критичны [1]). Изъ библіографіи опущены только школьныя изданія житій.

---

1) Мы замѣтили, что Болландисты упустили изъ вида первое изданіе книги Ruinart'a (Acta primorum martyrum, Parisiis 1689) и сообразно съ этимъ не указали изъ него на житія: Прова, Тараха и Андроника (р. 458—492, съ пропускомъ нѣсколькихъ строкъ подлинника въ концѣ), Никифора (р. 244—251) и Игнатія Антіохійскаго (р. 696—708). Равнымъ образомъ не сдѣлано ссылки на житіе патр. Никифора у Migne (Patr. Graeca, C. 41—160). Изъ разныхъ справокъ мы заключили, что

Въ отношеніи *списковъ* издатели старались быть также краткими и точными; называя мѣсто нахожденія и нумеръ рукописи, они, впрочемъ, не указываютъ на время ихъ написанія, такъ что при чтеніи и справкахъ съ ихъ книгою не знаешь, когда святой жилъ, когда написано и по сколь древней рукописи издано его житіе. Но тутъ отчасти вина прежнихъ публикаторовъ, которые не только не отмѣчали времени списка, но нерѣдко не указывали и его нумера. Бѣда, конечно, поправима: въ наше время большинство греческихъ рукописей описано довольно подробно, и недостатокъ указаній въ Bibliotheca можетъ быть пополненъ изъ печатныхъ каталоговъ греческихъ манускриптовъ.

Для образца приведемъ нѣсколько опредѣленій святыхъ, сдѣланныхъ Болландистами:

Anatolius ep. C.-politanus. Iul. 3.

Vita. Inc. Ἀνατολίου τὴν ἡλίου δίκην λάμψασαν πολιτείαν.—Des. δογμάτων εὐσεβῶν κρηπὶς καὶ ἑδραίωμα... ἀμήν.

Act. SS., Iulii I, 659—666, ms. Reg. 1387.

Artemius m. Antiochiae in Syria. Oct. 20.

1. Passio a. Iohanne mon. Inc. Τὰ τοῦ μεγάλου καὶ ἐνδόξου μάρτυρος Ἀρτεμίου.—Des. καὶ εἰς πάσας τὰς ἐκκλησίας διεπέπψαντο (sic)... δόξα.

Mai, *Spicilegium Romanum*, IV, 340—97, ms. Vatic.; *Act. SS.*, Octob. VIII. 856—84; *P. G.* XCVI, 1251—1380.

2. Passio. Inc. Μετὰ τὴν τοῦ κυρίου καὶ σωτῆρος ἡμῶν εἰς οὐρανοὺς ἀνάληψιν.—Des. καὶ διέμεινεν εἰς δεῦρο τῷ τοῦ προδρόμου ναῷ... ἀμήν.

P. G., CXV, 1160—1212, ms. Paris. 1480.

Болландисты сознаютъ неполноту агіографическихъ памятниковъ и библіографическихъ указаній и обращаются съ просьбою къ читателямъ содѣйствовать имъ подобнаго рода справками, въ виду предполагаемаго ими втораго изданія «Библіотеки». Съ сердечною радостью привѣтствуя появленіе давно желаннаго, весьма тщательно выполненнаго Болландистами труда, вмѣняемъ себѣ въ обязанность, по мѣрѣ силъ, откликнуться на это истинно ученое дѣло и внести свою лепту въ сокровищницу агіографіи [1]).

[*Antonius* iunior. Sub iconomachis. Circa an. 840].

Vitae fragmentum. Inc. Ὁ ὅσιος πατὴρ οὗτος Ἀντώνιος ἐξ ἀρχοντικῆς ἀξίας. — Des. κρυφαίως εἰς τὸ κοιτάριον αὐτοῦ ἀπετίθει, ὅπερ ἀναστρέφων εὕρισκεν ὁ Ἀντώνιος.

Συναγωγὴ τῶν θεοφθόγγων ῥημάτων καὶ διδασκαλιῶν τῶν θεοφόρων καὶ ἁγίων πατέρων, ἀπὸ πάσης γραφῆς θεοπνεύστου συναθροισθεῖσα, οἰκείως τε καὶ προσφόρως ἐκτεθεῖσα παρὰ Παύλου τοῦ ὁσιωτάτου μοναχοῦ καὶ κτήτορος (sic) μονῆς τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου τῆς Εὐεργέτιδος, καὶ Εὐεργετινοῦ ἐπικαλουμένου, ληφθεῖσα ἐκ τῆς βιβλιοθήκης τῆς ἐν τῷ

житіе Григорія еп. Агригентскаго издано въ Bibliotheca Patrum Graecorum (ed. a Ducaeo), I, однако книги этой подъ руками не имѣли и не знаемъ, издано оно по гречески, или только въ латинскомъ переводѣ.

1) Мы опускаемъ здѣсь тѣ дополненія, которыя сдѣланы печатно К. Крумбахеромъ въ вышеуказанномъ разборѣ.

ἁγιωνύμῳ ὄρει ἱερᾶς, βασιλικῆς τε καὶ πατριαρχικῆς μονῆς τοῦ Κουτλουμούση ἐπονομαζομένης. Πρῶτον μὲν ἐξεδόθη δαπάνης τοῦ εὐγενεστάτου Ἰωάννου Κάννα, ἤδη δὲ τὸ δεύτερον ἀνατυποῦται αἰτήσει καὶ γενναίᾳ συνδρομῇ τῶν ἐν τῷ ἁγιωνύμῳ ὄρει τοῦ Ἄθω ἁγίων πατέρων πρὸς ὠφέλειαν τῶν ἐντευξομένων ὑπὸ Κ. Λ. υἱῶν Θ. Φωκαέως καὶ συντροφίας. Ἐν Κωνσταντινουπόλει 1861, I, 116—118.

Это совершенно малоизвѣстный святой, котораго нѣкоторые склонны считать инокомъ Савина монастыря, относя память его къ 13 (?) ноября, а кончину къ 796 году. Впрочемъ, тѣ скудныя свѣдѣнія, которыя содержатся въ указанномъ отрывкѣ, не позволяютъ согласиться съ этимъ. Антоній, состоя въ санѣ архонта, полюбилъ уединеніе и удалился въ послѣдствіи въ Кійскій монастырь въ Виѳиніи. Онъ исполнялъ здѣсь самыя черныя работы и сдѣлался извѣстнымъ игумену; ἦν δὲ οὗτος Ἰγνάτιος ὁ ἀοίδιμος, ὁ καὶ τὸ μοναστήριον ἰδίοις κόποις ἐν Κυρίῳ δειμάμενος. Одежда и обувь его совершенно износились; ἅπερ ὑποδήματα, говоритъ житіе, κατεδέξατο φορέσαι διὰ τὴν τοῦ μακαρίτου ἐπισκόπου Παύλου παράκλησιν. Итакъ мы имѣемъ четыре данныхъ для сужденія объ Антоніѣ: ἐπὶ τῶν εἰκονομάχων, τὸ κατὰ τὴν Κίον τῆς Βιθυνῶν ἐπαρχίας διαβόητον κοινόβιον, Ἰγνάτιος ὁ ἡγούμενος, ὁ μακαρίτης ἐπίσκοπος Παῦλος. Весьма вѣроятно, что подъ епископомъ Павломъ слѣдуетъ разумѣть епископа Павла Прусіадскаго (въ Виѳиніи), подвергавшагося гоненіямъ со стороны иконоборцевъ и почившаго въ мирѣ, какъ думаютъ, около 845 или 850 года. Дата эта ни на чемъ не основана; одинакова возможность отнести кончину его и къ болѣе раннему времени, къ періоду иконоборчества, что будетъ вполнѣ согласно съ житіемъ св. Антонія. Съ другой стороны, подъ Игнатіемъ (οὗτος ὁ ἀοίδιμος), быть можетъ, слѣдуетъ разумѣть будущаго патріарха Игнатія: игуменъ Игнатій собственными трудами построилъ Кійскій монастырь, но и будущій патріархъ, въ санѣ игумена, построилъ монастырь «Восточный» или «Сатира», и дѣятельность его въ этомъ отношеніи распространялась не только на Виѳинію, но и на Принцевы острова [1]). Игнатій вступилъ на патріаршій престолъ въ 846 году; нѣсколько предшествовавшихъ лѣтъ онъ, стало быть, провелъ въ Кійскомъ монастырѣ, гдѣ у него и служилъ подъ началомъ Антоній. Такимъ образомъ время подвижничества Антонія относится къ 840-мъ годамъ.

Iesus Christus D. N.

7. Sermo de Transfiguratione a Theophane Cerameo s. XII. Inc. Οἷόν τι πάσχειν εἴωθε ποιμήν. — Des. μυηθῆναι τρανώτερόν τε καὶ καθαρώτερον τὸ τῆς τριάδος μυστήριον· γένοιτο, γένοιτο.

Τοῦ σοφωτάτου καὶ ῥητορικωτάτου Θεοφάνους τοῦ ἐπίκλην Κεραμέως ἀρχιεπισκόπου Ταυρομενίου τῆς Σικελίας Ὁμιλίαι. Ἐν Ἱεροσολύμοις 1860 p. 251—259. Cod. Constantinop. Metoch., Chiens.

8. Sermo de Ascensione a Theophane Cerameo. Inc. Λαμπρὰ τῷ ὄντι καὶ περιφανὴς ἡ παροῦσα πανήγυρις.—Des. τῷ Θεῷ ἀρρήτως ἑνούμενοι... ἀμήν.

Ibidem p. 171—175.

---

1) Ср. Hergenröther, Photius, I. 356.

Iohannes Baptista.

10. Sermo de decollatione a Theophane Cerameo. Inc. Καλῶς ἐφήρμοσεν ἡ τάξις τὴν τοῦ προδρόμου τελείωσιν.—Des. ταύτης καὶ ἡμεῖς ἐπιβαίνοιμεν καὶ τῶν ἐν αὐτῇ ἀϊδίων ἀγαθῶν ἀπολαύσαιμεν... ἀμήν.

Ibidem p. 263—267.

Maria Deipara.

37*. Sermo in Annuntiationem a Theophane Cerameo. Inc. Σήμερον ἡ ἐκκλησία δᾳδουχεῖται μυστικῶς καὶ πυρσεύεται.—Des. λόγον γὰρ οὔπω φέρων, ὅπερ εἶχεν ἀπέδωκε σκίρτημα... ἀμήν.

Ibidem p. 225—229.

54 . Sermo in Dormitionem a. Iohanne Phurno s. XII(?) Inc. Περὶ τῆς μεταστάσεως τοῦ πανσέπτου σώματος τῆς τετοκυίας τὸν Λόγον ὑπὲρ λόγον τὴν γλῶτταν κινεῖν βουλόμενος. — Des. δύνασαι γὰρ ἅπαν, ὃ βούλει ποιεῖν, ὡς βασιλὶς καὶ μητρόθεος... ἀμήν.

Ibidem p. 271—276. Cod. Metoch. Constantinop.

61. Ὑπόμνημα...

Gedeon, Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια, III (указано А. И. Пападопуло-Керамевсомъ въ его предисловіи къ житію патр. Германа).

[*Martyres XIII* a Latinis in Cypro ins. an. 1231 cremati]. Narrato. Inc. Εἰ καὶ τὴν παιδείαν ἄμοιρος καὶ ἀμέτοχος ἐγὼ ὁ τάλας. — Des. ὕστερον δὲ διὰ πυρὸς δοκιμασθέντες· καὶ ἐπληρώθη εἰς αὐτοὺς τὰ τοῦ προφήτου Δαυὶδ ῥήματα· διήλθομεν διὰ πυρὸς καὶ ὕδατος καὶ ἐξήγαγες ἡμᾶς εἰς ἀναψυχήν... ἀμήν.

K. Σάθα, Μεσαιωνικὴ Βιβλιοθήκη. Ἐν Βενετίᾳ 1873, II, 20—39.

Pancratius ep. Tauromenii m. Sec. I. Iun. 13, iul. 9, febr. 28, april. 3.

1. Vita ab Euagrio Siculo coaevo (?). Inc. Ἐγένετο μετὰ τὸ ἀναληφθῆναι Κύριον ἡμῶν.

A. Vesselovskij. Эпизодъ о Таврѣ и Менiѣ въ апокрифическомъ житіи св. Панкратія, въ его «Изъ исторіи романа и повѣсти». Спб. 1886, I, 65—128 (excerpta pluriora). Cod. Synod. Mosq., № 15 (23) an. 1023 [1]).

До IX столѣтія житіе это считалось памятникомъ глубокой древности и пользовалось всеобщимъ уваженіемъ. Θеодоръ Студитъ, которому Питра приписываетъ два пѣснопѣнія Панкратію [2]), въ письмахъ своихъ отъ 814 и 823 годовъ цитировалъ изъ него слова ап. Петра по отношенію къ иконамъ [3]) для доказательства иконопочитанія. Недоразумѣнію положилъ конецъ иконоборческій инокъ Григорій Алеѳійскій, который, доказывая православному иноку Θалелею неправильность почитанія иконъ, около 818 года заподозрилъ подлинность житія Панкратія. Θалелей сообщилъ объ этомъ Θеодору Студиту и послѣдній, какъ видно изъ его письма [4]), не могъ не согласиться въ душѣ съ Григоріемъ, хотя цитатамъ изъ житія онъ все-таки продолжалъ придавать большое значеніе.

---

1) По новому Описанію рукописей арх. Владиміра (М. 1894), рукопись указана подъ № 381 (f. 122 v.—226 r.).

2) Pitra. Anecdota sacra, Paris. 1876, I. 583—585.

3) Творенія Θеодора Студита. Спб. 1867, II, 23; ср. 203, 513.

4) Тамъ же, II. 139.

Patrum vitae.

7. Συναγωγή, указанное выше, въ которомъ помѣщены отрывки изъ житій: Синклитикіи, Антонія, Іоанна Милостиваго и множества другихъ.

[*Sabas* iunior in Atho, Sec. XIV].

Vitae a. Philotheo patriarcha s. XIV fragmenta. Inc. Ὁ ὁσιώτατος πατὴρ ἡμῶν Σάββας ὁ θαυμάσιος, ὁ πρώην Στέφανος ὀνομαζόμενος. — Des. τὰ περὶ τὴν Θεσσαλονίκην ἤδη διιοῦντες ἦσαν καὶ χαλεπῶς τοὺς μὲν ἀναιροῦντες, τοὺς δ' ἐξανδραποδίζοντες. Inc. Νὺξ ἦν. ἐμοὶ δὲ τῇ εὐχῇ φιλοπονώτερον προσκειμένῳ. — Des. καίτοι γε τῆς θαυμαστῆς θεωρίας ἐκείνης ἐξ ὀφθαλμῶν ἤδη μοι γεγονυίας.

Порфирій Успенскій, Востокъ христіанскій, Аѳонъ. Спб. 1892, III (подъ ред. П. А. Сырку), 657—658, 726—727. Cod. Vatoped.

Theophano imperatrix. Circa an. 893. Dec. 16. Iul.

Sermo a Nicephoro Gregora s. XIV. Inc. Ἔστι ταύτῃ πατρὶς μὲν ἡ κρατίστη καὶ βασιλὶς τῶν πόλεων.—Des. τὸ δὲ σῶμα πρὸς τὴν τοῦ θείου Κωνσταντίνου μετηνέχθη μονήν.

I. Hergenröther, Monumenta graeca ad Photium ejusque historiam pertinentia. Ratisbonae 1869 p. 72—83. Cod. Mon. 10 s. XVI. Другой кодексъ (Vindob. Theol. graec. № 279 f. 108) цитируетъ Ѳ. И. Успенскій въ Ж. М. Н. Пр. 1891, I, 128.

Слово, изданное Гергенретеромъ, не полное: не говоря уже о концѣ, въ немъ недостаетъ, повидимому, и начала, вступленія: Πολλοὶ μὲν πολλάκις τῶν ἀρετῇ καὶ συνέσει. Похвала св. Ѳеофаніи была написана современникомъ ея, назвавшимъ себя ὁ ζωγραφεὺς Μιχαὴλ ὁ βλαχερνίτης, какъ видно изъ Ватиканскаго Менологія [1]), но она не дошла до нашего времени.

Хр. Лопаревъ.

2. БИБЛІОГРАФІЯ.

РОССІЯ.

Епископъ Арсеній, ***Нила Дамилы, іеромонаха критскаго, отвѣтъ греко-латинскому монаху Максиму на его письмо въ защиту латинскихъ новостей въ вѣрѣ.*** Греческій текстъ и русскій переводъ. Новгородъ. 1895. Стр. I—III+96. — Нилъ Дамила, греческій полемистъ конца XIV вѣка, родился на островѣ Критѣ, подвизался въ монастырѣ Каркасійскомъ въ городѣ Іерапетрѣ, на южномъ берегу этого острова. Мнѣніе о тожествѣ іеромонаха

---

1) Ср. Pitra, Anecdota sacra, I, 648—649, гдѣ приведенъ отрывокъ изъ службы ей. Мы, конечно, опускаемъ здѣсь перепечатки житій въ болѣе или менѣе обширныхъ отрывкахъ, какъ-то: изъ житія Климента Болгарскаго у Бодянскаго (О времени происхожденія словенскихъ письменъ. М. 1855), стр. 10—12; изъ житія Киріака (2. vita) у И. В. Помяловскаго: Памятники Древней Письменности, 1891, LXXXIII; изъ Martyres XV Tiberiopoli — у М. И. Соколова (Изъ древней исторіи Болгаръ). Спб. 1879, стр. 246—247; изъ Monachi in Sina — у г. Помяловскаго: Пам. Др. Письм. 1891, LXXXIII, и т. д. Подобнаго рода указанія завели бы насъ слишкомъ далеко, да и не отвѣчали бы идеѣ, положенной Болландистами въ книгу.

Нила съ Ниломъ, митрополитомъ родосскимъ, жившимъ во второй половинѣ XIV вѣка, не имѣетъ за собою достаточнаго основанія. Покойный архимандритъ Андроникъ Димитракопуло въ своемъ сочиненіи «'Ορθόδοξος 'Ελλάς... 'Εν Λειψίᾳ. 1872» говоритъ о четырехъ произведеніяхъ Нила Дамилы противъ латинянъ, основываясь на спискахъ Парижской Національной библіотеки. Но въ спискѣ Московской Синодальной библіотеки (№ 207), по которому епископъ Арсеній издалъ настоящій «отвѣтъ» и который сходенъ съ рукописью Софійской Новгородской (въ библіотекѣ с.-петербургской духовной академіи), четыре произведенія Нила соединены въ одно. Сочиненіе Нила Дамилы представляетъ отвѣтъ на письмо доминиканца Максима Хрисоверга, который около 1396 года прибылъ, вѣроятно, изъ Венеціи на островъ Критъ, распространялъ здѣсь латинское ученіе, дважды публично состязался о вѣрѣ съ Іосифомъ Вріенніемъ и послалъ ему, а также и іеромонаху Нилу приглашенія войти въ единеніе съ латинянами. Въ своемъ отвѣтѣ на письмо Максима Нилъ Дамила, основываясь на свящ. Писаніи и твореніяхъ св. отцевъ и учителей церкви, излагаетъ православное ученіе о порядкѣ (τάξις) во Святой Троицѣ и исхожденіи Св. Духа отъ Отца и доказываетъ, что послѣднее ученіе было господствующимъ и въ западной церкви до времени папы Христофора, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ и акты собора 861 года.

Священникъ Іоаннъ Ковалевскій, *Юродство о Христѣ и Христа ради юродивые восточной и русской церкви. Историческій очеркъ и житія сихъ подвижниковъ благочестія.* Москва. 1895. Стр. 272.— Книга состоитъ изъ введенія и двухъ частей, изъ которыхъ первая содержитъ пять главъ, а вторая—три. Во веденіи и первыхъ четырехъ главахъ первой части (стр. 1—86) рѣчь идетъ о юродствѣ Христа ради съ нравственно-аскетической точки зрѣнія: — заповѣдуется ли оно свящ. Писаніемъ и ученіемъ церкви, въ чемъ состоитъ его сущность и значеніе, ведетъ ли юродство къ нравственному совершенству, не служитъ ли оно поводомъ къ соблазну, говорится о трудностяхъ этого подвига и т. п. Пятая глава первой части (стр. 86—131) имѣетъ историческій характеръ. Здѣсь сообщается, что юродство возникло на востокѣ вмѣстѣ съ появленіемъ монашества и первоначально развилось въ Египтѣ, откуда распространилось по другимъ странамъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ Ефремъ Сиринъ, описавшій жизнь первой по времени юродивой св. Исидоры, подвизавшейся въ Тавеннѣ, и—Евагрій въ 21 гл. I кн. своей исторіи. Представителями подвига юродства въ восточной церкви были: блаж. Исидора (IV в.), препод. Серапіонъ Синдонитъ (V в.), Виссаріонъ Чудотворецъ (V в.), св. Симеонъ (VI в.), пр. Θома (VI в.) и св. Андрей (880—946); въ книгѣ подробно излагаются житія этихъ юродивыхъ. Во второй части (стр. 132—272) книги о. Ковалевскаго разсматривается исторія юродства въ русской церкви. Указавши на то, что иночество на Руси было воспроизведеніемъ монашества византійскаго и что вмѣстѣ съ другими видами подвижничества русскими было заимствовано изъ Греціи и

юродство, авторъ говоритъ о процвѣтаніи этого особенно любимаго народомъ подвига въ древней Руси, а также въ новое время, говоритъ о мнимомъ юродствѣ въ Россіи и борьбѣ съ нимъ духовной и гражданской власти и излагаетъ житія двадцати русскихъ юродивыхъ, начиная съ пр. Исаакія Затворника (XI в.) и заканчивая бл. Симономъ юрьевецкимъ (XVI в.). — Разсматриваемая книга написана исключительно по русскимъ пособіямъ.

Петръ Сладкопѣвцовъ, *Древнія палестинскія обители и прославившіе ихъ св. подвижники,* выпускъ первый. Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. С.-Петербургъ. 1895. Стр. I—III+189.—Книга посвящена «историческимъ судьбамъ древнихъ иноческихъ обителей и пустынь Св. Земли». Послѣ общаго очерка подвижничества въ Св. Землѣ, въ которомъ кратко излагается исторія возникновенія, развитія (V и VI в.) и упадка (VII—XII в.) монашества въ Палестинѣ, отлившагося въ двѣ формы подвижничества—общежительную (киновія) и отшельническую (лавра), авторъ подробно повѣствуетъ о судьбахъ каждой изъ палестинскихъ обителей, возникшихъ въ *четвертомъ* вѣкѣ, причемъ въ изложеніи придерживается хронологическаго порядка возникновенія каждаго монастыря, слѣдитъ за состояніемъ обителей до новѣйшаго времени, если имѣются историко-археологическія данныя, и описываетъ подвиги процвѣтавшихъ въ той или иной обители подвижниковъ. Такимъ образомъ въ книгѣ сообщаются свѣдѣнія о слѣдующихъ палестинскихъ обителяхъ IV вѣка съ описаніемъ жизни ихъ подвижниковъ: св. Харитона Исповѣдника—Фаранской, Іерихонской и Суккійской; пр. Иларіона Великаго, пр. Силвана, Елевѳерапольской, при храмѣ Воскресенія въ Іерусалимѣ; пр. Меланіи Старшей, бл. Іеронима и Павлы Римлянки въ Виѳлеемѣ и св. Креста въ Іерусалимѣ. Въ концѣ выпуска помѣщенъ указатель собственныхъ именъ.

А. И. Кирпичниковъ, *Къ иконографіи Сошествія Св. Духа* (Древности. Труды И. Московскаго Археологическаго Общества. т. XV, вып. I, стр. 1—15).—Въ греческой церкви Сошествіе св. Духа является праздникомъ вполнѣ установившимся въ концѣ IV вѣка. Къ тому же времени относятся и литературныя свидѣтельства (Григорія Назіанзина, Іеронима и Sacramentarium Galasianum) для его иконографіи. Древнѣйшія же изображенія праздника (ампула Монцы и софійская мозаика) принадлежатъ VI вѣку. Слѣдя за дальнѣйшимъ развитіемъ иконографіи Сошествія св. Духа *по миніатюрамъ востока и запада,* проф. Кирпичниковъ излагаетъ только тѣ факты и заключенія, которыхъ нѣтъ въ книгѣ проф. Покровскаго: «Евангеліе въ памятникахъ иконографіи». Въ частности здѣсь описываются миніатюры въ кодексѣ Эгберта (IX в.), въ рукописяхъ Парижской Національной библ. № 9561 и 9428, въ пурпуровомъ кодексѣ и др. На основаніи изученія миніатюръ, проф. Кирпичниковъ считаетъ твердо установленнымъ фактомъ, что Богоматерь, отсутствующая въ византійскихъ изображеніяхъ Сошествія св. Духа, въ ико-

нографіи западной закрѣпляется постепенно, вмѣстѣ съ общимъ развитіемъ культа Мадонны, и къ концу среднихъ вѣковъ становится главной, центральной фигурой; а центральная женская фигура на сосудѣ изъ Монцы, въ евангеліи Раввулы и въ армянскомъ кодексѣ въ Болоньѣ имѣетъ историческо-символическій смыслъ: она означаетъ церковь. Обращаясь къ византійско-русской иконографіи праздника, проф. Кирпичниковъ находитъ мотивы для композиціи Космоса въ памятникахъ церковной литературы. Къ статьѣ приложены четыре снимка миніатюръ.

Н. Лихачевъ, *О разрѣшительныхъ грамотахъ восточныхъ патріарховъ* (Древности, т. XV, в. II, стр. 77—88).—На Востокѣ съ давняго времени существовалъ обычай выдавать живымъ людямъ грамоты, разрѣшающія отъ грѣхомъ (римскія индульгенціи). Этотъ обычай былъ занесенъ восточными іерархами и въ Россію. Извѣстно, что отпускныя отъ грѣховъ грамоты на Руси выдавали патріархи: александрійскій—Паисій (1669 г.), константинопольскій—Аѳанасій (1653), сербскій—Гавріилъ (1655) и др. Хотя разрѣшительныя грамоты печатались въ значительномъ количествѣ и для многихъ восточныхъ іерарховъ, но сохранилось ихъ очень мало, такъ какъ онѣ по самому своему назначенію должны были сопровождать разрѣшеннаго отъ грѣховъ въ могилу. Къ существующимъ памятникамъ этого рода г. Лихачевъ присоединилъ еще разрѣшительную грамоту, данную отъ имени іерусалимскаго патріарха Парѳенія (1737—1766) Логину И. Лихачеву; къ статьѣ приложенъ фототипическій снимокъ съ грамоты.

М. Сперанскій, *Апокрифическія «Дѣянія св. Андрея» въ славяно-русскихъ спискахъ* (тамъ же, стр. 35—75).—Изложивъ происхожденіе и исторію апокрифическихъ сказаній объ апостолахъ вообще и опредѣливъ отношеніе современнаго текста сказаній къ греческимъ индексамъ, г. Сперанскій переходитъ къ апокрифу о св. Андреѣ, признаетъ, что древнѣйшимъ по времени считается греческій текстъ «дѣяній ап. Андрея у человѣкоядцевъ», который сталъ источникомъ переводовъ латинскаго, англосаксонскаго, сирскаго, эфіопскаго и славянскаго, и кратко излагаетъ содержаніе памятника. Замѣтивши дальше, что разсматриваемый апокрифъ рано перешелъ изъ Византіи на славянскую почву, авторъ перечисляетъ славянскіе тексты его—сербскій и русскіе и задается цѣлію опредѣлить болѣе точное отношеніе славянскихъ текстовъ другъ къ другу и къ греческимъ. Результатъ изслѣдованія таковъ: переводъ сдѣланъ на одно изъ славянскихъ нарѣчій (м. б. старо-славянское) съ греческаго текста, до нынѣ неизвѣстнаго и не отличавшагося уже большой правильностію, а этотъ переводъ, въ свою очередь, сталъ источникомъ редакцій: сербской, передающей текстъ ближе другихъ къ подлиннику, и русской, славянскій оригиналъ которой былъ уже нѣсколько испорченъ, такъ что число отступленій отъ оригинала греческаго еще значительнѣе. Наконецъ, предлагается обзоръ русскихъ текстовъ, въ основу котораго положенъ издаваемый списокъ Тверскаго музея.

Д. Айналовъ, *Мозаики IV и V вѣковъ. Изслѣдованія въ области иконографіи и стиля древне-христіанскаго искусства. Римъ* (Журналъ Министерства Нар. Просв., 1895, апрѣль, стр. 241—309). — Въ предисловіи г. Айналовъ характеризуетъ фресковую живопись катакомбъ, которою начинается христіанская декоративная живопись. Разсмотрѣвши способы и пріемы декораціи въ катакомбахъ, онъ переходитъ къ новому декоративному стилю, сдѣлавшему рѣшительные успѣхи между IV—VI вѣками и существовавшему вплоть до паденія Византіи, и указываетъ его отличительныя черты. Результаты искусства, достигнутые эпохой, раскрываются далѣе въ весьма обстоятельномъ обзорѣ сохранившихся памятниковъ, а именно: мозаики Мавзолея св. Констанцы и мозаики церкви св. Пуденціаны въ Римѣ.

А. Лебедевъ, *Нравственный обликъ, церковно-общественная дѣятельность, нестроенія и злополучія константинопольской патріархіи во второй половинѣ XV-го и XVI вѣкѣ* (Богословскій Вѣстникъ, 1895, мартъ, стр. 374—403). — Въ настоящей статьѣ проф. Лебедевъ разсматриваетъ нестроенія и злополучія константинопольской церкви въ XV—XVI вѣкахъ, причемъ обращаетъ вниманіе лишь на болѣе крупные и характерные факты этого рода. Къ нестроеніямъ вселенской патріархіи относится, прежде всего, несчастное обыкновеніе платить деньги султану за право полученія патріаршей каѳедры. Начало этой платы, или пескезія, положено въ правленіе патріарха Марка II, а главнымъ виновникомъ его было само константинопольское духовенство. Нетяжелый въ началѣ, пескезій впослѣдствіи возросъ до очень крупной и обременительной суммы. Однако пескезій не обезпечивалъ патріархамъ продолжительнаго управленія и въ концѣ XV вѣка они смѣняли другъ друга съ нежелательною быстротою, отъ чего въ церковной жизни возникали безпорядки. Въ началѣ XVI в. патріархи, кромѣ пескезія, стали платить султану еще ежегодный хараджъ въ 3000 золотыхъ. Различнымъ бѣдствіямъ подвергались въ этомъ столѣтіи патріархи: Пахомій, Іеремія и Діонисій II. Въ концѣ эпохи однимъ изъ виновниковъ нестроеній въ константинопольской патріархіи былъ купецъ Михаилъ Кантакузинъ, получившій большое вліяніе въ Портѣ и распоряжавшійся въ патріархіи какъ хозяинъ; за свое корыстолюбіе Кантакузинъ «заслуживалъ веревки и огня» (Герлахъ). Онъ возводилъ и низводилъ архіереевъ по своему усмотрѣнію и бралъ взятки съ патріарховъ. Особенно тревожно протекло правленіе Іереміи II, противъ котораго непрерывно интриговали разные честолюбивые архіереи, искавшіе патріаршей каѳедры и дважды низлагавшіе своего противника. Разсматриваемое время было полно и злополучій для константинопольской патріархіи, происходившихъ или отъ константинопольскаго клира (при патр. Іоасафѣ и Пахоміи), или отъ иновѣрнаго правительства (при патр. Нифонтѣ II, Іоакимѣ и Іереміи II). Разсказъ въ Historia Patriarchica о грозившемъ патріархіи истребленіи всѣхъ константинопольскихъ храмовъ недостовѣренъ: онъ измышленъ Мануиломъ

Малаксомъ и вставленъ въ исторію Дамаскина Студита; но въ основѣ разсказа лежитъ фактъ истребленія огнемъ при Іереміи I султанскихъ фирмановъ и бератовъ, касающихся патріархіи, которые по ходатайству Іереміи были вновь изготовлены Портою.

Н. Владимірскій, *Св. Григорій Палама, епископъ Солунскій* (Русскій Паломникъ, 1895, № 8, стр. 117—120).— Сдѣлавши краткую характеристику гражданской и церковной жизни того времени, когда процвѣталъ Григорій Палама († 1377 г.), авторъ разсказываетъ о жизни его и дѣятельности, причемъ сосредоточивается на извѣстномъ спорѣ Паламы съ Варлаамомъ.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ *о мозаикѣ римской и византійской* (Русскій Архивъ, 1895, 4, стр. 438—445).—Помѣщены два письма покойнаго В. К. Константина Николаевича къ статсъ-секретарю А. В. Головнину отъ 1886 года, въ которыхъ идетъ рѣчь о венеціанскомъ художникѣ Сальвіати, возстановившемъ въ 1859 году византійскую мусію,— о существѣ византійской мозаики, ея судьбѣ на Руси и отличіи отъ мозаики римской.

Кн. С. Трубецкой, *Научная дѣятельность А. М. Иванцова-Платонова* (Вопросы Философіи и Психологіи, 1895, кн. 2, стр. 193—220).—Характеризуя ученую дѣятельность покойнаго профессора, авторъ указываетъ свойства средневѣковой византійской науки и находитъ, что средневѣковая богословская наука на востокѣ (и на западѣ) знала только хронику, а не исторію церкви, а точнѣе—исторія, какъ и философія, была лишь служанкою догматическаго богословія. Отожествляя живое откровеніе христіанства съ отвлеченнымъ догматомъ, средневѣковая наука считала истину догмата чуждою исторіи; исторія имѣетъ то, что противно истинѣ, т. е. ересь. Отсюда исторіографія византійской эпохи направляется, съ одной стороны, на составленіе подробныхъ каталоговъ ересей и ихъ классификацію (Епифаній—IV в.), а съ другой—на догматическую переработку памятниковъ ранней христіанской литературы. Лишь въ IX в со времени патріарха Фотія пробуждается на востокѣ самостоятельный археологическій интересъ къ древности церковной и классической.

А. Раинъ, *Тайна одного изъ поборниковъ соединенія церквей* (Христіанское чтеніе, 1894, часть II, стр. 322—326).—Въ исторіи прежнихъ попытокъ возсоединенія церквей однимъ изъ темныхъ пунктовъ всегда была таинственная роль монаха Іосифа Вріеннія, одного изъ даровитѣйшихъ византійскихъ церковно-государственныхъ дѣятелей въ царствованіе Мануила Палеолога (1391—1425). Іосифъ Вріенній постоянно говорилъ, что въ случаѣ если состоится соборъ для обсужденія вопроса о соединеніи церквей, онъ произнесетъ на немъ предъ епископами востока и запада такую рѣчь, послѣ которой желаемое возсоединеніе немедленно состоится. Но Іосифъ не дожилъ до флорентійскаго собора, на которомъ разсчитывалъ раскрыть основанія соединенія церквей, и унесъ свою тайну въ могилу. Въ настоящее время, однако, эта тайна освѣщена греческимъ

архіепископомъ Никифоромъ Калогеромъ. Оказывается, что тайна Вріеннія находилась въ тѣсной связи съ политикой императора Мануила Палеолога. Мануилъ, видя, что византійская имперія приближается къ гибели, и желая хотя не надолго отсрочить угрожающую ей участь, прибѣгъ къ слѣдующему дипломатическому маневру: онъ постоянно возбуждалъ и поддерживалъ предъ римскимъ папою вопросъ о возсоединеніи христіанъ, отнюдь не имѣя въ виду привести его къ положительному рѣшенію, а лишь запугивая турокъ, боявшихся западныхъ ополченій (Франдзій). Съ цѣлью поддержать эту политику императора, Іосифъ и распространялъ слухъ о своемъ тайномъ средствѣ безъ затрудненія установить церковную унію между востокомъ и западомъ.

И. Пальмовъ, *Новыя данныя къ исторіи охридской архіепископіи XVI, XVII и XVIII вв. съ Замѣтками* **В. Болотова** (Славянское Обозрѣніе, годъ II. Сборникъ статей по славяновѣдѣнію подъ редакціей И. С. Пальмова, 1894, стр. 195—235).—Новыя данныя объ охридской архіепископіи, сообщаемыя въ настоящей статьѣ, состоятъ изъ греческихъ документовъ, часть которыхъ издана въ подлинникѣ, а часть—въ изложеніи. Въ подлинникѣ сообщены четыре грамоты, извлеченныя проф. Пальмовымъ изъ архива Зографскаго монастыря на Аѳонѣ, а въ изложеніи—матеріалы, напечатанные г. Шоповымъ въ «Сборникѣ за народни умотворенія, наука и книжнина. Издава Министерство на народно-то просвѣщение. Кн. VI. Софія, 1891,» и дополненные документами, открытыми проф. Пальмовымъ въ библіотекѣ богословскаго училища на о. Халки, близъ Константинополя. Всѣ эти матеріалы касаются исторіи охридской архіепископіи въ XVI—XVIII вѣкахъ. I) Списанныя проф. Пальмовымъ на Аѳонѣ четыре грамоты—всѣ отъ іюля 1566 г., принадлежатъ охридскому архіепископу Паисію и касаются православной епархіи италійской и подчиненныхъ ей эноріи Апуліи, Абруццо, Калабріи, Сициліи и т. д. Первый изъ этихъ документовъ содержитъ подробности относительно избранія и перемѣщенія на вдовствующую италійскую епархію епископа корицкаго Тимоѳея, причемъ обстоятельно перечисляются его права; второй — содержитъ синодальную грамоту, заповѣдующую италійскому клиру во всемъ подчиняться архіерею; въ третьемъ—запрещается италійскому духовенству получать хиротонію на сторонѣ, безъ вѣдома своего митрополита, и четвертый представляетъ соборное постановленіе о таксѣ за совершеніе требъ въ италійской епархіи. II) Напечатанные въ болгарскомъ Сборникѣ документы относятся къ исторіи охридской архіепископіи конца XVII и начала XVIII в., заимствованы изъ т. н. «кодекса св. Климента», найденнаго въ Охридѣ, и заключаютъ «драгоцѣнные, доселѣ неизвѣстные матеріалы не для одной только охридской митрополіи». Всѣхъ документовъ въ Сборникѣ напечатано 13, различнаго содержанія. III) Документы болгарскаго Сборника дополняются грамотами новѣйшаго списка охридскаго «кодекса», находящагося на о. Халки. Проф. Пальмовъ снялъ нѣсколько копій съ этого списка и семь изъ нихъ—конца

XVII и начала XVIII в.—изложилъ въ разсматриваемой статьѣ. Онѣ касаются избранія новыхъ епископовъ на каѳедры охридской архіепископіи-патріархіи.—Изложивъ содержаніе документовъ всѣхъ трехъ категорій, проф. Пальмовъ оцѣниваетъ ихъ научно-историческое значеніе, признаетъ ихъ очень важными для освѣщенія малоизвѣстной внѣшней и внутренней исторіи охридской архіепископіи и иллюстрируетъ свою мысль примѣрами. Въ приложеніи напечатаны въ греческомъ оригиналѣ четыре грамоты арх. Паисія и помѣщены замѣтки къ нимъ проф. Болотова—о монетѣ χαρλίον (не менѣе 20 коп. золотомъ) и мѣрѣ сыпучихъ тѣлъ τσόμενον (2—3% съ годоваго урожая).

Ѳ. Делекторскій, *Греко-римское язычество въ IV вѣкѣ и отношеніе къ нему христіанства* (Странникъ, 1895, январь, стр. 3—27).—Преемникъ Константина Великаго на тронѣ цезарей—императоръ Констанцій относился къ язычеству вообще нетерпимо. Памятникомъ этого служатъ эдикты 341 и 346 годовъ, направленные противъ язычества. Многіе тогдашніе христіане вполнѣ сочувствовали нетерпимости Констанція по отношенію къ язычеству и, составивъ при дворѣ партію христіанскихъ зилотовъ, разжигали въ императорѣ ненависть къ язычеству и словесными внушеніями, и цѣлыми сочиненіями, въ которыхъ настойчиво проводили мысль о необходимости уничтоженія язычества путемъ насильственныхъ мѣръ. Образчикомъ подобныхъ сочиненій служитъ и трактатъ Юлія Фирмика Матерна: «О заблужденіи языческихъ религій» (Julii Firmici Materni, V. C., De errore profanarum religionum), напечатанный у Bigne'я, т. IV. По своему характеру трудъ Фирмика есть докладная записка или прошеніе, поданное въ 347 году Констанцію и Константу какъ бы отъ лица цѣлой партіи христіанскихъ зилотовъ съ исключительною цѣлью побудить императоровъ къ окончательному искорененію язычества силою «огня и меча». Необходимость уничтоженія политеизма мѣрами насилія мотивируется въ трактатѣ доводами нравственно-политическими, историко-юридическими и экономическими, историческій и миѳологическій матеріалъ для которыхъ почти цѣликомъ взятъ изъ апологій Арнобія и Лактанція. Анализируя и комментируя эти доводы, авторъ излагаемой статьи находитъ, что рекомендуемыя Фирмикомъ насильственныя мѣры противъ язычества нецѣлесообразны и не всегда справедливы.

Ив. Тимошенко, *Византійскія пословицы и славянскія параллели къ нимъ* (Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1894, № 3, стр. 126—139, № 4, стр. 295—304).—Статья написана ближайшимъ образомъ по поводу книгъ Крумбахера (Mittelgriechische Sprichwörter. München. 1893) и Куртца (Die Sprichwörtersammlung des Maximus Planudes. Leipz. 1886). Послѣ перечня иностранной и русской литературы византійскихъ пословицъ и краткаго изложенія содержанія книги Крумбахера съ критическими замѣчаніями на главныя положенія, раскрытыя во введеніи, авторъ констатируетъ фактъ вліянія Византіи на произведенія русскаго

народнаго духа и указываетъ нѣкоторыя славянскія и русскія параллели къ провербіальнымъ выраженіямъ Михаила Глики и Іоанна Климака, приведеннымъ Крумбахеромъ. Затѣмъ, сказавъ о сборникѣ пословицъ Максима Плануда, объясненномъ Куртцемъ, онъ разсматриваетъ двѣнадцать византійскихъ пословицъ изъ этого сборника, прототипы которыхъ можно найти въ классической литературѣ или въ древней паремiографіи, указываетъ на ихъ несомнѣнное родство съ пословицами русскими и иллюстрируетъ его параллелями.—Статья не окончена.

Н. Барсовъ, *Представители практически-ораторскаго типа проповѣди въ IV вѣкѣ въ церкви Восточной* (Вѣра и Разумъ, 1895, № 1, стр. 1—19, № 2, стр. 81—95, № 3, стр. 132—149, № 5, стр. 306—318, № 7 стр. 404—423).

Практически-ораторскій типъ церковной проповѣди, имѣвшій своимъ предметомъ нравственныя доктрины христіанства и ихъ осуществленіе въ жизни, былъ въ IV в. главнымъ и преобладающимъ. Нравственное ученіе не только составляло логическое слѣдствіе ученія догматическаго, но и представлялось прямо соотвѣтствующимъ назначенію живаго устнаго слова, открывая просторъ для наставленій и увѣщаній (παραίνεσις). Изложеніе въ проповѣдяхъ нравственнаго ученія было необходимо и потому, что общество того времени было очень далеко отъ жизни по вѣрѣ. А коль скоро предметомъ проповѣди сдѣлался паренезисъ, ораторское искусство въ ней было неизбѣжно, тѣмъ болѣе, что и образованіе современнаго, общества было преимущественно риторически-словесное. Къ представителямъ ораторски-практическаго типа проповѣди принадлежатъ знаменитые церковные учители IV в. и прежде всего св. Василій Великій. Изложивъ біографію этого отца, авторъ характеризуетъ его проповѣди, анализируетъ ихъ и указываетъ въ нихъ черты практическаго ораторства. Въ такомъ же порядкѣ ведется рѣчь и о другихъ преставителяхъ практически-ораторскаго типа проповѣди—св. Амфилохіѣ, епископѣ иконійскомъ, причемъ доказывается подлинность приписываемыхъ этому проповѣднику девяти словъ, вопреки мнѣніямъ Удена, Галланда и Селлье, и объ Астеріѣ, епископѣ Амасійскомъ.—Статья не окончена.

А. Раинъ, *Св. Іоаннъ Златоустъ и семейная жизнь его времени* (Христіанское Чтеніе, 1895, мартъ—апрѣль, стр. 225—248).—Въ настоящей статьѣ, написанной по поводу перваго выпуска новаго русскаго изданія «Полнаго собранія твореній св. І. Златоуста», предпринятаго с.-петербургской духовной академіей, характеризуются особенности семейныхъ нравовъ времени этого великаго отца церкви. Въ частности здѣсь излагаются воззрѣнія І. Златоуста на бракъ и дѣвство, возрастъ для брака, свадебные обычаи, разводъ и второбрачіе, отношеніе между супругами и т. п. Источникомъ для статьи служили творенія св. Іоанна Златоуста, главнымъ образомъ первый выпускъ ихъ новаго русскаго изданія, а изъ новѣйшихъ изслѣдованій преимущественно книга A. Puech, St. Jean Chrysostome et les moeurs de son temps. Paris. 1891. — Статья не окончена.

Х. Пападопуло, *Творенія св. Іоанна Златоуста съ филологической стороны* (тамъ же, стр. 411—421).—Языкъ твореній Златоуста въ формальномъ отношеніи имѣетъ народный характеръ и значительно удаляется отъ многихъ грамматическихъ и лексикологическихъ правилъ современнаго литературнаго языка. Онъ есть «Ἑλλὰς γλῶττα», въ которомъ встрѣчаются народныя фразы (δημώδεις), народныя *пословицы* (ихъ въ статьѣ указано 15) и другіе элементы народнаго языка. Въ этихъ особенностяхъ языка Златоуста отчасти нужно видѣть основаніе сильнаго вліянія его на слушателей.

А. Н. Петровъ, *Апокрифическое пророчество царя Соломона о Христѣ, находящееся въ пространномъ житіи св. Константина Философа, по списку XIII вѣка* (Памятники Древней Письменности, CIV. 1894). — Въ пространномъ житіи св. Константина Философа содержится разсказъ о Соломоновомъ потирѣ (Fontes Rerum Bohemicarum, t. I, p. 26—27), преданіе о которомъ сохранилось и на западѣ въ извѣстной легендѣ о св. Граалѣ. Этотъ разсказъ, дополненный толкованіемъ пророческихъ стиховъ Соломона, въ древне-русскихъ сборникахъ встрѣчается и отдѣльно отъ житія, въ самостоятельныхъ спискахъ, по одному изъ которыхъ (сборникъ И. Публ. Библ. Qп. I, № 18) г. Петровъ и издалъ текстъ сказанія о потирѣ «Соломоня дѣла». Анализируя печатаемый памятникъ, онъ находитъ, что главная часть его заключается въ текстѣ Соломонова пророчества о Христѣ и что установившееся въ литературѣ мнѣніе о зависимости сказанія отъ пространнаго житія Константина Философа— преждевременно.

П. Цвѣтковъ, 1) Пѣснь на Рождество Христово *св. Романа Сладкопѣвца*. Переводъ съ греческаго подлинника (Радость Христіанина при чтеніи Библіи, какъ Слова жизни, 1895, кн. I, стр. 12—19), 2) Пѣснь на Богоявленіе Господне *его-же* (тамъ же, кн. II, стр. 98—104), 3) Торжество Креста, пѣснь *его-же* (кн. IV, стр. 273—281), 4) Ожиданіе Воскресенія Христова. Изъ произведеній древне-греческой поэзіи (кн. V, стр. 13—16). — Переводъ произведеній знаменитаго церковнаго поэта св. Романа Сладкопѣвца сдѣланъ «въ хореическомъ ладѣ» съ изданія Питры: Analecta sacra, Parisiis, 1876. Переводъ снабженъ краткими замѣчаніями о значеніи, содержаніи и церковномъ употребленіи каждой пѣсни.

П. Цвѣтковъ, Пѣснь на Срѣтеніе Господне *св. Софронія*, патріарха іерусалимскаго (Радость Христіанина, 1895, III кн., стр. 185—188).— Переводъ съ греческаго подлинника, помѣщеннаго въ Spicilegium Romanum, t. IV и у Migne'я, Patrol. curs. compl., ser. gr., t. 87.

Паисій Лигаридъ, *митрополитъ газскій. Опроверженіе челобитной попа Никиты* (Братское Слово, 1895, № 1—7 и слѣд., приложеніе). — Означенное сочиненіе составлено Паисіемъ Лигаридомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича и содержитъ разборъ челобитной попа Никиты Добрынина (Пустосвята). Оно написано было на латинскомъ языкѣ, съ

котораго Симеономъ Полоцкимъ переведено на русскій. По черновому списку перевода Полоцкаго, находящемуся въ рукописи № 68 библіотеки Московской духовной академіи, сочиненіе Паисія впервые и напечатано въ Б. С. Въ предисловіи къ изданію проф. Н. И. Субботинъ пишетъ, что въ настоящее время «Паисіево опроверженіе челобитной Никиты представляетъ интересъ для ученыхъ, и именно какъ историческій памятникъ перваго у насъ полемическаго сочиненія противъ раскола».

Прот. Кл. Ѳоменко, *Преданіе іерусалимскаго Крестнаго монастыря о древѣ крестномъ. Изъ записокъ путешественника въ Св Землю.* (Труды кіевской дух. академіи, 1895, янв., стр. 174—176).—Крестный монастырь, по преданію, сооруженъ на томъ мѣстѣ, гдѣ расло древо Животворящаго Креста Господня и гдѣ провелъ ночь императоръ Ираклій наканунѣ торжественнаго внесенія въ Іерусалимъ св. Креста, отнятаго имъ у Персовъ въ 628 году. На одной изъ стѣнъ Крестнаго монастыря обращаетъ на себя вниманіе иконопись, изображающая въ лицахъ мѣстное преданіе о древѣ крестномъ. Преданіе гласитъ, что крестное древо образовалось изъ трехъ сросшихся въ одинъ стволъ вѣтокъ кипариса, певга и кедра посаженныхъ еврейскимъ патріархомъ Авраамомъ для умилостивленія Бога за грѣхи своего племянника Лота... Преданіе Крестнаго монастыря было широко распространено въ Византіи, было извѣстно императору Ираклію, а также Григорію Синаиту и Іоанну Дамаскину, составителямъ каноновъ и пѣснопѣній св. Кресту.

Сагарда, *Пресвитеръ въ первые вѣка христіанства. Церковно-историческій очеркъ.* (Руководство для сельскихъ пастырей, 1895, № 4, стр. 85—100, № 6, стр. 165—178, № 7, стр. 205—210).—Изображается положеніе пресвитера въ христіанской церкви въ III—VI вѣкахъ, его судебно-административное значеніе, пастырскія права и обязанности, отношеніе къ епископу и діакону въ ихъ историческомъ развитіи и т. п. Положеніе пресвитера характеризуется главнымъ образомъ на основаніи каноническихъ постановленій церкви, ученія св. Отцевъ и учителей, и отчасти—новѣйшихъ данныхъ церковно-исторической науки.

Народная легенда о св. Андреѣ Критскомъ (Костромскія Епархіальныя Вѣдомости, 1895, № 5, стр. 103—108).—Сообщается Бѣлорусская народная легенда объ Андреѣ Критскомъ, извѣстномъ творцѣ Великаго канона, содержаніе котораго и легло въ основу легендарнаго разсказа.

В. М. Ундольскій, *Климентъ епископъ Словѣнскій* (Чтенія въ И. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ, 1895, кн. I).—Напечатаны слѣдующія поученія Климента Словѣнскаго, епископа Величьскаго, открытыя извѣстнымъ библіографомъ, покойнымъ В. М. Ундольскимъ: 1) Заповѣданія о праздникахъ, 2) Поученіе на память апостола или мученика, 3) Поученіе на святое воскресеніе, 4) Поученіе на Преображеніе Господне, 5) Похвала Лазарю четверодневному, 6) Похвала пророку Захаріи и о родствѣ Іоанна Крестителя и 7) Похвала св. Кириллу Философу. Тексту этихъ твореній знаменитаго уче-

ника и сподвижника св. Кирилла и Меѳодія—епископа Климента († 916) предшествуетъ введеніе, написанное г. Лавровымъ, слѣдующаго содержанія: объ изданіи твореній Климента Болгарскаго, его литературная дѣятельность, характеръ поученій Климента и ихъ источники; въ концѣ тѣмъ же авторомъ приложенъ указатель словъ, встрѣчающихся въ поученіяхъ Климента.

Блаженнаго Ѳеофилакта, *архіепископа болгарскаго. Толкованіе на второе посланіе св. ап. Павла къ Тимоѳею* (Православный Собесѣдникъ, 1895, янв., стр. 3—12, февр., стр. 125—144, мартъ—апр., стр. 265—276).— Переводъ съ греческаго подлинника.

Н. С., *Студійскій уставъ и особенности богослуженія по нему* (Вятскія Епархіальныя Вѣдомости, 1894, № 19, стр. 605—612, № 20, стр. 652—657; 1895, № 4, стр. 111—115 и слѣд.).—

Сказавши о происхожденіи студійскаго устава, древнѣйшихъ редакціяхъ его, о времени и сферѣ его употребленія, авторъ дальше излагаетъ особенности богослуженія по этому уставу сравнительно съ нынѣ дѣйствующимъ уставомъ Іерусалимскимъ и отмѣчаетъ какъ общія особенности, напр., въ составѣ суточныхъ службъ и ихъ обрядахъ, такъ и частныя — въ отправленіи службы по тріодямъ постной и цвѣтной, по минеѣ и октоиху; указываетъ также мелкія особенности, касающіяся варіантовъ въ исполненіи извѣстнаго обряда, выбора и способа исполненія пѣснопѣній. Эти частныя особенности отмѣчаются главнымъ образомъ по рукописи XII в. Московской Синодальной библіотеки № 330—380.

Е. А., *Посланіе съ исповѣданіемъ вѣры, посланное отъ всѣхъ святогорцевъ къ царю Михаилу Палеологу, когда этотъ всеусильно спѣшилъ неразсудительно соединить съ нами италіанцевъ, хотя они пребывали вовсе неисправимыми въ своихъ ересяхъ и нераскаянными* [переводъ съ греческаго] (Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія, 1894, ноябрь—дек., стр. 1—34).—Настоящее посланіе иноковъ Св. Горы Аѳонской къ императору Михаилу Палеологу (1260—1282), извѣстному поборнику уніи съ Римомъ, особенно въ 1267—1278 годахъ, доселѣ не появлялось въ печати: покойный архимандритъ Андроникъ Димитракопуло только упоминаетъ о немъ въ Ἱστορία τοῦ σχίσματος (1867) и Ὀρθόδοξος Ἑλλάς (1872). Нашъ авторъ впервые напечаталъ его по рукописи Московской Синодальной библіотеки № 367, снабдивъ краткимъ предисловіемъ и переводомъ на русскій языкъ. Въ посланіи святогорцы ученіемъ св. Писанія и преданія, постановленіями соборовъ и разсудочными доводами убѣждаютъ Михаила Палеолога въ заблужденіяхъ римской церкви (опрѣсноки и filioque) и отклоняютъ его отъ ненавистной уніи съ папою.

Свящ. В. Преображенскій, *Преподобный Ѳеодоръ Студитъ и его время* [759—826 г.] (Пастырскій Собесѣдникъ, 1895, № 1, стр. 14—17, № 2, стр. 30—34, № 4, стр. 63—65, № 6, стр. 96—98).

Въ предисловіи къ изслѣдованію авторъ указываетъ на глубокій научный интересъ и малоразработанность въ византологіи иконобор-

ческой эпохи и въ частности—жизни, дѣятельности и литературныхъ трудовъ одной весьма выдающейся личности изъ этой эпохи—пр. Ѳеодора Студита. Приступая къ восполненію послѣдняго научно-историческаго пробѣла, о. Преображенскій въ первой главѣ характеризуетъ состояніе византійскаго общества въ царствованіе Константина V Копронима, говоритъ о мѣрахъ императора противъ иконопочитателей, указываетъ его сторонниковъ и противниковъ (монахи). Во второй главѣ описываются дѣтскіе годы жизни препод. Ѳеодора и его школьное образованіе, причемъ характеризуется «нормальный планъ внутренней организаціи» византійской школы эпохи иконоборства. Третья глава посвящена обзору состоянія монашества въ первый періодъ иконоборства, въ частности — дѣятельности игумена монастыря Символовъ на Олимпѣ Платона, дяди преп. Ѳеодора, имѣвшаго сильное вліяніе на современное византійское общество. Подъ руководствомъ Платона Ѳеодоръ и началъ свою подвижническую жизнь въ монастырѣ Саккудіонъ, близъ Константинополя, гдѣ Платонъ благоустроилъ иночество по уставу Василія Великаго; будучи 22 лѣтъ, Ѳеодоръ здѣсь постригся, а черезъ два года посвященъ былъ въ санъ іеромонаха (IV глава).—Статья не окончена.

А. Хахановъ, *Очерки по исторіи грузинской словесности. Выпускъ первый. Народный эпосъ и апокрифы* (Чтенія въ И. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, 1895, кн. I).—Въ настоящемъ изслѣдованіи ближайшее отношеніе къ византологіи имѣетъ введеніе къ обзору книжной грузинской словесности (стр. 145—164), въ которомъ говорится о древнихъ памятникахъ грузинской письменности и о центрахъ просвѣщенія въ древней Иверіи. Начало просвѣщенія въ Грузіи, сообщается здѣсь, современно принятію христіанства въ IV вѣкѣ, которое поставило страну подъ разностороннее и благотворное воздѣйствіе Византіи. На грузинской литературѣ это воздѣйствіе отразилось въ томъ, что она на долгое время сохранила религіозное направленіе и въ своемъ содержаніи и языкѣ носила элементы литературы византійской. Византійская словесность оставила глубокій слѣдъ не только въ письменной литературѣ Иверіи, но и въ народныхъ произведеніяхъ—духовныхъ стихахъ и легендахъ. Посредствующимъ звеномъ между литературой греческой и грузинской служили иверскіе монастыри и школы при нихъ въ предѣлахъ Византіи, а именно: лавра св. Саввы въ Палестинѣ, Крестный монастырь въ Іерусалимѣ, Синайскій монастырь, обители на св. Горѣ Аѳонской, на горахъ Черной и Дивной близъ Антіохіи. Здѣсь въ громадномъ количествѣ изготовлялись монахами рукописные кодексы различнаго содержанія для распространенія по Иверіи, переводились на грузинскій языкъ книги св. писанія и богослужебныя, учреждались школы для грузинскаго юношества и т. п. Прежде и больше всего монахи списывали книги св. писанія и богослужебныя, въ виду ихъ особаго назначенія; древнѣйшими памятниками грузинской письменности считаются евангелія ксанское (VI в.) и урбнисское, а также литургія

Іакова (VI в.), праздничная минея (VII в.), требники (IX в.), Библія (X в.) и т. п. Второй отдѣлъ книгъ, переданныхъ Грузіи Византіей, составляютъ переводы святоотеческихъ твореній—экзегетическихъ, догматическихъ и нравственныхъ. Затѣмъ, Грузія получила отъ Византіи сборники различнаго названія (Маргаритъ, Вѣнецъ, Пчела, Анѳологій) и содержанія и вѣроятно—хроники и хронографы. Наконецъ, изъ Византіи распространились по Грузіи апокрифы, имѣвшіе сильное вліяніе на міросозерцаніе народа. Словомъ, Грузія въ теченіе многихъ вѣковъ послѣ принятія христіанства широко пріобщалась къ византійской образованности какъ духовной, такъ и свѣтской. Представленный въ изслѣдованіи анализъ различныхъ видовъ грузинской словесности (апокрифовъ, духовныхъ стиховъ, легендъ, житій святыхъ, суевѣрныхъ и гадательныхъ книгъ) вполнѣ подтверждаетъ зависимость ея отъ литературы византійской.

Я. З., *О синаксаряхъ тріодей* (С.-Петербургскій Духовный Вѣстникъ, № 4, стр. 68—69).—Синаксарями называются сокращенныя сказанія, въ которыхъ изъясняется установленіе, цѣль и знаменованіе извѣстнаго церковнаго празднества, или кратко изображаются дѣянія и подвиги святыхъ угодниковъ Божіихъ; это тоже, что прологъ. Синаксари помѣщены въ церковныхъ книгахъ, называемыхъ тріодями—постной и цвѣтной, послѣ 6-й пѣсни полныхъ каноновъ, когда по уставу и полагается читать ихъ въ нѣкоторые особенно знаменательные дни тріоднаго круга. Синаксари, находящіеся въ обѣихъ тріодяхъ, составлены византійскимъ историкомъ и знатокомъ церковныхъ древностей Никифоромъ Каллистомъ Ксанѳопуломъ (XIV в.). Имѣя въ виду важность синаксарей при объясненіи строя церковныхъ службъ подвижнаго круга, ихъ назидательность и рѣдкое употребленіе при богослуженіи, объясняемое и неудобопонятностью текста синаксарей въ славянскихъ тріодяхъ, г. Я. З. и взялъ на себя задачу перевести на русскій языкъ всѣ синаксари тріодей, пользуясь греческимъ и славянскимъ текстами. Имъ предложены въ переводѣ слѣдующіе синаксари: въ недѣлю о блудномъ сынѣ (С.-П. Д. В., № 4, стр. 69—70), въ субботу мясопустную (№ 5, стр. 95—97), въ недѣлю сыропустную (№ 6, стр. 120—122), въ первую недѣлю великаго поста—православія (№ 7, стр. 143—146), во вторую недѣлю великаго поста (№ 8, стр. 175—179), третью (№ 9, стр. 196—197), четвертую (№ 10, стр. 215), въ четвертокъ пятой седмицы в. поста (№ 10, стр. 215—217), въ субботу акаѳиста на пятой седмицѣ в. поста (№ 11, стр. 231—233), въ недѣлю Ваій (№ 12, стр. 266), во св. и великую недѣлю Пасхи (№ 13—14, стр. 285—286), въ недѣлю св. мироносицъ (№ 15, стр. 322—323) и о слѣпомъ (№ 18, стр. 395—396).

Н. П., *Праздникъ Благовѣщенія Пресвятой Богородицы* (С.-Пб. Духовный Вѣстникъ, № 12, стр. 257—266).—Опредѣливъ сущность и значеніе праздника на основаніи св. писанія и преданія, г. П. говоритъ о выраженіи Благовѣщенія въ христіанскомъ искусствѣ и иконографіи и опи-

сываетъ изображенія событія въ мозаикахъ храма Маріи Великой въ Римѣ (въ первой половинѣ V в.), на каѳедрѣ епископа Максиміана въ Равеннѣ (VI в.), въ мозаикѣ на алтарныхъ столпахъ Кіево-Софійскаго собора (XI в.), въ стѣнописяхъ церкви Іоанна Предтечи въ Ярославлѣ (XVII в.), въ лицевомъ евангеліи Антоніева Сійскаго монастыря (XVII в.), въ двухъ пергаментныхъ греческихъ рукописяхъ XI в.—ватиканской и парижской, содержащихъ «Бесѣды о дѣтствѣ Богоматери» монаха Кокиноваѳскаго монастыря Іакова, и пр. Въ заключеніи кратко излагается исторія установленія праздника въ греческой церкви и указываются византійскіе пѣснопѣвцы, составлявшіе гимны и пѣсни въ честь Богородицы. Статья иллюстрирована девятью рисунками.

М. Тарѣевъ, *Происхожденіе службъ, входящихъ въ составъ Часослова* (Псковскія Епархіальныя Вѣдомости, 1895, № 1—7 и дал.).—Статья написана по книгѣ Batiffol'я: Histoire du breviaire romaine. Paris. 1894.

Апокрифическое сказаніе *«о Іюдѣ предателѣ Господа нашего Іисуса Христа»* (Костромскія Епархіальныя Вѣдомости, 1895, № 7, стр. 142—148). — Передается апокрифъ объ Іудѣ по одному изъ уважаемыхъ русскими раскольниками безыменныхъ сборниковъ.

Н. Д., *Григорій Цамблакъ, митрополитъ кіевскій* (Русская Бесѣда, 1895, янв., стр. 148 — 151). — Сообщается по румынскимъ источникамъ нѣсколько новыхъ данныхъ о митрополитѣ Григоріѣ, имѣющихъ отношеніе и къ исторіи флорентійской уніи въ Византіи.

Евѳимія Зигабена *толкованіе на первое посланіе Апостола Павла къ Тимоѳею* (Тульскія Епархіальныя Вѣдомости, 1893, № 22, стр. 361—369, № 23, стр. 402—410, № 24, стр. 436—444, 1894, № 1, стр. 9—15, № 2, стр. 64—69, № 4, стр. 115—121);—*на второе посланіе Ап. Павла къ Тимоѳею* (тамъ же, № 6, стр. 211—220, № 7, стр. 253—260, № 8—9, стр. 289—295, № 10, стр. 353—365);—*на посланіе Ап. Павла къ Титу* (тамъ же, № 11, стр. 401—406, № 12, стр. 447—451, № 13, стр. 505—509, № 16, стр. 653—660, № 17, стр. 685 — 687). — Переводъ съ греческаго подлинника, открытаго и въ первый разъ изданнаго (въ 1887 году) греческимъ архіепископомъ Никифоромъ Калогеромъ.

Люисъ Воллэсъ, *Паденіе Царьграда* (The Prince of India, or why Constantinopole fell). Историческій романъ (Историческій Вѣстникъ 1895, приложеніе № 1—4 и далѣе).—Канвою настоящаго романа служитъ одно изъ самыхъ поразительныхъ событій въ исторіи не только востока, но и всего свѣта, именно взятіе Константинополя турками въ 1453 году. Историческія данныя для романа взяты изъ различныхъ историческихъ сочиненій, византійскихъ и западныхъ, изданныхъ и неизданныхъ, которыя романистъ, пользуясь своимъ положеніемъ американскаго посланника въ Турціи, имѣлъ возможность изучить въ константинопольскихъ архивахъ. Въ основу романа положена легенда о вѣчномъ жидѣ и «князь Индіи» составляетъ его центральную фигуру, вокругъ которой группируются другія дѣйствующія лица. При этомъ романистъ старался пред-

ставить возможно вѣрную картину борьбы противуположныхъ цивилизацій, которыя столкнулись при взятіи Царьграда. Въ романѣ содержатся указанія и на историческую связь Византіи съ Россіей.

Рецензіи появились на слѣдующія книги:

И. Помяловскій, Евсевія Памфилова, епископа Кесаріи Палестинской, о названіяхъ мѣстностей, встрѣчающихся въ св. Писаніи.—Блаженнаго Іеронима, пресвитера Стридонскаго, о положеніи и названіяхъ еврейскихъ мѣстностей. Спб. 1894. Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. Выпускъ 37. Рецензіи: **Д. Ѳ. Бѣляева** въ Русскомъ Обозрѣніи, 1895, мартъ, стр. 483—491, и **свящ. Н. Доброправова** въ Чтеніяхъ въ Обществѣ Любителей Дух. Просвѣщенія, 1894, ноябрь—дек., стр. 906—914.

Николай Заозерскій, О церковной власти. Основоположенія, характеръ и способы примѣненія церковной власти въ различныхъ формахъ устройства Церкви по ученію православно-каноническаго права. Сергіевъ Посадъ. 1894. Рецензіи: **N. N.** въ Русск. Обозр., 1895, мартъ, стр. 497—501 и въ Церковномъ Вѣстникѣ, 1895, № 10, стр. 316—318.

Александръ Бронзовъ, Точное изложеніе православной вѣры. Твореніе св. Іоанна Дамаскина, въ русскомъ переводѣ. Спб. 1894. Рецензія **К. Н. Р—ва** въ Русскомъ Обозрѣніи, 1895, январь, стр. 432—437.

Прот. П. Преображенскій, I) Писанія мужей апостольскихъ, въ русскомъ переводѣ, изд. 2, Спб. 1895 и II) Сочиненія древнихъ христіанскихъ апологетовъ, въ русск. переводѣ, изд. 2 Спб. 1895. Рецензія въ Богословскомъ Библіографическомъ Листкѣ (приложеніе къ журналу «Руководство для сельскихъ пастырей»), вып. 1—2, янв. и февр. 1895 г., стр. 8—9.

В. А. Яковлевъ, Къ литературной исторіи древне-русскихъ сборниковъ. Опытъ изслѣдованія «Измарагда». Одесса. 1895. Рецензія **С. Т—скаго** въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1895, январь, стр. 299—302.

М. Попруженко, Изъ исторіи литературной дѣятельности въ Сербіи XV вѣка. «Книги Царствъ» въ собраніи рукописей библіотеки И. Новороссійскаго университета. Одесса. 1894. Рецензіи: **А. К—ва** тамъ же, стр. 307—308, и въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ, 1894, № 1 и 2, стр. 358.

В. Г. Васильевскій, Житія свв. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго. Введеніе и греческіе тексты съ переводомъ. Славяно-русскій текстъ. Спб. 1893. Рецензія **Д. Иловайскаго** въ Русскомъ Архивѣ, 1895, 2, стр. 249—258.

Свящ. І. Ковалевскій, Юродство о Христѣ и Христа ради юродивые восточной и русской церкви. Историческій очеркъ и житія сихъ подвижниковъ благочестія. Москва. 1895. Рецензіи: въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, 1895, № 8, стр. 316—317, и въ Пастырскомъ Собесѣдникѣ, 1895, № 4, стр. 67.

Іеромонахъ Кириллъ Лопатинъ, Ученіе св. Аѳанасія Велика...

Святой Троицѣ (сравнительно съ ученіемъ о томъ же предметѣ въ три первые вѣка). Казань. 1894. Рецензія **N. N.** въ Русскомъ Обозрѣніи, 1895, апр., стр. 963—968.

Протоіерей А. М. Иванцовъ-Платоновъ, Къ изслѣдованіямъ о Фотіѣ, патріархѣ константинопольскомъ, по поводу совершившагося тысячелѣтія со времени кончины его. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи И. московскаго университета 12-го января 1892 года, съ приложеніями. Спб. 1892. Рецензія проф. **Ѳ. А. Курганова** въ Христіанскомъ Чтеніи, 1895, январь—февраль, стр. 174—220.

'Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς, Ἱεροσολυμιτική Βιβλιοθήκη ἤτοι κατάλογος τῶν ἐν ταῖς βιβλιοθήκαις τοῦ ἁγιωτάτου ἀποστολικοῦ τε καὶ καθολικοῦ ὀρθοδόξου πατριαρχικοῦ θρόνου τῶν Ἱεροσολύμων καὶ πάσης Παλαιστίνης ἀποκειμένων ἑλληνικῶν κωδίκων, τόμος πρῶτος. Ἐν Πετρουπόλει. 1891. Рецензія **А. С. Павлова** въ изданіи: Древности. Труды И. Москов. Археол. Общ., т. XV, в. I, стр. 69—79.

Гр. А. С. Уваровъ, Византійскій альбомъ. Томъ I, выпускъ 1. Съ 22 фототипіями при текстѣ и атласомъ съ 8 хромолитографіями. Посмертное изданіе. Москва. 1890. Рецензія **И. Цвѣтаева** тамъ-же, вып. II, приложеніе, стр. 30—35.

Епископъ Порфирій Успенскій, Книга бытія моего. Дневники и автобіографическія записки, часть I—съ 3 мая 1841 по 1 мая 1844 года. Изданіе И. Академіи Наукъ на иждивеніи И. Православнаго Палестинскаго Общества подъ редакціей П. А. Сырку. С.-Петербургъ. 1894. Рецензія **И. С.** въ Странникѣ, 1895, апр., стр. 799—808, май, стр. 140—154.

И. Соколовъ.

ГЕРМАНІЯ.

«**Byzantinische Zeitschrift**», *herausgegeben von K. Krumbacher*, *Band IV (Jahrgang 1895)*, *Heft 2.*

Въ отдѣлѣ I помѣщены изслѣдованія:

Ernst Kuhn, *Zur byzantinischen Erzählungslitteratur* (стр. 241—249). Здѣсь сообщается о рукописяхъ: эѳіопской XVII вѣка, описанной въ Latest purchases in all departments of english and foreign literature (стр. 2131, № 330), содержащей службы и гомиліи на праздники св. архангела Михаила, и арабской, № 2877 герцогской библіотеки въ Готѣ. Обѣ содержатъ извѣстную сказку о юношѣ, назначенномъ судьбой въ зятья богачу, въ греческо-христіанской версіи. Авторъ сравниваетъ эту версію съ другими и указываетъ, гдѣ она является въ томъ же видѣ, гдѣ распространена другими сказочными мотивами (богачъ отсылаетъ юношу съ неисполнимымъ порученіемъ, по пути другія лица просятъ рѣшить занимающіе ихъ вопросы; рѣшенія мудраго судьи).

U. Ph. Boissevain, *Zur handschriftlichen Ueberlieferung des Zonaras* (стр. 250—271). Тутъ данъ перечень и отчасти (въ дополненіе къ труду

Бютнера-Вобста: Studien zur Textgeschichte des Zonaras) описаніе 42 рукописей ἐπιτομὴ ἱστοριῶν. 20 рукописей, дающихъ Зонару въ болѣе или менѣе полномъ видѣ, авторъ дѣлитъ на 4 группы, по признаку близости текста выписокъ изъ Плутарха къ лучшимъ рукописямъ послѣдняго; при этомъ Paris. 1715, считавшійся до сихъ поръ лучшимъ, попалъ въ 3-ю группу: лучшими оказываются Vindob. 16 и Paris. 1717; Paris. 1715 хуже, но представляетъ самостоятельную рецензію, цѣнную особенно для 7—9 книгъ; ее-же представляетъ Vatic. 136.

Въ примѣчаніи редакціи указано еще нѣсколько рукописей Зонары, опущенныхъ авторомъ.

K. Prächter, *Eine vulgärgriechische Paraphrase der Chronik des Konst. Manasses* (стр. 272—313) Второе продолженіе Георгія Миха (стр. 858—896 изданія Муральта) представляетъ по содержанію столь полное соотвѣтствіе хроникѣ Манасси отъ стиха 5666 до конца, что можетъ смѣло считаться за его перифразу. Подобныя же перифразы другихъ отрывковъ Манасси даютъ Marc. app. class. VII 20 и 18, Vind. supplem. graec. 77, Marc. 608, Bern. 596. Patzig считалъ прозаическій текстъ за источникъ Манасси; K. Prächter предполагаетъ обратное на основаніи того, что прозаическій текстъ содержитъ: 1) стихи и части стиховъ Манасси, оставленныя безъ передѣлки, 2) ошибки, показывающія непониманіе компиляторомъ выраженій Манасси. Дополненія къ Манасси внесены (какъ въ другой части хроники — къ Θеофану) изъ Георгія Миха, Кедрина, Зонары и Льва Грамматика. Отрывки Плануда представляютъ другую версію недошедшей первоначальной перифразы, такъ какъ обѣ указанныя произошли не непосредственно изъ текста Манасси. Въ отношеніи источниковъ и языка авторъ дѣлитъ рукописи анонимной перифразы на 3 редакціи (кромѣ пропавшей первоначальной): болѣе древнюю, на греческомъ простонародномъ языкѣ; вторую, на языкѣ приближенномъ къ литературному, и содержащую немало дополненій изъ Зонары и другихъ уклоненій отъ первоисточника, и третью—сокращенную. Затѣмъ, сопоставленіемъ и анализомъ выписокъ онъ пытается установить взаимоотношеніе по происхожденію существующихъ рукописей.

Chr. Harder, *Johannes Tzetzes' Kommentar zum Porphyrius* περὶ πέντε φωνῶν (стр. 314—318). Изъ крайне безсодержательнаго произведенія анворъ извлекаетъ всѣ данныя историко-литературнаго характера, чтобы избавить другихъ отъ обязанности читать подлинникъ. Въ немъ нѣсколько разъ упоминаетя о братѣ автора, Андроникѣ; таблица διαίρεσις φιλοσοφίας, оказывается, принадлежитъ комментатору; «Хиліады» написаны раньше комментарія, какъ показываютъ отрывки о Семирамидѣ, Ксерксѣ и переходѣ Аннибала черезъ Альпы.

E. Nestle, *Die Kreuzauffindungslegende* (стр. 319—345). Въ этой статьѣ главное — перепечатка греческаго текста легенды объ обрѣтеніи Св. Креста по древнѣйшей синайской рукописи VIII вѣка (№ 493 по каталогу Гартгаузена), списанной и сфотографированной I. Rendel-Harris'омъ, ко-

торый и предоставилъ свои снимки въ пользованіе Nestle. Текстъ сопровождается соображеніями издателя о отношеніи его къ сирійской и латинской редакціямъ; по его заключенію, всѣ легенды о царицѣ Еленѣ, латинскія и греческія, вышли изъ сирійскихъ, а сирійскія предполагаютъ легенду о первомъ обрѣтеніи св. Креста при Траянѣ; текстъ послѣдней легенды въ наиболѣе чистомъ видѣ сохранился въ т. наз. doctrina Addaei.

Joh. Dräseke, *Der Mönch und Presbyter Epiphanios* (стр. 346—362). По мнѣнію Dräseke, Епифаній — авторъ Путеводителя по Сиріи и святымъ мѣстамъ и Епифаній — авторъ житія Пресв. Богородицы и св. апостола Андрея, совершенно различныя лица. Географическія понятія автора житій книжнаго происхожденія и совсѣмъ не ладятся съ данными составленнаго очевидцемъ путеводителя, который, впрочемъ, дошелъ до насъ не въ первоначальномъ видѣ (Дрезеке думаетъ объ извлеченіи, тогда какъ славянскій текстъ, объ изданіи котораго онъ зналъ, но которымъ не воспользовался, указываетъ на интерполяціи). Житія написаны около 780 года, такъ какъ содержатъ указанія на то, что авторъ лично пережилъ первую эпоху иконоборства, но писалъ въ сравнительно спокойное время. Въ заключеніе, въ цитатѣ Епифаніева житія Прев. Дѣвы Маріи изъ такъ наз. Діонисія Ареопагита (de divinis nominibus, III, 2), авторъ старается находить подтвержденіе своему давнишнему, отвергнутому Гельцеромъ, предположенію, что въ данномъ мѣстѣ Діонисія первоначально читалось не ἀδελφόθεος (Ἰάκωβος), а ἀδελφός.

Spyr. P. Lambros, *Die Handschriften des Nikolaos von Methone im Dionysioskloster* (стр. 363—365).

C. E. Gleye, *Malalas und Corippus* (стр. 366—367).

Въ отдѣлѣ II помѣщены рецензіи на книги:

Gr. Chalatianz, *Zenob von Glak*. Рец. *Штакельберга* (стр. 368—370).

Арсеній, *Нила митрополита Родосскаго, 4 неизданныхъ сочиненія*. Рец. *Эд. Курца* (стр. 370—373).

Woldemar Nissen, *Die Diataxis des Michael Attaleiates vom Jahre 1077*. Рец. *Ф. Мейера* (стр. 373—375). См. также рец. *Неймана* въ «Deutsche Litteraturzeitung», 1895, № 11, стр. 332—333.

Книга содержитъ исправный текстъ и хорошій комментарій къ актамъ, напечатаннымъ въ Μεσαιωνικὴ βιβλιοθήκη Саѳы (I, 3—69) и въ Acta et Diplomata Миклошича и Мюллера (т. V, 293—327), и списокъ словъ, встрѣчающихся въ διάταξις, которыхъ нѣтъ въ словаряхъ Софокла и Кумануда.

Въ отдѣлѣ III обращаемъ вниманіе читателей на слѣдующіе указанные редакціей труды нѣмецкихъ авторовъ:

Victor Schultze, *Quellenuntersuchungen zur Vita Constantini des Eusebius* (Ztschr. für Kirchengeschichte, 1894, 503—555). Объ источникахъ Vitae Constantini монументальныхъ и литературныхъ.

H. Stadtmüller, *Zur griechischen Anthologie*. Leipzig, Teubner, 1895, въ «Festschrift zur Einweihung des Gymnasiumgebäudes in Heidelberg».

Antonius Baumstark, *Lucubrationes Syro-Graecae* (Jahn's Jahrbücher Supplem. 1894, 357—524 и отдѣльно). О Сергіѣ пресв. Резенскомъ и сирійскихъ редакціяхъ «Менандра».

Euclidis opera, ed. I. L. Heiberg et H. Menge. Vol. VII, Optica ed. I. L. Heiberg. Leipzig. Teubner. 1895. Въ Пролегоменахъ говорится о рукописяхъ Евклида, употребленныхъ при составленіи квадривія Георгія Пахимера, и вообще о судьбахъ твореній Евклида въ средніе вѣка.

K. Ohlert, *Zur antiken Rätseldichtung.* Philologus 1894, 745—754.

Ed. Heydenreich, *Griechische Berichte über die Jugend Const. d. Gr.* (въ Griechische Studien H. Lipsius zum 60 Geburtstag dargebracht. Leipzig, Teubner, 1894, 88—101). О извѣстіяхъ Свиды, житія св. Евсигнія и исторіи Никифора Каллиста Ксанѳопула.

H. Usener, *Uebersehenes* (Rhein. Mus. 1895, 144—148). — О нѣкоторыхъ отголоскахъ языческихъ воззрѣній въ литературѣ житій.

August Brinkmann, *Die Streitschrift des Serapion v. Thmuis gegen die Manichäer* (Sitzungsber. d. preuss. Ak. 1894, S. 479—491). Изученіе генуэзской рукописи (Bibl. di San Carlo 27 s. XI) изданнаго Лагардомъ отрывка (въ прил. къ сочиненіямъ Тита Бострійскаго) привело г. Бринкмана къ открытію истиннаго порядка листовъ и истиннаго автора — Серапіона Тмуитскаго.

Sebastian Haidacher, *Des hlg. Chrysostomos Homilie de Melchisedeco* (Ztschr. f. Kath. Theol. 1895. 162—165). Доказывается, что названное сочиненіе — слѣплено изъ 1 бесѣды Златоуста «о темнотѣ пророковъ» и подложной на текстъ «взыде Господь».

Otto Siebert, *Die Metaphysik und Ethik des Pseudo-Dionysios Areopagita.* Jena 1894. Метафизика и этика знаменитыхъ сочиненій излагаются въ параллель съ системой Прокла, причемъ обнаруживается ихъ тѣсная зависимость отъ послѣдней. — Рец. въ Litter. Rundschau, 1895, 3.

Bratke, *Die vornicänischen Kirchenväter in der ungedruckten Katene des Nicetas zum Evangelium Johannis* (Theol. Studien u. Kritiken 1895, 361—372). Приводятся 8 цитатъ Никиты изъ Оригена и 1 изъ Діонисія Александрійскаго по Мюнх. стр. 437 и 37.

Curt Wachsmuth, *Einleitung in das Studium der alten Geschichte.* Leipzig, L. Hirzel. 1895.—Для византиниста важенъ нѣкоторыми отдѣлами; «Byz. Ztschr.» указываетъ на страницы о Фотіѣ, Исихіѣ и христіанскихъ хронографахъ.

C. E. Gleye, *Zu den Nachrichten vom Tode Julians* (Philol. 1894, 587). Замѣтка о чтеніи 'Ασία у Малалы 331, 16 и 333, 3.

Karl Uhlirz, Theophanu (Allgem. Deutsche Biographie 1895, 717—722). Критическая біографія супруги императора Оттона II.

F. Hirsch, *Das byzantinische Reich* (Berl. Jahresber. der Geschichtswissensch. 1893, Ш, 455—463). Полный списокъ работъ по Византіи за 1892—93 года.

E. Dobbert, *Zur byzantin. Frage* (Jahrb. d. K. preuss. Kunstsamml. 1894,

125—152; 211—229). Рѣчь идетъ о фрескахъ св. Ангела in Formis, византійскій характеръ которыхъ доказывается непререкаемымъ образомъ.

A. de Waal, *Die antiken Reliquiare der Petrikirche* (Röm. Quartalschrift 1893, 245—262). Между прочимъ описанъ византійскій энколпій IX—X вѣка.

Кромѣ «Byzantinische Zeitschr.» укажемъ на слѣдующія новыя изслѣдованія по Византіи въ германской литературѣ:

J. Dräseke, *Zur Athanasiosfrage* (Ztschr. für wissensch. Theol., 1895, 2, стр. 238—269). Всѣ новѣйшія изслѣдованія о св. Аѳанасіи и его догмѣ отъ Берингера (1874) до Робертсона (1891—3), по мнѣнію автора, недостаточно, для современныхъ научныхъ условій, разбираютъ вопросъ о подлинности своихъ источниковъ — сочиненій св. Аѳанасія. Подъ современными научными условіями тутъ разумѣются Athanasiana автора, гдѣ онъ доказывалъ, что 4 книга противъ Аріанъ принадлежитъ не Аѳанасію, а вѣроятно Максиму Философу, 2 книги противъ Аполлинарія — Дидиму и Амвросію Александрійскому, а книги: «противъ Эллиновъ» и «о вочеловѣченіи Слова» — Евсевію Эмесскому. При этомъ снова, рѣшительнѣе, излагается прежняя аргументація, особенно относительно книгъ противъ Аполлинарія, въ виду возраженій проф. Штретера. — См. Friedrich Lauchert. Die Echtheit der beiden apologetischen Jugendschriften des Athanasios gegen den neulichen Angriff verteidigt, въ Revue internationale de Théologie, 3, стр. 127—136.

Dr. J. R. Asmus, *Ist die pseudojustinische Cohortatio ad Graecos eine Streitschrift gegen Julian?* (Ztschr. f. wissensch. Theol., 1895, 1, стр. 115—155). Указываются многочисленныя соотвѣтствія по содержанію въ λόγος παραινετικὸς πρὸς ἕλληνας (приписываемый авторомъ, согласно Dräseke, Аполлинарію лаодикійскому) съ воззрѣніями и сочиненіями Юліана, откуда слѣдуетъ, что своимъ сочиненіемъ πρὸς ἕλληνας Аполлинарій возражалъ Юліану, а Юліанъ своимъ κατὰ γαλιλαίων — Аполлинарію. Позднѣйшія полемическія сочиненія противъ Юліана: св. Григорія Назіанзина, Ѳеодорита и Кирилла тѣсно связаны по содержанію съ λόγος παραινετικός.

C. Fr. Müller, *Zu den Monatscyklen der byzantinischen Kunst in spätgriechischer Litteratur* (Rhein. Mus., Band 50, Heft 2, стр. 301—304). Текстъ стиховъ къ «мѣсячнымъ кругамъ», изслѣдованныхъ и эмендированныхъ Кейлемъ въ Wiener Studien 1889, стр. 94 и сл., по аѳинскому изданію романа Маврофрида «Ливистръ и Родамна», Paris. 2910 и Barber. Gr. I 172, дается здѣсь по Paris. 2991 A (1420 г.), причемъ оказывается, что эта послѣдняя рукопись 1) значительно лучше употребленныхъ Кейлемъ [впрочемъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ лишь по сличеніи Неаполитанской и Лейденской рукописей (см. Krumbacher, Gesch. d. byz. Litt., 499)], 2) подтверждаетъ многія коньектуры Кейля.

Joh. Dräseke, *Nicolaus von Methone als Bestreiter des Proklos* (Theol. Studien und Kritiken, 1895, 2, стр. 590—616). Авторъ реферируетъ книгу

Демосөена Русса «Τρεῖς Γαζαῖοι». Оказывается, что большой отвѣтъ Николая Меөонскаго на 146-ую главу Прокла (въ Ἀντιρρήσεις εἰς τὰ Πρόκλου θεολογικὰ κεφάλαια) буквально взятъ изъ Прокопія Газскаго (какъ «вопросы и отвѣты» изъ Өеодора пресвитера палестинскаго, силлогизмы противъ латинянъ изъ патр. Фотія). Слова введенія, гдѣ язычники и христіане языческаго образованія представлены силой въ обществѣ, названіе св. Григорія Богослова ἡμέτερος, цитаты изъ Діонисія Ареопагита, малопонятныя въ оригинальномъ произведеніи XII вѣка, наводятъ на мысль, что все сочиненіе Николая — плагіатъ изъ Прокопія Газскаго.

Б. Меліоранскій.

Іюль 1895 г.

СЛАВЯНСКІЯ ЗЕМЛИ.

БОЛГАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Ишырковъ, Крумъ, — въ Български Прѣгледъ. Годъ II, кн. VII. — Момчилъ юнакъ. Тамъ же, кн. III.

Авторъ статьи, заглавіе которой записано выше,—одинъ изъ молодыхъ болгаръ, получающихъ въ послѣднее время высшее спеціальное образованіе въ западной Европѣ, которые довольно скоро и легко получаютъ ученую степень доктора. Такихъ докторовъ въ Болгаріи довольно много въ настоящее время на разныхъ поприщахъ политической и общественной жизни княжества. Между ними встрѣчаются, хотя и неособенно часто, лица, съ солидными способностями и даже талантливые. Не легко опредѣлить, къ какой изъ послѣднихъ двухъ категорій можно причислить г. Иширкова; но, несомнѣнно, что это молодой человѣкъ, подающій, повидимому, даже очень хорошія или большія надежды, какъ рекомендуетъ его редакція одного изъ лучшихъ теперь и солидныхъ болгарскихъ періодическихъ изданій Български Прѣгледъ (Болгарское Обозрѣніе): младъ надеженъ историкъ (стр. 70, прим. 1). Его работы по исторіи Болгаріи до настоящаго времени очень необширны; но нельзя отказать имъ въ оригинальности, проявляющейся въ новой постановкѣ вопросовъ и въ новомъ освѣщеніи разныхъ сторонъ вопросовъ. Но въ то же время онъ не чуждъ общихъ недостатковъ почти всѣхъ западно-европейскихъ воспитанниковъ-болгаръ. При разсматриваніи того или другого вопроса изъ исторіи болгарской или вообще славянской исторіи они почти всегда пользуются только тѣми источниками и пособіями, которыя имѣются въ обращеніи въ западной Европѣ, далеко не все знающей, что дѣлается по исторіи и литературѣ славянъ у самихъ же славянъ. Такъ напр. г. Иширковъ въ указанной выше статьѣ дѣлаетъ ссылки на Slavische Alterthümer Шафарика, когда существуетъ новое чешское изданіе, или на устарѣлый нѣмецкій переводъ Писемъ объ исторіи Сербовъ и Болгаръ Гильфердинга (Hilferding, Gesch. d. Serb. und Bulg.) при существующемъ второмъ дополненномъ русскомъ

изданіи его Исторіи сербовъ и болгаръ въ 1-мъ томѣ его Собранія сочиненій. Кромѣ того, у этого рода ученыхъ молодыхъ болгаръ является страстная охота къ употребленію иностранныхъ словъ и нерѣдко въ иностранной транскрипціи. Въ той же статьѣ встрѣчаются напр. такія выраженія: войницитѣ на (византійскаго императора) Никифора се побунили и много офицеры избѣгали (стр. 73); благодарение на Никифоровото сѫперничество и нахална строгость (? тамъ же); Ницеа (стр. 76); иконокласи (тамъ же), если не опечатка; Теодоси Шабдикиралъ (тамъ же); молбата на патриарха Тарасуса (стр. 77); разтурили постоветѣ отъ Босфора до Понтъ Евксинъ (стр. 79). Рѣшительно непонятно, почему г. Ишírковъ греческія названія приводитъ въ латинской транскрипціи, какъ Rhegion, Athira и Константинъ Patzices (стр. 79). О мелкихъ неточностяхъ или ошибкахъ я говорить не буду.

Въ очеркѣ Крумъ, по замѣчанію редакціи, заключаются нѣкоторыя интересныя новыя данныя для исторіи болгарскаго князя Крума (съдържа нѣкои интересни, нови данни за историята на Крума). Несомнѣнно, этотъ очеркъ довольно обстоятеленъ; въ немъ собрано почти все, что есть о Крумѣ у византійцевъ, и все это изложено съ соблюденіемъ подробностей, которыхъ не находимъ у изслѣдователей и историковъ до г. Ишíркова, какъ Энгель, Раичъ, Гебгарди, Гильфердингъ, Иречекъ и Кокони (Ἱστορία τῶν βουλγάρων. Ἐν Ἀθήν. 1877, стр. 50—59); послѣдній, впрочемъ, довольно удачно и до нѣкоторой степени даже подробно сгруппировалъ и изложилъ византійскія и западныя извѣстія о Крумѣ. Кромѣ того, г. Ишírковъ воспользовался результатами, добытыми по исторической географіи, для опредѣленія мѣстъ событій. Но за то, онъ не обратилъ никакого вниманія на славянскія извѣстія объ этомъ князѣ болгаръ (см. у Ламанскаго, О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ. Спб. 1864, стр. 109—110). Также необратилъ онъ вниманія и на указаніе Арсенія Черноевича о Николаѣ воинѣ, о которомъ краткая повѣсть не рѣдко встрѣчается въ славянскихъ рукописяхъ (Чт. въ Общ. Истор. и Древн. Россійск. 1886 г.). Такимъ образомъ, собственно новаго или неизвѣстнаго о Крумѣ г. Ишírковъ не привелъ. Новаго въ этомъ очеркѣ только взглядъ самого автора на дѣятельность Крума, именно, что этотъ болгарскій князь былъ первымъ достойнымъ носителемъ идеи о необходимости соединить въ одно всѣ разрозненныя славянскія племена на Балканскомъ полуостровѣ или, вѣрнѣе, по обѣимъ сторонамъ Балкана и Рила и что имъ начинается новый періодъ, новая эпоха въ исторіи болгарскаго народа. Но г. Ишírковъ не привелъ никакихъ доказательствъ въ пользу этихъ своихъ положеній. Слѣдуетъ отмѣтить еще одинъ пріемъ г. Ишíркова. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ останавливается на томъ или иномъ рѣшеніи спорнаго вопроса, онъ обыкновенно выражается такъ: мнѣ кажется, мнѣ представляется болѣе вѣскимъ, но на какомъ основаніи ему такъ представляется или кажется, не указываетъ. Вообще можно замѣтить, что въ

очеркѣ г. Иширкова осталось довольно не мало спорнаго или открытаго. При всемъ этомъ, этотъ очеркъ все-таки заслуживаетъ вниманія, какъ явленіе довольно отрадное въ болгарской литературѣ.

Въ III-й книжкѣ 2-го года изданія того же журнала Български Прѣгледъ Иширковъ помѣстилъ свой очеркъ Момчилъ юнакъ, о которомъ я скажу здѣсь нѣсколько словъ ниже.

Этотъ очеркъ г. Иширкова не менѣе интересенъ чѣмъ первый и со стороны выполненія представляетъ больше цѣльности. Личность и дѣянія Момчила извѣстна въ исторіи Византіи, Болгаріи и Сербіи середины XIV в., но болѣе онъ извѣстенъ въ исторіи первой и вслѣдствіе этого авторъ очерка больше останавливается на его отношеніяхъ къ Кантакузину и императрицѣ Аннѣ. Все вниманіе его сосредоточено на главномъ героѣ очерка, касаясь современнаго состоянія государствъ по стольку, по скольку это связано съ личностью Момчила. Онъ старается такимъ образомъ дать портретъ болгарскаго юнака XIV в., на сколько это возможно сдѣлать по сохранившимся о немъ даннымъ у византійцевъ. Кромѣ этого, заслуга г. Иширкова заключается еще и въ томъ, что онъ представилъ намъ образъ народнаго Момчила, т. е. какъ послѣдній изображается въ народной поэзіи болгаръ и сербовъ, хотя и въ этомъ случаѣ авторъ отнесся къ своей задачѣ какъ историкъ. По моему, гораздо важнѣе разсматривать пѣсни о Момчилѣ съ точки зрѣнія литературной и къ нимъ нужно было бы присоединить и существующіе разсказы о немъ. Тогда бы г. Иширковъ могъ бы привлечь болѣе обширный матеріалъ о Момчилѣ изъ произведеній народнаго творчества, чѣмъ онъ привлекаетъ, и можно было бы указать, какимъ вліяніямъ подвергались пѣсни о Момчилѣ въ болгарской и сербской поэзіи и какъ онѣ наслоялись.

П. Сырку.

3. Новыя книги, поступившія въ Редакцію.

А. И. Кирпичникова, Взаимодѣйствіе иконописи и словесности народной и книжной. (Отвѣтъ на 40 вопросовъ программы VIII Археолог. съѣзда). Москва. № 895. 4°.

Православный Палестинскій Сборникъ:

41-й выпускъ. А. А. Олесницкаго, Мегалитическіе памятники святой земли.

42-й выпускъ. Повѣсть и сказаніе о похожденіи во Іерусалимѣ и во Царьградѣ Троицкаго Сергіева монастыря чернаго діакона Іоны по реклому Маленькаго. 1649—1652 гг. Подъ редакціею С. О. Долгова.

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга IX. Кіевъ. 1895.

П. Никитина, О нѣкоторыхъ греческихъ текстахъ житій святыхъ. Спб. 1895. 8°. (Отд. оттискъ изъ Записокъ Имп. Акад. Наукъ по ист.-филол. отд. Т. I. № 1).

Ив. Тимошенко, Византійскія пословицы и славянскія параллели къ нимъ. Варшава. 1895. 8° (Оттискъ изъ Русскаго Филол. Вѣстн.).

Th. Preger, Beiträge zur Textgeschichte der ΠΑΤΡΙΑ ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΥΠΟΛΕΩΣ. München 1895. 8°.

Francis de Crue, Notes de voyage. La Grèce et la Sicile. Villes romaines et byzantines. Constantinople et Smyrne. 29 gravures. Paris, Armand Colin et C-ie. 1895. 8°.

Gustave Schlumberger, Mélanges d'archéologie Byzantine. Première série accompagnée de nombreuses vignettes et de 16 planches. Paris. Ernest Leroux. 1895. 8°.

Μανουὴλ Ἰω. Γεδέων, Προικόννησος. Ἐκκλησιαστικὴ παροικία, ναοὶ καὶ μοναί, μητροπολῖται καὶ ἐπίσκοποι. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, Otto Keil. 1895. 8°.

—— Μιχαὴλ τοῦ Παλαιολόγου Τυπικὸν τῆς ἐπὶ τοῦ βουνοῦ τοῦ Αὐξεντίου σεβασμίας μονῆς Μιχαὴλ τοῦ ἀρχαγγέλου. Ἐν Κωνσταντινουπόλει. Otto Keil. 1895. 8°.

Τρύφωνος Ἐ. Εὐαγγελίδου, Ἡ μονὴ τῆς Σιγριανῆς τοῦ Μεγάλου Ἀγροῦ. Μελέτη ἱστορικο-τοπογραφική. Ἐν Ἀθήναις. 1895. 8°.

—— Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Νικήτα ἡγουμένου Μονῆς τοῦ Μηδικίου (Отд. оттискъ изъ его же Οἱ βίοι τῶν ἁγίων. Ἐν Ἀθήναις. 1895).

Статистика на Българскитѣ училища въ Европейска Турция (Македония и Одринско) за учебната 1893—1894 година. Пловдивъ. 1895. 4°.

ОТДѢЛЪ III.

Русскій археологическій институтъ въ Константинополѣ.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ожиданія, то оживлявшагося, вслѣдствіе казавшейся близости утвердительнаго разрѣшенія, то опять слабѣвшаго, совершилось наконецъ радостное и многозначительное въ судьбахъ русской науки событіе — открылся Константинопольскій институтъ. Честь инициативы и энергическаго отстаиванія дѣла учрежденія института, противъ разныхъ возникавшихъ недоразумѣній, всецѣло принадлежитъ нашему просвѣщенному дипломату и представителю Россіи въ Константинополѣ А. И. Нелидову. Его заслуга въ этомъ дѣлѣ тѣмъ болѣе важна и незабвенна, что упомянутыя недоразумѣнія возникали въ сферахъ, долженствующихъ считаться настолько авторитетными въ научномъ отношеніи съ одной стороны, и настолько вліятельными съ другой, что были моменты, когда идея открытія института, казалось, потерпѣла полнѣйшее крушеніе. И въ эти то минуты Александръ Ивановичъ съ жаромъ убѣжденія и сознаніемъ необходимости и важности предполагаемаго учрежденія отстаивалъ свое любимое дѣтище и всегда успѣвалъ преодолѣть всѣ воздвигавшіяся препятствія. Какъ ни характерны эти послѣднія по сказывавшемуся въ нихъ полному непониманію цѣлей и задачъ такого учрежденія, какъ Константинопольскій институтъ и родственныя ему иностранныя учрежденія, давнымъ давно существующія въ Римѣ и Аѳинахъ, — мы не будемъ ихъ упоминать. Они преодолѣны — и довольно. Будущее — не сомнѣваемся, славное будущее — Константинопольскаго института покажетъ лучше всего ихъ неосновательность.

Институтъ открылся 26-го февраля 1895 года. Послѣ обычнаго молебствія, состоялось торжественное собраніе, открывшееся рѣчью самого инициатора А. И. Нелидова, упоминавшаго о той борьбѣ, которую пришлось вести за осуществленіе института, и о тѣхъ препятствіяхъ, которыя необходимо было преодолѣть. Въ рѣчи указывалось также на преимущества Константинополя, какъ мѣстонахожденія Института, передъ Римомъ и Аѳинами. Русская наука естественно болѣе западной должна тя-

готѣть къ Византіи, а здѣсь центръ этой послѣдней и, притомъ, мало изслѣдованный. Послѣ рѣчи прочитанъ былъ уставъ Института Высочайше утвержденный 23 мая 1894 года. Главную цѣль учрежденія уставъ характеризируетъ какъ «изслѣдованіе монументальныхъ памятниковъ древностей и искусства, изученіе древней географіи и топографіи, описаніе древнихъ рукописей, занятія эпиграфикой и нумизматикой, изслѣдованія быта и обычнаго права, языка и устной словесности,—однимъ словомъ исторіи и археологіи всѣхъ народностей, входившихъ въ составъ византійской имперіи». Почетнымъ предсѣдателемъ Института, на основаніи устава, состоитъ Императорскій посолъ въ Константинополѣ, на немъ же лежитъ покровительство всей дѣятельности Института въ предѣлахъ Оттоманской имперіи. Научными и хозяйственными дѣлами завѣдуетъ директоръ Института, долженствующій имѣть докторскую степень Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ. Помощникомъ его является секретарь, имѣющій магистерскую степень. Для занятій въ Институтѣ командируются молодые люди съ высшимъ образованіемъ Императорскими Академіями Наукъ и Художествъ, Университетами, Духовными Академіями, а также учеными обществами. Постоянными членами могутъ быть всѣ, служащіе въ Императорскомъ Россійскомъ посольствѣ въ Константинополѣ и мѣстные ученые. Программу занятій Института составляютъ: чтеніе спеціальныхъ курсовъ для командированныхъ въ Институтъ, изданія ученыхъ трудовъ членовъ Института, со временемъ при окончательной постановкѣ дѣла и могущихъ увеличиться пожертвованіями средствъ, экскурсіи и раскопки.

По окончаніи чтенія отчета произнесъ рѣчь директоръ Института Ѳ. И. Успенскій, намѣтившій ближайшія задачи института. Затѣмъ секретаремъ П. Д. Погодинымъ былъ прочитанъ отчетъ о подготовительныхъ работахъ по учрежденію Института, гдѣ главное мѣсто было отведено составленію библіотеки и возникающаго уже собранія древностей. Въ числѣ пожертвованій въ библіотеку Института заслуживаютъ быть особенно выдѣленными 1) пожертвованіе части дублетовъ Московскаго Румянцевскаго музея и 2) части библіотеки покойнаго М. П. Погодина въ числѣ около 400 т. Всего пожертвовано книгъ до 6000 т. Покупкою пріобрѣтена часть библіотеки покойнаго византиниста Г. С. Дестуниса, вообще куплено около 500 заглавій книгъ, въ томъ числѣ всѣ капитальнѣйшіе труды по византологіи. Уполномоченный Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества въ Константинополѣ Г. П. Беглери пожертвовалъ свое собраніе древностей, Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей—дублеты своихъ монетъ. Такимъ образомъ заложено начало не только *первой* большой научной библіотекѣ въ Константинополѣ, но и собранію древностей, имѣющему, конечно, разростаться въ будущемъ.

Такимъ образомъ, *русская* археологическая наука станетъ твердой ногой на исторической почвѣ византійско-эллинскаго Востока, получитъ

возможность на мѣстѣ изучать его памятники. Представители ея уже не будутъ являться въ качествѣ скоропреходящихъ туристовъ, принужденныхъ искать гостепріимства въ греческихъ и другихъ иностранныхъ научныхъ учрежденіяхъ, лишенныхъ возможности заниматься кабинетнымъ образомъ, за отсутствіемъ спеціальныхъ библіотекъ, въ столицѣ византійской имперіи. Но этого мало. Наука *вообще* пріобрѣла одну лишнюю станцію на Востокѣ, и, что особенно важно, въ пунктѣ въ одно и тоже время весьма важномъ и неимѣющемъ подобной станціи. Константинополь въ этомъ отношеніи гораздо важнѣе напр. Аѳинъ, гдѣ мы были бы пришельцами поздняго часа послѣ французовъ, нѣмцевъ, англичанъ и даже американцевъ, гдѣ учрежденіе института носило бы характеръ подражательности. Въ Константинополѣ, напротивъ, мы имѣемъ преимущество первой серьезной инициативы (существовавшій уже раньше нѣмецко-международный Turisten-Klub, конечно, не можетъ идти въ сравненіе съ институтомъ, хотя ученымъ и приходилось иногда прибѣгать къ содѣйствію даже такого учрежденія). Мы являемся здѣсь первыми піонерами, какъ нѣмцы въ 1829 г. въ Римѣ, и французы въ 1843 г. въ Аѳинахъ. Мы въ состояніи будемъ, наконецъ, отплатить за гостепріимство, которымъ наши ученые широко пользовались въ иностранныхъ институтахъ.

По слухамъ знаемъ мы, что на первыхъ порахъ дирекція института имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ 1) разыскивать рукописи, разбросанныя по монастырскимъ библіотекамъ Востока и 2) составить полный топографическій инвентарь всѣхъ извѣстныхъ памятниковъ, сохранившихся въ провинціяхъ византійской имперіи. Безъ сомнѣнія, обѣ эти задачи весьма важны. Стоитъ вспомнить неудовлетворительный на спѣхъ составленный каталогъ аѳонскихъ рукописей Ламброса, чтобы убѣдиться въ необходимости первой задачи. Вторая, думается, невольно выведетъ ея исполнителя, или, лучше, исполнителей за тѣсные предѣлы византійскихъ штудій, въ которые, вообще, врядъ ли удастся и тѣмъ болѣе врядъ ли желательно замыкаться институту. Неужели же мыслимо представить, чтобы напр. византинистъ-эпиграфикъ, обыкновенно, воспитавшійся на классической эпиграфикѣ, регистрирующій памятники такого-то города, или такой-то провинціи, проходилъ мимо античныхъ надписей, можетъ быть важныхъ, неизданныхъ. Это было бы преступленіемъ въ странахъ, гдѣ древніе памятники идутъ на постройки, на известь, на балластъ въ судахъ и т. д., однимъ словомъ, всячески уничтожаются. Тоже самое слѣдуетъ сказать, конечно, и объ архитектурныхъ и скульптурныхъ памятникахъ. Даже старинные дилетанты-путешественники этого не дѣлали, не говоря уже о путешественникахъ и экспедиціяхъ научныхъ, которые всегда стараются снять и такимъ образомъ закрѣпить за наукой все достопримѣчательное, изъ какихъ бы эпохъ оно ни происходило, памятуя, что разъ упущенное можетъ погибнуть навсегда. Вообще естественный ходъ и ростъ занятій института несо-

мнѣнно докажетъ, что, на ряду съ главной и характерно отличающей его задачей изученія археологіи византійской, нельзя будетъ не преслѣдовать, хотя бы въ качествѣ побочной задачи, и изученія античной археологіи. Почти не початая почва Ѳракіи, Македоніи, Виѳиніи и другихъ провинцій несомнѣнно дастъ массу матеріала и для той и для другой — и кому же какъ не нашему институту вѣдать эти столь близко лежащія къ нему провинціи? Возможныя въ будущемъ раскопки конечно также извлекутъ на свѣтъ Божій остатки не только византійской, но и классической старины. Иначе и невозможно, такъ какъ не только въ одномъ пунктѣ, но часто въ одномъ памятникѣ мы видимъ составныя части, происходящія изъ обѣихъ эпохъ.

Но будущее лучше всего само укажетъ, разумѣется, въ какомъ направленіи долженъ расширять и развивать свою программу нашъ институтъ. Теперь же на первыхъ порахъ пожелаемъ ему наивозможнаго при его молодости и скромности средствъ процвѣтанія, талантливыхъ и усердныхъ молодыхъ силъ и скорѣйшаго осуществленія важныхъ ближайшихъ задачъ, поставленныхъ имъ себѣ.

А. Щукаревъ.

Къ вопросу о вліяніи византійскаго монашества на русское. Въ «Христіанскомъ Чтеніи» за текущій годъ (вып. II, приложеніе, XIII и вып. III, прил., X.) помѣщенъ отчетъ профессорскаго стипендіата СПБ. духовной Академіи г. Левицкаго, гдѣ идетъ рѣчь объ отношеніи нравоученія русскаго подвижника Нила Сорскаго (XV—XVI в.) къ византійско-восточной аскетикѣ. Этотъ вопросъ уже не разъ ставился и такъ или иначе рѣшался въ русской ученой литературѣ (у проф. Шевырева, Порфирьева и Архангельскаго), но лишь въ интересахъ литературномъ и общеисторическомъ; г. Левицкій разсматриваетъ его со стороны внутренняго содержанія, съ цѣлью уясненія нравственнаго міровоззрѣнія русскаго моралиста Нила, который путешествовалъ по Востоку и пробылъ на Аѳонѣ, въ Царьградѣ и его окрестностяхъ «время не мало». Исходнымъ пунктомъ для изслѣдованія г. Левицкаго служитъ вопросъ, какъ пользовался Нилъ Сорскій святоотеческими твореніями — въ подлинникѣ или въ славянскихъ переводахъ. Доказавъ невозможность разрѣшить этотъ вопросъ на основаніи опредѣленія времени написанія «преданія ученикомъ», которое могло быть составлено и до-и послѣ путешествія по Востоку, и для Сорскаго скита, и для личной потребности оріентироваться въ аскетическихъ идеяхъ, заимствованныхъ на Востокѣ, — г. Левицкій обращается къ наблюденію надъ цитатами изъ аскетической литературы. Онъ сравниваетъ текстъ Нила Сорскаго съ греческимъ текстомъ аскетическихъ писателей (Исаака Сирина, Григорія Синаита и др.), отмѣчаетъ отступленія перваго отъ послѣднихъ, классифицируетъ эти отступленія и выдѣляетъ между ними такія, которыя могутъ быть объяснены чтеніемъ аскетическихъ писателей въ переводахъ, а не въ подлинникѣ. Но послѣдняго доказать документально г. Ле-

вицкій не могъ, такъ какъ въ его распоряженіи не было рукописей славянскихъ переводовъ святоотеческихъ твореній XV-го и другихъ вѣковъ. Вѣроятное пользованіе со стороны Нила восточно-аскетическою литературою въ переводѣ не говоритъ, однако, противъ предварительнаго изученія ея въ подлинникѣ; послѣднее могло только сообщить міровоззрѣнію Нила бóльшую глубину, основательность и отчетливость. Но Нилъ пользуется греко-восточною литературою иначе, чѣмъ его предшественники. Тогда какъ въ древне-русской письменности текстъ патристическихъ твореній обыкновенно служитъ аргументомъ, подтверждающимъ мысль автора или опровергающимъ мысль противоположную, у Нила отеческая письменность содѣйствуетъ раскрытію подлежащаго изложенію содержанія. Онъ мыслитъ отеческими образами, говоритъ отеческими оборотами. У него матеріалъ, взятый изъ обильнаго источника аскетической литературы Востока, составляетъ органическую часть его собственныхъ произведеній, неразрывно сросшуюся съ ними. Затѣмъ, Нилъ относится къ литературѣ восточнаго монашества критически. Онъ почти совершенно игнорируетъ легендарный и фактическій ея элементы (у Мосха, Палладія и Кассіана), но поддерживаетъ волю подвижника въ стремленіи къ совершенству пониманіемъ внутренняго смысла нравственныхъ требованій. Онъ избѣгаетъ пользоваться тѣми аскетическими произведеніями, въ которыхъ нравственныя правила излагаются въ видѣ метафоръ, фигуръ или афоризмовъ (Лѣствица и Нилъ Синайскій), но беретъ въ аскетикѣ лишь тѣ идеи, которыя проникнуты глубокимъ психологическимъ анализомъ, почему его нравоученіе имѣетъ и психологическій элементъ, хотя и далеко не оригинальный. Въ частности, на общій складъ нравственно-аскетическаго міровоззрѣнія Нила вліяли: Агаѳонъ, Варсонуфій, Филоѳей, Исихій Іерусалимскій, Нилъ Синайскій, Петръ Дамаскинъ, Іоаннъ Златоустъ, Ефремъ Сиринъ, Максимъ Исповѣдникъ, Дороѳей, Никита Стиѳатъ, Ѳеодоръ Студитъ, Григорій Двоесловъ, Андрей Критскій и Германъ Константинопольскій. Другую категорію источниковъ Нилова нравоученія составляютъ: Исаакъ Сиринъ съ Григоріемъ Синаитомъ и Симеономъ Новымъ Богословомъ, Іоаннъ Лѣствичникъ, Кассіанъ, Макарій Египетскій и отчасти Василій Великій. Изъ Василія Нилъ заимствовалъ правила внѣшняго строя монастырской жизни, словами Макарія описываетъ состояніе нравственнаго совершенства, Кассіана кладетъ въ основу ученія о восьми помыслахъ, вліяніе Лѣствицы разлито повсюду, особенно въ первомъ словѣ, Григорій, Симеонъ и Исаакъ дали обильный матеріалъ для второй главы устава. Уклоненіе отъ восточныхъ источниковъ наблюдается особенно въ первомъ словѣ, гдѣ Нилъ изъ шести моментовъ роста страсти, которые указываетъ Лѣствица (προσβολή, συνδυασμός, συγκατάθεσις, αἰχμαλωσία, πάλη, πάθος), опускаетъ πάλη, принимая въ соображеніе варіаціи этого ученія у Петра Дамаскина и Филоѳея Синаита.

Констатировавъ зависимость ученія Нила Сорскаго отъ восточно-

византійскихъ аскетическихъ писателей, г. Левицкій указываетъ далѣе характеристическія черты нравоученія послѣднихъ. По ученію восточныхъ аскетовъ, смыслъ иночества заключается въ субъективномъ отношеніи инока къ принципамъ званія, — безъ котораго оно лишается своего содержанія; монашество не имѣетъ никакого значенія само по себѣ, внѣ отношенія къ нему подвижника, и не есть нѣчто устойчиво данное, но принимаетъ въ своемъ внѣшнемъ выраженіи разнообразныя формы въ зависимости отъ психики инока (Макарій, Исаакъ, Лѣствица). Въ виду того, что монашество есть исключительно форма нравственной жизни, восточные моралисты (за исключеніемъ Кассіана) въ своихъ трудахъ занимаются не внѣшнимъ строемъ и укладомъ монашеской жизни, а живою личностью инока, анализомъ его внутренняго міра, чтобы въ зависимости отъ даннаго въ инокѣ нравственнаго содержанія установить уже внѣшній монастырскій строй. Въ связи съ указаннымъ взглядомъ на монашество стоитъ и ученіе византійско-восточныхъ аскетовъ о личности подвизающагося какъ активной силѣ, которая сознательно принимаетъ монашество и осуществляетъ его идеалы (Василій Великій, Исаакъ и др.). По ихъ воззрѣнію, иноческое совершенствованіе не можетъ быть основано на механическомъ воздѣйствіи, но созидается при условіи рѣшимости инока приблизиться къ иноческому идеалу, при участіи его воли, сознанія и вообще самодѣятельности, которая при правильномъ пониманіи вполнѣ гармонируетъ съ иноческою обязанностью безусловнаго послушанія. Вообще, по взгляду восточныхъ аскетовъ, монашество со стороны значенія для инока есть ἰατρεία, ἰατρεῖον или воспитывающая школа (Макарій), а со стороны отношенія инока къ нему — τέχνη, ἐπιστήμη, т. е. искусство, которымъ инокъ овладѣваетъ постепенно путемъ сознательно-активного участія въ дѣлѣ нравственнаго совершенствованія. Наконецъ, восточные аскеты, по мнѣнію г. Левицкаго, въ кругѣ обязанностей подвижника на первомъ планѣ ставили индивидуальныя, а общественнымъ обязанностямъ придавали второстепенное значеніе и подчиняли ихъ личнымъ. Въ этомъ смыслѣ рѣшительнѣе всѣхъ высказывается Исаакъ Сиринъ, а потомъ Макарій и Пахомій. Но и эти аскеты допускали положительное воздѣйствіе иноковъ на ближнихъ, но лишь тогда, когда они вполнѣ выполняли задачу монашества и достигали возможной высоты личнаго совершенства. Обязанности ихъ по отношенію къ ближнимъ сводились къ любви и терпѣнію. Взглядъ византійскихъ аскетовъ на обязанности къ другимъ, какъ для инока побочныя, объясняется, съ одной стороны, ихъ убѣжденіемъ въ невыполнимости прямой иноческой задачи при преждевременномъ осложненіи ея служеніемъ и на пользу другихъ, а съ другой — признаніемъ безусловной зависимости внѣшнихъ отношеній человѣка отъ совершенства въ себѣ самомъ. Итакъ, восточный аскетизмъ направленъ къ цѣли личнаго индивидуальнаго усовершенствованія, общественныя обязанности подчиняетъ личнымъ и сообщаетъ имъ дополнительный, случайный характеръ.

Эти идеи восточнаго аскетизма въ полнотѣ были усвоены Ниломъ Сорскимъ и легли въ основу его нравственнаго міровоззрѣнія. Но прошедши сквозь сознаніе моралиста иной страны и вѣка, византійско-восточное міросозерцаніе отлилось нѣсколько въ иную форму и въ нравоученіи Нила получило свои особенности. Нилъ, въ отличіе отъ восточной аскетики, характеризуетъ нравственное совершенство и процессъ его достиженія не столько съ положительной, сколько съ отрицательной стороны, и занимается болѣе матеріальнымъ, чѣмъ формальнымъ элементомъ идеала. Именно, въ ученіи о совершенствѣ и совершенствованіи все вниманіе Нила поглощено «борьбою« и подавленіемъ зла, вслѣдствіе чего слабо выражена идея и положительнаго нравственнаго роста человѣка, и христіанства, какъ реальной силы, созидающей путемъ совершенствованія «новую тварь», а совершенствованіе является лишь процессомъ въ области воли. Такимъ образомъ византійско-восточная аскетика, пройдя чрезъ русское сознаніе въ лицѣ Нила Сорскаго, утратила свою метафизику и получила практическій характеръ.

При всемъ томъ Нилъ Сорскій, какъ моралистъ, имѣетъ значеніе не въ русской только аскетикѣ, но и въ обще-восточной. Если въ русскую аскетику онъ внесъ новыя идеи, то въ аскетикѣ вообще онъ важенъ какъ систематизаторъ этихъ идей на новыхъ началахъ и по плану логическому. **И. С.**

Новый источникъ о церковной жизни Египта XIII в. Въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ на англійскомъ и арабскомъ языкахъ сочиненіе, приписываемое армянину Абу-Сали, относящееся къ первымъ годамъ XIII столѣтія и посвященное описанію церквей и монастырей Египта и нѣкоторыхъ сосѣднихъ странъ. Текстъ и переводъ изготовляются къ печати съ единственной рукописи, находящейся въ парижской національной библіотекѣ. Издаваемый г. Evetts'омъ переводъ будетъ сопровождаться статьей г. Бутлера, автора сочиненія „Anciennes églises coptes d'Egypte“ (Археол. извѣстія и замѣтки, изд. И. Моск. Арх. Общ., 1895, № 2—3, стр. 69). **И. С.**

Сообщенія въ ученыхъ Обществахъ. Въ текущемъ году въ различныхъ ученыхъ Обществахъ были сдѣланы слѣдующія сообщенія, имѣющія отношеніе къ византологіи.

1. 23 января 1895 года въ *Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ* В. Ѳ. Миллеръ прочелъ часть своего изслѣдованія: «Галицко-Волынскіе отголоски въ русскомъ эпосѣ.» Для уясненія вопроса, почему Галичъ-Волынскій въ нѣкоторыхъ былинахъ (о Дюкѣ и Михаилѣ Казарянинѣ, о сорока мученикахъ) является *эпическимъ* городомъ, референтъ предположилъ, что въ эпосѣ должны быть отголоски Галицко-Волынскихъ сказаній, относящихся къ періоду процвѣтанія Галицкой и Волынской земель, къ XII и XIII вв. Отыскивая такіе отго-

лоски, В. Ѳ. Миллеръ въ этой части своего изслѣдованія остановился на былинѣ о Дюкѣ Степановичѣ, въ которой родиной Дюка называется Галичъ-Волынскій, отождествляемый тутъ же съ Индіей богатой, и поставилъ вопросъ, можетъ ли это указаніе въ связи съ содержаніемъ былины служить къ опредѣленію мѣста и времени сложенія основной пѣсни, перешедшей впослѣдствіи чрезъ рядъ передѣлокъ въ устахъ сѣверно-русскихъ сказателей. Для отвѣта на поставленный вопросъ референтъ изложилъ результаты изслѣдованій А. Н. Веселовскаго, М. Г. Халанскаго и В. М. Истрина, установившихъ связь былины съ Эпистоліей пресвитера Іоанна, извѣстной въ русскихъ передѣлкахъ подъ названіемъ «Сказанія объ Индіи богатой», причемъ выяснилось, что вторая часть былины о Дюкѣ (описаніе его богатствъ) представляетъ сходство не съ русской, сравнительно поздней редакціей сказанія, а съ той частью латинской эпистоліи, которая считается переведенной съ греческаго языка и содержитъ описаніе дворца и обстановки пресвитера. Отсюда вытекаетъ предположеніе, что первоначальная пѣсня о Дюкѣ должна была сложиться еще въ домонгольскій періодъ и въ такой области Руси, куда могъ зайти путемъ сношеній предполагаемый *византійскій* прототипъ, послужившій отчасти матеріаломъ для русской пѣсни. Для уясненія условій, при которыхъ могла появиться пѣсня, референтъ на основаніи византійскихъ источниковъ (Никиты Хоніата, Киннама) охарактеризовалъ отношенія Галицкаго княжества къ Византіи въ XII в. и особенно остановился на свѣдѣніяхъ о пребываніи византійскаго царевича Андроника, двоюроднаго брата императора Мануила, при дворѣ Ярослава Осмомысла въ 60-хъ годахъ XII вѣка. Къ тѣмъ же годамъ относится письмо пресвитера Іоанна изъ Индіи, адресованное именно императору Мануилу и представляющее политическій памфлетъ, направленный противъ него. Указавъ на извѣстность Мануила въ русской книжной литературѣ, референтъ сдѣлалъ заключеніе, что *основная* пѣсня о Дюкѣ по времени сложенія должна быть ближе ко времени появленія эпистоліи пресвитера Іоанна и могла явиться въ Галицкой области, причемъ идея противопоставленія боярина князю по богатству находится въ связи съ исторически-извѣстными отношеніями богатаго галицкаго боярства къ князьямъ; внесеніе князя Владиміра и города Кіева въ былину принадлежитъ болѣе поздней редакціи.

2. Въ *Обществѣ Любителей Древней Письменности* въ засѣданіи 27-го января В. Ѳ. Боцяновскимъ было сдѣлано сообщеніе «О происхожденіи ересей стригольниковъ и жидовствующихъ». Приведя многочисленные доводы, на основаніи которыхъ обѣ эти ереси можно считать заимствованными съ Запада, референтъ не счелъ возможнымъ согласиться съ мнѣніемъ Ѳ. И. Успенскаго, ставящаго ересь стригольниковъ въ связи съ богумильствомъ. Главнымъ основаніемъ для возраженія служитъ, по мнѣнію г. Боцяновскаго, отсутствіе въ ереси стригольниковъ дуалистическаго ученія и принципіальнаго отрицанія іерархіи—типичныхъ

чертъ богумильской ереси. Референтъ представилъ живую картину умственнаго броженія въ XV в. въ Московской Руси, являвшагося отголоскомъ гуманистическаго и реформаціоннаго движенія Западной Европы въ соотвѣтствующую эпоху. Взгляды Ѳ. И. Успенскаго, оспариваемые референтомъ, нашли себѣ защитника въ лицѣ П. А. Сырку, настаивавшаго на томъ, что русскія ереси имѣютъ много общихъ чертъ съ ересью богумиловъ и что кажущееся отсутствіе дуалистическаго элемента въ ереси стригольниковъ можетъ быть обяснено скудостью свѣдѣній о ней.

3. Въ собраніи *того же Общества* 24-го февраля 1895 года Х. М. Лопаревъ сдѣлалъ сообщеніе о недавно изданной болландистами книгѣ Bibliotheca hagiographica graeca (объ изданныхъ житіяхъ греческихъ святыхъ). Докладчикъ предпослалъ своему сообщенію нѣсколько словъ о литературной исторіи агіографіи и о значеніи переводныхъ житій въ древней Руси и въ наше время; затѣмъ подробно разсмотрѣлъ названную книгу, выяснилъ всѣ ея выдающіяся достоинства и сдѣлалъ нѣсколько дополненій именъ святыхъ и библіографическихъ справокъ, пропущенныхъ болландистами. Въ заключеніе референтъ выяснилъ вопросъ о происхожденіи слова перворѣтій (обозначеніе октября мѣсяца), до сихъ поръ считавшееся за древне-русское или славянское слово: на основаніи житій святыхъ докладчикъ доказалъ его греческое или, вѣрнѣе, древне-македонское происхожденіе (hyperberetis). Сообщеніе вызвало замѣчаніе почетнаго члена общества Т. И. Филиппова, который не вполнѣ согласился съ мнѣніемъ докладчика о неподвижности въ развитій риторическаго искусства и замѣтилъ, что классическіе образцы даны были еще въ V вѣкѣ, и съ тѣхъ поръ византійцы не могли внести ничего новаго. П. А. Сырку къ числу пропущенныхъ именъ святыхъ добавилъ еще имя св. Іоанна Ватаци.

4. 20-го марта въ засѣданіи *классическаго отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго Общества* академикъ В. В. Латышевъ сдѣлалъ сообщеніе «О христіанскихъ надписяхъ на югѣ Россіи». Изслѣдованіе г. Латышева представляетъ обзоръ всѣхъ обнаруженныхъ въ различныхъ пунтахъ сѣвернаго побережья Чернаго моря греческихъ надписей, какъ сохранившихся, такъ и извѣстныхъ только по описаніямъ и воспроизведеніямъ Среди надписей, разобранныхъ докладчикомъ, обращаютъ на себя вниманіе: херсонесская надпись временъ императора Зенона (474—491), относящаяся къ сооруженію херсонесскихъ укрѣпленій; надпись надъ могилой епископа Ѳеодора (при Алексѣѣ Комнинѣ 1081—1118), надписи, открытыя А. Л. Бертье-де-ла Гардомъ въ пещерныхъ церквахъ Инкермана (1272 года) и надписи въ Мангубѣ (средневѣковый городъ Ѳеодоро). Въ засѣданіи того же отдѣленія 10-го апрѣля В. В. Латышевъ еще разъ обратился къ вопросу о христіанскихъ надписяхъ въ южной Россіи и, между прочимъ, остановился на херсонской надгробной надписи 1059 г. по Р. Х съ именемъ императора Исаака Комнина и надгробныхъ

греческихъ надписяхъ въ Керчи отъ 436 и 757 г. по Р. Хр. (Визант. Времен., т. I, в. 3—4, стр. 657—672, т. II, в. 1—2, стр. 184—188).

5. Тогда же и *въ томъ же отдѣленіи* было прочтено сообщеніе Е. К. Рѣдина «О мозаикѣ пола въ церкви евангелиста Іоанна въ Равеннѣ», и выслушано сообщеніе Н. И. Веселовскаго «О христіанскихъ катакомбахъ въ Керчи». Изслѣдованіе г. Рѣдина о мозаикахъ, относящихся къ XIII вѣку, устанавливаетъ связь между имѣющимися здѣсь звѣрными изображеніями и литературными данными Физіолога, равно какъ и другими иконографическими памятниками того же рода. Н. И. Веселовскій сообщилъ доставленныя въ Императорскую археографическую коммиссію изображенія вновь отрытыхъ въ Керчи катакомбъ, съ большою на стѣнѣ греческою надписью, заключающей 90-й псаломъ.

6. Въ засѣданіи *Славянской Коммиссіи* И. Московскаго Археологическаго Общества 17 марта А. В. Михайловъ сдѣлалъ докладъ «О текстахъ книги Бытія Моисея въ Толковой Палеѣ». Докладъ былъ посвященъ исторіи текста Бытія въ старославянской и русской литературѣ: переводъ Бытія, одинъ и тотъ же въ полныхъ текстахъ Священной Книги и въ Паримейникахъ, распался на двѣ редакціи — юго-славянскую и русскую; послѣдняя образовалась около XIV вѣка. Толковая Палея, основу которой составляетъ книга Бытія, была составлена уже на основаніи славянскаго перевода Бытія и при томъ русской редакціи. Отсюда выводъ: Палея въ XIII—XIV в. составлена въ Россіи и русскимъ авторомъ.

7. 10 марта въ засѣданіи *Общества Любителей Древней Письменности* А. П. Вороновъ сдѣлалъ сообщеніе о «Духовномъ завѣщаніи препод. Лазаря Муромскаго». Въ духовномъ завѣщаніи сообщаются свѣдѣнія о препод. Лазарѣ, уроженцѣ «славнаго Рима града» (Константинополя), пріѣзжавшаго въ Новгородъ одинъ разъ съ епископомъ Евменіемъ для врученія новгородскому владыкѣ Василію бѣлаго клобука, а другой разъ по порученію кесарійскаго владыки Василія — для списанія иконы св. Софіи. Во второй свой пріѣздъ препод. Лазарь остался окончательно на Руси и послѣ двухъ видѣній отправился на о. Мучъ на Онежскомъ озерѣ, гдѣ основалъ обитель во имя Пресвятой Богородицы и сдѣлался просвѣтителемъ Лопи и Чуди. Г. Вороновъ подробно изложилъ содержаніе духовнаго завѣщанія. **И. С.**

Древняя икона византійскаго стиля и сужденіе о ней русскаго археолога. Въ Маріуполѣ, въ Харлампіевскомъ соборѣ, хранится крайне интересная икона св. Георгія, привезенная въ Маріуполь выселившимися изъ Крыма греками; по преданію, она была взята изъ Балаклавскаго Георгіевскаго монастыря. Икона вырѣзана рельефомъ на доскѣ и покрыта мастикою, которая отъ древности осыпается, а дерево отваливается. Снимокъ съ этой иконы былъ направленъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ къ проф. Н. В. Покровскому, который сообщаетъ объ этомъ памятникѣ слѣдующее. Икона имѣетъ около $1^1/_2$ арш.

высоты и предназначалась, вѣроятно, для церковнаго, а не для домашняго употребленія. Св. Георгій, изображенный на иконѣ, издревле пользовался большимъ уваженіемъ какъ въ Византіи, такъ и въ Сиріи, и въ Россіи, особенно на Кавказѣ, гдѣ онъ, какъ каппадокіецъ по происхожденію, считался національнымъ святымъ. Эта неясность происхожденія иконы, а равно и то, что профессоръ не видѣлъ оригинала, не позволяютъ ему высказаться прямо: въ Византіи или на Кавказѣ (два наиболѣе вѣроятные пункта) изготовлена она. Но во всякомъ случаѣ она носитъ на себѣ несомнѣнные признаки византійскаго стиля. Этотъ стиль выражается какъ въ главной фигурѣ, изображающей воина со щитомъ въ лѣвой рукѣ, снабженнымъ обычною выпуклостію (ὀμφαλός), и съ длиннымъ копьемъ въ правой и пр. и всецѣло напоминающей св. воина Георгія, — такъ и въ композиціяхъ на поляхъ, которыя изображаютъ событія изъ жизни св. Георгія. Всѣ эти композиціи, за исключеніемъ одной, описаны и въ греческомъ иконописномъ подлинникѣ, который въ своей послѣдней редакціи относится къ эпохѣ возрожденія греческаго искусства, но на ряду съ новшествами удерживаетъ и многія черты отдаленной византійской старины. Въ данномъ памятникѣ и встрѣчаются именно эти древнія черты. Что изображеніе св. Георгія въ видѣ стоящаго воина въ христіанской иконографіи древнѣе Георгія-всадника, объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе памятники. Вся фигура центральнаго изображенія дышетъ тѣмъ величавымъ спокойствіемъ, которымъ отличаются памятники вторичнаго процвѣтанія византійскаго искусства въ XI—XII вѣкахъ. Она довольно правильна и красива, но тонкія длинныя ноги даютъ понятіе объ эпохѣ, близкой къ упадку византійскаго искусства. Въ боковыхъ композиціяхъ замѣтна значительная жизненность и простота, чуждая того отталкивающаго реализма, которымъ щеголяютъ художники эпохи упадка. Трактованіе сценъ мученія здѣсь напоминаетъ соотвѣтствующія сцены въ миніатюрахъ ватиканскаго минологія X вѣка, а также сцены изъ Евангелія на Беневентскихъ вратахъ XII вѣка, отличающіяся несложностью, правильностью и красотой. Въ частности по отношенію къ главной фигурѣ — центральной можно указать аналогіи въ чеканномъ изображеніи св. Георгія въ Джумати XII в., но маріупольская икона, повидимому, не имѣетъ грузинскихъ примѣсей, очевидныхъ въ Джуматскомъ изображеніи. Техника иконы довольно высокая, соотвѣтствующая намѣченной эпохѣ; орнаментика на поляхъ изящная. Необыкновенная пластичность формъ, высота рельефа выдѣляетъ икону изъ ряда однородныхъ произведеній того времени. При первомъ впечатлѣніи можетъ даже возникнуть вопросъ: не имѣетъ ли близкаго соотношенія эта икона съ аѳонскою рѣзьбою XVI вѣка, которая отличается подобною же высотою рельефовъ; но внимательное разсмотрѣніе иконы заставляетъ объяснить эту особенность свойствомъ матеріала и характеромъ техники. «Я, заключаетъ свой взглядъ на памятникъ почтенный профес-

соръ, оставляю въ сторонѣ нѣкоторыя детали, напр., въ костюмировкѣ, архитектурныхъ формахъ (колонна), въ строеніи пещеры погребальной и саркофага (сцена воскрешенія мертвеца), которыя прямо указываютъ на византійскую древность, но разборъ которыхъ для ближайшихъ цѣлей представляется излишнимъ. Полагаю, что, въ виду указанныхъ соображеній, икону слѣдуетъ отнести къ XI или XII вѣку, скорѣе къ первому, чѣмъ ко второму» (Арх. изв. и зам., 1895, № 6).

И. С.

Археологическая находка византійскаго характера. Близъ села Таганчи, Каневскаго уѣзда, мѣстнымъ крестьяниномъ была сдѣлана интересная находка на полѣ, при раскопкѣ кургана, который онъ желалъ распахать. Въ курганѣ, въ гробу изъ дубовыхъ брусьевъ, сбитыхъ желѣзными костылями, найденъ покойникъ, похороненный вмѣстѣ съ лошадью. Богатство вооруженія и полнота его возбуждаютъ особый интересъ. Изъ предметовъ этого вооруженія найдены слѣдующіе: шлемъ-шишакъ, желѣзный, съ высокимъ шпицемъ, съ особымъ щиткомъ для носа и рта и сѣткой для шеи; кольчуга изъ колецъ, желѣзная; шесть серебряныхъ бляхъ съ тканью для защиты груди; шейная золотая гривна, медальонъ на серебряной пластинкѣ позолоченный, съ изображеніямъ лика Спасителя и греческими буквами по сторонамъ — α и ω; серебряная трость въ видѣ скиптра, серебряный аграфъ для застегиванія одежды, желѣзная сабля въ серебряныхъ ножнахъ, серебряная чаша и пр. Вся находка пріобрѣтена г. Хойновскимъ и помѣщена въ его кіевскомъ музеѣ. 5-го марта въ засѣданіи Историческаго общества Нестора Лѣтописца о находкѣ былъ сдѣланъ докладъ г. Ляскоронскимъ, по мнѣнію котораго найденные предметы принадлежали какому-нибудь вождю, носятъ на себѣ *византійскій характеръ* и вѣроятно относятся къ X вѣку. Особенно интересною представляется смѣсь христіанства (икона Спасителя) и язычества (погребеніе съ лошадью).

И. С.

ОБЪЯСНЕНІЕ РИСУНКОВЪ

НА ТАБЛИЦАХЪ IV—VIII.

(**Е. Рѣдинъ**, Половая мозаика церкви св. Евангелиста Іоанна въ Равеннѣ).

Рис. 1 агнецъ.
» 2 двѣ женщины съ цвѣткомъ.
» 3 женщина съ цвѣткомъ и сосудомъ.
» 4 двѣ человѣческихъ фигуры по сторонамъ башни.
» 5 два пѣтуха, несущіе ящерицу.
» 6 гусь.
» 7 двѣ рыбы.
» 8 олень.
» 9 волкъ.
» 10 корова.
» 11 сфинксъ.
» 12 грифъ.
» 13 краббъ (?).
» 14 сирена.
» 15 единорогъ.
» 16 пантера.
» 17—26 крѣпости, корабли, воины, сцена казни у Константинополя и др.
» 27—28 новыя геральдическія изображенія, заключенныя въ рамки древней мозаики.

Фототип. Шереръ, Набгольцъ и К. Москва

ПОЛОВАЯ МОЗАИКА ЦЕРКВИ СВ. ЕВАНГЕЛИСТА ІОАННА ВЪ РАВЕННѢ. (Рис. 11, 15.)

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° Москва

ПОЛОВАЯ МОЗАИКА ЦЕРКВИ СВ. ЕВАНГЕЛИСТА ІОАННА ВЪ РАВЕННѢ (Рис. 17—22).

ОТДѢЛЪ I.

5.

Синодальное постановленіе Константинопольскаго патріарха Харитона (1177—1178 г.) о третьемъ бракѣ, редактированное Θеодоромъ Вальсамономъ.

Все, что вышло изъ-подъ пера великаго греческаго канониста XII вѣка Θеодора Вальсамона, безъ сомнѣнія, должно имѣть особенный интересъ для ученыхъ канонистовъ нашего времени. Списокъ его сочиненій, извѣстныхъ по разнымъ печатнымъ изданіямъ, увеличивается теперь еще однимъ, доселѣ неизданнымъ сочиненіемъ—трактатомъ о третьемъ бракѣ[1]). Это собственно оффиціальный документъ, именно: синодальное постановленіе патріарха Харитона, редактированное Вальсамономъ по должности хартофилакса Великой церкви. Но кто знаетъ этого хартофилакса, какъ авторизованнаго толкователя каноническаго кодекса восточной церкви, тотъ не можетъ сомнѣваться, что ему принадлежитъ не только литературная форма издаваемаго синодальнаго акта, но и все его содержаніе: не патріархъ съ своимъ синодомъ, а его хартофилаксъ былъ настоящимъ рѣшителемъ вопроса, составлявшаго предметъ синодальныхъ разсужденій. Вопросъ предложенъ былъ Аоинскимъ митрополитомъ Николаемъ и состоялъ въ слѣдующемъ: родственникъ названнаго митрополита, по имени Михаилъ, былъ разъ обрученъ по церковному обряду съ одной дѣвицей, но послѣдняя умерла до совершенія надъ обрученными брачнаго вѣнчанія. По тогдашнимъ византійскимъ законамъ, именно по повелѣ Алексѣя

1) Издается по рукописи Московской синодальной библіотеки 1687 г. № 33, л. 75 об.—77.

Комнина 1084 года, сравнявшей церковное обрученіе съ бракомъ [1]), смерть невѣсты была для Михаила то же, что вдовство послѣ перваго брака. За этимъ законнымъ вдовствомъ вскорѣ послѣдовало дѣйствительное, послѣ котораго Михаилъ, какъ человѣкъ еще молодой, желалъ вступить въ новый бракъ. Но не будетъ ли это уже *третій* бракъ, съ церковной точки зрѣнія предосудительный?—По этому вопросу въ синодѣ прежде всего прочитанъ былъ длинный отрывокъ изъ такъ называемаго «тома соединенія» (τόμος ἐνώσεως), изданнаго въ 920 году по поводу раскола въ греческой церкви, произведеннаго четвертымъ бракомъ императора Льва Мудраго. Въ этомъ «томѣ», безусловно запретившемъ четвертый бракъ, о третьемъ бракѣ дано (и теперь прочитано въ синодѣ) такое постановленіе: кто овдовѣетъ послѣ второго брака, не достигнувъ 40 лѣтняго возраста и не имѣя дѣтей отъ прежнихъ браковъ, тому дозволяется вступить въ третій бракъ; но онъ подвергается пятилѣтней церковной епитиміи за невоздержаніе. Михаилъ, о которомъ идетъ дѣло,—говорится далѣе въ синодальномъ актѣ,—вполнѣ подходитъ подъ это постановленіе: ему нѣтъ еще 40 лѣтъ и онъ не имѣетъ дѣтей. При томъ же первое его обрученіе нельзя считать за дѣйствительный бракъ, такъ какъ за этимъ обрученіемъ не послѣдовало церковнаго вѣнчанія. Если же кто сошлется на извѣстную новеллу Алексѣя Комнина, въ которой молитва надъ обручаемыми принимается за полное брачное священнословіе, тотъ пусть услышитъ, что бракъ, просимый Михаиломъ при наличности условій, указанныхъ въ приведенномъ постановленіи «тома соединенія», не можетъ быть признанъ запрещеннымъ, если даже и считать въ настоящемъ случаѣ предбрачное церковное обрученіе за полный бракъ. Затѣмъ, въ виду возможныхъ или дѣйствительно высказанныхъ нѣкоторыми членами синода возраженій, что третій бракъ вообще осуждается церковію, что это осужденіе содержится и въ самомъ «томѣ соединенія» и въ особенности въ правилахъ Василія Великаго, назвавшаго третій бракъ «наказаннымъ блудомъ» (κεκολασμένη πορνεία), въ синодѣ прочитаны были два относящіяся къ дѣлу правила названнаго св. отца, именно 4-е и 50-е, на которыя уже имѣлись въ каноническомъ церковномъ кодексѣ толкованія тогоже Вальсамона. По смыслу этихъ правилъ и толкованій, третій бракъ, хотя и осуждается,

1) См. подлинникъ этой новеллы у Цахаріэ въ Jus graeco-romanum, pars III, p. 359 и славянскій переводъ—въ Кормчей гл. 43, стат. 2.

какъ нравственная нечистота, и влечетъ за собою церковную епитимію, но не можетъ быть признанъ ничтожнымъ и недѣйствительнымъ. Наконецъ прочитаны были разные гражданскіе законы изъ Базиликъ, говорящіе о третьемъ бракѣ, какъ о дѣлѣ вполнѣ законномъ. На основаніи всѣхъ этихъ церковныхъ правилъ и законовъ въ синодѣ состоялось по дѣлу такое постановленіе: третій бракъ не только не запрещается канонами и законами, но и безпрепятственно (ἀδιαστίκτως) дозволяется. И «томъ соединенія» не подводитъ этотъ бракъ подъ какое либо особенное постановленіе. Что же касается до приведенныхъ двухъ правилъ Василія Великаго, то въ нихъ предписывается только налагать на второбрачныхъ и третьебрачныхъ церковную епитимію, а отсюда само собою слѣдуетъ, что тѣ и другіе браки совершаются канонически, хотя второй подлежитъ меньшей епитиміи, а третій—большей. И кто (изъ духовныхъ іерарховъ) дѣлаетъ не такъ, но второй бракъ допускаетъ, хотя и съ епитиміею, а третій устраняетъ, хотя онъ и не запрещенъ: тотъ вступаетъ въ противорѣчіе съ каноническими законоположеніями и становится какъ бы болѣе рачительнымъ, чѣмъ эти послѣднія, о добродѣтельной и цѣломудренной жизни народа, что̀ нелѣпо. Равнымъ образомъ и приведенная (по Базиликамъ) Юстиніанова новелла, изданная *гораздо позднѣе* изложенныхъ правилъ Василія Великаго, приняла третій бракъ не какъ запрещенный, хотя и подвергла вступающихъ въ такой бракъ нѣкоторому имущественному ущербу. Значитъ, и прежде изданія «тома соединенія» заключившіе третій бракъ не наказывались, какъ виновные въ совершеніи чего либо противузаконнаго, и союзъ ихъ не расторгался, какъ ничтожный и недѣйствительный. Въ тѣ древнія времена законы и божественные каноны не обращали вниманія ни на возрастъ, совершенный или несовершенный, ни на близость старости и избытокъ силъ молодости, ни на то, есть ли у вдовца послѣ втораго брака дѣти, или нѣтъ; напротивъ, третій бракъ дозволялся безразлично, хотя и назывался «скверною» и «нечистотою» (καὶ ταῦτα μῦσος κεκλημένος καὶ ῥύπασμα). А императоръ и отцы собора, издавшіе «томъ соединенія», принявъ во вниманіе всѣ указанныя обстоятельства, впервые установили различіе между дозволенными и запрещенными третьими браками. Бракъ, о которомъ идетъ дѣло, по выше указаннымъ причинамъ, относится къ числу дозволенныхъ, и даже не подлежитъ епитиміи, опредѣленной въ «томѣ соединенія» за третій бракъ, потому что это, какъ выше объяснено, въ сущности не третій бракъ, а второй.

Τοῦ ἁγιωτάτου πατριάρχου Ἀντιοχείας κυρίου Θεοδώρου τοῦ Βαλσαμῶν, ἔτι χαρτοφύλακος ὄντος, σημείωμα συνοδικὸν γενόμενον ἐπὶ τῶν ἡμερῶν τοῦ ἁγιωτάτου πατριάρχου κυρίου Χαρίτωνος, χάριν τῶν τριγάμων.

Σύνεσις ἐν πολλῇ βουλῇ, ὁ προφητικώτατος ἔφησε Σολομών [1]). Τῇ γὰρ συνδρομῇ τῶν πολλῶν βουλευμάτων κατατροποῦται μὲν τὸ λανθάνον καὶ ὑποκαθήμενον ἀσύνετον νόημα, ἐκθρώσκει δὲ τὸ συνετὸν κοινοβούλιον, ὡς εἴ τις ὁπλιτοπάλης ἀκοντιστής. Τοῦτο εἰδὼς καὶ ὁ ἱερώτατος μητροπολίτης Ἀθηνῶν Νικόλαος, εἶπε πρὸς τὴν ἡμῶν μετριότητα, σήμερον προκαθημένην συνοδικῶς, ὡς προσγενὴς αὐτοῦ καλούμενος Μιχαὴλ ἔλαβε πρὸ χρόνων τινῶν εὐχὴν μνηστείας μετά τινος γυναικός, μήπω τελεσθείσης καὶ γαμικῆς ἱερολογίας μέσον αὐτῶν, ταύτης μὲν διεζύγη διὰ τὴν τοῦ θανάτου ἀπόφασιν, ἑτέρᾳ δὲ συνεζύγη διὰ τῆς φύσεως τὴν κατέπειξιν. Χρόνου δὲ παραδραμόντος ἑνός, ὁ πάντων ἀφειδὴς πικρώτατος θάνατος ἀωρὶ καὶ ταύτην ἀφήρπασεν. Ἔτι γοῦν νεάζων ὁ Μιχαὴλ καὶ μὴ θέλων ἀντέχεσθαι πρὸς τὰ πάθη τὰ σαρκικά, ζητεῖ γαμετὴν ἑτέραν κατὰ νόμους λαβεῖν καὶ τὰς ἄρκυς τῆς πορνείας φυγεῖν. Τῷ τοι καὶ ἐρωτᾷ· εἰ κεκωλυμένος ὁ γάμος οὗτος ἦν; Ἤκουσεν οὖν ἀπὸ τῆς ἡμῶν μετριότητος καὶ τῆς ἱερᾶς τῶν ἀδελφῶν ὁμηγύρεως, ὡς ὁ νεαρὸς τῆς ἑνώσεως τόμος τοῦ ἀοιδίμου βασιλέως κυρίου Κωνσταντίνου τοῦ Πορφυρογεννήτου, συνοδικῇ διασκέψει γενόμενος κατὰ τὴν ὀγδόην ἰνδικτιῶνα τοῦ ͵ςυκη′ ἔτους, καὶ παρὰ παντὸς τοῦ χριστωνύμου λαοῦ μέχρι τοῦ νῦν σεβαζόμενος, κἀντεῦθεν ἐτησίως ἐπ᾽ ἄμβωνος ἀναγινωσκόμενος, ἔλυσεν εὐμαρῶς τὰ διὰ τὸν τρίτον γάμον συμπίπτοντα σκάνδαλα. Καὶ ἡ τούτου πάροδος ἀνάντης οὖσα καὶ δυσχερής, ἐξωμαλίσθη τῇ χάριτι τοῦ Θεοῦ. Φησὶ γὰρ ἐν μέρει ταῦτα ῥητῶς· «ἵνα δὲ καὶ τὰ τῶν ἄλλων γάμων εὐσχημονέστερον τυπωθῇ, καὶ τοῦ τῶν χριστιανῶν βίου μὴ ἀνάξιον ἔχῃ τὴν προαγωγήν, καὶ περὶ τοῦ τρίτου ὁρίζομεν γάμου, ὥστε μὴ ἁπλῶς, μηδὲ ὡς ἔτυχεν, ἐπιτελεῖσθαι αὐτόν· καὶ γὰρ συγκεχώρηται μὲν ὡς ῥύπασμα τοῖς πατράσιν, οὔπω τότε, καθὼς νῦν, γινομένου τοῦ πράγματος ἀπηρυθριασμένως, οὐδ᾽ εἰς πλάτος ἐξηπλωμένου, ἀλλ᾽ ὥσπερ εἴ τις ἐν οἴκῳ παραπεπτωκὸς ἐν γωνίᾳ πολλάκις ἴδῃ κείμενον ῥύπασμα [2]). Νῦν δέ,

---

1) Примѣч. XI, 14. Но Соломонъ говоритъ здѣсь не совсѣмъ то, что̀ Вальсамонъ. Вмѣсто σύνεσις у него стоитъ σωτηρία.

2) Далѣе вставлена въ текстъ слѣдующая схолія:
Ὁ ἅγιος Νικηφόρος πατριάρχης Κωνσταντινουπόλεως ἔτη πέντε ἐπιτιμᾷ τὸν τρίγαμον ἐν κεφαλαίῳ αὐτοῦ λς′ ἁπλῶς οὕτω καὶ ἀδιαστάκτως· ὁ δὲ ἁγιώτατος Σισίνιος, τριετίαν. Καὶ ζητεῖ ταῦτα ὄπισθεν ἐν τοῖς κανόσιν αὐτοῦ.

ὅτε χώραν ἔλαβε παρρησίας, καὶ ὡς οὐδὲν ἔχων εἰς ἀσχημοσύνην, οὐδὲ ῥυπαίνων λογίζεται ἐκ τοῦ προβῆναι εἰς πληθυσμόν, καλῶς ἔδοξεν ἀνακαθαίρειν αὐτόν, ὥσπερ καὶ αἶσχος οὐκ ἐν γωνίᾳ παρερριμμένον, ἀλλ' ἐξηπλωμένον ἐπὶ τῆς οἰκίας, οὐδαμῶς ἐῶμεν, ἀλλὰ καθαίρομεν, καὶ τὸ ἐκ τούτου ἀηδὲς ἀποβάλλομεν. Καὶ τῇ ἀνθρωπίνῃ τοίνυν συνυπείκοντες ἀσθενείᾳ, καὶ τῆς πρεπούσης εὐσχημοσύνης φροντίδα ποιούμενοι τῇ τῶν χριστιανῶν ζωῇ, τοῦτο ἐπὶ τῶν τριγάμων παραφυλάττεσθαι διορίζομεν, ὥστε εἴ τις πρὸς τεσσαρακοστὸν ἀναβεβηκὼς ἔτος, καὶ μήτε τὴν φύσιν αἰδούμενος, μήτε τῆς ὀφειλομένης χριστιανοῖς εὐκόσμου ζωῆς φροντίδα ποιούμενος, ἀλλὰ μόνης τῆς ἐμπαθοῦς ἐπιθυμίας γινόμενος, πρὸς τρίτον ἑαυτὸν ἐρρίπτοι γάμον, τοῦτον μετὰ πάσης ἀκριβείας καὶ παρατηρήσεως μέχρι τετραετίας [1]) ἀμέτοχον εἶναι τῆς τοῦ ἁγιασμοῦ μεταλήψεως, καὶ μηδαμῶς ἐπ' αὐτῷ συντέμνεσθαι τὸν χρόνον· ὃς γὰρ μετὰ τὸ τεσσαρακοστὸν ἔτος [τὸ] ῥύπασμα ἐν τῇ τοῦ Χριστοῦ ἐκκλησίᾳ εἶναι καὶ λέγεσθαι ἠγάπησε, τίνα παρέξει πληροφορίαν τῆς περὶ τὸν βίον σπουδῆς, δι' ἣν ὁ χρόνος τῆς μεταλήψεως τῶν ἁγιασμάτων αὐτῷ συντμηθήσεται; Ἀλλὰ γὰρ καὶ μετὰ τὸ ἀξιωθῆναι τῆς ἀχράντου μεταλήψεως, οὐκ ἔσται συγκεχωρημένον αὐτῷ ἐν ἄλλῳ καιρῷ τῇ μεταλήψει προσιέναι, ἢ ἐν μόνῃ τῇ σωτηρίῳ τοῦ Χριστοῦ καὶ Θεοῦ ἡμῶν ἀναστάσει, διὰ τὴν ἐκ τῆς προηγουμένης ἐγκρατείας τῶν νηστειῶν, ὅσον δυνατόν, ἀνακάθαρσιν. Ταῦτα δὲ φαμέν, ὅταν μὴ τέκνα παρῇ ἐκ τῶν προτέρων γάμων τοῖς ἤδη μετὰ τὸ τεσσαρακοστὸν ἔτος τρίτην ἀγαγέσθαι γυναῖκα· ἐπεί, ἐὰν τέκνα παρῇ, ἀσυγχώρητος αὐτοῖς ἡ τριγαμία· λίαν γάρ ἐστιν ἄδικον, τὸν μὲν χαρίζεσθαι τῇ ἐξώρῳ ἐπιθυμίᾳ, τοῖς δὲ παισὶ τῶν προτέρων γάμων μὴ προνοεῖσθαι τὸ ἀσφαλές, καὶ τὸ ἄλυπον, καὶ ἀτάραχον, καὶ ὅσα οἶδε τὸ ἀνθρώπινον καταλαμβάνειν ἐκ τῆς πολυσπόρου τεκνώσεως. Καὶ εἴ τις δὲ τριακονταέτης ὢν καὶ τέκνα ἔχων ἐκ τῶν προλαβόντων γάμων, τρίτῃ γυναικὶ συναλλάττοιτο [2]), καὶ οὗτος ἀσυγχώρητος μέχρι τετάρτου ἔτους, καὶ τῆς κοινωνίας τῶν ἁγιασμάτων ἀμέτοχος ἔσται· ὅτι [3]) δῆλος ἦν [4]), ἐξ οὐδενὸς ἑτέρου, ἀλλ' ἢ ὑπὸ τῆς ἀκρασίας κινούμενος, καὶ τοῦ δοῦλος εἶναι σαρκικῆς ἐπιθυμίας, ἐπὶ τὸν τοιοῦτον γάμον ἐλθεῖν. Καὶ μετὰ τὸ τυχεῖν δὲ τῆς μεταλήψεως τῶν μυστηρίων, τρὶς τοῦ ἐνιαυτοῦ μόνον ἀξιωθήσεται τῆς ἀπολαύσεως τούτων· ἅπαξ μέν, ἐν τῇ σωτηρίῳ τοῦ Χριστοῦ καὶ Θεοῦ ἡμῶν ἀναστάσει· δεύτερον δέ, ἐν τῇ κοιμήσει τῆς ἀχράντου Δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου· καὶ τρί-

1) Въ печатныхъ изданіяхъ: πενταετίας.
2) Въ печат. изд. συνάπτοιτο.
3) διότι — тамъ же.
4) ἐστιν.

τον, ἐν τῇ γενεθλίῳ ἡμέρᾳ τοῦ Χριστοῦ καὶ Θεοῦ ἡμῶν, διὰ τὸ ἐν ταύταις προηγεῖσθαι νηστείαν καὶ τὸ ἐκ ταύτης ὄφελος. Εἰ δὲ παῖδες μὴ παρείησαν, ἐπειδὴ τὸ τεκνογονίας ἐπιθυμεῖν οὐκ ἀσύγγνωστον, τηνικαῦτα συγγνώμης ἀξιωθήσεται ὁ τοιοῦτος γάμος, καὶ μόνῳ τῷ ἐξ ἀρχῆς καὶ μέχρι τοῦ νῦν κρατήσαντι ἐπιτιμίῳ θεραπευθήσεται»[1]). Εἰ γοῦν ὁ Μιχαὴλ ἄπαις ἐστὶ μέχρι τοῦ νῦν καὶ τὸν τεσσαρακοστὸν οὐχ ὑπερέβη χρόνον, ἀπροκριματίστως τὸν τοιοῦτον συναλλάξει γάμον. Μνηστεία γὰρ καὶ μόνη κατὰ τὸ πρῶτον προέβη συνάλλαγμα, καὶ νομίμου γάμου τελετὴ οὐκ ἐπηκολούθησεν. Εἰ δέ τις εἴποι, ὡς ἡ σήμερον διδομένη τοῖς μνηστευομένοις εὐχή, τελεία γαμικὴ ἱερολογία λογίζεται, κατὰ τὴν προσκυνητὴν νεαρὰν τοῦ ἀοιδίμου ἁγίου βασιλέως κυρίου Ἀλεξίου τοῦ Κομνηνοῦ, τοῦ πάππου τοῦ θεοστεφοῦς ἡμῶν αὐτοκράτορος, ὅτι ταῖς αὐταῖς αἰτίαις καὶ αὕτη λύεται, αἷς καὶ ὁ τέλειος γάμος διασπᾶται, ἀκούσει πάντως, ὡς ἐκ τοῦ διαλειφθέντος νεαροῦ τόμου, κἂν δοίη τις οὕτως ἔχειν τὰ τοῦ πράγματος, ὁ Μιχαὴλ οὐκ ἐμποδισθήσεται καὶ πρὸς τρίτον ἀπιδεῖν συνοικέσιον. Τῆς γὰρ ἀπαιδίας τὰ κλεῖθρα καὶ οἱ μοχλοὶ τὰς τοῦ τρίτου γάμου [θύρας] ἀνέωξαν αὐτῷ, καὶ ἡ ἔτι σφριγῶσα καὶ θερμαινομένη τοῖς φυσικοῖς ἀρρωστήμασιν ἡλικία αὐτοῦ τὰς ἐκ τοῦ τοιούτου γάμου σταγῶνας μετακαλεῖται πρὸς συμπάθειαν. Ἐπεὶ δὲ καὶ τινῶν ἡ μετριότης ἡμῶν ἀκηκόει λεγόντων, μακρὸν ἤδη χρόνον παρελθεῖν, καὶ τὸν τρίτον γάμον μηδόλως ἐκχωρηθῆναι παρὰ τῆς καθ' ἡμᾶς ἁγιωτάτης ἐκκλησίας καὶ τῶν λοιπῶν ἁγιωτάτων ἐκκλησιῶν, καὶ ταῦτα τοῦ ῥηθέντος τόμου οἰκειουμένου παρὰ πασῶν τῶν ἐκκλησιῶν καὶ ἀναγινωσκομένου ἐτησίως ἐπ' ἄμβωνος, καθὼς ἄνωθεν εἴρηται, καὶ τὸ αἴτιον τούτου μεμαθήκαμεν εἶναι μηδέν τι ἕτερον, ἀλλ' ἢ τὸ τὸν μέγαν ἐν ἀρχιερεῦσι Βασίλειον ἔν τισι τῶν κανόνων αὐτοῦ κεκολασμένην πορνείαν ὀνομάσαι τὸν τρίτον γάμον καὶ ῥύπασμα, καὶ ἐπιτιμίοις τοῦτον καθυποβαλεῖν, ὥρισε καὶ τοὺς τοιούτους κανόνας ἀναγνωσθῆναι ἐπὶ κοινοῦ, πρὸς δὲ, καὶ τοὺς νόμους τοὺς τὰ περὶ τοῦ τρίτου γάμου θεσπίζοντας, ἵνα καὶ τὸ ἐκ τούτων αὐτῇ παριστάμενον συνοδικῶς ἀποφήνεται. Ἀναγνωσθέντων οὖν τῶν τοῦ ῥηθέντος ἁγίου πατρὸς διττῶν κανόνων, ἤτοι[2]) τοῦ τετάρτου τοῦ διαλαμβάνοντος οὕτω ῥητῶς· «Περὶ τριγάμων καὶ πολυγάμων τὸν αὐτὸν ὡρίσαμεν κανόνα, ὃν καὶ ἐπὶ τῶν διγάμων ἀναλόγως· ἐνιαυτὸν μὲν γὰρ ἐπὶ τῶν διγάμων, ἄλλοι δὲ δύο ἔτη· τοὺς δὲ τριγάμους ἐν τρισὶ καὶ τέσσαρσι πολλάκις ἔτεσιν ἀφορίζουσιν. Ὀνομάζουσι δὲ τὸ τοιοῦ-

---

1) См. Σύντ. V, 6—8. Далѣе въ текстъ внесено съ поля оригинала рукописи: Σημειῶσαι.

2) Ркп. здѣсь и далѣе ἤως. Поправлено по смыслу, такъ какъ отъ писца 1687 года трудно ожидать правильной передачи правописанія подлинника.

τον οὐκ ἔτι γάμον, ἀλλὰ πολυγαμίαν, μᾶλλον δὲ πορνείαν κεκολασμένην. Διὸ καὶ ὁ Κύριος τῇ Σαμαρείτιδι πέντε ἄνδρας διαμειψάσῃ, ὃν νῦν, φησὶν, ἔχεις, οὐκ ἔστιν ἀνὴρ, ὡς οὐκέτι ἀξίων ὄντων τῶν ὑπερεκπεσόντων τοῦ μέτρου τῆς διγαμίας, τῷ τοῦ ἀνδρὸς, ἢ τῆς γυναικὸς, καλεῖσθαι προσρήματι. Συνήθειαν δὲ κατελάβομεν ἐπὶ τῶν τριγάμων πενταετίας ἀφορισμὸν, οὐκ ἀπὸ κανόνος, ἀλλ' ἀπὸ τῆς προειληφότων ἀκολουθίας. Δεῖ δὲ μὴ πάντῃ αὐτοὺς ἀπείργειν τῆς ἐκκλησίας, ἀλλ' ἀκροάσεως αὐτοὺς ἀξιοῦν ἐν δύο που ἔτεσιν ἢ τρισὶ, καὶ μετὰ ταῦτα ἐπιτρέπειν συστήκειν μὲν, τῆς δὲ κοινωνίας τοῦ ἀγαθοῦ ἀπεχέσθαι, καὶ οὕτως ἐπιδεξαμένους καρπόν τινα μετανοίας, ἀποκαθιστᾷν τῷ τόπῳ τῆς κοινωοίας». Πρὸς δὲ, καὶ τοῦ πεντηκοστοῦ οὕτω διεξιόντος· «Τριγαμίας νόμος οὐκ ἔστιν, ὥστε νόμῳ τρίτος γάμος οὐκ ἄγεται. Τὰ μέντοι τοιαῦτα, ὡς ῥυπάσματα τῆς ἐκκλησίας ὁρῶμεν· δημοσίαις δὲ καταδίκαις οὐχ ὑποβάλλομεν, ὡς τῆς ἀνειμένης πορνείας αἱρετώτερα». Ὡσαύτως ἀναγνωσθέντων καὶ νόμων διαφόρων, ἤτοι [1]) τοῦ ς' θεσπίσματος ξγ' κεφαλαίου τοῦ η' τίτλου τοῦ νγ' βιβλίου τῶν βασιλικῶν οὕτως ἔχοντος· «Γυνὴ μετὰ διαζύγιον μέρος ἀπαιτήσασα τῆς προικὸς, καὶ ἑτέρῳ συναφθεῖσα καὶ χηρεύσασα πάλιν πρὸς τὸν πρῶτον ὑπέστρεψε, καὶ προῖκα παρασχομένη αὐτῷ μνήμην τῆς προτέρας οὐκ ἐποιήσατο λοιπάδος· δοκεῖ τῆς δευτέρας γενέσθαι προικὸς, καὶ μετὰ ἐνιαυτὸν τῆς λύσεως τοῦ δευτέρου γάμου ἀποδίδοται αὐτῇ» [2]). Καὶ τῆς κβ' [3]) Ἰουστινιανείου νεαρᾶς τῆς κειμένης ἐν τίτλῳ ιδ' τοῦ αὐτοῦ βιβλίου, καὶ ταῦτα ἐν διαφόροις περικοπαῖς θεσπιζούσης· [4]). «Ἄριστα δὲ ἡμῖν Λέων. ὁ τῆς θείας λήξεως δοκεῖ σκέψασθαι τὰ περὶ τῶν ἐπιδόσεων, ὧν εἰς τὰ δεύτερα ποιοῦνται συνοικέσια οἱ ταῦτα συμβάλλοντες· φησὶ γὰρ, ὡς εἴπερ ἐκ τοῦ προτέρου γάμου παῖδας ἔχοιεν οἱ γονεῖς, εἶτα εἰς δεύτερον, ἢ ἐφεξῆς χωροῖεν συνοικέσιον, οὐ δύνανται οὔτε εἰς τὴν μητρυίαν οἱ πατέρες, οὔτε εἰς τὸν πατρῷον αἱ μητέρες, κατὰ τὸν τῆς ζωῆς χρόνον, τὴν οἱανοῦν ποιεῖσθαι φιλοτιμίαν, ἢ ἐν τῇ τελευτῇ τι καταλιμπάνειν, πλὴν ἢ τοσοῦτον, ὅσον εἷς παῖς ἢ θυγάτηρ, μόνος [ὢν] ἐκ τοῦ φύσαντος ἔχει» [5]). Καὶ πάλιν· «ἐξ ὁλοκλήρου δὲ οἱ ἐκ τῶν δευτέρων φύντες σπερμάτων τῆς παρ' ἐκείνου γενομένης ἀπολαύουσι φιλοτιμίας, κἂν μὴ πρὸς τρίτον ἐκείνη συνοικέσιον ἦλθε». Καὶ πάλιν· «καὶ ὅλως τῶν πρώτων παίδων διὰ τὴν δευτερογαμίαν λαβόντων, οἱ δεύτεροι πάντως αὐτὴν ἐχέτωσαν, κἂν εἰ μὴ τρίτοις ὡμιλη-

---

1) Поправлено изъ ἤως (см. предыд. примѣч.).

2) По изданію Геймбаха, это — lib. XXVIII, tit. VIII. cap. 63. § 5 (tom. III, p. 290).

3) Въ рукописи ρκβ'.

4) Въ рукописи θεσπιζούσαις.

5) Justiniani novella 22, cap. 27. Cp. Basilic. lib. XXVIII. tit. (14 ibid. p. 326'

σεν ἡ δευτερογαμήσασα γαμοις» [1]), διεγνώσθη παρὰ τῆς ἡμῶν μετριότητος καὶ τῆς ἱερᾶς τῶν ἀδελφῶν ὁμηγύρεως, μήτε παρὰ τῶν παλαιῶν νόμων, τῶν διγέστων δηλαδὴ, μήτε παρὰ τῶν θείων κανόνων τοῦ ῥηθέντος ἁγίου πατρὸς ἡμῶν τοῦ μεγάλου Βασιλείου, μήτε μὴν παρὰ τῶν νεαρῶν θεσπισμάτων τοῦ ἀοιδίμου βασιλέως τοῦ Ἰουστινιανοῦ, τὸν τρίτον γάμον κωλύεσθαι, μᾶλλον μὲν οὖν καὶ ἐπιτρέπεσθαι ἀδιαστίκτως. Καὶ οὐχ ὥσπερ ὁ τῆς ἑνώσεως τόμος ὑπό τινα τεταγμένην διάταξιν αὐτὸν ἐξεχώρησεν· ἐπεὶ γὰρ οἱ τοῦ θείου πατρὸς διττοὶ κανόνες παρακελεύονται καὶ τὴν διγαμίαν ἐπιτιμᾶσθαι, καὶ τὴν τριγαμίαν ὡσαύτως μὴ εἶναι ἀνεπιτίμητον, πάντως οἱ γάμοι καὶ ἄμφω κανονικῶς τελεσθήσονται, κἂν ὁ μὲν, ὁ δεύτερος δηλαδὴ, ὀλίγοις ἐπιτιμίοις καθυποβάλλεται, ὁ τρίτος δὲ, πλείοσι. Καὶ ὁ μὴ οὕτω ποιῶν, ἀλλὰ τὸν μὲν, τὸν δεύτερον, καὶ ταῦτα ἐπιτιμώμενον, ἐκχωρῶν, τὸν δὲ τρίτον κωλύων, μὴ κωλυόμενον, ἀλλ' ἐπιτιμώμενον, κανονικοῖς ἀντιπίπτει θεσπίσμασι, καὶ γίνεται τούτων, ὅσον τὰ πρὸς ἀρετὴν καὶ σωφροσύνην λαοῦ, σπουδαιότερος [2]), ὅπερ ἄτοπον. Ἀλλὰ καὶ ἡ ῥηθεῖσα Ἰουστινιάνειος νεαρὰ μεταγενεστέρα οὖσα κατὰ πολὺ τῶν διαλειφθέντων κανονικῶν θεσπισμάτων, τὸν μὲν τρίτον γάμον ὡς μὴ κωλυόμενον παρεδέξατο, χρηματικῇ δὲ ζημίᾳ καθυποβάλλεσθαι διωρίσατο τοὺς τὸ τοιοῦτον συναλλάξαντας συνοικέσιον· τοίνυν καὶ πρὸ τοῦ νεαροῦ τούτου τῆς ἑνώσεως τόμου οἱ τρίτον συναλλάξαντες γάμον, οὐχ ὡς ἄθεσμον τι ποιήσαντες καὶ παράνομον ἐκολάζοντο, οὐδὲ διασπᾶτο τὸ συνοικέσιον, ὡς ἀσύστατόν τε καὶ ἀνυπόστατον· ἀλλ' ὁ μὲν πολιτικὸς νόμος χρηματικῇ ζημίᾳ τοὺς συμβάλλοντας ὑπεδίκαζεν, ὁ δὲ τῆς ἐκκλησίας θεσμὸς κανονικοῖς προσκαίροις ἐπιτιμίοις ὑπέβαλλε. Καὶ χρόνος ἡλικίας τελειοτέρας καὶ ἀτελοῦς, καὶ γήρως ἐγγύτης, καὶ δυναστεία νεότητος, καὶ γνησίων παίδων διαδοχὴ καὶ στέρησις, οὔτε παρὰ τοῖς παλαιοτέροις νόμοις, οὔτε παρὰ τοῖς θείοις κανόσι συνεζητεῖτο καὶ διεκρίνετο, ἀλλ' ἦν ἀδιαφόρως ὁ τρίτος γάμος διαπραττόμενος, καὶ ταῦτα μῦσος κεκλημένος καὶ ῥύπασμα. Ὁ δὲ τὸ νεαρὸν τοῦτο θέσπισμα ἐκθέμενος ἀοίδιμος βασιλεὺς καὶ οἱ τηνικαῦτα συνελθόντες πατέρες συνοδικῶς, τούτων πάντων ἐν καταλήψει ἀκριβεῖ γεγονότες, καὶ μήτε τὸ ἀδιάφορον ἐπαινέσαντες, ὡς ἀκολασίαν μεθέλκον ἀσύγγνωστον, μήτε τὴν τῆς φύσεως ἀνάγκην καὶ τὴν ἐκ τῆς νεωτέρας ἡλικίας κατέπειξιν ἀποπεμψάμενοι διὰ τὸ μείζονα πολλάκις κακὰ ἐκ τῆς ἀναστροφῆς ἀναφύεσθαι, ὥρισε ποτὲ μὲν κεκωλυμένον εἶναι τὸν τρίτον γάμον καὶ πάντῃ ἀσύγγνωστον, καὶ διὰ τοῦτο καὶ διασπώμενον, ὅτε δηλονότι ὁ τεσσαρακοέ-

---

1) Novella cit., cap. 29. Basilic. l. c. (p. 328).
2) Ркп. σπουδαιότερον.

της τὴν ἡλικίαν ὢν καὶ ἐξ ἑτέρων γάμων ἔχων παῖδας, καὶ τρίτον γάμον ἐξ ἀκολασίας ἄκρας προέληται· ποτὲ δὲ ἐγκεχωρημένον εἶναι τοῦτον ἐθέσπισαν, εἰς δύο διελόντες τοὺς βουλομένους αὐτὸν ἐφεξῆς διαπράττεσθαι· τοὺς μὲν γὰρ διγαμήσαντας τριακονταετεῖς καὶ ἐξ ἀμφοτέρων τῶν γάμων ἀπαιδίαν κατακριθέντας, ἀπροκριματίστως καὶ τὸν τρίτον γάμον συναλλάττειν ἐκέλευσαν, «μόνῳ τῷ ἐξ ἀρχῆς, φησί, καὶ μέχρι τοῦ νῦν κρατήσαντι ἐπιτιμίῳ θεραπευθῆναι ὀφείλοντας»· τοὺς δὲ τεσσαρακονταετεῖς ὄντας ἡλικίας καὶ ἐκ τῶν προτέρων διττῶν γάμων παίδων πατέρας μὴ χρηματίσαντας, μετ' ἐπιτιμίων πολλῶν καὶ τρίτον γάμον συναλλάττειν ἐθέσπισαν. Ὅθεν καὶ ἡ μετριότης ἡμῶν προσεχοῦσα μετὰ τῆς ἱερᾶς ἀδελφότητος τῷ τοιούτῳ νεαρῷ τόμῳ, ἄριστα τὰ περὶ τοῦ τρίτου γάμου διέλοντι καὶ διευκρινήσαντι, καὶ στοιχήσασα πᾶσι τοῖς ἐν αὐτῷ περιεχομένοις, ὥρισε συνοδικῶς, κατὰ τὴν τούτου περίληψιν, τὰ τοῦ τρίτου γάμου τελεῖσθαι ἀπροκριματίστως εἰς τὸ ἑξῆς, καὶ τοὺς παραβάτας αὐτοῦ τοῖς ἐκ τούτου ἐπιτιμίοις καθυποβάλλεσθαι. Ὁ γοῦν Μιχαὴλ, μὴ ὑπερβὰς τὸν τεσσαρακονταετῆ ἐνιαυτὸν, μὴ παίδων πατὴρ μέχρι τοῦ νῦν γεγονώς, μήτ' αὖ διττὰς ἱερολογίας λαβών, ὡς ταῦτα πάντα τῇ ἡμῶν ἀπηγγέλθησαν μετριότητι, πάμπαν ἔσται ἀπροκριμάτιστος· οὐδὲ γὰρ ἐπιτιμίῳ τινὶ καθυποβληθήσεται, διὰ τὸ μηδὲ γάμους πρότερον συναλλάξαι διττούς, ἀλλὰ γάμον καὶ μνηστείαν ἐπὶ τούτου τοῦ φάκτου μὴ ἐκλαμβανομένην ἀντὶ γάμου, καθὼς τοῦτο προωρίσθη καὶ ἄνωθεν.

А. Павловъ.

Триклиній базилики Урса въ Равеннѣ.

Подъ именемъ триклинія (отъ τρεῖς и κλίνη), какъ извѣстно, разумѣется въ частныхъ римскихъ древностяхъ столовая — комната о трехъ ложахъ, за которыми возлежали кушающіе. Это названіе перешло въ Византію, очевидно, для обозначенія комнатъ того-же назначенія не только во дворцахъ, но и особыхъ зданіяхъ при церквахъ, или патріаршихъ помѣщеніяхъ [1]).

Съ значеніемъ просто столовой комнаты—триклиній получаетъ для болѣе точнаго обозначенія еще приложеніе съ указаніемъ ложъ (ἀκκουβίτων); и такимъ образомъ являются триклиніи съ тѣмъ или инымъ числомъ аккувитовъ. Самое слово аккувитъ, употребляясь сначала въ значеніи лишь ложъ, стало позже обозначать не только ложа, на которыхъ возлежали, но и столы, около которыхъ стояли эти ложа [2]), а также и самыя помѣщенія [3]).

Изъ описаній большаго дворца византійскихъ царей въ Константинополѣ узнаемъ, что въ немъ триклиніевъ было весьма много—различнаго рода и назначенія, что самое названіе триклинія пріобрѣло здѣсь широкое значеніе. «Этимъ именемъ, говоритъ Лабартъ [4]), обозначали зданіе, заключающее въ себѣ нѣсколько аппартаментовъ, таковы: магнавра, большія залы, залы стражей, тронныя круглыя помѣщенія съ восмью абсидами, длинныя галлереи, какъ Юстиніановская и Лавзіакъ».

Но наряду съ такого рода зданіями были и такія, которыя съ именемъ триклинія сохранили свой первоначальный характеръ. Таковъ,

1) О погибшихъ въ VIII—IX в. отъ пожаровъ триклиніяхъ патріарховъ см. *Unger*, Quellen der byzantinischen Kunstgeschichte, Wien. 1878, стр. 81—89.

2) *Бѣляевъ*, Byzantina. I. Обзоръ главныхъ частей большаго дворца византійскихъ царей. Спб. 1891, стр. 108, прим. 2.

3) Іоаннъ діаконъ: «Fecit baptisterium fontis majoris et *accubitum* iuxta positum grande opere depictum (*Du Cange*, Constantinopolis christiana, lib. II, стр. 136).

4) Le palais impérial de Constantinople etc. Paris. 1861, стр. 56.

напр., триклиній 19 аккувитовъ (ὁ τρίκλινος τῶν δεκαεννέα ἀκκουβίτων), построенный Константиномъ Великимъ для торжественныхъ пріемовъ и обѣдовъ. Онъ получилъ свое названіе отъ 19 столовъ, которые стояли въ немъ и предназначались для угощенія, въ извѣстные праздники, чиновъ и другихъ гостей, приглашенныхъ царемъ [1]). Съ значеніемъ триклинія, очевидно, былъ въ западныхъ дворцахъ, по образцу византійскихъ, *trichorum*, какъ видимъ изъ описанія дворца, сохранившагося въ лекціонаріи монастыря Фарфа [2]). Для торжественныхъ трапезъ и для трапезъ, связанныхъ съ тѣми или иными обрядами, строились триклиніи и при патріаршихъ дворцахъ, и при главныхъ церквахъ. Такіе триклиніи извѣстны, напр., въ Римѣ — при базиликѣ Петра, при Латеранѣ,—временъ папы Захарія и Льва III [3]). Въ латеранскомъ триклиніѣ, по древнему обычаю, въ день Пасхи, по образцу тайной вечери, устраивалась трапеза съ чтеніемъ, пѣснопѣніями [4]). Триклиній этотъ былъ украшенъ мозаикой, какъ въ центральной абсидѣ, такъ и въ десяти боковыхъ, изображавшихъ различныя исторіи [5]). И въ Равеннѣ находился триклиній возлѣ епископскаго дворца, или-же возлѣ самой базилики Урса. Текстъ Аньелла, гдѣ сообщается о построеніи этого триклинія Неономъ, не ясенъ [6]). Соб-

---

1) Бѣляевъ, ib., стр. 108.

2) Въ самомъ дѣлѣ, вотъ какую параллель даетъ Шлоссеръ описанію этой части дворца. Въ cod. Farfensis: «*trichorum*, i. e. domus conviviis deputata in qua sunt tres ordines mensarum et dictum est trichorum a 3 choris, i. e. 3 ordinibus commentantium». Въ Cod. Bibl. Casanatens.: «*Trichorum* sive Trichorium locus prandi est qui et sima (sigma) dicitur». См. планъ Taf. I, fig. IV и сводку текстовъ на отд. листѣ на стр. 44, въ ст. *Schlosser*, Beitraege zur Kunstgeschichte aus den Schriftquellen des frühen Mittelalters (Sitzungsberichte der Wien. Akad. d. Wiss. B. 123, 1890, p. 46). Ср. рецензію проф. Н. Кондакова на изслѣдованіе Бѣляева въ «Визант. Врем.», т. I, вып. 1, стр. 178—179.

3) Anastasii Bibliothecarii, Hist. de vitis Rom. Pont.. Leo III, § 378, 384, 218, 465. Migne, P. C. C. Ser. Lat, t. 128, p. 1218, 1219, 1222, 1055, 1285.

4) Migne, P. C. C. Ser. Lat, t. 106, p. 523, observationes 1.

5) На площади Іоанна Латранскаго, возлѣ св. лѣстницы, видна абсида, построенная Бенедиктомъ XIV (1740—1758), украшенная живописью — копіею мозаикъ, находившихся въ указанномъ триклиніѣ папы Льва III (795—816). Здѣсь видимъ среди Апостоловъ, посылающаго ихъ на проповѣдь; Христа, сидящаго на т дающаго ключи рая папѣ св. Сильвестру и лабарумъ имп. Константину; с дающаго орарь Льву III и знамя имп. Карлу. См. описаніе и снимки съ : сдѣланные ранѣе ихъ погибели у *Ciampini*. Vetera monumenta, II. cap. 39—40. Ср. *De Jony*, Les mosaiques chrétiennes des basiliques et des église Paris. 1857, p. 50—56.

6) Vita S. Neonis, c. 1: «Demum (м. б. domum) infra *episcopi* que Dagubitas, a fundamentis construxit, et usque ad effectu parte triclinii fenestras mirificas struxit, etc. (*Agnelli*, Liber Pc

ственно въ немъ говорится о построеніи епископіи Урсіанской церкви, а затѣмъ уже неожиданно слѣдуетъ описаніе триклинія, одна стѣна котораго, оказывается, прилегала къ церкви. При томъ названіе «quinque Dagubitas», повидимому, отнесено неправильно къ епископіи; оно имѣетъ значеніе лишь для триклинія, какъ это понимаетъ, наприм., и Тарлацци[1]), и означаетъ, очевидно, что триклиній былъ съ пятью аккувитами[2]).

По обѣимъ сторонамъ триклинія были окна; они, очевидно, находились на узкихъ стѣнахъ его frontes, а не на продолговатыхъ—parietes, ибо одна изъ послѣднихъ соприкасалась съ стѣною самой церкви[3]). Изъ этого очевидно также, что триклиній имѣлъ ту-же оріентировку, что и церковь и, такимъ образомъ, восточная стѣна, у которой помѣщался епископъ, въ наименованіи Аньелла будетъ—*pars frontis superior*, а противуположная западная—*pars frontis inferior*.

Полъ триклинія былъ украшенъ различными камнями; стѣны имѣли живопись (фресковую, или мозаичную — нѣтъ указанія), сюжеты которой распредѣлялись такимъ образомъ: на стѣнѣ, прилегавшей къ церкви, находилось изображеніе исторіи Псалма «*Laudate Dominum de coelis*» (148 пс.), и *потопа*; на стѣнѣ-же, смотрящей на рѣку—изображеніе чуда насыщенія народа пятью хлѣбами и двумя рыбами[4]). На одной поперечной стѣнѣ—западной—находилось изображеніе творенія міра[5]). Судя по сопровождавшимъ это изображеніе стихамъ, здѣсь были даны различные моменты изъ этого творенія и событія, относящіяся къ пребыванію первыхъ людей въ раю. Стихи эти могутъ быть разбиты по группамъ, принимая порядокъ дней творенія[6]):

---

ficum Ravennorum; Migne, Patr. C. C. Ser. lat., t. 106, p. 518, и въ Monumenta Germaniae historica, Hannoverae, 1878, ed. Holder Egger, p. 292). По Дюканжу, Glossarium, episcopium можетъ обозначать самую каѳедральную церковь.

1) Memorie sacre, p. 83; Ср. также *Garrucci*, Storia del arte crist., I, 509.

2) Тарлацци принимаетъ аккувиты за комнаты.

3) Ср. ст. *Wickhoff*, Das Speisezimmer des Bischofs Neon von Ravenna. (Repertorium für Kunstwissenschaft, XVII B., H. I, p. II).

4) «Istoriam Psalmi, quam cotidie cantamus, id est, Laudate dominum de coelis, una cum cataclysmo in pariete, parte ecclesia, pingere iussit, et in alio pariete super amnem posito, exornari coloribus fecit istoriam Domini nostri Iesu Christi, quando de quinque panibus, et duobus piscibus tot milia, legimus, homines satiavit. (Ed. Holder-Egger, p. 292; Migne, ib., p. 518).

5) «Ex una autem parte frontis inferius triclinei mundi fabricam comptitavit» (Ibid).

6) Такое распредѣленіе сдѣлано у *Steinmann*, Die Tituli und die kirchliche Wandmalerei im Abendlande vom V bis zum XI Jahrhundert. Lpzg., 1892, p. 46 и сл. Переводъ всѣхъ этихъ стиховъ данъ у Wickhoff'a, O. c., p. 13 и сл.

1) *Первый и второй день*[1]):

Principium nitidi prima sub origine mundi,
Cum mare, tellurem, coeli cum lucida regna
Virtus celsa Patris Natique potentia fecit.

2) *Четвертый день*[2]):

Cumque novus sol, luna dies aurora micabit
Ex illo astrigerum radiavit lumine caelum.

3) *Шестой день*[3]):

Exiluit homo, insons hic corpore sensu,
Iste Dei meruit vocitari solus imago,
Namque sui similem hominem produxit in orbem
Supremi genitoris amor, Dominumque locavit,
Hunc Sator omnipotens, rerum ditissimus, ipse
Multifluis opibus longum ditavit in aevum
Isti cuncta simul silvarum premia cessit.

4) *Третій день*[4]):

Iussit in aeternum factus producere terram.

5) *Пятый и шестой день*[5]):

Huius oves niveae, nitida per gramina vaccae,
Huius et alticomis sonipes fulvique leones,
Huius erant passim ramosi in cornua cervi,
Pennatique greges avium, piscisque per undas,
Omnia namque Deus homini, quaecunque paravit
Tradidit, et verbo pariter servire coegit.

6) *Древо жизни—завѣтъ Бога*[6]):

Hunc tamen in primis monitis coelestibus olim
Observare suam legem et vitalia iussit
Praecepit vetita [auderet], ne mandere poma.

7) *Грѣхопаденіе*:

Praeceptum spernens, sic perdidit omnia secum.

---

1) Быт. I. 1—8
2) Быт. I, 14—19.
3) Быт. I, 26—29. Созданіе человѣка и передача ему всего созданнаго
4) Быт. I, 11—12. Созданіе растительности
5) Быт. I. 20—25. Созданіе животныхъ.
6) Быт. II, 9, 17.

Изъ представленнаго распредѣленія стиховъ по группамъ, соотвѣтствующимъ извѣстнымъ днямъ творенія, видно, что въ нихъ строгая хронологическая послѣдовательность не соблюдена, и потому можно полагать, что въ стихахъ передавалось общее описаніе сюжетовъ западной стѣны триклинія, а можетъ быть вмѣстѣ и южной, прилегающей къ церкви. Такимъ образомъ здѣсь—на западной сторонѣ—могли быть даны нѣкоторыя сцены творенія, а на южной—передача всѣхъ животныхъ Адаму, грѣхопаденіе и потопъ.

Изъ описанія Аньелла не видно, въ чемъ же собственно состояли изображенія, иллюстрировавшія исторію 148 Псалма[1]). Иллюстрація Псалма извѣстна прежде всего въ миніатюрахъ греческихъ псалтырей, XI—XII в., но она дается здѣсь не въ одной цѣльной композиціи, а въ отдѣльныхъ картинкахъ къ отдѣльнымъ стихамъ Псалма. Такъ, въ псалтыри Барберинской (III, 91) л. 238 и 239 изображены: а) въ голубой мандорлѣ Христосъ, ниже—поднимающіе вверхъ руки Петръ и Павелъ; б) вверху десница, ниже князья и народы; въ псалтыри Британскаго музея (№ 19325, л. 187): а) въ голубой мандорлѣ со звѣздами сидитъ Христосъ съ Евангеліемъ и благословляетъ, внизу воздѣваютъ къ нему руки 4 ангела; б) (стихъ 2-й) то же, что и въ Барберини, только вверху медальонъ съ образомъ Христа (ст. 11); в) юноши въ длинныхъ хитонахъ, старцы въ святительскихъ одеждахъ воздѣваютъ руки (ст. 12); въ Псалтыри Гамильтоновскаго собранія (въ Kupferstich-Kabinet Берлинскаго музея, № 119, XIII в., л. 241—242): а) Христосъ на престолѣ, ниже ангелы, херувимы, троны; сбоку солнце, луна; ниже суша и вода; б) змѣи, огонь, олени, львы, птицы; цари, старцы и отроки[2]). Въ росписи церквей иллюстрація этого Псалма встрѣчается, повидимому, поздно, быть можетъ съ XV—XVI в.[3]). Такъ, намъ извѣстна икона этого времени въ церкви Петра и Павла въ Новгородѣ на Софіевской сторонѣ[4]); затѣмъ уже въ росписи Христо-рождественской церкви въ Ярославлѣ, XVII в., на западной стѣнѣ, и въ росписи Лаврскаго параклиса пресв. Богородицы Вратарницы, XVIII в., въ притворѣ[5]).

1) Подъ словомъ «исторія» авторъ, конечно, разумѣлъ предметы и лица, о которыхъ говорится въ Псалмѣ.

2) Она вошла въ роспись, какъ это видно также по позднимъ Ерминіямъ—подъ именемъ «τὸ πᾶσα πνοή» (Didron, Manuel, p. 234, Schäfer, p. 239).

3) Описана нами во время занятій на мѣстѣ, въ Новгородѣ, церковными древностями этого города.

4) *Н. Покровскій*, Стѣнныя росписи въ древнихъ храмахъ, стр. 158 и 102.

5) Ср. иллюстрацію этого псалма въ миніатюрахъ Утрехтской псалтыри. *Sprin-*

Икона новгородская даетъ въ качествѣ иллюстраціи слѣдующія изображенія. Вверху на голубомъ небѣ — со звѣздами, солнцемъ и луной, сидитъ на престолѣ Христосъ съ Евангеліемъ и благословляетъ; вокругъ него ангелы; по сторонамъ его, какъ въ иконѣ деисусъ — Богородица и Іоаннъ Предтеча. Ниже въ нѣсколько рядовъ идутъ изображенія апостоловъ, пророковъ и святителей. Холмъ съ деревьями, на которыхъ птицы, изображаетъ землю; на ней различныя животныя, обозначенныя надписями: телецъ, лисица, елень, заецъ, василискъ, зміи, аспидъ, вопреслонъ, амонъ, свѣпка, единорогъ, левъ, конь, туръ, малканъ (птица сиринъ), зубръ, волкъ, ехидна, полканъ, баранъ, слонъ, медвѣдь.

Весьма сходныя изображенія имѣются и въ иллюстраціи Псалма во фрескахъ Христорождественской церкви въ Ярославлѣ. Здѣсь въ небѣ кромѣ звѣздъ, солнца и луны видимъ херувимовъ, изъ которыхъ два держатъ развернутые свитки; по сторонамъ трона Христа четыре символа Евангелистовъ. На землѣ представители различныхъ классовъ и сословій — люди, и изъ животныхъ: единорогъ, грифонъ, дренадеръ, пеликанъ и др. (см. рис. по фотогр. Барщевскаго, табл. IX). Роспись афонская отличается большею сложностью, чѣмъ двѣ указанныя: здѣсь вокругъ Христа восемь хоровъ ангеловъ, символы Евангелистовъ; ниже знаки зодіака, слова самого 148 Псалма и иллюстрація его въ видѣ изображенія: царей, архонтовъ, юношей и дѣвицъ, отца и дочери — пляшущихъ; пяти дѣвушекъ, ведущихъ хороводъ, мальчиковъ и дѣвушекъ [illegible], къ небу, юношей и старцевъ; солнце, луна, звѣзды въ [illegible] животныя, птицы, домашнія и дикія, деревья, [illegible] огонь, снѣгъ [illegible] *χάλαζα, χιὼν, κρύσταλλος* [illegible] Бога[1].

Такимъ [illegible]
лишь [illegible]
изображеній [illegible]
съ содержаніемъ Псалма 148 [illegible]
вленія [illegible]
на указанной [illegible]
быть можетъ [illegible]

[illegible]

[1] [illegible]

городской иконы. Но принимая во вниманіе отсутствіе современныхъ аналогичныхъ изображеній, хотя бы отчасти имѣющихъ сходство съ композиціями, указанными выше, мы полагаемъ скорѣе, что сцены творенія и иллюстрировали Псаломъ, будучи даны и на западной и на южной стѣнѣ, тѣмъ болѣе, что самъ Аньеллъ указываетъ, что на той же стѣнѣ, гдѣ была изображена «исторія» Псалма, находилось и изображеніе потопа, т. е. одного изъ послѣдующихъ моментовъ исторіи послѣ творенія и грѣхопаденія первыхъ людей. Такимъ образомъ мы полагали бы возможнымъ видѣть на западной стѣнѣ одну часть изображеній сценъ творенія, а на южной, болѣе длинной, другую часть—грѣхопаденіе и потопъ. Въ такомъ случаѣ невозможно согласиться съ Викхофомъ, который, исходя отъ указанной выше аѳонской росписи XVIII в., полагаетъ, что сходная ей роспись должна была быть и въ описываемомъ триклиніи на южной стѣнѣ его, а присоединенное Аньелломъ къ ней же (т. е. иллюстраціи Псалма) изображеніе потопа — по его мнѣнію — ошибка: историкъ былъ введенъ въ нее нѣкоторыми элементами самой композиціи. «Эта ошибка Аньелла, говоритъ Викхофъ, есть важнѣйшее доказательство удивительнаго сохраненія композицій въ византійскомъ искусствѣ; онъ видѣлъ 148 Псаломъ изображеннымъ художникомъ V вѣка такъ, какъ его изображаютъ теперь, и насъ удивляетъ постоянство этого искусства, которое довело композиціи V вѣка до нашего времени»[1]). Викхофъ разсуждаетъ о невѣдомыхъ ему композиціяхъ и постоянствѣ византійскаго искусства такъ, какъ будто онъ имѣетъ дѣло съ извѣстными фактами.

Въ какомъ отношеніи стоятъ изображенія твореній съ назначеніемъ триклинія — трудно сказать. Во всякомъ случаѣ нельзя никакъ согласиться съ Викхофомъ, полагающимъ, что сцены творенія даны здѣсь, какъ бы отмѣчая указаніе Бога на животныхъ, какъ пищу для людей. Нельзя согласиться и съ его раздѣленіемъ сюжетовъ росписи—однихъ для необразованныхъ людей, другихъ для образованныхъ; неизвѣстная композиція, иллюстрирующая Псаломъ 148, по мнѣнію Викхофа, именно и создана на поученіе этихъ образованныхъ зрителей; а ограниченность вообще сюжетовъ, украшающихъ древнехристіанскія базилики, именно происходитъ отъ того, что въ выборѣ ихъ нужно было сообразоваться съ понятіями необразованныхъ[2]).

1) Ib., стр 16.
2) Ib., p. 17.

Что же касается до изображенія чудеснаго насыщенія народа пятью хлѣбами, то помѣщеніе его въ триклиніѣ весьма понятно: оно, какъ извѣстно, на ряду съ другими изображеніями подобнаго рода вошло въ роспись рефекторіевъ, какъ видимъ изъ предписаній Ерминіи[1]).

На другой поперечной стѣнѣ—восточной—находились изображенія изъ исторіи апостола Петра. Одно изъ нихъ также отвѣчаетъ назначенію триклинія: это — призваніе Апостола — чудо сошествія яствъ съ неба (Дѣян. Апост., X, 9—16). На изображеніе указываютъ слѣдующіе стихи у Аньелла:

Accipe, sancte, libens, parvum ne despice carmen,
Pauca tuae laudi nostris dicenda loquelis.
Euge, Simon Petre, et missum tibi suscipe munus,
In quod sumere te voluit Rex magnus ab alto.
Suscipe de caelo pendentia lintea plena,
Missa Petro tibi, haec diversa animalia portant,
Quae mactare Deus te mox et mandere iussit.
In nullis dubitare licet, quae munda creavit
Omnipotens genitor, rerum cui summa potestas.

Другое изображеніе, очевидно, представляло Христа среди Апостоловъ, вручающаго Петру «законъ» — сцену, столь распространенную въ памятникахъ IV — V в. древне-христіанскаго и византійскаго искусства[2]). Стихи у Аньелла къ данному изображенію слѣдующіе.

Euge, Simon Petre, quem gaudet [illegible] Christi.
L[illegible] apostolicum cunctos ornare per [illegible]
In te [illegible] Dei [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

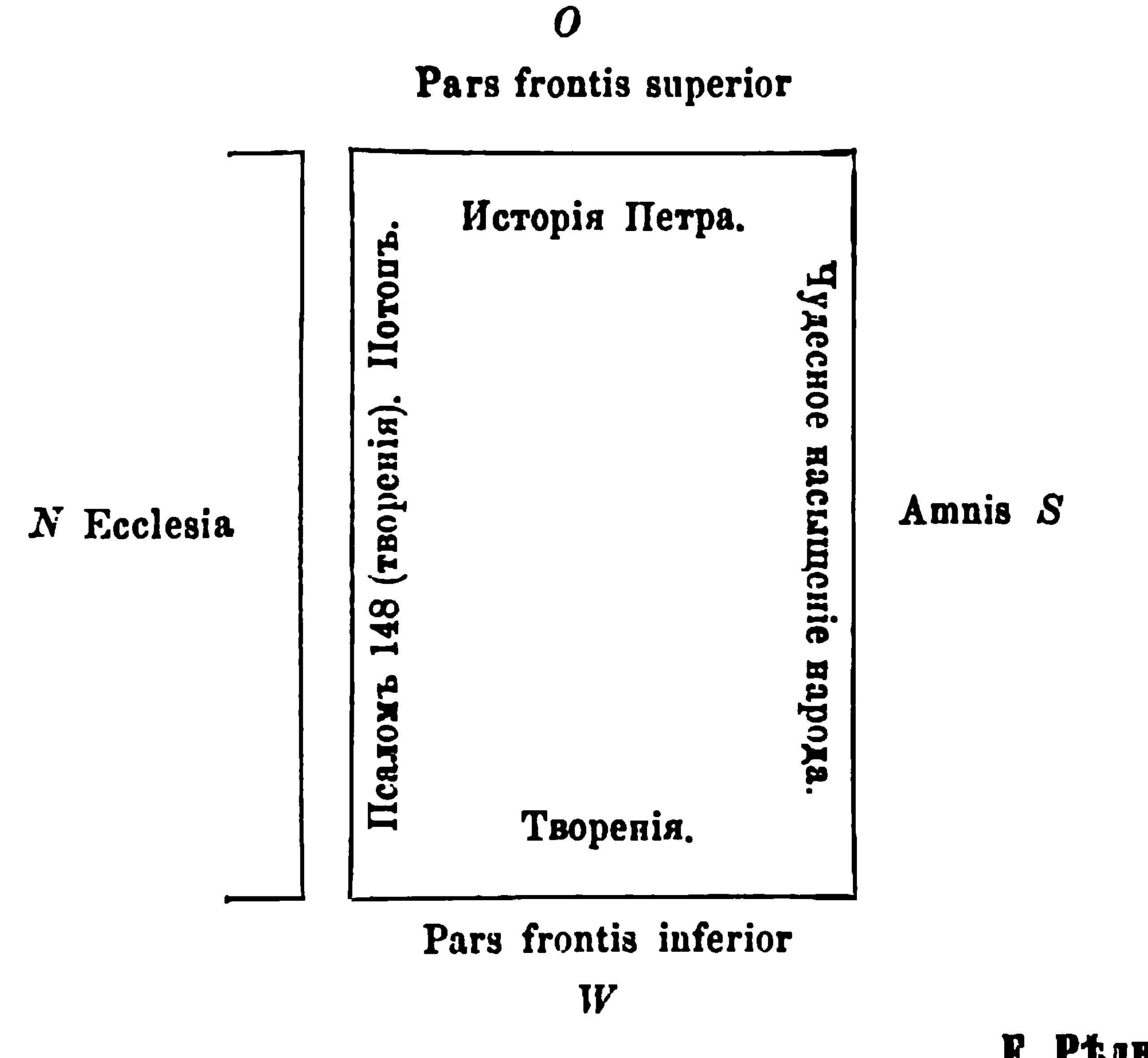
[1] [illegible]

[2] [illegible]

[3] [illegible]

Изъ предложеннаго описанія триклиніа Урсовой базилики видно, такимъ образомъ, что роспись ея носитъ отчасти спеціальный характеръ, отчасти соотвѣтствуетъ росписи притворовъ храма; въ составъ ея входитъ ветхій завѣтъ, нѣкоторые моменты Евангельской исторіи и Дѣяній Апостольскихъ.

Вотъ графическое изображеніе распредѣленія этой росписи:

Е. Рѣдинъ.

Къ исторіи «Пренія панагіота съ азимитомъ».

«*Преніе панагіота съ азимитомъ*», византійскій народный памфлетъ XIII в. (писанъ послѣ 1274 г.), направленный противъ политики Михаила Палеолога († 1282), искавшаго сближенія съ Римомъ, отъ котораго онъ чаялъ себѣ помощи и поддержки противъ враговъ имперіи, достаточно извѣстенъ въ русской и славянской литературахъ: уже покойный Андрей Поповъ намѣтилъ его исторію на византійской и славяно-русской почвѣ, издалъ памятникъ по тремъ славянскимъ редакціямъ, доказалъ происхожденіе его на славянской почвѣ съ греческаго[1]). Выводы А. Н. Попова нѣсколько дополнилъ и провѣрилъ проф. А. С. Павловъ въ своей рецензіи на упомянутое сочиненіе Попова; причемъ выразился: «Вопросъ о происхожденіи греческаго *(еще не открытаго)* подлинника «Пренія»... впервые разрѣшенъ г. Поповымъ на твердомъ научномъ основаніи»[2])

Этотъ интересный памятникъ, выражающій «народныя повѣрья, сложившіяся въ массѣ подъ непосредственнымъ, многовѣковымъ вліяніемъ апокрифической литературы», дающій «превосходный матеріалъ для характеристики воззрѣній и понятій Византійца XIII в.»[3]) до недавняго времени западно-европейскимъ ученымъ византинистамъ извѣстенъ не былъ, такъ какъ до сихъ поръ они не могли найти греческаго текста этого памятника. И дѣйствительно, онъ представляетъ

1) «Историко-литературный обзоръ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ» (М. 1875). стр. 251—286.

2) «Отчетъ о девятнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова» (Спб. 1878), стр. 269. Ранѣе этого. нашего памятника касался Ө. И. Буслаевъ, но разсматривалъ его съ иной точки зрѣнія и для другихъ цѣлей (см. Очерки, I, 501).

3) А. С. Павловъ о. с. р. 269, А. Н. Поповъ, о. с. р. 247.

большую рѣдкость среди текстовъ византійско-греческихъ, разсѣяныхъ по различнымъ библіотекамъ[1]). Честь открытія и изданія перваго текста принадлежитъ покойному ученому А. В. Васильеву, нашедшему одинъ текстъ въ Вѣнской Придворной библіотекѣ и издавшему его въ своихъ Anecdota[2]). Второй текстъ найденъ былъ мною въ Московской Синодальной библіотекѣ и въ свое время отмѣченъ въ печати, какъ оставшійся неизвѣстнымъ А. В. Васильеву[3]). Наконецъ третій текстъ, поздній (XVIII в.), былъ указанъ проф. А. И. Кирпичниковымъ въ рукоп. Аѳинской Народной библіотеки (по Сакелліону, № 472)[4]). Вотъ пока весь матеріалъ для изученія интереснаго «Пренія панагіота съ азимитомъ». Второй и третій изъ указанныхъ текстовъ до сихъ поръ не изданы. Не имѣя возможности ближе познакомиться съ аѳинскимъ текстомъ, я рѣшаюсь представить текстъ Синодальной библіотеки, въ надеждѣ, что и онъ внесетъ нѣкоторый свѣтъ въ сложную и туманную исторію «Пренія».

Просматривая для иныхъ цѣлей[5]) сборникъ Московской Синодальной библ. № 364 (по «Указателю» арх. Саввы), я наткнулся совершенно случайно на отрывокъ изъ «Пренія», помѣщенный на л. 519 и сл., въ числѣ другихъ отрывковъ, составляющихъ конецъ этого сборника XVI вѣка[6]). Въ отрывкѣ начала статьи нѣтъ, нѣтъ и конца; начинается онъ со словъ: (ἀ)λλ' ἔχου (?) παλ(λ)ακίδας· καὶ ἀποστέλ(λ)ει τὸν ὑποχε(ί)ριόν του..., соотвѣтствующихъ послѣднимъ строкамъ текста у А. В. Васильева (стр. 187, 11 строка снизу); продолжается онъ по л. 522 об.; т. е. идетъ довольно далеко послѣ текста А. В. Васильева. Это, по моему мнѣнію, даетъ нѣкоторую цѣнность Синодальному отрывку, который тѣмъ становится важнѣе, что и древнѣйшій славянскій текстъ

1) Славянскіе же тексты, какъ часто бывало, были западнымъ ученымъ недоступны.

2) Anecdota graeco-byzantina (M. 1893) I, 179—188; praef. p. LX—XLII. Рукоп., изданная здѣсь (Cod. Theol. 244), безъ конца, относится къ XV—XVI вв. Этотъ текстъ былъ еще до появленія книги А. В. Васильева извѣстенъ проф. К. Крумбахеру, который собирался его печатать, но былъ остановленъ моимъ сообщеніемъ объ изданіи его у Васильева.

3) Археолог. Изв. и Зам., изд. Моск. Арх. Общ. 1893. № 6, стр. 217 и сл.

4) Византійскій Временникъ I, 1. стр. 201.

5) См. «Древности», издав. Моск. Арх. Общ., т. XV. вып. I. стр. 52.

6) Въ «Указателѣ» архим. Саввы (по 3-му изд. М. 1858) статья вовсе не отмѣчена. Въ «Систематич. описаніи рукописей Моск. Синод. библіотеки» арх. Владиміра (М. 1894) статья отмѣчена, но не отгадана связь ея съ «Преніемъ панагіота», и не вѣрно, какъ увидимъ ниже, указанъ ея объемъ; здѣсь (стр. 601; № 397) опредѣлена она: «На л. 519—534 діалогъ православнаго съ латиняниномъ о разностяхъ въ совершеніи таинствъ въ Римско-католической и Православной церкви. Начала нѣтъ».

(сербскій XIV в.) точно также конца не имѣетъ [1]). Восполняется и отчасти опредѣляется объемъ первоначальнаго греческаго текста славянскими же текстами: валашскимъ XVI—XVII в. и русскими передѣлками второй редакціи [2]).

Нашъ текстъ обрывается (вмѣстѣ съ л. 522 об.) на словахъ: ὅπου ξενιτεύθητε κοινὸν ἡμῶν πατέρα καὶ θεὸν καὶ ἐκολλήθητε ἑνὶ τῶν πολιτῶν, τὸν διάβολον [3]). Это мѣсто по смыслу соотвѣтствуетъ во второй редакціи (сохранившейся цѣликомъ) словамъ: **«оустранистеса от нас общаго житїа отца и бога и прилѣпистеса единомоу от граждан, сирѣч дїаволоу»** [4]) (л. 25). Т. о. въ нашемъ отрывкѣ недостаетъ только продолженія упомянутаго толкованія притчи и самаго финала пренія: **«въ истинѫ оуко нынѣ искоусих бога жива и разоумѣхъ ѩко вѣра христїанскаа** (у А. Попова лучше: **«греческаѩ»**) **чистаа и непорочна есть и тврьда и непоколѣбима и праю прѣпрѣлъ мѩ еси честныи философе»** (л. 25 об.). Далѣе слѣдуетъ: **«нѫ и еще хощѫ въпросити. панагїодъ рече. въпроси елика аще хощеши...**; это—толкованіе нѣкоторыхъ стиховъ (18, 19, 21 — 23, 25, 26) 103-го псалма со вставкой изъ апокрифической легенды о первой литургіи [5])—едва ли не состав-

---

1) А. Поповъ, о. с. р. 261. Мѣсто, соотвѣтствующее Синодальному отрывку, начинается въ изд. А. Н. Попова на стр. 261 (3-я строка снизу). Синодальный греч. текстъ идетъ т. о. дальше сербскаго.

2) А. С. Павловъ, о. с. р. 267. А. Поповъ, о. с. р. 239. 261. Молдаво-валашскій текстъ находится теперь въ Моск. Публ. и Рум. Муз. подъ № 1735 (колл. В. И. Григоровича), описателемъ отнесенъ къ XVI в. и ко 2-й редакціи (см. Отчетъ Музеевъ 1876—1878 г. М. 1879, стр. 41; здѣсь же поправка къ замѣчанію А. С. Павлова объ окончаніи текста). Текстъ Григоровича извѣстенъ былъ и Ѳ. И. Буслаеву (Очерки I, 501 — 502). А. С. Павловъ введенъ былъ въ заблужденіе В. И. Григоровичемъ, тогда еще владѣвшимъ рукописью: В. И. прислалъ ему выписку, составляющую не конецъ «Пренія», а начало слѣдующей статьи «вопросовъ и отвѣтовъ» на евангельскія темы, какъ это видно по рукописи (л. 25). Ср. А. С. Павлова о. с. р. 268, прим. 2.

3) На слѣдующемъ листѣ конецъ какой-то статьи астрономическаго характера: ... [illegible] ... На оборотѣ листа начинается статья. [illegible]. Статья [illegible] въ ней [illegible], осталась, повидимому, недописанною. [illegible] Ср. [illegible] прим. [illegible]

4) Привожу цитату раскрывая сокращенія по тексту В. И. Григоровича какъ болѣе исправному, нежели изданный у А. Н. Попова о. с. р. 2[illegible].

5) Здѣсь объясняется, почему Адамъ былъ первымъ пророкомъ: Онъ первый позналъ Св. Троицу: получивши отъ Бога душу, онъ сказалъ: «Благословенъ Владыко», на что Богъ отвѣтилъ: Благословенно царство Отца и Сына и Св. Духа». (А. Поповъ—о. с. р. 2[illegible]). Эта легенда собственно о первой литургіи [illegible] принадлежала къ циклу [illegible] какому нибудь народному [illegible], еще отрывокъ ея вошелъ въ [illegible] ніи Ноя Твоя отъ [illegible] см. А. Н. Веселовскій [illegible] А. Н. Попова «Книга бытія небеси и земли» [illegible] стр. 1[illegible]

ляетъ прибавленія, не относящагося къ первоначальному тексту, хотя, быть можетъ, бывшаго еще и въ греческомъ текстѣ, послужившемъ оригиналомъ нашему переводу (панагіотъ и азимитъ продолжаютъ упоминаться). Соображая объемъ недостающаго въ нашемъ отрывкѣ текста по текстамъ славянскимъ, хотя бы второй редакціи, мы можемъ предположить, что въ Синод. ркп. пропалъ приблизительно одинъ листъ, на которомъ и кончалось «Преніе». Такимъ образомъ, мы почти цѣликомъ можемъ возстановить византійское «Преніе»: нашъ отрывокъ, составляя по смыслу (и отчасти по тексту) непосредственное продолженіе вѣнскаго текста дополняетъ съ успѣхомъ этотъ послѣдній.

Сравнивая же между собой совпадающую часть вѣнскаго текста съ нашимъ, а также принявъ въ соображеніе весьма древній и близкій ко времени возникновенія греческаго оригинала славянскій текстъ первой редакціи [1]), мы приходимъ къ слѣдующимъ наблюденіямъ. Нашъ текстъ даетъ рядъ отклоненій отъ вѣнскаго текста, но эти отклоненія соотвѣтствуютъ древнѣйшему сербскому тексту, т. е. этотъ послѣдній имѣлъ своимъ оригиналомъ текстъ, если не тождественный, то близко подходившій къ тому, отрывокъ котораго сохраненъ Синодальной рукописью. Вотъ, напримѣръ, такого рода случаи:

καὶ παρευθὺς σβένει τὸ κερίον ἐκεῖνος καὶ ἐμβαίνει ἀπὸ τὰς προσπόδου (?) καὶ πίπτει εἰς τὸ κραββάτιν του καὶ ἔχει την ὅλην τὴν νύκτα... (Синод.)	**тьи же свѣщю погаша. она же кму входить ѿ ногоу. и пада оу постели кго. и имать ю прѣзо всоу нощь** (Серб.)

ἐκεῖνος δὲ σβένει τὸ κερὶ καὶ ἀνέρχεται (καὶ ἔχει) αὐτὴν ὅλην τὴν νύκτα (Вѣнск.).

ἕτερον· πίνει κρασὶ καὶ λειτουργεῖ καὶ λέγει ὅτι νερὸν οὐκ εἶχεν καὶ οὐ βλάπτει. ἱερουργεῖτε καὶ τὰς νύκτας καὶ εἰς μίαν ἡμέραν ε' καὶ ι' φορὰς εἰς ἓν βῆμα εὐγένει (?) ὁ εἷς καὶ ὁ ἕτερος ἐμπαίνει. (Синод.)	**пиѥшь вино. и глаголешь водоу не има. и невьзбранѣ ти литоургисоуѥшь. и литоургисоуѥте оу ѥдиои црькви г҃ или в҃і. иереи влашихъ. ѥдинь исходи а дроугы вьходи** (Серб.).

Относительно вина въ вѣнской ркп. пропущено, отсюда непонятная фраза: καὶ λέγει· νερὸν οὐκ ἔχει. (Васильевъ, стр. 187); далѣе: καὶ οὐ βλάπτει λειτουργῶν πέντε φορὰς τὴν ἡμέραν καὶ τὴν νύκτα πέντε δέκα φορὰς εἰς ἓν βῆμα (καὶ ἐὰν εἰσέλθῃ εἰς τὴν λειτουργίαν)... Опять, какъ

1) Оба сербскіе списка относятся къ XIV в. (одинъ съ годомъ 1384).

видимъ, конца фразы (о службѣ нѣсколькихъ литургій на одномъ престолѣ) нѣтъ. Изъ приведеннаго сопоставленія видимъ также, что старый сербскій текстъ указываетъ на греческій оригиналъ, хотя и близкій къ Синодальному, но не вполнѣ совпадающій съ нимъ: это объясняется, съ одной стороны, сравнительно позднимъ происхожденіемъ Синодальной рукописи. Во всякомъ случаѣ мы, даже на основаніи этихъ сопоставленій, въ правѣ предполагать принадлежность Синодальному отрывка и оригинала Сербскаго перевода къ *одной* редакціи. Въ этомъ утверждаемся мы еще больше, сравнивъ сербскій текстъ съ нашимъ отрывкомъ въ той ихъ части, которая не сохранена вѣнскою рукописью: сербскій текстъ передаетъ довольно нескладно, темно мѣстами, но за то близко греческій текстъ[1]). Отсюда мы имѣемъ право предполагать, что и въ остальной части, не сохранившейся въ Синодальномъ спискѣ, текстъ былъ близокъ къ старому сербскому тексту. Это предположеніе опять косвенно подтверждается сравненіемъ этого сербскаго текста съ вѣнскимъ: судя даже по началу, вѣнскій текстъ отличенъ отъ сербскаго, т. е. принадлежитъ къ *иной* редакціи, нежели неизвѣстный намъ оригиналъ сербскаго текста [2]).

Въ этомъ заключается значеніе сербскаго текста для исторіи и возстановленія греческаго текста «Пренія». Опредѣляя точнѣе отношеніе сербскаго текста къ греческому, нельзя не отмѣтить, впрочемъ, и того, что этотъ сербскій текстъ, хотя и сохранился въ спискѣ весьма древнемъ, но уже успѣлъ потерпѣть кое-какія измѣненія, которыя исправляются при помощи второй редакціи: доказательство, что вторая редакція славянскихъ текстовъ не зависитъ отъ дошедшаго сербскаго текста, а восходитъ къ общему съ нимъ первоначальному переводу [illegible]. Поэтому для возстановленія греческаго текста

[1]) [illegible]

[2]) [illegible]

[3]) [illegible]

важна и вторая редакція: она, если и внесла свои измѣненія въ первоначальный текстъ перевода, всетаки сохранила много чертъ и первоначальнаго текста греческаго: въ этомъ убѣждаемся также изъ сравненія текста второй редакціи съ Синодальнымъ спискомъ греческимъ въ той части, которая не сохранилась въ первой. Такимъ образомъ и вторая редакція должна быть принята въ разсчетъ при возстановленіи греческаго оригинала; особенно важна она для опредѣленія объема первоначальнаго греческаго текста; ни одинъ [1]) греческій, ни сербскій тексты не сохранили конца текста; съ помощью второй редакціи мы могли бы приблизительно опредѣлить объемъ греческаго подлинника, по крайней мѣрѣ, того, на которомъ основанъ славянскій переводъ. Въ этомъ отношеніи славянскіе тексты могутъ оказать услугу и занимающемуся византійскими текстами.

Такимъ образомъ обобщая сказанное, примѣнительно къ издаваемому отрывку, мы можемъ счесть этотъ отрывокъ достойнымъ вниманія потому, во первыхъ, что онъ даетъ намъ значительное продолженіе текста «Пренія» въ греческомъ, а во вторыхъ, потому, что онъ представляетъ отрывокъ оригинала (по единству редакціи) славянскаго перевода, восходящаго къ эпохѣ довольно близкой ко времени возникновенія памятника, т. е. довольно близкаго текста къ самому памятнику. Что славянскій переводъ былъ сдѣланъ вскорѣ послѣ появленія греческаго оригинала, видно изъ указаннаго уже выше обстоятельства: текстъ 1384 года представляетъ уже измѣненія первоначальнаго перевода, а текстъ второй редакціи кое гдѣ древнѣе по чтеніямъ текста первой. И въ самомъ сербскомъ текстѣ, безъ сравненія его съ второй редакціей, есть указанія на то, что текстъ 1384 г. отдѣленъ нѣкоторымъ промежуткомъ времени отъ первоначальнаго перевода: сербскій текстъ восходитъ къ болѣе древнему болгарскому оригиналу, какъ показываетъ его языкъ [2]). Такимъ образомъ, славянскій переводъ, въ силу своей

σιν καὶ ὅπου τύχωμεν, θέτομεν τὸν λίθον καὶ λειτουργοῦμεν (Синод. сп. л. 519 об.).

кашего, тако же и мы имаемъ камень той да идѣже слꙋчитсѧ полагаемъ камень той и слꙋжимъ (2-я ред. А. Поповъ, о. с. р. 277). камы имамо и има знамение светителство (sic). идеже полагамо слоужбоу и полагамо ико и вы грьци андимись. (1-я ред. А. Поповъ, о. с. р. 262).

1) Говорю о текстахъ, извѣстныхъ мнѣ непосредственно.

2) Текстъ испещренъ народными формами и болгаризмами, напр. поменуху (aor.), оуводихоу (imperf.), биху (aor.), пре, събывасщимасе (смѣна юсовъ) и т. д. Ср. А. И. Попова о. с. р. 250 — 151. (народныя формы, словарныя особенности).

исторіи, долженъ былъ быть сдѣланъ вскорѣ послѣ появленія памятника въ византійской литературѣ, что̀ весьма понятно: вопросъ объ отношеніи православія къ католицизму представлялъ высокій, живой интересъ и для славянъ, что̀ доказывается обширною полемической литературой, проходящей широкою полосой черезъ весь древній періодъ славянской письменности. Это наслѣдіе той же Византіи. Но особенный интересъ этого «Пренія» заключается на византійской почвѣ въ томъ, что оно есть продуктъ не ученой, книжной среды, не памятникъ болѣе или менѣе оффиціальный, а произведеніе *народное*; поэтому и языкъ «Пренія» отличается отъ литературнаго, условнаго до извѣстной степени, языка другихъ памятниковъ, приближается къ народному говору. Этотъ характеръ важенъ и для славянской письменности: «Преніе» — одинъ изъ рѣдкихъ византійскихъ не церковныхъ, народныхъ памятниковъ, перешедшихъ къ намъ. Повидимому, онъ и перешелъ не чрезъ оффиціальные образованные круги, а прямо отъ простой византійской массы къ простымъ же славянамъ (Болгарамъ?): народный, нестрого книжный характеръ сохраняетъ «Преніе» и въ славянскомъ переводѣ и въ первой редакціи, испещренной народными живыми формами и оборотами...

(ἀ)λλ' ἔχου (?) παλ(λ)ακίδας καὶ ἀποστέλ(λ)ει τὸν ὑποχε(ι)ριόν του, καὶ φέρνει τούτην. καὶ παρευθὺς σβένει τὸ κερίον ἐκεῖνος, καὶ ἐμβαίνει ἀπὸ τὰς προσπόδου (?) καὶ πίπτει εἰς τὸ κραββάτιν [1]) του· καὶ ἔχει την ὅλην τὴν νύκτα εἰς ἀνάπαυσίν του. καὶ πρωίαν ποιεῖ μετάνοιαν καὶ λέγει· συγχωρήσατέ μοι ὅτι ἐφαντάσθηκα, καὶ λαμβάνει συγχώρησιν καὶ ὑπάγει καὶ ἱερουργεῖ. Καὶ ἄλλον· ὅτι κρατεῖ τὸ σῶμα τοῦ Χριστοῦ εἰς τὸ πουγγί [2]) του καὶ εἰς βρακουλούριν (?) του, καὶ πρὸς σωτηρίαν του, καὶ κρατεῖ το καὶ ἁμαρτάνει μετ' αὐτόν. Ἕτερον· πίνει κρασὶ καὶ λειτουργεῖ καὶ λέγει ὅτι νερὸν οὐκ εἶχεν καὶ οὐ βλάπτει. ἱερουργεῖ τε καὶ τὰς νύκτας καὶ εἰς μίαν ἡμέραν ε' καὶ ι' φοραῖς εἰς ἓν βῆμα εὐγένει (sic) ὁ εἷς καὶ ὁ ἕτερος ἐμπαίνει [3]), καὶ ἂν σᾶς ἔλθῃ πρὸς νεροῦ σας καὶ πρὸς σωτηρίαν σας, ὁπόταν λειτουργεῖτε, ἐκδύεσθε τὴν ἀλλαγήν σας καὶ ἐξεβαίνετε καὶ ὑπάγετε καὶ πάλιν ἔρχεσθε. Ὁ ἀζυμίτης. Λίθον ἔχομεν ἔχοντα τὴν σφραγῖδα τοῦ ἀρχιερέως μας ὥσπερ καὶ ἐσεῖς τὸ ἀντιμίνσιν [4])· καὶ ὅπου τύχωμεν, θέτομεν τὸν λίθον καὶ λειτουργοῦμεν. Ἐσεῖς δὲ οἱ Ῥωμαῖοι μένετε μὲ τὰς γυναῖκάς σας

---

1) cod κρεβάτην.
2) cod. πουγκή.
3) cod. ἐμπένη.
4) cod. ἀντίμεισιν.

καὶ τὸ πρωὶ μετὰ τὸ ἁμαρτῆσαι μετ' αὐτὴν (?) ποιοῦσιν προσφοράς. Ὁ παναγιώτης. Φλυαρεῖς· οὐκ ἔνι τέτοιον· ἐὰν δὲ ποία (?) γυνὴ νοήσῃ αὐτὴν ὁ ἄνδρας αὐτῆς, οὐ ποιεῖ τὰς προσφορὰς, ἀλλὰ ποιεῖ τας ἄλλῃ· ἐὰν δὲ καὶ ἐκ τὰς χιλίας μίαν τοῦ χρόνου ποιήσῃ, κρυφὰ ἐξαγορεύεται καὶ διὰ τοῦ πνευματικοῦ αὐτῆς λαμβάνει κάνονα καὶ δουλεύει. Ἐσεῖς δὲ οἱ φρονιμώτεροί σας τὸ ποιοῦσιν (?). καὶ φυσικὸν τὸ ἔχετε καὶ νομοπαράδοτον· εἰς ἡμᾶς δὲ ἐὰν τὸ ποιήσῃ μία τῶν γυναικῶν, ἅπαξ ὁ οὐ γίνεται, λούεται ἢ πλύνεται ἀπὲ τὴν ζῶσιν καὶ κάτω, καὶ ἀλλάσσει, καὶ οὕτως ποιεῖ. ἔνι δὲ καὶ ἐκ τοῦ Χριστοῦ μου τοῖς ἀλείμ(μ)ασιν [1]) τοῦ βαπτίσματος καὶ ἐκ τοῦ ἁγίου μύρου τοῦ Χριστοῦ μου ἔνι χρισμένη. καὶ ἁγιάζεται [2]) ἡ προσφορά· βάνει τὸ ὅπλον τοῦ Χριστοῦ μου τὴν σφραγῖδαν καὶ ἁγιάζεται ἡ προσφορὰ, βάνει την εἰς τὸ πῦρ καὶ ἀπὸ τοῦ πυρὸς καθαρίζεται, ὑπάγει αὐτὴν εἰς ἐκκλησίαν καὶ ἁγιάζεται ἀπὸ τῆς ἐκκλησίας. εἰστήκει δὲ καὶ ὁ ἱερεὺς ἐστολ(ισ)μένος εἰς τὰς ἁ(γίας στο)λὰς τὰς θεϊκὰς καὶ λέγει τὰς προσευχάς· ὁ ἱερεὺς ἄγγελος λογικός ἐστιν· καὶ ἁγιάζεται ἡ προσφορὰ, ὅτι τὸ μιαρὸν ἅγιον γίνεται. Ἐσεῖς δὲ ποῖον βάπτισμα φορεῖτε, καὶ ποῖον μῦρον; ἀλλὰ θέτεις κόκ(κ)ον ἅλας εἰς τὸ στόμα σου καὶ χρίεις τὸ παιδὶν καὶ σὺ λέγεις ὅτι βαπτίζεται ὁ δοῦλος τοῦ θεοῦ Ἰωάννης ἢ ἡ δούλη τοῦ θεοῦ Μαρία εἰς τὸ ὄνομα τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος, ἀλλὰ λέγεις· βαπτίζω ἐγὼ καὶ ἐγὼ σὲ βαπτίζω, καὶ θεοποιεῖς ἑαυτὸν ἀπὸ σοῦ. Καὶ πάλιν ὁ παναγιώτης. Ὁ Χριστός μου ἔν(ν)οος ἢ ἔμψυχος ἔνι ἢ σύ; Ὁ ἀζυμίτης. Καὶ ἔ(ν)νοος καὶ ἔ(μ)ψυχος. Ὁ παναγιώτης. Καὶ πῶς ποιεῖς αὐτὸν ἄνουν καὶ ἄψυχον; καὶ σὺ γινώσκεις ὅτι ὁ ἅλσιμος ἐφμυαλὸς ἔνι [3]) καὶ αὐτὸ τῆς ψυχῆς τὸ προζυμον [4]). Καὶ πάλιν ὁ παναγιώτης. Διὰ πόσων στοιχείων συνίσταται ὁ κόσμος καὶ ὁ ἄνθρωπος καὶ τὸ τζουκάλιν καὶ τὸ κεράμιον καὶ πᾶν πήλινον [5]); Ὁ ἀζυμίτης. Ἐκ πυρὸς καὶ ὕδατος καὶ χώματος. Ὁ παναγιώτης. Καὶ ἠμπορεῖς ν' ἅψῃς εἰστίαν χωρὶς ἀνέμου καὶ δαλοῦ καὶ καρβούνου καὶ πυροβολήσεις καὶ ἐμφυσήσεις καὶ σείσεις τὰς χεῖράς σου νὰ ἐμβῇ ἄνεμος, καὶ χωρὶς οὐδὲ ἅπτει. οὕτως τὰ πάντα διὰ τεσσάρων στοιχείων συνίσταται ὁ κόσμος, καὶ ἡ προσφορὰ καὶ ἡμεῖς βάνομεν τέσσαρα στοιχεῖα εἰς τὴν προσφοράν· ἀλεύριν, θερμὸν, προζύμιν καὶ ἅλας. καὶ διὰ τεσσάρων στοιχείων συνίσταται ἡ ἁγία προσφορά. ἐσεῖς

---

1) cod. ἀλήμασιν.
2) cod. ἄζεται.
3) Серб. ꙗко соль мозгъ ѥ[ἅλσιμος] cod. ἅλκιμος.
4) cod. πρόζυγμον.
5) cod. πύληνον, серб. калѣно.

δὲ οἱ ἀζυμῖται μόνον καὶ[1]) δύο· ἀλεύριν καὶ κρυὸν νερόν, καὶ ἔνι νενεκρωμένον. καὶ αὐτὸ ἐπὶ Σπυρίδωνος [2]) γέγονεν, ὅτε [3]) ἐποίησεν ὁ Σπυρίδων κεράμιον καὶ ἐπῆγεν ἀπάνου τὸ πῦρ ἀντὶ τοῦ πνεύματος τὸ πῦρ ὕδωρ καὶ ἀπέμεινεν τὸ χοῦς (κατὰ) μίμησιν τῆς σαρκὸς τοῦ Χριστοῦ μου. Ὁ παναγιώτης. Εἰπέ μοι, ὁ Χριστός μου, ὅσα ἔπαθεν, ζῇ καὶ ἐσηκώθη ἢ νενεκρωμένος ἔνι; Ὁ ἀζυμίτης. Ζῇ καὶ ἐσηκώθη. Ὁ παναγιώτης. Καὶ πῶς οὖν ποιεῖς αὐτὸν νενεκρωμένον, ὅτι οὐ θέτεις εἰς τὸ ἅγιόν σου ποτήριον ὕδωρ ζεστόν, ἀλλὰ ψυχρὸν καὶ πάντως ἦστε νεκροὶ καὶ ψυχροί· γινώσκει πᾶς ἄνθρωπος, ὁπόταν ἔνι ζωντανός, ζεστὸς ἔνι, ὁπόταν δὲ ἔν(ι) νενεκρωμένος κρυσταλλοπαγετὸς ἔνι. Καὶ ἄλλον· ὅτι ὁ ῥάπα σας καὶ οἱ ἱερεῖς σας μετὰ δακτυλίων καὶ σκουλαρακίων καὶ στεφανίων καὶ καμπανελίων[4]) καὶ χειροκτίων, ἀλλὰ δὴ καὶ εἰς τὸ δεξιὸν χέριν τοῦ ῥάπα σας γράφει· χεὶρ Κυρίου, καὶ ἐν τῇ ἀριστερᾷ χεῖρα· μήτηρ θεοῦ, ὡσαύτως καὶ οἱ ἀρχιερεῖς σας λειτουργοῦσιν εἰς τὸ ταμεῖον τοῦ θεοῦ. καὶ οἱ ἕτεροι κάθονται ἔνδον καὶ κρατῶσιν τὰς κύνας αὐτῶν; ἄλλον· ζωγραφεῖτε τοῦ Χριστοῦ τὰ ποδάρια καβαλικεπτα[5]) ἀλλὰ καὶ κουροψυχένην (?) καὶ τὰ μαλλία του τζούρετα κομμένα[6]), καθὼς ἐσεῖς οἱ φράγγοι. ἐγὼ δὲ ἑρμηνεῦσαι ἔχω τὰ δύο σας ὀνόματα: φράγγοι διότι ἐφραγγελώσατε τὸν Χριστόν μου, λατῖνοι διότι ἐλλαττώσατε τὴν ἀλήθειαν. Ὁ ἀζυμίτης. Ὁ ἀρ(ρ)αβὼν ἔνι τὸ δακτύλιον τῶν ἱερέων καὶ τὰ ἕτερά εἰσιν τῆς ἱερωσύνης. Ὁ παναγιώτης. Ἡ σφραγίς ἔνι ὁ ἀρ(ρ)αβών. Ὁ ἀζυμίτης. Λέγει εἰς τὴν παραβολὴν τοῦ ἀσώτου· ἄνθρωπός τις εἶχεν υἱούς· ὁ μὲν εἷς πρεσβύτερος καὶ ὁ ἕτερος νεώτερος. Καὶ εἶπεν ὁ νεώτερος πρὸς τῷ πατρὶ αὐτοῦ· πάτερ, δός μοι τὸ ἐπιβάλλον μέρος τῆς οὐσίας. καὶ διεχώρισεν ὁ πατὴρ αὐτοῦ ἅπαντα τὸν βίον αὐτοῦ καὶ ἔδωκεν τῷ υἱῷ αὐτοῦ. καὶ ἀναστὰς ἐπορεύθη καὶ ἐκολλήθη ἑνὶ τῶν πολιτῶν καὶ τὰ ἑξῆς τῆς παραβολῆς[7]). Ὁ παναγιώτης. Καὶ τίς ἐστιν ὁ πατὴρ καὶ τίς ἐστιν ὁ υἱὸς ὁ πρεσβύτερος καὶ ὁ νεώτερος. Ὁ ἀζυμίτης. Ὁ πατήρ ἐστιν ὁ θεός, ὁ πρέσβυς υἱὸς ἔνι. οἱ δίκαιοι καὶ ὁ νεώτερός εἰσιν οἱ ἁμαρτωλοί, οἱ πταίσαντες[8]) τὸν θεόν. Ὁ παναγιώτης. Ἔπεσες εἰς τοῦτο. Ὁ ἀζυμίτης. Καὶ πῶς; Ὁ παναγιώτης. Λέγει ὁ Χριστός μου· δίκαιος ἑπτάκις [illegible], ὁ δὲ ἁμαρτωλὸς ἑβδομηκοντάκις ζ'· καὶ πάλιν οὐ χρείαν ἔχει ὁ θεὸς ὁ δι-

1) cod. κα. [illegible]
2) cod. [illegible]
3) cod. ὅτι.
4) ? Ср. [illegible]
5) ποδάρια [illegible]
6) ? Ср. [illegible]
7) Cf. Luc. XV [illegible]
8) cod. [illegible]

καίους πρὸς ἑνὶ ἁμαρτωλῷ μετανοοῦντι [1]. Ὁ Χριστός μου λέγει· οὐκ ἦλθον καλέσαι δικαίους ἀλλὰ ἁμαρτωλοὺς εἰς μετάνοιαν [2]. (Καὶ) τίνα λόγον [3] εἶχεν ἡ θεότης νὰ καταβῇ ἐπὶ γῆς, νὰ πάθῃ ἅπερ ἔπαθεν καὶ νὰ δείξῃ τὰ ἔδειξεν καὶ νὰ ὑπομείνῃ τὰ ὑπέμεινεν; οὐ διὰ τοὺς δικαίους, ἀλλὰ διὰ τοὺς ἁμαρτωλούς. Ὁ ἀζυμίτης. Καὶ τίς ἐστιν ὁ πατὴρ καὶ ὁ υἱὸς ὁ πρέσβυς καὶ ὁ νεώτερος υἱός; Ὁ παναγιώτης. Ἄκουσον, ἀζυμίτα· ρί πάπαι ἐγένοντο ἀπὸ τῆς ἀποχωρή(σε)ως ἀπ' ἣν ἀποχωρίσθημεν καὶ ἐσεῖς ἀφ' ἡμῶν· ξ' ἦσαν οἱ ἔνζυμοι καὶ ἐσώθησαν. οἱ μὴ ἦσαν υμδ' ἔτη ἔχετε(?) ἀφ' ἡμῶν, ἀφ' οὗ ἀποχωρίσθητε ἀπὸ τῶν πατέρων σας καὶ ἀπὸ ἡμᾶς [4] τοὺς ἀδελφούς. τὸ δὲ πρῶτον εἶστε μεθ' ἡμῶν εἰς τὸ ἔνζυμον· μόνον ἡ φραγγικὴ γλῶσσα ἐχώρισεν ἀφ' ἡμῶν, μεθ' ὧν ὁ πατὴρ ἡμῶν ἐστι ὁ θεός. Ὁ υἱὸς ὁ πρέσβυς εἴμεσθεν [5] ἡμεῖς οἱ χριστιανοί, ὁ δὲ νεώτερος υἱός ἦστε ἐσεῖς οἱ φράγγοι, οἱ ἀζυμῖτες [6], οἱ τετυφλωμένοι τῆς πίστεως καὶ μεμολυσμένοι ὅπου ξενιτεύθητε (τὸν) κοινὸν ἡμῶν πατέρα καὶ θεὸν καὶ ἐκολλήθητε ἑνὶ τῶν πολιτῶν, τὸν διάβολον......

М. Сперанскій.

---

1) Cf. Luc. XV, 7.
2) Cf. Mar. II, 17.
3) cod. ( )τοινη λγό.
4) cod. ἐμάς.
5) cod. οἴμεθεν.
6) cod. ἀζυμότες.

Къ вопросу о договорахъ русскихъ съ греками.

I.

Въ журналѣ «*Byzantinische Zeitschrift*» за 1892 г., въ I т., помѣщена статья: «*Ueber die urkundlichen Quellen zur Geschichte der Byzantinisch-venetianischen Beziehungen vornehmlich im Zeitalter der Komnenen*», принадлежащая перу Карла Нейманна. Служа введеніемъ къ предпринимаемому почтеннымъ авторомъ труду по исторіи византійско-венеціанскихъ отношеній, только что названная статья посвящена исключительно разсмотрѣнію источниковъ. Въ распоряженіи автора былъ обширный матеріалъ, помѣщенный въ «Fontes rerum austriacarum», 2 Abtheilung, Bd XII, изд. Тафелемъ и Томасомъ въ Вѣнѣ, въ 1856 г. Въ трехъ томахъ этого сборника помѣщенъ цѣлый рядъ оффиціальныхъ документовъ, начиная съ 814 г.: договоровъ, хрисовулловъ, привиллегій, заключенныхъ Венеціанскою республикой съ сосѣднею Истріей и Византійской имперіею. Авторъ разсматриваемой статьи высказываетъ сожалѣніе, что всѣ труды ученыхъ, имѣвшихъ предметомъ своихъ изслѣдованій византійско-венеціанскія отношенія XI и XII столѣтій, основаны, главнымъ образомъ, на литературномъ преданіи, вслѣдствіе чего отличаются неполнотою и ошибочностью своихъ выводовъ. Дѣло въ томъ, что въ сочиненіяхъ греческихъ и венеціанскихъ хронистовъ отмѣчены факты, которые становятся понятными только на почвѣ правовыхъ и хозяйственныхъ отношеній Византіи и Венеціи. Разсмотрѣніе этихъ отношеній и будетъ предметомъ будущаго труда г. Неймана. Въ занимающей же насъ статьѣ онъ разсматриваетъ вопросъ о томъ, какого рода матеріалъ имѣется въ рукахъ изслѣдователя и въ какой степени можно считать его полнымъ. Первый вопросъ рѣшался, впрочемъ, очень просто: матеріал

собранный Тафелемъ и Томасомъ, представляетъ рядъ оффиціальныхъ документовъ, большая часть которыхъ — переводъ съ греческаго на латинскій. Съ этой стороны высокое достоинство матеріала не подлежитъ, повидимому, никакому сомнѣнію. Оставался, такимъ образомъ, вопросъ о полнотѣ сохранившихся документовъ. Обстоятельство, которое въ особенности должно было обратить на себя вниманіе г. Нейманна и которое непосредственно возбуждало вопросъ о полнотѣ сборника Тафеля и Томаса, состоитъ въ слѣдующемъ: всѣ хрисовуллы, привиллегіи и т. п. сдѣлки, заключенныя между Византійскимъ и Венеціанскимъ правительствами до 1187 года, идутъ отъ имени перваго и всѣ они заключаютъ въ себѣ только права и привиллегіи, дарованныя венеціанцамъ византійскимъ правительствомъ въ предѣлахъ имперіи; документовъ же, которые заключали бы въ себѣ обязанности венеціанцевъ по отношенію къ Византіи, — нѣтъ. Это обстоятельство объяснялось тѣмъ, что письменныхъ обязательствъ со стороны Венеціи и не было вовсе до 1187 г. и что, до этого года, венеціанцы пользовались только правами въ имперіи, не неся съ своей стороны никакихъ обязанностей, и только съ 1187 года, происходитъ перемѣна, по которой въ документы, шедшіе отъ Византіи, включались и пункты обязательствъ со стороны Венеціи. Другіе думали, что хрисовуллы и привиллегіи, дарованные имперіей венеціанцамъ, были только вознагражденіемъ послѣднихъ за оказанныя ими первой въ различныя времена военныя услуги, и о какихъ нибудь другихъ обязанностяхъ венеціанцевъ не могло быть и рѣчи. Эти два воззрѣнія лежатъ въ основѣ всѣхъ изслѣдованій, посвященныхъ византійско-венеціанскимъ отношеніямъ, говоритъ г. Нейманнъ[1]). Само собою разумѣется, что если бы оба эти воззрѣнія оказались ошибочными, то не менѣе ошибочными оказались бы и выводы изслѣдователей, раздѣляющихъ ихъ.

Г. Нейманнъ показалъ, что упомянутыя воззрѣнія дѣйствительно несостоятельны. Выводы, къ которымъ онъ пришелъ въ этомъ отношеніи, такъ интересны и такъ важны, какъ увидимъ ниже, и для византійско-русскихъ отношеній, что считаемъ необходимымъ остановить на нихъ вниманіе.

Г. Нейманнъ показалъ, что въ развитіи договора между Венеціей и Византіей, какъ письменнаго международнаго акта, должно разли-

1) Стр. 370.

чать два періода: 1) до 1187 г. приблизительно и 2) отъ 1187 г. и далѣе. Тогда какъ до 1187 въ канцеляріи византійскаго императора не было обычая включать въ договоръ и пункты обязательствъ другой договаривающейся стороны, такъ что документъ получалъ видъ какъ бы указа императора, надѣляющаго эту другую сторону правами и привиллегіями,—съ 1187 г. установилось правило включать въ письменный актъ обязательства обѣихъ сторонъ, такъ что въ такомъ видѣ этотъ актъ получалъ вполнѣ видъ договора.

Внимательное чтеніе документовъ до 1187 года дало г. Нейманну фактическое основаніе для такого утвержденія. Именно въ привиллегіи Іоанна Комнина 1126 года прямо говорится, что эта привиллегія дается венеціанцамъ—pollicentibus et rursum ex toto corde pro Romania pugnare... quedamque specialia servitia scripta per conventiones celsitudini nostre et Romanie observare pollicitis, secundum quod conventio (symphonia) a nunciis eorum facta de his latius narrat [1]). Стало быть, до 1187 года существовалъ обычай, по которому обѣ договаривающіяся стороны обмѣнивались письменными обязательствами, при чемъ каждое заключало въ себѣ обязанности только одной какой нибудь стороны по отношенію къ другой, объ обязанностяхъ же послѣдней упоминалось только въ общихъ выраженіяхъ [2]).

Далѣе г. Нейманнъ попытался, на сколько позволялъ бывшій въ въ его рукахъ матеріалъ, представить всю процедуру заключенія договоровъ между Византіей и Венеціей, отъ начала переговоровъ до окончательной ратификаціи обѣими сторонами состоявшагося соглашенія. Дѣло представляется г. Нейманномъ въ такомъ видѣ. Одна изъ сторонъ отправляла къ другой пословъ (legati, apocrisiarii, missatici), которые везли съ собой два документа — кредитивную грамоту и секретную инструкцію: первая вручалась правительству, съ которымъ должно было войти въ соглашеніе, а вторая заключала въ себѣ maximum и minimum требованій, которыя слѣдовало ему предъявить. Послѣ врученія кредитивной грамоты начинались переговоры.

Положимъ, что Венеція принадлежитъ починъ заключенія договора. Переговоры ведутся въ Константинополѣ; если они не привели

1) Fontes, XII, 116 и 182 ib. стр. 370.

2) За другими доводами въ пользу этого несомнѣнно вѣрнаго вывода г. Нейманна отсылаемъ къ его статьѣ. Скажемъ только, что чрезвычайно интереснымъ и важнымъ въ занимающемъ насъ вопросѣ документомъ является договоръ, заключенный Византіей съ Пизой въ 1111 году.

на своемъ языкѣ; 2) персидскій экземпляръ переводится на греческій, а греческій — на персидскій языкъ; обѣ стороны сличаютъ переводный экземпляръ съ своимъ собственнымъ проектомъ договора, и найденныя различія согласуютъ; 3) когда обѣ стороны нашли проекты договора подходящими, то изготовляются двѣ грамоты — персидская и греческая, при чемъ каждая сторона употребляетъ свои канцелярскія и дипломатическія формы; наконецъ 4) происходитъ обмѣнъ договорами: греки получаютъ персидскій экземпляръ, а персы — греческій: кромѣ того, греческіе послы получаютъ греческій переводъ съ персидскаго, а персы — персидскій переводъ съ греческаго экземпляра; эти послѣдніе — переводные экземпляры оригиналовъ — не имѣютъ печатей пословъ: они служили только пособіемъ при чтеніи оригиналовъ. И такъ, каждая сторона получала два экземпляра договора: одинъ на языкѣ той страны, съ которой заключается договоръ, другой въ видѣ копіи съ того же экземпляра на языкѣ своей страны[1]).

Такой порядокъ заключенія договора между Персіей и Византіей, безъ сомнѣнія, можетъ считаться типическимъ для всѣхъ договоровъ, когда-либо заключенныхъ византійскимъ правительствомъ съ тою или иною страной; этотъ порядокъ, однако, допускалъ извѣстнаго рода отступленія, когда, напр., Византія вступала въ договоръ съ страною, которая не могла еще выработать своихъ собственныхъ дипломатическихъ и канцелярскихъ обычаевъ. Нельзя не замѣтить, что то, что мы находимъ у Менандра, не совсѣмъ вяжется съ выведенною г. Нейманномъ формулой византійскаго договора. У г. Нейманна нѣтъ рѣчи о томъ, составлялся ли договоръ отдѣльно каждою стороною на своемъ языкѣ и происходило ли за тѣмъ сличеніе обоихъ экземпляровъ, или нѣтъ, иначе сказать, принимала ли активное участіе въ редакціи договора каждая сторона, или эта редакція была въ рукахъ византійской только дипломатіи и ея канцеляріи.

Между тѣмъ, этотъ вопросъ напрашивается на вниманіе самъ собою, ибо въ сборникѣ Тафеля и Томаса всѣ документы—на латинскомъ языкѣ и идутъ отъ Византіи къ Венеціи или, вообще, отъ одной какой-нибудь стороны. Былъ ли сдѣланъ переводъ съ оригиналовъ въ Константинополѣ и, въ качествѣ копій, отправленъ вмѣстѣ съ оригиналами въ Венецію, или этотъ переводъ сдѣланъ уже въ Венеціи для своихъ текущихъ надобностей? На этотъ вопросъ нѣтъ отвѣта въ

1) Гедеоновъ. «Варяги и Русь», стр. 264 и слѣд.

статьѣ г. Неймана, тогда какъ рѣшеніе его имѣетъ существенное значеніе для оцѣнки документовъ въ сборникѣ Тафеля. Если переводъ каждаго изъ этихъ документовъ сдѣланъ въ Константинополѣ, то, конечно, всѣ они имѣютъ для насъ значеніе оригиналовъ; если же—въ Венеціи, то сборникъ Тафеля теряетъ много въ своемъ достоинствѣ. Изъ примѣчанія 2 на стр. 367, гдѣ г. Нейманъ говоритъ о переводномъ характерѣ документовъ въ сборникѣ Тафеля, видно, что онъ признаетъ за ними позднѣйшее происхожденіе; это, конечно, вѣроятно, ибо въ интересахъ венеціанцевъ было—хорошо знать содержаніе привиллегій, что вело за собою неоднократное списываніе ихъ; однако, вопросъ о томъ, гдѣ былъ сдѣланъ первый переводъ, остается у г. Неймана все таки нерѣшеннымъ.

Тутъ-то именно и могъ ему помочь Менандръ, извѣстіе котораго мы выше привели; но тогда къ формулѣ г. Неймана должно сдѣлать слѣдующее дополненіе. Тѣ два экземпляра договора, о которыхъ онъ говоритъ на стр. 375, пріобрѣтаютъ также значеніе: одинъ изъ нихъ былъ на латинскомъ языкѣ, другой—переводъ его на греческій; второй оставался въ Константинополѣ, а первый, вмѣстѣ съ хрисовулломъ, который былъ составленъ также на греческомъ и латинскомъ языкахъ, на особыхъ хартіяхъ, шелъ въ Венецію, гдѣ и оставался; въ замѣнъ всего этого византійскій посолъ получалъ отъ дожа протоколъ о дачѣ присяги венеціанскимъ правительствомъ.

Что хрисовулъ на греческомъ языкѣ сопровождалъ латинскій переводъ, сдѣланный въ Константинополѣ и лицемъ оффиціальнымъ, именно—драгоманомъ византійскаго правительства, того требуетъ самое простое соображеніе, кромѣ свидѣтельства Менандра: для византійскаго правительства было важно, чтобы въ Венеціи понимали буллу по подлинному ея смыслу, а не толковали ее вкривь и вкось, что очень было бы возможно, если бы переводъ ея предоставить усмотрѣнію самихъ венеціанцевъ, недостаточно знакомыхъ съ греческимъ языкомъ. Венеціанцы, какъ народъ практическій, какъ государство по преимуществу торговое, конечно, не столько заботились объ исполненіи взятыхъ на себя по отношенію къ Византіи обязанностей, сколько о томъ, чтобы какъ можно болѣе широко воспользоваться правами и привиллегіями, которыми они надѣлены были имперіею; поэтому послѣдняя должна была позаботиться, чтобы актъ, ею данный, и понимался, какъ должно, а это достижимо было только тогда, когда переводъ съ этого акта на понятный для венеціанцевъ языкъ сдѣла

подъ непосредственнымъ надзоромъ самаго византійскаго правительства.

Такой порядокъ вещей въ составленіи договора существовалъ долго, пока византійское правительство не убѣдилось, что и онъ не вполнѣ обезпечиваетъ его отъ забывчивости венеціанцевъ, и приблизительно съ 1187 года оно рѣшилось отступить отъ принятаго порядка, по которому каждая сторона изображала свои обязанности на отдѣльныхъ хартіяхъ, и ввело обычай—въ каждый экземпляръ договора вносить обязательства обѣихъ сторонъ и, такимъ образомъ, заставить венеціанцевъ знакомиться и съ тѣми обязательствами, которыя они приняли на себя.

Что именно это обстоятельство вызвало реформу въ составленіи договоровъ, свидѣтельствуетъ и то, что документовъ, въ которыхъ шла бы рѣчь о какихъ-нибудь обязанностяхъ венеціанцевъ по отношенію къ Византіи приблизительно до 1187 года, въ сборникѣ Тафеля нѣтъ; очевидно, они легко забывались самими венеціанцами, а потому не сберегались и погибли для насъ. Но именно эта реформа въ составленіи договоровъ больше всего и убѣждаетъ насъ въ важности Менандрова извѣстія и въ необходимости привлекать его въ качествѣ матеріала при сужденіи о порядкѣ, соблюдавшемся при заключеніи договоровъ. Итакъ, до 1187 года приблизительно, Венеція, напр., должна была каждый разъ, когда она заключала съ Византіей новый договоръ, получать отъ послѣдней три хартіи: хрисовуллъ въ двухъ экземплярахъ — одинъ на греческомъ и другой на латинскомъ языкѣ, при чемъ переводъ сдѣланъ былъ въ Константинополѣ, при самомъ заключеніи договора, и—одинъ экземпляръ хартіи, на которой изображены были обязательства Венеціи и который былъ копіей съ оставшагося въ Константинополѣ оригинала.

На каждой изъ этихъ хартій, за исключеніемъ, конечно, оригинала хрисовулла, должна была быть отмѣтка оффиціальнаго лица въ Византіи, удостовѣрявшая вѣрность копій съ оригиналами и вѣрность переводной хартіи, какъ это сдѣлано на одномъ Пизанскомъ переводномъ договорѣ рукою логоѳета дрома словомъ «ἴσον» и удостовѣреніемъ, что эта копія скрѣплена золотою печатью. Это обстоятельство чрезвычайно важно въ томъ отношеніи, что если мы имѣемъ договоръ, заключенный съ Византіей какимъ-нибудь государствомъ, и на немъ будетъ отмѣтка, что онъ—копія съ оригинала, хотя бы эта отмѣтка была сдѣлана не на языкѣ послѣдняго,—то мы будемъ имѣть сильное

доказательство въ пользу близости этой копіи къ оригиналу, близости, мѣру для которой легко опредѣлить, зная уже порядокъ, соблюдавшійся при заключеніи договоровъ: разстояніе это не можетъ быть далѣе второй руки, считая оригиналъ и копію, снятую съ него при самомъ заключеніи договора, за первую. Съ этой точки зрѣнія сборникъ Тафеля и Томаса имѣетъ далеко не то значеніе, какое онъ имѣлъ бы, если бы въ немъ заключались документы, отмѣченные какъ копіи съ оригиналовъ: ни одного такого документа до 1187 года въ этомъ сборникѣ нѣтъ.

II.

Мы остановились такъ долго на опредѣленіи порядка, соблюдавшагося въ Византіи при заключеніи международныхъ трактатовъ, какъ потому, что кое-что въ формулахъ г. Неймана представляется не совсѣмъ яснымъ, такъ и потому, что предметъ этотъ имѣетъ существенное значеніе для рѣшенія вопроса о нашихъ договорахъ съ Византіей, переданныхъ лѣтописцемъ подъ 907, 911 и 945 годами.

Еще въ 1853 году проф. Н. А. Лавровскій, приступая къ разсмотрѣнію внѣшней формы договоровъ, писалъ, что при этомъ бросается въ глаза опредѣленность, однообразіе внѣшней формы ихъ. Является вопросъ, возможно ли, чтобы руссскіе X в. могли уже выработать такую форму, по которой во всѣхъ договорахъ, записанныхъ вполнѣ, соблюдалась бы строгая послѣдовательность вступленія, содержанія и заключенія? На этотъ вопросъ можно отвѣтить только отрицательно. Но если такъ, то руссскіе заимствовали эту искусственную форму договоровъ только у грековъ. Это заключеніе, полученное чисто логическимъ путемъ, слѣдовало бы подтвердить болѣе положительнымъ доказательствомъ, основаннымъ на сравненіи съ подлинниками самихъ договоровъ или съ однородными съ ними актами. Вопросъ о томъ, что эти договоры суть точныя копіи съ греческихъ подлинниковъ, могъ бы быть рѣшенъ безповоротно такимъ сравненіемъ; но, къ сожалѣнію, ни одного акта, однороднаго съ разсматриваемыми, на греческомъ языкѣ до насъ не дошло[1]. Вслѣдствіе этого проф. Лавровскій рѣшаетъ вопросъ о подлинности нашихъ договоровъ исключительно на почвѣ филологической. Что наши договоры суть переводъ съ греческаго языка, послѣ работы Н. А. Лавров-

1) Н. А. Лавровскій, О Византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ русскихъ съ греками.

скаго и того, что мы знаемъ уже о переводныхъ копіяхъ съ оригиналовъ византійско-венеціанскихъ документовъ и изъ сообщенія Менандра, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію; высказанное же Н. А. Лавровскимъ сожалѣніе объ отсутствіи аналогичныхъ съ нашими греческихъ договоровъ въ настоящее время не можетъ имѣть мѣста. Достаточно указать на сборники Миклошича и Тафеля и Томаса. Если документы, помѣщенные у Тафеля, всѣ—на латинскомъ языкѣ, хотя они представляютъ позднѣйшія копіи съ тѣхъ переводныхъ экземпляровъ, которые сдѣланы были въ Константинополѣ, то и о нашихъ договорахъ можно и должно съ полною увѣренностію сказать, что они — переводъ съ греческаго языка и представляютъ притомъ вполнѣ надежный текстъ второй руки; имѣемъ въ виду, что есть полное основаніе думать, что записанные у лѣтописца договоры суть ближайшія копіи со вторыхъ экземляровъ, которые сопровождали греческіе, какъ переводныя копіи съ нихъ. Всѣ договоры, кромѣ договора 907 г., о которомъ рѣчь будетъ особо, имѣютъ надписи, что они суть копіи («Равно другаго совѣщанія») съ греческихъ оригиналовъ, копіи, сдѣланныя въ Константинополѣ, а не въ другомъ какомъ нибудь городѣ, напр. въ Кіевѣ.

Но представляется вопросъ: дѣйствительно ли заключены были всѣ договоры 907, 911 и 945 года? Возможно и бывали примѣры, что два государства вступали въ переговоры съ цѣлью заключить договоръ, и оставалось только исполнить послѣдній актъ всего хода дѣла, чтобы договоръ сталъ фактомъ, и онъ всетаки таковымъ не успѣвалъ сдѣлаться, ибо одна изъ сторонъ отказывалась по тѣмъ или другимъ причинамъ отъ ратификаціи договора (см. примѣръ, указанный г. Нейманномъ на стр. 376). Нѣчто въ этомъ родѣ могло случиться и съ нашими договорами, и ближайшее разсмотрѣніе ихъ съ новой точки зрѣнія — со стороны ихъ внѣшней формы и порядка заключенія — прольетъ, быть можетъ, нѣсколько свѣта на этотъ темный вопросъ.

Подъ 912 г. лѣтописецъ[1]) говоритъ, что Олегъ отправилъ пословъ въ Константинополь для заключенія договора. Историческая обстановка княженія Олега и его похода на Царьградъ не даетъ намъ возможности предположить, что почипъ въ заключеніи договора принадлежалъ ему, чтобы Олегъ—побѣдитель—согласился заключить съ

1) Лѣтопись по Лаврентіевскому списку. Изданіе Археологической коммиссіи. СПБ. 1872 г., стр. 32.

побѣжденными греками договоръ, клонившійся явно въ пользу почти исключительно грековъ [1]). Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ объяснить внезапное появленіе этого договора на страницахъ лѣтописи, черезъ какихъ нибудь четыре года послѣ заключенія договора 907 года? Ни изъ лѣтописи, ни изъ какихъ нибудь другихъ источниковъ не видно, чтобы, послѣ 907 г., въ отношеніяхъ между Византіею и Русью произошли настолько важныя перемѣны, что сознана была необходимость новой ихъ регламентаціи. Взаимныя отношенія двухъ странъ не были такъ ужъ сложны, чтобы требовалось такъ часто регулировать ихъ; если бы эти отношенія были болѣе многообразны, а не ограничивались только внушеніями чувства самосохраненія съ одной стороны и жажды къ добычѣ съ другой, то безъ всякаго сомнѣнія въ каждомъ изъ договоровъ мы нашли бы болѣе разнообразія въ содержаніи, и о самихъ договорахъ, по крайней мѣрѣ, объ одномъ изъ нихъ, мы могли бы имѣть свидѣтельство у какого нибудь изъ византійскихъ лѣтописцевъ [2]).

Въ русской исторической литературѣ уже не разъ было высказываемо мнѣніе, что записанное въ лѣтописи подъ 907 годомъ не есть формальный договоръ, а только предварительное соглашеніе, на основаніи котораго, въ 911 году, былъ заключенъ договоръ уже формальный. Кто читалъ наши договоры, тотъ знаетъ, что статьи предполагаемаго договора 907 года совсѣмъ не входятъ въ договоръ 912 г., но появляются снова въ договорѣ 945 г. Чтобы объяснить эту странность, проф. Сергѣевичъ долженъ былъ допустить порчу въ договорѣ 911 года, а затѣмъ и въ договорѣ 945 г. Проф. Сергѣевичъ [3]) считаетъ то, что записано подъ 907 г., просто мировой сдѣлкой, притомъ устной, а не письменной, по которой Олегъ долженъ былъ очистить территорію Византіи. Н. А. Лавровскій, стремясь быть какъ можно болѣе консервативнымъ въ занимающемъ насъ вопросѣ, защищаетъ дѣйствительность договора 907 года, объясняя указанную странность тѣмъ, что переписчикъ лѣтописи старался сократить трудъ переписки, опустивъ въ договорѣ 911 г. то, о чемъ была уже рѣчь въ договорѣ

1) «Письменныхъ договоровъ требовали, разумѣется, греки» справедливо говоритъ Гедеоновъ въ «Варяги и Русь», стр. 269.

2) Легко было забыть объ одномъ договорѣ, но какъ объяснить забывчивость византійскихъ лѣтописцевъ, если на разстояніи какихъ нибудь 38 лѣтъ заключено было три договора.

3) Греческое и русское право въ договорахъ русскихъ съ греками. Ж. Мин. Нар. Пр. 1882 г., январь

907 года. Нѣтъ сомнѣнія, что подобнаго рода стремленія всегда существовали у переписчиковъ, но если припомнить, въ какомъ настроеніи древніе переписчики приступали къ своей работѣ, которую они считали святой, то предположеніе Н. А. Лавровскаго теряетъ много въ своей силѣ. Такія или иныя отношенія Руси къ Византіи были для русскаго человѣка древняго времени настолько важнымъ и, должно сказать, пріятнымъ элементомъ его работы, что едва-ли онъ могъ поскупиться временемъ и опустить что нибудь, что могло послужить только къ славѣ Руси, а не къ ея униженію. Предположеніе проф. Лавровскаго конечно, могло бы имѣть какое нибудь значеніе въ ряду другихъ, но несомнѣнныхъ доводовъ, само же по себѣ оно не можетъ рѣшить вопроса.

Остается анализировать эти договоры и посмотрѣть, насколько они соотвѣтствуютъ всему тому, что мы вообще знаемъ о международныхъ трактатахъ, заключавшихся Византіей. Основаніемъ для такого сравненія послужитъ намъ общее положеніе: въ Византіи выработалась извѣстнаго рода рутина при заключеніи международнаго трактата, естественно клонившаяся къ тому, чтобы придать послѣднему видъ, наиболѣе обезпечивающій исполненіе обязанностей, принятыхъ на себя сторонами; какъ всякая другая, и эта рутина имѣла за себя долголѣтній опытъ, и отступать отъ нея ни въ коемъ случаѣ нельзя было, не рискуя вмѣстѣ съ тѣмъ обезпеченностью исполненія договора. То же самое нужно сказать о всякомъ вообще оффиціальномъ актѣ.—Разъ выработанная форма и различныя обрядности при составленіи его имѣютъ склонность сохраняться на долго, и соблюденіе ихъ является необходимымъ условіемъ значенія его, какъ оффиціальнаго документа, и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣриломъ его подлинности. Намъ уже извѣстны обрядности, соблюдавшіяся Византійскимъ правительствомъ при заключеніи международныхъ трактатовъ. Стало быть, въ нашихъ рукахъ есть реальное основаніе для испытанія достоинства нашихъ договоровъ, какъ оффиціальныхъ документовъ. И такъ, припомнимъ то, что сказано о формальностяхъ, соблюдавшихся Византіей при заключеніи договоровъ, и приложимъ все это къ нашимъ документамъ.

Повторяемъ, здравый смыслъ требуетъ того, чтобы та сторона возбуждала вопросъ о сдѣлкѣ, которая наиболѣе въ ней нуждается. Что касается договора 911 г., то заинтересованной стороной, несомнѣнно, была Византія, а не Русь, для которой, въ то время, даже вы-

годнѣе было быть свободной отъ всякихъ узъ и препятствій въ своихъ стремленіяхъ къ добычѣ. Это она доказала своими походами на Византію въ 941 и 945 годахъ. Мы должны вслѣдствіе этого ожидать, что въ 911 г. въ Кіевѣ явятся византійскіе послы съ извѣстными предложеніями. Сосѣдство русскихъ съ византійскими владѣніями въ Крыму и набѣги ихъ на самую столицу имперіи могли быть реальными причинами желанія византійскаго императора вовлечь Русь въ правильныя договорныя отношенія къ имперіи, при которыхъ, конечно, труднѣе было бы безпокойной Руси тревожить ее своими набѣгами. Между тѣмъ, что мы видимъ въ 911 г.? «Посла мужи своя Олегъ построити мира и положити рядъ межю Русью и Грекы»[1], т. е. Олегъ первый отправляетъ пословъ въ Византію для заключенія договора. Эта непослѣдовательность въ изложеніи лѣтописи такъ и останется непонятной, если то, что записано подъ 907 г., считать договоромъ, формально заключеннымъ; однако, она легко устраняется, если держаться прямого смысла словъ въ веденіи къ договору 911 года: «наша свѣтлость (Олегъ) болѣ инѣхъ хотящи, еже о Бозѣ удержати [и] извѣстити такую любовь, бывшую межи хрестьяны и Русью, многажды право судихомъ, не точію просто словесемъ, но и писаніемъ и клятвою твердою, кленшеся оружіемъ своимъ, такую любовь утвердити и извѣстити по вѣрѣ и по закону нашему». Смыслъ этого текста такой: Олегъ и раньше заключилъ договоръ съ греками, но только словесный; онъ обѣщалъ греческимъ императорамъ утвердить этотъ договоръ письменнымъ актомъ, скрѣпленнымъ присягой и подписями, и теперь онъ исполняетъ данное обѣщаніе. Это ведетъ насъ прямо къ договору 907 года. Подъ стѣнами Константинополя былъ заключенъ словесный миръ и по почину Византіи рѣшено было заключить формальный договоръ, ради котораго и отправились послы Олега въ Константинополь въ 911 году.

Дальнѣйшее разсмотрѣніе этого документа приводитъ насъ къ убѣжденію, что требуемыя формы и обрядности при заключеніи его были почти всѣ выполнены. Послѣ перечисленія пословъ и обычнаго вступленія, послы даютъ присягу, что никто «отъ сущихъ подъ рукою нашихъ князя» не нарушитъ «любовь», которую они установятъ между Русью и Византіею,—пунктъ, который составляетъ, какъ мы видѣли, необходимое условіе заключенія договоровъ.

---

1) Лѣт. Лаврент. стр. 32.

907 года. Нѣтъ сомнѣнія, что подобнаго рода стремленія всегда существовали у переписчиковъ, но если припомнить, въ какомъ настроеніи древніе переписчики приступали къ своей работѣ, которую они считали святой, то предположеніе Н. А. Лавровскаго теряетъ много въ своей силѣ. Такія или иныя отношенія Руси къ Византіи были для русскаго человѣка древняго времени настолько важнымъ и, должно сказать, пріятнымъ элементомъ его работы, что едва-ли онъ могъ поскупиться временемъ и опустить что нибудь, что могло послужить только къ славѣ Руси, а не къ ея униженію. Предположеніе проф. Лавровскаго конечно, могло бы имѣть какое нибудь значеніе въ ряду другихъ, но несомнѣнныхъ доводовъ, само же по себѣ оно не можетъ рѣшить вопроса.

Остается анализировать эти договоры и посмотрѣть, насколько они соотвѣтствуютъ всему тому, что мы вообще знаемъ о международныхъ трактатахъ, заключавшихся Византіей. Основаніемъ для такого сравненія послужитъ намъ общее положеніе: въ Византіи выработалась извѣстнаго рода рутина при заключеніи международнаго трактата, естественно клонившаяся къ тому, чтобы придать послѣднему видъ, наиболѣе обезпечивающій исполненіе обязанностей, принятыхъ на себя сторонами: какъ всякая другая, и эта рутина имѣла за себя долголѣтній опытъ, и отступать отъ нея ни въ коемъ случаѣ нельзя было, не рискуя вмѣстѣ съ тѣмъ обезпеченностью исполненія договора. То же самое нужно сказать о всякомъ вообще оффиціальномъ актѣ.—Разъ выработанная форма и различныя обрядности при составленіи его имѣютъ склонность сохраняться на долго, и соблюденіе ихъ является необходимымъ условіемъ значенія его, какъ оффиціальнаго документа, и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣриломъ его подлинности. Намъ уже извѣстны обрядности, соблюдавшіяся Византійскимъ правительствомъ при заключеніи международныхъ трактатовъ. Стало быть, въ нашихъ рукахъ есть реальное основаніе для испытанія достоинства нашихъ договоровъ, какъ оффиціальныхъ документовъ. И такъ, припомнимъ то, что сказано о формальностяхъ, соблюдавшихся Византіей при заключеніи договоровъ, и приложимъ все это къ нашимъ документамъ.

Повторяемъ, здравый смыслъ требуетъ того, чтобы та сторона возбуждала вопросъ о сдѣлкѣ, которая наиболѣе въ ней нуждается. Что касается договора 911 г., то заинтересованной стороной, несомнѣнно, была Византія, а не Русь, для которой, въ то время, даже вы-

годнѣе было быть свободной отъ всякихъ узъ и препятствій въ своихъ стремленіяхъ къ добычѣ. Это она доказала своими походами на Византію въ 941 и 945 годахъ. Мы должны вслѣдствіе этого ожидать, что въ 911 г. въ Кіевѣ явятся византійскіе послы съ извѣстными предложеніями. Сосѣдство русскихъ съ византійскими владѣніями въ Крыму и набѣги ихъ на самую столицу имперіи могли быть реальными причинами желанія византійскаго императора вовлечь Русь въ правильныя договорныя отношенія къ имперіи, при которыхъ, конечно, труднѣе было бы безпокойной Руси тревожить ее своими набѣгами. Между тѣмъ, что мы видимъ въ 911 г.? «Посла мужи своя Олегъ построити мира и положити рядъ межю Русью и Грекы» [1]), т. е. Олегъ первый отправляетъ пословъ въ Византію для заключенія договора. Эта непослѣдовательность въ изложеніи лѣтописи такъ и останется непонятной, если то, что записано подъ 907 г., считать договоромъ, формально заключеннымъ; однако, она легко устраняется, если держаться прямого смысла словъ въ веденіи къ договору 911 года: «наша свѣтлость (Олегъ) болѣ инѣхъ хотящи, еже о Бозѣ удержати [и] извѣстити такую любовь, бывшую межи хрестьяны и Русью, многажды право судихомъ, не точію просто словесемъ, но и писаніемъ и клятвою твердою, кленшеся оружіемъ своимъ, такую любовь утвердити и извѣстити по вѣрѣ и по закону нашему». Смыслъ этого текста такой: Олегъ и раньше заключилъ договоръ съ греками, но только словесный; онъ обѣщалъ греческимъ императорамъ утвердить этотъ договоръ письменнымъ актомъ, скрѣпленнымъ присягой и подписями, и теперь онъ исполняетъ данное обѣщаніе. Это ведетъ насъ прямо къ договору 907 года. Подъ стѣнами Константинополя былъ заключенъ словесный миръ и по почину Византіи рѣшено было заключить формальный договоръ, ради котораго и отправились послы Олега въ Константинополь въ 911 году.

Дальнѣйшее разсмотрѣніе этого документа приводитъ насъ къ убѣжденію, что требуемыя формы и обрядности при заключеніи его были почти всѣ выполнены. Послѣ перечисленія пословъ и обычнаго вступленія, послы даютъ присягу, что никто «отъ сущихъ подъ рукою нашихъ князя» не нарушитъ «любовь», которую они установятъ между Русью и Византіею,—пунктъ, который составляетъ, какъ мы видѣли, необходимое условіе заключенія договоровъ.

1) Лѣт. Лаврент. стр. 32.

Остановимся теперь на заключеніи разсматриваемаго договора, изъ котораго видно, что договоръ былъ написанъ въ двухъ экземплярахъ — одинъ на греческомъ, другой на славянскомъ языкѣ; первый долженъ былъ остаться у императора, второй долженъ былъ быть врученъ русскимъ посламъ; послѣдніе повторяютъ присягу, данную ими при начатіи переговоровъ; съ своей стороны императоры «предлежащимъ честнымъ крестомъ» клялись въ исполненіи ими договора[1]).

Мы сказали, что при заключеніи разсматриваемаго договора были соблюдены *почти* всѣ требуемыя для полноты дѣла формальности; говоримъ — почти, и на слѣдующемъ основаніи. По смыслу приведеннаго заключенія договора 911 г., который инымъ не можетъ быть, договоръ утвержденъ только присягою пословъ; но мы уже знаемъ, что византійское правительство не могло ограничиться только этимъ: договоръ долженъ быть скрѣпленъ присягой Олега и всѣхъ «иже суть подъ рукою его свѣтлыхъ и великихъ князь и его великихъ бояръ», — тогда только договоръ можетъ получить полную, оффиціальную силу. Мы должны, слѣдовательно, ожидать, что императоры командируютъ въ Кіевъ вмѣстѣ съ заключившими договоръ русскими послами своихъ уполномоченныхъ, которые приведутъ Олега и его бояръ къ присягѣ и вручатъ имъ хрисовуллъ, въ которомъ будутъ изложены обязательства Византіи по отношенію къ Руси и который будетъ написанъ на греческомъ и славянскомъ языкахъ. Мы знаемъ, что послѣдній актъ и есть ратификація договора, и безъ него послѣдній не можетъ имѣть силу. Ни изъ самого договора, ни изъ разсказа лѣтописца не видно, чтобы этотъ послѣдній актъ ратификаціи былъ соблюденъ. Лѣтописецъ подробно говоритъ о томъ, какъ царь «Леонъ почти послы руские дарми» и проч., какъ онъ далъ имъ въ проводники людей, которые показали имъ достопримѣчательности столицы, и отпустилъ затѣмъ ихъ въ Русь съ великою честью; что же касается самого договора, то онъ очень глухо говоритъ: «послании же Олгомъ посли приидоша ко

1) На утверженье же неподвижнне быти меже вами хрестьаны и Русью, бывший миръ сотворихомъ Ивановымъ написанемъ на двою харатью, царя вашего и своею рукою, предлежащимъ честнымъ крестомъ и святою единосущною Троицею единого истинаго Бога вашего извѣсти и дасть нашимъ посломъ; мы же кляхомся ко царю вашему, иже отъ Бога суще яко Божие здание по закону и по закону языка нашего, не преступити намъ, ни иному отъ страны нашея отъ уставленыхъ главъ мира и любви. И таковое написание дахомъ царства вашего на утверження обоему пребывати таковому совещанию, на утвержение и на извещание межи (вами) нами бывающаго мира. Мѣсяца сеньтебря 2-го, недѣли 15, в лѣто создания мира 6420. Лаврент. Лѣт. стр. 36 и 37.

Олгови и поведаша вся рѣчи обою царю, како сотворища миръ и урядъ положиша межю Грецкою землею и Рускою и клятвы не преступити ни Грекомъ ни Руси. И живяше Олегъ миръ имѣя ко всѣмъ странамъ, княжа в Киевѣ», — ни слова о ратификаціи договора Олегомъ. Не такъ ведетъ себя лѣтописецъ, когда онъ передаетъ договоръ 945 года.

Что договоръ 911 г. не состоялся, несомнѣнно и по другимъ причинамъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже; теперь же замѣтимъ, что въ высшей степени вѣроятно, что Олегъ не успѣлъ конфирмировать договоръ: приведши послѣдній, лѣтописецъ тотчасъ говоритъ о смерти Олега. Весьма возможно, что Игорь отказался утвердить договоръ, имѣя свои личныя замыслы на счетъ Византійской имперіи, которые онъ затѣмъ и осуществилъ.

Обратимся къ походамъ Игоря на Византію. Они предпринимаются съ такою же легкостью, какъ и при Олегѣ; очевидно, что какъ Олегъ, такъ и Игорь въ своихъ отношеніяхъ къ Византіи не руководствуются никакими иными соображеніями, кромѣ желанія сорвать съ грековъ дань золотомъ и другими предметами. Лѣтописецъ ни самъ не говоритъ ни слова о какихъ нибудь обязательствахъ, нарушенныхъ Игоремъ, ни влагаетъ въ уста греческихъ пословъ, отправленныхъ императорами къ Игорю, какихъ нибудь словъ намекающихъ на договорныя отношенія Руси къ Византіи. Всѣ эти обстоятельства невольно обращаютъ на себя наше вниманіе и остаются непонятными и необъяснимыми, если считать договоръ 911 года состоявшимся.

Разсмотримъ теперь договоръ 945 года.

Послѣ неудачнаго похода 941 г., Игорь въ 944 г. предпринимаетъ новый походъ на Византію; правительство послѣдней предпочло вступить въ переговоры съ Игоремъ и предложить ему то, что служило предметомъ желаній русскихъ—выкупъ. Оно употребило знакомое средство. «Рѣша же дружина Игорева: да аще сице глаголетъ царь, то что хочемъ боле того, не бившеся имати злато, и сребро и наволоки? егда кто вѣсть, кто одолѣетъ, мы ли, онѣ ли? ли с моремъ кто свѣтенъ? се бо не поземли ходимъ, но по глубинѣ морьстѣй; обьча смерть всѣмъ». Получивъ, что нужно, Игорь «приде къ Киеву въсвояси». О какихъ нибудь переговорахъ, клонившихся къ заключенію договора или напоминавшихъ о заключенныхъ уже договорахъ,—ни слова; но очевидно, что эти переговоры имѣли мѣсто, но они могли касаться только будущаго договора, о прежнихъ же упоминалось

развѣ только ради ссылки, что существовало такое намѣреніе и раньше. Это ясно изъ словъ лѣтописца подъ 945 г.: «Присла Романъ, и Костянтинъ, и Степанъ слы къ Игореви построити мира *перваго* [1]); Игорь же глагола съ ними о мирѣ» [1]). Когда шли переговоры, долженствовавшіе привести къ соглашенію обѣ стороны, византійскіе дипломаты не могли не ссылаться на переговоры, которые были раньше; указаніе на то, что на извѣстные пункты было дано согласіе Олегомъ, могло побудить русскихъ пословъ къ уступчивости. Кромѣ этихъ трехъ ссылокъ, другихъ мы не встрѣчаемъ. Если бы договоръ 911 г. дѣйствительно былъ заключенъ, то почему во введеніи къ договору 945 г. ни однимъ словомъ не намекается на существованіе перваго; нельзя же считать такимъ намекомъ слова «и отъ тѣхъ заповѣдано *обновити ветхій миръ*», потому что, въ такомъ случаѣ, и слова въ договорѣ 911 г. «на удержаніе и на извѣщеніе отъ многихъ лѣтъ межю хрестьяны и Русью бывшюю любовь» — слѣдовало бы считать намекомъ на договорныя отношенія между Византіей и Русью до 911 г., что не возможно. Во всѣхъ этихъ выраженіяхъ мы ничего другого не усматриваемъ, какъ только стремленіе византійскихъ дипломатовъ внушить русскимъ посламъ, что между Византіею и Русью всегда были мирныя отношенія, которыя требуютъ только письменной регламентаціи. «Посла Игорь мужи своя къ Роману, Романъ же созва боляре и сановники. Приведоша русския слы, и велѣша глаголати [и] псати обоихъ рѣчи на харатьѣ». Далѣе слѣдуетъ самый договоръ.

Отмѣтимъ прежде всего чрезвычайную краткость и опредѣленность выраженій лѣтописца,—качества, болѣе всего свидѣтельствующія о томъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ фактомъ, въ которомъ лѣтописецъ вполнѣ увѣренъ [2]). Особенное наше вниманіе затѣмъ обращаютъ на себя слова: «присла Романъ, и Костянтинъ, и Степанъ слы к Игореви построити мира перваго», — слова, которыя передаются всѣми рукописями одинаково. При томъ состояніи вопроса о нашихъ

---

1) Этимъ, по нашему мнѣнію, и объясняются тѣ три ссылки на предыдущіе договоры, которыя встрѣчаются въ договорѣ 945 года. 1) «А великій князь Рускій и боярe его да посылають въ Греки къ великимъ царемъ Гречьскимъ корабли, елико хотятъ, со слы и съ гостьми, *якоже имъ уставлено есть*»; 2) «и отходящей Руси отсюда взимають отъ насъ, еже надобѣ, брашно на путь, и еже надобѣ, лодьямъ, *якоже уставлено есть преже*». 3) Въ главѣ о бѣгломъ русскомъ рабѣ: «ти тогда взимають отъ насъ цѣну свою, *якоже уставлено есть преже*».

2) Замѣтимъ, кромѣ того, что приведенныя слова лѣтописца чрезвычайно напоминаютъ сокращеніе болѣе подробнаго разсказа о томъ же событіи.

договорахъ, въ которомъ онъ до сихъ поръ находится, приведенныя слова лѣтописца остаются непонятными, между тѣмъ трудно предположить, чтобы онъ употребилъ ихъ, не придавая имъ никакого значенія. Для насъ теперь понятно и естественно, что послы прибыли съ тѣмъ, чтобы «утвердить прежній миръ», чтобы окончательно, слѣдовательно, утвердить прежній договоръ, который въ 911 г. по извѣстнымъ причинамъ не былъ утвержденъ [1]). Самъ лѣтописецъ своимъ изложеніемъ оправдываетъ выводы г. Нейманна и наши, относительно хода дѣла при заключеніи Византіей международныхъ трактатовъ. Инициатива заключенія договора, какъ и слѣдовало ожидать, шла отъ Византіи: для послѣдней важно было вовлечь Русь въ правильныя международныя отношенія. Греческіе послы прибыли въ Кіевъ и имѣли здѣсь переговоры съ Игоремъ о мирѣ. Стороны пришли къ извѣстному соглашенію, и Игорь отправилъ въ Царьградъ своихъ пословъ, которые съ уполномоченными императора установили пункты соглашенія [2]); послѣдніе были изложены на двухъ хартіяхъ, изъ которыхъ одна — очевидно на греческомъ языкѣ, другая—на русскомъ. Вступленіе къ самимъ договорнымъ статьямъ начинается точно такъ же, какъ и договоръ Олеговъ, съ перемѣнной, конечно, именъ пословъ, и продолжается совершенно въ духѣ всѣхъ вступленій въ подобнаго рода византійскихъ документахъ: за вступленіемъ слѣдуетъ присяга, данная послами, въ которой они отъ имени Игоря и всей Руси клянутся соблюдать договоръ. Изъ заключенія, слѣдующаго за статьями договора, видимъ, что прежде всего договоръ былъ написанъ на двухъ хартіяхъ, и на одной изъ нихъ былъ крестъ и подписи императоровъ, а на другой—подписи русскихъ пословъ. Первый экземпляръ и былъ то, что называлось хрисовулломъ; онъ былъ подписанъ и скрѣпленъ печатью императоровъ, т. е. ратификованъ послѣдними. Съ этимъ и и вторымъ экземпляромъ договора византійскіе послы должны прибыть въ Кіевъ и вручить первый Игорю. Далѣе слѣдуютъ слова, снова остающіяся непонятными, если при толкованіи ихъ не имѣть въ виду того, что мы сказали о процедурѣ заключенія договоровъ. Въ

---

1) Какъ совершенно вѣрно переводитъ проф. *Владимирскій Буданов*, Хрестоматія по исторіи русскаго права, 1885 г., выпускъ 1-й, страница 10. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что лѣтописецъ зналъ, что договоръ 911 года не состоялся, но по причинамъ намъ неизвѣстнымъ, которыя скорѣе всего слѣдуетъ искать въ патріотическомъ настроеніи лѣтописца, помѣстилъ подъ 911 г. то, что у него было подъ руками.

2) Стало быть переговоры велись главнымъ образомъ въ Царьградѣ и здѣсь закончились.

венеціанскихъ документахъ, указанныхъ г. Нейманномъ въ своемъ мѣстѣ, предусматривается будущая ратификація договора венеціанскимъ правительствомъ, состоявшая въ томъ, что оно давало присягу въ полномъ своемъ составѣ, начиная отъ дожа до малаго и большого совѣта; по дачѣ присяги, составлялся протоколъ, который вручался византійскому послу. Византійское правительство на этотъ послѣдній актъ всего дѣла всегда обращало особенное вниманіе, а что касается Руси, то объ этомъ актѣ оно должно было особенно позаботиться и напередъ дать формулу присяги. Мѣсто договора отъ словъ: «мы же, елико насъ хрестилися есмы» до словъ «и да будетъ клятъ отъ Бога и отъ Перуна, яко преступи свою клятву» включительно, и есть формула присяги, которую должны были дать Игорь и «людие его». Византійскіе дипломаты выпытали у русскихъ пословъ формулу наиболѣе торжественной присяги, употреблявшейся у Руссовъ, и обрядности при этомъ соблюдавшіяся, и включили все это въ договоръ, обезпечивъ такимъ образомъ себя отъ возможности обмана со стороны Русскихъ [1]).

Послѣднія строки договора какъ нельзя болѣе ясно убѣждаютъ насъ, что онъ не достигъ еще полнаго оффиціальнаго значенія, что такое достоинство онъ получитъ только тогда, когда Игорь и «люди его» утвердятъ его присягой по той формѣ, которая заранѣе дана: «да аще будеть добрѣ, Игорь. великій князь да хранитъ си любовь» и т. д. Дальнѣйшее изложеніе лѣтописи находится въ полной гармоніи съ тѣмъ, что мы сказали. Отправленные въ Византію русскіе послы съ уполномоченными отъ императоровъ возвратились въ Кіевъ «Игорь же призва слы греческыя, рече имъ: глаголите, что вы казалъ царь? И рѣша сли цареви: се посла ны царь, радъ есть миру, хощетъ миръ имѣти со княземъ рускимъ и любъве; твои сли водили суть царѣ наши ротѣ, и насъ послаша ротѣ водитъ тебе и мужь твоихъ. Обѣщася Игорь сице створити». На слѣдующій день Игорь въ сопровожденіи своихъ «людей» отправился на холмъ, гдѣ стоялъ идолъ Перуна; здѣсь всѣ они, въ присутствіи византійскихъ пословъ, сложили съ себя оружіе, щиты и золотыя украшенія и произнесли требуемую клятву: крещеные русскіе принесли присягу въ церкви Св. Иліи. «Игорь же утвердивъ миръ съ Греки, отпусти слы, одаривъ

---

1) Поэтому мы предложили бы измѣнить нѣсколько, для большей ясности въ чтеніи заключенія договора, пунктуацію и ставить двоеточіе вмѣсто точки передъ словами: «мы же, елико насъ хрестилися есмы» и проч.

ихъ скорою» и проч., оканчиваетъ лѣтописецъ разсказъ о заключеніи договора. Игорь и «людие его» выполнили то, что требовалось для ратификаціи договора.

Такимъ образомъ, высказанное Эверсомъ, повторенное Н. А. Лавровскимъ мнѣніе, будто договоръ 911 г. былъ въ полномъ смыслѣ формальнымъ, написаннымъ съ строжайшею заботливостью не только по отношенію къ содержанію, но и относительно самой рѣчи, не можетъ считаться основательнымъ: не болѣе основательна и мысль, по которой договоръ 945 года является только дополненіемъ къ договору 911 г. и долженъ считаться менѣе оффиціальнымъ документомъ, при составленіи котораго не было обращено особеннаго вниманія на самый языкъ статей, почему послѣдній и является въ немъ болѣе простымъ и удобопонятнымъ. Уже и безъ указанныхъ обстоятельствъ мнѣніе это не выдерживаетъ критики: о каждомъ заключенномъ договорѣ, тѣмъ болѣе международномъ, должно сказать, что онъ — оффиціальный документъ — ни болѣе, ни менѣе, написанный со всевозможной тщательностью, ибо только тогда онъ и можетъ имѣть юридическую силу; если же въ Игоревомъ договорѣ языкъ проще и понятнѣе, чѣмъ въ Олеговомъ, то это объясняется тѣмъ, что писавшій и переводившій текстъ его лучше зналъ греческій и славянскій языки, чѣмъ тотъ, кто писалъ и переводилъ договоръ 911 г.

Разсмотримъ договоръ 945 г. еще съ одной стороны, именно со стороны его содержанія. Оказывается, что по содержанію своему Игоревъ договоръ почти цѣликомъ — въ пользу Византіи, т. е. онъ заключаетъ въ себѣ только обязанности русскихъ по отношенію къ Византіи, объ обязанностяхъ же послѣдней — почти ни слова. Это обстоятельство даетъ поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ думать, что Византійское правительство, заключая договоръ съ Игоремъ, воспользовалось простотою русскихъ и повело дѣло такъ, что въ выигрышѣ оказались одни греки[1]). При тѣхъ средствахъ, которыя были въ распоряженіи изслѣдователей, дѣйствительно не трудно было прійти къ такому заключенію. Однако, свойство содержанія Игорева договора объясняется иначе и вполнѣ удовлетворительно.

Изъ разсмотрѣнія византійско-венеціанскихъ договоровъ получается несомнѣнный выводъ, что въ Венеціи найдены только тѣ документы, которые шли отъ Византіи, которые, слѣдовательно, заклю-

1) Проф. Сергѣевичъ въ цитированной статьѣ.

чаютъ въ себѣ главнымъ образомъ обязательства послѣдней по отношенію къ Венеціи; отвѣтныхъ же актовъ, отъ Венеціи къ Византіи, нѣтъ, хотя мы имѣли случай показать, что эти отвѣтные документы существовали. Итакъ, если мы найдемъ въ венеціанскомъ архивѣ, напримѣръ, или въ венеціанской лѣтописи договоръ, въ которомъ будетъ идти рѣчь объ обязанностяхъ Византіи по отношенію къ Венеціи, объ обязанностяхъ же послѣдней не будетъ ни слова, то это еще не значитъ, что найденный договоръ былъ заключенъ во вредъ Византіи, а — только то, что обязанности Венеціи были изображены на отдѣльной хартіи, которая до насъ не дошла. По аналогіи съ этимъ, мы должны ожидать, что въ лѣтописи русской мы встрѣтимъ текстъ договора, въ которомъ будетъ идти рѣчь объ обязанностяхъ Византіи по отношенію къ Руси, т. е. императорскій хрисовуллъ. Договоръ Игоря не оправдываетъ нашихъ ожиданій. Оказывается, что до насъ дошла только копія съ того экземпляра договора, который шелъ отъ имени Игоря къ Византіи и естественно заключалъ въ себѣ только обязанности русскихъ; экземпляра же, шедшаго отъ Византіи къ Руси, въ рукахъ у лѣтописца не было: очевидно, онъ погибъ уже къ тому времени, когда стала составляться наша лѣтопись.

А. Димитріу.

Къ критикѣ текста хроники Георгія Монаха.

Вопросъ о составѣ хроники Георгія Монаха весьма затрудненъ тѣмъ разнообразіемъ, какое представляютъ въ этомъ отношеніи ея рукописи. Причиною тому служитъ, прежде всего, самый характеръ изложенія лѣтописца. Вся хроника складывается изъ ряда отдѣльныхъ мелкихъ и крупныхъ эпизодовъ съ многочисленными и часто обширными отступленіями отъ лѣтописнаго разсказа. Это располагало позднѣйшихъ переписчиковъ хроники частью ко вставкамъ, частью къ сокращеніямъ.

Для опредѣленія первоначальнаго состава хроники наиболѣе важное значеніе имѣютъ древнѣйшія рукописи ея: Коаленевы 310 и (хотя болѣе поздній, но сходный по составу) 134 и Патмосскій (№ 7 по каталогу Саккеліона, стр. 4).

Однако и позднія рукописи, если онѣ сводятся къ хорошимъ оригиналамъ, получаютъ интересъ для изученія хроники, бросая свѣтъ на процессъ распространенія и передѣлки, какимъ она подвергалась.

Въ настоящей статьѣ мы попробуемъ сдѣлать нѣкоторые выводы въ этомъ направленіи изъ сличенія текста Московской рукописи въ изданіи Муральта съ текстами двухъ Мюнхенскихъ рукописей и одной изъ Вѣнскихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить отношеніе самыхъ этихъ текстовъ къ печатному.

Въ нашемъ распоряженіи находились: одна Мюнхенская рукопись, именно codex Monacensis Augustanus, № 414 по каталогу рукописей Мюнхенской библіотеки Игн. Гардта, списокъ Игн. Гардта съ другой Мюнхенской рукописи, № 139 того же каталога[1]), и Вѣнская, cod. histor. № 83. 15 (=№ CX по каталогу Вѣнской библ. Коллара[2]).

1) Самая рукопись во время нашихъ занятій въ Мюнхенѣ находилась въ Бреславлѣ.

2) Ad. Fr. Kollarii ad Petri Lambecii Comm. de Aug. Bibl. Caes. Vindob. libros VIII. Supplementorum liber I. Posthumus. Vindob. 1790. Col. 655 sqq. Другая рукопись изъ

Начало хроники, до стр. 44,24 изданія Муральта, напечатано, какъ извѣстно, по Мюнхенскому списку, такъ какъ въ Московскомъ его не сохранилось.

Издатель сообщаетъ въ предисловіи (р. XXVIII), что р. 4,17 — 44,24 напечатаннаго имъ текста хроники проистекаютъ изъ cod. Monacensis Augustanus, № 414, по списку, присланному Тафелемъ.

Сличивъ, однако, тексты обѣихъ Мюнхенскихъ рукописей съ текстомъ Московскаго изданія р. 4,17—44,24, мы пришли къ убѣжденію, что здѣсь произошла какая то ошибка: всѣ чтенія Московскаго изданія въ указанныхъ предѣлахъ какъ въ текстѣ, такъ и въ примѣчаніяхъ подъ текстомъ, гдѣ они приводятся прямо со ссылкою на Monac. Aug., сходятся съ текстомъ codicis Monac. № 139, отъ котораго дѣйствительный текстъ № 414 во многомъ разнится, почти всегда согласуясь съ текстомъ Бароччіева № 194-го, послужившимъ для изданія Крамера въ IV-мъ томѣ его Anecdotorum Oxoniens. (р. 218—246).

Чтобы не быть голословными, приводимъ здѣсь рядъ разночтеній, который ясно покажетъ, что ни одно изъ чтеній Monac. Aug. № 414 не попало въ текстъ Московскаго изданія:

p. 6,6 Mur. εἴτε παρὰ τοῦ δικαίου κριτοῦ.

Monac. № 139 εἴτε παρὰ τοῦ τοῦ δικ. κρ.

Monac. № 414 εἴτε τὰ παρὰ τοῦ δ. κρ.

25 κακώσει. Въ примѣчаніи подъ текстомъ у Муральта указано κακόσε Mon. Aug.; на самомъ дѣлѣ здѣсь читается κακόσσε, что, въ виду орѳографіи рукописи, возможно понимать какъ κακῶς σε. Впрочемъ, въ Вѣнской рукописи, которою мы пользовались, читается: κακόν σε (τὸν κατὰ παρόντα βίον), l. κακῶν σε τῶν κατὰ π. β.

p. 7,9 ἐκάλεσεν ὁ θεός. № 414 ὁ θεὸς ἐκάλεσεν.

13 γεγραμμένην. Ἦσαν γὰρ τοῦ Σὴθ ἔγγονοι προμυηθέντες. № 414 γεγραμμένην· οἱ γὰρ κτέ. (γεγραμμένην οἱ исправлено на полѣ вмѣсто γεγράφη ἦν текста), сравн. чтеніе Парижской рукописи у Муральта въ приложеніи. При этомъ чтеніи пунктуація въ строкѣ 15-ой, конечно, уже не нужна. Чтеніе Московскаго изданія исправлено (вѣроятно, Тафелемъ) изъ испорченнаго здѣсь чтенія № 139 γεγρ. ἦν γὰρ τοῦ Σὴθ ἔγγονος προμυηθέντες.

двухъ обозначенныхъ у Муральта не могла намъ быть выслана въ Мюнхенъ, такъ какъ находилась въ Бернѣ. У Коллара обозначено всего три рукописи Георгія.

18 κατεφθάρη. № 414 καταφθαρεῖ (т. е. καταφθαρῇ [1]). У Гардта, въ его спискѣ Monac. 139, показана форма καταφθάρη, что Тафелемъ или Муральтомъ исправлено въ κατεφθάρη.

μένει. Хотя въ Приложеніи Муральтомъ дано другое чтеніе — μενεῖ, въ рукописи его читалось дѣйствительно μένει (такъ въ спискѣ Гардта), напротивъ № 414 даетъ болѣе правильное чтеніе—μενεῖ.

p. 10,3 τὴν δυσώδην (δυσώδη). Исправленное въ скобкахъ чтеніе даетъ уже № 414, δυσώδην—чтеніе № 139.

11 Ἰχονίαν, такъ въ № 139. Въ № 414, въ Paris. у Муральта подъ текстомъ и въ Baroсс. находимъ чтеніе Ἰκόνιον.

14 ἐν τῇ γῇ * * ᾗ. На самомъ дѣлѣ въ № 414 пропуска нѣтъ. Здѣсь читаемъ: ἐν τῇ γῇ, ἐν ᾗ. Пропускъ принадлежитъ № 139-му.

28 δευτέρα δὲ καὶ τῶν Περσῶν. Такъ въ № 139. Напротивъ, въ № 414 δευτέρα δὲ ἡ τῶν Περσῶν.

Βαβυλώνιοι καὶ Ἀσσύριοι οὗτοι κληθέντες, № 414 Βαβ. καὶ Ἀσσ. καὶ οὗτοι κλ.

p. 11,10 Μετὰ δὲ Σώστρην, № 414 μετὰ δὲ Σεσώστρην.

21 Καὶ γυναῖκα λαβὼν τοὔνομα Τύρον. № 414 καὶ λαβὼν γυναῖκα τοὔνομα Τύρω.

p. 12,10 μετεωρισμένος, № 414 μετεωριζόμενος (такъ и Paris. у Муральта подъ текстомъ).

p. 12,28 Πέλοψ ὁ Λυδός, p. 13,8 Κροῖσος ὁ Λυδῶν βασ. Въ примѣчаніи Муральтъ цитуетъ Monac. Aug. съ чтеніемъ Λύδθων. Это чтеніе принадлежитъ № 139-му.

p. 13,1 Πελοπόννησον. № 414 и № 139 читаютъ одинаково во 2 ой строкѣ Πελοπονήσιοι и согласно съ этимъ № 414 также Πελοπόνησον.

p. 13,22 τοὺς μεγιστάνους. № 414 τοὺς μεγιστᾶνας.

25 σπουδαιότερον ἀποθέσθαι. № 414 σπουδαιότερον ἅπτεσθαι.

p. 15, 6, 11. У Муральта въ примѣчаніи подъ текстомъ указаны, какъ чтенія Monac. Aug.—Ῥώμυλος и Ῥώμυλον. Но это—чтенія № 139-го. Напротивъ, въ № 414-мъ читаемъ 5 ῥῶμος καὶ ῥόμος (l. ῥῆμος), p. 16,10 ῥήμου (№ 139 Ῥωμύλου).

---

1) Мы не считаемъ нужнымъ распространяться о томъ, что іотацизмъ, господствующій въ столь позднихъ рукописяхъ, какъ тѣ, коими мы пользовались, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, вполнѣ оправдываетъ подобныя ороографическія исправленія рукописнаго текста, точно также, какъ отсутствіе долготы и краткости гласныхъ оправдываетъ исправленія вродѣ допущеннаго нами κακόσσι въ κακῶς σι.

p. 15, 26 ἀλλ' ὁ μέν. № 414 ἀλλ' ὅμως.

28 αὐτῶν καθ' ἑαυτούς. № 414 αὐτοὶ καθ' ἑαυτούς.

p. 17,12 παραλαβὼν τοὺς ἄλλους. № 414 καὶ παραλαβὼν τοὺς Γάλλους.

p. 18, 14 καὶ κτίσας ἐκεῖσε τόπον... ἐκάλεσεν αὐτὴν Στρατήγην. № 414 αὐτόν.

p. 19, 2 ἐκ χρυσίου καὶ καθαροῦ. № 414 ἐκ χρυσίου καθαροῦ.

3 τοῦ ὑποδύτου. У Муральта для Monac. Aug. указано въ примѣчаніи чтеніе ὑποδός. Но это чтеніе № 139-го, въ № же 414-омъ читается ὑποδὴ τοῦ, что въ виду практики писца, нерѣдко отдѣляющаго предлоги составныхъ словъ и т. п. (и наоборотъ, соединяющаго предлоги со словомъ тамъ, гдѣ этого не нужно), можно прочесть ὑποδύτου.

7 κατασφιγγόμενον. № 414 κατασφιγγόμενος.

11 στίχων, № 414 στοίχων (что, конечно, для переписчика звучало одинаково).

p. 20,12 ἐπετίθει исправлено изъ чтенія № 139-го ἐπιτίθει. № 414 ἐπιτιθῶν.

24 ἐγγαστριμύθιον. № 414 ἐγγαστρίμυθον.

25 χρυσώνυμον. № 414 χρυσόνημον.

28 τὴν ὀνομασίαν. № 414 τὴν θείαν ὀνομασίαν.

29 ἀπείρητον. № 414 ἐπείρηται, вмѣсто ἀπείρηται, какъ стоитъ въ Barocc.

p. 21,25 οὕτω τοίνυν μετὰ τῆς τοιαύτης στολῆς. № 414 οὕτω τοίνυν καὶ μετὰ τοιαύτης στολῆς.

У Муральта звѣздочкой въ текстѣ показанъ пропускъ καί послѣ τοίνυν. καί читается въ Paris. и въ Barocc.

p. 22,23 τὴν προφητείαν αὐτοῦ. № 414 τὴν προφητείαν αὐτῷ.

26 γενόμενος. № 414 γενάμενος.

p. 23,15 κατασφάξας. № 414 κατασυνάξας.

p. 24,14 ἤδετο. № 414 ἤδεστο.

p. 25,24 οἱ * Μακρόβιοι. № 414 οἱ λεγόμενοι Μακρόβιοι, какъ въ Paris. у Муральта подъ текстомъ и Barocc.

13 φυσικῇ. № 414 φυσικῶς.

28 τοῖς πολλοῖς. № 414 τοῖς ἄλλοις.

p. 26,9 μέγιστον. № 414 μέγιστον λίαν сравн. Barocc. и Parisin. у Муральта.

29 μὴ πορν. καὶ μοιχ. № 414 μὴ πορν. ἢ μοιχ.

p. 27,2 καὶ νησιώταις. № 414 καὶ νησιώταις ἦν.

3 μὴ χρεωφ. καὶ οἰνοπ. № 414 μὴ χρ. ἢ οἰνοπ.

13 Γηλαίοις. Но въ примѣчаніи указано какъ чтеніе Monac. Aug. Γαλιλαίοις. № 414, Baroсс. Γιλαίοις.

16 ὑπάρχουσαι. № 414 ὑπάρχουσι, и такъ далѣе.

Всѣ приведенныя нами разночтенія, опредѣляя дѣйствительное происхожденіе текста Московскаго изданія хроники до стр. 44-ой, вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ на необходимость постояннаго сличенія между собою обѣихъ Мюнхенскихъ рукописей, которыя, проистекая несомнѣнно изъ одного общаго источника, исправляютъ одна другую. Игн. Гардтъ, приготовившій списокъ хроники Георгія съ рукописи № 139, отмѣчаетъ если не всѣ, то большинство разночтеній Аугсбургскаго списка на поляхъ своей рукописи [1]).

Изъ того же источника происходятъ, повидимому, Baroccianus 194 и Страссбургская рукопись хроники Георгія Монаха, съ которою впервые знакомитъ статья Фр. Лаухерта въ послѣдней книжкѣ журнала Byzantinische Zeitschrift [2]). Объ этой рукописи будетъ ниже. Что касается Barocc. 194, мы находимъ здѣсь даже нѣкоторыя искаженія первоначальнаго текста, общія съ Мюнхенскими рукописями, и потому, вѣроятно, содержавшіяся еще въ той редакціи текста хроники, къ которой возводятся всѣ четыре рукописи. Любопытно чтеніе μιερέως, μιερεύς (вм. ἱερεύς) p. 13, 28, 29, повторяющееся еще разъ p. 383,6 (μιαρεῖς № 139, μιερεῖς № 414, Vindob.). Въ одной древней (X—XI в.) рукописи житія св. Марины Узенеръ (Acta s. Marinae, Bonn. 1886, p. 16,23) отмѣтилъ тоже разночтеніе, и такъ какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло идетъ о языческихъ жрецахъ, то намъ кажется возможнымъ видѣть здѣсь новое образованіе, основанное на игрѣ словъ ἱερεύς—μιαρός, срав. μιαρεῖς въ № 139.

Кромѣ того cod. Barocc. раздѣляетъ съ обѣими Мюнхенскими рукописями чтенія: ἔθνη p 26,23 (вм. ἔθνεσιν), πάζιον вм. τοπάζιον p. 19,14

1) По этому поводу упомянемъ о штудіяхъ Игн. Гардта къ критикѣ текста хроники Георгія. Его списокъ, на поляхъ коего собранъ обильный матеріалъ къ критикѣ текста изъ Monac. Aug., Юл. Поллукса, Ѳеодосія Мелит., Кедрина, а также изъ тѣхъ свв. отцовъ и другихъ источниковъ, на которые указываетъ Гардтъ (между прочимъ, онъ уже указалъ на заимствованія изъ хроники Свиды; отмѣтилъ заимствованія Георгія изъ церковной исторіи Руфина), подробный указатель содержанія и собственныя слова его въ одномъ мѣстѣ каталога обнаруживаютъ намѣреніе издать хронику.

2) Благодаря любезности г. редактора журнала, проф. К. Крумбахера, которому считаемъ долгомъ выразить здѣсь нашу глубокую благодарность за постоянное вниманіе и содѣйствіе въ нашихъ занятіяхъ въ Мюнхенѣ, мы пользовались корректурнымъ экземпляромъ статьи.

и другія. Ближе, однако, Barocciauus стоитъ къ Monac. Aug., съ которымъ сходится большинство его чтеній въ предѣлахъ изданія Крамера.

Редакція Мюнхенскихъ рукописей представляетъ какъ вообще во всей хроникѣ, такъ и въ той ея части, которая вошла въ ея Московское изданіе, значительные пропуски и сокращенія. Это обнаруживается изъ сличенія съ выше названною Вѣнскою рукописью.

Довольно часто текстъ Вѣнской рукописи сходится съ Paris. 1705, которая возстановляетъ не мало пропусковъ Мюнхенской рукописи и часто исправляетъ ея текстъ. Разночтенія этой Парижской рукописи въ разсматриваемыхъ предѣлахъ хроники постоянно приводятся Муральтомъ подъ текстомъ. Такъ, въ цитатѣ изъ Василія Великаго на стр. 6 у Муральта, въ разсказѣ о Брахманахъ на стр. 25 сл., въ διαμερισμὸς τῆς γῆς на стр. 40, Вѣнская неоднократно сходится съ текстомъ Парижской рукописи, и проч.

Но вотъ нѣсколько примѣровъ, гдѣ Вѣнская рукопись оказывается полнѣе прочихъ названныхъ нами рукописей.

На стр. 5, 6 Муральта послѣ ἀπέθανεν въ Вѣнской рукописи читаемъ (fol. 1): ὁ μὲν οὖν Ἄβελ τὰ πρωτότοκα τῷ θεῷ κ⟨α⟩θιερῶν φιλόθεον μᾶλλον καὶ εὐπροαίρετον ἑαυτὸν συνίστη. ὅθεν καὶ διὰ ⟨τῆς⟩ ἀγαθῆς αὐτοῦ προαιρέσεως προσεδέχθη. ὁ δὲ Κάϊν ἑαυτῷ μὲν ἐπέφερε τὰ πρῶτα γεννήματα, θεῷ δὲ τὰ δεύτερα, ⟨ὅθεν;⟩ εἰκότως ἀπεβλήθη. φησὶ γάρ· καὶ ἐγένετο μεθ' ἡμέρας ἤνεγκε Κάϊν ἀπὸ τῶν καρπῶν τῆς γῆς. ὥστε διὰ τοῦτο Κάϊν ἐλέγχεται ὅτι μὴ τὰ ἀκροθίνια τῶν γεννημάτων προσήνεγκεν, ἀλλὰ τὰ μεθ' ἡμέρας καὶ δεύτερα. καὶ ὁ μὲν Κάϊν ἐγέννησε κτέ.

На стр. 19,2 послѣ κώδωνας: καὶ ἐποίησε γάρ, φησι, κάτωθεν τοῦ ὑποδύτου λῶμα ὡς ἐξ ἀνθούσης ῥοᾶς, ἐξ ὑακίνθου καὶ πορφύρας καὶ κοκκίνου καὶ βύσσου κεκλωσμένον καὶ ποιήσαντες κώδωνας ἐκ χρυσίου κτέ (Vindob., fol. 6).

Въ обѣихъ Мюнхенскихъ рукописяхъ здѣсь пропускъ ἐξ ὁμοιοτελεύτου.

На стр. 37,12 послѣ τὸν Φαλέκ: ἐφ' οὗ ὁμοφώνου ὑπάρχοντος, ὥς φησιν Ἰώσηππος (цитата изъ Іосифа есть въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Кедрина), τοῦ γένους τῶν ἀνθρώπων συνάγεται εἰς ἕνα τόπον λεγόμενον Σενδάρ. εἶτα πύργον — ἕως τοῦ Φαλὲκ μία γλῶσσα ἦν πάντοθεν ἡ σύρα. ἐπ' αὐτοῦ δὲ γέγονε τῶν γλωσσῶν ὁ πλεονασμός. ἡ σιβυ.... νικαυ.... εκα...— ἕως τοῦ οὐρανοῦ οἰκοδομεῖν ἐνενόουν. περὶ αὐτὸν πόλιν τὴν καὶ Βαβυλῶνα, ὅ ἐστι σύγχυσις. ὧν τὸ ἔργον ἀτελὲς κατέρριπτο κτέ. (fol. 11ᵛ).

Текстъ самой Вѣнской рукописи на этотъ разъ, очевидно, не въ

полномъ порядкѣ: отрывокъ ἕως τοῦ φαλὲκ — ἐκα.... попалъ не на свое мѣсто. Стершіяся отъ времени (или сырости, во многихъ мѣстахъ значительно повредившей письму) буквы мѣшаютъ возстановить весь текстъ.

Сопоставляя съ текстомъ Вѣнской рукописи также текстъ Московской съ того мѣста, гдѣ она начинается, мы замѣчаемъ, что и она раздѣляетъ съ Мюнхенскими многіе изъ тѣхъ пропусковъ и сокращеній, которые возстановляетъ Вѣнская.

Такъ, стр. 63,2 сл. по Вѣнской рукописи читается такъ: πολυσιχαδὲς (l. πολυσχεδές) δὲ καὶ ποικίλον τὸ ψεῦδος, ἁπλῆ δὲ τῆς ἀληθείας ἡ χάρις.—ἡ μὲν γὰρ ποιητικὴ φάλαξ (l.—αγξ) [1]) εἰς πολλὰ τὸ θεῖον τῷ λόγῳ καταμερίσασα καὶ τὸ ψεῦδος τῷ τερπνῷ κτλ. (fol. 19ʳ) [2]).

Московская и обѣ Мюнхенскія рукописи опускаютъ (ἐξ ὁμοιτελεύτου): τὸ ψεῦδος ἁπλῆ δέ—καταμερίσασα καί.

Стр. 71, 11 сл. Vindob., fol. 22: Ἰωάννης καὶ Κύριλλος οἱ ὁσιώτατοι ἐπίσκοποι καὶ ἄλλοι πλεῖστοι. οὕτως γὰρ λέγει ὁ μέγας Κύριλλος.

Mq., H. (=Monac. № 139 по сп. Гардта), A (= Monac. Aug.) опускаютъ Κύριλλος—ὁ μέγας.

Стр. 71,24 ἡ πολυθρύλλητος Ἱερουσαλὴμ ἐστιν, οὐδέπω τὸ ὅλον ὄνομα φέρουσα τῆς Ἱερουσαλήμ, ἐκ προσθήκης δέ κτέ. (fol. 22ʳ).

Mq., H, A опускаютъ Ἱερους.—φέρουσα.

На этотъ пропускъ мы уже указывали (О происхожденіи и составѣ хроники Георгія Монаха, стр. 15) при сличеніи текста хроники съ цитатами лексикона Свиды.

Стр. 73,13 «ὅτι ἠγνόησαν τὸν ποιήσαντα αὐτοὺς καὶ τὸν ἐμπνεύσαντα αὐτοῖς ψυχὴν νοερὰν καὶ τὸν ἐμφυσήσαντα αὐτοῖς πνεῦμα ζωτικόν» (Vindob. fol. 23).

Въ этой цитатѣ изъ книги Премудрости Соломона Mq., H, A опускаютъ αὐτοῖς—ἐμφυσήσαντα.

Начиная съ Іакова и до царствованія Авіи (стр. 75 — 151 Муральта) въ Аугсбургскомъ спискѣ вмѣсто хроники Георгія Монаха находимъ вставку изъ Глики (Monac. Aug. ff. 57 — 88). Въ этихъ предѣлахъ можно говорить, такимъ образомъ, только объ одной Мюнхенской рукописи Георгія.

---

1) Срв. τυβόρυχος вм. τυμβόρυχος, συγραφεύς вм. συγγραφεύς и другія фонетическія написанія въ рукописи, объясняющіяся изъ новогреческаго (cf. Hatzidakis, Einleit. in die neugriech. Gramm., s. 353).

2) Cf. Theodoret. Περὶ προνοίας, ed. Migne, col. 5579 (Vol. IV=Patrol. 83, 356, и про

Vindob. fol. 24: Μετὰ δὲ τὸν εἰκοστὸν χρόνον τῆς ἀποφυγῆς τε καὶ δουλείας καὶ τῆς ἐ<κ> Μεσοποταμίας πρὸς τὴν Χαναὰν ὑποστροφῆς καὶ τῆς ὑπὸ τοῦ μετ' αὐτοῦ παλαίσαντος θεοῦ καὶ μετονομάσαντος αὐτὸν Ἰσραὴλ ὀπτασίας εἶδε πάλιν ὅρασιν κτέ.

H. p. 132 (= Mar. p. 79,11) Μετὰ δὲ τὸν κʹ χρόνον τῆς ἀποφυγῆς τε καὶ δουλείας τὴν ἐκ Μεσοποταμίας καὶ πρὸς γῆν Χαναὰν ἀποστροφὴν[1]) καὶ τῆς παλαίστρας[2]) μετὰ τοῦ θεοῦ, δι' ἧς καὶ Ἰσραὴλ ὠνομάσθη δι' ὀπτασίας εἶδε πάλιν ὅρασιν[3]) κτέ.

Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ общая редакція Московскаго и Мюнхенскаго списковъ значительно разнится отъ Вѣнской.

p. 80,5 sqq. Mur., Vindob. fol. 24ᵛ.

Μετὰ δὲ ταῦτα παροξυνθεὶς[4]) Ἠσαῦ ὑπὸ Ἀμαλὴκ, τοῦ ἐκ παλ<λ>ακίδος υἱοῦ αὐτοῦ, κατὰ Ἰακὼβ τοῦ ἀδελφοῦ αὐτοῦ καὶ συναγαγὼν ἔθνη ὥρμησε κατ' αὐτοῦ καὶ τῶν υἱῶν αὐτοῦ εἰς πόλεμον, ὥς φησι Ἰώσηππος. ὁ δὲ τὰς πύλας ἀποκλείσας τῆς πόλεως, εἰς ἣν (cod. εἰς ὃν) κατέφυγεν, ἐκ τοῦ τείχους παρεκάλει τὸν Ἠσαῦ μνησθῆναι τῶν γονικῶν ἐντολῶν, τοῦδε μὴ ἀνεχομένου, ἀλλὰ καὶ μᾶλλον ὑβρίζοντος καὶ ὀλοθρεύσειν ἐπαπειλοῦντος ἐκτείνας ὁ Ἰακὼβ τὸ τόξον κατέβαλεν Ἠσαῦ κατὰ τοῦ δεξιοῦ μαζοῦ πλήξας. οὗπερ τελευτήσαντος ὑπεξῆλθον οἱ υἱοὶ Ἰακὼβ αὐτίκα καὶ σχεδὸν πάντας ἀνεῖλον.

H. p. 138. Μετὰ δὲ ταῦτα παρωξύνθη Ἠσαῦ ὑπὸ Ἀμαλὲκ, τοῦ ἐκ παλλακίδος υἱοῦ αὐτοῦ, καὶ συνάγων ἔθνη[5]) ὥρμησεν κατὰ τοῦ Ἰακώβ, ὥς φησιν Ἰώσηππος[6]). ὁ δὲ τὰς πύλας ἀποκλείσας τῆς πόλεως, εἰς ἣν κατέφυγεν, ἐκ τοῦ τείχους παρεκάλει τὸν Ἠσαῦ μνησθῆναι τῶν γονικῶν ἐντολῶν. τοῦ δὲ μὴ ἀνασχομένου, ἀλλὰ μᾶλλον ὑβρίζοντος καὶ ὀνειδίζοντος καὶ ὀλοθρεύσειν αὐτὸν ἀπειλοῦντος ἐκτείνας[7]) ὁ Ἰακὼβ τὸ τόξον κατέβαλεν τὸν[8]) Ἠσαῦ κατὰ τοῦ δεξιοῦ μαστοῦ καὶ πλήξας ἀνεῖλεν. οἱ δὲ υἱοὶ Ἰακὼβ αὐτίκα ὑπεξελθόντες σχεδὸν πάντας ἀνεῖλον[9]).

Сопоставимъ также дальнѣйшій текстъ:

Vindob. καὶ τότε ἐπληρώθη ἡ τοῦ Ἰακὼβ (l. Ἰσαάκ)[10]) πρόρρησις

H. καὶ τότε ἐπληρώθη τοῦ Ἰσαὰκ ἡ πρόρρησις ἡ λέγουσα πρὸς τὸν

Mq: 1) ὑποστροφήν, 2) τὴν παλαίστραν, 3) ὅραμα.

4) Формы παρωξυνθείς и выше μετωνομάσαντος Вѣнской рукописи, срв. объ аугментѣ въ позднѣйшемъ греческомъ (Hatzidakis) Einleit., s. 68.

Mq. 5) συναγαγὼν ἔθνη 6) Ἰώσηπος 7) ἐντείνας (Cedr. ἐντείνας) 8) τὸν omiss. 9) οἱ δὲ υἱοὶ — ἀνεῖλον omis.

10) Срв. въ замѣткѣ переписчика на полѣ: ὅρα τὴν προφητείαν Ἰ<σ>αάκ, ἣν εἶπε τῷ υἱῷ.

λέγουσα πρὸς τὸν Ἠσαῦ· ἔσται Ἠσαῦ· ἐὰν καθέλῃς τὸν ζυγόν κτέ. ἡνίκα ἂν καθέλῃς (cod. καὶ θέλῃς) τὸν ζυγόν κτέ.

Стр. 82,18 сл. въ Вѣнской рукописи читается такъ: ἀφ' ἧς ἡμέρας συνέτυχε τῷ Φαραὼ ἕως τῆς ἀναιρέσεως τῶν πρωτοτόκων, ὅτε καὶ ὁ ναὸς ἐσκάφη καὶ ὁ λαὸς ἐξῆλθε ἐξ Αἰγύπτου. καὶ πρώτη μὲν ἡμέρα, ἐν ᾗ συνέτυχε Μωυσῆς τῷ Φαραὼ κτέ (fol. 24ᵛ).

Въ Московскихъ и Мюнхенскихъ рукописяхъ пропускъ ἐξ ὁμοιοτελεύτου.

Стр. 83,23—84,2 у Муральта: καθώς φησι καὶ Δαυΐδ. «τῷ καταδιελόντι τὴν Ἐρυθρὰν θάλασσαν εἰς διαιρέσεις» καὶ τὰ λοιπά (тоже списокъ Гардта, стр. 138). οὐ γὰρ μία κτέ.

Vindob. fol. 25 «———εἰς διαιρέσεις καὶ διαγαγόντι τὸν Ἰσραὴλ διὰ μέσου αὐτῆς καὶ ἐκτινάξαντι Φαραὼ καὶ τὴν δύναμιν αὐτοῦ εἰς θάλασσαν Ἐρυθράν». οὐ γὰρ μία κτέ.

Вполнѣ аналогичный примѣръ представляетъ стр. 98,11 сл. ὅθεν καὶ παραινεῖ λέγων (i. e. Δαυΐδ)· «δουλεύσατε τῷ Κυρίῳ ἐν φόβῳ καὶ ἀγαλλιᾶσθε αὐτῷ ἐν τρόμῳ. δράξασθε παιδείας μήποτε ὀργισθῇ Κύριος» καὶ τὰ λοιπὰ τοῦ ψαλμοῦ. τοιαῦτα γοῦν καὶ ὁ θεηγόρος Παῦλος κτέ. (Тоже въ спискѣ Гардта, стр. 159).

Vindob. fol. 29: ὅθεν καὶ παραινεῖ λέγων· «δουλεύσατε τῷ Κυρίῳ ἐν φόβῳ καὶ ἀγαλλιᾶσθε αὐτῷ ἐν τρόμῳ, μήποτε ὀργισθῇ Κύριος καὶ ἀπολεῖσθε ἐξ ὁδοῦ δικαίας, ὅταν ἐκκαυθῇ ἐν τάχει ὁ θυμὸς αὐτοῦ. τοιαῦτα γοῦν καὶ ὁ θεηγόρος Παῦλος κτέ.

Срв. также текстъ X-ой заповѣди Моисея стр. 86 въ Вѣнской, Мюнхенской и Московской рукописяхъ. Только въ первой находимъ полный текстъ заповѣди.

Стр. 90,12 по Гардту: καὶ ἐπιθεὶς τὰς χεῖρας αὐτοῦ ἐπὶ νῶτον τοῦ Ναυῆ (Mq. ἐπὶ Ἰησοῦν τὸν τοῦ Ναυῆ) εἰς τὸ ὄρος τὸ Ἀβαρείμ, ὅ ἐστι Ναβαύ. καὶ ἔδειξε αὐτῷ (i. e. Μωυσεῖ) Κύριος πᾶσαν τὴν γῆν κτέ.

Связь между καὶ ἔδειξεν αὐτῷ и предшествующимъ возстановляется въ болѣе полномъ текстѣ Вѣнской рукописи:

fol. 27: καὶ ἐπιθεὶς τὰς χεῖρας αὐτοῦ ἐπὶ Ἰησοῦν τὸν τοῦ Ναβῆ εἰς τὸ διαδέξασθαι αὐτόν, ἀνέβη λοιπὸν εἰς τὸ ὄρος Βαρείμ, ὅ ἐστι Ν. κτέ.

Vindob. fol. 27ᵛ (p. 91,10 sq. Mur.) ὁ προφήτης Ζαχαρίας περὶ τοῦ θ' καὶ ια' μηνὸς λέγων· τῇ τετάρτῃ τοῦ ἐννάτου μηνός, ὅ ἐστι Χαλεῦ, καὶ πάλιν τῇ τετάρτῃ καὶ εἰκάδι τοῦ ια' μηνός, ὅ ἐστι Σαβάκ.

По списку Гардта и Московской рукописи ὁ προφήτης Ζαχρ'

περὶ τοῦ ἐνάτου καὶ δεκάτου μηνὸς λέγων τῇ τετάρτῃ καὶ δεκάτῃ τοῦ ϑ' μηνός, ὅς ἐστι σάββατον.

Изъ приведенныхъ примѣровъ достаточно ясно, что болѣе или менѣе отдаленный общій источникъ, изъ котораго происходятъ редакція обѣихъ Мюнхенскихъ и Московская рукопись, уже заключалъ не мало значительныхъ пропусковъ и сокращеній первоначальнаго текста хроники. Вѣнская рукопись, не смотря на свое одинаково позднее (съ Мюнхенской рукописью) происхожденіе, сохраняетъ текстъ болѣе полный и даетъ много разночтеній, коими исправляются ошибки общей редакціи Московской и Мюнхенской рукописей. Укажемъ здѣсь нѣкоторые примѣры: p. 57,11 τῆς δὲ ἀληϑείας γεγυμνωμένους , 17 δείκνυσιν ἐν ἑαυτῷ ἄνω καὶ κάτω παλλόμενα , p. 45,4 ὁ Ἀρισταῖος и проч. Всѣ эти разночтенія и многія мелкія и крупныя восполненія текста доказываютъ преимущества той редакціи, изъ которой вышла Вѣнская рукопись.

Но съ теченіемъ времени эта редакція подверглась сокращеніямъ и порчѣ и въ Вѣнской рукописи мы находимъ, въ свою очередь, очень много пропусковъ и такихъ искаженій текста, которыя часто обнаруживаютъ полное непониманіе содержанія.

Если мы будемъ продолжать сличеніе рукописей далѣе, то увидимъ, что исторія дошедшихъ до насъ позднихъ рукописей имѣла нѣсколько періодовъ. Въ то время какъ до сихъ поръ мы усматривали въ Мюнхенскихъ и Московской рукописяхъ признаки общей редакціи, отъ коей Вѣнская отличается большею точностью и полнотою, мы увидимъ, что въ третьей и четвертой книгахъ въ Вѣнской рукописи оказываются частью одинаковая сокращенность съ Мюнхенскими рукописями, частью одинаковая рецензія текста, особая отъ Московской. Въ свою очередь въ другихъ случаяхъ многое, чѣмъ Московская рукопись восполняетъ Мюнхенскую редакцію, находится и въ Вѣнской рукописи. Московская и Вѣнская рукописи представляютъ, кромѣ того, каждая свои особыя распространенія текста хроники.

Въ предѣлахъ второй книги хроники отмѣтимъ схоліи на поляхъ Вѣнской рукописи, находящіяся также въ Московской рукописи, но отсутствующіе въ Мюнхенскихъ. Такъ, на л. 25 Вѣнской рукописи находимъ схолій: τὸν Νεῖλόν φασι ποταμὸν μὴ ἀνελϑεῖν ἐν ὅλοις ζ' ἔτεσι τοῦ λιμοῦ τοῦ ἐν Αἰγύπτῳ и ниже: Ἴναχος ἐν τοῖς χρόνοις τούτοις διέπρεπεν ἐν Αἰγύπτῳ πάντων ἐν σοφίᾳ, Ἰαννὴς καὶ Ἰαμβρὶς οἱ ἐπαοιδοί. Въ Московской рукописи схолій болѣе полонъ, срав. у Муральта

стр. 83 подъ текстомъ. На л. 47-мъ на полѣ Вѣнской рукописи читается схолій: ἱστόρηται παρὰ τῷ Ἀφριχανῷ, ὅτι ἐν τῷ λέγειν τὴν ᾠδὴν τὸν Μανασσῆν τὰ δεσμὰ διερράγησαν σιδηρᾶ ὄντα, какъ въ Московской рукописи, стр. 168 Муральта, подъ текстомъ.

На л. 48 обор. въ Вѣнской рукописи на полѣ читаемъ замѣтку къ тексту стр. 176 Муральта ἰστέον, ὅτι αὕτη ἡ προφητεία περὶ ἑτέρου Σεδεχίου γέγραπται ψευδοπροφήτου, οὐ περὶ τοῦ βασιλέως. καὶ γὰρ ὁ βασιλεὺς ἐν εἰρήνῃ ἐκοιμήθη ἐν Βαβυλῶνι. Въ Московской рукописи этой замѣтки нѣтъ.

Схолій къ тексту на стр. 174, Vindob. fol. 48: κατὰ τούτους τοὺς χρόνους Ἐπίδαμνος ἐκτίσθη καὶ μετωνομάσθη Δυρράχιν (l. — ιον), сравни тоже въ Московской рукописи (у Муральта подъ текстомъ), въ Мюнхенскихъ рукописяхъ читается, но въ самомъ текстѣ, послѣ ἐγνωρίζετο p. 174,6 Mur. Здѣсь, такимъ образомъ, ясно виденъ процессъ распространенія текста: схоліи, приписываемые на поляхъ рукописи, позднѣе вносятся въ текстъ.

Ни въ Мюнхенскихъ рукописяхъ, ни въ Московской не находимъ схолія на полѣ Вѣнской рукописи л. 44 обор. κατὰ τούτους χρόνους Θαλῆς ὁ Μιλήσιος ἐν Τενέδῳ ἀπέθανε (въ началѣ исторіи Товита).

Вторая книга обрывается въ Вѣнской рукописи на стр. 178,3 Муральта (Vindob. fol. 48ᵛ). На л. 49 начинается третья книга съ полуслова—σάμενος, стр. 228,29 Муральта.

Что касается Мюнхенскихъ рукописей, упомянемъ о болѣе правильномъ помѣщеніи здѣсь анекдота, связаннаго съ переводомъ Св. Писанія,—стр. 212,20—213,9 Муральта, не среди разсказа о Юліѣ Цезарѣ, а въ видѣ Σχόλιον тотчасъ послѣ стр. 212,12.

Третья книга съ заглавіемъ: Ἀρχὴ τῆς βασιλείας Ῥωμαίων. Περὶ Ἰουλίου βασιλέως καὶ καίσαρος начинается въ Мюнхенскихъ рукописяхъ тотчасъ послѣ указаннаго схолія со стр. 212,14—19, 213,10 слл., въ то время какъ въ Московской рукописи это начало присоединено къ концу второй книги.

Переходя къ третьей книгѣ, мы должны замѣтить, что описаніе Фр. Лаухерта ея содержанія въ Страссбургской рукописи приложимо и къ Мюнхенскимъ и Вѣнской рукописямъ, такъ какъ Страссбургская рукопись (cod. graec. 8, XV в. на 388 листахъ in 4⁰) стоитъ въ гораздо болѣе близкомъ родствѣ къ Мюнхенскимъ, и именно къ Monacensis Augustanus, чѣмъ это могъ предполагать г. Лаухертъ.

Сличивъ отрывки, напечатанные изъ Страссбургской рукописи

Лаухертомъ, съ обѣими Мюнхенскими рукописями, мы убѣдились, что ея текстъ тѣсно примыкаетъ къ Mon. Aug., раздѣляя съ послѣднею всѣ отступленія отъ другой Мюнхенской рукописи. Достаточно указать здѣсь на то, что повтореніе слова ἀπηνῆ стр. 378,25 Муральта (ἀπηνῆ καὶ ἀπηνῆ) замѣчается одинаково въ Страссбургской рукописи и въ Мюнхенской Аугсб. Извращеніе имени Σεπτιανός (= Σεπτίμιος) въ Πτίανος (p. 345,7 Mur.) въ Мюнхенскихъ рукописяхъ находимъ только въ сейчасъ отмѣченномъ мѣстѣ текста вслѣдствіе сліянія послѣдняго слога слова ἐβασίλευσε съ первымъ слогомъ имени (сравни, наоборотъ, въ Monac. № 139 ἐβασίλευσε Σεδέκιος и Περὶ τῆς βασιλείας Σεδεκίου, p. 359, 21,22 вмѣсто Δέκιος, Δεκίου), въ Страссбургской уже и въ самомъ заглавіи: Περὶ τῆς βασιλείας Πτιάνου καὶ Σευήρου [1]).

Авторъ общей редакціи, къ которой восходятъ тексты обѣихъ Мюнхенскихъ, Страссбургской и Вѣнской рукописей, довольно послѣдовательно опускаетъ или сокращаетъ скудные отрывки хроники изъ политической исторіи. За то у него находимъ нѣкоторыя подробности изъ области церковной исторіи (имена мучениковъ, пострадавшихъ во время гоненій), не имѣющіяся въ Московской рукописи.

Текстъ Московской рукописи получаетъ иногда значительныя исправленія отъ сопоставленія съ Мюнхенскими: p. 214,20—215,4.

Mq. Κτίσας δὲ καὶ πόλεις γ'· μίαν ἐν τῷ Πόντῳ καὶ ἄλλην ἐν τῇ Ἀρραβίᾳ καὶ ἑτέραν ἐν Κύπρῳ Συρίας καταπεσούσης ὑπὸ θεομηνίας ὀνόματι Σαλαμίνην εἶναι αὐτὴν τῶν β' θαλασσῶν, τῆς τε Ποντικῆς καὶ τῆς Ἀσιανῆς, ἥτις ἐστὶ Ἄγκυρα Γαλατίας, τὴν δὲ Δίοσπολιν.

Monac. № 139. Κτίσας δὲ καὶ πόλιν μίαν ἐν τῷ Πόντῳ καὶ ἄλλην ἐν τῇ Ἀραβίᾳ (№ 414 Ἀρραβίᾳ) καὶ ἑτέραν ἐν τῇ Κύπρῳ καταπεσοῦσαν ὑπὸ θεομηνίας ὀνόματι Σαλαμάνην (такъ обѣ Мюнх. ркп.) εἶναι αὐτὴν τῶν β' θαλασσῶν, τῆς τε Ποντικῆς καὶ τῆς Ἀσιανῆς, ἥτις ἐστὶ Ἄγκυρα Γαλατίας, τὴν δὲ Βῶστραν εἰς ὄνομα τοῦ κτίσαντος αὐτὴν στρατηγοῦ Βῶστραν (№ 414 Βό-

1) При полномъ сходствѣ текстовъ Мюнх. Аугсб. со Страссбургскою рукописями мы не находимъ въ первой (но также ни въ одной изъ другихъ читанныхъ нами рукописей) ссылки на Θеофана: ἐντεῦθεν ἄρχεται τῆς χρονογραφίας Θεοφάνης ὁ τοῦ Ἀγροῦ ἡγούμενος въ заглавіи стр. 371,8 Мур. Страссбургской рукописи. Возможно, конечно, что это ученая замѣтка позднѣйшаго переписчика, попавшая съ полей въ текстъ.

στρου), ἑτέραν δὲ ἐν Αἰγύπτῳ, ἣν ὠνόμασε Διόπολιν (№ 414 Δίσπολιν).

Схолія стр. 214 (у Муральта подъ текстомъ) Мюнхенскія рукописи не содержатъ.

Въ Вѣнской рукописи третья книга начинается на полусловѣ на стр. 228. Тождество сокращенной редакціи этой рукописи съ Мюнхенскими подтвердимъ хотя бы слѣдующимъ примѣромъ: сократитель опускаетъ описаніе убійства больного Тиверія Калигулой стр. 238,8 ἀναιρεθεὶς — 10 ἀπέπνιξεν, но затѣмъ возстановляетъ свой пропускъ въ заглавіи царствованія Калигулы: Περὶ τῆς βασιλείας Γαΐου καὶ περὶ τῆς ἀναιρέσεως Τιβερίου. ἀνῃρέθη ὑπὸ Γαΐου. νοσήσαντα γὰρ (Vindob. νοσοῦντα γὰρ) ἱμάτια πολλὰ ἐπιθεὶς ἀπέπνιξε[1]).

Въ Мюнхенскихъ рукописяхъ послѣ стр. 239,17 идутъ два схолія, сначала тотъ, что̀ приводится Муральтомъ на стр. 239, затѣмъ тотъ, что̀ у него на стр. 238, и затѣмъ продолжается текстъ стр. 239,18 слѣд.

Вѣнская рукопись не содержитъ этихъ схоліевъ. Въ ней не имѣется также схолія Мюнхенскихъ рукописей послѣ стр. 242,9 (срав. у Муральта подъ текстомъ, изъ Кедрина) и отрывка Мюнхенскихъ рукописей послѣ стр. 283,23 (срав. у Муральта подъ текстомъ, изъ Кедрина), но и въ Вѣнской рукописи (fol. 62), какъ въ Мюнхенскихъ, послѣ стр. 283,14 διεχειρίσατο вмѣсто новыхъ двухъ версій смерти Нерона читаемъ: ὡσαύτως δὲ καὶ Πιλάτος ποικίλαις περιπεσὼν συμφοραῖς ἑαυτὸν ἀνεῖλε τῆς θείας, ὡς ἔοικε, δίκης οὐκ εἰς μακρὰν αὐτὸν μετελθούσης (ἱστοροῦσι δὲ ταῦτα κτέ).

Очень сокращены въ Вѣнской и Мюнхенскихъ рукописяхъ замѣтки о царствованіяхъ Гальбы, Отона, Вителлія и Веспасіана. Въ царствованіи Тита въ Вѣнской рукописи на л. 72 подъ текстомъ читаемъ: Τίτος ἀπειλαῖς ἐφοβει μόνον τοὺς ὑπευθύνους καὶ οὐ τιμωρίαις. βασιλεύοντος οὖν αὐτοῦ οὐ παρῆλθεν ἡμέρα, ἐν ᾗ δῶρόν τινι ἢ εὐεργεσίαν οὐ παρέσχε. βασιλεύειν γάρ ἐστι τὸ εὐεργετεῖν καὶ ἀληθεύειν. ἔλεγε δὲ ὅτι τὸν βλέποντα βασιλέα οὐ δεῖ ἐξέρχεσθαι λυπούμενον. Въ царствованіи Адріана послѣ краткаго указанія на его происхожденіе и смерть:

---

1) Пропускъ ἐξ ὁμοιοτελεύτου, обнаруживаемый при сопоставленіи съ глоссой Свиды Γάϊος въ началѣ царствованія Калигулы (между словами: ἐν τοῖς ναοῖς и ναόν), и Вѣнская и Мюнхенскія рукописи раздѣляютъ съ Московскою. (О происх. и составѣ хрон., стр. 15).

Ἀδριανὸς ὁ Αἴλιος καὶ γαμβρὸς αὐτοῦ ἔτη κα'. συγγενὴς καὶ υἱοποιημένος τῷ Τραιανῷ. καὶ ὑδεριάσας ἀπέθανεν слѣдуетъ непосредственно разсказъ о возстаніи при немъ Іудеевъ — стр. 340,6 слѣд. Подъ текстомъ Вѣнская рукопись (fol. 74^{v}) сохраняетъ еще схолій, который изъ Мюнхенскихъ содержится только въ Monac. Aug. ἐπὶ τῆς βασιλείας Ἀδριανοῦ γέγονε θαῦμα ἀπὸ Ἀλεξανδρείας· γυνή τις ἔτεκε δ' παῖδας (Vind. παῖδας δ') καὶ μετὰ μ' ἡμερῶν ἔτεκεν ἕτερον παῖδα, τὰ ε' ἐν μιᾷ κοιλίᾳ.

Въ Вѣнской и Мюнхенскихъ рукописяхъ царствованіе Адріана оканчивается на стр. 341,2 и затѣмъ прямо слѣдуетъ царствованіе Антонина. Здѣсь во всѣхъ трехъ рукописяхъ опущено стр. 342,4 καὶ Βαρδισ. — 5. Но 6—7, также опущенное въ Мюнхенскихъ, является въ видѣ σχόλιον въ текстѣ Вѣнской рукописи и при томъ со слѣдующимъ добавленіемъ (fol. 75): ἔτι ἐπὶ τούτου ἐμαρτύρησεν ὁ ἅγιος Ἐλευθέριος καὶ Ἀντίοχος καὶ Παυσιλύπης καὶ ὁ ἅγιος Εὐστάθιος μετὰ τῆς συμβίου καὶ τῶν τέκνων αὐτῶν.

Въ главѣ объ Оригенѣ въ Вѣнской рукописи находимъ два схолія: fol. 75^{v} Ἐπὶ Ἀντωνίνου Ὠριγένης διάφορα συγγράμματα ἐποίησε μετὰ καὶ τῆς τῶν Ἑβραίων σημειώσεως τὰ λεγόμενα Ἑξαπλᾶ и fol. 76 ἐπὶ Σεβήρου Παῦλος ὁ Σαμωσατεὺς τὴν Ἀρτέμωνος αἵρεσιν ἀνενεώσατο. Первый = Mur. p. 352,13—15, второй = Mur. p. 351,19—20. Въ Мюнхенскихъ это опущено (№ 414, fol. 172^{v}) и въ текстѣ самой Вѣнской рукописи на л. 76 обор. за стр. 351,17 слѣдуетъ прямо стр. 351,21 Βασιλεία Ἀντωνίνου. Царствованіе Каракаллы ограничивается въ трехъ рукописяхъ — стр. 351,22—25, Макрина и Геліогобала замѣтками о продолжительности ихъ царствованій и о ихъ смерти. Въ царствованіи Александра Севера послѣ тѣхъ же замѣтокъ сохраняется только относящееся къ церковной исторіи — стр. 353,11—13, 22, 19, стр. 354,1—3. Къ стр. 357,8 въ Вѣнской, какъ въ Московской рукописи, замѣтка на полѣ: τοῦτο εἴρηται ἐν τῷ γ' βιβλίῳ τῶν ἀποστ. διατ. (Vindob. fol. 77).

Въ царствованіи Декія, послѣ краткой замѣтки о гибели его съ сыновьями на войнѣ, идетъ сначала стр. 360,12—15 (пропускъ, указываемый Муральтомъ въ строкахъ 16—17, находится и въ Мюнхенской и въ Вѣнской рукописяхъ) и затѣмъ уже предшествующій этому въ текстѣ Московской рукописи списокъ пострадавшихъ въ гоненіи. Имена ересіарховъ Навата и Елкесея упомянуты послѣ всего: (Monac. № 139) Ἐφ'οὗ καὶ Βαβύλας Ἀντιοχείας καὶ Φ ‹Vind. Mon. Aug. λ›

αβιανὸς Ῥώμης καὶ Ἀλέξανδρος Ἱερουσαλὴμ (Vind. Mon. Aug. Ἱεροσολύμων) <Vindob. fol. 77ᵛ Κωδράτος, Κυπριανὸς, Κρίσκης καὶ Πώπλιος> καὶ Διονύσιος Ἀλεξανδρείας ἐμαρτύρησαν. καὶ Ναύατος τῆς ἐκκλησίας ἀπέστη καὶ Κελσαῖος ὁ αἱρεσιάρχης ἐγνωρίζετο. Въ царствованіи Проба — стр. 369,16—19 читается въ Мюнхенскихъ рукописяхъ, но въ Вѣнской опущено. Все прочее, что содержится въ Московской рукописи, опущено во всѣхъ трехъ другихъ рукописяхъ. Въ главѣ о Мани въ Вѣнской рукописи на л. 77 обор. подъ текстомъ находимъ замѣтку: περὶ τούτου καὶ Κύριλλος Ἱεροσολύμων εἰς πλατύτερον ἱστορεῖ.

Въ царствованіи Діоклитіана находимъ длинный списокъ мучениковъ, пострадавшихъ при гоненіи, частью восполняющій списокъ Кедрина (срав. у Муральта стр. 371 подъ текстомъ) и Георгія Монаха Московскую рукопись стр. 372 (послѣ стр. 372,15 со схоліемъ сюда Московской рукописи), частью уклоняющійся отъ него.

Въ Мюнхенскихъ спискахъ послѣ 15 — μάρτυρες читаемъ: καὶ Σαββάτιος ὁ τὴν αἵρεσιν τῶν τεσσάρων καὶ δεκατιδῶν (Mon. Aug. Vindob. τεσσάρεις καὶ δεκατιτῶν) κρατύνας ἐγνωρίζετο. Ἐφ' οὗ Μαξιμιανοῦ καὶ ὁ ἅγιος Δημήτριος ἐμαρτύρησε, καὶ Παντελεήμων <Vind. καὶ Προκόπιος>, καὶ Ἑρμογένης, Ἄνθιμος, Πλάτων, Ῥωμανός, Κλήμης πάπας Ῥώμης, ἡ ἁγία Βαρβάρα, καὶ Θεόδωρος ὁ Τύρων, Εὐτρόπιος, Κλεόνικος καὶ Βασιλίσκος, Ἀγάπη, Εἰρήνη καὶ Χιονία, Σολόχων καὶ οἱ σὺν αὐτῷ <Vindob. Mon. Aug. Πρίσκος καὶ οἱ σὺν αὐτῷ>, Μάρκος καὶ Μουκιανός, καὶ οἱ τρεῖς ἐν Νικομηδείᾳ, Πρίσκος καὶ οἱ σὺν αὐτῷ (Vindob. Πρίσκος — αὐτῷ omis.), Σαβιανός (Vind. Σωβιανός) καὶ Ἀλέξανδρος, Διονύσιος καὶ Ἀρτέμων, Ἀθηνόδωρος καὶ Θεόδωρος, καὶ Ῥοδιανός, Ἀκυλίνα, Φευρωνία, Ὀνίσιμος, Ἀθηνογένης, Μαρῖνος ὁ γέρων, Φώτιος καὶ Ἀνίκητος, Διομήδης, Φιλονίδα (Vindob. Φιλονίδης), Κλήμης καὶ Ἀγαθάγγελος, Μηνᾶς, Καλλίστρατος, Γρηγόριος ὁ Ἀρμενίας, Ῥιψιμία, Γαϊνή (Mon. Aug. Vindob. Γαιανή), Ὑπερβασία, Τηριδάτη (Mon. Aug. Vindob. Τηριδάτα), ἥστινος γυναικὸς ἀνὴρ ὀνομώτατος (Mon. Aug. Vindob. ὀνόματι) Ἄδακτος τῇ ἀξίᾳ μάγιστρος ἐμαρτύρησε. Послѣднія слова: ἥστινος (Vind. οὔσης τινος) — ἐμαρτύρησε въ Вѣнской рукописи читаются въ концѣ схолія на полѣ л. 79 обор. и имъ предшествуетъ въ этомъ схоліи слѣдующій списокъ: ἐπὶ τούτου ἐμαρτύρησεν ὁ ἅγιος Εὐστράτιος καὶ οἱ σὺν αὐτῷ, Κύρικος καὶ Ἰουλίττα, Αὐτόνομος, Ἐπίχαρις, Ἀλέξανδρος, Ζώσιμος, Ἀλφίων, Νίκων, Ἡλιόδωρος, Μάρκος, Πελαγία ἡ μάρτυς, Ἀνδρόνικος, Πρόβος, Στέφανος, Μάρκος, Εἰρήναρχος, Ἀκάκιος σὺν ζ' γυναιξί, срав. Σχόλιον Московской рукописи.

Въ описаніи сложенія съ себя Діоклитіаномъ и Максиміаномъ Геркуліемъ власти и смерти ихъ, въ Мюнхенскихъ и Вѣнской рукописяхъ за стр. 376,14 ἀπήγξατο слѣдуетъ (въ Vindob. fol. 80 съ замѣткою въ текстѣ Σχόλιον): εἶτα ἐκ συμφώνου (Vind. ἐκ συμφωνίας) παρῃτήσαντο τὴν βασιλείαν αὐτῶν ὅτε Διοκλητιανὸς καὶ Μαξιμιανὸς πρὸς (Vind. προφάσει) θεοποιίας, ὡς ἱστορεῖ Εὐσέβιος (cf. Mur. p. 377,18). Διοκλητιανὸς <Vind. Monac. Aug. δέ> παράφρων γενόμενος καὶ σὺν τῷ Ἑρκουλίῳ τὴν βασιλείαν ἀποθέμενοι (Vind.— ος) κτέ.

Изъ прочаго содержанія Московской рукописи на стр. 376 слѣд. только въ Вѣнской встрѣчаемъ отрывокъ стр. 376,20—377,6 и затѣмъ стр. 376,14 τὸν δὲ Διοκλ. — 17 πληγείς (πλῆθος?) σκώληκας (послѣ чего, очевидно, съ пропускомъ нѣсколькихъ словъ Περὶ τῆς βασιλ. Κωνστ.) находимъ послѣ стр. 381.

Отрывокъ стр. 378,4—9 въ текстѣ Мюнхенскихъ и Вѣнской рукописей не находится и за стр. 378,3 въ этой редакціи слѣдуетъ прямо стр. 378,10 сл.

Стр. 381,8 сл. читается въ Мюнхенскихъ и Вѣнской рукописяхъ такъ (Vindob. fol. 81): Διὸ καὶ λοιμός, λιμὸς καὶ αὐχμός, καὶ πᾶν ὅτι οὖν ἐστι κακὸν εἰπεῖν τοὺς ἀνθρώπους μετῆλθε, ὡς εἴρηται. Κωνσταντίου δὲ τοῦ ἐπικληθέντος Χλωροῦ διὰ τὴν ὠχρότητα τοῦ προσώπου τελευτήσαντος ὁ υἱὸς αὐτοῦ Κωνσταντῖνος τὴν ἀρχὴν διεδέξατο, ὃν ἐκ πορνείας κτὲ (Vind.).

Объ отрывкѣ, слѣдующемъ въ Вѣнской рукописи за стр. 381, мы сейчасъ сказали. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что эпизодъ изъ дѣтства Константина гораздо умѣстнѣе въ этой связи, нежели тамъ, гдѣ онъ является въ Московской рукописи.

Остановимся еще на текстѣ разсматриваемыхъ нами рукописей, соотвѣтствующемъ стр. 384,9 сл. Мур. Αὐτίκα δὲ καὶ ἡ μήτηρ Ἑλένη βαπτίζεται καὶ οἱ τούτου συγγενεῖς τε καὶ φίλοι (Дальнѣйшее въ Мюнхенскихъ рукописяхъ въ текстѣ, въ Вѣнской рукописи какъ σχόλιον на полѣ). ἐβαπτίσθη δὲ ὡσαύτως (Vind. σὺν αὐτῷ) καὶ Κρισκήσιος (Vind. Κρίσπος) ὁ πρῶτος (Vind. omis. πρῶτος) αὐτοῦ (Vind. ἑαυτοῦ) υἱός, ὥς φασι (Vind. ὅν φασι), ὕστερον κατηγορηθέντα ψευδῶς ὑπὸ (Vind. παρὰ) τῆς μητρυιᾶς ἀποκτανθῆναι παρὰ τοῦ πατρός, ὡς βουλόμενον (Vind. βουλευσάμενος) κοιμηθῆναι μετ' αὐτῆς κτὲ (Vind. fol. 81ᵛ).

16 сл. εἶτα Σίλβεστρος τοῦτον ἀποκτείνας καὶ (Vind. omis. καί) συναθροίσας Κωνσταντῖνος ἱερεῖς πρὸς τὴν τῶν Ἰουδαίων διάλεξιν. καὶ τούτους κατὰ κράτος Σίλβεστρος νικήσας διά τε γραφῶν προφητικῶν καὶ διὰ θαύματος ὡς νεκρώσαντος τὸν ταῦρον Ἑβραίου μάγος (l. μάγου) καὶ

μὴ δυνάμενος (—συ?) τοῦτον ἀναστῆ<σαι> ὁ Σίλβεστρος προσευξάμενος ἤγειρε καὶ οὕτως τὰ περὶ Μαξιμιανοῦ τοῦ Γαλλερίου πάροδον ἐποιήσατο (Vind. omis. πάροδον ἐποιήσατο). Въ Вѣнской рукописи вмѣсто всего длиннаго текста πρὸς τὴν τῶν Ἰουδ. — ἤγειρε читаемъ: καὶ γράφει (γραφῇ?) τὴν τῶν Ἰουδαίων διαλέξας (διελέγξας?). На этотъ разъ, повидимому, текстъ Мюнхенскихъ рукописей представляетъ позднѣйшее распространеніе, на основаніи слѣдующей ниже главы Ἐκ τοῦ βίου τοῦ ἁγίου Σιλβέστρου, первоначально болѣе краткаго текста (срав. Московскую и Вѣнскую рукописи).

Третья книга хроники оканчивается въ Мюнхенскихъ и Вѣнской рукописяхъ на стр. 387,15. Весьма вѣроятно, что и здѣсь онѣ сохраняютъ болѣе первоначальную редакцію, такъ какъ о побѣдѣ надъ Максенціемъ въ хроникѣ говорится подробно еще на стр. 385 слѣд., а здѣсь этотъ разсказъ является излишнимъ повтореніемъ. Также заканчивающія отрывокъ сообщенія стр. 388,16—19 представляютъ позднѣйшее повтореніе дословно сходнаго текста стр. 389,14 сл.

Опуская первыя главы четвертой книги до царствованія Іовіана, гдѣ уже въ изданіи Муральта сличены два Вѣнскихъ и два Мюнхенскихъ списка, обращаемся теперь къ обзору содержанія этой книги въ Мюнхенскихъ рукописяхъ и той Вѣнской, которою мы пользовались, начиная съ царствованія Іовіана.

Анекдотъ стр. 452,24—453,4 опущенъ во всѣхъ трехъ рукописяхъ (срав. Вѣнская л. 91 обор.). Какъ и другіе подобные анекдоты изъ исторіи римскихъ императоровъ, напримѣръ стр. 214 (Московская рукопись Σχόλιον), онъ могъ сначала быть приписанъ на полѣ въ качествѣ Σχόλιον и позднѣе войти въ текстъ хроники.

Въ царствованіи Валента упомянемъ объ уклоненіи редакціи Мюнхенскихъ рукописей (въ Вѣнской л. 91 обор. оканчивается словами стр. 455,24 Муральта οὗτοι ἐν τοῖς ἰ..., а л. 92 начинается словами стр. 485,26 αὐτῷ, ἀλλὰ πάντα) въ опредѣленіи пола Моавіи — стр. 457,9 μετὰ δὲ ταῦτα Μαυία, βασιλὶς τῶν Σαρακηνῶν, χριστιανὴ ἦν ἐκ γένους Ῥωμαίων καὶ ληφθεῖσα αἰχμάλωτος ἤρεσε διὰ κάλλους τῷ β. τ. Σαρ., 11 εἰς βασιλίδα προέκοψε, 18 ταύτης ἡ αἴτησις. Только 14 читается, какъ въ Московской рукописи, παρακληθείς, но, вѣроятно, вслѣдствіе ошибки переписчика вмѣсто παρακληθεῖσα. У церковныхъ историковъ, отъ которыхъ зависитъ хроника, всюду, дѣйствительно, говорится о Сарацинской царицѣ, а не царѣ, какъ въ Московской рукописи.

Въ царствованіи Θеодосія Великаго послѣ стр. 473,10 читаемъ: ὀλίγους δὲ τῶν ἐξ Αἰγύπτου μαθὼν ὁ θεῖος Γρηγόριος τῷ λόγῳ τούτῳ (№ 139 τοῦτον) φθονήσαντας τὸν συντακτήριον λόγον ἐπιδε <№ 139 ι>ξάμενος ἑκουσίως τῆς ἐπισκοπῆς καὶ διοικήσεως ὑπεχώρησε. Γρηγορίου δὲ τῆς ἐπισκοπῆς Κωνσταντινουπόλεως ἀποταξαμένου Νεκτάριον ὁ βασ. κτὲ. (= Mur. p. 473,22—474,9).

Что касается отрывка Московской рукописи стр. 473,11—20, онъ является въ Мюнхенскихъ рукописяхъ въ видѣ схолія уже послѣ стр. 474,9:

Ἐπὶ Θεοδοσίου τοῦ μεγάλου Γρηγόριος ὁ Θεολόγος τὴν νῦν ἐκκλησίαν Ἀναστασίας τῆς μάρτυρος, εὐκτήριον οὖσαν μικρὸν <εὑρὼν>, τοὺς ὀρθοδόξους ἐδίδαξεν. Ἀναστασίας δὲ τὸν μέγαν οἶκον ὁ δὲ (δὲ omis. № 139) ἱστορῶν φησι ὀνομάζεσθαι ἢ διὰ τὴν τῆς ὀρθῆς πίστεως ἀνάστασιν ἢ διὰ τὸ γυναῖκα ἐγκύμονα πεσοῦσαν ἄνωθεν τελευτῆσαι, κοινῆς <δὲ> ὑπὸ τῶν ὀρθοδόξων γενομένης εὐχῆς ἀναστῆναι τὴν τελευτήσασαν.

Сопоставляя ссылку ὁ δὲ ἱστορῶν κτλ., которой нѣтъ въ Московской рукописи, со стр. 457,27 Муральта, гдѣ во всѣхъ трехъ текстахъ (обоихъ Мюнхенскихъ и Московскомъ) опущено послѣ ἔθνους имя историка — ὁ Σωζόμενος, какъ читаемъ у Θеофана, мы и здѣсь подъ ὁ ἱστορῶν всего скорѣе можемъ разумѣть этого историка (срав. Записки Импер. Ак. Наукъ, т. LXX. Прилож. 4, стр. 25).

Послѣ стр. 480,24 въ Мюнхенскихъ спискахъ непосредственно читается: Ἐπὶ Θεοδοσίου δὲ καὶ ἡ τιμία κεφαλὴ τοῦ βαπτιστοῦ κτὲ = Mur. p. 481,6 sqq. Такъ какъ въ опущенномъ отрывкѣ стр. 480,25—481,5 содержатся отдѣльныя, ничѣмъ не связанныя съ предшествующимъ и послѣдующимъ сообщенія, то одинаково возможно предположить пропускъ въ Мюнхенской редакціи текста, или распространеніе первоначальнаго текста позднѣйшими вставками въ Московской рукописи.

Послѣ стр. 489,3 τὰ γέρα τῶν ἄθλων (Mq., Monac. № 139, τὰ γέρα τῆς βασιλείας Monac. Aug.) въ Мюнхенскихъ рукописяхъ читаемъ: Θεοδοσίου ἐν Μεδιολάνῳ τελευτήσαντος τὸ σῶμα αὐτοῦ Ἀρκάδιος ἐν τῇ πόλει ἀποκομίσας κατατίθησι. Тоже самое читается и въ Вѣнской рукописи, но не въ текстѣ, какъ въ Мюнхенской рукописи, а въ видѣ Σχόλιον на полѣ листа 92 обор. Здѣсь снова опредѣляется происхожденіе замѣтки, которая въ Московской рукописи связана съ предшествующимъ очень неловко.

Послѣ стр. 495,7 въ Мюнхенскихъ и Вѣнской рукописяхъ сначала

читается замѣтка о хиротоніи въ патріархи Арсакія—стр. 495,19—20 и уже затѣмъ письмо Иннокентія, папы римскаго, стр. 495,10—18. Такой порядокъ тѣснѣе связываетъ содержаніе письма (14 καὶ πάντως ἐκδικηθήσεται παντοιοτρόπως) съ порицаніемъ царицѣ (p. 495,21 sqq.).

Царствованіе Аркадія заканчивается въ Мюнхенскихъ рукописяхъ на стр. 498,2, послѣ чего еще слѣдуетъ: Γαϊνᾶς δὲ Ἀρκαδίῳ ἀντάρας πολλὰ δεινὰ κατὰ τῆς πόλεως εἰργάσατο — ἀπώλοντο, какъ читаемъ и въ Московской рукописи (у Муральта подъ текстомъ). Такъ и въ Вѣнской на л. 94 обор., но на л. 94 находимъ σχόλιον на полѣ: τῷ δ' αὐτῷ χρόνῳ ἀντῆραν Ἴσαυροι πραιδεύοντες ἕως Καππαδοκίας. ἐπὶ τοῦ αὐτοῦ Ἀρκαδίου εἰσελθόντα λείψανα τοῦ ἁγίου προφήτου Σαμουὴλ καὶ ἀπετέθησαν ἐν τῷ ναῷ αὐτοῦ πλησίον τοῦ Ἑβδόμου. ἀρρωστήσας δὲ ὁ αὐτὸς βασιλεὺς ἐτελεύτησε, т. е. содержаніе опущеннаго въ Мюнхенскихъ рукописяхъ отрывка стр. 498,3—8 Муральта. Этотъ σχόλιον, какъ часто въ Вѣнской рукописи, приписанъ на полѣ совсѣмъ не къ тому мѣсту хроники, гдѣ бы мы его ожидали (ad p. 496,18 sqq.). Повидимому, переписчикъ возстановляетъ здѣсь допущенный сначала пропускъ.

Въ царствованіи Θеодосія Младшаго сравненіе съ Мюнхенскими и Вѣнскою рукописями снова обнаруживаетъ перестановку: послѣ стр. 498,19 читаемъ: ἐπὶ Θεοδοσίου Ἄσπαρ καὶ Ἀρδαβούριος προχειρίζονται δομεστικοὶ ἀνατολῆς τε καὶ δύσεως = Mur. p. 498,12—13; далѣе: καὶ Ἀττικοῦ τελευτήσαντος Σισίνιος πατριάρχης προχειρίζεται. τούτου δὲ τελευτήσαντος Νεστόριος γέγονε πατριάρχης (Vindob. τούτου δὲ — πατρ. omis.) καὶ τούτου καθαιρεθέντος Πρόκλος ἀντ' αὐτοῦ χειροτονεῖται. ὅτε καὶ τὸ λειψ. κτέ = Mur. p. 500,27—501,3; наконецъ, разсказъ о землетрясеніи стр. 498,20—499,11 и замѣтка о крещеніи іудея патріархомъ Аттикомъ стр. 499,14—16.

За разсказомъ о третьемъ вселенскомъ соборѣ—стр. 500,26—слѣдуетъ теперь прямо стр. 501,4 сл.

Послѣ стр. 504,7 въ Мюнхенскихъ рукописяхъ непосредственно слѣдуетъ Βασιλεία Μαρκιανοῦ. Въ Вѣнской находимъ еще схолій (fol. 95ᵛ), содержащій стр. 504,8—12, т. е. пропущенное въ Мюнхенскихъ рукописяхъ. Здѣсь, какъ стр. 498,3—8, надо видѣть возстановленіе пропуска въ текстѣ.

Стр. 505,16 послѣ Πουλχερίας читаемъ: αὕτη ἡ Εὐδοκία ὡραιοτάτη ἦν σφόδρα, ἥτις ἦν ἐξ Ἀθηνῶν. ὁ μέντοι Μαρκιανὸς εὐσεβὴς ἄγαν καὶ δικαιοκρίτης ὑπάρχων ἐκέλευσε ἄρχοντα ἐπὶ δόσει χρημάτων μὴ γίνε-

σθαι (Vindob. fol. 96) κτέ., что у Муральта значительно ниже — стр. 506,17—19. Слова: αὕτη ἡ Εὐδ.— Ἀθηνῶν,—очевидно, позднѣйшая глосса. Въ Московской рукописи вставкою — стр. 505,18 ταῦτα περὶ αὐτοῦ—506,16 разрушена первоначальная связь содержанія, такъ какъ эпизодъ изъ военной карьеры Маркіана мало подтверждаетъ его характеристику — стр. 505,17; напротивъ, его мѣропріятія — стр. 506,17—21 вполнѣ ей соотвѣтствуютъ.

Къ стр. 507,22 сл. изъ трехъ разсматриваемыхъ нами рукописей въ одной, Monac. Aug., на полѣ — замѣтка σχόλιον.

Стр. 510,17—24 отсутствуетъ въ Вѣнской рукописи. Относительно царствованій Льва Великаго и его ближайшихъ преемниковъ ссылаемся на подробный анализъ содержанія этой части хроники въ Страссбургской рукописи въ статьѣ Лаухерта, который вполнѣ приложимъ и къ Мюнхенскимъ рукописямъ. Пользуясь текстами, напечатанными de Boor'омъ, Лаухертъ указалъ на нерѣдкую близость Страссбургской (а слѣдовательно и Мюнхенской) редакціи къ древней редакціи хроники Коаленевыхъ рукописей. Намъ остается только упомянуть объ уклоненіяхъ отъ Мюнхенскихъ (и Страссбургской) рукописей Вѣнской. Изъ нихъ нѣкоторыя обнаруживаютъ еще бо́льшую близость Вѣнской рукописи къ Коаленевымъ, чѣмъ Мюнхенскихъ рукописей.

Vindob. fol. 97ᵛ p. 510, 28 ὃν ἡ σύγκλητος—511, 5 Mur. omis. Это объясненіе происхожденія прозвища Льва Великаго отсутствуетъ и въ Коаленевыхъ рукописяхъ.

Σχόλιον Мюнхенской (Страссб.) рукописи, отмѣчаемый Лаухертомъ послѣ стр. 507, 12 Мур. ἐλέησον ἡμᾶς, опущенъ въ Вѣнской рукописи.

Разсказъ о смерти императора Анастасія стр. 518, 20 — 25 Мур. слѣдуетъ въ Вѣнской рукописи (fol. 98ᵛ), какъ въ Coisl. и Vatic. 153, тотчасъ за стр. 516, 15 ἔτη κζ΄. Но подробности предвѣщанія этой смерти стр. 518, 15—19 и мукъ Анастасія въ могилѣ— стр. 518, 25—519, 4, имѣющіяся въ другихъ рукописяхъ, опущены въ Вѣнской рукописи.

Указанныя сходства съ однимъ изъ древнѣйшихъ списковъ хроники Георгія Монаха противъ Мюнхенскихъ еще разъ подтверждаютъ превосходство той редакціи, изъ коей вышла Вѣнская рукопись, надъ Мюнхенской. Своевременно будетъ упомянуть здѣсь, что въ противоположность Мюнхенской рукописи и Страссбургской, гдѣ, по замѣчанію Лаухерта, съ концомъ главы о Львѣ Армянинѣ редакція текста,

до сихъ поръ во многомъ согласная съ Коаленевыми рукописями, вдругъ измѣняется, Вѣнская, къ сожалѣнію обрывающаяся на стр. 698, 2 Мур., еще на предпослѣднемъ (fol. 137ᵛ) и послѣднемъ листахъ своихъ, въ царствованіи Михаила II, точно согласуется въ своемъ текстѣ съ Коаленевой рукописью № 310, насколько можно еще разобрать сильно попорченный сыростью текстъ этихъ листовъ.

Стр. 523, 10—16 опущено въ Мюнхенской рукописи, стр. 523, 10—29 въ Вѣнской. Возможно, что здѣсь въ Московской рукописи позднѣйшее распространеніе первоначальнаго текста.

Въ царствованіи Юстина І-го въ Мюнхенскихъ рукописяхъ за общей характеристикой царя стр. 524, 2 слѣдуетъ непосредственно стр. 524, 16 слл.[1]). Въ Вѣнской послѣ стр. 524, 1 ἔτη θ' идетъ прямо стр. 524, 21 (Vindob. fol. 101).

Царствованіе Юстина І-го оканчивается въ Вѣнской рукописи — стр. 525, 13 ὑπῆρχε σφόδρα, въ Мюнхенскихъ за стр. 525, 13 ὑπῆρχε σφόδρα читается непосредственно стр. 525, 23—526, 9.

Въ царствованіи Юстиніана В. въ Вѣнской рукописи (fol. 101) опущено стр. 527, 1—4. Также дальнѣйшій отрывокъ—стр. 527, 5—8 является въ Вѣнской рукописи въ слѣдующей сокращенной формѣ: ἐφ 'οὗ Ἀντιόχεια Θεούπολις ἤρξατο προσαγορεύεσθαι[2]). Послѣ отступленія о Содомскомъ грѣхѣ—стр. 548, 9 въ обѣихъ Мюнхенскихъ и въ Вѣнской рукописи слѣдуетъ прямо царствованіе Юстина II-го.

Царствованіе Тиверія II-го ограничивается въ Вѣнской рукописи (fol. 109ᵛ s. fin.) отмѣткою числа лѣтъ его. Въ Мюнхенскихъ рукописяхъ сохраняется, правда, отрывокъ изъ этого царствованія, но не на мѣстѣ, а именно среди царствованія Маврикія, послѣ стр. 556, 18: Μαυρίκιον καὶ Ναρσῆν κατὰ Περσῶν ἀπέστειλε—ἀνηγόρευσε=Mur. p. 583, 15 — 554, 3. Какъ объяснить это появленіе здѣсь этого отрывка? Намъ кажется, всего вѣроятнѣе предположить, что сократитель, какъ это мы видѣли въ Вѣнской рукописи, вынесъ на поле часть пропущеннаго въ царствованіи Тиверія текста, при чемъ выноска могла оказаться и не на томъ мѣстѣ текста, къ которому она должна бы быть отнесена. Въ Вѣнской указаннаго отрывка не сохранилось ни въ текстѣ, ни гдѣ нибудь на полѣ.

---

1) При этомъ въ Monac. Aug. καὶ γέγονε σεισμὸς φοβερώτατος κτὲ вмѣсто л. 249-го читается на л. 268-омъ.

2) Ниже о праздникѣ Срѣтенія: καὶ ἡ ὑπαπαντὴ ἔλαβεν ἀρχὴν ἑορτάζεσθαι, ἥτις οὐκ ἔστιν ἐναρίθμιος ταῖς δεσποτικαῖς ἑορταῖς.

Болѣе сохраняется изъ царствованія Маврикія въ общей редакціи Мюнхенскихъ и Вѣнской рукописей. Въ первой части разсказа оставлены только чисто анекдотическіе отрывки: за сообщеніемъ о числѣ лѣтъ царствованія Тиверія и объ основаніи имъ храма 40 мучениковъ въ столицѣ слѣдуетъ отрывокъ о чудѣ стр. 554, 24 сл., о другихъ двухъ чудесахъ: стр. 555, 11—12 и стр. 555, 3—6, о Сиренахъ и о крокодилѣ. Далѣе, послѣ упомянутаго нами выше отрывка изъ царствованія Тиверія, въ Вѣнской рукописи впрочемъ отсутствующаго, слѣдуетъ стр. 559, 3—7. Затѣмъ текстъ Мюнхенскихъ и Вѣнской рукописей значительно уклоняется отъ Московской (стр. 556, 22 сл.): Πολέμου δὲ (Vind. omis. δέ) τότε (Vind. ποτέ) συγκροτηθέντος μεταξὺ Ῥωμαίων τε καὶ βαρβάρων ἐπὶ τὴν Μυσίαν. ὑπέθετο Μαυρίκιος ὁ βασιλεύς, ὥς φασι, τῷ στρατηγῷ τῷ καταπιστευθέντι τὸ Ῥωμαϊκὸν (Vind.—αίων) στράτευμα παραδοῦναι τούτους τοῖς πολεμίοις διὰ τὴν (Vind. omis. τὴν) ἀνταρσίαν αὐτῶν, ὅπερ τοῦ στρατηγοῦ ὑπακούσαντος <Vind. καί> γέγονε. καὶ συνελήφθη <Vind. οὖν> λαὸς πολύς. τῆς δὲ συγκλήτου παρακαλεσάσης τὸν βασιλέα τοῦ ἀγορασθῆναι αὐτοὺς εἴξας ὁ βασιλεὺς ἀπέστειλε πρέσβεις πρὸς τὸν ἄρχοντα τῶν βαρβάρων, ἵνα τοὺς ὑπ'αὐτοῦ κρατηθέντας ἀπολύσῃ. ὁ δὲ ἀντεδήλωσε· ἀποδίδωμι κτέ. (Vindob. fol. 110—110ʳ). Далѣе, какъ въ Московской рукописи стр. 557, 4 сл., съ нѣкоторыми разночтеніями. Представляя много варіантовъ къ тексту Московской рукописи (и слѣдов. Льва Гр. и Θеодосія Мелит.), текстъ Мюнхенской редакціи въ общемъ сходится съ нею. Послѣ стр. 559, 2 идетъ прямо стр. 559, 8 сл., что, конечно, возстановляетъ первоначальную связь. На стр. 559 послѣ строки 17 Мюнхенскія рукописи и Вѣнская снова даютъ болѣе полный текстъ (Vind. fol. 111): πᾶσα γὰρ ἡ πόλις δι'ὅλης νυκτὸς αἰσχίστοις (sic) ὕβρεσι καὶ ἀπειλαῖς αὐτὸν ἔβαλλον. ἀνέμου δὲ μεγάλου πνεύσαντος καὶ μετὰ κινδ. κτέ. Царствованіе Маврикія оканчивается на стр. 559, 21 ἀρθρίτιδες, οὓς ποδάγρας (Vindob. ποδάλγας) καὶ χειράγρας καλοῦσι. Непосредственно затѣмъ слѣдуетъ Περὶ τῆς βασιλείας Φωκᾶ τοῦ τυράννου. О воцареніи Фоки Мюнхенскія и Вѣнская рукописи содержатъ снова больше подробностей, чѣмъ Московская (стр. 560, 9 сл.): ἐλθὼν γὰρ εἰς τὸ Ἕβδομον σὺν τοῖς ὁμόφροσιν αὐτοῦ καὶ τῶν πολιτῶν ἐκεῖσε πάντων συναθροισθέντων ἀναγορεύεται βασιλεὺς εἰς τὸν ναὸν τοῦ Προδρόμου καὶ οὕτως εἰσῆλθε τὸ κακὸν εἰς τὰ βασίλεια. Μετὰ δὲ ταῦτα στασιάσαντες οἱ δῆμοι καὶ κράξαντες· ὁ Μαυρίκιος οὐκ ἀπέθανεν, ἀλλὰ καλῶς ἔχει, πρὸς τὸν φόνον κινεῖται τοῦ Μαυρικίου ὁ ἀλάστωρ κτέ.

Послѣ стр. 562, 21 въ Мюнхенскихъ и Вѣнской рукописяхъ читается: Ἡράκλειος γὰρ ὁ στρατηγὸς Ἀφρικῆς πλοῖα πολλά κτέ.=Mur. p. 563, 3 sqq. Послѣ описанія казни Фоки—стр. 564, 5 въ Мюнхенскихъ съ отмѣткою σχόλιον (въ текстѣ) слѣдуетъ: ὁ αὐτὸς Φωκᾶς ἔκτισεν ἀρμάμεντον τὸ ὂν πλησίον τοῦ παλατίου τῆς μαγγαύρας (sic). καὶ κτίσας τὸν κίονα κτιστὸν καὶ τὴν στήλην αὐτοῦ ἐπάνωθεν. ὁ δὲ γαμβρὸς αὐτοῦ Κρίσπος ὁ πατρίκιος μὴ φέρων ὁρᾶν κτέ.=Mur. p. 562, 22—563, 3 πλοῖα πολλὰ ἐκ τῆς Ἀφρικῆς ἐπάρας ἐποίησε, καθὼς προεγράφη. Послѣ этого только въ Monac. Aug. опять съ замѣткою σχόλιον: Μοναχός δέ τις ἅγιος κτέ., какъ въ текстѣ Московской рукописи у Муральта стр. 564 подъ текстомъ.

Вѣнская рукопись не содержитъ ни одного изъ этихъ σχόλια Мюнхенскихъ рукописей. Впрочемъ, первая часть перваго схолія читается еще у Θеодосія Мелит. Что касается его второй части — ὁ δὲ γαμβρὸς—ἐποίησε, мы опять видимъ здѣсь выносъ на поле (откуда σχόλιον позже попалъ въ текстъ) пропущеннаго ранѣе, и добавленіе καθὼς προεγράφη на этотъ разъ ясно это свидѣтельствуетъ.

Новый σχόλιον въ Monac. Aug. указываетъ на постепенное нарощеніе распространеній текста хроники въ позднѣйшихъ рукописяхъ.

Въ царствованіи Ираклія въ Вѣнской рукописи стр. 564, 15—565, 6 сокращено (срв. л. 112—112 обор.).

Послѣ стр. 566, 10 въ Мюнхенскихъ рукописяхъ читается сначала: ἀπέστειλε δὲ ὁ βασιλεὺς Ἡράκλειος πρέσβεις πρὸς Χοσρόην αἰτούμενος εἰρήνην κτέ=Mur. p. 567, 17 sqq. и потомъ, послѣ стр. 567, 20, εἶτα πάλιν Χοσρόης ὁ δυσσεβὴς ἀποστείλας ἕτερον ἄρχοντα κατὰ τῶν Ῥωμαίων—δυνάμεως (=Mur. p. 566, 11—13). Въ Вѣнской рукописи отрывокъ стр. 567, 17—20 опущенъ. Послѣ стр. 566, 13 δυνάμεως дальнѣйшій текстъ Мюнхенскихъ и Вѣнской рукописей сходится съ другой Вѣнской, цитуемой въ примѣчаніяхъ у Муральта подъ текстомъ: καὶ πᾶσαν ἐρημώσας — τὴν γῆν τ. Ῥωμαίων. Затѣмъ слѣдуетъ стр. 566, 21 сля. До стр. 568, 1 текстъ Мюнхенскихъ рукописей за исключеніемъ пропуска отрывка 17 — 20, въ Мюнхенскихъ рукописяхъ являющагося раньше, сходится вообще съ Московской рукописью. Напротивъ, Вѣнская въ этихъ предѣлахъ даетъ значительно болѣе краткій текстъ: стр. 567, 1 κατὰ—5 ἀποκινῆσαι опущено, послѣ стр. 6 прямо слѣдуетъ: καὶ ταῦτα εἰπὼν, λαβὼν τὴν θεανδρ. κτέ (13—14, послѣ καὶ δὴ 14 слова: προσκαλεσάμενος κτέ., какъ указано у М·

ральта въ другой Вѣнской рукописи). Текстъ стр. 568, 1 послѣ βεβαιώσας сходится въ Мюнхенскихъ и нашей Вѣнской съ другой Вѣнской у Муральта подъ текстомъ: ἐκίνησε—τόπον. Далѣе, стр. 568, 6—569, 18 сходно съ Московской рукописью. Но затѣмъ слѣдуетъ прямо μυστικήν τινα θεωρίαν κτέ стр. 570, 15 слл. съ одинаковымъ для обѣихъ Мюнхенскихъ и обѣихъ Вѣнскихъ пропускомъ цитаты изъ неизвѣстнаго Ἀλεξανδρέως ἐξηγητοῦ. Стр. 571, 15—18 пропущено въ Мюнхенскихъ и Вѣнской рукописяхъ (Vindob. fol. 113).

Въ Мюнхенской Аугсбургской рукописи хроника оканчивается главою Περὶ κεκοιμημένων. Дальше идутъ Вѣнская и Мюнхенская № 139.

За главою Περὶ κεκοιμημένων слѣдуетъ прямо Περὶ τῆς βασιλείας Κώνσταντος (Vindob fol. 119ᵛ). Μετὰ δὲ Κωνσταντῖνον ἐβασίλευσε Κώνστας ὁ υἱὸς αὐτοῦ ἔτη κζ'. ἐφ'οὗ μέγας ἄνεμος καὶ ῥαγδαῖος πνεύσας πολλὰ μὲν δένδρα καὶ παμμεγέθη προριζῶν (Vind., l. πρόρριζα?) ἀνέσπασε, πολλοὺς δὲ καὶ στύλους καὶ κιόνια τῶν μοναχῶν κατέβαλε (p. 588, 11—21 omis.).

Далѣе слѣдуютъ главы о Магометѣ и о св. Землѣ. Отмѣтимъ здѣсь бо̀льшую полноту текста Вѣнской рукописи противъ Мюнхенской и Московской на стр. 598, 7 сл. Мур. Vindob. fol. 121ᵛ δεινῶς τρέπονται καὶ βαλόντες ἑαυτοὺς εἰς τὰς στενόδους τοῦ ποταμοῦ Ἱερμουχθᾶ διεφθάρησαν ἐκεῖ χιλιάδες τεσσαράκοντα καὶ οὕτως κτέ. Съ переходомъ отъ отступленія о св. Землѣ къ историческому разсказу на стр. 604, 15 Мур. текстъ Вѣнской (fol. 123ᵛ) и Мюнхенской рукописи читается такъ: ἐπεὶ οὖν περικρατεῖς γενόμενοι τῆς ἁγίας γῆς ἐκείνης (Vind. ἐκείνης γῆς) καὶ σφόδρα πλεονάσαντες καὶ ὑπερισχύσαντες ἐξώπλισε πλοῖα πολλὰ Μαβίας ὁ τούτων ἀρχηγὸς κατὰ τῆς Κ. Π. καὶ ἦλθεν εἰς τὸν λεγόμενον Φοίνικα τῆς Λυκίας, ἔνθα Κώνστας ὁ βασιλεὺς ἦν μετὰ τοῦ Ῥωμαϊκοῦ στόλου. μέλλοντος δὲ τοῦ βασιλέως τῇ ἐπιούσῃ νυκτὶ ναυμαχεῖν θεωρεῖ κατ'ὄναρ ἑαυτὸν ὑπάρχειν ἐν Θεσσαλονίκῃ κτέ. (=Mur. p. 604, 15—16, p. 589, 6 sqq.).

Въ текстѣ стр. 589, 24 въ Московской рукописи оказывается значительное искаженіе первоначальнаго содержанія: πολλοὺς ἐξ αὐτῶν ἀνδρείως ἀνελών, Μαβία καὶ αὐτοῦ καιρίως πληγέντος, ἐτελεύτησε.

Monac. Vindob. ἀνελών, λαβὼν δὲ καὶ αὐτὸς (i. e. ὁ φίλος τοῦ βασιλέως cf. 21) καιρίαν πληγήν, ἐτελ. (Vindob. fol. 124).

Такъ какъ ошибку Μαβία вмѣсто λαβών трудно объяснить палеографически, то приходится предположить неудачную догадку перепис-

чика, не принявшаго во вниманіе дальнѣйшее содержаніе хроники, гдѣ Моавія еще является здравымъ и невредимымъ.

Послѣ стр. 590,23 *παρὰ πάντων εὐφημούμενος* въ Вѣнской рукописи (fol. 124) слѣдуетъ непосредственно глава о Павликіянахъ. Въ Мюнхенской рукописи находимъ еще *σχόλιον· Μαυΐας δὲ ὁ τῶν Ἀράβων ἀρχηγὸς μετὰ ταῦτα ἐπρέσβευσε περὶ εἰρήνης πρὸς Κώνσταν διὰ τὴν εἰς αὐτὸν γενομένην ὑπὸ τῶν Ἀράβων ἀνταρσίαν, καὶ ἵνα τέλωσιν ὑπὲρ τῆς τοιαύτης εἰρήνης τοῖς Ῥωμαίοις οἱ Ἄραβες* <*καθ' ἡμέραν* Cedr.> *νομίσματα α καὶ ἵππον καὶ δοῦλον. ὁ δὲ οὐκ ἐπείσθη. καταλιπὼν δὲ Κωνσταντινούπολιν μετέστη ἐν Συρακούσῃ τῆς Σικελίας.* Этотъ отрывокъ читается у Кедрина, col. 833 A Migne.

Отступленіе о Павликіянахъ оканчивается (Vindob. fol. 125) на стр. 610,23 и затѣмъ слѣдуетъ *Βασιλεία Κώνσταντος τοῦ Πωγωνάτου. Μετὰ δὲ Κώνσταν, υἱὸν Κωνσταντίνου ἐγγόνου* (Vind. *ἔκγονον*) *δὲ Ἡρακλείου, ἐβασίλευσε Κωνσταντῖνος ὁ Πωγωνάτος, ὁ τῆς δύσεως, ἔτη ιζ. καὶ ἀπέθανε δυσεντερικῶς. ἐφ' οὗ γέγονε ἡ ς' σύνοδος κτέ.*

Послѣ стр. 611,22, какъ у Кедрина, фраза доканчивается: *συμβόλων ἐξέθετο οὕτως*, и затѣмъ слѣдуетъ длинное разсужденіе объ иконахъ (Vindob. fol. 125ᵛ): *ἰστέον, ὅτι ὁ κανὼν οὗτος ὁ ἐμφερόμενος ἐν ταύτῃ τῇ συνόδῳ ἔν τισι τῶν σεπτῶν εἰκόνων γραφαῖς οὐκ ἔστι τῆς συνόδου τῶν ρο', ἀλλὰ τῶν ρξε' πατέρων — καὶ τῆς ἐντεῦθεν γενομένης τῷ κόσμῳ ἀπολυτρώσεως.* По отношенію къ иконопочитанію, возстановленному при Георгіи Монахѣ, возможно, что это разсужденіе объ иконахъ, въ Вѣнской рукописи впрочемъ отмѣченное какъ *σχόλιον*, восходитъ еще къ первоначальному тексту хроники.

Послѣ *ἀπώλετο* — стр. 612,13 въ Вѣнской и Мюнхенской рукописяхъ слѣдуетъ непосредственно стр. 614,1 слл.: *ἐμπρησθέντων δὲ* (Vindob. omis. *δέ*) *καὶ τῶν πλοίων αὐτῶν ὑπὸ τοῦ ὑδατώδου πυρὸς κτέ.* (Vindob. fol. 125ᵛ). Уже изъ того, что, такимъ образомъ, здѣсь не повторяется дважды одно и то же сообщеніе, какъ въ Московской рукописи (стр. 612,11—13 срав. стр. 613,22—24), ясно сохраненіе здѣсь болѣе первоначальной редакціи хроники. Стр. 612,15—613,21 въ Вѣнской и Мюнхенской рукописяхъ читаемъ на своемъ мѣстѣ, послѣ стр. 614,6 *ἐρευρόντες* (съ добавленіемъ:) *κατέκαιον τὰ τῶν ἐθνῶν πλοῖα.*

Послѣ стр. 613,21 идетъ непосредственно *Βασιλεία Ἰουστινιανοῦ τοῦ ἐσχάτου τοῦ Ῥινοτμήτου. Μετὰ δὲ Κωνσταντῖνον ἐβασίλευσε Ἰουστινιανὸς ὁ υἱὸς αὐτοῦ ἔτη ι'*, и далѣе стр. 616,4 слл. (въ Вѣнс

рукописи, л. 126, при этомъ схолій: ἔστεψε δὲ καὶ Ἰουστινιανὸν υἱὸν αὐτοῦ συμβασιλεύειν αὐτῷ = Mur. p. 615,5—6, относящійся, конечно, къ предшествующему царствованію). Стр. 617,13 τὸν Ἰουστ. — 20 опущено въ Вѣнской и Мюнхенской рукописяхъ.

Послѣ разсказа стр. 617,21—618,10, представляющаго въ Вѣнской и Мюнхенскихъ рукописяхъ очень свободный варіантъ къ тексту Московской рукописи, какъ это часто наблюдается въ разсматриваемой части хроники, царствованіе Юстиніана II заканчивается такъ: καθ' ὃν χρόνον στασιάσας Λεόντιος ὁ πατρίκιος ἀναγορεύεται νυκτὸς ὑπὸ τοῦ δήμου τῶν Βενετῶν βασιλεύς. ἡμέρας δὲ γενομένης ἐξαγαγὼν εἰς τὸ ἱππικὸν Ἰουστινιανὸν καὶ ῥινοτομήσας αὐτὸν ἐν τῇ σφενδόνῃ κτέ. (Vind. fol. 126ᵛ).

Въ царствованіи Леонтія снова замѣчаемъ очень свободный варіантъ къ тексту Московской рукописи. Весь разсказъ представляетъ при томъ какъ бы простое извлеченіе изъ болѣе подробнаго разсказа Московской рукописи. Тоже можно сказать о царствованіяхъ Апсимара, Юстиніана II во второй разъ, Филиппика, Артемія и Θеодосія III.

Напротивъ, начиная съ царствованія Льва Исаврійца, текстъ Мюнхенской и Вѣнской рукописей снова приближается къ Московскому.

Въ Вѣнской рукописи отсутствуетъ отрывокъ стр. 631,19—22, которымъ, дѣйствительно, нарушается связь между 23 сл. и предшествующимъ. Послѣ стр. 633,8 ἱστορήσαμεν въ Мюнхенской и Вѣнской рукописяхъ находится парентеза, напоминающая читателю о томъ, что историческая справка объ иконахъ стр. 632 сл. входитъ въ бесѣду патріарха съ царемъ иконоборцемъ (Vindob. fol. 128): πάλιν οὖν ὁ θεοφόρος Γερμανὸς πρὸς τὸν ἀνήμερον ἔφη λύκον.

Стр. 636,12 ἔπεσε δέ—13 опущено и въ Вѣнской, и въ Мюнхенской рукописяхъ. Послѣ 15 читаемъ: ἐν τούτοις ὁ παμμίαρος καὶ ἀλάστωρ Λέων ὁ βάναυσος, ὡς ἄνθρωπος, ἀποθνήσκει δυσεντερικῶς (съ очевидной игрой словами — Λέων собственное имя и λέων левъ, потому: ὡς ἄνθρωπος), καὶ ὡς εἷς τῶν ἀνθρώπων πέπτωκεν. И непосредственно затѣмъ стр. 637,1 ὁ οὖν Μασαλμᾶς, καθὼς ἀνωτέρω εἴρηται, ἐξεδέχετο κτέ. (Vind. omis. ἐξεδέχετο — 4 ἐκίνησε καί). Послѣ стр. 638,10 слѣдуютъ прямо главы Περὶ τοῦ Φιλεντόλου Ὀλύμπου τοῦ πορνοῦντος καὶ ποιοῦντος ἐλεημοσύνην (срав. Вѣнская л. 129, гдѣ заглавія нѣтъ), Περὶ τοῦ ἀφορισμοῦ τοῦ πάπα и за ними царствованіе Константина Копронима.

Далѣе послѣ стр. 644,21 читаемъ (Vindob. fol. 130): τῶν δέ γε

Σαρακηνῶν κατ' ἀλλήλων μαχομένων ἀκούσας ἐκστρατεύει — κατὰ Πέτρον εἰσὶ τὸν δειλαῖον (=Mur. p. 648,5—14). Αὐτίκα γοῦν ἤρξαντο ἀθρόως τε καὶ ἀοράτως γίνεσθαι σημεῖα κτέ.=Mur. p. 647,5 sqq. Послѣ стр. 647,21 слѣдуетъ: σὺν πᾶσι δὲ τούτοις ἔφθασεν ἡ ὀργὴ καὶ εἰς τὸν ἀνίερον Ἀναστάσιον τὸν πατριάρχην κτέ.=Mur. p. 648,1 sqq.

Далѣе одна Вѣнская рукопись опускаетъ стр. 648,5 ἀκούσας — 18 νίκην, между тѣмъ какъ Мюнхенская повторяетъ весь текстъ, находящійся уже раньше, какъ мы видѣли, въ Вѣнской и Мюнхенскихъ рукописяхъ. На стр. 651 въ Вѣнской рукописи опущено 4—7 и 8 читается въ тѣсной связи съ 1—3: ὡσαύτως μὲν οὖν καὶ τὸν θεῖον Στ. κτέ. Впрочемъ, на л. 130-мъ Вѣнской рукописи находимъ Σχόλιον на полѣ: τότε τὸν Δαμασκηνόν, ὃν καὶ χρυσορρόαν ἐκάλουν διὰ τὴν ἐνυπάρχουσαν αὐτῷ σοφίαν ἐξορίσας, Μα⟨ν⟩σοὺρ ἐπωνόμασε, ὅ ἐστι βλάσφημος = Mur. p. 651,4—7 (разночтенія Вѣнскаго схолія согласны съ Мюнхенскимъ текстомъ).

Далѣе въ Вѣнской рукописи опущено стр. 651,28—652,2. У Θеофана, дѣйствительно, не упоминается о такой побѣдѣ надъ Болгарами, въ остальномъ же текстъ представляетъ дословное повтореніе стр. 653,21—23. По крайней мѣрѣ начало этого послѣдняго эпизода (до 22 πλωΐ) сохраняется въ Вѣнской рукописи, въ которой опущено все отъ стр. 653,22—655,19, кромѣ отрывка стр. 654,3—12, являющагося въ видѣ σχόλιον въ текстѣ послѣ стр. 658,23.

Напротивъ, Мюнхенская рукопись не избѣгаетъ и сейчасъ указаннаго дословнаго повторенія. Въ самомъ текстѣ здѣсь, напримѣръ, въ описаніи зимняго холода на Босфорѣ стр. 652, замѣтно бо́льшее сходство Мюнхенской рукописи съ Московскою, чѣмъ съ Вѣнскою (fol. 130ᵛ—131).

Какъ мы уже сказали, отрывокъ стр. 654,3—12 въ Вѣнской рукописи является въ качествѣ σχόλιον (fol. 132) въ текстѣ послѣ стр. 658,23, чѣмъ и заканчивается царствованіе Константина Копронима. Тоже, но безъ отмѣтки σχόλιον, находимъ и въ Мюнхенскихъ рукописяхъ, хотя здѣсь первыя слова отрывка: οὗτος ὁ θεομισὴς πολλῶν ἁγίων λειψάνων (l. λείψανα) κατέκαυσεν читаются еще раньше, послѣ стр. 654,2, гдѣ послѣ этой фразы прямо, однако, слѣдуетъ стр. 654,13 сл.

Царствованіе преемника Константина въ Мюнхенской и Вѣнской рукописяхъ опять очень кратко: Μετὰ δὲ Κωνσταντῖνον τὸν Κοπρώνυμον ἐβασίλευσε Λέων ὁ ἐκ τῆς Χαζάρας υἱὸς αὐτοῦ ἔτη ε'. ὃς ἔδοξε

μὲν πρὸ ὀλίγων χρόνων εὐσεβὴς εἶναι. μετὰ δὲ ταῦτα παρετράπη λιθομανὴς ὑπάρχων. τολμήσας γὰρ φορέσαι τὸ στέμμα τῆς μεγάλης ἐκκλησίας, ὅπερ ἀφιέρωσε Μαυρίκιος, ἀπηνθρακώθη δεινῶς ἡ κεφαλὴ αὐτοῦ καὶ οὕτω πυρετῷ σφοδροτάτῳ συνεχόμενος ἐτελεύτησε, τῆς ἱεροσυλίας τὰ ἐπίχειρα κομισάμενος (cf. Mur. p. 660,16—22). За главою Περὶ τοῦ κυνὸς καὶ τοῦ κυρίου αὐτοῦ слѣдуетъ царствованіе Константина VI и Ирины. Здѣсь послѣ стр. 661,20 ἀνοικοδομεῖσθαι слѣдуетъ прямо стр. 662,8 сл.; далѣе, послѣ стр. 662,20: μετὰ δὲ ταῦτα ἐξοπλισάμενος Ἀαρὼν ὁ τῶν Σαρακηνῶν ἀρχηγὸς κατὰ τῆς πόλεως κτέ. = Mur. p. 663,5 sqq., затѣмъ, послѣ стр. 663,15: καὶ δὴ εἰρήνης βαθείας γενομένης ἐξῆλθεν ὁ βασιλεὺς σὺν τῇ μητρὶ πρὸς τὰ μέρη τῆς Θράκης μετ' ὀργάνων καὶ μουσικῶν (Vindob. omis. καὶ) λαοῦ πλείστου, οἳ καὶ τὴν Βερώνην καὶ τὴν Ἀχέλων (Vindob. Ἀχελών) κτίσαντες ὑπέστρεψαν κτέ. (Mur. p. 663,19 sqq.). Дальнѣйшій текстъ, представляя значительные варіанты къ Московскому, въ общемъ съ нимъ согласенъ. Послѣ стр. 668,8 читаемъ прямо стр. 668,25—669,22.

Окончаніе царствованія одного Константина уклоняется отъ Московскаго текста и въ самомъ содержаніи: καὶ δὴ παραγενομένου ἐν τῷ παλατίῳ καὶ τῆς μητρὸς αὐτοῦ μὴ παρούσης, μήτε γινωσκούσης τὴν βουλὴν αὐτοῦ (l. αὐτῶν) ἐκτυφλοῦσιν αὐτὸν καὶ μετὰ χρόνον τινὰ τέθνηκε (Vind. fol. 133). Слѣдуетъ царствованіе одной Ирины: Περὶ τῆς βασιλείας Εἰρήνης μητρὸς Κωνσταντίνου μόνης. Μετὰ δὲ Κωνσταντῖνον ἐβασίλευσεν Εἰρήνη, ἡ μήτηρ αὐτοῦ, μόνη ἔτη ς'. ἐφ' ἧς νεωτερισταί τινες φρουρουμένων τῶν υἱῶν τοῦ θεομάχου καὶ κοπρωνύμου ἐν τῷ παλατίῳ Θεραπείας, Κωνσταντίνου καὶ Νικηφόρου (сравн. Муральта стр. 671, подъ текстомъ), πείθουσιν προσφυγεῖν κτέ. Но послѣ εἰς Ἀθήνας читаемъ еще: οὓς δὴ κἀκεῖσέ τινας ἐξαγορεῦσαι βουληθέντες (l. —ντας) ἐξετύφλωσε καὶ τὸ πονηρὸν τοῦ θεοστυγοῦς ἐξέκοψε σπέρμα τοῦ μηκέτι βασιλεύειν καὶ τυραννεῖν καὶ τὴν ἐκκλησίαν τοῦ Χριστοῦ (Vindob. τοῦ θεοῦ) διώκειν. εἶτα πρὸς τὸ παλάτιον ἐλθούσης αὐτῆς τῶν Ἐλευθερίων Νικηφόρος ὁ πατρίκιος καὶ γενικὸς λογοθέτης ἔρχεται σὺν τοῖς ὁμόφροσιν αὐτοῦ νυκτὸς εἰς τὴν χαλκῆν πύλην τοῦ παλατίου, καὶ ὡς δῆθεν παρὰ τῆς βασιλίσσης ἀποσταλεὶς εἰσέρχεται μετὰ λαμπάδων καὶ ὅπλων εἰς τὸ παλάτιον, κἀκεῖθεν ἀποστείλας καθ' ὅλην τὴν πόλιν ἐξευφήμησαν αὐτὸν βασιλέα. Πρωΐας δὲ γενομένης ἡ μὲν ἐν τῷ παλατίῳ κατεκλείσθη, ὁ δὲ βασιλεὺς ὑπὸ πάντων ἀνηγορεύθη διὰ Ταρασίου πατριάρχου.

Царствованіе Никифора начинается краткой замѣткой о ссылкѣ Ирины на островъ Лесбосъ. Затѣмъ слѣдуетъ стр. 673, 21 сл.,

причемъ текстъ Вѣнской и Мюнхенской рукописей полнѣе Московскаго—стр. 674,1 διαδράσαι μὴ ἰσχύσας, ἀλλὰ βίᾳ κατελθὼν ἐν Χρυσοπόλει καὶ περιπολήσας ἡμέρας ν' καὶ μὴ δεχθεὶς ὑπὸ τῆς πόλεως ὑπέστρεψε πρὸς τὰ Μαλάγινα, καὶ δὴ φοβηθεὶς τὸν θεὸν καὶ λογισάμενος κτέ.

Послѣ стр. 676,23 въ Мюнхенской и Вѣнской рукописяхъ слѣдуетъ прямо стр. 677,4 ὅθεν ἡ γραφὴ κτέ. Конецъ царствованія Никифора отличается отъ его окончанія въ Московской рукописи: за стр. 677,14 читаемъ еще (какъ у Ѳеофана): πλὴν ἔφασάν τινες τῶν ἀκριβεστέρων, ὅτι πεσόντα χριστιανοὶ (Vindob. fol. 134 χριστιανός) τοῦτον ἐπέτρωσαν, ὡς αἴτιον τῆς τούτων πανωλεθρίας. ὁ δὲ υἱὸς αὐτοῦ Σταυράκιος, πληγωθεὶς καιρίως κατὰ τοῦ δεξιοῦ μηροῦ καὶ μόγις ἐξελθὼν τῆς μάχης, φορείῳ τὴν πόλιν κατέλαβε. Такимъ образомъ стр. 677, 18—19 Муральта въ Московской рукописи не на своемъ мѣстѣ. Монастырь, гдѣ умеръ Ставракій, въ Вѣнской рукописи, согласно съ Ѳеофаномъ, называется τὰ Ἑβραϊκά (отсюда τὰ Βραχά Cedren.), въ Мюнхенской τὰ Σταυρακινά (Московская рукопись, Левъ Гр. Σταυρακά).

На стр. 677 — 679 уже Муральтомъ приведены разночтенія Мюнхенской рукописи, кромѣ того для царствованія Льва Армянскаго отсылаемъ читателя къ статьѣ Фр. Лаухерта о Страссбургской рукописи Георгія Монаха. Какъ для царствованій отъ Льва Великаго до Анастасія, такъ и здѣсь Лаухертъ отмѣтилъ много сходнаго съ Coislin. 310 въ текстѣ Страссбургской (а слѣдовательно и Мюнхенской и Вѣнской рукописей). Стр. 680,7 — 681,2 отсутствуетъ и въ этой древней рукописи (Коаленевой), и въ Вѣнской съ Мюнхенскою. Весьма часто и разночтенія Мюнхенской и Вѣнской рукописей сходятся съ чтеніями Коаленевыхъ рукописей, и большія отступленія ихъ отъ печатнаго текста хроники повторяются въ Мюнхенской и Вѣнской рукописяхъ (напримѣръ, на стр. 691 у Муральта подъ текстомъ).

Однако, начиная съ царствованія преемника Льва Армянина, текстъ Мюнхенской и Страссбургской рукописей мѣняетъ редакцію и начинаетъ сближаться съ Московскою и Парижскою. Напротивъ, Вѣнская рукопись еще и въ царствованіи Михаила II, гдѣ она обрывается, представляетъ текстъ по прежнему сходный съ Коаленевой редакціей (cf. Vindob. fol. 137ᵛ—138), раздѣляя съ нею какъ болѣе значительныя (срав. стр. 694, 695 у Муральта подъ текстомъ), такъ и мелкія отступленія ея отъ напечатаннаго у Муральта текста Московской рукописи.

Эта близость съ Коаленевой редакціей, простирающаяся въ Вѣн-

ской рукописи далѣе, чѣмъ въ Мюнхенской (срав. также въ царствованіяхъ Льва Великаго и Анастасія), придаетъ вѣсъ и различіямъ Вѣнской рукописи отъ Мюнхенской въ составѣ ея текста вообще. Мы видѣли, дѣйствительно, примѣры, что въ Вѣнской рукописи или опущено совсѣмъ, или входитъ (въ текстъ или) на поля какъ схоліи, многое такое, что помѣщено въ текстъ Мюнхенскихъ рукописей. Различія въ составѣ, перестановки въ Московской рукописи сравнительно съ Мюнхенскою и Вѣнскою очень значительны.

Во многихъ случаяхъ сопоставленіе съ источникомъ Георгія Монаха, Θеофаномъ, могло бы подтвердить, что и составъ, и порядокъ изложенія въ двухъ послѣднихъ рукописяхъ ближе къ первоначальному содержанію хроники, чѣмъ въ Московской рукописи [1]).

1) Занимаясь въ настоящее время въ Парижѣ сличеніемъ съ Московскимъ текстомъ хроники Георгія двухъ Коаленевыхъ рукописей (№ 134 и № 305), мы только теперь могли должнымъ образомъ оцѣнить Вѣнскую рукопись. Если и Мюнхенскія рукописи часто сходятся съ первоначальною краткою редакціею хроники Коаленевыхъ, то Вѣнская еще ближе къ послѣднимъ и по краткости, и по редакціи текста вообще. Так. обр. ошибочно было говорить о сокращеніи и сократителѣ тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ именно болѣе полный текстъ слѣдуетъ считать позднѣйшимъ распространеніемъ основной, краткой редакціи хроники.

Парижъ. 24 сентября 1895 г.

С. Шестаковъ.

Старое свидѣтельство о Положеніи ризы Богородицы во Влахернахъ въ новомъ истолкованіи примѣнительно къ нашествію Русскихъ на Византію въ 860 году.

Парижское, Венеціанское и Боннское изданія византійскихъ писателей, послѣ нашихъ лѣтописей, прежде всего обратили на себя вниманіе ученыхъ по вопросу о первомъ нашествіи Русскихъ на Константинополь. Житіе патріарха Игнатія, написанное Никитою Пафлагоняниномъ, извѣстно было также съ давняго времени; позже указано было на греческую рукопись Эскуріальской Библіотеки, содержащую въ себѣ, между прочимъ, двѣ рѣчи патріарха Фотія по поводу Русскаго нашествія[1]). Въ 1859—1861 годахъ появился греческій текстъ Георгія инока вмѣстѣ съ ея продолженіемъ[2]), а въ 1864 году наконецъ и самыя бесѣды Фотія[3]). Появленіе книги знаменитаго архимандрита Порфирія Успенскаго дало новый сильнѣйшій толчекъ въ дѣлѣ изученія первой страницы нашей исторіи и, такъ сказать, заслонило собою доселѣ извѣстныя свидѣтельства. Быть можетъ отчасти поэтому, когда въ томъ же году другимъ русскимъ ученымъ мимоходомъ высказана была новая точка зрѣнія на одно византійское церковное слово, напечатанное еще въ XVII столѣтіи, какъ на произведеніе IX (вмѣсто VII) вѣка, и на варварское нападеніе

---

1) А. А. Куникъ (ср. Muralt, Essai de chronographie byzantine, 1855, p. 440; архіепископъ Филаретъ, Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣнія греческой церкви. Черниговъ, 1864 стр. 343, 348).

2) Χρονιχὸν σύντομον ὑπὸ Γεωργίου ἁμαρτωλοῦ μοναχοῦ, ed. de Muralt, Petropoli 1859 (Учен. Записки 2-го отд. Академіи Наукъ, 1861).

3) Порфирій Успенскій. Четыре Бесѣды Фотія. Спб. 1864. Въ болѣе исправномъ видѣ первыя двѣ рѣчи изданы акад. Наукомъ (Lexicon Vindobonense. Petropoli 1867, p. 201—232), C. Müller'омъ (Fragmenta historicorum graecorum. Paris. 1870 V) и С. Аристархисомъ (въ греческой Константинопольской газетѣ Ἀλήθεια, 1881, № 9 и 13).

на Византію, о которомъ въ немъ говорится, какъ на набѣгъ Русскихъ (вмѣсто Аваровъ)[1]), — это мнѣніе было какъ-то затерто и съ тѣхъ поръ не пускалось въ оборотъ въ ученой литературѣ.

Ознакомившись по Бесѣдамъ Фотія съ подробностями нападенія— причиною, характеромъ и результатами его—мы, казалось, не могли уже болѣе ожидать ничего новаго по этому небольшому вопросу; дальше идти, казалось, было некуда. Изданіе Наука, впрочемъ, исправило текстъ рѣчей Фотія въ нѣкоторыхъ весьма важныхъ мѣстахъ; напримѣръ прочитанное Порфиріемъ ἀλοεῖς (стр. 3) означало на самомъ дѣлѣ только ἄλλους (р. 203): недоразумѣніе и связанное съ нимъ ложное объясненіе причины, будто бы нашествіе на Константинополь вызвано было убійствомъ Греками русскихъ молотильщиковъ, указаны и обслѣдованы были В. Гр. Васильевскимъ[2]). Оставался еще почти открытымъ вопросъ о времени этого нашествія. Обыкновенно относили походъ къ 865 году (теорія А. А. Куника); но проф. Голубинскій, сопоставляя контексты житія патріарха Игнатія и нѣкоторыхъ хроникъ, гдѣ о нашествіи Русскихъ разсказано вслѣдъ за сверженіемъ Игнатія (857) и передъ землетрясеніемъ (861), пришелъ къ заключенію, что походъ долженъ быть отнесенъ къ 860 году. Догадка эта блистательно оправдалась прошлогоднимъ открытіемъ греческаго лѣтописца, въ которомъ время русскаго похода опредѣлено самымъ точнымъ образомъ: *μηνὶ ἰουνίῳ ιη' <ἰνδικτιῶνος> η' ἔτους, ςτξη' τῷ ε' ἔτει τῆς ἐπικρατείας αὐτοῦ* (имп. Михаила), то-есть, 18-го іюня 860 года[3]). На основаніи этого сообщенія и по сопоставленіи и тщательномъ сличеніи его со свѣдѣніями другихъ источниковъ, В. Гр. Васильевскій доказывалъ необходимость отказаться отъ мнѣнія А. А. Куника и относить походъ Аскольда и Дира на Константинополь къ 860 году[4]). Въ вышедшей недавно послѣдней въ этомъ году книжкѣ Byzantinische Zeitschrift извѣстный византинистъ К. де-Booръ посвятилъ нѣсколько страницъ своего изслѣдованія вопросу о достовѣрности этой даты и также призналъ ее единственно правильною. Въ такомъ положеніи и находится вопросъ въ настоящее время. Чувствовалась еще довольно рѣзкая разница между свидѣтельствомъ Фотія и

1) **Филаретъ**, стр. 347—348.

2) В. **Васильевскій**, Русско-византійскіе отрывки: Ж. М. Н. П. 1878, I.

3) Fr. **Cumont**, Anecdota Bruxellensia. Chroniques byzantines. Gand. 1894, p. 33.

4) См. «Византійскій Временникъ» 1894, стр. 259; сообщеніе акад. Васильевскаго, какъ замѣчено здѣсь, будетъ напечатано въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ этого журнала.

Продолжателемъ Георгія (=нашею Лѣтописью), долженствующимъ теперь, послѣ изслѣдованія акад. Васильевскаго[1]), называться Симеономъ Логоѳетомъ; но рѣшеніе имъ русскаго вопроса 860 г. запоздало обнародованіемъ, будучи опережено упомянутымъ нѣмецкимъ ученымъ. Впрочемъ, задолго до появленія «Der Angriff der Rhos auf Byzanz» г. Боора и мы въ настоящей статьѣ пришли къ тому же выводу и даже, думаемъ, къ большимъ результатамъ...

Въ предлагаемой замѣткѣ мы желали бы снова обратить вниманіе ученыхъ на то церковное слово, о которомъ говорилъ архіепископъ Филаретъ, привести новыя соображенія въ пользу принадлежности его къ IX вѣку и высказать свой взглядъ на нашествіе Русскихъ въ 860 году. Интересующій насъ памятникъ есть Слово на положеніе ризы Богородицы во Влахернахъ.

Въ одномъ изъ рѣдкихъ и довольно неисправныхъ изданій Комбефиса напечатаны три статьи одного содержанія, касающіяся морскихъ набѣговъ на Византію, именно: 1) Διήγησις ὠφέλιμος ἐκ παλαιᾶς ἱστορίας συλλεγεῖσα καὶ ἀνάμνησιν δηλοῦσα τοῦ παραδόξως γενομένου θαύματος, ἡνίκα Πέρσαι καὶ βάρβαροι τὴν βασιλίδα ταύτην πολέμῳ περιεκύκλωσαν, οἱ καὶ ἀπώλοντο θείας δίκης πειραθέντες, ἡ δὲ πόλις ἀσινὴς συντηρηθεῖσα πρεσβείαις τῆς θεοτόκου, ἐτησίως ἔκτοτε ᾄδει εὐχαριστήριον ἀκάθιστον τὴν ἡμέραν κατονομάζουσα (Нач. Ἐν τοῖς χρόνοις Ἡρακλείου τοῦ τῶν Ῥωμαίων βασιλέως); 2) Εἰς κατάθεσιν τῆς τιμίας ἐσθῆτος τῆς θεομήτορος ἐν Βλαχέρναις (Нач. Θεῖά τινα καὶ μεγάλα μυστήρια), и 3) Ἐγκώμιον εἰς τὴν κατάθεσιν τῆς τιμίας ζώνης τῆς ὑπεραγίας δεσποίνης ἡμῶν θεοτόκου (Нач. Τίς ὁ φαιδρὸς σύλλογος οὗτος)[2]).

Въ *первомъ*, историческомъ, сочиненіи, приписанномъ въ Патрологіи Миня (XCII. 1348—1372) перу Георгія Писиды, описываются три морскихъ похода на Византію: а) Персовъ и Аваровъ въ 626 году. Авары явились съ безчисленнымъ множествомъ моноксилъ, доходили до Пиги и стояли передъ городомъ 10 дней; полководецъ Бонъ укрѣплялъ стѣны и отражалъ натискъ враговъ; патріархъ Сергій для заключенія мира послалъ дары кагану, но этотъ, принявъ подарки, условія мира отвергъ; тогда Сергій носилъ по городскимъ стѣнамъ Нерукотворенный образъ Спаса, иконы Богородицы, ризу Ея и честное древо Креста;

1) Визант. Врем., 1895, стр. 119.

2) Fr. Combefis. Historia haeresis monothelitarum... (= Novum Auctarium bibl. Patr.). Paris. 1648, II. 806—826, 751—786, 790—802.

непріятельскій флотъ около Влахернъ погибъ отъ бури и Авары бѣжали[1]); б) Сарацинъ въ царствованіе императора Константина Погоната (668—685) въ теченіи семи лѣтъ; они доходили до Евдома; флотъ ихъ разбитъ бурею; и в) Сарациъ въ 716 году съ флотомъ въ 1800 кораблей: они расположились отъ Магнавры до Кикловія, пытались проникнуть по Золотому Рогу къ Влахернамъ и вошли въ Стенъ; народъ ходилъ по городу съ древомъ Креста и иконою Богородицы; непріятельскій флотъ разбитъ бурею и сожженъ греческимъ огнемъ; спаслось всего 10 кораблей. Во *второмъ*, историческомъ же, сочиненіи описывается морской набѣгъ *враговъ* на Византію: патріархъ носилъ ризу Богородицы, причемъ враги удалились, и торжественно положилъ ее во Влахернахъ. Въ *третьемъ*, литературномъ, сочиненіи, приписываемомъ перу патріарха Германа (714—730), воздается похвала Поясу и Ризѣ Богородицы, святынямъ, которыя не разъ охраняли Константинополь отъ нашествія варваровъ[2]).

Слово на положеніе ризы извѣстно въ слѣдующихъ греческихъ спискахъ: а) Ms. (Regius) Parisinus, по которому оно издано Комбефисомъ; здѣсь оно анонимно, но въ оглавленіи кодекса помѣщено въ числѣ произведеній Георгія митрополита Никомидійскаго (τοῦ αὐτοῦ); б) Ms. (Colb. 977) Parisinus 1453, XII в., л. 129—139 (*Omont*. Inventaire, II. 47); в) Ms. Bavaric. 226 (*Hardt*, ed. 1805, V, 527), безъ предисловія, нач.: Λέων ὁ μέγας ὁ κατ' ἐκείνῳ (у *Combefis* II. 758); г) Ms. Bavaric. 146, XI в., л. 369—383 (*Hardt*. Catal. codd. ms. bibl. reg. Bavaricae. Monachii 1806, II. 154—155): Θεοδώρου πρεσβυτέρου τῆς μεγάλης ἐκκλησίας καὶ συγκέλλου λόγος δηλῶν τὸν τόπον καὶ τὸν χρόνον καὶ τὸν τρόπον, καθ' οὓς ἐφανερώθη ἡ θεία ἐσθὴς τοῦ (sic) θεοτόκου, ἡ ἀποκειμένη ἐν τῇ σεβασμίᾳ σορῷ τῇ. ἐν Βλαχέρναις προσκυνομένη (Нач. Θεῖά τινα)[3]); д) Ms. Taurin. LXX. c. III. 13, XIV в.,

1) Ср. Г. **Ласкинъ**. Ираклій. Харьковъ, 1889, стр. 54—59.

2) **Combefis**, II. 799: ὦ σκεύη τίμια καὶ ἱερὰ καὶ σεβάσμια, ζώνη λέγω καὶ ἐσθής — βαρβάρων ὀλετήρια, ἃ δὴ πλεονάκις ἱεραρχῶν χερσὶν ἱεραῖς ὅλον περὶξ τὸ τεῖχος περιϊόντα καὶ τὴν βασιλίδα τῶν πόλεων περικυκλοῦντα, ἀπρόοπτον ὄλεθρον τοῖς περικαθημένοις αὐτὴν ἔθνεσιν ἐπέσεισαν, τῆς ὑπερμάχου δηλαδὴ στρατηγοῦ — ἀδόκητόν τε σωτηρίαν τῷ οἰκείῳ λαῷ περιποιησαμένης. Въ другомъ греческомъ похвальномъ словѣ на положеніе Пояса, по славянскому переводу, та же мысль выражена такъ: «по вся же времена, въ нашествіе иноплеменникъ, взимающе той (поясъ), обхожааху по стенамъ града, прилагающе тому твердо огражeніе заступленіемъ Богоматере, варвары же, не терпяще побѣжденія, въскорѣ отбѣгаху» (рукопись Общ. Люб. Др. Письм. F. XLVIII. 545).

3) За доставленіе намъ варіантовъ изъ этого кодекса въ важнѣйшей для насъ части Слова приносимъ глубочайшую благодарность проф. Карлу Крумбахеру въ Мюнхенѣ.

л. 214—228 (*Pasinus*. Codd. ms. bibl. reg. Taurinensis Athenaei. Taurini 1749, I. 166): Θεοδώρου — τῆς θεοτόκου — ἐν Βλαχέρναις (оп. προσκυνομένη, нач.: Θεῖά τινα); е) Ms. Athonens. Vatop., ж) Ms. Athonens. Iber., з) Ms. Athonens. Laur., — всѣ три списка съ именемъ пресвитера Ѳеодора, по указанію Дукаки[1]).

Подробное изложеніе Слова сдѣлано въ книгѣ Агапія Καλοχαιρινή, а отсюда у К. Δουκάκη Μέγας Συναξαριστὴς ἤτοι χρυσόλιθος. Ἀθήν. 1893, іюль, σ. 8—16.

Изъ славянскихъ списковъ Слова назовемъ слѣдующіе: а) Троице-Сергіевой Лавры (Л) 678, XV—XVI в., л. 9—25 (А-ій. Описаніе рукописей, М. 1879, III. 33); б) Имп. Публ. Библіотеки (П) F. I. 257, XVI в., л. 496—504 об. (Калайдовичъ и Строевъ. Описаніе рукописей гр. Толстаго, М. 1825 стр. 187); в) Имп. Общ. Люб. Древн. Письм. (О) F. XLVIII, XVI—XVII в., л. 197 (нашего Описанія рукописей, Спб. 1892, I. 104); г) Казанской Духовной Академіи (К[1]) 369 (83), XV в., л. 325 (по Описанію, I. 682); д) Казанской Духовной Академіи (К[2]) 634 (516), XVII в., л. 9 и 21 (по Описанію II. 451): двѣ редакціи. Заглавіе Слова читается здѣсь слѣдующимъ образомъ: «Слово, являя мѣсто и время и вину, воньже (Л, в нейже П, понеже

1) Въ cod. Synod. Mosq. 382, 1063 г., л. 159 об. читаемъ (архим. Владиміръ. Систем. опис. рукоп. Московской Синод. библіотеки, М. 1894 стр. 576): Λόγος διαλαμβάνων τὰ ἀπὸ τῆς σεβασμίας γεννήσεως καὶ ἀνατροφῆς θεοτόκου, τῆς γεννήσεως Χριστοῦ καὶ ὅσαι μέχρι τῆς ζωηφόρου αὐτῆς συνέδραμε τελευτῆς, προσέτι καὶ περὶ τῆς φανερώσεως τῆς τιμίας αὐτῆς ἐσθῆτος (л. 186) καὶ ὅπως ὁ μέγας οὗτος πλοῦτος χριστιανοῖς τεθησαύρισται. Μηνὶ αὐγούστῳ ιε΄ (Нач. Ἐχρῆν ἀληθῶς τὴν παρθένον); тоже и въ ms. Synod. Mosq. 383, XI в. (Владиміръ, стр. 577); въ cod. Escurial. y. II. 11, XIII в., л. 101—123 (Miller. Cat. des ms. grecs. Paris 1848 p. 277): Ὑπόμνημα διαλαμβάνον τὰ ἀπὸ τῆς σεβασμίας γεννήσεως καὶ ἀνατροφῆς τῆς ὑπεραγίας θεοτόκου κτλ.; въ cod. Athonens. Iber., Athon. Laur. и cod. Synod. Mosq. 390, XII в., л. 226—232 (Владиміръ, стр. 587) Λόγος περὶ τῆς τιμίας ἐσθῆτος θεοτόκου, πῶς ἐφανερώθη καὶ ὅπως ὁ μέγας οὗτος πλοῦτος τεθησαύρισται παρ' ἡμῖν (Нач.: Ἀλλὰ τῆς μὲν θείας ταφῆς τοῦ ζωηφόρου σώματος). Но о московскихъ, аѳонскихъ и эскуріальскомъ манускриптахъ мы должны сдѣлать замѣчаніе въ томъ смыслѣ, что всѣ они отличаются отъ изданія (Комбефиса) совершенно и свидѣтельствуютъ, что сказаніе о положеніи ризы Богородицы во Влахернахъ составляетъ здѣсь лишь отличную часть болѣе обширнаго повѣствованія вообще о Богоматери. Въ cod. 382 и 383, судя по заключительной замѣткѣ писца, Слово приписано Симеону Метафрасту, перу котораго, быть можетъ, принадлежитъ и редакція cod. 390. Дѣйствительно, Метафрастъ написалъ обширное слово о пресв. Богородицѣ, въ которомъ между прочимъ распространился и о принесеніи ея ризы изъ Іерусалима въ Константинополь; греческій подлинникъ его не изданъ; но уже Комбефисъ замѣтилъ, что произведеніе Симеона есть только дальнѣйшая обработка парижской редакціи: Метафрастъ многое опустилъ изъ этой послѣдней и предложилъ въ свою очередь нѣсколько новыхъ чертъ. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ особымъ сочиненіемъ, поэтому и оставляемъ его въ сторонѣ.

днесь О) явися святая риза Богородицы, яже лежитъ въ честнѣмъ ковчезѣ, ейже (Л, і ей П, иже О) въ Влахернѣ покланяются» (нач.: Божія нѣкія). О и П могутъ считаться представителями двухъ переводовъ парижской редакціи - изданія (съ полнымъ заглавіемъ), причемъ П изобилуетъ частыми и важными пропусками; тоже, повидимому, можно сказать и о $К^1$ и $К^2$.

Вопросъ объ авторѣ Слова пока не можетъ считаться окончательно установленнымъ. Рукописное преданіе, говоря о Ѳеодорѣ и Георгіи, по всей вѣроятности разумѣетъ Ѳеодора, пресвитера, синкелла и скевофилакса Св. Софіи, бывшаго потомъ патріархомъ Константинопольскимъ (677—679), и Георгія, пресвитера, синкелла и скевофилакса Св. Софіи, бывшаго потомъ также патріархомъ (679—684)[1]). Сообразно съ этимъ, Слово и относилось доселѣ къ VII столѣтію[2]). Но при этомъ встрѣчаются два затрудненія: Георгій, авторъ Слова, былъ не скевофилаксомъ, а хартофилаксомъ Св. Софіи, и въ послѣдствіи архіепископомъ Никомидійскимъ, то-есть долженъ считаться отличнымъ отъ Георгія — патріарха. Такіе ученые, какъ Левъ Алляцій, Комбефисъ, Кевъ, Уденъ и др. не придаютъ особеннаго значенія рукописному свидѣтельству кодексовъ, надписанныхъ именемъ Ѳеодора,—они всецѣло занимаются личностью именно Георгія. Алляцій отнесъ время появленія Слова къ VII в., предполагая, что подъ Георгіемъ хартофилаксомъ скрывается Георгій Писида. Эта странная ошибка (ибо Писида писалъ исключительно стихами и къ тому же не былъ епископомъ Никомидійскимъ) была замѣчена уже Кевомъ, который однако, дѣлая уступку Алляцію, находитъ возможнымъ приписать Слово Георгію хартофилаксу, митрополиту Никомидіи, VII же столѣтія. Но личность Георгія, какъ именно митрополита VII вѣка, совсѣмъ не установлена и введена исключительно для поддержанія предположенія Алляція; напротивъ, хорошо извѣстенъ хартофилаксъ Св. Софіи Георгій, другъ патріарха Фотія, извѣстный проповѣдникъ, въ послѣдствіи митрополитъ Никомидійскій, къ которому сохранилось нѣсколько писемъ этого патріарха.

---

1) Nicephor. Opera, ed. Boor, 119; по Никифору, Ѳеодоръ правилъ 2 г. и 3 м., Георгій 2 г. и 3 м., затѣмъ снова Ѳеодоръ, смѣщенный черезъ 1 г. и 10 м.; по Ѳеофану (ed. de Boor, I. 354—362), Ѳеодоръ 2 г., Георгій 6 л., Ѳеодоръ снова 3 года. См. также Ephraem. 395 Bonn. и Niceph. Call. (Migne, Patr. Gr., CXLVII. 457).

2) Ср. Ὡρολόγιον τὸ μέγα (Βενετία 1870 σ. 330): περίφημον δὲ γενόμενον μετὰ ταῦτα (V вѣка) διὰ τὴν τῶν Ἀβάρων καταστροφήν.

Вотъ однако доказательства тому, что въ VII в. авторъ не могъ написать разбираемаго здѣсь Слова: 1) При нападеніи Аваровъ въ 626 году императора Ираклія не было въ столицѣ,—онъ воевалъ въ Персіи; между тѣмъ здѣсь авторъ говоритъ, что вѣрный царь вмѣстѣ съ патріархомъ молился въ церкви объ избавленіи отъ бѣдствія[1]), а это какъ разъ совпадаетъ съ извѣстіемъ 860 года; 2) въ 626 г. осажденные Греки съ патрикіемъ Бономъ во главѣ оказывали отпоръ нападеніямъ Аваровъ, — въ Словѣ напротивъ разсказывается, что объ оборонѣ никто не помышлялъ, что опять-таки указываетъ на 860 годъ; 3) Слово о положеніи ризы не было извѣстно византійскимъ писателямъ до X вѣка: ни Θеофанъ, ни Никифоръ, ни Георгій инокъ не знаютъ о немъ совершенно, напротивъ, имъ пользовались: редакторы Софійскаго типика въ концѣ IX вѣка, интерполяторъ Георгія, редакторъ Василіева Менологія (XI в.), и т. д.; 4) авторъ Слова молитъ Богородицу продлить жизнь преподобному іерарху, просвѣщающему (φωτίζοντα) народъ, и долгоденственное царство вѣрнымъ *царямъ:* намъ кажется очевиднымъ, что подъ патріархомъ, вмѣсто имени котораго предлагается игра словомъ φωτίζοντα, долженъ быть патріархъ Фотій (Φώτιος, 857—867, и пр.), а стало быть подъ царями подразумѣваться имп. Михаилъ съ соимператоромъ Василіемъ (26 мая 866—23 сентября 867); 5) Описаніе осады Константинополя врагами подъ перомъ Георгія оказывается аналогичнымъ съ описаніемъ нашествія Русскихъ подъ перомъ патріарха Фотія.

Думаемъ, что этихъ соображеній достаточно для установленія того положенія, что Слово о положеніи ризы Богородицы во Влахернахъ принадлежитъ Георгію, хартофилаксу Св. Софіи половины IX столѣтія. Сначала онъ въ этомъ именно санѣ и состоялъ; по сверженіи Фотія (867—878) онъ подвергался разнымъ преслѣдованіямъ; въ 878 г. при вторичномъ вступленіи патріарха на престолъ онъ занялъ каѳедру Никомидійской церкви съ титуломъ архіепископа[2]). Какъ видно, Георгій произнесъ слово въ 866—867 году по порученію одного лица[3]). Не надо быть слишкомъ дальновиднымъ, чтобы допустить, что такимъ

---

1) Правда, по свидѣтельству Никифора (ed. Boor, p. 18), патр. Сергій вмѣстѣ съ *императоромъ* Константиномъ (12-лѣтнимъ сыномъ Ираклія) служилъ благодарственный молебенъ по случаю ухода Аваровъ.

2) Le Quien. Oriens christianus, I. 593; Филаретъ, стр. 345—347; Hergenröther. Photius, I. 404.

3) Combefis, II. 751: τῷ δὲ τοῦτο πρᾶξαι κελεύσαντι μὴ ὑπακοῦσαι κρίνας ἐπισφαλὲς ἅμα καὶ ἐπικίνδυνον.

лицомъ могъ быть самъ патріархъ Фотій. При немъ и по его почину совершилось торжественное положеніе ризы, — онъ и могъ поручить своему другу описать это событіе, какъ онъ поручилъ составить службу по этому же поводу Св. Іосифу Пѣснописцу. Описанное Георгіемъ въ связи съ положеніемъ ризы нашествіе и отступленіе враговъ, есть нашествіе Русскихъ, такъ какъ при Фотіи Константинополь одинъ только разъ видѣлъ передъ своими стѣнами непріятельскія полчища, именно русскія въ іюнѣ 860 года.

Считаемъ необходимымъ изложить здѣсь содержаніе первой половины Слова, тѣмъ болѣе, что съ измѣненіемъ на него точки зрѣнія должны получить новое освѣщеніе и сообщаемыя въ немъ свѣдѣнія.

«Божественныя нѣкія и великія тайны, проявленія Божія человѣколюбія, сдѣлались извѣстными не за много нашихъ поколѣній, преславнѣе же и рельефнѣе онѣ обнаружились въ наше время, и всѣ мы, сколько почти насъ живетъ въ этомъ богохранимомъ великомъ градѣ, были ихъ самовидцами и зрителями. Не подобаетъ скрывать ихъ въ молчаніи, и неприлично божественныя тайны скрывать въ глубинѣ забвенія; поэтому я попытаюсь разсказать, на сколько это возможно, о проявленныхъ такимъ образомъ тайнахъ, какъ бы забывъ о своемъ невѣжествѣ и не понявъ, по пословицѣ, собственнаго невѣдѣнія[1]). Не повиноваться же поручившему мнѣ это исполнить я считалъ дѣломъ шаткимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опаснымъ. Я знаю, что рѣчь (моя) покажется недостойною даже и малаго какого либо отголоска событій; но никто, видя значеніе столь высокаго и возвышеннаго, да не отнесется высокомѣрно къ незначительности рѣчи и невѣжеству говорящаго. Божественное и должно считаться божественнымъ и сверхчеловѣчнымъ, хотя говорящій и не имѣетъ возможности достигнуть желаемаго: вѣдь никогда не умаляется величіе дѣлъ, хотя слова и не достаточны для ихъ объясненія. Теперь же начнется предметъ этихъ божественныхъ тайнъ». Обращаясь затѣмъ въ молитвенномъ настроеніи къ пресв. Богородицѣ, авторъ проситъ научить его достойно воспѣть Ея тайны, и далѣе говоритъ: «Сей царственный и богохранимый градъ, который говорящій или пишущій долженъ съ похвалою называть «Градомъ Богородицы», украшенъ многими, до безконечной мѣры простирающимися (если не грубо это слово), божественными храмами; выше же громадной части и числа ихъ стоятъ божественные храмы Дѣвы

1) Τὴν ἰδίαν ἀγνοήσας, τὸ δὴ λεγόμενον, ἄγνοιαν.

Богоматери. Одни заняли одну часть города, другіе другую, и никто не нашелъ бы общественнаго мѣста, царскаго дворца, смиреннаго жилища, или какого либо правительственнаго учрежденія, гдѣ бы не было храма или молитвеннаго дома Богородицы. Всюду на землѣ, гдѣ провозвѣщена была тайна Бога Слова, Рождьшая Его Богородица постоянно воспѣвается и хвалится, какъ будто Она воспріяла въ себя вмѣстѣ всю главу божественнаго вочеловѣченія. Но сей царь-градъ имѣетъ нѣчто изрядное во всякомъ мѣстѣ: въ стольких храмахъ и молитвенныхъ домахъ Богородица прославляется, вдохновенно почитается, или чисто восхваляется всечистое имя (Ея), и оно вполнѣ считается стѣною и забраломъ спасенія. Весь городъ такъ блистаетъ и возносится въ этой красотѣ. Изъ всѣхъ же этихъ храмовъ и молитвенныхъ домовъ по всему городу, прославляемыхъ и почитаемыхъ во имя Богородицы, какъ бы нѣкою главою и митрополіею служитъ славный и божественный храмъ Ея во Влахернахъ, выдѣляющійся передъ всѣми и превосходящій всѣ, какъ солнце совершенно выдѣляется и превосходитъ небесныя звѣзды; храмъ во Влахернахъ, вѣрится, есть какъ бы какое либо царское священнѣйшее и божественнѣйшее жилище. По этому и во многихъ другихъ городахъ нѣкоторые изъ благочестивыхъ, воздвигая дома Богородицы, называли эти мѣста Влахернами, какъ будто Богородица особенно радуется имени Влахернъ. По истинѣ Чистая радуется мѣсту, возвеличивая и украшая всякое святое мѣсто своею славою. Поэтому и всѣ, такъ сказать, архіереи, цари и сколько есть подвластныхъ имъ, должностныя лица, чиновники и сколько есть людей, живущихъ частною жизнію, стекаясь во Влахерны, приносятъ благодаренія Богу и Богородицѣ по поводу всякаго радостнаго общественнаго событія и своего частнаго дѣла; но и тяжесть всякаго печальнаго обстоятельства облегчаютъ они, прибѣгая во Влахерны. Я умалчиваю о безмѣрномъ числѣ тамъ исцѣлившихся отъ разныхъ болѣзней, чтобы при затрудненіи въ рѣчи не умалить великаго. Итакъ, вообще сказать, божественный храмъ Богородицы во Влахернахъ есть хранилище всякой спасительной для насъ надежды, въ которомъ и изъ котораго мы брали и будемъ брать все, что есть и будетъ добраго. По истинѣ Виѳлеемъ освященъ и прославленъ божественною славою. Ибо тамъ Богородица однажды въ исполненіи вѣковъ плотію родила Бога Слово, а въ этомъ божественнѣйшемъ храмѣ ежечасно молящимся рождаетъ Она Божіе человѣколюбіе и помощь. Итакъ, повторяю снова, божественный

днесь О) явися святая риза Богородицы, яже лежитъ въ честнѣмъ ковчезѣ, ейже (Л, і ей П, иже О) въ Влахернѣ покланяются» (нач.: Божія нѣкія). О и П могутъ считаться представителями двухъ переводовъ парижской редакціи - изданія (съ полнымъ заглавіемъ), причемъ П изобилуетъ частыми и важными пропусками; тоже, повидимому, можно сказать и о $К^1$ и $К^2$.

Вопросъ объ авторѣ Слова пока не можетъ считаться окончательно установленнымъ. Рукописное преданіе, говоря о Ѳеодорѣ и Георгіи, по всей вѣроятности разумѣетъ Ѳеодора, пресвитера, синкелла и скевофилакса Св. Софіи, бывшаго потомъ патріархомъ Константинопольскимъ (677—679), и Георгія, пресвитера, синкелла и скевофилакса Св. Софіи, бывшаго потомъ также патріархомъ (679—684)[1]. Сообразно съ этимъ, Слово и относилось доселѣ къ VII столѣтію[2]. Но при этомъ встрѣчаются два затрудненія: Георгій, авторъ Слова, былъ не скевофилаксомъ, а хартофилаксомъ Св. Софіи, и въ послѣдствіи архіепископомъ Никомидійскимъ, то-есть долженъ считаться отличнымъ отъ Георгія — патріарха. Такіе ученые, какъ Левъ Алляцій, Комбефисъ, Кевъ, Уденъ и др. не придаютъ особеннаго значенія рукописному свидѣтельству кодексовъ, надписанныхъ именемъ Ѳеодора,—они всецѣло занимаются личностью именно Георгія. Алляцій отнесъ время появленія Слова къ VII в., предполагая, что подъ Георгіемъ хартофилаксомъ скрывается Георгій Писида. Эта странная ошибка (ибо Писида писалъ исключительно стихами и къ тому же не былъ епископомъ Никомидійскимъ) была замѣчена уже Кевомъ, который однако, дѣлая уступку Алляцію, находитъ возможнымъ приписать Слово Георгію хартофилаксу, митрополиту Никомидіи, VII же столѣтія. Но личность Георгія, какъ именно митрополита VII вѣка, совсѣмъ не установлена и введена исключительно для поддержанія предположенія Алляція; напротивъ, хорошо извѣстенъ хартофилаксъ Св. Софіи Георгій, другъ патріарха Фотія, извѣстный проповѣдникъ, въ послѣдствіи митрополитъ Никомидійскій, къ которому сохранилось нѣсколько писемъ этого патріарха.

---

1) Nicephor. Opera, ed. Boor, 119; по Никифору, Ѳеодоръ правилъ 2 г. и 3 м., Георгій 2 г. и 3 м., затѣмъ снова Ѳеодоръ, смѣщенный черезъ 1 г. и 10 м.; по Ѳеофану (ed. de Boor, I. 354—362), Ѳеодоръ 2 г., Георгій 6 л., Ѳеодоръ снова 3 года. См. также Ephraem. 395 Bonn. и Niceph. Call. (Migne, Patr. Gr., CXLVII. 457).

2) Ср. Ὡρολόγιον τὸ μέγα (Βενετίᾳ 1870 σ. 330): περίφημον δὲ γενόμενον μετὰ ταῦτα (V вѣка) διὰ τὴν τῶν Ἀβάρων καταστροφήν.

Вотъ однако доказательства тому, что въ VII в. авторъ не могъ написать разбираемаго здѣсь Слова: 1) При нападеніи Аваровъ въ 626 году императора Ираклія не было въ столицѣ,—онъ воевалъ въ Персіи; между тѣмъ здѣсь авторъ говоритъ, что вѣрный царь вмѣстѣ съ патріархомъ молился въ церкви объ избавленіи отъ бѣдствія[1]), а это какъ разъ совпадаетъ съ извѣстіемъ 860 года; 2) въ 626 г. осажденные Греки съ патрикіемъ Бономъ во главѣ оказывали отпоръ нападеніямъ Аваровъ, — въ Словѣ напротивъ разсказывается, что объ оборонѣ никто не помышлялъ, что опять-таки указываетъ на 860 годъ; 3) Слово о положеніи ризы не было извѣстно византійскимъ писателямъ до X вѣка: ни Ѳеофанъ, ни Никифоръ, ни Георгій инокъ не знаютъ о немъ совершенно, напротивъ, имъ пользовались: редакторы Софійскаго типика въ концѣ IX вѣка, интерполяторъ Георгія, редакторъ Василіева Менологія (XI в.), и т. д.; 4) авторъ Слова молитъ Богородицу продлить жизнь преподобному іерарху, просвѣщающему (φωτίζοντα) народъ, и долгоденственное царство вѣрнымъ *царямъ:* намъ кажется очевиднымъ, что подъ патріархомъ, вмѣсто имени котораго предлагается игра словомъ φωτίζοντα, долженъ быть патріархъ Фотій (Φώτιος, 857—867, и пр.), а стало быть подъ царями подразумѣваться имп. Михаилъ съ соимператоромъ Василіемъ (26 мая 866—23 сентября 867); 5) Описаніе осады Константинополя врагами подъ перомъ Георгія оказывается аналогичнымъ съ описаніемъ нашествія Русскихъ подъ перомъ патріарха Фотія.

Думаемъ, что этихъ соображеній достаточно для установленія того положенія, что Слово о положеніи ризы Богородицы во Влахернахъ принадлежитъ Георгію, хартофилаксу Св. Софіи половины IX столѣтія. Сначала онъ въ этомъ именно санѣ и состоялъ; по сверженіи Фотія (867—878) онъ подвергался разнымъ преслѣдованіямъ; въ 878 г. при вторичномъ вступленіи патріарха на престолъ онъ занялъ каѳедру Никомидійской церкви съ титуломъ архіепископа[2]). Какъ видно, Георгій произнесъ слово въ 866—867 году по порученію одного лица[3]). Не надо быть слишкомъ дальновиднымъ, чтобы допустить, что такимъ

1) Правда, по свидѣтельству Никифора (ed. Boor, p. 18), патр. Сергій вмѣстѣ съ *императоромъ* Константиномъ (12-лѣтнимъ сыномъ Ираклія) служилъ благодарственный молебенъ по случаю ухода Аваровъ.

2) Le Quien. Oriens christianus, I. 593; Филаретъ, стр. 345—347; Hergenröther. Photius, I. 404.

3) Combefis, II. 751: τῷ δὲ τοῦτο πρᾶξαι κελεύσαντι μὴ ὑπακοῦσαι κρίνας ἐπισφαλὲς ἅμα καὶ ἐπικίνδυνον.

лицомъ могъ быть самъ патріархъ Фотій. При немъ и по его почину совершилось торжественное положеніе ризы, — онъ и могъ поручить своему другу описать это событіе, какъ онъ поручилъ составить службу по этому же поводу Св. Іосифу Пѣснописцу. Описанное Георгіемъ въ связи съ положеніемъ ризы нашествіе и отступленіе враговъ, есть нашествіе Русскихъ, такъ какъ при Фотіи Константинополь одинъ только разъ видѣлъ передъ своими стѣнами непріятельскія полчища, именно русскія въ іюнѣ 860 года.

Считаемъ необходимымъ изложить здѣсь содержаніе первой половины Слова, тѣмъ болѣе, что съ измѣненіемъ на него точки зрѣнія должны получить новое освѣщеніе и сообщаемыя въ немъ свѣдѣнія.

«Божественныя нѣкія и великія тайны, проявленія Божія человѣколюбія, сдѣлались извѣстными не за много нашихъ поколѣній, преславнѣе же и рельефнѣе онѣ обнаружились въ наше время, и всѣ мы, сколько почти насъ живетъ въ этомъ богохранимомъ великомъ градѣ, были ихъ самовидцами и зрителями. Не подобаетъ скрывать ихъ въ молчаніи, и неприлично божественныя тайны скрывать въ глубинѣ забвенія; поэтому я попытаюсь разсказать, на сколько это возможно, о проявленныхъ такимъ образомъ тайнахъ, какъ бы забывъ о своемъ невѣжествѣ и не понявъ, по пословицѣ, собственнаго невѣдѣнія[1]). Не повиноваться же поручившему мнѣ это исполнить я считалъ дѣломъ шаткимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опаснымъ. Я знаю, что рѣчь (моя) покажется недостойною даже и малаго какого либо отголоска событій; но никто, видя значеніе столь высокаго и возвышеннаго, да не отнесется высокомѣрно къ незначительности рѣчи и невѣжеству говорящаго. Божественное и должно считаться божественнымъ и сверхчеловѣчнымъ, хотя говорящій и не имѣетъ возможности достигнуть желаемаго: вѣдь никогда не умаляется величіе дѣлъ, хотя слова и не достаточны для ихъ объясненія. Теперь же начнется предметъ этихъ божественныхъ тайнъ». Обращаясь затѣмъ въ молитвенномъ настроеніи къ пресв. Богородицѣ, авторъ проситъ научить его достойно воспѣть Ея тайны, и далѣе говоритъ: «Сей царственный и богохранимый градъ, который говорящій или пишущій долженъ съ похвалою называть «Градомъ Богородицы», украшенъ многими, до безконечной мѣры простирающимися (если не грубо это слово), божественными храмами; выше же громадной части и числа ихъ стоятъ божественные храмы Дѣвы

1) Τὴν ἰδίαν ἀγνοήσας, τὸ δὴ λεγόμενον, ἄγνοιαν.

Богоматери. Одни заняли одну часть города, другіе другую, и никто не нашелъ бы общественнаго мѣста, царскаго дворца, смиреннаго жилища, или какого либо правительственнаго учрежденія, гдѣ бы не было храма или молитвеннаго дома Богородицы. Всюду на землѣ, гдѣ провозвѣщена была тайна Бога Слова, Рождшая Его Богородица постоянно воспѣвается и хвалится, какъ будто Она воспріяла въ себя вмѣстѣ всю главу божественнаго вочеловѣченія. Но сей царь-градъ имѣетъ нѣчто изрядное во всякомъ мѣстѣ: въ столькихъ храмахъ и молитвенныхъ домахъ Богородица прославляется, вдохновенно почитается, или чисто восхваляется всечистое имя (Ея), и оно вполнѣ считается стѣною и забраломъ спасенія. Весь городъ такъ блистаетъ и возносится въ этой красотѣ. Изъ всѣхъ же этихъ храмовъ и молитвенныхъ домовъ по всему городу, прославляемыхъ и почитаемыхъ во имя Богородицы, какъ бы нѣкою главою и митрополіею служитъ славный и божественный храмъ Ея во Влахернахъ, выдѣляющійся передъ всѣми и превосходящій всѣ, какъ солнце совершенно выдѣляется и превосходитъ небесныя звѣзды; храмъ во Влахернахъ, вѣрится, есть какъ бы какое либо царское священнѣйшее и божественнѣйшее жилище. По этому и во многихъ другихъ городахъ нѣкоторые изъ благочестивыхъ, воздвигая дома Богородицы, называли эти мѣста Влахернами, какъ будто Богородица особенно радуется имени Влахернъ. По истинѣ Чистая радуется мѣсту, возвеличивая и украшая всякое святое мѣсто своею славою. Поэтому и всѣ, такъ сказать, архіереи, цари и сколько есть подвластныхъ имъ, должностныя лица, чиновники и сколько есть людей, живущихъ частною жизнію, стекаясь во Влахерны, приносятъ благодаренія Богу и Богородицѣ по поводу всякаго радостнаго общественнаго событія и своего частнаго дѣла; но и тяжесть всякаго печальнаго обстоятельства облегчаютъ они, прибѣгая во Влахерны. Я умалчиваю о безмѣрномъ числѣ тамъ исцѣлившихся отъ разныхъ болѣзней, чтобы при затрудненіи въ рѣчи не умалить великаго. Итакъ, вообще сказать, божественный храмъ Богородицы во Влахернахъ есть хранилище всякой спасительной для насъ надежды, въ которомъ и изъ котораго мы брали и будемъ брать все, что есть и будетъ добраго. По истинѣ Виѳлеемъ освященъ и прославленъ божественною славою. Ибо тамъ Богородица однажды въ исполненіи вѣковъ плотію родила Бога Слово, а въ этомъ божественнѣйшемъ храмѣ ежечасно молящимся рождаетъ Она Божіе человѣколюбіе и помощь. Итакъ, повторяю снова, божественный

храмъ Богородицы во Влахернахъ есть акрополь сего царствующаго града, въ которомъ всѣ прибѣгающіе въ опасностяхъ спасаются и спасаемся».

Доселѣ предисловіе автора. Далѣе начинается историческая часть. Для меня, говоритъ онъ, не составило бы труда изложить причину, которую не заслуживающіе довѣрія писатели приводятъ, почему Византія была въ старину населена. Мегарцы выслали сюда колонію во главѣ съ начальникомъ ея нѣкіимъ Диніемъ. Все другое баснословно, напр. то, что они, застигнутые бурею, пристали въ заливъ Рога и здѣсь положили основаніе городу, что Диній и его спутники населили городъ, получившій потомъ имя Византіи. Но я оставлю это, а разскажу, при какомъ царѣ воздвигнутъ храмъ Богородицы во Влахернахъ, разскажу о скиніи съ ковчегомъ, о скрижаляхъ завѣта, объ урнѣ съ манною и о процвѣтшемъ жезлѣ Аарона, находящихся здѣсь.— Нѣкогда царствовалъ императоръ Левъ Великій (457—474). При немъ два брата, патрикіи Галвій и Кандидъ, исповѣдывавшіе аріанство, по повелѣнію Богородицы отправились въ Іерусалимъ для поклоненія святынямъ. Въ одной палестинской веси они познакомились со старою благочестивою еврейкою, у которой въ отдѣльной комнатѣ хранилась какая-то святыня, блистающая свѣтомъ и подающая исцѣленіе больнымъ. На просьбы разсказать объ этой святынѣ еврейка долго уклонялась, но наконецъ за трапезою[1]) сообщила имъ, первымъ мужчинамъ, что у ней въ ковчегѣ хранится риза пресвятой Маріи. Галвій и Кандидъ, воспользовавшись доступомъ къ ковчегу, вымѣрили его и затѣмъ, заказавъ въ Іерусалимѣ точно такой же ковчегъ, подмѣнили имъ настоящій. Прибывъ съ этимъ сокровищемъ въ Византію, они скрыли его отъ патріарха и царя изъ боязни, дабы его у нихъ не отняли; затѣмъ построили около городской стѣны близь Золотого Рога, во Влахернской мѣстности, храмъ во имя апостола Петра и Марка, и помѣстили въ него ковчегъ съ ризою Богородицы, покрытый золотымъ покровомъ. Чудеса, явившіяся здѣсь, обнаружили присутствіе святыни, и Галвій и Кандидъ принуждены были разсказать объ этомъ императору. Тогда былъ построенъ здѣсь храмъ во имя Богородицы, въ который и былъ перенесенъ ковчегъ. Императоръ Левъ и его супруга Виринія приложили всѣ старанія для украшенія

1) Здѣсь Георгій цитируетъ одинъ стихъ изъ Иліады (IX): ὅτε δὲ τροφῆς ἐπληρώθησαν, οὐ
νεῦσεν Αἴας Φοίνικι, νόησε δὲ ἄλλος.

церкви, и вскорѣ она заняла одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ столицѣ: при ковчегѣ стали совершаться безчисленныя чудеса[1]).

До сихъ поръ разсказано о событіи 469 года[2]). Затѣмъ авторъ переходитъ къ своему времени и продолжаетъ разсказъ о торжественномъ положеніи ризы Богородицы во Влахернахъ, издаваемый здѣсь въ греческомъ подлинникѣ (по исправленному изданію Комбефиса), русскомъ переводѣ и въ старославянскихъ спискахъ ОП.

---

1) Преданіе, записанное Георгіемъ въ IX вѣкѣ, въ большемъ или меньшемъ объемѣ усвоили: типикъ св. Софіи IX вѣка (Н. Красносельцевъ, въ Лѣтописи ист.-филол. общества при Новороссійскомъ университетѣ, Византійское отдѣленіе. Одесса 1892, I. 178; интерполяторъ Георгія инока (ed. Muralt p. 512—513=сербскій переводъ хроники по изд. Общ. Люб. Др. Письм., л. 278 об.): τῆς ὑπεραγίας θεοτόκου ἡ ἐσθὴς εὑρεθεῖσα ἐν Ἱεροσολύμοις παρά τινι εὐλαβεστάτῃ γυναικὶ Ἰουδαίᾳ καὶ παρθένῳ ἱερῶς διαφυλαττομένη· καὶ ἐν Κωνσταντινουπόλει ἀποκομισθεῖσα ἐν Βλαχέρναις ἀπετέθη, ἔνθα ὁ βασιλεὺς (Левъ I) ναὸν ᾠκοδόμησε τῇ θεομήτορι καὶ σορὸν ἐκ χρυσοῦ καὶ ἀργυρίου κατασκευάσας κατέθετο ταύτην; Менологій Василія, XI вѣка (AA. SS. Boll. 2 іюля, I. 687; Migne Patr. Graeca, CXVII) съ заглавіемъ ἡ κατάθεσις τῆς τιμίας ἐσθῆτος, почти буквально сходный съ типикомъ IX вѣка и считаемый Н. Ѳ. Красносельцевымъ (стр. 178) въ качествѣ древнѣйшаго источника по этому предмету Скилица—Кедринъ XI вѣка (ed. Bonn. 1838, I. 614): τότε (при Львѣ I) καὶ ἡ ἐσθὴς—παρθένῳ почти буквально сходно съ интерполяторомъ Георгія); Зонара XII вѣка (ed. Dindorf. III. 254) и Глика XII вѣка (ed. Bonn. 1836 p. 489, очень кратко); Іоиль XIII вѣка (ed. Bonn. 1836 p. 42, буквально сходно съ интерполяторомъ Георгія); Никифоръ Каллистъ, XIV вѣка (Migne, Patr. Graeca. CXLVII. 69, lib. XV cap. 24), довольно подробно изложившій преданіе Георгія. Дальнѣйшую литературную обработку Георгіева преданія мы замѣчаемъ въ одномъ изъ позднихъ словъ на положеніе пояса Богородицы (рукопись Имп. Публ. Библ. Q. I. 1003 л. 625): риза принесена Галвіемъ и Кандидомъ изъ Капернаума въ царствованіе Константина Великаго.— Кстати укажемъ здѣсь на другую версію преданія о томъ же предметѣ, сообщенную впервые (на основаніи «Евѳиміевой исторіи») Іоанномъ Дамаскинымъ въ одномъ изъ словъ на Успеніе Богородицы (Migne, Patr. gr. XCVI. 748 = латинскій переводъ Surius: Historiae seu vitae sanctorum. Londini 1877, 15 августа, VIII. 345 — 347): храмъ во Влахернахъ построила въ началѣ царствованія Маркіана имп. Пульхерія (451) и вмѣстѣ съ императоромъ украсила его; узнавъ затѣмъ отъ іерусалимскаго патріарха Іувеналія о существованіи въ Геѳсиманіи раки съ ризами Богородицы, оба они потребовали эту святыню въ Константинополь, что Іувеналій по запечатаніи раки и сдѣлалъ; святыня была помѣщена во Влахернской церкви. Преданіе Іоанна съ разными варіантами усвоено: Ѳеофаномъ IX в. (ed. de Boor, I. 105), Симеономъ Метафрастомъ X в. (Слово о Богородицѣ, 15 августа), Менологіемъ Василія (въ памяти патріарха Іувеналія 2 іюля τὰ ἐντάφια) и Никифоромъ Каллистомъ (τὰ ἐντάφια σπάργανα), который такимъ образомъ былъ знакомъ съ обоими преданіями—Іоанновымъ и Георгіевымъ.

2) По Іоанну Дамаскину 451, по Георгію 469 (ср. Muralt, p. 83); по Скилицѣ—Кедрину: 474.

(col. 774) 1. Καὶ ταῦτα μὲν ἅπερ ἡ θεοτόκος ἐν Βλαχέρναις ἐθησαύρισεν τῇ πόλει μυστήρια· τίνα δὲ ἅπερ ἐν τῷ καθ' ἡμᾶς χρόνῳ γεγόνασιν, ὧν αὐτόπται καὶ θεωροὶ καθεστήκαμεν ἅπαντες, ἔνθεν ἐρῶ.

2. Ἦν[а] ὅτε καλῶς[б] ἡμῖν εἶχε τὰ πράγματα καὶ οὐδεὶς ἡμᾶς ἐξεφόβει πόλεμος· ἀλλ' ἡ εἰς ἄκρον εὐεξία, τὸ δὴ[в] λεγόμενον, ἐπὶ τὸ[г] σφαλερὸν ἡμῖν ἐξ ἀπροσεξίας μετέπεσεν, οὐ γενομένοις ἱκανοῖς φυλάξαι τὴν εὐεξίαν ἀνόθευτον. διὸ ἐπῆλθον ἡμῖν πολλαὶ μὲν δίκαιοι[д] ὑπὸ τοῦ θεοῦ καὶ διάφοροι μάστιγες[е] πρὸς ἐπιστροφὴν ἡμᾶς καὶ τῶν κακῶν ἀνακωχὴν[ж] προτρεπόμεναι.[з] μία[и] δὲ

а ἣν *M.* б καλὸς *M.* в *add.* οὕτω *M.*
г τῷ *M.* д δίκαι *M.* е μάστηγες *M.*
ж ἀνακοχὴν *M.* з προτρετόμεναι *ed.*
и μιᾶ *M.*

1. И вотъ тѣ тайны, которыя Богородица во Влахернахъ собрала для города; теперь же разскажу, какія это (тайны), которыя случились въ наше время, которыхъ всѣ мы были самовидцами и зрителями.

2. Было (время), когда дѣла наши шли хорошо и никакая война насъ не пугала; но высшее благополучіе, по пословицѣ, по нерадѣнію перешло у насъ на ненадежное; мы были недовольны тѣмъ, что истинно хранили благополучіе, поэтому насъ постигли многія отъ Бога кары и различные бичи, побуждающіе насъ къ обращенію и къ воздержанію отъ золъ. Насъ

О. 1. I сі, яже Богородица Влахернахъ собра граду тако; кая же суть еже при нашемъ времени быша, ему же самовидцы быхомъ вси, отсюду изреку.

2. Бяше егда добре обдержаше ны дѣлеса, и никакоже страшаше нась рать, но до конца благоздравіе еже сице рекомое на соблазнъ намъ отлучая притече, не могущимъ намъ сохранити благоздравную присность, тѣмъ припадоша на ны многія прямодныа отъ Бога рапы на обращеніе намъ и зла отступити веляща.

П. 1. Си оубо суть благодарьствіа, ıаже подаетъ святаа Богородица въ Влахернахъ, і ıаже быша в нашя лѣта, ихже самовидци и позаратаи быхомъ вси, то отсюда исповѣмы.

2. Бысть оубо добрѣ живущемъ нам', ни како же страха отъ рати, ни зла плененіа имоѵщемъ, но до конца в радости и в' веселіи соѵщемъ, но не быхомъ доволни съхранити добро жизнья и веселіа, зане внезаапу превратися намъ радость и веселіе въ печяли и скръби многы различныя, по правдѣ, попущеніемъ Божіимъ, на

καὶ φοβερὰ ἐσπιλβωμένη ῥομφαία[а] ἡμῖν ἐπελήλυθε[б], πᾶσαν ἐν ῥοπῇ τὴν οἰκουμένην ἐκτρίψαι ἰσχύουσα. ἀλλὰ «τίς ἐξείποι τὰς δυναστείας σου, κύριε, ἢ τίς ἐξακουστάς[в] σου τὰς αἰνέσεις ποιήσειεν»[г]; εἶπας[д] γὰρ τῷ κινηθέντι τότε κατὰ τοῦ λαοῦ σου κλύδωνι· «σιώπα, πεφίμωσο»[е], καί, «μέχρι[ж] τούτου στήσῃ[з], καὶ οὐχ ὑπερβήσῃ[и], ἀλλ' ἐν σοὶ συντριβήσονταί[і] σου τὰ κύματα». ἐδόκει δέ, καὶ τοῦτο[к] βασιλέα[л] πιστότατον ἔπειθεν, ὡς τῶν[м] ἐθνῶν ἐκείνων τῶν τοσούτων ὁ ἀφηγούμενος[н] ἐπὶ σπονδῶν εἰρηνικῶν βεβαιώσει, κατὰ πρόσωπον αὐτὸν ἐθέλοι

а ῥομφαῖα *ed.* б ἐπελήλυθεν *M.* в ἀκουστάς *M.* г ποίησειεν *ed.* д εἶπας *ed.* е πεμήμωσω *M.* πεφίμισο *ed.* ж μέχρη *M.* з στήσει *M.* и ὑπερβήσε *M.* і συντριβήσεται к οὕτω *M.* л *add.* τὸν *M.* м ἔπειθε τῶν *M.* н *add.* ὡς *M.*

посѣтилъ одинъ страшный блеснувшій мечъ, могшій уничтожить въ одну минуту всю вселенную. Но «кто возглаголетъ силы твоя, Господи? или кто слышаны сотворитъ хвалы твоя»[1])? Ибо Ты сказалъ поднявшейся тогда на народъ твой бурѣ: «умолкни, престани»[2]), и «до сего дойдеши и не прейдеши, но въ тебѣ сокрушатся волны твоя»[3]). Казалось же, и это убѣдило вѣрнѣйшаго царя, что начальникъ столькихъ тѣхъ народовъ, для утвержденія мирныхъ договоровъ, лично желалъ его увидѣть. Впрочемъ, объ этомъ пусть

1) Псал. CV. 2.
2) Марк. IV. 39.
3) Іов. XXXVIII. 11.

Едино же и страшно оустремное копіе пріиде на ны, весь миръ вскорѣ погубити могій. Но «кто извещаетъ мощь твою Господи? или кто створитъ оуслышано все показаніе твое»? или како пришедшую тогда на люди твоя буря изречетъ? «Молчи и обуздайся» и «до сего стани и не мини, но в тебѣ да здробятъ твоя волны». Мняше бо ся и тогда и царю вѣрному[а] ѩзыкъ той видя аще толицемъ приходомъ аки нами и на миръ и на клятву извѣстуя, про-

а) вѣчному *рук.*

казнь нашу і отъ зла отвращеніе понужаа ны. Єдінъ оубо страшенъ и оуцѣщенъ мечь припаде на ны, въ единъ чясъ всю населеную могы[1] скрушити. Но[2] «кто жъ изречетъ силы твоя, Господи? или кто слышяны створитъ хвалы твоя, Господи?» Рече бо въздвигшуся тогда потопоу ратному на люди твоя: «оумлъкни, въсхлащенъ буди» и «дажь и тоу стани и да не придеши, но в тебѣ да сътрутся волны твоя». Но сіа оубо повѣсти въ иныхъ книгахъ

1) многы *рук.* 2) ни *рук.*

θεάσασθαι. τὰ δὲ ἐξῆς ἕτεραι[а] βίβλοι φερέτωσαν· ἐπ' ἄλλο γὰρ ἄνωθεν ὁ λόγος τὴν ὁρμὴν ἐποιήσατο.

3. Ὅτε τοίνυν ἅπαντα τὰ πέριξ τοῦ ἄστεος ὁ βροῦχος ἐκεῖνος ἐπελθὼν ἐλυμήνατο[б], βασιλεὺς μὲν ἔλιπεν τὰ βασίλεια, καὶ χαμεύνης ἐξ ἰδιώτου διαιτώμενος σχήματι ἐν τῷ ναῷ τῆς θεοτόκου, ὃς Ἱερουσαλὴμ ὀνομάζεται, ἔνδον δὲ τῆς πύλης κεῖται, ἣν Χρυσῆν καλοῦσιν, ἀπὸ τοῦ πράγματος, ὅσα ἦν δυνατόν[в], ἐπόνει καὶ ἠγωνίζετο, σὺν δακρύων ἐκχύσεσιν. ἀλλὰ καὶ αὐτὸς ὁ ἱεράρχης, τὸ ἱερὸν (col. 775) αὐτοῦ λιπὼν καταγώγιον[г], ἐν τῷ αὐτῷ ναῷ νύκτα τε καὶ ἡμέραν εὐχαῖς καὶ δεήσεσιν τῷ βασιλεῖ συνεστράτευεν.

а ἑτέραι *M.* б ἐλυμήνατο *ed.*
в δύνατον *ed.* г καταγώγιων *ed.*

разсказываютъ другія книги, ибо (наше) слово выше опредѣлило направленіе въ другую сторону.

3. Итакъ, когда явившаяся та саранча опустошала всѣ окрестности города, царь покинулъ дворецъ и, пребывая въ одеждѣ частнаго человѣка, на сколько можно было, трудился и подвизался съ проливаніемъ слезъ, распростершись на землѣ въ храмѣ Богородицы, который называется «Іерусалимомъ» и лежитъ внутри воротъ, именуемыхъ «Золотыми» по работѣ. Но и самъ іерархъ, оставивъ свои священныя палаты, въ томъ же самомъ храмѣ подвизался вмѣстѣ съ царемъ день и ночь въ

тиву лицу приходящи видѣти[а]. Прочее бо да ины[б] книги исповѣдятъ; на ино бо с'горы слово въслѣдъ створитъ.

3. Егда убо все еже откругъ града сусеница, та бо исшедши погуби, царь оставивъ царство и во смердескій образъ оболкъся, во храмъ святыя Богородица еже нарицается Іерусалимъ, внутрь дверій паде, юже нарицаютъ Злату отъ дѣла[в], і елико мощь имѣяше, тружашеся со слезами. Но самы патріархъ святую свою хлѣвину оставивъ, в томже храмѣ но-

а) видсте *рук.* б) данны *рук.*
в) тѣла *рук.*

пісаны соуть, да мы се оставяще, на ину повѣсть възвратимся.

3. Егда оубо вся мѣста градная поплѣниша ратници ти, царь остави полаты своя і облечеся въ просту одежу, пребываше на земли, лежа въ церкви святыя Богородица, ѩжъ Іерусалимъ наричется, оу Златыхъ вноутрь, и тружашеся, елико могы, молитвы творя съ алканіемъ и съ слезами. И тъй же самъ патріархъ остави патріархію, в тъй же церкви ноць

ἅπας δὲ ὁ ἐν τῷ ἄστει ἀπειλημμένος λαὸς ἀνδρῶν τε[a] καὶ γυναικῶν καὶ ὅσοι τὴν ἡλικίαν ἀκμὴν ἐνηπίαζον, λιτὰς καὶ ὀλοφύρσεις ἐν τοῖς καθ' ἕκαστον τόπον ἐποιοῦντο τῆς θεοτόκου ναοῖς, τὸν ἐν ὀφθαλμοῖς φυγεῖν ἱκετεύοντες ὄλεθρον.

4. Οὐκ ἐπελήθη δὲ τοῦ οἰκτειρῆσαι ὁ θεὸς οὐδὲ συνέσχεν ἐν τῇ ὀργῇ αὐτοῦ τοὺς οἰκτιρμοὺς αὐτοῦ, οὐδὲ ἀπέστησεν τὸ ἔλεος αὐτοῦ ἀφ' ἡμῶν. ἀλλ' ἔδειξεν ἡμῖν, ὅτι τὰ σύμπαντα κέκτηται δοῦλα καὶ ὑποχείρια, καὶ πάντα ἄγει τῇ ῥοπῇ τοῦ ἰδίου θελήματος. ὅτε τοίνυν ἀρχὰς εἶχεν ἔτι ἡ τῆς φοβερᾶς ἐκείνης καὶ φθοροποιοῦ νόσου ἀνάβασις, καί τις παρασκευὴ ἀνθρωπίνως εἰπεῖν οὐκ ἠλπίζετο. ἅπαντα δὲ τὰ πρὸ τείχους δηϊοῦντες[б]

молитвахъ и моленіяхъ; весь же заключенный въ городѣ народъ, мужчины, женщины и сколько по возрасту было дѣтей, совершали литіи и оплакиванія повсюду въ храмахъ Богородицы, моля избѣгнуть гибели передъ глазами.

4. Богъ же не забылъ о милосердіи, не удержалъ въ гнѣвѣ своемъ щедротъ своихъ и не отошла милость его отъ насъ; но показалъ намъ, что все рабское находится подъ его десницею и всѣмъ управляетъ онъ направленіемъ своей воли. Итакъ, когда еще началось распространеніе той страшной и губительной болѣзни, по человѣчески сказать, ни на какое приготовленіе не надѣялись.

a τὲ *ed.* б διϊοῦντες *cod.*

щію и днемъ молитвою со царемъ тружастася; вси оставлени во градѣ, мужи и жены і елико тѣломъ дѣтьскимъ бѣаше, молитвы и плачь на всѣхъ мѣстехъ и во храмѣхъ святыя Богородица молитвоваху предъ очима сущима смерти избыти.

4. Не забы иже убо щедря Богъ, ни обдержа в мирѣ щедрость свою, ни остави милость свою отъ насъ, но показа намъ, ꙗкоже вся имать порабощенна подъ собою и подъ рукою своею, и все ведетъ слѣдомъ люди своея воли. Егда оубо начатокъ имѣяше еще страшныя и смертныя

и день молитвы і алканіа съ царемъ творяста; весь же градный народъ, моужи и жены і оуніи младенци, съ кресты ходяще, с плачемъ и съ слезамі по вся церкви Богородичины моляхоуся избыти видимыя нагубы.

4. Не забы жъ оущедріти Богъ, ни оудръжя въ гнѣвѣ своемъ щедротъ своихъ, ни отъя милости своеа отъ нас', но показа намъ, ꙗко всяческаа имать работна и вся водить подъ роукою, ꙗкоже изволить. Егда же оубо начапя ратници грабити и пленовати вся мѣста предомъ по долгъ

κατέτρεχον οἱ πολέμιοι, ἱερά τε καὶ ἕτερα, ἔδοξέ τισι τῶν ἡμετέρων μὴ ὑπάρχειν ἀνεύλογον τοῦ ἐν Βλαχέρναις θείου ναοῦ τὸν ἐν χρυσῷ τε καὶ ἀργύρῳ κόσμον προφθάσαντας ἀφελεῖν, μήποτε τολμήσαιεν καὶ αὐτοῦ καταδραμεῖν οἱ πολέμιοι διὰ τὸ βαρβαρικὸν καὶ φιλοχρήματον.

5. Οἱ δέ γε τοῦτον ταχθέντες τὸν ἱερὸν κόσμον περιελεῖν, στρατιωτικώτερόν τε καὶ θρασύτερον μᾶλλον, ἢ ὅνπερ ἔδει τρόπον ἐχρήσαντο· τὸν μὲν γὰρ ἄλλον ἅπαντα χρυσόν τε περιεῖλον καὶ ἀργύριον ἀξίναις καὶ πέλυξι καὶ ἑτέροις τοιουτοσχήμοις κατεάξαντες σκεύεσιν, ἐτόλμησαν δὲ καὶ τῆς θείας ἐφάψασθαι ταύτης σοροῦ, καὶ τὸ πᾶσι τέως ἀθέα-

Враги бѣгали, опустошая передъ стѣною все, священное и другое. Нѣкоторымъ изъ нашихъ показалось цѣлесообразнымъ предварительно унести золотой и серебряный нарядъ изъ божественнаго храма во Влахернахъ, дабы враги изъ варварства и любостяжанія не осмѣлились добраться и до него.

5. Лица, которымъ было поручено снять этотъ священный нарядъ, поступили скорѣе по военному и дерзко, нежели какимъ образомъ было нужно: сняли все остальное золото и серебро, разбивъ сѣкирами и топорами и другими такого же рода орудіями; осмѣлились же прикоснуться идо сей божественной раки, и дотолѣ

ꙗзя схоженіе и все еже предъ стѣною градскою грабяще мимо течаху ратници, святыня же, ины нѣкія, во оумъ вниде нѣкоторыхъ нашихъ, да не пришедше ту во Влахернѣ во святую церковь, еже златомъ и сребромъ оустроена оутварь богатства ради отлучени же святую красоту *

5. * отъ воия воини воиньскія и вторую паче виною сняша. Ини бо все злато, иніи бо сребро сняша секирами и брадвамі і инѣми образы отклониша и сняша; дерзнуша и святому сему приступити ковчегу і еже всѣмъ невидимое и тайное; тогда ꙗвиша извнутрь ви-

стѣны оурищущесь грабляхоѵ церковныя честныя съсоѵды і ино много, тогда помыслишя гражане, ꙗко и неправедно есть, да възмоѵтъ ратници златую и сребреную оутварь, ꙗже въ Влахернахъ въ церкви святыя Богородица, но мы варивше, да отнесемъ *

5. Нарекоша же моужа два, послашя повзимавше принести. Они же шедше, не ꙗко жъ бѣ лѣпо съ честью снимати, но буестію секирами и брадвами разсѣкающе, сънимашя; разгнушя же и божественѣй тъй святѣй рацѣ прикоснутись и всѣмъ не видимую [1] ꙗвѣ

1 невиди ю *рук.*

[illegible]

6. [illegible]

[illegible] Внутри же [illegible] злата и серебра [illegible]

6. Итакъ, [illegible]

[illegible]

6. [illegible]

6. [illegible]

ἀλουργίδος μέρος ἀπέκοψαν, ἁγιασμοῦ δῆθεν ὡς ᾤοντο, κλοπὴν ἐργασάμενοι. (col. 778) ὅτε δὲ εἰς τὰς ἱερὰς ἦλθεν τοῦ ἱεράρχου χεῖρας τοῦτο τὸ θεῖον ἁγίασμα, εὐθὺς μὲν τῷ πιστῷ βασιλεῖ τὰ περὶ τούτου ἀνέθετο. ὁ δὲ δραμὼν σὺν φόβῳ πολλῷ ἔξωθεν περιφὺς προσεκύνησεν, τὸν ἱεράρχην δὲ ᾔτησεν αὐτὸν καθ' ἑαυτὸν τελέσαι τὰ πρόσφορα. ὁ δὲ σφ<ρ>αγῖδας ἀσφαλεῖς ἐπιθεὶς*, τὸ ἅγιον[a] τοῦτο σόριον ἀπέθετο ἐν τῷ ἱερῷ τῶν σκευῶν ταμιείῳ τῆς τοῦ θεοῦ μεγάλης ἐκκλησίας σὺν τιμῇ τῇ δεούσῃ καὶ φόβῳ τῷ πρέποντι.

и тотчасъ же, немедленно отсѣкли часть порфиры, совершивъ такимъ образомъ воровство святыни, какъ они думали. Когда же эта божественная святыня дошла въ священныя руки іерарха, онъ тотчасъ доложилъ объ этомъ вѣрному царю; послѣдній, поспѣшно явившись, обнявъ извнѣ, поцѣловалъ (ее) съ великимъ страхомъ и просилъ іерарха, чтобы онъ самъ совершилъ приличное. Этотъ, приложивъ прочныя печати, поставилъ эту святую небольшую раку въ священной ризницѣ великой Божіей церкви съ подобающею честію и приличнымъ страхомъ.

* cf. τὴν τιμίαν σφραγῖδα ἐπιτιθέντες (τὸ Γεροντικόν). a ἄγιον *ed.*

ца, еже мняху Богородица суща одежу, мню же окройница часть оурѣзаша, мнящежеся святое оукрадущи. Егда же въ святѣй руцѣ патріярховѣ пріиде сіи святая святыни, абіе вѣрному царю о семъ повѣда. Онъ же текъ страхомъ многимъ извну падъ поклонися; моли же патріярха самого взяти і оу себе положити. Онъ же печати тверды положивъ на святѣмъ семъ ковчезѣ, и постави ихъ во святѣй храминѣ и хлѣвинѣ в Божіи велицѣй сорнѣй церкви с честію подобною и со страхомъ лѣпотнымъ.

малоу, еже мнѣшя, ꙗко то есть Богородичина риза, и оутрьгошя чясть багряници тоя на благословеніе, ꙗко жъ мняху оукрадше. Егда же принесошя патріарху божественую тоу святыню, тоу абіе оубо вѣрному царю възвѣсти о томъ. Он' же притекъ съ многымъ страхомъ цѣлова; повелѣ же царь патріархоу да самъ собою створитъ полезнаа. Он же печятлѣвъ твердо святый тъй ковчегъ, положи в сосудохранилници святыа великіа Божіа церкве с подобною честію и съ великымъ страхомъ.

7. Ὅτε δὲ λοιπὸν τὴν ὑπελθοῦσαν ἔλυσεν χάλαζαν ἀνατείλας ἡμῖν τῆς τοῦ θεοῦ φιλανθρωπίας ὁ ἥλιος· πάλιν λαβὼν συνεργάτην τὸν[a] βασιλέα ἡμῶν τὸν πιστότατον ὁ ἱεράρχης τίμιος, ἅπαντα μὲν τὸν ἅγιον τόπον ἐπιμελείας ἐπλήρωσε μείζονος. πάντα δὲ τὸν ἐνδεχόμενον κόσμον ἀνέθετο· τακτὴν δέ τινα, μᾶλλον δὲ κλειτὴν ἁγίαν ὁρίσας ἡμέραν, καθ' ἣν τὸν ἅγιον ἀποθέσθαι θησαυρὸν ἐν τῷ ἰδίῳ τόπῳ καλῶς ἐδοκίμασεν, μεθ' ὑψηλοῦ συγκαλεῖται κηρύγματος ἅπασαν τῶν ἀρχιερέων τὴν σύνοδον, κλῆρόν τε καὶ λαόν, ὅσος ἐν ἀνδράσι καὶ ὅσος ἐν γυναιξίν, ὅσος ἐν τέλει, καὶ ὅσος ἐν ἀξιώμασιν, καὶ ὅσος ἐν ἰδιωτικῷ βιοτεύ-

a τῶν *ed.*

7. Когда же наконецъ взошедшее намъ солнце Божія человѣколюбія разрѣшило нашедшую бурю, честный іерархъ, снова взявъ помощникомъ вѣрнѣйшаго царя нашего, устроилъ все святое мѣсто съ большею тщательностью и положилъ весь принятый нарядъ, опредѣливъ нѣкоторый установленный, лучше сказать, славный святой день, въ который онъ благоразсудилъ положить святое сокровище на своемъ мѣстѣ; съ высокимъ возвѣщеніемъ созываетъ весь архіерейскій соборъ, клиръ и народъ, мужчинъ, женщинъ, высшихъ сановниковъ, должностныхъ и част-

---

7. Егда же оубо пришедши и разсыпа градъ вшедшимъ на нь солнце Божіимъ милосердьствомъ, паки совѣщався со царемъ вѣрнымъ и патріархомъ честнымъ все святое то мѣсто пекійся оустрои добрѣе, всю же красоту достойную и лѣпотную положи, заповѣдныи же нѣкіи на о еже звани святый нареченный день, вонь же святый покровъ положити на своемъ мѣсте добрѣ искусивъ; таже с высокимъ проповѣданіемъ возва вся архіерѣйскій соборъ, клирики и вся люди, елико в мужехъ і елико в женахъ і елико нищихъ і елико достойныхъ і ели-

7. Егда же оубо нашедшій облакъ разгна възсіавшее намъ Божіа человѣколюбіа солнце, пакы пріимъ спомощника царя нашего святыни честный патріархъ святое то мѣсто оукраси паче многою оутварію, нарочитъ же день нарече, вън'же святое то положитъ скровище на своемъ мѣстѣ; с великымъ проповѣданіемъ съзва весь святительскый съборъ, клиросникы жъ и народъ весь, мужя и жены, елико же сановитыхъ і елико просто живущихъ і елико в чернечестѣмъ образѣ живоущихъ; «грядѣте, глаголя, видите, святителе и вси людіе, Христа

ει τῷ σχήματι· δεῦτε, λέγων, ἴδετε, ἱερεῖς καὶ λαοί, τὰ μεγαλεῖα Χριστοῦ τοῦ θεοῦ ἡμῶν. δεῦτε θησαυρὸν τὸν ἕως νῦν κεκρυμμένον θεάσασθαι, δεῦτε προσκυνήσατε δῶρον πανάγιον, ὅπερ ἡ θεοτόκος εἰς σωτηρίαν τῇ πόλει δέδωκεν.

8. Ὅτε δὲ ἡ προκεκηρυγμένη κλειτὴ ἡμέρα ἐπέφωσκεν, ἄπαυστον μὲν διὰ νυκτὸς ἁπάσης τὴν ἱερὰν ὑμνῳδίαν ἐν τῷ ἁγίῳ τούτῳ τεμένει τετέλεκεν. τὸ αὐτὸ δὲ τοῦτο γενέσθαι καὶ ἐν τῷ ναῷ Λαυρεντίου τοῦ ἱερωτάτου παρεσκεύασεν μάρτυρος. ἐκεῖ γὰρ ἡλίου δύνοντος πρὸ μιᾶς τῆς ἑορτῆς ἡμέρας τὸν ἅγιον θησαυρὸν ἅπασι προὔθηκεν εἰς προσκύνησιν· κεκαλυμμένον δηλαδὴ καὶ ὀφθαλμοῖς ἀνθρώπων ἀθέατον. καὶ

ныхъ лицъ, говоря: «Пріидите и видите, іереи и народы, величія Христа Бога нашего; пріидите посмотрѣть донынѣ сокровенное сокровище; пріидите, поклонитеся всесвятому дару, который даровала Богородица во спасеніе граду».

8. Когда же разсвѣталъ назначенный славный день, онъ безпрерывно всю ночь совершалъ священное пѣснопѣніе во святомъ семъ придѣлѣ, тоже самое, по распоряженію его, совершилось и въ храмѣ священнѣйшаго мученика Лаврентія; ибо тамъ при закатѣ солнца, за одинъ день до праздника, онъ выставлялъ всѣмъ для поклоненія святое сокровище, именно покрытое и для человѣче-

---

ко о себѣ живущая идеже рекій: «и видѣте, іерѣи і людіе, величіе Бога нашего; идѣте и видѣте сокровище до нынѣ сокровенно; ідѣте и поклонитеся дару пресвятому, иже святая Богородица на спасеніе граду дастъ».

8. Егда же проповѣданый день освиташе славный, беспрестани всю нощь святую пѣснь во святѣй церкви створимъ. Се же быти повелѣ въ святѣй церкви святаго Лаврентія и мученика. Ту бо солнце не захождааше предъ единѣмъ днемъ, святый сокровъ всѣмъ положи на целованіе; по-

Бога нашего *; грядете поклонитеся дарѹ святому еже Богородица на спасеніе граду нашемѹ даръствова».

8. Егда настанетъ нареченный день, всю нощь безпрестани пресвятую пѣснь въ святѣй церкви створити. Тако жъ повелѣ быти и въ церкви святаго мученика Лаврентея. Тоу бо солнцу зашедшу прежде единѣмъ днемъ, положи святое то скровище всѣмъ намъ на поклоненіе; покровено і очима

*) сдѣланъ знакъ, означающій пропускъ.

πᾶσα μὲν ἡλικία καὶ πᾶν γένος ἀνθρώπων τῶν οἰκούντων ταύτην τὴν μεγαλόπολιν τῆς τοιαύτης τῆς διὰ νυκτὸς ἁπάσης ἠξίωται προσκυνήσεως.

9. Ὅτε δὲ ἡμέρα ἐγένετο καὶ ἥλιος ταῖς ἀκτῖσι τὸν ἀέρα κατηύγασεν, λαβὼν ἐν ἀγκάλαις ὁ καθ' ἡμᾶς Συμεὼν τὴν χάριν τὴν δοθεῖσαν τῇ καθ' ἡμᾶς γενεᾷ σὺν ψαλμοῖς καὶ ὕμνοις καὶ τῷ τῆς ἐκκλησίας πληρώματι τὸν ἐν Βλαχέρναις θειότατον[a] τῆς θεοτόκου καταλαμβάνει ναόν· παντὸς λαοῦ καὶ τοῦ κλήρου καὶ τοῦ τῶν ἀρχιερέων συλλόγου προάγοντος καὶ ἀκολουθοῦντος, ὡς καὶ κίνδυνον ὀλίγου δεῖν ἐλπισθῆναι ἐκ τοῦ συνωθισμοῦ τῆς συνδραμούσης πληθύος. ἀλλὰ καὶ τοῦτο ἡ θεοτόκος φιλ-

скихъ глазъ невидимое. И всякій возрастъ и всякій родъ людей, живущихъ въ этомъ великомъ градѣ, удостоивается таковаго поклоненія въ теченіи всей ночи.

9. Когда же насталъ день и солнце освѣтило лучами воздухъ, нашъ Симеонъ, взявъ въ руки благодать, данную нашему роду, съ псалмами и пѣснопѣніями и церковнымъ исполненіемъ достигаетъ храма Богородицы во Влахернахъ. Весь народъ, клиръ и архіерейскій соборъ шествуетъ впереди и совершаетъ службу, такъ что недостаетъ немногаго, чтобы думать объ опасности въ виду давки стекшейся толпы. Но Богородица, человѣколюбиво да-

a θείοτατον *ed.*

кровеномъ ꙗвѣ очемъ человѣческимъ невидимомъ и вся же телеса человѣческая живущимъ в сѣмъ велицѣмъ градѣ сицему чресъ нощь вси достойни быша целованію.

9. Да егда бысть день солнце лучами просвѣти воздухъ, earlyземъ на руку еже в насъ Симеонъ вторый дарство днесь даное нашему роду, с пѣтіемъ и со славою ис церкви всѣми иже во Влахернахъ святый храмъ вниде: всѣмъ и клиросу и архіерейскому собору идущемъ и вослѣдствующемъ, ꙗко же к бедѣ малѣ надѣющеся о трикованіа стекшагося множество, но и

человѣчьскыма невидимо всяка оубо веръста и весь родъ человѣческъ живущій в велицемъ томъ градѣ въ всю тоу нощь сподобися таковаго поклоненіа.

9. Егда же свѣтъ бысть и солнце възсіа,簡земъ патріархъ роукама своима благодать данную въ родъ нашъ, с пѣсньми и хвалами съ всѣми церковникы доидоша Влахерны Богородичины церкве: всему народоу и клиросу и святительскому нароку предъидоущимъ и въслѣдъ, ꙗко же мала и не смерти быша отъ гоненіа народска, но и о том' Богородица

ανθρώπως δωρησαμένη ἀπαθεῖς τοὺς συνδραμόντας διεφύλαξεν ἅπαντας.

(col. 779) 10. Ὅτε δὲ μόλις σὺν κινδύνῳ πολλῷ ὁ ἱεράρχης φέρων ἐν χερσὶν τὸ θεῖον μυστήριον ἔνδον τοῦ παναγίου ναοῦ γέγονεν, ἐν ᾧ καὶ νῦν ἡ θεία ἵδρυται σορός, ὁ γὰρ λαὸς οὐκ ἐνεδίδου προστρέχων καὶ συνέχων καὶ σπᾶσαι θέλων ἐκ τοῦ μυστηρίου ἁγιασμόν, εὐχερῆ τῷ ἱεράρχῃ[а] τὴν δίοδον. εὐθὺς μία καὶ συμμιγὴς ἤρθη ἐφ' ἱκανὴν[б] ὥραν βοὴ τοῦ λαοῦ τὸ «κύριε ἐλέησον» κράζοντος. τῶν δὲ δακρύων ἡ ἔκχυσις, ὡς ἀπό τινος ὄμβρου[в], τὸ τοῦ ἁγίου τόπου κατέβρεξεν ἔδαφος.

11. Τότε τοίνυν ὁ ἱεράρχης ὃν μὲν ἐβάσταζεν θησαυρόν, ἐν τῷ ἁγίῳ

а ἱεραρχεῖ *ed.* б ἐκανὴν *ed.*
в ὄμβροῦ *ed.*

ровавшая эту (святыню), спасла всѣхъ стекшихся невредимыми.

10. Когда же іерархъ, съ трудомъ, съ большой опасностью неся въ рукахъ божественную тайну, достигъ внутрь всесвятаго храма, въ которомъ и нынѣ зиждется божественная рака, ибо народъ, прибѣгая, задерживая и желая извлечь святыню изъ тайны, не давалъ іерарху свободнаго прохода; тотчасъ поднялся на долгій часъ одинъ смѣшанный возгласъ народа, восклицавшаго «Господи помилуй»! Проливаніе же слезъ, какъ бы отъ нѣкоего дождя, оросило полъ святаго мѣста.

11. Тогда вотъ іерархъ, какое сокровище несъ, положилъ (его)

се Богородица милосердіемъ давши без вреда текшаяся сохрани.

10. Егда отъ васъ бѣду многу патріярхъ пріялъ в руку святую тайну внутрь святаго дому бысть, идѣже нынѣ святый оутверженый ковчегъ, людіе бо не дадяаху предтекуще и држа и исхитити хотя о таины святыню іерарху идущу со славою, и вкупѣ взыде на многъ часъ вопль людскій, зовущій: «Господи помилуй!» Слезъ же проливаніе аки отъ нѣкоего туча святаго мѣста мочаше землю.

11. Тогда оубо іерархъ иже ношаше святый съкровъ на свя-

милосердовавши даръствова и безъ вреда съхрани вся.

10. Егда же с великымъ троудомъ патріархъ нося рукама своима божественую тайну вниде въ церковь, в нейжъ стоитъ божественаа рака, народъ бо не дадяше преди текъ и съгнетаа оудръжати хотяй къждо на освященіе, абіе же людіе възпиша акы единѣмъ гласомъ на многъ часъ: «Господи помилуй», зовуще, слезное жъ пролiаніе акы нѣ отъ какоя туча святаго того мѣста помочи землю.

11. Тогда оубо патріархъ юже ношаше тайну въ святомъ олтари

θυσιαστηρίῳ κεκαλυμμένον ἀπέθετο. ῥίψας δὲ αὐτὸς ἑαυτὸν ὅλον εἰς τὸ ἅγιον ἔδαφος καὶ ὅσα ἔδει καὶ ὅσα νοῦς ποιεῖ προσλαλεῖν τῷ θεῷ, ἠξιωμένος τε καὶ δυνάμενος[а], ἐπιθειάσας καὶ προσευξάμενος σὺν δακρύων ἐκχύσει. τοῦ λαοῦ παντὸς ἔτι τὸ «κύριε ἐλέησον» βοῶντος, ἀναστὰς ἐκ τῆς προσευχῆς καὶ τὰς χεῖρας ἄρας εἰς τὸν οὐρανὸν καὶ πάλιν ἱκετείαν προσαγαγών τε καὶ ποιησάμενος, τρεμούσας τὰς χεῖρας, ἱδρῶτι περιρρεόμενος, τῷ ἁγίῳ ἐκείνῳ μυστηρίῳ ἐπέβαλεν. ἀνοίξας τε ἃς αὐτὸς ἐν ἀρχαῖς ἐπιτεθείκει * σφραγίδας, εὑρίσκει βασιλικὴν ἁλουργίδα μύροις περιειλημμένην καὶ ἄλλοις ἀρώμασιν[б]. ἐκείνην δὲ ἀνειλήσας εὗρεν τὴν ἐσθῆτα τῆς ὄντως ἀληθινῆς[в] βασιλίδος τῆς θεο-

покрытымъ на святомъ престолѣ; самъ же, повергшись всецѣло на святой полъ, насколько нужно было и насколько умъ заставлялъ бесѣдовать съ Богомъ, счелъ приличнымъ и въ состояніи призвать Бога и помолиться съ проливаніемъ слезнымъ. Весь народъ все еще восклицалъ «Господи помилуй»! Возставъ отъ молитвы и поднявъ руки къ небу, снова принеся и сотворивъ моленіе, онъ, обливаясь потомъ, возложилъ дрожащія руки на святую ту тайну, и открывъ печати, которыя онъ самъ въ началѣ приложилъ, онъ обрѣтаетъ царскую порфиру, объятую миромъ и другими ароматами. Развернувъ ее, онъ на-

а δειμάμενος *cod.* * augm. om. cf. ἐπιτέτραπτο Cinnam. 31 Bonn. б ἄρωμασιν *ed.* в ἀλιθινῆς *ed.*

томъ фосіастири покровенъ положи. Поверже же самъ себе на святѣй земли і елико оумъ творитъ бесѣдовати к Богу исходя молитву створи с проливаніемъ слезнымъ, всему народу единаче вопіющимъ: «Господи помилуй!» Въставъ отъ молитвы и руцѣ воздѣвъ к Богу и пакы молитву сотворивъ трепещущи рукама, потомъ обливаемъ святую тайну ѩвѣ откры і отверзъ ѩже бѣ преже печати положи, обрѣте царю окройницу миромъ помазану и інѣми вонями; ту же бо отвивъ

покрывъ положи. Повергъжеся самъ сый на святѣй земли помолися съ слезами; народоѵ всему въпіющу: «Господи помилуй». И въстав'же отъ земля и роуцѣ на небо въздвигъ пакы иноу молитву створивъ трепещущама рукама, и потомъ обливаемъ святыя тоя тайны прикоснуся, отпечатлѣвъ же печятѣ ѩже бѣ самъ испрьва приложя запечятлѣлъ, обрѣте царскую багряницю мѵры і инѣми вонями обвіту; и ту отвивъ обрѣте ризоѵ истинныя царица Богородица блещащу благодать и сілу.

μήτορος, τὴν ἰδίαν ἀποστίλβουσαν χάριν καὶ δύναμιν.

12. Καὶ θέα μοι τοῦ θεοῦ λόγου τὰ θεῖα τεράστια. ἐνταῦθα γὰρ ἐφάνη μάλιστα τὸ ἀψευδὲς τοῦ μυστηρίου καὶ τῆς θεοτόκου ἡ πρόδηλος δύναμις. ἡ μὲν γὰρ ἁλουργὶς βασιλικὴ ὅλη διερρύη καὶ ἔφθαρτο, καίπερ τῆς ἐκ σηρῶν ἐσθῆτος ἐχούσης μᾶλλον τὸ μόνιμον. ἡ δὲ ἐσθὴς ἡ θεία ἐξ ἐρίων εὐφθάρτων ἐξυφασμένη, καὶ ὁ στήμων γὰρ καὶ ἡ κρόκη ἔριόν ἐστιν τὸ αὐτὸ ὁμοειδὲς καὶ ὁμόχροον, διαφθορὰν τὸ σύνολον οὐχ ὑπέμεινεν, ἀλλ' ὅλη ἐστὶν ἀπαθής. ὅλη συνεστῶσα καὶ ἀδιάφθορος, τὸ ἀδιάφθορόν τε καὶ ἀπαθὲς τῆς ἀμφιασαμένης ὑποσημαίνουσα καὶ μεγάλα εἰκότως.

шелъ ризу дѣйствительно истинной царицы Богоматери, блистающую особою благодатью и силою.

12. И зри ми божественныя чудеса Бога Слова! Ибо здѣсь въ особенности явилась истина тайны и явная сила Богородицы: ибо царская порфира вся разодралась и испортилась, хотя риза была и изъ шелка, (стало быть отличалась) особенною прочностью; божественная же риза, вытканная изъ шерсти, легко подвергающейся порчѣ, ибо основа и утокъ есть таже самая волна подобнаго вида и подобнаго цвѣта, совершенно не испытала порчи, но осталась вся невредимою, оставшись цѣлою и безъ порчи, означая нетлѣнность, невредимость и поистинѣ величіе облачавшейся.

обрѣте ризу истинныя цариця Божія Матери свой даръ и силу просвѣщати.

12. И зри Бога и Господа Слова святая чюдеса! Ту бо явися проповѣдающщія сила: окройница бо царя растлѣнна бяше истлѣла, а и сущи свил'на; а святая риза отъ волны тлѣющщія истъкана и синь оубо оутокъ і основа, волненое бо обое единако единакимъ образомъ истлѣнія бо бѣаше не пріяла, но вся безъ вреда, но вся цѣла и неистлѣнна, без вреда носивши и проповѣдающи зѣло по истинѣ.

12. И вижь ми Божіа словесе божествена чюдеса! Ту бо явися паче неложнаа тайна и Богородичина сила: багряница бо царскаа растеклася бяше і истлѣла, а и свілами ткано еже есть вѣчно; божественаа же риза волною ткана еже есть скоро на истлѣніе, то та никакоже отъинудь пріатъ вреда, но вся есть безъ вреда, вся съдръжящися безтлѣнное знаменающі носівшаа ю Богородицю.

13. Ἔδει γάρ, ἔδει τὴν ψυχὴν καὶ σῶμα καὶ λογισμὸν καὶ ἦθος καὶ λόγον καὶ τρόπον καὶ αὐτὴν τὴν ἐνθυμίασιν καθαρὰ κεκτημένην καὶ ἀδιάφθορα, ῥύπου παντὸς ἀνεπίδεκτα καὶ πάσης κηλίδος ἐλεύθερα, μεταδοῦναι καὶ τῇ ἰδίᾳ ἐσθῆτι τὸ ἀδιάφθορον. εἰ γὰρ ἡ σκιὰ τοῦ Πέτρου σουδάριά τε καὶ σιμικίνθια τοῦ χρωτὸς τοῦ Παύλου με(col. 782)ταλαμβάνοντα, πᾶσαν νόσον καὶ πᾶσαν μαλακίαν ἐκ τῶν νοσούντων ἀπήλαυνον, πόσης εἰκὸς[a] ὑπῆρχεν μεταλαβεῖν τῆς χάριτος ταύτην τὴν θείαν καὶ παναγίαν ἐσθῆτα, ἣν οὐ μόνον αὐτὴν πεπιστεύκαμεν ἠμφιέσθαι τὴν τοῦ θεοῦ λόγου μητέρα, ἀλλ' ἐν ᾗ καὶ αὐτὸν πάντως ἔτι νήπιον ὄντα τὸν θεὸν λόγον ἐδέξατό

13. Нужно было, необходимо было имѣть душу, тѣло, помышленіе, нравъ, слово, характеръ и самое воодушевленіе чистыми и непорченными, лишенными всякой нечистоты и свободными отъ всякаго пятна, (чтобы) передать нетлѣнность и самой ризѣ. Ибо если тѣнь Петра, платки и опоясанія, соприкасавшіяся тѣлу Павла, изгоняли всякую болѣзнь и всякую немощь изъ больныхъ, то какую поистинѣ благодать заключаетъ въ себѣ эта божественная и всесвятая риза, которую, (какъ) мы вѣруемъ, не только надѣвала на себя Матерь Бога Слова, но въ ней носила и питала млекомъ самого Бога Слова, въ бытность его еще

a εἰκός ed.

---

13. Лѣпо бо, лѣпо душу бо и тѣло, нравъ и слово і вину и самъ помыслъ чисть имущи и всея скверны не имущи и всея вины празднѣ сущи подати и своей ризѣ неистлѣніе. Елма бо и стѣнь Петровъ и понявица і оубруси и пояси отъ пота Павлова всю болѣзнь и всю печаль отъ болящихъ отгонящи. како не бяше подобно дарьства взяти сей пречистѣй ризѣ, ею же не точію саму вѣруемъ одѣвшуся Божіи Слова Матери. но есть яко и самого того младенца суща Бога Слова держаи и дои сосцама; тѣмъ поистиннѣ свя-

13. Подобаше бо имущи душу и тѣло и смыслъ і образъ и то само помышленіе чисто и нетлѣнно безъ всякоя скверны подати и ризѣ своей нетлѣніе. Аще стѣнь Петровъ і оубруси и потъ Павловъ прилагаеми цѣлбы творяхоу, толікоу паче оубо подобаше пріати благодать тъй божественѣй пресвятѣй ризѣ, юже не точію тъй единой носити ю одѣвшися вѣровахомъ Богу Слова Матери, в ней же васнь и того еще Младенцемъ соуща Бога Слова пріатъ же и подои; тѣм' же васнь божественаа си царскаа поистинѣ риза

τε καὶ ἐγαλούχησεν; ὅθεν εἰκότως ἡ θεία αὕτη καὶ βασιλικὴ ‹καὶ› πρὸς ἀλήθειαν ἐσθὴς οὐ μόνον ὑπάρχει πάσης ἀσθενείας ἐλάτειρα, ἀλλὰ γὰρ καὶ δικαίως ἔχει τὸ ἀπαθές τε καὶ ἀδιάφθορον τὴν ἀφθαρσίαν[a] τε καὶ ἀπάθειαν τῆς ἀμφιασαμένης κηρύττουσα.

14. Ταῦτα τοίνυν ὁ ἱεράρχης ἅπαντα, τῷ τε νοῒ καὶ τοῖς αἰσθητοῖς θεασάμενος ὄμμασιν καὶ ὥσπερ ἔνθους ὑφ' ἡδονῆς γενόμενος, οὐκ ἔκρυψεν ἐν ἑαυτῷ τὸν πλοῦτον τῆς χάριτος· οὐκ ἀφῆκεν ἀμάρτυρον τὸ μυστήριον ἐν ἑαυτῷ μόνῳ περιλαβὼν τούτου τὴν δύναμιν. ἀλλὰ παντὶ τῷ πληρώματι τῆς ἐκκλησίας τὴν χάριν ὑπέδειξεν· τρέμων μὲν ὅλος καὶ δακρύων πηγὰς ἀφείς, τρεμού-

совершенно Младенцемъ? Поэтому дѣйствительно эта божественная царская поистинѣ риза не только служитъ прогонительницею всякой болѣзни, но невредимость и нетлѣніе (ея) правдиво возвѣщаетъ и о нетлѣнности и невредимости облачавшейся.

14. Итакъ іерархъ, видя все это умомъ и чувственными очами, вдохновенный радостью, не скрылъ въ себѣ богатства благодати: не оставилъ въ себѣ одномъ безгрѣховную тайну, воспринявъ ея силу, но показалъ благодать всему церковному собору: весь трясясь и испустивъ источники слезъ, дрожащими руками творя воздвиженіе тайны; народъ сое-

[a] ἀφθαρσίαν *ed.*

тая та и царева риза не точію есть всей язи отгоненіе, но и по правдѣ имать без вреда и неистлѣніе.

14. Си оубо вся ерархъ разумомъ и чювьственыма очима аки просвѣщенъ отъ сладости бывъ, не скры в себѣ богатьства и не остави без послушества тайну в себѣ точію пріимшему силу, но всѣмъ до конца церквамъ показа, трясыйся весь и слезя, трепещущи рукама возвышая тайну; і людемъ паки кричащимъ и плачющимъ и глаголющимъ: «Господи помилуй!»

чію всякоя болѣзні изгонница, но убо и по правдѣ безстрастно же и безтлѣнное нетлѣніе и безстрастіе носившіа ю проповѣдающи.

14. То оубо все патріархъ оумныма и чювьственыма очіма видѣвъ і акы в забвеніи отъ радости бывъ, не скры в себѣ точію пріимъ божественую силоу, но всему народоѵ благодать показа, трепещя весь и слезы проливаа, трепещущама жъ рукама възвышеніе творя тайны тоя; народу пакы с воплемъ възпіющу безпрестани «Господи помилуй».

σας δὲ ταῖς χερσὶν τὴν ὕψωσιν τοῦ μυστηρίου ποιούμενος. τοῦ λαοῦ καὶ αὖθις ὀλολυγμοῖς καὶ βοαῖς ἀσήμοις συμμιγνύντος ἀπαύστως τὸ «κύριε ἐλέησον».

15. Ὅτε δὲ τὰ τῆς θείας ἐκείνης καὶ φοβερᾶς ὥρας τε[a] καὶ θέας ἀρκούντως κατὰ τάξιν καὶ κατὰ μέτρον ἐγένετο, πάλιν ἐπ' ὄψεσιν τῶν ἱερέων κλήρου τε καὶ τοῦ λαοῦ, ἐν τῷ μέρει τῆς βασιλικῆς ἁλουργίδος τὴν θείαν ἐσθῆτα ὁ ἱεράρχης ἐνείλησεν, καὶ κατὰ τὸ πρότερον σχῆμα, ἐν ᾧ ὑπῆρχεν σορίῳ, κατὰ τὸ ἀρκτῷον μέρος τῆς ἁγίας σοροῦ ἐναπέθετο.

16. Τούτων δὲ οὕτως τετελεσμένων, ἡ πανίερος λοιπὸν γέγονεν σύναξις τῶν τε θείων λογίων ἡ συνήθης ἀνάγνωσις καὶ τῆς πανιέρου μυσταγωγίας ἡ θεία ἀνάρρησις· προθέντος πάλιν τοῦ ἱεράρχου ἐν τῷ παναγεστάτῳ τῆς σοροῦ θυσιαστηρίῳ,

a τὲ ed.

дился снова въ оплакиваніи и неясныхъ возгласахъ безпрестанно «Господи помилуй»!

15. Когда же, по чину и по мѣрѣ протекло достаточно того божественнаго и страшнаго часа и зрѣлища, іерархъ снова передъ глазами іереевъ, клира и народа, завернулъ божественную ризу въ часть царской порфиры и по первому образу, въ какой ракѣ она находилась, положилъ (ее) въ сѣверной части (придѣла) святой Раки.

16. Когда же это такимъ образомъ совершилось, явился наконецъ всесвященный соборъ, обычное чтеніе божественныхъ словесъ и божественное провозглашеніе всесвященной службы: когда іерархъ снова положилъ на всесвя-

---

15. Егда же святый той ковчегъ виденъ до конца и по числу бысть, паки предо всѣми церковными людіи во окрой̆ницу царю святую ризу ерархъ обви по первому образу. ıакоже бѣаше в ковчезѣ древле, и полунощи положи.

16. Сему же всему скончавшуся пресвятый соборъ бысть святыхъ словесъ по обычаю почестнѣе бысть; положивше паки іе-

15. Егда же божественаго того и страшнаго видѣніа позоръ доволнѣ и по чину бысть, пакы предъ лицы всего народа патріархъ царскою багряницею божественую роу ризу обви и прьвымъ образомъ, в ней же бѣ святѣй рацѣ положи.

16. Томоу же тако бывшу святаа слоужба бысть рекше литургіи по обычяю; самому па литургисавшу надъ олтар

ὃ αὐτὸς ἐκαινούργησέν τε καὶ καθηγίασεν, τὰ πανάγιά τε καὶ ζωοποιὰ τῆς ἀναιμάκτου θυσίας μυστήρια, ὧν[a] αὐτουργὸς κατὰ τὸ θεῖον γενόμενος λόγιον, μεταλαβών τε τούτων καὶ ἅπασιν μεταδούς, ἔτι τε τὴν εἰρήνην τῷ λαῷ ἐπευξάμενος, ἀπέλυσεν ἅπαντας, τὰ μεγαλεῖα τοῦ θεοῦ καὶ τὴν δόξαν αὐτοῦ τὴν ἀνείκαστον ὑμνοῦντας καὶ ἐξαγγέλλοντας. κλειτήν τε[б] αὐτὴν ἑορτῶν ἑορτὴν ὥρισε γίνεσθαι ταῖς λοιπαῖς ἐτησίοις ταῖς ἐν (col. 783) Βλαχέρναις τελουμέναις τῇ θεοτόκῳ ἑορταῖς τε καὶ πανηγύρεσιν.

томъ жертвенникѣ раки, который онъ самъ обновилъ и освятилъ, всесвятыя и животворящія тайны безкровной жертвы, которыхъ былъ, по божественному слову, виновникомъ; взявъ ихъ и передавъ другимъ, кромѣ того испросивъ миръ народу, отпустилъ всѣхъ, поющихъ и провозглашающихъ величіе Бога и непостижимую его славу, — онъ постановилъ, чтобы тотъ славный праздникъ изъ праздниковъ былъ причисленъ къ остальнымъ ежегоднымъ празднествамъ и торжествамъ, совершаемымъ во Влахернахъ.

17. Οὗτος ὑμῖν ὁ τῶν θείων μυστηρίων, ὦ αὐτόπται καὶ αὐτήκοοι, ὁ τῆς ἐμῆς πενιχρᾶς λόγος δυνά-

17. Вотъ вамъ, самовидцы и самослышатели, слово моей убогой силы о божественныхъ тай-

а ὧν *ed.* б κλειτήν τὲ *ed.*

рарху на честнѣмъ ковчезѣ еже самъ обнови і освяти, святая же и животная без крови жертва тайная бысть отъ ерарха developments вземъ же отъ сихъ и всѣмъ вдавъ еще и миръ людемъ давъ и отпусти вся, величество Божіе и славу ему непобѣдимую славяще и проповѣдающе, славный сый праздникъ праздникомъ суще со инѣми еже Влахернѣ творятъ Богородицы праздникъ.

тыя ракы иже олтарь тъй самъ обнови і освяті, пріим' же отъ пречистыя и жівотворящія безскверныя жрътвы тайны причястникъ бывъ подасть и всему народу пакы же людемъ миръ подавъ и помолився отпоυсти вся, величіа Божіа и славу его неизреченную хваляще исповѣдающя, нарочиту же томоу праздникоυ оуставленоυ быти паче инѣхъ праздникъ иже бываетъ въ Влахернахъ святыя Богородица.

17. Толико намъ отъ святыхъ таинъ, самовидцы и послушатели,

17. Се вамъ о божественыхъ таинъ, самовидци же и самослы-

μεως, μεγάλων μὲν ὑμῖν ἀγαθῶν ὕλην ἔχων ἐν ἑαυτῷ καὶ ὑπόθεσιν, ἅπας δὲ διαρρέων καὶ ἀδρανὴς καὶ ἐξίτηλος τὴν διάνοιαν τηλαυγῶς ὑποδηλῶν τοῦ γεγραφότος καὶ τὴν προπέτειαν. ἀλλ' οὐ παρὰ τοῦτο τὰ θεῖα μυστήρια σμικρυνθήσονται, ἢ τῆς οἰκείας ἐλάττονα περιωπῆς νομισθήσονται· μεγάλα δὲ μένουσι καὶ δυσδιήγητα καθάπερ ἔχουσι φύσεως τοῦ ἰδίου ὕψους μηδαμῶς ἐξιστάμενα, κἂν ὀστρακίνῳ σκεύει τῇ τοῦ γράψαντος νῦν ἀσθενείᾳ καλύπτωνται. ἔσται γὰρ πάντως ἕτερος ὁ χρυσουργεῖν λόγον καλῶς ἐπιστάμενος, καὶ δυνήσεται τὸν Βεσελεήλ ἐκεῖνον μιμούμενος[а] σκηνὴν ἁγίαν γράψαι[б] τὰ θεῖα ταῦτα μυστήρια χωροῦσαν καὶ φέρουσαν.

нахъ, имѣющее въ себѣ матеріалъ и содержаніе великихъ вамъ благъ; все оно расплывчато, слабо и вяло и издалека обнаруживаетъ помышленіе и поспѣшность писавшаго. Но не смотря на это божественныя тайны не умалятся или не будутъ сочтены меньшими собственнаго ихъ вида. Великія и неизглаголанныя (тайны) остаются, какъ не лишаются и характера особой высоты, хотя и покрываются глиняною посудою— теперешнею немощью писавшаго. Ибо конечно будетъ другой, который прекрасно сумѣетъ озолотить слово и будетъ въ состояніи, подражая оному Веселіилу, описать святую скинію, представляю-

а μημούμενος *ed.* б γράψας *ed.*

моея силы нищета словеси многимъ благимъ положеніе имать. отъ мене же худа сила и неразумьство мое ıавѣ проповѣдаетъ написавшаго и деръзнувша. Но не симъ святая сія тайна осудится или сего ради меншаа обдержанія мнѣтися начнутъ, велика же пребываютъ и зѣло проповѣдана, ıако имутъ вещь своея высоты, никако же отступяще, аще і глаголаннымъ сосудомъ писавшаго нынѣ болѣзнію покровени суть: есть бо инъ, еже златити добрѣ оумѣетъ и возможетъ ве-

шялници, моеа нищаа слово силы великъ оубо вамъ благынь вещь имый в себѣ и сказаніе **

τε καὶ ἐγαλούχησεν; ὅθεν εἰκότως ἡ θεία αὕτη καὶ βασιλικὴ <καὶ> πρὸς ἀλήθειαν ἐσθὴς οὐ μόνον ὑπάρχει πάσης ἀσθενείας ἐλάτειρα, ἀλλὰ γὰρ καὶ δικαίως ἔχει τὸ ἀπαθές τε καὶ ἀδιάφθορον τὴν ἀφθαρσίαν[a] τε καὶ ἀπάθειαν τῆς ἀμφιασαμένης κηρύττουσα.

14. Ταῦτα τοίνυν ὁ ἱεράρχης ἅπαντα, τῷ τε νοΐ καὶ τοῖς αἰσθητοῖς θεασάμενος ὄμμασιν καὶ ὥσπερ ἔνθους ὑφ' ἡδονῆς γενόμενος, οὐκ ἔκρυψεν ἐν ἑαυτῷ τὸν πλοῦτον τῆς χάριτος· οὐκ ἀφῆκεν ἀμάρτυρον τὸ μυστήριον ἐν ἑαυτῷ μόνῳ περιλαβὼν τούτου τὴν δύναμιν. ἀλλὰ παντὶ τῷ πληρώματι τῆς ἐκκλησίας τὴν χάριν ὑπέδειξεν· τρέμων μὲν ὅλος καὶ δακρύων πηγὰς ἀφείς, τρεμού-

a ἀφθαρσίαν *ed.*

совершенно Младенцемъ? Поэтому дѣйствительно эта божественная царская поистинѣ риза не только служитъ прогонительницею всякой болѣзни, но невредимость и нетлѣніе (ея) правдиво возвѣщаетъ и о нетлѣнности и невредимости облачавшейся.

14. Итакъ іерархъ, видя все это умомъ и чувственными очами, вдохновенный радостью, не скрылъ въ себѣ богатства благодати: не оставилъ въ себѣ одномъ безгрѣховную тайну, воспринявъ ея силу, но показалъ благодать всему церковному собору: весь трясясь и испустивъ источники слезъ, дрожащими руками творя воздвиженіе тайны; народъ сое-

---

тая та и царева риза не точію есть всей ꙗзи отгоненіе, но и по правдѣ имать без вреда и неистлѣніе.

14. Си оубо вся ерархъ разумомъ и чювьствеными очима аки просвѣщенъ отъ сладости бывъ, не скры в себѣ богатьства и не остави без послушества тайну в себѣ точію пріимшему силу, но всѣмъ до конца церквамъ показа, трясыйся весь и слезя, трепещущи рукама возвышая тайну; і людемъ паки кричащимъ и плачющимъ и глаголющимъ: «Господи помилуй!»

чію всякоя болѣзні изгонница, но убо и по правдѣ безстрастно же и безтлѣнное нетлѣніе и безстрастіе носившіа ю проповѣдающи.

14. То оубо все патріархъ оумныма и чювьственыма очіма видѣвъ і акы в забвеніи отъ радости бывъ, не скры в себѣ точію пріимъ божественую силоу, но всему народоу благодать показа, трепещя весь и слезы проливаа, трепещущама жъ рукама възвышеніе творя тайны тоя; народу пакы с воплемъ въпіющу безпрестани «Господи помилуй».

λευόμενον, ἀπόστρεψον ἀπ' αὐτῆς, ἐμφανῶς δεικνῦσα, ὅτι τῇ σῇ ἡ πόλις δυνάμει[a] τειχίζεται. ὅσαι δὲ ψυχαί τε καὶ πόλεις ὑπὸ βαρβάρων ἤδη κεκράτηνται, ἀνακάλεσαι ταύτας καὶ ἐξαγόρασον, ὡς πάντα ἰσχύουσα. δώρησαι δὲ καὶ εἰρήνην σταθερὰν τοῖς οἰκοῦσι τὴν πόλιν σου, πᾶσαν ταραχὴν ἐμφύλιον ἐξ αὐτῆς ἀπελαύνουσα. λιμοῦ καὶ λοιμοῦ ταύτην λύτρωσαι, δέσποινα, πυρός τε καὶ σεισμοῦ καὶ παντὸς[б] ἑτέρου πράγματος βλάπτειν ἰσχύοντος, πλουσίαν αὐτῇ διαπαντὸς τὴν παρὰ σοῦ δωρουμένη βοήθειαν. τοῖς πιστοῖς βασιλεῦσιν ἡμῶν εἰρηνικὸν παράσχου καὶ πολυχρόνιον τὸ βασίλειον. τὸν ὅσιον ἱεράρχην ἐπὶ μῆκος βίου φωτίζοντα

да, замышляющаго что либо воинственное на него (градъ); ясно покажи, что градъ укрѣпляется твоею силою; сколько душъ и градовъ взято уже варварами,— возжови ихъ и выкупи, яко всемогущая; даруй же и миръ крѣпкій жителямъ града твоего, отгоняя изъ него всякій племенной мятежъ; избави его, Госпоже, отъ глада и язвы, огня и труса и всякой другой вещи, могущей вредить, даруя ему собою безпрестанно богатую помощь; даруй вѣрнымъ царямъ нашимъ мирное и многолѣтнее царство; сохрани на долготу жизни блаженнаго іерарха, просвѣщающаго народъ; всѣмъ же намъ

а δεινάμει *ed.* б πάντος *ed.*

нія, всю же немъ отъ коегождо ꙗзыка суще ратника нѣчто на ны мысляще возвратити отъ него ꙗвѣ покажюще, ꙗко твоею силою храняй градъ свой отъ сего держится; возови я искупи всемогущи; дай же миръ оуставленый живущимъ во градѣ твоемъ, смерти и глада си избави, Владыко, огня и труса и всего иного дѣла, могуща вредити; богатую помощь отъ себе подавай вѣрнымъ царемъ нашимъ, мирно дай же имъ и многолѣтное царство; преподобнаго патріярха на долзѣ жизни просвѣщающа люди своя сохра-

ніа, и вся поганыя страны сущя и мыслящу ратію на тя възврати я отъ него ꙗвѣ показающи, ꙗко твоею силою градъ твердится; елико же душь и градъ погаными нынѣ одръжими суть възврати я і искупи ꙗко всяческы могущи; даръствуй же миръ тверд' живущимъ въ градѣ твоемъ, всякъ мятежь оусобичный отъ него ізгонящи, отъ глада жъ и пагубы и[з]бави, Владычице, к семоу же и от труса и отъ всякоя иноя ве[щи] могущаа вредъ створ[и] ꙗже отъ тебе вы[...] помощь вѣрнымъ ц[...]

щую и носящую эти божественныя тайны.

18. Ἀλλ', ὦ δέσποινα πάναγνε καὶ ἄφθορε καὶ ἀκήρατε, ἣν ὁ πατὴρ καὶ θεὸς ἡγίασέν τε καὶ ἐξελέξατο καὶ ἀξίαν ἔκρινεν τοῦ ἐξ αὐτῆς σαρκωθῆναι τὸν συναΐδιον αὐτῷ λόγον καὶ ὁμοούσιον, ἣν ὁ θεὸς λόγος ὁ τῷ πατρὶ συνάναρχος μητέρα κυρίως κατὰ σάρκα πεποίηται, ἐν ᾗ τὸ ἅγιον[a] καὶ ζωοποιὸν πνεῦμα ἐσκήνωσεν, ἀναφαίρετόν σου τὴν[б] χάριν τῇ πόλει σου διαφύλαξον, καὶ μὴ ἐπίδοι λοιπὸν ὀφθαλμὸς ἀνθρώπου θείας ἐκκλησίας βεβήλωσιν ἢ τῆς δουλικῆς σου ταύτης ἐρήμωσιν πόλεως. πάντα τε βάρβαρον ἐξ οἱουδήποτε ἔθνους ὑπάρχοντα, πολέμιόν τι κατ' αὐτῆς βου-

a ἅγίον *ed.* б τὴν *ed.*

18. Но, о всечистая, невредимая и непорочная Госпоже, которую Отецъ и Богъ освятилъ, избралъ и удостоилъ воплотитися отъ нея совѣчному ему и единосущному Слову, которую Богъ Слово, собезначальный Отцу, властно сдѣлалъ Матерью по плоти, въ которой поселился святый и животворящій Духъ,—сохрани граду твоему неотъемлемую твою милость, и да не увидитъ такимъ образомъ человѣческое око оскверненія божественной церкви или запустѣнія сего твоего рабскаго града; отжени отъ него всякаго врага, изъ какого бы онъ ни былъ наро-

---

селяся оного подражати святыя сія тайны вмѣстящеся и держащу.

18. Но, Владыка чистые и нетлѣющія и безсмертная, юже Отець Богъ святый избра и достойную отлучи отъ нея воплотитися присносущнымъ Сыномъ и Словомъ единосущна, юже Богъ Слово еже со Отцемъ искони сый, Матерь истинну по плоти, в ней же есть святый Духъ животворный вниде, благимъ своимъ даромъ градъ свой сохрани, да не видитъ отселе человѣкъ святыя церкви твоея оскверненія или рабъ твоихъ или граду запустѣ-

18. Но, о пресвятаа Владычице и нетлѣнная и безсмертнаа, юже Отець и Сынъ освяти же і избра і изволи отъ нея въплотитися сприсносущему его Слову, купно же сущему юже Богъ Слово иже Отцу събезначаленъ Матерь поистинѣ и по плоти створи, в́ ней же святый животворивый Духъ вселися, неотнятною благодатію градъ свой съхрани, и да не видитъ оубо око человѣческое божественыхъ церквій оскверненіа или рабіа ти сего града опустѣ-

λευόμενον, ἀπόστρεψον ἀπ' αὐτῆς, ἐμφανῶς δεικνῦσα, ὅτι τῇ σῇ ἡ πόλις δυνάμει[а] τειχίζεται. ὅσαι δὲ ψυχαί τε καὶ πόλεις ὑπὸ βαρβάρων ἤδη κεκράτηνται, ἀνακάλεσαι ταύτας καὶ ἐξαγόρασον, ὡς πάντα ἰσχύουσα. δώρησαι δὲ καὶ εἰρήνην σταθερὰν τοῖς οἰκοῦσι τὴν πόλιν σου, πᾶσαν ταραχὴν ἐμφύλιον ἐξ αὐτῆς ἀπελαύνουσα. λιμοῦ καὶ λοιμοῦ ταύτην λύτρωσαι, δέσποινα, πυρός τε καὶ σεισμοῦ καὶ παντὸς[б] ἑτέρου πράγματος βλάπτειν ἰσχύοντος, πλουσίαν αὐτῇ διαπαντὸς τὴν παρὰ σοῦ δωρουμένη βοήθειαν. τοῖς πιστοῖς βασιλεῦσιν ἡμῶν εἰρηνικὸν παράσχου καὶ πολυχρόνιον τὸ βασίλειον. τὸν ὅσιον ἱεράρχην ἐπὶ μῆκος βίου φωτίζοντα

да, замышляющаго что либо воинственное на него (градъ); ясно покажи, что градъ укрѣпляется твоею силою; сколько душъ и градовъ взято уже варварами,— воззови ихъ и выкупи, яко всемогущая; даруй же и миръ крѣпкій жителямъ града твоего, отгоняя изъ него всякій племенной мятежъ; избави его, Госпоже, отъ глада и язвы, огня и труса и всякой другой вещи, могущей вредить, даруя ему собою безпрестанно богатую помощь; даруй вѣрнымъ царямъ нашимъ мирное и многолѣтнее царство; сохрани на долготу жизни блаженнаго іерарха, просвѣщающаго народъ; всѣмъ же намъ

а δεινάμει *ed.* б πάντος *ed.*

нія, всю же немъ отъ коегождо ꙗзыка суще ратника нѣчто на ны мысляще возвратити отъ него ꙗвѣ покажющи, ꙗко твоею силою храняй градъ свой отъ сего держится; возови я искупи всемогущи; дай же миръ оуставленый живущимъ во градѣ твоемъ, смерти и глада си избави, Владыко, огня и труса и всего иного дѣла, могуща вредити; богатую помощь отъ себе подавай вѣрнымъ царемъ нашимъ, мирно дай же имъ и многолѣтное царство; преподобнаго патріярха на долзѣ жизни просвѣщающа люди своя сохра-

нія, и вся поганыя страны сущя и мыслящу ратію на тя възврати я отъ него ꙗвѣ показающи, ꙗко твоею силою градъ твердится; елико же душь и градъ погаными нынѣ одрьжими суть възврати я і искупи ꙗко всяческы могущи; дарьствуй же миръ тверд' живущимъ въ градѣ твоемъ, всякъ мятежь оусобичный отъ него ізгонящи, отъ глада жъ и пагубы избави, Владычице, к семоу же и отъ труса и отъ всякоя иноя вещи могущаа вредъ створити; богатому ꙗже отъ тебе выну дарьствуй помощь вѣрнымъ царемъ нашимъ

τὸν λαὸν διαφύλαξον. πᾶσι δὲ ἡμῖν κοινῶς δεομένοις, καὶ (col. 786) ὑπὲρ αὐτῶν ἰδίως καθικετεύουσιν, ὡς πηγὴ ζωῆς, ὡς θησαυρὸς σωτηρίας, τὰς σὰς εὐεργεσίας καὶ ζῶσι καὶ θνήσκουσι δώρησαι, παρρησίαν ἔχουσα πρὸς τὸν ἐκ σοῦ σαρκωθέντα Χριστὸν τὸν θεὸν ἡμῶν, δι' οὗ καὶ μεθ' οὗ ἡ δόξα πρέπει τῷ ἀθανάτῳ αὐτοῦ πατρὶ καὶ τῷ παναγίῳ καὶ ζωοποιῷ πνεύματι νῦν καὶ ἀεὶ καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων, ἀμήν.

вообще просящимъ и о нихъ особенно молящимся, яко источникъ жизни, яко сокровище спасенія, даруй твои благодѣянія живымъ и умирающимъ, имѣя предстательство къ воплощшемуся отъ тебя Христу Богу нашему, его же ради и съ нимъ же подобаетъ честь безсмертному его Отцу и всесвятому и животворящему Духу нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

няй, всѣм же намъ обще молящимся о нихъ молящаяся пріими молитву аки источникъ животный, скоръ во спасеніе твоею помощію благодать живымъ и мертвымъ подай же, імуще отъ тебе воплощьшемуся Христу Богу нашему, его же ради с нимъ подобна слава[a] со бесмертнымъ его Отцемъ и с пресвятымъ благимъ и животворящимъ его Духомъ, і нынѣ і присно.

мирно подаждь и многовременно царство, преподобнаго патріарха на долзѣ житии и свѣтящя люди съхрани, всѣмъ же намъ общно молящимся акы источникъ жизні, акы скровище спасеніа твоеа благодати живымъ і оумирающимъ даръствуй, ꙗко дръзновеніе имущі къ Христоү Богу нашему, ему жъ подобаетъ слава и честь и дръжава съ Отцемъ и съ святымъ Духомъ нынѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ.

---

a слова *рук.*

Считаемъ не лишнимъ сопроводить этотъ текстъ примѣчаніями, имѣющими цѣлью точнѣйшее выясненіе вопроса о праздникѣ «Положенія ризы», съ которымъ въ тѣсной связи стоитъ вопросъ объ отступленіи Русскихъ. Расположимъ эти замѣчанія въ томъ порядкѣ, въ какомъ представляются данныя Слова, не отличающагося должною послѣдовательностью въ разсказѣ.

Прежде всего мы должны замѣтить, что этою второю частью Георгіева слова (§ 12) пользовался интерполяторъ Георгія инока

(не ранѣе X вѣка): ἥτις (ἐσθὴς) ἐξ ἐρίων ἀφθάρτως (?) ἐξυφασμένη καὶ ὁ στήμων καὶ ἡ κρόκη καὶ ὁμοειδὴς καὶ ὁλόχροος, ἀδιάφθορός ἐστι καὶ ἀλώβητος μέχρι νῦν τὸ θαῦμα τῆς ἀειπαρθένου κηρύττουσα[1]), затѣмъ Іоиль въ XIII вѣкѣ: ἥτις ἐξ ἐρίων εὐφθάρτων ἐξυφασμένη καὶ στημόνων ὁμοιοειδῶν καὶ ὁμοχρόων ἀδιάφθαρτός ἐστιν καὶ ἀδιάλυτος μέχρι τοῦ νῦν τῆς ἀειπαρθένου τὸ θαῦμα σαφῶς κηρύττουσα[2]), наконецъ, въ весьма слабой степени, Никифоръ Каллистъ въ XIV вѣкѣ: ἔνθα νῦν καὶ ἡ τιμία ἐσθὴς ἐστιν ἀσινὴς διατηρουμένη[3]). По нѣкоторымъ отдѣльнымъ выраженіямъ можно судить, что этою частью слова (§ 4) если не пользовался, то былъ знакомъ съ нею редакторъ Лондонскаго извода Повѣсти о Θеофилѣ, сохранившагося въ спискѣ 1111 года и относящагося не ранѣе, какъ къ X—XI вѣку: τὰ τείχη τῆς πόλεως ἁπάσης ἀπ' ἄκρου ἕως ἄκρον ἀνέστησε καὶ ἀνῳκοδόμησε πρὸς ὀχύρωσιν καὶ ἀσφάλειαν τῶν ἐν αὐτῇ κατοικούντων, ἀλλὰ μὴν καὶ μοναστήρια πλεῖστα καὶ τὸν κοσμόσωστον καὶ πάνσεπτον ναὸν τῆς ὑπεραγίας θεοτόκου τῶν Βλαχερνῶν ὁ αὐτὸς Θεόφιλος, ἔξωθεν ὑπάρχοντα καὶ παρὰ πάντων τῶν πολεμίων ἐχθρῶν βέλη δεχόμενον, τόν τε ἄργυρον αὐτοῦ καὶ τὸν χρυσὸν κόσμον αὐτῶν διαρπαζόντων καὶ ἄλλα τινὰ ἔργα καὶ ἀλλόκοτα ἐν αὐτῷ ἐργαζομένων[4]). Такимъ образомъ и здѣсь замѣчаемъ то важное обстоятельство, что о словѣ на принесеніе и положеніе ризы во Влахерны не было извѣстно до X вѣка.

Хартофилаксъ Георгій свидѣтельствуетъ о бывшемъ ранѣе мирѣ государства, когда дѣла шли хорошо и никакой войны не предвидѣлось; Константинополь погрязалъ въ грѣхахъ; божественныя кары, посѣтившія жителей, должны были образумить народъ, обратить его къ Богу и удержать отъ дальнѣйшихъ пороковъ. Мысль эта совершенно тожественна съ разсужденіемъ патр. Фотія по поводу нашествія русскихъ: «надлежало бы благодарить, но мы не были благодарными, спасались, но оставались безпечными»[5]).

О страшномъ мечѣ (ῥομφαία), постигшемъ Византію, Комбефисъ и архіепископъ Филаретъ того мнѣнія, что это было грозное небесное явленіе, которое первый пріурочивалъ къ VII вѣку (комета ξοκιτής

---

1) Georg. ed Muralt, p. 513; для § 13 (о тѣни Петра) отголосокъ у Georg. p. 510.

2) Ioel ed. Bonn. 1836 p. 42.

3) Migne. Patr. graeca, CXLVII. 69.

4) W. Regel. Analecta byzantino-russica, 1891 p. 40.

5) Nauck, 202: Порфирій, 2; русск. пер. проф. Е. Ловягина («Христіанское Чтеніе», 1882, сентябрь—октябрь) стр. 420.

τὸν λαὸν διαφύλαξον. πᾶσι δὲ ἡμῖν κοινῶς δεομένοις, καὶ (col. 786) ὑπὲρ αὐτῶν ἰδίως καθικετεύουσιν, ὡς πηγὴ ζωῆς, ὡς θησαυρὸς σωτηρίας, τὰς σὰς εὐεργεσίας καὶ ζῶσι καὶ θνήσκουσι δώρησαι, παρρησίαν ἔχουσα πρὸς τὸν ἐκ σοῦ σαρκωθέντα Χριστὸν τὸν θεὸν ἡμῶν, δι' οὗ καὶ μεθ' οὗ ἡ δόξα πρέπει τῷ ἀθανάτῳ αὐτοῦ πατρὶ καὶ τῷ παναγίῳ καὶ ζωοποιῷ πνεύματι νῦν καὶ ἀεὶ καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων, ἀμήν.

вообще просящимъ и о нихъ особенно молящимся, яко источникъ жизни, яко сокровище спасенія, даруй твои благодѣянія живымъ и умирающимъ, имѣя предстательство къ воплощшемуся отъ тебя Христу Богу нашему, его же ради и съ нимъ же подобаетъ честь безсмертному его Отцу и всесвятому и животворящему Духу нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

няй, всѣм же намъ обще молящимся о нихъ молящаяся пріими молитву аки источникъ животный, скоръ во спасеніе твоею помощію благодать живымъ и мертвымъ подай же, імуще отъ тебе воплощьшемуся Христу Богу нашему, его же ради с нимъ подобна слава[a] со бесмертнымъ его Отцемъ и с пресвятымъ благимъ и животворящимъ его Духомъ, і нынѣ і присно.

мирно подаждь и многовременно царство, преподобнаго патріарха на долзѣ житіи и свѣтящя люди съхрани, всѣмъ же намъ общно молящимся акы источникъ жизні, акы скровище спасеніа твоеа благодати живымъ і оумирающимъ даръствуй, ѩко дръзновеніе имущі къ Христоу Богу нашему, ему жъ подобаетъ слава и честь и дръжава съ Отцемъ и съ святымъ Духомъ нынѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ.

---

a слова *рук.*

Считаемъ не лишнимъ сопроводить этотъ текстъ примѣчаніями, имѣющими цѣлью точнѣйшее выясненіе вопроса о праздникѣ «Положенія ризы», съ которымъ въ тѣсной связи стоитъ вопросъ объ отступленіи Русскихъ. Расположимъ эти замѣчанія въ томъ порядкѣ, въ какомъ представляются данныя Слова, не отличающагося должною послѣдовательностью въ разсказѣ.

Прежде всего мы должны замѣтить, что этою второю частью Георгіева слова (§ 12) пользовался интерполяторъ Георгія инока

(не ранѣе X вѣка): ἥτις (ἐσθὴς) ἐξ ἐρίων ἀφθάρτως (?) ἐξυφασμένη καὶ ὁ στήμων καὶ ἡ κρόκη καὶ ὁμοειδὴς καὶ ὁλόχροος, ἀδιάφθορός ἐστι καὶ ἀλώβητος μέχρι νῦν τὸ θαῦμα τῆς ἀειπαρθένου κηρύττουσα[1]), затѣмъ Іоиль въ XIII вѣкѣ: ἥτις ἐξ ἐρίων εὐφθάρτων ἐξυφασμένη καὶ στημόνων ὁμοιοειδῶν καὶ ὁμοχρόων ἀδιάφθαρτός ἐστιν καὶ ἀδιάλυτος μέχρι τοῦ νῦν τῆς ἀειπαρθένου τὸ θαῦμα σαφῶς κηρύττουσα[2]), наконецъ, въ весьма слабой степени, Никифоръ Каллистъ въ XIV вѣкѣ: ἔνθα νῦν καὶ ἡ τιμία ἐσθὴς ἐστιν ἀσινὴς διατηρουμένη[3]). По нѣкоторымъ отдѣльнымъ выраженіямъ можно судить, что этою частью слова (§ 4) если не пользовался, то былъ знакомъ съ нею редакторъ Лондонскаго извода Повѣсти о Ѳеофилѣ, сохранившагося въ спискѣ 1111 года и относящагося не ранѣе, какъ къ X—XI вѣку: τὰ τείχη τῆς πόλεως ἁπάσης ἀπ' ἄκρου ἕως ἄκρον ἀνέστησε καὶ ἀνῳκοδόμησε πρὸς ὀχύρωσιν καὶ ἀσφάλειαν τῶν ἐν αὐτῇ κατοικούντων, ἀλλὰ μὴν καὶ μοναστήρια πλεῖστα καὶ τὸν κοσμόσωστον καὶ πάνσεπτον ναὸν τῆς ὑπεραγίας θεοτόκου τῶν Βλαχερνῶν ὁ αὐτὸς Θεόφιλος, ἔξωθεν ὑπάρχοντα καὶ παρὰ πάντων τῶν πολεμίων ἐχθρῶν βέλη δεχόμενον, τόν τε ἄργυρον αὐτοῦ καὶ τὸν χρυσὸν κόσμον αὐτῶν διαρπαζόντων καὶ ἄλλα τινὰ ἔργα καὶ ἀλλόκοτα ἐν αὐτῷ ἐργαζομένων[4]). Такимъ образомъ и здѣсь замѣчаемъ то важное обстоятельство, что о словѣ на принесеніе и положеніе ризы во Влахерны не было извѣстно до X вѣка.

Хартофилаксъ Георгій свидѣтельствуетъ о бывшемъ ранѣе мирѣ государства, когда дѣла шли хорошо и никакой войны не предвидѣлось; Константинополь погрязалъ въ грѣхахъ; божественныя кары, посѣтившія жителей, должны были образумить народъ, обратить его къ Богу и удержать отъ дальнѣйшихъ пороковъ. Мысль эта совершенно тожественна съ разсужденіемъ патр. Фотія по поводу нашествія русскихъ: «надлежало бы благодарить, но мы не были благодарными, спасались, но оставались безпечными»[5]).

О страшномъ мечѣ (ῥομφαία), постигшемъ Византію, Комбефисъ и архіепископъ Филаретъ того мнѣнія, что это было грозное небесное явленіе, которое первый пріурочивалъ къ VII вѣку (комета δοκίτης

---

1) Georg. ed Muralt, p. 513; для § 13 (о тѣни Петра) отголосокъ у Georg. p. 510.

2) Ioel ed. Bonn. 1836 p. 42.

3) Migne. Patr. graeca, CXLVII. 69.

4) W. Regel. Analecta byzantino-russica, 1891 p. 40.

5) Nauck, 202: Порфирій, 2; русск. пер. проф. Е. Ловягина («Христіанское Чтеніе», 1882, сентябрь—октябрь) стр. 420.

въ видѣ меча), а второй къ 864 году. До появленія въ свѣтъ рѣчей Фотія, пожалуй, и можно бы было говорить о чемъ либо въ этомъ родѣ, но теперь какъ разъ это же слово ῥομφαία патріархъ Фотій употребляетъ для обозначенія нашествія Русскихъ: ὡς ῥομφαία δίστομος πᾶσι, ἡ καθ' ἡμῶν ἠκονημένη ῥομφαία [1]). По хартофилаксу Георгію, мечъ этотъ грозилъ разрушеніемъ всей вселенной: безъ сомнѣнія, сильно преувеличенное выраженіе напуганнаго современника-очевидца; и самъ Фотій выражается о Русскихъ, что это «страшная гроза», «страшная кара», «невыносимая молнія» и «ударъ, какъ молнія, ниспосланный съ неба». Говоря о нашествіи враговъ, Георгій скупъ на подробности; онъ не говоритъ даже о корабляхъ и вообще о морскомъ нашествіи; только тексты изъ Іова и Евангелія, на которые онъ ссылается, могутъ отчасти свидѣтельствовать объ этомъ. Замѣтимъ, что и патріархъ Фотій въ двухъ рѣчахъ очень немного говоритъ о русскомъ флотѣ, — онъ также всецѣло занятъ дѣйствіями враговъ на сушѣ. Очевидно, что современники были болѣе поражены разграбленіемъ окрестностей столицы, нежели видомъ непріятельскихъ кораблей, почему и разсказываютъ преимущественно о сухопутномъ нападеніи. Къ великому сожалѣнію, и въ самомъ главномъ для насъ мѣстѣ разсказа Георгій очень кратокъ, отсылая за подробностями о нашествіи Русскихъ къ другимъ книгамъ, тѣмъ не менѣе онъ все-таки передаетъ результатъ нашествія — заключеніе мира между Русскими и Греками: начальникъ (ὁ ἀφηγούμενος) стольких народовъ для заключенія мира, повидимому, желалъ лично видѣться съ императоромъ, и царь внялъ этому. Конечно, это такъ выходитъ съ византійской точки зрѣнія; но съ русской наиболѣе, кажется, правильной, должно предполагать, что Аскольдъ потребовалъ личнаго свиданія съ Михаиломъ и императоръ вынужденъ былъ согласиться на это. Между Греками и Русскими, между христіанами и язычниками заключенъ былъ миръ и, какъ тогда выражались, «любовь». Мы выше видѣли, что Георгій написалъ слово о Ризѣ Богородицы въ 866—867 году; значитъ, въ теченіи какихъ нибудь пяти-шести лѣтъ создалась уже литература о нашествіи Русскихъ и о заключенномъ ими мирѣ. Современники, говоря объ этомъ событіи, вѣроятно касались и статей перваго русскаго договора съ Византіею 860 года, но текста его не сохранилось, какъ не сохранилось греческихъ текстовъ

1) Nauck, 202, 207; Порфирій, 2, 27 (заимствовано изъ Сирах. XXI, 3).

и отъ договоровъ X столѣтія. Въ договорѣ Олега 911 года сказано: «на *удержаніе* и на извѣщеніе *отъ многихъ лѣтъ* межю хрестіаны и Русью *бывьшюю любовь*» [1]): очевидно, что это замѣчаніе не можетъ относиться къ одному первому договору Олега 907 года; ясно, что здѣсь сдѣлано указаніе на болѣе отдаленное событіе, быть можетъ на на договоръ 860 года. Что Фотій не говоритъ о заключеніи мира, отчасти понятно, если принять во вниманіе, что онъ смотритъ на событіе какъ на чудесное проявленіе заступничества Богородицы: введеніе въ рѣчь земныхъ мотивовъ (заключеніе мира быть можетъ при посредствѣ золота) лишило бы вдохновенное слово патріарха единства религіозной идеи. Важнымъ подспорьемъ, въ смыслѣ болѣе отчетливаго представленія картины нашествія Русскихъ и переговоровъ имп. Михаила, является описаніе аналогичнаго случая, имѣвшаго мѣсто въ сентябрѣ 924 года. Болгарскій царь Симеонъ также для заключенія мира желалъ лично видѣться съ императоромъ и Романъ очень обрадовался этому, такъ какъ и самъ того весьма желалъ. Уже велѣно было устроить укрѣпленное мѣсто для огражденія императора во время переговоровъ, какъ Симеонъ снова началъ грабить окрестности и, между прочимъ, сжегъ храмъ Источника. Тогда «царь съ патріархомъ Николаемъ, пребывая во Влахернахъ, вошелъ въ Святую Раку и поднялъ руки на молитву, затѣмъ палъ ницъ и оросилъ слезами святой полъ, умоляя всечистую Богородицу смягчить непреклонное и суровое сердце тиранна и гордеца Симеона и убѣдить его къ заключенію мира. Открыли святой кивотъ, гдѣ сохраняется священный омофоръ пречистой Богородицы, и царь, взявъ его отсюда, покрываясь имъ, какъ бы нѣкіимъ неразрывнымъ шлемомъ, и возложивъ вѣру на чистую Богородицу, какъ бы нѣкую головную защиту, выходитъ изъ храма, защищаемый безопаснымъ оружіемъ. Украсивъ свой военный отрядъ щитами и оружіемъ, онъ отправился въ назначенное мѣсто для переговоровъ съ Симеономъ. Это было въ четвергъ 9 сентября, въ 4-мъ часу дня». Симеонъ явился сюда нѣсколько позже, окруженный также воинами; когда обѣ стороны обмѣнялись заложниками, царь сошелъ съ коня и поздоровался съ императоромъ. Сенаторы между тѣмъ заняли мѣсто на городскихъ стѣнахъ и смотрѣли на картину. Первымъ началъ говорить императоръ: онъ укорялъ Симеона въ пролитіи неповинной крови и напоминалъ, что ему

1) Лаврент. лѣт., изд. 1872 г., стр. 82; Ипатск. изд. 1871 г. стр. 19.

придется дать отвѣтъ на Страшномъ Судѣ Христовомъ. Пристыженный Болгарскій царь согласился на заключеніе мира. Симеонъ получилъ драгоцѣнные дары отъ императора и оба они простившись разстались [1]).—Затѣмъ, возвращаясь снова къ нашему автору, мы должны замѣтить, что сильно преувеличеннымъ кажется выраженіе Георгія τῶν ἐθνῶν ἐκείνων τῶν τοσούτων, такъ какъ на 200 (или 360) корабляхъ не могло находиться особенно много народа; но и Фотій въ этомъ случаѣ выражается сильно: туча враговъ нахлынула, какъ сплошное (πυκνὴ καὶ ἀθρόα) море, какъ морская волна. Въ этомъ пунктѣ мы встрѣчаемся съ совершенно новымъ свидѣтельствомъ, отличнымъ отъ доселѣ извѣстныхъ. По Нестору, во главѣ похода участвовали два брата — Аскольдъ и Диръ. Византійцы и даже самъ Фотій говорятъ только о варварахъ, не называя ихъ начальниковъ; Георгій же упоминаетъ о вождѣ народовъ, но какомъ? Не вдаваясь въ разнаго рода догадки на этотъ счетъ и не повторяя прежнихъ [2]), мы ограничимся лишь замѣчаніемъ: non liquet. Затѣмъ, по Симеону Логоѳету (= Нестору), поднявшаяся буря разбила корабли и Русскіе возвратились только въ ничтожномъ количествѣ. Свидѣтельство Продолжателя Георгія инока, цѣликомъ внесенное Несторомъ въ свою лѣтопись, будто бы буря поднялась при погруженіи Фотіемъ ризы Богородицы въ море, ужe отвергнуто на томъ основаніи, что ни самъ Фотій, ни Скилица-Кедринъ, ни Зонара не говорятъ ни о погруженіи ризы, ни о бурѣ на морѣ, упоминая только о вынужденномъ отступленіи Русскихъ. Современникъ Фотія и очевидецъ событія, Георгій хартофилаксъ также не знаетъ этого. Симеонъ Логоѳетъ разсказываетъ даже, что патріархъ погрузилъ въ море не ризу, а омофоръ Богородицы, но это свидѣтельство крайне подозрительно. Въ V в. принесена была изъ Палестины рака съ ризою (ἐσθής) Богородицы, въ VI в. — Ея Поясъ (ζώνη), но объ омофорѣ (ὠμοφόριον, μαφόριον) нѣтъ никакихъ раннихъ свидѣтельствъ: едва ли не впервые о немъ упоминается въ житіи Андрея Юродиваго, по которому Богородица покрывала омофоромъ

1) Georg. contin. ed. Muralt, p. 824—828: αὐτὸν δὲ τὸν βασιλέα Ῥωμανὸν ἐζήτει θεάσασθαι... Παραγενόμενος δὲ ἐν Βλαχέρναις ὁ βασιλεὺς ἅμα Νικολάῳ ⟨τῷ⟩ πατριάρχῃ ἐν τῇ ἁγίᾳ εἰσῆλθε σορῷ καὶ τὰς χεῖρας ἐξέτεινεν εἰς εὐχήν. εἶτα πρηνὴς πεσὼν τὸ ἅγιον ἔδαφος ἐκεῖνο τοῖς δακρυσι κατέβρεχε, τὴν πανάχραντον θεοτόκον ἀντιβολῶν... πεῖσαι τὸν Συμεὼν τὰ πρὸς εἰρήνην συνθέσθαι...

2) Баеръ, Татищевъ и Миллеръ думали, что Аскольдъ и Диръ есть имя одного человѣка, что *діаръ* на скандинавскомъ языкѣ означаетъ только «полководецъ» (*Карамзинъ*, I прим. 282).

молящійся во Влахернахъ народъ, и затѣмъ подъ 924 годомъ, когда для переговоровъ съ Симеономъ Болгарскимъ императоръ Романъ вышелъ изъ столицы съ омофоромъ Богородицы на головѣ. Весьма любопытно, что употребленное Фотіемъ и Георгіемъ выраженіе *χάλαζα* означаетъ только бурное нашествіе Русскихъ, а не градъ и бурю морскую: (Фотій) *πῦρ καὶ χάλαζα, λιμὸς καὶ θάνατος, ῥομφαία καὶ μάστιξ*[1]), (Георгій § 7) *τὴν ὑπελθοῦσαν ἔλυσεν χάλαζαν ὁ ἥλιος*. Фотій въ двухъ мѣстахъ свидѣтельствуетъ, что Русскіе удалились (*ὑποχωροῦντας, ἀναχώρησις*), и въ одномъ мѣстѣ, что они бѣжали, но тутъ онъ, кажется, грѣшитъ, играя сопоставленіями: *ἄφατος ἦν αὐτῶν ὁ φόβος, εὐκαταφρόνητοι γεγόνασι τῇ φυγῇ*[2]); онъ прибавляетъ, что удаленіе (*ἀναχώρησις*) это было неожиданнымъ (*ἀνέλπιστος*) для Византіи, а стало быть Русскіе удалились, *не имѣя надежды* на взятіе Константинополя. Рѣчь Фотія построена такъ, что допускаетъ чтеніе между строками и, въ сущности, не противорѣчитъ тому, что разсказываетъ Георгій: не имѣя надежды овладѣть столицею, Русскіе заключили миръ и удалились. Время отступленія Русскихъ, по свидѣтельству типика, обнародованнаго и изслѣдованнаго Н. Ѳ. Красносельцевымъ, приходилось на 25 іюня; поэтому мы думаемъ, что когда риза Богородицы, согласно Фотію, обносилась по стѣнамъ столицы, императоръ Михаилъ какъ разъ въ этотъ день (или наканунѣ) заключилъ миръ съ Русскими, послѣ чего флотъ ихъ и удалился. Наиболѣе сильнымъ аргументомъ для подтвержденія словъ Георгія хартофилакса, для доказательства того, что Русскіе отступили съ достоинствомъ, должно считаться свидѣтельство патріарха Николая Мистика (896—907, 912—930): убѣждая Болгарскаго царя Симеона, что нападеніе его на Константинополь противно волѣ Божіей, что Богъ караетъ враговъ, дерзнувшихъ возстать на Византію, Николай приводитъ въ примѣръ нашествія 626, 670 и 716 годовъ, когда непріятельскіе корабли погибли въ морѣ, но при этомъ умалчиваетъ о нашествіи Русскихъ: очевидно, этотъ примѣръ не подходилъ въ разрядъ трехъ прежнихъ, стало быть Русскій флотъ не пострадалъ[3]). К. фонъ Бооръ привелъ доказатель-

1) Nauck, 226; Порфирій, 27 (Сирах. XXXIX. 36). Писатели о набѣгахъ Сарацинъ и Аваровъ въ VII и VIII вѣкахъ, напротивъ, употребляютъ *χάλαζα* въ его основномъ значеніи «градъ»: *χάλαζα παραδόξως κατὰ τῶν βαρβάρων κατηνέχθη* (Theoph. ed. de Boor, I. 315); *χάλαζα ἐξ οὐρανοῦ κατηνέχθη ῥαγδαίως* (Combefis, II. 819).

2) Nauck, 223.

3) В. Н. Златарски. Писмата на цариградския патриархъ Николая Мистика до българския царь Симеона: Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина. София 1894, XI. 18—19.

ство того же не менѣе сильное: онъ цитируетъ Венеціанскую хронику XII вѣка, по которой Normanorum gentes cum *trecentis sexaginta* navibus Constantinopolitanam urbem adire ausi sunt, verum quia nulla racione inexpugnabilem ledere valebant urbem suburbanum fortiter patrantes bellum quam plurimos ibi occidere non pepercerunt, et sic predicta gens *cum triumpho* ad propriam regressa est. [1]).

Итакъ извѣстіе Симеона Логоѳета о гибели судовъ должно считаться подложнымъ, относящимся не къ русскому флоту 860-го, а къ аварскому 626 года. Предшествующее извѣстіе его, о мѣстѣ моленія царя и патріарха во время осады, также носитъ слѣды какой-то несамостоятельности и зависимости отъ описанія аварской и болгарской экспедицій. По словамъ патріарха Никифора, ὁ δὲ ἀρχιερεὺς τῆς πόλεως (патріархъ Сергій въ 626 г.) σὺν Κωνσταντίνῳ τῷ βασιλεῖ εὐχαριστηρίους λιτὰς τῷ θεῷ προσέφερον ἐν τῷ ναῷ τῆς θεομήτορος τῷ ἐν Βλαχέρναις ἱδρυμένῳ ἀφικόμενοι [2]); по разсказу Симеона Логоѳета ὁ δὲ βασιλεὺς (Михаилъ) σὺν τῷ πατριάρχῃ Φωτίῳ εἰς τὸν ἐν Βλαχέρναις ναὸν τῆς τοῦ θεοῦ μητρὸς παρεγένοντο κἀκεῖ τὸ θεῖον ἐξιλεοῦντο καὶ εὐμενίζοντο [3]). Разница между этими текстами только въ томъ, что

---

1) Pertz. Monum. Germ. Hist. Scriptores, VII. 18.

2) Nicephor. ed. de Boor, p. 18. Въ виду того, что въ Византіи тогда было два императора—отецъ и сынъ,—каждый разъ къ слову βασιλεὺς прилагается и имя царя, про какого именно идетъ рѣчь.

3) Georg. ed. Muralt, p. 736—737. Бѣдные свѣдѣніями и фразеологическимъ запасомъ языка, многіе византійскіе писатели о прошлыхъ событіяхъ одного типа выражались часто настолько стереотипно, что иногда подаютъ поводъ дѣйствительно къ мысли о заимствованіи описанія предшествовавшаго событія и пріуроченіи его къ позднѣйшему подобному сюжету; напр.:

Авары и Сарацины 626—716 г.:	*Русскіе 860 г.:*
а) τοῦ θεοῦ διὰ τῶν πρεσβειῶν τῆς πανυμνήτου θεοτόκου συνεργήσαντος... ταῖς πρεσβείαις τῆς ἀχράντου καὶ θεομήτορος παρθένου ἡττήθησαν (Theophan. ed. Boor, I. 315, 316); ἀφανισμῷ ἅπαντας δέδωκε παντελεῖ (Combefis, II. 807)	а) οἱ διὰ πρεσβειῶν τῆς πανυμνήτου θεοτόκου... κατὰ κράτος ἡττήθησάν τε καὶ ἠφανίσθησαν (Cumont. Aned. Brux. I. 33).
б) μετὰ μεγάλης αἰσχύνης εἰς τοὺς ἑαυτῶν τόπους ὑπέστρεψαν (Theophan, I. 316); ὑπέστρεψε καὶ αὐτὸς διακενὴς εἰς τὰ ἴδια (Combefis, II. 815).	б) ἐπὶ τὰ ἴδια μεθ' ἥττης ὑπέστρεψαν (cod. Vatic. Georg. ed. Muralt, 737); «възвратишесь тьщи» (Паралип. Зонаринъ: Чт. Общ. Ист. и Др., г. III, № 1 стр. 101).
в) οἱ καὶ ἀπώλοντο θείας δίκης πειραθέντες (Combefis, II. 806); κατὰ δικαίαν ὀργὴν τοῦ θεοῦ ἄρδην ἀπώλετο (Combefis, II. 815).	в) τῆς θείας πειραθέντες ὀργῆς οἴκαδε ὑπενόστησαν (Cedr. II. 173); θείου πειραθέντες μηνίματος ἀπελθεῖν (Zonar., ed. Dindorf., IV, 15).

Любопытна вставка въ 1 Соф. и Воскр. лѣт., указанная намъ Д. Ѳ. Кобеко (*П. С. Р. Л.* V. 172, VII. 112): «Въ Лахернѣ риза святой Богородицы и поясъ комать,

Сергій съ Константиномъ явились во Влахерны *послѣ* ухода враговъ и здѣсь отслужили благодарственный молебенъ; а Фотій съ царемъ явились во Влахерны и молились объ избавленіи *во время* осады столицы Русскими. Само по себѣ это нисколько не удивительно: въ 822 г., во время осады столицы Ѳомою, императоръ Михаилъ съ Ѳеофиломъ находились во Влахернахъ, въ 924 г. во время осады Византіи Симеономъ Болгарскимъ императоръ Романъ и патріархъ Николай также молились во Влахернахъ; но Симеонъ Логоѳетъ пользовался въ занимающемъ насъ вопросѣ смутными преданіями, почему мы и отдаемъ предпочтеніе разсказу Георгія хартофилакса, какъ очевидца событія. Правда, онъ не говоритъ, что императоръ Михаилъ вернулся въ столицу изъ Сарацынскаго похода — во время осады города Русскими; но въ виду того, что онъ вообще здѣсь умышленно кратокъ и говоритъ объ императорѣ постольку, поскольку онъ прикосновенъ къ дѣлу положенія ризы, — умолчаніе хартофилакса становится отчасти понятнымъ. Изъ дворца своего, разсказываетъ онъ, императоръ явился въ Іерусалимскій храмъ Богородицы, находящійся внутри стѣны около Золотыхъ воротъ, и здѣсь молился вмѣстѣ съ патріархомъ.

О мѣстоположеніи храма «Іерусалимъ» (въ другихъ источникахъ встрѣчается выраженіе «Новый Іерусалимъ») доселѣ между изслѣдователями существуетъ разногласіе: Дюканжъ, Г. С. Дестунисъ и др. того мнѣнія, что онъ находился около Золотыхъ воротъ *внутри* города, но Ск. Византій, архим. Сергій и особенно Н. Ѳ. Красносельцевъ стали доказывать, что онъ помѣщался около Золотыхъ воротъ *за* городомъ. При этомъ остается все еще непорѣшеннымъ вопросъ о томъ, какая именно церковь носила это имя. Послѣ тщательныхъ изысканій и сопоставленія существующихъ въ печати источниковъ съ впервые обнародованными, Н. Ѳ. Красносельцевъ пришелъ къ заключенію, что «Новымъ Іерусалимомъ» (или просто Іерусалимомъ) первоначально, съ половины V в., т. е. съ того времени, какъ принесена

Пріидоша нѣкогда ратніи по суху и по морю, патріархъ же Сергій омочивъ ризу святѣй Богородицы въ морѣ, и вскипѣ море, и потопоша ратніи, а иніи ослѣпоша и побѣгоша отъ страха»; вѣроятно на основаніи этого свидѣтельства ученѣйшій Іоанникій Галятовскій, говоря о спасеніи Цареграда отъ Русскихъ, называетъ тогдашняго патріарха Сергіемъ (Небо Новое, Львовъ, 1665, л. 18). И наоборотъ, нѣкоторые византійцы, говоря объ Аварской экспедиціи 626 г., называютъ ее Русскимъ походомъ: ср. Σάθας· Μεσαιωνικὴ βιβλιοθήκη, VII. 108 (=Визант. Врем., 1895 стр. 446). Въ такомъ же отношеніи Греки Русскими называли даже и Готовъ временъ Константина Великаго (Niceph. Greg. I. 289 Bonn.).

была въ Константинополь икона Іерусалимской Богоматери, называлась—церковь св. Діомида на Свѣтлой рѣкѣ (около Золотыхъ воротъ внѣ города), гдѣ эта икона была поставлена. Затѣмъ, тутъ же построена была церковь Богоматери («Живоноснаго Источника»), куда и перенесена была икона. Обѣ эти церкви находились между собою въ такой тѣсной связи, что празднованіе памяти св. мученика Діомида называлось соборомъ или собраніемъ въ храмѣ пресвятой Богородицы Іерусалимской. Съ теченіемъ времени, когда икона Іерусалимской Богоматери перенесена была отсюда въ другое мѣсто (во Влахерны), названіе «Іерусалимъ» мало помалу забылось» [1]). Намъ кажется, что мнѣніе это не во всѣхъ частяхъ можетъ заслуживать признанія — хотя бы просто потому, что мы имѣемъ два названія: Іерусалимъ и Новый Іерусалимъ, встрѣчающіяся въ источникахъ при описаніи *разныхъ* событій. По свидѣтельству Ѳеофана, *Іерусалимомъ* назывался храмъ св. Діомида [2]), но сей послѣдній по крайней мѣрѣ прежде посвященъ былъ во имя пророка Иліи [3]). Никодимъ Святогорецъ помѣщаетъ св. Діомида внутри храма Богородицы [4]) и это тѣмъ болѣе заслуживаетъ довѣрія, что подтверждается свидѣтельствомъ Сирмундова Пролога X—XI в., по которому память св. Діомида соединяется съ «соборомъ въ храмѣ Богородицы *Іерусалимской*» [5]). Итакъ, *Іерусалимомъ* назывался храмъ (или монастырь) св. Діомида, составлявшій придѣлъ храма Богородицы; отсюда и понятно свидѣтельство хартофилакса Георгія *ἐν τῷ ναῷ τῆς θεοτόκου, ὅς Ἱερουσαλὴμ ὀνομάζεται*. Что касается до его мѣстоположенія, то, какъ сказано, одни помѣщаютъ его около Золотыхъ воротъ *внутри*, другіе—*внѣ* городской стѣны. Большинство свидѣтельствъ говоритъ въ пользу перваго положенія [6]); укажемъ здѣсь только на одно изъ нихъ: около 838 года Василій, родомъ изъ Македоніи, отправился въ Константинополь и εἰσελθὼν ἔνδον χρυσῆς πόρτης отъ усталости прилегъ на ступенькахъ св. Діомида [7]); свидѣтельство хартофилакса Георгія вполнѣ подтвер-

---

1). Н. Ѳ. Красносельцевъ. Типикъ церкви св. Софіи: Лѣтопись ист.-фил. Общества при Новороссійскомъ университетѣ, Византійское отдѣленіе. Одесса 1892, I. 193.

2) Theophan. ed. de Boor, I. 287: λιτὰς ἐκβαλεῖν Εὐτύχιον τὸν πατριάρχην εἰς Ἱερουσαλὴμ, τοῦτ' ἔστιν εἰς τὸν ἅγιον Διομήδην.

3) Symeon. Mag. ed. Bonn. c. 11 p. 655 (Georg. ed. Muralt, p. 726).

4) Выписка у Н. Красносельцева, 189.

5) Н. Красносельцевъ, 191.

6) Ducangius. Familiae byzantinae. Constantinopolis christiana, IV. 123.

7) Sym. Mag. ed. Bonn. 1838 c. 11 p. 655 (ср. Georg. ed. Muralt, p. 726).

ждаетъ этотъ фактъ, а именно, что «Іерусалимъ» ἔνδον τῆς πύλης κεῖται ἣν χρυσῆν καλοῦσιν. Обратимся теперь къ названію «Новый Іерусалимъ». Въ типикѣ св. Софіи подъ 16 августа отмѣчена «память страха, бывшаго въ *Новомъ Іерусалимѣ* вблизи Золотыхъ воротъ»[1]) съ литіею, которая выходитъ изъ св. Софіи на форумъ, направляется къ Золотымъ воротамъ, *проходитъ чрезъ нихъ* и входитъ «въ честный храмъ всесвятой Богородицы, называемый *Новый Іерусалимъ*»[2]). Отсюда совершенно ясно, что храмъ Богородицы *Новый Іерусалимъ* находился *внѣ* городской стѣны. Н. Ѳ. Красносельцевъ говоритъ: «Едва ли не ближе всѣхъ къ Золотымъ воротамъ (внѣ города), между этими послѣдними и воротами Силиврійскими, называемыми также воротами Источника, былъ храмъ Богоматери Живоноснаго Источника; не слѣдуетъ ли названіе *Новый Іерусалимъ* отнести къ этому именно храму? Нигдѣ мы не находимъ извѣстія, чтобы храмъ этотъ когда нибудь назывался Новымъ Іерусалимомъ, тѣмъ не менѣе мы считаемъ это болѣе чѣмъ вѣроятнымъ»[3]). Такимъ образомъ, этотъ ученый отожествляетъ Новый Іерусалимъ съ церковью Живоноснаго Источника, и мы вполнѣ готовы присоединиться къ нему въ этомъ предположеніи. Но въ дальнѣйшемъ онъ старается связать Пигію и съ церковью Діомида, то-есть, Новый Іерусалимъ съ Іерусалимомъ, чего совершенно нельзя допустить. Изученіе топографіи Константинополя привело къ наглядному выводу, что монастырь св. Діомида (внутри города) и храмъ Пиги (внѣ стѣны) отстоятъ на столь большомъ пространствѣ другъ отъ друга, что совершенно немыслимо и думать о ихъ смѣшеніи[4]). Ошибка г. Красносельцева произошла главнымъ образомъ отъ неправильнаго объясненія одного мѣста типика подъ 16 августа: εὐχή, λεγομένη ἐν λιτῇ γινομένῃ διὰ φόβον εἰς τὸν κάμπον εἰς τὸν ἅγιον Διομήδην ἐξώπορτα καὶ εἰς τὴν παλαιὰν πέτραν[5]). Отожествивъ Новый Іерусалимъ съ храмомъ Живоноснаго Источника (внѣ стѣны), онъ сообразно съ этимъ истолковалъ и эту выписку, то-есть, что св. Діомидъ стоялъ *въ полѣ*, *внѣ стѣны*, а потому онъ (= Іерусалимъ) тожественъ съ Пигіею (= Новымъ Іерусали-

1) Н. Красносельцевъ, 188.

2) Н. Красносельцевъ, 188.

3) Н. Красносельцевъ, 190.

4) Н. П. Кондаковъ. Византійскія церкви и памятники Константинополя. Одесса 1887 стр. 103 (на картѣ).

5) Н. Красносельцевъ, 189; литія въ полѣ совершалась еще во время имп. Маркіана: ἐν δὲ ταῖς γινομέναις ἐν τῷ κάμπῳ λιταῖς (Georg. ed. Muralt, p. 506).

момъ). Однако εἰς τὸν κάμπον относится къ γινομένῃ, а всѣ остальныя слова εἰς τὸν ἅγιον Διομήδην, ἐξώπορτα καὶ εἰς τὴν παλαιὰν πέτραν относятся къ λεγομένῃ, то-есть, молитва въ литіи въ память страха въ полѣ (за городской стѣной, въ Новомъ Іерусалимѣ) произносилась въ слѣдующихъ пунктахъ слѣдованія изъ св. Софіи: 1) въ св. Діомидѣ (внутри города), 2) внѣ стѣны и 3) въ старой Петрѣ. Второе видимое подтвержденіе тожества Діомида съ Пигіею г. Красносельцевъ находитъ въ указаніи, что съ одной стороны въ типикѣ св. Діомидъ помѣщается εἰς λευκὸν ποταμόν [1]), а съ другой въ Прокопіевыхъ «Постройкахъ Юстиніана» въ мѣстности Живоноснаго Источника находился источникъ съ γαληνὸν τὸ ὕδωρ καὶ πότιμον [2]); впрочемъ это соображеніе недостаточно убѣдительно: св. Діомидъ могъ находиться на свѣтлой рѣкѣ самъ по себѣ (внутри города), а церковь Пигія съ источникомъ тихой и годной для питья воды — сама по себѣ (внѣ стѣны). Такимъ образомъ недоразумѣнія устраняются и св. Діомидъ (=Іерусалимскій храмъ Богородицы) оказывается стоявшимъ около Золотыхъ воротъ внутри города [3]). — Возвращаясь къ прерванному разсказу хартофилакса Георгія, мы должны вполнѣ ему довѣриться, именно, что имп. Михаилъ и патр. Фотій, повергшись ницъ на церковный полъ Іерусалимскаго храма Богородицы внутри города, молили Бога объ избавленіи столицы отъ русскаго нашествія.

Разсказъ Георгія, описывающаго опустошеніе Русскими окрестностей, во многомъ напоминаетъ проповѣдь патріарха.

Фотій:	Георгій:
1. ὡς ἀκρὶς ἐν ληΐῳ εἰσπεσόν (N. 208; П. 8).	1. ὁ βροῦχος ἐκεῖνος ἐπελθών.
2. τὰ δὲ πέριξ αὐτῆς ἐληΐσαντο καὶ τὰ πρὸ τοῦ ἄστεως ἐλυμήναντο (N. 218; П. 17).	2. ἅπαντα τὰ πέριξ τοῦ ἄστεως ἐλυμήνατο.
3. ὁ τοῦ πολέμου λοιμὸς τὸ προστυχὸν λυμαινόμενος, πᾶσα ἐλπὶς ἀνθρωπίνη ἐξ ἀνθρώπων ἐρρύη (N. 220, 221).	3. ἡ τῆς φοβερᾶς καὶ φθοροποιοῦ νόσου ἀνάβασις, καὶ τις παρασκευὴ ἀνθρωπίνως εἰπεῖν οὐκ ἠλπίζετο.

1) Н. Красносельцевъ, 191.

2) Никифоръ Каллистъ (Migne. Patr. graeca, CXLVII. 72, 76, 77) выражается объ источникѣ: ἀφθόνου καὶ διειδοῦς νάματος; ψυχρὰ τε καὶ διειδῆ ῥεῖθρα; διειδές τε καὶ κοῦφον.

3) Дюканжъ отличалъ монастырь Діомида отъ «Іерусалима»; но въ этомъ случаѣ *онъ подъ «Іерусалимомъ»* разумѣлъ, вѣроятно, собственно «Новый Іерусалимъ».

Изъ Слова не видно, гдѣ находился патріархъ и императоръ въ тотъ моментъ, когда доложено было о принесеніи изъ Влахернъ раки— въ Іерусалимской церкви, или у себя въ патріархіи и во дворцѣ? Ковчегъ, по запечатаніи его, былъ поставленъ въ ризницу св. Софіи (отъ Влахернъ и отъ «Іерусалима» совсѣмъ въ противоположной части города), и неясно, какимъ образомъ и когда онъ изъ великой церкви былъ перенесенъ въ храмъ св. Лаврентія (противъ Стекольныхъ воротъ—Джубаликапу—выходящихъ на Золотой Рогъ), поближе къ Влахернамъ. Быть можетъ, слѣдуетъ предположить, что изъ св. Софіи Фотій взялъ раку для несенія ея по стѣнамъ города 24—25 іюня и затѣмъ уже, обойдя городъ, положилъ ее въ Лаврентіевской церкви.

Дальнѣйшій разсказъ вполнѣ понятенъ и не нуждается въ объясненіи. Не можемъ умолчать здѣсь и не удивиться, что ученые агіологи, трактуя о праздникѣ 2-го іюля, о Положеніи ризы Богородицы во Влахернахъ, въ своихъ изысканіяхъ не идутъ далѣе V столѣтія, говоря въ сущности только о принесеніи ризы изъ Іерусалима въ Константинополь [1]). Они ссылаются на Менологій Василіевъ, не подозрѣвая, что это только сокращенная компиляція съ неподходящимъ къ ней заглавіемъ, что она не имѣетъ ровно никакого значенія, разъ существуетъ основной текстъ, служившій для Менологія источникомъ. Когда рака съ ризою Богоматери была принесена изъ Іерусалима въ Византію и положена во Влахернской церкви, точнѣе въ нартексѣ Святой Раки, то никакого празднества не было установлено, и нужно было пройти многимъ столѣтіямъ, чтобы ризѣ, прославленной помощью при нападеніи варваровъ въ VII, VIII и IX вѣкахъ, воздано было наконецъ поклоненіе и чествованіе установленіемъ особаго церковнаго празднества 2-го іюля. Намъ, Русскимъ, праздникъ этотъ долженъ быть особенно дорогъ: установленіе его, какъ намъ кажется, вызвано было походомъ Аскольда на Византію... Впрочемъ настаивать на этомъ нѣтъ рѣшительныхъ основаній.

Итакъ, съ допущеніемъ гипотезы архіеп. Филарета, раздѣляемой и нами, въ какомъ же видѣ представляется теперь нашествіе Русскихъ на Византію и положеніе Ризы Богородицы во Влахернахъ?

Нѣсколько сотенъ русскихъ кораблей неожиданно подступило къ Константинополю 18-го іюня 860 года и городъ былъ обложенъ съ моря

---

1) Архим. Сергій. Полный мѣсяцесловъ Востока, II. 185; Н. Красносельцевъ. 287. Позволяемъ себѣ выразить глубокую благодарность В. Гр. Васильевскому, Никольскому и П. А. Сырку за оказанныя намъ одолженія и различнаго рода ука

и съ суши. Императора Михаила не было въ столицѣ,—онъ находился въ походѣ противъ Арабовъ въ Каппадокіи; въ городѣ оставался только полководецъ Никита Оорифа. Развратной столицы нельзя было узнать: закабалявшіе должниковъ смягчились, ростовщики стали теперь творить милостыню; забывшіе о храмахъ теперь стали усердно посѣщать ихъ; прежде веселая Византія, выталкивая отъ себя нищаго, принимала и роскошно угощала шутовъ, смѣялась, пьянствовала, распѣвала скабрезныя пѣсни, проводила время въ сценическихъ забавахъ,—теперь всюду угрюмыя лица, поникшіе взоры; воровства и прелюбодѣянія смѣнились теперь цѣломудренностію; плачъ и рыданія оглашали воздухъ; изрѣдка разносился страшный, хотя и ложный слухъ: «варвары уже перелѣзли черезъ стѣны и городъ уже взятъ врагами»; граждане въ ужасѣ давали обѣты отнынѣ воздерживаться отъ пороковъ. Пока дано было знать императору объ опасности, патріархъ Фотій среди общаго унынія, прерываемаго литіями и моленіями, произнесъ первое слово о нашествіи Русскихъ. «Не теперь надлежало рыдать, говорилъ онъ между прочимъ, а быть благоразумными во всю жизнь; не теперь—раздавать богатство, когда и самъ ты не знаешь, будешь ли владѣть имъ, а раньше воздерживаться отъ чужаго, когда настоящая кара еще не постигла насъ; не теперь оказывать милость, когда торжество жизни готово прекратиться отъ наступившихъ бѣдъ, а не дѣлать несправедливостей тогда, когда возможность этого была въ нашей власти; не теперь—ходить ко всенощнымъ службамъ и на литіи, ударять себя въ грудь и глубоко вздыхать, воздѣвать руки и преклонять колѣна, жалобно плакать и печально смотрѣть, когда на насъ направлены изощренныя жала смерти, а прежде надлежало дѣлать это, прежде упражняться въ дѣлахъ добрыхъ, прежде раскаяваться въ дѣлахъ злыхъ[1]). Горе мнѣ, что я вижу, какъ туча варваровъ увлажаетъ кровію засохшій отъ грѣховъ городъ нашъ; горе мнѣ, что я дожилъ до этихъ несчастій, что неожиданное нашествіе варваровъ не дало времени молвѣ возвѣстить о немъ, дабы можно было придумать что нибудь для безопасности, но въ одно и тоже время мы и увидѣли и услышали и пострадали, хотя напавшіе и отдѣлены были отъ насъ столькими странами и родоначальствами, судоходными рѣками и безпристанищными морями; горе мнѣ, что я вижу, какъ народъ грубый и жестокій окружаетъ городъ и расхищаетъ городскія предмѣстія[2]).

1) *Науск*, 205; *Порфирій*, 5; перев. проф. Е. Ловягина, стр. 422.
2) *Науск*, 207—208; *Порфирій* 7; пер. Ловягина стр. 424.

Гдѣ теперь царь христолюбивый? гдѣ воинства? гдѣ оружія, машины, военные совѣты и припасы? Не другихъ ли варваровъ нашествіе удалило и привлекло къ себѣ все это? Царь переноситъ продолжительные труды за предѣлами имперіи, вмѣстѣ съ нимъ отправилось переносить труды и войско[1]). Проливайте слезы, ибо *умножилось* у насъ *зло*[2]) и *нѣтъ спасающаго*[3]), нѣтъ помощника[4]). Наконецъ, возлюбленные, настало время прибѣгнуть къ Матери Слова, единой нашей надеждѣ и прибѣжищу. Къ ней воззовемъ съ благоговѣніемъ: спаси городъ твой, какъ сама знаешь, Владычица! Ее поставимъ ходатайницею предъ Сыномъ Ея и Богомъ нашимъ, и Ее сдѣлаемъ свидѣтельницею и порукою нашихъ обѣтовъ, чтобы она возносила наши моленія и низводила на насъ человѣколюбіе Рожденнаго Ею, разсѣяла тучу враговъ и озарила насъ лучами спасенія. Ея молитвами да избавимся отъ настоящаго гнѣва[5])».

Императоръ вернулся очень скоро, въ 20-хъ числахъ іюня, и съ трудомъ могъ проникнуть въ столицу. Онъ прежде всего прибылъ во дворецъ, но вскорѣ оставилъ палаты и въ одеждѣ частнаго человѣка прибылъ въ іерусалимскую церковь Богородицы (иначе въ Діомидовскій монастырь) у Золотыхъ воротъ, гдѣ уже находился патріархъ Фотій. Трогательное зрѣлище представлялось тогда взору: самодержецъ и вселенскій владыко, распростершись на церковномъ полу, горячо молились объ освобожденіи столицы отъ варваровъ, а жители ходили изъ одной церкви въ другую, слушали литіи, плакали и только взывали «Господи помилуй». Объ оборонѣ никто не думалъ, — такъ всѣ были убиты бѣдствіемъ!

Пока Русскіе грабили окрестности и опустошали святыни и другіе предметы около стѣны, овладѣвшіе собою Греки рѣшились на всякій случай вынести наиболѣе цѣнныя вещи изъ Влахернской церкви, этой первой приманки для непріятелей, защищенной къ тому же лишь одностѣнными Влахернскими воротами. О благоговѣніи при этомъ не думали: для снятія золота и серебра пустили въ ходъ топоры и сѣкиры, которыми разбили и одну серебряную раку. Внутри ея оказалась новая каменная рака, изъ которой виднѣлась часть порфиры и отъ которой истекало благоуханіе. Святыня эта была доставлена патріарху, который немедленно сообщилъ о ней императору. Съ благого-

1) *Nauck*, 208—209; *Порфирій*, 8; пер. Ловягина стр. 425.

2) 1 Макк. I. 9.

3) Осіи V. 14.

4) *Nauck*, 211; *Порфирій*, 11; пер. Ловягина стр. 427.

5) *Nauck*, 215; *Порфирій* 14; пер. Ловягина стр. 429—430.

вѣніемъ и страхомъ Михаилъ преклонился передъ ракою, облобызалъ и передалъ ее снова Фотію на сохраненіе. Патріархъ, приложивъ печати, помѣстилъ раку въ ризницѣ св. Софіи, затѣмъ числа 25-го онъ со всѣмъ городскимъ населеніемъ обносилъ ее по стѣнамъ столицы и потомъ уже перенесъ ее въ церковь св. Лаврентія.

Между тѣмъ, 24-го или 25 іюня, императоръ Михаилъ завелъ переговоры съ Русскими о заключеніи мира. «Начальникъ народовъ» сверхъ всякаго ожиданія согласился, потребовалъ личнаго свиданія съ императоромъ, заключилъ съ Греками «миръ и любовь», и получилъ, вѣроятно, много драгоцѣнныхъ даровъ. Во вторникъ 25 іюня, во время обнесенія патріархомъ Фотіемъ раки съ ризою Богородицы, Русскіе послѣ недѣльной осады поспѣшно отступили отъ Константинополя. Тогда же, кажется, совершенъ былъ торжественный ходъ во Влахерны, гдѣ патріархъ Фотій произнесъ новое слово по поводу русскаго нашествія или вѣрнѣе отступленія. «Помните ли вы ту мрачную и страшную ночь, говорилъ онъ между прочимъ, когда жизнь всѣхъ насъ готова была закатиться вмѣстѣ съ закатомъ солнца и свѣтъ нашего бытія поглощался глубокимъ мракомъ смерти? Помните ли тотъ часъ невыносимо горестный, когда приплыли къ намъ варварскіе корабли, дышущіе чѣмъ-то свирѣпымъ, дикимъ и убійственнымъ,— когда море тихо и безмятежно разстилало хребетъ свой, доставляя имъ пріятное и вожделѣнное плаваніе, а на насъ воздымая свирѣпыя волны брани, — когда они проходили передъ городомъ, неся и выставляя пловцовъ, поднявшихъ мечи, и какъ бы угрожая городу смертію отъ меча, когда всякая надежда человѣческая оставила здѣшнихъ людей и городъ держался надеждою на единственное прибѣжище у Бога?[1]) когда мы умоляли Бога литіями и пѣснопѣніями, когда съ сокрушеніемъ сердца приносили покаяніе, когда, воздѣвая руки къ Богу во всю ночь, просили у него помилованія, возложивъ на Него всѣ свои надежды, тогда избавились отъ несчастія, тогда сподобились отмѣны окружившихъ насъ бѣдъ, тогда мы увидѣли разсѣяніе грозы и узрѣли отступленіе гнѣва Господня отъ насъ; ибо мы увидѣли враговъ нашихъ удаляющимися и городъ, которому угрожало расхищеніе, избавившимся отъ раззоренія, тогда... когда же? Когда мы, оставшись безъ всякой защиты и не имѣя помощи отъ людей, воодушевлялись надеждами на Матерь Слова и Бога нашего, Ее просили умолить Сына и умилостивить за грѣхи наши, Ея дерзновеніе призывали

1) *Nauck*, 221; Порфирій, 22; пер. Ловягина, стр. 434.

во спасеніе, къ Ея покрову прибѣгали, какъ къ стѣнѣ нерушимой, умоляя Ее сокрушить дерзость варваровъ, смирить гордость ихъ, защитить отчаявшійся народъ, поборать за собственную Ея паству. Ея одѣяніе для отраженія осаждающихъ и огражденія осаждаемыхъ носилъ со мною весь городъ и усердно мы возносили моленія и совершали литіи; отъ того по неизреченному человѣколюбію, при Матернемъ дерзновенномъ ходатайствѣ, и Богъ преклонился, и гнѣвъ Его отступилъ, и помиловалъ Господь достояніе свое. Поистинѣ эта пречестная риза есть одѣяніе Матери Божіей: она кругомъ обтекала стѣны, и непріятели необъяснимымъ образомъ показывали тылъ; она ограждала городъ, и ограда непріятелей разрушалась какъ бы по данному знаку: она облекала его, и непріятели обнажались отъ той надежды, которою окрылялись. Ибо какъ только эта дѣвственная риза была обнесена по стѣнѣ, варвары принялись снимать осаду города, а мы избавились отъ ожидаемаго плѣна и сподобились неожиданнаго спасенія[1]). Нечаянно было нашествіе враговъ, неожиданно совершилось и удаленіе ихъ; чрезмѣрно негодованіе Божіе, но неизреченна и милость; невыразимъ былъ страхъ отъ нихъ, но презрѣнно было и бѣгство ихъ[2]). Но такъ какъ мы избавились отъ грозы и избѣгли отъ меча и *губитель миновалъ* насъ[3], прикрытыхъ и огражденныхъ ризою Матери Слова, то всѣ вообще воспоемъ вмѣстѣ съ Нею рожденному изъ Нея Христу Богу нашему благодарственныя пѣсни»[4]). Вслѣдъ за этимъ словомъ отслуженъ былъ благодарственный молебенъ, а потомъ въ церковный типикъ св. Софіи подъ 25 іюня занесена была, быть можетъ рукою хартофилакса Георгія, память τῶν Σαρακηνῶν (sic) καὶ τῶν Ῥῶν (sic) ἡ ἔλευσις, съ указаніемъ, что ежегодная литія въ этотъ день направляется во Влахернскій храмъ[5]). Церковь для вполнѣ понятнаго удобства подвела подъ одинъ день память освобожденія отъ нашествія Сарацинъ на Имперію и Русскихъ на Константинополь, хотя это освобожденіе и стоило дорого для нравственнаго достоинства Царяграда: отъ Сарацинъ императоръ Михаилъ бѣжалъ, а съ Русскими заключилъ постыдный для Византіи миръ.

Быть можетъ, 25-го же іюня императоръ и патріархъ обратились къ населенію столицы съ воззваніемъ, приглашающимъ все духовен-

---

1) Nauck, 222—3; Порфирій, 23—24; пер. Ловягина, стр. 435—436.
2) Nauck, 223; Порфирій, 24; пер. Ловягина, стр. 436.
3) Исх. XII. 23.
4) Nauck, 231; Порфирій, 31; пер. Ловягина, стр. 442—443.
5) Н. Красносельцевъ, 216—217.

ство, сановниковъ, должностныхъ и частныхъ лицъ для поклоненія святынѣ «во спасеніе града», и извѣщеніемъ, что положеніе ризы Богоматери въ прежнемъ ея мѣстѣ имѣетъ торжественно совершиться черезъ недѣлю, во вторникъ 2-го іюля 860 года.

Іюля 1-го, начиная съ заката солнца, патріархъ всю ночь напролетъ провелъ въ молитвахъ въ храмѣ св. Лаврентія, и всю ночь жители столицы отъ мала до велика приходили и лобызали св. раку. Утромъ 2-го іюля, послѣ заутрени въ св. Софіи, весь народъ, клиръ и духовенство съ пѣніемъ псалмовъ и пѣснопѣній направились въ церковь св. Лаврентія, откуда Фотій взялъ раку и въ предшествіи несмѣтнаго количества народа направился во Влахернскій храмъ. Давка была неимовѣрная, но несчастій съ людьми не было. Когда же патріархъ съ трудомъ и большой опасностью вошелъ во Влахернскую церковь, то тутъ уже совершенно стало невозможнымъ всякое движеніе, ибо народъ, оглашая воздухъ безпрестаннымъ «Господи помилуй», все рвался къ ракѣ и желалъ извлечь изъ нея ризу. Наконецъ Фотій достигъ алтаря и положилъ святыню на престолѣ. Повергшись ницъ передъ ракою, обливаясь потомъ, онъ затѣмъ дрожащими руками сломалъ печати и вынулъ изъ раки порфиру, въ которой находилась риза Богородицы, объятая миромъ и ароматами. Шелковая порфира оказалась обветшавшей и разорвавшеюся, но риза Богородицы, тканная изъ волны, сохранилась невредимою. Дрожащими руками Фотій поднялъ нетлѣнную одежду и держалъ ее въ такомъ положеніи, дабы все духовенство и весь народъ, не перестававшій восклицать «Господи помилуй», могли ее видѣть. Наконецъ на глазахъ у всѣхъ патріархъ снова положилъ ризу въ прежнюю раку на престолѣ. Начались часы и литургія. Послѣ великаго выхода и послѣ причащенія чаша со св. причастіемъ помѣщалась имъ на св. ракѣ. По окончаніи службы императоръ и патріархъ постановили, чтобы этотъ день, 2-е іюля 860 г., отнынѣ включенъ былъ въ число ежегодныхъ праздниковъ во Влахернскомъ храмѣ.

И долго, долго послѣ того соблюдался этотъ праздникъ, нынѣ лишь воспоминаемый греко-россійскою церковью; «послѣ заутрени (въ св. Софіи) патріархъ отправлялся въ церковь св. Лаврентія и оттуда шелъ съ литіею въ храмъ Влахернской Богоматери для служенія литургіи» [1]).

Хр. Лопаревъ.

---

1) *Н. Красносельцевъ*, 237.

ОТДѢЛЪ II.

1. Критика.

Σερραϊκά. Προσθήκη τοῖς περὶ Σερρῶν πόλεως εἰρημένοις (Βυζαντινὰ Χρονικά, I, σ. 673—683).

Ἵνα τὰ περὶ τῆς πόλεως τῶν Σερρῶν ἐν τούτῳ τῷ βιβλίῳ γεγραμμένα πρὸς συμπλήρωσιν τῆς ἀξιοσπουδάστου συγγραφῆς Πέτρου τοῦ Παπαγεωργίου χρησιμώτερ' ἀποβῶσι τοῖς ἀσχολουμένοις περὶ τὴν ἱστορίαν ἐκείνης, ἐγὼ σήμερον ἐνταῦθα προστίθημι καὶ ἕτερά τινα σημειώματα. Καὶ δὴ πρῶτον μὲν ῥητέον, ὅτι πρότερον ἐγώ τε καὶ ὁ Παπαγεωργίου παρεδράμομεν «Τὸ χρονικὸν τοῦ παπᾶ-Συναδινοῦ», οὗτινος εὗρε τὸ πρωτότυπον Σπυρίδων ὁ Λάμπρος ἔν τινι κώδικι τοῦ Κουτλουμουσίου, ἐξ οὗ καὶ τεμάχη τινὰ τύποις ἀντιγραψάμενος ἐξεδεδώκει [Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἑταιρίας τῆς Ἑλλάδος· τεῦχος 8—ον, 1889, σ. 640—650]. Τοῦτο μὲν οὖν τὸ χρονικόν, ὡς ὁ Λάμπρος ἐφανέρωσεν, ἀναφέρεται πρός τε τὴν πόλιν τῶν Σερρῶν καὶ πρὸς ἄλλους τινὰς τόπους τῆς Μακεδονίας· ἀναγράφει δὲ πράγματα μακεδονικὰ γενόμενα μεταξὺ τοῦ 1598-ου καὶ τοῦ 1642-ου ἔτους· ὡς δὲ τὰ νῦν ἐκδεδομένα τεμάχη διδάσκουσιν, οὗτος ὁ παπᾶ-Συναδινὸς ἐγένετο λογοθέτης μὲν Σερρῶν ἔτει 1632-ῳ, σακελλάριος δὲ τῶν αὐτῶν ἔτει 1635-ῳ· τούτῳ δὲ τῷ ὑπουργήματι γνωστός ἐστι καὶ ἐκ τῆς βίβλου τοῦ Παπαγεωργίου [σ. 40]. Περὶ δὲ τῶν ἐπὶ Συναδινοῦ τῆς πόλεως ἀρχιερέων μανθάνομεν ταῦτα· ὅτι ὁ μὲν Θεοφάνης ἀρχιερεὺς ἐγένετο Σερρῶν οὐχὶ ἔτει 1603-ῳ [Παπαγ. σ. 38], ἀλλ' ἔτει 1602-ῳ, καὶ ὅτι οὗτος ἦν ἀδελφὸς τῆς μονῆς Κοσινίτζης· ὁ δὲ Δανιὴλ δὶς ἐχρημάτισε μητροπολίτης, τὸ μὲν πρῶτον ἀπὸ τῆς 17-ης ἰουλίου μηνός, ἔτους 1628-ου, μέχρι τοῦ φεβρουαρίου μηνὸς ἔτους 1638-ου, ὅτε καὶ συνεξωρίσθη μετ' ἄλλων τινῶν ἀρχιερέων ὑπὸ τοῦ πατριάρχου Κυρίλλου τοῦ ἐκ Βερροίας, εἶτα δὲ ἀπὸ τοῦ 1639-ου ἔτους, ὡς φαίνεται, ἄχρι τοῦ 1650-οῦ ἔτους, ὡς οἱ κώδικες τῶν Σερρῶν ἐκδηλοῦσι [Παπαγ. σ. 38, 39, 40]· λέγω δὲ τὸ 1639-ον ἔτος, ἐπειδὴ τότε διωχθέντος τοῦ πατριάρχου Κυρίλλου διάδοχος αὐτοῦ Παρθένιος ὁ πρῶτος ἐγένετο, οὗ τὴν ἀναγόρευσιν διενήργησαν σὺν ἄλλοις πολλοῖς ἀρχιερεῦσι καὶ οἱ παρὰ τοῦ Κυρίλλου συνεξορισθέντες καὶ παρὰ γνώμην αὐτοῦ

πρὸς τὴν Κωνσταντινούπολιν ἐπανελθόντες [πρβλ. Δελτίον, τεῦχος ια', 1891, σ. 500]. Ὁ Συναδινὸς διδάσκει, ὅτι τοῦ Δανιὴλ ἐξορισθέντος ἔτει 1638-ῳ μητροπολίτης ἐγένετο Σερρῶν ὁ Γαλακτίων· τούτου μέντοι τὸ ὄνομα, καθὰ καὶ ἄλλων τινῶν ἀρχιερέων, οἱ ἐν Σέρραις μητροπολιτικοὶ κώδικες ἀποσιωπῶσι, διὰ τὸ ὅτι πιθανῶς ὁ Γαλακτίων οὐκ ἦλθεν εἰς Σέρρας, ἢ πρὸς ὑποστήριξιν ἐν τῷ πατριαρχικῷ θρόνῳ τοῦ Κυρίλλου μείνας ἐν τῇ Κωνσταντίνου πόλει, ἢ πρὸς ἀναμονὴν τῶν ἐκ τῆς ἐξορίας τοῦ Δανιὴλ ἀποτελεσμάτων. Ὁ Λάμπρος σημειοῦται, ὅτι ὁ παπᾶ-Συναδινὸς ἐκτίθησι διὰ μακρῶν ἐν τῷ ῥηθέντι τοῦ Κουτλουμουσίου κώδικι τὰ κατὰ τὴν ἐξορίαν τοῦ Δανιήλ. Τέλος ὁ Συναδινὸς ἐν τοῖς ἐκδεδομένοις τοῦ χρονικοῦ τεμαχίοις οὐ μόνον τὰ προσεσημειωμένα διδάσκει, ἀλλὰ καὶ ἄλλα τινὰ περὶ τῆς πόλεως τῶν Σερρῶν, οἷον πυρκαϊάς, θανατικά, καταδρομὰς καὶ τὴν ὑπὸ Τούρκων ἐρήμωσιν τῆς ἐκκλησίας τοῦ Ταξιάρχου [1632], ἣν οἱ Σερραῖοι ἀνῳκοδόμησαν ἔτει 1850-ῷ [Παπαγ. σ. 31].

Εἶτα δέ, ἵνα τὰ περὶ τῆς μητροπόλεως τῶν Φιλίππων εἰρημένα μοι τελεώτερα γένωνται [Βυζ. Χρ. I, σ. 679—681], προστίθημι σιγίλλιον «περὶ τῶν χωρίων (τῶν) ἀποσπασθέντων ποτὲ παρὰ τῆς μητροπόλεως Φιλίππων καὶ πάλιν ἑνωθέντων», ὅπερ, ὡς ἡ τούτου μηνύει χρονολογία, συνετάχθη ἔτει 1614-ῳ· ἔχει δὲ οὕτως [1])· «Τιμόθεος, ἐλέῳ Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως, Νέας Ῥώμης, καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης.—Ὅτι μὲν τὰς ἑκασταχοῦ ἐπαρχίας τῶν μητροπόλεων καὶ ἐπισκοπῶν ἀναγκαίως ἐστὶν ἔχειν ἀναφαιρέτως τὰ ἑαυτῶν ἐνοριακὰ δίκαια καὶ προνόμια, τὰ ἐξ ἀρχῆς δηλονότι ἐπικρατήσαντα, καὶ ὅτι τοὺς προέδρους αὐτῶν ἔξεστιν ἀνακαλεῖσθαι καὶ ἀνακτᾶσθαι τὰ παραλόγως καὶ ἀμετόχως ἁρπαγέντα χωρία καὶ τὰ ἐκκλησιαστικὰ αὐτῶν δίκαια, καὶ τοῦτο καλῶς καὶ προσηκόντως ἀποστολικοὶ θεῖοι κανόνες καὶ πατριαρχικοὶ διατακτόμενοι φαίνονται· ὅτι δὲ πολλοὶ τῶν κατὰ καιροὺς οἰκονομούντων τὰς ἐκκλησίας εἰς οὐδὲν τὰς ἀποφάσεις τῶν κανόνων λογιζόμενοι ἑνὸς καὶ μόνου φροντίζουσι, τοῦ παραλόγως νικᾶν καὶ τὰ ἀλλότρια παρακερδαίνειν, καὶ ἄλλοις μὲν ἐτολμήθη, μάλιστα δὲ περὶ τὴν ἐπαρχίαν Φιλίππων· καὶ γὰρ χωρία γνήσια καὶ ἐνοριακὰ τῆς ἐπαρχίας αὐτοῦ (= τοῦ μητροπολίτου Φιλίππων) καὶ τῶν ἐρημωθεισῶν ἐπισκοπῶν αὐτοῦ ἀποσπασθῆναι καὶ ἀφαιρεθῆναι ἀδίκως παρὰ τῶν προστατούντων καὶ διοικούντων τὰς μητροπόλεις Περιθεωρίου καὶ Καβάλας φαίνεται· ἅπερ εἰσὶ ταῦτα ὀνομαστί, τὸ Βασιλάκιον, τὸ Κουρουτζῆ, (τὸ) τοῦ Ζυγοστοῦ, ἡ Μποπληχνή, τὸ Πολύστυλον [2]) καὶ (τὸ) τοῦ Δουκάλου [3]). Μὴ φέρων δὲ μηδὲ ἀνεχόμενος ὁ ἱερώτατος μητροπολίτης Φιλίππων, ὑπέρτιμος καὶ ἔξαρχος πάσης Μακεδονίας, κῦρ Κλήμης, ὁ ἐν ἁγίῳ πνεύματι ἀγαπητὸς ἡμῶν ἀδελφὸς καὶ συλλειτουργὸς τῆς ἡμῶν μετριότητος, ᾐτήσατο ἔρευναν γενέσθαι περὶ τῆς ἀδίκου ταύτης κατασχέσεως. Καὶ δή, κατὰ τόπον σωματικῶς παραγενομένων τῶν δύο ἱερωτάτων μητροπολιτῶν καὶ ὑπερτίμων, τοῦ Σερρῶν κῦρ

1) Ἀντεγράφη ἐκ τῆς Νομικῆς συναγωγῆς τοῦ Δοσιθέου, φ. 285^b Πρβλ. Σάθα, Μεσ. Βιβλ. III, σ. 559.

2) Ἰωάν. Κανταχουζ. II, σ. 226 καὶ 277. G. Parthey, Hieroclis Synecd., not. 3, 574. 10, 659. Append. 61. Acta et diplomata graeca medii aevi, I, σ. 474, 475, 554.

3) Ὠνομάζετο καὶ Δοχάλον, εἴπερ ἀληθές· ὅπερ ἀμαρτύρως ἐταυτίσθη τῷ Δοξάτῳ. Σταῦρος Μερτζίδης, Αἱ χῶραι τοῦ παρελθόντος καὶ αἱ ἐσφαλμέναι τοποθετήσεις των. Ἐν Ἀθήναις [γρ. Κωνσταντινουπόλει] 1885, σ. 47.

Δαμασκηνοῦ[1]) καὶ τοῦ Ζιχνῶν κῦρ Ἰακώβου, τῶν ἐν ἁγίῳ πνεύματι ἀγαπητῶν ἡμῶν ἀδελφῶν καὶ συλλειτουργῶν, καὶ μετὰ φόβου Θεοῦ καὶ ἀληθείας ἐξετασάντων ἀκριβῶς, ἐφάνη καὶ ἀπεδείχθη ἀσφαλῶς, ὡς δι' ἀναφορᾶς αὐτῶν ἐγγράφου ἐπιστώθημεν, ὅτι τὰ μὲν τῶν χωρίων αὐτῶν εἰσι γνήσια καὶ ἐνοριακὰ τῆς μητροπόλεως ταύτης Φιλίππων, τὰ δὲ τῶν ἐπισκοπῶν αὐτοῦ τῶν ἐρημωθεισῶν ἀνήκοντα αὐτῷ καὶ ὡς κανονικὸν καὶ δίκαιον ὑποκεῖσθαι τῇ μητροπόλει Φιλίππων καὶ οὐδενὶ ἄλλῳ· καὶ ἐδεήθη χορηγηθῆναι αὐτῷ ταῦτα καὶ διὰ πατριαρχικοῦ γράμματος. Τούτου ἕνεκεν ἡ μετριότης ἡμῶν, τὴν αἴτησιν αὐτοῦ μὴ παριδοῦσα, ὡς εὔλογον, γράφει καὶ ἐν ἁγίῳ πνεύματι ἀποφαίνεται διὰ τοῦ παρόντος αὐτῆς πατριαρχικοῦ συνοδικοῦ σιγιλλιώδους γράμματος, ἵνα τὰ ὀνομαστὶ ταῦτα εἰρημένα χωρία τῆς μητροπόλεως Φιλίππων, ἤτοι τὸ Βασιλάκιον, τὸ Κουρουτζῆ, (τὸ) τοῦ Ζυγοστοῦ, ἡ Μπομπληανή, τὸ Πολύστυλον καὶ (τὸ) τοῦ Δουκάλου, ὦσιν ὑποκείμενα ἀπὸ τοῦ νῦν καὶ εἰς τὸ ἑξῆς τῇ μητροπόλει ταύτῃ Φιλίππων καὶ ἐξουσιάζωνται καὶ κυβερνῶνται παρ' αὐτοῦ τοῦ γνησίου ἀρχιερέως εἰς αἰῶνα τὸν ἅπαντα, μὴ τολμῶντος τοῦ τε νῦν ἱερωτάτου μητροπολίτου Περιθεωρίου καὶ Ξάνθης καὶ τοῦ μετ' αὐτὸν ἐσομένου, μήτε τοῦ προστάτου Καβάλας, μήτ' ἄλλου τινός, ἐνόχλησιν τινὰ ποιῆσαι καὶ καθ' οἱονδήτινα τρόπον ἁρπάσαι ἐξ αὐτῶν, ἢ εἰσελθεῖν καὶ ἀρχιερατικόν τι διαπράξασθαι, στηριζόμενος ἐπὶ παραλόγοις δικαιώμασι· ἐπεί, ἢ αὐτὸς ἢ ἄλλος διαπράξαι τοῦτο τολμήσων καὶ καταπατῆσαι τὰ χωρία ταῦτα, τῷ παρ' ἐνορίαν ὑποπεσεῖται ἐγκλήματι, καὶ ἔσται ἀργὸς πάσης ἀρχιερατικῆς ἐνεργείας καὶ τάξεως, ὡς ἅρπαξ τῶν ἀλλοτρίων καὶ ἱερόσυλος, ὀφειλόντων καὶ τῶν ἐν τοῖς χωρίοις τούτοις εὑρισκομένων ἱερωμένων καὶ λαϊκῶν, νέων τε καὶ γερόντων, ἔχειν καὶ γινώσκειν γνήσιον αὐτῶν καὶ καθολικὸν μητροπολίτην τὸν ἱερώτατον τοῦτον μητροπολίτην Φιλίππων καὶ οὐδένα ἄλλον, καὶ αὐτῷ μόνῳ παρέχειν ὑποταγὴν καὶ εὐπείθειαν καὶ τὰ ἐκκλησιαστικὰ πάντα δικαιώματα, τὰ ἀπό τε κανονικῶν τῶν ἱερέων, συνοικεσίων πανηγύρεων, ζητίας καὶ τῶν λοιπῶν συνήθων: μηδενὸς ἐναντιουμένου αὐτῷ, ἢ καταφρονοῦντος καὶ ἀντιλέγοντος, ἐν ἀργίᾳ ἀσυγγνώστῳ καὶ ἀφορισμῷ ἀλύτῳ τῷ ἀπὸ Θεοῦ παντοκράτορος. Ἐφ' οἷς ἅπασιν καὶ τὸ παρὸν συνοδικὸν σιγιλλιῶδες γράμμα ἐγένετο καὶ ἐπεδόθη τῷ διαληφθέντι ἱερωτάτῳ μητροπολίτῃ κῦρ Κλήμεντι, τῷ ἐν ἁγίῳ πνεύματι ἀγαπητῷ ἡμῶν ἀδελφῷ καὶ συλλειτουργῷ, εἰς μόνιμον καὶ διηνεκῆ βεβαίωσιν καὶ ἀσφάλειαν. Ἐν ἔτει ͵Ζ—ῷ ρ—ῷ κ—ῷ β—ῳ, ἐν μηνὶ ἰουνίῳ ἰνδικτιῶνος ιβ'» (= 1614).

Ἐν τούτῳ τῷ γράμματι μνημονεύεται προστάτης Καβάλας· οὗτος δὲ φαίνεται πατριαρχικὸς ἦν ἐπίτροπος καὶ τὴν θέσιν ἀρχιερέως εἶχεν ἐν τῇ πάλαι μητροπόλει Καβάλας· ἡ γὰρ ἐπιθαλάσσιος αὕτη πόλις ὠνομάζετο πρότερον Χριστούπολις καὶ μητρόπολις ἦν, ὡς γνωστόν, ὀνομαστή. Ἔτει δὲ 1616-ῳ παρεδόθη τῷ μητροπολίτῃ Φιλίππων· κατόπιν ἐγένετο ἐξαρχία πατριαρχική· ἀλλ' ἔτει 1675-ῳ λόγῳ διατροφῆς παρεδόθη τινὶ τῶν διαθεσίμων ἀρχιερέων, τῷ πρώην Δράμας μητροπολίτῃ Γερμανῷ [Κ. Σάθα, Μεσαιων. Βιβλιοθ. III, σ. 601]. Τὴν δ' ἕνωσιν τῆς Καβάλας μετὰ τῆς μητροπόλεως τῶν Φιλίππων ἀναγράφει γράμμα πατριαρχκόν, ἔχον ὧδε[2]). «† Τιμόθεος, ἐλέῳ Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κ/πό-

1) Π. Παπαγεώργιος, Αἱ Σέρραι, σ. 38, 39.

2) Ἐκ τῆς Νομικῆς συναγωγῆς, φ. 286ᵇ. Πρβλ. Σάθα, Μεσαιων. Βιβλιοθ. III, σ. 560.

λεως, Νέας Ῥώμης, καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης.—Ἐπειδὴ ἡ μητρόπολις Καβάλας ἀπὸ χρόνων πολλῶν ἠρημώθη εἰς τὸ παντελὲς καὶ ἐπιστάτην ἴδιον ἀρχιερέα οὐ δύναται ἔχειν, εἰς εὐλογίαν καὶ ἁγιασμὸν τῶν ἐκεῖ καταλειφθέντων ὀλίγων χριστιανῶν, τούτου χάριν ἡ μετριότης ἡμῶν ἀποφαίνεται, ἵνα ἡ Καβάλα, ὡς εἴρηται, ὑπάρχῃ ἡνωμένη εἰς τὴν ἁγιωτάτην μητρόπολιν Φιλίππων καὶ ἔχῃ ὁ αὐτὸς ἱερώτατος Φιλίππων κῦρ Κλήμης, ὁ ἐν ἁγίῳ πνεύματι ἀγαπητὸς ἀδελφὸς καὶ συλλειτουργός, ἀρχιερατεύειν ἐν αὐτῇ καὶ ἐκτελεῖν ἅπαντα τὰ ἀρχιερατικὰ μετὰ τῆς τοῦ ἱεροῦ συνθρόνου ἐγκαθιδρύσεως, κρίνειν τε πᾶσαν ἐμπίπτουσαν ἐκκλησιαστικὴν ὑπόθεσιν καὶ εἰς τὸν τοῦ δικαίου τόπον ἀποκαθιστᾶν, παρ' οὐδενὸς ἐναντιούμενος ἐν ἀργίᾳ καὶ ἀφορισμῷ. Ὅθεν καὶ εἰς ἀσφάλειαν ἐδόθη καὶ τὸ παρὸν ἐν ἔτει ,Ζ—ῷ ρ—ῷ χ—ῷ ε—ῳ, ἐν μηνὶ δεκεμβρίῳ ἰνδικτιῶνος ιε'» (= 1616).

Περὶ δὲ τῆς νῦν καταστάσεως τῆς πόλεως τῶν Σερρῶν ὅρα Γεωργίου Τσιάκα «μονογραφίαν περὶ Σερρῶν» [Ἀθαν. Παλαιολόγου Ἡμερολόγιον τῆς Ἀνατολῆς, ἐν Κ/πόλει 1882, σ. 266—270], τὴν ἀνωνύμου τινὸς ἀρχιερέως ὠφέλιμον πραγματείαν, ἧς ἡ ἐπιγραφή· «Ἡ ἐπαρχία Σερρῶν κατὰ τὴν ἐκκλησιαστικὴν διαίρεσιν καὶ τὴν ἐκπαιδευτικὴν κίνησιν» [Ἡμερολ. τῆς Ἀνατολῆς, 1885, σ. 158—166], καὶ μάλιστα τὴν ἀνώνυμον ὡσαύτως, ἀλλὰ χρησιμωτάτην «Στατιστικὴν τοῦ πληθυσμοῦ καὶ τῆς ἐκπαιδευτικῆς καταστάσεως ἐν τῇ ἐκκλησιαστικῇ περιφερείᾳ Σερρῶν καὶ τῶν ἐν τῇ Ἀνατολικῇ Μακεδονίᾳ πόλεων καὶ κωμοπόλεων Μελενίκου, Νευροκόπου, Πετρίτσης, Δεμιρ-ισσαρίου, Κάτω-Τζουμαγιᾶς, Ἀλιστράτης καὶ Ῥοδολείβους» [Νεολόγος Κ/πόλεως, 1885, ἀριθ. 4861, 4863, 4864 καὶ 4866].

Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς.

А. А. Дмитріевскій, *Богослуженіе страстной и пасхальной седмицъ во св. Іерусалимѣ IX—X в.* Казань. 1894. 8°. XVI+426+16 стр. Цѣна 2 р. 50 коп.

Новая книга А. А. Дмитріевскаго посвящена изученію вновь открытаго, весьма важнаго и любопытнаго, литургическаго памятника, а именно: устава церковныхъ службъ, совершавшихся въ X в. на святыхъ мѣстахъ въ Іерусалимѣ во дни страстной недѣли и недѣли св. Пасхи. Іерусалимъ, городъ полный воспоминаніями о жизни, страданіяхъ и воскресеніи Іисуса Христа, особенно съ IV в., когда были открыты и украшены священные памятники, постоянно привлекалъ къ себѣ множество христіанскихъ паломниковъ, которые собирались сюда со всѣхъ концовъ христіанскаго міра по преимуществу въ то время года, на которое падаетъ воспоминаніе о послѣднихъ дняхъ жизни Спасителя. Во время пребыванія паломниковъ въ Іерусалимѣ всѣ благочестивыя упражненія ихъ состояли въ посѣщеніи мѣстъ, ознаменованныхъ священными воспоминаніями и въ освѣженіи для себя этихъ воспоминаній посредствомъ молитвъ и чтеній. Іерусалимская церковь приходила къ нимъ въ этомъ случаѣ на помощь. Еще въ IV в. она выработала довольно сложный и полный драматизма ритуалъ богослуженія на эти знаменательные дни.

Достовѣрное свидѣтельство о существованіи въ Іерусалимской церкви такого ритуала въ IV в. даетъ намъ одна западная паломница Сильвія, жившая въ Іерусалимѣ около 3-хъ лѣтъ (приблизительно съ 385 по 388), живо интересовавшаяся богослужебными обрядами Іерусалимской церкви и подробно ихъ описавшая въ своемъ Peregrinatio (см. изд. Прав. Палест. Общ. 1889 г. вып. 20, подъ редакціею и съ переводомъ проф. И. В. Помяловскаго). Судя по ея описанію, страстная и свѣтлая недѣли въ Іерусалимѣ были наполнены почти непрерывнымъ и *весьма сложнымъ* богослуженіемъ, состоявшимъ изъ стройнаго и симметричнаго чередованія принаровленныхъ къ воспоминаніямъ времени и мѣста чтеній изъ св. Писанія, молитвъ и пѣснопѣній, а также торжественныхъ крестныхъ ходовъ или литій по направленію отъ центральной святыни — Гроба Господня — къ святынямъ окрестнымъ, находившимся на Сіонѣ, Елеонѣ, въ Гевсиманіи и въ другихъ мѣстахъ. Паломница съ восторгомъ указываетъ на тщательную выработанность и цѣлесообразность всѣхъ этихъ священныхъ дѣйствій. Это даетъ намъ право утверждать съ полною несомнѣнностію, что описанное паломницею богослуженіе совершалось клиромъ Іерусалимской церкви при пособіи писаннаго руководства или устава, который содержалъ въ себѣ какъ текстъ многочисленныхъ пѣснопѣній, молитвъ и чтеній, такъ и описаніе порядка сопровождавшихъ ихъ священныхъ дѣйствій. Словомъ, въ виду свѣдѣній объ Іерусалимскомъ богослуженіи, сообщенныхъ паломницею, мы увѣрены, что въ Іерусалимской церкви уже въ концѣ IV в. былъ писанный уставъ богослуженія вообще и въ частности страстной и свѣтлой седмицъ. Въ данномъ случаѣ это обстоятельство должно имѣть большую важность, особенно если принять во вниманіе то, что̀ вообще намъ извѣстно о способѣ составленія и формированія церковныхъ уставовъ и о чемъ мы имѣли уже случай говорить по поводу устава Константинопольской церкви (см. Лѣтопись Историко-филолог. Общества при Новорос. Унив. т. II, стр. 170). Церковные уставы или типиконы, за исключеніемъ только развѣ нѣкоторыхъ частныхъ или ктиторскихъ, не суть произведенія какого либо одного опредѣленнаго автора, а суть результатъ дѣятельности многихъ лицъ, большею частію церковныхъ уставщиковъ, на протяженіи многихъ столѣтій. Особенно это должно сказать объ уставахъ великихъ каѳедральныхъ церквей, каковы: Константинопольская и Іерусалимская. Будучи разъ составлены клиромъ этихъ церквей подъ руководствомъ кого либо изъ наиболѣе компетентныхъ своихъ членовъ, они поступали затѣмъ какъ бы въ общую собственность этого клира и главнымъ образомъ уставщиковъ, которые потомъ, сообразно съ перемѣнами въ практикѣ, дѣлали въ текстѣ ихъ измѣненія и дополненія. Измѣненія эти и дополненія дѣлались большею частію довольно механично. Какъ показываетъ разсмотрѣніе рукописей, онѣ отмѣчались сначала на поляхъ, а затѣмъ переносились въ текстъ при перепискѣ, при чемъ старая практика далеко не всегда из-

глаживалась. Дѣлалось большею частію такъ, что если, наприм., нужно было внести въ текстъ новое пѣснопѣніе, то старое оставлялось, а новое присоединялось къ нему съ отмѣткою: ἄλλο; если нужно было ввести описаніе новаго обряда, то поступали точно такъ же, присоединяя къ старому замѣчаніе, что такъ было въ старину, а нынѣ иначе, и т. п. Вслѣдствіе этого происходитъ то, что въ текстѣ древнихъ уставовъ на ряду съ новою практикою можно встрѣтить довольно ясные, оставшіеся неизглаженными, слѣды древней и разновременной практики, такъ что уставы эти иногда походятъ на тетради, испещренные многочисленными и разновременными поправками и помарками, изъ-за которыхъ можно еще, хотя и съ большимъ трудомъ, различать первоначальную основу и многія изъ дальнѣйшихъ наслоеній. Къ числу такихъ уставовъ относится и изданный А. А. Дмитріевскимъ—уставъ Іерусалимскій. Текстъ этого устава заслуживаетъ внимательнаго и детальнаго изученія не только въ виду важности и разнообразія описанныхъ въ немъ обрядовъ, но и въ виду возможности отмѣтить факты, относящіеся къ исторіи происхожденія, развитія и осложненія этихъ обрядовъ подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ. Въ частности, что касается опредѣленія времени происхожденія той редакціи, которая содержится въ изданномъ А. А. Дмитріевскимъ текстѣ, т. е. послѣдней его редакціи, то и это можетъ быть сдѣлано главнымъ образомъ также на основаніи анализа и изученія текста, а не возраста рукописи: рукопись можетъ быть очень позднею и тѣмъ не менѣе воспроизводить памятникъ очень древній; нужно только, чтобы воспроизведеніе было по возможности точно. Поэтому, А. А. Дмитріевскій поступилъ совершенно правильно, обратившись за разрѣшеніемъ вопроса, помимо приписокъ, къ тексту самаго памятника. Къ сожалѣнію текстъ, бывшій у него подъ руками и имъ изданный, очень невысокаго достоинства: онъ неточно воспроизводитъ подлинникъ и не даетъ всѣхъ подробностей, полезныхъ для рѣшенія вопроса о происхожденіи редакціи, а по нѣкоторымъ другимъ вопросамъ можетъ вводить даже и въ заблужденіе. Посмотримъ, что это за текстъ.

Разсматриваемый памятникъ сохранился до нашего времени: 1) въ пергаминной рукописи святогробской библіотеки, писанной въ 1122 г. нѣкіимъ Василіемъ, чтецомъ церкви св. Воскресенія, по повелѣнію Георгія, начальника и судіи св. града, хартофилакса и великаго скевофилакса церкви св. Воскресенія, и 2) въ рукописи той же библіотеки 1804 г., содержащей въ себѣ исторію города Іерусалима и всей Палестины, составленную архимандритомъ Максимомъ Симео, бывшимъ дидаскаломъ Іерусалимской богословской школы въ Крестномъ монастырѣ. Здѣсь, въ качествѣ приложенія, помѣщена копія съ указаннаго памятника. Въ литературѣ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ памятникѣ были извѣстны съ 1877 г. по изданію Веніамина Іоаннидеса: Προσκυνητάριον τῆς ἁγίας γῆς. Здѣсь напечатанъ былъ и отрывокъ изъ него о низведеніи св. огня въ Великую Субботу. Въ 1886 г. проф. В. Г. Васильевскій пользовался имъ

въ своихъ комментарiяхъ къ Епифанiю (Прав. Палест. Сборникъ, вып. 11, стр. 38). Но въ цѣломъ своемъ видѣ (съ выпускомъ впрочемъ текста чтенiй и многихъ пѣснопѣнiй) онъ сдѣлался извѣстенъ только тогда, когда за изданiе его взялся А. А. Дмитрiевскiй. Въ январѣ 1888 г., занимаясь рукописями въ библiотекѣ Крестнаго монастыря въ Iерусалимѣ, онъ нашелъ этотъ памятникъ въ копiи Симео и, какъ спецiалистъ по литургикѣ, сразу понялъ его высокое значенiе. Такъ какъ, не смотря на всѣ старанiя, подлинника ему разыскать не удалось, то онъ удовольствовался копiей, которую, переписавъ и снабдивъ предисловiемъ и краткими примѣчанiями, тогда же отправилъ въ редакцiю Православнаго Собесѣдника. Предисловiе, содержащее въ себѣ общiя свѣдѣнiя о памятникѣ и о времени его происхожденiя, было напечатано въ томъ же 1888 году въ iюльской книгѣ Собесѣдника; но дальнѣйшее печатанiе было на нѣкоторое время задержано, въ виду того, что редакцiя потребовала отъ издателя перевода. Между тѣмъ г. Пападопуло-Керамевсъ, занимавшiйся тогда по порученiю бывшаго Iерусалимскаго патрiарха Никодима систематическимъ разборомъ и описанiемъ палестинскихъ рукописей и знавшiй уже о поискахъ Дмитрiевскаго, нашелъ вскорѣ и самый подлинникъ. Подлинникъ этотъ изданъ теперь подъ его редакцiей Прав. Палестинскимъ Обществомъ въ полномъ своемъ видѣ и вышелъ въ свѣтъ почти одновременно съ книгой г. Дмитрiевскаго. Такимъ образомъ, мы имѣемъ теперь подъ руками и копiю и подлинникъ — обстоятельство весьма отрадное и весьма благопрiятное для наиболѣе плодотворнаго изученiя этого любопытнаго памятника. Нужно замѣтить только, что плодотворности этого изученiя будетъ способствовать главнымъ образомъ подлинникъ, а не копiя. Хотя копiя издана съ переводомъ и со многими учеными примѣчанiями, но отъ этого текстъ ея не улучшился и остался весьма неисправнымъ. Самъ издатель сознается, что изданiе его естественно должно стушеваться предъ изданiемъ Палестинскаго Общества но полагаетъ, что оно не должно утратить научнаго интереса, такъ какъ копiя, изданная имъ, по его мнѣнiю, представляетъ «одну изъ попытокъ чтенiя кодекса 1122 г., отличающагося дефектами и палеографическими трудностями, попытку, принадлежащую одному изъ образованнѣйшихъ грековъ начала истекающаго столѣтiя». Намъ понятно желанiе издателя обратить вниманiе на цѣнноость изданнаго имъ памятника, но этого нельзя достигнуть сокрытiемъ истинаго его характера. Изданную имъ копiю Симео нельзя назвать копiей въ собственномъ смыслѣ. Симео болѣе или менѣе точнымъ образомъ воспроизводитъ только текстъ молитвъ и пѣснопѣнiй (о послѣднихъ впрочемъ трудно судить за отсутствiемъ полнаго ихъ текста у А. А. Дмитрiевскаго); что же касается описанiя литургическихъ дѣйствiй, то это есть свободный пересказъ, иногда отступающiй отъ подлинника весьма далеко,—это не копiя, а, какъ самъ копiистъ выражается, подновленiе — ἀνανέωσις — текста, состоящее въ замѣнѣ однихъ оборотовъ и даже словъ другими, въ перестановкахъ, сокра-

щеніяхъ и подобныхъ болѣе или менѣе важныхъ отступленіяхъ отъ подлинника.

Такого рода отступленій отъ подлинника въ текстѣ Симео такъ много, что, если кому понадобится перечислить ихъ всѣ, то онъ долженъ будетъ перепечатать оба текста почти цѣликомъ одинъ противъ другого. Правда, что всѣ эти отклоненія направлены къ тому, чтобы сдѣлать текстъ болѣе понятнымъ и дать посильную его интерпретацію, но онѣ тѣмъ не менѣе такъ или иначе искажаютъ текстъ. Словомъ, копія Симео есть не столько попытка чтенія, сколько попытка интерпретаціи, что̀ подтверждается характеромъ синтаксическихъ и лексическихъ перемѣнъ и добавочными пояснительными фразами (Напр. Дмитр., стр. 170. Ср. изд. Пападопуло-Керамевса, стр. 179-ю). Въ смыслѣ интерпретаціи трудъ Симео, конечно, довольно любопытенъ; но онъ могъ бы быть и очень полезнымъ, если бы былъ сдѣланъ человѣкомъ, вполнѣ понимавшимъ содержаніе и важность памятника. Къ сожалѣнію, Симео, какъ видно, принадлежалъ къ числу тѣхъ грековъ начала нашего столѣтія, которые относились къ древнимъ памятникамъ церковной литературы самымъ безцеремоннымъ образомъ и, стараясь исправлять и популяризировать ихъ, испортили текстъ громаднаго ихъ количества. Всего важнѣе въ данномъ случаѣ то, что многія изъ допущенныхъ Симео отклоненій отъ подлиннаго текста не только не проясняютъ его, а напротивъ затемняютъ, и даже весьма существеннымъ образомъ искажаютъ. Въ научномъ отношеніи упомянутыя искаженія представляютъ особенную важность тамъ, гдѣ Симео, по непониманію ли или по чему другому, вытираетъ и изглаживаетъ драгоцѣнныя для изслѣдователей черты времени и мѣста, опредѣляющія истинный характеръ и значеніе памятника. Перечислимъ здѣсь искаженія, показавшіяся намъ наиболѣе важными, причемъ будемъ сопоставлять оба изданные текста.

Текстъ Подлинника.	Текстъ Симео.
Пападопуло-Керамевсъ, Ἀνάλεκτα, t. II, σ. 3. 26—30.	Дмитріевскій, Богослуженіе, стр. 3—4.
1) Καὶ ἀπολύουσιν, καὶ εὐθὺς ἄρχεται ἀνάγνωσιν ὁ βασιλικάριος τοῦ ἁγίου Παύλου τὴν ἐπιστολὴν τὴν πρὸς Ἑβραίους, ἕως οὗ ἔρχονται οἱ Σπουδ[αῖοι] καὶ ἀπάρξονται τῆς ἀγρυπνίας εἰς τὴν ἁγίαν Βασιλικήν, καθὼς ὁ τύπος κατὰ Κυριακῆς ἀγρυπνίαν.	... καὶ ἀπόλυσις. Καὶ ὁ βασιλικάρχης ἄρχεται ἀναγινώσκειν τὴν πρὸς Ἑβραίους τοῦ ἀποστόλου Παύλου ἐπιστολήν, καὶ ἄρχονται τῆς ἀγρυπνίας εἰς τὴν ἁγίαν Βασιλικήν, κατὰ τὸν τύπον τῆς ἐν Κυριακῇ ἑκάστῃ ἀγρυπνίας

Далѣе слѣдуетъ описаніе бдѣнія до канона. Затѣмъ:

2) Καὶ εὐθὺς καταβαίνει ὁ πατριάρχης καὶ ἄρχεται τὸν κανόνα μετὰ τὸν κλῆρον (=τοῦ κλήρου), οἱ δὲ Σπουδαῖοι ἀναβαίνουσιν εἰς τὴν Θεοτόκον τῶν	Καὶ εὐθὺς καταβαίνει ὁ πατριάρχης καὶ ἄρχεται ψάλλειν τὸν κανόνα μετὰ τοῦ κλήρου, καὶ ἀναβαίνουσι εἰς τὴν Θεοτόκον τῶν Σπουδαίων, καὶ ἐκεῖ

Σπουδαίων καὶ ψάλλουν ἐκεῖ τὸν κανόνα καὶ πᾶσαν τὴν ἀκολουθίαν καὶ ἀπολύ[ονται], καθὼς ἔστιν ὁ τύπος αὐτῶν (σ. 7. 21—25).

ψάλλουσι τὸν κανόνα καὶ πᾶσαν τὴν ἀκολουθίαν, καὶ ἀπολύουσι, καθὼς ἐστὶν ὁ τύπος αὐτῆς (стр. 6).

Въ приведенныхъ двухъ мѣстахъ рѣчь идетъ о латинскихъ монахахъ бенедиктинскаго ордена, жившихъ издавна близъ св. Гроба въ монастырѣ такъ называемомъ св. Маріи латинской или, по гречески, Σπουδαίων. Въ эпоху составленія Устава они находились, очевидно, въ общеніи съ православною церковію и принимали участіе въ православномъ богослуженіи, хотя имѣли и свой собственный уставъ. Это для памятника довольно характеристично. Симео, выпустивъ изъ текста, очевидно по непониманію, слово: Σπουδαῖοι и оставивъ замѣчаніе объ удаленіи ихъ изъ храма, по совершеніи нѣкоторыхъ дѣйствій, въ свой монастырь, произвелъ въ текстѣ большую путаницу. По его исправленному тексту выходитъ такъ, что православные, начавъ въ Базиликѣ всенощное бдѣніе, продолжаютъ его здѣсь только до канона, а затѣмъ уходятъ въ монастырь Спудеевъ и тамъ его доканчиваютъ. Между тѣмъ изъ дальнѣйшаго изложенія ясно видно, что православные остаются въ храмѣ и, послѣ 6-й пѣсни канона, переходятъ въ Воскресеніе къ св. Гробу. Отсюда они совершаютъ литію на св. Голгоѳу и кругомъ св. Гроба, послѣ чего патріархъ и клирики удаляются въ Катихумены до отпуста, а послѣ отпуста предпринимается большая литія на Елеонъ, въ Гевсиманію и обратно чрезъ Овчую Купель, или Святое Святыхъ, въ храмъ Константина, гдѣ и оканчивается все литургіею и литіею на св. Гробѣ. Словомъ, для православныхъ не было ни времени и ни малѣйшей надобности отправляться въ монастырь св. Богородицы Спудеевъ и тамъ оканчивать бдѣніе.

Имя Спудеевъ изглаживаетъ Симео и въ другихъ мѣстахъ, а именно:

3) Послѣ утрени въ Великую Пятницу.

... ἀπολύει. Καὶ τότε ὁ πατριάρχης καὶ οἱ μοναχοὶ οἱ Σπουδ[αῖοι] ψάλλου[σιν] εἰς τὴν Ἁγίαν Κορυφὴν τὰς ὥρας καὶ τὰ τροπάρια τὰ δώδεκα συντόμως, ἵνα πάλιν νὰ καταβῇ: ὀφείλει δὲ γίνεσθαι ἡ ἁγία ζύμη οὕτως· ἵνα λάβῃ χαβάρα[ν] τριβομ[ένην] (σ. 147. 3—6).

... ἡ ἀπόλυσις. Περὶ τῆς ἁγίας ζύμης. Ἡ ἁγία ζύμη γίνεται οὕτω· μετὰ τὴν ἀπόλυσιν ὁ πατριάρχης λαμβάνει χαβάρα τετριμμένην (стр. 146).

4) На утрени съ Великой Пятницы на Субботу.

Τάξις τῆς ἀγρυπνίας. Ἐν ταύτῃ τῇ νυκτὶ εἰς τὴν Ἁγίαν Ἀνάστασιν δεῖ εἶναι. Ἔρχονται οἱ μοναχοὶ Σπουδαῖοι καὶ ἄρξονται ὀπίσω τοῦ ζωοποιοῦ καὶ παναγίου Τάφου ἄνευ φωνῆς· ἀλλ' ἐν πρᾳότητι καὶ φόβῳ πολλῷ ἄρξονται τὸ «Εὐλόγει ἡ ψυχή μου τὸν Κύριον» (σ. 161. 24—27, 162. 1).

Τάξις τῆς ἀγρυπνίας. Ἐν τῇ ἁγίᾳ Ἀναστάσει. Ἔρχονται μετὰ σπουδῆς οἱ κληρικοὶ ὀπίσω τοῦ ζωοδόχου καὶ ζωοποιοῦ καὶ παναγίου τάφου ἄνευ φωνῶν, ἀλλ' ἐν πρᾳότητι καὶ φόβῳ πολλῷ καὶ ἄρχονται τὸ· Εὐλόγει ἡ ψυχή μου τὸν Κύριον (стр. 160—162)

Въ этихъ двухъ отрывкахъ отъ изглаженія имени Спудеевъ, хотя не происходитъ такихъ несообразностей, какія мы видѣли въ первыхъ двухъ, однако μοναχοὶ Σπουδαῖοι превращаются въ μετὰ σπουδῆς, первоначальный характеръ обряда извращается весьма существеннымъ образомъ и дѣло представляется не такъ, какъ оно изложено въ подлинникѣ.

Есть у Симео и другія, весьма важныя извращенія, касающіяся другихъ предметовъ. Напримѣръ:

5) Въ началѣ службы въ Великій Понедѣльникъ замѣчаніе:

Δέον γινώσκειν, ὅτι ἡ στιχολογία οὕτω γίνεται εἰς τὸ ὄρθρον β', καὶ ἡ α' ὥρα οὐ στιχολο[γεῖται] οὐδὲ τῇ θ', εἰ μὴ τῇ γ' ὥρᾳ καὶ τῇ ς'. Στιχολογοῦμεν δὲ καθημέραν εἰς τ[ὸ] «Ἑσπέρας τὸ προκεί[μενον]» καὶ τῇ ἁγίᾳ καὶ μεγάλῃ ε' εἰς τὸν ὄρθρον κάθισμα α' καὶ εἰς τὰς ὥρας β', καὶ οὕτω πληροῦ[ται] τὸ Ψαλτ[ήριον]. Καὶ ἀπὸ τότε στιχολογία οὐ γίνεται, εἰ μὴ τῷ μεγάλῳ Σαββάτῳ διὰ τὴν ἀγρυπνίαν. Καὶ πάλιν ἕτε[ρος] τύπ[ος]· ψάλλου[σι] καθ[ίσ]ματ[α] τρία εἰς τὸν ὄρθρον καθ' ἡμέραν καὶ ἡ τριτέκτη ἄλλα β', καὶ πληροῦται τὸ Ψαλτ[ήριον] εἰς τὴν με[γάλην] δ' εἰς τὴν τριτέκτην (σελ. 32. 13—22).

Ἡ δὲ τοῦ Ψαλτηρίου στιχολογία οὕτω γίνεται. καθίσματα τρία εἰς τὸν ὄρθρον καὶ εἰς τὴν τριθέκτην, ἄλλα δύο καὶ πληροῦται τὸ Ψαλτήριον εἰς τὴν τριθέκτην τῆς μεγάλης τετράδος, καὶ ἀπὸ τότε στιχολογία οὐ γίνεται, εἰ μὴ τῷ μεγάλῳ Σαββάτῳ διὰ τὴν ἀγρυπνίαν (стр. 34).

Въ этомъ отрывкѣ для насъ важно то, что по подлиннику въ немъ указываются два устава стихологіи Псалтири. По первому стихологія Псалтири кончается на Часахъ въ Великій Четвергъ, а по второму (ἕτερος τύπος) на Часахъ въ Великую Среду. Въ дальнѣйшемъ изложеніи имѣется въ виду именно этотъ второй уставъ, какъ это видно, между прочимъ, изъ замѣчанія на Четверговыхъ Часахъ: ψάλλομεν τὴν τριτέκτην ἄνευ στιχολογίας (Ἀναλ. σ. 96. 2—3. Дмитр., стр. 90). Первый уставъ, помѣщенный въ началѣ упомянутаго замѣчанія, есть очевидно болѣе древній. Симео опускаетъ его и такимъ образомъ лишаетъ изслѣдователей возможности возстановить одну изъ древнихъ чертъ памятника.

6) Въ Великій Вторникъ послѣ литіи на Елеонъ:

Καὶ εἶθ' οὕτως λιτ[ανεύομεν] ἐπὶ τὴν Ἁγίαν Ἀνάστασιν ψάλλοντες· ἦχος βαρὺς· «Ἰδού σοι το τάλαντον» κτλ, (σ. 65. 3—5).

Εἶθ' οὕτω λιτὴ ἐπὶ τὴν Ἁγίαν Ἀνάληψιν ψαλλομένων τὸ ἦχος βαρὺς· Ἰδού σοι τὸ τάλαντον (стр. 64).

Здѣсь идетъ рѣчь объ обратной литіи съ горы Елеона, гдѣ совершались девятый часъ и вечерня, въ храмъ Воскресенія для совершенія литургіи преждеосвященныхъ даровъ. Симео, полагая вѣроятно, что если вечерня совершается на Елеонѣ, въ храмѣ, то и слѣдующую затѣмъ литургію преждеосвященныхъ даровъ удобнѣе совершить, если

не въ этомъ храмѣ, то въ ближайшемъ на мѣстѣ Вознесенія, читаетъ ἐπὶ τὴν Ἁγίαν Ἀνάληψιν. Но изъ изданія г. Пападопуло-Керамевса видно, что подлинникъ не внушаетъ относительно чтенія никакого сомнѣнія и издатель не колеблясь читаетъ Ἁγίαν Ἀνάστασιν. Намъ кажется, что послѣднее чтеніе должно быть почитаемо вѣрнымъ также и потому, что оно соотвѣтствуетъ смыслу замѣчаній, находящихся въ подлинномъ текстѣ на стр. 49. 2—3 и 185. 30—33. Изъ этихъ замѣчаній видно 1) что въ св. Воскресеніи не бываетъ литургіи только въ Великую Пятницу, и что 2) въ Великій Вторникъ бываетъ здѣсь литургія преждеосвященныхъ даровъ при такой же обстановкѣ, какъ и въ Великіе Понедѣльникъ и Среду.

7) Εἶθ' οὕτω τὸ ἑσπερινὸν καὶ ἡ θ' εἰς τὸν Ἅγιον Κωνσταντῖνον (σ. 77. 10—11).	Εἶθ' οὕτως ἑσπερινὸς καὶ ἡ θεία λειτουργία εἰς τὸν Ἅγιον Κωνσταντῖνον (стр. 74).

Это — о Великой Средѣ. Симео букву θ' читаетъ не ἐννάτη ὥρα, а θεία λειτουργία. Между тѣмъ изъ послѣдующаго видно, что литургія (преждеосвященныхъ даровъ) бываетъ въ этотъ день, какъ и въ предыдущіе два, въ св. Воскресеніи, а не въ св. Константинѣ.

8) Καὶ ὅταν πληρώσει τὴν λειτουργίαν, ὑψώνει τὴν στάμνον τοῦ μύρου καθὼς καὶ τὸ ἅγιον δῶρον· καὶ εἰς τὸ κονδάκιον τῆς λειτουργίας τοῦ ἁγίου μύρου εὑρίσκεις ἅπαντα τὰ θέλ[εις] εἰπεῖν (σ. 104. 27—29. 105. 1).	Ὅτε δὲ πληρώσῃ τὴν λειτουργίαν, ὑψοῖ καὶ τὴν στάμνον τοῦ μύρου, καθὼς καὶ τὰ ἅγια δῶρα. Τὸ δὲ κοντάκιον τῆς λειτουργίας τοῦ ἁγίου μύρου εὑρίσκεις καὶ τὰ ὅσα ἄλλα θέλεις εἰς τὴν λειτουργίαν τοῦ ἁγίου μύρου (стр. 102.).

Въ подлинникѣ подъ словомъ: κονδάκιον разумѣется, очевидно, особый свитокъ, содержавшій въ себѣ чинопослѣдованіе св. мνра безъ всякихъ пропусковъ съ полнымъ текстомъ молитвъ, произносимыхъ священнослужителями, подобный тѣмъ свиткамъ литургій св. Василія и Златоуста, которые во множествѣ сохранились до настоящаго времени. Но Симео понялъ эти слова въ смыслѣ пѣснопѣнія извѣстнаго рода, и въ его текстѣ явилось то, чего вовсе нѣтъ въ подлинникѣ.

Не мало и другихъ искаженій можно указать въ этомъ текстѣ, [и мы еще укажемъ нѣкоторыя изъ нихъ далѣе]; но и приведенныхъ примѣровъ, намъ кажется, совершенно достаточно, чтобы убѣдиться, какъ мало можно полагаться на текстъ Симео при опредѣленіи значенія и истиннаго характера вновь открытаго, весьма важнаго литургическаго памятника; и если бы А. А. Дмитріевскій имѣлъ подъ руками не этотъ, а подлинный текстъ, то конечно предпочелъ бы его и избѣжалъ бы нѣкоторыхъ ошибочныхъ заключеній и сужденій.

Обратимся теперь къ вопросу о времени происхожденія преобладающей редакціи памятника. Разрѣшеніемъ этого вопроса А. А. Дмитріевскій занимается въ предисловіи къ изданному имъ памятнику; но его выводы требуютъ въ настоящее время повѣрки, такъ какъ съ

изданіемъ подлинника явилось и нѣсколько иное рѣшеніе его, предложенное Пападопуло-Керамевсомъ. А. А. Дмитріевскій полагаетъ, что время составленія изданнаго имъ послѣдованія въ его настоящемъ видѣ, т. е. въ той редакціи, которая содержится въ Іерусалимской рукописи 1122 г. и въ позднѣйшемъ изложеніи ея у Симео, «опредѣляется болѣе или менѣе точно концомъ IX или первой половиной X в.» (пред. XIV) на основаніи слѣдующихъ признаковъ, имѣющихся въ текстѣ самаго памятника: 1) въ одной изъ эктеній въ службѣ на недѣлю Ваій (стр. 30) упоминается «о святѣйшемъ и *богохранимомъ* патріархѣ Іерусалимскомъ *Николаѣ*. А по Паламѣ Николай былъ Іерусалимскимъ патріархомъ съ 932 по 947 годъ. Но Пападопуло-Керамевсъ (Ἀναλ., προλ. σ. γ′, η′) старается ослабить значеніе этого очень точнаго хронологическаго признака указаніемъ на то, что въ эпоху написанія рукописи (1122) могъ быть патріархомъ Іерусалимскимъ другой Николай, наприм., тотъ, который подписался подъ актами Константинопольскаго собора 1156 г. Однако-же для даннаго случая этотъ Николай будетъ лицомъ слишкомъ проблематичнымъ, ибо по каталогамъ извѣстны предшествовавшіе ему патріархи Іерусалимскіе съ другими именами. По этимъ каталогамъ (см. у Сергія Полн. Мѣсяц. Т. II, стр. 210) въ 1122 г. Іерусалимскимъ патріархомъ былъ Савва, а за нимъ слѣдовали: Евхерій, Макарій, Арсеній и др. Что же касается до того, что въ рукописи 1122 г. упоминается, какъ о живомъ, о патріархѣ первой половины X в., то въ этомъ нѣтъ ничего особенно удивительнаго. Въ литургическихъ памятникахъ, благодаря недосмотрамъ писцовъ, подобныя упоминанія встрѣчаются нерѣдко. Какъ на довольно выразительный примѣръ, мы можемъ указать на Есфигменскій списокъ нѣкоторыхъ литургическихъ чиновъ 1306 г. Здѣсь въ одной изъ эктеній на вечерни помѣщено прошеніе о современномъ написанію рукописи государѣ Андроникѣ, а затѣмъ—такое же прошеніе о его предшественникѣ, умершемъ уже, Михаилѣ (Матер. для Истор. Чинопослѣд. литургіи, вып. I, стр. 8. Казань 1889 г.). Это послѣднее было, очевидно, переписано сюда писцомъ съ старой рукописи по невнимательности. Словомъ, имя патріарха Николая, по нашему мнѣнію, заключаетъ въ себѣ весьма надежное хронологическое указаніе, и именно на первую половину X в. 2) Второй признакъ происхожденія данной редакціи памятника въ первой половинѣ X и даже въ концѣ IX в. А. А. Дмитріевскій усматриваетъ въ именахъ авторовъ пѣснопѣній, помѣщенныхъ въ текстѣ устава, каковы: Іоаннъ Дамаскинъ, Козьма Майюмскій, патріархъ Фотій и Маркъ, епископъ Отрантскій. По его мнѣнію, между этими авторами нѣтъ ни одного, кто бы скончался позднѣе конца IX в. Позднѣйшимъ изъ нихъ онъ считаетъ, повидимому, патріарха Фотія, «скончавшагося въ 887 году» (въ 891 г.). Но здѣсь онъ допускаетъ большую ошибку, ибо Маркъ Отрантскій, кончину котораго онъ полагаетъ почему-то въ началѣ IX в., писалъ свой канонъ на Вел. Субботу въ началѣ X в. въ Константинополѣ по побужденію со стороны

императора Льва Мудраго, и скончался, какъ думаютъ, около 912 г., а можетъ быть и позднѣе. На этомъ основаніи выносить границу срока происхожденія разсматриваемой редакціи въ конецъ IX в. никакъ не возможно. Первая половина X в. есть терминъ, ранѣе котораго редакція съ канономъ Марка появиться не могла. 3) Третій признакъ, тоже весьма важный, содержится въ топографическихъ указаніяхъ памятника на современное его происхожденію состояніе святыхъ Іерусалимскихъ мѣстъ. О постройкахъ на мѣстахъ страданія и воскресенія Христа здѣсь говорится такъ, какъ можно говорить, только имѣя въ виду постройки патріарха Модеста въ первой половинѣ VII в. Особенно важно частое упоминаніе здѣсь св. сада (ἁγ. κῆπος) и церкви св. Константина (ναὸς τοῦ ἁγίου Κωνσταντίνου, ἐν ᾧ εὑρέθη ὁ τίμιος σταυρὸς τοῦ Κυρίου Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ), которая представляется одною изъ главнѣйшихъ святынь и называется даже *базиликою*. Между тѣмъ извѣстно, что въ началѣ XI в., въ 1010 г., при калифѣ Хакемѣ, храмъ этотъ былъ совершенно разрушенъ и послѣ того уже не былъ возстановляемъ въ прежнемъ видѣ и объемѣ ни при Константинѣ Мономахѣ, ни при Крестоносцахъ. Со времени этого окончательнаго разрушенія, церковь съ именемъ: «св. Константинъ» въ описаніяхъ Іерусалимскихъ святынь, по мнѣнію ученыхъ болѣе будто бы уже не упоминается. Если это правда, то 1010-й годъ долженъ считаться терминомъ, позже котораго разсматриваемый литургическій памятникъ не могъ явиться Такимъ образомъ, всѣ три [1]) перечисленные признака согласно указываютъ на X в., а именно на патріаршество Николая, какъ на время, когда получила начало та редакція, которая въ сохранившемся до нашего времени памятникѣ занимаетъ господствующее положеніе, представляя собою результатъ повидимому довольно широкаго и основательнаго пересмотра старой, существовавшей до того времени, редакціи устава. Пересмотръ этотъ и обусловленное имъ преобразованіе старой редакціи вызваны были, повидимому, наплывомъ новаго литургическаго матеріала изъ Византіи и совершались вообще подъ вліяніемъ византійской литургической практики, которая

1) Въ примѣчаніи 91-мъ (стр. 398) А. А. Дмитріевскій указываетъ еще новый хронологическій признакъ. Обративъ вниманіе на то, что по памятнику монастыри св. Саввы, Харитона и Θеодосія представляются благополучно существующими и съ многочисленною братіею въ каждомъ изъ нихъ, онъ полагаетъ на этомъ основаніи, что уставъ сформировался *гораздо ранне IX в.*, такъ какъ въ IX в. монастыри эти подверглись опустошенію сарацинскихъ разбойниковъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ (напримѣръ монастырь св. Θеодосія) были разрушены даже до основанія. Это правда, что въ началѣ IX в. (807 г.) монастыри эти были почти совсѣмъ разрушены, но авторъ забываетъ, что потомъ они были возстановлены и въ началѣ XII в. повидимому процвѣтали. Нашъ паломникъ Даніилъ о разрушенномъ въ IX в. якобы до основанія монастырѣ св. Θеодосія говоритъ, что онъ «на горѣ городомъ одѣланъ, видѣть отъ Іерусалима. И ту есть печера на горѣ той, посреди монастыря: въ той печерѣ волсви ночлегъ сотвориша, егда уклонишась отъ Ирода; ту нынѣ лежитъ св. Θеодосій и иніи святіи отцы мнози лежатъ» (стр. 55, 56 по изд. Сахарова). Слѣдовательно, указаніе памятника можно относить и къ позднѣйшему времени

при Константинѣ Багрянородномъ получила особенно широкое развитіе. Это доказывается встрѣчающимися въ нашемъ памятникѣ именами патріарха Фотія и Марка Отрантскаго и указаніемъ на уставъ Романійскій или Ромейскій (см. Ανα σ. 106. 21. Дмит., стр. 106 — Οὕτως ὁ τύπος τῆς Ἁγίας Ἀναστάσεως, ἡ δὲ τῆς Ῥωμανίας τάξις λέγει), съ которымъ, слѣдовательно редакторы были знакомы.

Теперь возникаетъ вопросъ: сохранилась ли эта редакція X в. до нашего времени въ рукописи 1122 г. въ своемъ чистомъ и неотмѣнномъ видѣ, или она въ теченіе XI в. подвергалась новымъ измѣненіямъ и дополненіямъ, снова была редактирована, и мы имѣемъ ее уже въ этомъ измѣненномъ видѣ? Нѣкоторые слѣды, содержащіеся въ текстѣ памятника, вынуждаютъ насъ отвѣтить на этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что мы имѣемъ ее уже въ измѣненномъ видѣ, что при перепискѣ въ XII в., а можетъ быть и ранѣе, въ ней допущены были измѣненія, размѣры которыхъ опредѣлить, впрочемъ, весьма трудно. Вотъ замѣченные нами признаки позднѣйшихъ редакціонныхъ попытокъ, или по крайней мѣрѣ слѣдовъ, указывающихъ на то, что позднѣйшіе переписчики не были простыми копіистами: 1) Въ службѣ на Великій Пятокъ мы находимъ «Послѣдованіе часовъ и тропари» ποίημα Σωφρονίου πατριάρχου Ἱεροσολύμων τοῦ ἀρχαίου καὶ φιλοσόφου (Ἀνάλ. σ. 147. 14—15. Дмит., стр. 146). Здѣсь въ этомъ надписаніи нельзя не обратить вниманія на слово: τοῦ ἀρχαίου, повидимому излишнее, а потому, вѣроятно, и опущенное Симео, но многознаменательное. Для чего нужно было обозначать въ надписаніи, что «Часы» принадлежатъ Софронію *древнему?* Очевидно для того, чтобы кто-либо не смѣшалъ его съ Софроніемъ новымъ или вторымъ, который былъ Іерусалимскимъ патріархомъ отъ 1046 г. до 1079. Отсюда слѣдуетъ, что поясненіе это, а можетъ быть и все надписаніе, сдѣлано авторомъ, жившимъ послѣ уже смерти Софронія II, по крайней мѣрѣ въ концѣ XI в. 2) Второе указаніе на еще болѣе позднее время мы находимъ въ описаніи процессій на недѣлю Ваій: Καὶ εὐθὺς λιτὴ ἐκ τὴν Γεθσημανὴν εἰς τὴν Προβατικήν. Ἀλλ' ἡμεῖς νῦν λιτανεύομεν ἐκ τὴν Ἁγίαν Γεθσημανὴν εἰς τὸ Ἱερόν, ἤγουν εἰς τὰ Ἅγια τῶν Ἁγίων (Ἀνάλ. σ. 18. 33. 19. 1—2: Дмитр., стр. 16). А. А. Дмитріевскій въ примѣчаніи 34-мъ (стр. 245), упомянувъ объ этомъ измѣненіи въ подробностяхъ направленія литіи, приходитъ въ недоумѣніе, какими мотивами объяснить перемѣну древняго обычая на новый и полагаетъ, что объяснить это можно не иначе, какъ предположивъ неблагопріятныя обстоятельства, вынудившія къ тому Іерусалимскую церковь, каковы: пожаръ и разрушеніе церкви, бывшей на мѣстѣ Овчей купели, отнятіе ея сарацинами и т. п. обстоятельства. Между тѣмъ, объясненіе здѣсь очень простое. Существованіе или несуществованіе храма на мѣстѣ Овчей купели здѣсь не причемъ. Значеніе здѣсь имѣетъ доступность или недоступность извѣстнаго мѣста для христіанскихъ процессій. Со времени завоеванія Іерусалима магометанами, мѣсто, извѣстное подъ именемъ: «Святое Святыхъ», было застроено

мечетью Омара и сдѣлалось недоступнымъ для христіанъ; по изгнаніи же магометанъ крестоносцами, мечеть Омара превращена была въ христіанскую церковь и сдѣлалась доступною для христіанскихъ процессій. Этимъ обстоятельствомъ и поспѣшила воспользоваться Іерусалимская церковь, направивъ литію недѣли Вайй не на Овчую купель, а на сосѣднее, болѣе важное, мѣсто: «Святое Святыхъ». Итакъ, указаніе устава на измѣненіе направленія литіи въ данномъ случаѣ есть вставка или редакціонная поправка сдѣланная уже послѣ завоеванія Іерусалима крестоносцами, не ранѣе начала XII в. Что это есть вставка, можно видѣть и изъ дальнѣйшаго текста: послѣ совершенія въ Святое Святыхъ предписанныхъ уставомъ дѣйствій εὐθὺς ἐξέρχονται ἀπὸ τὴν Προβατικὴν λιτ[ανεύοντες] ψαλλο[μένου] τοῦ «Ὁ τοῖς Χερουβίμ», μέχρις οὗ ἔλθωσιν εἰς τὴν βασιλικὴν πύλην τοῦ ἁγίου Κωνσταντίνου (σ. 19). Позднѣйшій редакторъ, сдѣлавъ въ вышеуказанномъ мѣстѣ поправку, здѣсь по недосмотру не сдѣлалъ соотвѣтствующаго ей дополненія въ текстѣ, и такимъ образомъ обнаружилъ себя Недосмотръ этотъ исправляетъ Симео: послѣ слова: Προβατικὴν онъ прибавляетъ: ἢ ἀπὸ τοῦ Ἱεροῦ ὡς εἴρηται (стр. 18) и такимъ образомъ, изгладивъ изъ сообщеній памятника слѣды ихъ происхожденія, далъ возможность А. А. Дмитріевскому искать причинъ этой перемѣны не во владычествѣ крестоносцевъ, а въ другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ болѣе ранняго времени.

Изъ разбора указанныхъ нами двухъ текстовъ ясно, что редакція X-го вѣка въ рукописи 1122 г. дошла до насъ не въ первоначальномъ и, такъ сказать, неприкосновенномъ своемъ видѣ, а съ поправками и дополненіями, сдѣланными неизвѣстнымъ лицомъ, пересматривавшимъ уставъ въ концѣ XI и въ началѣ XII в. Но какъ далеко простираются эти поправки? Можетъ быть этими только двумя мѣстами онѣ и ограничиваются? Точный отвѣтъ на этотъ вопросъ можно дать только послѣ детальнаго анализа и изслѣдованія текста, чего мы теперь не можемъ сдѣлать; но и при томъ знакомствѣ съ текстомъ, какое уже имѣемъ, мы могли бы указать и еще нѣсколько мѣстъ, гдѣ можно съ большою вѣроятностію хотя бы только подозрѣвать позднѣйшія исправленія. Мы остановимся нѣсколько на тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ содержатся топографическія указанія, относящіяся къ зданіямъ при Гробѣ Господнемъ, такъ какъ указанія эти, повидимому, совершенно противорѣчатъ нашему предположенію о позднѣйшихъ поправкахъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что храмъ св. Константина, построенный патріархомъ Модестомъ, былъ совершенно разрушенъ Хакемомъ въ 1010 г. и затѣмъ не былъ возстановленъ въ прежнемъ видѣ; въ эпоху позднѣйшаго редактированія устава, т. е. въ началѣ XII в., этого храма не было, а между тѣмъ нашъ памятникъ представляетъ этотъ храмъ существующимъ и прилагаетъ къ нему тѣ названія, которыя по древнимъ свидѣтельствамъ свойственны были именно тому храму, который возстановленъ былъ Модестомъ — βασιλική, Ἅγιος Κωνσταντῖνος, ναὸς τοῦ

Κωνσταντίνου, ἐν ᾧ εὑρέθη ὁ τίμιος καὶ ζωοποιὸς σταυρὸς τοῦ Κυρίου καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ (σ. 26). Если въ XII в., дѣлаемы были исправленія, то какимъ образомъ могли быть оставлены безъ измѣненія и даже оговорки эти указанія на несуществовавшій уже храмъ? — Намъ кажется, что это весьма могло быть сдѣлано вслѣдствіе того, что была возможность подъ древнимъ названіемъ разумѣть, хотя уже не древній Модестовскій храмъ, но весьма важную часть его, а именно подземную церковь св. Елены, гдѣ именно и были найдены кресты. Въ храмѣ Константина эта подземная церковь, въ видѣ крипты, занимала его восточную часть и, какъ подземная, при разрушеніи надземной церкви не могла быть окончательно разрушена. Въ XII в. она существовала въ реставрированномъ видѣ и «Малая церквица», о которой упоминаетъ Даніилъ паломникъ, была по всей вѣроятности часовня надъ спускомъ въ подземное помѣщеніе. Іоаннъ Фока во второй половинѣ XII в. обозначаетъ этотъ храмъ такимъ образомъ: ὑπόγαιος ναὸς μέγας, ἐν ᾧ εὕρηται ὁ τίμιος καὶ ζωοποιὸς σταυρὸς τοῦ Δεσπότου Χριστοῦ (Пал. Сборн. вып. 23, стр. 14). Что подъ именемъ св. Константина нашъ памятникъ разумѣетъ эту именно церковь, видно, по нашему мнѣнію, изъ способа обозначенія входа въ нее и выхода. Говоря о входѣ въ этотъ храмъ, памятникъ постоянно употребляетъ глаголъ: καταβαίνω — καταβαίνουσι, καταβαίνομεν и проч., а для выхода ἀναβαίνω. Едвали этотъ способъ обозначенія могъ быть примѣняемъ къ храму, построенному Модестомъ. Св. Константинъ Модеста по отношенію къ храму Воскресенія вовсе не занималъ такого низменнаго положенія, чтобы въ него нужно было спускаться; наоборотъ, онъ занималъ, повидимому, болѣе возвышенное положеніе. Патріархъ Софроній назвалъ храмъ этотъ: βῆμα (см. прим. проф. Васильевскаго, Пал. Сбор., вып. 11, стр. 41); по свидѣтельству Зевульфа мѣсто, на которомъ стоялъ этотъ древній храмъ, по отношенію къ поверхности двора или сада, примыкавшаго къ Воскресенію, было возвышеннымъ — paulo superius (Пал. Сборн., вып. 9-й, стр. 273). Поэтому можно кажется думать, что выраженія: καταβαίνουσι, καταβαίνομεν и т. п. суть позднѣйшія поправки, сдѣланныя примѣнительно къ положенію подземной церкви Обрѣтенія Креста [1]). Другое топографическое обозначеніе, повидимому, противорѣчащее предположенію о позднѣйшихъ поправкахъ въ текстѣ памятника, есть слово: κῆπος, указывающее на садъ или открытую площадь, существовавшую въ постройкахъ Мо-

1) Въ смыслѣ косвеннаго подтвержденія нашей догадки весьма любопытно слѣдующее, очевидно поврежденное, мѣсто (Ἀνάλεκτα σ. 26. 19—20): Εὐθὺς μετὰ τὸ κοινωνεῖν τὸν λαὸν καταβαίνομεν εἰς τὸν ἅγιον Κωνσταντῖνον ἐπὶ τὴν Ἁγίαν Ἀνάστασιν. По связи рѣчи видно, что нужно было выходить изъ св. Константина, а не входить въ него. Арх. Симео (Дмитр., стр. 32) поправляетъ: ἀναβαίνομεν ἐκ τοῦ Ἁγίου Κωνσταντίνου ἐπὶ τὴν Ἁγίαν Ἀνάστασιν. Не довольно ли здѣсь одной поправки: ἐκ τοῦ Ἁγ. Κωνσταντίνου? Тогда на слово: καταβαίνομεν можно смотрѣть какъ на остатокъ стараго, бывшаго до исправленія, способа обозначенія выхода изъ св. Константина *въ св. Воскре*сеніе.

деста между св. Воскресеніемъ и св. Константиномъ. По общему мнѣнію, послѣ погрома 1010 г. указанія на этотъ садъ въ литературныхъ памятникахъ прекращаются и, слѣдовательно, согласно съ этимъ оно должно бы быть изглажено и изъ нашего памятника. Но въ данномъ случаѣ въ этомъ не представлялось никакой надобности. Если и дѣйствительно слово: κῆπος въ XI и XII вв. уже не употреблялось у паломниковъ и въ другихъ литературныхъ памятникахъ, то это не значитъ, что открытая площадка, обозначавшаяся прежде этимъ словомъ, уже не существовала; напротивъ, она существовала и въ это время, по крайней мѣрѣ до половины XII в., когда крестоносцы начали возводить на ней свои постройки. Въ концѣ XI и въ началѣ XII в. эта площадка должна была имѣть даже бо́льшіе размѣры, чѣмъ какіе она имѣла до Хакемова погрома, такъ какъ къ ней примыкало теперь пустое пространство, занятое прежде святымъ Константиномъ. Что касается до указаній нашего памятника на положеніе другихъ зданій: Голгоѳы, темницы, св. Воскресенія и проч., то указанія эти въ равной мѣрѣ могутъ быть приложены какъ къ постройкамъ Модеста, такъ и къ постройкамъ Константина Мономаха. Относительно св. Воскресенія можно сказать даже, что тѣ данныя, которыя сообщаетъ о немъ нашъ памятникъ, болѣе приложимы къ постройкамъ Мономаха, чѣмъ Модеста. По памятнику ἡ ἁγία Ἀνάστασις, или св. Воскресеніе, есть круглая церковь, въ срединѣ которой— Гробъ Господа — τοῦ Κυρίου τάφος; въ верху ея—κατηχούμενα, куда восходитъ патріархъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ; противъ св Гроба, къ востоку — τὸ ἅγιον βῆμα — алтарь, повидимому большихъ размѣровъ, такъ какъ въ немъ есть σύνθρονον, на который восходитъ патріархъ, а предъ нимъ *солея* и *амвонъ* (Ἀνάλ. σ. 199, 200, 184). Такія показанія относительно алтаря, очевидно, гораздо болѣе согласуются съ показаніями паломниковъ XII в., напримѣръ Даніила игумена, чѣмъ съ паломниками VI и VII вв., каковы Аркульфъ и Беда. Даніилъ ясно и подробно говоритъ «о велицѣмъ олтари», находившемся противъ дверей св. Гроба къ востоку (Прав. Пал. Сборн., вып. 9-й, стр. 133) въ церкви св. Воскресенія, перестроенной Мономахомъ; Аркульфъ же и Беда ничего не говорятъ о такомъ большомъ алтарѣ, а говорятъ о трехъ алтаряхъ: на югъ, сѣверъ и западъ, что̀ не согласно съ нашимъ памятникомъ. Правда, Беда говоритъ даже о двухъ алтаряхъ къ востоку отъ дверей Гроба, но это алтари не большіе (Прав. Пал. Сборн., вып. 20-й, стр. 177). Притомъ же извѣстіе объ этихъ двухъ алтаряхъ также не согласуется съ нашимъ памятникомъ. Чѣмъ объяснить это несогласіе, если въ нашемъ памятникѣ рѣчь идетъ о постройкахъ Модеста? По нашему мнѣнію это произошло, по всей вѣроятности отъ позднѣйшихъ поправокъ. Вообще, на основаніи указанныхъ признаковъ, должно думать, что поправки, сдѣланныя въ текстѣ X в. позднѣйшими справщиками, были довольно значительны, но не выдержаны и не систематичны: исправлены одни мѣста, а другія, параллельныя имъ, оставлены безъ исправленія; нѣкоторыя

мѣста вовсе неисправлены, хотя уже и не соотвѣтствовали дѣйствующей практикѣ и обстоятельствамъ. Замѣчательно, что слѣды редакціонныхъ работъ можно открыть исключительно почти только въ подлинномъ текстѣ, а не въ копіи Симео, который ихъ старательно, хотя и не намѣренно, изглаживалъ. Таковъ памятникъ, изданный А. А. Димитревскимъ. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію другихъ сторонъ его изданія.

Кромѣ греческаго текста и предисловія, въ книгѣ А. А. Дмитріевскаго мы находимъ переводъ текста на русскій языкъ, примѣчанія и дополненія. Все это составлено и напечатано авторомъ, очевидно, съ цѣлію сдѣлать болѣе легкимъ и доступнымъ пониманіе изданнаго имъ, весьма важнаго, памятника, и онъ въ значительной мѣрѣ достигаетъ своей цѣли.

Переводъ обладаетъ всѣми тѣми достоинствами, какихъ естественно было ожидать отъ перевода, сдѣланнаго человѣкомъ, спеціально знакомымъ съ своеобразнымъ литургическимъ языкомъ и съ весьма трудною и запутанною литургическою терминологіею. Однакожъ, въ немъ есть и недосмотры; на нихъ мы не будемъ останавливаться, такъ какъ важнѣйшіе изъ нихъ исправляетъ самъ переводчикъ въ своихъ примѣчаніяхъ и corrigenda, а другіе легко могутъ быть исправлены каждымъ читателемъ, ибо подлинный текстъ здѣсь на лицо. Болѣе важны тѣ, въ которыхъ замѣчаются пропуски словъ подлинника. Такъ на стр. 178 мы читаемъ μεθ' ὃ ὁ πατριάρχης δίδωσιν ('Ανάλ.—δίδει) εὐχὴν καὶ ἀνέρχεται εἰς τὸ φωτιστήριον; въ переводѣ слово: δίδωσιν εὐχὴν опущены, очевидно, по недосмотру, и мы обращаемъ вниманіе на это опущеніе потому только, что вслѣдствіе его порядокъ дѣйствій по переводу представляется не въ подлинномъ его видѣ. Имѣются подобныя опущенія и въ другихъ мѣстахъ. Но бо̀льшее вниманіе должны вызывать къ себѣ нѣкоторыя другія особенности перевода, а именно: способъ передачи нѣкоторыхъ литургическихъ терминовъ, встрѣчающихся въ памятникѣ. Здѣсь мы встрѣчаемся иногда съ переводами неустойчивыми и недостаточно обоснованными, а потому вызывающими на возраженія и размышленія. Такъ въ памятникѣ весьма часто встрѣчается терминъ: στιχολογία въ приложеніи къ псалмамъ, указывающій на особенный способъ ихъ чтенія по стихамъ съ припѣвомъ послѣ каждаго изъ нихъ. На стр. 4 мы читаемъ: στιχολογία τοῦ δευτέρου καθίσματος· 'Εξομολογήσομαι σοι, Κύριε; переводъ: «*чтеніе* второй каѳизмы: Исповѣмся Тебѣ, Господи». Нѣсколько ниже: στιχολογία τοῦ τρίτου καθίσματος; переводъ: «*стихословіе* третьей каѳизмы». Послѣдній переводъ вѣренъ и на немъ бы слѣдовало остановиться, объяснивъ въ примѣчаніи, что̀ такое—стихословіе, и какихъ родовъ оно бываетъ; но переводчикъ далѣе совершенно оставляетъ его, и слово στιχολογία переводитъ или словомъ: чтеніе, чтеніе каѳизмы, или словомъ: каѳизма. Примѣры: стр. 34—35 — τοῦ ψαλτηρίου στιχολογία = чтеніемъ псалтири, στιχολογία οὐ γίνεται = чтенія каѳизмъ не бываетъ; стр. 36—37: στιχολογία τὸ· Κύριε μὴ τῷ θυμῷ σου, καθίσμα ἦχος πλ. δ' = каѳизма:

«Господи да не яростію Твоею», сѣдаленъ, гласъ 8-й; стр. 42—43: στιχολογία εἰς τὴν θ' ὥραν οὐ γίνεται = каѳизмы на 9-мъ часѣ не бываетъ; стр. 74—75: στιχολογοῦμεν τὸ· Αἰνεῖτε τὸ ὄνομα Κυρίου καὶ τὸ· Εὐλογητὸς Κύριος, ὁ Θεός μου = читаемъ каѳизмы: «Хвалите имя Господне» и «Благословенъ Господь Богъ мой». То же встрѣчаемъ во множествѣ другихъ мѣстъ. Переводъ слова: στιχολογία словами: *чтеніе каѳизмы*, равно какъ отождествленіе этого слова съ словомъ: κάθισμα, по нашему мнѣнію, вносятъ въ текстъ по меньшей мѣрѣ неясность и неопредѣленность. Переводчикъ, повидимому, имѣлъ въ виду толкованіе, введенное въ подлинный текстъ архимандритомъ Симео, который въ приведенныхъ выше первыхъ двухъ текстахъ (стр. 4—5) къ слову: στιχολογία прибавилъ τοῦ δευτέρου καθίσματος и τοῦ τρίτου καθίσματος. Но это позднѣйшее обозначеніе словомъ *каѳизма* отдѣленій Псалтири, состоящихъ изъ извѣстнаго числа псалмовъ, весьма мало свойственно нашему памятнику; каѳизмою здѣсь всегда называются стихиры, заключающія собою стихословіе того или иного псалма и переводится у насъ: *сѣдаленъ*. Каѳизмы же въ нашемъ смыслѣ обозначаются только начальными словами перваго псалма. Поэтому въ видахъ точности слово: каѳизма, какъ позднѣйшее поясненіе, лучше было ставить въ переводѣ въ скобкахъ послѣ слова: *стихословіе*. Но тамъ, гдѣ нѣтъ въ текстѣ слова: στιχολογία, едвали можетъ имѣть мѣсто слово: каѳизма. Поэтому намъ кажется неправильнымъ переводъ ψάλλομεν τὸ Κλῖνον Κύριε, τὸ οὖς σου чрезъ: «поемъ каѳизму: Приклони Господи ухо Твое», ибо здѣсь нѣтъ слова: στιχολογία. Во всякомъ случаѣ въ передачѣ термина: στιχολογία, должно бы быть соблюдено полное однообразіе, при чемъ, въ виду важности и широкой употребительности термина, та или иная передача его по русски должна бы быть мотивирована. Еще болѣе возраженій вызываетъ переводъ другаго термина, новаго, доселѣ неизвѣстнаго, но часто встрѣчающагося въ нашемъ памятникѣ. Это—τὰ ἐπακουστά, τὸ ἐπακουστόν. Въ началѣ (см. стр. 8—9) слову: τὰ ἐπακουστά авторъ не придалъ терминологическаго значенія и фразу: εἶτα ψάλλουσι τὰ ἐπακουστὰ εἰς ἦχον γ' перевелъ: «потомъ *раздѣльно* поютъ на гласъ 3» но затѣмъ онъ вездѣ этотъ терминъ переводитъ словомъ: *ипакои*. Для оправданія такого перевода на стр. 225 онъ дѣлаетъ примѣчаніе, въ которомъ объясняетъ, что слово: ἐπακουστὸν мало понятно для него, но что, очевидно, имъ обозначаются краткія пѣснопѣнія, отличающіяся отъ прочихъ пѣснопѣній особенностію своей мелодіи или напѣва. Затѣмъ, сославшись на одинаковость корня въ глаголахъ: ἐπακούω и ὑπακούω, онъ полагаетъ, что ничего не будетъ страннаго, если онъ слово: τὸ ἐπακουστὸν отождествитъ съ извѣстнымъ въ литургикѣ словомъ: ὑπακοή, которое означаетъ не только названіе извѣстнаго рода стихиры, но и припѣвъ къ антифоннымъ псалмамъ, стихъ изъ псалма и т. п. Вслѣдствіе этого онъ и переводитъ всюду слово: τὸ ἐπακουστὸν—*ипакои*, понимая это слово не въ нынѣшнемъ, узко-спеціальномъ, значеніи стихиры съ извѣстнымъ содержаніемъ и положеніемъ въ богослу-

женіи, а такъ, какъ понималось оно въ глубокой древности. Намъ кажется, что какое бы значеніе мы ни придавали слову: ὑπακοή, его никакъ нельзя признать соотвѣтствующимъ слову: ἐπακουστόν. Да и вообще странно передавать одинъ мало понятный греческій терминъ другимъ греческимъ же, и еще менѣе понятнымъ, при томъ такимъ, который встрѣчается въ томъ же памятникѣ въ приложеніи къ гимнологическимъ произведеніямъ другого рода. Литургическая вообще и, въ частности, гимнологическая терминологія весьма сложна и трудна для объясненія. Многіе изъ наиболѣе употребительныхъ у насъ гимнологическихъ терминовъ, напримѣръ: ирмосъ, кондакъ, икосъ и др., будучи унаслѣдованы отъ глубокой древности, теперь уже въ значительной степени представляютъ собою что-то въ родѣ филологической и археологической загадки; ихъ подлинное значеніе и происхожденіе теперь уже весьма трудно опредѣлить, что̀ доказывается доселѣ существующимъ разногласіемъ на этотъ счетъ между учеными изслѣдователями; ихъ трудно поэтому и перевесть на русскій языкъ вполнѣ безошибочно, вслѣдствіе чего они и остаются безъ перевода. Особенности же тѣхъ піэсъ, которыя обозначены указанными терминами, объясняются обыкновенно, такъ сказать, описательнымъ способомъ, чрезъ указаніе формы ихъ содержанія и положенія въ системѣ богослуженія и церковнаго пѣснопѣнія. Намъ кажется, что такъ же слѣдовало бы поступить и въ данномъ случаѣ, т. е. оставить слово: ἐπακουστὸν безъ перевода, а особенности обозначаемыхъ имъ пѣснопѣній объяснить наблюденіями надъ текстомъ памятника, въ которомъ встрѣчается это слово. Наблюденія эти могли бы привести, какъ намъ кажется, къ болѣе ясному и раздѣльному пониманію новаго термина, чѣмъ то, какое мы получаемъ чрезъ замѣну его словомъ: *ипакои*. Терминъ: τὸ ἐπακουστὸν встрѣчается чаще всего во второй части памятника—въ описаніи церковныхъ службъ на дни Свѣтлой недѣли. Такъ на вечерни въ Свѣтлое Воскресеніе послѣ прокимена и сѣдальна εὐθὺς ἐπακουστόν, ἦχος α΄. Ἕνεκεν τῆς ταλαιπωρίας τῶν πτωχῶν καὶ τοῦ στεναγμοῦ. Καὶ ὁ διάκονος· «Καὶ ὑπὲρ τοῦ καταξιωθῆναι ἡμᾶς τῆς ἀκροάσεως». Καὶ ὁ πρωτοπαπᾶς τὸ εὐαγγέλιον ἐκ τοῦ κατὰ Ἰωάννην (стр. 198, Ἀνάλ. 205). Затѣмъ въ той же комбинаціи, т. е. предъ Евангеліемъ, ἐπακουστὸν встрѣчается постоянно далѣе при описаніи утренняго богослуженія. Такъ на утрени въ Свѣтлый Понедѣльникъ послѣ стихиръ «на хвалитѣхъ» ἐπακουστὸν [εἰς] ἦχ. [ον] β΄. Φῶς ἀνέτειλε τῷ δικαίῳ καὶ τοῖς εὐθέσι. Εὐαγγέλιον δ΄ κατὰ Λουκᾶν (стр. 198. Ἀν. σ. 211). Тоже—на утрени во Вторникъ и въ Среду. Въ Четвергъ ἐπακουστόν является на томъ же мѣстѣ съ особымъ стихомъ: ἐπακουστὸν· ἦχος· Ἀνάστηθι, Κύριε ὁ Θεός μου· ὑψωθήτω ἡ χείρ σου. Στίχος· Ἐξομολογήσομαι. Εὐαγγέλιον κατὰ Ἰωάννην (стр. 208. Ἀν. σ. 235). Точно такъ же, т. е. со стихомъ, является ἐπακουστὸν на утрени въ Пятницу и Субботу Свѣтлой недѣли (стр. 212, 214. Ἀνάλ. σ. 244, 252). Отсюда видно, что ἐπακουστὸν есть что-то въ родѣ прокимена или даже настоящій прокименъ только подъ другимъ названіемъ; онъ занимаетъ почти

то же мѣсто, какое занимаетъ и въ настоящее время прокименъ на утрени предъ Евангеліемъ и по формѣ своей сходенъ съ прокименомъ. Выше въ томъ же памятникѣ, въ описаніи службы утромъ въ Великую Субботу (стр. 168. Ἀνάλ. σ. 176, 177) есть одно даже такое мѣсто, которое позволяетъ утверждать это почти съ несомнѣнностію. Тамъ сказано, что послѣ стихиръ «на хвалитѣхъ» ψάλλουσι τρεῖς διάκονοι τὰ ἐπακουστὰ ἔμπροσθεν τοῦ ἁγίου τάφου. Μετὰ τὴν συναπτὴν ἦχος β'· «Ἕνεκα τῆς ταλαιπωρίας τῶν πτωχῶν καὶ τῶν στεναγμῶν τῶν πενήτων, νῦν ἀναστήσομαι λέγει Κύριος (см. тоже выше). Στίχ. Σῶσόν με, Κύριε, ὅτι ἐκλέλοιπεν ὅσιος.—Ἕτερον ἐπακουστόν· ἦχος δ'· Ἀνάστα, Κύριε· βοήθησον ἡμῖν καὶ λύτρωσαι. Στίχ. Σὺ εἶ αὐτὸς ὁ βασιλεὺς καὶ ὁ Θεός μου· Τὸ αὐτὸ προκείμενον, ἦχος δ'. Ἀνάστα, Κύριε· βοήθησον ἡμῖν καὶ λύτρωσαι ἡμᾶς ἕνεκα τοῦ ὀνόματός σου. Στίχ. Ὁ Θεὸς ἐν τοῖς ὠσὶν ἡμῶν ἠκούσαμεν». Далѣе чтеніе изъ пророка Іезекіиля. Здѣсь, такимъ образомъ, самъ составитель устава слово: ἐπακουστὸν отождествляетъ съ словомъ: προκείμενον и употребляетъ безразлично оба термина какъ однозначущіе. Поэтому, если нужно было терминъ: ἐπακουστὸν замѣнять другимъ, то лучше бы было замѣнить его словомъ: προκείμενον, а не ὑπακοή. Ἐπακουστὸν по всей вѣроятности есть или старый терминъ, не успѣвшій еще выйти изъ употребленія, или мѣстный, и указываетъ на способъ пѣнія по наслуху, какъ это мы видимъ и въ настоящее время при пѣніи прокимена: прокименъ сначала произносится чтецомъ въ слухъ всѣхъ, а затѣмъ пѣвцы съ его словъ поютъ его. Что касается: ὑπακοή, то этотъ терминъ встрѣчается въ нашемъ памятникѣ нѣсколько разъ съ своимъ спеціальнымъ значеніемъ и прилагается къ нѣкоторымъ стихирамъ, входящимъ въ составъ каноновъ. О пѣніи одной изъ этихъ стихиръ, а именно *ипакои* изъ пасхальнаго канона, сообщается любопытная подробность, изъ которой можетъ быть возможно извлечь что нибудь для объясненія этого темнаго термина. Пѣніе этого *ипакои*: Προλαβοῦσαι τὸν ὄρθρον αἱ περὶ Μαρίαν (Предварившія утро яже о Маріи) должно происходить при особенной обстановкѣ, располагающей и вызывающей слушателей къ особенному *вниманію*: ἀναβαίνουσιν οἱ ψάλται ἐπὶ τοῦ ἄμβωνος, καὶ ὁ δομέστικος ἀλλαγμένος καὶ μετὰ χειρ.... χρυσᾶ, καὶ ὁ ψάλτης·· ὑπακοὴ ἦχος δ'· (стр. 186 Ἀνάλ. σ. 192).— Кромѣ термина: ἐπακουστὸν встрѣчается въ нашемъ памятникѣ еще терминъ, тоже новый и непонятный: θέσις. Что означаетъ и откуда происходитъ этотъ терминъ трудно опредѣлить. А. А. Дмитріевскій переводитъ его словомъ: *катавасія*, но не объясняетъ почему. Правда, θέσις имѣетъ сходство съ катавасіей въ томъ отношеніи, что это есть ирмосъ канона, но сходство не полное. Любопытно, что терминъ: *ирмосъ*,—одинъ изъ древнѣйшихъ и наиболѣе употребительныхъ,—въ нашемъ памятникѣ вовсе не встрѣчается, хотя конструкція каноновъ представляется въ немъ вполнѣ выработанною въ другихъ отношеніяхъ. Терминъ: καταβασία по тексту Симео тоже не встрѣчается, но въ подлинномъ текстѣ мы встрѣчаемъ его одинъ разъ, хотя и не въ обыч-

номъ мѣстѣ, въ отпустѣ Чина омовенія ногъ на вечерни въ Великій Четвертокъ (Ἀνάλ. σ. 115). Здѣсь катавасіей называется извѣстный тропарь на утрени Великаго Четверга: *Егда славніи ученицы*: «Νῦν ἀπολύεις» Καταβασία. «Ὅτε οἱ ἔνδοξοι μαθηταί». Ниже (σ. 116) въ Чинѣ страстей (τάξις... τῶν ἁγίων παθῶν) тотъ же тропарь называется сѣдальнымъ — κάθισμα. Ὅτε οἱ ἔνδοξοι μαθηταὶ, а выше (σ. 83) въ Чинѣ утрени—тропаремъ — τροπάριν ψαλλόμενον εἰς τὸ Ἀλληλούια. — Къ числу новыхъ терминовъ можно отнести и слово: σύνθημα въ приложеніи къ нѣкоторымъ кондакамъ. Такъ на канонѣ въ Великій Четвергъ (стр. 84. Ἀνάλ. σ. 87) Εἶτα κονδάκιον· ἦχος πλάγιος δ'. Σύνθημα ἰδιόμελον. А. А. Дмитріевскій переводитъ это мѣсто такъ: «Кондакъ, гласъ 8-й, «Твореніе» самогласное». Согласно съ этимъ слѣдуетъ исправить переводъ другого подобнаго мѣста (стр. 56. Ἀνάλ. σ. 56): ἄλλο κονδάκιον· ἦχος πλάγιος δ'· ἰδιόμελον καὶ καλεῖται σύνθημα. Ἰδιόμελον. Слова: καὶ καλεῖται σύνθημα переводчикъ принимаетъ за начальныя слова самогласнаго кондака и переводитъ такъ: «другой кондакъ, гласъ 8-й, самогласенъ: «И нарицается знаменіе» самогласенъ»; но справедливѣе слова эти отнести къ надписанію.

Перейдемъ теперь къ *примѣчаніямъ*. Ихъ очень много; они занимаютъ почти половину всей книги (стр. 220—426). Цифрами обозначено 137 примѣчаній; но на самомъ дѣлѣ ихъ гораздо болѣе, такъ какъ къ обозначеннымъ цифрами присоединено много другихъ примѣчаній, обозначенныхъ страницами. Въ этихъ примѣчаніяхъ затронуто столько важныхъ и любопытныхъ вопросовъ: топографическихъ, хронологическихъ, археологическихъ и литургическихъ, что останавливаться здѣсь на всѣхъ ихъ съ равною внимательностію нѣтъ никакой возможности, особенно если имѣть въ виду, что многіе изъ этихъ вопросовъ относятся къ числу темныхъ и спорныхъ и, въ виду современнаго состоянія археологіи, должны остаться таковыми, повидимому, еще долгое время. Поэтому мы обратимъ свое вниманіе только на нѣкоторые пункты и стороны изслѣдованій автора въ этихъ примѣчаніяхъ. Общую оцѣнку этихъ примѣчаній со стороны задачъ, пріемовъ и результатовъ изслѣдованія дѣлаетъ впрочемъ самъ авторъ въ своемъ «послѣсловіи» (стр. 423—426). «Въ этихъ примѣчаніяхъ, говоритъ онъ, благодаря своему личному знакомству съ литургическою письменностію многочисленныхъ восточныхъ и западныхъ книгохранилищъ, мы желали прежде всего описываемые въ издаваемомъ нами памятникѣ обычаи и чины древняго Іерусалимскаго богослуженія вывести изъ той *исключительности*, поражающей читателя съ перваго раза, какая, повидимому, имъ присуща, въ виду малаго знакомства нашего съ памятниками богослуженія этой церкви вообще. Путемъ сопоставленій въ многочисленныхъ примѣчаніяхъ литургическихъ особенностей даннаго памятника съ аналогичными обычаями древне-богослужебной практики въ другихъ памятникахъ, мы старались установить историческую достовѣрность его... и утвердить окончательно въ литургической наукѣ фактъ существованія самостоятельнаго *патріаршаго*

устава Іерусалимской церкви, или, вѣрнѣе, устава храма Воскресенія». Далѣе.... «выдержками изъ многочисленныхъ литургическихъ рукописей въ небольшихъ отрывкахъ, нерѣдко въ связи съ свидѣтельствами памятниковъ свято-отеческой письменности, а иногда болѣе или менѣе въ цѣльныхъ извлеченіяхъ отдѣльныхъ чиновъ и послѣдованій въ видѣ приложеній (таковыхъ въ нашей книгѣ четыре) и нерѣдко въ различныхъ редакціяхъ, мы желали восполнить и прояснить то, что не досказано въ издаваемомъ памятникѣ, или только лишь слегка намѣчено, въ виду подробнаго и обстоятельнаго изложенія тѣхъ же чиновъ и молитвословій въ другихъ богослужебныхъ книгахъ, несомнѣнно употреблявшихся въ практикѣ Іерусалимской церкви одновременно съ нашимъ памятникомъ уставнаго характера. Все это несомнѣнно цѣльнѣе и рельефнѣе напечатлѣетъ въ сознаніи нашихъ читателей грандіозно-величественную картину Іерусалимскаго богослуженія важнѣйшихъ недѣль церковнаго года, какія обнимаетъ нашъ памятникъ».

Обративъ затѣмъ вниманіе на замѣчательное совпаденіе многихъ религіозныхъ церемоній, обрядовъ и чиновъ, описанныхъ въ недавно открытомъ паломничествѣ Сильвіи Аквитанской IV в. съ подобными обрядами и церемоніями, изложенными въ нашемъ памятникѣ, авторъ пришелъ къ мысли—«всѣ эти обычаи, церемоніи, литаніи и проч. поставить въ генетическую связь, разсматривать ихъ въ процессѣ историческаго движенія и тѣхъ естественныхъ наслоеній, какія появлялись въ нихъ подъ условіями иного времени и иныхъ обстоятельствъ въ жизни Іерусалимской церкви». Отсюда произошли особаго рода примѣчанія, въ которыхъ авторъ старался темныя и не вполнѣ понятныя мѣста одного памятника болѣе ранней эпохи и повѣствовательнаго характера сближать и объяснять подобными мѣстами изъ позднѣйшаго литургическаго памятника и на оборотъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ достигъ счастливыхъ результатовъ. «При рѣшеніи вопросовъ топографіи и археологіи Палестины мы воспользовались, говоритъ авторъ, доступною намъ русскою и иностранною паломническою литературою, но по всѣмъ этого рода вопросамъ мы выступали съ своимъ посильнымъ словомъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда чувствовалась въ томъ настоятельная потребность: 1) когда въ существующей и богатой уже по палестиновѣденію литературѣ замѣчался положительный пробѣлъ; 2) когда своими соображеніями и доступными намъ фактами мы желали подтвердить соображенія и гипотезы своихъ предшественниковъ въ рѣшеніи однихъ и тѣхъ же вопросовъ и прояснить недосказанное ими и 3) наконецъ, когда мы не могли раздѣлять существующихъ теорій, гипотезъ и положеній по тому или иному затронутому нами вопросу. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда намъ приходилось бы повторять мысли и факты своихъ предшественниковъ, чтобы не увеличивать напрасно объема своей книги — мы предпочитали отсылать своихъ читателей непосредственно къ капитальнымъ изслѣдованіямъ по этимъ вопросамъ нашихъ извѣстныхъ ученыхъ палести

довъ профессоровъ В. Г. Васильевскаго, И. В. Помяловскаго, А. А. Олесницкаго, архимандрита Антонина и другихъ... При объясненіи техническихъ словъ и названій должностныхъ лицъ византійскаго языка намъ неоцѣненную услугу оказали словарь Дюканжа, примѣчанія Рейске, Гоара и др.» Такова общая характеристика примѣчаній, которую даетъ намъ самъ ихъ авторъ. Мы принимаемъ ее полностію, такъ какъ дѣйствительно научный аппаратъ, которымъ располагалъ авторъ, весьма обширенъ и солиденъ, а задачи, поставленныя имъ себѣ, вполнѣ научны и въ высшей степени любопытны. Намъ остается обратить вниманіе только на нѣкоторыя частности этихъ примѣчаній для пополненія ихъ общей характеристики.

Прежде всего нельзя не обратить вниманія на то, что «примѣчанія» А. А. Дмитріевскаго не одинаковыхъ размѣровъ и не одинаковаго достоинства. Однѣ изъ нихъ представляютъ собою обширные и ученые экскурсы въ различныя области литургики, палестинской топографіи и т. п.,— экскурсы, обставленные многочисленными выписками изъ малодоступныхъ рукописей и снабженные, кромѣ того, обширными приложеніями; другія-же чрезвычайно кратки, на столько иногда кратки, что состоятъ изъ однихъ только ссылокъ на труды В. Г. Васильевскаго и другихъ. Такъ, напримѣръ, примѣчаніе 117-е (стр. 413) гласитъ: «Топографическое положеніе патріархіи въ Іерусалимѣ опредѣляетъ проф. Васильевскій въ своей книгѣ» и далѣе только ссылки. Къ счастію, такихъ примѣчаній не много. Авторъ оправдываетъ себя тѣмъ, что не хотѣлъ напрасно увеличивать размѣры книги, будучи увѣренъ, что пользованіе трудами, напечатанными въ *общераспространенномъ* Прав. Палест. Сборникѣ, не представитъ особыхъ затрудненій для читателей. Однако-жъ дорогія изданія Палестинскаго Общества едва ли можно считать общераспространенными, да если бы они и были таковыми, рыться въ нихъ для полученія краткаго свѣдѣнія большое затрудненіе для читателей. Что касается увеличенія объема книги, то краткое сообщеніе результата указываемыхъ авторомъ изслѣдованій о топографіи патріархіи и о другихъ предметахъ весьма не много повліяло бы на это увеличеніе. При томъ же увеличеніе это можно было уравновѣсить нѣкоторыми сокращеніями. Такъ въ примѣчаніи къ стр. 124 (стр. 352 и слѣд.) можно бы безъ ущерба для дѣла выпустить нѣсколько страницъ, гдѣ авторъ даетъ намъ подробное толкованіе евангельскихъ текстовъ, относящихся къ прощальной бесѣдѣ Спасителя съ учениками въ ночь съ четверга на пятницу. Толкованіе хорошо, но въ данномъ случаѣ безъ него легко можно бы было обойтись. Кромѣ примѣчаній излишне краткихъ, есть въ книгѣ и иного рода примѣчанія, изъ которыхъ видно, что авторъ, печатая свое сочиненіе въ духовномъ журналѣ, разсчитанномъ не на однихъ только ученыхъ, но и на сельское духовенство, не особенно много заботился объ удобствахъ своихъ читателей. Это — примѣчанія, состоящія изъ одного подбора древнихъ текстовъ безъ объясненія и даже безъ перевода. Для

примѣра можно указать на примѣчанія 11-е (стр. 224) о Гробѣ Господнемъ и 15-е (стр. 229) о церкви Воскресенія. Послѣднее изъ этихъ примѣчаній начинается такъ: «Церковь Воскресенія построена въ Іерусалимѣ въ IV в., но подробное описаніе ея мы имѣемъ лишь отъ VII в. (около 670 г.). Вотъ какъ описывается этотъ храмъ въ «Relatio de locis sanctis» къ епископу Аркульфу». Далѣе слѣдуютъ двѣ выписки изъ Аркульфа и изъ Беды Достопочтеннаго въ подлинникѣ, и только. Авторъ забываетъ здѣсь, во-первыхъ, что описанія Аркульфа и Беды относятся не къ тому храму Воскресенія, который былъ построенъ въ IV в., а къ тому, который былъ возстановленъ патріархомъ Модестомъ въ VII в., а во-вторыхъ, что тексты Аркульфа и Беды довольно темны, неудобопонятны, и что для того, чтобы извлечь изъ нихъ пользу, нужно не только перевести и истолковать ихъ, но и согласить съ тѣми данными памятника, для истолкованія которыхъ они приводятся. Въ противномъ случаѣ эти и подобные тексты могутъ возбуждать въ читателяхъ только недоумѣніе. Къ счастію, и такихъ примѣчаній, относящихся къ раннему періоду ихъ составленія, тоже немного. Въ большей части послѣдующихъ примѣчаній авторъ совершенно освобождается отъ подобнаго рода неудобныхъ для читателей пріемовъ и даетъ толкованія ясныя и убѣдительныя. Такое неравенство въ достоинствахъ примѣчаній объясняется весьма просто неудобною привычкою автора вести нѣсколько ученыхъ работъ одновременно и съ перерывами, и начинать печатаніе своихъ работъ ранѣе ихъ полнаго окончанія. Это довольно вредно отозвалось на работѣ, публикованной авторомъ въ прошломъ году: «Патмосскіе очерки»; тоже самое мы видимъ и въ послѣдней книгѣ, которая печаталась не менѣе шести лѣтъ. Примѣчанія, написанныя позднѣе, замѣтно имѣютъ высшее достоинство и обнаруживаютъ значительное увеличеніе ученаго аппарата, находившагося во владѣніи автора.

Относительно ученыхъ положеній и выводовъ, высказанныхъ авторомъ въ различныхъ мѣстахъ своихъ примѣчаній, мы не можемъ здѣсь говорить подробно, такъ какъ ихъ слишкомъ много и они слишкомъ разнообразны. Нѣкоторыя изъ нихъ мы считаемъ ошибочными и имѣли уже случай указать на это выше (по поводу примѣчаній къ стр. 8 примѣч. 34-го и 91-го). Укажемъ здѣсь еще на одно изъ положеній автора, которое намъ кажется тоже ошибочнымъ. Въ примѣчаніи 54-мъ (стр. 320) авторъ занимается рѣшеніемъ вопроса: кто былъ авторомъ стихиры: «Господи, яже во многія грѣхи впадшая жена» по поводу надписанія ея въ памятникѣ именемъ Фотія патріарха Константинопольскаго. Надписаніе это весьма неожиданно, такъ какъ древнее церковное преданіе приписываетъ составленіе этой стихиры дѣвицѣ-инокинѣ Кассіи, бывшей въ числѣ дѣвицъ, изъ которыхъ долженъ былъ избрать себѣ супругу императоръ Θеофилъ. Имя Фотія явилось здѣсь вѣроятно вслѣдствіе того, что благодаря ему именно стихира эта проникла въ литургическую практику церкви Іерусалимской. Фотій, самъ занимая

составленіемъ литургическихъ пѣснопѣній и покровительствовавшій литургическимъ поэтамъ, вѣроятно послалъ упомянутую стихиру въ Іерусалимъ, какъ одну изъ выдающихся гимнологическихъ новостей, но безъ имени автора. А. А. Дмитріевскій также не находитъ возможнымъ приписать упомянутую стихиру патріарху Фотію, но въ то же время отрицаетъ и церковное преданіе относительно авторства Кассіи. Основаніемъ для такого отрицанія служитъ у него 1) то, что въ одной изъ рукописей XIII в. Синайской библіотеки стихира эта надписывается такъ: ποίημα Ταϊσίας τῆς πόρνης и, слѣдовательно, сочиненіе ея приписывается Таисіи блудницѣ, а 2) то, что такую стихиру будто бы приличнѣе и легче было составить блудницѣ, чѣмъ знатной и дѣвственной Кассіи. Намъ кажется, что оба основанія весьма шатки. Если въ одной рукописи надъ стихирою стоитъ имя Таисіи, то въ другихъ рукописяхъ стоятъ надъ нею другія имена, и чаще всего имя Кассіи; на какомъ же основаніи мы должны предпочесть одно имя другому? А. А. Дмитріевскій полагаетъ, что имя Таисіи должно быть предпочтено имени Кассіи на томъ основаніи, что будто бы «философствующая и дѣвственная Кассія едвали въ состояніи была понять, а тѣмъ болѣе такъ превосходно изобразить тѣ глубокія чувствованія и ощущенія, какія переживала раскаявшаяся блудница, обливающая слезами ноги всепрощающаго Спасителя, потому что въ ея прошлой жизни ничего не было такого, чтобы эти чувствованія были ей доступны, и изобразить себя въ роли глубокопадшей грѣшницы — едва ли она была въ состояніи по своему характеру» (стр. 322, 323). Разсужденіе — весьма странное! Примѣняясь къ нему, нужно бы было думать, что для того, чтобы изобразить, напримѣръ, чувства раскаявшагося разбойника, или чувства матери, потерявшей сына, церковный поэтъ долженъ предварительно самъ лично пережить эти чувства и положенія. Но въ томъ и преимущество поэтическаго таланта, что лицо, владѣющее имъ, можетъ угадывать и прекрасно изображать и такія чувства, которыя не обусловлены обстоятельствами его личной жизни. Да и какія такія особыя чувствованія, недоступныя будто бы пониманію молодой монахини, находитъ авторъ въ упомянутой стихирѣ? Разженіе блуда? Развѣ оно не могло быть ей свойственно? Если стоять на почвѣ соображеній, то въ данномъ случаѣ, по нашему мнѣнію, могутъ быть приведены соображенія другого рода, указывающія на бо̀льшую вѣроятность авторства Кассіи, а не Таисіи. Упомянутая стихира, написанная изящнымъ языкомъ и принадлежащая къ числу самыхъ лучшихъ произведеній греческой литургической поэзіи, обнаруживаетъ автора весьма образованнаго и хорошо ознакомленнаго не только съ языкомъ, но и съ формами литургическихъ пѣснопѣній. Кассія несомнѣнно должна быть причислена къ такого рода авторамъ. Извѣстно, что это была женщина образованная и писала много литургическихъ пѣснопѣній. Такова ли была Таисія? Она была египтянка. Возникаетъ вопросъ: знала ли она по-гречески и получила ли хорошее

образованіе? Обстоятельства ея жизни показываютъ, что она едвали имѣла возможность получить какое бы то ни было образованіе, такъ какъ въ весьма юныхъ лѣтахъ отдана была въ домъ разврата и притомъ собственною своею матерію, и затѣмъ, находясь въ затворѣ, она едвали имѣла и возможность писать литургическія пѣснопѣнія. Такимъ образомъ авторство ея представляется почти невѣроятнымъ. Притомъ же Таисія жила въ IV в.; какимъ же образомъ объяснить то обстоятельство, что упомянутая выше и будто бы ею составленная стихира только съ IX в. начинаетъ входить въ церковное употребленіе въ Іерусалимѣ, какъ показываетъ имя патріарха Фотія, поставленное на ней въ нашемъ памятникѣ? Вообще, намъ кажется, что достоуважаемый авторъ для того, чтобы отстоять свою гипотезу противъ общепринятаго мнѣнія, долженъ былъ запастись другими болѣе вѣскими данными сравнительно съ тѣми, на которыхъ онъ основывается.

Впрочемъ, не въ гипотезахъ и выводахъ сила автора и достоинство его книги, а въ фактахъ и матеріалахъ, которые онъ съ необыкновенною щедростію расточаетъ въ своихъ примѣчаніяхъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ драгоцѣнныя справки и болѣе или менѣе обширные выписки изъ многочисленныхъ древнихъ и рѣдкихъ рукописей библіотекъ: Синайской, Каирской, Іерусалимской, Патмосской, Аѳинской, многихъ Аѳонскихъ, Ватиканской и другихъ. Кромѣ того мы встрѣчаемъ здѣсь изданіе цѣлыхъ, новыхъ и доселѣ неизданныхъ, литургическихъ памятниковъ, а именно: въ приложеніяхъ къ примѣчаніямъ и въ самомъ текстѣ ихъ изданы: 1) Τάξις γινομένης τῆς τριτοέκτης ἐν ταῖς νηστείαις по рукописи IX—X в. Синайской библіотеки № 957 (прилож. I, стр. 254—260); 2) Чинъ литургіи апостола Іакова по двумъ Синайскимъ рукописямъ (прилож. II, стр. 270—285); 3) Διακονικὰ τῆς προηγιασμένης λειτουργίας τοῦ ἁγίου Ἰακώβου по Синайской же рукописи (прилож. III, стр. 303—309); 4) Ἀντίφονα καὶ εὐχαὶ τῆς παννυχίδος τῶν ἁγίων νηστειῶν по Іерусалимскимъ и Синайскимъ рукописямъ (прилож. IV, стр. 112—317). Кромѣ того въ текстѣ нѣкоторыхъ примѣчаній помѣщено полностію тоже нѣсколько новыхъ списковъ другихъ чинопослѣдованій, а именно: «пѣсненной вечерни» (стр. 287, 290), «повечерія» (стр. 311, 312), «омовенія ногъ» въ трехъ спискахъ (стр. 343—348). Все это уже роскошь: каждый изъ этихъ вновь изданныхъ памятниковъ могъ бы быть предметомъ особаго изслѣдованія и изданія. Тѣмъ болѣе чести автору, что онъ не скрываетъ добытые съ великимъ трудомъ тексты въ своемъ портфелѣ, а предоставляетъ ихъ всеобщему пользованію. Будемъ надѣяться, что найдутся умѣлыя руки для разработки вновь опубликованнаго весьма важнаго литургическаго матеріала. Будемъ надѣяться также, что и другіе матеріалы, въ громадномъ количествѣ собранные А. А. Дмитріевскимъ во время его многочисленныхъ и трудныхъ путешествій, въ скоромъ времени увидятъ свѣтъ.

Проф. Н. Красносельцевъ.

Aug. Heisenberg, *Studien zur Textgeschichte des Georgios Akropolites.* Landau, 1894, Ss. 55.

Диссертація Гейзенберга, представленная философскому факультету Мюнхенскаго университета, служитъ началомъ предпринятаго имъ большаго изслѣдованія о жизни и авторской дѣятельности великаго логоѳета Георгія Акрополита.

Личность Георгія и его историческій трудъ представляютъ особенный интересъ по той близости къ византійскому двору, въ которой онъ находился съ ранней его юности. Шестнадцати лѣтъ является онъ изъ Константинополя, находящагося во власти Латинянъ, въ Никею, ко двору императора Іоанна Дуки Ватацы (Annal. p. 50 ed. Bonn.), за отеческія заботы коего о его высшемъ образованіи (Annal. 53) Георгій отплачиваетъ впослѣдствіи своимъ Ἐπιταφίῳ τῷ ἀοιδίμῳ βασιλεῖ Ἰωάννῃ τῷ Δούκᾳ (срв. Fabric., Bibl. graeca, Voll. VI, p. 770). Онъ сопровождалъ этого императора въ его походахъ въ качествѣ секретаря (Annal., p. 84). Ему съ его товарищемъ Іоанномъ (Μακρωτός) поручаются царемъ особенно важныя канцелярскія работы (p. 98). Кромѣ того, Георгій участвуетъ въ посольствѣ, отправляемомъ царемъ въ Ѳессалоники къ деспоту Михаилу (p. 99) для заключенія съ нимъ договора. Точно также при преемникѣ Іоанна, Ѳеодорѣ (II), Георгій остается постояннымъ приближеннымъ царя въ его походахъ (срв. p. 125, p. 135) до того столкновенія между ними, подробно описываемаго Георгіемъ, за которымъ вскорѣ слѣдуетъ отъѣздъ царя на Востокъ и назначеніе Георгія на высокій постъ претора въ западныхъ владѣніяхъ (p. 148). Эта претура, окончившаяся для Георгія такъ печально (плѣномъ у деспота Михаила), на время разлучаетъ его со дворомъ. Но послѣ рѣшительной побѣды новаго императора (Михаила VIII Палеолога) надъ мятежнымъ деспотомъ и его латинскими союзниками онъ снова возвращается ко двору. Въ своемъ историческомъ трудѣ онъ упоминаетъ еще о своей дипломатической роли въ качествѣ посла къ болгарскому царю Константину (p. 187) и о своихъ литературныхъ произведеніяхъ, связанныхъ съ событіемъ возвращенія греческихъ императоровъ на престолъ Византіи (молитвы p. 196 и рѣчь p. 198). На описаніи этого событія обрывается изложеніе Георгія и для дальнѣйшихъ событій его жизни до его смерти, послѣдовавшей въ одинъ годъ со смертью основателя новой династіи, мы должны уже обращаться къ позднѣйшимъ лѣтописцамъ (особенно Георгію Пахимеру, срв. Allatius, Diatriba de Georg. въ его парижск. изданіи Георгія Акрополита 1651 г., p. 353 sqq., и Dräseke, Ztschr. f. wissensch. Theol. von Hilgenfeld B. 34, S. 336 ff.), а также къ свидѣтельствамъ его ученика Георгія (патріарха Григорія) Кипрскаго въ его автобіографіи и въ его Ἐγκώμιον Акрополиту.

Не только какъ военачальникъ, дипломатъ и высокопоставленный государственный дѣятель своего времени привлекаетъ Георгій Акрополитъ наше вниманіе. Мы знаемъ его также какъ ученаго, около 8 лѣтъ

преподававшаго съ каѳедры въ Константинополѣ философію и математику. Ученикъ знаменитаго Никофора Влеммида, Георгій оставилъ также и нѣкоторыя богословскія сочиненія. Таковы его Ἑρμηνεία θεολογικῶν τινων ῥητῶν Γρηγορίου τοῦ Θεολόγου и его два Слова въ изобличеніе Латинскаго ученія исхожденія Св. Духа (срв. Ἀπολογία іеромонаха Іова у Dräseke, l. c., S. 339). Послѣднія любопытны по ихъ отношенію къ роли Георгія на Ліонскомъ соборѣ 1274 г. и къ тому Σύγγραμμα стараго великаго логоѳета Акрополита, о сожженіи котораго на Константинопольскомъ соборѣ при Андроникѣ II упоминаетъ Пахимеръ, вообще къ вопросу о религіозныхъ убѣжденіяхъ Георгія. Извѣстно обвиненіе его Пахимеромъ, какъ «κατημελημένως τῶν εἰς συνείδησιν ἔχοντα».

Всѣ эти обстоятельства жизни и авторской дѣятельности Георгія получатъ, вѣроятно, должное освѣщеніе въ ожидаемомъ новомъ трудѣ о немъ. Главнымъ и первостепеннымъ источникомъ нашимъ для знакомства не только со многими внѣшними фактами изъ жизни Акрополита, но и съ внутреннимъ, душевнымъ складомъ его, его воззрѣніями, убѣжденіями, его нравственнымъ характеромъ остается его собственный историческій трудъ. Какъ историческій источникъ, трудъ Георгія имѣетъ большую цѣнность, представляя правдивый разсказъ очевидца (сравн. общій отзывъ Крумбахера о характерѣ изложенія Георгія, Byz. Lit., S. 89) или, по крайней мѣрѣ, человѣка, близко стоящаго къ самому источнику свѣдѣній о текущихъ событіяхъ. Въ массѣ мелкихъ подробностей (помимо многихъ прямыхъ указаній) обнаруживаются эти качества содержанія. Скажемъ болѣе, на насъ трудъ Георгія производитъ впечатлѣніе скорѣе мемуаровъ, набросковъ въ хронологическомъ порядкѣ, чѣмъ чего нибудь цѣльнаго. Странный фактъ, что трудъ этотъ такъ и остался χρονικὸν ἡμιτελές, оборваннымъ на полуфразѣ въ описаніи событія возвращенія столицы Грекамъ, хотя авторъ жилъ еще болѣе 20 лѣтъ послѣ того бросаетъ свѣтъ на происхожденіе всего произведенія. Эта работа осталась лежать у Георгія въ первоначальномъ наброскѣ, въ какомъ она была сдѣлана, и послѣ для него не было ни желанія, ни времени дописать ее и вообще отдѣлать. Отсюда понятнѣе становится нѣкоторая спутанность въ расположеніи матеріала, нѣкоторыя неточности въ ссылкахъ на свой собственный разсказъ и т. под. Мы знаемъ, что раньше Никифора Влеммида учителемъ Георгія былъ спеціалистъ риторъ и Ἐπιτάφιος Іоанну Дукѣ самого Георгія являлся, вѣроятно, образчикомъ школьнаго краснорѣчія, усвоеннаго еще у этого ритора. Оставляя даже въ сторонѣ преувеличенныя похвалы Георгія Кипрскаго въ Ἐγκωμίῳ, мы не думаемъ, чтобы нѣкоторые недостатки изложенія въ трудѣ Акрополита нельзя было приписать неотдѣланности, необработанности черноваго наброска, до насъ дошедшаго. Мы укажемъ нѣкоторые наиболѣе рѣзкіе примѣры: Длинное отступленіе о царствованіи въ Константинополѣ латинскаго царя Генриха (Ἐρρῆς), вставляемое по поводу упоминанія женитьбы царя Ѳеодора (I) Ласкариса на сестрѣ преемника (и племянника) Генриха Ро

берта (сравн. p. 29, 18—20), авторъ намѣревается закончить еще p. 30, 8 и однако p. 31, 4 снова начинается: ὁ δὲ εἰρημένος Ἑρρῆς κτλ. p. 76, 18 sq. Ниже, безъ всякой мотивировки, вставлены сообщенія о смѣнѣ патріарховъ. Ссылка p. 12, 5—8 на предшествующее изложеніе p. 10, 14 неточна, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ говорится о дарованіи титула деспота не Θеодору Ласкарису, а Алексѣю Палеологу, который вскорѣ затѣмъ умираетъ. Подобнымъ образомъ p. 26, 20 sqq. ссылка ὡς εἰρήκειμεν не соотвѣтствуетъ содержанію p. 23, 10 sq. Кромѣ того, p. 35, 18 у Асѣня, болгарскаго освободителя страны, двое сыновей, а p. 23, 10 и p. 26, 21 — одинъ. Также бѣгство этого сына p. 35, 20 къ Руси мало вяжется съ тѣмъ, что p. 26, 21 sqq. нѣкто увозитъ его къ Скиѳамъ еще ἀφῆλικα. Можетъ быть, и такого рода ставвки, нарушающія послѣдовательность изложенія, какъ сопоставленіе личностей двухъ султановъ p. 74 или двухъ деспотовъ p. 76, объясняются поспѣшностью работы.

Текстъ историческаго труда Георгія Акрополита, напечатанный въ серіи боннскаго изданія, взятъ изъ парижскаго изданія Алляція 1651 г., причемъ издателемъ (Имм. Беккеромъ) сдѣланы были нѣкоторыя исправленія въ немъ. Упомянутое изданіе Алляція впервые познакомило ученый міръ съ первоначальной редакціей труда Георгія, въ то время какъ первое изданіе — Θеодора Дузы (Lugd. Bat. 1614) содержало только позднѣйшую, очень сокращенную и искаженную редакцію, текстъ коей по другой рукописи былъ помѣщенъ рядомъ съ полнымъ текстомъ и въ изданіи Алляція. Рукопись полнаго текста найдена была Алляціемъ на Хіосѣ (Diatr. de Georg., p. 356) и въ основу изданія имъ положенъ собственноручный списокъ съ нея. По мнѣнію Гейзенберга (S. 23 f.), cod. Barber. (Алляцій былъ въ 1651 г. библіотекаремъ Барберинской библіотеки) II, 85 представляетъ этотъ самый списокъ. Его латинскій переводъ содержитъ cod. Barber. II, 12. Что касается сокращенной редакціи въ изданіи Алляція (p. 105 sqq.), въ ея основу положенъ былъ, по мнѣнію Гейзенберга (срв. S. 37), cod. Vatic. 981. Рукопись, коею пользовался Дуза, пока не найдена.

Въ совершенно новую фазу вступаетъ изученіе текста Георгія Акрополита въ трудѣ Гейзенберга. Благодаря предупредительному содѣйствію многихъ лицъ, завѣдующихъ рукописными собраніями Европы, или располагавшихъ возможностью описанія и сличенія той или другой рукописи, авторъ весьма расширяетъ наши свѣдѣнія о рукописяхъ, въ коихъ содержится трудъ Акрополита.

Важнѣйшимъ результатомъ этого широкаго изученія рукописей является открытіе рядомъ съ первоначальной и сокращенной редакціей еще особой редакціи, которая представляетъ обработку и распространеніе труда Георгія другимъ авторомъ. Замѣчательно, что въ этой новой обработкѣ, содержащейся въ cod. Ambros. A 202, всѣ вставки въ первоначальный трудъ указаны особымъ значкомъ (ἀστερίσκος). Добавленія эти

въ особенности тѣ, которыя касаются патріарха Арсенія, съ коимъ автора, повидимому, связываютъ особыя отношенія[1]), представляютъ большой интересъ для исторіи того времени (срв. Dräseke, Wochensch. f. klass. Phil. 1894, № 3). Неизвѣстный авторъ приписалъ и конецъ къ прерванному труду Георгія, но при томъ такъ что чужая рука видна съ перваго разу (срв. S. 48 f.)

Остальныя рукописи Георгія Акрополита, съ которыми знакомитъ насъ авторъ, распадаются на два большіе отдѣла: рукописи первоначальной редакціи и рукописи сокращенной редакціи. Авторъ произноситъ рѣшительный приговоръ этой послѣдней (p. 47). Въ содержаніи она не даетъ ничего новаго и для обработки текста также лишена значенія[2]), такъ какъ стоитъ ближе всего къ низшей группѣ рукописей въ ихъ классификаціи, установленной Гейзенбергомъ.

Классификація рукописей первоначальной редакціи основана у Гейзенберга на сличеніи разночтеній цѣлаго ряда рукописей для довольно значительнаго отрывка изъ исторіи Акрополита, текстъ коего приведенъ по cod. Vatican. 163. Кромѣ этой рукописи онъ ставитъ на первое мѣсто Алляціевъ списокъ и Vindobon. № 68 (S. 34). Vatic. № 166 и Parisin. № 3041 занимаютъ второе мѣсто, въ сомнительныхъ случаяхъ сюда

1) Мы не можемъ, впрочемъ, согласиться съ авторомъ диссертаціи относительно отзыва о патріархѣ самого Акрополита; кромѣ p. 113 слѣдовало бы имѣть въ виду другое мѣсто — p. 188, гдѣ патріарху отдано должное. Необразованность или образованность патріарховъ всюду отмѣчается Георгіемъ, высоко ставившимъ философскія знанія. Сопоставленіе съ Никифоромъ Влеммидомъ должно было естественно бросить тѣнь на характеристику Арсенія p. 113.

2) Въ самомъ дѣлѣ сокращенная редакція представляетъ очень жалкое извлеченіе изъ первоначальнаго труда Георгія. Прежде всего авторъ ея тщательно опускаетъ всѣ тѣ многочисленныя и часто длинныя мѣста, гдѣ Георгій сообщаетъ о событіяхъ изъ своей жизни, и старается, так. обр., искоренить всѣ признаки его авторства (измѣняя, напр., даже p. 125,23 ἀπῄειμεν въ ἀπῄεσαν). Только тамъ, гдѣ Георгій говоритъ о своей претурѣ въ Греціи, у сократителя проскальзываетъ небольшой отрывокъ, сохраняющій форму первоначальной редакціи (p. 148, 18 sqq. Гейзенбергъ, S. 46 f.). Иногда сокращенія совершенно искажаютъ содержаніе, напр. p. 25 ed. Dous. ὁ δὲ Ῥόμπ. ὁ τ. Κωνστ. βασ. (= Bekk. p. 47,20) περί τὰ τῆς Σταδίας μέρη κτλ. (= Bekk. p. 49, 14) и. т. п. Въ сокращенной редакціи возвышеніе Арсенія изъ простыхъ монаховъ въ патріархи совершается даже не въ недѣлю, а уже въ одинъ день (Dous. p. 43: ὃς καὶ μονήμερος διάκονος, ἱερεὺς καὶ πατριάρχης τετέλεστο).

Что касается разночтеній, намъ кажется, до окончательнаго ихъ отверженія слѣдовало бы по крайней мѣрѣ обсудить нѣкоторыя изъ нихъ, а также нѣкоторыя мелкія добавленія къ тексту, для содержанія, правда, ничего новаго не дающія. Bekk. p. 18,8 ἄνευ μέντοι τῶν ἀναγκαίων, D. p. 10 ἀλλὰ μόνον τι τῶν ἀναγκαίων; Bekk. p. 73,14, D. p. 34 οὐδεὶς οὖν τῶν εἰδότων ἔλεγεν γηραίων τοιοῦτον γινώσκειν ποτὲ χειμῶνα; p. 124,13 εὐχερῶς πάνυ D. εὐχερῶς ἔπειτα. Также указанная нами выше неточная ссылка p. 12,5—8 можетъ быть исправляется въ сокращенной редакціи, гдѣ читаемъ: δεσπότης ὑπ' ἐκείνου γεγενημένος (въ полномъ текстѣ γεγενημένον), хотя съ другой стороны здѣсь опущены тѣ самыя слова, къ которымъ относится ἐκείνου (т. е. τοῦ βασιλέως Ἀλεξίου).

присоединяется также Marcian. № 403. Остальныя рукописи сами по себѣ лишены значенія и лишь согласіе ихъ чтеній съ лучшими рукописями должно приниматься во вниманіе.

Новый изслѣдователь справедливо указываетъ на существенный недостатокъ изданія Имм. Беккера. Въ своихъ исправленіяхъ онъ нерѣдко старался подчинить языкъ Акрополита, далекій отъ языка классическихъ авторовъ, требованіямъ этого языка, хотя самая послѣдовательность рукописной традиціи должна бы была ему указать на неправильность такого обращенія съ текстомъ. Таково его исправленіе περί c. accus. (на вопросъ куда? при названіи города или страны) въ ἐπί c. accus.; хотя περί всюду засвидѣтельствовано рукописью, такъ что иногда сохранено и Беккеромъ (напр. p. 66,8). Потому также ὑπὲρ ἀριθμὸν ἡγουμένων p. 42,43 Heisenb. по аналогіи съ ὑπ' αἰτίαν ὄντα (Heisenb., S. 33) можетъ быть не слѣдуетъ исправлять въ ὑπεράριθμον (conj. Bekk.).

Хотя, по словамъ Крумбахера, Георгій избѣгаетъ вульгаризмовъ (Byz. Lit., S. 89, Anm. 2 въ примѣръ того приводится слово ἀείδαρος Georg. p. 138 = γάδαρος оселъ), однако упадокъ языка замѣтенъ у него въ большой степени. Таково употребленіе въ смыслѣ ἑαυτοῦ, ἑαυτῶν не только αὐτοῦ, но и τούτου, τούτων и ἐκείνου, употребленіе τοιοῦτος нъ смыслѣ οὗτος, употребленіе желательнаго наклоненія съ ἐπεί соотвѣтственно лат. cum historicum и т. под.

Въ своемъ весьма тщательномъ сопоставленіи разночтеній рукописей для нѣкотораго отрывка изъ исторіи Акрополита, Гейзенбергъ приходитъ къ группировкѣ ихъ по ихъ происхожденію изъ предполагаемыхъ общихъ оригиналовъ, которые въ свою очередь возводятся къ архетипу. При этомъ оказывается, между прочимъ, что одна рукопись перваго класса обнаруживаетъ нѣкоторое родство съ общимъ источникомъ двухъ другихъ рукописей, одной втораго и одной третьяго класса, именно Vatican. № 163 съ Paris. № 3041 и Britannic. № 28828 (S. 28). Противъ хіосскаго прототипа, Vindobonensis № 68 и другихъ второстепенныхъ рукописей названныя рукописи даютъ въ характеристикѣ царя Іоанна Дуки (p. 110 ed. Bekk) передъ μάλιστα δέ слѣдующую прибавку: καὶ πολλαῖς μὲν καὶ ἄλλαις εἰς φανερὰν ἐχρήσατο μῖξιν. Гейзенбергъ считаетъ эти слова принадлежащими къ первоначальному тексту и опущенными только въ прочихъ рецензіяхъ текста, кромѣ рецензіи общей тремъ названнымъ рукописямъ. Мы позволяемъ себѣ усумниться въ этомъ. Было бы очень странно такое согласное опущеніе во многихъ рукописяхъ и нѣкоторыхъ хорошаго происхожденія словъ, столь тѣсно связанныхъ съ μάλιστα δέ. Напротивъ, очень возможно, что прикрытая, вообще сдержанная характеристика Георгіемъ своего покойнаго царственнаго покровителя искажена была грубою вставкою позднѣйшаго переписчика. Само по себѣ μάλιστα δέ вполнѣ непринужденно примыкаетъ къ ἐρώτων θήλεων ἡττᾶτο. Намъ кажется, что всякій, кто прочтетъ характеристику царя Іоанна Дуки у Акрополита, гдѣ недостатки покойнаго искусно перемѣшаны съ восхва-

леніемъ его добродѣтелей, или даже замаскированы, согласится съ нашимъ мнѣніемъ.

Авторъ диссертаціи съумѣлъ на нѣсколькихъ отрывкахъ Акрополита обнаружить свою способность разобраться въ критическомъ аппаратѣ и положилъ своею работою твердую основу для критическаго изданія историческаго труда великаго логоѳета.

С. Шестаковъ.

Берлинъ.

W. Nissen, *Die Diataxis des Michael Attaleiates von 1077.* Ein Beitrag zur Gesch. d. Klosterwesens im byzant. Reiche. Jena 1894. Ss. 124.

Монографія Ниссена представляетъ интересъ не только по тщательному анализу разсматриваемаго памятника, но и по обсужденію многихъ частныхъ вопросовъ, связанныхъ съ содержаніемъ такъ называемыхъ τυπικῶν κτητορικῶν вообще.

Выяснивъ значеніе самого термина τυπικὰ κτητορικά (другія названія: διάταξις, τυπικὴ διάταξις, διαταγή, διατύπωσις ὑποτύπωσις), какъ «такихъ документовъ объ основаніи монастырей и иныхъ εὐαγεῖς οἶκοι, которые содержатъ опредѣленія, представляющія до извѣстной степени духовное достояніе основателя и имѣющія силу только для отдѣльнаго случая» (S. 4), авторъ дѣлаетъ сводъ всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ письменныхъ памятниковъ этого рода и даетъ болѣе или менѣе подробное описаніе четырнадцати типиковъ (S. 5—21). Описываемые типики обнимаютъ собою эпоху отъ X до XIV в. Авторъ указываетъ на значеніе сборной рукописи о—ва Халки, которой пользовались двое нашихъ ученыхъ: П. В. Безобразовъ и Ѳ. И. Успенскій Кромѣ типика монастыря св. Маманта, изданнаго и изслѣдованнаго Ѳ. И. Успенскимъ, рукопись содержитъ типикъ Григорія Пакуріана 1083 г. (Nissen, № 3), типикъ императора Іоанна Комнена 1136 г. (Nissen, № 6) и одинъ изъ типиковъ Михаила VIII Палеолога (Nissen № 13)[1]). Изъ нихъ первый изданъ былъ въ новогреческомъ переводѣ (весьма неточномъ) Георгіемъ Музеемъ въ Diss. Jen. IV, 1888 г., два другіе извѣстны автору только по описанію П. В. Безобразова (Ж. М. Н. Просв. 1887 г.) черезъ посредство рецензіи въ Byz. Zeitschrift. Изъ русскихъ изслѣдованій авторъ пользуется также изданіемъ типика монастыря св. Димитрія въ КПолѣ Михаила VIII Палеолога проф. И. Г. Троицкаго (по рукописи Моск. Синод. библ. № 363) — Imp. Michaelis Palaeologi de vita sua opusc. etc. 1885 (Nissen, № 12). Значительная часть типиковъ, изданныхъ раньше, собрана теперь въ V и VI томахъ извѣстныхъ Acta et diplom. gr. med. aevi Фр. Миклошича и І. Мюллера. Одинъ типикъ — 969 г. (св. Аѳанасія, основателя Лавры на Аѳонѣ) изданъ Гедеономъ въ «Аѳонѣ» (ὁ Ἄθως) (Nissen, № 1). Типикъ кипрскаго затворника и основателя ἐγκλείστρας на о-вѣ Кипрѣ близъ

---

1) Кромѣ того, также списокъ типика Михаила Аттал. (Nissen, S. 32).

Пафа Неофита изданъ былъ по эдинбургской рукописи Ф. Е. Варреномъ въ Archaeolog. Vol. 47[1], 1882 (Nissen, № 10).

Вниманіе автора въ этомъ обзорѣ типиковъ останавливается особенно на типикѣ монастыря (императора Іоанна Комнина 1136 г.) τοῦ Παντοκράτορος въ КПолѣ (Nissen, № 6), съ содержаніемъ котораго онъ знакомъ по рецензіи изслѣдованія П. В. Безобразова, пользовавшагося спискомъ 1749 г. (съ пергам. оригинала библіотеки воеводы Николая Маврокордата въ КП.).

Типикъ монастыря Пантократора представляетъ сходство съ типикомъ, служащимъ предметомъ ближайшаго изслѣдованія автора, въ томъ отношеніи, что въ обоихъ случаяхъ дѣло идетъ объ учрежденіи не только монастыря, но и нѣкоторыхъ благотворительныхъ заведеній, тѣсно связанныхъ съ монастыремъ и находящихся въ вѣдѣніи монаховъ. Но само собою разумѣется, и монастырь, и благотворительное учрежденіе Михаила Атталіата имѣетъ гораздо болѣе скромные размѣры, чѣмъ учрежденія царственной четы.

Анализу διατάξεως предшествуетъ у Ниссена очеркъ жизни Михаила Атталіата, при чемъ авторъ пользуется какъ самою διατάξει, такъ и историческимъ трудомъ Михаила (S. 23—30). Пожертвованіе Михаиломъ половины своего состоянія, нажитаго личнымъ трудомъ, на учрежденіе для бѣдныхъ и монастырь, частью въ КПолѣ, частью въ Родостѣ, падаетъ какъ разъ на то время, когда волненіе, вызванныя въ Родостѣ хлѣбною монополіею, поставили богатаго сановника, пользовавшагося особыми привиллегіями со стороны императора, въ тяжелую внутреннюю борьбу чувствъ долга по отношенію къ своему государю съ одной стороны и къ своимъ согражданамъ въ Родостѣ съ другой (S. 27).

Διάταξις была издана сначала Саѳою въ Μεσαιωνικὴ Βιβλ. въ I-мъ т. со введеніемъ (Ἐν Βενετίᾳ, 1872) и затѣмъ Фр. Миклошичемъ и I. Мюллеромъ въ V-мъ т. Acta et diplom. (Vindob. 1887). Въ главѣ о рукописной традиціи διατάξεως авторъ указываетъ на нѣкоторыя ненужныя и иногда даже искажающія смыслъ дополненія текста рукописи въ новомъ изданіи. Въ двухъ мѣстахъ переписчиками сдѣланы перестановки (S. 32 f.). Въ обзорѣ содержанія приведены указанія на всѣ отдѣльныя мѣста другихъ типиковъ параллельныя съ различными главами и отдѣлами разбираемаго типика (S. 35—49).

Эта глава, представляющая результатъ детальнаго изученія всего находившагося въ рукахъ автора матеріала по литературѣ типиковъ, наглядно показываетъ однообразіе ихъ системы и традиціонность формы. Весьма любопытны отношенія жертвователя или основателя монастыря и благотворительныхъ учрежденій къ монашеской общинѣ и къ предоставленному ей недвижимому имуществу съ доходами съ него. Въ типикѣ Михаила избытокъ доходовъ (за потребными на монастырь и благотворительныя учрежденія расходами) не весь остается въ кассѣ учрежденія (δοχεῖον), но двѣ его трети остаются въ распоряженіи наслѣдниковъ

жертвователя и только одна треть поступаетъ въ кассу (Nissen, S. 41). Это какъ разъ то, что Іоаннъ Антіохійскій считаетъ одною изъ причинъ зла (Joh. Antioch. у Coteler.Eccl. gr. monum. I. p. 177), хотя типики и дѣлаютъ особую оговорку о томъ, что только по удовлетвореніи всѣхъ потребностей учрежденія эфоръ получаетъ въ свое распоряженіе законную часть избытка доходовъ. Учрежденіе остается по смерти Михаила въ вѣдѣніи его сына и затѣмъ его наслѣдниковъ по прямой линіи. Экономъ монастыря, если наслѣдникъ не пожелаетъ назначенія особаго игумена, является ближайшимъ помощникомъ его въ управленіи учрежденіемъ. Игуменъ избирается монахами и утверждается наслѣдникомъ Михаила. Наслѣдники мужскаго и женскаго пола имѣютъ одинаковыя права на управленіе учрежденіемъ (Nissen, S. 37). Въ случаѣ прекращенія прямой линіи потомства Михаила экономъ дѣлается игуменомъ съ этихъ поръ уже независимаго учрежденія, въ то время какъ свѣтское представительство принимаетъ на себя одинъ изъ родственниковъ по боковой линіи съ опредѣленнымъ содержаніемъ отъ монастыря (S. 38). Утвержденіе игумена въ случаѣ прекращенія рода жертвователя предоставлено игумену Студійскаго монастыря, при чемъ эпархъ, повѣренный монастыря въ судебныхъ процессахъ, является его заступникомъ въ случаѣ дальнѣйшихъ притязаній Студійскаго игумена (S. 46). Типикъ принимаетъ мѣры и противъ подобныхъ притязаній самого эпарха (S. 45). Вообще типикъ неоднократно настаиваетъ на независимости учрежденія отъ всякой свѣтской и церковной верховной власти. Кромѣ наслѣдниковъ жертвователя (подъ предсѣдательствомъ коихъ рѣшаются, между прочимъ, споры между монахами, S. 43), монастырь и благотворительное учрежденіе никогда не должны быть подчинены никакой иной власти. Лишеніе власти надъ учрежденіемъ или участія въ его дѣлахъ грозитъ и самимъ наслѣдникамъ или боковымъ родственникамъ, которые преступятъ предоставленныя имъ типикомъ права.

Существованіе благотворительнаго учрежденія со связаннымъ съ нимъ монастыремъ обезпечивается въ типикѣ Михаила, кромѣ владѣній въ Константинополѣ и Родостѣ, прямо приписанныхъ ему, тѣми правами, которыя онъ предоставляетъ учрежденію на свое остальное недвижимое имущество въ столицѣ и Редестѣ и другихъ пунктахъ оемъ Ѳракіи и Македоніи. Онъ дѣлаетъ это прочее свое имущество неотчуждаемымъ отъ своего прямаго потомства. По прекращеніи же таковаго онъ предоставляетъ его все благотворительному учрежденію и монастырю. Въ случаѣ, если бы владѣлецъ предназначилъ недвижимое имущество въ приданое (προῖξ) или для такъ называемаго ἀντίφερνα (= propter nuptias donatio, προγάμου или προγαμιαῖα δωρεά, о чемъ сравн. Zachariä von Lingenthal, Gesch. d. gr. röm. Rechts. 3 Aufl. 1892, S. 87, Nissen, S. 113 m. Anm.), или въ случаѣ, если бы послѣдній владѣлецъ завѣщалъ имущество другимъ лицамъ, оно за сравнительно незначительную (ἀντὶ μόνων

λιτρῶν με', ἐπὶ μόναις λ'λίτραις) денежную сумму поступаетъ во владѣніе благотворительнаго учрежденія (срв. S. 39).

Приведенное распоряженіе Михаила относительно судьбы всего своего значительнаго состоянія обусловливалось отчасти тѣмъ, что и самое выдѣленіе части владѣній въ пользу благотворительнаго учрежденія дѣлало это послѣднее какъ бы совладѣтелемъ жертвователя. Такъ, въ Константинополѣ усадьба монастыря была, вѣроятно, отдѣлена только стѣною отъ участка, остававшагося въ распоряженіи семьи жертвователя. По плану, начертываемому Ниссеномъ, это раздѣленіе сопровождалось даже нѣкоторыми неудобствами для той и другой стороны (S. 107 f.). Хотя въ Редестѣ, въ самомъ городѣ монастырь имѣлъ совершенно отдѣльную усадьбу, но сдававшіеся въ наемъ дома за стѣнами города, здѣсь и въ Селивріи, были подѣлены между учрежденіемъ и семьею жертвователя.

Впрочемъ, въ приложеніи къ типику Михаилъ, по предположенію Ниссена, вѣроятно, по просьбѣ сына (S. 113), отмѣняетъ свое первоначальное рѣшеніе о неотчуждаемости отъ своего потомства всего имущества.

Въ главѣ: «Отдѣльныя изслѣдованія, примыкающія къ διάταξις» (S. 49—69) отмѣтимъ § 3 о харистикаріяхъ и другихъ синонимическихъ терминахъ, коими опредѣлялось отношеніе къ монастырю его свѣтскаго главы или представителя. Въ изслѣдованіи по этому вопросу Ө. И. Успенскаго Ниссенъ находитъ тотъ недостатокъ, что авторъ цитуетъ только источники той партіи, которая должна была быть недовольной тогдашнимъ положеніемъ вещей (S. 52). Ниссенъ объясняетъ институтъ харистикаріевъ изъ стремленія византійской верховной власти обезпечить себѣ вліяніе на монастырскія дѣла. Въ эпоху, когда защита государства требовала усиленнаго обложенія страны податями, свобода отъ нихъ громадныхъ монастырскихъ владѣній была терніемъ въ глазу для византійскихъ царей. Отсюда ожесточеніе противъ монастырей иконоборческихъ императоровъ, отъ которыхъ Іоаннъ Антіохійскій (Coteler. Eccl. gr. monum. I, p. 170) производитъ начало «беззаконія», т. е. института харистикаріевъ. Возстановленіе монастырей, раззоренныхъ иконоборцами, давало царямъ и патріархамъ желанный поводъ пріобрѣтать вліяніе надъ ними. Авторъ различаетъ три рода подчиненія монастыря свѣтскому лицу: 1) μοναστήρια δωρηθεῖσα, въ которыхъ данному лицу передаются всѣ права надъ монастыремъ, какъ бы его основателю, и оно носитъ почетный титулъ κτήτωρ, αὐθέντης. 2) ἔφορος или ἀντιλαμβανόμενος принимаетъ на себя управленіе владѣніями монастыря, заботу о его постройкахъ и наблюденіе за правильнымъ расходованіемъ казнѣ и естественныхъ продуктовъ за извѣстное вознагражденіе. 3) ἔκδοσις (δόσις) εἰς (κατ') ἐπίδοσιν. Здѣсь дѣло шло, вѣроятно, о выдачѣ владѣній монастыря или благотворительнаго учрежденія (за опредѣленную выплачиваемую царю, патріарху или иному покровителю арендную плату?) лицу, принимавшему за то на себя обязательство выдавать извѣстную сумму учрежденію, или заботиться о его поддержаніи.

Эта послѣдняя форма, замѣчаетъ Ниссенъ, повидимому особенно часто употреблялась для цѣли или предлога возстановленія монастырей и т. д. и она по преимуществу называлась χαριστική и довѣренное лицо χαριστικάριος. Эта отдача часто дѣлалась для нѣсколькихъ лицъ заразъ и при томъ такъ, что одно изъ нихъ должно было выбрать другое или для одновременнаго пользованія доходами и вмѣстѣ съ тѣмъ принятія на себя извѣстныхъ обязательствъ по отношенію къ монастырю, или для того, чтобы оно было его преемникомъ (ἀπὸ πρώτου εἰς πρῶτον). Такъ понимаетъ Ниссенъ часто встрѣчающіяся въ типикахъ выраженія: μονή, ἥν ἔχω ἐπὶ δυσὶ προσώποις εἰς χαριστικήν, Nov. Leon. et Alex. (909) Zachariae III, 224 sq. τὰ τοῦ ὀρφανοτροφείου δημόσια ἀνεκποίητα εἶναι καὶ ἐπὶ προσώποις τρισὶν ἐκδίδοσθαι и т. п. (S. 56).

Безъ сомнѣнія, этотъ институтъ харистикаріевъ, въ особенности при допущеніи къ нему одинаково лицъ обоего пола, велъ къ злоупотребленіямъ. Но, по мнѣнію Ниссена, противная партія много приписывала свѣтской власти въ монастыряхъ и такого, чему причиною въ дѣйствительности былъ упадокъ самого монашества. Многіе харистикаріи были дѣйствительными благодѣтелями монастырей, заботились о возстановленіи ихъ зданій, или строили новыя учрежденія и снабжали ихъ обильными средствами.

Въ слѣдующемъ § авторъ останавливается на терминѣ ἀποταγή въ значеніи того взноса въ монастырь, которымъ сопровождалось вступленіе въ монахи. Ботатымъ личностямъ эти взносы часто давали возможность занять высшее положеніе въ монастырѣ и облегчить себѣ тягости монашеской жизни. Авторы типиковъ вооружаются какъ противъ такихъ ἀποταγαί, такъ и противъ допущенія въ монастырь такъ называемыхъ ἐξωμονῖται, лицъ, живущихъ внѣ стѣнъ монастыря и допускающихъ образъ жизни вовсе не монашескій (сравн. Іоаннъ Антіох., p. 183, Nissen, S. 62).

Значительную часть своего изслѣдованія авторъ посвящаетъ инвентарю благотворительнаго учрежденія Михаила Атталіата (τὸ βρέβιον) и останавливается здѣсь на объясненіи различныхъ предметовъ инвентаря, въ особенности на матеріалѣ и содержаніи рукописей. Здѣсь авторъ доказываетъ, между прочимъ, что еще въ концѣ XI в. Греки писали болѣе на бумагѣ, чѣмъ на пергаментѣ (S. 89). Заслуживаетъ вниманія также объясненіе термина λιτόγραφος и противоположнаго ему μονόκαιρος (S. 92 ff.). Послѣдній авторъ производитъ отъ ὁ καῖρος licium, καιρόω stamen connecto, καίρωσις connectio staminis и относитъ терминъ μονόκαιρος въ примѣненіи къ книгѣ (εὐαγγέλιον μονόκαιρον τὸ ὕφος и. т. п.) къ связному минускульному письму. Напротивъ λιτόγραφος относится къ письму унціалами, но унціалами сравнительно болѣе простыми, неукрашенными, чѣмъ то унціальное письмо, отличавшееся большимъ вкусомъ и великолѣпіемъ, какое въ XI и XII вв., слѣдовательно во времена Михаила Атталіата, развивается послѣ упадка рукописнаго искусства VI—X вѣковъ (S. 93). Это толкованіе Ниссена термина λιτόγραφος кажется сомнительнымъ Ф

(см. его рецензію Wochenschr. f. class. Philol., 1895, № 9), но мѣсто, приводимое Ниссеномъ изъ Патмосскаго инвентаря, трудно понять иначе.

Многое въ монографіи Ниссена, конечно, не получаетъ еще окончательнаго разъясненія. Нѣкоторые отдѣлы, напр. о предметахъ церковнаго обихода и богослужебныхъ книгахъ, могли бы получить гораздо болѣе обстоятельную обработку въ рукахъ нашихъ ученыхъ при современномъ развитіи церковной археологіи и литургики, въ то время какъ авторъ, по его собственному признанію, не могъ воспользоваться даже нѣкоторыми весьма важными пособіями изъ иностранной литературы. Авторъ весьма сожалѣетъ, что ему остались недоступны работы русскихъ ученыхъ. Тѣмъ не менѣе его монографія, основанная на тщательномъ изученіи литературы типиковъ и подробномъ анализѣ типика Михаила Атталіата, должна служить необходимымъ пособіемъ всякому будущему изслѣдователю затронутаго имъ вопроса.

Берлинъ. **С. Шестаковъ.**

Ch. Diehl, *L'art byzantin dans l'Italie méridionale.* Bibliothèque internationale de l'art. Paris, Librairie de l'art. 1894. 8°. 267 стр. (**Диль,** *Византійское искусство въ южной Италіи*).

Эта интересная книга состоитъ изъ восьми главъ неравнаго объема и значенія. Основные тезисы первыхъ шести главъ авторъ съ наибольшей ясностью опредѣляетъ на стр. 168—9 такимъ образомъ: «Кто хочетъ заняться исторіей византійскаго искусства во всемъ его объемѣ, тотъ найдетъ богатый матеріалъ въ странѣ близъ Отранто и въ Калабріи. Живописныя изображенія, изъ которыхъ иныя восходятъ къ X вѣку, изъ которыхъ многія снабжены точными надписями и часть которыхъ имѣетъ дѣйствительную художественную цѣнность, безъ сомнѣнія, заслуживаютъ вниманія археолога. Но это еще не все: рядомъ съ археологомъ здѣсь есть надъ чѣмъ поработать и историку. Эта страна была театромъ одного изъ самыхъ любопытныхъ событій, которое съ поразительной ясностью доказываетъ особую экспансивную способность Византіи. Эта страна, пробывъ пять вѣковъ подъ властію византійской имперіи, до того подчинилась греческому вліянію, что ея новые владѣтели Норманны и Анжуйцы должны были объясняться въ ней по гречески, и римскіе папы должны были терпѣть здѣсь греческую церковь, правильно установленную». Въ предисловіи и введеніи авторъ говоритъ о томъ, какъ онъ добывалъ свой матеріалъ и каково значеніе послѣдняго; онъ совершилъ два путешествія (въ 1883 и 1884 г.) въ эти страны, и въ остаткахъ многочисленныхъ базиліанскихъ монастырей, а также и въ развалинахъ скитовъ (авторъ называетъ ихъ *лаврами*) и каливъ, отъ нихъ зависѣвшихъ, нашелъ огромное количество памятниковъ стѣнной живописи, значительная часть которыхъ не была изслѣдована его предшественниками[1]). Это работа монастырскихъ художниковъ, часто грубая

1) Главнѣйшій изъ нихъ Salazaro: Studi sui monumenti dell'Italia meridionale. 2 v. Neap. 1874—1877. Не мало матеріалу доставили и труды мѣстныхъ собирателей,

и шаблонная, но имѣющая огромное историческое значенiе; во первыхъ, эти многочисленныя фрески, *совершенно свободныя отъ позднѣйшихъ поправокъ* (стр. 16) и часто датированныя съ полной точностью, пополняютъ важный пробѣлъ въ византiйской живописи, отъ которой дошли до насъ почти исключительно мозаики и миніатюры, такъ какъ фрески, напр. аѳонскія, всѣ подправлены и не одинъ разъ; а во вторыхъ, ихъ изученіе должно повлiять на рѣшеніе вопроса о значеніи византiйскаго элемента въ раннемъ итальянскомъ возрожденіи. Этотъ вопросъ, какъ слишкомъ общій, г. Диль, впрочемъ, оставилъ въ сторонѣ [1]), и, конечно, ни одинъ серьезный читатель—византинистъ не будетъ на него за это въ претензіи; онъ прямо переходитъ къ изложенію матеріала.

Въ 1-ой главѣ (стр. 23—111) Диль говоритъ о памятникахъ иконографіи въ окрестностяхъ Отранто. Въ этотъ наиболѣе восточный уголъ Италіи еще въ VIII столѣтіи бѣжали монахи отъ преслѣдованій иконоборцевъ; отъ Льва Исавра до самаго норманскаго завоеванія эта страна была подчинена юрисдикціи Константинопольскаго патріарха; въ IX и X столѣтіяхъ сюда выводились значительныя греческія колоніи; много позднѣе сюда же спасались отъ Турокъ Греки и Албанцы, и вслѣдствіе всего этого православный обрядъ удержался здѣсь и въ XVI вѣкѣ. Здѣсь въ подземной криптѣ Карпиньяно Диль находитъ много фресокъ съ «лѣтописями» и въ томъ числѣ, дѣйствительно, превосходную икону Спасителя 956 г. (воспроизведеніе ея см. на стр. 35), «одинъ изъ лучшихъ представителей типа, установившагося послѣ иконоборства», типа не юнаго и болѣе строгаго; въ той же криптѣ Диль указываетъ (но не воспроизводитъ) другое изображеніе Христа 1020 г. и находитъ, что оно свидѣтельствуетъ о замѣтномъ паденіи (atteste une sensible décadence стр. 43)[2]). Въ криптѣ св. Вита dei Normanni близъ Бриндизи находится превосходная икона византiйскаго архангела съ «слухами» XI в. которую авторъ воспроизводитъ на стр. 49 и подробно описываетъ (стр. 50); но здѣсь же рядомъ имѣются и позднѣйшія (XIII—XIV) фрески, совершенно западнаго характера. Насколько даже въ византiйскiй пе-

---

напр. Tarantini: Di alcune cripte nell'agro di Brindisi. Цѣнныя руководящія идеи даетъ Lenormant въ своей статьѣ: Notes archéologiques sur la Terre d'Otrante (Gaz. archéol. 1881—82 p. 122—124. Диль (стр. 163 и 165) отвергаетъ ихъ обязательность въ подробностяхъ, но признаетъ ихъ справедливость въ общемъ.

1) Нѣсколько тезисовъ см. стр. 18.

2) Не слишкомъ ли поспѣшно такое якобы историческое заключеніе, въ особенности, если принять въ расчетъ, что мы въ отдаленной провинціи и въ бѣдномъ скитѣ, гдѣ силы художниковъ слишкомъ различны?

Для не спеціалиста по исторіи искусства нѣтъ ничего хуже, когда ему зажимаютъ ротъ хронологіей *по стилю*, т. е. по внутреннему чувству ученаго наблюдателя безъ указанія основаній, и мы очень обрадовались, читая въ введеніи г. Диля, что il n'est point de guide plus trompeux que l'apparence ou le style d'un ouvrage (стр. 14). Но далѣе оказывается, что и самъ авторъ постоянно датируетъ изображенія по стилю (стр. 74, 82 и pass.), да еще, пожалуй, съ большею смѣлостью, чѣмъ другіе очевидно, такова пока неизбѣжная особенность предмета.

ріодъ южноитальянскій провинціализмъ сбивалъ иконописные типы или представлялъ интересныя переживанія, видно по фрескѣ въ криптѣ св. Власія (тоже близъ Бриндизи, снимокъ см. на стр. 53), гдѣ ὁ παλαιὸς τῶν ἡμερῶν, не только имѣетъ крестчатый нимбъ и евангеліе [1]), но и надпись въ послѣднемъ: ἐγώ εἰμὶ ὁ ἄμπελος и пр. (Io. XV, I); тамъ же находится и любопытное изображеніе Благовѣщенія съ Давидомъ и пророкомъ Исаіею въ медальонахъ (стр. 55) и съ стоящею Богородицей съ прялкой въ рукѣ (судя по описанію на стр. 56, Диль этой прялки не замѣтилъ).

Въ медальонѣ же изображенъ и ангелъ, указующій путь, въ сценѣ бѣгства въ Египетъ (стр. 58—9); въ ней особенно любопытна надпись Ἰάκωβος при молодомъ человѣкѣ, ведущемъ осла Богоматери [2]).

Въ той же криптѣ находится любопытное изображеніе Рождества Христова (описаніе его см. стр. 60 и 61), съ интересною, но загадочной надписью [2]); его вмѣстѣ съ другими, на основаніи стиля и плохой ороографіи, авторъ относитъ къ XIV в. (но выше онъ самъ же приводитъ безграмотныя надписи несравненно болѣе ранняго времени, что вполнѣ естественно для бѣдныхъ монастырей отдаленной провинціи).

Въ подземныхъ капеллахъ близъ Отранто находится много стѣнныхъ иконъ сравнительно поздняго времени (XIV в.) съ двойными подписями: по латыни и по гречески, и есть только греческія подписи конца XIV в.; изъ разсмотрѣнія ихъ авторъ вывелъ цѣнное заключеніе, что языкъ надписи вовсе не всегда стоитъ въ связи съ стилемъ (стр. 93 и слѣд.).

Въ капеллѣ св. Стефана въ Солето (гдѣ греческая община, говорившая по гречески, существовала до конца XIV в.) авторъ нашелъ цѣлый

---

1) Примѣры Бога Отца въ типѣ Христа и съ крестчатымъ нимбомъ см. у Кондакова, Ист. виз. иск. стр. 165 и 244; у Дидрона Hist. de Dieu passim.

2) Этотъ молодой человѣкъ въ греч. миніатюрахъ то изображается сзади св. кортежа и безъ нимба, какъ въ Минологіи Василія (см. подъ 26 Декабря), гдѣ онъ несетъ на палкѣ сосудъ (тамъ и Іосифъ безъ нимба), то ведущимъ осла и съ нимбомъ, какъ въ барберинской псалтыри XI в. Положеніе его согласно съ Менологіемъ на рельефахъ каѳедральнаго собора въ Беневентѣ (Ciampini I, pl. IX) XII в. и на серебряномъ рельефѣ собора въ Città di Castello въ Умбріи (Agincourt. Sculp. pl. XXI № 13), въ этихъ обоихъ случаяхъ Богоматерь ѣдетъ одна, а Христа несетъ Іосифъ. Въ томъ же положеніи изображается онъ и въ раннихъ западныхъ миніатюрахъ, напр. въ мюнхенскомъ Евангеліи апракосъ (Mon. lat. 15903, c. pict. № 52, f. 14 XI—XII в.; здѣсь, какъ и въ Минологіи, нимбы только у Богоматери и Христа) и въ рп. первой половины XIII в. (Ев.), принадлежавшей Бастару, гдѣ ангелъ изображенъ съ кадильницей и видны 2 города; но въ Псалтыри Нац. Библіотеки конца XII в. (Suppl. fr. 1132 bis) кромѣ Іосифа, который ведетъ осла, за Богоматерью слѣдуютъ три человѣка: юноша, мущина съ бородой и женщина (кальки Бастара); одна служанка идетъ сзади въ Мюнх. Бревіаріи (lat. 2640 c. pict. 75 f. 6°) XII в. и въ мюнхенской же эѳіопской рп. (№ 25 f. 18), гдѣ Богоматерь изображена млекопитающей. Въ миніатюрахъ XIV и XV в. обыкновенно осла ведетъ служитель (напр. Bibl. Nat. fr. 167 f. 245°), а Іосифъ несетъ Христа.

Λομι, безъ сомнѣнія, обломокъ отъ имени бабки Саломеи; Θες χριο—Θες χρυον — подлей холодной?

рядъ интереснѣйшихъ иконъ; такъ, напр., онъ описалъ два изображенія Софіи Премудрости Божіей (стр. 96 и 100) въ видѣ ангела въ длинной бѣлой одеждѣ, съ крестчатымъ нимбомъ, *съ чашею въ рукѣ* и съ надписью: η αγια σοφια ο λογος του Θεου, которыя онъ относитъ къ XII—XIII в.; страшный судъ (стр. 104 и сл.), съ деисусомъ, этимасіею, съ олицетвореніями земли (верхомъ на львѣ) и моря (верхомъ на рыбѣ) и съ дикими звѣрями и рыбами, возвращающими мертвыхъ, съ вѣсами для грѣховъ, *съ папою и кардиналами въ числѣ святыхъ*, съ Аріемъ, Савелліемъ и Несторіемъ въ числѣ грѣшныхъ, съ изображеніемъ рая и ада по сторонамъ. Въ раю на престолахъ сидятъ Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ; два послѣднихъ держатъ въ лонѣ своемъ по многу душъ праведныхъ, а Авраамъ — только одну — евангельскаго бѣдняка. Въ аду между грѣшными находятся: безжалостный богачъ (ὁ πλουσιος), ростовщикъ (ὁ κτήστης) и скупой (ἄβαρος). Рядомъ съ ними демоны носятъ на плечахъ много маленькихъ фигуръ, надписи при которыхъ означаютъ ихъ спеціальность; это портной (ὁ ῥάπτης), чеботарь (κουρβεσερις — corvesarius), кабатчикъ (ταβερναρος — tabernarius ср. новогреч. ταβερνάρης), кожевникъ (κουραρης — corarius), земледѣлецъ (ο τζαπατουρος — zappator, ср. новогреч. τζαπί — мотыка), бочаръ (βουτζερης отъ βουτζή, новогреч. βουτζί бочка, откуда ὁ βουτζᾶς). Диль недоумѣваетъ, видѣть ли въ этомъ сатиру dont le secret nous échappe или нѣчто въ родѣ Danse Macabre (стр. 108)? Мы можемъ указать разрѣшающую это недоумѣніе параллель въ популярномъ литературномъ памятникѣ, а именно въ позднихъ редакціяхъ *Хожденія Богородицы по мукамъ*, гдѣ ремесленники различныхъ спеціальностей наказываются за недобросовѣстное исполненіе своей жизненной задачи.

Вторая глава книги Диля (стр. 111—151) посвящена описанію стѣнописей въ окрестностяхъ Таренто (онъ возстановленъ Никифоромъ Фокою въ 968 г., и здѣсь были греческіе монастыри съ X в. по XVI включительно). Здѣсь, какъ и въ подземныхъ капеллахъ близъ Отранто, любопытно проявленіе борьбы двухъ стилей и двухъ обрядовъ: православнаго и католическаго. Во многихъ случаяхъ ~~случаяхъ~~ мы находимъ латинскую роспись при греческой постройкѣ; здѣсь уже послѣ полной побѣды католицизма сохраняются византійскіе святые (стр. 149); здѣсь въ гротѣ св. Николая мы находимъ чисто латинское изображеніе Благовѣщенія, но съ пряжей; въ романизированномъ въ XIV столѣтіи гротѣ св. Маргариты мы находимъ изображеніе св. Димитрія Солунскаго, который поражаетъ копьемъ *Арія* (стр. 139); здѣсь мы находимъ характерную смѣсь языковъ въ самыхъ надписяхъ (напр. Pablo tuo *calogerio*, т. е. κύριε βοήθει, стр. 132). Здѣсь любопытно множество деисусовъ, начиная съ XI в. (стр. 147—8) и до XIV (стр. 123, 124, 125) [1]), въ томъ числѣ и деисусы западные (стр. 138, 140).

1) Ср. выше деисусъ XIII в. въ криптѣ S. Vito dei Normanni, стр. 50.

ріодъ южноитальянскій провинціализмъ сбивалъ иконописные типы или представлялъ интересныя переживанія, видно по фрескѣ въ криптѣ св. Власія (тоже близъ Бриндизи, снимокъ см. на стр. 53), гдѣ ὁ παλαιὸς τῶν ἡμερῶν, не только имѣетъ крестчатый нимбъ и евангеліе [1]), но и надпись въ послѣднемъ: ἐγώ εἰμὶ ὁ ἄμπελος и пр. (Io. XV, I); тамъ же находится и любопытное изображеніе Благовѣщенія съ Давидомъ и пророкомъ Исаіею въ медальонахъ (стр. 55) и съ стоящею Богородицей съ прялкой въ рукѣ (судя по описанію на стр. 56, Диль этой прялки не замѣтилъ).

Въ медальонѣ же изображенъ и ангелъ, указующій путь, въ сценѣ бѣгства въ Египетъ (стр. 58—9); въ ней особенно любопытна надпись Ἰάκωβος при молодомъ человѣкѣ, ведущемъ осла Богоматери [2]).

Въ той же криптѣ находится любопытное изображеніе Рождества Христова (описаніе его см. стр. 60 и 61), съ интересною, но загадочной надписью [3]); его вмѣстѣ съ другими, на основаніи стиля и плохой орѳографіи, авторъ относитъ къ XIV в. (но выше онъ самъ же приводитъ безграмотныя надписи несравненно болѣе ранняго времени, что вполнѣ естественно для бѣдныхъ монастырей отдаленной провинціи).

Въ подземныхъ капеллахъ близъ Отранто находится много стѣнныхъ иконъ сравнительно поздняго времени (XIV в.) съ двойными подписями: по латыни и по гречески, и есть только греческія подписи конца XIV в.; изъ разсмотрѣнія ихъ авторъ вывелъ цѣнное заключеніе, что языкъ надписи вовсе не всегда стоитъ въ связи съ стилемъ (стр. 93 и слѣд.).

Въ капеллѣ св. Стефана въ Солето (гдѣ греческая община, говорившая по гречески, существовала до конца XIV в.) авторъ нашелъ цѣлый

---

1) Примѣры Бога Отца въ типѣ Христа и съ крестчатымъ нимбомъ см. у Кондакова, Ист. виз. иск. стр. 165 и 244; у Дидрона Hist. de Dieu passim.

2) Этотъ молодой человѣкъ въ греч. миніатюрахъ то изображается сзади св. кортежа и безъ нимба, какъ въ Минологіи Василія (см. подъ 26 Декабря), гдѣ онъ несетъ на палкѣ сосудъ (тамъ и Іосифъ безъ нимба), то ведущимъ осла и съ нимбомъ, какъ въ барберинской псалтыри XI в. Положеніе его согласно съ Менологіемъ на рельефахъ каѳедральнаго собора въ Беневентѣ (Ciampini I, pl. IX) XII в. и на серебряномъ рельефѣ собора въ Città di Castello въ Умбріи (Agincourt. Sculp. pl. XXI № 13), въ этихъ обоихъ случаяхъ Богоматерь ѣдетъ одна, а Христа несетъ Іосифъ. Въ томъ же положеніи изображается онъ и въ раннихъ западныхъ миніатюрахъ, напр. въ мюнхенскомъ Евангеліи апракосъ (Mon. lat. 15903, c. pict. № 52, f. 14 XI—XII в.; здѣсь, какъ и въ Минологіи, нимбы только у Богоматери и Христа) и въ рп. первой половины XIII в. (Ев.), принадлежавшей Бастару, гдѣ ангелъ изображенъ съ кадильницей и видны 2 города; но въ Псалтыри Нац. Библіотеки конца XII в. (Suppl. fr. 1132 bis) кромѣ Іосифа, который ведетъ осла, за Богоматерью слѣдуютъ три человѣка: юноша, мущина съ бородой и женщина (кальки Бастара); одна служанка идетъ сзади въ Мюнх. Бревіаріи (lat. 2640 c. pict. 75 f. 6°) XII в. и въ мюнхенской же эѳіопской рп. (№ 25 f. 18), гдѣ Богоматерь изображена млекопитающей. Въ миніатюрахъ XIV и XV в. обыкновенно осла ведетъ служитель (напр. Bibl. Nat. fr. 167 f. 245°), а Іосифъ несетъ Христа.

3) Λομι, безъ сомнѣнія, обломокъ отъ имени бабки Саломеи; θες χριο—θες χρυον — подлей холодной?

рядъ интереснѣйшихъ иконъ; такъ, напр., онъ описалъ два изображенія Софіи Премудрости Божіей (стр. 96 и 100) въ видѣ ангела въ длинной бѣлой одеждѣ, съ крестчатымъ нимбомъ, *съ чашею въ рукѣ* и съ надписью: η αγια σοφια ο λογος του Θεου, которыя онъ относитъ къ XII—XIII в.; страшный судъ (стр. 104 и сл.), съ деисусомъ, этимасіею, съ олицетвореніями земли (верхомъ на львѣ) и моря (верхомъ на рыбѣ) и съ дикими звѣрями и рыбами, возвращающими мертвыхъ, съ вѣсами для грѣховъ, *съ папою и кардиналами въ числѣ святыхъ*, съ Аріемъ, Савелліемъ и Несторіемъ въ числѣ грѣшныхъ, съ изображеніемъ рая и ада по сторонамъ. Въ раю на престолахъ сидятъ Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ; два послѣднихъ держатъ въ лонѣ своемъ по многу душъ праведныхъ, а Авраамъ — только одну — евангельскаго бѣдняка. Въ аду между грѣшными находятся: безжалостный богачъ (ὁ πλουσιος), ростовщикъ (ὁ κτήστης) и скупой (ἄβαρος). Рядомъ съ ними демоны носятъ на плечахъ много маленькихъ фигуръ, надписи при которыхъ означаютъ ихъ спеціальность; это портной (ὁ ῥάπτης), чеботарь (κουρβεσερις — corvesarius), кабатчикъ (ταβερναρος — tabernarius ср. новогреч. ταβερνάρης), кожевникъ (κουραρης — corarius), земледѣлецъ (ο τζαπατουρος — zappator, ср. новогреч. τζαπί — мотыка), бочаръ (βουτζερης отъ βουτζή, новогреч. βουτζί бочка, откуда ὁ βουτζᾶς). Диль недоумѣваетъ, видѣть ли въ этомъ сатиру dont le secret nous échappe или нѣчто въ родѣ Danse Macabre (стр. 108)? Мы можемъ указать разрѣшающую это недоумѣніе параллель въ популярномъ литературномъ памятникѣ, а именно въ позднихъ редакціяхъ *Хожденія Богородицы по мукамъ*, гдѣ ремесленники различныхъ спеціальностей наказываются за недобросовѣстное исполненіе своей жизненной задачи.

Вторая глава книги Диля (стр. 111—151) посвящена описанію стѣнописей въ окрестностяхъ Таренто (онъ возстановленъ Никифоромъ Фокою въ 968 г., и здѣсь были греческіе монастыри съ X в. по XVI включительно). Здѣсь, какъ и въ подземныхъ капеллахъ близъ Отранто, любопытно проявленіе борьбы двухъ стилей и двухъ обрядовъ: православнаго и католическаго. Во многихъ случаяхъ ~~случаяхъ~~ мы находимъ латинскую роспись при греческой постройкѣ; здѣсь уже послѣ полной побѣды католицизма сохраняются византійскіе святые (стр. 149); здѣсь въ гротѣ св. Николая мы находимъ чисто латинское изображеніе Благовѣщенія, но съ пряжей; въ романизированномъ въ XIV столѣтіи гротѣ св. Маргариты мы находимъ изображеніе св. Димитрія Солунскаго, который поражаетъ копьемъ *Арія* (стр. 139); здѣсь мы находимъ характерную смѣсь языковъ въ самыхъ надписяхъ (напр. Pablo tuo *calogerio*, т. е. κύριε βοήθει, стр. 132). Здѣсь любопытно множество деисусовъ, начиная съ XI в. (стр. 147—8) и до XIV (стр. 123, 124, 125) [1]), въ томъ числѣ и деисусы западные (стр. 138, 140).

---

1) Ср. выше деисусъ XIII в. въ криптѣ S. Vito dei Normanni, стр. 50.

ріодъ южноитальянскій провинціализмъ сбивалъ иконописные типы или представлялъ интересныя переживанія, видно по фрескѣ въ криптѣ св. Власія (тоже близъ Бриндизи, снимокъ см. на стр. 53), гдѣ ὁ παλαιὸς τῶν ἡμερῶν, не только имѣетъ крестчатый нимбъ и евангеліе [1]), но и надпись въ послѣднемъ: ἐγώ εἰμὶ ὁ ἄμπελος и пр. (Іо. XV, I); тамъ же находится и любопытное изображеніе Благовѣщенія съ Давидомъ и пророкомъ Исаіею въ медальонахъ (стр. 55) и съ стоящею Богородицей съ прялкой въ рукѣ (судя по описанію на стр. 56, Диль этой прялки не замѣтилъ).

Въ медальонѣ же изображенъ и ангелъ, указующій путь, въ сценѣ бѣгства въ Египетъ (стр. 58—9); въ ней особенно любопытна надпись Ἰάκωβος при молодомъ человѣкѣ, ведущемъ осла Богоматери [2]).

Въ той же криптѣ находится любопытное изображеніе Рождества Христова (описаніе его см. стр. 60 и 61), съ интересною, но загадочной надписью [2]); его вмѣстѣ съ другими, на основаніи стиля и плохой ороографіи, авторъ относитъ къ XIV в. (но выше онъ самъ же приводитъ безграмотныя надписи несравненно болѣе ранняго времени, что вполнѣ естественно для бѣдныхъ монастырей отдаленной провинціи).

Въ подземныхъ капеллахъ близъ Отранто находится много стѣнныхъ иконъ сравнительно поздняго времени (XIV в.) съ двойными подписями: по латыни и по гречески, и есть только греческія подписи конца XIV в.; изъ разсмотрѣнія ихъ авторъ вывелъ цѣнное заключеніе, что языкъ надписи вовсе не всегда стоитъ въ связи съ стилемъ (стр. 93 и слѣд.).

Въ капеллѣ св. Стефана въ Солето (гдѣ греческая община, говорившая по гречески, существовала до конца XIV в.) авторъ нашелъ цѣлый

---

1) Примѣры Бога Отца въ типѣ Христа и съ крестчатымъ нимбомъ см. у Кондакова, Ист. виз. иск. стр. 165 и 244; у Дидрона Hist. de Dieu passim.

2) Этотъ молодой человѣкъ въ греч. миніатюрахъ то изображается сзади св. кортежа и безъ нимба, какъ въ Минологіи Василія (см. подъ 26 Декабря), гдѣ онъ несетъ на палкѣ сосудъ (тамъ и Іосифъ безъ нимба), то ведущимъ осла и съ нимбомъ, какъ въ барберинской псалтыри XI в. Положеніе его согласно съ Менологіемъ на рельефахъ каѳедральнаго собора въ Беневентѣ (Ciampini I, pl. IX) XII в. и на серебряномъ рельефѣ собора въ Città di Castello въ Умбріи (Agincourt. Sculp. pl. XXI № 13), въ этихъ обоихъ случаяхъ Богоматерь ѣдетъ одна, а Христа несетъ Іосифъ. Въ томъ же положеніи изображается онъ и въ раннихъ западныхъ миніатюрахъ, напр. въ мюнхенскомъ Евангеліи апракосъ (Mon. lat. 15903, c. pict. № 52, f. 14 XI—XII в.; здѣсь, какъ и въ Минологіи, нимбы только у Богоматери и Христа) и въ рп. первой половины XIII в. (Ев.), принадлежавшей Бастару, гдѣ ангелъ изображенъ съ кадильницей и видны 2 города; но въ Псалтыри Нац. Библіотеки конца XII в. (Suppl. fr. 1132 bis) кромѣ Іосифа, который ведетъ осла, за Богоматерью слѣдуютъ три человѣка: юноша, мущина съ бородой и женщина (кальки Бастара); одна служанка идетъ сзади въ Мюнх. Бревіаріи (lat. 2640 c. pict. 75 f.6⁰) XII в. и въ мюнхенской же эѳіопской рп. (№ 25 f. 18), гдѣ Богоматерь изображена млекопитающей. Въ миніатюрахъ XIV и XV в. обыкновенно осла ведетъ служитель (напр. Bibl. Nat. fr. 167 f. 245⁰), а Іосифъ несетъ Христа.

Λομι, безъ сомнѣнія, обломокъ отъ имени бабки Саломеи; Θες χρισ—Θες χρυον — подлей холодной?

рядъ интереснѣйшихъ иконъ; такъ, напр., онъ описалъ два изображенія Софіи Премудрости Божіей (стр. 96 и 100) въ видѣ ангела въ длинной бѣлой одеждѣ, съ крестчатымъ нимбомъ, *съ чашею въ рукѣ* и съ надписью: η αγια σοφια ο λογος του Θεου, которыя онъ относитъ къ XII—XIII в.; страшный судъ (стр. 104 и сл.), съ деисусомъ, этимасіею, съ олицетвореніями земли (верхомъ на львѣ) и моря (верхомъ на рыбѣ) и съ дикими звѣрями и рыбами, возвращающими мертвыхъ, съ вѣсами для грѣховъ, *съ папою и кардиналами въ числѣ святыхъ*, съ Аріемъ, Савелліемъ и Несторіемъ въ числѣ грѣшныхъ, съ изображеніемъ рая и ада по сторонамъ. Въ раю на престолахъ сидятъ Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ; два послѣднихъ держатъ въ лонѣ своемъ по многу душъ праведныхъ, а Авраамъ — только одну — евангельскаго бѣдняка. Въ аду между грѣшными находятся: безжалостный богачъ (ὁ πλουσιος), ростовщикъ (ὁ κτήστης) и скупой (ἄβαρος). Рядомъ съ ними демоны носятъ на плечахъ много маленькихъ фигуръ, надписи при которыхъ означаютъ ихъ спеціальность; это портной (ὁ ῥάπτης), чеботарь (κουρβεσερις — corvesarius), кабатчикъ (ταβερναρος — tabernarius ср. новогреч. ταβερνάρης), кожевникъ (κουραρης — corarius), земледѣлецъ (ο τζαπατουρος — zappator, ср. новогреч. τζαπί — мотыка), бочаръ (βουτζερης отъ βουτζή, новогреч. βουτζί бочка, откуда ὁ βουτζᾶς). Диль недоумѣваетъ, видѣть ли въ этомъ сатиру dont le secret nous échappe или нѣчто въ родѣ Danse Macabre (стр. 108)? Мы можемъ указать разрѣшающую это недоумѣніе параллель въ популярномъ литературномъ памятникѣ, а именно въ позднихъ редакціяхъ *Хожденія Богородицы по мукамъ*, гдѣ ремесленники различныхъ спеціальностей наказываются за недобросовѣстное исполненіе своей жизненной задачи.

Вторая глава книги Диля (стр. 111—151) посвящена описанію стѣнописей въ окрестностяхъ Таренто (онъ возстановленъ Никифоромъ Фокою въ 968 г., и здѣсь были греческіе монастыри съ X в. по XVI включительно). Здѣсь, какъ и въ подземныхъ капеллахъ близъ Отранто, любопытно проявленіе борьбы двухъ стилей и двухъ обрядовъ: православнаго и католическаго. Во многихъ случаяхъ ~~случаяхъ~~ мы находимъ латинскую роспись при греческой постройкѣ; здѣсь уже послѣ полной побѣды католицизма сохраняются византійскіе святые (стр. 149); здѣсь въ гротѣ св. Николая мы находимъ чисто латинское изображеніе Благовѣщенія, но съ пряжей; въ романизированномъ въ XIV столѣтіи гротѣ св. Маргариты мы находимъ изображеніе св. Димитрія Солунскаго, который поражаетъ копьемъ *Арія* (стр. 139); здѣсь мы находимъ характерную смѣсь языковъ въ самыхъ надписяхъ (напр. Pablo tuo *calogerio*, т. е. κύριε βοήθει, стр. 132). Здѣсь любопытно множество деисусовъ, начиная съ XI в. (стр. 147—8) и до XIV (стр. 123, 124, 125) [1]), въ томъ числѣ и деисусы западные (стр. 138, 140).

---

1) Ср. выше деисусъ XIII в. въ криптѣ S. Vito dei Normanni, стр. 50.

Въ Матерѣ и ея окрестностяхъ (гл. III, La région de Matera, стр. 151—160), хотя греческій обрядъ держался тамъ до XVII в. включительно, католическій элементъ еще сильнѣй; здѣсь всѣ надписи латинскія (кромѣ одного случая, гдѣ нельзя ничего разобрать, стр. 159).

Въ IV главѣ: «О началѣ и художественномъ характерѣ италовизантійскихъ фресокъ въ южной Италіи» (стр. 160—170) Диль перечисляетъ все найденное и описанное имъ въ предыдущихъ главахъ (стр. 165—6) и сводитъ въ одно цѣлое свои замѣчанія. Онъ усиленно убѣждаетъ любителей византійской и вообще художественной старины скорѣй спасать остающееся, такъ какъ мѣстные кладоискатели грозятъ разрушить все безъ остатка (стр. 167). Для неопытныхъ археологовъ очень цѣнно его наблюденіе, что попытки мѣстныхъ любителей охранять памятники старины часто способствуютъ скорѣйшему разрушенію ихъ; окрестные «простецы» разсуждаютъ такъ: берегутъ, стало быть, тамъ есть нѣчто цѣнное; пойдемъ и покопаемся.

V глава «Монастырь св. Николая Казольскаго (di Casole) близъ Отранто» (стр. 170—186) имѣетъ отдаленное отношеніе къ задачѣ книги, такъ какъ ничего не говоритъ о византійскомъ искусствѣ, но сама по себѣ очень интересна; она, на основаніи документовъ [1]), излагаетъ исторію вышеназваннаго монастыря, который основанъ только въ 1099 г. при Боэмундѣ, но основанъ греческимъ монахомъ Іосифомъ (первый его игуменъ, ум. 1125 г.) и по греческому обряду. Съ половины XIII в. монастырь уже подчиненъ куріи и платитъ ей подать; но его настоятели часто ѣздили на востокъ, обрядъ оставался православнымъ, и даже монета въ монастырѣ была въ ходу византійская. Монастырь обладалъ огромною по тому времени библіотекою греческихъ книгъ, надъ собираніемъ которой особенно много потрудился третій игуменъ монастыря Николай (1153—1190 г.). Въ эпоху гуманизма, въ началѣ и въ серединѣ XV в., этотъ монастырь служилъ однимъ изъ центровъ для изученія эллинизма; здѣсь охотно и безплатно принимали учениковъ, давали имъ помѣщеніе, для чего было построено спеціальное зданіе (стр. 172), и полное содержаніе. Въ 1483 г. монастырь былъ разрушенъ Турками, послѣ чего исчезла вся его слава и значеніе. Къ счастію, многія и при томъ, конечно, лучшія рукописи библіотеки кардиналъ Виссаріонъ еще прежде того вывезъ отсюда сперва въ Римъ, потомъ въ Венецію; остальное сдѣлалось добычею турокъ, но нѣкоторая часть похищеннаго вернулась назадъ въ западную Европу: въ Парижъ, Мадридъ и др. Въ Туринской библіотекѣ оказался принадлежавшій когда то монастырю св. Николая сборникъ XII—XIII в., главную часть котораго составляетъ типикъ, написанный вышеупомянутымъ игуменомъ Николаемъ въ 1174 г. съ любопытными для исторіи монастыря замѣтками на поляхъ. Передъ нимъ находится 5 листиковъ краткой монастырской

1) Они изданы Омономъ въ Revue des Études grecques 1890, стр. 381.

лѣтописи (отъ 1125 до 1267 г.), а сзади него написанный тѣмъ же Николаемъ Ὑποτύπωσις—частныя правила для вседневной жизни монаховъ, не только св. Николая, но и многочисленныхъ скитовъ, отъ него зависѣвшихъ. На основаніи этого то матеріала Диль и возсоздаетъ картину монастырской жизни XII в, въ которой всего интереснѣй подробности о пользованіи библіотекой и о высокомъ уваженіи къ продуктамъ умственнаго труда (стр. 183—5).

VI глава (стр. 186—205) посвящена обозрѣнію византійскихъ памятниковъ въ Калабріи. Центромъ духовно-византійской цивилизаціи, итальянскимъ Аѳономъ, является здѣсь городокъ Россано съ своими 7-ю монастырями и 1000 монаховъ. Авторъ былъ здѣсь въ 1884 г., получилъ доступъ ко всѣмъ сокровищамъ и пришелъ къ заключенію, что археологическое значеніе Россано и его области нѣсколько преувеличено (стр. 188). Здѣсь много остатковъ скитовъ, но стѣнныя росписи ихъ погибли. Интересна, судя по его описанію (стр. 190—193), маленькая церковь св. Марка, которую авторъ относитъ къ IX—X в, но и это памятникъ только архитектурный. Въ 4 часахъ ѣзды отъ Россано близъ Корильяно находятся развалины очень древняго монастыря Santa Maria del Patir (по житію преп. Нила онъ имѣлъ крупное значеніе уже въ X столѣтіи), церковь котораго, реставрированная въ 1672 г., сохраняетъ черты древней постройки (стр. 195); очень интересенъ здѣсь мозаиковый полъ, который авторъ относитъ ко 2-й половинѣ XII в. (перечень изображеній см. стр. 196); на немъ два раза встрѣчается центавръ (одинъ разъ трубитъ въ рогъ, обернувшись назадъ, другой—натягиваетъ лукъ), представляющій поучительную параллель къ нашему столь извѣстному и все-же въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ загадочному китоврасу. Маленькій бургъ Санта Северина (стр. 199—203) имѣетъ византійскій баптистерій [1]), который относятъ къ IX в., и византійскую капеллу св. Филомены. Любопытнымъ показателемъ позднихъ слѣдовъ византинизма служитъ надпись на одной изъ башенъ замка, гласящая, что зáмокъ построенъ A. D. 1535. Die 27 Iunii. *13 Indicione.*

Въ музеяхъ Катанцаро и Реджіо Диль отмѣчаетъ два дѣйствительно любопытныхъ изображенія поклоненія волхвовъ (оба рельефныя, на золотѣ); въ первомъ Богоматерь сидитъ на тронѣ; на колѣняхъ ея Христосъ въ крестчатомъ нимбѣ; всѣ три волхва *съ бородами*, одѣты въ короткія туники и на головахъ имѣютъ *императорскія короны*; надъ ними звѣзда и *ангелъ въ нимбѣ съ копьемъ, распростертый почти горизонтально надъ этой сценою.* Тотъ же составъ изображенія и въ Реджіо; только маги въ фригійскихъ шапкахъ и преклоняются передъ Христомъ (стр. 203—4).

VII глава: «Византійскія мозаики Сициліи» (стр. 205—249) носитъ

---

1) Планъ его у Jordan: Monuments byzantins de Calabre. Mélanges de l' École de Rome. 1889, стр. 321.

совершенно иной характеръ, нежели всѣ предыдущія и послѣдующая; это не изслѣдованіе, но популярная, живо и красиво написанная, на основаніи чужихъ работъ [1]), провѣренныхъ, однако же, до нѣкоторой степени собственнымъ наблюденіемъ, журнальная статья, нѣчто въ родѣ удачнаго англійскаго essay. Авторъ начинаетъ съ общаго положенія, что Палермо, Чефалу и Монреале имѣютъ такое же огромное значеніе для исторіи искусства въ XII в., какое Равенна имѣетъ для V—VI вѣковъ. Затѣмъ, изложивъ вкратцѣ исторію Сициліи до Норманновъ и при нихъ, авторъ смѣлыми и рельефными штрихами [2]) характеризуетъ вѣротерпимость двухъ Рожеровъ и роскошную жизнь при дворѣ ихъ, гдѣ раздавались три языка и сливались воедино три цивилизаціи: западная, византійская и мусульманская, при чемъ мимоходомъ перечисляетъ и произведенія византійской литературы, зарожденныя въ Сициліи (стр. 213). То же совпаденіе трехъ элементовъ, тотъ же эклектизмъ проявляется и въ сицилійскомъ искусствѣ до арабскихъ сталактитовъ и куфическихъ надписей включительно (стр. 215—217, ср. выше 205). Чудомъ этого искусства Диль считаетъ Палатинскую капеллу, «гдѣ къ латинской базиликѣ прибавленъ византійскій куполъ, гдѣ сталактитовый потолокъ покоится на стѣнахъ, блестящихъ мозаиками, и гдѣ въ сводахъ смѣшиваются надписи арабскія, латинскія и греческія, полное и живое изображеніе этой оригинальной и привлекательной цивилизаціи». Для характеристики сицилійскаго искусства авторъ выбираетъ три крупныхъ памятника: церковь св. Маріи Амиральской (стр. 220—228), построенную въ 1143—1146 гг., въ которой византійскій элементъ является преобладающимъ [3]); Палатинскую капеллу (стр. 228—234), гдѣ востокъ и западъ, по его мнѣнію, находятся приблизительно въ равновѣсіи [4]), и, наконецъ, соборъ въ Монреале (стр. 234—246) вмѣстѣ съ монастыремъ и его 216 горельефными колоннами, надъ которымъ работали уже мѣстные художники [5]), хотя и учившіеся у византійцевъ (стр. 237).

Въ Палермскомъ соборѣ уже всецѣло преобладаетъ западный стиль, что̀ авторъ сопоставляетъ съ неблагопріятнымъ измѣненіемъ политики королей: уже при Вильгельмѣ I началось гоненіе на базиліанскихъ монаховъ; съ начала XIII в. уже запрещены всякія сношенія съ востокомъ;

---

1) Конечно, не всѣхъ; такъ авторъ, не зная по русски, не могъ воспользоваться ни статьями покойнаго К. К. Герца, ни цѣннымъ трудомъ профессора А. А. Павловскаго о Палатинской капеллѣ.

2) Онъ между прочимъ мастерски умѣетъ выбирать цитаты изъ путешественниковъ.

3) Диль воспроизводитъ 4 удачно выбранныя мозаики этой церкви: Рождество Христово, Пантократора, Христа, увѣнчивающаго Рожера II, и Амирала Георгія, строителя церкви, у ногъ Богородицы; но въ изображеніи Р. Х. рисовальщица, я полагаю, ошибочно провела лучи отъ звѣзды на грудь Младенца вмѣсто головы его; а въ описаніи Пантократора авторъ по недосмотру перевелъ τὸ φῶς τῆς ζωῆς—la vie éternelle (стр. 226).

4) Перечень древнихъ мозаикъ съ краткимъ описаніемъ см. стр. 232 и слѣд.

5) Перечень мозаикъ собора, стр. 240—242.

въ то же время происходитъ гоненіе и на мусульманъ; эпоха Фридриха не надолго остановила это ретроградное движеніе (Conclusion, стр. 246—249).

Считаемъ не лишнимъ указать мимоходомъ на важный пробѣлъ, который до сихъ поръ существуетъ въ исторіи литературы. Если византійское искусство имѣло такое огромное значеніе въ Сициліи и греческій языкъ былъ такъ распространенъ въ ней, можно ли думать, чтобы такъ называемая сицилійская школа итальянскихъ поэтовъ, исторія которой разработана Ад. Гаспари, развилась исключительно подъ вліяніемъ трубадуровъ и отчасти народной пѣсни и безъ всякаго вліянія со стороны богатой въ то время литературы византійской? Съ другой стороны, и византинистамъ, думаемъ мы, будетъ не безполезно поискать въ сборникахъ любовныхъ пѣсенъ, въ родѣ извѣстнаго вѣнскаго (изд. Вагнеромъ), слѣдовъ вліянія трубадуровъ, съ которыми греки сталкивались именно въ Сициліи.

VIII и послѣдняя глава книги Диля говоритъ о 2-хъ лицевыхъ греческихъ рукописяхъ мессинскаго университета (стр. 249—263), попавшихъ туда изъ монастыря S. Salvatore, основаннаго Рожеромъ вскорѣ послѣ завоеванія страны и въ 1130 г. имѣвшаго подъ своею властію 44 обители. Для пополненія библіотеки этого монастыря особенно много сдѣлалъ архимандритъ Лука (1130—1175); изъ нея въ университетъ попало 175 томовъ и въ томъ числѣ 135 пергаментныхъ [1]), отчасти палимпсестовъ; но лицевыхъ между ними всего двѣ: Октоихъ XI в. (№ 51) съ 8-ю миніатюрами, въ томъ числѣ съ Воскресеніемъ въ формѣ Сошествія во адъ и съ изображеніями 4-хъ поэтовъ (Дамаскина, Козмы, Романа и Іосифа), и сборникъ житій святыхъ того же времени съ 20-ю миніатюрами, краткое описаніе и эстетическую оцѣнку которыхъ даетъ Диль на стр. 259—260.

Въ общемъ книга его, несмотря на нѣкоторыя, можетъ быть, излишнія повторенія, написана прекрасно и даетъ много цѣннаго матеріала, и десятой доли котораго не могли мы исчерпать въ нашей рецензіи.

А. Кирпичниковъ.

2. Библіографія.

РОССІЯ.

А. И. Пападопуло-Керамевсъ, *Краткій разсказъ о святыхъ мѣстахъ іерусалимскихъ и о страстяхъ Господа нашего Іисуса Христа и о другихъ Безъимяннаго, написанный въ* $1253/_4$ *г.* (Православный Палестинскій Сборникъ, 40-й выпускъ), С.-Петербургъ, 1895, стр. I—III + 29.— Настоящій разсказъ греческаго анонимнаго писателя о святыхъ мѣ-

1) Перечисленіе главнѣйшихъ см. стр. 251.

стахъ Палестины издается въ первый разъ по рукописи Неаполитанской библіотеки отъ начала XVI вѣка, III, 13, 27, листы 174—180. Г. Пападопуло-Керамевсъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи три списка съ этой единственной, по его мнѣнію, рукописи, одинъ изъ которыхъ (сдѣланный Ант. Согліано для графа Ріана), какъ наиболѣе тщательно списанный, онъ принялъ въ основаніе издаваемаго текста, а затѣмъ въ выноскахъ отмѣтилъ главнѣйшія разночтенія остальныхъ двухъ списковъ и исправилъ ошибки подлинника. Текстъ начинается съ описанія св. мѣстъ въ Антіохіи и Дамаскѣ и переходитъ къ повѣствованію о многочисленныхъ святыняхъ Палестины, прославленныхъ событіями библейскими и христіанскими. Это описаніе представляетъ немалыя отличія отъ извѣстныхъ греческихъ повѣствованій о св. мѣстахъ XIV и XV вѣковъ и содержитъ подробности, неизвѣстныя ранѣе. Послѣдняя особенность памятника, а также находящееся въ концѣ его (§ 31) хронологическое исчисленіе приводятъ къ мысли, что разсказъ составленъ въ 1253—4 году. Переводъ разсказа на русскій языкъ принадлежитъ покойному *Г. С. Дестунису*. Въ концѣ изданія помѣщенъ греческій и русскій указатель собственныхъ именъ и наиболѣе замѣчательныхъ словъ.

И. В. Помяловскій, *Житіе и подвизаніе иже во святыхъ отца нашего Порфирія, епископа Газскаго* (Палестинскій Патерикъ, 5-й выпускъ. Изд. И. Прав. Пал. Общ.). Спб. 1895, стр. 79.—Порфирій родился въ Өессалоникѣ, молодость провелъ въ Скитской пустынѣ въ Египтѣ и въ обителяхъ Палестины, гдѣ достигъ всесторонняго и высокаго нравственнаго совершенства. Около 396 года Порфирій былъ избранъ епископомъ палестинскаго города Газы и вступилъ въ упорную борьбу съ существовавшимъ здѣсь язычествомъ и отчасти манихействомъ. При помощи знаменитаго своего современника — константинопольскаго святителя Іоанна Златоуста, родосскаго отшельника Прокопія и императрицы Евдоксіи, Порфирій сдѣлалъ ввѣренную ему общину христіанскою; среди нея онъ положилъ начало и монашеской жизни. Скончался св. Порфирій 26 февраля 421 года.—Изданное проф. И. В. Помяловскимъ въ русскомъ переводѣ житіе Порфирія принадлежитъ перу друга его и ученика, діакона Марка, и безспорно имѣетъ очень важное историческое значеніе. Переводъ сдѣланъ по греческому подлиннику, изданному Мор. Гауптомъ въ Трудахъ Королевской Академіи Наукъ въ Берлинѣ (1874, стр. 171—215). Въ концѣ житія помѣщенъ указатель собственныхъ именъ.

И. В. Помяловскій, *Путникъ Антонина изъ Плаценціи конца VI вѣка* (Правосл. Пал. Сборникъ, 39-й выпускъ). Спб. 1895, стр. I—XI+187.—Относительно личности паломника, написавшаго изданный проф. Помяловскимъ Путникъ, имѣются весьма скудныя свѣдѣнія. Извѣстно только, что онъ носилъ имя Антонина, былъ изъ итальянскаго города Пьяченцы, принадлежалъ вѣроятно къ высшему духовенству и странствовалъ по Востоку между 565 и 614 годами. Свое паломничество и обзоръ святынь Антонинъ началъ съ о. Кипра, откуда направился въ Сирію, а за-

тѣмъ въ Палестину, гдѣ посѣтилъ многія св. мѣста, особенно въ Іерусалимѣ. Изъ Палестины паломникъ направился на Синай и чрезъ Аравійскую пустыню въ Египетъ, а на обратномъ пути осмотрѣлъ святыни Дамаска, Антіохіи и Месопотаміи. Это путешествіе Антонинъ и описалъ въ своемъ Путникѣ, который сохранился въ 25 рукописяхъ и издавался до семи разъ. Лучше изданіе принадлежитъ Гильдемейстеру — Antonini Placentini itinerarium im unentstellten Text mit deutscher Uebersetzung herausgegeben von Dr. J. Gildemeister, Prof. in Bonn. Berlin. 1889. Гильдемейстеръ установилъ систематическую классификацію рукописей Itinerarium'а, выдѣлилъ изъ нихъ тѣ, которыя сохранили текстъ въ первоначальной формѣ и порядкѣ (рукопись G Санъ-Галленская, № 133, VIII—IX в. и рук. R Цюрихская, въ кантональной библіотекѣ, № 73, IX в.), и представилъ рецензію Путника, сопроводивъ ее обширнымъ критическимъ комментаріемъ. Изданіе Гильдемейстера и положено въ основу латинскаго текста, предложеннаго проф. Помяловскимъ, причемъ нашъ авторъ имѣлъ въ виду и критическое изслѣдованіе текста и исправленія его, сдѣланныя д-ромъ Geyer'омъ въ брошюрѣ: Kritische und sprachliche Erläuterungen zu Antonini Placentini Itinerarium. Augsburg, 1892. Издавши текстъ Путника по Гильдемейстеру и Гейеру, проф. Помяловскій перевелъ его на русскій языкъ и снабдилъ обширными учеными примѣчаніями, которыя расположены по главамъ оригинала. Къ концѣ книги (стр. 123 – 187) отмѣчены уклоненія текста Гильдемейстера отъ издаваемаго, помѣщены указатели собственныхъ именъ, а также русскихъ и иностранныхъ писателей и сочиненій, принятыхъ въ соображеніе при составленіи объяснительныхъ примѣчаній къ тексту; въ предисловіи между прочимъ представленъ списокъ рукописей, изданій и переводовъ Путника Антонина.

Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Выпускъ первый, содержащій поученія: Луки Жидяты, митроп. Иларіона, Өеодосія Печерскаго и Кирилла Туровскаго. Изданіе журнала «Странникъ» подъ редакціей проф. *А. И. Пономарева.* Спб. 1894. Стр. I—V+198.— Въ настоящемъ изданіи проф. Пономарева помѣщены слѣдующіе памятники древне-русской церковно-учительной литературы: I) Луки Жидяты, архіепископа Новгородскаго, поученіе къ братіи (стр. 8—25); II) Поученія препод. Өеодосія Печерскаго: 1—2) О терпѣніи и о любви, 3) О терпѣніи и милостынѣ, 4) О терпѣніи и смиреніи, 5) О хожденіи къ церкви и о молитвѣ (стр. 26 — 47); III) Произведенія Иларіона, митрополита кіевскаго: 1) О законѣ и благодати, 2) Похвала Владиміру святому и 3) Молитва къ Богу отъ всей земли русской (стр. 48—87); IV) Слова и поученія св. Кирилла, епископа Туровскаго: 1) на недѣлю цвѣтоносную, 2) на Пасху, 3) на Өомину недѣлю, 4) слово въ недѣлю третью по Пасхѣ (Похвала Іосифу Аримаѳейскому и о мироносицахъ), 5) слово о разслабленномъ — въ четвертую недѣлю по Пасхѣ, 6) въ недѣлю о слѣпомъ, 7) на Вознесеніе Господне, 8) на соборъ св. Отцевъ — въ седьмую не-

дѣлю по Пасхѣ, 9) на Пятидесятницу, 10) о поученіи церковномъ, 11) притча о слѣпцѣ и хромцѣ (стр. 88—198). О каждомъ изъ указанныхъ представителей древне-русской церковно-учительной письменности въ изданіи предложены историко-біографическіе очерки съ характеристикою издаваемыхъ произведеній и объяснительными къ нимъ замѣтками. Особенною обстоятельностью отличается очеркъ о Кириллѣ Туровскомъ, написанный *проф. Пономаревымъ;* въ немъ, между прочимъ, идетъ рѣчь о вліяніи византійскаго просвѣщенія на древне-русскую образованность (стр. 90—95. 98. 109. См. также стр. 27—28). Памятники напечатаны въ подлинныхъ текстахъ; изъ нихъ поученія препод. Ѳеодосія изданы по списку Румянцевскаго Музея, а произведенія Кирилла Туровскаго — по сборнику XV—XVI в. библіотеки Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря.

Στέφανος. **Сборникъ статей** въ честь Ѳедора Ѳедоровича *Соколова*, профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, къ тридцатилѣтней годовщинѣ его ученой дѣятельности. Отъ учениковъ и слушателей. Спб. 1895.

Въ этомъ сборникѣ помѣщены слѣдующія статьи византологическаго характера:

1. **Б. Меліоранскій,** *Къ исторіи противоцерковныхъ движеній въ Македоніи въ XIV вѣкѣ* (стр. 62—72). — Изъ ересей, волновавшихъ болгарскую церковь въ XIV вѣкѣ, богомильство и варлаамизмъ достаточно выяснены наукой (проф. Успенскій); только жидовская ересь остается въ тѣни, такъ какъ о ней имѣются весьма скудныя извѣстія лишь въ житіи препод. Ѳеодосія трновскаго (XIV в.), написанномъ константинопольскимъ патріархомъ Каллистомъ и переведенномъ на церковно-славянскій языкъ іеросхимонахомъ Спиридоніемъ. Нѣкоторый свѣтъ на жидовскую ересь, по мнѣнію г. Меліоранскаго, проливаетъ также черновой протоколъ засѣданія патріарха Іоанна XIV Калеки отъ 1336 года (Miklosich et Muller, Acta Patriarch. Const., t. I, № LVII). Изъ этого документа видно, что въ 1324—1336 годахъ въ Солуни среди греческаго населенія существовало еретическое іудействующее общество, одинъ изъ членовъ котораго, Хіоній, опрошенный относительно своихъ единомышленниковъ, дважды — на епархіальномъ и патріаршемъ судѣ — указалъ, между прочимъ, на трехъ церковныхъ чиновниковъ солунской митрополіи: дикеофилакса — эконома, хартофилакса и сакелларія. Онъ завинилъ ихъ въ томъ, что они занимались чародѣйствомъ и сносились съ нечистою силой, хвалили законъ Моисеевъ и нападали на чрезмѣрное почитаніе святыхъ и мощей, въ ущербъ почитанію Бога, и не вѣрили въ воскресеніе тѣлъ. Всѣ эти мнѣнія составляютъ элементы жидовской ереси (τὸ ἰουδαΐζειν). На этомъ основаніи г. Меліоранскій находитъ возможнымъ поставить въ связь солунскихъ жидовствующихъ начала второй четверти XIV вѣка съ болгарскими сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ того же столѣтія.

2. **Г. Церетели,** *Гдѣ писано Порфирьевское Четвероеванѣліе 835 года* (стр. 76—80)? — Вопреки Гардтгаузену, который въ своей Griechische

Palaeographie (с. 184) высказываетъ предположеніе, что Порфирьевское Четвероевангеліе 835 года (И. Спб. Публ. Библ., № 219) написано монахомъ Николаемъ въ палестинской лаврѣ св. Саввы Освященнаго, и такимъ образомъ — древнѣйшіе достовѣрные слѣды вполнѣ сформировавшагося минускульнаго письма ведутъ насъ не къ Византійской имперіи, а къ Мертвому морю,—г. Церетели, на основаніи содержанія замѣтки на л. 344 означеннаго Евангелія, гдѣ идетъ рѣчь о времени смерти трехъ главныхъ представителей Студійскаго въ Константинополѣ монастыря —Платона, Θеодора и Іосифа, и на основаніи палеографическаго разбора этой замѣтки, принадлежащей рукѣ того же монаха Николая, заключаетъ, что Четвероевангеліе написано въ Студійской обители въ Константинополѣ, — значитъ, и строго-стилизованное строчное письмо получило свое начало и развитіе не въ Палестинѣ, а въ Византійской имперіи. Къ статьѣ приложенъ снимокъ замѣтки.

3. **В. Э. Регель,** *О городѣ Анастасіополѣ* (стр. 147—152). — Ученые расходятся въ своихъ мнѣніяхъ о томъ, какому городу принадлежатъ развалины «Буру-калесси», расположенныя въ юго-западной Θракіи, на сѣверномъ берегу морскаго залива Буругёлъ. Божуръ отожествляетъ Буру-калесси съ Дикеей, а Викинель — съ Абдерами, Мелетій и Кларкъ называютъ его городомъ Вистоніей, а Тафель—византійскимъ городомъ Πόρος. В. Э. Регель, на основаніи Прокопія (De aedificiis, IV, 11, ed. Bonn. III, 303 squ.), Іоанна Кантакузина (II, 38, ed. Bonn. I, 542, III, 32, ed. Bonn. II, 197), списковъ епископствъ Константинопольской церкви и свидѣтельства французскаго путешественника Bertrandon'a de la Brocquière отъ 1433 года, утверждаетъ, что Буру-калесси тождественно съ древнимъ городомъ Анастасіополемъ, переименованнымъ впослѣдствіи въ Периθеорій.

С. Долговъ, *Повѣсть и сказаніе о похожденіи во Іерусалимъ и во Царьградъ Троицкаго Сергіева монастыря чернаго діакона Іоны, по реклому Маленькаго. 1649—1652 г.* (Православный Палестинскій Сборникъ, вып. 42. Спб. 1895. Стр. XI+68). Іеродіаконъ Троице-Сергіевой лавры Іона, «по реклому Маленькій», 10-го іюня 1649 года отправился изъ Москвы во Святую Землю вмѣстѣ съ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ и старцемъ Арсеніемъ Сухановымъ, прибылъ въ Іерусалимъ 10 мая 1651 г., значительно ранѣе Арсенія Суханова, и выѣхалъ оттуда ровно черезъ годъ, т. е. нѣсколько позднѣе послѣдняго. Результатомъ поѣздки Іоны явилось описаніе Іерусалима и Святой Земли, дошедшее до насъ въ двухъ спискахъ, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ Московскому Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ, а другой—Императорской Публичной Библіотекѣ. Г. Долговъ и издалъ обѣ эти рукописи, поставивъ на первомъ мѣстѣ рукопись Публичной Библіотеки. Тексты напечатаны съ сохраненіемъ правописанія рукописей.

Архіепископъ Антоній, *Изъ исторіи христіанской проповѣди.* Очерки и изслѣдованія. Изданіе 2-е. Спб. 1895. Стр. VIII+391. Книга высоко-

преосвященнаго Антонія состоитъ изъ трехъ частей. Первая часть (стр. 3—134) заключаетъ въ себѣ очерки изъ исторіи древней христіанской проповѣди слѣдующаго содержанія: «Проповѣдь апостольская», «Проповѣдь мужей апостольскихъ» и «Св. Василій Великій, его жизнь и проповѣдническіе труды». Проповѣдь апостольская и мужей апостольскихъ изслѣдуется въ книгѣ исключительно съ принципіально-гомилетической точки зрѣнія, какъ руководственная норма для христіанской проповѣди вообще. Однимъ изъ самыхъ лучшихъ выразителей этой руководственной проповѣднической нормы былъ св. Василій Великій. Изслѣдованіе А. Антонія о св. Василіи состоитъ изъ четырехъ главъ: въ первой главѣ авторъ излагаетъ біографію св. отца; во второй—разсматриваетъ бесѣды его на Моисеево повѣствованіе о шестидневномъ твореніи міра или на «Шестодневъ»; въ третьей—изслѣдуетъ его бесѣды на псалмы и въ четвертой—его ораторскія слова и рѣчи на разные случаи. Вторую часть книги (стр. 135—271) занимаетъ изслѣдованіе подъ заглавіемъ: «Константинъ епископъ болгарскій и его Учительное Евангеліе». Первая глава этого изслѣдованія посвящена критическому обзору ученыхъ изысканій о Константинѣ болгарскомъ и его Учительномъ Евангеліи, принадлежащихъ архіепископу Филарету Черниговскому, Ундольскому, Шафарику, Горскому и Невоструеву. Здѣсь прочно устанавливается, что составителемъ «Учительнаго Евангелія» былъ именно Константинъ епископъ болгарскій, жившій во второй половинѣ IX и въ началѣ X вѣка, ученика свв. Кирилла и Меѳодія; Евангеліе это состоитъ изъ «учительныхъ» бесѣдъ исключительно на одни только воскресные дни и не тождественно съ Учительнымъ Евангеліемъ константинопольскаго патріарха Филоѳея (XIV в.), весьма распространеннымъ въ древней Руси. Во второй и третьей главахъ монографіи рѣшается вопросъ объ отношеніи «Евангелія» Константина къ греческимъ источникамъ. Здѣсь авторъ доказываетъ, что древне-болгарская церковная письменность, появившаяся и развившаяся подъ исключительнымъ вліяніемъ византійской письменности, была большею частію дословнымъ переводомъ съ греческихъ источниковъ. Такой же дословный переводъ съ памятниковъ греческой проповѣднической литературы представляютъ собою и бесѣды на воскресные дни Константина болгарскаго, кромѣ вступленій и заключеній, и притомъ—переводъ съ *готовыхъ греческихъ сокращеній* святоотеческихъ бесѣдъ на Евангеліе Въ этомъ и состоитъ отличіе взгляда нашего автора отъ мнѣній Срезневскаго, Горскаго и Невоструева, которые ставили «Учительное Евангеліе» Константина въ непосредственную связь съ подлинными толкованіями на евангелія Іоанна Златоуста и Кирилла Александрійскаго, а самого Константина считали не простымъ переводчикомъ, а свободнымъ компиляторомъ, самостоятельно распоряжавшимся бывшимъ у него матеріаломъ. Чтобы подтвердить свой взглядъ, А. Антоній въ третьей главѣ изслѣдованія напечаталъ девятнадцать бесѣдъ Константина болгарскаго параллельно съ ихъ греческимъ подлинникомъ. Славянскій текстъ бесѣдъ

напечатанъ по двумъ рукописямъ изъ библіотекъ: Московской Синодальной XIII в. (у Горскаго и Невоструева № 163) и Императорской Публичной изъ собранія Гильфердинга (№ 32); текстъ греческихъ сокращеній изъ Златоуста и Кирилла напечатанъ по изданію Крамера (Cat. gr. patr. in N. T. Oxonii, 1844, t. II, p. 178—189). Буквальное сходство изданныхъ архіепископомъ Антоніемъ текстовъ — греческаго и славянскаго — вполнѣ доказываетъ его мысль, что Константинъ болгарскій не компилировалъ, а дословно переводилъ свои бесѣды съ готовыхъ уже греческихъ сокращеній и извлеченій изъ толкованій на евангелія І. Златоуста и Кирилла Александрійскаго. Въ послѣдней, четвертой главѣ изслѣдованія А. Антоній опредѣляетъ мѣсто и значеніе «Учительнаго Евангелія» Константина въ исторіи славяно-русскаго проповѣдничества. Третью часть книги Архіепископа Антонія (стр. 272—391) составляютъ очерки и изслѣдованія изъ исторіи древне-русской проповѣди, именно: «Такъ называемыя поученія Θеодосія Печерскаго къ народу русскому»; «Древнерусская проповѣдь и проповѣдники въ періодъ до-монгольскій»; «О поученіяхъ Фотія, митрополита кіевскаго и всея Руси» и «Гомилетика Іоанникія Голятовскаго, въ связи съ характеристикою южно-русской схоластической проповѣди». Въ этой части отношеніе къ византологіи имѣютъ второй и третій очерки, въ одномъ изъ которыхъ дѣлается характеристика древне-русской проповѣди византійскаго стиля и выясняется истинное вліяніе на нее проповѣднической литературы Византіи, а въ другомъ опредѣляются греческіе первоисточники поученій одного изъ видныхъ русскихъ проповѣдниковъ XV вѣка — митрополита Фотія, которые (первоисточники) нужно искать въ проповѣдническихъ трудахъ Василія Великаго, І. Златоуста, Θеофилакта болгарскаго и въ «Учительномъ Евангеліи» патріарха Филоѳея.

И. В. Помяловскій, *Житіе и подвиги иже во святыхъ отца нашего и богоносца Герасима Іорданскаго* (Палестинскій Патерикъ, 6-й выпускъ). Спб. 1895. Стр. 14. Преподобный Герасимъ былъ однимъ изъ знаменитыхъ подвижниковъ Палестины V вѣка († 475 г.). Онъ основалъ въ Іорданской пустынѣ лавру, долго служившую центромъ восточнаго иночества. Житіе его принадлежитъ перу св. Кирилла Скиѳопольскаго и въ первый разъ издано А. И. Пападопуло-Керамевсомъ по патмосской рукописи въ четвертомъ томѣ его Аналектовъ (стр. 175—185). Проф. Помяловскій отсюда и перевелъ его на русскій языкъ.

И. В. Помяловскій, *Житіе преподобнаго Киріака Отшельника* (Палестинскій Патерикъ, вып. 7). Спб. 1895. Стр. 23. — Препод. Киріакъ Отшельникъ родился въ Коринѳѣ въ 449 году. Будучи 18 лѣтъ отъ роду, онъ прибылъ въ Палестину и здѣсь подвизался въ лаврахъ св. Герасима, Евѳимія великаго, Харитона, Сука, въ Сусакимѣ и въ пустынѣ Натуфа до 556 года, когда и скончался. Его житіе написано св. Кирилломъ Скиѳопольскимъ и очень интересно въ церковно-историческомъ отношеніи. Проф. И. В. Помяловскій издалъ его въ русскомъ переводѣ съ грече-

скаго подлинника, помѣщеннаго въ изданіи Болландистовъ Acta Sanctorum, Septemb., t. VIII, d. 29 (p. 147 squ.).

А. И. Пападопуло-Керамевсъ, *Разсказъ Никиты клирика царскаго. Посланіе къ императору Константину VII Порфирородному о Святомъ Свѣтѣ* (Православный Палестинскій Сборникъ, вып. 38). Спб. 1894. Стр. XII+34.—О схожденіи въ Великую Субботу Святаго огня на гробъ Господень извѣстно до пяти письменныхъ свидѣтельствъ: монаха Бернарда отъ 865 года, митрополита Кесаріи Каппадокійской Арееы X вѣка, русскаго паломника Даніила отъ 1107 года, въ Іерусалимской греческой рукописи 1122 года, заключающей службу на схожденіе св. огня, и въ греческой псалтири 1149 г., находящейся въ Туринскомъ книгохранилищѣ. Къ этимъ свидѣтельствамъ нужно присоединить и мало извѣстное письмо царскаго клирика Никиты къ императору Константину VII Порфирородному о схожденіи св. огня въ Великую Субботу 947 года. Никита путешествовалъ въ Іерусалимъ на средства императора, былъ принятъ іерусалимскимъ патріархомъ Христодуломъ (935—949 г.), видѣлъ чудесное схожденіе огня и описалъ событіе въ письмѣ къ царю, отмѣтивъ въ немъ и притѣсненія христіанъ отъ тогдашняго багдадскаго султана. Письмо напечатано г. Пападопуло-Керамевсомъ по греческой рукописи XVI вѣка, находящейся въ іерусалимскомъ патріаршемъ книгохранилищѣ, а раньше принадлежавшей лаврѣ св. Саввы. Впервые этотъ разсказъ былъ напечатанъ въ 1787 году Хрисанѳомъ Брусскимъ въ своемъ проскинитаріи, но съ ошибками и вставками, которыя онъ заимствовалъ изъ рукописной исторіи Св. града Максима Симейскаго; ошибки перешли и въ Іерусалимскую исторію Григорія Паламы. Нашъ издатель исправилъ текстъ. Въ концѣ выпуска помѣщенъ еще греческій разсказъ о томъ, какъ въ 1634 году, во время спора православныхъ съ армянами о времени празднованія Пасхи, схожденіе св. огня подтвердило правильность пасхальнаго исчисленія православныхъ. Оба разсказа переведены на русскій языкъ покойнымъ Г. С. Дестунисомъ.

Творенія аввы Ѳалассія *въ переводѣ съ греческаго*, исправленномъ и дополненномъ *Филаретомъ*, митрополитомъ московскимъ, съ приложеніемъ его переписки съ о. Макаріемъ. Изданіе второе. Москва. 1894. Стр. 69. —Авва Ѳалассій былъ современникомъ св. Максима Исповѣдника († 662), который писалъ ему письма и даже посвятилъ особую книгу — «О разныхъ сомнительныхъ мѣстахъ свящ. Писанія».... Ѳалассій былъ пресвитеромъ и настоятелемъ одного изъ монастырей Ливійской пустыни (въ Египтѣ), обладалъ большими познаніями и отличался высокою жизнію. Скончался авва, вѣроятно, не ранѣе второй половины VII-го вѣка. Отъ него сохранилось твореніе «Четыре сотницы главъ о любви, воздержаніи и духовной жизни, къ пресвитеру Павлу». Оно—нравственнаго и частію догматическаго содержанія и отличается высокими достоинствами и по мысли, и по древности. Особенно цѣнно ученіе аввы Ѳалассія о Святомъ Духѣ. Каждая сотня главъ заключаетъ акростихъ, выражающій

опредѣленную мысль. Указанное твореніе Θалассія переведено на русскій языкъ Оптинскими иноками Ювеналіемъ и Леонидомъ (Кавелинымъ), причемъ переводчики пользовались и рукописью славянскаго перевода греческаго подлинника, принадлежащею молдавскому старцу Паисію Величковскому. Русскій переводъ просматривалъ митрополитъ московскій Филаретъ, исправилъ и дополнилъ его.

Д. Айналовъ, *Мозаики IV и V вѣковъ. Изслѣдованія въ области иконографіи и стиля древне-христіанскаго искусства.* (Окончаніе. Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія, 1895, май, стр. 94—155, іюль, стр. 21—71).— Обозрѣвая памятники христіанской декоративной живописи IV и V вѣковъ, г. Айналовъ въ настоящихъ статьяхъ описываетъ мозаики церквей S. Maria Maggiore и св. Сабины и Латерана въ Римѣ, мозаики баптистерія св. Януарія въ Неаполѣ,—церкви св. Приска въ Капуѣ, капеллъ св. Аквилина и св. Виктора въ Миланѣ и баптистерія Альбенга въ Лигуріи. Въ заключеніи изслѣдованія, на основаніи разбора италійскихъ росписей церквей и описанныхъ мозаикъ, а также на основаніи древне-христіанскихъ литературныхъ извѣстій, опредѣляются и характеризуются декоративныя свойства живописнаго стиля, явившагося на востокѣ и распространившагося въ Италіи въ IV и V вѣкахъ.

Θ. Делекторскій, *Критико-библіографическій обзоръ древне-русскихъ сказаній о Флорентійской уніи* (Журналъ Мин. Народнаго Просвѣщенія, 1895, іюль, стр. 131—184). — Въ обзоръ вошли слѣдующія древне-русскія сказанія о Флорентійской уніи: Путевыя записки неизвѣстнаго Суздальца отъ 1440—41 года (Древняя Россійская Вивліоθика, ч. IV), Новгородская повѣсть инока Симеона (Софійскій, Музейскій и Архивный списки), Слово (издано въ «Обзорѣ» г. Поповымъ) и Путешествіе его-же (издано Сахаровымъ въ его «Сказаніяхъ»), Исторія Флорентійскаго собора князя Курбскаго и Исторія о Листрійскомъ соборѣ (въ «Апокрисисѣ»).

Е. Апостолиди, *Древнехристіанскіе церковные писатели объ изученіи греческихъ классиковъ* (Благовѣстъ, 1895, январь, стр. 3—24, февраль стр. 27—40, мартъ—апрѣль, стр. 35—68).—Въ первой главѣ статьи разсматривается взглядъ древнихъ іудеевъ на изученіе древнихъ классиковъ, во второй—изслѣдуется отношеніе новозавѣтныхъ св. писателей и мужей апостольскихъ къ древне-греческой образованности; третья глава говоритъ о взглядѣ отцовъ и учителей церкви греческой II и III вѣковъ на изученіе древнихъ классиковъ, а четвертая и послѣдняя—о взглядѣ на тотъ же предметъ греческихъ отцовъ и учителей церкви IV и V вѣковъ.

Халдеи и Несторіане (Сообщенія И. Прав. Палест. Общ., 1995, августъ, стр. 418—428).—Въ началѣ этой статьи рѣчь идетъ о происхожденіи халдейской несторіанской церкви въ V вѣкѣ, дальнѣйшей ея исторіи и уніи съ Римомъ въ XII и слѣдующихъ вѣкахъ. Статья заимствована изъ «La Terre Sainte», 1875, № 2—3.

Два памятника эпохи гоненій (Тамъ же, стр. 452 — 457). — Одинъ изъ указанныхъ здѣсь памятниковъ относится къ первому году царствованія Декія (249 г.) и представляетъ свидѣтельство, выданное нѣкоему Аврелію Діогену въ удостовѣреніе того, что онъ приносилъ жертву языческимъ богамъ; памятникъ хранится въ Берлинскомъ музеѣ въ коллекціи папирусныхъ отрывковъ. Второй памятникъ изданъ въ 1892 году Момсеномъ, содержитъ императорскій эдиктъ о преслѣдованіи христіанъ вмѣстѣ съ ходатайствомъ о томъ же со стороны населенія Ликіи и Памфиліи и относится къ послѣднему періоду великаго Діоклетіанова гоненія.

Сирійская яковитская церковь (Сообщенія И. Прав. Палест. Общества, 1895, августа, стр. 457—480).—Довольно подробно излагается исторія сирійской яковитской церкви по книгѣ г. Parry: Six Months in a Syrian Monastery (1895). Исторія доведена до X вѣка.

Д. Айналовъ, *Нѣкоторые христіанскіе памятники Кавказа.* Съ таблицею (Археологическія извѣстія и замѣтки, 1895, № 7—8, стр. 233—243).—Авторъ описываетъ рельефы на плитѣ, сохранившейся въ церкви имѣнія Воронова въ Абхазіи, а теперь принадлежащей Историческому Музею въ Москвѣ. Происхожденіе рельефовъ относится въ статьѣ къ VII—VIII вѣку, т. е. ко времени наибольшей отторженности Кавказа отъ Византіи; стиль ихъ—византійскій, дополненный деталями сассанидскаго или персидскаго искусства. Рельефы изданы въ 4 выпускѣ «Матеріаловъ по исторіи Кавказа», принадлежащемъ перу графини П. С. Уваровой.

Н. Писаревскій, *Русская иконопись въ связи съ византійской* (Радость Христіанина при чтеніи Библіи, какъ Слова жизни, 1895, кн. VIII, стр. 300—327).—Указавши на важное религіозное значеніе иконописи византійской и русской, авторъ, для лучшаго уясненія того, какъ византійская иконопись отразилась въ иконописи русской и привила ей восточно-богословскій взглядъ на искусство, кратко излагаетъ исторію древне-церковной иконографіи. Онъ опредѣляетъ ея задачу, вызванную условіями происхожденія, отмѣчаетъ символическій и историческій моменты въ ея исторіи, борьбу съ иконоборствомъ и дальнѣйшее развитіе. Переходя затѣмъ къ русской иконописи, г. Писаревскій констатируетъ первоначальную полную ея зависимость отъ византійской иконографіи, приводитъ лѣтописныя извѣстія въ пользу этого факта, характеризуетъ возникшія впослѣдствіи русскія школы иконописанія — Новгородскую, Строгановскую и Московскую, отмѣчаетъ расцвѣтъ русской иконописи въ XVII вѣкѣ, когда развился стиль и греческій, и фряжскій, и указываетъ на церковныя и гражданскія мѣры, направленныя къ сохраненію на Руси византійскаго типа иконописанія до новѣйшаго времени.

Проф. Н. Суворовъ, *Къ вопросу о западномъ вліяніи на древне-русское право* (Временникъ Демидовскаго Юридическаго Лицея, кн. LXIV, стр. 225—304). Продолжая защищать противъ проф. Павлова свои взгляды на западное вліяніе въ церковномъ правѣ славянъ, проф. Суворовъ въ настоящей части своего трактата доказываетъ западное вліяніе на «за-

конъ судный людемъ», на древне-русскія правила о покаяніи и разрѣшеніи отъ грѣховъ и на церковные уставы Владиміра и Ярослава.— Трактатъ не оконченъ.

Н. Покровскій, *Византійское искусство съ Южной Италіи* (Христіанское Чтеніе, 1895, сентябрь—октябрь, стр. 377—388).—Статья написана по поводу книги Ch. Diehl'я, L'art byzantin dans l'Italie méridionale, Paris, 1894. Указавши на пробудившійся въ настоящее время научный интересъ къ изученію византійскаго искусства и въ частности—южно-итальянскаго, проф. Покровскій излагаетъ содержаніе книги Diehl'я и иллюстрируетъ его ссылками на памятники русской иконописи. Въ заключеніи отмѣчаются недостатки разсматриваемой книги; между прочимъ, проф. Покровскій относитъ происхожденіе греческаго подлинника Діонисія Фурноаграфіота къ позднѣйшему времени,—не ранѣе XVII вѣка, и не считаетъ его, вопреки Diehl'ю, канономъ византійской иконографіи.

Протоіерей І. Петропавловскій, *Историческій очеркъ благотворительности и ученія о ней въ языческомъ мірѣ, въ Ветхомъ Завѣтѣ и въ древней церкви христіанской* (Душеполезное Чтеніе, 1894, октябрь, стр. 267—281, ноябрь, стр. 357 — 366, декабрь, стр. 622 — 634; 1895, май—іюнь, стр. 17—42, іюль, стр. 284—312, августъ, стр. 463—480).—Очеркъ состоитъ изъ веденія, въ которомъ говорится о нравственномъ значеніи и основаніи благотворительности, и шести главъ. Въ первой главѣ изслѣдуется благотворительность въ язычествѣ, во второй — благотворительность у евреевъ Ветхаго Завѣта; третья глава излагаетъ ученіе Новаго Завѣта о благотворительности, въ четвертой—описывается христіанская благотворительность въ періодъ языческихъ гоненій на христіанъ; пятая и шестая главы очерка имѣютъ своимъ предметомъ «благотворительность христіанъ» въ періодъ свободнаго состоянія церкви (IV—IX вв.),—въ самый цвѣтущій періодъ исторіи христіанскаго благотворенія. Здѣсь подробно изъясняются мотивы, коими христіане руководились въ дѣлѣ помощи бѣднымъ, и формы благотворительности, описываются дѣйствія епископовъ, завѣдывавшихъ церковною благотворительностью, характеризуется роль монастырей, принимавшихъ весьма дѣятельное участіе въ благотворительности, представляются примѣры частныхъ лицъ, прославившихся щедрыми пожертвованіями въ пользу бѣдныхъ, указываются благотворительныя учрежденія, функціонировавшія въ IV — IX вѣкахъ и лица, которыя пользовались благотворительными пособіями. Послѣднія главы составлены на основаніи древней христіанской литературы, при пособіи книги Uhlhorn'a, Die christliche Liebesthätigkeit.

Священныя одежды *церковно-служителей* (Руководство для сельскихъ пастырей, 1895, № 27, стр. 201—206).—Указываются (отчасти исторически) чины посвященія и одежды свѣченосцевъ, чтецовъ и иподіаконовъ греческой и русской церкви.

А. Раинъ, *св. Іоаннъ Златоустъ и семейная жизнь его времени* (Окончаніе. Христіанское Чтеніе, 1895, май—іюнь, стр. 465—504).—Характери

зуя семейную жизнь христіанъ эпохи Златоуста, авторъ въ настоящей статьѣ трактуетъ вопросъ о воспитаніи дѣтей—семейномъ и школьномъ, излагаетъ христіанскій взглядъ на смерть, разрушающую семейное благополучіе, описываетъ современные погребальные обычаи и борьбу съ ними св. отца, излагаетъ его взглядъ на рабство, какъ существенную принадлежность домашняго обихода въ древности; въ заключеніи рисуется идеалъ семейной жизни по воззрѣнію св. Іоанна Златоуста.

П. Цвѣтковъ, *Пѣснь на Пятидесятницу св. Романа Сладкопѣвца.* Переводъ съ греческаго подлинника (Радость Христіанина при чтеніи Библіи какъ Слова жизни, 1895, кн. VI, стр. 116—122). — Кратко указываются особенности пѣсни и предложенъ переводъ ея съ текста въ «Analecta sacra» Питры (t. I, p. 157—164).

Я. И. Смирновъ, *Двѣ бронзовыя статуэтки всадниковъ Историческаго Музея въ Москвѣ и Оттоманскаго Музея въ Константинополѣ* (Археол. изв. и замѣтки, изд. И. Моск. Археол. Общ., 1895, № 4, стр. 93—122).— Въ настоящей статьѣ отношеніе къ византологіи имѣетъ *приложеніе* (стр. 117—122), въ которомъ представленъ списокъ конныхъ статуй въ византійское время, бывшихъ продолженіемъ монументальныхъ изображеній имераторовъ и вельможъ римской имперіи. Въ частности здѣсь указываются конныя статуи Константинополя, Рима и другихъ городовъ, изображенія конныхъ фигуръ въ византійскихъ миніатюрахъ (рукопись физіолога XI—XII в. въ Смирнѣ) и на монетахъ, особенно XIII и слѣдующихъ вѣковъ. Не имѣя данныхъ для объясненія появленія конныхъ фигуръ на византійскихъ монетахъ этой эпохи, г. Смирновъ оставляетъ вопросъ открытымъ.

Н. Барсовъ, *Представители практически-ораторскаго типа проповѣди въ IV вѣкѣ въ церкви восточной* (Окончаніе. Вѣра и Разумъ, 1895, № 9, стр. 536—564).—Послѣдними представителями означеннаго типа проповѣди были: св. Епифаній, епископъ Саламинскій († 403 г.) извѣстный ересеологъ и авторъ двѣнадцати гомилій, — Флавіанъ, епископъ Антіохійскій († 404 г.), другъ Златоуста. спасшій отъ истребленія при имп. Θеодосіи за низверженіе императорскихъ статуй; Θеодоръ Мопсуетскій († 428), представитель антіохійскаго раціоналистическаго богословія,— Нектарій, патріархъ Константинопольскій († 397), отъ котораго сохранилось лишь одно слово; Антіохъ. епископъ Птолемаидскій († 408 г.) и Северіанъ, епископъ Гавальскій († около 408 г.), отъ котораго сохранилось до 107 проповѣдей, отличающихся натурали стическимъ характеромъ. Изложивъ біографію каждаго изъ этихъ про- повѣдниковъ, проф. Барсовъ характеризуетъ ихъ проповѣди съ внутренней и отчасти внѣшней стороны, предлагаетъ образцы и иногда рѣшаетъ вопросъ относительно подлинности разсматриваемыхъ произведеній.

Д. Айналовъ, *Сцены изъ жизни Богородицы на саркофагѣ «Adelfia»* (Археологич. изв. и зам., изд. Моск. Арх. Общ., 1895, № 5, стр. 141—148).—Въ 1872 году въ катакомбахъ города Сиракузъ въ Сициліи былъ

найденъ прекрасный мраморный саркофагъ, надпись на которомъ гласила, что въ Саркофагѣ погребены Адельфія и Валерій. На крышкѣ и передней сторонѣ этого памятника было изображено много сценъ изъ свящ. Писанія. Стиль сценъ приводитъ къ заключенію, что рѣзьба рельефовъ относится къ V вѣку. Изъ нихъ особый интересъ имѣютъ три сцены, изображенныя на фризѣ крышки саркофага, до сихъ поръ различно объясняемыя учеными: Лебланомъ, Garucci, Ленеромъ, Лилемъ, де-Вааленъ. Г. Айналовъ, признавая внутреннюю связь между тремя недостаточно объясненными сценами, утверждаетъ, что всѣ онѣ относятся къ жизни Богородицы и изображаютъ по Псевдо-Матѳею Благовѣщеніе, полученіе Маріей пурпура отъ дѣвы и величаніе Богоматери царицей дѣвъ. Такое объясненіе даетъ возможность установить связь этихъ сценъ и съ тремя ближайшими.

А. Кремлевскій, *О чтеніи Св. Писанія въ древней Церкви Христовой* (Руководство для сельскихъ пастырей, 1895, № 22, стр. 81—89).—Излагается исторія чтенія Св. Писанія при богослуженіи во времена апостоловъ и мужей апостольскихъ, а также въ послѣдующее время до IX вѣка.

Г. Муркосъ, *Отрывокъ изъ путешествія антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII столѣтія* (Русское Обозрѣніе, 1895, май, стр. 360 — 374). — Антіохійскій патріархъ Макарій, родомъ арабъ изъ Алеппо, въ половинѣ XVII в. дважды пріѣзжалъ въ Россію, въ первый разъ — для сбора пожертвованій, а во второй — по приглашенію царя Алексѣя Михайловича. Въ оба путешествія его сопровождалъ родной его сынъ архидіаконъ Павелъ, который и предпринялъ описаніе всего совершеннаго путешествія, начиная съ момента выѣзда изъ Дамаска и оканчивая пребываніемъ въ Москвѣ, со включеніемъ пути чрезъ Малую Азію, Константинополь, Молдовалахію и землю казаковъ. Плодомъ этого авторства явилось весьма интересное, не изданное до сихъ поръ сочиненіе архидіакона Павла подъ названіемъ: «Путешествіе патріарха антіохійскаго Макарія въ Россію». Это сочиненіе настолько занимательно и разнообразно по своему содержанію, что по справедливости можетъ быть отнесено къ лучшимъ иностраннымъ источникамъ о Россіи XVII вѣка. Особенно интересны описанія русскихъ церковныхъ службъ. Кромѣ того, въ обширномъ введеніи къ сочиненію, Павелъ разсказываетъ о перенесеніи патріаршаго престола изъ Антіохіи въ Дамаскъ, приводитъ списокъ патріарховъ до вступленія Макарія на антіохійскій престолъ и затѣмъ сообщаетъ біографію своего отца и т. д. До послѣдняго времени существовали двѣ рукописи арабскаго подлинника, одна — въ Лондонѣ, переведенная на англійскій языкъ Бельфуромъ, а другая — въ Дамаскѣ, въ библіотекѣ Шхадэ. Съ послѣдней рукописи, не задолго до рѣзни 1860 г., когда она была уничтожена пожаромъ, были сняты три копіи, которыя всѣ въ настоящее время находятся въ Россіи: одна въ библіотекѣ при Азіатскомъ департаментѣ, другая въ СПБ. публичной библіотекѣ, въ собраніи рукописей преосв. Порфирія Успенскаго, и третья хра

нится въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Изъ послѣдней рукописи проф. Муркосъ и предлагаетъ въ русскомъ переводѣ отрывокъ, который представляетъ подробный разсказъ о совершенномъ патріархомъ Никономъ въ Успенскомъ соборѣ въ недѣлю православія 1655 года, совмѣстно съ патріархомъ Макаріемъ и при участіи архидіакона Павла, торжественномъ богослуженіи, во время котораго оба патріарха осудили иконы новаго письма и двуперстіе для крестнаго знаменія, при чемъ представляется яркая характеристика патріарха Никона и присутствовавшаго въ храмѣ царя Алексѣя Михайловича.

Краткій очеркъ *роста Іерусалимскихъ сооруженій отъ временъ Тита до крестоносцевъ* (Сообщенія Имп. Правосл. Палест. Общества, 1895, февраль, стр. 5—21).—Въ исторіи іерусалимскихъ построекъ отъ Тита до крестоносцевъ замѣчаются три періода. Первый есть періодъ римско-языческихъ сооруженій, воздвигнутыхъ до 325 года, особенно императоромъ Адріаномъ; второй періодъ начинается съ Константина Великаго, построившаго въ Іерусалимѣ нѣсколько храмовъ (въ томъ числѣ Воскресенія) и монастырей, обнимаетъ царствованія Ѳеодосія II и Юстина II, супруги коихъ продолжали строительное дѣло Константина Великаго, и достигаетъ расцвѣта при Юстиніанѣ, который водворилъ въ Іерусалимѣ вмѣсто римскаго византійскій стиль, съ его роскошными и легкими формами и построилъ въ Палестинѣ много церквей (въ томъ числѣ во имя Божіей Матери въ Іерусалимѣ) и монастырей. Въ 614 г. Іерусалимъ былъ разрушенъ персами, а въ 637 г. взятъ халифомъ Омаромъ, и съ того времени до крестовыхъ походовъ въ Іерусалимѣ получилъ господство мавританско-сарацинскій или арабскій стиль, выразившійся преимущественно въ реставраціи построекъ римской и византійской архитектуры.

К. Г—ковъ, *Всероссійскій патріархъ Іовъ — первый русскій патріархъ* (Странникъ, 1895, іюнь—іюль, стр. 177 — 186). — Описывается жизнь и дѣятельность перваго русскаго патріарха Іова, избраннаго 26 января 1589 года на московскую каѳедру соборомъ русскихъ іерарховъ подъ предсѣдательствомъ константинопольскаго патріарха Іеремія, который находился тогда въ Москвѣ для испрошенія пособій своей церкви.

Е. Рѣдинъ, *Миніатюры апокрифическаго арабскаго Евангелія дѣтства Христа, Лавренціанской библіотеки во Флоренціи* (Записки И. Русскаго Археологическаго Общества, т. VII, вып. 1 и 2, стр. 55 — 71). — Знакомство съ памятниками византійскаго искусства даетъ пока возможность констатировать тотъ фактъ, что послѣднее содержитъ изображенія только такихъ событій изъ жизни Христа — дитяти, о которыхъ повѣствуется въ каноническихъ евангеліяхъ, и совершенно не заключаетъ иллюстрацій къ евангеліямъ апокрифическимъ. Поэтому весьма интереснымъ памятникомъ является арабская рукопись евангелія дѣтства Христа Лавренціанской библіотеки, № 32, вся украшенная миніатюрами, иллюстрирующими текстъ. Рукопись написана медикомъ города Марде въ Месопотаміи, Исаакомъ, сыномъ Алфараги, въ 1299 году христіанской эры

и принадлежитъ къ древнѣйшимъ рукописямъ арабскихъ апокрифическихъ евангелій. Заключающіяся здѣсь миніатюры не раскрашены красками, а лишь намѣчены перомъ. Исполнены онѣ довольно грубо, но въ стилѣ имѣютъ большое сходство съ фресками потолка Палатинской капеллы. Большая часть находящихся здѣсь миніатюръ (до 40) изображаетъ событія изъ дѣтства Христа по апокрифическому евангелію, и лишь 13 миніатюръ составлены на основаніи каноническихъ евангелій и относятся ко времени вступленія Христа на общественное служеніе. Композиціи послѣднихъ изображеній заимствованы въ византійскомъ искусствѣ, но детали ихъ—арабскаго происхожденія. Г. Рѣдинъ въ своей статьѣ и описываетъ всѣ эти миніатюры, причемъ 30 изъ нихъ воспроизводятся въ рисункахъ.

А. И. Кирпичниковъ, *Этюды по иконографіи Рождества Христова. I. Путешествіе въ Виѳлеемъ* (тамъ же, стр. 95 — 104). — Евангельскій разсказъ о путешествіи Іосифа съ Богоматерью изъ Назарета въ Виѳлеемъ, по случаю переписи, рано нашелъ себѣ выраженіе и въ искусствѣ, и въ поэзіи. Но древняя иконографія небогата памятниками на эту тему. Что касается литературы, то, не говоря о древнѣйшихъ общеизвѣстныхъ апокрифахъ, уже въ VI вѣкѣ (Ѳеодосій у Тоблера) существовала легенда объ этомъ путешествіи, сохранившаяся и во времена паломниковъ Даніила (XII в.), Василія Позднякова (XVI в.) и Трифона Коробейникова, которые, излагая легенду, говорятъ объ *опочиваніи* Богородицы на камнѣ по дорогѣ въ Виѳлеемъ. Сопоставленіе этого *опочиванія* Богоматери съ тѣмъ пророческимъ видѣніемъ о двухъ народахъ, которое она имѣла во время этого путешествія, невольно приводитъ на память знаменитый *Сонъ Богородицы*. Вопреки академику А. Н. Веселовскому, полагавшему, что въ народномъ сознаніи *Успеніе* (dormitio) превратилось въ сонъ и что *Сонъ* имѣетъ своимъ источникомъ одну изъ редакцій апокрифа объ Успеніи (Transitus Mariae A. Tischendorf Apocr., p. 11 3 squ.) — проф. Кирпичниковъ утверждаетъ, что время, мѣсто и основной сюжетъ стиха Сонъ Богородицы заключается въ легендѣ, которая была распространена при Даніилѣ Паломникѣ. Мы не имѣемъ этой легенды, но потомками ея служатъ русскій стихъ и итальянская пѣсня: «Сидѣла мать Марія на мраморномъ камнѣ»,—найденная академикомъ Веселовскимъ въ рукописи XIV в., а ближайшимъ предкомъ—Протоевангеліе. Легенда сильно отразилась въ европейской литературѣ. Такъ, отзвукъ сказанія о камнѣ Богородицы мы находимъ въ малорусскомъ казаньѣ на Рождество Христово» (у проф. Сумцова) и въ старо-французской поэмѣ (у Reinsch'а и др.); исканіе убѣжища постепенно развивается въ латинскомъ риѳмованномъ Житіи Богородицы, въ прозаическихъ Narrationes гессенской рукописи XIII—XIV в., въ «Mystère de la Passion» Гребана (XV в.), въ гессенскомъ представленіи Рождества Христова (XV—XVI в.), въ драматической бергамасской пѣсни (у Тирабоски) и даже въ мусульманскихъ сказаніяхъ; бѣгство въ Египетъ отразилось въ представленіи на день

ев. Іосифа въ Поджореале и вообще въ Италіи есть явленіе стародавнее, какъ доказываетъ Салимбене (XIII в.). Широкое развитіе указаннаго сюжета въ поэзіи отразилось и въ позднѣйшихъ памятникахъ живописи, напр. въ миніатюрѣ рукописи Національной библіотеки, fr. № 9561. Проф. Кирпичниковъ описываетъ эту миніатюру, предложенную въ таблицѣ.

А. Павловскій, *Къ вопросу объ изображеніяхъ Евангелистовъ* (Зап. И. Русск. Археол. Общ., т. XI, вып. 1 и 2, стр. 105—109). — Описываются миніатюрныя изображенія Евангелистовъ Марка и Іоанна Богослова въ греческой рукописи XIV вѣка изъ библіотеки Аѳинскаго университета, № 87. Особенность этихъ миніатюръ состоитъ въ изображеніи рыбы. Объясненія этой особенности нужно искать не въ техническомъ недоумѣніи художника, но въ его мышленіи. Здѣсь, съ одной стороны, можно допустить желаніе миніатюриста выразить боговдохновенность Евангелія тѣмъ, что самъ Христосъ, котораго древнее христіанское искусство символически изображало въ образѣ рыбы (ἰχθύς—Ἰησοῦς Χριστὸς Θεοῦ Υἱὸς Σωτήρ), какъ бы диктуетъ его; а съ другой,— можетъ быть на переписчика рукописи вліяло то мѣсто изъ объясненія Кирилла Александрійскаго на евангельскій разсказъ о насыщеніи Христомъ десяти тысячъ человѣкъ пятью хлѣбами и двумя рыбами, гдѣ экзегетъ сравниваетъ пятокнижіе Моисея съ хлѣбами, а апостольскую мудрость—съ двумя рыбами (Migne, Patr. ser. gr., t. LXXIII, col. 460). Во всякомъ случаѣ описываемыя миніатюры, которыя предложены г. Павловскимъ въ цинкографіи, до настоящаго открытія не были извѣстны въ археологической литературѣ и въ своемъ родѣ единственныя.

S., *Кіевскій митрополитъ Григорій Цамблакъ*. Очеркъ его жизни и дѣятельности (Богословскій Вѣстникъ, 1895, іюль, стр. 52—72, августъ, стр. 157—199).—Источниками для автора при составленіи очерка о Григоріи Цамблакѣ служили: русскія лѣтописи, грамоты и акты, свидѣтельства польскаго историка XV в. Длугоша и западно-русскихъ писателей XVII вѣка Льва Кревзы и Захаріи Копыстенскаго, сочиненія самого Григорія Цамблака, Акты Константинопольскаго патріархата въ изданіи Миклошича и Мюллера, византійскіе писатели и др. На основаніи этихъ источниковъ авторъ пытается описать жизнь и дѣятельность Григорія Цамблака, и при помощи возможныхъ предположеній освѣтить нѣкоторыя темныя стороны его исторіи.

Въ первой главѣ статьи изображается жизнь и дѣятельность Григорія до его прибытія въ Россію. Григорій Цамблакъ по своей національности былъ болгаринъ, родился въ Терновѣ около 1366 года, въ выдающейся по общественному положенію фамиліи Цамблаковъ, служившихъ въ XIV вѣкѣ и въ Византіи. Дѣтство и юность Григорія протекли въ Терновѣ, гдѣ онъ и получилъ образованіе подъ руководствомъ патріарха Евѳимія, при которомъ потомъ, вѣроятно, состоялъ низшимъ клирикомъ. Въ 1394 году, послѣ завоеванія Тернова турками, Григорій отправился изъ Болгаріи въ Константинополь, откуда путешествовалъ на Аѳонъ; въ

1401 году онъ былъ посланъ константинопольскимъ патріархомъ Матѳеемъ I въ Молдавію для изслѣдованія возникшей между молдавской митрополіей и патріархіей церковной распри, но исполнилъ порученіе не въ пользу патріарха и остался въ Молдавіи, гдѣ состоялъ пресвитеромъ соборной церкви въ Сочавѣ и пріобрѣлъ громкую извѣстность своей проповѣдническою дѣятельностью. Въ 1404—6 годахъ Григорій былъ игуменомъ Дечанскаго монастыря Пантократора въ Сербіи и написалъ житіе основателя этого монастыря св. Стефана. Въ 1406 г. Цамблакъ удалился изъ Сербіи въ юго-западную Россію, по вызову своего дяди, митрополита Кипріана (глава II). Здѣсь, въ теченіи восьми лѣтъ, онъ занимался проповѣдническою дѣятельностію, пріобрѣлъ популярность и снискалъ расположеніе литовскаго великаго князя Витовта. А когда Витовтъ, по мотивамъ политическимъ, корыстолюбію и личному недовольству московскимъ митрополитомъ Фотіемъ, расторгъ церковную связь съ Москвою и рѣшилъ создать въ Литвѣ самостоятельную митрополію, выборъ его палъ, на Григорія, который, по его требованію и былъ избранъ кіевскимъ митрополитомъ въ ноябрѣ 1415 года на соборѣ южно-русскихъ епископовъ. Митрополитъ Фотій и константинопольскіе патріархи Евѳимій II и Іосифъ II сильно протестовали противъ раздѣленія всероссійской митрополіи, но ихъ посланія, отлученія и проклятія не дѣйствовали ни на Витовта, ни на Цамблака, принимавшаго самое дѣятельное участіе въ исторіи своего избранія. Сдѣлавшись митрополитомъ, Цамблакъ перенесъ каѳедру изъ Кіева въ Вильну. Въ 1418 году онъ путешествовалъ на Констанцкій соборъ, но не для принятія уніи, какъ принято утверждать, а въ угоду союзнику и сюзерену Витовта, польскому королю Ягелло. Цамблакъ умеръ въ началѣ 1420 года, а не въ 1450, какъ думаетъ преосв. Мелхиседекъ, — оставивъ по себѣ репутацію человѣка православнаго и ученаго, но честолюбиваго.

В. Покровскій, *Disciplina Arcana въ древней христіанской церкви* (Вѣра и Разумъ, 1895, № 13, стр. 21—35, № 14, стр. 57—74, отдѣлъ церковный).—Подъ именемъ disciplina arcana разумѣется практика древней христіанской церкви, обязывавшая христіанъ, съ одной стороны, намѣренно умалчивать предъ всѣми нехристіанами о такихъ предметахъ общественнаго богослуженія, которые были предназначены исключительно для вѣрующихъ, а съ другой—преграждать всѣмъ непосвященнымъ въ члены церкви доступъ къ тѣмъ частямъ богослуженія, въ которыхъ преимущественно усматривалось выраженіе христіанской вѣры и жизни. Происхожденіе «тайной практики» обусловливалось необходимостью постепенно и осмотрительно открывать невѣрнымъ истины христіанской религіи, а въ извѣстныхъ случаяхъ и совсѣмъ скрывать ихъ отъ глазъ непосвященныхъ. Вызванная историческими условіями церковной жизни, disciplina arcana была явленіемъ временнымъ и исчезла въ VI—VII вѣкахъ вмѣстѣ съ окончательнымъ исчезновеніемъ язычества въ грекоримской имперіи. Въ кругъ ея дѣйствій входили: всѣ таинства христіан-

ской церкви со стороны своего обрядоваго совершенія и символическихъ дѣйствій и христіанскіе догматы, поскольку они стояли въ связи съ богослужебными дѣйствіями, или выражались въ формахъ обрядоваго характера. Авторъ приводитъ въ статьѣ многочисленныя свидѣтельства изъ древней церковной литературы для иллюстраціи послѣднихъ своихъ мыслей.

А. Дмитріевскій, *Малоизвѣстный константинопольскій монастырь XI столѣтія Богоматери Евергетидской и его ктиторскій Типикъ, хранящійся въ рукописи Аѳинскаго національнаго университета* (Труды Кіевской дух. Академіи, 1895, іюль, стр. 421—443). — Евергетидскій Типиконъ (№ рукописи 788) заключаетъ въ себѣ и полный церковный уставъ съ подробнымъ изложеніемъ службъ на каждый день года, т. е. по синаксарю и тріодямъ постной и цвѣтной, и прологъ, трактующій объ основаніи Евергетидскаго монастыря, его благоустройствѣ и пр. Въ наукѣ подобный ктиторскій уставъ (именно церковный) былъ извѣстенъ доселѣ лишь въ славянскомъ переводѣ по рукописи XII в. Московской Синодальной библіотеки (№ 330—380), данный около 1034 г. константинопольскимъ патріархомъ Алексѣемъ основанному имъ монастырю въ Константинополѣ. Отсюда понятна научная цѣнность открытаго г. Дмитріевскимъ ктиторскаго типика, особенно въ литургическомъ отношеніи. Монастырь Богородицы Евергетидской, которому принадлежитъ типикъ, былъ основанъ въ іюнѣ 1048 года монахомъ Павломъ въ загородномъ мѣстѣ близъ Константинополя. По смерти препод. Павла (16 апрѣля 1054 г.), монастырь былъ благоустроенъ его преемникомъ, игуменомъ Тимоѳеемъ, который и написалъ для своей обители самостоятельный Типиконъ. Но рукопись, открытая г. Дмитріевскимъ, не подлинный списокъ Евергетидскаго Типикона, который составилъ во второй половинѣ XI в. игуменъ Тимоѳей, а нѣсколько позднѣйшій, окончательно редактированный, по соображеніямъ нашего автора, между 1143 и 1158 годами. Прологъ устава въ 43 главахъ систематически излагаетъ всѣ тѣ правила, которыя необходимы для всякаго благоустроеннаго монастыря. Синаксарь или Типиконъ обнимаетъ полный кругъ церковнаго богослуженія, съ подробнымъ изложеніемъ порядка богослуженія на каждый день года. Онъ былъ составленъ спеціально для монастырскаго употребленія, причемъ составитель пользовался уставами великой церкви, Студійскимъ и др., но относится къ послѣднему уставу самостоятельно. Въ свою очередь, Евергетидскій Типиконъ вліялъ на уставы монастырей: св. Маманта (1158 г.), Богородицы «τῶν Ἡλίου Βωμῶν, ἤτοι τῶν Ἐλεγμῶν» и особенно Хиландарскаго на Аѳонѣ. Уставъ послѣдняго монастыря относится къ Евергетидскому Типикону, какъ копія къ оригиналу. Такая зависимость Евергетидскаго и Халандарскаго уставовъ объясняется живыми и особенными связями препод. Саввы Сербскаго съ Евергетидскимъ монастыремъ. На основаніи этого факта г. Дмитріевскій, вопреки проф. Мансветову, не находитъ въ Типикѣ св. Саввы «положительныхъ извѣстій объ іеруса-

лимскихъ порядкахъ» и думаетъ, что Хиландарская обитель лишь въ XIV в. познакомилась съ іерусалимскимъ уставомъ, какъ можно заключать изъ рукописнаго Типикона сербскаго архіепископа Никодима отъ 1319 года (въ Бѣлградской библіотекѣ).

А. Дмитріевскій, *Пантократорскій константинопольскій монастырь XII вѣка и его Типикъ данный императоромъ Іоанномъ Комниномъ* (Труды Кіев. д. Акад., 1895, августъ, стр. 537—585). Пантократорскій монастырь былъ основанъ императоромъ Іоанномъ Комниномъ при участіи его супруги Ирины. Онъ находился на возвышенномъ четвертомъ холмѣ, въ X густо населенной части Константинополя. Главный его храмъ былъ посвященъ Премудрости Божіей или Вседержителю; кромѣ того при монастырѣ были храмы во имя Богоматери Милосердой (Елеусы) и Архистратига Михаила; послѣдній служилъ усыпальницею. Монастырь былъ мужскимъ. Ктиторъ монастыря императоръ Калоіоаннъ далъ своему учрежденію и уставъ, написанный въ 1136 году. Описавъ на основаніи этого устава положеніе монастыря и устройство его храмовъ, г. Дмитріевскій подробно анализируетъ Типикъ въ литургическомъ и историческомъ отношеніи. Въ частности, Типикъ содержитъ предписанія о числѣ церковнослужителей при каждомъ храмѣ и содержаніи ихъ, о суточномъ богослуженіи и отчасти годичномъ. Здѣсь особенно достойно замѣчанія то, что Пантократорскій монастырь, по уставу ктитора, долженъ былъ въ богослуженіи держаться послѣдованія *Агіополита* (Ὁ Ἁγιοπολίτης), т. е. придворнаго церковнаго устава; — еженедѣльно съ вечера пятницы чрезъ всю ночь на субботу въ монастырѣ совершалось торжественное бдѣніе съ панихидою за здравіе императорскаго дома; торжественно праздновались также храмовые праздники и нѣкоторые другіе дни церковнаго года. Внутренняя жизнь Пантократора была установлена императоромъ на началахъ строгаго общежитія (κοινοβία). Въ Типикѣ подробно говорится о числѣ монастырской братіи и должностныхъ лицахъ, объ избраніи игумена, его правахъ и обязанностяхъ, о содержаніи монаховъ, ихъ одеждѣ, пищѣ, поведеніи, о келліотскомъ подвижничествѣ въ подчиненныхъ царскому, самостоятельному и независимому Пантократору шести обителяхъ, штатѣ послѣднихъ и т. п. Но самымъ любопытнымъ историческимъ сообщеніемъ въ Типикѣ Пантократорскаго монастыря является описаніе устроенныхъ императоромъ при монастырѣ страннопріимницы съ больницею, дома призрѣнія для стариковъ и психіатрической лечебницы. Г. Дмитріевскій весьма подробно изложилъ соотвѣствующія страницы устава. Въ заключеніи рѣчь идетъ о многочисленныхъ метохахъ Пантократора.

Ив. Тимошенко, *Византійскія пословицы и славянскія параллели къ нимъ* (Продолженіе. Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1895, № 1 и 2, стр. 205—218).—Приводится (изъ книги Куртца) рядъ пословицъ византійскихъ (числомъ 41), не имѣющихъ, повидимому, никакой связи съ классической литературой и не встрѣчающихся у древнихъ пареміографовъ

но находящихся въ несомнѣнномъ родствѣ съ русскими и славянскими пословицами. Послѣднюю мысль авторъ доказываетъ многими славянскими параллелями къ греческимъ пословицамъ.—Статья не окончена.

П. Цвѣтковъ, *1) Пѣснь святымъ Апостоламъ св. Романа Сладкопѣвца* (Радость Христіанина, 1895, кн. VII, стр. 202—211).—Переводъ съ греческаго подлинника, помѣщеннаго у Питры въ Analecta sacra (t. I, p. 169—178. Parisiis, 1876), и краткое поясненіе пѣсни. 2) *Пѣснь на Успеніе Божіей Матери.* Изъ произведеній древне-христіанской поэзіи (тамъ же, кн. IX, стр. 17—26). Переводъ съ текста въ томъ же изданіи (р. 516 squ.). 3) *Пѣснь о Святомъ Крестѣ.* Изъ произведеній древне-христіанской поэзіи (тамъ же, кн. X, стр. 88—95). Переводъ съ текста въ Analecta sacra Питры (t. I, p. 507 squ.). 4) *Пѣснь на Преображеніе Господне.* Изъ произведеній древне-христіанской поэзіи (тамъ же, кн. VIII, стр. 297—299). Переводъ изъ Analecta sacra, t. I, p. 437.

Д. Серебрениковъ, *Взглядъ на приготовленіе къ проповѣди въ первенствующей древней церкви Христовой* (Руководство для сельскихъ пастырей, 1895, № 29, стр. 260—268, № 30, стр. 290—296, № 31, стр. 316—320). — Практика древней церкви (до VII в.) и оставленныя ею руководительныя наставленія пастырямъ, сохранившіяся въ твореніяхъ отцовъ и учителей церкви, свидѣтельствуютъ, что пастыри тщательно готовились къ проповѣди...

К. Перевозниковъ, *Различныя наименованія праздника Успенія Пресвятыя Богородицы и ихъ смыслъ* (Тамъ же, № 33, стр. 345—355).—Выясняется смыслъ слѣдующихъ названій праздника: κοίμησις dies Dominae, planctus Dominae Mariae (у коптовъ) и assumptio (въ римской церкви).

К. Перевозниковъ, *О времени происхожденія праздника Успенія Пресвятыя Богородицы* (Руководство для сельскихъ пастырей, 1895, № 34, стр. 369—375). — Праздникъ Успенія Пр. Богородицы возникъ на востокѣ ранѣе III-го вѣка, первоначально въ церкви іерусалимской, а на западѣ—въ IV вѣкѣ. Императоръ Маврикій (582—601 г.) узаконилъ для всей греческой церкви праздновать его 15-го августа (Никифоръ Каллистъ). Въ VI вѣкѣ праздникъ Успенія былъ извѣстенъ и церквамъ Галльской, Сирійской и Армянской.

Н. В. Покровскій, *Сійскій иконописный подлинникъ.* Выпускъ I (Памятники древней письменности, CVI. 1895).— Лицевой иконописный подлинникъ, бывшій въ употребленіи иконописцевъ Антоніева Сійскаго монастыря, представляетъ собою сборникъ рисунковъ или точнѣе—бумажныхъ переводовъ съ разныхъ иконъ, которыми пользовались въ своей иконописной практикѣ мастера Сійскаго монастыря. Онъ изготовленъ во второй половинѣ XVII вѣка изъ обширнаго иконографическаго матеріала, бывшаго въ распоряженіи у художниковъ и иконописцевъ разныхъ мѣстъ и временъ. По основному содержанію своему Сійскій сборникъ отличается отъ всѣхъ, извѣстныхъ доселѣ лицевыхъ подлинниковъ и имѣетъ значеніе источника для изученія общаго характера русской

иконографіи въ XVII вѣкѣ. Отчетливо уяснивъ въ «предисловіи» своего труда указанное значеніе и характеръ Сійскаго подлинника, проф. Покровскій дальше занялся подробнымъ описаніемъ и археологическимъ разъясненіемъ его содержанія. Къ объяснительному тексту приложенъ выпускъ переводовъ «Лицеваго Сійскаго иконописнаго подлинника», изданныхъ посредствомъ фототипіи по оригиналу музея И. Общества любителей древней письменности. Въ первомъ выпускѣ помѣщено 22 таблицы такихъ переводовъ.

С. Недѣльскій, *Хозарская миссія святыхъ Кирилла и Меѳодія* (Русская Бесѣда, 1895, августъ, стр. 1—22).—Предварительно авторъ кратко доказываетъ подлинность «Пространныхъ Паннонскихъ Житій», какъ источника для изслѣдованія посольства св. братьевъ къ хозарамъ, излагаетъ затѣмъ исторію хозаръ и выясняетъ мотивы, въ силу которыхъ состоялась миссія. Самую миссію онъ относитъ къ 857—858 году, говоритъ о пребываніи св. братьевъ въ Херсонѣ, объ ихъ миссіонерской дѣятельности среди хозаръ и въ частности о содержаніи преній между св. Кирилломъ и хозарскимъ совопросникомъ.

Н. Д., *Нѣсколько словъ о Румыніи и о святыхъ румынской церкви* (Рус. Бесѣда, 1895, іюнь, стр. 144—147).—Указывается нѣсколько румынскихъ и греческихъ святыхъ IX—XVIII вѣковъ, — мощи коихъ почиваютъ въ румынскихъ храмахъ и монастыряхъ. Нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ не упоминаются въ существующихъ русскихъ мѣсяцесловахъ.

Д. Айналовъ, *Детали палестинской архитектуры и топографіи на памятникахъ христіанскаго искусства* (Сообщенія И. Православнаго Палестинскаго Общества, 1895, іюнь, стр. 335—361). — Въ христіанскомъ искусствѣ V—XIII вѣковъ встрѣчается немало сценъ съ изображеніемъ различныхъ зданій и вообще сооруженій, находившихся въ Палестинѣ. Изученіе такихъ памятниковъ очень важно и для палестиновѣдѣнія, и для исторіи христіанской иконографіи, такъ какъ находящіяся на нихъ детали указываютъ ближайшимъ образомъ на возникновеніе цѣлаго ряда композицій въ Палестинѣ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, черты которыхъ воспроизводятся въ этихъ композиціяхъ. Въ статьѣ г. Айналова и разсматриваются по памятникамъ христіанскаго искусства слѣдующія палестинскія сооруженія: Голгоѳская лѣстница и алтарь Авраама, Гробъ Господень и Геѳсиманскій садъ, іерусалимскій храмъ (въ мозаикѣ S. Maria Maggiore въ Римѣ). Статья иллюстрирована 11 рисунками.

Греческій разсказъ *о русскихъ церковныхъ дѣлахъ* (Сообщенія И. Правосл. Палест. Общ., 1895, августъ, стр. 385—401).—Предлагается въ русскомъ переводѣ одна глава изъ рукописи «Исторія іерусалимскихъ патріарховъ» Досиѳея Нотары (книги XI, членъ 11), хранящейся въ Іерусалимской патріаршей библіотекѣ подъ № 11 (Ἀνάλεκτα Ἱεροσολ. σταχυολογίας ὑπὸ Ἀ. Παπαδοπούλου-Κεραμέως, I, 264—278). Здѣсь сообщается объ учрежденіи патріаршества на Руси, о константинопольскомъ соборѣ 1593 года, царствованіи Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича, о патріархѣ

Никонѣ, московскомъ соборѣ 1667 года, о церковныхъ событіяхъ при Іоаннѣ Алексѣевичѣ и Петрѣ I и др.

Древній назидательный примѣръ *терпимости къ обрядовымъ разностямъ церкви. Посланіе патріарха антіохійскаго Петра къ патріарху константинопольскому Михаилу* (Братское Слово, 1894, № 20, стр. 627—659 и отдѣльно).— Антіохійскій патріархъ Петръ былъ современникомъ константинопольскаго патріарха Михаила Керулларія и ему именно написалъ посланіе, о которомъ идетъ рѣчь въ настоящей статьѣ. Это посланіе было отправлено въ отвѣтъ на письма Михаила, который, извѣщая Петра о предстоящемъ раздѣленіи церквей, предлагалъ исключить папу изъ диптиховъ и излагалъ содержимыя латинянами неправославныя ученія, обычаи и обряды. Въ отвѣтномъ посланіи Михаилу патріархъ Петръ просилъ не придавать важности и особаго значенія обрядовымъ и инымъ, не-догматическимъ, разностямъ между западною и восточною церквамъ и не считать ихъ достаточною причиною раздѣленія, напротивъ—умолялъ быть снисходительнымъ къ недостаткамъ западной церкви и всѣми мѣрами заботиться о сохраненіи церковнаго мира. Это посланіе Петра было извѣстно ученымъ лишь въ греческомъ подлинникѣ. Редакція «Братскаго Слова» отыскала и славянскій переводъ его—въ Сборникѣ XVI вѣка, находящемся въ библіотекѣ Никольскаго Единовѣрческаго монастыря въ Москвѣ; переводъ отличается буквальною вѣрностью подлиннику. По этому столь рѣдкому (если не единственному) списку и напечатано (славянскимъ штрифтомъ) посланіе Петра къ Михаилу Керулларію съ сохраненіемъ ороографіи и пунктуаціи подлинника; по тому же Сборнику издано и письмо Михаила Петру.

Священникъ В. Преображенскій, *Преподобный Өеодоръ Студитъ и его время (758—826 г.).* [Продолженіе. Пастырскій Собесѣдникъ, 1895, № 13—14, стр. 213—220, № 15, стр. 225—231]. Въ V главѣ своего церковно-историческаго очерка о. Преображенскій описываетъ столкновеніе императора Константина VI съ иноками Саккудіонскаго монастыря, происшедшее изъ-за брака его съ Өеодотіей, а затѣмъ ссылку препод. Өеодора въ Солунь и его возвращеніе въ Студійскую обитель. Слѣдующая глава изображаетъ внутреннюю жизнь этой знаменитой обители подъ управленіемъ игумена Өеодора.—Статая не окончена.

Ө. Жорданія, *Къ матеріаламъ по исторіи Грузіи XI—XII вв.* (Чтенія въ И. Общ. Истор. и Древн. Россійскихъ, 1895, кв. III, стр. 1—18). Г. Жорданія издалъ въ русскомъ переводѣ и комментировалъ слѣдующіе грузинскіе документы: грамоту царя Баграта IV отъ 1058 года, гдѣ говорится объ опустошеніи вотчинъ Шіо-мгвимской пустыни войсками язычниковъ (сельджукскихъ турокъ), и пергаментную грамоту, данную амиръ-спасаларомъ царицы Тамары (1184—1213 г.), Шіо-мгвимскому монастырю касательно вотчины и крестьянъ, пожертвованныхъ обители. Оба акта извлечены изъ тифлисскаго Церковнаго Древнехранилища.

А. Лебедевъ, *Нравственный обликъ, церковно-общественная дѣятельность,*

нестроенія и злополучія константинопольской патріархіи отъ конца XVI вѣка до настоящаго времени (Богословскій Вѣстникъ, 1895, сентябрь, стр. 275—314). — Статья состоитъ изъ двухъ главъ; въ первой обозрѣвается состояніе константинопольской патріархіи отъ конца XVI вѣка (по смерти Іереміи II) и до послѣдней четверти XVIII вѣка—до правленія патріарха Самуила включительно (1595—1774 г.), а во второй—отъ Самуила I до нашего времени (1774—1895 г.). Какъ въ первой, такъ отчасти и во второй главѣ послѣдовательно изображаются всѣ указанныя въ заглавіи статьи стороны въ жизни патріархіи. Оказывается, что въ первый періодъ разсматриваемой эпохи нравственно-достойныхъ патріарховъ было немного (Тимоѳей II, Парѳеній I, Діонисій IV Музелимъ, Гавріилъ III, Кириллъ IV, Іеремія III, Мелетій II, Ѳеодосій II, Самуилъ I), большинство же не соотвѣтсвовало по жизни своему сану и призванію. Недостатками патріарховъ были: расточеніе денежныхъ суммъ патріархіи, надменность, пренебреженіе къ духовенству, взятничество, симонія, неисполненіе своихъ обязанностей, лицемѣріе и т. п. Церковно-общественная дѣятельность патріарховъ этого отдѣла выразилась лишь въ соборномъ опредѣленіи при патріархѣ Паисіи II о томъ, чтобы въ священный санъ возводились лица образованныя и нравственныя,—въ урегулированіи выборовъ патріарха (при Паисіи II и Самуилѣ I), въ попыткахъ измѣнить порядокъ соблюденія поста св. апостоловъ (при Іереміи III), возвысить нравственный характеръ патріархіи (п. Рафаилъ II) и упорядочить ея матеріальное состояніе (при Серафимѣ II и Ѳеофанѣ I). Но нестроеній и злополучій въ жизни патріархіи было много. Въ разсматриваемое время патріархи очень быстро смѣняли одинъ другаго: въ XVII вѣкѣ въ теченіе 15 лѣтъ было двѣнадцать патріарховъ, изъ коихъ нѣкоторые патріаршествовали нѣсколько дней, а другіе — не болѣе полутора года; иные патріархи (Григорій IV и Анѳимъ II) занимали каѳедру благодаря содѣйствію іезуитовъ; нѣкоторые заявляли себя дѣйствіями, которыя не могли служить къ созиданію церкви; особенно долго волновалъ патріархію споръ о крещеніи латинянъ и армянъ, поднятый монахомъ Авксентіемъ при патріархѣ Кириллѣ V и закончившійся при Каллиникѣ IV отмѣной древне-церковнаго обычая принимать въ православную церковь латинянъ и армянъ чрезъ отреченіе отъ прежнихъ заблужденій и миропомазаніе; одинъ патріархъ (Парѳеній II) былъ даже казненъ. Вообще жизнь патріархіи въ первый періодъ представляетъ много печальнаго. Не лучше было состояніе ея и во второй періодъ—отъ конца XVIII вѣка до настоящаго времени. Характерическою чертою этого періода служитъ сокращеніе размѣровъ ея внѣшняго господства и уменьшеніе авторитета какъ въ глазахъ турецкаго правительства, такъ и въ сферахъ церковныхъ. Въ нравственной жизни патріарховъ, на ряду съ хорошими явленіями, встрѣчаются и дурныя, подобныя прежнимъ. Церковно-общественная ихъ дѣятельность была разнообразна, но не отличалась обиліемъ благихъ послѣдствій. Изъ этой дѣятельности проф. Лебедевъ отмѣчаетъ

лишь измѣненіе порядка избранія новаго патріарха и недавнюю борьбу патріархіи съ турецкимъ правительствомъ изъ-за привиллегій, издавна принадлежавшихъ греческимъ архіереямъ.

Л. Соколовъ, *Юношескіе годы св. Іоанна Златоуста и приготовленіе его къ пастырскому служенію. I. Жизнь св. Іонна Златоуста до принятія крещенія* (Богословкій Вѣстникъ, 1895, сент., стр. 315—344).—Установивъ смыслъ и происхожденіе названія Іоанна именемъ Златоуста, авторъ говоритъ о дѣтствѣ, дарованіяхъ и образованіи Златоуста у Андрагаѳія и Либанія, характеризуетъ этихъ учителей и выясняетъ ихъ вліяніе на ученика описываетъ мірскую жизнь Златоуста, его занятія адвокатурой и внутреннюю борьбу, отмѣчаетъ сильное вліяніе на Златоуста Мелетія антіохійскаго, благодаря чему произошло крещеніе Іоанна. Вообще авторъ пытается прослѣдить въ статьѣ постепенный ростъ въ душѣ Златоуста пастырскаго настроенія до принятія имъ священства.—Статья не окончена.

Чедомилъ Міятовичъ, *Константинъ, послѣдній византійскій императоръ, или Завоеваніе Константинополя турками (1453 г.).* Спб. 1895. Стр. 221. Сочиненіе Ч. Міятовича представляетъ популярное историческое описаніе драматическаго событія—паденія Константинополя въ 1453 году. Для составленія своего очерка авторъ пользовался обширною литературою предмета, византійскою и иностранною, современною и позднѣйшею. Очеркъ распадается на девять главъ слѣдующаго содержанія: I. Нравственныя причины быстраго возвышенія Оттоманской имперіи и упадка имперіи Византійской. II. Превосходство военной организаціи у турокъ. III. Наканунѣ паденія. IV. Дипломатическіе переговоры и приготовленія къ войнѣ. V. Военныя мѣры осаждающихъ и осажденныхъ. VI. Дневникъ осады. VII. Послѣдніе дни. VIII. Послѣдняя ночь. IX. Послѣдніе часы.

Д. Мережковскій, *Отверженный.* Историческій романъ въ двухъ частяхъ (Сѣверный Вѣстникъ, 1895, №№ 1—6).—Канвою настоящаго романа служитъ послѣдняя борьба христіанъ съ язычниками въ IV вѣкѣ, а героемъ выведенъ императоръ Юліанъ Отступникъ. Романистъ изображаетъ борьбу православія съ аріанствомъ, христіанства съ язычествомъ, причемъ останавливается на остаткахъ язычества съ его поклоненіемъ красотѣ, на ученіи софистовъ теурговъ и іерофантовъ.

Люисъ Воллесъ, *Паденіе Царьграда* (The Prince of India or why Constantinople fell). Историческій романъ. — Этотъ романъ продолжаетъ печататься въ приложеніи къ «Историческому Вѣстнику» за текущій годъ. См. предыдущій выпускъ «Византійскаго Временника», стр. 478.

Рецензіи появились на слѣдующія книги:

Архимандритъ Никифоръ Дучичъ. Историја српске православне цркве од првијех десетина VII в. до нашихъ дана. Биоград. 1894. Рецензія **И. П—ва** въ Христ. Чтеніи, 1895, вып. III, май—іюнь, стр. 636—639.

Епископъ Никаноръ Ружичичъ, Историја српске цркве. У Загребу. 1893. Рецензія **И. П—ва** тамъ же.

Епископъ Далматинскій Никодимъ, Правила православне цркве съ тумаченима. Кн. I. Нови Сад. 1895. Рецензія **И. П—ва** тамъ же, стр. 639—640.

А. Дмитріевскій, Патмосскіе очерки. Изъ поѣздки на островъ Патмосъ лѣтомъ 1891 года. Съ двумя фотографическими снимками. Кіевъ. 1894. Рецензія проф. **И. Малышевскаго** въ Трудахъ Кіевской дух. академіи, 1895, май, приложеніе, стр. 68—71.

Епископъ Порфирій Успенскій. Книга бытія моего. Дневники и автобіографическія записки. Часть I, съ 3 мая 1841 по 1 мая 1844 года.— Часть II, съ 1 мая 1844 г. но 20 іюля 1845 года. Изданіе Императорской Академіи Наукъ на иждивеніи Имп. Православнаго Палестинскаго Общества. Спб. 1894. 1895. Рецензія въ Сообщеніяхъ Имп. Правосл. Палест. Общества, 1895, февр., стр. 21—74 въ статьѣ: «Преосвященный епископъ Порфирій Успенскій и его записки (1804—1885)».

Чедомиль Міятовичъ, Константинъ, послѣдній византійскій императоръ или завоеваніе Константинополя турками (1453 г.). С.-Петербургъ. 1895. Рецензія г. **Б. Г.** въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1895, іюнь, стр. 889—890.

А. Стадницкій, Гавріилъ Банулеско-Бадони, экзархъ молдовлахійскій (1808—1812 г.) и митрополитъ кишиневскій (1813—1821 г.). Съ фотографическимъ изображеніемъ и автографомъ митрополита Гавріила. Кишиневъ. 1895. Рецензіи: **С. Рункевича** тамъ же, стр. 891—894 и **Н. П.** въ Русскомъ Филологич. Вѣстникѣ, 1895, № 1 и 2, стр. 343—348.

Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Выпускъ первый, содержащій поученія: Луки Жидяты, митр. Иларіона, Өеодосія Печерскаго и Кирилла Туровскаго. Изданіе журнала «Странникъ», подъ редакціей проф. *А. И. Пономарева*. Спб. 1894. Рецензіи: **А. Бронзова** въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1895, май, стр. 628—629; **Н. Б—ва** въ Христіанскомъ Чтеніи, 1895, мартъ—апр., стр. 456—458; **И. К.** въ Богословскомъ Библіографическомъ Листкѣ, 1895. № 5, стр. 134—136.

Архіепископъ Антоній, Изъ исторіи христіанской проповѣди. Очерки и изслѣдованія. Изданіе 2. Спб. 1895. Рецензіи: въ Православномъ Собесѣдникѣ, 1895, іюнь—іюль, приложеніе 4-е, стр. 109—141; **С. Р.** въ Историч. Вѣстникѣ, 1895, іюль, стр. 212—213.

Николай Заозерскій, О церковной власти. Основоположенія, характеръ и способъ примѣненія церковной власти въ различныхъ формахъ устройства церкви по ученію православно-каноническаго права. Сергіевъ Посадъ. 1894. Рецензіи: въ Богословскомъ Вѣстникѣ, 1895, сентябрь, отд. V, ст. 2, стр. 4—19 и **П. С.** въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, 1895, № 31 стр. 1088—89.

Fr. Lauchert, Die Lehre des heiligen Athanasius des Grossen. Leipzig, 1895. Рецензія **А. Л—на** въ Христ. Чтеніи, 1895, мартъ—апр., стр. 462—63.

Е. В. Пѣтуховъ, Очерки изъ литературной исторіи Синодика. I. Судьбы чина православія на русской почвѣ до половины XVIII вѣка.

II. Литературные элементы Синодика какъ народной книги въ XVII и XVIII вѣкахъ. Историко-литературныя наблюденія и матеріалы. Спб. 1895. Рецензія **А. Соболевскаго** въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1895, іюль, стр. 185—193.

А. Дмитріевскій, Русскіе на Аѳонѣ. Очеркъ жизни и дѣятельности игумена русскаго Пантелеймоновскаго монастыря священно-архимандрита Макарія (Сушкина). Спб. 1895. Рецензія **П.** въ Богословскомъ Библіографическомъ Листкѣ, выпускъ 8, августъ 1895 года, стр. 193—196.

H. Detzel, Christliche Iconographie. Ein Handbuch zum Verständniss d. Christl. Kunst. I Bd. Freiburg in Br. 1894. Рецензія г. **Н. П.** въ Христіанскомъ Чтеніи, 1895, сентябрь—октябрь, стр. 412.

И. Соколовъ.

ГЕРМАНІЯ.

«Byzantinische Zeitschrift», *herausgegeben von K. Krumbacher, Band IV, Heft 3 и 4.*

Въ отдѣлѣ I помѣщены изслѣдованія:

G. Meyer, *Die griechischen Verse im Rabâbnâma* (стр. 401—411). Въ началѣ статьи дается текстъ пресловутыхъ стиховъ, разбиравшихся Гаммеромъ и академикомъ Залеманомъ, арабскими буквами, по оксфордской рукописи (Bodlejan Library I, стр. 552, № 750, 2), откуда ихъ списалъ для автора проф. Margoliouth. Отчасти при помощи этого текста вносятся въ чтеніе академика Залемана нѣкоторыя поправки, впрочемъ не особенно важныя, такъ что до полнаго возстановленія текста и разъясненія смысла еще довольно далеко; въ концѣ статьи приложенъ текстъ разъясненныхъ удовлетворительно стиховъ греческимъ алфавитомъ.

G. N. Hatzidakis, *Über das Etymon des Wortes* βρέ (стр. 412—419). Авторъ отвергаетъ оба производства спорнаго слова, предложенныя G. Meyer'омъ (отъ εὑρέ или венец. varé=смотрите), на слѣд. основаніяхъ: 1) Въ немъ лежитъ несомнѣнно нѣсколько презрительный оттѣнокъ; 2) многочисленныя формы слова съ начальнымъ μ могли легко произвести формы съ начальнымъ β, но никакъ не могли произойти отъ послѣднихъ; 3) есть формы (βρά), указывающія на происхожденіе отъ флектируемой части рѣчи, и въ литературѣ прошлаго столѣтія ихъ даже очень много; 4) Матѳ. 5, 22 предполагаетъ обращеніе μωρέ общеупотребительнымъ въ то время, когда венеціанскаго вліянія и предполагать невозможно. Это производство βρέ отъ μωρός авторъ подкрѣпляетъ многочисленными аналогіями и прослѣживаетъ модификаціи его смысла и случаи употребленія.

J. Laurent, *Sur la date des Églises St. Démétrius et S-te Sophie à Thessalonique* (420—434). Тексье въ своей Architecture Byzantine, основываясь главнымъ образомъ на характерѣ самихъ памятниковъ, отнесъ храмъ св. Димитрія въ Солуни къ началу V-го вѣка, а св. Софіи въ Со-

луни—къ послѣднимъ годамъ Юстиніана I. J. Laurent доказываетъ необходимость принять болѣе позднія даты. Опубликованный Tougard'омъ полный текстъ извѣстія о пожарѣ св. Димитрія (по рукописи Bibl. Nationale 1517) въ концѣ VII вѣка доказываетъ, что храмъ имъ былъ совершенно уничтоженъ, а не поврежденъ только, какъ предполагалъ Тексье на основаніи неполнаго текста въ Acta Sanctorum; древность стиля существующаго храма объясняется тѣмъ, что онъ возобновленъ былъ по плану стараго, непосредственно послѣ его гибели. Акты св. Димитрій относятъ пожаръ къ времени немного позже смерти архіепископа Іоанна, котораго Тексье отождествляетъ (согласно Тафелю) съ участвовавшимъ въ 6-мъ вселенскомъ соборѣ; но по рукописи Paris. 1517 этотъ Іоаннъ былъ авторомъ 1-й книги «Чудесъ св. Димитрія«, составленной не позже 630 г.; онъ же упоминается и во II книгѣ, какъ жившій лѣтъ 60 до 5-го описаннаго тамъ чуда (чего не замѣтилъ Тафель); въ спискѣ солунскихъ архіепископовъ какъ разъ за это время пробѣлъ. Слѣдовательно, пожаръ и возобновленіе храма св. Димитрія Солунскаго должно относить къ первой половинѣ VII вѣка. Что касается св. Софіи Солунской, то ея время опредѣляется надписью въ куполѣ, опубликованной г. Папагеоргіу въ Ἑστία 1893 стр. 218, какъ ноябрь 4-го индикта, при архіепископѣ Павлѣ, упоминаемомъ въ 649 г. (отъ года отъ сотворенія міра осталось лишь ͵ς съ мѣстомъ для одной или 2-хъ буквъ) т. е. 645 г., такъ какъ предполагая лишь одну стертую букву получаемъ для 4 инд. лишь 495 г. (ςΔ), когда архіепископомъ былъ не Павелъ, а Андрей. Итакъ, оба знаменитые въ исторіи искусства солунскіе храма построены почти въ одно время, въ 1-ой половинѣ VII вѣка.

E. W. Broocks, *On the chronology of the conquest of Egypt by the Saracens* (435—444). Авторъ пытается установить истинную хронологію завоеванія Египта сарацинами, совершенно спутанную какъ у грековъ Θеофана и Никифора, такъ и у арабскихъ писателей, при помощи хронографа Іоанна епископа Никіу, вѣроятно современника событій (упоминается, какъ епископъ, въ 686 г.). Хронографъ этотъ, существующій въ эѳіопскомъ переводѣ 1601 г., изданъ по французски Цотенбергомъ (Paris 1883). Вотъ хронологія Брукса:

Вступленіе арабовъ въ Египетъ—639 г. декабрь.
Битва при Геліополисѣ—около іюля 640 г.
Начало осады Александріи и Вавилона—сентябрь 640 г.
Взятіе Вавилона—9 апрѣля 641 г.
Взятіе Никіу—13 мая 641 г.
Возвращеніе Θеодора—14 сентября 641 г.
Сдача Александріи—17 октября 641 г.
Смерть Кира—21 марта 642 г.
Смерть Петра—14 іюля 642 г.
Вторженіе въ Пентаполь лѣто 642 г.
Эвакуація Александріи—17 сентября 642 г.

C. de Boor, *Der Angriff der Rhos auf Byzanz* (445—446). Дата Брюссельскаго анонима о первомъ набѣгѣ Руси на Византію даетъ автору поводъ къ пересмотру византійской хронологіи середины IX в., отдавая предпочтеніе источникамъ, досел́ѣ неизвѣстнымъ или считавшимся второстепенными, какъ житіе Игнатія — Никиты Пафлагонскаго, новое житіе Іоанникія—Савы (изд. въ A. Sanct. Nov. Tom. II) и данныя Минологія Василія, и исходя не отъ якобы несомнѣнной даты, «православія» 19 февраля 842 г., а считая назадъ отъ дѣйствительно несомнѣнной даты 23 ноября 867 г. (возстановленіе на патріаршествѣ Игнатія). Оказывается, что такой пріемъ легко разрѣшаетъ всѣ недоумѣнія и даетъ слѣдующую хронологію патріаршествъ середины IX в. (порядокъ выкладокъ де-Боора).

Возстановленіе на патріаршествѣ Игнатія	23 ноября 867 г.
Сверженіе патріарха Фотія	25 сент. 867 г.
Посвященіе патріарха Фотія	25 дек. 858 г.
Сверженіе патріарха Игнатія	23 ноября 858 г.
Посвященіе патріарха Игнатія	Конецъ іюня 847 г.
Кончина патріарха Меѳодія	14 іюня 847 г.
Посвященіе патріарха Меѳодія	мартъ 843 г.
Праздникъ торжества православія	11 марта 843 г.

Всѣ прямыя и косвенныя указанія источниковъ приводятъ согласно къ этой хронологіи; только послѣдній ея членъ противорѣчитъ — но не источникамъ, а предвзятому и распространенному мнѣнію, основанному на чисто риторическихъ фразахъ хронографовъ. Само по себѣ невѣроятно, чтобы слабая Ѳеодора при энергичномъ патріархѣ-иконоборцѣ Іоаннѣ осуществила въ 1 мѣсяцъ то, для чего энергичной Иринѣ при ничтожномъ патріархѣ Павлѣ понадобилось 7 лѣтъ. Помимо хронологическаго, К. де-Booръ придаетъ извѣстію анонима и фактическое значеніе въ томъ смыслѣ, что при отплытіи отъ Византіи или на возвратномъ пути Руссы были разбиты византійскимъ флотомъ и императоромъ Михаиломъ, вернувшимся изъ похода — не въ Критъ, какъ обыкновенно предполагалось, а въ Малую Азію противъ эмира Мелитинскаго (именно второго похода изъ упоминаемыхъ у Генесія). Самую замѣтку К. де-Booръ считаетъ современной событію и вѣроятно заключавшей собою все произведеніе, чѣмъ-де и объясняется тщательность ея составленія, и то обстоятельство, что вслѣдъ за ней брюссельская рукопись на пространствѣ 150 лѣтъ даетъ только списокъ императоровъ.

K. Uhlirz, *Über die Herkunft der Theophanu, Gemahlin Kaisers Otto II* (стр. 467 — 477). Въ спорѣ о происхожденіи супруги императора Оттона II, поднятомъ Мольтманномъ, авторъ становится, вмѣстѣ съ Ранке и Гиршемъ, на сторону стараго мнѣнія—видящаго въ ней дочь императора Романа, родную сестру русской княгини Анны и императоровъ Василія и Константина. Молчаніе византійскихъ авторовъ о ней объясняется ихъ извѣстнымъ равнодушіемъ къ западной политикѣ Визан-

тіи и неполнотой ихъ списковъ членовъ царствующей династіи; изъ западныхъ извѣстій прямо за Мольтманна говоритъ лишь Титмаръ мерзебургскій; но если принять его извѣстіе (что Θеофано была изъ рода не Романа, а Цимисхія), то вся исторія сватовства Оттона II (съ 967 г.), условія брачнаго договора, почести, оказанныя царевнѣ-невѣстѣ и пр. объяснены могли бы быть развѣ предположеніемъ, что императоръ Оттонъ I былъ *обмануть* Цимисхіемъ — предположеніемъ, котораго не дѣлаетъ и Титмаръ. Опредѣлить годъ рожденія Θеофано невозможно, но никакихъ хронологическихъ препятствій принять этотъ фактъ нѣтъ.

G. Wartenberg, *Berichtigung einer Angabe des Skylitses über Nikephoros II Phokas* (стр. 478—480). Латинскій переводъ Скилицы говоритъ о Никифорѣ Фокѣ (рѣчь идетъ о голодномъ годѣ): gloriebatur, quasi aliquid praeclari gessisset, quod, cum modius numismate venderetur, ipse duobus vendi imperasset. Парафразы Зонары, Глики и Манасси указываютъ, что переводчикъ ошибся, а текстъ Кедрина объясняетъ и то, въ чемъ состояла ошибка. Габій читалъ у Скилицы непонятную фразу: ηὔχει ὥς τι μέγα κατορθωκώς, ὅτι μοδίου τῷ νομίσματι πιπρασκομένου αὐτὸς δύο πωλεῖσθαι τοῦτον ἐπέταξε и исправилъ ее для перевода въ δυοῖν πωλεῖσθαι τοῦτον вмѣсто δύο πωλεῖσθαι ταὐτῷ или τούτῳ.

Spyr. P. Lambros, *Eine neue Fassung des elften Kapitels des VI. Buches von Sokrates' Kirchengeschichte* (стр. 481—486). Описаніе ксиропотамской аѳонской рукописи № 226, содержащей хронику Глики (объ этой части помѣщена особая замѣтка на стр. 514) и исторію Сократа и текстъ 11 главы послѣдней, en regard съ текстомъ напечатаннымъ у Миня. Аѳонская рукопись оказывается въ этомъ мѣстѣ гораздо полнѣе остальныхъ.

Theodor Mommsen, *Lateinische Malalasauszüge* (стр. 487—488). Замѣтка о изданной Маи въ Spicil. Rom. 9, p. 118—140 латинской хроникѣ, оказавшейся по сличеніи простымъ переводомъ изъ Малалы во всѣхъ историческихъ отдѣлахъ. Рядъ императоровъ кончается 9 г. Юстина II; встрѣчается косвенное упоминаніе о враждебной Колумбану латинской богословской школѣ, зависящей отъ Византіи.

L. Traube, *Chronicon Palatinum* (стр. 489—492). Еще нѣсколько замѣтокъ о той же рукописи, ея авторѣ, времени написанія (VIII вѣкъ), названіи, составѣ и цѣли (оппозиція Бедѣ и его взятой изъ Hebraica veritas хронологіи Рождества Христова въ 3952 г. отъ сотворенія міра).

F. Lauchert, *die Textüberlieferung der Chronik des Georgios Monachos* (стр. 493 — 513). Дается описаніе страсбургской рукописи (Cd. gr. 8) Георгія Монаха и текстъ нѣкоторыхъ частей ея (προοίμιον, время Константина Хлора, Льва Великаго, Зенона, Льва Армянина и пр.). Онъ значительно отступаетъ отъ Московской и Парижскихъ и сходенъ, но не вполнѣ, съ Коаленевыми (№№ 134 и 310), Ambros. 184, Мюнхенскими и Вѣнскими, въ которыхъ де-Бооръ и Гиршъ видятъ первоначальную редакцію; онъ представляетъ изъ себя третью, промежуточную между

Московской и Коаленевой, редакцію. Ея варіанты драгоцѣнны особенно въ случаяхъ несогласія Коаленевыхъ рукописей между собою.

K. Krumbacher, Zur handschriftlichen Überlieferung des Zonaras (513). Замѣтка о Cod. Taurin. 226, содержащемъ какъ кажется Θеофана и Зонару; кромѣ того указанъ сборникъ извлеченій изъ Зонары Patm. 286.

Spyr. P. Lambros, *Ein neuer Codex der Chronik des Glykas* (стр. 514). Замѣтка о текстѣ Глики въ рукописи аѳонскаго ксиропотамскаго монастыря № 226.

Th. Preger, *Chronicum Georgii Codini* (стр. 515 — 518). Авторъ заключилъ по даннымъ, доставленнымъ Грэвеномъ, что рукопись Harlejanus 5631, считавшаяся по Гольстену (Cod. Barb. gr. I 69 f. 31[r]) за хронику Кодина, представляетъ изъ себя парафразу Манасси (см. Byz. Ztschr., B. IV 272 и Виз. Врем. т. II, вып. 3, стр. 481) безъ первой и начала второй книги, по рецензіи Paris. 1708 (v[1] по обозначенію Прехтера). Затѣмъ указываются еще 2 рукописи; одна (Montfaucon Bibl. p. 201), кажется, тождественна съ мнимымъ Кодиномъ Гольстена, другая въ Глазго (Hänel, Catal. libr. man. S. 793)—латинскій переводъ Harlejanus'a XVII-го вѣка.

K. Prächter, *Das griechische Original der rumänischen Troïka* (стр. 519—546). Сообщается текстъ Τρωϊκά по парафразѣ К. Манасси изъ бернской рукописи 596 (см. Виз. Врем. т. II, вып. 3 стр. 481) и вѣнской suppl. gr. 77, представляющій изъ себя греческій оригиналъ краткой редакціи румынскаго сказанія о троянской войнѣ, сообщеннаго Gaster'омъ въ Byz. Ztschr. B. III, стр. 528 и сл.; добавленія пространной редакціи оказываются взятыми изъ Малалы, Кедрина и Гомера (изъ чьихъ либо вторыхъ рукъ).

L. Voltz, *Bemerkungen zu byzantinischen Monatslisten* (стр. 547—558). Сообщается изъ рукописи Cd. misc. gr. 2773 придворной библіотеки герцога Дармштадтскаго «Ἔκφρασις μηνῶν ὑπὸ ζωγράφου καταγεγραμμένων συμβολικῶς», находящаяся въ тѣсной зависимости отъ Евстаѳіевой: «Τὸ καθ' Ὑσμίνην καὶ Ὑσμινίαν δρᾶμα» и дается сличеніе списка мѣсяцевъ, лежащаго въ ея основѣ, съ изслѣдованными Tannery. Интереснѣе всего въ ней то, что Ἑκατομβαιὼν въ ней=январю, а не марту, то есть новый годъ запаздываетъ на 8 мѣсяцевъ, что произошло въ византійскомъ календарѣ 1131—1282 г., и опредѣляется время составленія ἔκφρασις, и, слѣдовательно, время жизни Евстаѳія,—не позже второй половины XII в., какъ опредѣляетъ и Крумбахеръ.

Ed. Kurtz, *Das Epigramm auf Johannes Geometres* (559 — 560). Сообщается имя автора (монахъ Маѳусала) и исправляется текстъ эпиграммы, напечатанной P. Tacchi-Venturi (Byz. Ztschr. B. III, 211 и сл.) по вѣнской рукописи, по 2 рукописямъ московской синодальной библіотеки (№№ 215 и 260).

J. Dräseke, *Zu Georgios Scholarios* (стр. 561—580). Авторъ дополняетъ на основаніи публикацій Симонида (Ὀρθοδόξων Ἑλλήνων θεολογικαὶ γραφαὶ τέσσαρες Лондонъ 1859) и Димитропуло (Ὀρθόδοξος Ἑλλὰς 1872) свою

статью о Маркѣ Ефесскомъ (Ztschr. f. Kirchengeschichte XII, стр. 91—116) исторіей его отношеній къ Георгію Схоластику, впослѣдствіи патріарху Геннадію. Въ пользу тождества этихъ послѣднихъ лицъ (противъ Алляція и Матөея Каріофиллиса) присоединяются, къ представленнымъ Гассомъ и Димитракопуло, новые аргументы, взятые изъ исторіи развитія богословскихъ убѣжденій Георгія, видимой изъ переписки Марка и Георгія; доказывается, противъ Гасса, что Apologia pro quinque capitulis concilii Florentini не принадлежитъ Георгію; берется назадъ мнѣніе, что Георгій пресвитеръ, письмо къ которому Марка напечаталъ Симонидъ, тождественъ съ Схоларіемъ; анализируются мало извѣстное до сихъ поръ сочиненіе Георгія о исхожденіи Св. Духа противъ Латинянъ и письма его отъ 26 ноября 1452 г. къ жителямъ Константинополя (Димитракопуло Ὀρθ. Ἑλλάς 116—118); вновь опредѣляется время его рожденія (десятые года XV столѣтія) и смерти (шестидесятые года того же вѣка — cf. Папагеоргіу Αἱ Σέρραι въ Byz. Ztschr. III стр. 316).

Μανουὴλ Ἰω. Γεδεών, Τυπικὸν τῶν ψήφων παρὰ τοῖς Βυζαντινοῖς (стр. 581—582). Текстъ означеннаго въ заглавіи памятника сообщается по рукописи святогробской библіотеки въ Фанарѣ, № 182.

G. N. Hatzidakis u. Ed. Kurtz, *Zu den Bruchstücken zweier Typika* (стр. 583—584). Отдѣльныя замѣтки къ типикамъ, изданнымъ Ph. Meyer'омъ въ Byz. Ztsch. IV 95 (см. Виз. Врем., т. II, вып. 1—2, стр. 258).

Spyr. P. Lambros, *Das Testament des Neilos Damilas* (стр. 585—587). Завѣщаніе извѣстнаго писца и библіографа г. Ламбросъ печатаетъ по своему списку съ той же рукописи Barocc. 59, по которой напечаталъ его Легранъ въ Revue des études grecques 4 (1891) стр. 178 и слѣд., чтобы исправить нѣкоторые пропуски и неточности, допущенные первымъ издателемъ.

Fr. Rühl, *Die Datierung des Uspenskijschen Psalters* (588—589). Индиктъ и годъ отъ Адама въ извѣстной рукописи Имп. Публ. Библіотеки согласуются, если принять для послѣдней цифры александрійскую эру; псалтырь надо тогда отнести къ 877/78 г., а не 862, какъ значится въ «Спискѣ датированныхъ рукописей Порфирьевскаго собранія» проф. Ернштедта.

Josef Strzygowski, *Die Gemäldesammlung des griechischen Patriarchats in Kairo* (стр. 590—591). Авторъ осмотрѣлъ собраніе иконъ въ монастырѣ св. Георгія въ Каирѣ, описанное Мазараки какъ очень древнее (VII-го вѣка и ранѣе), и нашелъ, что тамъ нѣтъ ни одной старше XIII вѣка, остальныя еще гораздо позже.

Josef Strzygowski, *Die Zisternen von Alexandria* (стр. 592—593). Авторъ, посѣтившій лично описанныя Сенъ-Жени цистерны Александріи, подтверждаетъ и дополняетъ его описаніе ихъ и защищаетъ взглядъ его на ихъ назначеніе противъ Reber'а, рецензировавшаго его «Byzantinische Wasserbehälter» въ Byz. Ztschr. IV. 128—136.

B. Paluka, *Eine unbekannte byzantinische Zisterne* (стр. 594—600). Авторъ описываетъ, въ дополненіе къ сочиненію Стржиговскаго, находя-

щуюся въ Іеребатанъ-Магалесси цистерну; приложено 4 чертежа: планъ, поперечный и продольный разрѣзы и 2 чертежа скрѣповъ столбовъ.

Отдѣлъ II. Критика (стр. 601—628).

Въ этомъ отдѣлѣ помѣщены рецензіи на книги:

Ferd. Noack, Die Geburt Christi in der bildenden Kunst bis zur Renaissance. Darmstadt. 1894. Рец. J. Strzygowski (стр. 601—605).

Hieroclis Synecdemus. Recensuit *Augustus Burckhardt.* Leipzig, Teubner. 1893. Рец. G. Gundermann (стр. 605—607).

W. R. Lethaby & Harold Swainson, The church of Sancta Sophia, Constantinople. London & New-York. 1894. Рец. F. v. Reber (стр. 607—614).

Лѣтопись Ист.-Филологическаго Общества при Новороссійскомъ университетѣ. IV. Византійское отдѣленіе. II. Одесса. 1894. Рец. Ed. Kurtz (стр. 614—622).

Paul Weber, Geistliches Schauspiel u. kirchliche Kunst. Stuttgart. 1894. Рец Jos. Strzygowski (стр. 622—623).

Curtius Kirsten, Quaestiones Choricianae (въ Breslauer philol. Abhandl. B. VII, H. 2.). Breslau. 1894. Рец. Karl Praechter (стр. 623—627).

Jules Nicole, Le livre du préfet ou l'édit de l'empereur Léon le sage sur les corporations de Constantinople. Genève et Bale. 1894. Рец. William Fischer (стр. 627—628). (См. также рец. Neumann'a въ Deutsche Litteraturzeitung. 1895, № 25, стр. 780—781).

Rob. Forrer, Die frühchristlichen Altertümer aus dem Gräberfelde von Achmim-Panopolis. Strassburg. 1893. Рец. Jos. Sickenberger.

Отдѣлъ III. Библіографія и мелкія сообщенія.

Обращаемъ вниманіе читателей на слѣдующія указанныя редакціей книги и статьи:

По исторіи словесности:

Arthur Ludwich, Die Homerdeuterin Demo (въ Festschrift zum 50 jähr. Doctorjubiläum L. Friedländers. Leipzig. 1895, стр. 296—321).

Anton Rüger, Studien zu Malalas. Kissingen. 1895.

Th. Preger, Beiträge zur Textgeschichte der ΠΑΤΡΙΑ ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΥΠΟΛΕΩΣ. Programm des K. Maximiliangymnasiums in München für's Schuljahr 1894/5.

Dichtungen des Grosslogotheten Theodoros Metochites, herausgeg. v. M. Treu. Gymnasialprogramm. Potsdam. 1895.

По языку:

Tycho Mommsen, Beiträge zu der Lehre von den griechischen Präpositionen. Frankfurt a. M. — Berlin 1886—1895. Строго говоря, относится къ области классической филологіи; но есть много замѣчаній по языку и виз. эпохи.

Gust. Meyer, Neugriechische Studien, III & IV. (Sitzungsber. d. k. Akademie in Wien, phil.-hist. Classe, Bd. 132).

По богословію и церковной литературѣ:

Alexandri Lycopolitani contra Manichaeos disputatio ed. Augustus Brinckmann. Lipsiae, Teubn., 1895.

J. R. Asmus, Eine Encyclika Julians des Abtrünnigen und ihre Vorläufer. Ztschr. f. Kirchengesch. 16 (1895), 45—71. Авторъ полагаетъ, что 63 письмо Юліана, сочиненіе Κατὰ Γαλιλαίων (по содержанію) и большой фрагментъ у Гертлейна стр. 371 и слѣд. составляли первоначально одинъ большой декретъ Юліана-понтифика къ Θеодору, главному жрецу Азіи, изданный въ 363 г. въ Антіохіи.

J. R. Asmus, Julian und Dion Chrysostomos. Beilage zum Jahresbericht des Gymnasiums zu Tauberbischofsheim, 1895.

Sebastian Haidacher, Quellen der Chrysostomus-Homilie De perfecta caritate. Ztschr. f. kath. Theologie 1895, 387—389.

Pierre Batiffol, Un historiographe anonyme arien du IV-e siècle. Römische Quartalschrift 1895, 57—97. Авторъ сопоставляетъ указанныя Gwatkin'омъ въ Studies of Arianism отрывки анонимнаго аріанскаго историка, вошедшія въ Chronicon Paschale, и указываеть слѣды пользованія имъ у Филосторгія и бл. Θеодорита.

Josef Stiglmayr, Das Aufkommen der Pseudo-Dionysischen Schriften und ihr Eindringen in die christliche Literatur bis zum Lateranconcil 649. Ein zweiter Beitrag zur Dionysios-Frage. Feldkirch 1895. По выводамъ автора, сочиненія Псевдодіонисія возникли въ Сиріи въ концѣ V вѣка, и до 649 г. употреблялись гораздо больше монофизитами и моноθелитами, чѣмъ православными.

Hugo Koch, Der pseudepigraphische Charakter der dionysischen Schriften. Theol. Quartalschr. 77 (1895) 353—420. Основательное опроверженіе гипотезы Гиплера и Лангена; предположеніе Koch'а о зависимости Псевдо-Діонисія отъ Прокла доказано въ статьѣ.

Jos. Stiglmayr, Der Neuplatoniker Proclus als Vorlage des sogen. Dionysius Areopagita in der Lehre vom Übel. Hist. Jahrb. 16 (1895) 253—273. Продолженіе обѣщано.

Richard Raabe, Petrus der Iberer, Ein Characterbild zur Kirchen-und Sittengeschichte des 5. Jahrh. Syrische Ubersetzung einer um das Jahr 500 verfassten griechischen Biographie. Herausgeg. u. übersetzt von Richard Raabe. Leipzig. 1895.—Это Сирское жизнеописаніе Петра, монофиз. епископа Маюмы, опубликованное Раабе по рукописямъ: берлинской 321 (741 года) и британскаго музея Add. 12174 (1196 года), даетъ гораздо больше, чѣмъ было извѣстно до сихъ поръ изъ Захаріи Митилинскаго. Потерянный греческій подлинникъ цитуетъ Евагрій въ разсказѣ о посвященіи патріарха Тимоθея Александрійскаго.

Joh. Dräseke, Griechische bezw. byzantinische Kirchen-und Litteraturgeschichte. Ztschr. f. Kirchengesch. 15 (1895) 603—621, 626—628. Обзоръ 30 изслѣдованій по означенному предмету, изъ которыхъ 9 явились въ Ztschr. f. Kirchengesch.

По исторіи:

Otto Seeck, *Geschichte des Untergangs der antiken Welt.* Erster Band u. Anhang. Berlin. 1895. Свой предметъ, привлекающій несчетное множество изслѣдователей исторіи культуры, авторъ разбираетъ преимущественно съ политической стороны. Вышедшій томъ посвященъ Діоклетіану и Константину, исторіи войска, институту рабства и кліентелы, статистикѣ населенія и измѣненіямъ его состава.

По исторіи искусства, нумизматикѣ и эпиграфикѣ:

W. Ritter von Hartel u. Fr. Wickhoff, Die Wiener Genesis herausgeg. v. Mit 52 Lichtdrucktafeln. Роскошное изданіе древнѣйшей связно иллюстрированной греческой рукописи (46)—24 листа пурпуроваго пергамента, содержащее иллюстрированный текстъ книги Бытія, выпущенное какъ приложеніе къ XV и XVI тому Jahrbuch'a der kunsthistorischen Sammlungen des A. H. Kaiserhauses и отдѣльно, въ количествѣ 200 экземпляровъ. К. Крумбахеръ даетъ довольно подробное изложеніе текста изданія на стр. 639—643.

A. Geffroy (†), La colonne d'Arcadius à Constantinople d'après un dessin inédit. Monuments et Mémoires publiés par l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres 1895, стр. 99—130. Рисунокъ аркадіевой колонны, разрушенной въ 1720 г., найденъ покойнымъ авторомъ въ одной рукописи Національной Библіотеки XVII-го вѣка.

H. Grisar, Un prétendu trésor sacré des premiers siècles (le «Tesoro sacro» du chevalier Giancarlo Rossi à Rome). Rome, 1895. Авторъ доказываетъ вполнѣ убѣдительно, что «tesoro sacro»,— который иные (Revue de l'art chrétien 1893, 89—97) готовы были относить чуть не къ апостольскимъ временамъ,— поддѣлка новѣйшаго времени.

Carl Neumann, Über Kunst in Italien im 12-ten Jahrhundert. Neue Heidelb. Jahrb. 5 (1895) 1—17 и Preuss. Jahrb. 80 (1895) 212—229.

Обращаемъ вниманіе читателей на извѣщеніе о новомъ конкурсѣ на премію Христакиса-Зографа. Премія будетъ присуждена лучшему критическому изданію, по лучшимъ рукописямъ, сочиненій Прокопія, включая «Тайную Исторію». Сочиненія должны быть написаны по латыни, по гречески или по нѣмецки; срокъ подачи 31 декабря 1897 г.

На страницахъ 649—651 читатели найдутъ прочувствованный некрологъ почетнаго члена СПБ. университета, проф. Гавріила Спиридоновича Дестуниса († 19 марта 1895 г.), принадлежащій перу Э. Курца.

Рецензіи:

Spyr. Lambros, Catalogue of the greek manuscripts on Mount Athos, Cambridge. 1895. Рецензія **Wattenbach**'a въ Deutsche Litteraturzeitung, 1895, № 23, стр. 709—710.

Acta Martyrum et sanctorum (сиро-египетскихъ) edid. P. Bedjan. Tom. V. Paris & Leipzig, 1895. (Почти всѣ тексты новы). Рец. **Fr. Bäthgen** въ D. L. Z. 1895, 26, стр. 808.

Victor Schulze, Archäologie der altchristlichen Kunst. München. 1895. Рец. **Carl Frey** въ D. L. Z. 1895, № 33, стр. 1039—1044.

Paul Neff, Beiträge zur Lehre von der fraus legi facta in den Digesten. Berlin. 1895. Рец. **Hugo Krüger**, въ D. L. Z. 1895, № 33, стр. 1044—1045.

1895 г. 5 октября.

Б. Меліоранскій.

СЛАВЯНСКІЯ ЗЕМЛИ.

Болгарская литература.

Веселовскій, Молитва св. Сисинія и Верзилово коло.—Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1895, май.

Матовъ, Верзиуловото коло и навитѣ (Верзіулово коло и нави), въ Български Прѣгледъ, годъ II, кн. IX—X и отдѣльно. София. 1895.

Въ славянскомъ индексѣ отреченныхъ книгъ болгарскаго попа Іеремію обвиняютъ въ томъ, что онъ изолгалъ или выдумалъ нѣкоторыя басни: то Ієрєміа попа блъгар'скы из'лъгалъ; была въ навѣхъ на Бєрзиловѣ или Бєрзїоуловѣ колоу (варіантъ) [1]). Это выраженіе до настоящаго времени можно считать необъяснимымъ, загадочнымъ, несмотря на то, что было предложено нѣсколько объясненій со стороны лицъ, пользующихся извѣстностію въ наукѣ. Одни думали, что подъ Верзиловымъ или Верзіуловымъ коломъ нужно разумѣть Вельзевуловъ колъ, причемъ предлагали читать бывъ вмѣсто была, а въ навѣхъ объясняли: среди мертвыхъ, на томъ свѣтѣ, въ аду, на колѣ Вельзевула, предполагая, что Іеремію по смерти пронзили коломъ, какъ упыря [2]); или подъ коломъ здѣсь разумѣли не колъ, а коло въ южнославянскомъ значеніи, т. е. въ смыслѣ собранія; такимъ образомъ вышло бы: Іеремія былъ среди навій, т. е. злыхъ духовъ или въ Вельзевуловомъ собраніи [3]). Проф. Ягичъ въ Бєрзиловѣ или Бєрзїуловѣ колоу видѣлъ Вързино (Вързилово) коло, т. е. очарованный кругъ или колесо Вергиліево въ виду средневѣковаго преданія о Виргиліи-магѣ, и въ такомъ случаѣ приведенное выше славянское выраженіе означало бы: обучаться магіи, чернокнижію; въ хорватскомъ преданіи сообщается о такихъ выученикахъ, обучавшихся въ Болоньи: они вращали колесо съ тринадцатью спицами и на каждую изъ нихъ садится по человѣку; кто первый улетитъ, тотъ — настоящій грабан-

---

1) У Пыпина въ Лѣтописи занятій археографической коммиссіи. Ч. І. 1861. Спб., стр. 39—40, и у Калайдовича, Іоаннъ, экзархъ болгарскій. М. 1824, стр. 210, прим. 8.

2) Пыпинъ, тамъ же.

3) Соболевскій въ Русск. Филологическ. Вѣстникѣ, т. XXIII, (1890 года), стр. 79—80.

ціяшъ, волшебникъ, некромантъ. Можно было бы думать, что это преданіе послужило источникомъ слѣдующему народному повѣрью: подъ Велебитомъ лежитъ деревня *Vrzici* (Вързици или Врързици), подъ нею, на вершинѣ горы, находится мѣсто, гдѣ пляшутъ вилы, — это Vrzino kolo (Вързино или Врързино коло); всякій школяръ, побывающій тамъ, становится грабанціяшемъ, такъ какъ онъ сообщается съ вилами, чертями, а въ грозу управляютъ облаками. Отсюда къ навѣхъ слѣдовало бы истолковать въ значеніи демоновъ. Къ славянамъ это повѣрье о Виргиліи могло бы перейти чрезъ хорватовъ, т. е. къ сербамъ, а отъ этихъ къ болгарамъ [1]). Это мнѣніе съ самого появленія казалось болѣе остроумнымъ, чѣмъ правдоподобнымъ. Наконецъ, акад. А. Н. Веселовскій въ недавно напечатанной своей статьѣ: Молитва св. Сисинія и Верзилово коло, гдѣ онъ приводитъ новый матеріалъ для объясненія Верзилова или Верзіулова кола, даетъ новое объясненіе указанному выраженію. Свое толкованіе онъ основываетъ на собственномъ имени, встрѣчающемся до сихъ поръ лишь въ двухъ эѳіопскихъ текстахъ; по нему, это имя «рѣшаетъ загадку, связанную съ именемъ Іереміи, подробностію приписаннаго ему апокрифа; а я, говоритъ почтенный академикъ, только ставлю вопросъ. На «врзиномъ колу» хорватскаго повѣрья, гдѣ обучается грабанціяшъ-некромантъ, пляшутъ вилы. Вилы—маны, души умершихъ, нави; замѣтимъ, что въ болгарскомъ повѣрьѣ нави—злые духи женскаго пола, мучащіе родильницъ, какъ и новорожденныхъ мучатъ Γυλοῦ, Вѣщица греческихъ и славянскихъ (Авестица румынскихъ, прибавлю отъ себя) молитвъ св. Сисинія — *Верзелія* соотвѣтствующаго эѳіопскаго текста. Іеремія, съ именемъ котораго соединяютъ славянскую молитву Сисинія, былъ въ сонмищѣ *Верзеліи*, на *Верзиловомъ колу*, среди *навій* — вилъ, такихъ же злыхъ духовъ опасныхъ родильницамъ (стр. 232).

Ясно отсюда, что вопросъ о Верзиловѣ или Верзіуловѣ колѣ поднятъ въ послѣднее время акад. А. Н. Веселовскимъ, благодаря находкѣ имени *Верзелія* въ одной эѳіопской легендѣ-молитвѣ св. Сисинія, подобной греческимъ, славянскимъ и румынскимъ апокрифическимъ молитвамъ на отгнаніе злыхъ силъ или тресавицъ, т. е. лихорадокъ. Эта легенда-молитва сообщена академ. Веселовскому О. Э. Леммомъ [2]). Она начинается такъ:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, единаго Бога; во имя Бога Создателя, Живаго, Всевѣдущаго.

---

1) Die südslavischen Sagen von dem Grabanciaš djak und ihre Erklärung въ Archiv f. slav. Philologie, II, стр. 465.

2) До настоящаго времени эта легенда-молитва извѣстна въ двухъ эѳіопскихъ текстахъ изъ которыхъ одинъ изданъ съ англійскимъ переводомъ Карломъ Фрисомъ (Fries): The ethiopic legend of Socinius and Ursula въ Actes du VIII-me congrès internat. des orientalistes, tenu en 1889 à Stockholm et à Christiania. II-e partie. sect. sémit., 2-e fasc. Leide. 1893, стр. 61—67, а другой только во французскомъ переводѣ Бассэ (Basset): Les apocryphes éthiopiens. IV. Les légendes de s. Tërtag et de s. Sousnyos. Paris. 1894, стр. 38—42.

«Молитва св. Сусенія (Sûsenjôs), чтобы отвратить недуги отъ дѣтей, еще находящихся у груди матерей. Она помогаетъ всякой женщинѣ, такъ что ея дѣти остаются въ живыхъ: пусть напишетъ (эту молитву) и носитъ на себѣ, она окажется помощной по милости Господа, Великаго, Благословеннаго. Да спасетъ молитва и благословеніе святаго всякую, ее (молитву) носящую, отъ нападенія демона и отъ легіона, отъ рѣзи и боли въ животѣ, отъ удара и ломоты, отъ дурнаго глаза и изступленія (delirium), отъ случая (accident) и полудницы (the devil of midday heat), отъ горячки (typhus) и падучей, отъ воспаленія (pleurisy) и кровотеченія (issue of blood), отъ призраковъ и чумы (plague), отъ поноса (cholera) и лихорадки, отъ колдуновъ и знахарей и вѣдуновъ (metalmelters and falashas) и отъ лома въ спинѣ (sore back), и отъ всѣхъ злыхъ духовъ и людей, приготовляющихъ вредоносныя зелья (potions), и отъ всѣхъ нечистыхъ демоновъ да спасетъ и поможетъ (имя рекъ)».

Далѣе повѣствуется о Сусеніи, что онъ имѣлъ жену и дѣтей мужескаго пола, и о сестрѣ его Верзельи (Werzeljâ), которая убила его первенца и убѣжала. Жена плачетъ. Сусеній на конѣ и съ копьемъ въ рукахъ ищетъ сестру, которую, по указанію старухи, и находитъ въ саду, въ рощѣ, окруженную множествомъ злыхъ духовъ. Съ помощію молитвы онъ пріобрѣтаетъ силу надъ своею сестрою и пронзаетъ ее копьемъ въ правый бокъ, чтобы умертвить ее. Она же провѣщалась съ громкимъ воплемъ:

«Господинъ мой, святой Сусеній, заклинаю тебя семью степенями, сонмами архангеловъ: Михаила и Гавріила, Рафаила, Суріила, Садакьила, Ананьила, Фануила, вѣчно предстоящихъ Господу, Правителю міра на вѣки вѣковъ. Я съ своей стороны не буду ходить по путямъ, гдѣ обрѣтается имя твое, ни въ церковь и въ мѣсто, гдѣ люди поминаютъ его, пусть они живутъ тамъ всегда въ спокойствіи. И я не стану приносить вреда тамъ, гдѣ читаютъ твою книгу, и никому, кто читаетъ эту молитву. Будь то мужчина или женщина, малое дитя, юноша или старикъ, никогда я не поврежу имъ». За этимъ Верзелія умерла, а Сусеній вернулся въ Антіохію къ своей женѣ.

Изъ эѳіопскихъ текстовъ той же молитвы, переведенныхъ Бассэ [1]), одинъ близко отвѣчаетъ пересказанному выше; онъ взятъ изъ эѳіопскаго синаксаря, который въ свою очередь заимствовалъ его изъ синаксаря арабовъ-яковитовъ, гдѣ изложеніе пространнѣе. Другой эѳіопскій текстъ также начинается молитвой къ св. Сусніосъ оберечь грудныхъ младенцевъ; слѣдуетъ легенда о немъ и его сестрѣ Верзеліи (Ouerzeljâ), жертвой которой сталъ сынъ ея брата (Веселовскій, стр. 230) [2]). Дальнѣйшее до конца, какъ въ пересказанной выше легендѣ.

Акад. Веселовскій, вслѣдъ за Бассэ [3]), говоритъ: «Вѣроятнымъ кажется, что эта эѳіопская легенда и заклинаніе сложились въ Арменіи;

1) Les apocryphes éthiopiens. IV. Paris. 1894, стр. 38—42.
2) Les apocryphes éthiop. IV, стр. 16—18.
3) Basset, стр. 10—13.

каппадокійскіе святые имени Сисинія указываютъ и на Каппадокію (Малую Азію)» (стр. 230). Однако, армянской версіи молитвы онъ не знаетъ; но за то существуетъ грузинская [1]). Далѣе онъ объясняетъ, что и изъ Арменіи легенда-заклинаніе проникла въ Эѳіопію; «я предположу съ своей стороны, прибавляетъ онъ, что и на Балканскій полуостровъ» (тамъ же). Эти эѳіопскіе тексты даютъ акад. Веселовскому поводъ, хотя бы предположительно, подтвердить славянское преданіе о болгарскомъ попѣ Іереміи (стр. 231). Кромѣ того, въ подтвержденіе этому онъ приводитъ болгарскія повѣрья объ *ерменкахъ* (арманкахъ), — повѣрья, число которыхъ увеличивается сообщеніямъ проф. софійскаго высшаго училища (въ Болгаріи) Д. Матова, заглавіе котораго приведено въ началѣ этой замѣтки. Проф. Матовъ указываетъ на рядъ весьма интересныхъ болгарскихъ данныхъ о *навахъ*, извѣстныхъ еще подъ названіемъ *навяци*, *хунапи ерменки*, т. е. о духахъ, которые мучатъ родильницъ и отнимаютъ у нихъ дѣтей до крещенія, а также и о душахъ, умершихъ некрещеными, которыя, какъ извѣстно, носятъ названіе у македонскихъ болгаръ *кендо* вмѣсто *чендо* (отъ чадо) [2]). Этихъ духовъ онъ сопоставляетъ съ *навье, мавье*, *мовье мавки*, *майки* и *нейки* у нѣкоторыхъ другихъ славянъ, а именно первыя три у словинцевъ, а послѣднія у малоруссовъ. Эти данныя частію впервые обнародованы самимъ проф. Матовымъ прежде и теперь изъ устъ народа, частію же заимствованы имъ у другихъ (подробныя указанія смотри въ его студіи).

Въ виду всего этого въ вопросѣ о происхожденіи богомильства у болгаръ являются нѣсколько иныя стадіи, чѣмъ можно было предполагать. Слѣдовало бы думать, что манихейство было передано болгарамъ непосредственно отъ самихъ еретиковъ, переселенныхъ въ разное время византійскими императорами на Балканскій полуостровъ, а не черезъ посредство византійцевъ, и здѣсь эта ересь приняла форму богомильства. Если теперь обратиться отъ общихъ явленій къ частнымъ, то можно было бы думать, что и Сисиніевы молитвы и связанныя съ ними повѣрья могли перейти непосредственно отъ манихейцевъ къ болгарамъ, какъ и повѣрья о Верзиловѣ или Верзіуловѣ колѣ и навахъ. По видимому, проф. Веселовскій склоненъ думать, что и Верзелія могла перейти непосредственно отъ армянъ къ болгарамъ (ср. стр. 232). Но устно совершились эти переходы или путемъ книжнымъ, конечно, сказать трудно.

Проф. Веселовскій, высказывая приведенное выше объясненіе выраженія на Верзиловомъ или Верзїоуловомъ колоу, говоритъ, что «эта гипотеза предполагаетъ существованіе какого-нибудь южно-славянскаго текста, съ именемъ Верзиліи (?) какъ сестры Сисинія, и до-славянскаго оригинала молитвы съ тѣмъ же или сходнымъ именемъ», а оригиналъ, по нему, какъ мы знаемъ, могъ появиться на почвѣ армянской (тамъ же). Далѣе

---

1) Веселовскій, Разысканія въ области духовнаго стиха. VI, стр. 427 и слѣд.
2) У Драганова въ Русск. Филологич. Вѣстникѣ 1888, № 1, стр. 19.

онъ прибавляетъ: «мнѣ кажется, что «Верзелія» и «армянки» даютъ не лишніе моменты для разъясненія историческихъ отношеній, среди которыхъ привилась молитва Сисинія на южнославянской и румынской почвѣ» (стр. 233). Прекрасно! Но если согласиться съ выводами проф. Веселовскаго, то какъ объяснить греческіе заговоры отъ трясавицы, приводимые Львомъ Алляціемъ? [1]). Появились ли они на греческо-византійской почвѣ, или переведены съ армянскаго или эѳіопскаго, или съ славянскаго языка? И акад. Веселовскій, и проф. Матовъ эти вопросы оставили въ сторонѣ. Между тѣмъ они напрашиваются на вниманіе изслѣдователя. Самъ акад. Веселовскій указываетъ на Каппадокію, связанную съ именемъ Сисинія. Но кромѣ этого и въ греческихъ заговорахъ фигурируетъ имя Сисинія. Это съ одной стороны. Съ другой же представляется непонятнымъ, почему имя Верзеліи выпало изъ славянскихъ и румынскихъ молитвъ Сисинія, если дѣйствительно это имя можно отождествить съ именемъ, легшимъ въ основу *Верзиловъ* или *Верзіуловъ*? Не слѣдуетъ ли думать, что Верзелія могло выпасть на греческой почвѣ и до славянъ оно и не дошло книжнымъ путемъ? Наконецъ довольно необычными являются формы *Верзилово* и *Верзіулово* отъ Верзелія. Впрочемъ, это чувствуетъ и акад. Веселовскій (стр. 232). Не слѣдуетъ ли предположить еще форму *Верзіула* для формы *Верзіулово*? Быть можетъ, Верзіула ближе къ Ursula, къ которой приравниваютъ имя Верзелія? [2]). Вотъ вопросы, которые невольно напрашиваются при чтеніи интересныхъ статей акад. Веселовскаго и проф. Матова.

Не смотря на то, что быть можетъ соображенія и предположенія акад. Веселовскаго и данныя, собранныя проф. Матовымъ, служатъ до нѣкоторой степени къ выясненію выраженія на Верзиловомъ или Верзіоуловомъ колоу, мы все-таки не имѣемъ полнаго объясненія этого выраженія. Можно только сказать, что послѣднее объясненіе акад. Веселовскаго болѣе правдоподобно, чѣмъ прежнія. Слѣдовательно, новый матеріалъ для исторіи и объясненія сейчасъ приведеннаго выраженія далеко не лишній, но даже желателенъ.

Въ виду этого пользуюсь случаемъ привести здѣсь въ качествѣ новаго матеріала неизвѣстный до сего времени румынскій текстъ. Румынскій текстъ молитвы св. Сисинія извѣстенъ въ румынской письменности большею частію подъ именемъ Сисоя, такъ какъ онъ, т. е. текстъ представляетъ нѣкоторыя и притомъ довольно крупныя особенности въ сравненіи съ текстами, напечатанными у Хыждеу и у Гастера [3]), и вмѣстѣ двѣ-три черты, сближающія его съ эѳіопскимъ текстомъ. Настоя-

1) De templis Graecorum recentioribus. Colon. Agrip. 1645, стр. 133—135; отсюда и у Веселовскаго Разысканія, VI, стр. 89—96.

2) См. у Fries'а стр. 69, примѣч. 8.

3) Hâsdĕŭ, Кꙋвинте дї бътрѫни. II. Bucur. 1880, стр. 277—280. Gaster Chrestomathie Roumaine. Leipzig-Bucarest. 1891, I, стр. 6—7; II, стр. 171—172; ср. Literatura populară română. Bucur. 1883, стр. 394—399.

щій текстъ помѣщенъ въ принадлежащемъ мнѣ румынскомъ сборникѣ XVIII столѣтія, пріобрѣтенномъ въ Бессарабіи, который сборникъ потому я называю *Бессарабскимъ*. Вотъ эта молитва.

Молитва лȣі сфѫнтȣл Сісое.

ꙟтрȣ нȣмеле татълȣі ши ал фіюлȣл, ши ал сфѫнтȣлȣі дȣхȣ.

Еȣ робȣл лȣі Дȣмнезеȣ Сїсое погорѫндȣмъ дё мȣнтеле Елеѡнȣлȣі ꙟнтѫмпінаю пре авесгрица(sic) арипа сатані, кърȣѧ(sic) ꙟі ера пърȣа лȣнгȣ пѫ̑ ла кълкъе, ши кȣ̕ ѡкіі де фокȣ, ши кѫȣтѫтȣра сълбатикъ, кȣ трȣпȣл скимоноситȣ, ши мерџѣ фоарте стрѫмȣтатȣ. ши ѡ ꙟнтѫмпінъ пръ дѫнса архангелȣ міхаилȣ воеводȣ ꙟнџерескȣ ши ѡ възȣ ꙟнџерȣл ши зісе кътре дѫнса: стъі сатанъ кȣ фрика лȣі Дȣмнезеȣ. іаръ ѧ ꙟндатъ стътȣ ши гроазникȣ къȣтъ асȣпра ꙟцерȣлȣі. ши зісе ꙟнцерȣ: цїе зікȣ сатанъ, дȣхȣ некȣратȣ, съ̑ стаі кȣ фрика лȣі Дȣмнезеȣ, де ȣнде віі ші ȣнде мерџі ші кȣм ці нȣмеле тъȣ. іаръ ѧ зісе: мъ дȣкȣ <кȣ> але меле марі діеволеціі мещешȣгȣрі възȣте ші невзȣте, къ амȣ̕ аȣзітȣ де ѡ фечоаръ маріѧ, фата лȣі Іѡакімȣ ші Анаі (sic), къ пре ача фечоаръ ѡ аȣ вестітȣ архангелȣ Михаілȣ прё тоате четъціле ші сателе, пре кȣм дїтрача фечоаръ Марїѧ ва съ се наскъ Іс̃ȣ Хс̃ȣ назарінѧ̑ ꙟнпъра̑ а тоатъ лȣмѣ. ші мергȣ кȣ але меле марі діеволеціі мещешȣгȣрі възȣте ші невъзȣте. ка съ ѡ змінтескȣ пре ѧ, прекȣм а̑ маі змінтітȣ ші пре алтеле фемеі. пѫ̑ ꙟ зіѡа де астъзȣ кȣ але меле марі діеволеціі мещешȣгȣрі възȣте ші невъзȣте. Іар архангелȣ Міхаилȣ зісе: ачесте марі діеволеціі мещешȣгȣрі везȣте ші невъзȣте съ мі ле спȣі тоате пре анȣме. ші ѡ лȣѡ пре ѧ де пърȣл капȣлȣі еі ші ѡ бътȣ пре ѧ кȣ бътълїе де фокȣ. ші <ꙟі> ꙟнпȣнсе коаста еі кȣ палошȣ ші ѡ бътȣ кȣ бастоане де ȣстȣріме. кȣ фрікъ ка се спȣе тоате пре анȣме але еі марі діеволеціі мещешȣгȣрі възȣте ші невъзȣте. Іар ѧ стріга кȣ амарȣ ші съ рȣга ка съ ѡ маі ꙟнчетезе дї бътае, къ иле ва спȣне тоате пре анȣме, зікъндȣ: еȣ мъ факȣ мȣскъ. еȣ мъ факȣ асінȣ. еȣ мъ факȣ ѡгарȣ. еȣ мъ факȣ пъѧжінȣ. еȣ мъ факȣ капръ ші тоате нълȣчіреле възȣте ші невъзȣте. ші мергȣ де змінтескȣ маічіле лор кънд сѫнтȣ ꙟнгреȣете кȣ дȣншіі ші ле іаȣ копіі ші ле стрѫмȣтȣ фаца лор ꙟ̑ сомнȣ дорміндȣ. ші маі таре мъ апропіе де каре ѧ маі алтор віте, ші де каре ѧсте фърмекътоаре, ші де каре каȣтъ кȣ стѣѡа, саȣ кȣ чара. саȣ кȣ пъіне. саȣ кȣ плȣмбȣ. саȣ кȣ сіта. саȣ кȣ періѧ. саȣ кȣ бобіі. саȣ каре нȣ ціне ꙟн дрептате кȣ соцȣл съȣ. ші де каре фатъ есте ꙟнгреȣатъ ші ѡ бате пре тотȣ трȣпȣл еі. ші де ачеѧ мъ апропію маі таре де кътȣ де алте фъмеі кȣрате. ші амȣ̕ ѳі̃. нȣме. че̑ дінтъю авестіца. в. кадарȣ. г.

самоміѧ. д. надара. є. кікорȣ. ѕ авиза. ӡ. ксарманȣ. и. стіха ѳ. пȣха[1]. ді. злата. ві. гліпіна. гі. наєвора. ді. воха. єі. злаѧ. ѕі. нержȣца. ӡі. сестра. ні. дефка. ѳі. тіѧ. ши ачесте нȣме але меле. мергȣ де змінтескȣ фъмеіле. ши ȣнде съ афлъ ачесте нȣме але меле скрісе. єȣ аколо нȣ мъ почȣ апропіѧ. ши ꙗтъ къці даȣ ціє запісȣл меȣ, мȣнчіторȣле, каріле мъ мȣнчещі пре міне. ка ѡрі ȣнде сар афла ачестȣ запісȣ а҃ міеȣ. ла ѡрі каре крещі҃[2]. єȣ аколо нȣ мъ почȣ апропіѧ де шапте міле де локȣ. ши нічі ѡ трѣбъ ла ча касъ нȣ а҃ ши ла тоате але касіі ачеѧ, ȣнде сар гъсі ачестȣ запісȣ а҃ міеȣ кȣ ачесте кȣвінте але меле. ши зісе єі ꙟнцерȣл: ꙗтъ къці порȣнческȣ сатанъ дȣхȣ некȣратȣ ши те легȣ кȣ нȣмеле лȣі Іс҃ȣ Хс҃ȣ назаріна҃. кареле саȣ нъскȣтȣ ді҃ сфънта фечоаръ Маріѧ. тȣ сата҃ дȣхȣ некȣра҃, съ нȣ те апропіі де каса лȣі Дȣмнезеȣ, нічі де дънсȣл, нічі де фечорі лȣі, нічі де вітеле лȣі, нічі де бȣкателе лȣі, нічі де тоате, къте съ вор нȣмі але лȣі, пъ҃ ꙟ҃ вечіі вечілор. амі҃.

Русскій переводъ.

Молитва св. Сисоя. Во имя Отца и Сына и Св. Духа.

Я, рабъ Божій Сисой, сходя съ горы Елеонской, встрѣтилъ Авесгрицу, крыло сатаны, волосы которой были длиною до пятокъ, съ огненными глазами, съ дикимъ взглядомъ, съ обезображеннымъ тѣломъ; шла она очень криво. И встрѣтилъ ее архангелъ Михаилъ, воевода ангеловъ; и ангелъ, увидѣвъ ее, сказалъ ей: стой, сатана, со страхомъ Божіимъ. Она сразу остановилась и грозно посмотрѣла на ангела; и сказалъ ей ангелъ: тебѣ говорю, сатана, нечистый духъ, чтобы ты мнѣ сказала со страхомъ Божіимъ, откуда идешь и куда идешь и какъ тебя зовутъ. А она сказала: иду съ моимъ большимъ діавольскимъ искусствомъ видимымъ и невидимымъ, такъ какъ я услышала объ одной дѣвицѣ Маріи, дочери Іоакима и Анны,—что объ этой дѣвицѣ извѣстилъ архангелъ Михаилъ по всѣмъ городамъ и селамъ, что изъ этой дѣвицы Маріи родится Іисусъ Христосъ Назарянинъ, царь всего міра, и иду съ моимъ большимъ діавольскимъ искусствомъ, видимымъ и невидимымъ, чтобы ее повредить подобно тому, какъ я повредила и другихъ женщинъ до сего дня съ моимъ большимъ діавольскимъ искусствомъ видимымъ и невидимымъ. А архангелъ Михаилъ сказалъ: это большое діавольское искусство видимое и невидимое ты мнѣ сообщи вполнѣ и подробно. И схватилъ онъ ее за головные волосы и билъ ее огненными ударами, и пронзилъ бокъ ея мечемъ и билъ ее больно палками, такъ что она отъ страха сообщила вполнѣ и подробно свое большое діавольское искусство видимое и невидимое. И она люто кричала и умоляла, чтобы онъ оставновилъ удары, потому что она сообщитъ все подробно, говоря: я оборачиваюсь въ муху, я оборачиваюся въ осла, я оборачиваюсь въ борзую со-

1) 10-е имя въ рукописи пропущено.

2) Въ рукописи: крікі҃.

баку, я оборачиваюсь въ паука, я оборачиваюсь въ козу и во всѣ привидѣнія видимыя и невидимыя, и хожу и повреждаю ихъ(sic) матерей, когда онѣ беремены ими и отнимаю у нихъ дѣтей, и оборачиваю лица ихъ во снѣ, когда онѣ спятъ, и больше всего я приближаюсь къ тѣмъ, которыя портятъ чужой скотъ, къ тѣмъ, которыя чародѣйки, къ тѣмъ, которыя смотрятъ (гадаютъ) по звѣздамъ или гадаютъ на воскѣ, или на хлѣбѣ, или на оловѣ, или на ситѣ, или на щеткѣ, или на бобахъ, или къ тѣмъ, которыя не живутъ по правотѣ съ своими мужьями, или къ такой дѣвушкѣ, которая беремена, и бьетъ ее по всему ея тѣлу, и къ такимъ я приближаюсь больше, чѣмъ къ другимъ чистымъ женщинамъ, и у меня 19-ть именъ: первое Авестица, 2. Кадаръ, 3. Саномія, 4. Надара, 5. Кикоръ, 6. Авиза, 7. Ксарманъ, 8. Стиха, 9. Пуха, 11. Злата, 12. Глипина, 13. Наевора, 14. Воха, 15. Злая, 16. Нержуца, 17. Сестра, 18. Дефка, 19. Тія. Эти мои имена ходятъ и повреждаютъ женщинъ. Но гдѣ находятся записанными эти мои имена, туда я не могу приблизиться. И вотъ я даю мою запись (т. е. списокъ моихъ именъ) тебѣ, мучитель, который мучишь меня,— что гдѣ бы ни находилася моя запись, у какого-бы то ни была христіанина, я туда не могу приблизиться, какъ только на семь миль, и никакого дѣла въ такомъ домѣ у меня нѣтъ, а также нѣтъ мнѣ дѣла и ни до чего изъ того, что принадлежало бы тому дому, въ которомъ находилась бы эта моя запись съ этими словами моими. И сказалъ ей ангелъ: вотъ, я повелѣваю тебѣ сатана, нечистый духъ, и связываю тебя именемъ Іисуса Христа Назарянина, который родился отъ святой Дѣвы Маріи, чтобы ты сатана, нечистый духъ, не приблизилась къ дому Господню, ни къ нему (т. е. имя рекъ), ни къ его отрокамъ, ни къ его скоту, ни къ его имуществу, ни ко всему тому, что считается ему принадлежащимъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

Сербская литература.

Франиħ, Стање Балканског полуострва на освитку XIII вијека (Состояніе Балканскаго полуострова въ самомъ началѣ XIII вѣка), въ Гласникѣ земаљског музеја у Босни и Херцеговини. VII. 1895, 1.

«По смерти царя Мануила Комнина (1143—1180 гг.) отошли навсегда балканскіе славяне изъ-подъ византійской власти. Мануилъ былъ послѣднимъ царемъ, который покушался обратить всѣ балканскія земли въ свои провинціи. Вмѣстѣ съ нимъ падаетъ и послѣдняя яркая звѣзда съ византійскаго неба. За плечами Восточнаго царства поднимается молодая болгарская держава. Въ самомъ сердцѣ Восточнаго царства неестественно внѣдрилось новое Латинское царство (1204 — 1261 гг.). На развалинахъ послѣдняго была опять обновлена греческая держава, но такъ слабо, что царь Душанъ уже намѣревался сѣсть на цареградскій престолъ». Такъ начинаетъ г. Франичъ свои очерки по исторіи южныхъ славянъ подъ приведеннымъ выше заглавіемъ. Далѣе онъ продолжаетъ: «Мы имѣемъ въ виду освѣтить состояніе Балканскаго полуострова въ самомъ началѣ XIII в. и въ связи съ этимъ и отношенія папы Иннокентія III

къ балканскимъ славянамъ. Это, безъ сомнѣнія, самый занимательный моментъ въ исторіи всего Балканскаго полуострова. Это былъ моментъ преобразованія и возникновенія державъ на Балканахъ подъ мощною эгидою и защитою великаго папы Иннокентія III, который вступилъ на папскій престолъ въ 1198 году, какъ разъ въ то время, когда сами византійскіе цари помогали латинамъ покорить Византію. Балканскій полуостровъ тогда съ точки зрѣнія и политической и религіозной совсѣмъ преобразился». Въ этихъ словахъ ясно видна точка зрѣнія г. Франича на обсуждаемые имъ вопросы изъ исторіи южныхъ славянъ. Онъ разсматриваетъ тогдашнее состояніе А. Болгаріи, Б. Сербіи, В. Босніи и патеренства, богомильства, разсуждаетъ Д. о взятіи Задра (Zara) и Царьграда или о «Четвертой крестовой войнѣ»; здѣсь онъ останавливается на 1. взятіи Задра и положеніи дѣлъ въ Хорватіи и на 2. взятіи Царьграда и на положеніи дѣлъ въ Восточномъ царствѣ, и въ заключеніи онъ говоритъ нѣсколько словъ о Е. папѣ Иннокентіи III и о результатахъ его политики по отношенію къ славянамъ. Сообразно съ этимъ, онъ изъ каждаго разбираемаго имъ вопроса дѣлаетъ отдѣльный очеркъ. Всѣхъ такихъ очерковъ, такимъ образомъ, у него получается пять.

Первый очеркъ г. Франичъ начинаетъ словами: «Въ началѣ X вѣка палъ Царьградъ и царь римскій (по всей вѣроятности, палъ) [1]) на колѣна предъ болгарскимъ царемъ Симеономъ (894—927 гг.), самымъ сильнымъ и самымъ выдающимся властителемъ, какой только когда-либо появлялся у южныхъ славянъ. Въ Симеоновыхъ рукахъ была великая будущность балканскихъ славянъ, но онъ мирно выпустилъ ее изъ рукъ, и что было въ это самое интересное время потеряно, больше не возвращалось. Симеонъ поставилъ основаніе греко-славянскому царству на развалинахъ монархіи Константина Великаго, а Василій II (976—1025 гг.) отнялъ его у его слабыхъ наслѣдниковъ и Болгарское царство подпадаетъ подъ византійское господство (1018—1019 гг.)». И это послѣ греко-славянскаго царства на развалинахъ монархіи Константина Великаго! Г. Франичъ, по видимому, составилъ свои очерки на основаніи источниковъ, если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, главнѣйшихъ; но трудно догадаться, на основаніи чего онъ написалъ всю эту тираду о царѣ Симеонѣ, объ основаніи имъ греко-болгарскаго царства и о времени его царствованія. Онъ не могъ найти ничего подобнаго ни у Гильфердинга, ни у Дринова,—на которыхъ, кстати сказать, г. Франичъ не ссылается,— которые о Симеонѣ писали довольно подробно и особенно Дриновъ, а за нимъ и Иречекъ. Дѣйствительно, правленіе Симеона въ Болгаріи было славно; но никогда никакой императоръ византійскій не падалъ предъ нимъ, т. е. Симеономъ, на колѣна и греко-славянскаго царства Симеонъ не основалъ. Быть можетъ, слова г. Франича о Симеонѣ нужно понимать нѣсколько иноскательно.

---

1) Слова, заключенныя въ скобки, принадлежатъ мнѣ.

Сказавъ за этимъ два-три слова о возстановленіи Болгарскаго царства, главнымъ образомъ, на основаніи Иречка, Голубинскаго и Успенскаго, при чемъ перваго г. Франичъ почему-то относитъ къ числу восточныхъ писателей(sic), онъ останавливается на сношеніяхъ Калояна съ папою Иннокентіемъ III, объясняя эти сношенія тѣмъ, что болгарскій властитель считалъ Византію злѣйшимъ врагомъ болгарскаго народа и престола. Свое изложеніе этихъ сношеній онъ основываетъ на документахъ, собранныхъ у Тейнера. Было бы весьма полезно г. Франичу познакомиться для этой цѣли съ обстоятельною статьею покойнаго профессора Макушева: Болгарія въ концѣ XII и началѣ XIII вѣковъ [1]).

Насколько неудаченъ первый очеркъ г. Франича, настолько хорошъ второй. Этотъ очеркъ изложенъ безъ многословія, но тѣмъ не менѣе обстоятельно. По всему видно, что г. Франичъ основательно знакомъ и съ источниками и съ литературой предмета; однимъ словомъ онъ здѣсь, что называется, у себя дома. Послѣ краткаго введенія о состояніи сербовъ съ политической и церковной точекъ зрѣнія авторъ переходитъ къ изображенію отношеній сыновей Немани, Вукана или Волкана, великаго князя зетскаго, и великаго жупана Стефана, а главнымъ образомъ сношеній перваго съ римскимъ папою и роли послѣдняго въ политическихъ и церковныхъ дѣлахъ сербовъ и угровъ, въ концѣ разъясняется, что выигралъ папа отъ этихъ сношеній.

Почти тоже можно сказать о третьемъ очеркѣ. Изложивъ вкратцѣ исторію возникновенія богомильства въ Болгаріи и распространенія богомиловъ въ другіе края Европы подъ названіями патареновъ, катаровъ, альбигойцевъ и другими, г. Франичъ останавливается подробнѣе на патаренахъ боснійскихъ, главнымъ образомъ, времени бана Кулина и на сношеніяхъ послѣдняго съ папою Иннокентіемъ по поводу распространенія и утвержденія патареновъ въ Босніи вслѣдствіе жалобы на него папѣ со стороны зетскаго князя Вукана и на результатахъ этихъ сношеній. Не вѣрно думаетъ онъ, что попъ Богомилъ и Іеремія одно и то же лицо. Что эти еретики — два отдѣльные лица, въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію, особенно послѣ работы профессора М. И. Соколова) [1]), хотя съ мнѣніемъ его, — что Іеремія не еретикъ, — можно и не согласиться. За то у г. Франича находимъ нѣсколько мѣткихъ замѣчаній, которыя, кстати сказать, онъ дѣлаетъ не всегда на основаніи собственныхъ изслѣдованій вопроса. Мнѣ кажется, г. Франичъ довольно вѣрно замѣчаетъ: «Весьма интересно, что папскій посланникъ называетъ Боснію regnum .... Не послѣдовалъ ли Кулинъ примѣру болгаръ и сербовъ, чтобы испросить у папы корону или, можетъ быть, объ этомъ что нибудь говорилось въ Римѣ?» Не менѣе вѣрно, что «въ Босніи тогда (т. е. во

1) Въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ 1873, № 3.

2) Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ. Вып. I. М. 1888, *стр.* 112—142.

времена бана Кулина) были три главныя вѣроисповѣданія: римско-католическое, греко-восточное и патаренское, которое до появленія турокъ было открытою и до нѣкоторой степени народною вѣрою. Когда въ 1463 г. османы завоевали Боснію, стали господствовать здѣсь и магометане, которые имѣли перевѣсъ надъ христіанскою вѣрою, а патаренство превратилось въ магометанство и исчезло навсегда». Но объясняя причины успѣховъ патаренства среди простаго народа, г. Франичъ между прочимъ говоритъ, что эта секта служила до нѣкоторой степени «срединою между язычествомъ и христіанствомъ. Въ отверженіи іерархіи (разумѣется, христіанской) просвѣчивалъ нѣкоторый патріархальный демократизмъ, который во многомъ соотвѣтствовалъ древнѣйшему устройству славянской земли и общины. Что же касается соціальной отношеній совмѣстной жизни, то богомильство было проникнуто принципомъ братства и равенства». Во всякомъ случаѣ, если эти слова не вполнѣ точны, то въ нихъ нельзя не видѣть нѣкоторой доли правды.

Картинно, хотя и кратко, изображены приготовленія крестоносцевъ четвертаго похода къ отправленію на востокъ, роль папы и Венеціи въ этихъ приготовленіяхъ, взятіе Задра и Константинополя, основаніе Латинской имперіи, особенно разгромъ и разграбленіе столицы Византіи и наконецъ столкновеніе латинянъ съ болгарами и послѣдствія этого столкновенія. За то здѣсь остаются въ тѣни греки и ихъ отношенія къ сосѣдямъ. Такимъ образомъ г. Франичъ опять вернулся къ тому, съ чего онъ началъ, т. е. къ болгарамъ; здѣсь онъ разсказываетъ, какъ сошли со сцены болгарскій царь Калоянъ послѣ разгрома франковъ и венеціанскій дожъ, престарѣлый Генрихъ Дандоло, и весьма кратко о царѣ болгарскомъ Борисѣ II (1207—1217 гг.) и о судьбѣ Латинской имперіи.

Послѣдній очеркъ, если только можно назвать очеркомъ очень необширное резюме церковной политики папы Иннокентія III, служитъ заключеніемъ всей статьи. Здѣсь авторъ между прочимъ говоритъ слѣдующее: «Извѣстно намъ, какъ франкское и венеціанское оружіе нанесло смертельный ударъ въ сердце восточнаго царства, и цареградскую патріаршую столицу, которая переговаривалась съ Римомъ, привело подъ власть папы, которой (т. е. власти) подчинялся тогда весь Балканскій полуостровъ. Князь Левъ въ Арменіи ставитъ себя, а также и свою землю подъ римское господство. Иннокентій обратился и къ Румыніи (sic) и къ Руси,—чтобы и онѣ признавали первенство римскаго апостольскаго престола. Его *credo*,—чтобы была одна церковь, чтобы онъ управлялъ міромъ. Этому онъ посвятилъ свою жизнь».

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе очерковъ г. Франича. Въ нихъ, какъ можно было замѣтить изъ моего изложенія, онъ ничего не даетъ новаго ни въ фактическомъ отношеніи, ни относительно разработки.

П. Сырку.

3. Новыя книги, поступившія въ Редакцію.

Иванъ Андреевъ, Константинопольскіе патріархи отъ времени Халкидонскаго собора до Фотія (Хронологія этихъ патріарховъ и очерки жизни и дѣятельности важнѣйшихъ изъ нихъ). Выпускъ I. Сергіевъ посадъ. 1895. Цѣна 2 рубля.

Іеромонахъ Іоаннъ, Обрядникъ византійскаго двора (De caeremoniis aulae Byzantinae), какъ церковно-археологическій источникъ. Москва. 1895. Цѣна 2 рубля.

Анатолій Спасскій, Аполлинарій Лаодикійскій. Историческая судьба сочиненій Аполлинарія съ краткимъ очеркомъ его жизни. Сергіевъ посадъ. 1895. Цѣна 3 рубля.

Епископа Порфирія Успенскаго Книга бытія моего. Дневникъ и автобіографическія записки. Часть II. Года 1844 и 1845. Подъ редакціею П. А. Сырку. СПБ. 1895. Цѣна 4 рубля.

М. Соловьевъ, Святая Земля и Императорское Православное Палестинское Общество. СПБ. 1895.

И. И. Дурново, Имѣютъ ли Болгары историческія права на Македонію, Ѳракію и Старую Сербію. Москва. 1895.

Алексѣй Дмитріевскій, Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ библіотекахъ православнаго востока. Томъ I. Τυπικά. Часть I. Памятники патріаршихъ уставовъ и ктиторскіе монастырскіе типиконы. Кіевъ. 1895. Цѣна 7 руб. 50 коп.

Д. В. Айналовъ, Мозаики IV и V вѣковъ. Изслѣдованія въ области иконографіи и стиля древне-христіанскаго искусства. СПБ. 1895.

Gustav Weigand, Die Aromunen. Ethnographisch-philologisch-historische Untersuchungen über das Volk der sogenannten Makedo-Romanen oder Zinzaren. Bd. I. Land und Leute. Leipzig. 1895.

Geoponica sive Cassiani Bassi scholastici de re rustica eclogae. Recensuit Henr. Beckh. Lips. Teubner. 1895. Цѣна 10 мар.

H. Lübke, Neugriechische Volks-und Liebeslieder. Berlin, S. Calvary u. C°. 1895. Цѣна 4 мар.

V. Ermoni, C. M., De Leontio Byzantino et de eius doctrina christologica. Paris. 1895. Цѣна 6 фр.

Émile Legrand, Dossier Rhodoconakis. Étude critique de bibliographie et d'histoire littéraire. Paris, Alphonse Picard. 1895. 8°.

Émile Picot, Coup d'oeil sur l'histoire de la typographie dans les pays Roumains au XVI-e siècle. Paris. 1895. (Extrait du Centenaire de l'École des langues orientales vivantes).

W. M. Ramsay, The cities and bishopries of Phrygia. Vol. I. The cos Valley and South-western Phrygia. Oxford. 1895. Цѣна 18 шилл.

Monumenta confraternitatis Stauropigianae Leopoliensis, edidit Dr. Wladimirus Milkowicz. Tomus I. Pars I, continens diplomata et epistolas ab anno 1518—1593. Leopolis 1895.

Д-ра Кирилла Студиньскаго «Адельфотес» граматика выдана у Львові в р. 1591. Львів. 1895. (Отд. отт. изъ «Записокъ Наук. Тов. ім. Шевченка». т. VII).

Српска Краљевска Академија. Споменик XXIX. Ст. Новаковића:
I. Пшињски поменик.
II. Апокрифско житије свете Петке.
III. Живот св. Василија Новог.

Д-ръ Л. Милетичъ, Повѣсть за падението на Цариградъ въ 1453 година. София. 1895. (Отд. отт. изъ «Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина», кн. XII).

А. Шоповъ, Изъ новата история на Българитѣ въ Турция. Пловдивъ. 1895. Цѣна 5 гр.

Д. Матовъ, Верзнуловото коло и навитѣ. Приносъ къмъ българския фолклоръ. София. 1895. (Отд. отт. изъ «Български Прѣгледъ», кн. IX—X).

Г. Димитровъ, Княжество България въ историческо, географическо и етнографическо отношение. Часть I. Пловдивъ. 1895.

Ghenadie, Episcop Rîmniculuĭ noul Severin. Evangheliile. Studii istorico-literare. Bucureştĭ. 1895.

'Α. Παπαδοπούλου-Κεραμέως, Θεοδωρήτου ἐπισκόπου πόλεως Κύρρου πρὸς τὰς ἐπενεχθείσας αὐτῷ ἐπερωτήσεις παρά τινος τῶν ἐξ Αἰγύπτου ἐπισκόπων ἀποκρίσεις ἐκδιδόμεναι κατὰ κώδικα τῆς δεκάτης ἑκατονταετηρίδος. Ἐν Πετρουπόλει. 1895. (Отд. отт. изъ «Записокъ Ист.-Филол. Фак. Имп. СПБ. Университета»).

Ἰωάννου Ἀ. Ῥωμανοῦ, Περὶ τοῦ δεσποτάτου τῆς Ἠπείρου. Ἱστορικὴ πραγματεία. Ἐν Κερκύρᾳ. 1895.

Ἀρχιμ. Ἀποστόλου Χριστοδούλου, Πατρολογία ἢ Ἐκκλησιαστικὴ Φιλολογία. Τομ. Α'. Ἐν Κ/πόλει. 1894. Цѣна 2 руб.

Εὐστρατίου Ἰ. Δράκου, Τὰ Μικρασιανά, ἢ αἱ Ἑκατόνησοι τανῦν Μοσχονήσια. τεῦχ. Α'—Β'. Ἀθήνησι (leg. Σμύρνῃ). 1895.

Νέα συλλογὴ παραμυθίων ἀστείων καὶ περιέργων. Ἐν Ἀθήναις, Ἀνεστ. Κωνσταντινίδης. 1895.

Κωνστ. Π. Ι. Λάμπρου, Περὶ Σικυῶν καὶ Σικυάσεως παρὰ τοῖς ἀρχαίοις. Ἀθήνησι. 1895.

Παύλου Γ. Βλάστου, Ὁ γάμος ἐν Κρήτῃ. Ἤθη καὶ ἔθιμα Κρητῶν. Ἐν Ἀθήναις. 1893.

Δημητρίου Χ. Σεμιτέλου, Ἑλληνικὴ μετρική. Ἀθήνησιν. 1894.

Ὁ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικὸς Φιλολογικὸς Σύλλογος. Τόμος ΚΔ' καὶ ΚΕ'. Ἐν Κ/πόλει. 1895.

ОТДѢЛЪ III.

Βογομιλικά. Λέων ὁ Ἀλλάτιος ἐξ ἀγνώστου νῦν ἀντιγράφου τύποις εἶχεν ἐκδοὺς ἐκ πολλοῦ τέσσαρα συνοδικὰ σημειώματα τοῦ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου Μιχαὴλ τοῦ Ὀξείτου, πρὸς τὴν ἱστορίαν τῆς τῶν Βογομίλων αἱρέσεως ἀναφερόμενα· ὧν τὸ δεύτερον συνταχθὲν ἔτει 1143-ῳ ἐπιγέγραπται ὧδε· «Σημείωμα, δι' οὗ διεγνώσθησαν οἱ τὴν τῆς ἐπισκοπῆς ἀξίαν προαφαιρεθέντες, ὡς παρὰ κανόνας χειροτονηθέντες, ὅ τε Σωσάνδρων μοναχὸς Κλήμης καὶ ὁ Βαλβίσης Λεόντιος, ἐξ ἀναφορᾶς τοῦ ἱερωτάτου μητροπολίτου Τυάνων κυροῦ Βασιλείου, τῆς τῶν Βογομίλων ὄντες μυσαρωτάτης αἱρέσεως» [1]). Τοῦτο δὲ καὶ τὰ λοιπὰ τρία σημειώματα μετετύπωσαν ἀπαραλλάκτως οἱ ἐκδόται τοῦ ἀθηναϊκοῦ Συντάγματος τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων, ἔνια πρότερον ἀσήμαντά τε καὶ φανότατα τῆς Ἀλλατίου μεταγραφῆς ἁμαρτήματα διορθώσαντες ὡς ἔδει [2])· ἄλλα δέ τιν' ἁμαρτήματα, σημαντικά, καὶ μάλιστα τὰς ἐν τῷ δευτέρῳ σημειώματι μεμηνυμένας ἐλλείψεις [3]), διὰ τὸ μὴ δεδυνῆσθαι δευτέρου παλαιοῦ κώδικος αὐτοὺς ἐκπορίσασθαι, κατέλιπον ὡς εἰκὸς ἀδιόρθωτα. Ἐπεὶ δ' ἐγὼ τύχῃ ἀγαθῇ τοιοῦτον εὗρον ἐκ πολλοῦ κώδικα μεμβράνινον, περὶ τὸ τέλος, ὡς οἶμαι, γραφέντα τῆς δυοκαιδεκάτης ἑκατονταετηρίδος καὶ τὰ ῥηθέντα σὺν ἑτέροις ἐμπεριχλείοντα συνοδικὰ σημειώματα [4]), νῦν ἄσμενος τὸ παρά τε τῷ Ἀλλατίῳ καὶ τοῖς Ἀθηναίοις ἐκδόταις τὴν δευτέραν τάξιν ἐπέχον σημείωμα διορθῶ τε καὶ συμπληρῶ δημοσίᾳ. Καὶ πρῶτον μὲν σημειωτέον, ὅτι τὸ ἐν τῇ ἐπιγραφῇ τοῦ σημειώματος ἐπισκοπῆς ὄνομα Σωσάνδρων, ὅπερ οὕτως ὁ Ἀλλάτιος ἀνέγνω, κατὰ τὸν εὑρεθέντα παλαιὸν ἡμῶν κώδικα διορθωτέον εἰς Σωσανδῶν· τοῦτο δέ, καθὰ ῥηθήσεται καὶ κατωτέρω, δεύτερον ἔγγραφον ἀποδίδωσι τῷ τύπῳ Σωσανδᾶ. Καὶ Σωσάνδρου μὲν ἢ Σωσάνδρων ἐπισκοπὴ γνωστή ἐστιν ἐκ παλαιοῦ, ἀλλ' ἦν αὕτη τῷ μητροπολίτῃ Σμύρνης ὑποκειμένη [5]), οὐχὶ δὲ τῷ σφόδρα

1) Leonis Allatii de ecclesiae Occidentalis atque Orientalis perpetua consensione libri tres. Coloniae Agrippinae 1648, σ. 674—676.

2) Ῥάλλη καὶ Ποτλῆ συντάγμ. τ. V, Ἀθήν. 1855, σ. 85—88.

3) Allatii σ. 676. Συντάγμ. σ. 87.

4) Κῶδ. 11 τῆς μονῆς Κοσινίτζης, φ. 282 κἑ.

5) G. Parthey not. 3, 626. 10, 710.

μακρὰν αὐτῆς ἀπέχοντι μητροπολίτῃ Τυάνων. Εὔδηλον οὖν, ὅτι τῷ Σωσανδῶν ἢ Σωσανδᾶ ὀνόματι ζητητέον ἐπισκοπὴν ἑτέραν· ὅμως δ' ἐν ταῖς γνωσταῖς ἡμῖν ἤδη τῶν Τυάνων ἐπισκοπαῖς οὐχ εὑρίσκεται Σωσανδῶν ἐπισκοπὴ καταγεγραμμένη· τοῦτ' αὐτὸ σημειωτέον καὶ περὶ τῆς ἑτέρας τοῦ Τυάνων ἐπισκοπῆς, τῆς Βαλβίσσης, ἣν ὁ κῶδιξ ὁ ἡμέτερος ἐνταῦθα μὲν ἀναγράφει μονῷ σίγματι, ἐν δ' ἑτέρῳ τόπῳ ὀνομάζει Βαλβίβλω(ν)· καὶ ταύτην γὰρ ἀγνοοῦσιν αἱ τῶν ἀρχαίων ἐπισκοπῶν ἀναγραφαί. Ῥητέον δὲ νῦν καὶ ταῦτα· ὅτι τὸ κατὰ τὴν ἔκδοσιν Ἀλλατίου «εὐλαβῆ αὐτοῦ Λέοντα» συμπληρωτέον, ὡς ὁ κῶδιξ ὁ ἡμέτερος ἐθέλει, εἰς «εὐλαβῆ κληρικὸν αὐτοῦ Λέοντα», τὸ δὲ πολὺ κατόπι «γαμετῶν» διορθωτέον εἰς «γυναικῶν»· ὡσαύτως καὶ τὸ «τοῦ Λέοντος ἀποδειχθέντος» εἰς «τοῦ Λεοντίου» κτλ. Παρὰ τῷ Ἀλλατίῳ, πρὸς τῷ τέλει τῆς 675-ης σελίδος, ὑπάρχει λέξις δυσερμήνευτος, ἣν ὁ ἐκδότης εὑρὼν ἐν τῷ παρ' αὐτῷ κώδικι τύποις ἐξέδωκε πανομοιοτύπως, παραθέμενος αὐτῇ τὸ ita erat in manuscripto· οἱ δὲ Ἀθηναῖοι τὴν αὐτὴν λέξιν οὐ νοήσαντες ὡσαύτως ὠβέλισαν καὶ τρεῖς ἀντ' αὐτῆς ἀστερίσκους ἔθεντο, τουτέστι «καὶ τὸ παραδοῦναι δὲ χριστιανὴν γυναῖκα τῷ ἐν τῷ*** ἐκπροσωποῦντι, τῷ ἀμηρᾷ, ὡμολόγει»[1]). Ταύτην οὖν τὴν λέξιν καὶ κῶδιξ ὁ ἡμέτερος, ὡς παρὰ τῷ Ἀλλατίῳ, μονογραμμάτως ἔχει· ἀλλ' ἐγὼ ταύτην ὀρθῶς ἀνέγνων οἶμαι «κάστρῳ». Καὶ κατωτέρω πάλιν ὁ Ἀλλάτιος (ὡς δὲ εἰκὸς καὶ οἱ Ἀθηναῖοι) παρατίθεται τοῦ αὐτοῦ συνοδικοῦ σημειώματος χωρίον τι ὧδε· «πολλάκις παραινέσας τινὶ χορ*** καθωμολόγησαν». Τοῦτο δὲ τὸ «καθωμολόγησαν», ὃ συνδεῖται τῷ δευτέρῳ τοῦ Μιχαὴλ Ὀξείτου σημειώματι, λέξις ἐστὶν ἑτέρου σημειώματος, οὐχὶ δὲ τοῦ δευτέρου, καὶ ὡς νῦν ὁ κῶδιξ ὁ ἡμέτερος διδάσκει, τὰ ῥήματα, ἃ μεταξύ τε τοῦ «καθωμολόγησαν» καὶ τοῦ «εἰς τὴν χώραν ἀποσταλῆναι» περιλαμβάνονται, τὸ πέρας ἀποτελοῦσι τρίτου σημειώματος, ὡς εἶναι πάντα τὰ τοῦ Μιχαὴλ Ὀξείτου συνοδικὰ σημειώματα οὐχὶ τέσσαρα, καθὰ τέως ἐγινώσκομεν, ἀλλὰ πέντε· ὡς δὲ τὸ πέρας ἦν τοῦ δευτέρου σημειώματος, ἥ τε ἀρχὴ τοῦ τέως ἀγνώστου τρίτου, μανθάνομεν ἐξ αὐτοῦ τοῦ κώδικος, ὃν εὗρον, σῴζοντος ἀκέραιον τοῦτό τε κἀκεῖνο. Μετὰ μὲν οὖν τὸ «τινὶ χορ***» προσθετέον ταῖς ἐκδόσεσι ταῦτα· «...παραινέσας τινὶ χόρτον ἔνδοθεν τοῦ ναοῦ ἀποτιθεμένῳ μηκέτι τοῦτο ποιεῖν, οὐχ εὕρισκεν ἐκεῖνον πρὸς τοῦτο καταπειθῆ, τούτου χάριν πῦρ μὲν ἐμβαλεῖν τῷ χόρτῳ ἀποτεθέντι ἐκεῖσε καὶ μετὰ τὴν τούτου παραίνεσιν, ἔργον δὲ τοῦ πυρὸς γενέσθαι καὶ τὸν ναόν, παρὰ τὰς οἰκείας τούτου ἐλπίδας. Ἀλλὰ ταῦτα μὲν ὡμολόγησεν ὁ Λεόντιος, ὁ δὲ μοναχὸς Κλήμης τὰς τῶν διακονισσῶν χειροτονίας καθωμολόγησεν. Ὡς δὲ πρὸς τὰ λοιπὰ ἀντέπιπτον αἰτιάματα ὁμολογεῖν μὴ πειθόμενοι, ὁ τὸ ἔγγραφον προκομίσας καὶ μάρτυρας εἰς τὸ μέσον προῆγε, τὸν θεοσεβῆ πρεσβύτερον καὶ δευτερεύοντα τῆς μητροπόλεως Τυάνων Γεώργιον, Μιχαὴλ τὸν ἱερομνήμονα, Εὐστάθιον ἱερέα, τὸν θεοσεβῆ ἱερέα τῆς δηλωθείσης ἐκκλησίας Σισίνιον, Κωνσταντῖνον τὸν Ῥοδοντ [sic], τὸν καὶ μαθητὴν γεγονότα τοῦ Κλήμεντος καὶ προσελθόντα αὖθις τῷ μητροπολίτῃ καὶ ἀναθεματίσαντα τὰς ἐκείνου διδασκαλίας, τὸν ἀπὸ τῆς ἐνορίας τῆς Μωκισσοῦ Βασίλειον τὸν τοῦ Μονογρόθου, Νικηφόρον τὸν τοῦ Παλατίνου καὶ ἑτέρους τινάς, οὐκ ἐπὶ τοῖς ῥη-

1) Συντάγμ. τ. V, σ. 87.

θεῖσι μόνον αὐτοὺς ἐλέγχοντας αἰτιάμασιν, ὅσα ἀπὸ τοῦ ἐγγράφου ἐκείνου οὗτοι οὐ παρεδέχοντο, ἀλλὰ καὶ ἑτέροις οὐκ ὀλίγοις, χείροσι πολὺ τῶν μνημονευθέντων, καὶ προφανῶς τούτους οὐκ εὐσεβοῦς ὄντας φρονήματος ἀπελέγχουσιν. Ἀλλ' ἡμεῖς καὶ ἀπὸ τῶν συνομολογηθέντων αὐτοῖς οὐκ ἀγεννῆ λαβόντες κατάληψιν, καὶ μηδὲ ὅρκοις ὑποβάλλειν ἀνθρώπους δέον εἶναι νομίσαντες, διὰ τὸν ὑπὲρ εὐσεβείας ζῆλον ἑτοίμους ὅτι μάλα καὶ πρὸς τοῦτο τυγχάνοντας, ἠρκέσθημεν καὶ μόναις ταῖς ὁμολογίαις αὐτῶν· καὶ τὸν ἀναβαπτισμὸν τέως καὶ τὴν τῶν ἁμαρτανόντων ἀποβολήν, ὡς μηδὲ μετὰ θάνατον αὐτοῖς συγχωρεῖν, γεννήματα ἢ παιδεύματα τῆς τῶν Βογομήλων εἶναι θρησκείας διαγινώσκοντες, ἵνα τό γε νῦν ἔχον τὰ πλείονα παραδράμωμεν, βογομηλικῶς αὐτοὺς καὶ φρονεῖν καὶ διδάσκειν ὁμολογουμένως διαγινώσκομεν. Τοίνυν καὶ μελήσει ἡμῖν τὸ ἀπὸ τοῦδε τούτους ἐξασφαλίσασθαι, ὥστε καὶ κατὰ μόνας διάγειν καὶ μήτε δι' ὁμιλίας ἢ ὁπωσδήποτε ἄλλως τῆς τοιαύτης λύμης μεταδιδόναι καὶ ἄλλοις, ἅμα δὲ καὶ ἐπιτηρεῖσθαι αὐτούς, εἰ πρὸς διόρθωσιν ἀπονεύοιεν καὶ τῶν ἐνσπαρέντων αὐτοῖς οὐκ ὀρθῶς δογμάτων ποιοῖντο ἐκρίζωσιν».

Πρὸ δὲ τοῦ «καθωμολόγησαν» προσθετέον ταῖς ἐκδόσεσι τὴν ἐλλείπουσαν αὐταῖς ἀρχὴν τρίτου συνοδικοῦ σημειώματος (ἔτους 1143-ου), ἔχουσαν ὧδε κατὰ τὸν ἡμέτερον κώδικα· «Σημείωμα διαλαμβάνον, ὅτι ἀναθέματι καθυπέβαλον ἐνώπιον τῆς συνόδου ἀπὸ τῆς ἐπισκοπῆς Σωσανδᾶ [sic] καὶ Βαλβίβλω(ν) [sic] ὅ τε μοναχὸς Κλήμης καὶ ὁ μοναχὸς Λεόντιος οἱ καὶ Βογόμηλοι πάντα τὰ τῷ παρὰ τῶν ἐποίκων τῆς ἐνορίας Τυάνων ἀποσταλέντι ἐγγράφῳ ἐμπεριεχόμενα σφαλερὰ καὶ ἀσεβῆ κεφάλαια, τά τε ἀναμφίβολα καὶ τὰ ἐφ' οἷς ἴσως ἀμφιβολίας ἦν ἐπισκίασμα διά τινας παρ' αὐτῶν εἰσαχθείσας προφάσεις πρὸς τὴν τῆς αὐτῶν καταγνώσεως ἀποσόβησιν, ἀλλὰ δὴ καὶ τοὺς μὴ κατὰ τὴν καθολικὴν ἐκκλησίαν φρονοῦντας, ἀλλ' ἔξωθέν τι παρ' ἑαυτῶν εἰσάγοντας: — + Μηνὶ ὀκτωβρίῳ λ', ἡμέρᾳ ζ', ἰνδικτιῶνος ζ', προκαθημένου τοῦ ἁγιωτάτου ἡμῶν δεσπότου καὶ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου κυροῦ Μιχαὴλ ἐν τοῖς Ἀλεξιακοῖς Κατηχουμενείοις, συνδικαζόντων μὲν τῇ μεγάλῃ ἁγιωσύνῃ αὐτοῦ τοῦ πανσεβάστου σεβαστοῦ καὶ μεγάλου δρουγγαρίου κυροῦ Κωνσταντίνου τοῦ Κομνηνοῦ, τοῦ μακαριωτάτου πανσεβάστου σεβαστοῦ ἀρχιεπισκόπου Βουλγαρίας, τοῦ μεγαλοδοξοτάτου πρωτοασηκρῆτις κυροῦ Λέοντος τοῦ ἱκανάτου, συνεδριαζόντων δὲ τοῦ μεγαλεπιφανεστάτου πρωτονοταρίου (?) Βασιλείου τοῦ Μαρούλ(η), ἱερωτάτων ἀρχιερέων, τοῦ Ἐφέσου, τοῦ Ἀγκύρας, τοῦ Κυζίκου, τοῦ Πισιδίας, τοῦ Ἀλανίας, τοῦ Μηθύμνης, τοῦ Γαρέ(λης) [1]), τοῦ Καραβυζύης καὶ τοῦ Γοτθίας, παρισταμένων καὶ δεσποτικῶν ἀρχόντων:—Ὅσα μὲν διέγνωσται μέχρι τοῦ νῦν κατὰ τοῦ μοναχοῦ Λεοντίου καὶ τοῦ μοναχοῦ Κλήμεντος, τῶν ἀπὸ ἐπισκόπων, καὶ ὅσα τούτοις καθωμολόγηται τῶν ἐμπεριεχομένων σφαλερῶν κεφαλαίων τῷ παρὰ τῶν ἐποίκων τῆς ἐνορίας ἀποσταλέντι ἐγγράφῳ, διαλαμβάνει σαφέστερον τὸ πρὸ μικροῦ παρ' ἡμῶν ἐκτεθειμένον σημείωμα προσταγματικόν, συνδικαζόντων ἡμῖν τηνικαῦτα καὶ τῶν ἐν τῷ τοιούτῳ σημειώματι δηλουμένων πανυπερτάτων ἀνδρῶν. Καὶ ὅσον μὲν ἐπὶ τοῖς ὁμολογηθεῖσιν ἐκείνοις, οὐδὲν ἡμῖν τὸ ἀμφί-

1) Οὕτως ἀντὶ Γαρέων ἀναγνωστέον καὶ ἐν τοῖς προοιμίοις τῶν ἑτέρων συνοδικῶν *σημειωμάτων* τοῦ πατριάρχου Μιχαήλ, ἔξω τοῦ πρώτου, ὅπερ ἔχει τὸ Γαρέλης ὀρθῶς.

βολον, ἅτε δὴ κατεγνωσμένοις καὶ παρ' ἡμῶν καὶ παρ' αὐτῶν δὴ τούτων ἀποβληθεῖσι, δι' ἅ τοι καὶ τὰς αἰτίας, ἃς προεβάλοντο, ἀδέκτους ἡμῖν λογισθῆναι πρὸς τὸ αὐτῶν ἀκατάγνωστον· ἐπεὶ δὲ ἔδει ἀποβληθῆναι παρ' αὐτῶν καὶ τὰ ἄλλα ὡς σφαλερά, ἐφ' οἷς αὐτοὶ μὲν οὐ καθωμολόγησαν, ὁ δὲ προκομίσας τὸ ἔγγραφον ἕτοιμος ἦν καὶ διὰ μαρτυρίας ταῦτα πιστώσασθαι, διὰ ταῦτα» κτλ., ὡς ἐν ταῖς ἐκδόσεσιν· ἀλλὰ κατόπιν ἀντί τε τοῦ «τουτουὶ» καὶ τοῦ «ἀμφίβολα» ἀναγνωστέον «τούτοις» καὶ «ἀναμφίβολα».

Πασίδηλον ἐκ τῆς ἀνευρέσεως ἀμφοτέρων τῶν προστεθειμένων ὧδε τεμαχίων ὅτι ὁ παρὰ τῷ Ἀλλατίῳ κῶδιξ ἐλλιπὴς ἦν ἑνὸς ὅλου φύλλου.

Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς.

О Русскомъ Археологическомъ Институтѣ въ Константинополѣ. Съ января мѣсяца Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополѣ вступаетъ во второй годъ своего существованія. «Византійскій Временникъ», уже помѣстившій на своихъ страницахъ извѣстіе объ основаніи института и замѣтку о первыхъ порахъ его дѣятельности, намѣренъ и впредь дѣлиться со своими читателями имѣющимися въ его распоряженіи свѣдѣніями о работахъ и потребностяхъ института, живо интересуясь судьбами новаго научнаго центра, разрабатывающаго, рядомъ съ нашимъ журналомъ, одну и ту же область историческихъ явленій. Интересъ къ изученію Византіи, возросшій въ русскомъ обществѣ, вызвалъ за послѣдніе три года учрежденіе института для разысканій на мѣстѣ, и основаніе журнала, объединяющаго на своихъ страницахъ византійскія занятія въ Россіи.

Если для молодого института окажется возможность знакомить со своими работами въ формѣ изданія ежегодника или даже новаго churiодическаго органа, то мы заранѣе обращаемъ вниманіе на ту цѣнность, которую могутъ пріобрѣсти сообщенія института о мѣстныхъ изданіяхъ, работахъ и находкахъ. Если отдѣлъ археологической хроники будетъ поставленъ на должную высоту, то это одно оправдаетъ появленіе новаго изданія.

Сложное и трудное дѣло организаціи ученаго учрежденія въ центрѣ, гдѣ умственная жизнь, не будучи вообще развитой, замыкается въ небольшихъ кружкахъ, и гдѣ національные интересы, повидимому, препятствуютъ свободному и близкому общенію на чисто научной почвѣ,— отнимало у дѣятелей института, какъ и слѣдовало ожидать, бо́льшую часть времени и силъ за истекшій первый годъ жизни института. Въ дѣлѣ организаціи много помогло участіе и поддержка со стороны представителей Русскаго правительства, среди которыхъ извѣстно нѣсколько просвѣщенныхъ цѣнителей археологіи. Благодаря, отчасти, ихъ поддержкѣ завязаны нужныя отношенія, и въ дѣлѣ организаціи института уже достигнуто существенное. Вниманіе его дирекціи было обращено прежде всего на созданіе при институтѣ спеціальной библіотеки, необходимаго условія для научной работы въ Константинополѣ

лѣе или менѣе значительныя собранія книгъ имѣются лишь при Оттоманскомъ музеѣ и при греческомъ обществѣ «Σύλλογος».

Благодаря участію русскаго образованнаго общества къ этому новому дѣлу, и благодаря хлопотамъ дѣятелей института, были собраны большія и цѣнныя пожертвованія: изданія Академіи Наукъ, Археографической Коммиссіи и другихъ правительственныхъ учрежденій, русскихъ университетовъ и духовныхъ академій, Археологическихъ обществъ, Московскаго и Одесскаго обществъ любителей исторіи и древностей, Общества любителей древней письменности, Палестинскаго общества и многихъ другихъ ученыхъ обществъ, дублеты изъ Румянцевскаго музея, каталоги другихъ публичныхъ библіотекъ, пожертвованія авторовъ и отдѣльныхъ лицъ (наиболѣе цѣнные вклады сдѣланы Россійскимъ посломъ въ Константинополѣ, директоромъ и ученымъ секретаремъ института). На спеціальныя суммы и на получившіяся сбереженія по другимъ статьямъ пріобрѣтены покупкою изданія текстовъ (въ томъ числѣ полный экземпляръ греческой и латинской патрологіи, Acta Sanctorum, всѣ Тейбнеровскія изданія греческихъ текстовъ), равно какъ и капитальные труды по археологіи, филологіи и исторіи, словари, библіографическія и справочныя пособія. Особое вниманіе обращено на подборъ старинныхъ и новыхъ археологическихъ путешествій по Востоку, среди которыхъ есть весьма цѣнныя. Въ настоящее время библіотека заключаетъ въ себѣ болѣе 2800 названій и около 7000 томовъ и, можетъ быть, уже теперь является лучшей научной библіотекой въ Константинополѣ. Она приведена въ полный порядокъ и открыта для пользованія желающихъ, и ею пользуются лица изъ мѣстнаго общества.

Коллекціямъ монетъ и скульптуръ положено начало пожертвованіями (А. И. Нелидова, уполномоченнаго отъ Палестинскаго общества въ Константинополѣ Г. П. Беглери и другихъ лицъ); эти коллекціи были умножены покупкою; но институту извѣстна ограниченность средствъ, которыми онъ располагаетъ, и невозможность придать своему собранію цѣльность и самостоятельное значеніе рядомъ съ сокровищами Оттоманскаго музея, которыя къ тому же весьма любезно предоставлены его дирекціей для изученія членовъ института. Систематическихъ раскопокъ въ первомъ году существованія института не производилось. Это дѣло будущаго, и нужно надѣяться, весьма близкаго. Чтобы раскопки могли дать результаты, необходимо затратить единовременно большую сумму, которой институтъ пока не располагаетъ; сверхъ того, для раскопокъ существуютъ весьма осязательныя стѣсненія, не устраненныя до сихъ поръ.

Вмѣсто того были совершены двѣ значительныя археологическія экскурсіи. Въ маѣ мѣсяцѣ директоръ института ѣздилъ въ Трапезундъ, съ цѣлью изученія памятниковъ церковной архитектуры, сохранившихся въ городѣ и окрестностяхъ въ большомъ числѣ, и для занятій въ библіотекахъ Сумелы и другихъ монастырей Трапезунда, заключающихъ

въ себѣ большія и неизслѣдованныя рукописныя собранія. Просмотрѣвъ болѣе 200 кодексовъ, Ѳ. И. Успенскій вывезъ много интереснаго матеріала. Въ октябрѣ мѣсяцѣ совершена была поѣздка на Аѳонъ, гдѣ участвовавшіе въ ней пробыли пять недѣль, изучая рукописи и памятники искусства. Наиболѣе интересными для экспедиціи оказались монастыри Ксиропотамъ, Діонисіатъ, Лавра, Кутлумушъ, Ватопедъ и соборъ въ Кареѣ. Лѣтомъ ученый секретарь института ѣздилъ въ Аѳины и Дельфы. Были предпринимаемы небольшія экскурсіи въ окрестностяхъ Константинополя.

Нѣсколько разъ институтъ устраивалъ въ своихъ стѣнахъ публичныя собранія и знакомилъ Константинопольское (пока преимущественно русское) общество съ своими задачами. По возвращеніи съ Аѳона, въ ноябрѣ и началѣ декабря мѣсяца состоялось два собранія. На первомъ изъ нихъ были сдѣланы сообщенія Ѳ. И. Успенскимъ «О новыхъ данныхъ къ исторіи Трапезунда, находимыхъ въ житіи Евгенія», и Ѳ. Ф. Вульфомъ «О памятникахъ искусства на Аѳонѣ»; во второмъ засѣданіи— П. Д. Погодинымъ и Г. П. Беглеромъ.

Тема на соисканіе преміи. Совѣтъ Спеціальныхъ классовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ въ Москвѣ объявляетъ нижеслѣдующую тему на соисканіе Высочайше утвержденной преміи имени покойнаго стат. совѣт. Д. Г. Канакова: «*Армяне въ Византіи до эпохи Крестовыхъ походовъ*» (преимущественно на основаніи византійскихъ источниковъ).

Сочиненіе можетъ быть представлено на одномъ изъ языковъ — армянскомъ, русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ. Срокъ представленія сочиненій не позднѣе 1-го января 1898 года. За лучшее сочиненіе на указанную тему будетъ присуждена Совѣтомъ премія въ размѣрѣ *семьсотъ* рублей.

† Эдуардъ фонъ-Муральтъ.

Э. фонъ-Муральтъ происходилъ изъ извѣстнаго рода города Цюриха, переселившагося туда изъ сѣверной Италіи во время религіозныхъ гоненій въ XVI в. Онъ родился въ 1808 г. въ Бишофсцеллѣ, близъ Боденскаго озера въ Швейцаріи. Окончивъ богословскій факультетъ и получивъ степень доктора философіи, онъ въ 1833 г. переселился въ С.-Петербургъ, гдѣ сдѣлался адъюнктомъ дяди своего, бывшаго пасторомъ при нѣмецкой реформатской церкви. Въ 1849 г. онъ получилъ степень доктора богословія. Сдѣлавшись еще ранѣе хранителемъ Имп. Эрмитажа, Муральтъ въ 1850 г. окончательно оставилъ службу при церкви и поступилъ на должность библіотекаря въ Императорскую Публичную Библіотеку. Въ 1864 г. Муральтъ оставилъ Россію и сдѣлался профессоромъ богословія въ Лозаннѣ въ Швейцаріи. Онъ умеръ въ Лозаннѣ въ январѣ мѣсяцѣ 1895 г.

Изъ трудовъ Муральта, касающихся классическихъ временъ или среднихъ вѣковъ, назовемъ:

